Дуглас Рид
Спор о Сионе

«The Controversy of Zion»: Dolphin Press (Pty) Ltd.; Durban; 1978
ISBN O 939482 03 7

Аннотация

Известный философ и публицист проводит в этой книге глубокий и объективный анализ, начиная от библейских времени заканчивая новейшей эпохой, приходя подчас к неожиданным, но впечатляющим умозаключениям в свете главной религиозно-политической проблемы наших дней.

Спор о Сионе
2500 лет еврейского вопроса

«For it is the day of the Lord's vengeance and the year of recompences for the controversy of Zion»
Isaiah 34:8.

«An event has happened, upon which it is difficult to speak and impossible to be silent»
Edmund Burke, 1789.

Предисловие к русскому изданию

Supreme Court Building in Israel with «Seeing Eye Pyramid» on Top

Об авторе: *Имя Дугласа Рида был широко известно во всей Европе непосредственно перед Второй мировой войной и в первые годы после неё. Его книги расходились во многих тысячах экземпляров, и во всех странах говоривших по-английски, он был широко известен целой армии читателей и почитателей. В качестве бывшего корреспондента лондонского «Таймса» в странах центральной Европы перед войной, он приобрёл всеобщую известность своими книгами «Ярмарка безумия», «Великий позор», «Чтобы нам не пришлось пожалеть…», «Где-то к югу от Суэцкого канала», «Далеко и широко» и многими другими. Каждая из которых свидетельствовала о громадном поле деятельности автора, как одного из ведущих корреспондентов мировой печати (заглавия английских оригиналов книг Д. Рида см. в библиографии в конце книги).*

Неожиданно, как сам Дуглас Рид, так и его книги стали жертвой полного забвения, и этому способствовало далеко не одно только время; наоборот, можно только сказать, что судьба, постигшая его в годы наибольшей славы, лишь свидетельствует о безошибочности его анализа современной истории.

Сразу же после 1951 г., в котором появилась его книга «Далеко и широко», с блестящим анализом истории США в контексте всего происходившего в Европе в области мировой политики, труды Дугласа Рида исчезли из книготорговли, двери издательств перед ним закрылись, а уже опубликованные им книги стали изыматься из библиотек или же оказывались «потерянными», не получив замены.

Карьера писателя пришла, таким образом, к концу, однако это же позволило Дугласу Раду взяться, наконец, за разрешение большой, поставленной им себе задачи, в свете которой вся его предыдущая деятельность представлялась лишь подготовкой и учёбой, равных которым не способен предоставить ни один университет и воспользоваться которыми могут лишь немногие, особо удачливые и одарённые люди: долгие годы в качестве иностранного корреспондента, путешествия в Европе и Америке, связи и беседы с ведущими политиками нашего времени, а также обогащение познаний чтением и наблюдением всего наилучшего в европейской культуре.

То, что другим показалось бы неудачей и поражением, послужило Дугласу Риду стимулом, чтобы сконцентрировать все его силы для достижения важнейшей в его глазах задачи: продумать, проанализировать и наглядно представить последние более чем 2000 лет истории человечества так, чтобы сделать понятным многое в современной политической жизни, что для широких масс покрыто мраком и скрывается от них жестокой системой невидимой цензуры.

О книге; *Начиная с 1931 г., Дуглас Рид провёл более трёх лет в отдалении от молодой жены и детей, работая в Нью-йоркской центральной библиотеке или сидя за пишущей машинкой в спартанских условиях в Нью-Йорке и Монреале. За то время неутомимым тружеником были написаны все 300 000 слов его книги, эпилог же смог быть закончен лишь в 1956 г.*

Необычные условия написания этой книги, а также история того, как её готовый манускрипт лежал спрятанным в течение 20 лет, прежде чем появиться в печати, представляют собой часть истории нашего века, бросая свет на ту непрестанную и неутомимую борьбу в области человеческого духа, о которой большинство современников не имеет представления. Потребовались необычная сила духа и упорное стремление, чтобы закончить книгу, требующую столь обширных исследований и тщательнейшей проверки всех источников, к тому же книгу, имевшую очень мало шансов на то, чтобы выть изданной при жизни автора. Сохранившаяся корреспонденция показывает, что её

заглавие обсуждалось одно время с одним из издателей, однако сам манускрипт её не был никому передан для печати и хранился в течение 23 лет на одном из шкафов Дугласа Рида в Дурбане, в Южной Африке. Испытывая глубокое удовлетворение в сознании того, что ему удалось продвинуть создание своего труда до пределов возможного в наше время, Дуглас Рид стоически примирился со своей вынужденной отставкой, как журналиста и писателя, сжёг корабли своего прошлого и с лёгким сердцем приспособился к совершенно иному полю деятельности, в котором большинство его новых друзей и знакомых, столь ценивших его живой ум и чувство юмора, долгие годы даже не подозревали, что имеют дело с писателем мировой известности.

В течение всего этого времени его не покидало чувство уверенности, что — будь то при его жизни или лишь после смерти — настанет время, когда обстоятельства позволят и смогут быть найдены средства, чтобы довести до сведения читающей публики новую версию человеческой истории, осмысленную заново в свете христианского самосознания.

О содержании: *О самой книге много говорить не приходится, «Спор о Сионе» достаточно говорит сам за себя. Этот труд представляет собой коренной пересмотр современной истории в свете главной религиозно-политической проблемы наших дней,* о *чём свидетельствует каждая его страница, полная понимания и сочувствия народам, но обрушивающая жестокую критику на опасные амбиции их политических руководителей.*

В заключительной главе, озаглавленной «Апогей и кризис», Дуглас Рид пишет, что если бы он, приступая к работе над своей книгой в 1949 г., мог заранее предвидеть всё, что произойдёт в дальнейшем, то он не смог бы избрать более подходящего времени, чем 1956 год, для анализа долгой истории талмудического сионизма и раскрытия его влияния на всё, что происходит в ните время в области мировой политики.

Этот 1956 год был годом новых президентских выборов в Америке, в котором сионисты вновь показали свои возможности влиять решающим образом но политику Запада; в этом году западные нации были беспомощными наблюдателями того, как советская военная машина подавила народное восстание в Венгрии, восстановив в этой стране еврейско-коммунистический режим; и в том же году Англия и Франция оказались под давлением сионистов втянутыми в катастрофическое поражение при попытке захватить Суэцкий канал — авантюру, которая, как всегда, пошла на пользу одному только Израилю.

Всё, что произошло в мировой политике с тех пор, как Рид написал в 1956 г. эти заключительные фразы, продолжает подтверждать правильность его анализа более чем двухтысячелетнего периода потрясений человеческой истории.

Ближний Восток продолжает оставаться ареной бурной политической активности, максимальной фальсификации всей политической информации и подавления всех возможностей сколько-нибудь объективного обсуждения происходящих событий. Лишь немногие, кто имеет представление о роли талмудического сионизма и коммунизма, могли распознать подоплёку сменявших друг друга важных политических событий, как-то «шестидневной войны» 1967 г. *и массивного израильского вторжения в Ливане в 1982 году.*

Кто прочтёт «Спор о Сионе», не удивится явным доказательствам сговора между СССР и Израилем, предшествовавшего нападению Израиля на Египет в 1967 г.; советское руководство «предупредило» Нассера о якобы готовящемся нападении Израиля на его сирийского союзника, что привело к концентрации вооружённых сил Египта на его северной границе, где они стали лёгкой добычей во много раз превосходивших их сил Израиля.

Ничто не изменилось, по-видимому, и к 1982 году, *в котором Израиль начал массивное и необычное по жестокости наступление на южный Ливан, якобы с целью ликвидации палестинских партизан, но в действительности продолжая преследовать политику территориальной экспансии, которую израильское руководство никогда не давало себе труда скрывать.*

Похоже, однако, что про-сионистская мифология западных политиков и печати, всегда изображавших Израиль слабой страной, полной самых добрых намерений и нуждающейся в помощи и защите, начинает терять доверие. Никого не удивило, когда Британский институт изучения стратегии сообщил, что Израиль в настоящее время — четвёртая по мощи вооружённая сила в мире, после США, СССР и коммунистического Китая, впереди Англии и Франции.

Ещё более характерной была реакция еврейской общественности, как в Израиле, так и за его пределами, на то, что выглядело, как сионистская победа в Ливане. В отличие от привычного молчания западных политиков и печати даже после того, как были зверски перебиты полторы тысячи мужчин, женщин и детей в двух беженских лагерях в Бейруте, 350 000 жителей Тель-Авива устроили

демонстраций против своего правительства, а еврейская печать сообщала, что ливанские события привели к серьёзным волнениям в израильской армии.

Дуглас Рид явно предвидел и это, написав в одной из последних фраз своей книги: «Мне кажется, что евреи во всём мире также начинают понимать вред революционного сионизма — двойника другого разрушительного движения нашего времени — и не исключено, что к концу нашего века и они придут к решению о необходимости следовать путями, общими со всем человечеством».

Айвор Бенсон *(Ivor Benson)*
Южная Африка

Предисловие издателей и переводчиков

«Ибо день мщения Господа, год воздаяний за спор о Сионе»
Исайя 34, 8

«Свершилось нечто, о чем трудно говорить и невозможно молчать»
Эдмунд Берк, 1789

Коллектив издателей и переводчиков книги Дугласа Рида «Спор о Сионе» счёл необходимым дополнить этот выдающийся труд, не имеющий себе равных в современной литературе по истории революций и еврейского вопроса, примечаниями, показывающими русским читателям, что анализ нашей эпохи, столь блестяще произведённый автором, не только не потерял своей актуальности за 30 лет, истёкшие со времени его написания, но наоборот находит своё полное подтверждение в событиях имевших место за последнее время.

Помимо этого, целый ряд вопросов по указанным темам получил дополнительное освещение в многочисленных произведения документального, мемуарного и историко-аналитического характера, появившихся на всех языках за те же последние три десятилетия.

Чтобы не создавать путаницы между примечаниями автора и таковыми переводчиков и издателей, все авторские примечания английского оригинала книги были при переводе внесены в текст книги, в то время как примечания переводчиков вынесены в конец каждой главы. За эти примечания несёт ответственность, разумеется, не покойный автор настоящего труда, но его переводчики.

Библиография книги существенно расширена за счёт литературы, появившейся за последние десятилетия, и дополнена для русских читателей указаниями на многочисленные труды не только на английском, но и на русском, французском, немецком и испанском языках.

Глава 1
Истоки и начала

Начало этой истории восходит к 458 году до Р.Х., о чём более подробно будет рассказано в главе 6-ой.

В этом году маленькое палестинское племя иудеев (незадолго до того отвергнутое израильтянами) провозгласило расовую доктрину, влияние которой на последующие судьбы человечества оказалось губительнее взрывчатых средств и эпидемий. Теория господствующей расы была объявлена иудейским «Законом». Иудеи были в то время незначительным племенем среди народов, подвластных персидскому царю, а то, что сегодня известно под именем «Запада», не существовало ещё даже в воображении. После двух тысячелетий христианской эры, западной культуре, выросшей из неё, грозят сейчас разложение и гибель. Главной причиной этого автор считает упомянутую доктрину, рождённую в Иудее 2500 лет тому назад. Весь исторический процесс, начиная от этой первопричины и её действия, вплоть до настоящего времени, может быть ясно прослежен, поскольку он происходил в период, доступный научной проверке.

Секта фанатиков создала учение, сумевшее подчинить себе умы целого народа на протяжении двадцати пяти столетий; отсюда его разрушительные последствия. Никто не в состоянии объяснить, почему именно в то время или как вообще появилась эта доктрина. Это — одна из тайн нашего мира. Можно пытаться как-то постигнуть её, допустив, что тезис «каждое действие вызывает равное ему противодействие» столь же действителен и в сфере религиозного мышления, и что в то время, когда человечество искало единого, общего для всех, любящего Бога, родилась и эта жестокая и

противоречивая догма о племенном мстительном божестве.

Иудаизм был отсталым явлением даже в 458 году до Р.Х., ибо уже тогда люди начали отворачиваться от идолов и племенных богов, а поисках единого общего Бога, Бога справедливости и любви. Конфуций и Будда в своё время указали путь в этом направлении, и идея единого Бога была знакома также и соседним с Иудеей народам. В наше время часто утверждается, что христиане, магометане и все прочие верующие должны быть благодарны иудаизму, независимо от его ошибок, на том основании, что он якобы был *первой универсальной религией,* а все прочие универсальные религии как бы произошли от него. Этому учат каждого еврейского ребёнка. [1] На самом же деле, идея единого Бога была известна задолго до появления на земле иудейского племени, а иудаизм явился в действительности не творцом, а отрицателем этой идеи. В египетской Книге Мёртвых, списки которой были найдены в гробницах фараонов, живших 2600 лет до Р.Х., т. е. за две тысячи лет до иудейского «Закона», мы находим следующие строки: «Ты един еси, Господи, от начала времён. Наследник бессмертия. Несотворенный, Саморожденный; Ты создал Землю и сотворил людей». Писания же левитов в Иудее, наоборот, спрашивают: «Кто равен Тебе, *среди* богов?» (Исход).

Секта, подчинившая себе иудейское племя, внешне приняла концепцию единого и всеобщего Бога, внеся её в Писание только для того, чтобы уничтожить её, провозгласив новую веру, основанную на её отрицании. Хотя это делается осторожно, но это отрицание полно презрения. Для учения о господствующей расе такое отрицание было необходимо и неизбежно: раз существует господствующая раса, то она сама — Бог.

Эта вера, провозглашённая в Иудее в 458 году до Р.Х. повседневным законом, была и остаётся по наши дни совершенно исключительной и единичной во всём мире. По этому учению, племенной бог Иегова сделал израильтян (фактически же одних только иудеев) своим «избранным народом», обещав, что если они будут выполнять его предписания и заповеди, они станут выше всех других народов и получат во владение «землю обетованную». Из этой теории, по предвидению или по необходимости, выросли затем теории «пленения» и «разрушения». Иегова якобы требовал, чтобы ему поклонялись в определённом месте, в определённой стране; следовательно, все его почитатели должны были жить, только там.

Поскольку, однако, невозможно было, чтобы все они жили вместе, то во всех тех случаях, когда они проживали в других местах — добровольно или по принуждению — иудеи автоматически объявлялись «пленными» чужого народа с обязательством его «разрушить», «вырвать с корнем» или «уничтожить». Был ли этот народ их завоевателем или же дружественным хозяином, не имело значения: его судьба была предопределена, как уничтожение или рабство.

Однако, прежде чем быть уничтоженными или обращёнными в рабство, чужие народы объявлялись «угнетателями» иудеев, хотя и не по своей воле, но как орудие наказания для иудеев за недостаточное почитание Иеговы. Только так он проявлял себя как единый Бог всех народов: хотя он признавал один только «избранный народ», но он пользовался чужими языческими народами для наказания иудеев за нарушение Закона до тех пор, пока, согласно его предопределению, эти язычники не должны были быть уничтожены. Такова была вера, навязанная иудеям, хотя, согласно Писанию, «договор» был заключён между Иеговой и «детьми Израиля», эти же последние отмежевались от иудеев уже задолго до 458 года до Р.Х., слившись с другими народами и приняв веру в единого, всеобщего, любящего Бога. Насколько известно, у израильтян никогда не существовало расовой доктрины, пережившей впоследствии столетия, как еврейская религия или Иудаизм. Она была творением иудейских левитов.

Все события ранее 458 года до Р.Х. — в значительной степени сказания, легенды и мифы, тогда как главные события более поздних времён хорошо известны. До 458 года существовали, главным образом, устные предания, документация же началась примерно за два столетия до того, в период, когда иудеи уже были отвергнуты израильтянами. Именно в это время устные предания превратились в Священное Писание, но истина в нём подверглась извращению. Дошедшие до нас слова ранних израильтян ясно говорят об их стремлении к единому Богу и к дружбе с соседними народами. Всё это было изменено и превращено в свою противоположность кочующими жрецами, обособившими иудеев и утвердившими культ Иеговы, как бога расизма, ненависти и мести.

Согласно древним преданиям, Моисей был вождём своего племени. Он услышал голос единого

---

[1] В последние десятилетия во многих государственных, и даже в некоторых церковных школах тому же учат и христианских детей.

Бога из горящего тернового куста и, сойдя с горы, принёс своему народу божественные нравственные заповеди. В те времена религиозные идеи рождались в мыслях людей, и наряды обогащали друг друга своими преданиями и новыми мыслями. Мы уже говорили о том, откуда пришла идея единого Бога, хотя вполне возможно, что и ранние египтяне переняли её от других народов. Как облик Моисея, так и его Закон были заимствованы из уже наличного материала. История о Моисее, найденном в тростниках, — явный пересказ значительно более древней легенды о вавилонском царе Саргоне Старшем, жившем за тысячу или две тысячи лет до Моисея. Моисеевы же заповеди очень похожи на древние своды законов египтян, вавилонян и ассириян. Древние израильтяне жили идеями своего времени и явно были близки к принятию универсальной религии, когда их поглотила история.

К этому времени левиты обратили этот процесс вспять, подобно показу фильма в обратном направлении, с конца к началу. Господствуя в Иудее и создавая свой закон, левиты тоже использовали предания других народов, но они придали им подходящую для их целей форму. Начав с единого справедливого Бога для всех людей, голос которого, как гласило устное предание, был услышан из горящего куста, они превратили Его, в процессе создания пяти книг писанного закона, в расово-племенного, торгующегося Иегову, сулившего земли, богатства, кровь и власть над другими людьми в обмен на жертвенный ритуал, который должен был совершаться в якобы указанном им месте, в определённой стране. Так левиты породили постоянную противоположность всем универсальным религиям, отождествив иудейство с доктриной самоотделения, расовой ненависти, кровопролития под религиозным флагом, и мести.

Изучая Ветхий Завет, можно проследить, когда именно произошло это извращение его содержания. Вначале Моисей является, как носитель моральных заповедей и добрососедских отношений, но кончает как массовый убийца и расист. Нравственные заповеди превращаются в свою противоположность между Книгой Исхода и Книгой Чисел. Меняется и характер самого Бога, который сначала завещает «не убий» и «не пожелай жены ближнего твоего», ни его добра, а заканчивает приказом истреблять соседний народ, оставляя в живых только дев, не познавших мужа.

Так кочующие жрецы, правившие столь давно иудейским племенем, смогли отвратить маленький пленённый народ от зарождавшейся веры в единого Бога, восстановив культ кровожадного племенного божества и расовой исключительности, чтобы послать принявших эту веру в грядущие столетия, возложив на них миссию разрушения.

Эта вера соответственно оформила и само Божественное Откровение, поскольку все исторические события должны были быть согласованы с ней и тем самым её подтверждать. Новая версия истории восходила к сотворению мира, однако левиты воображали, что им известно и будущее. Так создалась законченная теория и история вселенной, концом которой должен был стать триумф Иерусалима и его господство над другими народами на обломках их царств.

Тема массового пленения, заканчивающаяся отмщением Иеговы («все перворождённые Египта»), приноравливается, согласно новой версии человеческой истории, к египетской эпохе, приводя к массовому исходу и завоеванию «земли обетованной». Эта выдумка нужна была, чтобы превратить иудеев в постоянный элемент разрушения других народов: все историки иудаизма сходятся на том, что ничего похожего на историю в «Исходе» никогда не было.

Спорно даже и само существование Моисея. Учёный раввин Эмиль Гирш писал в своё время: «Вам говорят, что Моисея никогда не было. Согласен. И если мне говорят, что египетские события — миф, то я тоже не стану спорить: это действительно мифология. Мне говорят далее, что книга Исайи в её нынешнем виде составлена из писаний трёх, а может быть и четырёх различных периодов времени; я знал это задолго до того, как мне это сказали; я был убеждён в этом ещё до того, как *они* это узнали».

Жил Моисей или нет, но возглавить массовый исход из Египта в Ханаан (Палестина) он не мог. По свидетельству другого учёного раввина, Эльмера Бергера, в те времена, когда некто по имени Моисей мог вывести маленькую группу соплеменников из египетского рабства, никаких определённых израильских племён ещё не существовало. Так называемые «Хабиру» («евреи») давно уже проживали в Ханаане, придя сюда много ранее из далёкого Вавилона. Их имя «Хабиру» означает «кочевники», не обозначая ни расы, ни племени, и они наводнили просторы Ханаана задолго до того, как Моисей мог появиться там с небольшой группой переселенцев. Иерусалимский губернатор доносил египетскому фараону: «Никакой земли у царя здесь больше нет, Хабиру всю её опустошили».

Наиболее рьяный из сионистских историков, Др. Иосиф Кастейн, также говорит об этом вполне определённо, и в дальнейшем мы будем часто ссылаться на его труд, поскольку он также охватывает весь период истории Сиона, кроме последних десятилетий (опубликован в 1933 году). Он пишет: «Бесчисленные семитские и еврейские племена *уже давно населяли обетованную землю,* которая, как

говорил Моисей своим последователям, *принадлежала им по древнему праву наследства,* что из того, что *фактические условия в Ханаане давно стёрли эти права и сделали их иллюзорными».*

Ярый сионист Кастейн считает, что Закон, изложенный в Ветхом Завете, должен быть выполнен до последней буквы. Однако, он вовсе не утверждает, будто он верит в правильность исторической версии, на которой этот Закон основан. Этим он отличается от тех христианских апологетов Писания, для которых «каждое слово — истина». По его мнению, Ветхий Завет фактически был политической программой, созданной по требованиям времени и часто менявшейся при изменении этих требований. Следовательно, с исторической точки зрения, египетское пленение, убиение «всех перворождённых Египта», исход из Египта и завоевание «земли обетованной» — всего лишь мифы. История оказывается на поверку выдумкой, но задача отмщения язычникам была прочно внедрена в сознание и продолжает действовать по наши дни.

Не подлежит сомнению, что все эти мифы были выдуманы с целью отвратить иудеев от заветов их прежнего Бога, который, говоря из горящего куста, учил их простым законам морали и мирной жизни с соседями. Введение в Писание выдуманного, аллегорического эпизода (египетское пленение и Исход), выданного за исторический факт, превратило прежние заветы в их противоположность, утвердив закон исключительности, ненависти и мщения. С наследством этой религии и якобы подтверждающих её данных, маленькая группа людей была послана завоёвывать будущее.

Эпоху Моисея отделяют от 458 года до Р.Х. (года провозглашения нового «Закона») многие столетия, за которые также много изменилось. Кочевники Хабиру вытеснили коренное население Ханаана путём вторжения, поселения и смешанных браков, выделив из своей среды племя Бен Израиль («Дети Израиля»), которое в свою очередь распалось на ряд новых племён, слабо связанных одно с другим и часто воевавших между собой.

Главное из этих племён, израильтяне, заселило северную часть Ханаана. На юге образовалось племя иудеев, изолированное и окружённое коренным населением. Здесь в ходе столетий, выросла расовая доктрина и появились слова «иудаизм» и «еврей».

Странные черты отличали иудейское племя с первого дня его появления. Оно всегда было изолировано и никогда не уживалось со своими соседями. Его происхождение окутано тайной, а в его зловещем имени слышится некое предзнаменование, как будто с самого начала это племя было скорее отделено, нежели «избрано». Писания левитов причисляют его к израильским племенам, однако, поскольку эти последние смешались позже с другими народами, то это, казалось бы, оставляет иудеев последними претендентами на дары, обещанные Иеговой «избранному народу». Ложность, однако, и этой претензии обличает беспристрастное свидетельство «Еврейской Энциклопедии» об иудеях: «По всей видимости это было *не-израильское племя».*

Таков был этот странный народ, пронёсший в будущее выдуманную левитами доктрину об «избранном племени», которому Иегова якобы обещал наследование «земли обетованной» и власть над другими народами при условии точного выполнения его «предписаний и заповедей». В окончательной редакции этих предписаний левиты включили в их число повторные требования «начисто уничтожить», «разрушить», «вырвать с корнем». Так иудейскому племени было предопределено родить нацию, единственной миссией которой должно было стать разрушение.

Глава 2
Конец Израиля

Около 500 лет до описанных событий 458 г. до Р.Х., то есть почти 3000 лет тому назад, настал конец краткой и непрочной связи между Иудеей и Израилем (детьми Израиля). Израиль отвергнул иудейскую доктрину избранного народа и пошёл своим собственным путём.(Название «Израиль», данное сионистскому государству, основанному в Палестине в 1948 году, — ложная претензия на чужое имя).

История неудачного объединения этих двух племён относится к предыдущим столетиям. За мифологической и легендарной эрой Моисея последовал Ханаанский период, когда «Израиль» был сильной и сплочённой страной с ясными границами: северной конфедерацией десяти племён. Иудея, к которой присоединилось и малочисленное племя Вениамина, была лишь небольшим поселением на юге. Эта Иудея, породившая нынешний сионизм, всегда пользовалась дурной славой. Иуда продал Израильтянам своего брата Иосифа, любимого сына Иакова, за двадцать сребреников (как много позже другой Иуда, единственный иудей среди учеников, продал Иисуса Христа за тридцать). Путём кровосмешения он положил потом начало иудейскому племени (Бытие, 37-38). Через много веков после

описанных событий левитские книжники стали господами Иудеи и, записывая устные предания, они не стеснялись искажать их в нужном им смысле. Встаёт вопрос, для чего они так бережно сохранили, а может быть даже и вставили эпизод зачатия племени путём кровосмешения и почему они так подробно описывают вероломный характер народа, по их словам избранного Богом? Это, как и многое другое в писаниях левитов, окутано тайной, ключи которой хранит правящая секта. Во всяком случае, современные учёные согласны с древними писаниями в том, что «Израиль» и «Иудея» были совершенно отдельными племенными образованиями. В Ветхом Завете Израиль часто называют «домом Иосифа», а Иудею — «домом Иуды», подчёркивая этим их взаимную обособленность. «Еврейская Энциклопедия» пишет: «Иосиф и Иуда принадлежат *к разным потомственным линиям»,* добавляя, как уже было упомянуто, что иудеи «по всей вероятности не были израильским племенем». В Британской Энциклопедии стоит, что иудаизм образовался много позже того, как израильтяне слились с другими народностями, и что о взаимоотношении этих двух народов можно только сказать: «Израильтяне не были евреями». История Израиля была весьма краткой, после чего он сошёл с мировой сцены. Иудея просуществовала несколько дольше, породив иудаизм, из которого впоследствии возник сионизм. При этом, маленькое южное племя иудеев стало отожествляться с безземельным племенем потомственных жрецов-левитов, утверждавших, будто священство было поручено им и их потомкам самим Иеговой на горе Синай. Это они были отцами иудаизма: кочуя среди племён они проповедовали войну во имя Иеговы. Стремясь к власти, они видели её в форме теократии, где Бог — царь, а религия — закон.

В период Книги Судей левиты почти достигли своей цели, и поскольку судьями были они сами. Больше всего им и изолированному иудейскому племени нужно было слияние с Израилем. Однако израильтяне не желали быть под началом сектантского священства, соглашаясь на объединение только под властью царя; все народы вокруг них управлялись царями.

Левиты ухватились за эту возможность, так как было ясно, что царь выйдет из среды правящего класса, правящим же классом стали они сами. Монархию основал их старший жрец Самуил, посадив марионеточного царя, за спиной которого властвовало священство. Царю разрешалось править только пожизненно. Чтобы он не мог основать династии. В цари Самуил выбрал Саула, молодого крестьянина из племени Вениамина, отличившегося в военных походах, от которого ожидали послушания в будущем. То, что Саул был избран из племени Вениамина, показывает, что израильтяне не желали иметь царя-иудея. Объединённое царство Израиль просуществовало только во время правления Саула, его первого и последнего царя.

В судьбе Саула (по крайней мере, по рассказу Священного Писания) уже проглядывает истинный характер будущего иудаизма. Саулу было приказано начать священную войну с амаликитянами: «Теперь иди и порази Амалика и истреби всё, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла». Так и были истреблены все, «от мужа до жены, от отрока до грудного младенца», но «Саул и народ пощадили царя Агага и лучших из овец и волов и откормленных ягнят…» (Первая Книга Царств, 15, 9). За это Саул был отлучён Самуилом, тайно избравшим ему в преемники Давида *из Иудеи.* Саул пытался вернуть себе благосклонность левитов, усердствуя в «полном истреблении», затем пробовал убить Давида и этим спасти свой трон, но тоже безуспешно. В конце концов он покончил с собой. Вполне возможно, что ничего этого в действительности не было, и что это только рассказ из книги Самуила, написанной левитами сотни лет спустя. Неважно, правда это или аллегория, важны выводы из этой истории: Иегова требует «полного истребления» иноплеменных и ожидает, что его приказ будет выполнен буквально; жалость и снисхождение — тяжкие преступления, и прощены быть не могут. Этот урок повторяется много раз в будущем, причём не важно будут ли описанные события фактами или вымыслом.

Со смертью Саула 3000 лет тому назад перестало существовать и объединённое государство; Израиль не хотел иметь царём иудея Давида. Как пишет Кастейн, «остальной Израиль игнорировал его» и провозгласил царём сына Саула, Иевосфея, в результате чего произошло окончательное разделение на Израиль и Иудею. Согласно Книге Самуила, Иевосфей был убит и его голова послана Давиду, который восстановил номинальное единство страны и сделал её столицей Иерусалим. В действительности, однако, Давиду не удалось объединить ни царство, ни племена: он лишь основал династию, продержавшуюся ещё одно правление.

Правоверный иудаизм учит по сей день, что мессианское завершение истории произойдёт в правление земного царя «из дома Давида», расовая же исключительность — первое правило этого учения (и закон в сионистском государстве). Происхождение Давидовой династии приобретает, поэтому, для нас немаловажное значение. В эпоху сожительства израильтян и иудеев никакой расовой

дискриминации люди не знали. Ветхий Завет описывает, как иудей Давид, увидев с крыши своего дома купавшуюся «очень красивую женщину», велел привести её к себе, и она родила от него. Её мужа, хеттеянина, Давид во время войны приказал убить на фронте, после чего он взял эту женщину, по имени Вирсавия, в число своих многих жён. Её второй сын от Давида, Соломон, наследовал трон своего отца. Таково было, по книжникам и левитам, происхождение Соломона, последнего царя развалившегося объединения двух стран. Соломон начал своё правление с трёх убийств, в том числе с убийства родного брата. В дальнейшем он безуспешно пытался спасти свою династию по методу Габсбургов, бракосочетаниями, но в значительно большем масштабе. Он женился на княжеских дочерях Египта и многих соседних племён, и держал сотни других «младших» жён. Расовая сегрегация была в его время явно неизвестна. Далее, как известно, Соломон построил храм и учредил при нём потомственное первосвященство.

Краткая совместная история Израиля и Иудеи пришла к концу в 937 г. до Р.Х. После смерти Соломона эта непрочная ассоциация распалась окончательно, и на севере Израиль вернулся к независимой жизни. Кастейн так описывает этот период:

> «У этих двух стран было, в хорошем и в плохом, не больше общего, чем у любых двух других стран с общей границей. Время от времени Они воевали друг с другом, потом мирились и заключали договоры, но всегда оставались совершенно обособленными. *Израильтяне утратили веру в какое-либо особое предназначение, и при царе Иеровоаме Израиль как политически, так и религиозно, полностью порвал с Иудеей».*

Переходя к описанию иудеев, Кастейн пишет:

> «Они решили, что им предопределено стать *особой расой…* что их образ жизни должен *быть совершенно иным, чем у окружающих их народов.* Требуемое различие не допускало даже мысли о слиянии их с соседями. Они хотели быть *обособленными, абсолютно отличными от всех».*

Причины разрыва ясны, понятно и то, почему дальнейшая история этих двух народов пошла разными путями: Израиль верил в свою общую с остальным человечеством судьбу и отверг Иудаизм по тем же самым причинам, по которым его неоднократно отвергали, в последующие три тысячелетия, и другие народы. «Иудейство требовало обособления, абсолютного отличия» — пишет Кастейн. Однако говоря «иудеи», он явно имеет в виду левитов: как могли простые люди из иудейского племени требовать тогда «обособления, абсолютного отличия», когда у самого Соломона было более тысячи жён самого различного происхождения.

Израиль отверг не иудеев, а левитов с их расовой доктриной. Последующие двести лет, в которые Израиль и Иудея жили рядом, но раздельно, часто враждуя друг с другом, исполнены голосов многих еврейских пророков, порицавших левитов за творимую ими новую веру. Эти голоса и сейчас ещё из глубокой древности взывают к человечеству из племенного мрака, окутавшего значительную часть Ветхого Завета, клеймя внедрявшуюся тогда левитами новую веру, как восемь столетий спустя, когда она уже крепко утвердилась, её заклеймил во храме и Иисус Христос.

Почти все пророки были израильтяне, в большинстве своём из дома Иосифа. Они были на пути к познанию Единого Бога для всех людей и хотели делить судьбы всего человечества. И они не были одиноки. Вскоре и Будда в Индии отвергнет своей бенаресской проповедью с её Пятью Заповедями Праведности кастовую доктрину Брамы и идолопоклонство. Пророки были истинными израильтянами, протестовавшими против учения левитов, которое в последствии стало отожествляться с иудаизмом. Следует отметить, что «пророки» — неподходящее название, ибо они не претендовали на знание будущего и гневались, когда их так называли («Я не пророк и не сын пророка» — Амос). Это были протестанты своего времени, они видели, к чему ведёт расовая доктрина и предостерегали людей от её неизбежных последствий. Их предостережения не потеряли своей силы и сейчас.

Их протест был вызван притязаниями левитских жрецов, которые, ссылаясь на так называемый «Закон Моисея», предъявляли права на перворождённых («То, что раскрывает ложесна, принадлежит мне» — Исход) и требовали кровавых жертвоприношений Иегове. По свидетельству Монтефиоре (см. библиографию в конце книги), однако, этот «Моисеев закон» был израильским критикам неизвестен и они не видели ничего хорошего в залитых кровью алтарях, бесконечной бойне приносимых в жертву животных и запахе жертвенных сожжений, который, по уверениям левитов, был столь приятен Иегове. Они отвергали также левитскую доктрину истребления и порабощения «язычников». Бог, взывали они,

требует от людей поведения по законам морали, любви к ближним, заботы о бедных, сиротах, вдовах и угнетённых, а не кровавых жертвоприношений и ненависти к иноплеменным.

Эти протесты были первыми проблесками зари, воссиявшей восемь столетий спустя. Они странно звучат на фоне свирепых призывов к резне и убийствам, которыми изобилует Ветхий Завет. Странно, что они сохранились даже после того, как Израиль исчез, а левиты, став полными хозяевами Иудеи, заново переписали Священные Книги. Современному историку трудно, например, объяснить почему царь Давид терпел публичные упрёки Натана за то, что он взял жену Урии, приказав умертвить последнего. Не исключено, что уже после того, как Израиль и израильские критики давно ушли в прошлое, один из позднейших переписчиков был одного с ними мнения и сумел сохранить для потомства их слова. И, наоборот, в Писаниях нередко одно и тоже лицо начинает просвещёнными и благожелательными словами, а кончает фанатичными утверждениями прямо противоположного. Налицо явно более поздние вставки, задачей которых было заставить еретиков подчиниться левитской догме.

Как ни объяснять всё это, важно что эта израильская критика иудейской ереси переживает века и оставляет светлую память по исчезнувшем Израиле. Она — как свежая зелёная поросль, пробивающаяся между мрачными камнями племенной саги, указатель широкой дороги совместного развития человечества, прочь от бездны племенной ограниченности.

Пророки Илья и Елисей оба трудились в Израиле, а Амос обращался только к потомкам Иосифа, особенно страстно осуждая кровавые жертвоприношения и левитские ритуалы: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесёте мне всесожжение и хлебное приношение, я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от меня шум песней твоих (во время богослужения левиты пели), ибо звук гуслей твоих я не буду слушать. Пусть, как вода, течёт суд и правда — как сильный поток!» А вот его бессмертный упрёк доктрине «избранного народа»: «Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, сыны Израилевы? — говорит Господь». Другой израильтянин, Осия, говорит: «Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более нежели всесожжения». Осия призывает к правде и милосердию: «…и обручу тебя не в правде и суде, в благости и милосердии…и обручу тебя мне в верности». При жизни Милея левиты, видимо, всё ещё требовали принесения в жертву Иегове всех перворождённых. «С чем предстать мне перед Господом, преклониться перед Богом Небесным? Предстать ли перед Ним со всесожжениями, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить Господу тысячами овнов или несчётными потоками елея? *Разве дам Ему первенца моего за преступление моё и плод чрева моего — за грех души моей? О* человек! сказано тебе что — добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно-мудренно холить перед Богом твоим».

В продолжении двух столетий, когда Израиль и Иудея жили рядом, нередко на ножах друг с другом, Михей, Осия и им подобные боролись за души своих простых соплеменников. В то же время левиты, когда-то рассеянные среди всех двенадцати колен, всё больше и больше тяготели к Иудее и Иерусалиму, концентрируя все свои усилия на обращении иудеев в новую веру.

В 731 г. до Р.Х. Израиль был завоёван Ассирией и его жители уведены в плен. Иудея была на время пощажена и просуществовала ещё столетие, как мелкий вассал сначала Ассирии, затем Египта, всё время оставаясь оплотом левитской секты.

«Дети Израиля» исчезают на этом этапе из истории, и если обещаниям Иеговы суждено осуществиться, то спасение должно иметь место в среде тех народов, в которых они растворились. А поскольку за последние 27 столетий главный поток людских масс шёл с востока на запад, то весьма вероятно, что значительная часть израильской крови перешла к народам Европы и Америки.

Иудаисты, однако, утверждают, что Израиль был «потерян», заслужив свою судьбу за то, что он отверг учение левитов и пошёл на «сближение с соседними народами». Это слова Кастейна, который 2700 лет спустя, по-видимому радуется случившемуся: «Десять серных колен пошли своим путём. Они отошли так далеко от своих южных собратьев, что хроники упоминают о них всего несколькими словами без сожаления или огорчения. Нет ни эпических стихов, ни надгробной эпитафии, никакой симпатии, просто краткое сообщение о голом факте».

Как же всё-таки понимать это «исчезновение» Израиля?

Чтобы разобраться в этом вопросе, современному историку нужно понять, что Сион всегда говорит двумя языками — одним для «язычников» и другим для посвящённых. Что бы ни писал доктор Кастейн, ни древние левиты, ни современные сионисты не верят, что израильтяне «исчезли без следа». Их только *объявили* «мёртвыми», как объявляют мёртвым еврея, заключающего брак вне правоверной общины. Их отлучили, и только в том смысле они «исчезли».

Народы не исчезают. Это доказывают судьбы североамериканских индейцев, австралийских аборигенов, новозеландских Маори, южноафриканских Банту и многих других, да и как можно было «увести израильтян в плен», если бы они были истреблены? Их кровь и идеи живут в какой-то части современного человечества.

Израиль не слился с Иудеей по собственному решению и по тем же причинам, по которым Иудаизм всегда вызывал недоверие и осуждение и у других народов. Не забудем, что израильтяне «не были евреями», иудеи же «по всей вероятности не были израильтянами».

Для чего Израиль должен был «исчезнуть», сказано в позднейшем Талмуде: «Десять, колен не будут иметь своей доли в будущем мире». «Дети Израиля» не будут допущены правящей сектой на небо за то, что они отказались исключить себя из остального человечества.

Главный раввин Британской Империи Герц (J. N. Hertz) в 1918 г. осветил этот вопрос достаточно ясно: «Нынешний еврейский народ представляет собой потомков *племён Иуды и Вениамина* с небольшим числом потомков племени Левия». Это ещё раз показывает, что древний Израиль не имеет ничего общего с тем, что позже стало иудейством. (Ни один источник, иудейский или любой иной, не в состоянии поддержать претензию нынешних евреев на происхождение по крови от иудеев, но это в данном случае несущественно).

В нашем столетии в Палестине было основано сионистское государство. Данное ему название — «Израиль» — прямой подлог, и должны были быть веские причины, чтобы дать еврейскому государству имя нееврейского народа, к тому же не принявшего ни одного из догматов иудейской веры. Объяснение напрашивается само собой: сионистское государство было основано при попустительстве великих держав Запада — сферы распространения христианства. Вероятно хотели успокоить совесть христианских народов, внушив им, что нужно помочь выполнению библейского пророчества и Божьего Завета Израилю, во что бы это ни обошлось другим, ни в чём не виноватым и осуждённым на «истребление» народам.

Если хотели именно этого, то злоупотребление названием «Израиль» достигло своей цели, по крайней мере на время. «Убедить» массы вообще не трудно, хотя со временем правда выходит наружу, как мы это видим из дошедших до нашего времени обличений израильских пророков. Если бы сионистское государство 1948 года могло вообще претендовать на какое-либо имя из далёкой древности, то как показала эта глава, таким именем могло бы быть только «Иудея».

Глава 3
Левиты и закон

На протяжении ста лет после завоевания Израиля Ассирией левиты составляли свой писанный закон. В 621 г. до Р.Х. они закончили Второзаконие и прочли его народу в Иерусалимском храме. Это и был тот «Моисеев Закон», о котором сам Моисей, если он и жил когда-либо, ничего не знал. Он приписывается Моисею, но историки считают, что весь «закон» — создание левитов, которые и тогда, и впоследствии заставляли Моисея (другими словами Иегову) говорить то, что им было нужно. Настоящее название этого сборника должно быть «Закон Левитов» или «Иудейский закон».

Для формального иудаизма и сионизма Второзаконие то же, что Коммунистический Манифест для разрушительных революций нашего века. Оно положено в основу Торы («Закона»), составляющей Пятикнижие, как сырой материал для Талмуда, сам же Талмуд породил множество комментариев и разъяснений к комментариям, что всё вместе составляет иудейский «закон».

Второзаконие является поэтому одновременно и политической программой мирового господства над ограбленными и порабощёнными народами, в значительной мере осуществлённой в ходе двадцатого столетия. Второзаконие стоит, в непосредственной связи с событиями наших дней, и многое, что в них непонятно, становится ясным а свете этого учения. В 621 г. до Р.Х. оно было объявлено кучке людей в маленьком селении: тем поразительнее его последствия для всего мира в ходе дальнейших столетий вплоть до наших дней.

До составления Второзакония существовала только «устная традиция» о словах Бога, обращённых к Моисею. Левиты объявили себя священными хранителями этой традиции, а простые люди их племени должны были верить им на слово (именно эти претензии левитов вызывали гнев израильских «пророков»). Если и существовали какие-либо записи «устных преданий» до 621 г. до Р. Х., когда Второзаконие было объявлено народу, то они были в руках священства и столь же мало знакомы простым соплеменникам, как греческие классики жителям нынешнего Кентукки. То, что Второзаконие было чем-то совершенно *иным* , чем все до него, явствует из его названия «Второй Закон». Фактически

оно было первым обнародованием левитского иудаизма, в то время, как израилиты, как было указано выше. вообще «не были евреями» и никогда этого «Закона» не знали. Заслуживает внимания, что Второзаконие подаётся как пятая книга Библии, якобы вытекающая из четырёх предыдущих; в действительности же это была первая, полностью законченная книга. Бытие и Исход, хотя они и создают исторический фон и как бы подготавливают Второзаконие, были написаны левитами после него, а остальные книги Торы — Левит и Числа появились ещё позднее.

Устные предания давали определённые правила морального поведения; Второзаконие ставит эти предписания буквально вверх ногами. Однако левиты считали себя в праве вносить любые поправки в устные законы, данные Богом Моисею, чтобы соответствовать «постоянно меняющимся условиям в духе традиционного учения» (Кастейн).

Помимо этого левиты утверждали, что Моисей якобы получил на горе Синай ещё и *тайную устную Тору,* известную им одним, но никогда *не подлежащую ни записи, ни обнародованию.* Впоследствии Ветхий Завет публиковался вместе с христианским Новым Заветом, и всё вместе представлялось не-евреям, как полнота Божественного Закона. В Талмуде же, как пишет Функ (см. библиографию), говорится: «Бог предвидел, что настанет день, когда и язычники овладеют Торой и скажут Израилю: „Мы тоже дети Божии“. И тогда Бог ответит: „Мои дети — только те, кто знает Мои секреты“. А в чём Божьи секреты? В устной традиции».

В 621 г. до Р. Х. кучка людей внимала чтению Второзакония, впервые услышав, каким будет так называемый «Моисеев Закон», и им было сказано, что рукописи этого закона были «найдены» левитами. Однако в наше время иудейские учёные отрицают это, считая Второзаконие самостоятельным трудом левитов в изолированной Иудее, после отвержения её израилитами и завоевания Израиля чужеземцами.

Кастейн так описывает происхождение Второзакония: «В 621 г. до Р. Х. были найдены в архивах покрытые вековой пылью рукописи. Это были любопытные версии законов, как бы свод законов того времени со множеством повторении и *вариантов,* в большинстве своём предписания об обязанностях человека по отношению к Богу и своим ближним. Они были изложены в виде речей, предположительно произнесённых Моисеем незадолго до его смерти на дальнем берегу Иордана. *Кто был их автором, сказать невозможно».*

Другими словами, сам доктор Кастейн, еврейский фанатик, ожидающий полного осуществления «Моисеева Закона» во всех его деталях, не верит сказкам об авторстве Иеговы или Моисея. Ему достаточно, что их писало священство, олицетворяющее в его глазах божественный авторитет.

Никто не знает, насколько теперешнее Второзаконие сходится с тем, которое было обнародовано в 621 г. до Р. Х. Книги Ветхого Завета подвергались повторным переделкам, до самого перевода их на другие языки, когда ряд текстов был снова изменён, вероятно, чтобы не раздражать чрезмерно не-евреев. Несомненно, что многое там было исключено, первоначальное же Второзаконие явно было ещё более свирепо, чем известное нам.

Основа «Второго Закона» — религиозная нетерпимость (за ним последовал «Новый Закон» с его расовой нетерпимостью), а убийство во имя религии — его главное отличие. Это конечно требовало отказа от нравственных заповедей, которые в Ветхом Завете перечисляются лишь для того, чтобы быть отвергнутыми. Сохранены только заповеди исключительного служения «ревнивому» Иегове, остальные же похоронены под массой исключающих предписаний и толкований, основанных на действовавших в те времена законах.

Так обличение убийства, кражи, прелюбодеяния, алчности, вражды с соседями и им подобные были объявлены недействительными с помощью массы наставлений, прямо предписывающих вырезать другие народы, убивать отступников в одиночку или целыми общинами, брать наложниц из пленных женщин, практиковать «полное уничтожение», не оставляя «ничего живого», не облегчать «чужим» выплату долгов и так далее.

Второзаконие полностью аннулирует все нравственные заповеди, заменяя их, под маской религии, грандиозной политической идеей избранного народа, посланного в мир, чтобы уничтожить другое народы, «владеть» ими и править землёй. Разрушение — основная идея Второзакония, без неё ни от Второзакония, ни от «Моисеева Закона» не остаётся буквально ничего.

Эта концепция разрушения в качестве догмата веры единственна в своём роде и там, где она переходит в политику (например в философии коммунизма), она, по-видимому, тоже взята из Второзакония, поскольку других её первоисточников не найдено. Второзаконие, прежде всего, — полная *политическая* программа: это концепция планеты, созданной Иеговой для его «избранного народа», которая завершается триумфом последнего над всеми остальными народами и их разорением.

Правоверным обещаны *исключительно материальные награды:* избиение чужестранцев, рабы, женщины, добыча, земли, империя. Для получения всего этого требуется только одно: соблюдение «законов и предписаний», которые в основном требуют уничтожения других людей. Единственная возможная провинность правоверного состоит в несоблюдении этих законов. Нетерпимость равнозначна соблюдению законов, терпимость же есть несоблюдение их, и следовательно — провинность. Все наказания за неё относятся к земной жизни, к плоти, а не к духу. Если и упоминается иногда желательность морального поведения, то только по отношению к собратьям по вере, но не к «чужим».

Эта исключительная по характеру форма национализма была впервые преподана иудеям во Второзаконии под видом «закона» Иеговы, якобы его собственных слов, сказанных Моисею. С самого начала, во второй главе Второзакония, указание пути к мировому господству через разрушение даётся в «речах, предположительно произнесённых» умирающим Моисеем: «И сказал мне Господь, говоря… с сего дня Я начну распространять страх и ужас перед тобою на народы под всем небом; те, которые услышат о тебе, вострепещут и ужаснутся тебе». Для подтверждения сказанного, как пример, приводится судьба царей Сигона и Васана с их народами: «…выступил против нас на войну Ог, царь Васанский, со всем народом своим… и мы поразили его и сынов его, и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин, женщин и детей, не оставили никого в живых… только взяли мы себе в добычу скот их и захваченное во взятых нами городах». Подобные эпизоды описываются один за другим, и всегда главным в них является требование *полного* истребления.

За первыми примерами уничтожения язычников могучим Иеговой следуют и первые из многочисленных предостережений: при несоблюдении его «законов и предписаний» Иегова рассеет избранный народ среди язычников. Перечисление «законов и предписании» следует за заповедями, уничтожая их моральную ценность обещанием истребить другие племена. «…Семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь Бог твой, и поразишь их… жертвенники их разрушьте… ибо ты народ святый у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые были на земле. …Благословен ты будешь больше всех народов… и истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, даст тебе; да не пощадит их глаз твой… и шершней нашлёт Господь, Бог твой, на них, доколе не погибнут оставшиеся и скрывшиеся от лица твоего… И будет Господь, Бог твой, изгонять перед тобою народы сии мало по малу; …но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведёт их в великое смятение, так что они погибнут. *И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной;* (подчёркнуто нами — *прим. перев.*) не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их».

В XX веке по Р.Х. Запад, в общем, перестал придавать этим кровожадным призывам к истреблению сколько-нибудь серьёзное значение, однако народы, которых это касалось непосредственно, были иного мнения. После резни в Дейр-Ясине в 1948 г. [2] арабское население Палестины массами бежало с родной земли, ибо эта расправа показала им (что и входило в планы убийц), что оставшиеся будут «полностью уничтожены». Не секретом было также, что сионистские лидеры, в сговоре с британскими и американскими политиками, неоднократно заявляли, что «наш мандат — Библия» (Хаим Вейцман) и что это относилось к тем местам Ветхого Завета, которые требовали «полного уничтожения» иноплеменных, т. е. арабских народов. Они знали также, что западные политики всегда поддерживали и будут поддерживать захватчиков, и что поэтому сохранить жизнь можно только бегством. Избиение невооружённых и не сопротивлявшихся арабов в 1948 г. нашей эры — прямое следствие «законов и предписаний» седьмой главы «Закона», обнародованного левитами в 621 г. до Р.Х.

Подстрекательства Второзакония заманчивы: «…ты идёшь, чтобы *овладеть* народами, которые больше и сильнее тебя… Господь, Бог твой, идёт перед тобою, как огонь поядающий; Он будет *истреблять* их и низлагать их перед тобою, и ты изгонишь их и *погубишь* их скоро, как говорил тебе Господь… Ибо, если вы будете соблюдать все заповеди сии, которые заповедую вам исполнять… то *изгонит* Господь все народы сии от лица вашего; и вы *овладеете* народами, которые больше и сильнее

---

[2] Дейр-Ясин — арабское поселение в Палестине, подвергшееся 9 апреля 1948 г. полному уничтожению. Отряд еврейских террористов из организации «Иргун» (начальник — будущий премьер Израиля Менахем Бегин) вырезал всё население (253 убитых), дома были взорваны динамитом, трупы брошены в колодцы. Жестокость убийц не отставала от ветхозаветных примеров: беременным женщинам вспарывались животы, дети всех возрастов, начиная от грудных младенцев, убивались поголовно.

вас… даже до моря западного будут пределы ваши. Никто не устоит против вас: Господь, Бог ваш, наведёт страх и трепет перед вами на всякую землю, на которую вы вступите».

Сразу же после этого «Моисей» снова перечисляет «законы и предписания», которые нужно соблюдать для получения упомянутых наград, и, как и прежде, основное его требование — разрушать. «Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнять в земле, которую Господь, Бог отцов твоих, даёт тебе во владение… *истребите* все места, где народы, которыми вы *овладеете,* служили богам своим… когда Господь, Бог твой. *истребит от лица твоего* народы, к которым ты идёшь, чтобы *взять их во владение,* и ты, взявши их, поселишься в земле их: тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им… и не искал богов их».

Этот догмат Закона велит правоверным иудеям уничтожать чужие религии. И если это требование сначала носило общий характер, то впоследствии, когда распространилось христианство и массы евреев переселились в христианские страны Европы, оно приобрело соответственную направленность. «Истребите все места» теперь относятся к христианству, требуя разрушения христианских святынь. Придя к власти в России, большевики взрывали храмы, открывали в них антирелигиозные музеи и канонизировали Иуду, а поскольку первые большевистские правительства на девять десятых состояли из восточных евреев, то перечисленные дела их нужно считать соблюдением предписаний Второзакония.

В мрачные периоды истории Запада процветали доносы и инквизиция, хотя в более просвещённые эпохи он их отвергал. Они также находят свой источник во Второзаконии, поскольку более ранние источники пока никем не обнаружены. Эта психология истребления защищена особыми статьями от критики возможных «еретиков»: «…если восстанет среди тебя пророк или сновидец… то пророка того или сновидца должно предать смерти». Распятие Иисуса Христа и уничтожение многих критиков правоверного иудаизма подпадает под эти статьи.

Есть здесь и требование родственникам доносить на подозреваемых в ереси. И этот террористический метод также применяется большевиками в России, начиная с 1917-го года. Западный мир в своё время возмущался этими варварскими нововведениями, Однако они вовсе не были столь новыми. Они ясно предписаны Второзаконием, которое требует, чтобы каждый, кто скажет «пойдём вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», был побит камнями до-смерти, а донести на него должны его братья, сёстры, сыновья, дочери, жёны, и т. д. Характерно требование Второзакония, чтобы первые удары жертве доноса нанесла именно рука кровного родственника, мужа или жены, и только после этого должны и другие принять участие в убийстве.

Это т. н. «предписание Закона» действительно по сей день, в соответствии с местными условиями и другими обстоятельствами. В странах расселения «чужие законы» могут посчитать подобное соблюдение «предписания» простым убийством: в таких случаях отступник символически объявляется мёртвым, а приведение приговора в исполнение заменяется церемонией похорон. Джон Гольдштейн («All the Doors were Opened», 1955) описал как эти символические церемонии, так и недавние попытки осуществить сам приговор, который в течение ряда столетий приводился в исполнение в закрытых еврейских общинах, куда не достигал «чужой закон».

«Моисеев» закон требует также истребления целых общин, обвинённых в отступничестве: «…порази жителей того города остриём меча, предай заклятию его [3] всё что в нём».

Согласно Второзаконию, степени разрушения городов ближних (т. е. палестинских) и городов дальних должны быть различны. О дальнем городе говорится: «Когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нём весь мужской пол остриём меча. Только жён и детей, и скот и всё что в городе, всю добычу его возьми себе…»

Второзаконие не раз возвращается и к вопросу о пленных женщинах: «…если увидишь между ними женщину, красивую видом, то можешь взять её себе в жёны. Если же она *после* не понравится тебе, то отпусти её».

Судьба ближних городов должна быть иная; Закон (не соблюдённый Саулом, за что он был наказан), требует: «а в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию… как повелел тебе Господь, Бог твой».

Этот стих (Втор. 20,16) объясняет массовое бегство палестинских арабов после Дейр-Ясина, где не было оставлено ничего живого. Арабы поняли, что закон 621 г. до Р.Х. будет выполняться дословно ещё и в 1948 г. после Р.Х., и что вся мощь Запада придёт на помощь исполнению левитских

---

[3] «Предай заклятию» на языке Ветхого Завета означает полное уничтожение: «не оставляй ничего живого».

предписаний о «полном уничтожении».

Второй Закон продолжает: «…ты народ святый у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле». Дальнейшие «законы и постановления» учат: «не ешьте никакой мертвечины… нечисто это для вас, не ешьте…; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай её, он пусть ест её, или продай ему; ибо ты народ святый у Господа, Бога твоего».

По закону, каждые семь лет заимодавец должен прощать долг ближнему своему, но не «чужому»: «С иноземца взыскивай, а что будет твоё у брата твоего, прости». Странным образом, глава десятая говорит: «Любите пришельца, ибо и вы сами были пришельцами в земле египетской», но уже в главе 23-ей встречается хорошо знакомое нам опровержение: «Не отдавай в рост брату твоему, …иноземцу отдавай в рост». Как будет показано в дальнейшем, в последующих книгах есть ещё много гораздо более серьёзных юридических различий между «ближними» и «чужими».

Второзаконие заканчивается пространной и громоподобной темой «благословений и проклятий». Умирающий Моисей ещё раз увещевает свой «народ» сделать правильный выбор и затем перечисляет, что именно благословенно, и что проклято. Всё благословенное носит исключительно материальный характер: преуспевание, благодаря умножению родни и скота, и хорошим урожаям, победа над врагами и господство над всем миром. «Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли, …поставит тебя Господь народом святым Своим… и увидят все народы земли, что имя Господа нарицается на тебе, и убоятся тебя… и *будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы.* Сделает тебя господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу…» Тридцать стихов Второзакония посвящены благословениям, проклятиям же — от пятидесяти до шестидесяти, и всё это преподносится от имени божества, явно способного творить злые дела (то же качество приписывается ему и в позднейших писаниях, например в книге Иезекииля).

Правоверный иудаизм построен на терроре и страхе, и держится ими. Глава 28-ая Второзакония даёт длинный перечень проклятий, свидетельствуя, какое огромное значение придавало им иудейское священство (даже в наше время правоверные иудеи верят в силу этих проклятий). Не забудем, что людей здесь проклинали не за моральные проступки, а только за несоблюдение предписаний Второзакония: «Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его. …то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя». Города и селения, дети, поля и скот — все будут прокляты: «…все проклятия сии постигнут тебя, доколе не будешь истреблён». Обещаются ни более, ни менее, как моровая язва, чахлость, воспаление, ржавчина, «несчастье во всяком деле рук твоих», почечуй, короста, чесотка, сумасшествие, слепота, голод, людоедство и засуха; «С женою обручишься и другой будет спать с нею»; «Сыновья твои и дочери будут отданы другому народу», но и тех, кто останется дома, ожидает не лучшее: «Будешь есть плоть сыновей твоих и дочерей твоих …и жена твоя тайно будет есть их» и так далее, в том же духе (Втор., 28, 20-57).

До самого недавнего времени все эти проклятия провозглашались при публичном отлучении «отступников», в закрытых же цитаделях талмудизма они вероятно употребляются и сейчас.

Вышеприведённые болезни и бедствия должны были поражать народ «если не будешь исполнять все слова Закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа, Бога твоего… во свидетели с вами призываю сегодня небо и землю; жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё…» Таковы были жизнь и блага, обещанные иудеям, собравшимся в храме в 621-ом году до Р.Х., их племенным вождём Осией, когда он, говоря якобы от имени Иеговы и Моисея, провозглашал законы левитов. По «Моисееву Закону» цель и смысл существования иудеев состояли в разорении и порабощении других народов, ради наживы и власти.

Израилю повезло быть к тому времени объявленным мёртвым, и он избежал необходимости жить в подобного рода мире, создаваемом левитами. Израилиты слились с живым потоком остального человечества, иудеи же остались во власти фанатического священства, требовавшего от них *разрушать* под страхом перечисленных выше страшных проклятий.

Угрожая проклятиями, левиты одновременно обещали награды раскаявшимся: «если обратишься к Господу, Богу твоему и послушаешь гласа Его, как Я заповедаю тебе… тогда Господь, Бог твой, все проклятия сии обратит на врагов твоих» (не потому, что те в чём-то согрешили, а просто, чтобы умножить блага, даруемые прощённым иудеям).

В этом догмате Второзакония ясно видна та роль, которую оно уделяет «язычникам». В конечном счёте, они при этом Законе не имеют права на легальное существование и не могут его иметь,

поскольку Иегова «знает» только свой «святой народ». Если их фактическое существование допускается, то только для целей, высказанных в стихе 65-ом главы 28-ой и стихе 7-ом главы 30-ой. Сначала они должны принять в себя иудеев, наказанных за свои проступки рассеянием, а затем, когда их гости раскаются и получат прошение, на них перейдут все проклятия с иудеев, вновь обретших милость Иеговы. Стих 7-ой главы 30-ой, объясняет, что «все эти проклятия» переносятся на язычников потому, что они якобы «ненавидели» и «преследовали» иудеев, но как можно считать язычников виновными, если само присутствие в их среде иудеев явилось предписанным свыше наказанием, «проклятием» Иеговы за проступки последних. Ведь согласно стиху 24-му главы 28-ой, никто другой, как сам Иегова предал иудеев проклятию изгнания: «И рассеет тебя Господь по всем народам от края земли до края земли… но и между этими народами не успокоишься и не будет места покоя для ноги твоей».

Двуличие Второзакония бросается в глаза: за несоблюдение закона Господь рассеивает свой народ среди язычников; язычники же, неповинные ни в этом рассеянии, ни в проступках иудеев, объявляются «угнетателями» и должны быть уничтожены. Чтобы осмыслить это странное отношение иудейства к остальному человечеству, к Божьему творению и ко всей вселенной нужно призадуматься над этими и другими отрывками из всей еврейской литературы, в особенности над непрерывно повторяемой жалобой на постоянное и повсеместное преследование евреев. Для тех, кто признаёт правомочность Второзакония, само существование других народов равнозначно оскорблению и преследованию евреев. Как фанатики-националисты, так и наиболее просвещённые евреи согласны в одном: они видят мир и всё, что в нём происходит, исключительно с еврейской точки зрения, с которой всё, касающееся «иноземцев», фактически не имеет никакого значения. Это — наследие двадцати пяти столетий специфически еврейского образа мышления; этот кошмар столь крепко запечатлён в их душах и умах, что даже видя ложность этой ереси, они не в состоянии от неё освободиться.

Из цитированного выше отрывка Второзакония видно, что правящая секта трактует бездомность еврейства одновременно как акт Иеговы, бога «избранного народа», и как результат преследования евреев их врагами, которые поэтому заслуживают «все эти проклятия». При столь крайнем самовозвеличении, любое политическое насилие, приводящее к потере жизни или имущества пятью евреями и девяносто пятью неевреями, оценивается еврейством исключительно, как еврейское несчастье, причём они делают это даже без тени притворства. В нашем двадцатом веке подобные нравственные нормы открыто прилагаются ими ко всем другим народам и событиям мировой истории. Другими словами, мы живём в век левитской ереси.

Взвалив «все эти проклятия» на невинных, при условии, что иудеи вернутся к соблюдению «законов и постановлений», воскрешённый левитами во Второзаконии Моисей добавил ещё одну награду: «Господь, Бог твой. Сам пойдёт перед тобою; Он *истребит* народы сии от лица твоего, и ты овладеешь ими…», после чего ему разрешено было умереть в земле Моавитской.

«Моисеев Закон» оформил разрушительную идею, которой суждено было поставить под угрозу неизвестные тогда ещё христианство и европейскую культуру. На заре христианской эры собор богословов постановил объединить Ветхий Завет с Новым в одной книге без всякого различия между ними, как если бы дело шло о корне и цветке одного растения. В действительности, они столь же несовместимы, как неподвижная масса и непреодолимая движущая сила.

В лежащей перед автором этих строк энциклопедии лаконически сообщается, что для христианских церквей Ветхий и Новый Завет одинаково священны и в равной степени дополнены Божественного откровения. Столь безоговорочное принятие Ветхого Завета целиком, со всеми его главами без исключения, вероятно и было причиной многих споров, на протяжении веков смущавших христианские церкви и их народы, поскольку от них требовали верить одновременно в совершенно несовместимые вещи. Как можно верить Моисею, что один и тот же Бог призывал людей любить своих соседей и одновременно их же «полностью истреблять»? Что общего между всеобщим любящим Богом христианского откровения и проклинающим божеством Второзакония?

В прошлом колонизаторы во многих частях света далеко не всегда вели себя по христиански и дела их часто были противны положениям христианской веры: вывоз британскими колонистами африканских рабов в Америку, бесчеловечное обращение американских и канадских поселенцев с североамериканскими индейцами, угнетение белыми Южноафриканцами негров Банту. Однако, если принять, что все указания Ветхого Завета, включая и требование «полного» истребления, столь же священны, как и Новый Завет, то эти жестокости могут быть «оправданы», причём ответственность ляжет на тех священников, которые учат, что Ветхий Завет с его неоднократными предписаниями убивать, порабощать и обирать, столь же божествен, как и Новый. Ни один священник, учащий этому,

не может считать себя свободным от упрёка. Богословское же решение, принявшее левитскую догму, набросило на века христианства ту же тень, что пала на иудеев в 621 г. до Р.Х.

Во всей истории человечества только одни документ смог оказать на умы людей и на будущие поколения влияние, равное Второзаконию. Допуская некоторое упрощение, можно рассматривать всю историю Европы, и в особенности историю двадцатого столетия, как борьбу Моисеева закона с Новым Заветом, борьбу проповеди любви с доктриной ненависти, борьбу между людьми, стоящими за тем или другим из этих мировоззрений.

Второзаконие породило иудаизм. Он был бы мертворождённым, а Второзаконие осталось бы никому неизвестным, если бы дело шло только о левитах и подчинённых им иудеях. Их было немного, и даже в сто раз более многочисленный народ не смог бы навязать миру собственными силами эту варварскую доктрину. Для Моисеева закона существовала только одна возможность развиться, выжить и стать мощным фактором, нарушающим жизнь народов всех последующих столетий. Нужен был могущественный «иноземец» (из числа подлежащих в будущем «заклятию»), великий царь из язычников, что потом будут уничтожены, который помог бы оружием и деньгами. Именно это и произошло после того, как Осия объявил народу Второй Закон в 621 г. До Р.Х., и то же мы наблюдаем на протяжении многих столетий, вплоть до наших дней: что казалось абсолютно невероятным, превращается в неоспоримый факт! Правители «других народов», заведомо подлежащих ограблению и уничтожению, неоднократно в истории поддерживали губительную для них веру, и, за счёт собственных народов, способствовали разрушительным поползновениям левитской секты.

Примерно через двадцать лет после обнародования в Иерусалиме Второзакония, Иудея была в 596 году до Р.Х. завоёвана вавилонским царём. Похоже было, что пришёл конец, а на фоне крупных событий той эпохи завоевание Иудеи было лишь незначительным эпизодом. С тех пор Иудея никогда больше не была независимым государством и, если бы не левиты с их Второзаконием, и не помощь иноземцев. Иудея, подобно Израилю, пошла бы по общему для всего человечества историческому пути.

Вместо этого, вавилонская победа стала отправной точкой в деле, оказавшем огромное влияние на жизнь человечества. В Вавилоне, впервые в истории, иноземный царь взял левитский «Закон» под своё покровительство и, вместо того, чтобы умереть, этот «закон» стал укрепляться и расти. Появились государство в государстве, нация внутри нации, — новые явления в жизни народов; был приобретён первый успешный опыт узурпации власти, и в будущем это принесло другим народам много горя и бедствий.

Что касается иудеев и порождённых ими евреев, то их доля оказалась, пожалуй, самой незавидной. Как бы там ни было, не очень счастлив должен был быть еврейский писатель Морис Самуель, живший в наше время, через 2500 лет после описанных событий, когда он писал:

> «Мы евреи-разрушители, и навсегда останемся разрушителями… Чтобы ни делали другие народы для нашего блага, мы никогда не будем довольны» *(см. библиографию в конце книги).*

В этих словах можно при желании усмотреть насмешку, злорадство или бесстыдство. Но внимательно изучающий вековой «спор о Сионе» увидит в них вопль отчаяния человека, не могущего своими силами спастись от безжалостной доктрины разрушения, наложенной в сочинённом иудейскими жрецами «Моисеевом Законе».

Глава 4
Цепи куются

Вавилонский эпизод имел решающие последствия не только для (ничтожного в ту эпоху) племени иудеев, но впоследствии и для всего современного нам мира.

За период «вавилонского пленения» левиты сумели создать систему, которая с тех пор оказывает непрерывное воздействие на жизнь всех народов. Второзаконие было уже написано, но левиты добавили к нему ещё четыре книги, установив закон расово-религиозной нетерпимости, который будучи осуществлён, навсегда должен был оторвать иудеев от всего остального человечества. В Вавилоне левиты приобрели опыт подчинения иудеев этому закону и отделили их тем самым от коренного населения страны. Значение левитов росло и они стали всё более влиять на своих завоевателей, а в конце концов снесли и «полностью разрушили» дом их хозяев. Даже если всё это в действительности происходило вовсе не так, то именно такая версия была введена в историю, а последующие поколения, приняв её, привыкли видеть в иудеях непреодолимую разрушительную силу.

Описание первого «пленения» (египетского) выглядит совершенно легендарным и опровергается достоверными фактами истории. Книга Исход была написана после вавилонского периода и, по-видимому, левитские книжники создали эту легенду первого пленения и наказания египтян Иеговой для подтверждения своей версии вавилонского плена, которая тогда уже составлялась. То, что там действительно происходило, имело мало общего с картиной массового пленения, а затем массового возвращения целого народа. Никакого массового увода пленных из Иерусалима в Вавилон быть не могло, поскольку большинство иудейского народа, от которого позже произошла еврейская нация, ещё до завоевания Иерусалима расселилось в Средиземноморье, на западе и на востоке от Иудеи, в поисках наиболее благоприятных торговых возможностей.

В этом отношении тогдашние условия были очень схожи с нынешними. В Иерусалиме оставалось только ядро наиболее фанатичных приверженцев храмового культа и людей, привязанных к земле характером своего труда. Историки считают, что лишь немногие десятки тысяч были уведены в Вавилон и что это была только небольшая часть населения Иудеи. Увод населения в плен вовсе не был исключением в те времён, сколько бы ни жаловалась литература с тех пор на горькую судьбу еврейского народа в рассеянии. История Парсов в Индии очень похожа на историю евреев и относится к тому же периоду. Они тоже потеряли свою государственность и страну, пережив их в рассеянии, как религиозная община. В последующие века было много других примеров того, как расовые или религиозные группы жили вдали от своей первоначальной родины. На протяжении многих поколений они обычно сохраняли тёплые чувства к родине своих предков, а особо религиозные люди почитали святые места (Рим или Мекку) издали, живя на чужой стороне.

Разница заключалась в том, что для иудеев земля их предков и святой город были одно и то же, а Иегова требовал триумфального возвращения по трупам уничтоженных язычников и восстановления храмовых богослужений на святом месте. К тому же и повседневная жизнь иудеев подчинялась догмам той же религии, так что национально-политические претензии становились одновременно и символом веры. Многие другие, аналогичные верования первобытных времён окаменели и умерли, но лишь одно дожило до нашего времени, достигнув апогея своей разрушительность.

Первопричиной всего этого был опыт, накопленный левитами во время вавилонского плена, тогда они впервые проверили действие своей доктрины в обстановке чужой страны. Доброе отношение вавилонских победителей к своим иудейским пленникам было прямой противоположностью Второзакония, навязанного иудеям накануне их поражения. Если бы победителями были иудеи, они должны были бы «не оставить в живых ничего, что дышит». Как пишет Кастейн, однако, пленные иудеи «пользовались полной свободой» в выборе местожительства, религии, занятий и самоуправления. Это позволило левитам закабалить фактически свободных людей. Подчиняясь настойчивым требованиям священства, иудеи селились тесными, сплочёнными группами: так возникло гетто и власть левитов в нём. Из этого первого опыта самообособления в Вавилоне возник впоследствии, уже в христианскую эру, закон Талмуда, требовавший отлучения еврея, продавшего без разрешения землю своего «ближнего» так называемому «иноземцу».

Загнать изгнанников в ограды гетто было без помощи иноземного владыки трудным делом, и эта помощь была оказана, как тогда, так и ещё много раз в будущем. Взяв соплеменников крепко в свои руки, левиты занялись завершением своего «Закона». Как уже было сказано, они добавили к Второзаконию ещё четыре книги, закончив то, что теперь называется Торой. Первоначально это слово означало «доктрина», теперь же оно понимается как «Закон». Нужно сказать, что выражение «закончив» в данном случае меньше всего соответствует действительности. Закончена была только Тора, в смысле окончательно написанных пяти книг. Что же касается «Закона», то он не был закончен тогда, и никогда не может быть закончен вообще, так как согласно Талмуду (позднейшее продолжение Торы) существует ещё секретная Тора, вместе с якобы «божественным» правом священства одному её истолковывать. Фактически «Закон» претерпевает постоянные изменения и в него вносятся всё новые поправки, чтобы, например не дать возможности какому-либо «иноземцу» воспользоваться привилегиями доступными одному только «ближнему». Выше уже приводились примеры таких поправок, другие будут даны в этой главе ниже. Цель их всегда одна и та же: ненависть и презрение к иноземцу становились органической частью «Закона», путём введения всё новых дискриминирующих ограничений или взысканий.

С окончанием Торы была воздвигнута стена, отделявшая приверженцев Торы от всего остального человечества, хотя ещё и неполная, но единственная в своём роде. Она не допускала различий между законом Иеговы и законами людей, иначе говоря — между религиозной догмой и гражданским правом. Законы «чужестранцев» не признавались ни в богословском, ни в юридическом смысле, а всякая

попытка внедрить их толковалась, как «преследование», ибо истинным законом был один лишь закон Иеговы.

Согласно священству, буквально вся повседневная жизнь, вплоть до мельчайших её отправлений, регламентировалась предписаниями Торы. Возражения, что Иегова не мог дать Моисею на горе Синай подробных указаний насчёт всех человеческих действий, какие только можно было придумать, отвергалось ссылкой на «устное предание», тайна которого якобы была раскрыта Иеговой Моисею, а право его бесконечного и ничем не ограниченного толкования передавалась левитами, как эстафета на бегах, от поколения к поколению. Заметим, что возражения были не частыми, поскольку Закон требовал для сомневавшихся смертной казни.

Монтефиоре справедливо отмечает, что Ветхий Завет есть лишь «раскрытие Закона», а вовсе не «откровение истины», и что израильские пророки знать о Торе ничего не могли, так как она была закончена левитами только в Вавилоне. Слова Иеремии: «тщетно перо книжников» — очевидно относится к левитским переделкам священных книг и к бесконечным приписываниям Иегове и Моисею всё новых «законов и предписаний».

Когда Тора создавалась, понятия «греха» в ней не существовало. Это вполне логично, ибо Закон знает не грехи, а только преступления и проступки. Тора знала лишь *несоблюдение,* которое включало и преступления, и проступки. Нарушение тех правил морали, которые обычно понимаются под словом «грех». Торой не наказывались, а, наоборот, иной раз прямо рекомендовались или же искупались жертвоприношением.

Идея «возвращения», и связанные с ней понятия разрушения и властвования над иноплеменными, были основой догмы, без них от неё ничего не оставалось. Однако, особого желания возвращаться из Вавилона в Иерусалим у иудейского народа вовсе не было (как и сейчас у подавляющего большинства евреев нет никакого желания «возвращаться» в Израиль, так что сионистскому государству легче находить за границей деньги, чем иммигрантов). Буквальное исполнение «Закона» было основным пунктом догмы, для чего необходимо было владеть Палестиной, как центром будущей властной империи (это требуется и до сих пор). Это требование носило политический, а вовсе не территориальный характер.

Как было сказано выше, левиты добавили к Второзаконию четыре книги: Исход, Бытие, Левит и Числа. Бытие и Исход подают историю так, как она была нужна левитам, тем временем закончившим составление своих законов, сформулированных во Второзаконии. История начинается здесь с сотворения мира, точная дата которого была якобы известна книжникам, хотя в первых двух главах Бытия сотворение мира описывается немного по разному, а рука левитов, по мнению историков, более заметна во второй главе, чем в первой.

Древняя израильская традиция сохранилась в лучшем случае в книгах Бытия и Исхода, а также в отрывках из просветлённых речей израильских пророков, за благожелательными словами которых следуют фанатические высказывания, полностью уничтожающие их первоначальный смысл: явно — позднейшие вставки левитов.

Остаётся загадкой, почему левиты сохранили эти проблески видений всеобщего любящего Бога, столь противоречащие Второму Закону левитов, хотя им легко было устранить и их. Можно предположить, что древние предания были слишком хорошо знакомы всему племени, чтобы быть просто исключёнными. Их сохранили, вытравив их смысл добавлениями и аллегорическими вставками.

Хотя Бытие и Исход писались уже после Второзакония, но в них мало заметна тема племенного фанатизма. Зато она со всей силой бьёт из Второзакония, из Левит и Чисел; здесь видна рука левитов в изолированной Иудее и в Вавилоне. Другими словами в Бытии содержатся лишь предвестники будущих громов и молний, и их немного, как например, глава 12-ая, стихи 2-ой и 3-ий: «И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твоё; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Немногим иначе сказано и в Исходе: «Если ты будешь… исполнять всё, что Я скажу, то врагом буду врагов твоих… и истреблю их»; но вполне возможно, что и этот стих является позднейшей вставкой.

В Исходе однако появляется нечто первостепенно важное: договор с Иеговой *скрепляется кровью* и, начиная с этого, кровь течёт рекой в «книгах Закона». В стихе 8-ом, главы 24-ой стоит: «…и взял Моисей крови и окропил народ, говоря, вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сиих». Потомкам рода Аарона теперь даётся постоянная и наследственная должность священнослужителей при храме, и этот завет также скрепляется кровью. Иегова говорит Моисею: «…и возьми к себе Аарона, брата своего, и сынов его с ним, …чтобы он был священником Мне». Далее следуют подробные указания Иеговы Моисею о ритуале посвящения. Согласно левитским книжникам,

Моисей должен взять тельца и двух овнов «без порока», заколоть их «перед лицом Господним» и сжечь на алтаре одного овна и внутренности тельца. Кровь второго овна «возложи на край правого уха Аарона, и на край правого уха сынов его, и на большой палец правой руки их, и на большой палеи правой ноги их и покропи кровью на жертвенник со всех сторон …и покропи на Аарона и на одежды его и на сынов его, и на одежды сынов его с ним».

Картина забрызганных кровью жрецов наводит на размышления, даже и в наши дни, по прошествии многих веков. Почему сочинённые левитами книги Закона так упорно выпячивают требования Иеговой *кровавых* жертв? Видимо секта умело пользовалась террором для внушения страха, а одно лишь упоминание крови заставляло правоверного или суеверного иудея дрожать за судьбу собственного сына, поскольку в Исходе ясно формулируется претензия фанатичных жрецов на всех перворождённых их племени: «И сказал Господь Моисею, говоря, освяти мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота. Мои они».

В ранее приведённой цитате из Михея уже говорилось о том, что заклание перворождённых продолжалось долгое время. Вид залитых кровью левитов должен был вселять ужас в сердца простых людей. Согласно левитам Бог требовал Себе перворождённых, а сочетание слов «человека и скота» делало требование поистине страшным. Эти многозначительные слова сохранили своё значение и после того, как священство прекратило человеческие жертвоприношения, сохранив однако за собой прерогативу их требовать (сделано это было при помощи ловкого приёма, описанного ниже). И после этого, на забрызганных скотской кровью облачениях жреца община видела кровь своих детей.

Заметим, что всё это не только дела далёкой древности: в твердынях талмудистского еврейства его священство до сего времени обагряется кровью. В 1885 г. (то есть через 24 столетия после написания Исхода), организация Реформированных Раввинов Америки заявила в Питсбурге: «Мы не ожидаем ни возвращения в Палестину, *ни богослужений с жертвоприношениями; производимыми сынами Аарона,* ни восстановления каких-либо Законов еврейского государства». Важно, что в 1885 году понадобилось сделать такое заявление публично; это показывает, что противоположные школы еврейства и тогда ещё точно соблюдали Закон, включая «богослужения с жертвоприношениями». (К 1950-му году влияние Реформированных Раввинов Америки сильно упало, уступив место силам сионистского шовинизма).

Левитское авторство Торы явствует и из того, что более половины пяти книг занято детальными указаниями, приписанными непосредственно Господу, о конструкции и убранстве алтарей и скиний, о материале и рисунках облачений, митр, поясов, о виде и типе золотых цепей и драгоценных камней, украшавших вымазанных кровью жрецов, о количестве и характере животных, приносимых в жертву во искупление проступков. Указывалось, что нужно делать с кровью убитых животных, перечислялись денежные и прочие обложения в пользу храмов, привилегии и права левитов и тому подобное. В частности, десятки глав посвящены описаниям кровавых жертвоприношений.

Можно предположить, что Господу вряд ли очень нужны кровь животных и драгоценные одеяния священства: именно против всего этого и возвышали свой голос израильские «пророки», выступая против увековечения первобытной племенной религии. Как бы то ни было, однако, именно описанные обряды составляют сущность «Закона» правящей иудеями секты, сохраняя всю свою силу и по сегодня.

При составлении книг Закона левитские писцы внесли в них множество аллегорических или «наглядных» примеров того, как «несоблюдение» Закона неизменно приводило к страшным последствиям. Это — притчи Ветхого Завета, и их мораль всегда одна — смерть «отступнику». Наибольшей известностью пользуется притча о золотом тельце, приводимая в Исходе: пока Моисей был на горе, Аарон соорудил золотого тельца; вернувшись и увидев это, Моисей собрал сынов Левия и сказал: «пройдите по стану от ворот до воротки обратно и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего». Что они и сделали, так что «пало в тот день из народа около трёх тысяч человек».

Унаследовав Ветхий Завет, христианство приняло и притчу о золотом тельце, видя в ней предостережение против идолопоклонства. Однако истинные причины изобретения левитами «золотого тельца» были вероятно совсем иными. Многие иудеи, а возможно и некоторые жрецы стали склоняться к мысли, что символическое заклание *золотого* тельца будет Богу приятнее, чем вечное блеяние убиваемых животных, окропления кровью и «сладкий запах» сжигаемых туш. Левиты однако никогда и ни в коем случае не допускали смягчений своих жестоких обрядов; в приводимых ими притчах, кто пытался хоть в чём-либо изменить ритуал, подвергался наказанию.

Подобный же случай — описанное в книге Чисел «восстание Корея», когда «…двести пятьдесят мужей, начальники общества, призываемые на собрания, люди именитые… собрались против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам: всё общество, все святы и среди нас Господь! Почему вы ставите себя

выше народа Господня?» Это было повторением слов израильских «пророков», жаловавшихся, что левиты слишком много берут на себя, и здесь притча явно стремится отбить охоту к подобным протестам. «…и разверзла земля уста свои и поглотила их, Корея и всех людей Кореевых, и домы их, и всё имущество». (Однако собравшиеся продолжали роптать, после чего «вышел гнев от Господа и началось поражение», так что, к моменту заступничества Аарона, «четырнадцать тысяч и семьсот человек погибло». В заключение, сразу же после этого рассказа, собравшихся учат почитать священство, и сам Иегова перечисляет добавочные доходы, которыми община должна обеспечить левитов: «Всё лучшее из елея, и всё лучшее из винограда и хлеба, начатки их. которые они дают Господу, Я отдал тебе».

Вероятно, в силу того, что древние предания ещё жили в памяти многих людей, левиты не могли слишком вольно обращаться с историей; книги Бытия и Исхода, поэтому, сравнительно сдержанны. Фанатизм впервые звучит во Второзаконии, слышен громче в Левите и Числах и, всё время усиливаясь, доходит до того, что в описанной последней притче расово-религиозная резня подаётся, как акт величайшего благочестия и «соблюдения», заслуживающий особую награду от Бога. Эти две последние книги, как и Второзаконие, якобы завещаны Моисеем и должны говорить о его общении с Иеговой. В этом случае уже нет речи о том, что «были найдены рукописи, седые от пыли веков»; эти книги жрецы, просто-напросто, сочинили. Из них явствует, как рос фанатизм жреческой секты в этот период и как со всё большим жаром она призывала к расовой и религиозной ненависти. Второзаконие, сперва учившее: «поэтому любите иноземцев», затем отменяет это «предписание» (вероятно дошедшее из более ранних израильских преданий), исключая «иноземцев» из запрета ростовщичества.

Книга Левит идёт ещё гораздо дальше. Эта книга тоже начинает было с призыва любить чужестранцев; «пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его как себя» (глава 19-ая). Однако позже, в главе 25-ой, всё это отвергается. Чтобы иметь рабов и рабынь «…покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас. Также, и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью. Можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью».

Обращая «чужеземцев», как рабов в движимое имущество, эта догма породила наследственное крепостничество; в иудейском «Законе» она действительна до сих пор. А если бы Ветхий Завет действительно был столь же божественного происхождения, как и Новый, то пионеры и плантаторы Америки и Южной Африки, эксплуатировавшие рабский труд, имели бы полное право считать себя добрыми христианами.

Самая серьёзная дискриминация между «своими» и «чужими» встречается в Книге Левит и касается изнасилования. Во Второзаконии сначала говорится (глава 22-ая): «если кто в поле встретится с отроковицею обручённою и, схватив её, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с ней. А отроковице ничего не делать. На отроковице нет преступления смертного; ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его…» Такое отношение к изнасилованию вполне нормально и, вероятно, было таким же во всех сводах законов того времени. Оно подошло бы почти к любому уголовному кодексу нашего времени, за исключением разве лишь слишком суровой меры наказания. Приведённый выше отрывок вероятно характерен для древнего израильского отношения к этому проступку. Оно было нелицеприятным и не делало различий в личности жертвы. В главе 19-ой, однако. Книга Левит предусматривает, что, если мужчина «преспит с женщиной, а она раба, обручённая мужу, но ещё не выкупленная», то он может быть прощён, если принесёт священнику овна, как «жертву повинности»… и «прощён будет ему грех, которым он согрешил»; женщина же должна быть наказана плетьми. При таком законе, показание женщины-*рабыни* явно не имело бы веса по сравнению с показанием её владельца, если дело шло о насилии; эта «поправка» вносит дискриминацию в статьи Второзакония. Как мы увидим в дальнейшем, в Талмуде содержатся места аналогичного характера.

В Книге Левит также содержится притча о «несоблюдении» и его ужасных последствиях, показывающая, до каких крайностей могли дойти левиты. Две аллегорических личности, два левита, Надив и Авиуд «…принесли в своих кадильницах огонь чуждый». Проступок, казалось бы, не особенно серьёзный, но не так смотрели на это левиты. Для них это было «нарушением Закона», и тотчас же «огонь от Господа сжёг их».

Последняя из пяти сочинённых левитами книг Закона — Числа — отличается наибольшей крайностью. В этой книге левиты умудрились отказаться от претензий на перворождённых, в то же

время сохранив в целости основную догму Закона: гениальный политический трюк. Видимо, требование перворождённых стало для них источником больших затруднений; однако, невозможно было вычеркнуть главный пункт из собственного Закона, не допускавшего никаких послаблений. Подобное «несоблюдение» само явилось бы тяжким преступлением. Выход был найден с помощью очередного перетолкования Закона, причём перворождёнными левиты объявили самих себя. Тем самым, не подвергая себя никакому риску, они получили право претендовать на вечную благодарность облагодетельствованного ими племени. «И сказал Господь Моисею, говоря: Вот, Я взял левитов из сынов израилевых *вместо всех первенцев,* разверзающих ложесна из сынов Израилевых. Левиты должны быть Мои. Ибо все первенцы — Мои». (А поскольку выкупленных таким образом «перворождённых» оказалось на 273 больше, чем их левитских спасителей, то за каждого из этих 273-х пришлось заплатить «Аарону и сынам его» по 5 сиклей).

Прослыв после этого избавителями, левиты внесли в книгу Чисел много новых «законов и предписаний». Их власть держалась на устрашении, в методах которого они проявили большую изобретательность: примером может служить их «испытание ревности», Если на человека находил «дух ревности», то Закон повелевал ему (так как, разумеется, «Господь сказал Моисею, говоря… и т. д.») привести свою жену к священнику, который у алтаря давал ей выпить приготовленное им варево, «горькую воду», произнося: «Если никто не переспал с тобою и ты не осквернилась, и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие. Но если ты изменила мужу своему и осквернилась, и если кто переспал с тобой, кроме мужа твоего…да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём и соделает Господь лоно твоё опавшим и живот твой опухшим». Если после того, как женщина выпивала варево, её живот опухал, священники «исполняли Закон», предавая её смерти. Ясно, что такие ритуалы давали им громадную власть над простыми людьми; приписываемые прямым приказам Бога, они мало чем отличались от магической практики африканских шаманов.

Заключительные штрихи были даны «закону» в последней главе Книги Чисел, этой последней из сочинённых левитами книг Закона, и они приведены в притче о Моисее и Мадианитах. Как вероятно заметил читатель, жизнь и дела Моисея, описанные в Исходе, явно подводят его в разряд тягчайших преступников, ибо он неоднократно нарушал как Второзаконие, так и многочисленные поправки к нему в Левите и Числах. Он и нашёл убежище у Мадианитов, и взял в жёны мадианитянку, дочь первосвященника, который к тому же учил его своим богослужебным обрядам. Иначе говоря, Моисей «брал в жёны дочерей других народов», «шёл в поисках богов других», и совершал многое другое. А поскольку всё здание Закона держалось на Моисее, от чьего имени в позднейших книгах были даны предписания избегать всего, содеянного им же самим, то срочно нужно было с ним что-то придумать, прежде чем книги Закона могли быть закончены; иначе всё левитское сооружение рушилось.

В конце книги Чисел описывается как иудейские книжники справились с этой задачей. Моисея сделали послушным исполнителем всех «законов и предписаний», заставив его поголовно истребить Мадианитское племя, кроме девственниц, чем он и искупил свои проступки. Неестественность натяжки бросается в глаза: благожелательный и мудрый патриарх вдруг становится проповедником закона ненависти и убийств; посмертно обновлённый Моисей порочит своих спасителей, свою жену и двух сыновей, своего тестя и уничтожает их всех. Такое превращение Моисея нужно было левитам для оправдания сочинённой ими расово-религиозной догмы.

В главе 25-ой Чисел Моисею влагаются в уста слова «воспламенился гнев Господень на Израиля», потому что народ стал обращаться к другим богам. Далее следует: «И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем… и сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору» (Культ Ваала был широко распространён в Ханаане и его соперничество с культом Иеговы особенно тревожило левитов).

Так в повествование была внесена тема *религиозной* ненависти. Вслед за ней, вносится и тема *расовой* ненависти: «Некто из сынов Израилевых пришёл и привёл Мадианитянку к братьям своим, в глазах Моисея…» Финеес (внук брата Моисеева, Аарона) пошёл вслед за ними «и пронзил обоих их. Израильтянина и женщину в чрево её». Благодаря столь славному поступку, «прекратилось поражение сынов Израилевых (чумой)… и сказал Господь Моисею, говоря: Финеес отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, *возревновав по Мне среди их.* Посему скажи: вот, Я даю ему мой завет мира». Так левитские книжники вновь скрепили кровью договор между Иеговой и наследственным священством из рода Аарона, кровью расово-религиозных убийств; пролитая кровь была якобы «принята Богом» как «искупление за детей Израиля». Моисею же, свидетелю убийств, последовал приказ от Бога: «Враждуйте с Мадианитянами и поражайте их». Символизм всего этого очевиден. Левитский Моисей

должен поражать одновременно как других богов (бога первосвященника Иофора, его же бывшего наставника), так и чужеземцев вообще (племя его собственной жены и тестя). Последующее поголовное избиение Мадианитян подаётся левитами как последнее деяние Моисея на земле, благодаря которому, на пороге смерти, Моисей полностью реабилитируется. «И сказал Господь Моисею, говоря: „Отмсти Мадианитянам за сынов Израилевых и после отойдёшь к народу твоему". С таким приказом люди Моисеевы „пошли войной на Мадиана, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола… , а жён Мадианских и детей их, сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их, и всё имение их взяли в добычу, и все города их сожгли огнём".

Но и этого было ещё мало. Моисей, супруг любящей его жены, Мадианитянки, и отец двух её сыновей, прогневался на военачальников за то, что «…вы оставили в живых всех женщин. Вот оне… были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору; за что и поражение было в обществе Господнем. *Итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте.* А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, *оставьте в живых для себя».* Затем описывается добыча. *Сперва* идёт перечисление взятого крупного и мелкого скота н ослов, *а после этого:* «Людей, женщин, которые не знали мужеского ложа, всех душ тридцать и две тысячи», которых поделили между собой левиты, солдаты и правоверная паства; золото же, разумеется, было отдано левитам, «для Господа».

После этого Моисею было разрешено умереть, и книги Закона были закончены. Читатель может сам сравнить главы 25-ую и 31-ую книги Чисел с главами 2-ой, 3-ей и 18-ой Исхода: поистине демоническая сила видна в том, как левиты изображают Иегову и Моисея. «Избранному племени» здесь втолковывается, как оно должно служить иудаизму. Для остального человечества это продолжает оставаться предупреждением посей день.

На этой мрачной ноте Закон оканчивается. Его сочинители были маленькой сектой в Вавилоне, с немногими тысячами последователей. Однако, сила их противоестественной идеи оказалась весьма большой. Поставив материальные ценности превыше всего на земле, они навеки связали себя с низшей из двух сил, извечно борющихся за обладание человеческой душой: с тянущей её вниз силой низменных, плотских инстинктов, противостоящих влекущей её вверх силе духа.

Христианские богословы приписывают описанному выше Закону большее, нежели видит в нём еврейство. В недавно изданной христианской Библии в пояснительной заметке говорится что все пять книг Торы «считаются истиной», что явно относится и к историческим, пророческим и поэтическим книгам. Это вытекает логически из упомянутой ранее догмы о том, что Ветхий Завет представляет собой столь же божественное Откровение, как и Новый. Еврейские учёные смотрят на это иначе. Кастейн, например пишет, что автором Торы был «*Неизвестный составитель* », создавший «*прагматический,* исторический труд». Следует согласиться, что это — весьма точное определение. Составитель или составители создали версию истории, написанную субъективно, с целью поддержать свод законов, на ней построенный. При этом, как данная версия истории, так и сами законы, служат вполне определённой политической цели. «В основе всего этого лежит одна объединяющая идея», — пишет Кастейн, идея племенного национализма в его крайней степени, фанатизм которой превосходит всё, когда-либо известное в мире. Монтефиоре же отмечает, что Тора была вовсе не религиозным откровением, а лишь «провозглашённым законом», преследующим определённую цель.

Когда Закон ещё составлялся (он был завершён лишь после окончания Вавилонского плена), два пророка возвысили голос протеста: Исайя и Иеремия. В написанных ими книгах также видна рука левитов, внёсшая дополнения и исправления, нужные для согласования их с «Законом» и поддерживающей этот закон исторической фальшивкой. Подделку легче всего обнаружить и доказать в книге Исаии. Пятнадцать глав этой книги написаны кем-то, явно знакомым с Вавилонским пленением, в то время, как Исаия жил на 200 лет раньше. Христианские богословы обходят эту трудность, называя неизвестного автора «Дейтеро-Исаия» или Вторым Исаией.

Он оставил нам знаменитые слова (часто цитирующиеся вне контекста): «…но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Моё простёрлось до краёв земли». В глазах Закона, который в то время составляли левиты, это была явная ересь, и книжники, вне всякого сомнения, добавили то, чего не мог написать «неизвестный»: «И будут цари их (других народов) и царицы их… до земли будут кланяться и лизать прах ног твоих… притеснителей твоих накормлю собственною плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я Господь. Спаситель твой и Искупитель твой» (Более всего это похоже на стиль Иезекииля, который, как будет показано ниже, был отцом левитского Закона).

По всей видимости, книга Иеремии подверглась левитской обработке с самого начала. Хорошо

известные вводные фразы: «Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы *искоренять и разорять, губить и разрушать …»* противоречат всему тому, что позже говорит Иеремия в следующей главе: «И было слово Господне ко мне: иди и возгласи в уши дщерей Иерусалима: так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную….какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня… Народ Мой. Меня, источник воды живой, оставили».

Затем Иеремия называет виноватого — Иудею (весьма вероятно, что именно это стало причиной его смерти). «И сказал мне Господь: Отступница, дочь Израилева, оказалась правее, нежели вероломная Иудея». Израиль впал в немилость, но Иудея изменила и обманула — явное указание на левитов и их Новый Закон. За этими словами следует протест, столь же искренний и страстный, как и у всех других пророков, против левитских обрядов и жертвоприношений: «Не надейтесь на обманчивые слова: здесь Храм Господень, Храм Господень, Храм Господень» (формальное повторное заклинание)… «но совсем исправьте пути ваши и деяния ваши, …не притесняйте иноземца, сироты и вдовы, и не проливайте невинной крови на месте сём» (речь идёт о ритуале кровавых жертвоприношений и предписанном Законом убийстве отступников)… «Как! Вы крадёте, убиваете и прелюбодействуете, и клянётесь во лжи, …и потом приходите и становитесь пред лицем Моим в доме сём, над которым наречено имя Моё, и говорите: „мы спасены“, чтобы впредь снова делать все эти мерзости» (имеется ввиду введённый левитами ритуал отпущения грехов после принесения в жертву животного). «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Моё?… Отцам вашим я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве…»

Так Иеремия, как позже Иисус Христос, протестовал против уничтожения Закона под предлогом его исполнения. Представляется возможным, что ещё при жизни Иеремии левиты приносили в жертву перворождённых детей, поскольку он добавляет: «И устроили высоты… чтобы сожигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал, и что Мне на сердце не приходило». За эти мерзости, продолжает Иеремия, Господь накажет: «И прекращу в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос торжества и голос веселия, голос жениха и голос невесты; потому что земля эта будет пустынею».

Это хорошо известное политическое пророчество исполнилось. Левиты пытались, как они это всегда делали, вывернуть на изнанку смысл и этого предсказания, разъясняя, что Иудея будто бы пала из-за несоблюдения ею Закона, в то время, как предостережение Иеремия имело совершенно иной смысл; он говорил, что законы левитов разрушат «вероломную Иудею». Восстав из гроба, Иеремия мог бы сегодня повторить тоже самое по адресу сионизма: положение в обоих случаях сходное, и последствия политики сионистов предвидеть также не трудно.

После падения Иудеи, Иеремия обратился к иудеям с самым важным из всех его призывов: «Так говорит Господь Саваоф… всем пленникам, которых Я переселил из Иерусалима в Вавилон… *И заботьтесь о благосостоянии города,* в который Я поселил вас, и молитесь за него Господу, *ибо при благосостоянии его и вам будет мир».* Эти слова и сейчас находят естественный отклик в сердцах евреев, живущих в рассеянии, но правящая секта не допускает, чтобы такие мысли приходили им в голову.

Левиты дали на это свой гневный ответ в псалме 136-ом: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали… Там пленившие нас требовали от нас слов песней и притеснители наши — веселья: „пропойте нам из песней Сионских“. Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей… Дочь Вавилона, опустошительница! *блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень!*

Упрёки Иеремии и ответ левитов показывают всю суть пресловутого «спора О Сионе» и его последствия в судьбе других народов вплоть до нашего времени. Иеремию, явно убитого по приказу левитов, сегодня клеймили бы как помешанного или болтуна, сумасброда или антисемита; в то время обычным обвинением было: «пророк и сновидец». Иеремия описывает методы наговора и клеветы, которыми его старались опорочить; они полностью применимы и к нашему времени, к тем многим общественным деятелям, чья репутация была ими разрушена (примеры этого мы приведём позднее, при описании нашего времени): «Ибо *я* услышал толки многих; угрозы вокруг; заявите, говорили они, и мы сделаем донос. Все, жившие со мной в мире, сторожат за мной, не споткнусь ли я; может быть, говорят, он попадётся, и мы одолеем его и отмстим ему».

Иеремия жил изгнанником в Египте, второй же Исаия жил в Вавилоне и оттуда обратил к людям свой призыв, этот последний луч света в надвигавшейся тьме левитского варварства: «Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; …Да не говорит сын *иноплеменника,* присоединившийся к

Господу: «Господь совсем отделил меня от своего народа» …И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его… даже их Я приведу на святую гору Мою, и обрадую их в Моём доме молитвы… *ибо дом Мой назовётся домом молитвы для всех народов».* Этим проблеском видения Бога, любящего всё человечество, протесты пророков заканчиваются. Левиты и их «закон» остались победителями, и с ними началось истинное пленение евреев: порабощение их законом расово-религиозной ненависти, единственное настоящее пленение в еврейской истории.

Иеремия и Второй Исаия, как и ранние израильские пророки, говорили от имени всего человечества, постепенно находившего путь к свету, в то время как левиты повернули обратно в первобытную тьму. Принц Сидхатта Гаутама, он же Будда, жил и умер до сочинения левитского «закона», но уже он основал религиозное учение для всего человечества на главном законе жизни: «Из добра должно произойти добро, а от зла одно зло».

Это было исконным ответом на Второй Закон левитов, даже если он и остался им неизвестным. Это был также ответ времени и человеческого духа браманизму — индусскому расизму и культу наследственной господствующей касты, весьма сходному с доктринарным иудаизмом.

Через 500 лет после этого в мир пришла другая универсальная религия, а ещё пятьсот лет спустя — третья. Цепи «Закона» крепко держали маленькую иудейскую нацию, не пустив её выйти на путь остального человечества. Она застыла в состоянии духовной окаменелости, хотя её примитивное племенное верование смогло сохранить жизнь и силу. Закон левитов, всё ещё действующий и в XX веке, по своей природе ничто иное как окостеневший пережиток давно минувшего.

Среди народов, с которыми жили иудеи, или у их соседей, когда они жили одни, подобный закон неизбежно должен был вызывать вначале удивление, а затем и тревогу. Влиять на жизнь других народов он начал около 538 г. до Р.Х., после возвращения иудеев из Вавилона в Иерусалим. Это влияние вначале распространилось лишь на маленькие кланы и племена их ближайших соседей, однако впоследствии оно расширялось, как круги по воде, захватывая в свою орбиту всё большее число народов. В нашем веке его губительное действие достигло своего апогея, став причиной небывалых потрясений.

Глава 5
Падение Вавилона

Вавилон пал в 536 г. до Р.Х. ещё до того. как другие народы смогли почувствовать на себе действие «Моисеева закона». Но его падение послужило образцом для развития событий много столетий спустя, в нашем двадцатом веке.

Падение Вавилона и события наших дней после двух мировых войн столь разительно схожи между собой, что это сходство невозможно объяснить простой случайностью и, наоборот, нетрудно показать, что эти события были сознательно направлены. В двадцатом веке народы Запада, сознательно или бессознательно, подчинялись не своему закону, а иудейскому, управляясь силой, которая руководила их правительствами.

Расстановка действующих лиц и окончательные результаты во всех трёх случаях совершенно одни и те же. На одной стороне — иноземный владыка, якобы оскорбитель и угнетатель иудеев (или, в наше время, евреев): в Вавилоне это был царь Валтасар, во время первой мировой войны — русский царь, вовремя второй — Гитлер. Противник этого «преследователя» — другой иноземный владыка, «освободитель». В Вавилоне это был персидский царь Кир, во втором случае — лорд Бальфур и К°, в третьем — президент Труман, или любой другой, номинальный правитель США.

Между обоими противниками стоит всепобеждающий пророк Иеговы, великий муж и мудрый советник царя, предсказывающий бедствие, которое постигнет «преследователя» и его страну, в то время как сам он благополучно избежит неприятных последствий. В Вавилоне это был Даниил, во время первой и второй мировых войн — Хаим Вейцман, сионистский пророк при чужеземных правительствах. Таковы действующие лица. Развязка наступает в форме мести Иеговы «язычникам» и еврейского триумфа в виде символического «восстановления». Царь Валтасар узнал от Даниила о грозившей ему судьбе и был убит «в ту же ночь», а его царство досталось врагам. В конце первой мировой войны еврейские чекисты убили русского царя и всю его семью, запечатлев своё деяние строками, «начертанными на стене» подвала, где произошло убийство. После второй мировой войны вожди нацизма были повешены 16 октября 1946 г. в еврейский «день искупления». Другими словами исход двух мировых войн нашего столетия точно следовал левитскому описанию Вавилоно-Персидской

войны в Ветхом Завете.

Не подлежит сомнению, что воевавшие в древности народы сражались за нечто большее, чем судьба маленького иудейского племени, и что у них были свои интересы и цели. Однако, в повествовании, дошедшем до нашего времени, всё это было выброшено. Только одно имело значение — месть Иеговы и триумф иудеев, и только это было закреплено в памяти народов, а две мировые войны в нашем веке послушно следовали этому образцу.

В истории царь Валтасар сохранился только, как символический «преследователь» иудеев: несмотря на то, что сам Иегова отдал иудеев в плен в наказание за их проступки, царь изображается их «преследователем» и подлежит зверскому уничтожению. Точно также и персидский царь Кир — лишь орудие в руках Иеговы, обещавшего иудеям, что «все эти проклятия» будут переложены «на врагов твоих», как только их роль «угнетателей» будет сыграна. Следовательно, сам по себе, он ни угнетатель, ни освободитель; по сути он не лучше Валтасара, и его династия в свою очередь также подвергнется истреблению.

Подлинная история, в отличие от легенд, представляет нам Кира как просвещённого правителя и основателя империи, охватившей всю Западную Азию. Как указывается в энциклопедиях, «он оставил покорённым народам свободу религии и право самоуправления», что и позволило иудеям воспользоваться благами политики, беспристрастно распространённой Киром на все подвластные ему народы. Вернись царь Кир в наше время на землю, он немало удивился бы, прочтя, что его единственной заслугой было возвращение нескольких тысяч иудеев в Иерусалим. Если бы он, однако, придал этому событию то значение, которое явно придают ему политики двадцатого века, ему лестно было бы убедиться, что тем самым он оказал большее влияние на последующие 2500 лет человеческой истории, чем любой другой из властителей всех времён и народов. Ни одно иное событие древности не возымело в наше время столь серьёзных и, к тому же, столь легко установимых последствий. Уже два поколения западных политиков 20-го века, выслуживаясь у евреев, идут по стопам персидского царя Кира. В результате две миримые войны имели только два существенных и сохранивших своё значение последствия: месть Иеговы символическим «преследователям» и новое «восстановление», как триумф еврейства. Так легенда о вавилонских событиях стала в двадцатом веке высшим «законом», подчиняющим себе всё остальное, превратившись в историческую реальность.

Сама по себе, эта легенда на две трети — ложь и сегодня её назвали бы пропагандой. Даже Валтасара, по всем данным, придумали левиты. Книга, повествующая о падении Вавилона, была составлена несколькими столетиями позже самого события и приписана некоему «Даниилу». Он якобы был иудейским пленником в Вавилоне, достигшим высокого положения при дворе Навуходоносора, благодаря своему умению толковать сны; он же разъяснил царю Валтасару «надпись на стене». «Валтасар, сын Навуходоносора» описывается, как оскорбитель иудеев, употреблявший на пиршестве со своими князьями, жёнами и наложницами «золотые и серебряные сосуды», взятые его отцом из Иерусалимского храма. На стене появляется человеческая рука, пишущая слова; «мене, мене, текел, упарсин». Даниил, призванный для разъяснения, говорит: «Вот и значение слов: исчислил Бог царство твоё и положил конец ему; ты взвешен на весах и найден очень лёгким; разделено царство твоё и дано Мидянам и Персам». Царя Валтасара убивают «в ту же ночь», и на сиену выходит персидский завоеватель, которому суждено «восстановить» иудеев. Так гибель царя и целого царства прямо производится из оскорбления Иудеи и подаётся, как возмездие Иеговы и еврейская месть. Неважно, что ни Даниил, ни Валтасар никогда в действительности не существовали; их включение в левитские писания придаёт легенде характер юридического прецедента. Когда в 1918 году убили русского царя, его жену, четырёх дочерей и сына, то слова, нацарапанные на забрызганной кровью стене, прямо связывали это убийство с вавилонской легендой, причём сделавшие эту надпись открыто признали, кто были убийцы, и заявили о своём «законном» праве на убийство.

Если древняя легенда способна творить такие дела двадцать пять столетий спустя, то неважно, что она выдумка, а не истина, и нет смысла это доказывать: как политики так, и управляемые ими массы живут больше легендами чем правдой. Из трёх главных персонажей описанной версии падения Вавилона бесспорно существовал один только царь Кир. И Валтасар и Даниил — продукты левитской фантазии. «Еврейская Энциклопедия» пишет, что у царя Навуходоносора вовсе не было сына по имени Валтасар, и что во время завоевания Киром Вавилона никакого царя Валтасара там тоже не было. констатируя, что «у *автора книги Даниила* не было под рукой точных данных», другими словами, не веря, что Даниила действительно написал Даниил. И в самом деле, если бы влиятельный иудейский фаворит при дворе, по имени Даниил, действительно написал эту книгу, то он по крайне мере знал бы имя царя, гибель которого он предсказал, а следовательно имел бы и «точные данные».

Не подлежит поэтому сомнению, что книга Даниила, как и приписываемые Моисею книги «Закона», сочинены левитскими книжниками, усердно трудившимися над историей, подгоняя её под уже сочинённый ими «Закон». Если для иллюстрации с целью создания прецедента можно было изобрести царя Валтасара, то очевидно можно было придумать и пророка Даниила. Для сегодняшних сионистских фанатиков этот явно мифический Даниил — самый популярный из всех пророков, и они восторженно цитируют рассказ о надписи на стене, предсказавший месть иудеев и их победу, видя в нём подтверждение своего «законного» права действовать так же и во все будущие времена. История текущего столетия, больше, чем история любого другого века, укрепляет их веру, и для них Даниил с его «толкованием», осуществившимся «в ту же ночь» — убедительный и неопровержимый ответ древним Израильским пророкам с их видением любящего Бога всего человечества. Падение Вавилона (в левитской версии) служит для них практическим подтверждением истины и силы «Моисеева» Закона.

Вся эта история, однако кончилась бы ничем, если бы не царь Кир, единственный действительно реальный из трёх главных персонажей легенды, разрешивший нескольким тысячам иудеев вернуться в Иерусалим (или заставивший их это сделать). В этот момент левитская политическая теория, направленная на захват власти путём влияния на чужеземных правителей, подверглась проверке на практике показалась успешной. Персидский царь был первым в длинном ряду нееврейских марионеток, направляемых правящей еврейской сектой; на нём они показали, как можно сначала пролезть в иноземные правительства, а затем подчинить их себе. К двадцатому веку этот контроль над правительствами приобрёл такую силу что все они, в значительной степени стоят под одной, высшей властью, а их действия, в конечном итоге, всегда служат её интересам. В конце книги мы покажем, как управляют этими нееврейскими марионетками, как разжигается вражда между народами и как создаются конфликты, нужные для достижения определённой «сверх-национальной» цели.

Читателю придётся однако заглянуть в самого себя, чтобы понять, если он сможет, почему эти марионетки, т. е. его собственные политические вожди, столь покорно подчиняются чужой воле. Первым из них был царь Кир. Без его помощи правившая евреями секта никогда не смогла бы вновь обосноваться в Иерусалиме, убедив рассеянные по просторам тогдашнего мира недоверчивые иудейские массы, что расовый закон силён и *будет* выполнен до последней буквы. Прямая и ясная линия причин и следствий тянется от падения Вавилона к событиям нашего века; после ряда последовательных катастроф, пришедший в упадок Запад может винить во всём этом первую не-еврейскую марионетку, Кира, лаже больше, чем направлявших его хитрых и изобретательных жрецов-левитов. Эдуард Мейер (см. библиографию) пишет: «Иудаизм возник по воле персидского царя и с помощью его империи, в результате чего империя Ахеменидов простирает своё влияние с большей силой, чем любая другая, непосредственно до нашего времени». Правильность вывода этого неоспоримого авторитета трудно отрицать.

За 500 лет до того, как появилось само понятие Европы, левиты установили свой «Закон», а царь Кир создал прецедент, показав, как пойдёт разрушение и гибель этого, тогда ещё неведомого континента. Ко времени завоевания Киром Вавилона, пять книг Закона ещё не были закончены. Секта левитов всё ещё усердно трудилась в Вавилоне, сочиняя историю, которая на таких примерах, как эпизод с «царём Валтасаром», должна была придать правдоподобность невероятному и установить прецедент варварских действий двадцать пять веков спустя. Массы иудеев хотя и были уже приучены к религиозной нетерпимости, но не знали ещё ничего о законе расовой нетерпимости, который готовился для них. Левитской секте предстояло завершить «Закон» и применить его к собственному народу. Это произошло в 458 году до Р.Х. во время правления другого персидского царя, и с тех пор «спор о Сионе» неумолимо противопоставляет иудейский народ остальному человечеству. Пуповина, связывавшая его с окружающим миром, была окончательно порвана. Этот обособленный от всех народ, перед которым его жрецы, как знамя, несли легенду о падении Вавилона, был послан в будущее, как компактная сила среди чужих народов, уничтожение которых диктовалось его Законом.

Глава 6
Народ плакал…

Первым народом, столкнувшимся с действием сочинявшегося левитами в Вавилоне «Моисеева Закона», были Самаряне. В 538 г. до Р.Х. они тепло встретили иудеев, возвращавшихся в Иерусалим, и, в знак дружбы, предложили свою помощь в постройке храма, разрушенного Вавилонянами в 596 г. до Р.Х. По приказу левитов предложение самарян было грубо отвергнуто, что вызвало их враждебность, в

результате чего восстановление храма задержалось до 520 г. до Р.Х. (вражда с самарянами продолжалась десятки столетий до нашего времени, и теперь от всего племени осталось в живых лишь несколько десятков человек).

Предложение дружбы показывает, что новый «Закон» иудеев был ещё незнаком соседям, а грубый отказ удивил их. Видимо и сами иудеи в то время тоже ещё не вполне усвоили этот Закон. В Вавилоне продолжалось его составление и, что бы ни говорили левиты своему племени, оно, видно, не могло взять в толк, что иудеи и по расе, и по религии непременно должны были обособиться от остального человечества. Отвержение самарян было первым указанием на то, что должно было происходить в будущем. Самаряне были Израилиты, вероятно с примесью и чужой крови. Они поклонялись Иегове, но не признавали первенства Иерусалима, что одно уже вызывало ненависть левитов, видевших в них опасность возрождения всего прежнего Израиля и растворения в нём Иудеи. В результате самаряне были преданы «великому отлучению»; даже принимая кусок хлеба от самарянина, иудей отныне нарушал левитские законы и предписания, мерзостно оскверняя самого себя.

После этого первого столкновения с соседями иудеи, осмотревшись, увидели перед собой развалины опустевшего Иерусалима. Никто из пришельцев, кроме немногих глубоких старцев, никогда здесь раньше не бывал. Их было немного; «вернулись» якобы около сорока тысяч, вероятно не более одной десятой или двадцатой общего числа иудеев, по собственной воле расселившихся в других странах и столетиями живших там. Возвращение не было для них ни счастливым, ни победным событием, но оно было большим политическим успехом для священства. Левиты встретились с теми же трудностями, что и сионисты в 1903, 1929 и 1953 годах: избранный народ не торопился переселяться в землю обетованную. Мало того, и сами старейшины вовсе не стремились возглавить это «возвращение», предпочитая оставаться в Вавилоне (как сегодняшние вожди сионизма охотнее живут в Нью-Йорке). С этим затруднением в 538 г. до Р.Х. справились теми же методами, как и в 1946 г. нашей эры. Энтузиастов было немного, но нашлись люди обездоленные и слишком бедные, чтобы выбирать: их собрали и повезли с собой. Тех, кто не пожелал расстаться с удобной жизнью в Вавилоне (под управлением своего владыки — экзиларха, с его собственной столицей), обложили налогами и штрафами (как и в наше время из богатых евреев Америки выжимают пожертвования для сионистского государства).

Еврейская *нация* была к тому времени окончательно рассеяна, собрать её снова в Ханаане стало навсегда невозможным, и этого факта никто больше изменить не мог. Как пишет проф. Вельхаузен (см. библиографию): «Из изгнания вернулся не народ, а одна только религиозная секта». Однако для священства символическое значение этого «возвращения» было огромно, ибо оно позволило левитам установить свою мистическую власть над рассеянными массами. Оно могло быть представлено, как доказательство правоты и силы «Закона», и того, что миссией «избранного народа» было разрушать и господствовать.

Для немногих вернувшихся и для многих, кто предпочёл наблюдать издали, «возвращение» представлялось в довольно различном свете. Немногим оно дало возможность служить Иегове по тем обычаям и в том месте, что были предусмотрены Законом. Для многих других оно было победой иудейского национализма и предзнаменованием окончательного триумфа, предвиденного Законом. Наблюдавшие издали видели, какими методами был достигнут успех: завоеватель был свергнут и уничтожен, а «плен» превращён в «возвращение». Обособление оправдало себя, а главными методами принуждения к нему были гетто и синагога. Гетто, это чисто левитское изобретение, было впервые испробовано в Вавилоне, где иудеи жили сплочёнными группами в закрытых общинах.

Коллективное чтение законов оказалось эффективной заменой ритуальных богослужений, которые по Закону, могли иметь место только в Иерусалимском храме (так возникла синагога). Общины в рассеянии также стали уединяться в гетто и практиковать службы в синагогах, что давало диаспоре чувство единства как с рассеянными, так и с «возвратившимися» иудеями. Так религиозная секта, «вернувшаяся» в незнакомый ей Иерусалим, стала ядром нации в нациях и государства в государствах. Священство умудрилось сохранить теократический строй, даже не имея собственной территории и под властью чужеземного царя. Они правили своими последователями по собственным законам, распространив их и на иудеев, живших в рассеянии, о чём Кастейн пишет следующее: «Взамен конституции умершего государства была создана общинная автономия, а власть государства была заменена другой, более надёжной и стойкой: *твёрдым и безжалостным режимом но основе беспрекословного выполнения всех ритуальных предписаний»*. Эти слова еврейского историка заслуживают пристального внимания: многие из «ритуальных предписаний» описаны в этой книге. Левиты сумели в «плену» и на чужой земле установить свой «твёрдый и безжалостный режим». Это

было исключительным и удивительно стойким достижением: установленное древности, оно продолжается до наших дней.

«Чужестранцы» обычно не в состоянии понять, какими методами правящая секта смогла так крепко держать в своих руках нацию, рассеянную по всему свету. В конечном счёте, эта власть держится на терроре и страхе; её тайны ревниво охраняются от «чужих», но старательный исследователь может порой добраться до истины. В руках левитов есть страшное оружие — отлучение, а страх перед ним в значительной степени объясняется тем, что правоверный иудей действительно верит в физическую реальность и эффективность перечисленных во Второзаконии и других книгах проклятий; «Еврейская Энциклопедия» подтверждает, что эта вера держится до сих пор. В этом отношении евреи сходны с африканскими дикарями, верящими в то, что заклинания могут привести к смерти, и с американскими неграми, дрожащими перед шаманами Ву-Ду. Изгнание из племени — страшное наказание (в прошлом нередко смертельное), примеров которого можно много найти в литературе нашего времени.

Для благочестивых (вернее, суеверных) иудеев Тора-Талмуд является *единственным* законом, так что если они и подчиняются законам страны их поселения, то лишь формально и с внутренними оговорками. Этот «единственный» Закон даёт священству полную судебную и административную власть, что нередко даже формально подтверждалось нееврейскими правительствами стран рассеяния. По букве этого «Закона» за многие проступки полагалась смертная казнь, и на практике, в закрытых иудейских общинах, раввины нередко приводили смертные приговоры в исполнение.

Иерусалим, куда вернулись только немногие, был для той эпохи далёк от Вавилона, и левиты, своим первым шагом оттолкнувшие самарян, не смогли, на расстоянии, полностью подавить нормальные человеческие инстинкты у людей своего племени. Иудеи стали селиться на обедневшей земле и вступать в смешанные браки с соседями. Они не нарушали при этом никаких известных им законов, ибо книги «Закона» всё ещё находились в процессе составления в Вавилоне. Вернувшиеся знали о сотнях Соломоновых жён и о Мадианигском тесте Моисея, но до них ещё не дошло, что Моисей, оказывается, восстал из мёртвых, чтобы уничтожить всех Мадианитов, кроме дев, не познавших мужа. Они брали в мужья и жёны сыновей и дочерей своих соседей, и это естественное смешение продолжалось около 80-ти лет после возвращения в Иерусалим.

За это время левиты в Вавилоне закончили оформление «Закона», действие которого с тех пор почувствовали на себе далеко не одни только иудеи. Главным его создателем был Иезекииль из рода первосвященников, и, по-видимому, все пять книг Закона в той форме, в какой они дошли до нас, несут на себе его печать. Он был отцом-основателем нетерпимости, расизма, мести во имя религии и убийств во имя Божие.

Книга Иезекииля — самая знаменательная из всех книг Ветхого Завета, важнее даже, чем *Второзаконие, Левит и Числа,* являясь источником мрачных идей, лёгших в основу Закона. Читая проклятия, перечисленные во Второзаконии, невольно приходится подозревать, что природа грозящего ими божества была чисто дьявольской, а отнюдь не божественной; невозможно сочетать данное этому кумиру имя «Бога» с произносимыми им проклятиями. Эти подозрения находят полное подтверждение именно в книге Иезекииля, где «Бог» собственными устами говорит, что он создал *порочные* законы, дабы принести людям несчастье и внушить страх. Так записано в главе 20-ой (Иезекииля), и это раскрывает всю тайну «Моисеева Закона».

В этой главе явно содержится ответ Иезекииля пророку Иеремии, порицавшему левитов за жертвоприношения перворождённых: «И устроили высоты … чтобы сожигать сыновей своих и дочерей своих в огне, *чего Я не повелевал и что Мне на сердце не приходило* …» Иезекииля не слишком беспокоит судьба сыновей и дочерей, но он возмущён утверждением, будто Бог не требовал принесения в жертву перворождённых, после того, как книжники неоднократно Ему такой приказ приписывали. Ему важно только одно: показать, что Бог *дал* такой приказ, и этим обелить священство; приказание, что такой приказ был порочен, делается им мимоходом, как будто бы это не имело большого значения. «Я, Господь, Бог ваш; по Моим заповедям поступайте и Мои уставы соблюдайте и исполняйте их …но и сыновья возмутились против Меня; по заповедям Моим не поступали и устава Моих не соблюдали …Я сказал: изолью на них гнев Мой, истощу над ними ярость Мою в пустыне …*И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы, и попустил им оскверниться жертвоприношениями их, когда они стали проводить через огонь всякий первый плод утробы, чтобы разорить их, дабы знали, что Я, Господь».* Христианские богословы, своим решением, что Ветхий Завет столь же полон божественного авторитета, как и Новый, очевидно включают и вышеприведённый отрывок. Сам Иезекииль в своё время запретил всякие протесты, добавив: «…и

хотите вопросить Меня, дом Израилев? живу Я, говорит Господь Бог, не дам вам ответа».

Иезекииль пережил падение Иудеи и высылку секты в Вавилон, будучи очевидцем тех событий, которые он описал в своей книге. Другие «пророческие» части книги показывают этого отца-основателя правоверного иудаизма, как человека, явно находившегося во власти мрачных, истинно дьявольских, навязчивых идей. Многие части книги Иезекииля невозможно было бы в те времена опубликовать, кроме как в виде Священного Писания.

В начале книги он описывает осаду Иерусалима словами, приписываемыми им самому Господу Богу. Иезекиилю приказывается искупить «беззакония» народа, поедая хлеб, испечённый «при глазах их на человеческом кале». На его заверения, что он всегда точно соблюдал диетические законы Иеговы, не беря в рот ничего мерзостного, человеческий кал заменяется коровьим навозом. Затем Господь грозит нарушителям Закона людоедством — проклятие, видимо особо излюбленное левитами: «зато отцы будут есть сыновей среди себя, и сыновья будут есть отцов своих … третья часть падёт от меча … а третью часть Я рассею по всем ветрам … И пошлю на вас голод и лютых зверей … и язва и кровь пройдёт по тебе».

Всё это — наказание всего лишь за «несоблюдение», а вовсе не за какие-либо особо злые дела. Следуют целые страницы проклятий, включая обещание Иеговы использовать неевреев как орудие наказания иудеев: «Я приведу злейших из народов, и завладеют домами их». Описывая наказание тех, кто служит «другим богам», Иезекииль сообщает своё весьма характерное видение: «…пусть приблизятся каратели города» (Иерусалима), «каждый со своим губительным оружием в руке своей…» Далее говорится: «…один, у которого есть при поясе прибор писца… пойди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак» (это — правоверные, соблюдавшие Закон). Поставив на лбах печать, Иезекииль продолжает: «Господь говорит в слух мой», приказывая людям: «… идите за ним по городу и поражайте; пусть не жалеет око ваше и не щадите старика, юношу и девицу, и младенца и жён бейте до смерти, но не троньте ни одного человека, на котором знак… и вышли и стали убивать в городе».

С тех пор жители Иерусалима видно считали полезным вздыхать и плакать на виду у других: так, может быть, и появилась Стена Плача. Следуют одна за другой главы, полные угроз, с неизменным успокоением, что если нарушители «Закона» вернутся к его соблюдению, то ещё большие несчастья падут на язычников, хотя и не совсем понятно, за что: «И выведу вас из стран, по которым вы были рассеяны, и приведу вас в землю, которую Я клялся дать отцам вашим … и будут Моим народом и Я буду их Богом». О судьбе же других народов «…скажи всякого рода птицам и зверям полевым: собирайтесь и идите; со всех сторон сходитесь к жертве Моей, которую Я заколю для вас, к великой жертве на горах Израилевых, — и будете есть мясо и пить *кровь.* Мясо мужей сильных будете есть и будете пить *кровь князей земли…* будете есть жир до сытости И пить *кровь* до опьянения … и явлю силу Мою между народами, и все народы увидят суд Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую наложу на них». Пока обученные Иезекиилем книжники в течение 80-ти лет продолжали составлять свой Закон, вернувшиеся в Иерусалим иудеи постепенно устанавливали нормальные отношения с соседями, не зная ещё о режиме ханжества и обособленности, готовившемся для них в Вавилоне. Многие молились другим богам, прося дождя, урожая, солнца и скота, а Иегове молились при племенных распрях.

Наконец, в году 458-ом до Р.Х. левиты нанесли свой первый удар: «Закон» был готов. Само по себе, это не имело бы большого значения, но, что было гораздо важнее, *персидский царь был готов силой принудить население принять этот Закон.* Впервые правящей секте удалось совершить то чудо, которое повторялось много раз впоследствии: неизвестными нам средствами она сумела заставить иноземного монарха, по всей видимости её могущественного и независимого повелителя, предоставить своих солдат и деньги в её распоряжение. В этот день 458 г. до Р.Х., иудеи в Иерусалиме были окончательно оторваны от остального человечества и попали в рабство, подобного которому они не знали в Вавилоне. Это было действительным началом описываемой нами в этой книге истории. Всё это записано в книгах Ездры и Неемии, левитских эмиссаров, посланных из Вавилона в Иерусалим насаждать человеконенавистнические законы Иезекииля.

Ездра (из клана первосвященников) приехал из Вавилона в Иерусалим во главе 1500 своих последователей. Он прибыл от имени персидского царя Артаксеркса Долгорукого, с персидскими солдатами и царским золотом. Не иначе явился в 1917 г. в Палестину и современный нам доктор Хаим Вейцман; его поддерживали английские войска и английское золото, а в 1947 г. это были американские власти и деньги, Юридически Ездра был персидским уполномоченным, как и доктор Вейцман, русский еврей, был в 1917 г. эмиссаром Великобритании. Остаётся тайной, какими способами секта сумела

навязать царю Артаксерксу свою волю. После Кира это был второй монарх в роли марионетки, в наше же время готовность играть эту роль стала необходимой предпосылкой для успешной карьеры общественного деятеля в любой стране просвещённого Запада.

Ездра привёз с собой новый *расовый* закон. Он начал с подбора своих спутников, взяв одних левитов или тех, кто мог доказать своё чисто иудейское происхождение. Прибыв в Иерусалим и увидев множество смешанных браков, он согласно Кастейну «преисполнился ужасом и отвращением». Иудеи в Иерусалиме чувствовали себя при этом совсем неплохо: «Терпя расовое смешение с соседними племенами, они установили *мирные отношения на почве семейных связей».*

Кастейну такое мирное сожительство представляется столь же отвратительным, даже много веков спустя, но он вынужден признать, что, смешиваясь с другими племенами, иерусалимские иудеи «соблюдали традиции своего времени» и не нарушали ни одного из известных им законов. Ездра привёз *новый закон* Иезекииля, заменивший собою древние традиции. В качестве эмиссара персидского царя, он собрал жителей Иерусалима и объявил, что все смешанные браки подлежат расторжению, после чего все «чужестранцы» и всё чужое подвергалось строжайшему исключению. Была создана специальная комиссия старейшин, с задачей разорвать брачные союзы, а тем самым, следовательно, разрушить «мирные отношения на почве семейных связей».

Даже Кастейн признаёт, что «мероприятия Ездры были *явно реакционными,* они *возвели в достоинство* закона указы, которых в то время *в Торе ещё не содержалось»* (это было внесено в Тору в 444 г. — см. далее). Заслуживает внимания употребление Кастейном слова «достоинство»: его книга была опубликована в Берлине двадцать четыре века спустя, в тот самый год, когда Гитлер пришёл к власти в Германии, издав вскоре похожий закон о чистоте расы. Сионисты немедленно заклеймили его, как «позорный», и немного лет спустя армии западных союзников, перевернувши в её противоположность роль персидских солдат 458 года до Р.Х., были мобилизованы для его уничтожения.

Как в 458 г. до Р.Х. (в Иерусалиме), так и в 1917-ом по Р.Х. (в Палестине) насилие привело к совершенно естественным результатам: соседние народы были оскорблены и обеспокоены этим неслыханным нововведением. В стенах Иерусалима они увидели претензию на иудейское превосходство над ними и, почувствовав опасность, напали на город, разрушив его крепости. Ездра, подобно сионистским вождям двадцатого века, к тому времени, по-видимому, вернулся в свою заграничную резиденцию, поскольку его искусственное сооружение в Иерусалиме стало быстро разваливаться, уступив место естественным порядкам: снова появились смешанные браки и восстановились «мирные отношения на почве семейных связей». Помешать таким процессам может только грубая сила.

Тринадцать лет спустя, в 445 г. до Р.Х., старейшины в Вавилоне начали новое наступление на этот раз с помощью Неемии, фигуры столь же типичной для тогдашнего Вавилона, как и для наших дней. Иудей по происхождению, он был в большой милости у персидского царя, занимая высокий придворный пост виночерпия при Артаксерксе (как в наш век сионистские «советники» являются правой рукой британских премьер-министров и американских президентов). Он прибыл из Вавилона в Иерусалим с диктаторскими полномочиями и достаточным количеством солдат и денег, чтобы за *персидский* счёт (и здесь — полная аналогия с нашим временем) восстановить крепостные стены, создав первое настоящее гетто. Оно разумеется пустовало, но по окончании постройки Неемия заставил каждого десятого иудея по жребию переселиться туда.

Расовые догмы стали хотя ещё и неписаным, но действующим законом. Почитатели Иеговы, не бывшие в состоянии доказать персидским чиновникам и левитским старейшинам своё происхождение из племён Иуды, Вениамина или Левия, отвергались «с отвращением» (Кастейн). Каждый должен был доказать «бесспорную чистоту расового происхождения» по метрическим записям (гитлеровский закон об арийских бабушках в двадцатом веке таких крайностей от немцев не требовал). Затем, в 444 г. до Р.Х. Неемия надоумил Ездру внести в Тору запрещение смешанных браков, т. е. новая практика отныне стала «законом» (а Давид с Соломоном, надо думать, были посмертно исключены из числа правоверных). Были собраны главы всех кланов и семейств, и их заставили подписать обязательство, что впредь и они сами, и их люди будут соблюдать все установления и предписания Торы, в особенности же упомянутые новые. В книгу Левит внесли необходимую поправку: «Я *отделил* вас от всех народов, чтобы вы были Мои». Теперь ни один иудей, под страхом смерти не смел вступать в брак вне своего клана; мужчина, бравший в жёны чужеземку, совершал грех перед Богом (Неемия 13:27. Это же — закон и в нынешнем сионистском государстве), «чужим» был запрещён вход в город, «чтобы *очистить* иудеев от всего иноземного».

Неемия и Ездра были оба очевидцами происходившего. Неемия — неутомимый, идеальный рассказчик: он был там, он был диктатором, и происшедшее было делом его рук. Он пишет, что, когда Ездра впервые объявил Новый Закон жителям Иерусалима, «весь народ плакал, когда он услыхал слова Закона». Эти восемь слов древнего повествователя восстанавливают описанную сцену перед глазами современного читателя, как будто она произошла не 24 века, а всего лишь 24 часа тому назад. Мы видим плачущую, загнанную в гетто толпу глазами того, кто с помощью персидских солдат надел ей первое настоящее ярмо духовного рабства, которое в будущем суждено было влачить каждому, называвшему себя «евреем».

Неемия прожил в Иерусалиме двенадцать лет, а затем вернулся к вавилонскому двору. И опять, после его отъезда, возведённое им искусственное сооружение стало разваливаться, т. е. когда через несколько лет Неемия снова почтил Иерусалим своим присутствием, он опять нашёл множество смешанных браков. Он вновь «энергично расторгает» их, предписывая «строжайшие наказания» за подобные проступки в. будущем. Далее, «с целью строжайшего соблюдения расового отбора, он вновь внимательно просматривает метрические записи», исключая всех, даже потомков Аарона, в происхождении которых имеется малейший изъян. Он «без жалостно очищает» иудейскую общину от всех, кто не желает «не колеблясь, безоговорочно и преданно подчиниться Закону и установленному порядку», и заставляет всех жителей Иерусалима возобновить клятвенные обещания. Это вошло в историю, как «Новый Договор», подобно тому, как и *Второзаконие* было *новым* законом: термины, отмечающие этапы насаждаемой новой ереси. Левиты приказали, а персидские власти *принудили* каждого жителя Иерусалима лично подписать Новый Договор», как подписывают торговый контракт. «Выполнив задачу изолирования» иудейского населения, Неемия вернулся домой в Вавилон, «оставив после» себя общину, члены которой, *теперь уже согласные между собой* по всем основным вопросам, могли смотреть за собой сами. Он регламентировал для них их повседневную жизнь и создал её духовные основы». Так пишет Кастейн, и из его слов читателю ясно, какими методами среди жителей Иерусалима было достигнуто «согласие по всем основным вопросам».

К этому времени прошло уже около 400 лет после отвержения Иудеи Израилем, и 300 лет после завоевания её Ассирией. Левиты использовали этот период, чтобы завершить полное извращение древней традиции, зафиксировать письменно свои расово-религиозные законы и наконец заковать в них, как в кандалы, жителей маленькой персидской провинции — Иудеи. Им удалось силой насадить своё фантастическое племенное суеверием построить свою маленькую, по тем временам, теократию. Так катализатор разрушения был направлен на дорогу в будущее.

Более ста поколений с того дня, когда «Новый Договор» был навязан силой персидского оружия, а плакавшие от ужаса люди были вынуждены его подписать, цепи этого договора влачит группа людей, разных по крови, но более или менее тесно связанных его узами, передавая их по наследству, в духовной изоляции от остального человечества. Кажущийся парадокс продолжает жить: хотя закабаление было изобретено левитами, но нужные для него цепи были персидскими. Как тогда, так и сейчас, фанатичная секта диктует состояние рабства, но осуществляется оно иностранным оружием и чужими деньгами. Возникает вопрос, кто больше отвечает за какое-либо действие: тот, кто замышляет и подстрекает, или же тот, кто выполняет? Если большая и окончательная ответственность лежит на исполнителях, то приговор истории ясен, хотя и парадоксален: ответственность за ересь иудаизма несут главным образом те вожди *нееврейских* народов, которые, начиная с персидских царей и по сей день, подчиняются воле секты, её выдумавшей.

Нет сомнений в том, что это *действительно* ересь. Когда солдаты Артаксеркса заставили иерусалимских евреев подписать Иезекиилев «Новый Договор», произошло окончательное *извращение древних израильских традиций, а признание Бога превратилось в Его отрицание.* Не осталось никакого сходства между Богом десяти заповедей и злорадным Иезекиилевым божеством, похвалявшимся тем, что оно приказывало людям убивать своих первенцев, дабы держать их в почтении к самому себе! Это был не Бог, открывшийся людям, а рукотворное воплощение примитивного племенного варварства. То, что вынужден был подписать в «Новом Договоре», под давлением, древний народ, было-либо прямое отрицание Бога,-либо формальное объявление того, что Бог — это Иудея. Фактически это и есть то, что современные сионисты заявляют совершенно открыто, тем самым признавая чудовищную ересь: «Бог содержится в национализме Израиля. Он — наше национальное содержание … Он создаёт мир по-еврейски. Он — наш национальный Бог» (подлинные слова раввина Соломона Гольдмана; см. Rabbi Solomon Goldman, «God and Israel»). «Мы выросли вместе с Богом… У нас есть наш национальный Бог… Мы верим, что Бог — еврей, и, что нет ни английского, ни американского Бога» (Maurice Samuel, «You Gentiles», 1924). «Не Бог создал этих людей и их мировоззрение, а эти люди сами создали такого

Бога и такое мировоззрение» (Josef Kastein, «History and Destiny of the Jews», 1933).

Эти заявления ясны и недвусмысленны, и их нетрудно выразить на бумаге в наш век, в Нью-Йорке или Чикаго, в Лондоне или Берлине. Но в начале этой истории, как писал Неемия: «Все люди плакали, когда слушали слова Закона», а с тех пор он заставлял плакать очень многих.

Глава 7
Перевод книг Закона

Важнейшим событием последующих 400 лет был, как показала история, перевод иудейских писании на греческий язык, что впоследствии получило название «Ветхого Завета». Перевод позволил, и позволяет до сих пор, «язычникам» частично ознакомиться с Законом, сулящим им уничтожение, порабощение и господство над ними иудеев. Без него, истинную природу иудаизма можно было бы только подозревать; перевод доставил документальное свидетельство правильности подозрений.

На первый взгляд представляется странным, что этот перевод вообще был сделан — по приданию семьюдесятью двумя еврейскими учёными в Александрии, между 275 и 150 гг. до Р.Х. Кастейн пишет, что «его определённой целью было сделать книги закона постижимыми для греков; это привело к *извращению и искажению слов, изменению смысла и частой замене общими понятиями и идеями того, что было чисто местным и национальным».*

Если Кастейн хотел завуалировать происшедшее, то в данном случае он проявил небрежность в выборе слов. Нельзя сделать что-либо «постижимым» для других путём извращений, искажений, изменений смысла и заменой ясных фраз двусмысленными формулировками. Кроме того, учёному гебраисту Кастейну должно было быть известным, что, как это стоит в Еврейской Энциклопедии, позднейший Талмуд даже «запрещал обучать Торе неевреев, а всякий, кто учил их, заслуживал смерти». Талмуд настолько опасался, что «язычники» смогут ознакомиться с «Законом», что была даже придумана *устная* Тора, как последнее убежище, в котором секреты Иеговы могли быть спрятаны от нееврейских глаз.

Если иудейские писания были переведены евреями на греческий язык, то, разумеется, вовсе не с благой целью оказать грекам услугу (сам Кастейн писал преимущественно для нееврейских читателей, что делает понятными многие его формулировки). В переводе нуждались, в первую очередь, сами евреи, давно забывшие в Вавилоне свой древнееврейский язык и пользовавшиеся арамейским. Впоследствии древнееврейский язык стал левитским секретом, «одной из тайных духовных связей между иудаистами диаспоры», как пишет Кастейн. Самая большая община тогдашних евреев проживала в Александрии, где их обиходным языком стал греческий. Многие из них древнееврейского вообще не понимали, и греческий перевод Закона нужен был, как основа для толкований его раввинами. Но, прежде всего, еврейские старейшины не могли предвидеть того, что несколько столетий спустя в мире появится новая религия, которая сделает их писания частью своей Библии, а «Моисеев Закон» достоянием всего человечества. Если бы это могло быть ими предвидено, греческий перевод, вероятно, никогда не был бы сделан. Как бы то ни было, левиты дали понять переводчикам, что их труд впервые позволит неевреям познакомиться с «Законом»; отсюда и все извращения, искажения, изменения и подтасовки, о которых пишет Кастейн. Примером может служит перевод 21-ого стиха 32-ой главы Второзакония, в котором язычники характеризуются, как «глупый, бессмысленный народ», в то время, как в древнееврейском тексте, приводимом «Еврейской Энциклопедией», стоит — «злобные и подлые неевреи».

Что именно было переведено? Прежде всего — пять книг Закона, т. е. Тора. После того, как Ездра и Неемия принудили иерусалимских иудеев принять «Новый Договор», вавилонское священство ещё раз пересмотрело Тору: *«анонимные редакторы снова пересматривают исторические события, традиции, законы и обычаи прошлого, придавая им смысл и значение,* подходившие к требованиям теократической системы управления… После этого Тора получила свою окончательную форму, в которой теперь нельзя менять ни одной запятой: ни одна мысль, слово или буква не должны в будущем быть изменены» (Кастейн).

Если простые смертные повторно «придают иное значение» чему-то, что было объявлено непреложным, втискивая духовные традиции в рамки своих земных политических амбиций, то такой труд не может быть назван божественным откровением. Древние израильские традиции были выброшены или «исправлены», и их место занял иудейский расовый закон в его «окончательной и решающей форме». При составлении прочих книг, исторических, пророческих и поэтических, применялся тот же метод. Книга Даниила была закончена примерно в то же время, другими словами,

около 400 лет после описанных в ней событий; неудивительно, что её неизвестный автор перепутал буквально все исторические факты. Кастейн не скрывает того, как составлялись эти тексты: «Редакторы, придавшие окончательную форму книгам Иисуса Навина, Судей Израилевых, обеих книг Самуила и Книги Царств собрали *все отрывки»* (древних поучений и преданий) «и *творчески истолковали* их… Не всегда возможно было приписать определённые слова определённому лицу, так как они часто говорили *анонимно.* Однако, *редакторы больше заботились о тематическом содержании, чем о филологической точности»,* они связывали воедино слова пророков по силе своего разумения» (вероятно именно такому методу следует приписать совершенно идентичные «мессианские» предсказания у двух различных пророков, например Исаии 2:2-4 и Михея 4:1-4, а также и другие многочисленные повторения такого же характера).

Итак, существенным было *тематическое содержание,* а не историческая правда, не «филологическая точность», и не слова Господа Бога. «Тематическим содержанием» был политический шовинизм в самой крайней форме, какая когда-либо была известна человечеству, а соответствие левитской догме было единственным, что должны были соблюдать переводчики. Каждому, кто изучает источники, совершенно ясно, какими методами составлялись эти книги после отвержения Иудеи Израилем, и каковы были причины их составления. Окончательный результат пятисот— или шестисотлетнего труда многих поколений политиканствующих жрецов был около 150 г. до Р.Х. переведён на греческий язык. После эпохи Иисуса Христа как эти книги, так и Новый Завет были переведены Св. Иеронимом на латинский язык и «стали рассматриваться церковью как исходящие из одного божественного авторитета и как две части одного и того же труда». Так пишут современные энциклопедии, а со времени Трентского Собора в 16-ом веке нашей эры это стало богословским определением Библии: протестантские церкви также приняли его без спора, хотя, казалось бы, в этом вопросе они имели все основания протестовать.

В связи с изменениями, внесёнными в перевод (см. выше, свидетельство Кастейна), никто в настоящее время, кроме еврейских иудаистов, не может сказать, насколько схожи или несхожи между собой древнееврейско-арамейский оригинал и греческий перевод того, что составляет первую часть христианской Библии. Ясно, однако, что сделанные изменения были весьма существенными, а кроме того существует ещё и «устная Тора», и талмудское продолжение Торы, так что христианский мир не знает и никогда не знал всей правды об иудейском Законе. Сущность его однако ясно видна и в дошедшей до нас редакции Ветхого Завета, и одно это уже достаточно удивительно. Что бы там ни было выброшено или изменено, перед каждым ясно встаёт облик мстительного племенного божества с его варварскими заповедями уничтожения и порабощения, давая повод для размышления. После того как перевод был сделан, никакие увёртки, извращения, изменения смысла слов и иные хитрости не в силах были скрыть характера иудейского «Закона», несмотря на все сделанные примечания, смысл написанного остаётся ясным. В этом лучшее доказательство того, что, давая разрешение на опубликование перевода, левиты ещё не могли предвидеть, сколь широкой аудитории этот труд станет впоследствии известным.

В этом переводе то, что мы сейчас называем Ветхим Заветом, дошло до западного мира, а его доктрина расовой ненависти и разрушения лишь незначительно смягчена сделанными исправлениями. Всё это произошло задолго до начала истории самой Европы, как западной, так и восточной. Сейчас, когда христианская Европа просуществовала уже около двадцати столетий, её политические вожди, проникшись страхом перед иудейской сектой, говорят с боязливым почтением о Ветхом Завете, как о лучшей части Священного Писания, по которому они, якобы, живут. Тем не менее, он всегда был лишь предвестником уничтожения и порабощения их собственных народов, а все их дела *под принятым на себя добровольным ярмом* давно уже ведут к одной лишь этой цели.

Глава 8
Закон и идумеи

Пока иудейские писания, по их завершении и переводе александрийскими евреями, становились достоянием сначала греков, а затем и других «язычников», в маленькой Иудее сменилось владычество над ней персов, греков и, наконец, римлян.

За время этих хаотических столетий произошло ещё одно важное событие: насильственное обращение Идумеев в иудаизм (термин «Иудаизм» был впервые введён в употребление еврейским историком Иосифом Флавием для обозначения культуры и жизненного уклада Иудеи, как «эллинизм» обозначал культуру и обычаи древней Греции. Первоначально, слово иудаизм не носило религиозного

оттенка, но за отсутствием лучшего термина мы будем в дальнейшем пользоваться им для характеристики расовой религии, созданной левитами путём извращения ими «Моисеева Закона»).

В истории известно ещё одно только массовое обращение в иудаизм, имевшее место 8-9 столетий спустя, и оказавшее, как будет показано ниже, непосредственное влияние на судьбы также и нашего поколения. Однако, в те древние времена отдельные переходы в другую веру происходили довольно часто, а переход в иудейство часто даже поощрялся раввинами. В Евангелии от Матфея упоминается, что сам Иисус Христос упрекал фарисеев: «вы обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного». Другими словами, расовый запрет, предписывавшийся Вторым Законом и Новым Договором, по неизвестным нам причинам в те времена не всегда соблюдался. Объяснение, по-видимому, можно найти чисто численное: иудейское племя было столь малочисленным, что при строгом соблюдении расового закона оно просто бы вымерло, а левиты с их доктриной остались в положении генералов с планом сражения, но без армии.

Также по самым различным причинам, расовое смешение было в ту эпоху обычным явлением. Как пишет «Еврейская Энциклопедия»: «И до того, и впоследствии Иудея росла и усиливалась за счёт обращения в свою веру чужестранцев». Другие авторитетные источники вполне с этим согласны, так что чистокровное иудейское племя явно перестало существовать, самое позднее за несколько столетий до Р.Х. Тем не менее расовый *Закон* полностью сохранил всю свою силу, не пострадав от этих исключений, так что в христианскую эру всякие попытки прозелитизма прекратились, и иудаисты во всём мире, хотя они давно уже перестали быть по крови потомками иудеев, вновь стали общиной, ограждённой жёсткими расовыми запретами от всего остального человечества. Расовая исключительность сохранилась, вернее, снова стала основным догматом формального сионизма, а в позднейшем Талмуде стояло, что «новообращённые столь же вредят иудаизму, как язвы здоровому телу».

Особо ярые сионисты до сего времени бьются головами о стену плача, говоря об обращении Идумеев и видя в нём подтверждение цитированного выше человеколюбивого положения Талмуда. Вопрос, что делать с Идумеями, возник очевидно из весьма вольного обращения левитского священства, как с историей, так и с их собственным «Законом». В первой книге Бытия идумеи описаны, как племя происшедшее от Исава («Исав — отец Идумеев»), а Исав был родным братом Иакова, называемого Израилем. Древние предания признавали близкое родство между Иудеей и Идумеей (Едом), а во Второзаконии, написанном в 621 г. до Р.Х. констатируется особый статус идумеев: «Господь сказал Моисею говоря: И народу дай повеление и скажи: вы будете проходить пределы братьев ваших, сынов Исавовых … Но остерегайтесь начинать с ними войну, ибо я не дам вам земли их ни на стопу ноги… и шли мы *мимо* братьев наших, сынов Исавовых». Когда же писалась Книга Чисел, т. е. примерно 200 лет спустя, ситуация изменилась; Ездра и Неемия, с помощью персидских солдат, вынудили иудеев подчиниться расовым законам, что привело к вражде с Идумеями и другими соседними народами (как в наше время, по совершенно тем же причинам, стали их врагами и арабы).

Соседние народы поняли из книги Чисел, что вместо слов «остерегайтесь начинать с ними войну», другими указаниями они намечены к «полному уничтожению». А именно, в Книге Чисел Моисей и его последователи уже вовсе не собираются «идти *мимо* братьев наших, детей Исава», а намерены идти *«через»* землю Идумеев. Царь Идумеев не даёт на это разрешения, и Моисей избирает другую дорогу. Господь же обещает ему, что он будет владеть Едомом. Из других строк того же Закона Идумеям должна была стать ясной и судьба городов, взятых в такое владение: ничто дышащее не оставлялось там в живых (то же самое левитские книжники натворили и с Моавитянами: во Второзаконии Господь ещё наставляет Моисея: «не вступай во вражду с Моавом, и не начинай с ним войны; ибо Я не дам тебе ничего от земли их во владение»; в книге же Чисел тот же Господь требует, чтобы Моав был уничтожен).

Неудивительно что, начиная примерно с 400-го года до Р.Х., соседние племена, включая Идумеев, не верили Иудеям и опасались их. Опасения не были напрасными, ибо когда, на короткое время. Иудея под управлением Хасмонеев была восстановлена, то Хирканус, царь и первосвященник Иудеи, напал на Идумеев и силой оружия принудил их подчиниться Моисееву Закону и подвергнуться обрезанию. Из двух версий Закона (с одной стороны «не вступай во вражду», а с другой «завладей») он выбрал вторую, и если бы дело на этом закончилось, то он нашёл бы и оправдание, поскольку любой раввин объяснил бы ему, что как одно, так и другое предписание, оба вместе или же ни одно из них всегда оправданы (учёный гебраист В. Рубенс пишет с завидной ясностью: «если равнин называет правое левым или левое правым — ты должен верить ему»).

Но, к сожалению, дело на этом не закончилось ведённый на такой основе «Закон», разрешая одну

проблему, немедленно создавал другие. Что должен был делать Хирканус после того, как он «завладел» соседним племенем? Должен ли он был его «полностью уничтожить» и «не оставить в живых ничего, что дышит», и это из числа «наших братьев — детей Исава»? *Этому* закону он не подчинился, ограничившись насильственным обращением Идумеев в свою веру. Но тем самым он совершил непростительное преступление, уподобившись Саулу, первому царю объединённого Израильско-Иудейского царства. Как мы помним, за много лет до этого Саул истребил покорённое население, но пощадил царя Агага и сохранил в живых лучших животных. За это несоблюдение Закона, требовавшего полного уничтожения, Саул был отвергнут, лишён трона и уничтожен (так, по крайней мере, гласит левитская версия истории).

Правитель Хирканус должен был считаться с двумя политическими партиями. Более умеренные из них — саддукеи — поддерживали монархию и, судя по всему, вероятно, советовали силой превратить Идумеев в евреев, оставив их в живых. Второй партией были фарисеи, представлявшие собой древнее деспотическое священство левитов и стремившиеся к полному восстановлению его неограниченной власти. По-видимому, эти фанатичные фарисеи, левитские наследники, добивались, чтобы он применил Закон во всей его строгости, и требовали «поголовного истребления» Идумеев. Они продолжали всеми силами бороться с Хирканусом (как Самуил, в своё время, боролся с Саулом), стремясь к свержению монархии. Особенно поучительно для нас то, что фарисеи впоследствии приписали все дальнейшие бедствия Иудеи именно этому милосердию по отношению к Идумеям. Во вторичном разрушении храма и уничтожении Иудеи римлянами в 70 г. по Р.Х. они видели наказание, предписанное за отступление; как и Саул, Хирканус «преступил» Закон.

Фарисеям пришлось ждать ни много, ни мало, как 150 лет для подтверждения их доводов, если вообще кто-либо верил во всё это, кроме них самих. Из среды обращённых идумеев вышел некий Антипатр, вошедший в почёт при маленьком Иерусалимском дворе (подобно легендарному Даниилу, достигшему высокого положения при гораздо больших дворах Вавилона и Персии). Фарисеи обратились к римскому триумвиру Помпею с просьбой вмешаться в дела Иудеи и передать власть священству, устранив монархию. Их план не удался; последовали хаотические десятилетия войн и восстаний и, хотя династия Хасмонеев и была истреблена, к власти пришёл идумей Антипатр, которого Цезарь назначил прокуратором Иудеи. Сын его, Ирод, был в правление Антония поставлен Иудейским царём.

В конечном итоге, в этой маленькой римской провинции воцарился такой хаос, что исчезла даже тень независимости, а римлянам, за неимением другого выхода, пришлось взять управление в свои руки.

Виновники этого были, разумеется, фарисеи, сами вызвавшие римскую интервенцию. Они, однако, обвинили «полукровного» Ирода, «идумейского раба», внушая народу, что если бы Хирканус, за 150 лет до того, выполнял предписания Закона, то ничего этого не произошло бы. Любопытнее всего то, с какой злобой современный историк-иудаист Кастейн, через два тысячелетия после описанных событий, повторяет фарисейские инсинуации, как если бы дело шло о событиях вчерашнего дня. Сионист XX-го века, писавший в годы прихода в Германии к власти Гитлера, всё ещё убеждён, что вторичное несчастье Иудеи постигло её именно за отступление от расового закона.

Однако, как мы увидим далее, беда Иудеи обернулась в то же время победой фарисеев, и в этом снова заключался один из тех типичных парадоксов, которыми с самого начала полна история Сиона.

Глава 9
Приход фарисеев к власти

В маленькой римский провинции Иудее фарисеи были самой большой политической партией, ядром которой была правящая внутренняя секта, в своё время представленная левитским священством. Они были носителями левитской доктрины в её крайней, наиболее фанатичной форме, нашедшей своё выражение у Иезекииля, Ездры и Неемии, и были клятвенно обязаны, как пишет «Еврейская Энциклопедия», «строго соблюдать чистоту левитского учения».

Как, в своё время, левиты восторжествовали над своими израильскими критиками и изолировали Иудею от её соседей, точно так же их последователи — фарисеи стояли на страже против всех попыток восстановить какие-либо связи иудеев с остальным человечеством. Они были хранителями идеи разрушения, и их победа составила следующую главу истории Сиона; как и в случае с левитами, эта победа произошла на фоне очередного разрушения Иерусалима.

В среде самого священства, в целом ряде поколений, рождались протесты против постоянных

изменении Закона, начатых книжниками из школы Иезекииля и Ездры. Протестовавшие стояли на точке зрения, что Закон неизменяем и что никакие новые «толкования» недопустимы. Эта критика грозила разрушить самые основы иудейского национализма. Ответ фарисеев, в их непримиримой враждебности, был что *они,* фарисеи, и никто другой, являются хранителями «традиций», и что только им известны тайны *устного* закона, непосредственно данного Моисею Богом; закон этот никогда не должен быть записан, но определяет всё остальное содержание «Законов». Претензия обладать всеми тайнами Бога (другими словами, самими *быть* Богом) объясняет мистический страх бесчисленных поколений еврейства перед их «старейшинами». Эта сила устрашения сохраняет своё действие даже на вполне просвещённых евреев на окраинах диаспоры.

Однако, инстинктивное желание освободиться от этого ярма приводило к появлению в среде иудейства умеренных партий, и в те времена это были саддукеи, к которым принадлежало большинство священнослужителей; они стремились «сохранить мир в городе» и не допустить открытых столкновений с римскими властями. Между фарисеями и саддукеями царила жестокая вражда, и этот внутренний разлад среди еврейства длится уже двадцать пять столетий, вплоть до наших дней. Его следует отметить, даже если для остального человечества он имеет только академический интерес, ибо история показала, что всегда, когда в прошлом шёл спор за или против «сохранения мира в городе», побеждала радикальна партия обособления и разрушения, а сплочённые ряды иудеев всегда её поддерживали. Последний пример этому даёт наше столетие. Еврейские общины Германии, Англии и Америки (их можно сравнить с саддукеями) были абсолютно враждебны сионистам из России (фарисеям), однако, прошло 50 лет и победила крайняя партия, которая теперь одна говорит от имени «всех евреев» с правительствами Запада, подавив оппозицию в еврейских общинах всего мира.

Фарисеи стоят на втором месте в родословной секты, вызвавшей столь значительные события нашего времени. Линия этой родословной ведёт от левитов Вавилона к фарисеям Иерусалима, через талмудистов Испании к раввинам России и Польши, и наконец к сионистам нашего времени. Как объясняют авторитеты иудаизма, слово «фарисей» обозначает того, «кто обособляется», или держится в стороне от нечистых людей и вещей, чтобы достичь праведности и святости, необходимых для общения с Богом. Фарисеи образовали с самого начала братство, наподобие позднейшего масонства, во внутренние советы которого допускались одни только избранные, обязанные, в присутствии трёх членов, дать клятвенное обещание строго соблюдать чистоту левитских законов. Они были первыми в мире специалистами в науке тайной политической конспирации. Знания и опыт фарисеев могут быть ясно прослежены в методах и практике конспирационных партий Европы, возникших за последние 200 лет, в особенности в партиях, работавших в Европе на революцию, в которой организующая и ведущая роль неизменно принадлежала евреям.

В частности, фарисеи были изобретателями метода, которым в наше время держатся в повиновении все заговорщики и достигаются успехи тайных обществ, и который основан на страхе и взаимном подозрении. По этой системе шпионов среди шпионов и осведомителей строятся все коммунистические партии. Так же была с самого начала построена и красная, теперь советская, армия: в её организации «политический комиссар» и «осведомитель» являются обязательной частью военной структуры, от взвода до верховного командования. Фарисеи были первыми, применившими эти систему, заимствованную из книги Левит (которую «Еврейская Энциклопедия» цитирует с древнееврейского оригинала, в ходу среди еврейства): «поставь наблюдателей за наблюдателями».

Нужно знать Талмуд и его методы тренировки людей, чтобы понять, какими путями созданный в Европе в 19-ом веке революционный механизм заставляет людей служить целям его организаторов и руководителей, унаследовавших эту систему от первых талмудистов — фарисеев. Они требовали, чтобы каждое решение их книжников, *даже в случае явной ошибки,* считалось исходящим непосредственно от Бога. Это — до сих пор основная концепция Талмуда.

Под тем же господством фарисеев впервые возникла и мессианская идея, возымевшая важные последствия в ходе столетий. Древним израильским пророкам она была совершенно неизвестна. Они не признавали существования особой господствующей расы, а поэтому не могли представить себе пришельца, который вдруг лично явится в мир, чтобы установить и утвердить верховную власть этой исключительной господствующей расы. Характер будущих мессианских событий, в изложении иудаистских авторитетов, вполне ясен. Как пишет «Еврейская Энциклопедия», согласно фарисейской концепции «в будущем весь *мир признает* Божественного Правителя …власть Бога *исключает* все другие власти…» А поскольку Иегова, по древнему варианту Торы, «знал» одних только евреев, это значило, что мир будет принадлежать им. Чтобы не оставалось сомнений на этот счёт, позднейший Талмуд определял, что «неевреи, как таковые, не будут допущены в будущий мир» (по формулировку

бывшего раввина Лайбле, см. библиографию).

Иудейские массы ожидали, что «помазанник», по своём пришествии, восстановит их национальное величие; он будет не только духовным вождём идеального теократического государства, но одновременно и земным правителем, который соберёт разбросанный народ в единое господствующее царство на всей земле. В понимании фарисеев, мессианская идея отнюдь не была ожиданием небесного царства, не связанного с земным успехом, и уж во всяком случае она не так воспринималась массой еврейства.

Ожидание Мессии в известной степени было естественным и логическим выводом из учения секты. Левиты и их последователи фарисеи утверждали, что им известно всё, начиная от дня сотворения мира и до цели этого сотворения, вплоть до того, как будет достигнут триумф избранного народа. Они всегда молчали только об одном: о времени этого славного завершения истории. Бремя «Закона», наложенного фарисеями на народ, было необычайно тяжёлым, и естественно что, как заключённый, отбывающий в тюрьме положенный срок, народ хотел знать *когда* он наконец получит свободу.

По-видимому, отсюда и произошла идея мессианства. Народ, некогда «плакавший», слушая жестокие слова Нового Закона, переносил его строгости уже 400 лет. Естественно, что со всей силой прорывался вопрос, *когда* ? Когда, наконец, сбудется это славное завершение, придёт этот чудесный конец? Они послушно выполняли все «законы и предписания», хотя это было тяжёлым бременем в их повседневной жизни. Они выполняли свою часть «договора», обещавшего им определённые награды. Когда же они, наконец, их получат? Их правители были в непосредственном общении с Богом и знали Его секреты; естественно, что от них ожидался ответ на вопрос, *когда* ? Но это был как раз тот вопрос, на который всезнающие фарисеи ответить не могли. Они дали самый хитрый ответ, какой только могли придумать: не говоря, *когда,* они обещали, что в один прекрасный день явится «Мессия, великий князь» (Даниил) и что *тогда* ему будут даны «власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили ему». Так подавленный в тесноте гетто иудейский дух одурманивался обещанием «прихода». С возникновением мессианизма появились и регулярные вспышки страстного нетерпения и ожидания; последний пример этого мы видим в двадцатом столетии.

Таково было положение, когда почти две тысячи лет назад явился Галилеянин. К тому времени иудеи, ещё оставшиеся в Иудее, провели там уже 600 лет после отвержения их от Израиля, — период, который Джон Гольдштейн (см. библиографию) называет «тёмным временем истории еврейства»; в конце его они могли только ждать и надеяться на приход Мессии-Освободителя.

Однако, Тот, Кто пришёл, указал им путь в «Царство Небесное». Это было вовсе не то, чего они ожидали, совсем не путь, ведущий через развалины уничтоженных народов к храму, полному золота, что сулили им фарисеи за «соблюдение закона». Фарисеи были сильны, а чужеземный правитель побаивался их и часто уступал их угрозам (почти, как в наше время). Кто видел в Пришельце долгожданного Мессию, несмотря на всё Его презрение к земным благам, подвергал свою жизнь опасности. Они «преступали» закон, а римский правитель, как и персидский царь за 500 лет до этого, был готов заставить их его соблюдать. Многие из этих людей явно были готовы слушать, если бы им только позволили, любого, кто показал бы им выход из окружавшей их тьмы в светлое будущее, в соединении с остальным человечеством. Однако победителями остались фарисеи, как в древности — левиты, и опять очень многим пришлось плакать, а катализатор силы разрушения и ненависти остался неприкосновенным.

Глава 10
Галилеянин

В эпоху рождения Иисуса Христа повсюду среди иудеев было распространено страстное ожидание пришествия чудесного Посланца. Они жаждали доказательства, что Иегова действительно готов выполнить свой договор с избранным им народом, и книжники, отвечая всенародному ожиданию, постепенно вводили в Писание идею Помазанника, Мессии, который явится с целью выполнения этого договора.

«Таргамы», т. е. раввиновы комментарии к Священному Писанию, говорили: «Как прекрасен Он, Царь-Мессия, что восстанет из дома Иуды. Он перепояшет чресла свои, и вступит в битву с врагами своими, и многие цари будут убиты». Эти слова показывают, чего иудеи ожидали, чего их приучили ожидать: воинствующего, мстящего Мессию (по традиции избиения «всех первенцев Египта» и разрушения Вавилона), который сокрушит «железным жезлом» врагов племени Иуды и «разобьёт их в черепки, как сосуд горшечника», даст им царство мира сего и дословно исполнит Закон их племени. Так

учили долгие поколения левитов и фарисеев, и все этого ожидали. Идея смиренного Мессии, учащего «*любите* врагов своих», Мессии-страдальца, презренного и не принятого людьми, не существовала вовсе, она была бы отвергнута, как абсурд, даже если кто-нибудь и привлёк бы внимание к этим словам Исаии, которые стали понятными и приобрели значение только после жизни и смерти Иисуса Христа.

Однако, Тот, Кто пришёл, смиренный проповедник любви, тем не менее, назвал себя этим Мессией, а многие слушали Его и верили Ему. Немногими словами Он снёс всю гору расизма, которую правящая секта нагромоздила на древний нравственный Закон, вновь открыв глубоко скрытое и закопанное. Фарисеи сразу же узнали в Нём своего опаснейшего противника, «пророка и мечтателя». То, что Он нашёл среди иудеев так много последователей, показывает, что, хотя в народе и ожидали Мессию — воинствующего националиста и освободителя от власти Рима, но многие чувствовали, может быть подсознательно, что их настоящее рабство было рабством духа, что они были рабами фарисеев больше, чем рабами Рима. Тем не менее, когда фарисейские политиканы клеймили Галилеянина как ложного Миссию и хулителя Бога, массы народа в силу привычки соглашались. Это привело к мучительным сомнениям во всех последующих поколениях евреев, которыми даже нельзя было ни с кем поделиться (поскольку даже имя Иисуса Христа не должно упоминаться в благочестивом иудейском доме): если Мессия пришёл, но был отвергнут евреями, то что сулит им будущее, согласно их собственному Закону?

Кем был Он? Пред нами ещё один парадокс в истории Сиона: христианские богословы неустанно подчёркивают, что «Иисус был евреем», в то время как раввины это начисто отрицают. Если некоторые из сионистских раввинов говорят на политических и «межконфессиональных» собраниях, что Иисус был еврей, то они лишь стремятся к достижению определённого политического эффекта среди своих нееврейских слушателей, и никогда бы не повторили этого среди евреев.[4]

Утверждение, что «Иисус был евреем» постоянно употребляется в наш век с политическими целями. Им часто пользуются для заглушения возражений против влияния сионистов в международной политике и захвата Палестины, ибо раз Иисус был евреем, то нельзя христианам протестовать против того, что делается во имя еврейства. Никакой логики в этом, разумеется, нет, но такие фразы действуют на толпу, и налицо ещё один парадокс: заявление, глубоко оскорбительное для правоверного еврея, делается нееврейскими политиками и церковниками, чтобы заслужить благосклонность еврейства.

Европейские термины Jew, Jude, Juif т. д. — новые слова, не соответствующие арамейским, греческим или римским терминам «иудаист» или «иудеянин» той эпохи, в которую жил Христос. Термин «еврей» не имеет научного значения, а словари, обычно очень точно определяющие смысл всех других слов, в этом случае опускаются до такого абсурда, как «лицо еврейской расы». Даже сионистское государство не имеет юридического определения этого понятия, что вполне естественно, поскольку согласно Торе, то есть единственному их Закону, от «евреев» требуется чисто иудейское происхождение, а таких людей вряд ли можно найти во всём современном мире.

Если бы утверждение, что «Иисус Христос был евреем», имело смысл, то очевидно только в применении к условиям Его времени. В этом случае это могло бы означать одну из трёх возможностей, или же все три: Христос происходил из племени Иуды (будучи, следовательно, иудеем); Он проживал в Иудее (т. е. был иудеянин); и, наконец, Он был «еврей» по религии, если только такая религия в Его время существовала. Это — признаки расы, местожительства и религии.

Мы не намерены в этой книге заниматься вопросом расового происхождения Иисуса Христа; можно лишь удивляться тому, что некоторые христианские богословы позволяют себе делать заявления на эту тему. Если читатель непременно желает составить себе по этому поводу определённое мнение, то пусть он сделает это сам.

Новый Завет не сообщает нам генеалогии Пресвятой Девы Марии, содержит однако три указания на Её происхождение из рода Давида. Евангелисты Матфей и Лука прослеживают происхождение Иосифа также от Давида и Иуды, однако Иосиф не был кровным отцом Иисуса Христа. *Учёные-иудаисты* дисквалифицируют все эти генеалогические соображения, считая, что они были

---

[4] Раввин Стефен Уайз (Stephen Wise), руководящий сионист в США в период 1910-1950 гг., пользовался этой фразой по явно политическим мотивам, желая одурачить не-еврейскую аудиторию. Выступая на одном из таких «межконфессиональных» собраний в Карнеги Холл в сочельник 1925 г., он заявил, что «Христос был еврей, но не христианин», другими словами, что христианство якобы возникло лишь после смерти Иисуса Христа. За это он был «отлучён» Обществом правоверных раввинов США, но зато Ассоциация христианских священнослужителей, по его словам, «приветствовала меня, как брата». Рабби Уайз добавил к этому весьма характерный комментарий: «Не знаю, что было больнее: принятие меня братом в лоно христианской церкви, или же гневный разгром раввинов». (Прим. автора).

включены для согласования происшедших событий с древними пророчествами.

В отношении местожительства, в Евангелии от Иоанна указывается, что Иисус Христос родился в Вифлееме Иудейском, однако лишь в силу того, что Матерь Божия прибыла туда из Галилеи для переписи; *иудаисты* оспаривают и это, считая это вставкой с целью подтверждения пророчества Михея о том, что Владыка Израиля произойдёт из Вифлеема. И, наконец, «Еврейская Энциклопедия» подчёркивает, что Назарет был *родиной* Иисуса Христа и, следовательно, все источники согласны с тем, что Он был галилеянин, независимо от случайного места Его рождения. Галилея, где Он провёл почти всю свою жизнь, была политически совершенно отделена от Иудеи, имея своего собственного римского тетрарха. Для Иудеи она была «заграницей» (Graetz). Смешанные браки между жителями этих двух стран были запрещены, и ещё до рождения Христа Симон Тарсис, один из Маккавейских князей, насильно переселил всех проживавших в Галилее иудеев обратно в Иудею. Другими словами, и по расе, и политически галилеяне и иудеи были различными народами.

Можно ли сказать, что Христос был «евреем» по религии? Иудаистские авторитеты, разумеется, это категорически отрицают. То, что на эту тему часто слышится с церковной кафедры и на собраниях, вызвало бы бурю возмущения в любой синагоге. Непонятно, как такие утверждения могут высказываться ответственными общественными деятелями. В эпоху Иисуса Христа не существовало ни «еврейской», ни даже иудейской религии. Был культ Иеговы с его различными сектами фарисеев, саддукеев, ессеев и др., яростно спорившими друг с другом и боровшимися за власть над народом через синагогу. Это были не только секты, но и политические партии, а самой сильной из них были фарисеи с их «устным преданием» того, что Бог якобы заповедал Моисею.

Если считать нынешних сионистов «евреями» (претензия, по-видимому признаваемая всеми народами Запада), то партией, соответствовавшей им в эпоху Иисуса Христа, следует считать фарисеев. Христос всю силу своей критики направлял именно против фарисеев. Он также порицал и саддукеев, и книжников, но из Св. Писания непреложно явствует, что именно их Он считал врагами Бога и человека, а Его бичующий гнев со всей силой был направлен главным образом против них. Он нападал на них за то в них самих и в их вере, что сегодняшними сионистами объявляется главными характерными особенностями евреев, еврейства и иудаизма. По своей религии, Иисус Христос, вне всяких сомнений, был полной противоположностью, и врагом всего того, что создаёт ортодоксального еврея сегодня и чем были правоверные фарисеи Его времени.

Никто не знает в точности, кем был Христос, а все надуманные предположения нынешних нееврейских политиков звучат так же фальшиво, как в своё время примитивно издевательские пасквили о «незаконнорождённом», распространявшиеся по еврейским гетто. Все слова и дела Иисуса Христа полны столь высокого трансцендентального значения, что всё остальное представляется мелкими неважным. Здесь, хотя и на гораздо более низком уровне, уместно вспомнить о Шекспире. Вдохновенность его творений так велика, что совершенно неважно, написал ли их действительно он, или кто-то другой; и, тем не менее, суетным спорам на эту тему нет конца.

Сын галилейского плотника, видимо, никогда не проходил формальной школы: «евреи удивлялись, говоря: этот человек никогда не учился, откуда у него такое знание священных книг?» Ещё существеннее, что он никогда не учился в синагогальных школах и не имел учителей-раввинов. Его враги, фарисеи подтверждают это; если бы Он был из их рода и племени, они не спрашивали бы, «откуда у Него такая премудрость и сила» (Матф. 13:54).

Ослепляющий свет откровения, исходивший из учения этого молодого, необразованного пришельца, проявляется особенно ярко на мрачном фоне левитского Закона и фарисейских традиций, против которых Он выступил, придя в Иудею. Даже в наши дни, полнота и неожиданная просветлённость-Нагорной Проповеди поражает всякого критически изучавшего Ветхий Завет; как полуденное солнце среди глубокой ночи.

Закон, для «исполнения» которого Иисус Христос пришёл в этот мир, разросся к тому времени и в гигантскую массу законообразований, удушавших всё живое своей сложностью и буквоедством. Тора была только началом; на неё было нагромождено множество интерпретаций и разъяснений раввинов, а старейшины, как усердные шелковичные черви, всё шире плели свои нити, с целью уловить в них малейшие из всех возможных человеческих поступков. Целые поколения законников трудились над решениями вроде того, что нельзя есть в субботу яйцо, большая часть которого была снесена курицей ещё до появления на небе второй звезды. Закон и комментарии к нему составляли целую библиотеку, а комитету международных юристов, призванному дать о нём своё мнение, потребовались бы годы, чтобы лишь просмотреть горы накопленных рассуждений.

Но вдруг пришёл простой юноша из Галилеи, простёр руку и выбросил всю массу этого хлама,

показав где истина, и где ересь. Он свёл «весь закон и пророков» к двум заветам: «Люби Бога твоего всем сердцем твоим» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Тем самым была разоблачена и осуждена главная ересь, которую левиты и фарисеи столетиями вплетали в Закон. «Люби ближнего твоего, как самого себя», — это предписание содержится и в книге Левит, однако главным было ограничение, что «ближними» признаются одни только собратья-иудеи.

Христос восстановил первичное, забытое предписание о любви к ближним, независимо от их расы и веры; именно это было смыслом Его слов «Я пришёл не нарушать Закон, но исполнить его», а чтобы не было сомнений в сказанном. Он добавил: «Вы слышали, что говорилось … ненавидь врага своего, а Я говорю Вам: Любите врагов своих». Формальное возражение этому гласит, что специфической заповеди «ненавидь врага своего» в Ветхом Завете не содержится. Однако, значение слов Христа совершенно ясно: в Ветхом Завете содержится столько предписаний убивать и истреблять соседей, не признаваемых «ближними», что без чувств враждебности и ненависти они были бы невозможны.

Учение Иисуса Христа было прямым вызовом Закону в его фарисейской интерпретации; к тому же Он ещё более усилил этот вызов, отказавшись играть роль националистического освободителя и завоевателя, о котором говорили пророчества и что ожидалось всеми от Миссии. Приняв подобную роль. Он вероятно нашёл бы больше последователей, а возможно даже и поддержку фарисеев. Однако в Его ответе слышен не только отказ, но и упрёк: «Моё царство *не от мира сего* … Царство Божие *внутри вас есть* … не собирайте себе сокровищ на земле … но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут». Всё, что Он выразил столь простыми словами, было спокойным, но прямым вызовом по адресу самых могущественных людей того места и времени, ударом по основам веры, которую их секта возводила в течение столетий.

Нагорная Проповедь немногими словами опровергла то, чему учили сотни страниц Ветхого Завета. Она противопоставила любовь ненависти, прощение отмщению, милосердие злобе, доброе соседство отчуждённости, правосудие дискриминации, утверждение или новое подтверждение отказу, жизнь смерти. Как и главы «благословений — проклятий» Второзакония, Нагорная Проповедь начиналась благословениями, но на этом сходство кончалось. Второзаконие сулило материальные блага в виде новых земель, добычи и истребления врагов в награду за строгое соблюдение тысяч, порой глупейших, «законов и предписаний», многие из которых прямо предписывали убийство. Нагорная Проповедь не обещала никаких материальных наград, а просто учила, что нравственное поведение, смирение, старание жить по правде, милосердие, чистота, миролюбие и праведность благословенны сами по себе и будут вознаграждены духовно. Во Второзаконии за благословениями следовали проклятия; в Нагорной Проповеди никаких угроз нет, она не требовала, чтобы нарушитель был «побит камнями до смерти», «повешен на дереве» или, наконец, «искупил своё прегрешение ценой омовения рук в крови телицы». Худшее, что могло постигнуть грешника, это «быть наименьшим в Царствии небесном», а самая большая награда праведнику была «назваться наибольшим в Царствии Небесном».

Молодой Галилеянин никогда не учил *раболепству,* но лишь *внутреннему* смирению, и лишь в одном неизменно и постоянно сказывался Его гнев: в нападках на фарисеев. Слово фарисеи означало «не соприкасающихся с нечистыми людьми и вещами». По словам Еврейской Энциклопедии, «Иисус отличался от фарисеев только в своём отношении к множеству нечистых и немытых». Хорошо сказано — «только»! Именно это «только» включало в себе пропасть между понятиями племенного божества и Единого Всеобщего Бога, между доктриной ненависти и учением любви. Вызов был очевиден, и фарисеи его немедленно приняли, начав расставлять Христу ловушки по их старой системе, описанной много лет назад Иеремией: «Все, жившие со мною в мире, сторожат за мною, не споткнусь ли я: может быть, говорят, он попадётся, и мы одолеем его и отмстим ему».

Фарисеи следили за ним, спрашивая: «Для чего Учитель ваш ест и пьёт с мытарями и грешниками?» (это было наказуемым нарушением Закона). Но Христос и в спорах побеждал их, избегая ловушек и отвечая быстро, но спокойно: «…не здоровые имеют нужду во враче, но больные… ибо Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Следя за ним далее, фарисеи увидели, что ученики Его срывали колосья и ели их в субботу (что было новым нарушением их «Закона»): «Вот ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу». Их вопросы всегда относились только к обрядам, но никогда не к вере или поведению: «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» «Лицемеры!» — отвечал Он — «Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, *заповедям человеческим».* Это было не в бровь, а в глаз: «Закон» был законом не Божьим, но законом левитов и фарисеев, другими словами, «заповедями человеческими».

После этого ни о каком компромиссе не могло быть речи, Иисус Христос отвратился от фарисеев, «и призвав народ сказал им: слушайте и разумейте. Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Этим Он обличил ничтожность одной из наиболее ревниво охраняемых прерогатив священства связанной с приготовлением и употреблением пищи и облечённой целым ритуалом убоя скота, выцеживания крови, с негодностью «того, что помирает само по себе» и т. д. Всё это были, несомненно, «заповеди человеческие», хотя и приписываемые Моисею; строгому соблюдению этого диетического ритуала, под контролем фарисеев, придавалось ими первостепенное значение. Вспомним, что для «искупления беззаконий, творимых народом», Иезекиилю было приказано есть хлеб, испечённый на человеческом кале; он же, в своё оправдание, сослался на безоговорочное выполнение им всех диетических предписаний, и тогда это приказание было несколько смягчено. Даже ученики Христа были настолько приучены к этим столовым традициям, что не могли понять как вдруг «то, что выходит из уст», может осквернить человека, но не то, что входит; они попросили разъяснения, добавив: «Знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились».

Иисус ответил ученикам простой истиной, которая, однако, для фарисеев была неслыханном ересью: «Ещё ли не понимаете, что всё входящее в уста проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяние, любодеяние, кражи, лжесвидетельства, хуления; *это* оскверняет человека; а *есть неумытыми руками — не оскверняет человека»*.

Эти слова опять были наказуемым нарушением «Закона», и фарисеи стали готовить смертельный удар. Они подготовили хитроумные вопросы: «тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах». Было поставлено два главных вопроса: «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?», и второй: «а кто мой ближний?» За отрицательный ответ на первый вопрос Он мог бы быть наказан по законам чужеземных правителей страны, т. е. Рима. Неверный ответ на второй позволил бы фарисеям обвинить Его перед римскими властями в нарушении их собственного закона, потребовав за это наказания.

Подобный же метод был описан уже Иеремией, но он в ходу и сейчас, в 20-ом веке после Р.Х. Все, кто принимает участие в публичных дискуссиях, хорошо знают, как можно заранее подготовить хитрый вопрос, на который трудно ответить сразу. Есть много способов избежать ловушки: опытный оратор может, например,-либо вообще отказаться отвечать,-либо ответить встречным вопросом. Гораздо труднее, однако, вместо того, чтобы увёртываться, дать прямой и полный ответ, не отступая от своих принципов, и в то же время избегая ловушки и не подставляя себя под удар. Это требует высших качеств быстроты соображения, присутствия духа и ясности мысли. Ответы Христа на оба вопроса фарисеев, представляют собой для всех времён образцы такого совершенства, сравниться с которым простой смертный может только мечтать.

«Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» (Вопрос звучит в поддельно честном и дружелюбном тоне). «Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете меня, лицемеры? — отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышавши это, они удивились и, оставивши Его, ушли». (Матф. 22:22).

Во втором случае «один законник встал и. искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Отвечая, Христос опять отбросил весь груз левитского закона, восстановив две истины: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим …и ближнего твоего, как самого себя». И тут последовала коварная ловушка: «а кто мой ближний?»

Кто из смертных сумел бы ответить, как Иисус? Конечно, нашлись бы люди, которые, как и Он, открыто высказали бы свои взгляды, зная, что рискуют жизнью: людей, готовых идти на мученичество не так уж мало. Но Он сделал больше: как опытный фехтовальщик. он обезоружил противника, выбив шпагу из его рук. Его провоцировали заявить открыто, что «язычники» тоже «ближние», и этим осудить самого себя в нарушении закона.

По сути Христос так и ответил, но Его слова совершенно посрамили спрашивавшего; редко случалось законникам терпеть такое унижение. Левитско-фарисейское учение признавало «ближними» только иудеев, а из всех отверженных язычников самаряне считались самыми отвратительными (об этом говорилось выше). Даже прикосновение к самарянину оскверняло и считалось злейшим «нарушением» (так это считается и до сего дня, но кому из не-евреев об этом известно?). Целью вопроса было спровоцировать Христа на такой ответ, который поставил бы Его под самое суровое наказание; однако, избрав для ответа притчу о самарянине, Христос проявил поистине сверхчеловеческие смелость и гениальность, рассказав, как некоторый человек «…попался разбойникам… которые изранили его и оставили едва живым. По случаю один священник шёл тою дорогою… а также один левит (обычный

укор Христа тем, кто искал предать Его смерти)…и прошли мимо. Самарянин же некто, проезжая… увидев его, сжалился и подошёл перевязал ему раны… и привёз его в гостиницу», заплатив за уход за ним. «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (Лука, 10).

Прижатый в угол законник, не посмел произнести грязное имя «самарянин», но ответил: «тот, кто проявил милосердие», и, видимо, только потом сообразил, что тем самым он присоединился к осуждению тех, от чьего имени он действовал: священника и левита. «Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же». Этими немногими словами Христос, не делая прямого намёка, заставил спрашивавшего самого осудить всю расовую ересь, на которой был построен фарисейский закон.

Один из сравнительно умеренных критиков-иудаистов, Монтефиоре, жалуется, что, говоря «любите врагов своих», Христос сделал исключение, не сказав ни одного доброго слова о самих фарисеях. Об этом можно спорить. Христос знал, что и Он, и любой другой, разоблачающий фарисеев, будут убиты. Верно и то, что Он выделял фарисеев и книжников, как главных виновников секты, извратившей Закон, заклеймив их не имеющими равных в мировой литературе словами:

> «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете … вы обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном гиены, вдвое худшим вас …вы даёте десятину с мяса, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру… вы очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды… Горе вам книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты… Строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников и говорите, «если бы мы были во дни отцов наших, ото *не были бы сообщниками их в пролитой крови пророков»; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же веру отцов ваших.* Змии, порождение ехиднины!»

Если некоторые критики находят эти три последних слова чересчур жёсткими, то пусть они прочтут их в связи с предшествующими тремя фразами, в которых видно предчувствие Христом своего близкого конца. Готовый умереть обращается здесь к тем, кто собирается предать его смерти, и здесь никакие слова не могут быть слишком суровыми. Но, ведь, даже и смертельный упрёк: «дополняйте меру отцов ваших», позже дополняется словами: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Мы видим, как близится конец. «Первосвященники, книжники и старейшины» (Синедрион) собираются под главенством Каиафы, чтобы согласовать меры против того, кто оспаривает их авторитет и Закон. Иуда Искариот, единственный иудей среди Его учеников-галилеян, «и с ним множество народа с мечами и кольями от первосвященников, и книжников, и старейшин народных», идёт в Гефсиманский сад и предаёт Иисуса поцелуем смерти.

Этот Иуда заслуживает нашего внимания. Он был дважды канонизирован в двадцатом столетии: первый раз в большевистской России (т. н. «живой церковью» — *прим. перев.*), а потом в Германии, после поражения Гитлера. Смысл этих двух эпизодов ясен: та секта, что была в начале нашей эры в Иерусалиме сильнее Рима, стоит сегодня и на Западе у вершины власти. Согласно Евангелию от Матфея, Иуда впоследствии повесился; предательство не принесло ему счастья, и он избрал вид смерти, «проклятый Богом». Сионистские историки школы Кастейна питают к Иуде явную симпатию. По мнению самого Кастейна, Иуда был добрым малым, который разочаровался в Христе и *«тайно порвал»* с Ним: формулировка, которую мы находим только в сионистской литературе.

Правившие Синедрионом фарисеи предали Христа тому, что мы сегодня назвали бы «еврейским судом», хотя более подходящим современным термином было бы «народный суд»: Христос был предан доносчиком, захвачен и арестован толпой, обвинён трибуналом, не имевшим законной власти, и осуждён на смерть после того, как лжесвидетели подтвердили возведённую на него нарочитую ложь. «Старейшины», направлявшие тогда ход событий, как в наше время это делают различные «советники», сумели обвинить Христа в таких преступлениях, которые карались смертью не только по их Закону, но и по законам римского правителя. По «закону Моисея» Христос был повинен в богохульстве, объявив себя Мессией, а по законам Рима Он совершал измену, называя Себя царём иудеев.

Римский правитель Пилат всячески пробовал, то одним, то другим путём, уклониться от выполнения настойчивых требований «старейшин», чтобы Христос был предан смерти. Он был, однако, прототипом нынешних британских и американских политиков, и боялся могущества еврейской секты больше всего другого. Жена уговаривала его не иметь с ними дела. Он пытался, как это часто делают политики, переложить ответственность на другого, на своего коллегу, Ирода Антипу, тетрарха Галилеи,

но Ирод послал дело обратно. После этого Пилат пытался ограничить наказание бичеванием, но фарисеи требовали смерти Христа, грозя доносом в Рим: «Если отпустишь Его, то ты не друг кесарю».

Эта угроза заставила Пилата уступить, как и в двадцатом веке британские губернаторы и представители Объединённых Наций, один за другим, уступали перед угрозой доноса в Лондон или Нью-Йорк. Как и политики девятнадцать столетий спустя, Пилат понимал, что, не выполнив требований секты, он впадёт в немилость у своего правительства и будет смещён. Есть большое сходство между Пилатом и британскими губернаторами в Палестине периода между первой и второй мировыми войнами. Один из них явно знал это, и как-то телефонируя в Нью-Йорк влиятельному раввину-сионисту, по собственному признанию, иронически попросил информировать Первосвященника Каиафу, что у телефона Понтий Пилат.

Римский Пилат попытался в последний раз передать дело в другие руки: «Возьмите Его вы и по закону *вашему* судите его». Однако, опытные в судопроизводстве фарисеи легко нашли ответ: «Нам не позволено (римскими законами) никого предавать смерти».

И ещё раз Пилат пытался спасти Его, предложив «народу» простить одного из двух:-либо Иисуса Христа,-либо разбойника и убийцу Варавву. Больших надежд на удачу у Пилата видимо не было, поскольку между «народом» и толпой, или чернью, разница не велика, и от них трудно ожидать справедливости или милосердия; толпа всегда лишь выполняет волю могущественного меньшинства. Неудивительно поэтому, что «первосвященники и старейшины *возбудили* народ простить Варавву, а Христа погубить». И сегодня ещё та же секта превосходно умеет «убеждать» массы во всём, что ей угодно.

Чем дальше уходит время, тем ярче блистают краски этой последней трагической сцены. Багряница, трость как скипетр, терновый венец и насмешливое величание: только фарисейские умы могли придумать все эти издевательства, которые и в наше время призваны подчёркивать величие победы и унижение побеждённых. Скорбный путь на Голгофу, позорное распятие между двух воров: в этот день Рим подчинился требованиям фарисеев, как Персия подчинилась требованиям левитов за пятьсот лет до того.

Фарисеи приучили иудейский народ ожидать прихода Мессии, теперь же они распяли первого, себя им назвавшего. Другими словами. Мессия ещё должен придти; согласно фарисеям, царь из племени Давида, претендент на мировое царство, ещё должен явиться: его ждут и сегодня.

У Кастейна, в его «Истории Иудаизма» есть глава о жизни Иисуса. Объяснив, что Христос был неудачником, автор пишет пренебрежительно; но весьма характерно: «Его жизнь и смерть — наше дело».

Глава 11
Фарисейский феникс

Через несколько десятилетий по смерти Иисуса Христа повторился хорошо знакомый нам по истории парадокс: катастрофа Иудеи обернулась триумфом фарисеев, сделав их господами над всем еврейством. Настояв на распятии Христа, они избавились от «пророка и мечтателя», грозившего уничтожить их «закон». Сама Иудея просуществовала после этого недолго, но за это время фарисеи избавились и от всех соперников в борьбе за власть в рамках этого Закона.

Согласно «Еврейской Энциклопедии», после смерти Иисуса Христа фарисеи нашли «друга и покровителя» в лице Агриппы Первого, последнего царя Иудеи из династии Ирода. Он помог им отделаться от саддукеев, которые вскоре исчезли с иудейской сцены, оставив всё управление страной в руках фарисеев, чьи жалобы на Идумейскую линию, тем самым, лишены оснований. Фарисеи добились полноты власти в Иерусалиме, как до них того же добились левиты после отделения Иудеи от Израиля, и в обоих случаях немедленным следствием была катастрофа. Восстав из этой катастрофы, как феникс из пепла, фарисеи повторили историю левитов.

За короткое оставшееся время, пока их маленькая провинция жила в постоянной смуте, фарисеи предприняли новый пересмотр «закона», тех самых «заповедей человеческих», которые Иисус Христос подверг столь уничтожающей критике. Как пишет Кастейн: «*Учение фарисеев регулировало всю жизнь еврейства; вся история иудаизма была переделана с фарисейской точки зрения …Фарисейство определило характер иудаизма, а также всю жизнь и образ мыслей евреев на все будущие времена … сделав сепаратизм главной чертой „их характера“*».

Так, непосредственно за явлением Иисуса Христа и Его осуждением «заповедей человеческих», фарисеи ещё более усилили расовый и племенной характер, а также и жестокость своего «закона», как

до них то же сделали и левиты; накануне окончательного рассеяния иудейского народа, доктрина разрушения, порабощения и подчинения других народов была доведена до крайнего обострения. В этой связи заслуживает внимания комментарий Кастейна, который раньше, как уже было отмечено, писал, что после того, как Неемия навязал еврейству «Новый Договор», Тора получила свою «окончательную редакцию», после которой «ни одно слово» в ней не должно было быть изменено. Более того, ко времени новой фарисейской переделки Ветхий Завет был уже переведён на греческий язык, так что фарисеи могли вносить дальнейшие изменения только в древнееврейский оригинал. Более вероятно, однако, что слова Кастейна относятся к Талмуду, позднейшему продолжению Торы, начатому во время последних лет существования Иудеи, но изложенному письменно лишь много позже. Как бы то ни было, «жизнь и образ мыслей» евреев были им снова предписаны «на все будущие времена», а «сепаратизм» подтверждён, как основной догмат иудейского Закона. В 70 г. н. э., через 35 лет после смерти Христа, всё развалилось. Смута и беспорядки в Иудее дошли до того, что Риму пришлось вмешаться. Фарисеи, в своё время признавшие римлян и правившие Иудеей под их покровительством, остались пассивными.

Другие народы Палестины, особенно галилеяне, не пожелали подчиниться Риму, и после целого ряда восстаний и походов, римляне заняли Иерусалим, стерев его с лица земли. Иудея стала завоёванной территорией и имя её исчезло из географических карт. В последующие 19 столетий ни одного еврея в Иерусалиме долгое время не было. Только самаряне, вернее немногие из них, пережившие иудейские преследования, были народом, постоянно жившим в Палестине со времён Ветхого Завета.

Кастенн называет 70-летний период, закончившийся разрушением Иерусалима, «героическим веком», вероятно потому, что фарисеи за это время восторжествовали над всеми другими в борьбе за душу Иудаизма. Вряд ли он имеет при этом ввиду борьбу против римлян, поскольку она велась главным образом галилеянами, к которым Кастейн не питает особых симпатий.

Глава 12
Свет и тени

Перед падением Иерусалима в 70 г. по Р. Х. две группы людей покинули его: ученики Иисуса Христа и фарисеи. Первые несли человечеству новую весть народившегося христианства; вторые, предвидя, что грозит Иерусалиму по их же собственной вине, искали себе новый центр, чтобы оттуда (как левиты из Вавилона) управлять «евреями», куда бы судьба ни забросила этот народ.

Эти две маленькие группы странников оказались провозвестниками света и тьмы которым, как человеку его тени, суждено было пройти через все столетия истории, двигаясь всё время с Востока на Запад. Корни кризиса сегодняшнего «Запада» ведут именно к этому исходу из обречённого Иерусалима 19 веков тому назад, поскольку эти две группы людей принесли нашему миру идеи, примирить которые .между собой невозможно. Раньше или позже, одна из них должна восторжествовать над другой, и сейчас, на глазах нашего поколения, разрушающая идея со всей силой стремится к победе.

Борьба этих двух идей, по сути дела и независимо от их носителей, была главным содержанием истории прошедших столетий. Когда верх брал «закон» левитов и фарисеев, люди превращали людей в рабов, преследовали еретиков инквизицией, осуждали на смерть «отступников» или «врагов народа», и провозглашали примитивные лозунги господствующей расы; 20-й век стал периодом худшего упадка человечества. Наоборот, в периоды истории, когда люди и народы получали свободу, когда насаждалась справедливость, утверждались права человека на открытый и правый суд, отвергалось расовое превосходство и Бог признавался отцом всех людей, человечество следовало учению Того, Кто пришёл *исполнить Закон.*

После взятия Иерусалима римляне отчеканили медаль «Judaea devicta — Judaea capta». Однако, торжество их было преждевременным, ибо Иерусалим можно было разрушить, а евреев выселить, но правящая секта осталась свободной и победоносной. Все её конкуренты вокруг храма были сметены завоевателями, а ей самой удалось обосноваться в новом «центре» и переселиться туда ещё до падения города. Фарисеи были столь же полновластны в своей новой крепости, как когда-то левиты в Вавилоне, но во внешнем мире они выследили своего нового смертельного врага. Это были люди, верившие в Мессию-Христа и называвшие себя христианами, хотя они и не отвечали на враждебность фарисеев, ибо их основной догмат был «любите врагов ваших». Поскольку, однако, догматом фарисейского Закона было «ненавидь врагов твоих», то уже одно это противоречие было нестерпимым оскорблением и вызовом для старейшин в их убежище.

Старейшинам с самого начала было ясно, что для торжества их Закона эту новую религию нужно уничтожить. Их не остановили протесты в их собственной среде (которые слышались много раз и раньше, и позже); когда первосвященник и совет хотели подвергнуть апостолов Петра и Иоанна истязанию плетьми за проповедь и Храме, Гамалиил сказал: «Обсудите хорошо, что вы собираетесь делать. Если это дело рук человеческих, оно скоро пройдёт само по себе, но если это дело Бога, вы не можете его уничтожить». Большинство фарисеев явно считало, однако, что их собственный Закон предписывает им «уничтожить», и что для этого они достаточно сильны, даже если понадобится вести борьбу сотни лет.

Не заботясь о судьбе уцелевших иудеев, фарисеи переселились в новый центр в Ямнии, также в Палестине, принеся свои тёмные секреты властвования над людьми, однако, в совершенно новый мир, непохожий на все прежние. Раньше их племенная вера была лишь одной из многих. Кровная месть была правилом среди всех людей и племён. Соседние «язычники», хотя и были обеспокоены необычной свирепостью и мстительностью иудейской веры, но и сами были немного, лучше. С этого времени, однако, правящая секта столкнулась с верой, основы которой были, как белое чёрному противоположны основам их «Закона», оспаривая их во всём. Мало того, эта новая идея в мире, по самому характеру и месту рождения новой религии, была для них упрёком на вечные времена.

Засев в своей крепости, фарисеи готовились к борьбе с новой силой, пришедшей в мир. Их задача была обширнее задачи левитов в Вавилоне. Храм был разрушен, Иерусалим опустел. Иудейское племя давно уже было раздроблено, а сейчас растворялась и вся иудейская раса. Оставалась «еврейская нация» из людей самой различной крови и рассеянная по всему известному тогда миру. Нужно было объединить этих людей под властью племенной идеи и обещанием «возвращения» в «обетованную» землю «избранного народа». И нужно было, чтобы эта нация в рассеянии сохраняла веру в свою миссию разрушения среди всех народов, где она селилась.

«Закон», в той его форме, которая уже становилась известной внешнему миру, нельзя было теперь ни снова изменить, ни внести в него новые главы. Иисус Христос особо указывал в своё время именно на фальсификацию книжниками «заповедей человеческих». Его убили, но не опровергли и, тем более, как показал дальнейший рост христианства, нельзя было убить Его учение. Осуждение Им их «закона» оставалось в силе и было настолько убедительным, что даже фарисеи не могли надеяться убедить кого-либо в противном, просто объявив Его «нарушителем».

Далее, нужно было всё время перетолковывать «Закон», приспособляя его к происходящим событиям, дабы показать «избранному народу», будто всё происходящее, как бы неестественно это ни казалось на первый взгляд, было выполнением обещаний Иеговы. Фарисеи в Ямнии вновь сослались на известные, якобы, им одним устные тайны Бога, опять начав перекраивать «законы и предписания», чтобы сделать их. приложимыми и к новому врагу — христианству. Таково было происхождение Талмуда, представляющего собой по существу антихристианское добавление к Торе. С течением столетий Талмуд превратился в «ограду вокруг Закона», во внешнюю племенную стену вокруг внутренней. Его значение — во времени его появления: Иудеи больше не было, «народ» оказался рассеянным среди многих других, а новая религия росла и учила, что Бог — отец всех людей, а не только божок и покровитель одного единственного племени.

Сейчас, оглядываясь в прошлое, задача, взятая на себя фарисеями, кажется нам непосильной, поскольку желание влиться в общечеловеческий поток духовной жизни несомненно должно было быть особенно сильным у народа в рассеянии. Однако, события показали, что фарисеям удалось достичь представленной ими гигантской цели: Талмуд надёжно изолировал евреев от освобождённых христианством сил объединения. Два примера из нашего времени показывают, как силён Талмуд ещё и сейчас, через много веков после его составления. Внимательно читая книги братьев Торо (Thoreau), можно иногда увидеть, что скрыто за стенами Талмуда: в одной из книг, например, они пишут о маленьком еврейском мальчике в Польше, которого обучили, проходя мимо придворного распятия, плевать и говорить: «будь ты проклят, создатель другой веры», причём, мальчик делал это совершенно автоматически. А в 1953 г. в Нью-Йорке миссионеры Моравской Иерусалимской церкви описали захват сионистами Моравского дома для прокажённых, носившего название «Миссия Иисуса». Первое, что они сделали, было замазать слово «Иисус», стоявшее над дверью более ста лет. Подобные эпизоды (равно как и запрет в еврейской среде упоминать имя Христа) являются прямым следствием талмудизма, представляющего собой по сути ещё один «новый закон» со специально антихристианским направлением. Поэтому последующий период истории Сиона правильнее назвать периодом талмудистов, в отличие от периодов левитов и фарисеев.

Пока фарисейские талмудисты в своей академии в Ямнии трудились над новым «Законом», весть

о жизни Христа и Его учении распространялась по территории Римской империи. Этому распространению сильно помог один из самих фарисеев: Савл из Тарса, направлявшийся из Иерусалима (ещё до его падения) в Дамаск для искоренения еретиков, обратился в пути к Христу и проповедовал затем среди евреев и не-евреев, пока ему не помешали. Евреям он говорил: «было нужно, чтобы Слово Господа было сперва преподано нам; но как вы не слушаете Его, а считаете себя достойными жизни вечной, то мы обращаемся к другим народам». Кастейн пишет о Савле, превращённом в Павла, что «всех, поверивших в его пророчества, евреев и не-евреев, он сделал отступниками в самом широком смысле этого слова». Однако то, что говорил Павел и другие апостолы, было по тем временам неизбежным, поскольку стремление к познанию Единого Бога захватывало всё человечество; и люди стремились к учению Иисуса Христа, как растения тянутся к свету. Возможно, что именно поэтому Христу суждено было появиться *среди* иудеев: иудейская вера была племенным фанатизмом в его самой крайней форме, и поскольку всякое действие вызывает равное противодействие, противоположная идея должна была появиться там, где давление было особенно сильно.

В этот момент решилась судьба того, что мы теперь называем «Западом». В те времена это были малоизвестные и скудно населённые пространства, и если бы ученики Христа не обратили своих лиц на Запад, то вероятно ни самого слова, ни того, что под ним теперь понимают, никогда бы не появилось. Понятие «западной культуры» неразрывно связано с христианством. За 1900 лет, прошедших со смерти Христа, расцвет Запада затмил собою всё происходившее в других краях. В материальной сфере прогресс был таков, что сейчас, к моменту издания этой книги, мы начинаем завоёвывать вселенную. И всё же это далеко не самое главное. Гораздо важнее был прогресс в области духа, в перемене отношения человека к человеку. Запад добился того, что человек может обвиняться только публично, и имеет право требовать-либо открытого суда,-либо освобождения (это право в двадцатом столетии снова стоит под угрозой). Это было самим большим достижением в истории человечества, и наше будущее зависит от того, удастся ли сохранить это право, или же оно снова будет подавлено. Ученики Христа вышли из Иерусалима ещё до вступления римлян, но и тень последовала за ними: секта талмудистов шла по следам христианства в течение всех этих столетий. Двадцатый век стал ареной борьбы между народами, вскормленными христианством, и сектой, посвятившей себя его разрушению.

В эту борьбу вовлечён не один только Запад. Человечество повсюду инстинктивно искало Единого Бога, и расисты талмуда встретились с новым врагом, когда через 500 лет после Иисуса Христа возник Ислам: арабы, другой семитский народ, также постигли идею Единого Бога для всех людей. Магомет (по Кастейну: «полуобразованный бедуин»), как и Савл на пути в Дамаск, обрёл видение Бога. Его учение во многом напоминало учение Христа, которого он считал, как Авраама и Моисея, пророком Бога, ноне Мессией. Себя он считал преемником Моисея и Христа, и пророком Бога, *единого* Бога, Аллаха, творца всего мира и *Бога всех людей,* а не одних только арабов. Эта новая религия, как и христианство, не проповедовала ненависти к другим религиям. Магомет почитал Иисуса Христа и Его мать в то время, как талмудистская литература полна нечестивых насмешек над Ними.

Магомет считал евреев разрушающей силой, преследующей только свои собственные цели. Коран пишете них: «*Когда они будут разжигать факел войны, Бог будет тушить его. Их цель — вызвать раздоры на земле, но Бог не любит сеятелей развора».* Так в течение многих столетий мудрые люди оценивали эту секту и её доктрину, пока в двадцатом веке нашей эры ей не удалось фактически подавить всякое публичное обсуждение еврейского вопроса. Ислам вскоре распространился в южной части известного тогда мира, в то время как христианство распространилось на Западе, а буддизм ещё раньше на Востоке. Движение этих трёх больших потоков шло как бы к слиянию их в отдалённом будущем, ибо ни у одной из трёх универсальных религий не было непримиримых противоречий с другими, и все три едины в отвержении доктрины разрушения и расового превосходства.

Христианство и ислам широко разрослись, охватив громадные массы человечества и показав, к чему оно инстинктивно стремилось. Иудаизм остался далеко позади, ревниво охраняемый правящей сектой в своей расовой ограниченности. В двадцатом веке этой секте удалось довести дело до угрозы прямого столкновения между странами христианства и ислама. Если ей удастся вызвать открытый конфликт, то наше поколение станет свидетелем борьбы двух великих универсальных религий между собой во имя окончательного торжества племенного суеверия «господствующей расы». Такой может стать развязка той странной истории, которая началась девятнадцать веков тому назад, когда две группы столь различных между собой людей вышли из ворот Иерусалима.

Глава 13
Ограда вокруг закона

История Сиона может быть подразделена на пять периодов: на эпохи левитов, фарисеев, талмудистов, промежуточный эпизод «Эмансипации» и эпоху сионистов.

Наша повесть достигла теперь третьего периода. Первая эпоха левитов включала в себя историю изолированной Иудеи, вавилонского «плена» и «возвращения», а также создания «Моисеева Закона», навязанного иудеям силой. Второй фарисейский период более или менее совпал с римским управлением завоёванной Иудеей, закончившись вторым разрушением Иерусалима и рассеянием последних иудеев, причём фарисеи достигли полноты власти, а их «правительство» переселилось в новый центр в Ямнии.

Третий, талмудистский период, был самым долгим и продолжался семнадцать столетий, от 70 г. по Р.Х. до, примерно, 1800 г. по Р.Х. В эту эпоху большое число евреев переселилось на Запад, в то время как их «правительство», несколько раз меняя своё местопребывания, цепко держало рассеянных по разным странам единоверцев под своим контролем, в подчинении у «Закона» и в строгом отделении от других народов. Поскольку это также была эпоха развития западной культуры и торжества христианства, то неизбежно, что именно они стали главной мишенью для нападок со стороны разрушительных предписаний иудейского «закона», в отличие от прежних «язычников», «чужих» или «других богов».

Для людей Запада это был продолжительный и важнейший период их истории; для правящей иудейской секты и её последователей он был столь же маловажным как и время вавилонского плена. То, что один период длился семнадцать столетий, а другой — всего лишь пятьдесят лет, не имело в их глазах значения: в оба эти периода избранный народ находился в «изгнании», а согласно представлениям их «закона», это изгнание будь оно долгим или кратким, должно было закончиться катастрофой для тех, кто держал евреев в «плену», еврейским триумфом и их новым «возвращением».

Для правоверного сиониста, как Кастейн, семнадцать веков расцвета христианской культуры и цивилизации — пустая страничка истории; одно только «преследование евреев» заслуживает в эту эпоху внимания, всё остальное — ничего не значащие пустяки: Иегова использовал в этот период язычников для наказания евреев, одновременно готовя торжество избранного народа: «а за то, что язычники сделали, они ещё заплатят», — пишет Кастейн. Для него единственным достижением семнадцати веков человеческой истории было то, что евреи, благодаря своим мудрым талмудистским правителям, смогли в эту эпоху сохранить свою полную обособленность от других народов.

Бесспорно это было немалым достижением; ничто в истории не может сравниться с тем вредом, который принёс человечеству этот успех сионских мудрецов. Их Талмуд оказался надёжной «оградой вокруг закона» и смог семнадцать столетий успешно противостоять действию центробежных сил, вовлекавших евреев в общечеловеческий поток жизни.

Пока талмудисты укрепляли свои ограды, принявшие христианство европейцы непрерывно трудились, обогащая свою жизнь его моральными ценностями, уничтожив рабство и крепостничество, устранив неравенство и привилегии, и возвысив достоинство человека. Это был процесс «эмансипации» человечества, который к началу 19-го века восторжествовал над кастовой системой абсолютизма.

Евреи, под руководством своих талмудистских вождей, играли в борьбе за эту эмансипацию ведущую роль. Само по себе, это казалось естественным, поскольку для всех христиан, с самого начала, смысл эмансипации был в обретении свободы *всеми людьми,* вне зависимости от расы, класса или веры. В этом была сама суть борьбы: иное или меньшее лишило бы борьбу всякого смысла.

Тем не менее налицо был явный парадокс, часто смущавший и тревоживший народы, среди которых жили евреи. Их «закон» провозглашал теорию господствующей расы в самой непримиримой и враждебной форме, какую только могло представить себе человеческое воображение. Как же могли евреи нападать на национальное самосознание других народов? Как могли евреи добиваться уничтожения всех барьеров между людьми, в то время как они сами воздвигли ещё более высокие барьеры между собой и всеми остальными? И, с другой стороны, если по их истории Бог создал мир специально для их господства, запретив им смешиваться с «низменными» созданиями, то как могли они жаловаться на дискриминацию?

События последних ста пятидесяти лет дали ясные ответы на эти вопросы. Евреи хотя и боролись за эмансипацию, но их целью в этой борьбе вовсе не была великая идея человеческой свободы, поскольку иудейский «закон» принципиально эту идею отвергал.

Правители еврейства стремились не к свободе, а к власти над другими народами, и они ясно видели, что для достижения этой власти нужно уничтожить их законные правительства, а самым верным путём к этому был лозунг эмансипации.

Таким образом т. н. эмансипация открыла двери для непрерывного вмешательства революционных сил в жизнь народов, разрушив законное правительство, революционеры должны были придти к власти, являясь, в свою очередь, ставленниками талмудистов и действуя по их указаниям и под их контролем. Тем самым должен был быть осуществлён Моисеев Закон, а Западу уготован конец Вавилона.

События 20-го века ясно показывают, что именно над этим планом работали талмудистские старейшины в продолжении всего третьего периода истории Сиона, т. е. с 70 по 1800 гг. по Р.Х. Слово «эмансипация» означало совершенно различные вещи для христианских народов Европы, среди которых жили евреи, и для талмудистских вождей еврейства. Для народных масс эмансипация была концом неравенства и закрепощения; для могущественной секты она была только началом, средством для достижения совершенно противоположной цели: наложения на людей оков нового, ещё более жестокого рабства.

В этом предприятии таилась серьёзная опасность. С уничтожением барьеров между людьми мог быть уничтожен барьер между евреями и другими народами; это свело бы на нет все планы талмудистов, уничтожив силу, которую нужно было сохранить для разрушения *других* народов с помощью «эмансипации».

Это почти и произошло в четвёртом периоде истории Сиона: столетие эмансипации (1800-1900 по Р.Х.) принесло с собой угрозу «ассимиляции». В столетие «свободы» многие евреи и в Западной Европе, и в Новом Свете за океаном пытались сбросить цепи иудейского «закона» и влиться в жизнь других народов. Именно поэтому сионистский историк Кастейн считает девятнадцатое столетие темнейшим периодом еврейской истории; грозила смертельная опасность, что евреи смогут принять участие в общечеловеческой истории, но к счастью — для Кастейна — эту опасность удалось предотвратить. С нескрываемым ужасом он рассуждает о том, как ассимиляция могла бы разрушить защитные барьеры иудейской расы и веры. Эмансипационное движение среди евреев 19-го века для него глубоко ретроградно, и он благодарит Бога за то, что «сионистская идеология» спасла евреев от ассимиляции.

Следующий, пятый период истории еврейства начался на переломе 20-века, и в нём мы живём в настоящий момент. Ограды талмудистского закона смогли устоять, и к концу четвёртого периода своей истории евреи, полностью «эмансипированные» в понятии «Запада», в действительности продолжали оставаться обособленными от всех остальных под охраной собственного закона. Кто пытался освободиться в сторону «ассимиляции», загонялись обратно в племенную ограниченность мистическими силами еврейского национализма.

С помощью эмансипации правящей еврейской секте удалось достичь власти над нееврейскими правительствами и добиться второго «возвращения» в обетованную землю. Этим был восстановлен Закон 458 г. до Р.Х., с его миссией разрушения других народов и господства над ними. В вены мирового еврейства был влит яд шовинизма и действие этого яда будет с течением времени усиливаться. Власть секты над правительствами Запада была умело использована для достижения намеченной цели. И весь мучительный процесс современного разрушения Запада — результат честолюбивых замыслов Сиона, возрождённых из древности и ставших в 20-ом веке мерилом западной политики.

К моменту написания этой книги пятый период еврейской истории длится всего полвека (рукопись была закончена в 1956 г. — *прим. перев.*), но достигнутые результаты оказались весьма внушительными. «Моисеев Закон» навязан западным народам и они фактически живут под его контролем; правит он, а не их собственные законы. Политическим и военным операциям двух мировых войн было придано направление, служившее сионистским амбициям, а миллионы погибших и все богатства Запада пошли им на пользу.

Сорок лет непрерывного кровопролития в Палестине — только начало. Третья мировая война в любой момент может начаться там и распространиться на весь мир, но даже если она началась бы в другой части земного шара, она неизбежно служила бы честолюбию Сиона, которое не будет окончательно удовлетворено до тех пор, пока евреями не будет завоёвана гораздо более обширная территория на Ближнем Востоке, не будут низвержены «другие боги» и порабощены «все народы».

Кастейн видит в этом пятом периоде еврейства его золотой век, в котором «будет восстановлен ход истории», по прошествии и ликвидации маловажного и не имеющего исторического смысла промежутка, известного как христианская эра, а сионизм, преступно лишённый, по его мнению, в 70 г. по Р.Х. предназначенного ему мирового господства, преодолеет этот «перерыв» в истории и вступит в законные права наследства.

Пока что, однако, наша повесть достигла третьего и самого продолжительного из всех пяти

периодов истории еврейства: в этом периоде талмудистские Книжники в Ямнии с беспримерным старанием расширяли паутину «закона» с его бесконечными разветвлениями, из которых ни один еврей не мог больше вырваться без весьма печальных для себя последствий. Таким путём было достигнуто нечто почти невозможное: в течение 17-ти веков рассеянный по всему миру народ был воспитан в изоляции от остального человечества и подготовлен для своей разрушительной миссии в 20-ом веке христианской эры.

Мы переходим теперь к более близкому рассмотрению этого любопытного периода подготовки и организации, в ходе которого была построена «ограда» вокруг иудейского закона, чтобы никакая «свобода» не могла совратить избранный народ или притупить его разрушительную силу.

Глава 14
Кочующее правительство

Фарисейские старейшины, переселившиеся в Ямнию ещё до разрушения Иерусалима в 70 г. по Р.Х., ставили себе целью, как в своё время левиты в Вавилоне, установить новый центр власти и контроля, чтобы держать в повиновении рассеянную теперь по всему миру организацию. Они привезли с собой богатый опыт из Иерусалима и Вавилона, вместе с накопленными вековыми тайнами управления, и образовали своего рода кочующее правительство, которое с тех пор и до сегодняшнего дня осуществляет власть над евреями.

Ещё накануне последних сражений с римлянами, пишет Кастейн, «…группа учителей, учёных и воспитателей переправилась в Ямнию, возложив на свои плечи судьбу целого народа и приняв ответственность за неё в последующие века… в Ямнии были созданы центральные органы управления еврейского народа… Как правило нация, разгромлённая так жестоко как еврейская, должна была погибнуть. Но еврейский народ не погиб… он уже раньше, во времена вавилонского плена, научился приспособляться к обстоятельствам… и он пошёл этим путём и на сей раз».

Древний Синедрион, источник законодательной, административной и юридической власти, был восстановлен в Ямнии под другим названием. Сверх того была создана Академия для дальнейшей разработки Закона. Книжники и здесь продолжали далее распознавать мысли Иеговы, трудясь над толкованием закона, уже столько раз якобы облечённого в окончательную форму. Поскольку, согласно иудейским догматам. Закон должен был регулировать все без исключения отправления человеческой жизни в постоянно изменяющихся условиях, он, естественно, никогда не мог, и не может до сих пор, быть закончен и должен постоянно дополняться.

Кроме этой постоянной необходимости пересмотра Закона, возник ещё новый фактор, христианство, и нужно было определить отношение к нему Закона. Так прежни закон, т. е. Тора, получил обширное дополнение в виде Талмуда, вскоре приобретшего равный и даже ещё больший авторитет.

Закон, исходивший из Ямнии, «воздвиг непреодолимый барьер против внешнего мира», принудил к подчинению «*смертельно строгой* » дисциплине и держал новообращённых в должном почтении. Целью всего этого было сделать жизнь евреев совершенно отличной от жизни других народов. Любой закон, решённый в Синедрионе большинством голосов, становился обязательным для иудейских общин в рассеянии; «неподчинение наказывалось отлучением, что полностью исключало провинившегося из общины». Так был «окончательно установлен центр этого круга, и сам круг в виде закона, обнесённого стеной вокруг управляемого им народа».

Во время этого же периода (до того, как христианство стало официальной религией Рима) «центр» в Ямнии издал секретный указ, разрешавший евреям приспосабливаться к обстоятельствам и, в случае нужды, переходить в «языческие религии», для вида отказываясь от своей веры.

Управление из Ямнии длилось около столетия, после чего центр переехал в Ушу в Галилее, где снова был восстановлен Синедрион. «Иудаизм обосабливался, всё сильнее оттачивая свои особые черты». В это же время была выработана специальная формула проклятия для еврейских христиан. В 320 г. по Р.Х. римский император Константин принял христианство, издав законы, воспрещавшие браки между христианами и евреями и запрещавшие евреям держать рабов — христиан. Эта естественная реакция на расовую дискриминацию и «рабовладение инородцами», предписывавшиеся талмудистским правительством в Уше, была, разумеется, тут же объявлена новым «преследованием», и, чтобы избежать его, центр вновь переселился назад в Вавилон, где ещё жила иудейская колония, которая 800 лет назад предпочла остаться там, не пожелав переселяться в Иерусалим.

Талмудистское правительство обосновалось в Суре, а Академия переселилась в Пумбедиту.

Талмуд, начатый В Ямнии и Уше, был закончен в Суре и Пумбедите. Евреи, где бы они ни жили, «были окружены кольцом громадных размеров и колоссальной эластичности»; мистический круг страха и предрассудков стягивался всё туже и туже.

В Суре правил т. н. Экзиларх, князь плена из дома Давида, однако со временем он превратился всего лишь в символическую личность. После этого, т. н. президент Академии, фактически первосвященник и премьер-министр, «устанавливал правила и предписания не для одних только вавилонских евреев, но и для всего еврейства…Евреи всего мира признавали вавилонские академии своим верховным центром и считали обязательными для себя все издаваемые ими законы». Так были закабалены и подчинены власти талмудистов в Вавилоне эти нации внутри наций и государства в государствах.

Суть догмы оставалась той же, как её создали и навязали своему народу ещё Иезекииль, Ездра и Неемия, но теперь Талмуд сменил Тору, как Тора в своё время сменила «устное предание». Руководители академий в Суре и Пумбедите назывались «гаонами» и начали осуществлять полную власть над рассеянными по всему миру евреями. Призрачные экзилархи, впоследствии именовавшиеся «назимами» или князьями, назначались или утверждались ими, а синедрион вынужден был передать им свои полномочия, или же был их лишён. Если где-либо среди мирового еврейства возникали сомнения насчёт толкования или применения Закона в любом вопросе повседневной жизни, дело передавалось на рассмотрение Гаоната. В далёком Вавилоне от имени Иеговы выносились суждения и решения, так называемые «Ответы Гаоната», обязательные для всего мирового еврейства, и неподчинение им каралось отлучением.

Талмудистское рабство нависло над рассеянным еврейством «как тесно сплетённая сеть.., над их праздниками и буднями, над их делами и молитвами, над всей их жизнью и каждым их шагом… в жизни еврея ничто не должно было происходить случайно или по его собственному решению». Это был абсолютный деспотизм, отличавшийся от других только расстоянием между деспотами и их подчинёнными. В условиях благих намерений, сообщество, управляемое такими методами, может оказать благотворное влияние на жизнь окружающих его народов; при злых, разрушительных намерениях такая система внутри других народов действует как заряд динамита в скале, взрываемой с далёкого расстояния.

В продолжении шестисот лет талмудистское правительство в Ямнии, Уше и Суре оставалось в родных, восточных землях, где его характер был близок и понятен окружающему населению. Оно знало его и умело-либо мириться с жестокой племенной доктриной,-либо ей противостоять, если им не слишком мешали чужие власти: можно было найти компромисс для повседневного мирного существования.

Затем произошло событие, результатом которого стали грозные потрясения нашего времени: талмудистское правительство *переселилось в христианскую Европу,* обосновавшись среди народов, для которых их догма и методы были не только чужды, но вообще непостижимы. Это привело, в ходе столетий, к постоянным столкновениям чуждой веры и амбиций с интересами местного населения, что продолжается и в наше время.

Характеры обеих сторон были совершенно различны; люди Запада, (особенно в северных широтах) по своей природе прямодушны, они не скрывают своих целей и открыто говорят о своих планах, а христианство укрепило эти врождённые черты характера. Чуждая сила, пришедшая к ним, обладала прямо противоположными качествами: восточной утончённостью и заговорщической скрытностью; употребляя слова только для маскировки действительных целей. По сравнению с людьми Запада, это давало ей большие преимущества.

Уход евреев в Европу был результатом завоеваний Ислама. Арабы под знаменем пророка изгнали римлян из Палестины, а власть в стране перешла в руки её природных обитателей, живших там около 2000 лет до того, как в ней появились первые иудейские поселенцы. Владычество арабов продолжалось около 900 лет, до 1517 г., когда Палестину завоевали турки.

Немалый интерес представляет сравнение того, как относились к пленным магометане и иудеи. Приказ калифа арабским завоевателям в 637 г. по Р.Х. гласил: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать овец, коров иди верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье». Приказ «Иеговы», согласно Второзаконию 20, 16 говорит об ином: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твои даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души».

Из Палестины ислам распространил свои владения на всю Северную Африку, и многочисленные

евреи оказались под его властью. Затем арабы повернули против Европы и вторглись в Испанию, а с ними тень талмудистского сионизма нависла и над Западом. Как известно из истории, евреи «деньгами и людьми поддерживали» завоевания мавров. Они шли вслед за завоевателями, относившимися к ним чрезвычайно благосклонно, и город за городом передавался под контроль евреев. О евреях было сказано даже в Коране: «…их целью будет сеять на земле разлад», и армии ислама сильно помогли в достижении этой цели.

Христианство в Испании ушло в подполье. Это создало благоприятные условия для талмудистов, и они перенесли свой центр из Вавилона в Испанию. Начался тот процесс, результаты которого мы переживаем в наше время, и Кастейн пишет: «Еврейство, будучи разбросано по лицу земли, всё-таки стремилось создать фиктивное государство, взамен потерянного, и общий центр управления… Теперь было сочтено выгодным расположить этот центра Испании, и сюда было перенесено с Востока национальное управление. Как в своё время, волей Провидения, Вавилон сменил Палестину, так сейчас Испания заняла место Вавилона, который не мог больше функционировать *как центр иудаизма.* Всё, чему мог послужить Восток, уже было достигнуто. Там были выкованы цепи, которыми каждый мог привязать себя к Талмуду, чтобы не быть проглоченным окружающей средой».

Заметим только, что люди редко по собственной воле связывают себя цепями, выкованными для них. Как бы то ни было, еврейский плен был столь же тесен, как и раньше, может быть даже ещё теснее, но это было, разумеется, делом самих евреев.

То, что еврейское правительство переселилось в *Европу* , стало для Запада фактом первостепенного значения. Разрушительная идея и управляющий ею центр вторглись теперь на континент. Талмудистское правительство еврейской нации внутри наций продолжало свою деятельность с испанской территории. Гаонат издавал свои декреты, талмудистская Академия обосновалась в Кордове; время от времени существовал даже Номинальный Экзиларх, правивший евреями.

Всё это делалось под защитой ислама. Мавры, как до них Вавилон и Персия, были весьма благосклонны к этой силе, жившей в их среде. Для испанцев облик завоевателя всё больше и больше напоминал еврея, и всё меньше и меньше мавра. Завоевателями были мавры, но власть перешла в еврейские руки. На глазах всего мира происходило одно и то же, сначала в Вавилоне, затем в Испании, а в последние столетия то же повторяется и в больших странах Запада.

Господство мавров в Испании длилось почти 800 лет. Затем последовали освободительные войны, и когда в 1492 году Испания окончательно сбросила это долгое иго, то не только мавры, но и евреи были изгнаны. Их отождествляли с правлением чужеземцев, с которыми они прибыли в страну, и когда кончилось чужое господство, выгнали и евреев.

«Центр» талмудистского правительства был после этого переведён в Польшу. Это произошло около четырёхсот лет тому назад, и с этого момента история Сиона окутывается тайной: *Почему* местом для правительства была избрана *Польша* ? До этого времени в анналах истории не было никаких следов более или менее значительной миграции евреев в Польшу. Наводнившие завоёванную маврами Испанию евреи пришли из Северной Африки и, покидая её, они в массе своей вернулись туда же или переехали в Египет, Палестину, Италию, Турцию и на Греческие острова. Другие их колонии существовали уже ранее во Франции, Германии, Голландии и Англии, теперь они росли за счёт переселенцев из Испании. *Но нет никаких данных о сколько-нибудь значительном переселении испанских евреев в Польшу, ни о массовой иммиграции евреев в Польшу когда-либо раньше.*

Однако, когда в начале 16-го века «центр» иудаизма был перенесён в Польшу, *«там начало существовать* еврейское население числом в несколько миллионов», как пишет Кастейн. Однако миллионные населения не начинают неожиданно «существовать». Кастейну это также ясно, но, вместо того, чтобы дать объяснение, он затемняет эту историю, отмечая, как бы мимоходом, что размер этой общины, о которой до тех пор ничего не было известно, «зависел более от эмиграции, *по-видимому* из Франции, Германии и Богемии, *чем от какой-либо иной причины».* Он не объясняет, какие иные причины он мог бы иметь в виду, и для обстоятельного историка довольно странно в данном случае ограничиваться произвольными догадками.

Заметим, однако, что если сионистские историки обходят какую-либо проблему стороной, то достаточно присмотреться внимательнее, и дело выплывает наружу. Так и в данном случае, неловкая увёртка Кастейна пытается скрыть важнейший факт в истории Сиона, а именно то, что мировой «центр» еврейского правления был в это время перенесён в район наибольшего скопления народа, неизвестного до тех пор, как еврейского, и фактически никогда им в буквальном смысле слова и не бывшего. В нём не было никакой иудейской крови (а надо сказать, что к этому времени иудейская кровь почти

полностью иссякла даже среди западноевропейских евреев), а их предки никогда не знали Иудеи, будучи взращёнными на татарской земле. Это были хазары — народ тюрко-монгольской расы, обращённые в иудаизм в 7 веке нашей эры — единственный в истории случай, когда большая масса людей чуждой крови приняла иудейство (поскольку Идумеи всё же были «братьями» по крови).

Можно только догадываться, почему талмудистские старейшины разрешили и поощряли переход хазар в иудейство; без этого прилива новой крови «еврейский вопрос», по-видимому, давно уже был бы разрешён, перестав попросту существовать.

Это событие (о котором в одной из следующих глав будет сказано подробнее) имело для Запада жизненное, а может быть даже и смертельное значение. Естественный инстинкт подсказывал Европе, что главная опасность для её существования всегда грозила из Азии. С момента переноса еврейского «центра» в Польшу азиаты начали двигаться на запад под маской «евреев», приведя Европу в её нынешнее критическое состояние. Их обращение в иудейство произошло настолько давно и они проживали так далеко от Европы, что западный мир никогда ничего бы о них не узнал, если бы талмудистский центр не был основан среди них, сгруппировав их вокруг себя.

Когда они стали известны в Европе, как «восточные евреи», то им помогла переделка слов «иудаист» или «иудей» в «еврея», поскольку разумеется никто никогда не поверил бы, что они были *иудеями* или *выходцами из Иудеи.* С той поры, как они стали руководителями еврейства, догма «возвращения» в Палестину стала проповедоваться от имени народа, не имевшего ни капли семитской крови, ни даже намёка на палестинское происхождение их предков. Талмудистское правительство управляло с тех пор армиями совершенно чуждого ему народа азиатского происхождения.

Опять, на этот раз в Польше, было основано по сути независимое государство в государстве, снова воспользовавшееся благосклонностью коренного населения к пришельцам. И снова, как и раньше, и как много раз позже, талмудистские евреи оказались непреклонно враждебными по отношению к приютившему их народу.

Кастейн даёт нам описание этого независимого еврейского правительства в польской фазе его существования. Талмудистам было разрешено выработать собственную «конституцию», и в 16-17 веках евреи жили в Польше под управлением совершенно автономного правительства. Как пишет Кастейн, это правительство создало *«железную* систему полной автономии и *железную* религиозную дисциплину, неизбежно отдавшую власть в руки правящей олигархии и приведшую к появлению мистицизма в его крайней степени» (мы видим здесь аналогию с тем, как в наше время вырастали под железной дисциплиной и в строгой изоляции коммунистические и сионистские революционеры).

Автономное талмудистское правительство получило название Кагала. На собственной территории Кагал был полновластным правительством под польским протекторатом. Он облагал налогами гетто и общины, выплачивая польскому правительству определённую сумму. Он издавал законы, регулировавшие все без исключения отношения и сделки между евреями, и имел право привлекать к ответственности, судить, осуждать или освобождать. Номинально эта власть не имела права осуждать на смерть, однако, как пишет известный еврейский историк нашего времени, Сало Барон: «В Польше, где еврейский суд не имел права смертной казни, *процветала внесудебная практика линчевания и она открыто поощрялась раввинами, например Соломоном Лурия».* (Эта цитата показывает, что скрывается за частыми, хотя и весьма осторожными ссылками Кастейна на «железную дисциплину», «безжалостную дисциплину», «смертельно суровую дисциплину» и т. п.)

Фактически в Польше было воссоздано еврейское государство, управляемое талмудистами. Кастейн пишет: «Такова *была конституция еврейского государства,* насаждённого на чужой земле, окружённого стеной чужестранных законов со структурой, частью собственной, частью навязанной. У него был *свой собственный еврейский закон,* своё священство, свои школы и свои социальные учреждения, а также свои представители в польском правительстве… фактически, налицо были все элементы, создающие государство… Это было достигнуто в немалой степени, благодаря сотрудничеству польского правительства».

В 1772 г. произошёл раздел Польши и эта громадная община «восточных евреев», сплочённая как государство в государстве, оказалась разъединённой новыми государственными границами, причём большая её часть оказалась в пределах России. В этот момент, впервые за два с половиной тысячелетия и меньше, чем за двести лет до наших дней «центр» еврейского правительства вдруг исчезает из поля зрения. До 1772 года он существовал непрерывно: в Иудее, Вавилоне, снова в Иудее, в Галилее, опять в Вавилоне и, наконец в Испании и в Польше.

По Кастейну, «центр прекратил своё существование»; читателям внушается, будто с этого момента централизованного контроля над мировым еврейством больше не существовало. В

действительности, однако, как вся прошлая история долгого и мощного существования этого центра, так и важнейшие события последующего столетия, опровергают это утверждение. Сам Кастейн выдаёт истину, с торжеством сообщая далее, что в 19-ом столетии «оформился еврейский интернационал». Не подлежит ни малейшему сомнению, что «центр» продолжал существовать и после 1772 года, но работал тайно. Последовавшие события ясно показывают, почему ему выгодно было уйти в подполье.

Наступившее за этим столетие было эпохой революционных заговоров, коммунистических и сионистских — этих двух доминирующих политических движений нашего века. Талмудистский «центр» был одновременно и центром этого заговора. Оставаясь открытым, он сделал бы видимым и источник этой конспирации, а заодно и отождествил бы восточных, талмудистских евреев с этим заговором.

Положение стало ясным, когда в результате революции 1917 года Россия оказалась под властью правительства, состоявшего почти из одних только евреев. Однако, к этому времени власть евреев над европейскими правительствами была уже столь велика, что вокруг характера этого нового «русского» правительства был организован заговор молчания. Если бы международный центр оставался видимым, то европейские народы вовремя распознали бы, что правительство талмудистского еврейства, борясь на словах за «эмансипацию», в действительности подготовляло революции для уничтожения всего того. что народы могли бы в результате этой эмансипации выиграть.

Только русские, среди которых к тому времени жила самая многочисленная из еврейских общин в мире, хорошо знали, *что* произошло. Цитируем Кастейна: «Русским всегда казалось странным, что евреи не желали смешиваться с окружающим населением, и они пришли к выводу, что *тайный еврейский Кагал* преследовал свои особые цели, и что существовал также и *Всемирный Кагал».* Говоря далее о «еврейском интернационале» 19-го столетия, Кастейн сам подтвердил правильность этого русского вывода.

Другими словами, «правительство» продолжало действовать, хотя и тайно, а возможно и в видоизменённой форме, на которую намекает Кастейн словом «интернационал». Есть основания считать, что в настоящее время «центр» не расположен в какой-либо одной стране, и что, хотя его власть сконцентрирована главным образом в Соединённых Штатах Америки, она осуществляется в форме директората, размещённого внутри многих государств и работающего согласованно, поверх голов правительств и народов этих стран. В период таинственного исчезновения «центра» с поверхности, русские, оказывается, были осведомлены лучше других и их предположения оказались совершенно правильными.

Сейчас уже нет особого секрета в том, как этот международный директорат получает и осуществляет свою власть над нееврейскими правительствами; за последние полвека собрано достаточно достоверной и открыто опубликованной информации по данному вопросу, и в нашей книге ниже мы осветим его подробнее. Гораздо труднее понять многовековое закабаление еврейства, рассеянного по всему миру: как удаётся маленькой секте держать этот народ в тисках примитивного племенного закона в течение двадцати пяти столетий?

В следующей главе мы постараемся показать методы, применявшиеся в течение самого долгого периода истории Сиона — талмудистского периода, длившегося с 70 по 1800 гг. по Р.Х. В этих методах так много чисто восточного и азиатского, что западному уму они часто непостижимы; они гораздо понятнее тем, кто познал эти методы на собственном опыте жизни среди «восточных евреев» перед второй мировой войной, или в странах, где власть находится в руках тайной полиции и держится на страхе и терроре.

Глава 15
Талмуд и гетто

Можно о многом спорить, но одно не подлежит сомнению: закон, который в течение 19-ти столетий мог заставить повиноваться себе народ, рассеянный по всей земле, хотя, при желании, он мог бы сбросить это иго, должен обладать большой внутренней силой. Этим единственным в своём роде законом был и остаётся по сей день Талмуд.

«Еврейская Энциклопедия» пишет: «Для большинства евреев Талмуд был чем-то вроде наивысшего авторитета… *Даже Библия была отодвинута на второе место».* «Израильский Архив», цитируемый католическим прелатом монсиньором Ландрие (Landrieux), утверждает, что «все должны признавать *абсолютное превосходство Талмуда черёд Моисеевой Библией».* «*Слова старейшин важнее, чем слова пророков* » учит сам Талмуд (Трактат Берахот).

Составление Талмуда было начато в Ямнии. В Вавилоне закон пересматривался Иезекиилем и Ездрой, а в Ямнии это ещё раз проделал раввин, известный под именем Иуды Наси («князь»). Фактически это были объёмистые добавления к «законам и предписаниям» Второзакония, Левита и Чисел. Все постановления «центра» объявлялись законом и добавлялись к Торе, как «устная Тора», которой приписывалось столь же божественное происхождение. Впоследствии всё это вошло в состав «Мишны», а ещё позже (под ставшим обычным предлогом, что работа должна быть закончена) огромные записи раввинских дискуссий и постановлений вошли в так называемую «Гемару». Гемара была результатом трудов двух еврейских общин — Иерусалимской в пятом и Вавилонской в седьмом веках по Р.Х.; поэтому существует два Талмуда, известных как палестинский и вавилонский.

Талмуд, составленный в христианскую эпоху, является по своему содержанию глубоко антихристианским. Ему приписывается такое же происхождение, как и Торе. Его составители, священнослужители-книжники, по-прежнему претендовали на право пересматривать и расширять иудейский закон, якобы данное им «устно» на горе Синай.

В христианских Библиях записано, что «церкви всех вероисповеданий принимают и признают» Ветхий Завет, «как данный божественным вдохновением, видя в нём указания Бога к вере и праведной жизни», как было указано в решениях Трентского Собора. Здесь уместно задать вопрос, чем содержание Талмуда отличается от Торы, а если различия между ними нет, то не следует ли включить в состав христианской Библии и весь антихристианский Талмуд? В этом случае книжные полки библиотек оказались бы заполненными множеством томов этого произведения, а Новый Завет остался бы маленькой брошюрой, затерявшейся в массе талмудизма к тому же совершенно отвергнутой и отринутой его содержанием, которое учёный-талмудист Драх (Drach) характеризует следующим образом: «Понятия справедливости, равенства и милосердия по отношению к ближним неприменимы к христианам; нарушение этого правила является преступлением… Талмуд категорически запрещает спасать нееврея от смерти… возвращать ему потерянное имущество.., сочувствовать ему и т. д.»

Богословские решения о «равном божественном авторитете» Торы внесли такую путаницу в христианскую доктрину, что христианству трудно будет избавиться от неё в будущем.

Цитированные нами положения Талмуда почти ничем не отличаются от включённых во Второзаконие, обнародованное в качестве «Второго Закона» за тысячу лет до завершения палестинского Талмуда; этот последний лишь придал им их специфический антихристианский характер.

Зачем вообще понадобился Талмуд? Ответ на этот вопрос представляется очевидным. Иудеи были окончательно рассеяны по всему миру, по крайней мере до той поры, пока этих «изгнанников» не удастся снова собрать воедино вокруг их храма. В странах рассеяния им противостоял новый «враг», та религия, рождение которой обличало учение фарисеев как ересь: «Горе вам книжники и фарисеи, лицемеры!» Мало того, благодаря переводу. иудейский закон стал известен «языческому миру», который к тому же нашёл в нём кое-что полезное для себя самого. Чтобы сохранить избранный народ в изоляции, нужен был, следовательно, новый закон, свой собственный, скрытый от нееврейских глаз. Тора нуждалась в защитной «ограде» вокруг неё, достаточно сильной, чтобы охранить «изгнанников» от ассимиляции другими народами и не допустить их «поклонения иным богам».

Талмуд по сути был враждебным ответом на христианство, новым, пересмотренным планом кампании перед лицом нового «врага». Современные энциклопедии, которым нельзя доверять, когда они пишут о иудаизме, скрывают это от нееврейских читателей. В одной из них. например, стоит: «Христиане нередко — совершенно несправедливо — обвиняли Талмуд в антихристианстве». Эти два слова, вставленные пристрастной рукой, извращают истину, превращая изложение фактов в пропаганду. Нападки на христианство сообщают Талмуду его характерную особенность, кроме этого в нём нет ничего нового. Все его прочие наставления повторяют слова Иезекииля и фарисеев.

«Еврейская Энциклопедия» пишет: «В еврейских легендах, в Талмуде, в Мидраш (проповеди в синагогах) и в „Жизни Иисуса Христа“ (Толедот Иешу) имеется тенденция, берущая начало в средних веках, умалять личность Иисуса, приписывая ему незаконное рождение, магию и позорную смерть». Его называют «этот, не имеющий имени», «лжец», «самозванец» и «незаконнорождённый». Обвинение в незаконном рождении делается, чтобы подвести Его под главу Второзакония (XXIII, 2): «Сын блудницы не может войти в общество Господне». В еврейских семьях запрещается упоминать имя Иисуса Христа.

Памфлет «Жизнь Иисуса Христа», согласно Еврейской Энциклопедии «берущий начало в средних веках», далёк от того, чтобы просто быть пережитком исторического прошлого: это раввинское произведение талмудистской эпохи употребляется в еврейских школах до сегодня. В несколько

видоизменённой форме оно повторяет все насмешки и издевательства, которыми осыпали Христа во время Его крёстных страданий. Иисус Христос называется незаконным сыном жены парикмахера Марии и римского солдата по имени Пантера. Его обозначают странным именем, которое можно перевести, как «взбалмошный девственник». Дальше говорится, что Иисус, отвезённый своим отчимом в Египет, обучался там колдовству. Этот памфлет представляет собой единственную информацию об Иисусе Христе, которая допускается к сведению евреев. Самым характерным во всей этой грязной выдумке является утверждение, будто Иисус Христос вовсе не был распят римлянами. После Его появления в Иерусалиме и ареста за агитацию и «колдовство». Он якобы был передан во власть Синедриона, провёл сорок дней у позорного столба, а затем был побит камнями и повешен в день праздника Еврейской Пасхи. Этот вид смерти соответствует предписаниям Второзакония (XX1.22 и XX11.5), тогда как распятие не совпадает с требованиями *иудейского* Закона. В памфлете далее говорится, что в аду Христа пытают погружением в кипящую грязь. Талмуд, в свою очередь, именует Христа не иначе, как «безумцем», «колдуном», «нечестивым богохульником», «идолопоклонником», «собакой», «порождением похоти» и аналогичными эпитетами; обучение подобного рода порнографии продолжается столетиями, в результате чего появляются книги, подобные написанной испанским евреем Моисеем де Леоном и переизданной в 1880 г., где об Иисусе Христе говорится, как о «мёртвой собаке, зарытой в куче навоза». Подлинные древнееврейские тексты этих талмудистских изощрений приведены в книге Лайбле «Иисус Христос в Талмуде» (см. библиографию в конце книги). Этот учёный пишет, что в талмудистский период ненависть к Христу «стала наиболее резко выраженной национальной чертой иудейства», что «с приходом христианства бешеная ненависть, похожая на безумие, всё более овладевала евреями», что «ненависть и презрение всегда и в первую очередь направлялись против личности Иисуса Христа» и что «ненависть евреев к Христу — твёрдо установленный факт, хотя они и стараются как можно меньше её показывать».

Желание скрыть от внешнего мира то, чему учили, спрятавшись за оградой Талмуда, привело в 17-ом столетии к показному исключению приведённых мест из Талмуда. К этому времени содержание Талмуда стало довольно широко известным, в особенности благодаря обличениям евреев-протестантов, приводя к общему возмущению и вынудив талмудистских старейшин издать следующий указ (приведённый в древнееврейском оригинале и в переводе в книге П. Л. Б. Драха, воспитанника талмудистской школы, позднее перешедшего в христианство):

«Поэтому мы приказываем вам, под угрозой великого отлучения, не печатать во всех будущих изданиях как Мишны, так и Гемары, ничего хорошего или плохого о делах Иисуса Назарянина, вместо этого ставя круг, в виде буквы „О“, для предупреждения раввинов и учителей школ, что эти тексты должны преподаваться молодым ученикам *только голосом.* Эта предосторожность лишит учёных-назареян всякой возможности нападать на нас по этому вопросу» (Декрет Иудейского Синода в Польше от 1631 г. В наше время, когда публичные дискуссии и протесты, касающиеся этих вопросов, фактически запрещены нееврейскими правительствами, указанные тексты, по нашим сведениям, полностью восстановлены в изданиях Талмуда на древнееврейском языке). Стремление опорочить создателя чужой религии резко отличает иудаизм от всех других верований, а Талмуд от прочих религиозных книг. Ни мусульмане, ни буддисты или последователи Конфуция, ни христиане не испытывают ненависти к другим религиям и их основателям, *как таковым.* Они готовы отличаться от других по вере, надеясь, что разные пути когда-либо, по воле Господней, сольются воедино.

Так например, в Коране пишется, что Христос был «укреплён Духом Святым», а евреи упрекаются за то, что они отвергли «Божьего Апостола», которому было дано «Евангелие со светом его учения». О его Матери в Коране говорится: «О, Мария! Воистину Господь избрал Тебя и очистил Тебя и поставил Тебя выше всех жён мира», и далее: «Иисус, сын Марии, прославленный в этом мире, как и в будущем, один из тех, кто близок к Господу».

Центральная мысль Талмуда, этого новейшего из всех «новых законов» иудейства совершенно ясна: закон был расширен специально для того, чтобы охватить и христианство, не оставляя сомнений в том, как должны относиться к нему евреи». «Перед правящей сектой стояла и другая проблема, также Требовавшая внесения изменений в книги закона: неевреи нашли в переводах Торы (т. е. в Ветхом Завете) много полезного для себя, несмотря на то, что её смертельное остриё было направлено именно против них самих. Древние левитские книжники не могли этого предвидеть, как не могли они предвидеть и самого перевода Торы на другие языки. Правящая секта нуждалась в новом, своём собственном Законе, недоступном для „чужих“ глаз. Нужно было показать евреям, что хотя их расово-религиозные законы были почему то включены в христианскую Библию, сам „закон“, тем не менее, оставался исключительно еврейским, требуя своего полного соблюдения.

Талмуд, таким образом, ещё больше расширил пропасть и воздвиг ещё более непреодолимую стену между евреями и другими народами. Мы уже раньше указывали на то, что Тора говорила с евреями и неевреями на разных языках. В частности, в стихе XXXII, 21 Второзакония в переводе неевреи характеризуются сравнительно безобидно, как «народ бессмысленный». Однако, согласно статье «Еврейской Энциклопедии» о «Дискриминации против неевреев», в древнееврейском оригинале неевреи называются народом «мерзким и порочным». Иначе говоря, в оригинале и в переводе одно и то же место получает различное освещение для евреев и неевреев. В Талмуде, доступном для одних только евреев, для них не оставлялось никаких сомнений относительно возможности более мягкого перевода: вышеприведённое место во Второзаконии выводится из главы XXII, 20 книги Иезекииля, где неевреи определяются как люди, у которых «плоть ослиная и похоть, как у жеребцов». В таком именно духе талмудисты продолжали толковать свой «закон».

Все предписания Талмуда преследовали одни и те же цели. Закон, согласно Талмуду, требует возвратить потерянную собственность, если её владелец «брат или сосед», но нельзя возвращать её нееврею. Нееврейские книги предлагалось просто сжигать, книгосожжение изобретено Талмудом, как в своё время и «охота на ведьм» предписывалась Торой. Ежедневно от еврея требовалось произносить благодарение Иегове: «Благословен Ты… что не создал меня гоем». Затмение солнца грозило, согласно Талмуду, бедствием одним только неевреям. Один из столпов Талмуда раввин Леви, установил, что запрещение мести (Левит, XIX, 18) не относится к неевреям и, произвольно толкуя книгу Экклезиаста (VIII, 4), нашёл в ней подтверждение своим словам, придав дискриминирующий характер месту, где неевреи не могли предполагать ничего подобного.

Еврей, продавший нееврею землю, граничащую с землёй другого еврея, подлежит, согласно Талмуду, отлучению. Нееврей не может допускаться свидетелем в уголовном или гражданском деле, так как его показание не заслуживает такого доверия, как показание еврея. Еврей, показывающий в нееврейском суде как единственный свидетель против другого еврея, должен быть отлучён. Прелюбодеяние, совершённое с нееврейкой, не является таковым, «так как у язычников нет законно обручённых им жён, эти женщины не являются их жёнами». Неевреи, как таковые, заведомо исключаются из загробной жизни.

Талмудистская интерпретация основного нравственного закона Библии «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим», излагается в Талмуде ни много, ни мало, как приказание человеку «заниматься изучением Священного Писания и Мишны, общаясь с учёными и мудрыми людьми». Другими словами, лучше всех доказывает свою любовь к Богу тот, кто изучает Талмуд, чураясь общества людей другой веры. Небольшой пример из нашего времени показывает, как многовековое подчинение Талмуду уродует человеческое мышление. В 1952 г. некий Франк Ходоров описал следующий случай: «Однажды, в морозную ночь, к нам постучался раввин, вид которого вызывал жалость; он немного оттаял, лишь выпив полдюжины стаканов горячего чая, и рассказал, как сердобольный гой хотел дать ему пару перчаток, но он отказался их принять. Раввин объяснил нам, что еврей не должен помогать неверующему снискать благословение свыше. Я впервые столкнулся здесь с доктриной избранного народа и она показалось мне невероятно глупой и подлой».

Это показывает, к чему привела ограда, воздвигнутая Талмудом между евреями и остальным человечеством. Он внушил евреям чувство презрения и ненависти ко всем «чуждым» народам. Каково было, однако, значение Талмуда для самих евреев? «Еврейская Энциклопедия» пишет, что «талмудисты превратили Тору в *уголовный кодекс»*. Несмотря на обычную точность «Еврейской Энциклопедии» смысл этой фразы не вполне ясен; Тора *всегда была* уголовным кодексом, достаточно и сегодня внимательно прочесть её, чтобы увидеть это. Наказания, предписанные Торой, приводились в исполнение, например Ездрой и Неемией против евреев, или же римлянами по приговору Синедриона, осудившего «мечтателя и сновидца» Иисуса Христа. Видимо «Еврейская Энциклопедия» хочет сказать, что под режимом талмудистов этот уголовный кодекс применялся регулярно и ещё более строго.

Это не вызывает сомнений; как уже раньше отмечалось, раввины «поощряли линчевание, как внесудебную предупредительную меру воздействия», поскольку законы стран рассеяния не разрешали им выносить смертные приговоры. Одно это показывает насколько реальным было пользование Талмудом, как «уголовным кодексом». Немногочисленные и простые заповеди древности далеко отстоят от громадной массы законов и постановлений Талмуда, часто воспрещавших жить по законам морали, но налагавших суровые наказания за «нарушения». Соблюдение законов Талмуда, а отнюдь не моральное поведение, было главным.

Всё, что где бы то ни было могло произойти или случиться в жизни еврея, регулировалось законами Талмуда: браки, разводы, имущественные сделки, коммерческие операции, вся жизнь, вплоть

до мельчайших деталей одежды и туалета. Поскольку в каждодневной жизни постоянно происходят непредвиденные заранее события, вопрос о том, что законно и что незаконно (а не что правильно, или неправильно) в каждом данном случае приводил к бесконечным дискуссиям, результатом которых были наводняющие Талмуд объёмистые протоколы раввинских решений.

Что было большим преступлением: убить верблюда или раздавить блоху в праздничный день? Один из высокоученых раввинов разрешил давить блоху осторожно, другой же полагал, что можно даже отрезать ей ноги. Сколько белых шерстинок может иметь жертвенная рыжая корова, всё ещё оставаясь рыжей? Какого вида накожные струпья требуют проведения животного через ритуал очищения? С какого конца животного следует начинать забой? Что сперва следует надевать первосвященнику — рубашку или штаны?

Обсуждались и методы предания отступников смерти; по мнению старейшин, отступника следовало душить до тех пор, пока он откроет рот, в который тогда нужно было влить расплавленный свинец. Однако, некий особо благочестивый раввин дополнял, что рот казнимого при этом нужно было всё время держать открытым с помощью щипцов, чтобы он не задохнулся раньше, чем расплавленный свинец вольётся глубоко и сожжёт душу отступника в его теле. Слово «благочестивый» употреблялось здесь без всякого сарказма, упомянутый учёный раввин пытался лишь распознать истинные намерения «закона».

Интересной темой для дискуссии в литературном обществе мог бы быть вопрос: был ли известный английский поэт и критик 17-го века, доктор Самуил Джонсон, хорошим знатоком Талмуда, или же он совсем его не знал? Джонсон как-то разрешил одну дискуссию, заявив: «Нет смысла спорить о старшинстве между вошью и блохой». Для талмудистов, однако, именно этот спорный вопрос заслуживал обсуждения: допустимо ли убить в субботу вошь или блоху? Было решено, что убить вошь разрешается, в то время, как убийство блохи представляет собой смертный грех.

«Талмуд превратился в непроницаемую скорлупу вокруг решившего выжить ядра; она окутала сердце еврея мировоззрением холодным, как лёд, но зато твёрдым, как сталь… Талмуд, который евреи всюду несли с собой, стал их домом». Таким видит Талмуд Кастейн: дом, построенный из льда и стали, за оградой с высокими стенами вокруг него, наглухо закрытыми окнами и запертыми дверями. В этом своём жилище евреи, «приняв идею избранного народа и будущего спасения.., могли понимать всё происходящее, только *поставив самих себя в центр всего».* Вся наша планета совершает среди бесчисленных звёзд свой путь в пространстве только для того, чтобы посадить евреев на золотом троне в храме, окружённом грудами трупов перебитых язычников; «закон отделил их непроницаемым барьером от внешнего мира».

Ни один еврей, кроме учёных талмудистов, не мог разобраться во всём этом законодательном нагромождении. Вероятно только версии, прошедшие раввинскую цензуру, были доступны неевреям Если бы оригиналы и были доступны, то для сопоставления их с переводами понадобились бы целые коллегии специалистов, согласных работать над этим всю свою жизнь.

До последнего времени, многие исследователи придавали большое значение отсутствию надёжных переводов Талмуда, однако нет необходимости присоединяться к этому мнению. То, что о нём известно (главным образом, от самих евреев или от евреев, перешедших в христианство), вполне достаточно для понимания его истинного характера, и нагромождение новых доказательств не принесёт ничего нового. Авторитетными источниками являются: «Еврейская Энциклопедия», немецкие переводы Иерусалимского и вавилонского Талмудов (Цюрих 1880 г. и Лейпциг 1889 г.), как и следующие труды: William Rubin, «Der alte und der neue Glaube im Judentum»; Strack, «Einleitung in den Talmud»; Laible, «Jesus Christis im Talmud»; Drach, «De l'Harmonie enter l'Eglise et la Synagogue»; Graetz, «Geschichte der Juden».

Никем не оспаривается, что Талмуд написан людьми, в то время, как Тора *приписывалась* голосу Иеговы, записанному Моисеем. Это имеет большое значение. Происхождение этого различия также вполне очевидно: невозможно было находить всё новые, «покрытые пылью веков» рукописи Моисея. Книжникам пришлось принять ответственность на себя, якобы на том основании, что абсолютное право истолкования гласа Божия было «устно» дано первому в их роде. Тем самым они раскрыли истину: они считали самих себя Богом. Кастейн вполне прав, говоря: «не Бог создал этих людей и их планы, а наоборот, эти люди сами создали себе этого Бога и свои планы»; точнее было бы сказать «эти книжники», вместо «эти люди».

Древние поколения книжников сочинили откровения Второзакония, более позднее поколение сочинило талмудистского Бога, потребовав чтобы «эти люди» признали Талмуд продолжением ранее ими сочинённого откровения.

Когда составление Талмуда было закончено, встал вопрос, сможет ли правящая секта навязать этот очередной Новый закон евреям, рассеянным по всей земле, подобно тому, как в своё время Ездра и Неемия в 444 г. до Р.Х. с персидской помощью заставили иудеев в Иерусалиме подчиниться тогдашнему Новому Договору. Секта успешно справилась и с этой задачей. На Втором Всемирном Сионистском Конгрессе в Базеле в 1898 году сионист из Киева доктор Мандельштам заявил: «Евреи категорически отвергают всякую идею слияния с другими народами и остаются верными своей исторической надежде, то есть созданию мировой еврейской империи».

Двадцатое столетие является свидетелем усилий, которые делаются для осуществления этой надежды. Создание системы еврейского гетто во многом способствовало успехам талмудистов. Непрерывной пропагандой удалось добиться того, что в двадцатом веке многие считают «гетто» чем-то вроде концентрационных лагерей, в которых евреев держали их нееврейские «преследователи». Такому же извращению фактов подверглась и вся история несправедливости и угнетения самых различных групп населения на Западе: в двадцатом веке из неё было выброшено всё, пока не осталось одно только пресловутое «преследование евреев».

В продолжение последних 1900 лет большое число людей нередко подвергалось преследованиям. В соответствии с их численностью страдали и евреи, так что в конечном счёте их доля среди преследуемых была небольшой. Во время самых жестоких преследований нашего века — в Советской России — угнетали не евреев, угнетали они сами. Автор этих строк познал это на собственном опыте, без которого ему вряд ли удалось бы осветить этот факт. Гетто вовсе не были созданы неевреями для евреев. Они были логической необходимостью, вытекавшей из талмудистского закона, и ведут своё начало от иудейского опыта в Вавилоне. Кастейн характеризует Талмуд, как «дом», который евреи всегда переносили вместе с собой. Однако для своего физического существования им также нужны были стены и крыша. Талмуд установил, что неевреи не могли быть для евреев «соседями» и что еврею не разрешалось продавать «чужому» земельную собственность, граничившую с участком другого еврея. Эти положения не могли иметь иной цели, как обособление Евреев от других народов и изоляции их в гетто.

Первое гетто было создано левитами в Вавилоне по разрешению местных властей. Следующим в истории гетто был Иерусалим, где Неемия, при поддержке солдат персидского царя, обнёс город стенами и изгнал из него всех, кроме иудеев. Позднейшие гетто, возникавшие в Европе, создавались по этим образцам. Для современного еврея система гетто вероятно является самой обременительной из всего его духовного наследства; как писал еврейский поэт, «Гетто, мой друг, гетто, где все надежды гибнут при рождении».

Современные евреи, не знавшие гетто, испытывают, думая о нём, подсознательный страх, хотя оно и было исключительным изобретением талмудистов, которому подчинялись их предки. Оно было идеальным средством, чтобы запереть, как в загоне, рассеянные по всему свету общины, взять под контроль умы людей и получить над ними полную власть.

Требования организовать гетто исходили от самих талмудистов (разумеется, за пределами Польши, где вся еврейская жизнь протекала внутри гетто). Современные представления, будто гетто означало дискриминацию, — часть той же легенды о «преследовании», главной целью которой является запугать евреев и заставить их бояться самостоятельной жизни вне общины.[5] Той же цели служит и сегодняшний миф об «антисемитизме».

В древней Александрии, которую можно было охарактеризовать, как Нью-Йорк древности, и в средневековых Каире и Кордове евреи были собраны в отдельные кварталы по требованию раввинов, желавших держать свою паству в изоляции. В 1084 г. евреи германского города Шпейера направили правящему монарху петицию, прося устроить гетто; в 1412 г., по ходатайству евреев, гетто были утверждены законом во всей Португалии. Возведение стен гетто в Вероне и Мантуе столетиями праздновалось во время ежегодных еврейских праздников Пурим. Гетто в России и Польше были существенной составной частью талмудистской организации, и любая попытка отменять их немедленно была бы объявлена «преследованием».

Когда по распоряжению Муссолини в начале 30-х годов было уничтожено римское гетто,

---

[5] Однотомная «Новая Еврейская Энциклопедия» (The New Jewish Encyclopedia) Нью-Йорк, 1962, с редкой даже в еврейской литературе бесцеремонностью в обращении с исторической правдой сообщает под словом «гетто» (стр. 167): «…подверженный ограничениям квартал города, где обязывали жить евреев… Принудительные гетто существовали в Европе с 16-го по 18-ое столетия… Гетто были насильно учреждены, как средство преследования евреев и с целью воспрепятствовать контактам между еврейским и нееврейским населением».

еврейская печать оплакивала это событие в следующих словах: «Исчез один из самых замечательных памятников еврейской жизни. Там, где лишь несколько месяцев назад бился пульс активной еврейской жизни, остались только немногие полуразрушенные здания, как последняя память об исчезнувшем гетто. Оно пало жертвой фашистской любви к красоте, и по приказу Муссолини гетто было стёрто с лица земли». Так уничтожение гетто объявляется актом «фашизма», а первоначальное создание гетто (по требованию самих евреев) трактуется теперь сионистскими историками, как «преследование еврейства».

В эпоху эмансипации гетто исчезли, поскольку их сохранение показало бы слишком наглядно, что вожди еврейства видели смысл эмансипации вовсе не в достижении всеобщего равенства. В «Еврейской Энциклопедии» издания 1903 г. говорится: «В настоящее время во всём цивилизованном мире нет ни одного гетто *в первичном смысле этого слова».* Эта оговорка весьма существенна, потому что во многих местах евреи, в той или иной форме, продолжают жить тесно спаянными общинами. Конечно стен, окружающих гетто, больше нет, но например закон, запрещающий без разрешения продавать «чужим» землю, граничащую с еврейской, остаётся в силе. Для примера можно сослаться на Монреаль в Канаде, где, благодаря таким методам, весь район города к востоку от центральной горы сплошь населён евреями, не хуже, чем если бы это было настоящим гетто.

Упадок гетто в эпоху эмансипации был чувствительным ударом по главным устоям талмудистской власти. Нужно было найти ему замену, иначе с физическим уничтожением гетто могло погибнуть и то, что можно назвать духом гетто. Такая замена была найдена в сионизме — новом методе для достижения старой цели: собрать в загоне и обособить от остального мира рассеянные еврейские общины; вот некоторые комментарии к этому вопросу:

> «Многие желают *более строгого контроля евреев над евреями* и сожалеют, что в России, где раньше система гетто допускала полный и легко осуществимый контроль, его больше не существует»
>
> ***(раввин Эльмер Бергер).***

> «Только интеллектуально слепые не видят, что поощрение групповой жизни на основе древних религиозных традиций и культурных навыков есть *возврат к гетто*… Невелики заслуги тех, кто старается *увековечить систему гетто*… Даже поверхностное знание истории *показывает, что евреи сами создавали свои гетто».*
>
> ***(Бернард Дж. Браун).***

Вышеприведённые слова двух знатоков вопроса показывают, что сионизм есть истинное возрождение талмудистского геттоизма, цель которого разрушить то, что дала эмансипация, снова обособить евреев и отделить их от всего «чужого». Шовинистические призывы к завоеваниям и построению еврейской империи на Ближнем Востоке служат маскировке истинных целей этого процесса.

О том, какими путями могли бы следовать евреи, если бы сионизм не загнал их снова в общую ограду, можно прочесть в статье «Позиция современного иудаизма», напечатанной в «Еврейской Энциклопедии» издания 1916 года, где говорится:

> «Современный иудаизм включён в катехизис и разъяснён в декларациях раввинских конференций. Согласно проповедям раввинов, основой его является признание общности всех человеческих рас; законы справедливости и правды признаются высшими законами для всех людей, без различия расы и веры, и соблюдение их возможно для всех. Праведность не сообщается в момент рождения. Неевреи могут достигнуть столь же совершенной праведности, как и евреи… В современных синагогах слова „Возлюби ближнего своего, как самого себя“ относятся ко всем людям».

С 1916 года явно многое изменилось, и в 1955 году эти слова говорят только о том, что могло бы быть. Отдельные раввины возможно будут и впредь проповедовать то же самое, но долго продолжать в этом духе они не смогут, ибо нужно быть героями, готовыми к мученичеству, чтобы упорно противостоять собственной пастве, отброшенной сионизмом на несколько веков назад.

Сионисты добились политического контроля не только над нееврейскими правительствами, но и над еврейскими массами, так что протесты отдельных лиц ничего не изменят. Сионисты восстановили закон левитов, в его фарисейском и талмудистском толковании, во всей его древней силе. Их прошлые действия по отношению к другим народам были, а будущие будут продиктованы этим Законом, а

отнюдь не «позицией современного иудаизма» 1916 года.

Всего лишь через год после опубликования упомянутой статьи, в 1917 году, в мире произошли большие перемены. Традиции Талмуда и гетто столь полно владели умами еврейских масс, что никакие «позиции современного иудаизма» не смогли устоять перед натиском открыто вышедших на мировую политическую сцену фанатичных сионских мудрецов.

Глава 16
Ожидание мессии

Еврейские общины жили в гетто под контролем талмудистского режима, действовавшего методами прямого террора: была выработана система наблюдения и доносчиков, проклятий, отлучения и смертной казни. Система тайной полиции и концлагерей, созданная впоследствии коммунистами, явно строилась по этой модели, хорошо знакомой её талмудистским организаторам.

В течение долгих столетий правления терроризм и догматизм этой системы влекли за собой два серьёзных последствия. С одной стороны, это были повторные вспышки мессианизма — выражение желания освободиться от духовного террора; с другой, имели место повторные протесты против догматизма в среде самих евреев. В этом можно усмотреть те самые чувства, которые заставляли в древности «народ плакать» во время первого оглашения закона. Талмуд фактически запрещал евреям любую деятельность, кроме наживания денег (по словам Кастейна «они разрешали людям лишь ту свободу, что была нужна для экономической деятельности») и изучения Талмуда («когда закон не давал ясных указаний на применение в практической жизни, они старались найти его подходящую интерпретацию»).

Энергия целого народа направлялась на всё более тугое стягивание сети, которой он был опутан. «Они не только построили ограду вокруг Закона, но отделив себя от внешнего мира полнее, чем когда-либо раньше, и втиснув себя в рамки особых законов, возвели стены вокруг самих себя». При каждом вздохе и любом движении они должны были думать о том, «разрешает ли это Талмуд или запрещает», а решала этот вопрос правящая секта.

Даже у самых покорных со временем возникали сомнения в полномочности такого Закона : «может ли быть, чтобы каждое новое правило или запрещение действительно было дано Богом на горе Синай?» Правители безоговорочно настаивали на этом: «согласно еврейской догме, Бог дал Моисею на горе Сикай одновременно устный и писаный Закон, со *всеми толкованиями и методами его применения»,* как пишет Альфред Эдерсгейм (см. библиографию). Народ внешне подчинялся, но внутренне часто не в состоянии был согласиться с таким чисто политическим требованием, что порой приводило к любопытным последствиям.

Так например португальский марран Уриель да Коста (марраны были принявшие христианство евреи, часто только по видимости) вернулся к иудаизму, но был затем поражён содержанием Талмуда. В 1616 г. он опубликовал в Гамбурге *«Тезис против Традиции»,* в котором он обличал «фарисеев», утверждая, что законы Талмуда были делом *их* рук, а вовсе не исходили от Бога. Этот трактат был адресован евреям Венеции, и их раввин, некий Лео Молена, по приказанию сверху заклеймил да Коста грозным заклятием, отлучив его от иудейства. Однако, по смерти раввина Молены были найдены его записи, показавшие, что он полностью разделял взгляды да Коста, но не посмел этого высказать, и проклял да Коста за то, во что верил сам.

Лео Молена мог бы быть типичным коммунистом нашего времени, приговорив к гражданской смерти человека за взгляды, которые сам разделял, предпочитая однако скрывать их от других.

Да Коста не сдался. В 1624 г. он опубликовал *«Исследование Фарисейского Учения Путём Сравнения Его с Писаным Законом».* Талмудисты Амстердама, где проживал да Коста. подали жалобу в голландский суд, обвинив его в том, что его трактат якобы подрывает *христианскую* веру. Труд да Косты был сожжён по постановлению нееврейских властей, ставших, таким образом, послушным орудием Талмуда. Подобные примеры подчинения нееврейских правителей желаниям правящей иудейской секты повторяются в истории из века в век, от падения Вавилона до наших дней. Да Коста был буквально затравлен до смерти, и в 1640 году застрелился.

История еврейства знает много подобных эпизодов, и историки с ужасом переворачивают мрачные страницы иудейской истории. Так называемое «великое отлучение» было равнозначно смертному приговору и фактически эту цель и преследовало, призывая на голову жертвы проклятия, перечисленные во *Второзаконии.* Эти проклятия принимались буквально и всерьёз, а для приверженцев секты это продолжается вплоть до настоящего времени.

В статье о проклятиях «Еврейская Энциклопедия» пишет: «Талмудистская литература обнаруживает веру в действенную силу слов, доходящую до явного суеверия …проклятие, произнесённое учёным раввином неотвратимо, даже если оно незаслуженно… Иногда проклинали не произнося ни слова, а лишь фиксируя на жертве свой *пристальный взгляд. Неизбежным последствием этого взгляда были-либо скоропостижная смерть,-либо обнищание».*

Ещё в наши дни эта практика известна, как «дурной взгляд», о чём в энциклопедии сказано: «Это древнее суеверие знали почти все расы, а среди неграмотных и дикарей оно живёт и сейчас». Согласно «Еврейской Энциклопедии» такое проклятие равносильно, по иудейскому закону, судебному наказанию, поскольку «даже Библия» является подчинённой Талмуду. Переводчик Талмуда на английский язык, М. Л. Родкинсон, пишет, что «ни одна строчка в Талмуде» никогда не подвергалась изменению, а следовательно он лишь продолжает традицию и практику левитов, изложенную в своё время во *Второзаконии.*

Приведённые примеры показывают, что проклятие словами или «дурным глазом» до сих пор являются частью «Закона». Пример действия такого «враждебного пристального взгляда» приводит Уиттакер Чамберс (Whittaker Chambers), описывая встречу с еврейскими адвокатами обличённого им советского шпиона Альджера Хисса. После одной из таких встреч, Чамберс был намерен покончить жизнь самоубийством, и только счастливая случайность спасла его, причём читателю предоставляется решить самому, были ли эти два события связаны между собой.

Отлучение было смертоносным оружием, о чём красноречиво свидетельствует М. Л. Родкинсон: «Легко понять, как ужасна была месть талмудистского раввината обыкновенному смертному или же учёному, посмевшему высказать мнение, *хоть в чём то отличное* от их собственного, или например нарушавшее закон Субботы применением носового платка или глотком нееврейского вина, что являлось, по их мнению, нарушением закона. Кто посмел бы воспротивиться их *страшному оружию отлучения,* превращавшему человека в *загнанного волка, от которого, как от зачумлённого сторонились все остальные? Многих пивших из этой горькой чаши, поглотила могила, другие же потеряли рассудок».*

Такова была судьба ряда выдающихся учёных. Моисей Маймонид, родившийся в центре талмудизма, Кордове, в 1135 г., составитель знаменитого кодекса принципов Иудаизма, имел смелость написать: «При сделках запрещается обольщать и обманывать *любого* человека. *К неиудею нужно относиться точно так же, как и к иудею… некоторые воображают, что неиудея разрешается обманывать; это — ошибка, основанная на невежестве…* всякий обман, двуличие, хитрость и плутовство по отношению к неиудею — презренны в глазах Всемогущего, и все, поступающие неправедно, отвратительны Господу Богу».

Талмудисты донесли на Маймонида *инквизиции.* В их обвинении говорилось: «Среди нас есть еретики и неверные, совращённые Моше бен Маймоном… Вы очищаете ваши общины от еретиков, очистите нашу тоже». По этому требованию его книги были сожжёт в Париже и Монпелье, чем был выполнен указ талмудистского закона о книгосожжении. На его могильном камне были высечены слова: «Здесь лежит отлучённый еврей».

Инквизиция и нееврейские монархи прежних веков часто выполняли желания закоренелой секты, как это до сих пор делают политики наших дней. Однако, с помощью фальсификации истории, неевреям было внушено убеждение, будто главной целью инквизиции всегда было «преследование евреев».

Типичным в этой области представляется метод многократно цитированного нами Кастейна, который вначале пишет, что инквизиция преследовала «еретиков и людей чуждых верований», добавляя, «то есть *преимущественно* евреев», а после этого рисует картину, так, будто *одни только* евреи подвергались преследованию. (Подобно этому, и в наше время гитлеровские преследования прошли через четыре стадии пропагандного извращения: сначала речь шла о преследовании «политических противников», затем «политических противников и евреев», далее «евреев и политических противников» и, наконец, одних «евреев»).

Случалось, что инквизиция подвергала Талмуд сожжению, хотя разумнее, по нашему мнению, было бы сделать переводы и опубликовать наиболее показательные места в нём, что несомненно было бы полезно сделать и сейчас. Однако ею сжигались и книги, критиковавшие учение Талмуда, и делалось это по требованию правящей иудейской секты. Если в 1240 г. донесение на Талмуд принявшего христианство еврея, доминиканца Николая Донина, в Париже было оставлено инквизицией без последствий, то в 1232 году, по жалобе талмудистов, ею были публично сожжены анти-талмудистские труды Маймонида.

Другим, опасным критиком Талмуда был родившийся в Амстердаме в 1632 г. философ Барух Спиноза. Амстердамский раввинат отлучил его, произнеся над ним формулу проклятия, взятую непосредственно из Второзакония:

«По приговору ангелов, по приказанию святых мы предаём анафеме, отвергаем и проклинаем Баруха Спинозу перед лицом этих священных книг со всеми внесёнными в них 613 предписаний, анафемой, которой Иисус Навин предал Иерихон; проклинаем его, как Елисей проклял детей; и *всеми проклятиями вписанными в Тору:* будь он проклят днём и ночью, проклят, когда он выходит и когда он возвращается; да не простит ему Господь вовек и да возгорится на этом человеке гнев и ярость Господня; и да постигнут его все проклятия, вписанные в Тору. Да вычеркнет Господь имя его из числа поднебесных. Да выделит его Господь для гибели из числа всех племён Израилевых, со всеми проклятиями свода небесного, вписанными в Тору. Пусть никто не говорит с ним, никто не напишет ему, никто не окажет ему милости, никто не пребудет с ним под одной кровлей, никто не подойдёт к нему близко».

Спиноза был изгнан из Амстердама и, по словам энциклопедии, «подвергся преследованиям, грозившим ему смертью». Эти преследования действительно стоили ему жизни, по методу, описанному М. Л. Родкинсоном (см. выше). В глубокой нужде, оставленный всеми, он умер в возрасте 44 лет, живя в христианском городе, вдали от талмудистского центра, но недостаточно далеко, чтобы избежать уготовленной ему гибели.

Двести лет спустя, в эпоху эмансипации, немецкий еврей Моисей Мендельсон впал в ересь, заявив, что евреи должны, сохраняя свою веру, слиться с остальным человечеством, разделяя его судьбы. Это означало бы освобождение от оков Талмуда и возврат к древней религиозной идее, свет которой чувствовали уже древние израильские пророки. Главная его мысль была: «Братья мои, отныне следуйте примерам любви, как до сих пор Вы следовали примерам ненависти». Мендельсон вырос, изучая Талмуд; для своих детей он перевёл Библию на немецкий язык, а позднее опубликовал этот перевод для употребления среди евреев. Талмудистский раввинат объявил, что «перевод Мендельсона может научить еврейскую молодёжь немецкому языку, но не пониманию Торы», произнеся анафему: «Всем правоверным иудеям, под угрозой отлучения, запрещается пользоваться этим переводом»; после чего перевод был публично сожжён в Берлине. Попытки реформировать иудаизм всегда волновали еврейство, но никогда не достигали успеха: всегда превозмогала правящая секта. Этому было две причины; с одной стороны, нееврейские власти неизменно поддерживали секту с её догмой, а другой, еврейские массы были приучены к слепому повиновению. В этом отношении еврейская масса, или попросту толпа, чернь, ничем не отличается от любой иной, во все периоды истории. Толпа пассивно подчинялась революционерам во Франции, коммунистам в России, национал-социалистам в Германии, её привычная инерция всегда была сильнее воли и сопротивлению или страха перед надвигающейся опасностью. Так было всегда и с евреями и талмудистским террором.

В нашу эпоху еврейские реформаторы порой ошибались, думая, что этот террор утратил силу. Так например, в 1933 г. Бернард Браун (Bernard J. Brown) писал: «Угроза отлучения потеряла своё жало… раввины и священство потеряли свою власть над человеческими умами, и люди теперь могут беспрепятственно и свободно верить, во что хотят». В 1946 г. раввин Эльмер Бергер также полагал, что «рядовому еврею больше не грозит наказание отлучением». Оба эти заявления были весьма преждевременны. В последующие годы стало ясно, что верховная секта по-прежнему способна подчинять евреев своей воле в любой части земного шара.

В течение веков всё же происходили кое-какие изменения, а строгость талмудистского режима в гетто порождала плач, стоны и звон цепей. Это. естественно, тревожило талмудистов, побуждая их к кажущимся послаблениям. Около 900 гола по Р.Х., как пишет Кастейн, «обсуждение Талмуда и религиозных догм стали допускаться». Внешне это выглядело, как нечто противоположное самой догме, которая, как известно, не разрешала изменять в писаниях раввинов ни одной запятой, а равно и не допускала ни малейших сомнений в её божественном источнике на горе Синай.

Открытая дискуссия очистила бы гетто как свежий ветер, но если бы подобное намерение действительно существовало, то ни Маймонид, ни Спиноза не подверглись бы преследованию. Всё ограничилось тем, что в синагогах и школах был разрешён особый вид диалектических прений, имевших целью ещё больше укрепить здание Закона. Участникам диспута разрешалось доказывать, что в пределах Талмуда *всё* было законно и разрешено. Один из спорщиков выдвигал один тезис, другой отстаивал прямо противоположный, оба доказывая правильность Закона в обоих случаях.

Такая система получила название пильпулизма. Она объясняет ту непонятную для нееврейских умов ловкость, с которой сионисты умеют, оправдывать у себя то, что они порицают у других.

Спорщик, натасканный в пильпулизме. легко докажет справедливость иудейского закона, требующего превращения нееврейских слуг в рабов, в то время, как римские законы, запрещавшие порабощение христиан их еврейскими хозяевами, будут представлены, как «преследование» евреев. Таким же методом иудейское запрещение смешанных браков будет охарактеризовано, как «добровольное разобщение», а аналогичные запреты со стороны христиан превратятся в «дискриминацию, основанную на предубеждении» (по терминологии Кастейна): избиение арабов с точки зрения иудейского закона, разумеется, допустимо, а избиение евреев — преступление по любому закону.

Чистый пример пильпулизма представляет собой, например, сама характеристика этого понятия со стороны Кастейна: «образец умственной гимнастики, к которому нередко прибегают, когда *давление внешнего мира грозит задушить человеческий интеллект,* не давая ему творческого выхода в реальном мире». Слова, набранные курсивом, чисто пильпулистский подлог: на еврейский «интеллект» давил не внешний мир, а условия *внутри* собственной общины, абсолютно исключённой «законом» от всякого общения с внешним миром.

«Талмудистские дискуссии» пильпулистов преследовали ещё и другую цель. Они создавали внутри замкнутых общин иллюзорное ощущение некоторого участия в правившем ими деспотизме, — как в наши дни ту же цель преследует голосование за единственного кандидата правящей партии в тоталитарных государствах. Стремление вырваться из талмудистского плена искало выход во вспышках мессианских мечтаний; для утоления этой жажды свободы и были разрешены «дискуссии о Талмуде».

Неоднократно в еврейских общинах, запертых наглухо за племенной оградой, слышались недоуменные жалобы: «*Мы выполняем* все законы и предписания, дайте же обещанное вами славное завершение». Так появились целые серии псевдо-мессий, каждый раз доводивших общины еврейства до безумия в предвкушении обещанного. Раввинат обличал их как «ложных мессий», что было, разумеется, необходимым, поскольку не в силах правителей секты было выполнить обещанное «законом» триумфальное воцарение евреев в Иерусалиме: пленникам гетто оставалось лишь ждать и надеяться.

Ранние мессии были: Абу-Иза из Исфагана в седьмом веке, Зонария-сириец в восьмом, и Саади бен Иосиф в десятом веках. Наибольшую известность приобрёл Саббатай Цеви из Смирны, который в 1648 г. произнёс запретное в синагоге грозное имя Бога, провозгласив этим что «Тысячелетие» стоит на пороге. Его отлучили, а «чтобы избежать последствий», он бежал и в течение ряда лет жил в неизвестности. Однако, его влияние на еврейские общины, не могшие дождаться обещанного славного «завершения», было громадным. Его признали мессией и он вернулся в Смирну в 1665 г., вопреки талмудистам, увидевшим в нём наибольшую за много веков угрозу их власти.

После этого Саббатай Цеви *официально объявил себя Мессией.* Желание сменить оковы Талмуда на победу в Иерусалиме было столь велико, что Смирнская община, за которой последовали массы евреев во всём мире, признала его, вопреки талмудистскому отлучению. Саббатай объявил, что 1666 г. будет годом Мессии, раздал своим друзьям короны всего мира и выступил в Константинополь, чтобы сместить турецкого султана, во владения которого входила Палестина. Евреи во всём мире распродавали дома, дела и всё своё достояние, готовясь к «возвращению» и началу своего господства над миром. В Лондоне (согласно записи в дневнике Самуила Пеписа в феврале 1666 г.) среди евреев заключались пари, будет ли Саббатай Цеви провозглашён «Царём мира и истинным Мессией»?

Как и следовало ожидать, по прибытии в Иерусалим он был арестован и посажен в тюрьму, что только увеличило как число его последователей, так и его славу. Бушевавшие толпы осаждали тюрьму, и турецкие власти перевели его в крепость в Галлиполи, которая с помощью щедрых подарков от евреев превратилась в царский дворец. Массовая истерия овладела рассеянным по миру целым народом, для которого Саббатай Цеви был действительно Царём Мира, пришедшим освободить их и поставить выше остальных народов.

Саббатай Цеви сделал именно то, что всегда делали сионские мудрецы: он дал невыполнимые обещания, — основной порок доктрины, который в будущем её неизбежно погубит. Однако, в отличие от осторожных старейшин, он сделал ошибку, указав срок: последний день 1666 гола. Когда год подходил к концу (к этому времени талмудистскому центру в Польше уже было ясно, чем кончится эта эпопея, и его эмиссары уведомили султана о «ложном Мессии») он нашёл выход из опасного положения: в пышной церемонии в его тюремном дворце Саббатай перешёл в Ислам и провёл остаток жизни при дворе Султана. Талмудистское правительство было немало потрясено этой афёрой, но вскоре оправилось, наложив «великое отлучение» на Саббатаевых последователей, остатки которых живут до сих пор; они верят, что Саббатай вновь вернётся, и что надо будет во всём подражать ему, включая и обращение в Ислам.

Сионизм нашего времени — несомненно новая форма мессианства, осуждённая на столь же неизбежное разочарование. После исчезновения Саббатая Цеви и всех связанных с ним надежд, еврейские массы снова погрузились во тьму рабства внутри своих гетто. Лишённые надежды на освобождение и под строгим надзором своих господ, они вернулись к долбёжке «Закона» и его разрушительных предписаний. Их стали теперь готовить к выполнению предстоящих им задач.

Глава 17
Миссия разрушения

Изучение многих сотен томов истории Сиона приводит к пониманию его основной миссии, ясно выраженной в немногих словах цитированного нами выше еврейского писателя, Мориса Самуэля: «Мы евреи — разрушители, и навсегда останемся разрушителями: …что бы ни делали другие народы, никогда не будет отвечать ни нашим нуждам, ни нашим требованиям».

На первый взгляд кажется, что это сказано хвастуном или неврастеником, однако углублённое изучение вопроса показывает, что это честные и продуманные слова. Они означают ни более, ни менее, что человек, родившийся и остающийся евреем, получает разрушительное задание, отказаться от выполнения которого он не в состоянии.

Уклоняясь от «закона», он перестаёт быть в глазах руководства хорошим евреем. Если он хочет или вынужден им быть, он должен этому «закону» повиноваться.

В этом объяснение того, что роль еврейского руководства на всём протяжении истории всегда была, и не могла быть иной, как разрушительной. В жизни нашего поколения 20-го века его разрушительная миссия достигла своей наибольшей силы, приводя к результатам, которые полностью ещё трудно предвидеть. Это мнение не одного только автора этой книги. Как сами сионистские книжники, так и изменившие иудейству раввины, не говоря уже о нееврейских историках, всегда были согласны между собой относительно еврейской миссии разрушения. В ней не существует сомнений у серьёзных исследователей, в этом, пожалуй, одном вопросе царит полное единодушие.

Вся история человечества преподносится евреями в таком изложении, что разрушение является необходимой предпосылкой для выполнения иудейского «закона» и для окончательного торжества еврейства.

«История человечества» означает для евреев совсем не то, что для христиан. Для этих последних история означает, примерно, летопись христианства, и то, что было раньше, пока не начинается область легенд и мифов. Для еврея история записана в Торе-Талмуде и в проповедях раввинов, её начало восходит к 3760 году до Р.Х., якобы точной дате сотворения мира. Между «законом» и «историей» нет разницы, и не существует иной истории, кроме еврейской; всё повествование развёртывается перед глазами еврея, как последовательный ряд разрушительных действий и еврейской мести, будь то в наше время или 3000 лет тому назад.

В подобном изложении жизнь всех других народов теряет всякий интерес и значение. Весьма поучительно и неевреям взглянуть на прошлое и настоящее мира еврейскими глазами: они увидят, что всё, что казалось им существенным, чем они гордились или чего стыдились, окажется просто не существующим или же будет лишь серым фоном для красочной истории Сиона. Как будто смотришь одним глазом на себя с обратного конца подзорной трубы, а другим через увеличительное стекло на Иудею. Для правоверного еврея мир всё ещё плоский, как для нас в средние века, а Иудея, будущий его хозяин, находится в центре вселенной. Правящей иудейской секте в значительной степени удалось навязать и народам Запада свои теории, как раньше она сумела заставить иудеев принять её «закон». Приказ «разрушать» составляет основу созданного левитами «закона». Если его выбросить, то не останется и самого «Моисеева Закона», а вся религия превратится в нечто совсем иное, повелительное: «разрушай» — её основная характеристика, и именно это слово было выбрано не спроста. Можно было поставить и другие слова: завоюй, победи, подчини, и так далее, но избрано было — «разрушай». Слово это выдумали книжники, но они вложили его в уста Бога. Именно это извращение Ветхого Завета разоблачил Иисус Христос, сказав фарисеям: «вы …учите законам человеческим».

Извращение левитами истории начинается с самого начала, когда Господу Богу приписываются слова, якобы сказанные Им при обещании земли обетованной: «…истребишь все народы, которые Господь Бог твой даёт тебе». И ещё до того, первый акт мести язычникам также приписывается Богу: «И простру руку Мою и поражу Египет.., и поражу всякого первенца в земле египетской…»

Начиная с этого, требование «истребляй» проходит через весь «закон». Оно стоит на первом месте, и только после него идёт описание исторических событий. Иногда акт истребления

представляется как сделка между Богом и избранным народом: либо Бог сам предлагает истребить, либо избранный народ просит Его это сделать. В обоих случаях истребление изображается, как столь похвальное действие, что ответная услуга подразумевается сама собой: «Если ты будешь… исполнять всё, что Я скажу, то врагом буду врагов твоих… и истребишь все народы, которые Господь Бог твой даёт тебе» (Исход). Здесь Господь Бог обещает истребление в обмен на «соблюдение»: главным же из всех «законов и предписаний» является: «истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим» (Второзаконие).

Предлагается и обратное: «И дал Израиль обет Господу и сказал: если предашь народ сей в руки мои, то положу заклятие *(т. е. полное уничтожение —прим. перев.)* на города их. Господь услышал голос Израиля и предал Хананеев в руки ему; и он положил заклятие на них и на города их» *(Числа).* Как мы увидим в дальнейшем, обещание «истребить» изображается условным и зависящим от встречной услуги, выполняемой народом или Богом.

Приказание «истреби полностью» — одна из основных догм «закона», а всякое проявление милосердия или снисхождение расценивается не как ошибка, а как тяжкое нарушение закона. Именно за это преступление (согласно «закону» это был не проступок, а именно преступление) был наказан Саул, первый и единственный царь объединённого иудейско-израильского царства. Левиты лишили Саула трона, поставив на его место иудея Давида, причём знаменательна и причина возвышения Давида: будущий «царь всего мира» должен происходить из его рода. То же требование полной безжалостности по отношению к побеждённым неоднократно повторяется в книгах «закона», в частности в аллегорическом рассказе об избиении Мадианитян, заключающем повесть о Моисее (Числа). Такова была основа, на которой строился весь Закон и по которой преподавалась история древности и всех последующих эпох. С того момента, когда Израиль отверг их, оставив иудеев одних с левитами, они подпали под полную власть своих священнослужителей, которые учили, что главным требованием Иеговы якобы было истребление всего «чужого» и что они, иудеи, божественно избраны для этой цели. Так иудеи превратились в единственный в истории народ, миссией которого является разрушение, как таковое. Разрушение, как привходящий фактор войны — хорошо знакомая черта мировой истории. Но разрушение, как открыто объявленная цель, было до тех пор неизвестно; единственным известным нам источником этой идеи является Тора-Талмуд. Намерение организовать постоянно действующие силы разрушения было столь очевидным, что мы можем быть благодарны Морису Самуэлю за цитированное выше откровенное признание.

В течение всего времени, в котором большая масса людей, рассеянных среди других народов, подчинялась таким законам, их энергия неизбежно должна была направляться на разрушение. В 458-444 годах до Р.Х., когда левитам удалось с персидской помощью заковать в цепи своего Закона плачущие массы своего народа, родилась нация, которая с тех пор играет роль катализатора: не меняясь сама, она систематически изменяет жизненные условия и характер окружающих её народов.

Евреи стали этим всемирным катализатором, а изменения, вызываемые ими, всегда были губительны. Этот процесс принёс много горя и несчастий нееврейским народам (которые своей услужливостью правящей секте сами навлекли на себя эти бедствия), не дав однако ничего хорошего и самим евреям, унаследовавшим эту печальную миссию.

Нееврейские народы выжили и будут жить дальше, несмотря на всех Даниилов и Мордехаев древности и нашего времени. Последний час этих народов, которые якобы «Господь Бог даёт тебе», сейчас дальше, чем когда-либо.

Закон предписывал избранному народу особенно рьяно уничтожать те народы, среди которых их «рассеял» Иегова в наказание за их собственные «нарушения». Трудно, например, рассматривать весь библейский Исход иначе, как легенду, сочинённую левитами в Иерусалиме и Вавилоне через много столетий после того, как происходило что-либо похожее на описанные в нём события. Поэтому левитским книжникам вовсе незачем было бы приписывать египтянам опасения, что пришельцы, живущие среди них. могут иметь коварные намерения. Если об этом говорится в первой главе Исхода («…вот, давайте перехитрим его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружатся противу нас…»), то это явно писалось для наставления своего собственного народа и его подготовки к миссии разрушения. Здесь впервые был провозглашён принцип, согласно которому «народ» должен помогать врагам приютившей его страны, чтобы уничтожить её хозяев. Когда повествование достигало более или менее исторических эпох (напр., падение Вавилона), оно излагалось так, чтобы подчеркнуть именно эту сторону. Иудеи изображались, как помощники врагов Вавилона, с ликованием встречавшие персидских завоевателей. Разрушение Вавилона подавалось как месть Иеговы исключительно ради иудеев, она же видна была и в гибели

вавилонского царя и в самом характере его смерти (исторически, и то и другое — несомненная выдумка, но она важна для нас, как нарочито сочинённый прецедент).

События, как они изображены в Ветхом Завете, заканчиваются ещё одним актом мести, на этот раз падающей на головы персидских освободителей. В нашем двадцатом веке политические деятели Запада часто чувствуют себя польщёнными, когда сионистские эмиссары сравнивают их с добрым персидским царём Киром, освободителем иудеев. Вряд ли они внимательно читали Закон, или же не обратили внимание на то, что потом случилось с персами, которым также пришлись поплатиться за то, что иудеи жили в их среде.

Чтобы создать нужную им аллегорию, левиты сочинили новый персонаж — язычника и преследователя иудеев Амана, якобы подавшего совет царю Артаксерксу: «Есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего. И законы их отличаются от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их». (Книга Эсфирь, III ,8). То же говорили и думали многие государственные деятели об избранном народе и его странных законах в течение многих столетии, вплоть до наших дней. Но за этими словами Амана, согласно книге Эсфирь, следуют другие: «Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их…», на что Артаксеркс соглашается и издаёт соответствующий приказ (как совет Амана, так и приказ Артаксеркса нужны разумеется лишь для того, чтобы за ними последовала еврейская месть). Губернаторам посылаются письма: все иудеи должны быть убиты в один и тот же день, «в первый месяц, в тринадцатый день его».

Сочинявшим книгу Эсфирь книжникам явно нужна была старая история о влиятельных иудейских советниках при дворах иностранных владык, и они создали фигуру скрывающей своё происхождение еврейки Эсфири, любимой наложницы персидского царя, ставшей его супругой. По вмешательству Эсфири, царь отменяет свой приказ и повелевает повесить Амана и десять его сыновей на виселицах, приготовленных Аманом для казни Мардохея (приёмного отца и опекуна Эсфири). Сверх того царь даёт Мардохею полную свободу действовать по своему произволу, после чего Мардохей шлёт письма губернаторам «ста и двадцати семи областей», от Индии до Эфиопии, приказывая иудеям «…собраться и стать на защиту жизни своей, истребить и погубить всех сильных в народе… и детей и жён…»

Когда они узнали об этом, противоположном первому, приказе, «была радость у иудеев и веселие, пиршества и праздничный день и (любопытная деталь) многие из народов страны сделались иудеями, потому, что напал на них страх перед иудеями». А в назначенный день «…избивали иудеи всех врагов своих, побивая мечем, умерщвляя и истребляя… по воле своей… и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч». Мардохей затем установил, чтобы четырнадцатый и пятнадцатый дни месяца Адар праздновались как «дни пиршества и веселия», что соблюдается по наши дни.

Аман, Мардохей и Эсфирь — плод явной выдумки. История не знает царя Агасфера английского перевода Библии (который в русском переводе именуется Артаксерксом — *прим. перев.*). В одной из энциклопедий, правда, пишется (вероятно с целью вдохнуть жизнь в нравоучительный рассказ), что Агасфера история смогла опознать как Ксеркса. Если это так, то он был отцом Артаксеркса, пославшего персидских солдат с пророком Неемией в Иерусалим для насаждения силой расистского «Нового Закона». По этой версии получается, что Артаксеркс, бывший свидетелем избиения евреями семидесяти пяти тысяч своих персидских подданных, протежирует евреев в Иерусалиме!

Весь этот рассказ не находит ни малейшего подтверждения в истории, являясь типичной выдумкой шовинистической пропаганды.

Любопытно, что даже если всё это одна лишь выдумка, то она вполне может стать действительностью в наше время, когда Запад явно подчиняется «закону», основанному на подобных анекдотах. В наши дни люди не могут «сделаться евреями», но слова: «многие из народов страны сделались иудеями, потому, что нашёл на них страх перед иудеями…» рисует знакомую картину наших дней — в нашем поколении многие симпатизируют сионистам по той же самой причине. Мы видим перед собой точный портрет политиков 20-го века в Лондоне и Вашингтоне, читая фразу: «…и все князья в областях, и сатрапы и областей начальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев, потому что напал на них страх перед Мардохеем». И хотя ни библейского Мардохея, ни царя Агасфера никогда не существовало, Мардохеи нашего века весьма реальны и могущественны, а политика двух поколений государственных мужей Запада ведётся больше из страха перед ними, чем из соображений блага собственных народов. Именно наши дни делают все эти мало правдоподобные древние истории весьма актуальными. Пусть Валтасар и Даниил, Артаксеркс и «Мардохей, сидевший у ворот царских», — символические фигуры, созданные для целей политической программы левитов, а вовсе не живые люди. Однако убийство русского царя и его семьи, преступление недавнего прошлого, было

выполнено, как описано в стихе 30 главы 5 книги Даниила, а казнь вождей нацизма следовала ритуалу, предписанному книгой Эсфирь, VII-6, 10 и IX-13, 14. Другими словами, эти анекдоты — независимо от того, были ли они правдой или выдумкой — стали «законом» нашего века. Самые большие ежегодные еврейские праздники посвящены древним легендам о еврейской мести и разрушении, на которых основан этот закон: умерщвление «всех перворождённых Египта» и избиение, устроенное Мардохеем. И, кто знает, может быть даже и правда, что через 50 лет после завоевания евреев Вавилоном они помогли персам разрушить это царство; и что, в свою очередь, в течение последующих 50-ти лет освободители попали в такое подчинение к освобождённым ими иудеям, что царские сатрапы от Индии до Эфиопии, «страха ради иудейска», допустили погром и убийство 75 000 человек, и что указанные евреями «враги» были казнены смертью «проклятых Богом», т. е. повешены. В таком случае, персидские освободители евреев явно пострадали ещё больше от рук освобождённых, чем их вавилонские завоеватели.

По мере развития нашей истории т. н. «евреев» важно не забывать, что в иудаизме всегда было два направления мыслей, которые можно иллюстрировать цитатами из нашего времени.

Бернард Д. Браун цитирует чикагского раввина Соломона Б. Фригофа, по мнению которого история Амана, Мардохея и Эсфири «есть сущность всей истории еврейского народа». Сам же Бернард Браун считает, что в настоящее время празднования Пурима следует прекратить и забыть о них, поскольку они давно уже превратились в пародию даже на те «празднества, которые были столь отвратительны» древним израильским пророкам (Пурим был придуман много позже того времени, когда Исаия и Осия страстно протестовали против «ритуальных сезонов и торжеств»).

Браун писал свой труд в 1933 году, но вожди нацизма были повешены в 1946, в еврейский День Искупления, что показывает тщетность протестов Брауна, столь же безуспешных, как и протесты древних пророков. Как в 1946 году, так и 2700 лет тому назад взгляды раввина Фригофа и его древних единомышленников оказывались сильнее. Празднование Пурима подтверждает основные черты истории Сиона, повторяющиеся непрерывно от древности до наших дней: использование нееврейских владык для уничтожения нееврейских народов и осуществления иудейской мести. После Мардохея Ветхий Завет не содержит больше исторических данных, и приходится обращаться к авторитетам иудаизма для проверки того, представлялись ли евреям события последующей истории в том же самом свете, другими словами, как серия еврейских бедствий по вине «язычников», каждое из которых неизбежно кончалось разрушением языческого государства и торжеством иудейской мести. Такая проверка приводит к выводу, что вся история, вплоть до настоящего времени, именно так и преподносится еврейским массам старейшинами руководящей секты. Как Египет, Вавилон, Персия и все другие государства упоминаются в Ветхом Завете лишь в их отношении к евреям, как их завоеватели, угнетатели и т. д., чтобы затем неизбежно подвергнуться мести Иеговы, так и в описании последующих событий еврейскими историками опускается всё, не имеющее отношения к этой основной теме. В их описаниях Рим, Греция и более поздние империи существовали лишь в контексте их отношения к евреям или евреев к ним.

Следующим после Вавилона и Персии государством, испытавшим на себе действие разрушительной силы еврейства, был Египет. Еврейская община в Александрии, весьма многочисленная ещё и до пополнения её беглецами от вавилонского вторжения была самым крупным скоплением евреев в известном тогда мире; в этом отношении Египет было похож на Россию перед войной 1914-1918 гг. и на современные Соединённые Штаты Америки. Отношение евреев или по крайней мере их старейшин, к египтянам было таким же, как прежде к персам или вавилонянам.

Как пишет Кастейн, Египет был «историческим убежищем» евреев, что по началу может показаться выражением благодарности, пока из последующих слов не становится ясным, что судьбой и этого «убежища» должно было быть его полное уничтожение. Кастейн описывает отношение евреев к египтянам почти теми же словами как и книга Исход, приводящая высказывания египтян о евреях. По Кастейну евреи в Египте «жили закрытыми общинами, уединённо и строили свои собственные храмы… Египтяне ясно чувствовали, что в своей религиозной обособленности евреи презирали их веру и отвергали её». Он добавляет, что евреи «естественно» были на стороне персов, поскольку Персия в своё время помогла им восстановить Иудею.

Другими словами, приняв у себя евреев и давая им их «историческое убежище», Египет не заслуживал с еврейской точки зрения, ни благодарности, ни лояльности. Враждебность к народу, в среде которого они жили, выразилась в поддержке евреями врагов Египта, что, в свою очередь, породило у египтян недоверие к евреям: «Другой причиной враждебности было стремление евреев всячески избежать ассимиляции и сохранить свою обособленность, *не разделяя судеб приютившей их*

страны… Острая духовная необходимость поддерживать связь с каждой ветвью своей нации, лояльность по отношению ко всем без исключения группам своего народа, *неизбежно отражались на лояльности их, как граждан любой страны поселения».* «Как и в древнем Вавилоне», заключает Кастейн, египетские евреи встретили персидских завоевателей «с открытыми объятиями», несмотря на то, что со стороны Египта они пользовались одним лишь гостеприимством.

Вавилон, Персия, Египет, на очереди теперь была Греция. В 332 до Р.Х. Греция завоевала Персию, и Египет также оказался под властью греков. Александрия стала греческой столицей. Несомненно многие александрийские евреи охотно последовали бы совету Иеремии, «стремиться к миру в городе», однако правящая секта с её доктриной разрушения и здесь была сильнее.

Для верного последователя своей секты, Кастейна, греческая культура была, хотя и «интеллектуально блестящей», но являлась одновременная *«прототипом* лживости, жестокости, клеветы, лукавства, лени, самодовольной испорченности, жадности и несправедливости». Несущественный для него греческий эпизод истории человечества он заканчивает гордыми словами: *Александрийские евреи были причиной разложения культуры эллинизма».*

Вавилон, Персия, Египет, Греция… Так вся история от сотворения мира и до начала христианской эры, преподносилась евреям священными книгами и сионскими мудрецами как исключительно еврейское дело, «язычники» упоминались только там, где они сталкивались с евреями, и при описаниях неизбежного их истребления евреями, как в мирные, так и в военные времена.

Можно ли считать подобное изображение событий дохристианской эры правильным? Продолжается ли тоже самое и в наши дни?

Если судить по нашему поколению, для которого это несомненно так, то надо думать, что так было и в прошлом. В наш век столкновения народов, похожие на вавилоно-персидскую войну древности, вначале, казалось бы, и не имели никакого отношения к евреям, но в конце концов всё кончалось иудейским триумфом и иудейской местью, а разрушения и гибель, принесённые войной, представлялись осуществлением иудейского «закона», подобно избиению перворождённых в Египте, разрушению Вавилона и Мардохееву погрому.

За Грецией последовал Рим. Живший в период расцвета Рима Цицерон, видимо понимал роль евреев в гибели греческой цивилизации, подчёркнутую Кастейном двадцать столетий спустя: выступая на процессе Флакка, Цицерон, упоминая евреев, боязливо оглядывался: ему известно, сказал он, что все они держатся друг за друга и способны погубить его за выступление против них; Цицерон советовал быть осторожными, имея с ними дело.

Фусций, Овидий и Персий высказывали аналогичные предостережения, а живший в эпоху Иисуса Христа Сенека писал: «Обычаи этого преступного народа распространяются столь быстро, что у них уже есть сторонники во всех странах, и что *таким образом побеждённые навязывают свой закон победителям».* В это же время римский географ Страбон, изучая распределение и численность евреев (а она и в наше время много выше, чем разрешается показывать в статистике), писал, что нет места на земле, где бы их не было.

Для всех христианских народов Греция и Рим — создатели вечных ценностей, на которых построена европейская культура. Из Греции пришла в мир красота, и греки заложили основы всей поэзии и искусства; из Рима пришла законность, и на его законах основаны Великая Хартия Вольностей, Habeas Corpus и право человека на беспристрастный открытый суд — величайшее из достижений Запада.

Для сионистского историка Греция и Рим — только преходящие явления язычества, равно отвратительные по своему содержанию. Кастейн пишет с презрением, что «с самого начала Иудея с полным основанием видела в Риме одно лишь олицетворение грубой силы, неразумной и глупой».

После Иисуса Христа Рим триста лет подряд преследовал христиан, не без помощи евреев, натравливавших на них римские власти. После своего крещения в 320 г. император Константин запретил евреям насильно подвергать своих рабов обрезанию, держать рабов-христиан и заключать смешанные браки. Хотя всё это ничто иное, как ответное применение иудейского «закона», на этот раз по отношению, к самим евреям, Кастейн видит здесь одно только «преследование иудеев».

После раздела Римской империи в 395 г. Палестина стала частью Византийской империи. Иерусалим перестал быть для евреев запретным городом только после того, как в Риме восторжествовало христианство, без которого в Иерусалим ещё долго не пускали бы ни одного еврея. Однако, когда в 614 г. персы, воюя с Византией, заняли Палестину, евреи «со всех сторон бросились в ряды персидской армии», а затем, как пишет Кастейн, «со всей яростью людей, мстящих за *трёхсотлетнее угнетение* », организовали «поголовное избиение христиан». Запрещение превращать

христиан в еврейских рабов — с точки зрения еврейского историка, несомненно «угнетение». Признательность по адресу новых хозяев-персов быстро заглохла после разгула еврейской мести против христиан, и 14 лет спустя евреи «вошли в переговоры с византийским императором Гераклитом», предложив ему помочь отвоевать Иерусалим у персов.

Затем пришла эра Магомета с исламом. Магомет оценивал евреев не иначе, чем Цицерон и другие, более ранние авторитеты. В Коране, в добавление к тому, что цитировалось раньше, стояло: «Ты конечно найдёшь, что самыми жестокими врагами всех истинно верующих всегда были евреи и идолопоклонники».

Тем не менее, как и христианство, ислам не проявлял враждебности к евреям, и Кастейн к нему сравнительно благосклонен: «Ислам оставил неверным полную экономическую свободу и автономное самоуправление… Ислам был вполне терпим к приверженцам иной веры… Никогда со стороны христианства не давалось иудаизму возможности процветать так свободно, как под исламом».[6]

Эти «возможности процветания» были предоставлены евреям магометанами на европейской почве, в Испании; магометанство открыло Запад для вторжения его «самых жестоких врагов». В обозе арабских завоевателей (после занятия Иерусалима в 637 г. калифом Омаром, повернувшим затем свои армии против Европы) талмудистское правительство прибыло в Испанию.

Правившие до того Испанией вестготские короли относились к уже жившим среди них евреям не иначе, чем Цицерон, Магомет и многие другие. На XII церковном соборе в Толедо один из последних королей, Эйрих, умолял епископов «вырвать с корнем, наконец, эту еврейскую чуму» (около 680 г.). Вестготская эра вскоре после этого пришла к концу, а в 712 г. магометанские завоеватели обосновались в южной и центральной Испании.

Кастейн пишет: «Евреи поставляли охрану и гарнизоны в Андалузии»; известнейший еврейский историк наших дней Гретц (Graetz) описывает эту первую встречу евреев с Европой более подробно:

> «Евреи, пришедшие из Африки, и их единоверцы на Пиренейском полуострове *действовали заодно с арабским завоевателем Тариком.* После битвы под Хересом в июне 711 г., где пал последний король вестготов Родерик, победоносные арабы, продвигаясь далее, *повсюду активно поддерживались евреями.* В завоёванных ими городах арабские военачальники, дорожа каждым бойцом для дальнейшего завоевания страны, могли оставлять лишь малые гарнизоны, *вверяя их охрану евреям. Так евреи, недавно бывшие закрепощёнными, стали хозяевами Кордовы, Гренады, Малаги и многих других городов. Когда Тарик подошёл к столице Толедо, он нашёл там только небольшой отряд защитников… Пока христиане молились в храме о спасении страны и веры, евреи открыли ворота города, радостно приветствуя арабских победителей. Так они отомстим за все перенесённые ими лишения… Столица также была передана Тариком под надзор евреев.* Когда затем правитель Африки, Муса ибн Нассир, пришёл в Испанию во главе второй армии и завоевал новые испанские города, он *также передал евреям надзор за ними и управление* ».

Это повторяет картину всех прежних действительных или легендарных событий, в которых принимали участие евреи: конфликт между двумя «чуждыми» народами кончался триумфом еврейства и еврейской местью. Как в Вавилоне и Египте, евреи обратились против народа, с которым они жили, «открыв ворота» иностранному завоевателю. Этот завоеватель, в свою очередь, выдал евреям

---

[6] Происхождение и содержание Ислама спорны. Французские исламисты считают, что Коран на 90% — иудейское духовное наследие. Официальная магометанская версия о его происхождении от архангела Гавриила, продиктовавшего его Магомету, не выдерживает критики. Магомет был неграмотным и ничего записать не мог; «запомнить» содержание этого объёмистого учения невозможно. Нет также оснований верить в то, что Господь Бог, уже однажды пославший на землю своего Сына, найдёт нужным шестьсот лет спустя сообщить свою волю через посредство «неграмотного бедуина» (Кастейн), к тому же в форме, несовместимой с откровением Христова учения. Французские исламисты читают, что автором Корана был раввин тогдашней Мекки, совративший Магомета в иудаизм и написавший для него новое учение на основе иудаизма, но приспособленное для полудикого арабского населения (подвергшееся впоследствии дополнениям, в том числе и анти-еврейским). Главной целью было при этом уничтожение христианской веры, которая к VII веку распространилась среди значительной части арабов. Следующим шагом после полного искоренения христианства на Ближнем Востоке было завоевание магометанами половины христианской Европы, сумевшей лишь с напряжением всех своих сил отвратить смертельную опасность. Нееврейские народы при этом столетиями взаимно уничтожали друг друга, что — согласно анализу Д. Ридом основного содержания иудаизма — полностью соответствовало планам «сионских мудрецов», в особенности в том, что касалось искоренения ненавидимого ими христианства — к тому же чужими руками, т. е. без малейшей опасности для самих евреев. Лит-ра см. Joseph Bertuel, «L'Islam, ses veritables», Nouvelles Editions Latines, Paris, 1981, 2 tomes; Hanna Zakarias (псевдоним учёного-доминиканца, Pere Gabriel Thery), «De Moise a Mohammed», Cahors (Lot), 1955, 2 tomes.

захваченные им города.

В войне плодами победы являются столицы и другие большие города, власть и контроль над ними, они достались в Испании не победителям, а евреям. Генералы калифа видимо обращали столь же мало внимания на предостережение Корана, как современные нам политики Запала на учение Нового Завета.

Что же касается т. н. «лишений», за которые с лихвой отомстили евреи, то по словам Гретца, самым жестоким из них было запрещение иметь рабов-христиан: «самыми угнетающими из них были ограничения, касавшиеся владения рабами; евреи не имели права ни покупать рабов-христиан, ни принимать их в подарок».

Однако, если арабы рассчитывали на благодарность со стороны тех, кому они «доверили столицу» и другие большие города, то они просчитались. После арабского завоевания еврейский поэт Иуда Халеви из Кордовы писал в одной из своих песен:

«…как могу я выполнить мой священный обет
и заслужить благословение.
пока Сион остаётся в римском рабстве,
а я всего лишь любимец арабов?
Как мусор для меня все испанские сокровища,
богатство и испанское добро.
Для меня чистое золото — пыль той земли,
на которой когда то стоял наш храм».

Такое отношение со стороны их агентов не без оснований беспокоило советников калифа, как раньше были обеспокоены вестготские короли, пророк Магомет и римские вельможи. Один из этих советников, Абу-Ишак из Эльвиры, обратился к кордовскому калифу с предостережением, мало отличавшимся от слов Цицерона:

> «Евреи… стали большими вельможами, и их гордость и наглость не знает меры… Не ставь этих людей твоими министрами…, так как вся земля вопиет против них ; ещё немного, я она сотрясётся, и все мы погибнем… Я был в Гренаде и видел, как они правят. Они разделили между собой все области страны и её столицу; всюду сидит и управляет один из этого проклятого племени. Они собирают налоги и богатеют, они роскошно одеваются, тогда, как твои одежды, о мусульманин, стары и изношены. Все тайны государства им известны, однако это безумие — доверять изменникам!»

Калиф продолжал однако выбирать своих министров из ставленников талмудистского правительства в Кордове. Испанский период показывает яснее всех других, что еврейская версия событий возможно была ближе к истине, чем нееврейские их описания; завоевание Испании во всяком случае было гораздо более еврейским, чем арабским. Номинальное господство мавров длилось 800 лет, но в конце его, следуя своей старой привычке, евреи помогали испанцам изгнать мавров.

Всеобщее народное озлобление по отношению к евреям было, однако, так сильно, что смягчить его оказалось невозможным. Народное недоверие в особенности было направлено против обращённых евреев, т. н. марранов. Искренности их обращения в христианство никто не верил, и в этом испанцы были вполне правы, поскольку сам Кастейн пишет, что между евреями и «новообращёнными» существовал «тайный сговор»; как известно, Талмуд разрешает мнимое обращение в случае его выгодности, и это разрешение явно широко использовалось.

Несмотря на неприязнь населения к евреям и марранам, испанские короли в течение длительного периода войн за освобождение Испании обычно ставили их своими министрами финансов. Некий Исаак Аррабанель был поставлен государственным казначеем и ему было поручено обеспечить фонды для отвоевания Гренады. Иудейские старшины в этот период послушно следовали своему закону: «давать в долг всем и не занимать ни у кого», и Кастейн свидетельствует, что евреи оказывали «финансовую помощь» христианскому северу в его борьбе с магометанским югом.

После освобождения Испании прорвались наружу антиеврейские чувства, накопившиеся за 800-летнее господство мавров, при участии в нём евреев, и в 1492 году евреи были изгнаны из Испании, а в 1496 году и из Португалии. Сионистские историки не прощают этого, соревнуясь в своей ненависти к Испании и всё ещё веря, что она не избежит мести Иеговы. Свержение испанской монархии почти через 500 лет после изгнания евреев и гражданская война 30-х годов расцениваются евреями как первые взносы в уплату по этому счёту. Ведущий сионист и член Верховного Суда Соединённых Штатов,

Брандейс (Brandeis), не постеснялся заявить американскому главному раввину Стефену Уайзу (Stephen Wise) в 1933 году: «Пусть Германия разделит судьбу Испании». Третирование Испании в последующие десятилетия со стороны «международных демократий», и в частности её долгое недопущение в Организацию Объединённых Наций, следует рассматривать именно в этом свете.

Ко времени изгнания евреев из Испании христианская эра длилась уже полтори тысячи лет, и события этого периода следовали путями, предначертанными в дохристианскую эпоху, согласно исторической части Ветхого Завета, и согласно требованиям иудейского «закона». Руководимые талмудистами, евреи продолжали оказывать разрушительное действие на жизнь других народов. Они видели себя «пленёнными» или «угнетёнными», куда бы они ни шли (согласно их собственному Закону, а вовсе не по вине народов, в среде которых они жили), и их роль неизменно сводилась к выполнению этого «закона»: истреблять и *уничтожать.* Их правители пользовались ими как «сеятелями разбора», по словам Корана; и пользуясь посеянным шли раздором, талмудисты достигали высот гражданской власти, мстили «угнетателям», поддерживали вторгавшихся врагов и давали затем деньги на их изгнание. Таково было непреклонное требование господствующей секты в продолжении долгих столетий и, хотя с еврейской стороны не умолкали голоса протеста, в конце концов преодолевала власть «закона». Выполнение этой злосчастной миссия не приносило евреям ни счастья, ни удовлетворения, но уклониться от него они не могли. Так их первая встреча с Европой закончилась через 800 лет тем, что их «выплюнули из страны».

Как уже было отмечено в предыдущей главе, это событие имело решающее значение для нашего поколения. Каталитическая сила разрушения могла бы найти здесь свой конец, если бы не тайна, скрытая в недрах России и Польши.

Изгнание из Испании было жестоким уроком для пострадавших евреев. Было много признаков того, что они и их потомки поняли смысл этого урока, и что с течением времени они смогли бы найти пути к тому, чтобы оставаясь евреями, слиться с остальным человечеством. Это было бы концом идеи разрушения, как и создавшей её секты.

Однако этого не произошло, идея разрушения выжила. Её подхватила и понесла в мир новая группа людей, не имевших ничего общего по своему происхождению с какими бы то не было евреями, «детьми Израиля» или иудейским племенем. Они называли себя «евреями» только в знак приверженности их к определённой политической программе. Чтобы описать подробнее этот народ (упомянутый в главе «Кочующее правительство») и дальнейшие пути идеи разрушения, мы должны на время отклониться от нашей прямой темы.

Даже в начале своего восьмисотлетнего периода в Испании (711…1492), жившие там евреи, члены самой многочисленной в мире их общины, фактически не были иудеями; даже они не могли претендовать на чистую потомственную линию из Иудеи или от палестинских предков. Гретц пишет: «Первые поселения евреев в прекрасной Гесперии окутаны мраком неизвестности», и добавляет, что тамошние евреи, «претендуя на древнее происхождение», считали, что «они были переселены туда после разрушения храма Навуходоносором».

В течении долгих столетий, естественные процессы в природе и в жизни людей неизбежно вели к смешению. Представление о совершенно особом народе, избранном править миром на трупах поверженных язычников, привлекало примитивных людей многих племён. Обрезанный араб легко мог стать евреем, едва заметив это; раввины в североафриканской пустыне, и городах были далеки от «центра» и охотно увеличивали свою паству. Римские императоры, преследуя «языческие религии», никогда не подвергали иудаизм общему запрету, в результате чего многие почитатели Изиды, Ваала и Адониса, если они не переходили в христианство, вступали в синагогу. Вдалеке от Вавилона беспощадные законы племенной обособленности не могли применяться со всей строгостью.

Другими словами евреи, пришедшие в Испанию вслед за маврами, уже были людьми смешанной крови. В течение восьмисот лет в самой Испании, под надзором переселившегося туда «правительства», расовые законы соблюдались более строго: появился сефардский еврей, как определённый национальный тип.

По изгнании евреев из Испании, как уже упоминалось, «правительство» неожиданно переехало в Польшу. Что случилось теперь с этими сефардскими евреями, которые одни только и могли претендовать на какие то следы иудейского происхождения?

«Еврейская Энциклопедия» пишет вполне определённо: «Сефардим — потомки евреев, которые были изгнаны из Испании и Португалии, и поселились в Южной Франции, Италии, Северной Африке, Малой Азии, Голландии, Англии, Северной и Южной Америке, Германии, Дании, Австрии и Венгрии». *Польша не упоминается* ; туда переехало талмудистское правительство, но массы сефардских евреев

рассеялись по Западной Европе, двигаясь не на восток, а на запад. «Правительство» отделилось от своего народа, и еврейские массы начали рассеиваться.

О сефардах в рассеянии «Еврейская Энциклопедия» пишет следующее: «Многие новые поселенцы происходили из богатых семей, занимавших, как марраны, влиятельные позиции в покинутых ими странах… Они считали себя высшим классом, еврейской знатью, и долгое время смотрели на своих единоверцев сверху вниз, а эти последние признавали их таковой. Сефарды никогда не занимались торгашеством или ростовщичеством, и не смешивались с низшими классами. Хотя они и жили в мире с остальными евреями, сефарды очень редко заключали с ними смешанные браки … *В настоящее время сефарды утратили власть, которой они пользовались над другими евреями в продолжении нескольких столетий».*

Другими словами, сефарды, покинув Пиренейский полуостров, не переселились в Польшу и не смешались с прочими евреями, расселившись по Западной Европе. На лиц иного происхождения, называвших себя евреями, они смотрели свысока, держась от них в стороне, и вскоре утратили своё былое влияние. Странным образом, еврейские источники сообщают мало правдоподобные данные о сокращении их числа от значительного меньшинства к незначительному, что противоречит законам биологии, *ставя эти данные под большое сомнение.*

После эвакуации «центра», правившего от имени своего народа в течение двух тысячелетий, этот самый народ, как по волшебству, резко изменил свой характер. Известные миру до тех пор евреи, только что пережившие столкновение своего «закона» с *Европой* и наведённые происшедшим на *серьёзные размышления,* вдруг начали терять своё былое положение в еврействе и даже резко сокращаться в числе!

Талмудистское правительство стало готовиться к очередной встрече с Европой, обосновавшись в новой ставке посреди азиатского народа — хазар, обращённых в иудейство за много веков до того. Правящая секта шла к своей прежней цели, но используя совершенно иную народность — дикую азиатчину, не познавшую предостерегающего опыта в Испании.

Небезынтересно, что когда в 1951 голу один нью-йоркский издатель собирался печатать одно из произведений автора этих строк, то глава одной еврейской политической организации энергично «посоветовал» ему не делать этого, заявив в частности, что «Рид выдумал хазар». Однако, иудейские авторитеты полностью согласны, как с существованием хазар, так и с обращением их в иудейскую веру; исторические атласы наглядно показывают развитие хазарского царства, которое в период своего расцвета, около 600 г. по Р.Х. простиралось от Чёрного до Каспийского моря. Хазары были народом татарской или тюркско-монгольской расы, и «Еврейская Энциклопедия» пишет, что их каган или вождь, «вместе со своими вельможами и большей частью до тех пор языческого народа перешли в иудейскую веру, вероятно около 679 г. нашей эры».

Об этом свидетельствует переписка между Хасдаи ибн-Шапнетом, министром иностранных дел кордовского султана Абдэль-Рахмана, и хазарским царём (каганом) Иосифом, датируемая около 960 года по Р.Х. Согласно «Еврейской Энциклопедии», еврейские историки *не сомневаются* в подлинности этой переписки, где впервые встречается слово «ашкенази» в применении к ясно обозначенной, до того неизвестной группе «восточных евреев», и их славянским связям.

Эти тюркско-монгольские «ашкенази» не имели таким образом, кроме веры, абсолютно ничего общего с евреями, известными до тех пор западному миру — сефардами.

Власть талмудистского правительства над разбросанными по Европе еврейскими общинами в последующие столетия всё более слабела, однако тесно спаянной общиной евреев Востока оно правило поистине железной рукой. Евреи семитского вида становились в Европе всё большей редкостью, а в наше время среди евреев всё сильнее преобладает тюркский тип, в чём нет ничего удивительного.

Никто, кроме евреев, никогда не узнает почему 13 столетий тому назад правящей сектой было разрешено это единственное в истории массовое обращение многочисленных «язычников» в талмудистский иудаизм. Была ли это случайность, или же уже тогда сионские мудрецы способны были предвидеть все возможные последствия? Как бы то ни было. к тому времени, когда сефарды оказались рассеянными по всему свету, а их разрушительная миссия в Испании потерпела уничтожающее поражение, новая резервная армия стояла готовая к бой, представляя собой к тому же наилучший человеческий материал для целей уничтожения и разрушения.

Задолго до обращения в иудаизм, хазары враждовали с наступающей с севера Русью, впоследствии их покорившей, основавшей Киевское княжество и принявшей христианскую веру. Ко времени обращения хазар составление Талмуда было уже закончено. После крушения их царства около 1000 г. по Р.Х., хазары остались в политическом подчинении у талмудистского правительства, а их

борьба с Россией шла под знаком талмудистского, антихристианского «закона». В дальнейшем они мигрировали в Россию, в частности в Киев, в Малороссию, но, по-видимому, главным образом в Польшу и Литву.

Несмотря на полное отсутствие в них еврейской крови, под талмудистским руководством они превратились в Польше, а затем в России в типичное «государство в государстве». Там, где они скопились, образовались впоследствии под тем же талмудистским руководством, центры анти-русской революции, со временем превратившейся в «мировую революцию». В этих областях и с помощью именно этих людей готовились новые орудия разрушения для уничтожения христианской Европы.

Эти дикари из отдалённых глубин Азии жили под властью Талмуда, как в своё время евреи Вавилона или Кордовы, столетиями «соблюдая закон», дабы когда-то в будущем «возвратиться в землю обетованную», о которой их предки никогда и не слыхали, чтобы оттуда управлять всем миром. В XX столетии, в котором столько политиков Запада с энтузиазмом планировали это «возвращение», ни один из них не имел представления о хазарах. Знали о них только арабы, о земле и жизни которых шло дело, и которые пытались информировать как мирную конференцию в 1919 году, так и Организацию Объединённых Наций в 1947-ом, но тщетно.

Таким образом, после 1500 г., в мире жили отличные друг от друга группы евреев: сефардские по происхождению, рассеянные общины Запада и тесно сплочённая масса талмудистских «евреев» Востока. Время должно было показать, сможет ли талмудистский центр выковать из этих «ашкенази» столь же мощную силу разрушения, как прежняя, и сможет ли он сохранить власть над еврейскими общинами Европы с их совершенно иными традициями и опытом изгнания из Испании.

Около 1500 г. талмудистское правительство эвакуировалось из Испании в Польшу, обосновавшись посреди скопления новых «евреев», до тех пор никому на Западе неизвестных, и ослабив свою власть над сефардами, которые быстро стали сокращаться в числе, перестав представлять собой сплочённую силу — по крайней мере, по мнению иудейского руководства. Этот период отделяют от нашего времени всего 450 лет, но за это время история ответила на оба поставленных вопроса, а результаты перехода талмудистского центра в Польшу стали сейчас совершенно очевидны. За эти полтысячелетия *видимый* талмудистский «центр» якобы перестал существовать — по крайней мере, по утверждению Кастейна, — а разрушающая сила одновременно разлилась по Европе в новой форме, имя которой «революция».[7]

За 450 лет мир видел три таких «революции» (считая только главные из них), и каждая из них была разрушительнее предыдущей. В каждой из них можно было распознать наследие предыдущей, поскольку их характеризовали одни и те же главные черты, являясь в то же время главными чертами иудейского закона, изложенного в Торе-Талмуде. Во всех случаях главный удар был направлен на законное правительство, душу народа и христианство. Иудейский «закон» признаёт только одну законную власть — власть Иеговы, и только одну полноправную нацию — его избранный народ. Талмудистские комментарии этого «закона» особо выделяют христианство, как главного врага среди «чуждых богов», которым избранному народу категорически воспрещается служить; разрушение же и уничтожение, как уже неоднократно отмечалось, — основная догма этого закона. В начале каждой революции всегда говорилось, что она направлена против «царей и попов» — символов порабощения и

---

[7] Хазарское происхождение восточных евреев — гипотеза, ещё не нашедшая полного подтверждения. Главное возражение против неё гласит, что столь значительная миграция целого народа через территорию России не могла пройти незамеченной. Однако, налицо бесспорный факт другой миграции, примерно в ту же эпоху, т. е. X — XI вв., а именно венгров: теснимые с востока монголами венгры, покинув свою урало-алтайскую родину, прошли двумя потоками через Россию, одним в направлении Финского залива, где они расселились в современных Финляндии и Эстонии, и другим через юг России в б. римскую провинцию Паннонию, где они основали своё нынешнее государство. От этой миграции также следов в русской истории не сохранилось. Ничего не говорят также польские и немецкие имена почти всех восточных евреев: фамильные имена — явление гораздо более позднее (не ранее XIV — XV вв.), и их хазары могли получить после завершившегося расселения в Польше; часть их могла мигрировать дальше в Германию и затем вернуться в Польшу уже с немецкими фамилиями. В России евреев до раздела Польши почти не было, небольшие их группы (возможно также хазарского происхождения) периодически из русских областей изгонялись, явно по неспособности ужиться с коренным населением, как и в западной Европе трудно найти страну или провинцию, где они не подвергались бы периодическим изгнаниям (или погромам). Как всякая гипотеза (при отсутствии доказуемых данных), хазарская гипотеза может считаться вполне законной, пока она не опровергнута новыми данными исследований, или пока нет иной гипотезы, лучше объясняющей спорные явления; ни того, ни другого в этом вопросе пока не имело места, возражения же с еврейской стороны не могут приниматься во внимание, как продиктованные соображениями, не имеющими отношения к исторической правде. Многие видные еврейские авторитеты (лит-ра см. Benjamin H. Freedman) считают хазарскую гипотезу доказанной, однако всякая дискуссия по этому вопросу подавляется сионистским руководством.

эксплуатации. Теперь, когда власть царей и попов кончилась, а революция продолжается бесконечно, стало ясно, что эти лозунги имели целью лишь обмануть народные массы. Удар был направлен на всё, что составляет нацию (убитый царь в каждом случае был её символом), и на религию (разрушение церквей было символическим актом). Всё это выдавало виновников с поличным. Естественный источник всех этих идей — Тора-Талмуд, их невозможно найти нигде в другом месте: «И предаст царей их в руки твои, и ты *истребишь имя* их из под небес… и ты *истребишь* все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим». Именно в тот момент, когда талмудистское правительство вдруг скрылось с поверхности, перед тем прочно обосновавшись посреди варварской азиатской народности, доктрина разрушения вступила в Европу, начав свой победный марш.

Эти три революции, как и все исторические события дохристианской эры, описанные в Ветхом Завете, и события христианской эпохи, вплоть до изгнания евреев из Испании, подтверждают и исполняют иудейский закон. Конечным результатом каждой из них был иудейский триумф. Были ли талмудисты непосредственными подстрекателями, организаторами и руководителями этих революций?

В этом отношении первые две революции сильно отличаются от последней. Современная историография не в состоянии пока доказать, что талмудисты вызвали как английскую, так и французскую революции, и что они руководили ими. Во всяком случае автор этих строк не мог найти этому прямых доказательств. *Конечным результатом* обеих революций был, однако, триумф иудаизма: «возвращение» евреев в Англию (откуда их изгнали в XIII веке), и эмансипация евреев во Франции, хотя в начале обеих революций никто даже не мог подумать, что еврейский вопрос имеет к ним какое-либо отношение. Насколько можно судить сейчас, по прошествии долгого времени, «еврейский вопрос» вышел на сцену, а потом превратился в один из главных, уже в ходе самих революций, а достигнувшие этого результата иудейские заправилы, сами по себе, инициаторами этих революций не были.

История третьей, русской революции — совершенно иная. Она закончилась величайшим иудейским триумфом и совершенно небывалым разгулом еврейской мести. Ни в Ветхом Завете, ни в позднейшие времена не было ничего ей подобного, и она была подготовлена, организована и направлена евреями, выросшими в областях талмудистского гетто. Это — исторический факт, достоверный и неопровержимый, наиболее значительный во всей многовековой истории Сиона, делающий понятными события прошлого и дающий ключ к пониманию будущего.

Эти события в нашем столетии придали слову «революция» новое значение, вернее, его *истинное* значение: разрушение без конца, до окончательного выполнения иудейского «закона». Раньше это слово имело в Европе лишь ограниченный смысл: имелось в виду вооружённое восстание, вызванное специфическими условиями в определённом месте и в определённое время. В результате якобы невыносимого угнетения происходил взрыв, подобно тому, как пар в кипящем котле взрывает его крышку; так, по крайней мере, внушалось народному большинству со стороны руководящих мудрецов, прекрасно знавших, как обстояло дело в действительности. Русская революция показала, что теперь революция организовывалась, как нечто *постоянное,* как *непрерывная* разрушающая сила, *непрерывно* организуемая *постоянным* главным штабом, с его персоналом и целями мирового масштаба.

Цели революции не имеют никакого отношения к *местным условиям,* революция не стремится исправить какие-либо местные несправедливости. Ей нужно разрушение само по себе, чтобы уничтожить в мире все законные правительства и поставить на их место новую власть и новых владык. То, что этими новыми владыками должны стать талмудисты, ясно каждому из чисто талмудистской сути русской революции и явно талмудистских целей, «мировой революции». Целью является буквальное выполнение «закона»: «Ты будешь властвовать над всеми народами, но они не будут управлять тобой… Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли».

Без этой скрытой цели все три революции никогда не пошли бы известными нам путями, которые предвосхищают картину заранее запланированного будущего. Они являются лишь стадиями и ступенями по пути к осуществлению «закона», и снова те, кто в своё время казались могущественными владыками, как царь Кир или таинственный царь Агасфер, представляются нам теперь лишь марионетками в великой драме иудейских режиссёров на пути к её чудесному завершению в Иерусалиме.

Оливер Кромвель был одной из таких марионеток. Английским Школьникам он известен только, как человек, который обезглавил короля и вернул в Англию изгнанных из неё в своё время евреев. Добавим к этому ещё избиение священников в Дрогхеде, чем особо хвалился Кромвель — единственный случай подобного рода во всей британской истории, — и что от него остаётся, кроме типичной сионистской марионетки, созданной единственно с целью помочь осуществлению «закона»?

Кромвель был первый из многих после него, которые называли себя «ветхозаветными христианами», и уже одно это показывает антихристианскую сущность этих устремлений, ибо, как мы хорошо знаем, нельзя одновременно служить Богу и Маммоне. Кромвель запретил праздновать Рождество Христово, он сжигал церкви и убивал игуменов, и одно время евреи хотели даже провозгласить его своим Мессией.

Он пришёл к власти в то время, когда Саббатай Цеви, обещая близкий триумф Сиона, доводил до исступления еврейские массы и потрясал основы талмудистского правительства. Может быть именно поэтому талмудистские мудрецы задумали использовать Кромвеля, чтобы он обезвредил Саббатая. Еврейские эмиссары были срочно отправлены из Амстердама в Англию, чтобы выяснить происхождение Кромвеля: не еврей ли он? В этом случае Он мог бы быть объявлен Мессией, так как сионским мудрецам чрезвычайно импонировала одна из черт его характера: его усердие в «полном уничтожении» (можно предполагать, что если Мессия когда-нибудь действительно появится, то его выбор окажется довольно неожиданным: в 1939 г. автор этих строк был в Праге, где один из пражских раввинов проповедовал, что Гитлер — это еврейский Мессия: обеспокоенные еврейские знакомые автора спрашивали, что он об этом думает.).

В родословной Кромвеля не нашлось указаний на происхождение от Давида, иначе он вероятно охотно согласился бы играть роль Мессии. Его приверженцы с их лозунгом «меч и Библия», считали, что своими кровавыми делами они выполняли библейские пророчества, и что возвращение евреев в Англию было первым шагом на пути к обещанному «тысячелетию». Кромвелю даже рекомендовали устроить его Государственный Совет по образцу Синедриона из 70 членов! Сам Кромвель относился к своим «тысячелетникам» довольно презрительно, но будучи «реальным политиком» того же сорта, который процветает в наше время, он охотно разглагольствовал о «религиозной свободе» и выполнении пророчеств, одновременно травя священников и духовных лиц.

Главной задачей Кромвеля было, разумеется, обеспечить себе финансовую поддержку богатого амстердамского еврейства (вся история Запада в значительной степени развивается в согласии с основным правилом иудейского закона: давать в долг всем и не занимать ни у кого). Джон Букан (John Buchan, см. библиографию) пишет об амстердамских евреях: «В их руках была торговля с Испанией, Португалией и Левантом… они управляли потоком золота в Европе и готовы были помочь Кромвелю в его финансовых затруднениях». Раввин Манассия бен Израиль из Амстердама (тот самый, кто предсказывал приход Мессии и возвращение евреев в Иерусалим) поехал в Лондон, и сделка была заключена.

Петиция Манассии бен Израиля на имя Кромвеля очень напоминает то, что в наши дни Хаим Вейцман писал британским премьер-министрам и американским президентам: прося о «возвращении» евреев в Англию, он туманно напоминал о неприятностях со стороны Иеговы тем, кто захочет этому воспротивиться, одновременно расписывая щедрые награды за сговорчивость. Всё это весьма похоже на то, как нью-йоркские сионисты нашего времени дают понять американскому кандидату в президенты, что он может рассчитывать на голоса штата Нью-Йорк только если он обещает поддержать сионистское государство деньгами н оружием, будь то в войне или в мирное время.

Фактически от Кромвеля требовали открытого подчинения иудейскому «закону», вовсе не «возвращения» евреев, поскольку фактически они Англию никогда не покидали. Их изгнание в своё время имело место только на бумаге и они продолжали жить там же, где жили н раньше, требовалась только легализация существующего положения. Кромвель не смог выполнить этого требования ввиду общественной оппозиции; по еврейским данным (Margoliouth, см. библиографию) ему было предложено 500 000 фунтов за продажу евреям собора Святого Павла с Бодлейской библиотекой Оксфорда в придачу.

Кромвельское междуцарствие вскоре закончилось, но в народной памяти он остаётся, как человек, разрешивший евреям вернуться в Англию. Первая атака талмудистов на Европу большого успеха не имела. Англия сумела преодолеть последствия революции, и продолжала жить по-прежнему, как будто ничего особенного не произошло. Законное правительство было восстановлено, а религия пострадала не столько от этого чужеземного покушения на неё, как от безразличия, которое начало в это время развиваться в народе.

Тем не менее, новый фактор «революции» появился в европейской политике, и через 150 лет после изгнания евреев из Испании «еврейский вопрос» занял в ней главное место.

Последствия кромвельского междуцарствия заслуживают внимания постольку, поскольку восстановленный на троне король был также использован евреями. После смерти Кромвеля евреи сказали финансовую помощь Карлу Второму, который вскоре после своего воцарения в

законодательном порядке легализовал положение евреев в Англии. Это однако не пошло на пользу его династии, так как амстердамские евреи одновременно финансировали и экспедицию Вильгельма Оранского против брата и преемника Карла Второго, короля Якова Второго, который также потерял корону и бежал во Францию, что стало концом католической династии Стюартов. Другими словами, ответ на вопрос, кто победил в борьбе Кромвеля со Стюартами, гласит: евреи.

Через 150 лет разразилась новая революция, на этот раз во Франции. Тогда современникам казалось, что это была совершенно другая, особая революция, но была ли она таковой в действительности? Её главные черты были теми же, что и раньше в английской революции, и позже в русской. Главный удар был направлен на национальность и религию, под предлогом борьбы с тиранией «царей и попов», а когда эта «тирания» была уничтожена, установился новый, во много раз более жестокий деспотизм.

К этому времени, после раздела Польши, талмудистское правительство, по крайней мере по утверждению Кастейна, только что «перестало существовать», хотя явно продолжало действовать из подполья; трудно представить себе, чтобы после 2500-летней активности оно вдруг само по себе исчезло, без всяких к тому внешних причин. Оно спряталось, ушло от людских взоров, и поэтому сейчас очень трудно установить роль, которую оно играло во Франции в провоцировании и организации революции руками своих агентов.

Однако русская революция, 120 лет спустя, дала неопровержимые доказательства прямого талмудо-иудейского руководства, и притом в масштабах, которых никто не ожидал; можно, поэтому предположить, что и в подготовке французской революции руководящая еврейская секта сыграла большую роль, чем она явствует из данных истории. Французская революция развёртывалась под флагом борьбы за права человека, причём явно подразумевались все люди без исключения, но с началом революции «еврейский вопрос», как по волшебству, вышел на первый план. Одним из первых актов революции была полная эмансипация евреев в 1791 году (как законы против «антисемитизма» были одними из первых актов революции в России). Задним числом, поэтому, французская революция выглядит совершенно такой же, как её английская предшественница, и как многие другие насильственные события истории, всегда кончавшиеся еврейским триумфом, а если в действительности особого триумфа и не было, то он непременно появлялся в позднейших «исторических описаниях». Народные массы Франции ожидали от революции, разумеется, совсем иных результатов, и в этом отношении они очень напоминают массы людей, вынесших тяготы двух мировых войн двадцатого столетия.

Эмансипация евреев оказалась единственным постоянным результатом революции, все остальные достижения которой были нестойки, оставив Францию в состоянии духовного безразличия, от которого она не смогла избавиться до настоящего времени. Послереволюционная история Франции представляет собой долгое междуцарствие, за время которого Франция испробовала почти все известные человечеству формы правления, но так и не нашла ни удовлетворения, ни порядка.

За всё время, от падения Вавилона до французской революции, правящие евреи-талмудисты всегда действовали, как сила разрушения среди народов «куда Я послал тебя». Учитывая догму, которой они придерживались, это было неизбежно, ибо она была, одновременно, и законом, управлявшим каждым поступком их повседневной жизни. Под ярмом иудейского закона они не могли действовать иначе и были осуждены оставаться «вечными разрушителями»: «смотри Я поставил тебя в сей день над народами и царствами чтобы искоренять и разорять, губить и *разрушать».*

Под таким контролем история евреев была повсюду одинаковой, в Вавилоне, в Персии, Египте, Греции, Риме и Испании; она не могла быть иной. пока ими правил этот единственный в своём роде «закон».

Не все евреи, однако, создавали эту историю и она, в свою очередь, распространялась далеко не на всех евреев; не отметить этого было бы равносильно огульному осуждению всех «немцев» за национал-социализм, или же «русских» за принципиально чуждый им коммунизм.

Мы уже говорили о том, что далеко не все евреи признавали навязанный им закон систематического разрушения и подчинялись ему. Во все времена со стороны евреев раздавались гораздо более энергичные протесты против этой миссии разрушения, чем они были слышны среди тех народов, которым эта миссия непосредственно грозила гибелью. Где бы в этой книге ни упоминалось слово «еврей», его нужно понимать с указанной оговоркой.

В течение трёх столетий, прошедших после изгнания евреев из Испании «еврейский вопрос» дважды оказался первоочерёдным на повестке дня насильственных общественных потрясений, в начале которых всем казалось, будто они были вызваны противоречиями местных национальных интересов:

так было в холе как английской, так и французской революции, в дальнейшем мы подробнее коснёмся вопроса о самом важном событии мировой истории — русской революции, и роли еврейства в ней.

Реакция на французскую революцию привела к власти Наполеона, который также попробовал разрешить «еврейский вопрос», как и во всей человеческой истории неоднократно предпринимались попытки его разрешения всеми возможными методами, от насилия и подавления до умиротворения, уступок и капитуляции. Ничто не помогало, и вопрос этот по сей день остаётся, как язва на теле нееврейских народов. Не легче, однако и самим евреям, похожим на людей, посланных в мир как бы с шипами под кожей.

Наполеон, пытавшийся раз и навсегда покончить с «еврейским вопросом», избрал самый простой из всех возможных методов и, вероятно именно поэтому приверженцы Сиона до сих пор вспоминают о нём со смешанными чувствами: этот выскочка без малого оказался умнее их самих. Однако, и его попытка кончилась неудачей; похоже на то, что решение этого вопроса для людей непосильно. Его разрешит Бог, когда найдёт это нужным.

Мы посвятим следующую главу описанию этой попытки Наполеона, а затем вернёмся к анализу выдвинувшей его революции.

Глава 18
Расследование Наполеона

Достигнув головокружительных вершин власти. Наполеон собирался совершить большие дела для величия Франции и французов, с немалой также пользой себе самому и своей семье.

Вскоре после того, как он стал императором, а может быть даже и раньше, он увидел, что одной из его самых трудных задач будет вовсе не французский, а совершенно, казалось бы, чуждый, — «еврейский вопрос». Этот вопрос не переставал мучить людей в течение столетий, и не успел Наполеон уговорить римского папу возложить на его голову императорскую корону, как он, как тревожащая тень, вырос позади его трона. Действуя, как всегда, прямо и решительно. Наполеон взял быка за рога, потребовав ответа на извечный вопрос: действительно ли евреи желают стать частью другой нации, в данном случае французской, и жить по её законам, или же они тайно подчиняются иному закону, который предписывает им разлагать и поработить народы, среди которых они живут? Заметим, что это знаменитое расследование Наполеона было его *второй* попыткой разрешить еврейскую загадку. О *первой* известно лишь немного, и нужно вкратце рассказать и о ней.

В самом начале его карьеры. Наполеону одному из первых пришла в голову мысль завоевать для евреев Иерусалим и, таким образом, употребляя модное выражение, «исполнить пророчество». Его примеру следовали с тех пор весьма многие, в том числе британские и американские политики, которым вряд ли понравилось бы, если бы их сравнили с Наполеоном: Бальфур, Ллойд-Джордж, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Труман и Уинстон Черчилль.

Наполеоновская авантюра закончилась так быстро, что история почти ничего не говорит о ней и её мотивах. В то время Наполеон командовал армией, но ещё не был главой государства, и, начиная кампанию на Ближнем Востоке, он видимо надеялся на военную поддержку со стороны еврейского населения этих стран. Если он уже видел себя в роли первого консула или императора, он возможно собирался, для осуществления своих амбиций, искать, как Кромвель, финансовой поддержки у еврейства Европы.

Как бы то ни было, он оказался первым европейским властелином (будучи главнокомандующим французской армии, он фактически обладал и полнотой исполнительной власти), искавшим благосклонность еврейских магнатов. Обещая им Иерусалим. Тем самым он признавал, что евреи обладают собственной, особой национальностью, хотя впоследствии он от этой теории отказался.

Этот эпизод был краток, но он достоверен. В парижской газете «Moniteur» в 1799 г., когда Наполеон командовал французской экспедицией, посланной, чтобы выбить англичан из Египта, были опубликованы два сообщения, не оставлявшие сомнений в характере его предприятия.

Первая депеша из Константинополя от 17 апреля 1799 г. была напечатана 22 мая и гласила: «Бонапарт опубликовал прокламацию, в которой он приглашает всех евреев Азии и Африки стать под его знамёна, чтобы восстановить древний Иерусалим. Он вооружил уже большое число евреев, и их батальоны наступают на Алеппо». Из этого ясно, что Наполеон взял на себя миссию «выполнения пророчества» о возвращении евреев в Иерусалим.

Второе сообщение появилось в той же «Moniteur» несколькими неделями позже: «Бонапарт завоевал Сирию не только для того, чтобы отдать Иерусалим евреям; его планы гораздо обширнее…»

Вероятно Наполеона известили, что его первое сообщение произвело во Франции отрицательное впечатление, показав, что война против Англии (как и революция против «царей и попов») пойдёт главным образом на пользу евреям. Возможно, однако, и другое, а именно то, что оно привлекло на сторону Англии больше арабов, чем евреев на сторону Наполеона.

Наполеоновская затея оказалась мыльным пузырём, т. к. ему не удалось дойти до Иерусалима. К тому времени, когда первое сообщение достигло парижской газеты «Монитор», Наполеон уже был отброшен англичанами у Акра и его войска отступали к Египту. Если бы сионистские планы Наполеона имели успех, то не исключено, что сионские мудрецы стали бы искать в его родословной следы происхождения от Давида (как, в своё время, у Кромвеля), дабы объявить его Мессией. Еврейский политик, Филип Гедалла, комментировал в 1925 г. наполеоновское предприятие следующими словами, заслуживающими нашего внимания: «Этот человек полагал тогда, что судьба ему не улыбнулась. Но наша терпеливая раса спокойно выжидала, а сто лет спустя, когда иные завоеватели топтали те же пыльные дороги, оказалось, что она улыбнулась именно нам». Перед нами типично сионистское изложение событий 1917 года: британские войска — только орудие для выполнения иудейской миссии, упущенной Наполеоном. Гедалла выступал в присутствии Ллойд-Джорджа, того самого премьер-министра, который в 1917 году послал британских солдат на эти «пыльные дороги». Как пишет Кастейн, Ллойд-Джордж «расцветал» на этом собрании под одобрительными взглядами еврейской аудитории, видевшей в нём «орудие в руках еврейского Бога».

В 1804 году Наполеон короновался императором, а к 1806 году еврейский вопрос во Франции приобрёл такое значение, что он предпринял вторую попытку к его разрешению, на этот раз совершенно иным методом. После неудачи восстановления «древнего Иерусалима», иными словами, еврейской нации, он потребовал теперь, чтобы евреи сделали выбор между существованием, как отдельная нация, и слиянием с народом, в среде которого они жили.

Престиж Наполеона сильно страдал в это время в глазах французов из-за особых симпатий, которые он, по их мнению, выказывал по отношению к евреям. Он получал столько жалоб и просьб из народа о защите от евреев, что, обращаясь к Государственному Совету, он однажды сказал: «Евреи, как саранча и гусеницы, пожирают мою Францию… это — *нация внутри нации».* В то время даже *ортодоксальный* иудаизм энергично отрицал подобное определение.

В самом Государственном Совете мнения по еврейскому вопросу разделились, после чего Наполеон вызвал и Париж 112 ведущих представителей иудаизма из Франции, Германии и Италии, предложив им дать ответ на ряд вопросов. Неевреям обычно плохо понятен тот странный мир, с которым теперь столкнулся Наполеон, и некоторую ясность могут внести в него две цитаты хорошо известных нам авторов: «Благодаря тому, что евреи считают себя избранным народом, которому обещано спасение, еврейский мир всегда был иудеоцентричен, и евреи способны рассматривать все исторические события, только поставив себя в их центр» (Кастейн). «Евреи создали собственную мировую историю, *поставив себя в центр* — с того момента, когда Иегова заключил договор с Авраамом, судьба Израиля превращается в историю мира, мало того — в историю всей вселенной, в то единственное, о чём заботится Создатель. Круги как бы становятся всё теснее и теснее, пока не *остаётся одна только центральная точка: сам Израиль»* (Houston Stewart Chamberlain).

Первый из цитированных нами авторов — еврей-сионист, который вероятно назвал бы второго антисемитом; как видит читатель, их взгляды на сущность иудейского мировоззрения совершенно одинаковы. Всем знатокам вопроса ясно, что по сути никакого расхождения по данному вопросу между талмудистами и их противниками не существует; единственное, чего не переносят еврейские экстремисты — это, что критика исходит от людей, стоящих «вне Закона»; в их глазах это недопустимо.

Вопросы, поставленные Наполеоном, показывают, что, в отличие от современных британских и американских политиков, приявших сионизм, он прекрасно разбирался в характере иудаизма и созданных им нормах человеческих отношений. Для него не было секретом, что по учению иудейского «закона», мир был сотворён в точно определённое время исключительно для евреев, и что всё в нём происходящее (включая и эпизод его собственного возвышения и славы) рассчитано заранее и совершается лишь для того, чтобы закончиться еврейским триумфом.

Французский император расценивал еврейские теории не иначе, чем это делает еврей Кастейн в наше время, говоря о персидском царе Кире и завоевании им Вавилона в 538 году до Р.Х.: «Если величайший властитель своего времени был просто *орудием в руках еврейского Бога,* то это означает, что этот еврейский Бог вершит судьбами Не только еврейского, но и *всех других народов, судьбами всего мира».* Вначале Наполеон готов был сделать и себя самого «орудием в руках еврейского Бога», пытаясь захватить Иерусалим, но был отражён англичанами под Акром. Став императором, он больше

не собирался быть орудием в чьих бы то ни было руках. Теперь он решил заставить евреев открыто высказаться по вопросу, чьи законы они считают для себя обязательными. Его вопросник был составлен настолько хитро, что отвечавшим приходилось либо отрекаться от своей главкой идеи, либо открыто признавать её; попытки уклониться от прямого ответа могли привести к последующему обвинению в обмане. Кастейн, разумеется, называет эти вопросы «возмутительными», но как уже было отмечено выше, «возмутительна» всегда *любая* критика со стороны стоящих «вне Закона», т. е. не-евреев.

В другом месте своей книги Кастейн, однако, с невольным восхищением вынужден признать, что Наполеон в своих вопросах «правильно понял сущность проблемы»; этой похвалы еврейского историка не удостаивается ни один другой из нееврейских правителей. Другими словами, если бы простые смертные вообще способны были найти разрешение «еврейского вопроса», то Наполеон ближе всех подошёл к этому, поскольку его расследование затронуло самую суть вопроса, предоставив честным людям лишь выбор между обязательством лояльности и открытым сознанием в закоренелой нелояльности.

Делегаты, избранные еврейскими общинами, прибыли в Париж, и оказались там в затруднительном положении. С одной стороны, все они были воспитаны в древней вере, требовавшей от них всегда оставаться «отдельным» народом, избранным Богом, чтобы «унижать и уничтожать» другие нации и в конце концов «вернуться» в землю обетованную; с другой стороны, они только что смогли получить наибольшие выгоды от революции, а задававший им вопросы один из главных её героев ещё не так давно собирался восстановить еврейский Иерусалим. И теперь он вдруг спрашивал их, считают ли они себя частью той нации, которой он правил, или нет?

Вопросы Наполеона, как стрелы по цели, били по самому существу Торы-Талмуда, построивших стены между евреями и остальным человечеством. Главными вопросами были: разрешает ли еврейский закон смешанные браки; считают ли евреи французов «чужими» (чужеземцами) или братьями; считают ли они Францию своей родиной, законы которой обязательны для них; делает ли иудейский закон различие между еврейскими и христианскими должниками? Все эти вопросы неизбежно обращались против дискриминирующих расовых и религиозных законов, которые (как было показано в предыдущих главах) левиты нагромоздили на древние нравственные заповеди, фактически уничтожив их. В полном свете гласности и по всей форме. Наполеон поставил перед еврейскими представителями именно те вопросы, которые в течение многих столетий всё человечество всегда задавало евреям.

В ослепляющем свете этого расследования у еврейских депутатов оставались только две возможности: либо честно отвергнуть навсегда собственный расовый закон, либо же, отказываясь от него только притворно, в действительности сохранить ему верность (манёвр, официально разрешённый, как известно, Талмудом).

Как пишет Кастейн, «еврейские учёные, призванные опровергнуть выдвинутые против них обвинения, оказались в крайне трудном положении, поскольку для них *каждое слово Талмуда было священно, даже его легенды и сказки»* . Этим еврейский историк сам признаёт, что евреи могли уклониться от вопросов только ложью, так как их собрали вовсе не для «опровержения обвинений»; от них всего лишь ожидали правдивых ответов.

Еврейские делегаты, как и следовало ожидать, *авторитетно заявили,* что еврейской нации больше не существует, что они не желают больше жить в закрытых, самоуправляемых общинах, и что они во всех отношениях считают себя французами и никем иным. Их единственная оговорка относилась к смешанным бракам; таковые, по их словам, были возможны только по «гражданским законам».

Следующий шаг Наполеона даже Кастейн вынужден признать гениальным. С его помощью, хотя и без предварительного намерения императора, был установлен непреложный факт, что поставленные перед необходимостью отвечать на жизненно важные вопросы (жизненно важные для народов, среди которых жили евреи), официальные представители еврейства дадут либо заведомо лживые ответы, либо же обещания, которые они не станут выполнять. Прошедшие после наполеоновского расследования десятилетия ясно показали, что вожди еврейства никогда не имели намерения отказаться от своего фактического положения «нации внутри наций». Неудача Наполеона разрешить «еврейский вопрос» обернулась исторической победой правды, сохранившей своё значение по наши дни.

Наполеон хотел придать полученным им ответам на его вопросник наиболее официальную форму, которая обязала бы евреев повсюду и навсегда к выполнению обещаний, данных их старейшинами, для чего он потребовал созыва верховного органа еврейства — Великого Синедриона. Со всех концов Европы в Париж прибыли 71 его постоянных членов: 46 раввинов и 25 мирян, заседания которых открылись в феврале 1807 года в самой торжественной и пышной обстановке. Хотя Синедрион, как таковой, не собирался в течение многих столетий, но талмудистский центр в Польше официально лишь

недавно прекратил своё существование, и идея общееврейского правительственного центра была ещё вполне актуальной.

Синедрион пошёл дальше собрания еврейских представителей в полноте и усердии своих официальных заявлений (кстати, это собрание начало с выражения благодарности христианским церквям за защиту, оказанную евреям в прошлом, что не мешает отметить в противовес обычным сионистским инсинуациям в описаниях христианской эры, как сплошного угнетения страдающих евреев). Он официально признал, что *прекращение существования отдельной еврейской нации является непреложным фактом.* Так была разрешена главная дилемма обязательного для всех евреев закона, не признававшего разницы между гражданством и религией. Если «нация» больше не существовала, то законы *Талмуда, руководившие повседневной жизнью евреев, были недействительные;* однако Тора, как закон веры, оставалась неизменной. Таково было решение Синедриона. В случаях споров или разногласий религиозный закон *подчинялся* закону страны, в которой проживал данный еврей. С этого времени Израиль существовал *только как религия и евреи больше не могли ожидать национального восстановления.*

Это достижение Наполеона выглядело, как небывалая до тех пор победа (кто знает, не была ли она одной из причин его скорого падения?). Евреи были освобождены от цепей Талмуда; открылась дорога к их слиянию с остальным человечеством, к участию в его развитии и его судьбах. Вновь открылась широкая дорога, которую левиты закрыли более 2000 лет тому назад; дух дискриминации и ненависти был официально исключён и отвержен.

Заявления Синедриона легли в основу гражданских свобод, которыми с тех пор воспользовались евреи во всех западных странах. Все группы еврейства, известные тогдашнему Западу, выступили в их защиту. Повернувшись для видимости лицом к Западу, правоверный иудаизм с тех пор категорически отвергал даже намёки на то, что евреи могут быть «нацией внутри наций». Иудейские реформаторы со временем «устранили все молитвы, выражавшие хотя бы тень надежды или пожеланий еврейского национального возрождения» (раввин Моисей П. Якобсон).

Это разумеется выбило почву из под ног у тех противников еврейской эмансипации в английском парламенте, которые утверждали, что «евреи ждут прихода Великого Избавителя, своего возвращения в Палестину, отстройки Соломонова Храма и возрождения старой веры, а потому всегда будут смотреть на Англию, не как на свою страну, а только как на место их изгнания» (цитата Бернарда Дж. Брауна), Правыми оказались, однако, именно эти предостерегающие голоса. Менее, чем 90 лет спустя, все декларации наполеоновского Синедриона оказались фактически аннулированными, т. ч. тот же Браун вынужден был написать в последствии: «Теперь, несмотря на то, что гражданские свободы (для евреев) утверждены законами почти во всех странах мира, *еврейский национализм стал официальной философией Израиля.* Не приходится удивляться, если другие народы обвиняют нас в том, что мы добились равноправия с помощью ложных заявлений, *что мы по-прежнему нация внутри наций, и что, поэтому, дарованные нам права должны быть взяты обратно».*

Наполеон невольно оказал потомству большую услугу, показав, что полученные им от евреев ответы на его вопросы фактически ни имели ни малейшей ценности. К концу 19-го столетия суровый и единственный Закон, подчиняющий себе все дела и мысли, был снова наложен на евреев их талмудистскими правителями, и снова им в этом помогли нееврейские политики, как в своё время царь Артаксеркс помог пророку Неемии.

Были ли данные евреями Наполеону ответы искренними или же заведомо лживыми? Мнения по этому вопросу вероятно разделятся, как и сам иудаизм всегда был и остаётся двойственным. Без сомнения, еврейские делегаты, давая свои ответы, учитывали тот эффект, который они окажут на дарование евреям полного равноправия во всех странах С другой стороны, многие из них вероятно всерьёз надеялись, что евреи наконец-то смогут слиться с человечеством без своих обычных тайных отказов и задних мыслей; желание прорваться сквозь преграды племенных запретов всегда было живо среди евреев хотя правящая секта неизменно оказывалась в состоянии его подавлять. Вероятнее всего что одни делегаты высказывались совершенно искренно, в то время как другие «тайно нарушали» (говоря словами Кастейна) обещанную лояльность.

Главным недостатком наполеоновского Синедриона было то, что он представлял *европейских евреев,* в большинстве своём сефардов, уже терявших своё былое влияние среди еврейства. Талмудистский центр и главная масса восточных евреев (ашкенази) жили в России или русской Польше, чего даже Наполеон либо не знал, либо не принял достаточным образом во внимание. *Эти* талмудисты не были представлены в Синедрионе, а его ответы были для них ересью, поскольку именно они были теперь хранителями фарисейских и левитских традиций.

Публичными заявлениями Синедриона закончился третий период сионистской истории — талмудистский. Он начался с падения Иудеи в 70 году по Р.Х., когда фарисеи передали свои традиции талмудистам; к концу семнадцати веков «вечный» еврейский вопрос, после ответов Синедриона, казался разрешённым. Евреи показали готовность присоединиться к остальному человечеству, последовав совету французского еврея Исаака Беера отделаться «от узкого корпорационного духа во всех политических и гражданских делах, не касающихся непосредственно нашего религиозного закона. В этих вещах мы непременно должны быть просто индивидуумами, настоящими французами, которыми руководит один только истинный патриотизм и закон общего блага всех народов». Эти слова были концом Талмуда, как «ограды вокруг Закона».

Но всё это оказалось иллюзией. С точки зрения нееврейских современников, здесь была упущена величайшая возможность. В глазах правоверного еврея, удалось отвратить величайшую опасность: слияние со всем остальным, нееврейским человечеством.

Так начался четвёртый период истории Сиона — столетие «эмансипации», 19-ое столетие. В ходе этого периода, восточные талмудисты прежде всего аннулировали все решения наполеоновского Синедриона, а затем сумели использовать дарованные им свободы для того, чтобы поставить евреев на одну ступень со всеми остальными, но лишь с целью снова загнать их в ограду «закона», подтвердить их «отдельность» и закрепить их претензии на особое национальное существование, фактически означающее не только «нацию внутри наций», но нацию, поставленную над всеми остальными. Это талмудистам удалось полностью, а результаты их победы видим мы, живущие в пятом периоде спорной истории Сиона. Историю этой талмудистской победы невозможно отделить от истории мировой революции, к которой мы теперь вернёмся.

Глава 19
Мировая революция

Наше исследование, описывая события в хронологическом порядке, довело нас до наполеоновского Синедриона. Ответы Синедриона на вопросник императора французов завершили третий и открыли четвёртый период истории Сиона, который начался официальным отказом от претензий быть отдельной нацией и закончился через 90 лет открытым утверждением того же еврейства, как отдельной нации в самой крайней шовинистической форме. Прежде чем продолжать рассмотрение четвёртого периода, мы, должны вернуться на 20 лет ранее, к началу *мировой* революции во Франции, и рассмотреть роль евреев в ней, если они действительно принимали в ней участие.

Девятнадцатый век христианской эры отличается от предыдущих восемнадцати появлением двух мировых движений, ведущих, постепенно сближаясь, к одной общей цели, ставшей к концу этого столетия доминирующим фактором мировой политики.

Одно из них — сионизм — стремилось вновь собрать рассеянный по всей земле народ, как единой нации на территории, обещанной ему его «еврейским богом». Целью второго движения, коммунизма, было уничтожение самого понятия нации, как таковой, среди всех не-евреев.

На первый взгляд, цели этих двух движений противоположны: одно из них сделало национализм своей религией, даже своим богом; другое объявило национализму войну не на жизнь, а на смерть. В действительности же этот антагонизм был только кажущимся, и оба движения развивались на параллельных путях, а вовсе не шли навстречу друг другу, к столкновению в будущем. Ибо Бог, обещавший землю избранному народу, обещал ему также поставить его «превыше всех народов земли» и поразить другие народы «до их полного уничтожения».

Мировая революция, выполняя второе обещание еврейского бога, одновременно подготовляет условия, нужные для первого. Будь то случайно, или же в согласии с предварительным планом, но она служит воле Иеговы. Задачей историка является следовательно выяснить, существует ли связь между организаторами сионизме и организаторами мировой революции. Если такой связи не было, а параллелизм целей был простой случайностью, тогда все события нашей эпохи — лишь насмешка истории. Если же, однако, связь может быть установлена, то события последних 200 лет предсказывают нам и наше будущее; в таком случае мировая революция оказалась служанкой Сиона.

Последние два столетия были, по всей видимости, самыми безрассудными и наименее достойными во всей истории Европы. К началу 19-го столетия за ней стояли семнадцать веков христианского прогресса. Никогда раньше людям не удавалось так улучшить самих себя и свои взаимоотношения. Даже война была подчинена законам цивилизованного кодекса, и казалось, что продолжение этого прогресса в будущем обеспечено. Однако, к середине 20-го века многие из этих

достижений оказались потерянными, а пол-Европы было отдано под власть азиатского варварства. Стало сомнительным, сможет ли остаток Запада выжить вообще, сохранив свои идеалы; ответ на этот вопрос дадут, возможно, последние десятилетия нашего века.

Европейский упадок совпадает с периодом роста иудейского влияния на жизнь Запада, которое достигло таких вершин, каких никогда не достигали ни один европейский монарх или князь церкви. Картина этой нарастающей силы, надвигающейся на Европу как грозовая туча с востока, может быть иллюстрирована двумя цитатами, одной — от начала, другой — от конца 19-го века. Выдающийся историк Иоганн-Готтфрид фон Гердер, писал в 1791 году, оглядываясь на прошедшее столетие: «Простые народы Европы стали *добровольными рабами* еврейских ростовщиков… Еврейский народ был и остаётся в Европе азиатским народом, чуждым нашему континенту, *подчинённым древнему закону, полученному им в чуждом нам климате,* закону, от которого он, по собственному признанию, не может освободиться… им правит закон, *чуждый и враждебный всем другим народам* ».

Прочтя в газетах 1807 года пылкие заверения Синедриона об отказе от понятия еврейской нации, современник вероятно посчитал бы Гердера ханжой и фанатиком (если не прямо «антисемитом»), однако последующие годы и события показали, что, как и многие до него, Гердер знал, что говорил.

Столетие спустя, в 1899 году, другой учёный, Хустон Стюарт Чемберлен, вернулся к тому, о чём писал Гердер, констатируя всё усиливающуюся узурпацию власти евреями: «Произошли очень серьёзные перемены: евреи играют сейчас в Европе и там, куда распространяется её влияние, совсем не ту роль, какую они играли сто лет тому назад; как сказал Виктор Хон (Hohn) „мы живём сегодня в еврейском веке“; мы можем думать всё, что угодно о прошлой истории евреев, но в настоящее время они занимают так много места в нашей собственной истории, что мы не можем больше закрывать на это глаза… „Чуждый“ элемент, подмеченный Гердером, становится всё более и более влиятельным… Прямое влияние иудаизма в 19-ом веке впервые начинает пронизывать историю культуры, становясь жгучим вопросом современности. Этот чуждый нам народ стал именно в ходе 19-го века непропорционально значительным, а *во многих сферах и доминирующим* фактором нашей жизни… Гердер говорил, что простые народы Европы стали добровольными рабами еврейских ростовщиков; сегодня он мог бы сказать то же самое о *значительной части всего цивилизованного мира... наше правительство и наши законы, наша наука и наша торговля, наша литература и искусство, практически все отрасли нашей жизни, стали более или менее добровольными рабами евреев и влачат кандалы, если ещё не на двух, то по крайней мере на одной ноге... прямое влияние иудаизма на наш 19 век стало жгучей проблемой нашей жизни. Мы имеем здесь дело с вопросом не только настоящего, но и будущего всего мира... Если еврейское влияние одержит в Европе победу в сферах интеллекта и культуры, мы будем вновь противостоять отрицательной, разрушительной силе».*

Так развивались события в течение ста лет от Гердера до Чемберлена. Последние три фразы являются блестящими прогнозом, поскольку Чемберлен ещё не мог видеть *доказательств* того, что он предвидел: фантастической победы международных заговорщиков в гигантском масштабе октября 1917 года, когда одновременно восторжествовали и коммунизм, как разрушитель наций, и сионизм, как создатель господствующей нации.

В последовавшие 60 лет после событий, описанных Чемберленом и Гердером, тот же процесс продолжается с нарастающей силой. Сейчас речь идёт уже не об одном только «влиянии на будущее всего мира»; этот процесс сопровождает нас повсюду, и вся наша действительность носит навязанную ей им форму. Он уже резко изменил весь характер нашего мира и всю судьбу человечества. «Наши правительства» за истёкшие полвека стали настолько «добровольными рабами» иудейской правящей секты, что они сейчас фактически агенты и управляющие нового, международного правящего класса, не имея никакой собственной власти.

Европа дошла до этого состояния, будучи раздавленной действием двух жерновов: коммунизма и сионизма, мировой революции, губящей все нации, и правящей еврейской секты, создающей свою нацию. Первая подстрекала толпы черни, вторая добилась власти над правительствами. Были ли руководители в обоих случаях одни и те же? Мы постараемся ответить на этот вопрос в следующих главах. Ясно, однако, уже сейчас, что в течение последних 200 лет каждая стадия в систематическом разрушении Европы сопровождалась соответствующими стадиями подготовки к «возвращению» в землю обетованную. Этот явный признак общего руководства событиями слишком бросается в глаза, чтобы его можно было не заметить, разве что он мог бы быть убедительно опровергнут. Для народных масс христианских «язычников» (говоря словами Талмуда) этот исторический процесс, начавшийся революцией 1789 года, представлялся бурей и ураганом, не имеющими более глубокого значения. Однако, историк слышит в нём торжественный ритм «закона», выполняющего предсказания иудейских

пророков.

Девятнадцатое столетие было веком заговоров, а в двадцатом мы видим их результаты. Заговор породил как коммунизм, так и сионизм, и оба они зажали, как в клещи, будущее Европы. Где было их начало? Почему они зародились во тьме, прорвавшись наружу в девятнадцатом столетии, оба одновременно? Есть ли у них *общие* корни? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно исследовать корни каждого из этих движений отдельно и посмотреть, сходятся ли они вместе. В этой и в последующей главе мы проследим идейные корни мировой революции.

Французская революция была проявлением в действии *мировой* революции, а вовсе не просто революцией во Франции. В этом не оставались сомнений с первого же момента этих событий во Франции. До того можно было болтать о страдающих крестьянах, доведённых до отчаяния произволом дворянства и вдруг восставших против угнетения, или же о чём-либо в том же роде; обстоятельное знакомство с существовавшим положением быстро рассеивает эти иллюзии. Революция была результатом задуманного плана деятельности тайной организации, ставшей хорошо известной ещё до начала революции; это вовсе не было французским взрывом насилия, вызванным французскими же условиями. План революции был планом сегодняшнего коммунизма, а сегодняшний коммунизм является носителем перманентной мировой революции, исходящей из той организации, которая задумала этот план.

Французская революция 1789 года даёт нам ключ к раскрытию тайны. Она — связующее звено между английской революцией 1640 года и русской семнадцатого гола. Она показывает, что все эти три революции — лишь стадии в выполнении единого плана, который, проходя через эти три ступени, ясно стремится к своему заключительному торжеству в очень недалёком будущем, вероятно ещё до окончания нашего столетия. Это окончательное торжество рисуется, как полная победа революции во всём мире и установление мирового правительства под контролем той организации, которая управляла революционным процессом с самого начала. Это и завершит подчинение обезличенных народов власти нового правящего класса (говоря словами Кастейна: «Это решит судьбы всего мира»).

Контуры этого процесса постепенно вырисовывались на протяжении трёх столетий, и сегодня его исторические перспективы совершенно ясны, если рассмотреть каждую революцию в свете последующей.

Современникам английской революции она *представлялась* неожиданным эпизодом английской истории, направленным против претензий королевского дома Стюартов и католической религии, так называемого «папизма». Ни одному из современников не приходило тогда а голову, что это могло быть началом мировой революции против *всех* религий и всех законных правительств. (Сегодня нам известно, что правящая еврейская секта снабдила революционного диктатора Англии денежными средствами, и что этим традиционным путём подстрекательства еврейское руководство больше всех выгадало от результатов революции; возможно, что оно было и в числе её зачинщиков, но прямых доказательств этого не имеется, как не сохранилось и следов заранее подготовленного, революционного плана).

Характер и развитие *французской* революции, однако, показывают нам английскую в ином свете. Уже тогда современникам было ясно, что она отнюдь, не *была* чисто французским историческим эпизодом, вызванным местными французскими условиями. Наоборот, французская революция шла по заранее подготовленному плану *всеобщей* революции, который был раскрыт и стал известен за несколько лет до её начала; обнаруженная тогда же тайная революционная организация имела своих членов во многих странах и во всех классах общества. Поэтому и наиболее характерные черты революции (убийство монарха и святотатство), хотя они и повторяли те же действия английской революции, уже тогда не представлялись стихийной местью в порыве восстания, неявно были преднамеренными символическими актами, преследовавшими один план и одну цель: повсеместное уничтожение всех религий и всех законных правительств. Раскрытие этого факта неизбежно заставляет предполагать, что и *английская* революция была подготовлена той же тайной организацией с целью уничтожения всех наций мира. (И от французской революции, как и от английской, больше всех выиграла иудейская секта; добившись, путём революции, общего равноправия евреев, она использовала его как покров для своей подпольной деятельности в последующие десятилетия. И здесь, доказать прямое участие евреев в числе зачинщиков революции трудно; доступные нам данные на это не указывают).

Итак, в отличие от английской, французская революция прямо указывала на наличие обширного всемирного заговора, имевшего глубокие корни. С этого момента характер революционного плана стал ясно виден, чего нельзя было сказать о заговорщиках, которые, когда их удавалось обнаружить,

представлялись шайкой субъектов, не связанных друг с другом ничем, кроме поджигательной страсти к разрушению. Цель была совершенно очевидна, однако организаторы оставались загадочными. Классический авторитет по данному вопросу, английский историк и политик, лорд Актон (1834—1902) охарактеризовал эту полуосвещённую историческую сцену следующими, ставшими знаменитыми, словами:

> *«Самое ужасное в революции не буйство и бесчинство, а её организация.* Сквозь весь огонь и дым мы прослеживаем наличие *расчётливой организации. Руководители* остаются тщательно скрытыми под различными масками, *но* с *самого начала нет ни малейшего сомнения в их присутствии».*

Другими словами, французская революция разоблачила существование организационного плана позади революционных событий, и это был план во всемирном масштабе. То, что в английской революции могло раньше показаться стихийным, теперь представилось, как результат расчётливо задуманного плана, а весь заговор оказался настолько мощным и зрелым, что нужно предположить его наличие и в предыдущей революции. Однако, снять полностью маски с *руководителей* не удалось и в этой второй революции, и её тайна была раскрыта лишь наполовину.

Революция в России позволила по новому оценить революции как в Англии, так и во Франции. Её акты цареубийства и святотатства столь же несомненно являют её истинное лицо, как приветствие мусульманина свидетельствует о его вере. Они показали всем, кто хочет видеть, что всемирное разрушение всё ещё происходит по плану, впервые ясно доказанному событиями французской революции. Мало того, что сто лет подряд объявлялось «клеветой» и «вымыслом», теперь перестало быть тайной и более никем не отрицалось: начиная с 1917 года, мировая революция была признана *перманентной,* а целью её — победа во всём мире: что раньше было тайным заговором, стало политической партией, руководимой из Москвы и открыто действующей во всех странах.

Так русская революция, в свою очередь, яснее показала контуры и источники революции французской. Что же касается тщательно скрытых и замаскированных руководителей двух прежних революций, то в свете русской они предстали в совершенно новом свете, или же, по крайней мере, стали возможными предположения об их происхождении, которые до тех пор никому не приходили в голову. Почти все руководители русской революции были восточными евреями. Символические акты цареубийства и святотатства совершались ими же, и немедленно был объявлен закон, фактически запрещавший всякое обсуждение роли евреев в революции и всякое упоминание в этой связи о «еврейском вопросе».

Так были даны ответы на жизненно важные вопросы, и то, что ещё было тайной в 1789 году, стало очевидным в 1917-ом. Для всех, изучающих этот вопрос, французская революция особенно важна тем, что она доказала наличие *плана* мировой революции и *организации,* которая его осуществляет. Деятельность этой организации превратила девятнадцатое столетие в век великого заговора. Даже не понимая полностью происходящего, обеспокоенные отдельные люди и целые народы чувствовали присутствие в темноте чего-то враждебного, как заключённый в глубоком подземелье опасается неясных ночных звуков. Даже воздух вокруг нас оказался зачумлён дыханием заговора. С момента французской революции человечество интуитивно чувствует, что в его среде живёт что-то враждебное, а в наши дни, испытавшие действие заговора на себе, мы ясно видим, с кем имеем дело распознавая отчётливо представшие перед нами черты дьявола.

Наихудшую услугу, которую вероятно оказали человечеству войны и блестящие успехи Наполеона, было то, что они отвлекли внимание народов от гораздо более серьёзной опасности, угрожавшей им: мировой революции и её тайных руководителей. Если бы не Наполеон, мир обратил бы на этот заговор большее внимание, так как доказательства его существования были налицо.

Глава 20
План заговора

В 1786 г. баварское правительство захватило бумаги тайной организации некоего Адама Вейсхаупта (Орден Иллюминатов) и опубликовало их в 1787 г. Был обнаружен план *мировой* революции и раскрыта мощная организация, члены которой занимали высокие посты в государственном аппарате. С того момента не оставалось сомнений в том, что во всех странах, во всех классах общества действовали люди, объединённые целью разрушения *всех* законных правительств и

всех религий. После разоблачения заговорщики ушли в подполье, однако организация выжила, продолжая свою деятельность и выйдя снова на поверхность через полтора столетия в 1917 году. С тех пор она действует открыто, как мировая организация коммунизма, не скрывая своих целей, раскрытых баварским правительством в 1786 году.

Документы Вейсхаупта стали достоянием гласности, благодаря случайности, столь же странной, как и та, которая сохранила документы Уиттакера Чамберса и 1928 году, о чём также необходимо рассказать читателям.

Уиттакер Чамберс (Whittaker Chambers), впечатлительный молодой американец, был завербован студентом в Колумбийском университете в 1925 году, став агентом и курьером коммунистов под вымышленным именем и передавая выкраденные государственные документы своим коммунистическим руководителям. В 1938 г. эта работа ему опротивела и он вышел из партии. Союз коммунизма с гитлеризмом в 1939 г. так ужаснул его, что он пытался поставить президента Рузвельта в известность о проникновении коммунистических агентов в государственный аппарат США и их шпионаже, но встретил грубый отпор: сотрудник президента посоветовал ему «утопиться в озере». Из предосторожности, Уиттакер Чамберс спрятал имевшиеся у него доказательства (фотокопии сотен секретных государственных документов) в шахте не работавшего лифта и позже забыл о них, так как до 1948 года эта история никого больше не интересовала. Однако, в 1948 году его имя было упомянуто при расследовании разоблачений, сделанных другим бывшим коммунистическим агентом, и Чамберса вызвали в суд, как свидетеля.

Чамберс показал, что по поручению высокого правительственного чиновника Альджера Хисса (Alger Hiss) он передавал коммунистам строго секретные правительственные документы. Хисс немедленно подал на Чамберса в суд за клевету. Чамберс попросил своего родственника в Нью-Йорке проверить, сохранился ли пакет, спрятанный им в шахте лифта за десять лет до того. Покрытый пылью пакет был найден и важность содержавшихся в нём документов поразила даже самого Чамберса. Он спрятал пакет в пустой тыкве на своей ферме, а затем, в ходе своей защиты на процессе, предъявил его суду. Это привело к осуждению его обвинителя, Хисса, и к *частичному* раскрытию проникновения коммунистической агентуры в правительственный аппарат Америки. Глубина и масштабы этого проникновения доказали, что в течение всей второй мировой войны политика США в значительной мере находилась под прямым влиянием вождей мировой революции, сидевших в Москве. Обо всём этом будет рассказано более подробно в позднейших главах, сейчас же мы покажем, что это было не просто случайностью в истории США после Второй мировой войны, но результатом действия плана, задуманного более, чем за полтора столетия до Чамберса, Альджера Хисса и президента Рузвельта.

В отличие от содержания тыквы в огороде Чамберса в наши дни, документы ордена Иллюминатов смогли в своё время быть опубликованы лишь частично. Большинство их было уничтожено после того, как о деятельности и планах иллюминатов стало известно ещё до 1786 года, частично благодаря бахвальству некоторых членов общества, отчасти же по разоблачениям тех его членов, которые, подобно Чамберсу 160 лет спустя, взбунтовались против этой компании, распознав её истинный характер. Ещё в 1783 году бывшие иллюминаты, покинувшие общество, уведомили вдовствующую герцогиню Марию-Анну Баварскую, что, согласно учению этого «ордена», религия являлась бессмыслицей (вспомним ленинский «опиум для народа»!), патриотизм — ребячеством, что самоубийство оправдано, что в жизни должно руководствоваться страстями, а не разумом, что вполне допустимо отравлять своих врагов, и т. д. В результате этих и иных аналогичных сообщений герцог Баварский издал в 1785 г. декрет против иллюминатов; орден был объявлен ветвью Международного масонства, и правительственным чиновникам, военнослужащим, профессорам, учителям и студентам было запрещено вступать в него. Подверглись запрету все тайные общества, каковыми считались объединения, не зарегистрированные официально.

Этот запрет (оставшийся, разумеется, неэффективным, поскольку тайные общества невозможно подавить указами) насторожил заговорщиков, и они (по свидетельству двух историков иллюминизма, С. Ф. Форестье и Леопольда Энгеля) «тщательно спрятали или сожгли большое количество наиболее ценных документов ордена», причём сохранились «лишь немногие документы, так как большинство из них подверглось уничтожению, а все внешние сношений были прерваны, чтобы устранить подозрения».

Другими словами, орден ушёл в глубокое подполье, а то, что было обнаружено в 1786 году, была лишь малая часть его деятельности. Форестье пишет, что в 1784 году, когда иллюминаты ещё хвалились своей силой, а не скрывали её, орден из своей базы в Баварии распространился «по всей Центральной Европе от Рейна до Вислы и от Альп до Балтийского моря; в числе его членов было много молодых людей, действовавших впоследствии в согласии с внушёнными им идеями, государственные служащие,

употреблявшие своё влияние на пользу ордена, духовные лица, приученные быть „терпимыми“, и князья, чьим покровительством пользовался орден и которых он надеялся взять под свой контроль». Читатель видит, что это картина сегодняшнего коммунизма во всём, за исключением пожалуй «князей», сильно уменьшившихся в числе после 1784 гола.

И всё же даже немногие найденные и опубликованные бумаги, хотя они и не показали всего размаха деятельности ордена Иллюминатов, количество его членов и его связей, в особенности во Франции, Англии и Америке, тем не менее вскрыли характер этого тайного сообщества и его разрушительные намерения. Один из иллюминатских курьеров был поражён ударом молнии в Силезии в 1785 году. Найденные при нём бумаги привели к обыску в домах двух ведущих иллюминатов. Переписка между «Спартаком» (Адам Вейсхаупт) и «Ареопагитом» (круг его ближайших сотрудников), найденная при обыске в числе прочих документов, обнаружила полный план мировой революции, с которой мы в двадцатом столетии хорошо знакомы под именем «коммунизма».

Трудно поверить в настоящее время, что этот грандиозный план разрушения зародился в голове одного лишь малоизвестного баварского профессора. Каждому ясно, как пишет Неста Вебстер (Nesta Webster, «World Revolution»), что Вейсхаупт и его союзники не *создали,* а лишь способствовали приведению в действие грозной силы, дремавшей столетиями в ожидании своего часа.

Вейсхаупт основал Орден Иллюминатов первого мая 1776 года, будучи деканом юридического факультета Ингольштадтского университета (и в наше время профессора, тайные коммунисты, часто гнездятся на юридических факультетах). Воспитанник иезуитов, он возненавидел своих учителей, но усвоил тайны их организации, извратив их и направив на достижение совершенно противоположной цели. По словам его соучастника, будущего французского революционера, графа Мирабо, его метод заключался в том, что *«под единым руководством множество людей, разбросанных по всему миру, стремятся к единой цели».* Эта идея объединения самых различных людей с помощью конспиративной организации для достижения целей, остающихся им незнакомыми, пронизывает всю корреспонденцию и прочие документы иллюминатов, захваченные баварским правительством.

Указанная идея преподносится с завидным рвением, а многие способы для достижения успеха весьма изобретательны. Здесь несомненно используется веками накопленный опыт конспиративной деятельности; английский историк Неста Вебстер, в поисках первоисточников этой глубоко патологической и извращённой доктрины, вынуждена была обращаться всё дальше в прошлое, к началу христианской эры и ещё более ранним эпохам. Знаменитый французский ориенталист, барон Сильвестр де Саси (1758-1838), пишет, что измаилиты (подрывная секта внутри ислама в 8-ом столетии) также «старались найти сторонников повсеместно и во всех классах общества, пытаясь разрушить якобы исповедуемую ими религию и своё правительство; лидер измаилитов Абдулла ибн Маймун ставил себе целью „создать огромное тайное общество со многими степенями посвящения, объединив в нём т. н. свободомыслящих, видевших в религии только узду для простонародья, и всякого сорта изуверов и фанатиков“. По свидетельству другого исследователя этого вопроса, Рейнгарта Дози (Reinhart Dozy), „используя такие методы, ему (Абдулле Маймуну) удалось заставить множество людей разных взглядов совместно действовать для достижения целей, известных лишь немногим из них“. Это — точное описание целей, метолов и успехов, как Адама Вейсхаупта, так и современных коммунистов. Оно подтверждается множеством примеров из литературы каббалистов, гностиков и манихеев.

Подлинность документов Вейсхаупта не вызывала сомнений. Баварское правительство уже тогда предупредило возможный вопль о «фальсификации» (ставший особенно модным в нашем веке), пригласив всех желающих ознакомиться с документами Вейсхаупта в мюнхенском государственном архиве. Захваченная документация обнаружила, во-первых, цели ордена, во-вторых методы его работы и в-третьих его многочисленных членов, по крайней мере в сравнительно небольшом районе (главным образом в южно-германских государствах). Мы обсудим поочерёдно эти три вопроса.

Основная идея была с предельной ясностью сформулирована в переписке «Спартака» с его товарищами-заговорщиками, также скрытыми под различными псевдонимами: разрушение всей законной власти, национальности и религии, чем открывалась дорога к захвату власти новым правящим классом иллюминатов. Французский историк Анри Мартен (Henri Martin, 1810-1883) характеризует цели общества следующим образом: упразднение собственности, всех общественных установок, национальности и религии, с возвратом человечества к счастливому состоянию, когда оно было одной единой семьёй без искусственных потребностей и бесполезных наук, когда каждый отец семейства был священником и судьёй. Неизвестно, о какой религии идёт речь, ибо, несмотря на частые обращения к Богу Природы, всё свидетельствует о том, что у Вейсхаупта не было иного Бога кроме самой природы».

Это подтверждают и слова самого Вейсхаупта: «Монархии и нации исчезнут… единственным

законом для человека будет разум». Всякая идея божественной власти вне человека во всех писаниях Вейсхаупта полностью исключается.

Нападки на «князей и монархов» были лишь маскировкой войны против всего *национального* (что полностью подтвердилось впоследствии: в наше время, когда от царей и князей ничего не осталось, коммунисты, не делая никакого различия, уничтожают политиков и премьер-министров самого пролетарского происхождения). Целью же атаки на «попов» было, разумеется, уничтожение *всякой* религии вообще. Истинные цели явствуют из личной переписки Вейсхаупта с его ближайшими сотрудниками; ложные — внушались более мелким сообщникам и общественности в тех случаях, когда она узнавала что-то о действиях иллюминатов. Вейсхаупт прекрасно умел привлекать в свою организацию влиятельных людей, старавшихся показать свою «прогрессивность» или «либеральность», о чём свидетельствует немалое число принцев и духовных лиц в его тайных членских списках.

Лучшим примером успехов Вейсхаупта и его умения быстро приспосабливаться к условиям, являются его действия против религии. В те времена нападение на религию было предприятием гораздо более дерзким и необычным, чем в наш просвещённый век, в котором мы уже долго сожительствуем с коммунизмом; мы не видим уже ничего необычного в предложении, которое в эпоху Вейсхаупта должно было показаться невероятным: чтобы люди, дойдя до принятия идеи о Боге, могли сами, по собственно воле, повернуть вспять.

Первоначальной идеей Вейсхаупта было сделать огнепоклонство религией иллюминизма. Это однако вряд ли привлекло бы к нему сторонников из среды духовенства, и он нашёл лучшую приманку, на которую попались очень многие из них. Он стал утверждать, что у Иисуса Христа была «тайная доктрина», никогда не объявленная открыто, ко видимая при внимательном чтении Евангелия «между строк». Суть её якобы заключалась в том, чтобы отменить религию, поставив на её место разум: «когда наконец Разум станет религией всех людей, проблема будет решена». Перспектива войти в тайное общество, истинным основателем которого был сам Иисус Христос и следовать Его примеру, употребляя слова для сокрытия их смысла, показалась многий духовным лицам столь заманчивой, что они охотно бросились в раскрытые перед ними двери. В те времена они выглядели довольно странно; в наше время священнослужитель-коммунист стал привычной фигурой.

Втайне вожди иллюминизма потешались над ними. Главный сотрудник «Спартака», некий «Филон» (это был ганноверский барон Книгге) писал: «Итак мы скажем, что Иисус вовсе не собирался основывать новую религию, а лишь хотел восстановить естественную религию и разум в их древних правах. Для пояснения можно будет привести множество текстов из Библии, и таким образом все споры между сектами прекратятся, как только будет найдено разумное объяснение Христова учения, *будь оно правильно или нет…* Тогда эта публика увидит, что *только мы — истинные и настоящие христиане,* а после этого мы сможем сказать ещё больше против попов и князей; я устроил так, что после начальных испытаний можно было *посвящать* в *эту степень прелатов и королей.* В дальнейших, более высоких таинствах мы должны будем: (а) *раскрыть благочестивый обман и* (б) разоблачить во всех писаниях ложь всех религий и их связь между собой…»

«Спартак» был весьма доволен, отвечая: «Вы не можете себе представить, какую сенсацию вызывает наша священническая степень. Самое замечательное — то, что известные протестанты и богословы-реформаторы, примкнувшие к иллюминизму, всё ещё верят, что в его религиозных догмах живёт истинный дух христианства. О, человек, в чём только нельзя тебя убедить! Я никогда не думал, что стану основателем новой религии».

Убедив служителей церкви, что ересь — это вера, а антихрист — истинное христианство, Вейсхаупт добился больших успехов в Баварии. Его корреспонденция отмечает, что профессоров не-иллюминатов уволили из Ингольштадтского университета, что орден обеспечил священников-иллюминатов «хорошими доходами, приходами и должностями при дворе», что школы уже в руках иллюминатов и что скоро будет захвачена и духовная семинария для молодых священников, после чего «мы сможем обеспечить подходящими священниками всю Баварию».

Нападки Вейсхаупта на религию были отличительной чертой его доктрины. Его теория о «боге Разума» и «боге Природы» очень близки к иудаизму, в его отношениях к неевреям, что не лишено значения, поскольку иллюминизм позже стал коммунизмом, а коммунизм попал под еврейское руководство. В иудейском «законе» тоже говорится, что неевреям (которые, как таковые, исключены из будущего мирового еврейского царства) должна быть доступна только религия природы и разума, именно то, что учил Вейсхаупт. В воспоминаниях Моисея Мендельсона (Moses Mendelsohn, еврейский философ, 1729-1786), говорится: «Все наши раввины согласны в том, что писаные и устные законы, составляющие нашу религию, обязательны только *для нашей нации:* Моисей дал нам Закон, наследие

сынов Иакова. Мы верим, что Бог велел всем другим народам земли *следовать законам природы…* Кто следует в своей жизни указаниям *этой религии природы и разума,* считаются у других народов праведными людьми».

Моисей Мендельсон написал это почти двести лет тому назад, и он правильно определяет отношение иудаизма к тем, кого Киплинг как-то назвал «меньшими расами вне Закона». В наше время (1955) в еврействе уже обсуждаются возможности номинально приблизить «меньшие расы» к иудейству, в действительности исключая их навеки, как неполноценных. Мы помним, что в дохристианские времена прозелитов искали и принимали, но что с началом христианской эры евреи с враждебным упорством никакого обращения неевреев в иудаизм не допускали (с единственным исключением массового обращения в иудаизм монгольских хазар, от которых произошли современные нам ашкенази, т. е. восточные евреи). В Талмуде ясно говорится, что «прозелиты столь же отвратительны Израилю, как короста».

В 1955 году молодой раввин-реформист Яков Петуховский, родившийся в Германии, но живший в Америке, высказал мнение, что настало, время для иудеев начать миссионерскую работу среди неевреев. Его предложения строились на тех же принципах, которые были в своё время изложены Моисеем Мендельсоном; Петуховский лишь обошёл трудность, которая Мендельсону казалась непреодолимой («Следуя принципам моей религии, мне нельзя обращать в неё никого, кто не был рождён в нашем законе… Еврейская религия категорически этого не допускает»).

Фактически, по планам Петуховского, новообращённые неевреи оказались бы по отношению к природным евреям в том же положении, в каком были американские негры по отношению к своим белым владельцам на плантациях в эпоху рабовладения. От обращённых требовалось бы (вернее, им разрешалось бы) лишь подчиняться «Семи Ноевым Законам» (видимо, ссылка на девятую главу Бытия), а не сотням указаний и запрещений, которые Моисеев закон объявляет, как данные Богом. Таким путём «меньшие расы» получили бы из рук иудеев «религию природы и разума», которую ещё раньше считали подходящей для них как Адам Вейсхаупт, так и Моисей Мендельсон. Новообращённый мог бы называть себя «евреем» с тем же правом, с каким негр на плантации брал себе фамилию своего владельца.

Столь остроумные предложения можно объяснить тем, что в наше время власть евреев во всём мире настолько велика, что нужно как-то решить и проблему «меньших рас», дабы «Закон» мог получить своё буквальное «соблюдение». Как писал сам Петуховский: «Религиозные евреи верят, что планы Божьего Царства *на земле* переданы в их руки… Тех неевреев, которые помышляют об этом будущем великом спасении, следует познакомить с тем, что им может дать иудаизм, и нужно пригласить их доверить свои судьбы дому Израиля».

То, что здесь предлагается неевреям, фактически ничто иное, как «религия природы и разума», без понятия истинного Бога, существующего и доступного только для избранных. Из приведённого выше, сугубо авторитетного для евреев высказывания, в котором Мендельсон не отличается от Вейсхаупта. следует, что сам Бог исключил неевреев из числа призванных к Нему и лишь приказал им жить, следуя законам природы и разума. Другими словами, Вейсхаупт предписывал им ничто иное, как то, что было предназначено для них еврейским Богом. Если раввины-талмудисты и не были вдохновителями иллюминизма (прямых указаний на это мы обнаружить не можем), то тем не менее, легко объяснимо почему в будущем они стали играть в коммунистическом движении ведущую роль.

О целях ордена иллюминатов достаточно сказать, что они, без всяких изменений, являются целями сегодняшнего коммунизма. Что же касается методов, то для вербовки членов умело использовались самые низкие стороны человеческой натуры. Среди захваченных бумаг были обнаружены два пакета, особенно ужаснувшие общественное мнение того времени. В них содержались документы, утверждавшие право ордена на жизнь и смерть его членов, восхвалялся атеизм, описывалась машина для автоматического уничтожения секретных бумаг, давались указания, как производить аборты, подделывать печати, приготавливать ядовитые духи, тайные чернила и т. п. Опять таки, в наши дни оборудование коммунистических лабораторий знакомо всем, кто интересуется такими вопросами, но в 1787 году эти разоблачения произвели в католической Баварии впечатление взгляда, брошенного в преддверие ада.

В документах Вейсхаупта имелась схема, показывавшая, каким образом он осуществлял контроль над своей организацией. Она похожа на медовые соты, а в наше время таким же образом организована система «ячеек» коммунистической партии. Система явно создана весьма интеллигентным умом, и предполагает практический опыт многих столетий, ибо методы подобного рода познаются исключительно путём долгого процесса опытов, ошибок и новых опытов. При этой системе любая

неудача или провал могут иметь только локальный характер, основная же структура не страдает и повреждения легко исправимы. В случае, если немногие ячейки или связи окажутся разрушенными, их можно будет восстановить впоследствии, а тем временем вся организация продолжает свою работу, фактически не пострадав.

Вейсхаупт сидел в центре этой сети, держа все нити в своих руках. Над схемой было написано: «Нужно показать, как легко одной умной голове управлять сотнями и тысячами людей», а внизу он добавил: «непосредственно подо мной стоят двое, полностью вдохновлённых мной самим, а под каждым из них ещё двое, и так далее. Так я могу воспламенить и привести в движение тысячу людей, именно так нужно командовать и действовать в политике».

Только после опубликования иллюминатских материалов большинство членов общества впервые узнало, что Вейсхаупт стоял во главе его, поскольку он лично был известен только своим ближайшим сотрудникам. До того они знали только, что где то высоко над ними был «любимый вождь» или «большой брат», всезнающий и мудрый, добрый, но строгий, который при их помощи перестроит мир. Вейсхаупт действительно добился необычных успехов, в прошлом приписывавшихся Абдулле ибн Маймуну в Исламе: «ему удалось заставить множество людей разных взглядов совместно действовать для достижении целей, известных лишь немногим из них».

Тот факт, что каждый из обманутых знал только двух ближайших к нему простаков, сам по себе ещё не мог бы привести к таким результатам. Как могли иллюминаты *держать* всех этих людей в подчинении? Вейсхаупт либо сам открыл секрет этого, либо он получил его от более высокой инстанции: мировая революции до сегодняшнего дня спаивает своих сторонников в единую силу с помощью террора.

Все иллюминаты присваивали себе вымышленные имена, под которыми они сотрудничали или переписывались друг с другом. Эта практика «партийных кличек» продолжается по сей день, а члены коммунистического правительства, захватившего власть в России в 1917 году, впервые в истории стали известны миру под вымышленными именами, под которыми их знает потомство и до сих пор. Разоблачения 1945-55 гг. в Америке, Англии, Канаде и Австралии показали, что коммунистические агенты, проникшие в правительства этих стран, пользовались кличками совершенно так, как это в своё время делали Вейсхаупт и его сторонники.

Его организация состояла из нескольких степеней или кругов, во внешние из которых входили вновь принятые члены и мелкая сошка. Продвижение по степеням сопровождалось постепенным посвящением в тайны ордена. Вейсхаупт предпочитал вербовать членов среди молодёжи наиболее восприимчивого возраста, от 15 до 30 лет (то же практикуется и в наши дни: Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт, Уиттакер Чамберс, Дональд Маклин, Гай Бургесс и многие другие были пойманы в сети в студенческие годы в американских и английских университетах). По мере роста вербовки или проникновения в особые группы общества, прибавлялись новые степени или ранги. Выше было описано, как происходила вербовка духовенства, а если коммунисты и сегодня ещё оперируют лозунгом, что самым первым коммунистом был Иисус Христос, то они всего лишь копируют Вейсхаупта, поставив «коммунист» вместо «иллюминат». Приглашение потенциальному новому члену давалось в различной форме, в зависимости от обстоятельств.

Молодые люди, вербовавшиеся в заговорщики, должны были приносить клятву по нарочито устрашающей церемонии, включавшей издевательство над христианским таинством причастия. От них требовалось завести дело на своих родителей, с перечислением их «главных страстей», им же вменялось в обязанность шпионить друг за другом. Оба правила присущи современным компартиям и, видимо, берут начало ещё в «Моисеевом Законе», в котором также требовалось доносить на родственников, подозреваемых в ереси, а необходимость держать «шпионов над шпионами» была включена в список «законов и предписаний».

Молодому иллюминату внушалось, что он никогда не будет знать сколько незнакомых ему начальников следят за ним, ему были известны одни только непосредственные руководители; его учили доносить на всех окружавших его, и он считал, что они в свою очередь, доносят на него. Таков основной принцип управления путём террора, для полного успеха которого недостаточно одних только убийств, пыток и тюрем; только сознание, что нельзя доверять никому даже отцу, сыну или другу, приводит жертву к полному подчинению. Со времён Вейсхаупта этот тайный террор водворился в политической практике Европы. Кто не испытал его на собственном опыте, может почувствовать его власть даже за тысячи километров от центра, прочтя описание Уиттакером Чамберсом, как ему приходилось скрываться после того, как он порвал со своими коммунистическими начальниками.

Что же касается состава Ордена Иллюминатов, то найденные бумаги показали, что после

десятилетнего существования он насчитывал несколько тысяч членов, многие из которых занимали важные посты в правительственном аппарате и могли влиять на решения правителей и их правительств. Мало того, *в их числе были даже сами правители.* Современник и исследователь иллюминизма, маркиз де Люше, пишет, что около тридцати правивших и не правивших князей и принцев, не раздумывая, вступили в орден, вожди которого дали клятву уничтожить их. В их числе были: герцоги Брауншвейгский, Готский и Саксен-Веймарский, принцы Гессенский и Саксен-Готский, курфюрст Майнцкий, далее Меттерних, известный воспитатель Песталоцци, послы, политики, профессора.

В орден вошёл также и будущий великий писатель, создавший 20 лет спустя повесть о юноше, продавшем душу дьяволу: читая «Фауста», трудно отказаться от мысли, что это повесть о самом Гёте и иллюминизме; тема, по сути, аналогична с книгой «Свидетель» и многими другими, написанными уже в наше время людьми, порвавшими с коммунизмом.

Как уже было упомянуто, списки членов были далеко неполными, поскольку иллюминаты приняли меры предосторожности ещё до того, как баварские власти в 1786 г. нагрянули с обыском в дома главных сотрудников Вейсхаупта. По той же причине захваченные документы обнаружили только часть территории, на которую распространился иллюминизм; схема самого Вейсхаупта показывала такую структуру организации, что ни один провал не мог раскрыть и разрушить более, чем незначительную её часть. Вполне возможно, что и сам Вейсхаупт был всего лишь руководителем одной только группы или района, в то время, как высший директорат этого явно всемирного революционного заговора остался необнаруженным.

Не подлежит сомнению, что, хотя в документах иллюминатов не было найдено имён или иных указаний на их работу во Франции, революция, начавшаяся там три гола спустя, превратилась в открытое нападение на государство и религию совершенно в согласии с планами Вейсхаупта и его сотрудников. С того времени и до сих пор бесчисленные писатели на службе мировой революции, имя которым легион, не перестают отрицать какую бы то ни было связь между иллюминизмом и французской революцией; не находя лучших аргументов, они оперируют наивным доводом, что поскольку тайное общество было запрещено в 1786 году, то никакой роли в 1789 году оно играть не могло.

Как в наше время коммунизм далеко не исчезает от принятия нового закона, объявляющего его нелегальным, так и в 1786 году «запрещённый» иллюминизм не перестал существовать. Его агенты придали французской революции типичные черты, обличающие её, как творение мировой революции, а вовсе не протест недовольного своим положением французского народа. Действия эпохи террора невозможно было представить себе до того, как они были совершены, но они задолго до того существовали в представлениях иллюминатов. Кто ещё мог задумать и организовать публичную процессию, во главе которой осёл нёс по улицам Парижа священные сосуды, употребляемые при причастии? Они сами были вскормлены древней традицией издевательств над христианством, и принимали своих членов в церемонии, пародировавшей христианские таинства. В чьей голове, кроме Вейсхаупта и ему подобных, могла родиться мысль короновать в Соборе Парижской Богоматери артистку в качестве богини разума?

«Чтобы вызвать духов ада,.. необходимо… осквернить таинства религии, растоптав её самые священные символы»: этими словами А. Е. Уэйт характеризует формулу чёрной магии, а чёрная магия и сатанизм были составными частями иллюминатского варева.

Вейсхаупт и его доверенные, а вероятно и его высшие начальники, намеревались проникнуть во Францию через посредство своих агентов, тайных иллюминатов, занимавших высокие посты. В наше время мы видим, каких успехов можно достигнуть этим методом: исход Второй мировой войны и состояние вооружённого перемирия, в котором она оставила весь мир, были результатом деятельности людей вроде Хисса и Уайта, и тех высокопоставленных лиц, которые их покрывали. Вейсхаупт избрал наилучший путь, чтобы забрать в свои руки управление французскими событиями: он сумел использовать другую мощную тайную организацию, проникнув в неё и захватив её методами, описанными в его документах. Этой организацией было масонство т. н. Великого Востока.

Как план захвата контроля над масонством с помощью иллюминатских агентов, так и достигнутые этим путём успехи ясно описаны в документах Вейсхаупта. Сначала он писал: «Мне удалось глубоко проникнуть в секреты масонства; я знаю их цели и включу их, когда будет нужно, в статуты одной из наших высших степеней». На следующем этапе он дал общий приказ своим «Ареопагитам» становиться членами масонских лож. «Тогда у нас будут собственные масонские ложи,.. и мы будем смотреть на них, как на питомник,.. а когда потребуется, будем *скрываться* за ними» (т. е. за масонами).

Этот метод действовать *под прикрытием* другой организации широко применяется в наше время

коммунистами. Вейсхаупт продолжает: «Если только цель достигнута, то не играет роли, под каким прикрытием она достигается; *прикрытие* всегда необходимо. Значительная часть нашей силы — именно в скрытности. Поэтому мы должны всегда *прятаться* под вывеской какой-либо другой организации. В настоящее время для наших высоких целей удобнее всего окутать себя плащом масонских лож… укрывшееся таким образом общество неуязвимо… в случае измены или преследования *его главари не могут быть обнаружены* непроницаемая тьма *укроет* нас от шпионов и эмиссаров всех других обществ».

И здесь методы современного нам коммунизма нетрудно узнать в этих словах; они применяются для «захвата» партий, ассоциаций и обществ наших дней без того, чтобы на вывеске было изменено хотя бы одно слово. Масштабы успехов, достигнутых Вейсхауптом, лучше всего видны из жалобы герцога Брауншвейгского, гроссмейстера германского масонства, бывшего также членом Ордена Иллюминатов, через пять лет после начала французской революции. Распуская в 1794 году масонскую ложу он писал, со смешанным чувством горечи и удивления: «…Мы видим как наша постройка (то есть масонство) рассыпается, покрывая землю своими осколками; мы видим *разрушение,* и наши руки бессильны остановить его… Восстала мощная *секта,* которая, под лозунгами добра и человеческого счастья, творит тёмные дела и превращает счастье людей в свою добычу. Эта секта известна всем; известны как её братья, так и её имя. Это они подкопали основание нашего Ордена до полного разрушения; это они отравили всё человечество и на несколько поколений направили его судьбы на ложный путь… они начали с опорочивания религии… и план подрыва всех общественных связей и *разрушения всякого порядка* виден в их словах и действиях… они вербуют сторонников во всех слоях общества; они *обманули самых проницательных людей, скрывая ложью свои истинные намерения…* их вожди хотят ни много, ни мало, как воссесть на тронах земли, после чего правительства народов будут действовать по указке их ночных собраний. Вот что было сделано и *что продолжается сейчас.* Но мы видим, что князья и народ не сознают, как и какими средствами творятся такие дела. Поэтому мы должны сказать им со всей откровенностью: злоупотребление нашим Орденом (масонством)… привело к тем политическим и моральным бедствиям, которыми полон сегодняшний мир. Вы, посвящённые, должны присоединиться к нам и, возвысив свои голоса, показать народам и монархам, что *заговорщики, отступники от нашего Ордена, они одни были и будут авторами этой и будущих революций…* чтобы вырвать корни злоупотребления и ошибок, мы должны немедленно распустит весь наш Орден»

Приводя эту цитату, мы забежали на 5 лет вперёд от описываемых событий, чтобы показать, как один из ведущих масонов того поколения, раскаявшись в своих заблуждениях, указал на иллюминатов, как на творцов французской и всех *будущих* революций. Кто мог авторитетнее, чем гроссмейстер германского масонства, засвидетельствовать успех признанных самим Вейсхауптом намерений захватить масонство изнутри и использовать агентов иллюминизма в масонстве для руководства революцией?

Под этим вошедшим в него влиянием масонство, обладавшее во Франции большой силой, пошло самым крайним курсом, создав якобинские клубы; эти же, опять-таки под влиянием иллюминизма, осуществляли власть террора в эпоху, когда замаскированные вожди революции показали свою истинную натуру. Как и русская революция 130 лет спустя, французская революция особенно ясно показала, что бедных и беззащитных она ненавидит ещё больше, чем богатых, крестьян Вандеи больше, чем их мнимых угнетателей, всю красоту, все церкви и религию, всё возвышающее душу человека над уровнем животных потребностей.

Сам Адам Вейсхаупт стал масоном в 1777 году, через год после основания Ордена Иллюминатов, и был принят в Мюнхенскую ложу. Граф Мирабо, один из будущих вождей французской революции, был посвящён как в желание Вейсхаупта стать масоном, так и в тайные причины его, как это видно из той части его «Мемуаров», датированной 1776 годом, где излагается программа, идентичная с иллюминатской; в своей «Истории прусской монархии» Мирабо пишет, упоминая Вейсхаупта и иллюминатов: «В ложе Теодора Доброго Совета в Мюнхене было несколько братьев с умом и сердцем, уставший от бесконечных колебаний, ложных обещаний и споров масонства. Руководство решило *привить к своей ветви другую тайную ассоциацию, дав ей имя Ордена Иллюминатов. Они создали её по образцу Ордена Иезуитов, хотя их намерения были диаметрально противоположны».*

Это — совершенно те же намерения и методы, которые Вейсхаупт излагает в своей собственной корреспонденции, из чего явствует, что будущий революционный вождь Мирабо уже в то время, то есть в 1776 году, был осведомлён о них. Более того, записи Мирабо доказывают, что тайное общество, иллюминатов было создано специально, чтобы захватить контроль над масонством и затем организовать революцию и руководить ей. На то, что Мирабо принимал участие в этом предприятии с

самого начала, указывает факт, что записях от 1776 года. (год основания Ордена Иллюминатов) он обозначается иллюминатским псевдонимом Архесиласа; из этого можно заключить, что он был основателем общества вместе с Адамом Вейсхауптом и оставался впоследствии одним из его руководителей. Роль Мирабо, как связующего звена между Вейсхауптом и французской революцией, невозможно игнорировать. Издатель его «Мемуаров», М. Барту (Barthou), отмечает, что обнаруженный в бумагах Мирабо «план реформ» 1776 года «в некоторых своих частях очень близко напоминает то, что было позже принято Законодательным Собранием» (революционный парижский парламент 1789 года). Другими словами, деятельность Законодательного Собрания близко сходится с планами Вейсхаупта 1776 года, когда он вместе с Мирабо организовывал иллюминатов, намереваясь захватить контроль над масонством. Последующие стадии тайного захвата масонства Вейсхауптом также известны. На всемирном масонском конгрессе 1782 года, за 7 лет до революции, в Вильгельмсбаде (где одним из русских делегатов был граф Строганов — *прим. перев.*) иллюминаты завербовали столько новых сторонников, что Орден Строгого Соблюдения, до того один из сильнейших в масонстве, перестал существовать. Путь к полной победе над масонством был обеспечен переходом в лагерь иллюминатов двух наиболее влиятельных германских масонов: герцога Фердинанда Брауншвейгского (позже раскаявшегося, см. выше) и принца Карла Гессенского.

В 1785 году иллюминатские делегаты принимали участие в другом масонском конгрессе в Париже, и с этого момента детальное планирование революции стало, по всем данным, делом Ложи Объединённых Друзей, служившей «ширмой» для иллюминатов. Здесь следы теряются в результате разоблачения деятельности иллюминатов в Баварии, запрещения их ордена в последующем 1786 году и уничтожения компрометирующих документов. Как бы то ни было, но *в 1787 году* те же иллюминатские делегаты посетили Париж по приглашению тайного комитета ложи.

Тот факт, что революция была спровоцирована иллюминатами и руководилась ими, был известен и стал достоянием гласности даже ещё до полного развития революционных событии. Уже в обвинениях и предупреждениях маркиза де Люше (Luchet) мы видим сегодня поразительно точное предсказание не только того, как будет развиваться революция во Франции, но и будущего пути *мировой* революции, вплоть до наших дней. В 1789 году он писал: «Знайте, что существует заговор деспотии против свободы, бездарности против таланта, порока против добродетели, невежества против просвещения… цель этого тайного общества — власть над всем *миром…* его цель — мировое господство… никогда ещё подобное бедствие не поражало наш мир».

Де Люше точно описал роль, которую заставят играть монарха во время жирондистской фазы революции («вы увидите, что он будет слугой страстей всех окружающих его, что он будет наделять властью недостойных, вопреки собственному суждению, позоря этим самого себя») и то плачевное состояние, в которое революция приведёт Францию («Мы не говорим, что страна, которой правят иллюминаты, перестанет существовать, но она достигнет такой степени унижения, что в политике с ней не будут больше считаться, и что её население сократится»). Если его предостережения останутся без внимания, писал де Люше, то наступит «целая серия бедствий, конец которых теряется во мгле времён… Будет вечно тлеть подземный огонь, периодически вырываясь наружу в гибельных и разрушительных взрывах».

Трудно точнее описать события последующих 165 лет, чем это сделал предвидевший их де Люше. Он предвидел также и «либеральных», и «прогрессивных» покровителей революции, по вине которых будут происходить «гибельные и разрушительные взрывы» этих полутора столетий: «Слишком много страстей заинтересовано в поддержке системы иллюминатов, слишком много заблуждающихся правителей воображают себя просвещёнными, на деле ведя свои народы в бездну». Он предвидел рост силы и хватки заговора: «Вожди ордена никогда не откажутся ни от достигнутой ими власти, ни от богатств в их распоряжении». Де Люше призывал масонов очистить свой дом, пока ещё есть время: «Неужели невозможно направить самих масонов против иллюминатов, показав им, что в то время, как они трудятся над сохранением гармонии и порядка в обществе, другие повсюду сеют семена раздора и готовят окончательное разрушение их ордена». 165 лет спустя в Англии и Америке многие, в тех же словах и столь же безуспешно, призывали свои правительства очистить государственные учреждения от иллюминатов, которые к тому времени стали называться коммунистами.

Насколько ясно де Люше предвидел будущее, видно из того, что он писал свои слова в 1789 году, когда французская революция ещё не была настоящей революцией; все думали, что дело закончится умеренными, оздоровительными реформами, которые оставят монарху разумную меру власти, устранят явные злоупотребления и навеки обеспечат счастливой и возрождённой Франции справедливость и свободу! Этому всё ещё верили и в 1790 году, когда другой провидец, на этот раз по другую сторону

Ла-Манша, понял истинный характер и сущность революции и, по словам его биографа, Джона Морлея, писавшего более, чем 100 лет спустя, «со сверхъестественной точностью предсказал „развитие событий“. Это был Эдмунд Бёрк (Edmund Burke, 1729-1797), английский политик и философ ирландского происхождения, один из величайших ораторов, когда-либо выступавших в британском парламенте. Время — лучший судья достоинств такого человека, и с течением времени его критические слова по адресу французской революции звучат всё более благородно. Замечательно, что, как и Люше, он писал в 1790 году, когда имена Робеспьера и Дантона были едва известны, когда никто ещё не слыхал слова „республика“, король готовился к долгим годам конституционного правления, а вся Франция радостно приветствовала достигнутые мирным путём улучшения. Над этой счастливой сценой вдруг мрачной тенью нависла рука Бёрка, пророчески предсказывавшего близкую гибель. Его биограф пишет: „Неудивительно, что, когда разразилась буря и осуществились грозные предсказания, люди обратились к Бёрку, как в древности они обращались к Агитофету, испрашивая совета у оракула Бога“. К сожалению, это не вполне соответствовало действительности, и когда его предсказания начали сбываться, то очень многие обратились не к нему, но против него, *именно потому, что он говорил правду,* насколько уже в то время и пресса, и общественное мнение были под контролем заговорщиков, видно яснее всего из того, как похвалы по его адресу вдруг превратились в клеветнические нападки, не успел Бёрк опубликовать свои «Размышления» о французской революции (Edmund Burke, «Reflection on the Revolution in France», 1790). Как иллюминаты, так и все направляемые ими «либерально-прогрессивные» органы и деятели, рассчитывали на Бёрка, как на своего союзника, после того как десятилетием раньше он выступил в защиту американских колонистов. Теперь они яростно вопрошали, как он мог поддерживать одну революцию и нападать на другую, и против Бёрка ополчились все, подобно тому, как в наши дни объединённая одним руководством печать ополчается на каждого, кто требует расследования коммунистических махинаций в правительстве.

Если бы Бёрк следовал «прогрессивной» линии и писал бы, что французская революция поможет «простым людям», восхваления его продолжались бы, но ни одно из его слов не пережило бы своего автора и он давно был бы забыт всеми. Теперь же, его вдохновенные обличительные слова по адресу революции продолжают блистать чистым золотом: «Всё исчезло: и чувство принципиальности, и целомудрие чести, для которой малейшее пятно было глубокой раной… Век рыцарства миновал, сменившись веком болтунов, экономистов и бухгалтеров; слава Европы потухла навеки».

Эти слова были вдохновенным пророчеством (а в наши годы они ещё более верны, чем в 1790 г.), и христианская Европа нашла а Эдмунде Бёрке красноречивого и благородного плакальщика. Он прекрасно понимал истинный смысл событий во Франции, и ясно видел разницу между «революциями». Он не был обманут тем, что кто-то привесил ярлык «революции» колониальной войне местных плантаторов за независимость. Как истинный друг свободы, он поддерживал претензии колонистов на самоуправление и их желание быть хозяевами в собственном доме. Но он не видел ни малейшего сходства между их мотивами и целями тех людей, которые, оставаясь в тени, руководили революцией во Франции. Протянув свою руку обвинителя, Эдмунд Бёрк столь же мало обращал внимания на упрёки «либералов» и «прогрессивных», как ранее на их лесть и похвалы (он знал, что менее всего они были вызваны действительными симпатиями по адресу купцов из Новой Англии и плантаторов американского Юга).

В Америке в это время общественное мнение обманывалось событиями во Франции, став жертвой смешения понятий, на что указывал Бёрк. Господствовало мнение, что во Франции происходит ещё одна благодетельная революция, в общем похожая на «американскую революцию». Некоторое время царило истерическое увлечение всем французским, когда американцы носили кокарды и якобинские колпаки, танцевали, веселились и маршировали под скрещёнными французскими и американскими флагами, вопя «свобода, равенство и братство». С началом террора в Париже на смену этой иллюзий пришли отвращение и ужас.

Якобинские вожди, руководившие режимом террора, носили, подобно «Спартаку»-Вейсхаупту античные псевдонимы: Шомет был Анаксагором, Клотц (его считали прусским бароном) был Анархарсисом, Дантон — Горацием, Лакруа — Публиколой и Ронсен — Сцеволой. Эти террористы, придя на смену французской «керенщине», добросовестно следовали планам иллюминатов, а убийством короля и осквернением церквей они дали выражение двум их главным целям: уничтожению законной власти и религии. Но и они были явно орудием в чужих руках. Их современник Ломбар де Лангр Lombar de Langres) писал о совершенно тайной группе, которая руководила всеми событиями после 31-го мая, тёмной и жуткой силе, рабом которой был Конвент и которая *состояла из посвящённых иллюминизма. Эта сила стояла выше Робеспьера и правительственных комитетов…* Она присвоила

себе все богатства нации и распределяла их между своими собратьями и друзьями, помогавшими в её работе». Такова картина людей на вершине власти, выполнявших волю скрытой, но явно всем верховодившей *секты,* сообщающая всей революции характер дьявольской кукольной комедии, разыгранной на фоне красных языков пламени и запаха серы. *Это была революция как таковая, а вовсе* не *французская* революция; можно ещё было спорить о характере английской революции, но после 1789 года мы имеем дело лишь с *единой,* непрерывной революцией. События 1848, 1905 и всех прочих лет были не разрозненными эпизодами, а повторными вспышками того «вечно тлеющего подземного огня», который де Люше и Бёрк предвидели ещё до самих событий. Историческая ценность анналов французской революции заключается в том, что они показали, как можно использовать людей для целей, о которых им самим ничего не известно.

Именно это определяет, в прошлом и в настоящем, типично сатанинский характер революции, то что Ломбар де Лангр называл её «адским шифром».

Когда революция уже шла на убыль, во Франции, Англии и Америке выдвинулись три человека, которым были ясны три вещи: что весь ход революции следовал плану, обнаруженному в материалах иллюминатов в 1787 году; что тайное общество оказалось способным, используя масонство, вызвать революцию и управлять ею; и что это тайное общество заговорщиков, с его планом непрерывной мировой революции, выжило и готовит дальнейшие «насильственные и губительные взрывы», предсказанные де Люше. Этими людьми были: аббат Баррюэль, иезуит и очевидец революции; профессор Джон Робисон, шотландский учёный, в течение двадцати лет бывший генеральным секретарём Эдинбургского Королевского Общества; и Джедедия Морс, американский священник и географ. Все трое были выдающимися людьми: книги аббата Баррюэля и профессора Робисона, как и опубликованные проповеди Морса (1791-98 гг.) выдержали много изданий и до сих пор служат необходимы пособием для всех, изучающих этот период. Их труды привлекли широкое внимании; получив также поддержку со стороны филадельфийской «Поркупиновой Газеты» Вильяма Коббетта (William Cobbett, 1763-1835, писал под псевдонимом Peter Porcupine), талантливого журналиста, анти-якобинца и анти-демократа, вынужденного к эмиграции теми же тёмными силами, которые яростно ополчились против Баррюэля, Робисона и Морса.

Суждения аббата Баррюэля о современных ему событиях полностью совпадают с более ранним пророчеством де Люше и значительно более поздним анализом лорда Актона; Баррюэль писал: «Мы покажет читателю, что, не исключая и самых ужасных преступлений, совершённых во время французской революции, всё было *заранее обдумано, предвидено и предрешено.* Что они были результатом глубоко злодейских планов, подготовленных и осуществлённых людьми, державшими в руках ключи к интригам и заговорам, замышляя их в потаённых убежищах… Хотя и мог показаться, что ежедневные события не были связаны друг с другом, но тем не менее за каждым из них действовала единая тайная сила, направлявшая их к давно задуманной цели… истинная причина революции, её характерные черты, её жестокие преступления — всё это непрерывная цепь глубоко задуманного, *преднамеренного* злодейства».

Все три пришли к одинаковым выводам: «Это — заговор против христианства… заговор не только против королей, а против любой власти, против всего общества и даже против всякой собственности» (аббат Баррюэль); «Было создано общество, поставившее своей исключительной целью искоренить все религиозные установления и свергнуто всё существующие правительства в Европе» (Робисон); «Исключительной целью является искоренение и уничтожение христианства и свержение всех гражданских властей» (Морс). Все трое современных революции наблюдателей были согласны в том, что происшедшее не было ограниченным французским, эпизодом, вызванным местными французскими условиями, а делом организации с постоянным, всеобщим планом, *всемирным планом.* Они также не сомневались в том, что этой организацией было тайное общество иллюминатов, что именно оно вдохновляло террористическую фазу революции и руководило ей, и что это общество сохранилось, став мощной силой также в Англии и в Соединённых Штатах, что особенно подчёркивалось Баррюэлем.

Выводы трудов этих трёх людей были поддержаны ведущими общественными деятелями того времени, а дальнейший ход событий настолько подтвердил их, особенно в наш век, что исторически неоспорим факт распознания всемирной революции и её будущего развития в момент её второго проявления в Европе. Их попытки отвратить наступившие впоследствии в результате заговора катастрофы оказались тщетными, и именно это придаёт их судьбе особенный интерес.

Она подтвердила яснее, чем всё ими написанное, действительное существование и силу тайного общества, ведущего непрерывную разрушительную деятельность во всех странах. На Баррюэля, Робисона и Морса полились потоки клеветы, в конце концов задушившие их. В те времена печать была

ещё в начальной стадии своего развития, а газеты, как правило, принадлежали одному человеку, одновременно бывшему их издателем и редактором. Захватить контроль над значительной частью прессы в то время было, поэтому, много труднее, чем теперь. Организованное наступление, предпринятое со всех сторон на этих трёх людей, как только они обличили иллюминатов, как зачинщиков французской революции, продолжавших действовать и далее, показывает, что уже в 1797 г. иллюминизм контролировал газетное дело в Америке и Англии.

Это было пожалуй самым неожиданным открытием, сделанным нами при собирании материалов для этой книги. Автор этих строк также очень скоро почувствовал, что вся печать стоит под контролем, и что любой автор, пишущий о мировой революции в духе Эдмунда Бёрка, найдёт все пути к публикации своих трудов закрытыми. О том же свидетельствует и английская писательница-историк Неста Вебстер (Nesta Webster). Когда в начале 20-х годов она приступила к описанию революции, известный лондонский издатель предупредил её: «Помните, что как только Вы займёте анти-революционную позицию, весь литературный мир окажется против Вас». Она пишет, что сначала это удивило её, но что очень скоро она на личном опыте убедилась в правоте издателя, и совершенно таким же было и убеждение автора этой книги. Правда, по началу он думал, что таково было положение, создавшееся в 30-х годах нашего века, но лишь до тех пор, пока не начал знакомиться с историей Баррюэля, Робисона и Морса; тут он увидел, что «весь литературный мир» дружно, как один человек, обрушился на них уже в 1798 году, когда якобинский террор только что закончился. Ничто не могло показать яснее, что от иллюминизма 1789 года к сегодняшнему коммунизму ведёт одна прямая «линия; *та же* организация преследует те же цели, теми же методами и даже под теми же *лозунгами.*

Последнее также было характерной чертой наступления на упомянутых трёх писателей, занявших «анти-революционную позицию». Не успели их труды привлечь всеобщее внимание, как началась газетная кампания, почти во всех случаях анонимная, и в тех же выражениях, которыми в аналогичных случаях пользуются и сегодня. Всех трёх обвинили в «охоте на ведьм», в том что они «фанатики и паникёры», что они преследуют «свободу мнений» и «свободу науки», искажают «либеральную» и «прогрессивную» мысль, и так далее. После этого нападки перешли к клевете и непристойным инсинуациям, и в них можно было найти формулировки, целиком повторявшиеся в наши дни в газетной кампании 1947…49 годов против Джеймса Форрестола, военного министра Соединённых Штатов; их обвиняли в безнравственности в частной жизни, в сомнительных финансовых предприятиях, а под конец появились также хорошо известные в наше время предположения, что они просто «сумасшедшие». Последнее явно считается особо сильным средством в клевете, и неизменно применяется в кульминационной стадии кампании против любого анти-коммуниста. Трудно не заметить, что первоисточником именно этого метода является Талмуд, первым применивший его против Иисуса Христа: в статье о Христе в «Еврейской Энциклопедии» читателя отсылают к труду еврейского писателя, который «не сомневается в том, что в основе поведения и высказываний Иисуса Христа явно лежали ненормальные психические процессы».

Короче говоря, уже в кампании против Баррюэля, Робисона и Морса применялся тот же, довольно ограниченный политический словарь, который в наше время легко опознать, как язык революции и её агентов, и затасканная неизменность которого служит лишним доказательством его происхождения из одного организационного центра. Эта кампания была настолько успешной, что все их предостережения, как и предостережения Бёрка, оказались широкой публикой забытыми. Секретная шайка однако продолжала Дрожать перед ними, а поскольку она боится правды, как чёрт ладана, клевета и поношения продолжались и после того, как все трое давно уже приказали долго жить. Не далее, как 1918 году. Колумбийский университет в штате Нью-Йорк выделил значительные фонды на поиски исторических доказательств того, что Орден Иллюминатов, будучи запрещён в 1786 году, прекратил своё существование и потому не мог играть никакой роли во французской революции, как не мог и действовать после неё. В опубликованных материалах этих исследований все упомянутые выше эпитеты и инсинуации против трёх авторов применялись, как если бы покойные по сей день занимались своей «охотой на ведьм».

В упомянутом 1918 году русская революция ещё только начиналась, и по-видимому важно было показать, что французская революция была ограниченным местным эпизодом, не оставившим никаких корней, тем более таких, из которых могла бы выроста резолюция в России. Если бы Баррюэль, Робисон и Морс могли откуда-либо наблюдать за происходящим, они без сомнения заметили бы, что в 1918 году, как и в последующие годы Колумбийский университет оказался для коммунистов очень подходящим полем для вербовки новых членов. Среди молодых неудачников, попавших в их сети, был упомянутый нами Уиттакер Чамберс; его позднее раскаяние и предостережения, будь они услышаны

президентом Рузвельтом в 1939 году, могли бы изменить к лучшему ход второй мировой войны и всего нашего столетия.

Два первых президента Американской республики, хотя и не предпринимали активных мер против тайного общества, были тем не менее глубоко обеспокоены его деятельностью, хорошо понимая, что Баррюэль, Робисон и Морс говорили правду. Одним из последних дел Джорджа Вашингтона было письмо к Морсу с выражением надежды, что его труд получит «…более широкое распространение… так как он содержит важные сведения, очень мало известные за *пределами узкого круга людей,* в то время как широкое ознакомление общества с изложенным было бы очень полезно». (Надо думать, что генерал Вашингтон не предложил бы Уиттакеру Чамберсу «утопиться в озере»). Незадолго до того Вашингтон писал другому корреспонденту, что он абсолютно убеждён в «широком распространении доктрины иллюминизма и якобинских принципов в Соединённых Штатах».

В этом действительно не могло быть сомнений. Тайные общества появились в Соединённых Штатах в 1793 году, т. е. уже через десять лет после рождения заокеанской республики, скрываясь под названием «демократических клубов»» Чем они были в действительности, было ясно из отношения к ним французского посланника Жене (Genet); он проявлял к ним столь же открытую симпатию, какую в наше время советские послы демонстрируют по отношению к коммунистическим организациям, точнее, к тем организациям, которые служат ширмой коммунизма (связи между советскими посольствами и революционными партиями стран, где они были аккредитованы, получили полное документальное подтверждение во время расследований в Канаде в 1945…46 гг. и в Австралии в 1954…55 годах). В 1794 году президент Вашингтон обвинил эти якобы «сами собой возникшие» общества в подстрекательстве к восстанию в Пенсильвании в связи с обложением спиртного дополнительным налогом. Авторитет Вашингтона был слишком высок, чтобы его можно было обвинить в «охоте за ведьмами», и клубам пришлось скрыться в своих норах, но с этого момента существование в Америке всемирной революционной организации стало ясно каждому, кто не поддавался «промыванию мозгов» на страницах печати.

Роль масонского Великого Востока, проникнутого иллюминизмом, во французской революции привела к подозрениям и в отношении американского масонства, однако свободному обсуждению вопроса мешало то, что сам Вашингтон был главой американского масонского братства. Защитники масонства не уставали всячески подчёркивать этот факт и устроили на похоронах Вашингтона в 1799 г. большой масонский парад, чтобы продемонстрировать своё «братство» с умершим героем. Из уважения к ею памяти, но отнюдь не из-за отсутствия общественного интереса к вопросу, всякие прения прекратились, но, по крайней мере, два видных масона того времени, Амос Стоддард и о. Сет Пайсон, подобно герцогу Брауншвейгскому в Европе, открыто заявили, что иллюминаты проникли в американское масонство и действуют под его вывеской. Преемник Вашингтона, президент Джон Адамс, обратился в 1798 г. к масонству с серьёзным предупреждением: «…масонское общество постигло науку управления, искусство господства над обществом, известные только им и никому другому из законодателей и философов в мире; я имею в виду не только, что они умеют опознавать друг друга по условным знакам к жестам, непонятным для посторонних, но и их удивительную систему, заставляющую всех мужчин, а вероятно и женщин, строго хранить тайны общества. Если это искусство найдёт применение для отказа от общепринятых норм общественного поведения и введения в них политики и неподчинения правительству, при дальнейшем сохранении тайны, то совершенно ясно, что эти знания и *такие общества могут быть использованы для всех злых целей, которые уже давно подозревались».*

После этого открытого упрёка, только смерть Вашингтона в последующем году смогла задержать общественные требования полного расследования деятельности тайных обществ, и его противники, как это часто бывает, воспользовались этим предлогом, чтобы отвести внимание в сторону. Подозрения, однако, не затухали в течение последующих трёх десятилетий, приведя к возникновению в 1827 г. т. н. «антимасонской партии», которая на своём съезде в штате Массачусетс в 1829 г. заявила: «Налицо доказательства тесной связи между высшими ложами масонства и французским иллюминизмом». Это однако была последняя общественная попытка добиться публичного расследования, а уже следующий съезд той же партии в Вермонте в 1830 году сформулировал свою позицию в словах, ставших обычными в нашем столетии: «…по непонятным причинам требования расследования скоро угасли; печать оказалась столь же немой, как голос задушенного часового, а народная масса в полном неведении того, что прозвучали сигналы тревоги по вопросам, касавшимся масонства».

Другими словами, требования расследования оказались подавленными, как они заглушаются и в наше время воплями об «охоте на ведьм» и т. п. С той поры и до наших дней американскому народу не

удалось заставить ни одно правительство США провести полное расследование масонства; а проникновение его агентов во все правительственные учреждения продолжалось с полной силой, результаты чего частично были разоблачены в 1948 г. и позже. Положение в Англии было совершенно аналогичным.

Мы несколько забежали вперёд, описывая беспокойство в общественном мнении Америки по поводу масонства, вплоть до подавления этих настроений (анти-масонская партия фактически прекратила своё существование в 1840 году). Теперь мы вернёмся к непосредственным последствиям французской революции и к её влиянию на судьбы всего остального мира. Как показывает «Собрание трудов» президента Адамса, он был полностью осведомлён о существовании *всемирного,* непрестанно действующего заговора против законной власти и религии. Его ошибкой, объяснимой в то время, было считать всё это чисто *французским* заговором, как и в наше время, но уже без всякого оправдания, говорится о *русском* коммунизме, хотя международный характер русской революции давно уже очевиден и по этому вопросу нет никаких сомнений.

Закон президента Адамса о подрывной деятельности, изданный в 1798 г., имел целью оградить американскую республику от потрясений в будущем, но время показало, что никакие законы против тайных обществ и заговоров (хотя их необходимость очевидна, для установления *противозаконности* подобной деятельности) не в состоянии эффективно их обезвредить, главным образом потому, что тайная организация обладает, опытом многих столетий в деле обхода и нарушения таких законов. Единственным действительным средством против тайного заговорщичества является судебное расследование, открытое обличение и обвинение; однако, именно этого ещё никогда не удавалось полностью провести.

Доверенный президента Вашингтона, Александр Гамильтон, был тем американским общественным деятелем, который яснее всего предвидел, в какие формы выльется будущее. Среди его бумаг сохранилась памятная записка, примерно 1797-1800 годов, а которой он писал:

> «…наша эра — одна из самых необычайных в истории человечества. В течение долгого времени постепенно распространялись взгляды, подрывавшие основы религии, морали и общества. Первые удары были направлены на откровение христианства, взамен которого людям преподносилась „религия природы“. Само существование Божества ставилось под сомнение, а иногда и просто отрицалось. Долг благочестия высмеивался, преходящая природа человека возвеличивалась, а все его надежды привязывались к короткому периоду его земной жизни. Смерть была объявлена вечным сном, догмат бессмертия души — обманом, придуманным чтобы мучить живых на благо мёртвым… В конечном итоге, было основано общество апостолов анти-религии и их учеников. Религия и правительство были заклеймены, как злоупотребления… Практическое применение этой порочной системы мы видели во Франции. Она была механизмом для подрыва всех древних учреждений Франции, как гражданских, так и религиозных, со всем тем, что ограничивало и смягчало суровость власти. Франция была брошена в водоворот целой серии страшных потрясений, уничтожавших собственность и искусства, разрушавших города, опустошавших и обезлюдивавших целые провинции; они окрашивали землю Франции кровью и затопляли страну преступлениями, нищетой и несчастьями… Одно время казалось, что эта чудовищная система угрожает *существованию всего цивилизованного общества и ведёт человечество к полному хаосу.* И хотя явное зло, бывшее первым и единственным её плодом, несколько замедлило её развитие, приходится опасаться, что *яд распространился слишком широко и проник слишком глубоко, чтобы его можно было вырвать с корнем.* Действие этой системы смогло быть приостановлено, но все *её элементы сохранились, готовя новые взрывы в подходящий момент. Нужно больше всего опасаться, что человечество ещё далеко от конца своих несчастий, которые продолжают систематически подготовляться, предвещая потрясения, революции, резню, опустошение и нищету. Симптомы грандиозного преобладания этих сил* в *Соединённых Штатах очевидны и вызывают тревогу.* Под их влиянием нашу страну пытались заставить выступить на стороне Франции в начальном периоде настоящей войны; спровоцировать наше правительство чтобы оно способствовало успеху её гнусных принципов ценой жизни и достояния наших граждан. Под их влиянием каждая последующая революция одобрялась или оправдывалась; совершённые зверства прощались или преуменьшались; и даже последняя узурпация власти, столь противоречащая официальным принципам революции, была принята с удовлетворением, а сфабрикованная ей деспотическая конституция лицемерно выставлена, как образец, достойный нашего подражания. С распространением этой системы бесчестие и неверие продвигались гигантскими шагами. Чудовищные преступления, дотоле неизвестные, появились среди нас…»

Нам, людям XX века, так хорошо знакомы предвиденные здесь результаты, что мы едва можем себе представить, какой ум требовался в 1790 г., чтобы предугадать их столь ясно! Де Люше, писавший до эпохи террора («Серия бедствий, конец которых теряется во мгле времён… вечно тлеющий подземный огонь, периодически вырываясь наружу в бурных и разрушительных взрывах») и Александр Гамильтон, писавший после него («их элементы сохранились, готовя новые взрывы в подходящий момент… Человечество ещё далеко от конца своих несчастий… потрясения, революции, резня, опустошение и нищета…»), оба они абсолютно точно и ясно предсказали облик нашего столетия. Однако практические результаты всего этого предвидения, в смысле предостережения, были равны нулю. «Всё последующее, хотя в этом не было ни малейшей нужды, обрушилось на нас точно так, как они предсказывали, а с ними и Бёрк, Баррюэль, Робисон и Морс; подобно лунатику, Европа ступала на все заложенные против неё мины, одну за другой. Анти-революционных пророков зашикали и замолчали; революционные горлодёры и писаки овладели сценой и были встречены аплодисментами.

Наполеоновские войны помогли отвлечь общественное внимание от заговора и его организации. Через десять лет после французской революции все забыли и о материалах иллюминатов и о самой революции; народы либо поверили, что тайные общества действительно приказали долго жить или не играли в революции никакой роли, -либо же потеряли всякий интерес к этому вопросу. Через двадцать лет после революции иллюминаты были активнее, чем когда-либо. Ничто не изменилось кроме того, что сторонники революционной секты в Англии и Америке, используя свою власть над печатным словом, сумели обманом успокоить общественное мнение и оклеветать всех, кто предупреждал об опасности.

Последние данные об иллюминатах сравнительно недавнего происхождения; они стали известны благодаря трудам английской писательницы-историка Несты Вебстер. Она нашла их в архивах наполеоновской полиции, ставших теперь доступными для историков. Из них явствует, что через два десятилетия после революции, накануне падения самого Наполеона, Орден Иллюминатов был жив и действовал весьма активно, преследуя свои неизменные цели.

Франсуа Шарль де Беркхейм был начальником полиции в занятом французами Майнце, будучи в то же время масоном. В 1810 году он сообщал, что иллюминаты имели своих посвящённых во всех странах Европы и усердно старались внедрить свои принципы в масонские ложи: «Иллюминизм становится грандиозной силой. От него жестоко пострадают и короли, и народы, если предвидение и благоразумие не сломают эту страшную машину». Более позднее донесение 1814 года полностью подтверждает утверждения Баррюэля, Робисона и Морса в 1797-99 гг. о продолжении деятельности тайных обществ:

> «Старейшей и наиболее опасной ассоциацией является та, которая обычно известна под именем иллюминатов и была основана в середине прошлого столетия… Доктрина иллюминизма стремится ниспровергнуть все виды монархии; основная догма секты — неограниченная свобода и абсолютное уравнение всех и всего; цель всех её усилий — разорвать все связи монарха с народом его страны». Через двадцать лет после публичного раскаяния герцога Брауншвейгского, Беркхейм писал, что «среди главных руководителей есть люди. выдающиеся по своему богатству, благородству рождения и почётному положению в обществе». По его мнению, некоторые из них «*не были* простыми марионетками демагогических мечтаний», но «надеялись, что разжигая народные страсти, они смогут захватить в свои руки бразды правления, или во всяком случае приумножить свои богатства; однако большинство сторонников секты с религиозным рвением слепо верят всему».

Картина, изображённая этими словами (очень похожая на то, что писал де Люше за двадцать пять лет до того) хорошо знакома, вернее, должна быть знакома нашему поколению, когда мы вновь так часто видим, что жажда власти толкает богатых или известных людей на сотрудничество с политическими движениями, казалось бы столь враждебными их богатству или положению; эти люди уверены, что с их помощью они станут ещё богаче и влиятельнее.

Беркхейм далее описывает организацию и методы иллюминатов, что точно воспроизводит картину, обнаруженную в переписке Вейсхаупта 1786 года, и что в то же время могло бы быть точной копией коммунистических методов нашего столетия.

Приводимый ниже отрывок из донесения французского начальника полиции описывает столь типичных политиков нашего столетия, что любой внимательный исследователь наших дней мог бы легко распознать их и назвать по именам; и, однако, всё это было написано в 1813 году: «Поскольку

главная сила иллюминатов заключается в обработке общественного мнения, они с самого начала стремились привлечь в свою организацию людей, которые в силу своей профессии призваны оказывать прямое влияние на умы, как например литераторов, учёных и, прежде всего, профессоров университетов. Профессора со своих кафедр, а писатели в своих произведениях, проповедуют принципы этой секты, маскируя яд, который они распространяют в тысячах самых разнообразных форм. Эти микробы, часто не распознаваемые для глаза простых людей, затем развиваются далее, адептами секты в их обществах, в которые они вхожи, и самая туманная болтовня таким путём вдалбливается в наименее толковые головы. *Именно в университетах иллюминаты всегда находили и всегда будут находить самых многочисленных последователей. Профессора, принадлежащие к тайному обществу, прежде всего изучают характер своих учеников.* Студент со смелым умом и пылким воображением немедленно делается объектом их внимания и обработки; они не перестают трубить ему о «тирании», «деспотизме», «правах человека» и т. п. Прежде, чем он успеет освоить смысл этих слов, по мере его подрастания его снабжают подобранными для него книгами, организуют интересные собеседования, всячески развивая зародыш, заложенный в молодом мозгу. Вскоре его воображение охватывается брожением… Наконец, когда он уже полностью захвачен, а несколько лет испытаний гарантируют его полную преданность Обществу и умение хранить его тайны, ему внушают, что миллионы людей во всех странах Европы разделяют его чувства и надежды, что тайные нити связывают всех рассеянных членов в одну огромную семью, и что реформы, которых он жаждет, рано или поздно должны быть осуществлены. Успех этой пропаганды облегчается наличием студенческих объединений, где молодёжь встречается для литературных занятий, фехтования, игр или даже просто для попоек. Иллюминаты пролезают вовсе эти круги, используя их, как рассадник своих идей. Таким путём это Общество смогло непрерывно расти, с самого своего зарождения и до нашего времени; микробы яда с юности вносятся в высшие классы общества, студентам внушаются идеи, диаметрально противоположные тому порядку вещей, с которым они столкнутся в жизни, разрываются все связи с монархией, и этими методами иллюминаты вербуют наибольшее число новых сторонников».

Так иллюминизм выжил и расцвёл в темноте после того, как его «адепты», засевшие в издательствах, университетских кафедрах и на амвонах сумели задушить все общественные попытки к его уничтожению. С тех времён, в продолжение пяти поколений, продолжалось одно и то же: известное число людей с положением и известное число молодых людей в университетах в каждом поколении продолжали заманиваться в эту сеть. Единственной контрмерой, которая смогла бы приструнить старших и открыть глаза неопытным младший, могла быть широкая общественная информация о мировой революции и её методах; однако из поколения в поколение именно это не допускалось, так что правящая секта смогла сохранить своё влияние и власть. Может быть только одно объяснение упорному отказу правительств, от поколения к поколению, от судебного расследования и разоблачения деятельности секты, а именно то, что в наши дни, как и в век Вейсхаупта, её «адепты» сами сидят в правительствах; наше столетие являет тому достаточно примеров.

Какова была судьба самого Вейсхаупта через 20 с лишним лет после разоблачения и запрета Ордена? В 1808 году он наводил справки об одном из масонских обрядов, что дошло до сведения маркиза де Шефдебьена, влиятельного члена ложи Великого Востока, писавшего затем своему другу о происхождении из иллюминизма людей «разжигавших восстания, разрушение и убийства». Ко времени смерти Вейсхаупта в 1830 году, его Орден был вероятно сильнее, чем когда-либо раньше, однако вскоре он сменил своё название; та же организация, с теми же целями, стала называться в 1840-х годах коммунистической. Эта история будет изложена в последующих главах, а сейчас наша повесть расстанется с Адамом Вейсхауптом, имя которого останется навеки связанным с появлением мировой революции, как непрерывной идеи и цели, распространяемой постоянно действующей организацией тайных заговорщиков во всех странах мира, и не имеющей ничего общего с борьбой против угнетения или несправедливости, которые она в действительности собирается лишь ещё более усилить и увековечить. Кто бы ни были вдохновители Вейсхаупта и источник его глубокого знания человеческих слабостей, но, как пишет Неста Вебстер, «он сосредоточил в своих руках нити всех заговоров, сумев сплести из них грандиозный план разрушения Франции и всего мира». В его армии люди всех классов и самых различных мнений спаивались воедино узами бесчестия, по-видимому не уступавшими а своей прочности узам верности и чести: «Превосходная система водонепроницаемых ячеек не позволяла подчинённым Вейсхаупта видеть эти различия, и все они — сознательно или нет — маршировали к одной цели».

Если раньше существовало много разных ручейков недовольства, то Вейсхаупт соединил их всех в один поток. С ним и иллюминизмом «смутные тенденции разрушения стали действенной революцией»;

был создан генеральный штаб, разработан план военных действий и поставлены ясные цели. Сейчас, почти двести лет спустя, вывод из всего этого ясен: либо всеразрушающая *мировая* революция победит христианство и Европу, обратив их в руины, либо она должна быть разбита и уничтожена. В настоящее время не может быть ни третьего решения, ни компромиссного пути, ни иного окончания того конфликта, который был разоблачён в 1786 году. Как ведущие государственные деятели, так и сами приверженцы секты, видели это с самого начала. Кардинал Диллон немногими словами описал в 1875 г. неопровержимый факт: «Если бы не было Вейсхаупта, масонство вероятно утратило боевою силу в результате естественной реакции на французскую революцию. Вейсхаупт придал масонству форму и свойства, позволившие ему пережить эту реакцию, *зарядившие его новой энергией до сегодняшнего дня, и которые будут толкать его вперёд, пока последнее сражение с христианством не решит вопроса, кто будет в конечном итоге править землёй: Христос или Сатана».*

Настоящий труд посвящён «еврейскому вопросу», как важнейшему мировому вопросу нашего времени; однако эта глава (хотя и самая длинная) о мировой революции не упоминает ни еврейского вопроса, ни даже евреев: Причина этому то, что хотя через 50 лет после французской революции иудейство явно руководило мировой революцией, но подстрекательство евреев в её французской фазе не могло быть доказано. Остаётся открытой возможность, что мировая революция не была еврейским мероприятием с самого начала, но что руководящая секта лишь впоследствии забрала фирму в свои руки. Ни то, ни другое не может в настоящий момент быть бесспорно доказано; заметание же всех следов является, как известно, первым правилом революционной тактики. По-видимому евреи не играли либо никакой, либо не играли руководящей роли в главном заговоре (Вейсхаупта и иллюминатов), во французской же революции их доля была пропорциональна их численности, как и доля других её участников. В первом случае, как пишет Неста Вебстер, ведущий авторитет в этих вопросах, «похоже, что евреи только в редких случаях допускались в Орден». Леопольд Энгель, довольно таинственный субъект, реорганизовавший Орден в 1880 году идёт дальше, утверждая будто бы приём евреев был вообще *запрещён.* С другой стороны, Мирабо — сам ведущий иллюминат и революционер — всегда поддерживал полностью все еврейские претензии и требования; ограничение открытого появления евреев в Ордене могло быть поэтому маскировкой, соблюдать которую Вейсхаупт считал чрезвычайно важным.

Лучшие знатоки вопроса того времени были согласны между собой в том, что иллюминаты являлись зачинщиками революции и что они происходили из всех стран Европы. Шевалье де Мале писал: «Зачинщики революции не в большей степени французы, чем немцы, итальянцы, англичане и т. д. Они составляют особую нацию, родившуюся и выросшую в темноте, посреди культурных народов, целью которой является подавление этих народов и господство над ними». Такое же впечатление создаётся и у любого современного исследователя из всей литературы о французской революции; ничего похожего, однако, нельзя сказать о русской революции 1917 года, являющей совершенно иную картину.

В *самой* французской революции (в отличие от имевшего место ранее заговора) евреи, по всей видимости, были «сеятелями раздора», как их называл уже Коран, не будучи непосредственными руководителями. Часто бывает трудно различить евреев, как таковых, в материалах того времени, поскольку составители их не отделяли их от прочих. Мало того, революция в её французской фазе *выглядела,* как направленная против *всех* религий и *всего* национального (к её русской фазе это опять-таки не относится). Когда парижские храмы предавались «Культу Разума» и чернь несла в революционную ассамблею кресты и священные чаши, евреи принимали в этом участие наравне с другими, принося из синагог свои святыни и выставляя их на посмешище. Некий гражданин, «воспитанный в предрассудках еврейской веры», доказывал в «Храме Свободы», что «все виды богослужений — обман, равно унизительный для человека». Еврей Александр Ламберт счёл нужным публично выступить против талмудского рабства: «Вероломство, граждане, в котором французы обвиняют еврейский народ, исходит не от нас, а от наших священнослужителей. Их религия разрешает им брать со своих единоверцев за занятые деньги только пять процентов, но велит требовать с католиков, как можно больше; в нашей утренней молитве почитается обычаем просить Бога помочь нам нажиться за счёт христианина. И это ещё не всё, граждане, самое отвратительное вот что: если в коммерческой сделке между евреями была допущена ошибка, то еврей обязан возместить убыток своему единоверцу, но если чужой переплатил луидоров на сто, то еврей не должен их ему возвращать. Какая мерзость! Какой ужас! *И от кого исходит всё это, как не от раввинов?* Из-за кого нас подвергли ограничениям? Из-за наших попов! О, граждане, больше всего в мире мы должны отвергать религию, которая… заставляя нас вести скучную рабскую жизнь, мешает нам стать хорошими гражданами».

Подчёркнутая нами часть этой цитаты напомнит читателю, что когда Ламберт говорил это, только начался раввинский период еврейской истории. До раздела Польши в 1772 году всегда существовал видимый центр, управлявший еврейством. Вначале это были левиты в Иерусалиме и Вавилоне; в римский период фарисеи были главенствующей политической партией и фактическим правительством: после падения Иерусалима и рассеяния таковым стало талмудистское «кочующее правительство» в Палестине, Вавилоне, Испании и Польше. Когда в 1772 году оно скрылось от взоров, начался «раввинский» период, в котором еврейскими общинами управляли раввины. Среди них были, разумеется, люди разных характеров и разной степени приверженности к своей вере, от самых крайних до наиболее терпимых; однако, как показало наше столетие, большинство из них, как и во всё более ранние периоды еврейской истории, следовали букве иудейского «Закона», который, с точки зрения не-евреев, представляет собой экстремизм в самой крайней его степени.

Если иногда, в описаниях самых порочных действий революции, евреи обозначаются, *как таковые,* а не просто как участники событий, то этой информацией мы обязаны отнюдь не обвинителям с христианской стороны, а чаще всего бахвальству самих евреев. Например такой писатель, как Леон Кан (Leon Kahn) всеми силами старается показать активное еврейское участие в борьбе против короля и Церкви, — и это через сто лет после изображаемых им событий. Это — типичный пример, часто встречающийся в иудейской литературе, стараний доказать, что *все* подобные события могут происходить в мире только по воле Иеговы, другими словами, по воле евреев. Леон Кан был явно не состоянии представить себе французскую революцию иначе, как в терминах Даниила и Валтасара. Если бы не русская революция, то о нём можно было бы и забыть; но именно в наши дни эти описания исторических событий принимают особо правдоподобный вид.

После французской революции еврейское руководство сумело обернуть создавшуюся ситуацию в свою пользу, что, разумеется, было его правом. Однако в свете дальнейших событий представляется существенным, что выгадали от всего этого, главным образом, «восточные евреи», т. е. не-семиты, обращённые в иудаизм, сумевшие именно в этот период пробить первую брешь в стенах Европы.

Большинство евреев во Франции были сефарды, потомки испанских и португальских евреев, имевших некоторые, хотя и весьма слабые, традиции, связывавшие их с Палестиной. Все ограничения, которым ещё были подвержены эти еврейские поселенцы, были устранены декретом 1790 года, давшим им все права французских граждан. Тем временем, в Эльзасе образовалась община евреев-ашкенази, восточно-европейского происхождения. Местное население не терпело этих выходцев из России, и предложение уравнять их в правах с французами вызвало бурные прения в революционной Ассамблея и крестьянское восстание в Эльзасе. Вновь прозвучали предостерегающие голоса, много раз слышанные на Западе, и аббат Мори (Maury) обращался к депутатам о словами: «Евреи просуществовали семнадцать столетий, не смешиваясь с другими народами, …их не должно преследовать, их нужно защищать как отдельных лиц, но не как французов, так как они не могут быть нашими гражданами, …Чтобы мы ни делали, они всегда останутся чужестранцами в нашей среде». Епископ из Нанси добавил, выступая «Им нужно обеспечить защиту, безопасность и свободу; но как можно принять в свою семью племя, которое ей чуждо, которое непрестанно думает о собственной земле и стремится покинуть страну, в которой оно живёт? Эти возражения делаются в интересах самих евреев».

Протестовали также и евреи-сефарды: «Мы полагаем, что наше положение во Франции не стало бы предметом дискуссии, если бы евреи Эльзаса и Лотарингии не начали предъявлять собственных требований, что приводит к путанице понятий и отражается на нас… Судя по официальным данным, это весьма необычный народ, претендующий на то, чтобы жить во Франции на особом положении, иметь собственные законы и составлять класс граждан, обособленный от всех остальных».

Этот *еврейский* протест (постоянно повторявшийся в течение многих веков, вплоть до наших дней, но всегда игнорировавшийся нееврейскими правителями) оказался столь же тщетным, как и протест парижских купцов за 30 лет до того против допущения евреев в их корпорации: «Каждый французский коммерсант ведёт свои дела в одиночку, каждая фирма до известной степени изолирована, в то время, как евреи, подобно капелькам ртути, при малейшей возможности сливаются в единую массу».

Несмотря на всю оппозицию, в 1791 году был проведён закон об эмансипации евреев в Эльзасе. К моменту прихода к власти Наполеона еврейский вопрос стал проблемой первостепенного значения, а после его неудачной попытки её разрешить, она превратилась в мировую проблему.

С этого времени правящая секта всеми силами стремилась умалить авторитет евреев-сефардов и возвысить значение компактной массы восточных евреев-ашкенази, которые начали массами переселяться в западную Европу, а затем и в Америку; руководство мировой революцией перешло в их

руки, началось наступление на законные правительства, религию и национальности.

Французская революция была первой фазой мировой революции, и она как бы открыла дверь или прорвала плотину, проложив дорогу этому наступлению. По началу, об отношении евреев к революции можно было только сказать, что они участвовали в ней наравне с другими, но выгадали от неё значительно больше. Последующие события показали всё это в ином свете, обнаружив не просто участие евреев в революции, но их *управление* ею.

В течение полувека после обнаружения иллюминатских планов мировой революции и её взрыва во Франции, исторические судьбы еврейства и мировой революции перестают быть самостоятельными явлениями; они сливаются друг с другом в единый процесс. Продолжающийся заговор и «евреи» (в смысле правящей ими секты) превращаются в единое целое, и их нельзя больше рассматривать в отдельности. С середины девятнадцатого столетия мировой революцией руководят евреи: каково бы ни было положение раньше, теперь революция перешла целиком в их руки.

Следующим авторитетным свидетелем по этому вопросу (как до него де Люше, Александр Гамильтон и Эдмунд Бёрк), чьи слова оказались полностью подтверждёнными последующими событиями, был глава британского правительства, премьер-министр Вениамин Дизраэли (1804—1881).

Глава 21
Предостережения Дизраэли

Вениамин Дизраэли, будущий лорд Биконсфилд, неоднократно предостерегал христианский мир против мировой революции. Как и де Люше, Александр Гамильтон и Эдмунд Бёрк за полвека до него, он видел, что существует «план» революции. Лорд Актон говорил, полвека спустя, только о её анонимных «руководителях»; в отличие от него, Дизраэли недвусмысленно определил евреев, как её организаторов. Столетие, прошедшее со времени наиболее ясного из его предостережений, доказало его правоту; каковы бы ни были её истоки, организованная мировая революция руководилась в середине 19-го столетия евреями и продолжала руководиться ими по крайней мере до 1920-х годов. По мнению автора этих строк, это продолжается и по сей день, в своём наиболее полном выражении.

Каким образом секта талмудистов захватила руководство революционной организацией, созданной Вейсхауптом, и стояла ли она во главе революционного предприятия с самого начала, — ответить на эти два вопроса в настоящее время невозможно.

Идея еврейского господства над миром стечение долгих столетий внушалась Талмудом и ещё больше Каббалой. [8] Если когда-нибудь «святой народ» действительно закабалит «язычников», то это станет возможным исключительно при помощи подрывной организации, подобной созданной Вейсхауптом; то, что Вейсхаупт основал «иллюминатов» именно в тот момент, когда еврейский центр в Польше, непрерывно действовавший более двух тысяч лет подряд, скрылся из глаз, трудно посчитать простым совпадением. Однако возможно также, что господствующая еврейская секта, во исполнение велений Талмуда, захватила руководство подрывной организацией, созданной неевреями для иных целей.

Дизраэли высказал два своих наиболее значительных предостережения до и после революционных взрывов, потрясших в 1848 году страны Европы. Они были организованы по опыту французской революции, за полвека до того, будучи вторым по счёту из тех «взрывов, организованных в соответствии с подходящими условиями», предсказанных де Люше и Александром Гамильтоном, над которыми трудилась организация мировой революции. Попытки переворотов закончились повсюду неудачей, вероятно потому, что воспоминание о французской революции были ещё слишком свежи в памяти правительств и народов, побудив их к решительным действиям. Однако, несмотря на подавление революции, Дизраэли не питал иллюзий относительно будущего. Происшедшее было описано им задолго до того, как оно произошло; после самих событий он предсказал продолжение заговора и их повторение.

Дизраэли был автором нескольких романов (кстати, гораздо более успешным, чем два его позднейших имитатора, «полковник» Хауз из Техаса, негласный советник президента Вильсона, и

[8] Согласно Еврейской Энциклопедии, Каббала (устное предание, в отличие от писаного закона Торы) разрослась после 13-го века в обширную литературу, параллельно к Талмуду и в оппозиции к нему. Знание Каббалы доверялось лишь немногим посвящённым. Однако, английский историк Неста Вебстер цитирует другое место из Еврейской Энциклопедии, где говорится, что «в действительности, Каббала не стоит в оппозиции к Талмуду» (прим. автора).

молодой Уинстон Черчилль), в которых он изображал самого себя, как холодного, обходительного, всезнающего и слегка насмешливого импресарио человеческих судеб. В романе «Конингсби» он — главное действующее лицо под именем Сидонии, испанско-мусульманского еврея, финансового заправилы, стоящего за кулисами политики, бесстрастного дельца-манипулятора, которому «помогала его полная свобода от всяких предрассудков, это особое преимущество всех безродных людей». В 1846 году (год опубликования «Конингсби») автор заявил устами Сидонии: «Эта мощная революция, подготовляемая в настоящий момент в Германии и… о которой в Англии пока так мало известно, *развивается полностью под руководством евреев».*

После потрясений 1848 года Дизраэли вернулся к этому вопросу, выступая в 1852 году в Палате Общин, где он заявил: «Влияние евреев может быть установлено в последнем взрыве принципа разрушения в Европе. Здесь имеет место мятеж против традиции и аристократии, против религии и собственности. Равенство всех и отмена собственности провозглашаются *тайными обществами,* создающими временные правительства, а *во главе всех их стоят люди еврейской росы».* (Трудно не видеть, что то же повторилось и в России в 1917 году, т. е. через 70 лет послереволюционных взрывов 1848 года).

Дизраэли добавил: «В союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоёв Европы». По словам Дизраэли, целью всех этих людей было уничтожение христианства. Изучение вопросов, затронутых в этой книге, весьма нелегко и не сулит больших наград, но знакомство с Дизраэли служит немалым утешением. В ходе нашего путешествия в прошедших веках, читатель уже смог встретить нескольких настоящих пророков, среди множества ложных, однако он не увидит равного Вениамину Дизраэли, который, освободившись от цепей Талмуда, приобрёл упомянутую им «полную свободу от всяких предрассудков». Замечательно и само его имя; он как бы принадлежал к тем израильским пророкам, которые в своё время обличали Иудею. Он гордился своим происхождением, но несмотря на это, любил Англию сильнее, чем многие из природных англичан. Чтение его иронических описаний общественных событий и человеческих дел особенно освежает в наши дни, когда политики чураются правды больше, чем чёрт ладана.

Для Дизраэли не представляло сомнений, что, «миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами», и это было открытым указанием на то, что настоящее управление осуществляется скрытыми от взоров руками. Всем осведомлённым людям хорошо известно, что дело обстоит именно так, однако любой американский президент или британский премьер-министр немедленно назовут подобную констатацию факта «охотой на ведьм». Устами своего героя Сидонии он заявил: «Мне кажется, что нет более глупой ошибки, чем представление, будто революции вызываются экономическими причинами». Так думал Дизраэли, но в наше время Ллойд-Джорджи, Вильсоны, Рузвельты и Труманы делают вид, будто революции во Франции, России и в других странах были стихийными восстаниями возмущённого «народа» против «тиранов».

Дизраэли несомненно руководствовался велениями христианского учения, а не только был крещёным евреем. Он никогда не допустил бы, чтобы его имя или имя его страны оказались связанными с ветхозаветной местью Нюрнберга; в 1857 году, после мятежа в Индии, когда в стране разгоралась жажда мести, он заявил следующее: «Без малейшего колебания я покорнейше выражаю моё неодобрение тем высокопоставленным лицам, которые считают, что Англия должна ответить на мятеж местью, а не правосудием… Я протестую против того, чтобы на жестокости отвечать жестокостями. В последнее время мне довелось слышать и читать вещи, заставляющие подозревать, что религиозные воззрения английского народа испытали весьма неожиданную перемену и что, вместо поклонения Христу, мы *намерены восстановить поклонение Молоху. Я* не могу согласиться с потворствованием подобным настроениям».

Намёки в этих словах касаются евреев и неевреев. Талмудистский иудаизм действительно ничто иное, как «поклонение Молоху», и Дизраэли знал это, выбирая свои слова. Причиной разногласий между древним Израилем и левитской Иудеей был именно культ этого ложного бога, и Израиль отвергнул Иудею именно из-за этого; в этом корни извечного спора о Сионе, как 3000 лет тому назад, так и сейчас. Они видны в двух важнейших выдержках из Ветхого Завета: пророк Иеремия говорит, что Господь никогда не повелевал детям Израиля «предавать сыновей своих и дочерей огню в честь Молоха… чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту мерзость, вводя в грех Иуду»; Иезекииль же отвечает, будто Бог *дал* Израилю эти «нехорошие установления», требуя приносить в жертву перворождённых. Бог любви и милосердия или бог ненависти, мести и человеческих жертвоприношений? В этом суть спора с самого начала и до настоящего времени, и жил

бы Дизраэли на сто лет позже, христианский мир, возможно, был бы избавлен этим отпрыском еврейства от участия в позоре Нюрнберга с его талмудистской местью. Столь же трудно представить себе, чтобы Дизраэли мог предоставить себя, свои пост и силу своей страны для поддержки мировой революции, как это делали правители Англии и Америки в первую и вторую мировую войну; всю свою жизнь он предостерегал свой народ именно от того разрушительного заговора, которому так охотно служили эти последние.

Некий лорд Самуэль (по началу просто Герберт Самуэль, пролезший через министерские посты в дворянство в расцвет либерализма) с гордостью заявил в 1955 году, что он первый еврей на посту английского министра. Это был намёк на переход Дизраэли в христианство; можно, однако, сказать, что наш XX век был бы многим лучше, если бы в нём было больше таких Дизраэли. До сего времени, при чтении его выступлений по прошествии столетия поражают правдивость его слов, точность его предсказаний, его громадные прирождённые и приобретённые знания, его глубокая, хотя и беспристрастная любовь к Англии, и его чисто христианское милосердие. Где дело касалось фактов, он неизменно оказывался прав. Он глубоко презирал «либералов», но выражал своё мнение изысканно вежливыми словами («детоубийство практикуется в Англии столь же широко и легально, как и на берегах Ганга, что до сих пор явно ускользнуло от внимания Общества Распространения Евангелия»). По мнению автора этих строк, Дизраэли ошибался только в одном, считая, что учение Христа было завершением иудаизма, а не его отвержением. Несомненным представляется обратное, а именно, что иудаизм был той ересью («почитание Молоха»), которую Дизраэли считал отвратительной и которую Христос пришёл уничтожить.

Дизраэли был одновременно продуктом как сефардского еврейства, так и Англии тех дней; только благодаря влиянию обоих факторов он смог достигнуть своей «полной свободы от всех предрассудков». Его отец, Исаак д'Израэли писал: «Нельзя терпеть религию, допускающую нетерпимость, если налицо опасность её влияния в политике». Британская Энциклопедия объясняет его уход из синагоги убеждением, что жестокие законы талмудистского иудаизма «…отрезают евреев от великой семьи всего человечества». Биограф его сына, Хескет Пирсон (Hesketh Pearson), пишет, что Исаак д'Израэли был оштрафован старейшинами еврейской общины на 40 фунтов стерлингов за отказ быть избранным её председателем и заявление, что он не будет участвовать в еврейских богослужениях, «т. к. они происходят сейчас в форме, которая нарушает религиозные чувства вместо того, чтобы возвышать их». Дизраэли-отец вряд ли осмелился бы бросить старейшинам подобный вызов, если бы он жил в талмудистской общине России или Польши; там он был бы объявлен вне закона и поплатился бы жизнью.

Так и отец, и сын (перешедший в англиканство в возрасте 12-ти лет) восприняли свободный дух Англии того времени. Вениамин Дизраэли добился полной эмансипации евреев в Англии с отменой последних, ещё существовавших ограничений их прав, что не помешало ему констатировать впоследствии, что (в результате именно этой эмансипации) евреи повсюду берут в свои руки руководство мировой революцией. Для человека, «полностью свободного от предрассудков», борьба против ограничения евреев в правах и честное признание результатов этой борьбы, были в равной степени долгом, несмотря на то. что эти результаты оправдывали предостережения противников эмансипации, за которую он боролся.

Прежде, чем закончить рассказ о предостережениях Дизраэли, нужно описать как развивались события мировой революции в его время, в течение столетия, последовавшего за революцией во Франции. Когда в 1830 году умер Вейсхаупт, оставив после себя план и организацию революции, впервые разоблачённые в 1786 году по документам иллюминатов, Дизраэли было 26 лёт. Последующие 50 лет истории были заполнены борьбой за наследство Вейсхаупта между его преемниками; в этот период времени Дизраэли неоднократно предупреждал мир о нарастающей опасности. К концу этого пятидесятилетия руководство мировой революцией оказалось полностью в еврейских руках, и она приобрела характерные черты восточных евреев, монгольских хазар и их талмудистских раввинов.

Исход борьбы мог бы быть и иным, поскольку не было недостатка в других претендентах на наследство Вейсхаупта, из которых многие не были евреями. Единой революционной организации ещё (по-видимому) не существовало. В различных странах действовали тайные общества, не объединённые между собой. Главным из них. ведущим своё происхождение непосредственно от иллюминатов Вейсхаупта, была масонская ложа Alta Vendita в Италии; её документы, захваченные и опубликованные папскими властями в Ватикане, раскрыли единство её целей и методов с целями и методами иллюминатов за полвека до того. Всё это убедительно показала английский историк Неста Вебстер (Nesta Webster, см. библиографию) на основании трудов французского исследователя Кретино-Жоли

(Cretineau-Jouly).

Во Франции, как и прежде, силы революции также скрывались в масонских ложах, а в Германии действовал масонский «Союз Добродетели» (Tugendbund) под руководством помощников Вейсхаупта.

Вожди революции старались слить эти национальные движения воедино и возглавить их, в качестве наследников Адама Вейсхаупта. Среди них были француз Луи Блан (Louis Blanc, читатель должен запомнить это имя, важное для будущего; одно время казалось, что Луи Блан сыграет роль Ленина ещё до рождения последнего), русский Михаил Бакунин и немецкий еврей Карл Маркс.

Борьба разгорелась между двумя последними, т. к. Луи Блан вскоре сошёл со сцены. Бакунин и Маркс были полными противоположностями. Бакунин, «отец анархии», был, как утверждает французский социалист-революционер Бенуа Малон, учеником Вейсгаупта. Он был одним из тех ранних революционеров-идеалистов, убеждённых, что в революции они нашли орудие для уничтожения тирании. Бакунин предвидел возможность того, что государство, созданное на обломках конфискованной частной собственности, лишь восстановит тиранические свойства частного капитала в гигантских размерах; он искал, поэтому, путей к сочетанию общинной собственности на землю и капитал с наибольшим ослаблением власти государства, в конечном итоге *вплоть до его полной отмены.* Другими словами, он был полной противоположностью Карлу Марксу, который хотя и проповедовал общественную собственность на землю и капитал, но мыслил это лишь как средство для установления одной мощной сверхтирании вместо многих мелких тиранов.

Побудительным мотивом Бакунина была ненависть к деспотизму; Маркс же хотел уничтожить старый правящий класс только для установления нового деспотизма, какого мир ещё не видел. Глубокое различие между взглядами этих двух людей вызывает вопрос, ответить на который невозможно: как выглядел бы мир, если бы руководство мировой революцией оказалось в руках анархистов Бакунина, вместо коммунистов Маркса? Анархизм — враг любого насилия и прежде всего — государства, как воплощения власти над обществом; коммунизм, наоборот, представляет собой обожествление всесильной государственной власти.

В Бакунине всё искренно: его борьба, его страдания и смерть. В жизни Маркса всё фальшиво: 30 лет подстрекательства из читальни Британского Музея, удобная жизнь за счёт Энгельса, расчётливая женитьба на немецкой аристократке, богатые похороны с надгробными речами; типичный мещанин, завистливо воюющий против «буржуазии». Наибольшая фальшивка — его «Коммунистический Манифест», в котором он ставит диагноз болезни («у пролетариев нет собственности»), и в качестве лечения предлагает самоубийство («теория коммунизма может быть выражена в одной фразе: отмена частной. собственности»). Тем самым пролетариям было ясно сказано, что от коммунизма они не могли получить ничего, кроме цепей, и если, вскоре после опубликования Манифеста в январе 1848 года, по Европе прокатилась волна революционных вспышек, то трудно представить себе, чтобы причиной восстаний могла быть логика этого документа. Буквально через несколько недель после опубликования Манифеста вспыхнули мятежи во всей Германии, в Австрии, Венгрии, Италии, Франции и Дании. В этом доказательство того, что отдельные «тайные общества» в разных странах начали объединяться, что были найдены средства координировать и синхронизировать революционные потрясения и, таким образом, впервые была показана *мировая* революция в действии, в виде *одновременных* восстаний во многих странах.

В те годы существовала только одна организация с международной сетью, которая делала возможным подобную синхронизацию и координацию: талмудистский раввинат с центром в Восточной Европе. Теоретически, обширная организация католической церкви также могла бы быть использована для аналогичной цели, однако для историков не существует сомнений, что церковь видела в революции своего смертельного врага и, поэтому, *не была* к ней причастна. Историческим фактом было то, что Дизраэли знал и о чём он предупреждал за два года до разразившихся событий: «...что мощная революция, подготовляемая в настоящее время в Германии... *развивается полностью под руководством евреев».* Карл Маркс и его Коммунистический Манифест был внешними и видимыми признаками исторического факта первостепенной важности: мировая революция стала орудием в руках талмудистского иудаизма.

Из трёх деятелей революции, которые в те дни боролись за первенство в ней, Луи Блан вскоре вышел из строя. После революции 1848 года он был членом временного правительства в Париже и, в качестве министра, имел, казалось бы, возможность применить свои теории на практике. Он считал индивидуализм и соревнование чем-то, вроде рака на теле общества, и, как и Маркс, преследовал цель создания всесильной деспотической государственной власти (хотя и по типу «welfare state» британских социалистов столетием позже). Он был глашатаем знаменитого «права на труд», которое в наше время

превратилось в России в право государства на эксплуатацию принудительного труда. За краткое время своего нахождения у власти он предпринял попытку «гарантировать трудящимся работу для обеспечения их благосостояния», и ему было поручено созвать съезд рабочих депутатов для выработки планов «полной занятости». По своей форме эта затея была предшественницей советов рабочих депутатов в коммунистической России, и она явно была главной целью Луи Блана, что читателю следует запомнить. После подавления восстания он бежал в Англию и вернулся только через 23 года, потеряв всякое значение в революционном движении.

Двое других претендентов на руководство были Маркс и Бакунин. После 1848 года Маркса выгнали из Пруссии и Франции, но как обычно, он комфортабельно устроился в Лондоне, прожив там 34 года до самой смерти. На баррикады революции пошёл только Бакунин, аристократ по рождению, офицер царской армии, оставивший службу после подавления польского восстания 1830 года. То, что он видел в Польше, породило в сердце молодого русского офицера ненависть к деспотизму, борьбе с которым он отдал всю свою жизнь. С Марксом он впервые встретился в 1848 году и писал после этой встречи: «Маркс считал меня сентиментальным идеалистом, и был вполне прав. Я считал его тщеславным и вероломным ловкачом, и тоже был прав».

Бакунин участвовал в парижских баррикадных боях 1848 года, был в мае 1849 года членом революционного временного правительства в Саксонии и руководил обороной Дрездена; после победы прусских войск он пытался бежать (вместе с Рихардом Вагнером), был схвачен и приговорён к смерти, но позже помилован сперва саксонским, а затем австрийским правительствами. Год его держали в кандалах, прикованного к стене, а потом выдали русскому правительству. После шестилетнего заключения, потерявшему зубы, цинготному и преждевременно состарившемуся, ему была разрешена сравнительно свободная жизнь в Сибири. В 1861 году, после 12-ти лет неволи, он бежал из Сибири в Японию, затем в Америку и наконец в Англию. Не сломленный своими испытаниями, он немедленно возобновил пропаганду анархии и организовал в 1864 г. в Швейцарии собственный Интернационал (Alliance International Sociale Democratique). Примерно в то же время Карл Маркс организовал *свой* Интернационал (Международное Товарищество Рабочих) в Лондоне, и последующие годы были отмечены упорной борьбой между Бакуниным и Марксом за руководство в революции. За время длительного заключения Бакунина в саксонских, австрийских и русских тюрьмах, Маркс забрал в Лондоне революционную организацию в свои руки (посадив в нескольких странах, по наполеоновскому примеру, своих зятьёв в качестве помощников). Однако авторитет Бакунина стоял весьма высоко, и Марксу удалось добиться победы только благодаря целой серии хитрых уловок и интриг в контролируемом им Генеральном Совете Интернационала. В 1872 году Совет созвал съезд Интернационала в Гааге, куда Бакунин не был допущен голландским правительством. На съезде против Бакунина был выдвинут ряд обвинений (60 лет спустя, Сталин совершенно такими же методами отделывался от неугодных ему коммунистических вождей), и он был исключён из Интернационала ставленниками Маркса в Генеральном Совете.

Здоровье Бакунина было подорвано, и через несколько лет он умер, по-видимому вызвав свою смерть отказом принимать пишу. С ним умерла последняя надежда (если таковая когда-либо существовала), что организованная мировая революция будет использована для свержения тиранов и освобождения угнетённых; с момента, когда она, по словам Дизраэли, перешла «полностью под руководство евреев», её целью стало порабощение под властью ещё невиданной в мире тирании. Идеалом Бакунина было организовать борьбу против угнетения, а главным угнетателем, в его глазах, было государство, о котором он писал: «Государство не есть общество, оно только его историческая форма, столь же жестокая, как и ненужная. Во всех странах оно рождалось исторически из смеси насилия, грабежей и лжи, другими словами, из войны и завоеваний… оно всегда было и останется божественным оправданием грубой силы, торжествующего неравенства. Государство — это авторитет; это — власть; это — упоительное наслаждение силой власти». Именно такое государство намерен был построить Маркс, используя интернациональное революционное движение, и притом *мировое* государство.

Как и Дизраэли в 1846 и 1852 гг., Бакунин указал на евреев, как на руководителей мировой революции уже в 1869 г., когда решался исход его борьбы с Карлом Марксом, считая, что именно в этом причина извращения идеи мировой революции, как он её понимал. Его «Полемика против евреев» (Polemique contre les Juifs), — статья, написанная в 1869 году, была направлена главным образом против евреев внутри Интернационала, и, судя по всему, что нам с тех пор стало известно, можно быть уверенным, что исключение Бакунина марксистским Генеральным Советом в 1872 году было закулисно решено сразу же по опубликовании его статьи в 1869 году.

Дизраэли умер в 1881 году после того, как в течение добрых 30-40 лет он предупреждал своих сограждан и весь мир против «тайных обществ»:

> «Луи-Филипп был свергнут с престола не парламентами, не народами, не естественными процессами, не нормальным ходом событий… Трон был атакован врасплох *тайными обществами,* всегда готовыми опустошить Европу… Действуя совместно с народными движениями, они способны уничтожить всё наше общество…» (1852). «В Италии существует политическая сила, редко упоминаемая в этой Палате… я имею в виду *тайные общества.* Невозможно скрыть, а потому и бесполезно отрицать, что значительная часть Европы покрыта *сетью этих тайных Обществ, подобно тому, как поверхность земного шара покрыта сейчас сетью железных дорог…* Им вовсе не нужны конституционные правительства, им не нужно улучшение наших установлений… они хотят изменить законы о земле, изгнав нынешних её владельцев, и стремятся к уничтожению всех церковных установлении…» (1856).

Дизраэли ясно видел, что такое «либерализм», и был, видимо, первым, распознавшим его фальшивую природу и лживость его названия: «Почтенные граждане Англии, столь бережливые и религиозные, аплодируют манёврам тех, кто нападает ни собственность и Иисуса Христа, видя в этом прогресс либерализма».

Если бы разумные предостережения были когда-либо в состоянии предотвратить исторические катастрофы, то повторные предупреждения Дизраэли, с его исключительным авторитетом, могли бы избавить мир от ужасов революции, обрушившихся на миллионы людей в последующем столетии. Однако, к сожалению, «врождённый инстинкт мешает людям видеть грозящую опасность». Пренебрежение предостережениями Дизраэли лишний раз доказало то, о чём говорил опыт прошлых столетии: что никакие добрые советы не способны ни удержать людей от опасных затей, ни пробудить их от гибельной спячки. Только горький опыт может заставить их действовать, и этого опыта человечества набралось лишь в 20-ом столетии.

Слова Дизраэли в середине прошлого столетия пропали даром. Его трудно было оклеветать, как «охотника за ведьмами», но можно было посмеиваться над ним с видом снисходительного презрения. По словам его биографа, Хескета Пирсона, «все считали, что он был немножко не в себе, когда дело касалось тайных обществ, *существование которых отрицалось,* однако, сейчас мы видим в них семена того движения, которое, найдя подходящие лозунги, *соединилось в гнойный нарыв коммунизма».* Этот вывод, сделанный в 1951 году, неоспорим и вполне совпадает с мнением Бенуа Малона, современника и очевидца революции 1848 г.: «Коммунизм был скрытно насаждён тайными обществами 19-го столетия»

Ко времени смерти Дизраэли завершилось то, чего он старался не допустить всю свою жизнь: «тайные общества» были спаяны в единую всемирную революционную организацию, руководимую евреями, которая готовилась нанести решительный удар основам нашего общества в двадцатом столетии. Дизраэли идеально охарактеризовал эту организацию: «Сеть, покрывающая Европу, как железные дороги покрывают поверхность земного шара». С тех пор исследователи всё чаще употребляют такие выражения, как «сеть», и говорят о «невидимой руке», управляющей правительствами. За несколько лет до революции 1848 года бывший раввин Драх, подобно Дизраэли предвидевший будущие события, обвинил в печати Талмуд, как причину этого разрушительного процесса (см. библиографию в конце книги). Описывая его преследование, еврейский писатель Морель пишет, в числе прочего: «Самые мудрые мероприятия власти во всех странах бессильны против *огромного и непрерывно действующего заговора, который как громадная и мощная сеть опутал весь мир и способен в любой момент направить свою силу на достижение любой цели, нужной Израилю».* Трудно не видеть последовательности в цепи рассматриваемых нами событий. В 1772 году происходит раздел Польши, и мировой еврейский центр, непрерывно действовавший в течение 2500 лет, вдруг (согласно Кастейну) «перестаёт существовать», а по мнению осведомлённых русских властей, просто уходит в подполье. В 1776 году организуется революционный Орден Иллюминатов, подготовляющий революцию во Франции и руководящий ею. В 1846 году Дизраэли констатирует, что готовящаяся новая «революция развивается полностью под еврейским руководством». В 1869 голу ученик Вейсхаупта, Михаил Бакунин, разоблачает роль евреев в революционном движении, за что его в 1872 году исключают из Интернационала, а коммунистическое движение переходит под руководство еврея Карла Маркса. В 1917 году оно устанавливает в России власть почти сплошь еврейского большевистского правительства.

Это было отмеченным Дизраэли результатом отмены закона, ограничивавших права евреев, и лишь немногих десятилетий еврейской эмансипации. Устранение ограничений вовсе не привело к

слиянию евреев с семьёй других народов; «самая грозная секта» (по словам Бакунина) получила полную свободу губить эти народы с помощью революции. Данные в начале века ответы Синедриона на вопросы Наполеона оказались к его середине лишёнными всякого значения. Евреям не было их руководством разрешено жить наравне с другими народами по законам стран поселения; наоборот, отождествление с мировой революцией отделило их теперь от всех народов больше, чем когда-либо раньше. «Столетие эмансипации» стало обманом ещё до своего окончания.

По словам того же Кастейна, термин «антисемитизма» родился именно 19-ом столетии. Поскольку ни о каком «преследовании» евреев говорить больше было невозможно, надо было придумать новое слово, способное припугнуть христиан и запугать евреев; при этом последнее было важнее первого, отсюда и новый жупел «антисемитизма». «Абракадабра» было бы более правильным, поскольку слово «антисемитизм» представляет собой полный абсурд в применении к племени, никогда к семитам не принадлежавшему, чей «закон» предписывает истребление настоящих семитов, т. е. арабское население Палестины, изгнанное из родной земли сионистскими захватчиками в 1948 году; симпатии по отношению к арабам клеймятся с тех пор, как «антисемитизм».

Изобретателям этого термина нужно было вывести из употребления а общественной полемике такие слова, как еврей, еврейский и анти-еврейский, и они рассчитывали запугать массы невразумительным лозунгом. Правящей секте хотелось, чтобы «антисемитизм» воспринимался, как сочетание «оскорбления величества» (т. е. преступления против достоинства суверенной власти) с ересью (оспариванием верховной религиозной доктрины); к середине нашего 20-го столетия массы, уже полностью под властью этих новых политических «правил движения»: кто раньше снимал шапку, завидя господского управляющего, и крестился, как только на него падал строгий взгляд священника, тот теперь держит язык за зубами и принимает почтительную позу при одном упоминании евреев.

«Антисемитизм» был пущен в обращение в то время, когда «люди еврейской расы», как писали Дизраэли и Бакунин, стали руководителями мировой революции, и главной целью изобретения было заглушение всякого открытого обсуждения этого явления путём запугивания; в этой книге будет показано, что события нашего века дают этому достаточно доказательств. Недавно вышла в свет книга известного еврейского писателя Бернара Лазара (Bernard Lazare) под заглавием «Антисемитизм», в которой автор даёт новое определение этого слова. Он не имеет никакого отношения ни к пророку Симу и его племени, ни к семитской крови или языку, ни вообще к чему-либо семитскому. Бернар Лазар определяет «антисемитизм» исключительно, как любое мнение, критикующее роль евреев в революции, и пишет следующее:

> «Нужно различать между беспристрастным изложением истории и антисемитизмом. Антисемит говорит: „Еврей — подготовитель, манипулятор и главный инженер всех революций“; беспристрастный историк ограничивает себя изучением роли, которую евреи играют в революционных процессах и движениях, учитывая при этом их дух, характер, особенности их философии и их религию».

Другими словами, по мнению Лазара недопустимо приписывать евреям более, чем «участие» в революционных процессах, а всякий кто заявляет, что евреи являются «подготовителями, манипуляторами и главными инженерами революций», виновен одновременно в оскорблении величества и ереси».

Однако именно это утверждал Дизраэли в котором всё-таки было несколько капель семитской крови, в отличие от восточных евреев, к которым относилось сказанное им: «эта мощная революция развивается *полностью под еврейским руководством* »; «можно установить *влияние евреев* в последних вспышках принципа разрушения»; «во главе всех их (т. е. тайных обществ) стоят *люди еврейской расы».*

Будучи сам евреем, Дизраэли не находил нужным особенно распространяться о том, что многие евреи, подобно ему, были решительно против «мощной революции» и «разрушительного принципа». В его время это было совершенно очевидным, и ему незачем было защищаться от демагогов, которые сегодня ополчились бы на него с криком, что он дискриминирует *всех* евреев, когда говорит о «руководстве евреями» и «влиянии евреев». По определению Лазара он был бы, разумеется, «антисемитом».

Начиная с французской революции, жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; евреи-сефарды противились этому злому поветрию, дувшему с востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потерять всё полученное, если бы «разрушительный принцип», принесённый с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался

победителем в своей войне против христианской Европы.

Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно в ещё большей степени, чем к христианам. Евреи-сефарды и обратили на них большее внимание, чем окружавшие их нееврейские массы. В наказание их подвергли «отлучению»; путём самой удивительной операции, когда-либо проделанной статистиками над целым народом, сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно «исчезнувшим» таким же образом много раньше «потерянным десяти коленам Израиля»). Об этом будет сказано подробнее в следующей главе.

Глава 22
Еврейское руководство

Еврейское руководство мировой революцией стало очевидным в середине прошлого столетия, её руководителями были восточные евреи — ашкенази. Западные испанские евреи — сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку, в результате эмансипации в Европе, сефарды в значительной степени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, терявших свою власть в результате слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть.

В этот момент на сцену вышли «восточные евреи», появление которых в качестве особой группы еврейства совпало с началом мировой революции. До того Запад знал только один вид «евреев», и это были сефарды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, «с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях». Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет; Кастейна следует понимать так, что с этого момента восточные евреи были мобилизованы раввинским руководством, как отдельная группа для борьбы с эмансипированными евреями Европы, сефардами, и против самой Европы.

До того западные евреи знали о восточных очень мало, а христианскому Западу эти последние были вообще едва известны. Многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу, накопившую колоссальные запасы энергии; по своём появлении на Западе они превратились в самую мощную из всех сил, формировавших историю двадцатого столетия. Для достижения талмудистских целей они были идеальным материалом, представляя собой варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма.

В стратегических планах секты в 19-ом столетии их использовали для столь противоположных целей, что одновременное их достижение должно было представиться нормальному наблюдателю невозможным. В самой России еврейская масса была двинута единым фронтом против всякой эмансипации; если бы она распространилась ещё и на восточно-европейское «еврейство», то вернуть в лоно Талмуда эмансипированное и в значительной степени ассимилированное западное оказалось бы совершенно невозможным. Для внешнего мира, главным образом в глазах западной Европы, однако, их нужно было представить жертвами жестокого, «антисемитского» преследования, якобы не допускавшего еврейской эмансипации на Востоке, хотя никто не стоял там на её пути, кроме самих же восточных евреев.

В условиях контроля средств пропаганды вполне возможно не только навязать громадному большинству совершенно ложную картину того, что происходит в других странах, но даже спровоцировать войну. Западных политиков приучили на протяжении прошлого столетия распространяться об ограничении прав евреев в России, в то время как именно эти русские и польские евреи, под нажимом своего руководства, делали всё, чтобы сделать собственную эмансипацию невозможной.

Чтобы развеять возможные сомнения у наших читателей, приведём свидетельства еврейских источников. В числе многих других, Кастейн пишет: «Подавляющее большинство еврейства оказывало *жестокое пассивное сопротивление* всем попыткам улучшить его положение». Это сопротивление, однако, далеко не всегда было только пассивным, принимая иногда убийственные формы. Лучшим авторитетом для характеристики этого периода следует считать первого президента Израиля, Хаима Вейцмана, и мы намерены его часто цитировать. Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази (как в революционных, так и в сионистских организациях) заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами;

в то же время, истории об их преследовании вдалбливались, с целью запугивания, в головы западных евреев, и, как призывы о помощи преследуемым, в головы христианского Запада.

Нееврейские политики Запада преподносили эти выдумки своим народам, как чистую правду, убедившись, что евреи во всех странах могли помочь им и их партиям деньгами, печатной пропагандой и голосами избирателей; в обмен на эту помощь евреи требовали поддержать «преследуемых» евреев в России и способствовать «возвращению» в Палестину. Фактически, это означало, что политики, принимавшие еврейскую помощь, должны были подчинять свои национальные интересы двум целям, в конечном итоге разрушительным для их народов и государств: революция и захват чужой территории для расы, стремившейся к мировому господству. Именно об этом процессе Дизраэли писал в одном из своих первых романов («Lohtair», 1870): «Демократия снизила государственных деятелей до уровня простых политиканов». Так вырабатывалось массовое «общественное мнение», не принимавшее никаких опровержении, сколь очевидными они ни были, о мифическом постоянном преследовании евреев, как своего рода неизлечимой болезни нееврейского мира, в России принявшей характер эпидемии, под названием «антисемитизма». В прежние эпохи, когда считалось опасным верить, что земля — шар, массы дружно признавали её плоской; иудейские талмудисты добились своей пропагандой такого же состояния умов в 19-ом столетии; результаты этого видны в нашем веке.

Западные евреи меньше поддавались этим восточным влияниям, чем политики Запада. Эти подлинные евреи, сохраняя сефардские традиции и свою народность, шли навстречу интеграции или, по крайней мере, к участию в жизни всего человечества и смягчению существовавших трений. Они инстинктивно опасались растущего давления из России, вспоминая неудачный конец своего многовекового процветания в Испании и предчувствуя возможные последствия. Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе, как с отвращением: «diese Ostjuden»; восточные же евреи, переселившиеся после первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев «diese Berliner»!

Раввинский директорат еврейства, с его чисто азиатским упрямством, мобилизовал этих иудаизированных хазар из России против эмансипированных западных евреев и против всего Запада. В силу скрытности всей жизни еврейства получить точные данные о еврейском населении никогда не было возможно. Отсутствие достоверных цифр позволило правящей секте начать сто лет тому назад и закончить в наши дни любопытную биологически-статистическую операцию: почти все евреи на земле превратились в ашкенази!

В конце 18-го столетия известные Западу евреи были исключительно сефарды сохранявшие, по крайней мере, слабую традицию, которая через Испанию и Африку вела в легенды о ханаанском происхождении. К середине настоящего, 20-го века сионские мудрецы объявили их вымершими. В Нью-Йорке в 1954 г. состоялась мировая конференция евреев-сефардов, опубликовавшая данные, что из проживавших во всём мире 11 763 491 евреев *только 1 744 883* (или 15%) были сефарды, из которых *всего лишь 52 000* жили в Европе (где прежде иных евреев, кроме сефардов, не знали) и во всём западном полушарии. Это волшебство не может быть объяснено естественными процессами демографии. Сефарды, как в своё время десять колен израилевых 3000 лет тому назад, были объявлены «исчезнувшими» за то, что они «перестали верить в своё особое предназначение, отличающее их от соседей».

Евреям-ашкенази было пожаловано наследство Иуды, «существование совершенно иное, чем у соседних народов… никакой ассимиляции с другими… абсолютная различность»; и почти *все* евреи в мире были объявлены принадлежащими к группе ашкенази. Старейшины иудаизма вторично ликвидировали целый народ простым росчерком пера. Сефарды были отлучены по той же причине, как в древности израилиты, хотя в действительности они продолжают существовать, одни — слившись с другими народами, другие же — в обособленности иудаизма.[9]

---

[9] В последние годы внимательные читатели западных газет могли заметить тенденцию, явно направляемую из одного центра, ставить общепринятую терминологию в отношении евреев западного (испанского) и афро-азиатского происхождения на голову. Потомки прежних сефардов, расселившихся после изгнания из Испании в западной Европе, объявляются «Ашкенази»; примитивные в культурном отношении афро-азиатские иммигранты в Израиле (составляющие сейчас, согласно еврейским источникам, 65% населения страны) становятся «Сефардами», а для составлявших когда-то еврейскую знать испанских евреев, т. е. настоящих сефардов, к которым принадлежали Спиноза, Дизраэли и многие другие евреи, оставившие след в европейской истории, не остаётся места вообще. Подмеченное Дугласом Ридом явление этого любопытного «статистического геноцида», в его бремя ещё мало заметное, получает, таким образом, подтверждение в

Тот факт, что мировая революция сто лет тому назад стала делом восточных евреев, не мог быть случайностью или зависеть от склонностей отдельных лиц, поскольку все эти евреи управлялись деспотической властью. Режим, установленный раввинами на востоке Европы, был азиатским деспотизмом в его чистом виде, и спаянные в гетто общины подчинялись им беспрекословно, как облечённым божественной властью законодателям и судьям, во всех мелочах повседневной жизни. В 1930-ые годы автору этих строк случилось познакомиться с жизнью восточно-еврейских общин в Польше и Закарпатской Руси. Они всё ещё жили совершенно обособленной жизнью в средневековой ограниченности, которую не способен представить себе европеец, не увидев её воочию. Массовый переход восточных евреев в лагерь революции (или в любой другой лагерь) ни при каких обстоятельствах не мог произойти без прямого приказа со стороны раввинского руководства, поскольку всё общественное поведение диктовалось сверху, а непослушание каралось в талмудистском царстве самыми строгими наказаниями (выше мы цитировали еврейских авторов, свидетельствовавших, что раввины прибегали к самосуду, если местные условия не разрешали им открыто выносить смертные приговоры).

Это отнюдь не было одной лишь характерной особенностью Востока. Раввинское управление по законам иудаизма продолжается по сей день в еврейских общинах Америки, Англии и других западных стран. В 1955 г. на одного еврейского коммерсанта из Лидса (Leeds в Англии) пало подозрение, будто из проданных им 223 старых английских танков некоторые попали, с его помощью, в соседний с Израилем Египет. Никаких жалоб на него за продажу танков в другие страны не поступало, и поставка танков кому бы то ни было не нарушала британских законов. Одна только предполагаемая продажа танков Египту разбиралась еврейским судом, председатель которого сообщил в печати, что, если обвиняемый будет оправдан, то «еврейская общественность примет приговор суда без всяких оговорок», но если он будет признан виновным, то «мы, как община, располагаем своими возможностями для наказания нарушителя».

Слово «нарушитель» (по-английски: transgressor) — термин иудейского раввинского закона; другими словами, было публично установлено, что человек, признанный нарушителем этого «закона», будет наказан, независимо от его вины или невиновности по законам страны, гражданином которой он являлся.

В данном случае вмешательство еврейского суда нарушало государственные прерогативы на самом высшем уровне: в вопросах внешней политики и национальной обороны, поскольку ни та, ни другая не могут служить интересам страны, если отдельным группам населения будет дано право решать, какому из иностранных государств можно продавать оружие, и соответственно наказывать «нарушителей». Описанный случай необычен только тем, что он получил огласку в печати. Насколько

сионистской практике наших дней.

Само собой разумеется, что подобная этно— и демографическая манипуляция представляет собой прямой подлог, для которого трудно найти иные основания, кроме указанных Д. Ридом чисто политических. «Сефарад» было обозначением азиатского района, в котором расселилась часть евреев после первого разрушения Соломонова храма в 586 г. до Р.Х. С чисто раввинским пренебрежением к географии (не-еврейская наука, не заслуживающая внимания), то же название было впоследствии перенесено на территорию на другом конце тогдашнего мира. Пиренейский полуостров, где поселилось большое число евреев после второго разрушения храма римлянами в 70 г. по Р.Х. Чтобы отвести от себя упрёк в богоубийстве, испанскими евреями была, после христианизации страны, пущена легенда, будто их предки расселились здесь ещё до рождения Христа, после первого разрушения храма; даже еврейские источники, (см. русскую «Еврейскую Энциклопедию» изд. СПБ. 1913 г., т. 8, стр. 367, «Испания») видят в этом лишь «вынужденный» манёвр. Мало чем отличающийся от современных сионистских манипуляций.

Ведущая немецкая энциклопедия «Der Grosse Herder», т. 8, издания 1956 г., сообщает кратко, но с предельной точностью: «Сефардим (множ. число), также спаньолы — обозначение евреев, изгнанных в 1492 г. из Испании и Португалии…»

Не менее точно стоит и в Американской Энциклопедии (Encyclopedia Americana), т. 24, издания 1968 г.: «Сефарды — имя, прилагаемое к евреям, изгнанным из Испании… и их потомкам, в отличие от „ашкенази“, селившихся в северной Европе… Они нашли убежище вначале в Португалии, затем в Марокко и районах восточного Средиземноморья, в Италии и на Балканах; … Одним из их культурных центров была Голландия. Они распространились также по всей западной Европе, а ранние еврейские иммигранты в американских колониях также были преимущественно сефардского происхождения». Однако, в самом конце той же заметки уже говорится, как бы вскользь: «В применении этого термина наблюдается некоторая неясность (some confusion), поскольку он иногда прилагается ко всем не-ашкеназким элементам, составляющим примерно 15% всего еврейского населения в мире».

В наши дни, в статье о «Новом большинстве в Израиле» («Israel's New Majority») в ведущем еврейском ежемесячнике в США «Commentary» (издающемся Американским еврейским конгрессом) от марта 1983 г., мы читаем: «Термин „сефарди“… применяется сегодня в Израиле к евреям из северной Африки и Среднего Востока, в отличие от „ашкенази“, т. е. евреев из северной Европы и стран Запада…. Обычно Ашкенази называют „западными“ (евреями), а Сефардов „восточными“…

Восстань Дизраэли в наше время из гроба, он увидел бы себя причисленным к «ашкенази».

известно, он не вызвал ни протестов, ни даже особого интереса, а если таковой и возник, то ему не было разрешено найти своё выражение в газетах. Это — один из многих примеров того, как уже в 1955 году (год написания этой книги) власть еврейства заглушила всякую критику или обсуждение её действий.

Возвращаясь к нашей главной теме, мы должны установить, следовательно, что массовый переход восточного еврейства в лагерь революции не мог быть ничем иным как политическим актом еврейского правительства, переведённого после изгнания из Испании в Польшу и ушедшего в подполье после раздела Польши в 1772 году. При рассмотрении событий в этой исторической перспективе, становятся ясными три цели грандиозного заговора, а всё происшедшее их полностью подтверждает. Прежде всего, нужно было при помощи революции остановить процесс эмансипации, который на Западе способствовал ассимиляции евреев, и, тем самым, восстановить власть правящей секты над еврейством. Во-вторых, с помощью революции можно было отомстить христианству за изгнание из Испании, а, вернее, и за само его существование, как явного вызова еврейству, для борьбы с которым был создан Талмуд. В-третьих, революция с её неизбежными кровавыми жертвами призвана была способствовать исполнению Закона, предписывавшего разорение и физическое уничтожение «язычников» для триумфа «избранного народа», или по крайней мере, для триумфа правящей секты, пользовавшейся этим обманным термином.

Возможно, что 500 лет до Р.Х. эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племён и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесённые в наш глобальный век, они представляются патологической манией величия, силящейся навязать всему миру древние племенные вожделения, порождённые в условиях стычек мелких племён далёкой древности. Неевреи иногда полагают, что «закон», лежащий в основе этих планов, может быть найден в Ветхом Завете, общем для христиан и евреев; это, однако, вовсе не верно: Ветхий Завет содержит возвышенные законы праведности и добрососедских отношений, вдохновенно говоря о всеобщем «доме молитвы для всех народов». *Эти* законы были отброшены Иудой, а в тексты Торы внесены добавления, полностью их аннулирующие; как бы то ни было, в Торе содержится и то, и другое, по сути это не одна книга, а *две,* и каждому предоставляется решать самому, что он считает действительным словом Бога. Именно такой выбор и сделало христианство; оно взяло из Ветхого Завета те части Торы, которые приложимы ко всему человечеству, игнорируя левитские вставки, отменяющие заповеди человеческой морали.

Иудейский Закон, однако, властью которого восточный раввинат послал своих евреев в лагерь революции, — это закон не Торы, а Талмуда, «продуктом которого является современный еврей» (мы уже цитировали эти слова Родкинсона). В Талмуде нет закона праведности, применимого ко *всем* людям, он утверждает культ Молоха, лишённый какого бы то ни было всеобщего приложения; Талмуд — *одна* книга, а не две, и он непримиримо враждебен христианству: «принципы справедливости, беспристрастия, милосердия, по отношению к соседу, не только не применимы по отношению к христианам, но их применение представляет собой состав преступления. Талмуд категорически запрещает спасать нееврея от смерти, возвращать ему потерянное имущество или проявлять к нему жалость» (цитированные нами выше слова бывшего раввина Драха). Таков был закон хазарских ашкенази в их местечковых гетто: руководство сделало из них машинистов мировой революции; согласно же нынешним иудейским авторитетам, в настоящее время 85% всех евреев в мире — ашкенази.

Так властная тайная секта, действовавшая в мало известных миру областях России, мобилизовала сплочённую массу для уничтожения христианства и Европы, а в 19-ом веке эта армия начала наступление. В продолжение полутора столетий до настоящего времени эта революционная сила распространялась всё далее, разлагая и разрушая Европу, следуя плану, впервые обнаруженному в документах Вейсхаупта, а во главе этой армии разрушителей неизменно стояли «люди еврейской расы» (Дизраэли, в 1852 г.). В результате Европа, некогда цветущая и населённая полными жизненных сил народами, теперь разорена, обессилена и населена людьми, силящимися найти выход к свету из окружившего их мрака. Эти результаты видны далеко за пределами Европы; «принцип разрушения», о котором говорил Дизраэли, стучится в двери всего мира. Возможно, что пройдёт ещё целое столетие прежде, чем натравленная на христианский мир тёмная сила истощит свою энергию, и евреи-ашкенази, как ранее сефарды, убедятся в том, что противодействовать притяжению человечества им не по силам, а мечты каббалистов о мировом владычеств испарятся сами собой.

Согласно закону Талмуда, разрушение — не самоцель, а лишь средство к достижению поставленной им цели. Исчезновение национальных государств должно стать необходимой прелюдией к установлению победоносной империи «избранного народа» в земле обетованной. Для этой конечной

цели в середине прошлого века в тех же областях восточной Европы, где правил Талмуд и где мировая революция получила своё оформление и первый толчок, была мобилизована вторая армия — армия сионизма.

Сионизму; была поставлена задача добиться «возвращения» евреев в Палестину и заложить там основы мировой еврейской империи. Идея господства над другими народами шла на протяжении последних ста лет в ногу с идеей революции, и ни один успех одной из них не мог быть достигнут без помощи другой. Их успехи налицо: «возвращение» стало свершившимся фактом, как и национальное государство избранного племени; одновременно национальные государства других народов, этих низменных пород вне еврейского Закона, либо совершенно уничтожены, либо ослаблены и обессилены: европейских великих держав прошлого и начала нашего века больше нет. Силы еврейского господства действовали сверху, развращая правительства этих стран, силы революции подрывали снизу основы их существования.

Кастейн признаёт, что хотя еврейское правительство, т. е. «центр» с его непрерывной, более чем двухтысячелетней историей, «перестало существовать» после раздела Польши в 1792 году, но сто лет спустя появился «еврейский Интернационал». Это не означает иного, как то, что еврейское правительство над евреями уступило место еврейской власти над правительствами, и трудно не видеть именно в этом смысл происходящего в наше время.

Дизраэли писал о «сети» революционных организаций, покрывшей землю, как сеть железный дорог это — блестящая характеристика созданной машины разрушения. Для достижения более грандиозных целей мирового господства нужна ещё одна сеть на самом верху, и хотя Дизраэли не употребил это слово, в таком смысле, но имел её в виду, написав: «Миром управляют совсем не те лица, которых считают правителями люди, не знающие того, что творится за кулисами». По всей вероятности, это и есть тот «еврейский Интернационал», о котором пишет Кастейн: верхушка могущественных и несметно богатых людей, под власть которых подпали сначала князья и цари, а за ними президенты и демократические политиканы.

Обе системы работают синхронно, и каждая из них способствует достижению целей другой. Нееврейские правители, под напором масс и угрозы революции снизу, вынуждены были сдавать одну за другой свои позиции, пока они не лишились всей власти и смогли быть устранены вообще; в их отношениях с другими государствами их контролировала власть денег, а навязанные им войны способствовали разорению и ослаблению их стран, также подготовляя символическое «возвращение».

Неевреи часто недоумевают, почему столько богатых люден поддерживают революцию. Этот же вопрос поставил Дизраэли, дав на него ответ: «их главная цель — уничтожить христианство. Он знал, о чём говорил, и полностью отдавал себе отчёта своих словах; нееврею будет понятнее, если сказать, что они выполняют закон Талмуда, требующий гибели других народов, как прелюдии к триумфальному „возвращению“.

В следующей главе будут описаны появление сионизма из местечковых гетто в России и ловкое взаимодействие двух сил, одной — обвивающей правителей Запада, и второй, подрывающей основы нееврейских национальных государств.

Глава 23
«Пророк»

События 19-го столетия неуклонно вели к отказу от обязательств, данных Наполеону Синедрионом, к новой сегрегации евреев и возрождению еврейского теократического государства посреди нееврейских народов, об опасности чего предупреждал ещё до начала христианской эры римский император Тиберий. Речь шла вовсе не о борьбе между «евреями» и «неевреями»; как в древние времена, когда солдаты персидского царя силой помогали Ездре и Неемии навязывать иудаистам «Новый Закон», так и теперь часть евреев и неевреев боролась против других евреев и неевреев. Странным образом, в таких случаях нееврейские владыки действовали в союзе с правящей сектой иудаизма против масс еврейства и против своих же собственных народов, среди которых они поощряли рост разрушительных сил. Этот парадокс древности повторился в 19-ом столетии, достигнув своей критической фазы в наше время, когда в неё вовлечены все народы Земли.

Западные политики, как швейцарская гвардия Ватикана, пошли на службу к сионизму, предав интересы эмансипированных евреев Запада, как и интересы всего человечества. В связи с этим, мы должны остановиться на деятельности так называемых «либералов» 19-го столетия, чья поддержка сионизма помогла последнему расстроить жизнь народов и направить их политику по ложному пути.

Мы начнём со знакомства с основателем этого течения, самозванным «пророком» Генри Вентвортом Монком, присвоившим себе звание, которое в своё время с гневом отвергнул Амос. Сегодня о нём знают лишь немногие. Он был прототипом американских президентов и британских премьер-министров 20-го века, настоящей моделью современных западных политиков.

Чтобы понять этого человека, нужно вспомнить мысли и идеи прошлого, 19-го века, что не очень трудно, поскольку с тех пор прошло не так уж много времени. Одним из последствий общеевропейской эмансипации и триумфа демократических идей было то, что любой фантазёр мог почувствовать себя вождём событий. Распространение печатного слова позволило демагогам пропагандировать опасные мысли, а растущая сеть и быстрота сообщений дала им возможность расширить круг деятельности далеко за пределы родных мест. Безответственность легко могла рядиться в тогу христианской благотворительности, обвиняя соседей в безразличии к судьбе сирот в Эфиопии, о действительной судьбе которых никому не было известно ничего достоверного. Диккенс создал тип Стиггинса с его обществом для обеспечения негритянских детей нравоучительными носовыми платками; Дизраэли отмечал, что жуткие условия жизни шахтёров на севере Англии «ускользнули от внимания Общества Освобождения Негров от Рабства».

Новый путь к приобретению веса в обществе был слишком заманчив, чтобы подобные упрёки могли остановить тех, кто гнался за лестным прозвищем «либерала», а воздух наполнялся непрестанной болтовнёй о «реформах». Нужно было защищать «права человека», а недостатки всегда легче всего обнаружить у отдалённых народов; для показного рвения — чем отдалённее, тем лучше. Это было время расцвета самодовольства и ханжества, рай для тех, кто кричал о благе других, не очень беспокоясь о том, сколько зла они могли наделать сами. Целое поколение этих благодетелей создало новую отрасль деятельности, приносившую, наряду с аплодисментами, немалые выгоды. В наши дни эта публика, во имя свободы, аплодировала и помогала тем, кто поработил пол-Европы.

Генри В. Монк родился в 1827 г. в фермерском поселении на далёкой в те дни реке Оттаве в Канаде. Семилетним мальчиком он был вырван из родного круга и отдан в «Школу Синих Мундиров» в Лондоне, — не очень приятное заведение для одинокого ребёнка. Школа была основана королём Эдуардом VI, и мальчики должны были носить одежды его времени: длинный синий мундир, пасторский галстук, жёлтые чулки и туфли с большими пряжками. Ученики жили, как в монастыре, питались просто и скудно, для них не жалели одних только розог, и они главным образом зубрили Священное Писание.

Это не могло удовлетворить духовных нужд мальчика, искавшего как применить к современности Ветхий Завет, к которому учителя направляли его детский ум. Он решил, что «быстрые звери» пророка Исаии — это железные дороги, а «быстрые посланцы» — пароходы. Затем мальчик решил, что ему даны ключи к «пророчествам», и что он в состоянии понимать и разъяснять мысли Бога в свете современности. Он пренебрёг предостережениями израильских пророков и Нового Завета против именно этого соблазна; в Писании он не нашёл иного, как поучения левитов о том, что в один прекрасный день «язычники» будут уничтожены, а избранное племя соберётся в своём всемогущем царстве в земле обетованной.

В те дни не мало людей с положением и влиянием носились с мыслью, что пришло время им взять на себя выполнение Божьей воли. Когда Монку было ещё только 11 лет, лорд Шефтсбери (Shaftsbury) выступил с предложением великим державам купить Палестину у турецкого султана и «возвратить её евреям». В Англии тогда у власти стоял лорд Пальмерстон, не собиравшийся отвлекаться подобными проектами от своих государственных обязанностей, и дело осталось без последствий. В молодом Монке, однако, оно зародило идею, породившую нового «пророка»: вся его жизнь, которая продолжалась ещё 60 лет, была отныне посвящена этим планам.

В четырнадцать лет он добился отпуска, чтобы послушать проповеди «первого английского епископа в Иерусалиме» (имя которого, кстати, было Соломон Александер). Мальчик вернулся в школу с горящими глазами, решив посвятить свою жизнь делу передачи Палестины народу, о котором он не имел ни малейшего понятия, и с полным пренебрежением к тому народу, который уже давно её населял. Захваченный этой мыслью, он не захотел, вернувшись в Канаду, обосноваться на отцовской ферме; когда он стал кандидатом в пасторы, та же идея встала между ним и его долгом христианского священника. Толкуя и перетолковывая Ветхий Завет, он увидел в нём шифр, раскрывающийся перед его глазами.

Так он впал в прямую ересь, что часто случается с теми, кто считают себя христианами и зубрят левитские писания, игнорируя Новый Завет. Уверовав в *буквальное* исполнение библейских предсказаний, они подпадают под влияние иудейского Закона, видя в нём политический договор, в

котором нет места для Бога, кроме как для решения о *сроке его* выполнения. На этом пути они скоро начинают воображать, что *им* эти сроки известны, поскольку Господь Бог, видимо, о них забыл, а на *этой* стадии эти люди начинают считать самих себя Господом Богом. Конец, к которому приводит их этот процесс, ясен: отрицание христианства и всего истинно божественного. Это — ничто иное, как богохульство, и в него легко впадают ведущие западные политики нашего века. Монк был только первым из очень многих.

Даже в его далёкой канадской обители нашлись ещё и другие пророки. Американский еврей, майор Мардохей Ной, собирался строить на одном из островов реки Ниагары еврейский «город убежища», как подготовку к «возвращению». От кого, собственно, должны были искать убежища евреи Северной Америки перед «возвращением», знал видимо только он один. Другим энтузиастом «возвращения» стал некий Уордер Крессон (Warder Cresson), первый консул США в Иерусалиме; он перешёл в иудейскую веру, опубликовав книгу: «Иерусалим — Центр и Радость Всего Мира». Вернувшись в Америку, он бросил жену-нееврейку, переменил своё имя на Михаил Боас Израиль, уехал обратно в Палестину и пытался жениться там на еврейской девушке, с которой мог объясняться только знаками.

Всё это ещё больше разожгло усердие Монка. Следуя ветхозаветным традициям, он перестал стричь волосы и следить за своей наружностью, пока не будет «восстановлен Сион». Волосы росли обильно, придавая ему несколько необычный вид, а продав свою маленькую собственность и больше никогда не работая, он до конца своих дней жил за счёт других. В возрасте 26 лет он отправился в Иерусалим, доехав туда после больших лишений. Не имея других доказательств своей правоты, кроме оборванного вида, волосатый пророк находил лишь немногих слушателей.

На этом, вероятно, эпопея Монка и закончилась бы, если бы случайная встреча не принесла ему неожиданной известности. В наш бурный век мировых войн, межконтинентальных и трансокеанских ракет и иных средств массового уничтожения 19-ое столетие представляется спокойным и мирным периодом, не омрачённым страхом за завтрашний день. Однако, в особенности при изучении нашего спора о Сионе, представляется удивительным, сколько вполне образованных людей жили в те времена в постоянном страхе собственной гибели, видя спасение в одном лишь переселении в Аравию небольшой группы жителей нашей планеты. Путь одного из таких взволнованных созданий пересёк путь нашего «пророка».

В Иерусалиме появился молодой английский художник, Холман Хант (Holman Hunt). Он тоже готов был посвятить себя какой-либо великой идее, испытав разочарования в борьбе с не признававшими его академистами, что, как известно, способствует воспламенению ума. Его здоровье было в плохом состоянии и часто наводило его на мысль о скорой смерти, не помешав, однако, дожить до 83 лет. Тогда он только что закончил картину «Свет Мира», изображавшую Иисуса Христа с фонарём в руке у двери грешника, и неожиданное появление бородатого Монка поразило его воображение. Он жадно ухватился за идею «пророка» пригрозить человечеству (включая академистов) гибелью, если оно не пойдёт за его пророчествами.

Пророк и прерафаэлит выработали совместный план, чтобы встряхнуть безразличный мир. Монк подал Ханту идею «козла отпущения», как символа преследования евреев человечеством. Было решено, что Холман Хант изобразит «козла отпущения» на картине, а Монк одновременно напишет книгу, объясняющую, что пришло время «восстановить» преследуемых во исполнение пророчеств. (Козёл отпущения был, разумеется, выдумкой левитов, дававшей им право, за приличную мзду отпускать общине её грехи, для чего одного козлёнка убивали как жертву за грех, а второго выгоняли в пустыню, чтобы он своими страданиями искупил «все их проступки и все их грехи… возложенные теперь на его голову». Наш пророк и Холман Хант придали этому обряду пря противоположный смысл. Козёл отпущения *за грехи* евреев превратился в символ *самих* евреев, а его мучители-левиты в чужеземных угнетателей).

Холман Хант принялся за работу, видя в ней как отместку Королевской Академии («проблемная картина»), так и средство послужить великой идее. Его полотно должно было сказать больше, чем любые слова, а кроме того за ним должно было последовать и словесное разъяснение Монка. Картина и книга, символ и разъяснение, вестник и пророк: как только мир увидит его козла, откровение Монка найдёт слушателей, которые поймут свои прегрешения и готовы будут возместить убытки.

Удивлённые бедуины наблюдали, как Хант, в арабском бурнусе, с ружьём и мольбертом, гнал белого козла к Мёртвому морю. Козёл был написан прекрасно вернее два козла, так как первый сдох от чрезмерного усердия и его пришлось заменить другим. Для большего эффекта привезли из Содома верблюжий скелет и раздобыли козлиный череп, украсившие задний план картины. Полотно

несомненно создавало впечатление, что левиты были люди жестокие (страдания животного были изображены очень наглядно) и нечестивые, воображавшие, что козлиные страдания могут искупить беззакония, творимые их народом. Холман Хант отвёз картину в Англию, дав вместе с Монком обет посвятить себя «восстановлению Храма, прекращению войн и установлению Царства Божия на земле». Вряд ли жил когда-либо другой художник, ставивший себе столь грандиозные цели, начиная писать картину.

Монк, со своей стороны, написал «Простое объяснение Апокалипсиса» («Simple Interpretation of the Revelation», London, 1857) и совместное предприятие было, таким образом, успешно завершено; грешному миру оставалось только раскаяться.

В этой своей первой книге Монк ещё пытался сочетать левитские басни с христианским учением. Исторически он стоял на твёрдой почве, правильно отметив, что «десять колен израилевых» не могли исчезнуть бесследно и что они всё ещё живут в общей массе человечества. Отсюда он пришёл к выводу, что «истинные израилиты» — евреи и христиане — должны переселиться в Палестину и основать там образцовое государство (в этом, пункте он, разумеется, резко расходился с сионизмом и рисковал прослыть «антисемитом»). Дальнейшие его выводы были сплошной демагогией. Он писал, что если будет создано такое государство, то все войны на земле прекратятся. Главное же было (и кто знает, откуда ему это было внушено?), что в Иерусалиме должно быть создано мировое правительство; это уже было как раз то, что нужно сионистам.

Монк смог опубликовать свою книгу только благодаря знакомству, которым он был обязан Ханту: знаменитый критик-искусствовед Джон Раскин (Ruskin, 1819—1900) уговорил известного издателя Констэбля напечатать её. Ни книга, ни картина успеха не имели, но Раскин помог «пророку» деньгами и другими средствами, и тем спас его от забвения.

Сам Раскин тоже пережил в молодости много лишений и разочарований, слывя авторитетом в области искусства, но не пожав лавров в области социальной критики. Он напоминал своего соотечественника Уилки Коллинса (Wilkie Collins, 1824—1889), писавшего хорошие детективные романы, но тщетно пытавшегося в области социальной критики превзойти Диккенса. Как и Коллинс, Раскин не был удовлетворён своими успехами в той области, в которой он пользовался заслуженной славой, но всегда был готов выступить в защиту нравственных ценностей, не давая себе большого труда проверить их содержание. В детстве его, как и Монка, усиленно обучали Ветхому Завету; мать — строгая пуританка — подавляла его своим авторитетом он был несчастлив в любви и ему пришлось пережить унижения. Он вечно искал выхода своим нерастраченным чувствам, боялся жизни и боялся будущего; слова нового пророка о грядущем возмездии пугали его, немало способствуя его щедрости, его публичные выступления пользовались успехом, и, подобно Монку и Ханту, он впал в грех нечестивого воображения: по словам его биографа, Хаскета Пирсона, «как и все мессии, он впал в заблуждение, принимая свои слова за слова самого Господа Бога». Под конец Раскин потерял ясность мышления, но к тому времени «пророк» уже приобрёл с его помощью возможность путешествовать и проповедовать.

После неудачи с книгой Монка, Холман Хант сделал ещё одну попытку. Он принялся за новую картину, изображавшую Иисуса Христа в синагоге с книгой в руках, читающего о мессианских пророчествах, находящих своё исполнение в нём самом. Чтобы не было никаких сомнений, он взял Монка моделью для Христа, так что негодование иудейских старейшин символизировало неприятие миром пророка. Первоначальный эскиз картины хранится в Национальной Галерее в Оттаве и изображает Монка с Библией в одной руке, раскрытой на Книге Откровения, и номером лондонского «Таймса» в другой. (Автор этих строк, — сам бывший корреспондент «Таймса», — работал над своей книгой в Монреале, и его громкий смех по обнаружении этого шедевра нарушил благоговейную тишину зала, вызвав немалое удивление присутствующих).

В дальнейшем человеческая природа взяла верх над всем остальным. Холман Хант продал картину «Христос в Храме» за громадную по тому времени сумму в 5500 фунтов, и его неприязнь к жизни и академистам несколько смягчилась. Ему стало неловко приводить оборванного пророка в столь изысканные дома, как например к пользовавшемуся всемирной славой поэту Теннисону. Раскин же был в то время занят очередной неудачной любовью, что также уменьшило его интерес к пророчествам. Тем не менее, оба они, хотя и ставшие теперь более оседлыми, не забыли предостережений пророка о грозящей гибели, если им не удастся скорейшим образом переселить евреев в Палестину. Пророк неутомимо возвещал, что «день близок», ссылаясь для большей убедительности на очередные военные осложнения в Африке, Малой Азии, на Балканах или в Европе, как на предвестники близкого конца, благо недостатка в подобных эпизодах никогда не было. В конце концов Хант и Раскин нашли способ

облегчить страхи, успокоить угрызения совести и одновременно отделаться от надоевшего им пророка; они посоветовали ему уехать в Иерусалим и (как в своё время Саббатай Цеви) объявить там о близком приходе «Тысячелетия». Пророк был уже готов к отъезду, когда разразилась новая война, приведшая его в немалое смущение, поскольку возникла она вовсе не там, где, по его толкованию пророчеств, должен был начаться конец мира. Наоборот, она началась в стране, откуда, согласно его собственным писаниям должно было прийти спасение: в Америке.

Справившись снова в соответственных источниках, пророк объявил, что в его вычисления вкралась ошибка: гражданская война в Америке была, в действительности, лишь великим предваряющим событием. Поэтому именно теперь, без дальнейших отсрочек, нужно было что-то сделать для Палестины. Джон Раскин немедленно отозвался, сказав, что если пророк был в самом деле пророком, то ему нужно ещё до поездки в Иерусалим, поспешить в Америку и вызвать там подходящее небесное знамение, которое могло бы остановить гражданскую войну. Раскин обещал финансировать предприятие, и пророк собрался в путь.

В тогдашней Америке обычай требовал, чтобы любой гражданин имел доступ к президенту, в результате чего Авраам Линкольн осаждался посетителями три дня в неделю. В один из таких дней наш пророк втиснулся в президентскую приёмную вместе с толпой просителей и зевак. Его необычный вид обеспечил ему несколько минут разговора с президентом после того, как утомлённые глаза Линкольна обнаружили чей-то пристальный взгляд, скрытый за буйной растительностью. Он спросил, кто был посетитель, и узнал, что это канадец, приехавший чтобы прекратить войну. На вопрос о его предложениях пророк ответил, что Юг должен освободить рабов за денежную компенсацию, а Север должен согласиться на отделение Юга, что (согласно заметкам самого Монка) «показалось президенту довольно забавным». Линкольн спросил: «не кажется ли вам, канадцам, что моя прокламация об эмансипации — большой шаг вперёд в социальном и нравственном прогрессе?»

Монк сказал, что этого недостаточно: «Почему, вслед за эмансипацией негров, не предпринять ещё более необходимый шаг — эмансипацию евреев»? Линкольн удивился, поскольку в Америке евреи всегда были эмансипированы, и спросил: «Евреи, почему евреи? Разве они ещё не свободны»?

Монк ответил: «Конечно, господин президент, американский еврей свободен, он свободен и в Англии, но не в Европе. Мы в Америке живём далеко от всего и не видим, что творится в России, Пруссии и Турции. Не может быть прочного мира на земле, пока культурные нации, во главе, как я надеюсь, с Великобританией и Соединёнными Штатами, не искупят того что они причинили евреям, не искупят двухтысячелетнего преследования, вернув их в их родной очаг — Палестину и сделав Иерусалим столицей объединённого христианства».

Излишне упоминать, что Монк никогда не был ни в России, ни в Пруссии, ни в Турции, представляя собой «либерала» именно того сорта, который был описан нами выше. В России талмудистский раввинат всеми силами противился эмансипации, а через немного лет после визита Монка к Линкольну царь-освободитель Александр Второй был убит накануне объявления им парламентской конституции; в Пруссии евреи давно уже были эмансипированы, подвергаясь именно за это нападкам русских евреев; турецкое правительство в равной степени угнетало все подчинённые ему народы без всякого разбора, а турецкие евреи жили и без того в Палестине, и «возвращать» их туда было незачем. Во времена Линкольна ещё никому не приходило в голову, что любая война, где бы и из-за чего бы она ни начиналась, должна была способствовать созданию еврейского государства в Палестине (в наш век, как показал опыт двух мировых войн, это стало законом), и президенту всё это, вероятно, тоже показалось «забавным».

Внимание Линкольна было, разумеется, приковано к войне в Америке, наиболее жестокой из известных до того в истории Запада. Он был находчивым человеком, привыкшим иметь дело с назойливыми посетителями, и отделался от пророка добродушной шуткой: «Мой педикюрист — еврей, и он так часто ставит меня на ноги, что я со своей стороны охотно поставлю на ноги его соотечественников». Затем, напомнив Монку, что идёт война, он попросил пророка подождать её конца: «после этого мы сможем снова предаваться мечтам и сновидениям». Этот ответ Линкольна мог бы составить интересную тему для клуба спорщиков: была ли последняя фраза случайной или преднамеренной? Президенту, без сомнения, было хорошо известно, как Ветхий Завет предписывал поступать с «ложными пророками и сновидцами».

Монк возвратился в Лондон, и Раскин затем оплатил его расходы на поездку в Палестину, откуда он был немедленно по прибытии в 1864 г. выслан за нарушение общественного спокойствия. В крайней нужде он записался матросом на быстроходный корабль, шедший в Бостон, а после крушения клипера ему пришлось завершить остаток похода через Атлантический океан вплавь. Его вынесло на берег

окровавленного и почти голого, а местный фермер в сумерках принял его за медведя и подстрелил, потеряв память и рассудок, он кое-как добрался домой, но, оправившись через несколько лет, вновь вернулся к своей навязчивой идее. Давно предсказанный им конец мира к тому времени ещё не наступил, и наша планета по-прежнему оставалась на привычном месте. Вновь пересмотрев пророчества, он увидел, что ошибка заключалась в рекомендованном им объединении евреев с христианами во всемирном государстве, созданном в Иерусалиме. Теперь ему стало ясно, что, согласно пророчеству, Бог должен прежде всего отдать Палестину во власть евреев, а *после этого создать всемирную организацию, обладающую властью подчинить своему закону все народы земли.*

Другими словами, к концу жизни Монк добрался до сути левитского плана мирового господства, содержащегося в Ветхом Завете, по-прежнему полагая, что помогает исполнению божественных пророчеств. В нашем распоряжении нет указаний на то, чтобы он когда-либо вошёл в связь с инициаторами этого грандиозного плана. Известен только один случай, когда ему были предложены еврейские деньги: благотворительные 5 фунтов «на собственные нужды». Он всегда вращался в обществе несколько тронувшихся нееврейских либералов, живя за их счёт.

В 1870 году в Оттавской долине в Канаде произошёл громадный лесной пожар. Имя нашего пророка было к тому времени основательно забыто, но он принял грозное событие за небесное предзнаменование близкого конца мира. Добравшись в 1872 году до Лондона, он явился к своим друзьям, Ханту и Раскину, давно уже считавшим его умершим. Раскин в это время ухаживал за очередной дамой, оставшись глухим грозным предостережениям и ответив Пророку письмом: «Я признаю многое замечательное из сказанного Вами, но я просто не верю, что, так плохо зная людей, Вы можете так много знать о Боге… мне кажется, что Вы просто ненормальны, но, как знать, может быть ненормален и я сам» (эти последние слова, по несчастью, оказались пророческими).

Подобные упрёки не были новыми для пророка. Его родственники и друзья постоянно уговаривали его, если уж он призван исправлять род человеческий, посмотреть ближе, вокруг себя: судьбы канадских индейцев и даже самих канадцев несомненно нуждались в улучшении. Однако для человека, державшего в своих руках ключи к божественному откровению, такого рода советы представлялись святотатством и в конце концов, Монк, опубликовав ряд брошюр, приступил к созданию «фонда Восстановления Палестины». Для этого он заимствовал идею Раскина, собиравшегося помочь собственной стране, а именно, употребить десятую часть доходов состоятельных сограждан для использования пустующих, земель в Англии. Монк решил, что это обложение может послужить лучшей цели: «возвращению».

К этому времени (в 1875 г.) Раскин снова потерял душевное равновесие, прежде всего из-за смерти своей дамы сердца. Розы ла Туш, а, во-вторых, в связи с надвигающейся угрозой ещё одной войны, на этот раз между Англией и Россией. Не подлежало сомнению, что Пророк в конце концов оказывался прав; конец мира стоял ни пороге. Раскин подписал манифест Монка и пожертвовал десятую часть своих доходов фонду Пророка на откуп Палестины у турецкого султана: пустующие земли Англии могли подождать. По завершении этой купчей операции должен был собраться всемирный конгресс, чтобы основать в Иерусалиме международную федерацию.

Почувствовавший снова почву под ногами пророк получил дальнейшую помощь от тогдашнего льва викторианских салонов, Лоуренса Олифанта, с которым он случайно познакомился во время своего бродяжничества по Америке. Олифант был человеком совершенно иной складки, смелым, циничным авантюристом, любителем рискованных затей. Ему понравилась идея покупки Палестины, хотя он и не создавал себе насчёт этого предприятия больших иллюзий. Он написал Монку: «Можно собрать для этого любое количество денег, так как люди верят, что, жертвуя, *они исполняют пророчества и приближают конец мира. Не знаю. почему им так хочется этого последнего, но коммерческая сторона дела этим сильно облегчается».* Как мы увидим далее, Олифант не скрывал своего презрения к откровениям Пророка.

Кстати, он затронул здесь довольно интересный вопрос. Одно из толкований многочисленных пророчеств гласит, что конец мира наступит после «возвращения» евреев в Палестину; другими словами, помогающие этому переселению сами определяют срок, когда Иегова покончит с нашей планетой. Много лет спустя, та же мистификация смутила одного французского политика на Версальской мирной конференции в 1919 году, и он задал вопрос лорду Бальфуру, почему он так торопится «вернуть» евреев в Палестину: если этим действительно должно было быть исполнено пророчество, то, согласно тому же пророчеству, за «возвращением» должен был последовать конец мира. Бальфур вяло ответил: «Вот именно это и делает всё это столь интересным».

В 1880 г. Холман Хант, снова страдая от пошатнувшегося здоровья, был настолько обеспокоен

небольшими военными осложнениями в Египте и Южной Африке, что конец мира показался ему не за горами, и он, вместе с Монком, выпустил манифест предварявший сегодняшние планы мирового правительства под управлением сионистов. Он был озаглавлен «Упразднение Национальных Войн», призывал всех людей доброй воли пожертвовать десятую часть своих доходов для построения «Царства Божия на земле» в форме мирового правительства в Палестине под названием «Объединённых Наций» (United Nations!), а деньги для Покупки Палестины отдать ему, Монку.

Дело на этом закончилось. Раскин был недалёк от смерти и наотрез отказался принимать дальнейшее участие во всех этих фантазиях. Отпал и Олифант, а из «Израильского Банка» тоже ничего не вышло. Известный романист и критик викторианской эпохи, Самуил Батлер (Samuel Butler, 1835-1902), попросту указал «пророку» на дверь. Даже Холман Хант в конце концов потерял терпение и посоветовал ему признать, «что есть Бог на небе, который будет судить каждого человека», перестав воображать, что Бог — это он, Монк. Не лучшее он услышал и от евреев, один из которых написал ему: «Страна наших предков умерла, а Палестина её могила… *попытка построить нацию из разноязычных народов иудаизма закончится полной неудачей»*

Убеждать Монка было, однако, безнадёжным делом. В 1884 году бывший воспитанник школы синих мундиров в последний раз вернулся в Оттаву, где он до конца дней своих проповедовал, писал брошюры и надоедал членам канадской палаты общин, отдыхавшим между сессиями парламента в саду на берегу реки. Они выслушивали его со снисходительным терпением; 60 лет спустя канадским министрам пришлось в Оттаве и Нью-Йорке повторять всё сказанное Монком, на этот раз в качестве незыблемых принципов государственной политики, и уже ни один из членов парламента не рисковал им возражать.

Монк загубил свою жизнь, и не может быть оправдан ни истинной верой, ни настоящим призванием. О нём было рассказано так подробно только, чтобы показать, на фоне прошедшего века, глупость его грандиозных проектов, наряду с сумасбродством тех, кто пытался провести их в жизнь. Лживость и порочность сионистской идеи деспотического мирового правительства становятся ясными каждому при виде декламирующих на сцене Монка и его друзей. Всё это представляется ничем иным, как плутовской комедией, дешёвым фарсом, и вовсе не потому только, что она провалилась, а потому, что в ней никогда не было ничего серьёзного. Всё, что они предлагали, невозможно было принимать всерьёз, и никому из них не пришло в голову обдумать возможные последствия, которые даже самый поверхностный расчёт не мог признать иначе, как катастрофическими. В те дни, когда всякая дискуссия была ещё действительно свободной, а мнения основывались на объективной информации и могли касаться подлинной сути вещей, эти люди выглядели клоунами, оставившими по себе лишь слабое эхо смехотворной шумихи в коридорах истории.

Как бы то ни было, в наш век вся эта тщеславная схема, без малейшего изменения, оказалась навязанной народам, как серьёзное предприятие, превосходящее по срочности все их остальные нужды. Любая его критика объявлена святотатством, вокруг него возведён забор не писанного закона о ереси, фактически отстраняющий все здоровые силы общественной дискуссии, и под его защитой западные политики разыгрывают трескучую болтовню давно забытого «пророка», как пьесу высокой нравственности. Джон Раскин, Холман Хант и все прочие викторианские защитники угнетённых, взглянув сейчас на землю, увидели бы могилы многих тысяч погибших и почти миллион беженцев, заживо погребённых в лагерях, как первые результаты их грандиозного плана, приводимого ныне в исполнение.

Если бы Монк жил в нашем веке, он несомненно занимал бы очень высокий пост, так как поддержка подобных планов является сейчас первым и необходимым условием для успешной политической карьеры. Он растратил свою жизнь в погоне за тщеславным призраком величия, а в год его смерти (1896), владевшая им фантазия превратилась в политическую и практическую реальность, господствующую над нашей эпохой. Пока Монк бродяжничал между Оттавой, Вашингтоном, Лондоном и Иерусалимом, люди совершенно иного пошиб создали в России реальную силу сионизма. Именно в этом, 1896 году, сионизм был навязан жизни народов, а вызванные им взрывы и потрясения становятся всё громче и разрушительнее, так что в наши дни даже газетные писаки не скрывают, что он может оказаться искрой, которая развяжет третью мировую войну.

Глава 24
Рождение сионизма

Когда коммунизм и еврейство начали совместное наступление на Европу во второй половине

19-го века, государства Европы были ещё сильны и полны доверия к своему будущему, им не страшны были ни внутренние беспорядки, ни внешние войны. Они без больших затруднений справились с революционными вспышками 1848 года. Прусские победы над Австро-Венгрией в 1866 и Францией в 1871 годах не ослабили национального существования побеждённых; по заключении мира они продолжали жить бок-о-бок с победителем, как это всегда бывало на протяжении многих столетий. Балканские народы, сбросив пятисотлетнее турецкое иго, шли навстречу лучшему будущему в условиях национальной свободы. На востоке Европы, христианская Россия включилась в процесс национального и индивидуального прогресса.

Эта привлекательная картина была столь же обманчивой, как красивое яблоко, внутри которого поселились двое червей, и сегодня мы видим окончательные результаты. За восемнадцать столетий христианства, несмотря на все спады и подъёмы, общий ход исторических событий в конечном итоге обнаруживал прогресс человечества, подобного которому никогда не было в прошлом; теперь этот период подходил либо к своему концу, либо же к остановке, к некоему междуцарствию. Каков будет исход, мы всё ещё не знаем, хотя люди верующие не сомневаются, что добро восторжествует; вопрос только, когда. Однако и среди верующих того времени нашёлся человек, от которого можно было бы ожидать веры в победу добра, но который видел, во что выльются события в двадцатом веке, и полагал, что наступит *конец,* а не только преходящий мрачный период человеческой истории.

Это был Генри Эдвард Маннинг, английский священник, позже перешедший в католичество и ставший кардиналом и архиепископом Вестминстерским; если бы он разрешил в своё время своим коллегам-кардиналам выставить его кандидатуру, он вероятно был бы избран Папой Римским. Задолго до него Эдмунд Бёрк, Джон Адаме и Александр Гамильтон распознали мировые цели революции и предсказали распространение её потрясений. Полустолетием позже Дизраэли, Бакунин и другие засвидетельствовали захват руководства революцией евреями, предупреждая об опасных последствиях. Маннинг присоединил свой голос к этим предостережениям, но предвидел кроме того появление сионизма и его роль в двусторонней атаке на христианский мир. — О революции он писал в 1861 году: *тайные общества* во всём мире, *существование которых высмеивали и отрицали самоуверенные люди,* теперь навязывают реальность своих действий сознанию тех, кто ещё вчера не верил в их наличие». Он ожидал полного успеха планов Вейсхаупта, считая, что живёт в «преддверии антихристианского периода, во время которого христианство будет окончательно низложено и во всём мире установится безбожное общество». Сегодня антихристианская революция победила и утвердилась в половине Европы, не говоря уже об Азии, крест, как символ христианства, исчез с флагов многих малых и великих держав Европы, а безбожное общество установилось в форме мирового правительства, т. ч. в этих словах, сказанных более ста лет тому назад, трудно не видеть грозного пророчества, которое в значительной мере осуществилось. После этого (и здесь он поднялся много выше других провидцев) Маннинг описал роль, которую в этом процессе будет играть сионизм: «Всех, кто потерял веру в воплощение Иисуса Христа, всех этих гуманистов, рационалистов и пантеистов легко сможет обмануть любой влиятельный и успешный политик, *который пожелает восстановить евреев на их собственной земле…* и в политической ситуации нашего мира нет ничего, что не допустило бы подобной комбинации».

Маннинг закончил тем, что он ожидает прихода антихриста во плоти и что это будет еврей. Этим он перешёл из области политического анализа, в котором он, как показали события, был знатоком, в область толкования пророчеств; его слова относятся ко второму посланию апостола Павла к фессалоникийцам, II, 3-11, о будущих временах, и Маннинг добавляет: «Если Священное Писание предсказывает пришествие кого-либо, то он и приходит — это закон».

Таким образом, пока Европа, казалось бы, шла к лучшему будущему по пути, правильность которого доказали восемнадцать столетий, в талмудистских местечках России сионизм присоединился к коммунизму, как вторая сила из тех двух, которым предназначено было прервать этот процесс. Задачей коммунизма было совратить людские массы; это было то самое «великое народное движение», предвиденное Дизраэли, с помощью которого «тайные общества» работали над разрушением Европы. Сионизм занялся совращением правителей на верхах. Ни одна из этих двух сил не могла бы иметь успеха без помощи другой, поскольку неиспорченные и сохранившие авторитет государственные мужи справились бы с революцией, как они справились с ней в 1848 году.

Сионизм был ответом талмудистского центра в России на эмансипацию западных евреев, предписав этим последним не сливаться с другими народами, но оставаться обособленными. Никогда ещё с вавилонских времён правящая секта не осмеливалась разыгрывать карту возвращения в землю обетованную и она не сможет быть разыграна в будущем, если их теперешняя попытка в конечном

итоге потерпит фиаско. Этим и объясняется осторожность талмудистов; они прибегли к этому последнему средству лишь когда прогресс еврейской эмансипации стал угрожать их жизненным интересам — власти над еврейством. До тех пор они обзывали ложными мессиями всех, кто утверждал, что пришёл «день исполнения». Если бы Саббатай Цеви, Кромвель или Наполеон были в состоянии отдать им Палестину, они могли бы объявить того или другого Мессией: теперь они объявили Мессией *самих себя,* а столь рискованный шаг вряд ли может быть повторён когда-либо в будущем. Исторически, поэтому, мы вероятно подходим к концу разрушительного плана сионистов, поскольку он явно неосуществим; однако, и мы, и будущие поколения ещё дорого заплатим за то, что поддержали это предприятие.

Наиболее полную информацию о родственных корнях двойников — коммунизма и сионизма — как и об их общей конечной цели даёт книга доктора Хаима Вейцмана (см. библиографию). Он присутствовал при рождении сионизма и был его полномочным коммивояжёром во многих странах; в продолжении сорока лет он был любимцем монархов, президентов и министров, став затем первым президентом сионистского государства, и он же описал всё это с удивительной откровенностью. Он показывает, как почти сто лет тому назад, в отдалённых местечках еврейской черты оседлости была выработана стратегия, результаты которой закружили, словно в водовороте, народы Европы и всего Запада. Захваченными этими событиями оказались американцы и англичане, немцы и французы, итальянцы, поляки и русские, скандинавские, балтийские, балканские и все другие народы. Человеческая кровь и богатства всего мира лились как вода из открытого крана, только чтобы помочь коммунистам и сионистам достигнуть своих целей. Миллионы людей, ещё живых и уже умерших, участвуя в двух войнах, помогали этим двум дополняющим друг друга силам. Родившиеся сейчас также унаследуют свою часть в неизбежных взрывах, к которым эти обе силы приведут человечество. От их действий страдают и евреи, в пропорционально меньшей степени, чем широкие массы других народов. Книга Вейцмана показывает нынешним историкам начала и истоки всего этого; теперь это предприятие достигло нашей действительности, день ото дня придавая ей форму, задуманную много раньше.

Вейцман пишет, что в России было три группы евреев. К первой из них относились евреи, искавшие «мира в городе» и хотевшие стать лояльными гражданами России, как большинство евреев на Западе стали лояльными немцами, французами и т. д. Эта группа стремилась к эмансипации и состояла, главным образом, из способных и работящих людей, которые боялись власти талмудистов и рады были освободиться от местечкового гнёта. Для Вейцмана эта группа — лишь малочисленные и вовсе нетипичные «ренегаты», и как он пренебрегает ими, так должны и мы выбросить их из нашей истории, поскольку ей овладевают обе другие группы. По указу талмудистов эта группа тоже «исчезает с лица земли», вернее — их отлучают.

Остальные евреи в России (т. е. местечковая масса, жившая под властью Талмуда) делились на две группы по линии, проходившей по вертикали внутри домов и семей, включая дом и семью самого Вейцмана. Обе группы были революционными, то есть они дружно работали по разрушению России. Они расходились только в своём отношении к сионизму. Группа «революционеров-коммунистов» считала, что полная «эмансипация» евреев будет достигнута когда мировая революция уничтожит все национальные государства, заменив их собой. Группа «революционеров-сионистов», полностью признавая необходимость мировой революции для их дела, считала, что эта «эмансипация» наступит только после того, как еврейская нация будет восстановлена в своём государстве.

Ясно, что сионистская группа стояла ближе к ортодоксальному талмудизму, поскольку, согласно Закону, разрушение было только средством для достижения господства, а господствующей нации предписано было обосноваться в Иерусалиме. В общинах и семьях шли жестокие споры. Коммунисты обвиняли сионизм в подрыве дела революции, которая отрицала «расу и веру»; сионисты отвечали, что революция должна привести к восстановлению избранной нации, для которой раса одновременно являлась и верой. Тот или иной член семьи возможно искренне придерживался одной или другой точки зрения, однако в действительности всё это не имело никакого значения. Ни одна, ни другая группа не могли бы возникнуть в крепко зажатых в тиски еврейских общинах без согласия раввинов. Если бы они объявили коммунизм «проступком», а сионизм — «соблюдением» талмудистских «законов и предписаний» — в местечках остались бы одни сионисты. Глядя в будущее поверх голов местечкового еврейства, правящая секта считала обе группы полезными для достижения её конечной цели, а цитированный нами выше Дизраэли указал и её мотивы. Начиная с середины прошлого столетия, история революции — это коммунизм и сионизм, направляемый из одного центра по разным путям к единой цели.

Вейцман описывает характерный пример разногласий между членами заговорщической семьи, не

видевшими конечных целей высшей стратегии и ожесточённо спорившими между собой о «революционном коммунизме». Его мать, тип еврейского матриарха, спокойно отмечала, что если окажется правым её сын, революционер-коммунист, то ей будет хорошо в России, а если прав будет другой сын, революционер-сионист, то ей будет также хорошо и в Палестине. В конце концов, «правы» оказались оба, и их родительница, не худо проведя несколько лет в большевистской Москве, поехала оканчивать свои дни в сионистской Палестине. Это было после того, как оба заговора, втайне выросшие бок-о-бок, восторжествовали в одну и ту же неделю в 1917 году.

Коммунизм давно уже был вполне организованной, хотя всё ещё тайной, заговорщической партией, когда сионизм впервые принял организованную (разумеется, тоже тайную) форму в еврейском движении «Чибат Сион» (Любовь к Сиону). Оно возникло в Пинске, где Вейцман учился в русской школе, т. ч. уже мальчиком его путь привёл его к революционно-сионистскому крылу заговора против России. В детские годы он оказался свидетелем событий, грозивших разрушить легенду о «преследовании евреев в России», на которой строилась талмудистская пропаганда во внешнем мире, не знавшем русской действительности. В 1861 году император Александр Второй освободил 23 миллиона крепостных крестьян. С этого момента открылся путь к свободе и прогрессу, по примеру западной Европы, для российских граждан всех национальностей, которых в России было около ста шестидесяти, причём евреи составляли 4% её населения. В течение полных 20 лет после освобождения крестьян евреи, по указанию талмудистов, оказывали ожесточённое сопротивление «всем попыткам улучшения их положения» (Кастейн). В марте 1881 года Александр Второй намеревался завершить дело всей своей жизни дарованием парламентской конституции. Комментарий Кастейна говорит сам за себя: «Неудивительно, что в заговоре, закончившемся убийством Александра Второго, принимала участие еврейка». (Прим. перев.: В заговоре принимали участие несколько евреев, а бросить бомбу в царя вызвался Гольденберг; только, чтобы отвести неизбежный взрыв народного гнева от евреев, убийстве было поручено русскому. После цареубийства по России прокатилась *первая* волна еврейских погромов, известных ранее лишь, как единичные случаи).

Это убийство было большим успехом в стараниях революционеров не допустить эмансипации, и за ним последовали другие, того же рода. Оно восстановило идеальную картину, нарисованную Моисеем Гессом (Moses Hess), одним из ранних пропагандистов сионизма, сразу же после освобождения русских крестьян: «Мы евреи всегда останемся чужими среди других народов. Правда, из соображений гуманности и справедливости, они дадут нам все гражданские права, но они никогда не будут уважать нас, пока мы отставим на задний план наше великое прошлое, по принципу — моя родина там, где мне хорошо живётся».

В это же время другой глашатай сионизма. Лев Пинскер, опубликовал книгу «Автоэмансипация» (русский перевод, под этим заглавием, Ю. Гессена, СПБ. 1898 — *прим. перев.*). Само заглавие было угрозой, понятной для посвящённых; оно означало: «мы никогда не примем никакой эмансипации от других; мы эмансипируем себя сами и дадим „эмансипации“ наше собственное содержание». Пинскер писал далее: «Существует неумолимый и неизбежный конфликт между людьми, известными под именем евреев, и другими людьми». А затем он изложил свой план «само-эмансипации» и «восстановления еврейской нации»: для достижения этой цели, писал он, *нужно вступить в борьбу, имея твёрдое намерение оказать непреодолимое давление на международную политику настоящего времени».* Читателю надо хорошо запомнить эти слова, написанные в 1882 году и одни из самых знаменательных во всей нашей истории. Они указывают на знание будущего с почти сверхъестественной точностью.

Это легко себе представить путём сравнения, скажем, с каким-нибудь польским патриотом-эмигрантом, тоже рассуждающим время от времени об «оказании непреодолимого давления на международную политику». Политические беженцы обычно ожидают исполнения своих надежд, проводя время в эмигрантских кафе, и они счастливы если второй секретарь помощника министра уделит им полчаса времени. Когда Пинскер писал эти слова, он был безвестным еврейским эмигрантом в Берлине, почти неизвестным за пределами революционных кружков, и они могли легко показаться нелепейшей претензией, если бы события последующих семидесяти лет не доказали, что он очень хорошо знал, о чём писал. Он явно знал, почему и как победит сионизм. Другими словами, заговор, задолго того, как о нём стали догадываться во внешнем мире, уже располагал могущественной поддержкой далеко за пределами России, и какому-то, никому неизвестному Пинскеру были хорошо известны методы, с помощью которых должны были перекраиваться судьбы всего мира.

Пока этот двухголовый заговор разрастался в России, Вейцман подрос и начал играть в нём заметную роль. Заметим, кстати, что слово «заговор» — не изобретение автора этой книги, Вейцман

открыто его употребляет. Он ненавидел Россию и перебрался в Германию, — разумеется, без малейших затруднений. Один вид немецких «эмансипированных» евреев настолько его возмутил, что Вейцман затосковал по милым русским местечкам, посещая их во время отпусков и праздников, и возобновив, как он сам пишет, своё участие в заговоре. Позже, в университетах эмансипированного Запада, он вёл уже открытую борьбу за де-эмансипанию европейских евреев, быстро почуявших опасность и с презрением отвернувшихся от «diese Ostjuden».

Немецкий еврей Габриэль Ризер отчитал местечковых революционеров следующими словами: «Мы не приехали сюда эмигрантами, мы здесь родились, и именно потому, что мы здесь родились, мы не претендуем на родину в другом месте; мы либо немцы, либо же вообще бездомные люди». Точно так же думали и раввины реформированного иудаизма: «Мысль о Мессии заслуживает полного внимания в наших молитвах, но надо исключить из них все просьбы о возвращении в землю наших предков и о восстановлении еврейского государства».

Эти евреи оставались верны обязательствам, принятым наполеоновским Синедрионом. Они примирились с остальным человечеством, и невозможно было предположить, чтобы талмудисты снова могли сделать их своими рабами, как в древности Неемия закрепостил их предков. Кастейн пишет с отвращение что к концу 19-го столетия «каждый пятый еврей был женат на не-еврейке», а ещё более его возмущало, что во время мировой войны «на всех фронтах евреи сражались друг против друга; это трагедия… которая будет повторяться… до тех пор, пока евреев будут *принуждать* исполнять обязанности граждан страны их поселения» (подчёркнуто нами).

Тень нового талмудистского плена нависла над евреями Запада, и его угроза была гораздо ближе, чем они могли подозревать. Сионские мудрецы в России вели подготовительную работу в течение десятилетий и к концу прошлого века всё было готово для «оказания непреодолимого давления на международную политику настоящего времени». Непревзойдённым мастером этого давления стал кочующий сионистский премьер, молодой Хаим Вейцман. Он посетил многие города и университеты Европы, путешествуя из Дармштадта в Берлин и из Берлина в Женеву, закладывая повсюду бомбы замедленного действия на будущее и готовясь к новым задачам в 20-ом веке.

К самому концу столетия события получили неожиданное ускорение, как будто некая долго строившаяся машина была теперь закончена и пущена на полный ход. Всё еврейство сразу почувствовало её пульсирующее действие, однако, менее чувствительные к таким вибрациям нееврейские массы не заметили ровно ничего. Преемником Моисея Гесса вышел на сцену ещё один еврей из России — Ашер Гинсбург, он же Ахад-Гаам, объявивший, что евреи не только уже создали свою нацию, но должны получить теперь в Палестине собственное еврейское государство. Для евреев западной Европы это был всего лишь ещё один голос из далёкой России: их главной слабостью была недооценка силы организованной слитной массы местечкового еврейства на востоке. Во всяком случае, они не в состоянии были представить себе, что эта сила сможет оказать влияние на судьбы Европы.

Явным предостережением для них явилась опубликованная в 1896 году, в год смерти «пророка» Монка, книга Теодора Герцля «Еврейское Государство». С выходом этой книги кот влез в голубятню, а вскоре и голуби были в коте. Единство западных евреев было поколеблено, поскольку Герцль не был ни восточным евреем, ни выходцем из России. Он был одним из них, по крайней мере они считали его своим. Он казался образцом эмансипированного еврея, но был на стороне сионистов. Дрожь беспокойного предчувствия пронизала всё еврейство, однако христианский мир, имевший гораздо больше причин для беспокойства, продолжал оставаться в блаженном неведении дальнейшие 60 лет.

Глава 25
Всемирная сионистская организация

Если появление таких людей, как Карл Маркс и Теодор Герцль, самих по себе незначительных, но способных в нужный момент вызвать великие потрясения, было простой случайностью, то остаётся лишь предположить, что случай тоже был успешно завербован тайным анти-христианским заговором в прошедшем столетии. Более правдоподобным представляется объяснение, что события развивались под контролем руководящего центра, который выбрал, а если не выбрал, то использовал Герцля для предназначенной ему роли. В пользу этого объяснения говорит и краткость его карьеры, подобно комете на небосклоне, и презрительная манера, с которой он был выброшен, когда дело было сделано, и даже его быстрый и довольно странный конец.

Чтобы понять Герцля и его успех, нужно знать Вену и венскую атмосферу в начале двадцатого столетия. Дряхлеющая монархия и шаткая аристократия, класс евреев, быстро и неожиданно

подымавшийся по ступеням общественной лестницы, всё это производило большое впечатление на еврейские массы. Не столько еврейская газета «Neue Freie Presse», сколько писавший в ней д-р Герцль разъяснял им, куда движется мир, и указывал, что они должны делать, а в политиканствующих венских кафе «оберы» спешили обслужить «Herrn Doktor». Всё это было ново и интересно, а тщеславные Герцли и де Бловицы тех дней выглядели важными персонами. Когда Герцль объявил себя глашатаем Сиона, неуверенность западных евреев стала сменяться благоговейным страхом. Если доктор Герцль мог *так* разговаривать с великими державами, то может быть и в самом деле прав был он, а не наполеоновский Синедрион? Неужели правда, что политика делалась в кабинете доктора Герцля, а не в министерстве иностранных дел на Ballhausplatz? Если бы какой-то русский еврей написал «Еврейское государство» или собрался организовывать сионистский кагал, западные евреи игнорировали бы его, резонно опасаясь заговора со стороны пришельцев с Востока и предвидя его последствия. Однако, если уж даже доктор Герцль, полностью эмансипированный западный евреи, считал, что евреям нужно снова обособляться в отдельную нацию, дело становилось серьёзным.

По словам Герцля, в реальности «антисемитизма» его убедило знаменитое дело Дрейфуса. Сам термин был изобретён сравнительно недавно, хотя Кастейн и пытается доказать, что «антисемитизм» существовал с незапамятных времён, «с тех пор, как иудаизм вступил в контакт с соседними народами не только на основах враждебности». (По этому определению оборонительная война — антисемитизм, хотя «соседи», т. е. племена, воевавшие с иудеями в древности, были сами семитами. Как бы то ни было слова: «не только на основах враждебности» — прекрасный образец упомянутого уже ранее сионистского пильпулизма, т. е. способности прятать и изменять смысл сказанного умелым подбором слов).

Если Герцль утверждает, что к сионизму его привёл процесс Дрейфуса, то это утверждение лишено всякого логического смысла. Дело Дрейфуса доказало евреям, что, благодаря эмансипации, им обеспечена полная беспристрастность судопроизводства. Никогда защита не была столь публичной и реабилитация столь полной, как в деле Дрейфуса. В наше время целые народы на востоке от Берлина лишены всех прав и не защищены никакими законами, и Запад, поставивший свою подпись под их порабощением, совершенно безразличен к их страданиям там сажают в тюрьмы и убивают людей без обвинения и суда. На Западе, однако, ещё и сегодня дело Дрейфуса — классический образен правосудия — цитируется еврейскими пропагандистами, как пример несправедливости. Если бы вопрос «за» или «против» сионизма зависел от исхода дела Дрейфуса, то само слово «сионизм» давно уже должно было бы исчезнуть из обращения.

Как бы то ни было, Герцль требовал, чтобы «*нам были даны суверенные права над достаточно большой частью земного шара, чтобы удовлетворить законные нужды нации*» (он не упоминал определённой территории и не требовал именно Палестины). Впервые идея воссоздания еврейского государства была. таким образом, поставлена на оживлённое обсуждение западных евреев. (Для не-еврейского мира этой проблемы вообще ещё не существовало. Когда в 1841 г. на конференции стран Европы обсуждался вопрос Сирии, английский консул в Смирне, некий полковник Черчилль, предложил создать еврейское государство в Палестине; его предложение, по-видимому, даже не подверглось обсуждению). Лондонская еврейская газета «Jewish Chronicle» охарактеризовала книгу Герцля, как «одно из самых удивительных предложений, вторые когда-либо были сделаны». Это, видимо, ободрило Герцля, и он поехал в Лондон, тогдашний центр мировой политики, проводить свою идею в жизнь. После успешных собраний в еврейском Ист-Энде он решил созвать обще-еврейский съезд.

В марте 1897 года евреям «всего мира» было предложено прислать делегатов на «Сионистский Конгресс» в августе того же года в Мюнхене. Западноевропейские евреи были решительно против этой затеи. Протесты посыпались сначала со стороны раввинов Германии, а затем и от мюнхенских евреев, так что пришлось перенести конгресс в швейцарский город Базель. Реформированное еврейство Америки ещё за два года до конгресса объявило, что оно «не ожидает ни возвращения в Палестину… ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства». Когда раввин Стефен Уайз (Stephen Wise, в будущем один из влиятельнейших «советников» президента Франклина Рузвельта) хотел в *1899 году* опубликовать труд о сионизме, то Еврейское Издательское Общество Америки ответило ему через своего секретаря, что оно не может взять на себя риск издания такой книги.

На конгресс Герцля прибыло 197 делегатов, в большинстве своём из восточной Европы. Эта группа лиц объявила о создании «Всемирной Сионистской Организации», которая провозгласила евреев отдельной нацией, поставив своей целью добиться для неё «общественно признанного и юридически гарантированного дома», а Герцль заявил, что «еврейское государство уже существует». Что произошло

в действительности, было собранием в Базеле небольшой группы евреев, претендовавшей на представительство *всего* еврейства, но категорически отвергнутой многочисленными организациями западных евреев.

Тем не менее их предложения, как бы они ни выглядели в то время, были поставлены на повестку дня международной политики. Фактически, Базельский конгресс был новым Синедрионом, созванным для отмены обязательств, принятых наполеоновским за 90 лет до того. Первый Синедрион отверг признание евреев отдельной нацией и все поползновения создать еврейское государство. Новый Синедрион объявил евреев самостоятельной нацией с требованием собственной государственности. Наш современник, раввин Эльмер Бергер, оценил события за полвека до наших дней следующим образом: «Здесь клин еврейского национализма был вбит между евреями и другими людьми. Здесь были отлиты формы геттоизма, в которые втиснули жизнь не эмансипированных евреев, чтобы не допустить естественного процесса эмансипации и интеграции»

У наполеоновского Синедриона был один серьёзный недостаток, вероятно не замеченный Наполеоном, но ставший очевидным в наше время. Он представлял одних только *западных* евреев, и трудно ожидать, чтобы императору была известна сила слитной массы талмудистских евреев в России, если она ускользнула даже от внимания Герцля, который, казалось бы, должен был быть больше в курсе дела. Он сделал это неожиданное для него открытие только во время Базельского конгресса, созванного им в полной уверенности относительно полной поддержки его со стороны всех делегатов: «и тогда… перед нами вдруг поднялось русское еврейство, *силу которого мы даже не подозревали.* Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. *Какое унижение для нас, не сомневавшихся с своём превосходстве».*

Так Герцль неожиданно оказался лицом к лицу со своими хозяевами и с тем заговором, который с его помощью должен был распространиться на весь Запад. Как и многие из его преемников, он объявил войну эмансипации, не зная характера той силы, которой он помогал. Вскоре он остался один, будучи только застрельщиком, сделавшим своё дело, после чего на сцену вышли настоящие хозяева. Он выковал для них орудие, которое они применили для наступления на Европу. Сменившему его настоящему вождю, Хаиму Вейцману, это было вполне ясно: «Заслуга Герцля заключалась в том, что он создал центральную парламентскую власть сионизма… впервые за всю историю еврейства в рассеянии правительство великой державы официально вело переговоры с выборными представителями еврейского народа. Этим было восстановлено юридическое лицо еврейского народа и признано его существование, как такового».

Надо думать, что Вейцман втихомолку посмеивался, употребляя термины «парламентский» и «выборный». Однако, вторая из приведённых выше фраз отмечает весьма знаменательный факт. Базельским конспираторам, от которых сторонилось с недоверием большинство западных евреев, и их декларациям могло придать авторитет и значение только то, что в те времена никому не представлялось возможным — их признание одной из великих держав. Эта немыслимая вещь произошла через несколько лет после конгресса, когда британское правительство предложило в качестве поселения для евреев Уганду, и именно на это намекает Вейцман. С этого момента западные великие державы фактически признали местечковых талмудистов в России представителями *всего еврейства,* и именно с этого момента сионистская революция вошла в историю Запада.

Так закончилось столетие эмансипации, начавшееся столь светлыми перспективами слияния евреев с остальным человечеством, и теперь пророческие слова Хустона Стюарта Чемберлена, написанные незадолго *до* Базельского конгресса, стали правдой и живой реальностью. Комментируя слова, написанные Гердером (Johann Gottfried von Herder, 1744—1803) за 100 лет до него: «неразвитые народы Европы стали добровольными рабами еврейских ростовщиков», Чемберлен (Houston Stewart Chamberlain, 1855—1927, немецкий писатель и философ английского происхождения — *прим. перев.*) констатировал, что в течение девятнадцатого столетия «произошли большие перемены… сегодня Гердер мог бы сказать то же самое о подавляющей части всего цивилизованного мира… Прямое влияние иудаизма на весь 19-ый век стало одной из жгучих проблем современности. Мы имеем здесь дело с вопросом, касающимся не только наших дней, но и будущего всего мира».

С образованием всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали, как власть, стоящую выше их самих, эта «жгучая проблема» стала управлять ходом исторических событий. То, что от неё зависит и «будущее всего мира», стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью констатировать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государство, и они мечутся с тех пор

взад и вперёд по земному шару, пытаясь предупредить это «завершение».

Глава 26
Ересь доктора Герцля

В течение шести лет, с 1897 по 1903 гг., доктор Теодор Герцль, рядовой сотрудник венской еврейской газеты «Neue Freie Presse», был мировой фигурой совершенно необычного характера. Он создал сионизм, как организованную политическую силу, и это стало роковым, как для него самого, так и для многих других евреев, пошедших по его стопам. Он ввёл сионизм в жизнь Запада, хотя сам он был при этом всего лишь маловажной тенью, продуктом венских кафе с их «Sacher Torte» и «Kaffee mit Schlagober». Он оказался в роли человека, которого ловкий антрепренёр использовал ради его связей, выбросив за борт, как только дело хорошо стало на ноги. Он никогда не был настоящим вождём сионизма, начав понимать это уже на первом конгрессе 1897 года, когда он со страхом и тревогой заметил, что «перед нами вдруг поднялось русское еврейство, силу которого мы даже не подозревали»; к 1904 году его жалкая роль пленника в чужих руках стала ему совершенно ясна, и это убило его.

Он написал как-то, что в Базеле в 1897 году «я основал еврейское государство… *навязав нашим людям* чувство гражданственности *и заставив их чувствовать себя Национальным Собранием* ». Последующие шесть лет подтвердили на конкретных событиях то, что имел в виду в *1882 г* . Лев Пинскер, говоря об «оказании непреодолимого давления на международную политику настоящего времени». Венский журналист Герцль, родом из Будапешта, начал своё триумфальное турне по столицам, летая, как цирковой артист в ослепительном свете с трапеции на трапецию, по высшему свету Европы. Императоры, власть имущие и государственные мужи принимали его, видя в нём представителя всех евреев, однако разница между тем, чем он казался, и чем он был в действительности, была немалой; его ближайший помощник Макс Нордау сказал после его смерти: «У нашего народа *был* Герцль, но у Герцля никогда не было своего народа»; талмудистский раввинат на востоке презирал его как очередного ложного мессию, стоя между ним и сколько-нибудь существенной массой последователей.

Мир, в котором вращался Герцль, казался крепко стоящим на непоколебимых основах. Коронованная вдова в Виндзорском замке и стареющий барин в Шенбруннском дворце были любимцами своих народов; кайзер в Берлине тоже не молодел, становясь мягче и обходительнее; русский царь всё ещё был «царём батюшкой» для своего народа; повсюду царили законность и право людей на справедливый суд; фабричное закрепощение уступало место человечным условиям труда. Однако повсюду правители и политики знали, что для полного успеха нужно время, и боялись, что мировая революция остановит этот процесс, уничтожив достигнутое, ибо к этому времени тайный заговор Вейсхаупта, разрастаясь в описанную Дизраэли «сеть тайных обществ», превратился в социалистическую партию коммунизма, организованную во всех странах.

Метод Герцля заключался в эксплуатации этого всеобщего страха для достижения его цели — создания еврейского государства. Он обещал внутренний мир там, где эта цель будет поддержана, и революцию в противном случае, утверждая, что говорит от имени всех евреев. Это, разумеется, равнялось признанию, что руководство мировой революцией было в еврейских руках, лишний раз подтверждая то, что давно уже было сказано Дизраэли и Бакуниным. Свою веру в действенность этого метода он выразил знаменитой фразой: «Когда мы тонем, мы становимся революционным пролетариатом; когда мы идём в гору, растёт всемогущая власть наших денег».

Великому герцогу Баденскому Герцль обещал ослабить революционную пропаганду в Европе в соответствии с удовлетворением властями его территориальных амбиций. После этого, у ворот Иерусалима с ним беседовал германский кайзер, в каске и верхом на белом коне, обещав передать султану предложение Герцля о создании в Палестине договорной компании под германским протекторатом. Когда из этого ничего не вышло, Герцль пригрозил революцией и кайзеру: «Если наше дело провалится, то *сотни тысяч наших сторонников* , *как один человек* , вступят в революционные партии».

В России Герцль был принят царём и говорил с ним в том же духе (Прим. перев. — Русский царь Герцля не принимал, он был принят министром вн. дел Плеве). Примерно в то же время происходил третий Всемирный Сионистский Конгресс, на котором было постановлено, что каждый еврей, ставший членом сионистской организации, *признаёт суверенную власть тогда ещё мифического еврейского государства* . Раввин Эльмер Бергер отмечает, что тем самым «сплочённое, геттоизированное существование еврейства снова стало реальностью в ещё более широком масштабе, чем когда-либо

раньше».

Следующим владыкой, с которым разговаривал Герцль, был турецкий султан. Все эти путешествия не привели ни к чему существенному, но когда он перенёс свою деятельность в Англию, ему удалось добиться крупного успеха. Подготовляя там одно из решающих событий в мировой истории, он явно имел доступ к самым высшим сферам, и его нигде не записанные переговоры определяли судьбы не только тех англичан, которые тогда ещё лежали в колыбелях, но и их детей и внуков.

Кто устраивал какому-то доктору Герцлю из Вены приёмы у великих мира сего во всех странах Европы и по чьим советам они терпеливо выслушивали его наглые и в то же время угрожающие требования? Ясно, что «царские врата» (его собственное выражение) раскрывались перед ним не только потому, что он собрал в Базеле 197 столь же малоизвестных лиц, принявших какую-то резолюцию. Другие, гораздо более влиятельные чем он должны были приложить руку к делу, устранив с его пути швейцаров, лакеев, секретарей, камергеров и всех прочих, призванных не допускать назойливых посетителей к своим хозяевам.

Здесь наша повесть переходит в область, секреты которой охраняются особенно ревниво. Источники мировой революции, её цели и захват её руководства евреями доказаны множеством собранных за это время документов; существование описанной Дизраэли, «сети», покрывающей земной шар, известно всем; характер «революционного пролетариата» тоже вполне ясен. Однако, кроме всего этого существовала и вторая «сеть» влиятельных людей в высших сферах, где власть денежного мешка могла быть использована для оказания «непреодолимого давления на международную политику». Именно эта сеть людей, работающих во всех странах на достижение одной, общей цели, и позволила Герцлю с его домогательствами проникнуть на самые высшие ступени.

Опытные наблюдатели мировой политики знают об этой силе, по сей день действующей на высшем уровне международных отношений. Сионистские пропагандисты делают вид, будто еврейская оппозиция сионизму исходила из одних только кругов «солидных евреев», «еврейских магнатов» и «богачей» (все эти определения постоянно встречаются, например, в книге Хаима Вейцмана). В действительности же раскол в иудаизме шёл по вертикали, равно затрагивая и богатых, и бедных, и хотя большинство западных евреев было решительно враждебно сионизму, но в числе про-сионистского меньшинства были именно наиболее влиятельные и богатые евреи. Они одни в состоянии были обеспечить сионистскому призраку в лице Герцля успех его балетных прыжков в стиле Нижинского во дворцы и министерские кабинеты, куда он вдруг стал вхож, как если бы родился знатной персоной. Его покровители явно были в союзе с организованной силой сионизма — местечковыми общинами русского талмудизма. Кастейн пишет, что «исполнительный комитет», созданный в Базеле 197-ю делегатами, «был первым *воплощением* настоящего *еврейского интернационала* ». Другими словами, что существовало и раньше, получило теперь своё видимое выражение. «Еврейский интернационал» давно был налицо и притом достаточно силён, чтобы обеспечить Герцлю аудиенции у королей и министров.

Об этой международной «сети» законспирированных единомышленников в дни доктора Герцля на самом высшем уровне европейского общества историк может составить себе представление только путём тщательного сопоставления мозаики отдельных эпизодов и наблюдений (в наши дни их существование и согласованные действия наглядно доказуемы, как будет показано в дальнейших главах, на основании растущей массы литературы и документальных свидетельств). Например, Вейцман пишет, что когда он в разговоре с Герцлем назвал влиятельного английского еврея, сэра Френсиса Монтефиоре, дураком, то Герцль ему возразил: «Зато он открывает мне царские врата». Далее, некий барон Гирш, венский еврей и банкир, был главным покровителем Герцля, снабжавшим его деньгами; о нём австрийский историк, граф Карл Лоньяй (см. библиографию) сообщает, что он отвалил немалый куш (100 000 гульденов) кронпринцу Рудольфу Австрийскому, когда тот, перед самоубийством в Майерлинге, пожелал обеспечить одну из свою «приятельниц». Сделано это было «в благодарность за услугу, оказанную кронпринцем банкиру в декабре (очевидно 1888 г. — *прим. перев.*), когда тот устроил ему встречу с принцем Уэльским», будущим королём Англии, Эдуардом VII. В результате этой встречи, барон Гирш стал доверенным лицом принца Уэльского, частным банкиром и финансовым советником будущего английского короля. Он же был шурином английского банкира Бишофсгейма, совладельца лондонской еврейской финансовой фирмы Бишофсгейм и Гольдсмит; другим совладельцем той же компании был родившийся в Германии, богатейший еврей сэр Эрнест Кассель. Как пишет в своём биографическом исследовании английский историк Брайан Коннель (см. библиографию), сэр Эрнест унаследовал от барона Гирша дружбу с будущим английским королём:

«Если Гирш был доверенным лицом, то Кассель стал ближайшим личным другом Эдуарда VII». Он был последним, кто видел короля перед его смертью; король в день смерти настаивал на обещанном сэру Эрнесту разговоре и должен был встать с постели, чтобы одеться. Заканчивая эту историю, Коннель пишет: «Существовало *маленькое интернациональное братство* , в котором он (Кассель) был вероятно ведущим членом среди людей с аналогичным положением, с которыми он сблизился во время своих многочисленных путешествий. В их числе были: Макс Варбург, глава большого банкирского дома в Гамбурге; Эдуард Нетцлин, президент Парижского и Нидерландского банках Париже; Франц Филипсон — банкир в Брюсселе; Вертхейм и Гомперц в Амстердаме, также банкиры, и прежде всего Яков Шифф из фирмы Кун, Леб и Ко в Нью-Йорке. *Этих людей связывали воедино общность расы и интересов . Тонкая паутина их связей реагировала на малейшее прикосновение . Они поддерживали между собой невероятно точную сеть экономической , политической и финансовой разведки на самом высшем уровне . Они могли прекратить поддержку в одном месте и предоставить фонды в другом* ; *они могли с быстротой молнии и в полной тайне перебрасывать громадные суммы денег из одного конца своей финансовой империи в другой* , *влияя на политические решения в десятках различных стран* ».

«Общность расы и интересов… паутина… сеть… разведка на высшем уровне… перебрасывание громадных денежных сумм… влияние на политические решения…»; трудно сомневаться в том, что это и был тот «еврейский интернационал», о котором писал Кастейн, и тот аппарат, который действовал поверх всех государственных границ, поддерживая и продвигая Герцля. Ничем иным нельзя объяснить последующие действия британского правительства, и если ранее ещё могли существовать какие-то сомнения относительно согласованных действий этих сил, за спиной всех народов и без всякого их участия, то события середины нашего века их окончательно развеяли. С такой силой за спиной, доктор Герцль мог предъявлять требования и угрожать. Среди могущественных людей, входивших в состав этого международного директората (это обозначение отнюдь не представляется нам преувеличенным), в то время может быть ещё и не все уверовали в сионизм, а некоторые возможно в душе его вовсе и не одобряли. Тем не менее, по глубокому убеждению автора этих строк, даже они были недостаточно сильны, чтобы противодействовать или хотя бы только отказать в поддержке политике, которую преследовали старейшины секты сионских мудрецов.

Разъезды Герцля начинали втайне приносить плоды, и он продолжал свои путешествия. Маленький венгерский еврей немало гордился своим неожиданным возвышением, наслаждаясь элегантным обществом во фраках и белых перчатках, с приёмами при свете канделябров. Талмудистские мудрецы из грязных местечек черты оседлости, выросшие в кафтанах и пейсах, презирали этого выхоленного представителя «западной эмансипации», но использовали его, готовясь а то же время от него отделаться.

В 1903 году в жизни Герцля произошло событие, напоминавшее то, что случилось с Саббатай Цеви в 1666 году. Он поехал в Россию, становясь во время посещений еврейских местечек объектом восторженных оваций со стороны наивных единоверцев, приветствовавших его почти как мессию. Он попробовал убедить русское правительство оказать давление на султана в предложенном им деле организации договорной компания в Палестине. Герцль произвёл некоторое впечатление на русского министра внутренних дел Плеве, которому он заявил, что действует «от имени всех российских евреев».

Если он сам верил этому, то очень скоро его постигло разочарование. Он сделал неожиданный шаг, свидетельствовавший либо о его безграничной смелости, либо же о полном непонимании того, что происходило вокруг него (с такими людьми, как он, это часто случается). Беседуя с Плеве, он выдвинул свой обычный аргумент — «либо сионизм, либо революция», а чтобы придать больший вес своим словам, Герцль призвал русских евреев *воздержаться от революционной деятельности* , обсуждая в русских правительственных кругах их «эмансипацию». Этим он подписал смертный приговор своей политической карьере, а вскоре приказал долго жить и сам. В глазах сионских мудрецов Герцль впал в ересь, сунувшись в запретную для него комнату. Они всеми силами старались предотвратить еврейскую эмансипацию в России, видя в ней потерю своей власти над еврейством. Кроме того, если бы его переговоры с русским правительством закончились успешно, то в стране наступило бы успокоение, а это означало бы конец пропагандным россказням о «преследовании евреев» в России.

Когда он вернулся, чтобы выступить на шестом конгрессе Всемирной Сионистской Организации, грозный рок встал перед ним в виде слитной массы русских евреев, и теперь это было уже не только «унизительным», как он писал ранее, но и прямой угрозой. В этот критический момент Герцль ещё воображал, ото у него в кармане козырной туз, и выложил его на стол, сообщив, что в результате переговоров в Лондоне, при поддержке «непреодолимого давления», британское правительство предложило ему, Герцлю из редакции «Neue Freie Presse» целую страну в Африке — Уганду! Если в

истории когда-либо произошло нечто, ещё более странное, то это явно ускользнуло от нашего внимания. Козырная карта Герцля оказалась двойкой. 295 делегатов проголосовали за принятие английского предложения, но 175 голосовали против; стало ясно, что Герцль говорил далеко не от имени *всех евреев* . Значительное большинство этих 175 несогласных были русскими евреями. Толпы простых евреев приветствовали в своё время Герцля, как мессию, но эти 175 эмиссаров местечкового раввината наложили на него проклятие, поскольку Уганда была бы концом их планов. Они демонстративно распростёрлись на полу, как это делается при оплакивании умерших или разрушения храма. Одна из женщин назвала великого доктора Герцля предателем, а после его ухода карта Уганды была разорвана в клочья.

Если верить тому, что говорил и писал Герцль, то ему навсегда осталось непонятным, почему еврейские эмиссары из России отказались даже и думать о каком-либо ином месте для евреев, кроме Палестины, и если он искренен, то он должен был отличаться поразительным простодушием. Вся его деятельность строилась на том, что необходимо предоставить «убежище» для «преследуемых евреев», а таковыми были разумеется евреи в России, поскольку во всех других странах они давно уже пользовались полным равноправием. Если так, то нужно было бы радоваться любому убежищу, и он сумел им его обеспечить; а если кто-нибудь из евреев предпочёл бы остаться в России, и переговоры Герцля с русским правительством об эмансипации, т. е. о полном уравнении в правах, также закончились бы успешно, то и эти оставшиеся получили бы в России всё, чего они только могли желать.

С точки зрения талмудистского раввината в России, дело обстояло, разумеется, совершенно по иному. Они тоже распространяли сказки о «преследовании евреев в России», не допуская никакой эмансипации на деле, но всё это нужно было исключительно для выполнения древнего «закона», требовавшего, прежде всего, захвата Палестины со всеми последствиями, также заранее предписанными «законом». Принятие Уганды стало бы судным днём талмудистского иудаизма. Вейцман описывает последнее унижение Герцля. После голосования он хотел встретиться с отвернувшимися от него евреями из России и пошёл в их комнату заседаний. «Он вошёл, усталый и осунувшийся. Его встретило гробовое молчание. Никто не поднялся, чтобы приветствовать его, никто не аплодировал когда он кончил говорить. Это был первый случай, когда собрание сионистов так встретило доктора Герцля: его, кумира всех сионистов».

Первый случай оказался и последним. Меньше, чем через год после этого, Герцль умер в возрасте всего лишь 44 лет и о его смерти трудно делать какие-либо заключения. Еврейские писатели сообщают о ней лишь весьма туманно. Еврейская Энциклопедия пишет, что в жизни ему пришлось претерпеть многое, и что этой было причиной его смерти, другие авторитетные источники отделываются столь же неясными, хотя и многозначительными намёками. Кто на протяжении многих столетий подвергался анафеме или отлучению со стороны правящей секты, часто умирали весьма скоро и при плачевных обстоятельствах. Историк быстро убеждается, что в этих вопросах он стоит перед загадками, недоступными для обычного исследования.

Любопытно, что близкий друг Герцля, его правая рука и известный сионистский публицист, Макс Нордау, прекрасно понимал всё происходящее и ясно предвидел будущее. Он продемонстрировал столь же поразительную способность, как до него Пинскер, заранее знать, как будут развиваться события, указав на последствия еврейского «непреодолимого давления на международную политику», в своё время отмеченного Пинскером. В ходе того же сионистского конгресса, на котором Герцль испытал своё фиаско и унижение, Макс Нордау (это, разумеется, псевдоним — его настоящее имя Зюдфельд) дал абсолютно точный прогноз событий: «Позвольте мне сказать несколько слов и показать вам ступеньки лестницы, которые поведут наше дело всё выше и выше: Герцль, сионистский конгресс, английское предложение Уганды, *будущая мировая война и мирная конференция* , *на которой с помощью Англии будет создана независимая еврейская Палестина* ». Это было сказано в 1903 году, и здесь явно говорил посвящённый, иллюминат, говорил человек, знавший цели и силу «еврейского интернационала». Макс Нордау сам помогал успеху предсказанного им хода событий, опубликовав в девяностых годах прошлого века несколько книг, получивших немалую известность, в том числе «Вырождение» («Degeneration», см. библиографию), в которой он описал христианский Запад, как непоправимо испорченный. Однако и Макс Нордау не довёл своих выводов до логического конца. Это сделал за него другой делегат конгресса, доктор Наум Соколов, заявивший, что «*настанет день* , *когда Иерусалим будет столицей мира во всём мире* ». Сейчас, в 1956 году, стремление сделать Иерусалим столицей мира уже настолько ясно, что западные правительства день-ото-дня опасаются, что сионистское государство захватит его силой; будет ли он столицей *мира* во всём мире, — весьма

сомнительно.[10]

После смерти Герцля атаку на предложение Уганды повёл Хаим Вейцман, и на седьмом сионистском конгрессе в 1905 году он добился того, что согласие на принятие английского предложения было взято обратно. С этого момента сионизм окончательно стал орудием в руках талмудистского раввината в России. Предложение Уганды и презрительный отказ от него со стороны еврейской правящей секты показывают полное безразличие последней к нуждам и желаниям еврейских масс, от имени которых она якобы выступала. При внимательном рассмотрении еврейского вопроса более правильным представляется даже говорить о прямой *враждебности руководства* к нуждам этих масс. Это становится ясным при анализе отношения к предложению Уганды трёх главных групп еврейства: западных евреев, русских евреев и тех евреев, о которых во всей описанной нами громкой полемике никогда даже не упоминалось, — евреев, уже проживавших в Палестине:

Евреи Запада были в то время настроены решительно против сионизма, как такового, что бы он им ни обещал: Уганду, Палестину или любое иное место; они хотели оставаться там, где они были. Русских евреев изображали как «преследуемых» и нуждающихся в «убежище», и, если бы это было правдой, то Уганда могла бы быть для них подходящим решением; бурные овации, которыми евреи в России повсюду приветствовали Герцля, говорили об их готовности следовать за ним куда угодно, если бы на то было позволение раввината. Остаётся подумать о евреях в Палестине.

Как показывает анализ фактов, общины этих настоящих евреев в Палестине страстно желали переселиться в Уганду и именно поэтому ожидовленные хазары в России, захватившие руководство сионизмом, объявили их «изменниками». Процитируем отзыв о них в 1945 году (!) со стороны сионистской организации в Тель-Авиве. «Позорно и горько было видеть всех этих людей… в своё время первых строителей еврейской Палестины, теперь публично отказывающимися от своего собственного прошлого… *Стремление Уганду соединялось у них со смертельной ненавистью к Палестине* … В общинных центрах первых еврейских колоний молодые люди, воспитанники школ «Израильского Союза» (Alliance Israelite), порочили Палестину, как страну трупов и могил, страну малярии и глазных болезней, страну губящую своих жителей. *И это не было мнением немногих* … Наоборот, лишь немногие кое-где… оставались лояльными… Вся Палестина была в состоянии брожения… *Оппозиция Уганде пришли в Палестину извне* , *а в самом Сионе все были против Сиона* ».

Всё, чего желали народные массы — еврейские или нееврейские — не имело после 1903 г. никакого значения. Отказ или принятие тех или иных предложений ничего не меняли; само предложение Уганды евреям означало, что отныне Европа вовлекалась в предприятие, которое в будущем неминуемо должно было привести к катастрофе. Как признал Вейцман, *этим своим актом* британское правительство признало русских талмудистов правительством над всеми евреями; этим признанием оно связало все будущие поколения англичан, а через десяток лет, когда были подготовлены соответственные условия, им же оказался связанным и американский народ. Этим актом 1903-го года начались бедствия нашего столетия. История Сиона стала с тех пор историей западных политиков, которые «под непреодолимым давлением» подчинялись требованиям могущественной секты. 1903 год был годом триумфа международного заговора, а для Европы он оказался столь же роковым, как и 1914 и 1939 годы, оба стоявшие под тенью того же заговора.

Глава 27
Протоколы сионских мудрецов

Пока сионизм созревал в течение прошлого столетия в местечковых гетто восточной Европы, превратившись в новую силу на международной арене, когда английское правительство предложило ему Уганду, в тех же самых областях талмудистского господства подготовлялся третий взрыв мировой революции. Эти две силы совместно шли вперёд, поддерживая друг друга, и мы уже указывали, что сионизм действовал угрозой коммунизма, дабы заставить европейские правительства удовлетворить его внеевропейские территориальные претензии. Как бы одновременно работали две турбины, накапливая то, что в действительности было *одной* силой, которая должна была вызвать гальванические потрясения в наступающем 20-ом столетии.

---

[10] ейчас, через 30 лет по написании этой книги и через 20 лет после захвата Иерусалима Израилем, комментарии к этим замечаниям автора представляются излишними. Читатель может и на этом примере убедиться, насколько правильными оказывались выводы Дугласа Рида из огромной массы собранной им информации.

Как свидетельствовали Дизраэли и Бакунин, руководство мировой революцией перешло в еврейские руки уже в середине 19-го столетия, и с тех пор изменились и её цели. Последователи Бакунина, стремившиеся к упразднению государства вообще, предвидя, что революционное государство станет ещё более деспотическим, чем все прежние, были устранены со сцены и о них забыли. Мировая революция обрела после этого формы «Коммунистического Манифеста» Карла Маркса, поставившего своей целью создание тоталитарного сверхгосударства, основанного на рабском труде и «конфискации человеческой свободы» (слова Токвиля, написанные ещё в 1848 году). Смена руководства и новые цели предопределили ход событий в 20-м столетии.

Однако, *методы* , с помощью которых должен был быть разрушен существующий строй, не изменились: это по-прежнему были метолы Вейсхаупта, раскрытые в его документах, опубликованных в 1787 году. Многочисленные источники в 19-ом веке показали, что первоначальный план Иллюминатов продолжал оставаться в течение всех последующих поколений методическим учебником революционеров всех направлений.

Эти источники пропагандировали или раскрывали планы разрушения различным образом, но первоначальный план всегда был ясно виден при сравнении с документами Вейсхаупта. В 1859 году Кретино-Жоли (Cretineau-Joly), бросил тяжкое обвинение еврейскому руководству «тайных обществ». Его книга воспроизводила материалы итальянского тайного общества «Haute Vente Romaine», переданные ему Папой Григорием XVI; подлинность их не подлежала сомнению. Руководителем этого тайного общества был итальянский князь, посвящённый в иллюминатство одним из ближайших доверенных Вейсхаупта (бароном Книгге) и являвшийся истинным воплощением иллюминизма. Внешний круг завербованных простаков был убеждён, что «цели ассоциации — нечто высокое и благородное, что это орден тех, кто стремится к чистоте морали, глубокому благочестию, независимости и единству Италии». По мере посвящения в более высокие степени, члены ордена постепенно узнавали его настоящие цели и давали клятву разрушить все религии и законные правительства; после этого их обучали тайнам убийств, отравлении, лжесвидетельствования, всему, что впервые было обнаружено в захваченных документах Вейсхаупта.

В 1862 году Карл Маркс основал свой Первый Интернационал, программа которого, т. н. «Коммунистический Манифест», с первого же взгляда выдаёт иллюминизм, как его источник. В тех же годах Бакунин организовал «Международный альянс социалистической демократии»: как показала в своём труде Неста Вебстер (см. библиографию), приведя выдержки из его программы, эта последняя представляла собой иллюминизм чистой воды. В 1864 г. французский оппозиционный журналист, Морис Жоли (Maurice Joly), опубликовал памфлет против Наполеона III, масона и карбонария, обвинив его в применении подобных же методов для развращения и подрыва общественного строя Франции (памфлет был написан в форме аллегории). В 1868 г. немецкий писатель Гедше (Goedsche) выступил на ту же тему, резко нападая в своих книгах на еврейское революционное руководство, а в 1869 г. этой темой занялся и французский роялист Гужено де Муссо (Gougenot Des Mousseaux). В этом же году Бакунин опубликовал свою «Полемику против евреев». Во всех этих произведениях в той или иной форме обнаруживается или обличается преемственность основной идеи, впервые раскрытой в материалах Вейсхаупта: уничтожение законных правительств, религий и наций и установление всемирного деспотизма для управления порабощёнными народами с помощью террора и насилия. В *некоторых* из этих публикаций евреи открыто обвинялись в захвате руководства революцией.

Затем в течение долгого времени никаких новых материалов о впервые раскрытом в 1787 г. мировом заговоре не появлялось, и только в 1905 году вышла в свет книга русского профессора Сергея Нилуса, сотрудника департамента инославных религий в Св. Синоде, один экземпляр которой имеется в Британском Музее в Лондоне, с датой поступления 10 августа 1906 г. Сведения об авторе и его книге несомненно представляли бы большой интерес, однако труд Нилуса не был переведён на другие языки, а тайна, окружающая книгу и автора делает всякое исследование чрезвычайно затруднительным. *Одна глава* этого труда была переведена на английский язык в 1920 году, что заслуживает быть особо отмеченным, поскольку, хотя книга появилась в России в 1905 г., шум и полемика вокруг неё начались лишь после появления английского перевода. Эта глава была опубликована в Англии и Америке под английским заглавием «Протоколы Учёных Старейшин Сиона» (The Protocols of the Learned Elders of Zion); автор этих строк не смог выяснить, было ли это название оригиналом или же оно появилось только в переводе.[11] Точно также нет формальных доказательств того, что книга Нилуса действительно

[11] Русское издание 1905 г. имело заглавием «Великое в Малом и Близ Грядущий Антихрист». В январе 1917 г. вышло 4-ое издание под заглавием «Близ есть, при дверех» (Матф. XXIV, 33) с подзаголовком «О том, чему не желают верить и что так

представляет собой протокол секретных заседаний еврейских «старейшин», и, с этой точки зрения, она документальной ценности не имеет.

С любой другой, однако, она имеет необычайное значение, ибо неопровержимый опыт (последующего времени) показывает, что книга эта — подлинный документ мирового заговора впервые обнаруженного в материалах Вейсхаупта. Много других *документальных* доказательств того же характера последовали за этим первым откровением, как было показано в данном труде, но она превосходит их. Другие свидетельства были отрывочными, сообщая отдельные эпизоды и наблюдения; эта — рисует полную картину заговора, его мотивы, методы и цели. Она добавляет мало нового к тому, что было уже известно частично (кроме недоказуемого авторства еврейских старейшин), но она ставит все части на нужное место и показывает всё целое. Книга точно описывает, что произошло в течение полувека после её публикации и всё что произойдёт в следующие 50 лет (которые теперь уже подходят к концу, и в которые была осуществлена значительная часть того, о чём говорится в «Протоколах» — *прим. перев.*), если только заговор не вызовет соответствующего его силе противодействия..

В книге содержится богатейшее знание (в особенности, слабостей человеческой природы), источником которого может быть только опыт и изучение, накопленные в продолжение столетий и даже целых эпох. Она написана в тоне надменного превосходства, как бы существами, восседающими на олимпийских вершинах древней мудрости и полными неисчерпаемого презрения к копошащейся далеко внизу человеческой массе («чернь»… «перепившиеся скоты»… «животные»… «кровожадное зверьё»), тщетно пытающейся вырваться из зажавших её клешнёй. Эти клешни — «власть золота», грубая сила разъярённой толпы, натравленной на своих единственных защитников, высшие классы христианской Европы, уничтожая которых она губит и себя самое. Разрушительная идея преподнесена в виде научной теории, почти точной науки, смакуемой с немалым красноречием. Перечитывая «Протоколы» автор этих строк постоянно вспоминал то, что особенно поразило его в словах Дизраэли, уже цитированного выше.

Дизраэли, тщательно выбирая выражения, говорил о «*принципе разрушения* » (не об идее, схеме, понятии, плане, заговоре и т. п.), и «Протоколы» именно и возводят теорию разрушения в степень «фундаментальной истины, первичного или основного закона, основных правил поведения» (как в словарях определяется понятие «принципа»). Во многих местах «Протоколы», как это кажется на первый взгляд, преподносят разрушение как нечто положительное само по себе, оправдывая, таким образом, и все служащие ему методы (подкуп, шантаж, развращение, диверсию, раздор, подстрекательство толпы, террор и насилие), как бы приобретающие также положительный характер. Однако, внимательное ознакомление с текстом показывает, что это не так. В действительности, аргументация начинается с конечной цели — мирового господства, а затем возвращается назад к тем методам, которые рекомендуются как наилучшие для её достижения. Эта цель идентична с той, которая была впервые раскрыта в материалах Вейсхаупта, и не подлежит сомнению, что и то, и другое восходит к гораздо более древнему источнику, хотя сами «Протоколы» относятся к материалам Вейсхаупта, как внук к деду. Конечной целью и тех, и других является уничтожение всех религий и всех наций, и установление сверхгосударства, управляющего миром с помощью безжалостного террора.

Не успели «Протоколы» появиться в английском переводе, как началась яростная атака с еврейской стороны против этого документа, причём совершенно маловажный вопрос с том, кто именно мог быть его автором, был представлен как самое важное. Свидетельство о еврейском возглавлении революционного заговора было, вообще говоря, совершенно не новым; как уже видел читатель, оно было давно высказано Дизраэли, Бакуниным и многими другими. В данном конкретном случае указание на заседание еврейских руководителей заговора не было подтверждено доказательствами и вполне могло бы остаться без внимания. Например, в 1913 году было опубликовано аналогичное

близко»; от этого издания с его пророческим подзаголовком остались немногие экземпляры, т. к. весь тираж был при Временном правительстве уничтожен «неизвестными лицами». Все прочие издания также немедленно скупались теми же «неизвестными» и представляют с тех пор величайшую библиографическую редкость. Однако, Дуглас Рид (как и многие другие западные комментаторы и переводчики «Протоколов») ошибается, считая 1905 г. годом первого издания книги С. Нилуса. Упомянутый выше экземпляр Британского Музея содержит на титульном листе добавление: «Заметки Православного, 2-ое издание, исправленное и дополненное. Царское Село, 1905 г.» Первое издание появилось в 1902 году и проф. Нилус сообщает, что оригинальный манускрипт «Протоколов» на французском языке был получен им в 1901 году. Это представляется немаловажным, поскольку год издания 1905 мог бы навести на мысль, что книга (или, как утверждают заинтересованные круги, — «фальшивка») появилась под влиянием революционных событий этого года. В 1901-2 гг., однако, никому в России не могла придти в голову мысль о возможности «генеральной репетиции» русской революции в 1905 году.

обвинение иезуитов в замышлении мирового заговора, напоминавшее одновременно и «Протоколы», и материалы Вейсхаупта (явно с целью дезинформации и отвлечения внимания); со стороны ордена иезуитов последовало спокойное разъяснение, что обвинение ни на чём не основано, и дело немедленно заглохло.

Реакция официального еврейства в 1920 г. и во все последующие годы была совершенно иной. Последовали яростные отрицания всего *содержания* «Протоколов»: отрицание не только еврейского заговора, но *всякого* заговора вообще, что было явной неправдой. Существование заговора против христианско-европейского порядка и общества было давно установлено и подтверждено многочисленными и неоспоримыми авторитетами, от Эдмунда Бёрка, Джорджа Вашингтона и Александра Гамильтона до Дизраэли, Бакунина и многих других. Более того, к тому времени, когда появился английский перевод «Протоколов», события в России неопровержимо доказали наличие этого заговора. Еврейство пересолило в своих протестах и тем самым лишь укрепило подозрения общественности.

Эти протесты были повторением тех, которые в своё время заглушили голоса Робисона, Баррюэля и Морса, требовавших публичного расследования деятельности тайных обществ, но теперь они последовали с еврейской стороны. Эти трое авторов вообще не упоминали о *еврейском* руководстве заговором, и их оклеветали и опорочили только потому, что они обратили внимание общественности на его непрерывный характер и на то, что французская революция была несомненно лишь первым его «взрывом». Нападки на «Протоколы» в 20-х годах доказали прежде всего справедливость их утверждений, показав, что существующий аппарат подавления всякой общественной дискуссии на тему о заговоре подвергся за истёкшие 120 лет значительному усовершенствованию. Никогда ещё в истории не было потрачено столько денег и энергии на подавление одного единственного документа.

Английскую общественность познакомил с «Протоколами» один из двух ведущих британских корреспондентов в России, Виктор Марсден из газеты «Морнинг Пост» (история второго также весьма поучительна и будет рассказана в последующих главах). Марсден пользовался известностью, как знаток России; большевистский террор произвёл на него потрясающее впечатление. Вне всякого сомнения, он также стал жертвой заговора, скончавшись очень скоро после завершения того, что он считал своим долгом сделать — перевода на английский язык «Протоколов» из Британского Музея.

Их английское издание вызвало живейший интерес во всём мире. Именно в эти годы (1920 и последующие) настал конец эпохе, когда еврейский вопрос мог ещё беспристрастно и открыто обсуждаться. Вначале споры были страстными, но свободными, однако вскоре еврейской стороне удалось навязать этому опросу характер «оскорбления величества», т. ч. в наши дни ни один общественный деятель или печатный орган не рискнёт даже упоминать о «Протоколах», разве только как о «позорной фальшивке» (что и было в равной степени предсказано в самих «Протоколах»).

Первоначальная реакция общественности была вполне естественной. «Протоколы» были восприняты как важнейшее доказательство существования международного заговора против религии, наций, законных правительств и собственности. Все были согласны в том, что приписывание их авторства евреям не доказано, но что содержание их столь серьёзно и настолько убедительно подтверждено историческими событиями после появления их первого (русского) издания, что полное и обстоятельное расследование вопроса представлялось совершенно необходимым. Как уже говорилось, требование такого «расследования» выдвигалось многими именитыми общественными деятелями ещё за 120 лет до того. Теперь главным объектом нападения стало именно требование *расследования* , а отнюдь не одно только указание на деятельность «сионских мудрецов».

В большой статье лондонской газеты «Таймс» от 8 мая 1920 года говорилось: «Беспристрастное *расследование* этих т. н. документов и их происхождения в высшей степени желательно… можем ли мы оставить эту историю без тщательного расследования, не заботясь о влиянии, которое оказывает эта книга?» «Морнинг Пост» (самая старая и, в то время, наиболее трезвая из английских газет) опубликовала 23 статьи по этому вопросу, также требуя его расследования. Лорд Сайденхэм (Sydenham), крупный политический авторитет своего времени, в статье, появившейся 27 августа 1921 года в газете «Спектейтор» также настаивал на *расследовании* . «Самым важным было бы, разумеется, узнать источник, из которого Нилус получил „Протоколы“. Большевики не могли истребить всех, кто знал Нилуса и его труды. Его книга… не была переведена целиком, хотя это могло бы сообщить о нём кое-какие данные… Что сильнее всего поражает читателя в „Протоколах“? Ответ гласит — редкое *знание* особого рода, охватывающее самые широкие области. Для разгадки этой тайны, если она действительно является таковой, нужно выяснить, откуда пришло это таинственное знание, *лежащее в основе пророчеств* , *которые исполняются теперь буквально* ». Генри Форд, не только знаменитый

американский автоконструктор и предприниматель, но и влиятельный публицист, писал: «Эти „Протоколы“ полностью совпадают с тем, что происходило в мире до настоящего времени; они совпадают и с тем, что происходит сейчас». В своей газете «Dearborn Independent» он опубликовал серию статей, отдельное издание которых разошлось в количестве полутора миллионов экземпляров.

В последовавшие за этим два года произошли любопытные вещи. Владелец «Таймса» был признан умалишённым и насильно отстранён от заведования изданием своей газеты; медицинское заключение о его болезни было вынесено заграницей, а имя иностранного врача осталось неизвестным (этот эпизод мы опишем в дальнейшем). После этого в «Таймсе» появилась статья, объявившая «Протоколы» плагиатом упомянутого выше памфлета Мориса Жоли, не заслуживающим внимания читателей. Владелец «Морнинг Пост» стал объектом систематической травли и клеветы, и вынужден был продать свою газету, после чего её выход прекратился. Генри Форд опубликовал в 1927 г. извинение, адресованное одному из хорошо известных в Америке евреев; автор этих строк получил в последующие годы в США достоверную информацию, что ему пришлось сделать это в тот момент, когда ставшая впоследствии знаменитой новая модель его автомобиля должна была поступить на рынок, а со стороны банков и торговых фирм, от которых зависели судьбы его концерна, посыпались угрозы бойкота и разорения.

Кампания против «Протоколов» не утихает до наших дней. В советской России, сразу же после революции, все экземпляры книги, которые могли быть найдены, были уничтожены, обладание ею превратилось в государственное преступление, согласно закону против «антисемитизма». Примеру большевиков, хотя и 25 лет спустя, последовали американские и британские власти в оккупированной Германии, заставив после Второй мировой войны западногерманское правительство принять ряд законов против «антисемитизма»; в 1955 году В Мюнхене было конфисковано предприятие издателя, переиздавшего «Протоколы». В Англии, в результате описанного давления, распространение этой книги было временно запрещено властями, а кампания против неё продолжалась с такой силой, что все издатели оказались запуганными и только несколько мелких фирм изредка отваживались её печатать. В Швейцарии, в междувоенный период, евреи начали судебное дело против этой книги, объявив её «непристойной литературой»; они выиграли дело, однако решение суда было впоследствии отменено высшей инстанцией.

Другими словами, положение, создавшееся после 1920 г. и продолжающееся по сей день, было предсказано самими «Протоколами» уже в 1905 году (в 1902 г. — *прим. перев.*): «Через печать мы можем оказывать влияние, оставаясь сами в тени… главным условием успеха в политической области является секретность; слова дипломата не должны соответствовать его делам… мы должны заставить правительства действовать в согласии с нашим широко задуманным планом, уже близким к желаемому завершению, с помощью того, что мы представим, как общественное мнение, втайне подстроенное нами при помощи новой „великой державы“ — печати, которая за немногими исключениями, не стоящими внимания, уже находится полностью в наших руках…С прессой мы должны действовать следующим образом… мы её оседлаем и туго затянем повод, то же мы сделаем о со всей остальной печатной продукцией, ибо какой смысл нам избавляться от нападок прессы, если мы останемся мишенью для брошюр и книг?… Никто не должен безнаказанно касаться ореола нашей правительственной непогрешимости. *Предлогом для запрета любого издания будет* , *что оно возбуждает умы без повода или основания* … *мы всегда будем одерживать победу над нашими противниками* , так как в их распоряжении не будет органов печати, где они могли бы полностью выразить свои мысли». (В этих выдержках речь идёт, главным образом, о будущем «сверх-государстве» под еврейским главенством, но они же относятся и к методам действий в «переходный период» — прим. перев.)

Такова история «Протоколов» до настоящего времени. Авторство еврейских «старейшин» не доказано и может быть оспорено, что, разумеется, не обесценивает всех прочих свидетельств еврейского руководства мировой революцией. Целью еврейской кампании против «Протоколов» было отнюдь не оправдание еврейства, а запрет их публикаций под предлогом, что эта книга «возбуждает умы без повода и основания». Представленные доводы были явно лживыми; они сводились к тому, что «Протоколы» близко напоминают некоторые, более ранние публикации, а поэтому являются «плагиатами» или «фальшивками», в то время как, в действительности, это лишь доказывает, что они представляют собой часть и продолжение обширной литературы и документации о заговоре. В равной степени они могли бы быть произведением нееврейских или даже антиеврейских революционеров, и это также имело бы лишь второстепенное значение. «Протоколами» доказано, что организация, впервые раскрытая документами Вейсхаупта, продолжала существовать и 120 лет спустя, и что она по-прежнему

применяет те же методы и преследует те же цели, как и в момент её первого разоблачения; и что, когда «Протоколы» появились в английском переводе, то большевистская революция в России уже целиком подтвердила их содержание.

Автор этих строк считает «Протоколы» важнейшим пособием для каждого, изучающего наше время и предмет данного труда. Если лорд Сайденхэм уже в 1921 г. был поражён «таинственным знанием», содержавшимся а них, «на котором основывались пророчества, ныне исполняющиеся буквально», то насколько сильнее он был бы поражён в наше время, когда ещё больше этих пророчеств исполнились столь же буквально. Читая «Протоколы», каждый может видеть, чем вызывались потрясения последних 150 лет; ему заранее станет ясно, как «дела» его демократически выбранных представителей будут отличаться от их «слов». В одной области автор смог проверить на собственном опыте слова лорда Сайденхэма об исполнившихся пророчествах. Говоря о контроле печатной информации, «Протоколы» пишут: «Ни одно сообщение не достигнет читающей публики без нашего контроля. Уже сейчас мы достигаем этого тем, что все новости получаются немногими агентствами, в которых они собираются со всех концов света. Эти агентства станут затем всецело нашими и они будут оглашать только, то, что мы им предпишем». Заметим, что печать далеко ещё не была в состоянии такого подчинения ни в год первого опубликования «Протоколов», ни в дни лорда Сайденхэма, ни даже в 1926 г., когда автор этой книги начал свою карьеру журналиста, но этот процесс развивался всё далее и в настоящее время стал законченным фактом. Потоки «новостей», накачиваемых в сознание людей, приходят действительно из немногих агентств, подобно воде из полдюжины кранов. Рука, контролирующая эти краны, контролирует и «новости», и читатель легко может и сам заметить профильтрованную форму, в которой они доходят до него. Что же касается редакционных *комментариев* , основанных на полученной информации, то происшедшие с тех пор перемены ясно видны при сравнении с беспристрастными статьями, печатавшимися в своё время в «Times», «Morning Post», «Spectator», «Dearborn Independent» и в тысячах других газет четверть века тому назад. В наше время это уже невозможно. Закабаление печати произошло точно так, как оно предсказано в «Протоколах», и автор сам мог убедиться в этом, благодаря принадлежности к своему поколению и своей профессии.

Сравнительное изучение «Протоколов» и материалов Вейсхаупта приводит к заключению, что и те, и другие восходят к общему, гораздо более древнему источнику. Их автором не могло быть лицо или группа лиц того времени, когда они стали известны; заключённое в них «таинственное знание» основывается на опыте, накопленном в течение целых эпох. В особенности это относится (как в документах Вейсхаупта, так и в «Протоколах») к знанию человеческих слабостей, описываемых с аналитической точностью, причём методы эксплуатации каждой из них преподносятся с откровенным презрением и злорадством. Орудием, посредством которого должны быть разрушены христианские государства и их религия, послужит «чернь». Это слово употребляется на каждом шагу с едким презрением для обозначения масс, толпы (в то время, как открыто им льстят, называя их «народом»). «Люди с дурными инстинктами многочисленнее добрых, а поэтому наилучшие результаты в управлении ими достигаются насилием и устрашением …сила черни слепа и неразумна, и всегда готова поддаться влияниям. любой стороны». Из этого делается вывод, что для управления «чернью», как «дикарями», нужен абсолютный деспотизм, и что «наше государство» будет применять «террор, результатом которого явится слепое подчинение». Трудно не видеть, что в коммунистической России эти предписания нашли своё буквальное исполнение. Этот абсолютный деспотизм будет характеризовать интернациональное сверх-государство, являющееся конечной целью программы. В переходной период перед достижением этой цели важным орудием для разрушения государственного порядка и законных ограждений явятся местные марионетки — диктаторы: «От современных правителей-диктаторов народы покорно выносят и терпят такие злоупотребления, за малейшее из которых они обезглавили бы двадцать царей. Чем это объяснить?.. Тем, что эти диктаторы нашёптывают народу через своих агентов, что государству наносится ущерб лишь для достижения высших целей — обеспечения благосостояния народа, всеобщего международного братства, солидарности и равноправия. Разумеется, им не говорят, что это объединение будет достигнуто исключительно под нашим суверенным управлением».

На этот абзац следует обратить особое внимание. В 1905 году термин «правитель-диктатор» был для большинства непонятен, поскольку в то время западные народы ещё верили, что избранные ими представители действительно зависят от их воли и выполняют данные им наказы. Однако, это выражение стало понятным в ходе первой и второй мировой войн, когда американские президенты и английские премьер-министры сделали себя именно «правителями-диктаторами», присвоив себе

«чрезвычайные полномочия» во имя «блага народов»… «международного братства»… «всеобщего равноправия» и т. д. Более того, во время обеих войн эти самозванные диктаторы открыто заявляли своим народам, что конечной целью явится всеобщее «объединение» под эгидой некоего мирового правительства. На вопрос, кто будет руководить этим мировым правительством, никогда не давалось прямого ответа; и уже столь многое из «Протоколов» нашло своё полное подтверждение и исполнение, что и их указание на мировое правительство, как орудие заговора для управления миром с помощью «насилия и террора», заслуживает быть принятым всерьёз.

Особой, весьма любопытной характеристикой обеих мировых войн 20-го столетия была их безрезультатность для тех наций, которые, *казалось бы* , вышли из них победителями. По всем данным, опять то же «таинственное знание» вдохновило сделанное *1905 году или даже ещё раньше* заявление в «Протоколах»: «Начиная с этого времени» (французской революции) «*мы вели народы от одного разочарования к другому* », и далее: «Этими нашими действиями истощены и замучены все государства; они взывают к покою и готовы ради мира пожертвовать всем; *но мы не дадим им мира* , *пока они не признают открыто и с покорностью нашего интернационального сверхправительства* ». Эти слова, написанные заведомо до 1905 года, точно передают последующий ход событий двадцатого века. Тот же документ продолжает: «Нам необходимо для наших целей, чтобы войны, по возможности, *не приносили никаких территориальных приобретений* ». Эта фраза, совершенно непонятная в 1905 году и ранее, стала главным лозунгом или показным нравственным принципом политических руководителей Америки и Англии во время обеих мировых войн (прим. перев.: не одних только Англии и Америки; вспомним лозунг европейских социалистов о «мире без аннексий и контрибуций» во время первой войны) и разница между «словами» и «делами» политиков стала очевидной по результатам этих войн. Главным результатом первой мировой войны был выход на арену международных событий двух новых сил — революционного сионизма и революционного коммунизма; первая — с обещанной ей «родиной» на чужой территории, а вторая — с большим государством, как базой её деятельности. Главным результатом второй мировой войны были дальнейшие «территориальные приобретения» как сионизма, так и коммунизма, и *только* их обоих; сионизм получил теперь государство, как базу для дальнейшей деятельности, коммунизму же отдали пол-Европы. Говоря словами лорда Сайденхэма «убийственная точность» предсказаний «Протоколов» бросается в данном случае в глаза: трескучая фраза, употреблённая в «Протоколах» в 1905 г., стала обиходным выражением американских президентов и британских премьер-министров в 1914…1918 и 1939…1945 годах.

Причина, почему авторы «Протоколов» считали этот лозунг столь важным, также объясняется в их тексте. Если народы, втянутые в военные столкновения не получат никаких территориальных приобретений, то единственным победителем окажется тогда «наша международная *агентура* … установленное нами интернациональное право сотрёт тогда национальные права, в собственном смысле слова, и будет управлять народами, как гражданское право внутри государств управляет отношениями их подданных между собой». Чтобы достигнуть этого, нужны послушные политики, о которых в «Протоколах» говорится: «Администраторы, которых мы выберем в строгом соответствии с их способностью к *раболепному подчинению* , вовсе не будут лицами, обученными искусству управления, и легко превратятся, поэтому, в пешки в нашей игре, в руках знающих и способных мужей, которые будут *их советниками* , *являясь специалистами* , *воспитанными и тренированными с раннего детства для управления делами всего мира* ».

Предоставляем читателю судить самому, насколько эта характеристика приложима к демократическим «администраторам» западного мира нашей эпохи; мерилом служит их отношение к сионизму, мировой революции и мировому правительству, а последующие главы дадут необходимую информацию по этим трём пунктам. Но «убийственная точность» предсказаний, как нам кажется, выступает особенно ясно в указании на роль «советников». Здесь мы снова сталкиваемся с тем «таинственным знанием», обнаруженным более 50-ти лет тому назад. В 1905 г. фигура никем не выбранного, но влиятельного «советника» не была известна общественности. Немногие, хорошо осведомлённые люди, вроде Дизраэли, знали уже давно, что «миром управляют совсем не те, которых считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами», но для широкой публики эта фраза в «Протоколах» осталась бы непонятной. Однако, во время первой и второй мировых войн, никем не выбранные, неофициальные, но весьма влиятельные «советники» стали знакомой политической фигурой. Они выступили совершенно открыто на основе данных им чрезвычайных полномочий, став известными общественности, пассивно и безропотно принявшей их появление; презрение «Протоколов» к «черни» оказалось, по-видимому, оправданным этим её подчинением управлению из-за кулис, даже когда оно появилось на открытой сцене. В Соединённых Штатах, например, «советники по еврейским

вопросам» стали постоянными резидентами при Белом Доме и главных штабах американских оккупационных властей. Один известный финансист (открыто рекомендовавший драконовские меры для «управления мировой политикой») был советником у стольких президентов подряд, что пресса услужливо титуловала его «старейшим государственным деятелем» (Elder Statesman), а британские премьер-министры, приезжая в Америку, являлись к нему, как к носителю верховной власти, на аудиенцию.[12] Отметим ещё раз, что «Протоколы» предсказали режим этих «советников» в то время, когда никто ещё не понимал, что это могло значить, и не поверил бы, что они смогут появиться в правительственных сферах на самом «высшем уровне».

«Протоколы» повторно подчёркивают, что первейшей целью является уничтожение правящего класса («аристократии», термин, вполне ещё подходивший к условиям 1905 года) и захват собственности путём натравливания бесчувственной и грубой «черни». Последовавшие события вновь показали «убийственную точность» этих предсказаний, главным образом на примере коммунистического террора в России. «В политике надо уметь без колебаний забирать чужую собственность, если тем самым мы обеспечим покорность и нашу суверенную власть… Слова „Свобода, Равенство и Братство“ привели в наши ряды, при посредстве наших слепых агентов, целые легионы, с восторгом нёсшие наши знамёна. В течение всего прошедшего времени эти слова были червями, подтачивавшими благосостояние народа, уничтожавшими повсюду мир, спокойствие и солидарность, разрушавшими основы государств… Это послужило нашему величайшему торжеству, дав нам возможность, в числе прочего, забрать в руки главный козырь, уничтожение привилегий, иначе говоря, самой сущности аристократии… того класса, который был единственной защитой народов и государств против нас. На развалинах природной и родовой аристократии… мы посадили аристократию нашего образованного класса под управлением нашей денежной аристократии. Выборным цензом этой новой аристократии мы установили богатство, зависимое от нас, и знание… *Именно эта возможность сменить истинных представителей народа отдала его в наше полное распоряжение и фактически* , *наделила нас властью назначать этих представителей* … Мы выступаем на сцене в роли якобы спасителей рабочего от гнёта, предлагая ему вступить в ряды наших войск — социалистов, анархистов, коммунистов… С помощью нужды и зависти, и порождённой ими ненависти мы двинем толпы черни и сотрём их руками всех, кто стоит на нашем пути… Народ, слепо верящий печатному слову, питает… слепую ненависть ко всему, что он считает выше себя, не понимая необходимости существования классов и социальных различий… Толпы черни с наслаждением бросятся проливать кровь тех, кому они, в простоте своего неведения, завидовали с колыбели и чьё имущество они смогут тогда грабить. «Наших» они не тронут, ибо момент нападения будет нам известен и мы примем меры к ограждению своих… Слово «свобода» ведёт людские общества на борьбу против всякой власти, всякого авторитета, даже против Бога и законов природы. Именно поэтому мы, когда мы установим наше царство, *должны будем исключить это слово из жизненного словаря* , как принцип животной силы, превращающей толпы черни в кровожадных зверей… Однако, даже свобода могла бы быть безвредной и найти место в государственном обиходе без ущерба для благоденствия народов, если бы она держалась на основах веры в Бога… Вот почему нам совершенно необходимо подорвать всякую веру, вырвать из народных умов самый принцип Божества и духа, заменив его арифметическим расчётом и материальными

---

[12] Автор имеет в виду Бернарда Баруха (1870—1965); сын познанского врача, принимавшего участие в гражданской войне в США на стороне южных штатов, Бернард Барух, как пишет «Американская Энциклопедия», начал свою карьеру на Уолл-Стрит «рассыльным с жалованием в 3 доллара в неделю», однако «заработал свой первый миллион долларов к 30-ти годам, а между тридцатью и сорока годами у него было столько миллионов, сколько ему было лет». Во время первой мировой войны президент Вильсон сделал его фактическим главой американской военной промышленности и администратором союзных закупок вооружения в США — должность, на которой Барух заработал миллиардное состояние. Он «сопровождал» Вильсона в Европу в 1919 г., став «экономическим советником» Версальской мирной конференции и членом союзного Высшего Экономического Совета, ведая, в частности, вопросами германских репараций. Неоднократно отклоняя в период между обеими мировыми войнами предлагавшиеся ему высшие дипломатические посты и должность министра финансов, Барух продолжал быть «советником» у Рузвельта, Трумана и Эйзенхауэра; Уинстон Черчилль, с которым он познакомился на Версальской конференции в 1919 г., останавливался во время своих приездов в США в качестве британского премьера в доме Баруха.

Барух известен, как ревностный сторонник Советского Союза и всех западных уступок Советам, политику которых он неизменно поддерживал. Труман назначил его американским делегатом при Комиссии Атомной Энергии ООН, т. е. фактическим руководителем западной атомной политики, и «план Баруха» оставался официальной программой правительства США в этой области, пока СССР не получил собственного атомного оружия, главным образом при помощи окружавших Рузвельта и Трумана прочих «советников» и, как утверждают осведомлённые западные круги, не без участия самого Б. Баруха, что, в свете фактов, сообщаемых Дугласом Ридом, не представляется удивительным.

потребностями… Мы противопоставили друг другу личные и национальные интересы народов, религиозную и племенную ненависть, которые мы вырастили на протяжении двадцати веков до гигантских размеров. Благодаря этому ни одно государство не найдёт ни откуда поддержки, подняв руку против нас, ибо каждое из них должно помнить, что всякая стачка против нас невыгодна ему самому. Мы слишком сильны, нашей властью невозможно пренебрегать. Никакие государства не в состоянии придти ни к какому, даже самому незначительному частному соглашению без нашего тайного участия… Чтобы забрать в руки общественное мнение, мы должны привести его в состояние *полного разброда* , дав возможность высказывать со всех сторон столько *самых противоречивых мнений* в течение столь долгого времени, чтобы народы окончательно *потеряли голову в этом лабиринте* , придя к заключению, что лучше всего не иметь вообще никакого мнения в политических вопросах, понять которые не дано обществу, ибо их понимают лишь те, кто им управляет. Это — первая тайна.[13]

Вторая, нужная для успеха нашего правления, заключается в следующем: нужно настолько умножить народные слабости пороки и страсти, настолько распылить все установившиеся формы гражданского общежития, чтобы никто не мог в наступившем хаосе найти своего места, и люди, в конечном итоге, перестали бы понимать друг друга… Всем этим мы так истерзаем народы, что они вынуждены будут передать нам международную власть такого характера, что держа её в руках, мы сможем без всякого насилия постепенно всосать в себя все государственные силы всего мира и создать наше сверх-правительство. На место нынешних правителей мы поставим дьявольское страшилище, которое будет называться сверх-правительственной администрацией. Его руки протянутся во все стороны, как клещи, и его аппарат будет столь колоссальных размеров, что он покорит все нации мира».

«Протоколы» раскрывают один общий источник как сионизма, так и коммунизма, что доказывается полным сходством методов действия, описанных в тексте самих «Протоколов» и применявшихся как лидером сионизма Герцлем, так и лидером коммунизма Марксом. «Протоколы» неоднократно указывают на натравливание «черни» против правящих классов, как на наиболее эффективное средство для разрушения государств и наций и достижения мирового господства. В предыдущей главе было показано, что Герцль пользовался именно этой угрозой, чтобы влиять на европейские правительства.

Переходя к Марксу, отметим, что «Протоколы» пишут: «Аристократия народов, как политическая сила, уже мертва… но как *землевладельцы* они нам вредны в силу того, что они экономически независимы, располагая собственными источниками существования. Для нас, поэтому, является существенным *отобрать у них это землевладение* … Одновременно, мы должны интенсивно поощрять торговлю и промышленность… Нам нужно, чтобы промышленность высосала из земли рабочие руки и капиталы и, путём спекуляции, передала в наши руки все деньги на земле…» Карл Маркс точно следует этой формуле в «Коммунистическом Манифесте». Хотя он и заявляет, что коммунизм может быть сформулирован в одной фразе — «отмена частной собственности», но далее он уточняет, что конфискация касается только *землевладения* , из чего можно заключить, что прочая собственность остаётся нетронутой. (В последовавшем затем марксистском перевороте в России, разумеется, была конфискована вся частная собственность, но мы хотим здесь только подчеркнуть направленность в стратегии, намеченной кик «Протоколами», так и Марксом ещё *до этих событий*).

Особый интерес для настоящего времени представляет одно место в «Протоколах», написанных, подчёркиваем это, задолго до 1905 г.: «Если какие-либо государства заявляют в наше время протест против нас, то это делается только pro forma, по нашему усмотрению и распоряжению, ибо их антисемитизм необходим нам для управления нашими меньшими братьями». Характерной чертой нашей теперешней эпохи является постоянное обвинение в «антисемитизме» то одной страны, то

---

[13] За 30 лет, истёкших со времени написания этой книги, духовное развитие Запада достигло стадии, «убийственное» сходство которой с планами «Протоколов», кто бы ни был их авторами, бросается в глаза. Характерные признаки этой стадии изложены в статье Солженицына «Наши плюралисты», появившейся в сентябре 1983 г. и ставшей с тех пор очередной мишенью для нападок, главным образом, «русскоязычной» печати «третьей волны» эмиграции из советской России:

«Плюрализм они считают как бы высшим достижением истории, высшим благом мысли и высшим качеством нынешней западной жизни. Принцип этот они нередко формулируют так: как можно больше разных мнений — главное, чтобы никто серьёзно не настаивал на истинности своего… Плюрализм, как принцип, деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается… в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей… Так люди и запутаются, как в лесу. Чем и парализован беззащитно нынешний западный мир: потерею различий между положениями истинными и ложными, между несомненным Добром и несомненным Злом, центробежным разбродом, энтропией мысли: — побольше разных, лишь бы разных!» (Подчёркнуто нами).

другой, причём обвинённое государство автоматически делается противником в следующей войне. Это место в «Протоколах» должно заставить призадуматься внимательного наблюдателя о цели периодического появления сообщений о неожиданном «антисемитизме» в советской России или в других местах.

Сходство «Протоколов» с материалами Вейсхаупта особенно наглядно в местах, касающихся проникновения заговорщиков в государственный аппарат, во все профессии и партии: «От нас исходит всеохватывающий террор. На нашей службе состоят люди всех мнений, всех доктрин, реставраторы монархии, демагоги, социалисты, коммунисты и утопические фантазёры всех мастей. Мы всех впрягли в работу на нас: каждый из них со своей стороны подтачивает последние остатки власти, работает на свержение установленных порядков. Этими действиями истощены и измучены все государства; они взывают к покою и готовы ради мира пожертвовать всем, но мы не дадим им мира, пока они не признают открыто и с *покорностью* нашего интернационального сверхправительства».

Указания на проникновение агентов заговора в область народного образования и, в частности, в университеты, также исходят из Вейсхаупта или же ещё более ранних источников, из которых он их получил: «Мы выхолостим всё университетское образование… их начальство и профессора будут натасканы для своей работы подробными тайными программами, от которых они безнаказанно не смогут, отступить ни на йоту. Они будут назначаться с особой осторожностью и будут поставлены в полную зависимость от правительства». Это скрытое проникновение в университеты (весьма успешное в дни Вейсхаупта, как показывают его документы) стало ещё более всеобъемлющим в нашем поколении. Типичными продуктами этих методов были два видных британских правительственных чиновника, которых, после их бегства в Москву, с торжеством представили там международным корреспондентам печати в 1956 г., причём они показали, что стали коммунистами именно в университете; трудно не видеть в этом успех методов, описанных в «Протоколах» в начале нашего века, а Вейсхауптом уже в 1787 году.

Документы Вейсхаупта говорят о масонстве, как о наилучшей ширме, которой пользуются заговорщики, «Протоколы» также рекомендуют пользоваться для прикрытия их планов «либерализмом»: «После того, как мы ввели в государственный организм яд либерализма, весь его политический облик изменился; государства заболели смертельным недугом — заражением крови. Остаётся только ожидать конца их агонии». «Протоколы» часто называют либералов «утопическими мечтателями», этот термин вероятно имеет своим начальным источником указание Ветхого Завета на «мечтателей и сновидцев», которые, как и «ложные пророки» должны быть преданы смерти. Конец либерализма должен, поэтому, быть ясен каждому, даже если бы «Протоколы» и не указали совершенно недвусмысленно: «Мы искореним либерализм из руководящих сфер нашего правительства, от которых зависит подбор и воспитание всех, служащих нашему общественному строю».

Появление орвелловских режимов «Большого Брата» нашего столетия также точно предсказано в следующем тексте «Протоколов»: «Мы придадим нашему правлению *вид* патриархальной отеческой опеки со стороны нашего правителя». Республиканизм также должен играть роль ширмы для заговора. «Протоколы» глубоко презирают всякий республиканизм, видя в нём (как и в либерализме) орудие самоуничтожения, выкованное ими из «черни»: «…так стало возможным возникновение эпохи республик; и тогда мы поставили на место правителей карикатуру правительства — президентов, взятых из толпы, из среды наших креатур, марионеток и рабов. Это было миной, заложенной нами под все народы».

И тут неизвестные нам книжники, писавшие ещё до 1905 года, точно охарактеризировали положение, на которое низведены американские президенты в ходе нашего столетия: это место начинается словами: «В недалёком будущем мы учредим *ответственность президентов* ». В дальнейшем мы покажем, что это означало *личную* ответственность, в отличие от ответственности, ограниченной конституционным контролем. Президенты должны были стать одними из предвиденных «Протоколами» ранее «премьеров-диктаторов», задачей которых являлось разрушить конституционные гарантии и тем самым подготовить «объединение всех под нашим суверенным господством». Во время первой и второй мировых войн, американские президенты действительно стали в этом смысле премьерами-диктаторами, под предлогом, что «чрезвычайное положение» и задачи «победы» диктуют установление крепкой власти под *личной* ответственностью; эта власть, разумеется, должна была быть возвращена «народу», когда «чрезвычайное положение» окончится. Читатели старшего поколения помнят, сколь немыслимым это казалось ранее, и насколько пассивно общественность восприняла всё это впоследствии. Далее в этом месте «Протоколов» говорится: «Палата депутатов будет прикрывать, защищать и избирать президентов, но мы отнимем у неё право предложения новых законов или

изменения существующих, ибо это право будет предоставлено нами лично ответственному президенту, кукле в наших руках… *Независимо от этого , мы предоставим президенту право объявления войны . Это право будет мотивировано тем , что президент , как глава вооружённых сил страны , должен иметь их в случае надобности в своём распоряжении … Легко понять , что при таком положении ключ от святилища будет в наших руках и никто , кроме нас , не сможет больше управлять законодательством … Президент будет по нашему усмотрению истолковывать те из существующих законов , которые поддаются толкованию : он будет их аннулировать . когда мы укажем ему на ту необходимость , наряду с этим он будет обладать правом предлагать временные законы , а также изменения в конституционной структуре правительства , мотивируя то и другое требованиями высшего блага государства . Такими методами мы получим возможность постепенно , шаг за шагом , разрушить всё , что по-началу , при нашем вступлении в права , мы вынуждены будем внести в государственные конституции для подготовки перехода к незаметной отмене всяких конституций , и тогда придёт время для замены всех правительств нашим открытым деспотизмом* ».

Это предсказание 1905 года (или ещё более ранней даты) в особенности оправдывает указание лорда Сайденхэма на «убийственную точность» предсказаний «Протоколов». Американские президенты в двух последних войнах нашего столетия действовали именно по указанному здесь рецепту. Они присвоили себе право объявлять и вести войны, и по крайней мере один раз, после окончания второй мировой войны, это право использовали (в Корее); все попытки в Конгрессе или вне его лишить их этой власти или хотя бы её ограничить, встречают яростный отпор.

Как пишут далее «Протоколы», народы мира, идя «от одного разочарования к другому», не получат «передышки». Любому государству, «которое посмеет противостоять нам», будет объявлена война, а любая коллективная оппозиция еврейству приведёт к «всеобщей войне». Народам не позволят «бороться с мятежом» (отсюда ожесточённые нападки на все «требования расследования», будь то в 1790-е годы, в 1920 году или в наши дни, обвинения в «охоте на ведьм», «Маккартизме» и т. п.). В будущем еврейском «сверхгосударстве» каждый член семьи должен будет доносить на другого, подозреваемого в неподобающем образе мыслей (это ветхозаветное предписание было уже упомянуто выше). Не заставит себя ждать, разумеется, «окончательное уничтожение христианской религии». Банальными развлечениями («дворцы культуры») народ будет отвлечён от опасных сомнений и неудобных вопросов. Чтобы окончательно его обмануть, история будет переписана заново (ещё одно предписание, дословно претворённое в жизнь в советской России) и «мы вычеркнем из памяти людей все нежелательные нам факты прежней истории, оставив лишь те, которые будут расписывать ошибки их прежних правителей». Таково фактическое положение в «странах социализма», что же касается современного Запада, ещё находящегося в стадии обработки, то, как пишут авторы «Протоколов», «все колёса государственных механизмов во всех странах приводятся в движение одним мотором, находящимся в наших руках, и этот мотор — золото».

Конец заранее известен: «Нам нужно достигнуть того, чтобы во всех странах мира, кроме нас, были только массы пролетариата, несколько преданных нам миллионеров, полицейские и солдаты… Призвание нашего самодержца… осуществится, когда измученные неурядицами и неспособностью своих правителей народы… взовут: „Долой их, дайте нам одного царя над всей землёй, который объединит нас и уничтожит раздоры, границы, национальности, религии и государственные долги, дав нам мир и покой, которых мы не можем найти под нашими правителями и представителями“.

В двух или трёх цитатах автор этих строк нашёл нужным заменить употреблённое в них (в переводе) слово «гой» словами «народ» или «массы», поскольку слово «гой» недвусмысленно указывало бы на содержащееся в полном заглавии «Протоколов» происхождение их авторов, доказательств чего, однако, не имеется. Автор не хочет смешивать два различных вопроса: доказательства о происхождении авторов «Протоколов» нужно искать в другом месте, не довольствуясь недоказанным утверждением. Авторы могли быть евреями, не-евреями, или даже анти-евреями, — это не играет существенной роли. В момент публикации эта книга была сценарием ещё не поставленного спектакля: теперь эта драма разыгрывается уже в течение 50 лет (написано в 1955 г. — *прим. перев.*) и её название «Двадцатое столетие». Описанные персонажи действуют на современной сцене, играют приготовленные для них роли и осуществляют предвиденные в сценарии события.

Остаётся ждать развязки: провала или полного торжества авторов. План их поистине грандиозен, и, по мнению автора этих строк, осуществление его невозможно. Однако, этот план существует уже на протяжении 200 лет, а возможно и гораздо дольше, «Протоколы» же являются ещё одним звеном в длинной цепи доказательств, которые с тех пор ещё значительно умножились. Заговор для достижения мирового господства путём создания государства рабов *существует* и достиг той стадии, когда его уже

нельзя внезапно приостановить или совсем ликвидировать; он приобрёл собственную инерцию и должен идти далее, к полному завершению или же к провалу. Как одно, так и другое возымеет на этом этапе разрушительные последствия, в момент развязки дорого обойдётся современникам, какой бы она ни была.

Глава 28
Умопомрачение Бальфура

В первое же десятилетие 20-го века стали расти признаки близящихся грозных событий. В 1903 году британское правительство предложило сионистам Уганду, но Макс Нордау предсказал «будущую мировую войну», в результате которой Англия передаст сионистам Палестину. В 1905 году (в 1902 г. — *прим. перев.*) «Протоколы» предсказали разрушительную оргию коммунизма в России. И, наконец, в 1906 году некий Артур Джеймс Бальфур, по должности британский премьер-министр, встретился в гостинице с Хаимом Вейцманом и воодушевился предложением отдать евреям Палестину, которая ему в то время вовсе не принадлежала и которую трудно было, без войны, отобрать у её законных владельцев. Эта встреча предопределила характер «будущей мировой войны». Бальфур стоял у колыбели нового века, направив его по заданному направлению. Другой на его месте, возможно, избавил бы нас от всего последовавшего; вероятно, однако, он поступил бы так же, ибо в 1906 году скрытый механизм «непреодолимого давления на международные события» (Лев Пинскер в 1882 году) был уже значительно усовершенствован. Упоминавшийся нами выше раввин Эльмер Бергер писал, что в это время «группа евреев восприняла идеи сионизма… и стала практиковать своего рода разъездную дипломатию в кабинетах и парламентах, пользуясь запутанными и весьма кривыми путями международной политики в той части мира, где процветали политические интриги и закулисные сделки. Другими словами, евреи стали заниматься практической политикой». Начиналась эра податливых администраторов и услужливых «премьеров-диктаторов», каждый из которых помогал в осуществлении задуманного грандиозного плана. Любой иной политик, поставленный в то время на место Бальфура, несомненно действовал бы совершенно так же. Тем не менее, его имя неразрывно связано с первым грехопадением на этом пути.

Трудно понять мотивы, руководившие человеком его происхождения, образования и характера. Историк не может обнаружить иных, кроме «либерального» увлечения вскружившим ему голову предприятием, которое он даже не дал себе труда проверить в свете своих обязанностей и простого здравого смысла. Трудно предположить, чтобы им руководили соображения «реальной политики», другими словами, расчёт на то, что поддержка сионизма принесёт ему деньги или же голоса избирателей. Как он, так и все его коллеги в правительстве были родом из старейших семей английской аристократии, с многовековой традицией государственной службы. Государственное мышление было у них в крови, понимание правительственной деятельности и иностранной политики давалось инстинктивно: они представляли собой наиболее успешный правящий класс в мировой истории, будучи, к тому же, независимыми, благодаря фамильному богатству. Спрашивается, почему вдруг врождённый инстинкт, традиции и опыт покинули их в одном этом вопросе как раз в то время, когда консервативная партия, ещё не изменившая своей прежней формы, в последний раз управляла Англией, а их семьи всё ещё руководили судьбами страны из особняков в Пикадилли и Мэйфейре и из провинциальных аббатств? Испугались ли они угрозы, что «чернь» будет натравлена на них в случае непослушания? Им несомненно было ясно, что происхождение и привилегии сами по себе уже не были достаточны, чтобы продолжать, оставаться у власти. Мир сильно изменился за прошедшее столетие, и они знали, что этот процесс будет продолжаться далее. Верные британским традициям, они старались обеспечить постепенность перемен, без применения насилия в политике и с помощью соглашения между заинтересованными сторонами. Они были достаточно опытны, чтобы не противиться переменам, но стремились сохранить руководство ими. Может быть они только слишком поторопились пожать руку т. н. «прогрессу», когда он постучался в дверь, не дав себе труда проверить полномочия тех, кто говорил с ними от его имени.

Их лидер Бальфур был несколько надменный, весьма образованный холостяк, высокого роста, холодный и бесстрастный пессимист по натуре, с ледяным выражением лица, но, как утверждали его друзья, человек с добрым сердцем. Его увлечение сионизмом могло бы, согласно теориям модной психологии, родиться в результате безбрачия. В молодости он так долго откладывал предложение своей даме сердца, что она обручилась с другим; свадьба не состоялась по причине ранней смерти жениха, а когда Бальфур собрался поправить свою прежнюю медлительность, умерла и она. После этого он решил

не жениться вообще. Вряд ли женщины могут быть хорошими судьями в оценке высокопоставленного холостяка с разбитым сердцем, но многие из заключений о нём были даны именно дамами современного ему общества, и мы процитируем двух из королев красоты того времени; Консуэла Вандербильт (американка, будущая герцогиня Марльборо) писала: «Высказываемые им мнения и доктрины казались образцами *чистой логики* ,.. он был одарён способностью широкого понимания вещей, равной которой я не встречала ни у кого другого»; леди Синтия Асквит говорила о нём: «Что же касается приписывавшейся ему неспособности к моральному возмущению, то я часто видела его бледным от гнева при виде причиняемой *несправедливости* ».

Подчёркнутые нами слова рисуют, однако, совершенно ложный портрет Бальфура, если судить о нём по его делам. *Логика* меньше всего способна была руководить им, когда он поставил свою страну на службу сионизма, ибо именно *логически* это не могло послужить на пользу ни одной из заинтересованных сторон: ни его собственной стране, ни коренным обитателям Палестины, ни (по нашему мнению) массе евреев, вовсе не желавших туда переселяться. Что же касается *несправедливости* (если только леди Синтия не делала различия между несправедливостью личной и массовой), то миллионы ни в чём неповинных людей, изгнанных в наши дни из родных мест в Аравийскую пустыню (подобно упомянутому в первых главах левитскому «козлу отпущения»), дают на это ясный ответ.

Как бы то ни было, но на нужном для этого посту стоял именно он, Бальфур, став преемником «дорогого дяди Роберта» (лорда Солсбери, из знаменитой фамилии Сесилей). Довольно ясно, что ни с того, ни с сего ему вряд ли могла придти в голову мысль отдать Уганду сионистам, а следовательно известное нам уже «непреодолимое давление» должно было действовать задолго до того, как он стал премьер-министром. Всё, что происходило до этого, покрыто мраком неизвестности, как это всегда бывает при всяком заговоре. Когда он пришёл к власти, подрывная мина была уже заложена, и похоже, что Бальфур так до конца своих дней и не заметил её существования, о котором в наши дни не может быть сомнений.

Отчаявшись как в русском царе, так и в германском кайзере и турецком султане (все трое были с ним весьма любезны, но достаточно умны, чтобы отпустить его не солоно хлебавшим: в отличие от Бальфура, они прекрасно понимали, что сионизм представляет собой заряд динамита для судеб не одной только Европы), доктор Герцль заявил: «Англия, великая Англия, свободная Англия, Англия — владычица морей, поймёт наши стремления» (читателю, разумеется, ясно, для чего Англия, по мнению Герцля, стала великой, свободной и владычицей морей). Когда предложение Уганды показало талмудистскому кагалу в России, насколько ошибался Герцль, думая, что Англия «поймёт наши стремления», в Лондон был послан Хаим Вейцман. Его задачей было убрать с пути сионистов доктора Герцля, и с этого момента он становится для нас главным свидетелем закулисных событий того времени. Любому молодому англичанину со скромным прошением о чём либо ещё и сегодня трудно прорвать кордон привратников и секретарей, чтобы попасть в частный кабинет британского министра. Молодого доктора Вейцмана из России, желавшего ни много, ни мало, как получить Палестину, быстро провели в кабинет лорда Перси (заведующего африканским отделом).

Лорд Перси был также отпрыском одной из правящих английских семей со старыми традициями государственной службы и мудрого правления. Тем не менее, как пишет Вейцман, он «выразил безграничное удивление, что евреи вообще могли обсуждать предложение Уганды, считая его, во-первых, непрактичным, а, с другой стороны, прямым отрицанием еврейской религии. Как человек *глубоко религиозный* , он был потрясён, мыслью, что евреи могли бы даже только подумать о другой стране, кроме Палестины, как о центре их возрождения; и он с большой радостью услышал от меня, что столь многие евреи тоже категорически отвергли предложение Уганды, добавив от себя: если бы я был евреем, я не дал бы и полпенса за такое предложение».

Надо думать, что Вейцман не сообщил лорду Перси о единогласном желании *палестинских евреев* переселиться в Уганду. Если верить его записям, ему фактически предложили избавиться от Герцля и обещали поддержать его требование Палестины. Вейцман уехал, чтобы подготовить поражение Герцля, и он уехал не с пустыми руками. Возможно, что за истёкшие 50 лет британские министры научились держать официальные министерские бланки в месте, доступном только тем, кому это положено. Выходя из кабинета лорда Перси, доктор Вейцман захватил с собой бланк министерства иностранных дел и, написав на нём отчёт о состоявшемся разговоре, отослал его в Россию (где, будь то при Романовых или при красных царях, правительственные канцелярские принадлежности не валяются где попало). Впечатление, произведённое в местечковой России этим документом на бланке лондонского Форин Оффиса было, вероятно, таким же, какое производит икона на простого мужика. Совершенно ясно

было, что британское правительство не желало более иметь дела с доктором Герцлем и позаботится о том, чтобы обеспечить сионистам Палестину. Лорд Перси действительно, как теперь сказали бы, запустил новую птицу.

Всё дальнейшее шло как в античной драме по велению богов: победа сионистов из России над доктором Герцлем, его крушение и смерть, и отказ от Уганды. После этого Вейцман перенёс свою деятельность в Англию, «единственную страну, которая проявляет искреннюю симпатию к такому движению, как наше» и где он мог «жить и работать беспрепятственно, но *крайней мере в теории* » (любой сборник классических недоговорок мог бы поместить эти слова на первой странице). Вейцман избрал своей резиденцией Манчестер, а если он пишет, что это было «чистой случайностью», то поверить этому трудно. Манчестер был избирательным округом Бальфура, там же обосновалась главная квартира сионистов в Англии, а лидером партии Бальфура в Манчестере был известный сионист (британская консервативная партия и сегодня ещё опутана той же сетью).

Античная драма разыгрывалась далее. Премьерство Бальфура потерпело фиаско, когда на выборах 1906 года его партия потеряла в Манчестере 8 мест из девяти, и ему пришлось временно сойти с политической сцены. На ней появился в этот момент новый персонаж, один из победивших на выборах либералов; подававший надежды молодой человек по имени Уинстон Черчилль, явно умевший держать, нос по ветру. Он также выставил свою кандидатуру в Манчестере и сумел заручиться благосклонностью сионистской главной квартиры, выступив сначала против законопроекта об иностранцах, внесённого в парламент правительством Бальфура (и ограничивавшего массовую иммиграцию из таких стран, как Россия, откуда, как известно, никто кроме евреев никогда не эмигрировал), а затем в пользу сионизма вообще. Как пишет его биограф Р. С. Тейлор (см. библиографию), «манчестерские евреи быстро сплотились вокруг него, как если бы он был новым Моисеем; один из их лидеров объявил на еврейском митинге, что любой еврей, голосующий против Черчилля, будет предателем нашего дела». По своём избрании Черчилль стал помощником министра колоний. Его публичная поддержка сионизма была в то время лишь знаменательным эпизодом; через 30 лет, когда Бальфур уже умер, она повела к столь же роковым последствиям, как и умопомрачение самого Бальфура.

Вернёмся теперь к этому последнему, столь увлечённому сионизмом. Насколько можно судить по сохранившимся документам, ему никогда не пришло в голову задуматься над судьбой коренных жителей Палестины, которые обязаны ему своим изгнанием в пустыню. По случайному совпадению, предвыборная борьба в 1906 г. велась главным образом по вопросу о якобы жестоком обращении с какими-то людьми из «малых сих» на другом конце земного шара (пример того, как по рецепту Герцля и «Протоколов» следует возбуждать страсти «черни»). О сионизме избиратели никогда и не услыхали, а когда они с ним познакомились впоследствии, то судьба стоявших под его угрозой арабов их не беспокоила по той простой причине, что об этой стороне дела печать, ставшая к тому времени уже вполне «покорной», им ничего не сообщила. В 1906 г. их чувства воспламенились вокруг вопроса о «китайском рабстве», приводя их в священное негодование (off all places, как говорят англичане, в Манчестере, где положение рабочих было ещё более бедственно, чем во всей остальной английской промышленности). В это время китайские кули вербовались по контракту на трёхлетнюю работу на золотых приисках в Южной Африке. Принятые на работу считали себя счастливцами, но для избирательной демагогии в Манчестере это было «рабством», вокруг которого разгорелась и была выиграна выборная кампания. Победившие либералы забыли о китайских рабах сразу же после подсчёта голосов, а придя к власти, переплюнули в своём энтузиазме по адресу сионизма даже консерваторов.

Пока на улице за окном раздавались крики о «китайском рабстве», Бальфур, запершись с сионистским эмиссаром из России, готовил палестинским арабам нечто гораздо более скверное, чем рабство. Он был совершенно околдован этой проблемой (как пишет его племянница и ближайшее к нему доверенное лицо до конца его дней, г-жа Дагдейл, задолго до этой встречи: «Его интерес к вопросу был *возбуждён* … отказом сионистов от Уганды… их оппозиция возбудила в нём *любопытство* , для удовлетворения которого он не мог найти средств… Он попросил (сионистского) руководителя своей партии в Манчестере выяснить причины такой позиции сионистов… Интерес Бальфура к евреям и их истории… имел своими корнями материнские *наставления в Ветхом Завете* и его воспитание в шотландских традициях. Когда он стал взрослым, его интеллектуальное восхищение некоторым аспектами еврейства в современном мире и симпатия к нему приобрели для него громадное значение. Помню, как ещё в детстве он внушил мне мысль, что христианская религия и культура в *громадном долгу у иудейства* , *и что долг этот очень плохо оплачен* ».

В таком умонастроении Бальфур встретился с Вейцманом в 1906 г. в номере «Королевской гостиницы» в сыром и туманном Манчестере. Предложение, которое ему тут было сделано, автоматически ставило Турцию, притом уже в 1906 г., в ряд врагов Англии в любой «будущей мировой войне» (Макс Нордау, см. выше), а в случае победы над ней, ставило Англию в состояние постоянной войны со всем арабским миром. Судя, однако, по вышеприведённой цитате, соображениям национального интереса, нравственных принципов и государственного мышления в голове Бальфура места не нашлось. Он был, как мы видим, захвачен *раздражённым* в нём интересом и неудовлетворённым *любопытством*, что более походило на любовные мечтания молодой девушки, чем на образ мыслей политика. В парламент его избрали не для того, чтобы он решал, в чём состоит «долг» христианства иудаизму, или, если бы такой долг действительно имелся, то не для его оплаты из чужого кармана самозванным сборщикам. Если бы действительно имелся какой-то реальный долг, с которым можно было бы, не выходя из рамок исторической логики, связать его государство и страну, и если он смог бы свою страну в этом убедить, он, возможно, нашёл бы оправдание. Вместо этого, он самолично решил, что такой долг *есть* и что ему принадлежало право выбрать среди возможных кредиторов пришельца из России, в то время, как еврейские массы в Англии не желали о таком долге и слышать. Трудно найти в политической истории человечества что-либо более странное и необычное.

Сорок лет спустя Вейцман писал, что у Бальфура были «только самые наивные и рудиментарные представления о (нашем) движении»; он не знал даже имени Герцля и, стараясь припомнить, называл его «доктор Герц». Другими словами, Бальфура давно уже унёс в облака его энтузиазм в совершенно незнакомом ему вопросе. Он сделал несколько чисто формальных возражений, но явно с целью испытать удовольствие от их опровержения, как иной раз девушки для вида противятся втайне желанным соблазнителям. Громадное впечатление произвёл на него (по словам Вейцмана) вопрос посетителя: «Мистер Бальфур, взяли бы Вы Париж вместо Лондона, если бы я предложил его Вам?» «Но, доктор Вейцман, Лондон ведь давно уже у нас», — возразил Бальфур, на что Вейцман ответил: «А у нас Иерусалим давно уже был, когда на месте Лондона было болото».

Бальфуру этот довод показался достаточно убедительным для переселения еврейских ашкенази из России в Палестину. Однако, единственная группа евреев, об интересах которых он имел законное право заботиться, а именно английские евреи, делали всё, чтобы убедить его не связываться с сионизмом, а поэтому Бальфур сделал последнюю слабую попытку возражения: «Странно, доктор Вейцман, что евреи, с которыми я встречаюсь, — совсем другие». На что последовал не менее остроумный ответ: «Мистер Бальфур, Вы встречаетесь не с теми евреями, с которыми надо». После этого Бальфур никогда больше не сомневался в том, что настоящими евреями являются только сионисты из России. «Из этого разговора с Вейцманом я понял, что еврейская форма патриотизма единственная в своём роде. Наибольшее впечатление произвёл на меня категорический отказ Вейцмана даже думать об этом (предложении Уганды)». К этому г-жа Дагдейл присовокупляет: «Чем больше Бальфур размышлял о сионизме, тем сильнее становились его уважение к нему и вера в его значимость. Его убеждения окончательно оформились накануне поражения Турции в Великую Войну, *изменив будущее сионизма*». Он изменил также и всё будущее Запада, как и судьбу двух его поколений. В беседе в номере гостиницы в 1906 году исполнилось предсказание Макса Нордау 1903-го года о формах «будущей мировой войны».

По мере приближения этой войны всё большее число ведущих политиков спешило втайне поддержать сионизм. Фактически они сами превращались в заговорщиков, поскольку они держали общественность в неведении о своих намерениях в отношении Палестины. Вне узкого внутреннего круга этой политической интриги никто не знал о её существовании и о том, как она будет проведена в сумятице большой войны, когда фактически прекратится контроль государственной политики со стороны парламента и общественности. Именно его секретность наложила на этот процесс печать заговора, задуманного в местечковой России, и его плоды созрели к 1917 году.

Следующая встреча Вейцмана с Бальфуром состоялась 14 декабря 1914 года. (Здесь перед нами снова характерный пример того как трудно точное установление фактов в этих вопросах: г-жа Дагдейл цитирует Вейцмана, — «я не встречался с ним больше *до 1916 года*», — но пишет далее сама, что «14 декабря 1914 г. состоялась встреча д-ра Вейцмана с Бальфуром». Эта, очевидно, *вторая* встреча подтверждается и Вейцманом, который пишет, что после своего разговора с Ллойд-Джорджем *3 декабря 1914 г.*, он «немедленно последовал совету Ллойд-Джорджа встретиться с м-ром Бальфуром»). Мировая война только ещё начиналась. Британская армия была почти уничтожена во Франции, которая сама стояла на грани катастрофы, в то время как один лишь британский флот ограждал Англию от опасности вторжения. Впереди предстояла война, обошедшаяся Англии и Франции в 3 миллиона

жизней, и цвет британской молодёжи рвался в бой. Пропаганда кричала об уничтожении «прусского милитаризма», освобождении «малых народов» и восстановлении «свободы и демократии». Бальфур вскоре снова вошёл в правительство. Когда он опять встретился с Вейцманом, его мысли явно были далеки от грандиозной битвы на полях Франции, и он менее всего думал о своей стране и своём народе. Его главной заботой были сионизм и Палестина. Беседу с Вейцманом он начал словами: «Я часто вспоминал наш разговор» (в 1906 году), «и я думаю, что когда замолкнут пушки. *Вы сможете получить Ваш Иерусалим* ».

Те, кто жил в то время, могут вспомнить обстановку тех лет и понять, сколь далеки были мысли Бальфура от тех событий, которые они считали тогда главными и решающими. В лице Бальфура возродился «пророк» Монк, но на этот раз во всеоружии власти, позволявшей ему распоряжаться судьбами нации. «Непреодолимое давление» за куликами превратилось в решающую силу, достигшую своего апогея уже в 1914 году.

К этому времени американский народ также опутывался сетью той же политической интриги мирового масштаба, скрытой от взоров общественности, т. ч. американцы даже и не подозревали о её существовании. Они лишь опасались быть вовлечёнными в «чужеземные осложнения» и не желали ввязываться в чужие войны, а их президент обещал им, что эти войны никогда их не затронут. В действительности, они уже в эту войну ввязались, ибо «непреодолимое давление» к этому времени действовало столь же успешно в Вашингтоне, как и в Лондоне.

Глава 29
Эдвард Мандель Хауз и его роль

Пока Бальфур со своими сообщниками в тайном заговоре продвигался во время первой мировой войны к власти в Англии, похожая группа людей столь же тайно обосновалась у власти и в Соединённых Штатах, создав политический механизм, действие которого показало окончательные результаты почти 50 лет спустя, когда президент Труман создал сионистское государство в Палестине…

К началу века американцы всё ещё пребывали в состоянии своих «американских идеалов», сущностью которых было не ввязываться ни в какие «чужеземные осложнения». Их нападение на Испанию на Кубе в 1898 году, разумеется, уже сорвало их с этой надёжной позиции, а поэтому загадочное происхождение этой небольшой войны всё ещё представляет немалый интерес. Американская общественность была тогда спровоцирована на взрыв военной истерии сообщением, что американское военное судно «Мэйн» взорвано испанской миной — довольно обычный пример провокации. Когда много лет спустя это судно было поднято со дна моря, то обнаружилось, что его броня была взорвана зарядом изнутри (но к тому времени общественность давно уже потеряла всякий интерес к этому инциденту).

Последствия испано-американской войны (в смысле американского вмешательства в чужие дела) придали первостепенную важность вопросу, кому будет принадлежать истинная власть в Америке, поскольку от этого зависел характер всякого рода будущих «осложнений». На этот вопрос, в свою очередь, решающим образом повлияли последствия другой войны — американской гражданской войны 1861-1865 годов, главным результатом которой (о котором даже не подозревали враждующие стороны, северные и южные штаты) было весьма существенное изменение в характере населения, а затем и правительства республики.

До гражданской войны американское население было по преимуществу ирландским, шотландско-ирландским, шотландским, британским, германским и скандинавским, и из этого смешения создался совершенно особый тип «американца». Как прямое следствие гражданской войны, началась неограниченная иммиграция, которая за несколько десятилетии привела в Америку многие миллионы новых граждан из восточной и южной Европы. В их числе было множество евреев из черты оседлости в России и русской Польше. Политика раввината в России препятствовала их ассимиляции, то же продолжалось и после переселения их в Америку. В самом начале XX века встал вопрос, какую роль намерены играть лидеры еврейства в политической жизни республики и в её иностранной политике. Последующие события показали, что массовая иммиграция принесла в Америку восточно-европейский заговор в его обеих формах: сионистской и социалистической. За кулисами начался — около 1900 г. — процесс постепенного захвата евреями политической власти, ставший в последовавшие полвека доминирующей проблемой в национальной жизни страны.

Первым, вовлёкшим Америку в этот процесс, был некий Эдвард Мандель Хауз [14] (известный под именем «полковника Хауза», хотя он никогда не был военным»), американец-южанин голландско-британского происхождения, выросший в Техасе в трудный период по окончании гражданской войны — один из любопытных персонажей нашего повествования. Как иные втихомолку наслаждаются редкими сортами коньяка, так Хауз был тайно пристрастен к пользованию властью чужими руками, о чём откровенно писал в своих дневниках. Как отмечал его издатель, Чарльз Сеймур, он избегал гласности, «обладая чувством циничного юмора, подогреваемого сознанием того, что он — невидимый и не подозреваемый никем — не будучи богат и не занимая высокого поста, одним только личным влиянием мог фактически *отклонять* течение исторических событий». Мало кто обладал такой властью при полной личной безответственности: как писал сам Хауз, «очень нетрудно, не неся никакой ответственности, сидеть с сигарой за стаканом вина и решать, что должно быть сделано».

Его издатель избрал эти формулировки очень удачно: Хауз в самом деле не *руководил* американским государством, он лишь *отклонил* его политику в сторону сионизма, поддержки мировой революции и создания мирового сверхправительства. Тот *факт* , что он обладал тайной властью, полностью доказан. Выяснить *мотивы* , почему он направлял её именно в эту сторону, очень трудно, поскольку его идеи (выраженные в дневниках и написанном им романе) представляются столь сумбурными и противоречивыми, что составить по ним ясную картину совершенно невозможно. Объёмистые дневники («Частные заметки»), в которых он описывает своё тайное правление, наглядно показывают, *как* он действовал. Они не дают, однако, ответа на вопрос, *чего* он в конце концов хотел, ни даже знал ли он сам, чего хотел; в этом же смысле, его роман обнаруживает лишь ум, полный незрелых демагогических идей, даже не высказанных с достаточной ясностью. Типично его напыщенное обращение к читателю, помещённое на обложке: «Эта книга посвящается тем многим несчастным людям, которые жили и умерли, не добившись нужного им, поскольку с самого начала социальное устройство мира было плохо задумано»; очевидно, это должно было означать, поскольку Хауз считал себя человеком религиозным, плохую работу некоего высшего и более раннего авторитета, выраженную словами: «Вначале сотворил Бог небо и землю».

В поисках источников политических идей м-ра Хауза (по началу весьма родственных коммунизму; впоследствии, когда зло уже совершилось, он стал более умеренным) мы наталкиваемся на небезынтересные детали. Его издатель обнаружил одну из ранних записей Хауза, «напоминающую *Луи Блана и революционеров 1848 года* ». Мы уже раньше обращали внимание читателя на Луи Блана, французского революционера, который в 1848 году собирался сыграть роль Ленина, созвав съезд рабочих депутатов, нечто вроде будущих советов 1917 года. Подобные взгляды у техасца конца 19-го века столь же неожиданны, как буддизм у эскимоса. Как бы то ни было, но в молодости Хауз под чьим-то влиянием усвоил эти идеи. Второе имя Хауза — Мандель — было, как пишет его биограф, Артур Д. Хоуден (Howden), именем «еврейского коммерсанта в Хустоне, одного из ближайших друзей его отца; тот факт, что Хауз-старший дал еврейское имя своему сыну, указывает на приверженность его семьи к еврейской расе». В романе, написанном Хаузом, герой отказывается от всех удобств, живя в бедной комнате нью-йоркского Ист-Сайда вместе с польским евреем, эмигрировавшим в Америку после антиеврейских беспорядков в Варшаве, причиной которых было убийство сына правительственного сановника неким «нестерпимо затравленным молодым евреем». В последующие годы шурином и советником Хауза был также еврей, некий доктор Сидней Мезес, один из инициаторов ранних планов создания мирового сверхправительства (т. н. «Лига принуждения к миру»). Это примерно всё, что можно узнать об интеллектуальной атмосфере, в которой формировалось мировоззрение Хауза. В одной из своих наиболее откровенных записей Хауз пишет о том, как внушаются идеи другим людям, и показывает, сам того не замечая, что, считая себя всемогущим, он был по сути беспомощен. «Желая повлиять на президента, как и на всех других, я всегда старался внушить им, что заимствованные у меня мысли были их собственными… Обычно, если говорить

---

[14] Американские президенты производили в полковники сугубо гражданских лиц «за заслуги», обычно мало известные общественности. При Рузвельте за аналогичные заслуги стали производить в генералы. Таким генералом стал, например, «король американского телевидения» Давид Сарнов (1891-1971), родом из местечка Узляны под Минском, который во всех биографических справочниках и энциклопедиях неизменно именуется «пионером в области телевидения». Настоящий изобретатель телевидения, проф. Владимир Кузьмич Зворыкин, создатель иконоскопа (главная часть телевизора), электронного микроскопа и множества других важнейших для нашего времени изобретений, член научных обществ и академий во всём мире, отмеченный бесчисленными международными наградами и орденами (кавалер Почётного Легиона), служивший директором отдела исследований сарновской компании RCA, такой чести не удостоился.

правду, *они вовсе не принадлежали мне самому … самое трудное в мире , это проследить источники любой идеи* … Мы часто считаем собственными идеи, которые мы в действительности *подсознательно восприняли от других* ».

Он начал знакомиться с политикой в Техасе уже в возрасте 18 лет, во время президентских выборов (1876 г.), быстро распознав, что фактически «лишь двое-трое в Сенате, и двое или трое в Палате представителей, вместе с президентом, действительно правят страной. Все остальные — только подставные фигуры… поэтому я не стремился к официальным постам, и не старался ораторствовать» (то же самое говорит и политик, описанный в его романе в 1912 году: «В Вашингтоне… я увидел, что у власти стоят всего несколько человек; все, находящиеся за пределами этого узкого круга, имеют очень мало значения. Я стремился проникнуть внутрь этого круга, а теперь я уже стараюсь не только быть в *нём* , но быть *им самим* … Президент попросил меня руководить его избирательной кампанией… он был выставлен кандидатом и переизбран подавляющим большинством голосов… а я оказался внутри волшебного круга и недалеко от дальнейшей цели — не иметь больше соперников… *я затянул почти невидимую петлю вокруг людей* , *которая крепко их держала* »).

С такими амбициями Хауз вышел на политическую арену в Техасе: «Я начал сверху, а не снизу… обычно я *делал номинальным главой кого-либо другого* , чтобы мне не мешали работать те требования, которые предъявляются к председателю… Каждый председатель руководимой мной кампании наслаждался рекламой и аплодисментами в публике и в печати… после чего о них забывали в ходе нескольких месяцев… а когда начиналась новая избирательная кампания, публика и печать столь же охотно принимали новую подставную фигуру». Хауз использовал Техас, как начинающий артист использует провинцию. Он был столь успешным партийным организатором, что к концу столетия стал полновластным правителем штата, сидя ежедневно в кабинете губернатора (назначенного им и давно забытого) в правительственной резиденции; здесь он подбирал сенаторов и членов местного конгресса и выносил решения по докладам многочисленных чиновников, обычно осаждающих губернатора. Закончив своё провинциальное турне, он стал готовиться к завоеванию столицы. К 1900 году ему «надоело положение, занимавшееся мной в Техасе» и он «был готов заняться государственными делами». После нужной подготовки он начал в 1910 году, накануне Первой мировой войны, *подыскивать подходящего для демократической партии кандидата в президенты* ». Так, в возрасте 50-ти лет, Хауз стал «president-maker». До того как автор этих строк прочёл его «Частные заметки», он поражался необъяснимой осведомлённости ведущего американского сиониста, раввина Стефена Уайза, который в 1910 г. заявил на собрании в штате Нью-Джерси буквально следующее: «Во вторник мистер Вудро Вильсон будет избран губернатором вашего штата; он не закончит срока губернаторской службы, т. к. в ноябре 1912 года он будет избран президентом Соединённых Штатов; после этого его переизберут президентом второй раз». Это было знанием хода будущих событий, какое мы находит в «Протоколах», у Льва Пинскера и Макса Нордау; дальнейшее расследование этой истории показывает, что раввин Уайз получил эти сведения от Хауза.

Вильсон в это время явно был объектом внимательного изучения со стороны сговорившейся между собой группы неизвестных ни ему, ни другим лиц, поскольку ни раввин Уайз, ни Хауз никогда ещё с ним не встречались. Тем не менее, как пишет биограф Хауза (Howden), этот последний «не сомневался в том, что нашёл нужного человека, хотя он с ним ещё никогда не встречался… (Хоуден цитирует далее самого Хауза:) Я остановился на Вудро Вильсоне… как на единственном… который во всех отношениях был пригоден для этого поста». Последующие слова самого, Хауза показывают, какие критерии при этом прилагались: «Беда с кандидатами в президенты заключается в том, что самою подходящего для этой должности невозможно провести в кандидаты, а если это и удастся, то его не выберут. Народ редко выбирает наилучших на этот пост, а поэтому приходится продвигать того, у кого более всего шансов быть избранным, в настоящее же время самым подходящим для этого представляется Вильсон» (это описание техники «выборов» находит подтверждение в романе Хауза, где также рисуются методы всесильной политической группы при подборе «своих *креатур* » в президенты).

В лице раввина Стефена Уайза, родом как Герцль и Нордау из Будапешта (Stephen Wise, род. в 1874 г., сын раввина, наст. фамилия Weiss — *прим. перев.*), в группе лиц, тайно намечавших Вудро Вильсона в президенты, сионизм сочетался с мировой революцией. Он был главным организатором сионизма в Америке, что делало его довольно необычной фигурой среди американских евреев, не желавших в то время никакого сионизма и относившихся с подозрением и недоверием к «восточным евреям». Как писал сам Уайз, до 1900 г. сионизм в Америке был популярен только среди евреев-иммигрантов из России, привёзших его из местечковых гетто; основная масса американских

евреев была немецкого происхождения и не желала о сионизме и слышать. В 1900…1910 гг. прибыл миллион новых еврейских эмигрантов из России, ставших под сионистским руководством важной группой избирателей; отсюда и идёт связь между Хаузом (его избирательная стратегия будет описана ниже) и раввином Уайзом. Хотя этот последний в то время вовсе не был представительной фигурой еврейства, будучи известен, главным образом, как агитатор по рабочему вопросу, однако именно он имел тайный доступ к власть имущим, которые внимали его советам (как Хаим Вейцман в Лондоне).[15]

Насколько прочно эта закулисная группа держала в своих руках весь партийный избирательный аппарат, видно из того, что достаточно было Хаузу «частным порядком» решить, что следующим президентом будет Вудро Вильсон, как раввин Уайз объявил об этом открыто, добавив, что его изберут дважды. Раввину пришлось для этого перестроиться, поскольку до того он всегда поддерживал республиканскую партию; после того, как Хауз остановился на кандидатуре Вильсона, раввин переметнулся к демократической. Так сумбурные «революционные» идеи Хауза и вполне ясные сионистские появились в трогательном единении на пороге Белого Дома. Между обеими царило полное сердечное согласие: как пишет Уайз, после выборов «мы получили горячую поддержку со стороны ближайшего друга президента, полковника Хауза… (*который*), *не только принял нашу цель близко к сердцу* , *но и был связующим звеном* (liaison officer) *между правительством Вильсона и сионистским движением* ». В тесной параллельности хода этих скрытых процессов в обеих странах, Америке и Англии, вряд ли могут быть сомнения. Секрет того, как Хауз мог управлять демократической партией, заключался в разработанной им стратегии, обеспечивавшей победы на выборах. Демократическая партия не была у власти уже почти 50 лет подряд, и он изобрёл метод, позволявший выигрывать выборы почти с математической точностью. Применению планов Хауза демократическая партия была обязана своими победами в 1912 и 1916 годах, а также выборными победами Рузвельта и Трумана в 1932, 1936, 1940, 1944, и 1948 гг. Именно в этом избирательном плане, который в своём роде может быть назван гениальным, и заключался секрет не прекращавшегося влияния Хауза на политическую жизнь Америки; хотя ere *собственные* политические *идеи* никогда не были ясно сформулированы и, к тому же, часто менялись, он создал великолепное орудие для проведения *чужих* идей.

В основном, это был метод получения голосов новых иммигрантов из числа «иностранцев» в пользу демократической партии путём воздействия на их национальные и расовые чувства и особые эмоциональные реакции. Метод был разработан весьма детально и в нём чувствовалась рука мастера в этой особой области политических наук. Совершенно невероятным выглядит то, что Хауз не скрывая, опубликовал секрет этого метода, хотя и под псевдонимом, именно в том 1912 году, в котором избранный им Вудро Вильсон был официально проведён в кандидаты и действительно «избран». Даже его занятость в этом году не помешала Хаузу за один месяц написать роман под заглавием «Администратор Филипп Дрю» (это необычное слово напоминает нам те строки «Протоколов», где в английском переводе говорится об «администраторах, которых мы изберём…»). Глава «Как делают президентов», вне всяких сомнений не являющаяся вымыслом, превращает эту в остальном совершенно неудобочитаемую книгу в исторический документ первостепенного значения.

В этой главе романа (напечатанного по настоянию неутомимого еврейского ментора Хауза, д-ра Сиднея Мезеса) обрисован американский сенатор по имени Сельвин, собирающийся «управлять страной твёрдой рукой, оставаясь невидимой направляющей силой». Сельвин, разумеется, — сам Хауз, который не мог удержаться от искушения дать ключ к распознанию самого себя и поэтому заставил «Сельвина» пригласить избранного им президента-марионетку (глава «Сельвин ищет кандидата») «поужинать со мной в моей квартире в Мандель Хаузе».

Ещё до этого приглашения Сельвин, при участии некоего «финансового жреца», Джона Тора, разработал «гнусный план», с помощью которого «сплочённая организация» могла, применяя «*подлейшие методы обмана в том* , *что касалось её истинных намерений* , *провести свою креатуру в*

---

[15] Уайз (или Вейс) был одним из основателей Американской сионистской Организации в 1898 г. (в возрасте 24-х лет!) и её президентом в 1936-38 гг. Как пишет «Американская Энциклопедия», «он оказывал влияние на многих ведущих общественных и политических деятелей, в том числе на президента Вудро Вильсона, в смысле их дружественного отношения (sympathetic understanding) к сионизму». В 1917 г. он основал Американский Еврейский Конгресс (American Jewish Congress) и представлял его на Версальской конференции в 1919 г., став его президентом в 1925-29 и 1935-49 гг. В 1936 г. Уайз основал Всемирный Еврейский Конгресс (World Jewish Congress), президентом которого он был до своей смерти в 1949 г., «и в качестве такового был мировым вождём борьбы против Гитлера» (Американская Энциклопедия, Нью-Йорк 1968, т. 29. стр. 79-80). 5-го сентября 1939 г. Всемирный Еврейский Конгресс официально объявил войну Германии, что превращало всех евреев в Германии и оккупированных ей странах в «представителей вражеского народа», которых Женевская конвенция о ведении войны разрешает во время войны интернировать в концентрационных лагерях.

президенты ». Финансирование этой мафии было очень простым: «Влияние Тора в коммерческих кругах Америки было абсолютным… Тор и Сельвин наметили добрую тысячу (миллионеров), каждый из которых должен был дать по десять тысяч долларов… Тор говорил каждому из них, что дело идёт о процветании делового сообщества и что для этого нужны двадцать тысяч долларов; он, Тор, даст десять тысяч, а от другого требуются столько же… лишь немногие дельцы… не считали для себя счастьем быть вызванным Тором в Нью-Йорк и присоединиться к нему с завязанными глазами в деле охраны капитала». Деньги этого «фонда великой коррупции» были размещены Тором в различных банках, переведены Сельвином в другие банки, а оттуда в частный банк его зятя; «в результате общественность не могла ничего узнать ни о самом фонде, ни о его использовании».

С помощью этой финансовой базы Сельвин выбирает свою «креатуру», некоего Рокланда (под этим именем скрывается, разумеется Вудро Вильсон), которому он говорит на ужине в Мандель Хаузе, что его обязанности как президента будут несколько расплывчатыми: «хотя конституция и даёт президенту право управлять самостоятельно, но он не имеет морального права действовать против политической линии и традиций своей партии *или же против советов* партийного руководства, ибо страна и народ принимают кандидата, партию и партийных *советников* как одно целое, а не раздельно» (бросается в глаза сходство этих строк книги с соответственными указаниями «Протоколов» на «президентскую ответственность» и решающий авторитет их «советников»).

Рокланд покорно принимает эти условия. После выборов, «опьянённый властью и угодничеством своих приспешников, Рокланд раз или два пытался проявить независимость, принимая важные решения без консультации с Сельвином; однако после резких нападок со стороны газет Сельвина… *он не предпринимал дальнейших попыток проявить независимость* . Он чувствовал себя совершенно беспомощным в сильных руках этого человека, и он действительно и был таковым». Любопытно сравнить эти строки в романе Хауза, *написанном в 1912 г* . до вступления Вильсона в должность президента, с тем, что Хауз писал в своих «*Частных заметках* » *в 1926* г. о его отношениях с президентским кандидатом во время избирательной кампании. Хауз редактировал все речи кандидата, дав ему указание не слушаться ничьих иных советов, в ответ на что Вильсон признался ему в нарушении этих обязательств, обещав «не действовать самостоятельно в будущем». В романе Сельвин рассказывает Тору о попытке Рокланда вырваться из этой зависимости: «когда он рассказал, как Рокланд пытался освободиться и как он, будучи поставлен на, своё место, корчился от унижения, оба они весело смеялись» (эта глава носит название «Ликующие заговорщики»).

В другой главе говорится о том, *каким образом* было достигнуто избрание «креатуры». Метод, описанный в этой главе, превращает избирательную кампанию почти что в точную науку, и господствует с тех пор в организации выборов в Америке. Он основан на расчёте, что 80 процентов избирателей при любых обстоятельствах отдадут свои голоса одной из соперничающих партий, разделившись примерно поровну, и что поэтому все усилия и денежные средства должны быть сконцентрированы на обработку остающихся «текучих двадцати процентов». Эти 20% подвергаются детальному анализу, пока не выделяется небольшой остаток, на обработку которого сосредоточиваются максимальные усилия. Устраняются ненужные затраты, вплоть до последнего цента и вся энергия освобождается в направлении небольшой группы избирателем, которые действительно могут повлиять на исход выборов. Этот метод столь способствовал «отклонению» хода событий в Америке и во всём мире в нужную кому-то сторону, что не мешает рассмотреть его более внимательно.

Сельвин начинает кампанию по выдвижению кандидата в президенты с того, что сбрасывает со счёта все штаты, в которых победа его или противной партии предрешена заранее. Это позволяет ему уделить всё внимание двенадцати сомнительным штатам, от голосов которых будет зависеть исход выборов. Он делит эти штаты на группы по пять тысяч избирателей, прикрепляя к каждой из них по одному местному члену партии и одному представителю при центральной штаб-квартире. Далее он исходит из расчёта, что из каждых пяти тысяч четыре, разделившись поровну, не изменят ни его, ни другой партии, что сужает его анализ до *одной тысячи* сомнительных избирателей в каждой пятитысячной группе в 12 штатах, на которых и нужно сосредоточиться. Задачей местного члена партии является сбор достоверных сведений об их «расе, религии, занятиях и прежних партийных связях», которые он должен сообщить прикреплённому к данной группе представителю центра для воздействия на *каждого* из этой тысячи посредством «литературы, убеждения или каким-либо более тонким способом». Эти два агента — один местный, второй из центра — обязаны были «обеспечить большинство в порученной им тысяче голосов».

Избирательные воротилы другой партии рассылали вместо этого «тонны печатной бумаги в партийные центры штатов, откуда они распределялись по провинциальным организациям; там всё это

сваливалось в угол и давалось посетителям, если они об этом просили. Комитет Сельвина использовал только одну четверть этой массы материалов, но они отправлялись в запечатанном конверте и в сопровождении сердечного письма, непосредственно адресованного избирателю, ещё не решившему, кому отдать свой голос. Оппозиция, тратя большие деньги, рассылала ораторов из одного конца страны в другой… Сельвин посылал людей в избирательные группы, чтобы лично убедить каждого из колеблющейся тысячи поддержать список Рокланда».

Благодаря этому умелому методу анализа, исключения и концентрации, Рокланд в романе и Вильсон в действительности победили на выборах в 1912 г. Этот концентрированный призыв к «тысяче колеблющихся избирателей» был обращён в каждой такой группе к эмоциям «расы, веры и цвета кожи», и каждый объект внимания был намечен с учётом этих факторов. «Так победил Сельвин, а Рокланд стал краеугольным камнем строившегося им здания».

Остальная часть романа не представляет интереса, но и она содержит несколько любопытных мест. Подзаголовок гласит: «История будущего: 1920-1935». Герой романа — Филипп Дрю, молодой воспитанник военного училища в Вест-Пойнте, увлёкшийся идеями и избранный вождём негодующей толпой на митинге протеста после того, как заговор Сельвина с Тором стал достоянием гласности. Интересном то каким образом эго произошло: в кабинете Тора имелся скрытый микрофон (вещь, мало известная в 1912 году, но столь же обычая в политике наших дней, как настольный календарь). Тор позабыл его выключить, и его «ликующий» разговор с Сельвином после избрания Рокланда стал известным его секретарше, которая сообщила эти сведения в печать; самым неправдоподобным во всей эти истории является то, что печать их опубликовала. Дрю собирает армию (вооружённую, как по волшебству, винтовками и артиллерией), разбивает правительственные войска в одном единственном сражении, занимает Вашингтон и объявляет себя «Администратором Республики». Его первым важным правительственным актом (как и президента Вильсона) является введение «прогрессивного подоходного налога, не исключающего ни одного дохода, каким бы он ни был» (Коммунистический Манифест Карла Маркса требовал введения «высокого прогрессивного налога», а Протоколы — «прогрессивного налога на собственность»).

Вслед за тем Дрю вторгается в Мексику и в республики Центральной Америки, побеждает и их в одной битве, объединяя их затем под американским флагом, который в следующей главе становится «неоспоримой эмблемой авторитета» также и для Канады, британских, французских и всех иных владений в Вест-Индии. Сельвин и Филипп Дрю, оба, разумеется, олицетворяют «полковника» Хауза. Сельвин — непревзойдённый партийный организатор и тайный носитель высшей власти; Дрю — сумбурный «утопист-мечтатель» (Протоколы), который, достигнув власти, не знает, что с ней делать. Как и следовало ожидать, под конец Хауз сам не знал, что ему делать с двумя созданными им фигурами, представлявшими, по сути дела, одно и то же лицо, и он должен был соединить их, сделав Сельвина — первоначального злодея повествования — доверенным лицом и приятелем бедняги Дрю. После этого неудивительно, что он снова не знал, что ему делать с Дрю, разве что отдать его на съедение медведям. Он посадил его на корабль, плывущий в неизвестном направлении, вместе с девицей Глорией, жаждавшей любви и на протяжении пятидесяти глав выслушивавшей бессвязные речи Дрю о его планах переустройства мира, заканчивая роман восклицаниями: «Счастливая Глория! Счастливый Филипп!… Куда их несёт? Вернутся ли они? Об этом спрашивали все, но никто не мог дать ответа».

Вероятно и в самом деле никто не стал бы дочитывать этот роман до конца, и никого не интересовало, куда поплыли Филипп и Глория, с одним только исключением. Был на земле один единственный человек, для которого эта история должна была иметь столь же жуткое значение, как портрет Дориана Грея для самого Дориана: Вудро Вильсон. В этом отношении роман «Администратор Филипп Дрю» — единственный в своём роде. Два вопроса преследуют историка: читал ли Вильсон этот роман, и что (или кто) побудило Хауза опубликовать точную картину того, что происходило в то самое время, когда «креатура» была сделана сначала кандидатом в президенты, а затем и президентом республики? В свете этого книга приобретает характер садистского издевательства, и читателю становится ясно, что люди, собравшиеся вокруг полковника Хауза, должны были быть теми самыми злодеями, потоке описаны в главе «Ликующие заговорщики».

Можно ли допустить, что Вудро Вильсон не читал этой книги? Из его врагов или друзей во время избирательной кампании кто-то должен же был дать ему её а руки. Историк должен задать себе вопрос, не было ли знакомство с этим произведением причиной болезненного душевного и физического состояния, вскоре поразившего президента. Несколько описаний его со стороны современников могут послужить иллюстрацией к этому вопросу, хотя они и забегают несколько вперёд в хронологии нашего

повествования. Хауз писал впоследствии о том, кого он «выбрал» и провёл в президенты («единственный из всех, кто во всех отношениях подходил к этой должности»): «В это время (1914 г.) и несколько раз впоследствии мне казалось, что президент ищет смерти; его поведение и его душевное состояние с уверенностью показывали, что он *не находил более радости в жизни* ». Вскоре после того, как Вильсон стал президентом, британский посол сэр Гораций Планкетт (Plunkett) писал Хаузу: «Я посетил президента и был *потрясён* , насколько он выглядел измученным; перемена в нём, по сравнению с январём (месяц вступления президентов в должность — *прим. перев.*), — ужасна». Шесть лет спустя сэр Вильям Уайзмен, правительственный эмиссар Великобритании, говорил Хаузу: «Я был *потрясён* видом президента… у него было серое, истощённое, лицо, часто подергивавшееся в жалких попытках сдерживать нервы, явно находившиеся в полном расстройстве» (1919 г.).

Заметим сходство этих описаний Вильсона с позднейшими описаниями президента Рузвельта, которого Хауз также считал своим подставным лицом. Как писал Роберт Э. Шервуд (влиятельный американский журналист и плодовитый драматург, ярый друг Советов в 30-х годах, во время войны автор официальных речей президента — *прим. перев.*), Рузвельта постоянно преследовал «призрак Вильсона». Через 2 года после первого избрания Рузвельта в президенты, менеджер демократической партии Джемс Фарлей писал о нём: «Президент выглядит плохо… измождённое лицо и замедленные реакции» (1935), а ещё 2 года спустя он был *потрясён* видом президента» (1937). Точно также была «*потрясена* видом президента» и мадам Чан Кай-ши в 1943 году; Мерриман Смит писал в 1944 г., что Рузвельт «выглядел старее, чем когда-либо, и произнёс совершенно бессодержательную речь», в то время как по словам Джона Т. Флинна фотографии президента *потрясли* страну и народ». Член кабинета Рузвельта, мисс Френсис Перкинс, сказала однажды, выйдя от него в 1945 г., «я не могу больше этого выдержать, президент выглядит ужасно».

Видимо самый верный путь стать несчастным, это получить власть в качестве орудия других лиц, остающихся незримыми. Вильсон неизбежно выглядит ничтожеством при чтении этих свидетельств, ставших теперь доступными историкам. Полковник Хауз, раввин Уайз и другие из его окружения смотрели на него, как коллекционеры смотрят на приколотого булавкой жука. Когда он в двадцатилетнем возрасте решил в один прекрасный день стать президентом страны, то вероятно он менее руководился божественным откровением, чем гаданием на кофейной гуще. Это стало впоследствии известно, и ребе Уайз как-то задал ему вопрос: «Когда Вы впервые начали думать или мечтать о президентстве?» Поскольку раввину было известно гораздо больше, чем Вильсону, о том, как его мечты оказались осуществлёнными, он вероятно задал вопрос не без задней мысли, и несомненно был поражён ответом Вильсона: «После окончания Давидсонова колледжа в Южной Каролине не было дня, когда бы я не ожидал стать президентом», после чего последовал язвительный вопрос: «Даже когда Вы были учителем в женской гимназии?» Вильсон, явно забывший истинное положение вещей, повторил: «Я всегда был уверен, что буду президентом, и готовился к этому».

Между тайным «выбором» Вильсона Хаузом в 1910 году и его официальным выдвижением на президентскую кандидатуру в 1912 г. ему пришлось публично расписаться в преданности сионизму; этим американский народ был вовлечён в еврейское предприятие, как и английский народ оказался связанным с ним предложением Уганды в 1903 г. Разъезжая по стране с предвыборными речами, Вильсон выступил и по вопросу «о правах евреев», заявив следующее: «Я говорю здесь не для того, чтобы выразить симпатии нашими еврейским согражданам, а *чтобы ясно выразить наше полное единство с ними* ; *это не только их цель* , *это цель Америки* ».

Эти слова могли иметь только одно значение: как декларация внешней политики в том случае, если Вильсона выберут президентом. Не было никакой необходимости говорить о единстве между одними американцами и другими, а евреи в Америке были всегда и во всех отношениях равноправны и свободны; это положение могло измениться только в результате отказа *самих евреев* сознавать своё единство с Америкой, и Вильсон фактически этот отказ провозгласил публично. Он официально подчеркнул, что у евреев есть своя «индивидуальность», не тождественная с Америкой, и что под его руководством Америка будет всячески поддерживать их стремление обособиться от своих сограждан. Для посвящённых было ясно, что эти слова выражали полное согласие с сионизмом. Они были также косвенным намёком и угрозой по адресу России, поскольку тем самым Вильсон признавал эмигрировавших русских евреев (бывших тогда единственными организованными сионистами) представителями всего еврейства. Так Вильсон взял на себя роль Бальфура в американской постановке этой драмы.

К этому времени вся сионистская пропаганда была направлена против России. Прошло 30 лет после убийства императора Александра Второго, которого революционеры ненавидели за его попытки

ввести в России парламентарные порядки (как пишет Кастейн, участие евреев в цареубийстве было совершенно «естественным»). Наследовавший престол Александр III вынужден был бороться с революционерами более энергично. В дни Вильсона император Николай II возобновил попытку царя-освободителя умиротворить и объединить страну, дав народу избирательные права, что снова встретило яростное сопротивление со стороны объединённых в революционную партию сионистов.

В то самое время; когда Вильсон нашёл нужным ополчиться на Россию за её «нетерпимость», политические убийства стали там ежедневным средством разрушения трудов Николая II. В разгар революции царь издал в 1905 г. указ, сделавший Россию конституционной монархией, и ввёл *всеобщее избирательное право* . Революционеры боялись этих освободительных мероприятий больше, чем казаков, и использовали государственную Думу для бунтарского бесчинства, так что её пришлось распустить. Царь назначил премьер-министром просвещённого государственного деятеля П. А. Столыпина, проведшего закон о *земельной реформе* , *за которой последовали новые выборы* . В результате, в русском парламенте Второго созыва Столыпин был встречен бурной овацией, а революционеры остались с носом (около трёх миллионов безземельных крестьян, получили землю в полную собственность).[16] Будущее России казалось в этот момент светлее, чем когда-либо. Признанный национальный герой, Столыпин писал:

> «Наша главная цель — укрепить наше крестьянство. Вся сила страны в нём… *Дайте стране 10 лет покоя … внешнего и внутреннего* , *и вы не узнаете нынешней России* ».

Эти десять спокойных лет изменили бы к лучшему историю всего мира; однако, заговор вовремя вмешался, принеся «десять дней, которые потрясли мир». В 1911 г. Столыпин поехал в Киев, где царь открывал памятник убитому революционерами царю-освободителю Александру II, и во время спектакля в оперном театре был застрелен еврейским революционером Богровым (в 1917 году еврейский комиссар, обнаружив в группе беженцев девушку — дочь Столыпина, застрелил её на месте).

Это случилось в *сентябре* 1911 года; в *декабре* 1911 года Вильсон, уже кандидат в президенты, выразил в своей речи «полное единство» с еврейским предприятием. В *ноябре* 1911 гола Вильсон впервые в жизни встретился с Хаузом, тем человеком, который «избрал» его в 1910 г. (и который к тому времени уже «подобрал всех моих политических друзей и сотрудников»). Позже Хауз сообщал своему

---

[16] Даже столь всесторонне осведомлённые западные авторы, как Дуглас Рид, часто «плавают», как только речь заходит о России, что несомненно является следствием систематического искажения русской истории «заинтересованной стороной», создавшей себе, в особенности после 1917 года и, главным образом, в Англии и Америке, монополию в этой области.

«Безземельных крестьян» в России, в отличие от западной Европы, вообще не было, за исключением тех, кто, формально принадлежа к крестьянскому сословию, занимался вместо земледелия торговлей, ремеслом, промыслами и т. д., но и они наделялись общинной землёй, сдавая её обычно в аренду односельчанам. Столыпинская реформа освободила крестьян от общинной зависимости, закрепив 16 милл. десятин в частную собственность 2,5 млн. крестьянских дворов. Одновременно гигантскими темпами проводилось землеустройство (ликвидация чересполосицы и т. д.), фактически сводившееся к установлению постоянной собственности и на общинную землю; т. ч. к 1916 году почти 60% надельной, т. е. бывшей общинною земли (общая площадь надельной земли, отведённой крестьянам после реформы 1861 г. составляла около 117 млн. десятин или более 127 млн. гектаров) перешли в личную собственность крестьянства. Помимо этого, русское крестьянство владело 30 млн. десятин земли, купленной на личные средства, и арендовало дополнительно не менее, чем 60 млн. десятин земли, главным образом у помещиков.

Что касается думской истории, то распущена была также и Вторая Государственная Дума, отказавшаяся лишить депутатской неприкосновенности 55 соц.-дём. депутатов, замешанных в подготовке убийства императора, великого князя Николая Николаевича и П. А. Столыпина, после чего последний провёл в порядке чрезвычайного законодательства новый избирательный закон, обеспечивший Третьей Государственной Думе способное к продуктивной работе большинство. Земельная реформа вместе с землеустройством показала результаты лишь по прошествии нескольких лет, и прямого влияния на исход выборов в Думе не имела. Далее, Дуглас Рид ошибочно производит Столыпина в графы, что мы в переводе опустили.

Небезынтересно, что «Американская Энциклопедия» посвящает Столыпину всего 14 строк (Нью-Йорк, 1968, т.25, стр.671), в которых его реформа даже не упоминается, сообщается лишь, что «он подчинил большую часть империи военно-полевому управлению для подавления растущей революции, и был убит в 1911 году». Думскому противнику Столыпина, сомнительному историку и политическому ничтожеству Милюкову, та же «Американская Энциклопедия» посвящает 74 строки, полные славословий.

К той же области «объективной информации» относится и то, что автор известного в США труда о советском сельском хозяйстве, Наум Ясный («The Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance», Stanford 1949), на 17-ти страницах главы 9-й, посвящённой дореволюционному русскому сельскому хозяйству перед Первой мировой войной, не говорит ни единого слова о реформе Столыпина и даже не называет его имени. Русское сельское хозяйство и положение крестьянства в России, подаются Наумом Ясным в совершенно ложном свете.

шурину: «…ещё никогда до того я не находил *одновременно и нужного человека и нужные возможности* ». Перед выборами Хауз составил список министров будущего правительства (см. его роман «Филипп Дрю») совместно с Бернардом Барухом, который теперь впервые появляется на сцене нашей повести. Вероятно он окажется самой важной из всех фигур на ней в течение последующих 50-ти лет, став известным, как «советник» нескольких президентов подряд, и давая в 1950-х годах советы президенту Эйзенхауэру и Уинстону Черчиллю. В 1912 году он был известен лишь как успешный финансист, и его биограф сообщает, что он пожертвовал 50 тысяч долларов на избирательную кампанию Вильсона.

Уже во время этой кампании Вильсону дали почувствовать узду. После некоторых своих вольностей ему пришлось обещать полковнику Хаузу (сходство с *Филиппом Дрю* в романе уже упоминалось), что «в будущем он больше не будет действовать самостоятельно». Немедленно после выборов он принял раввина Стефена Уайза для, «длительного разговора», во время которого (как пишет Уайз) они обсуждали «*русские дела* , *главным образом в смысле положения евреев в России* ». Хауз в это же время обедал с неким Луисом Брандейсом, влиятельнейшим евреем-юристом, сообщив впоследствии, что «мы оба *были в полном согласии в отношении большинства важных проблем нашего времени* ». Таким образом, трое из четырёх ближайших советников Вильсона были евреи, и все трое в то или иное время играли ведущую роль в новом обособлении евреев с помощью сионизма и его палестинских требований. Брандейс и рабби Уайз были ведущими сионистами Америки, и в частности Брандейс заслуживает, чтобы мы посвятили ему несколько строк.

По внешности и уму он отличался большой солидностью, но ни он сам, ни любой другой адвокат не могли бы сказать, что именно делало его «евреем». Он не соблюдал требований иудейской религии ни в её ортодоксальном, ни в реформированном виде, и однажды писал, что «в течение большей части моей жизни я был лишь мало связан с евреями и иудаизмом, а их проблемы меня мало интересовали». Его «обращение» было весьма иррационально и романтично (напоминая Бальфура): как-то в 1897 году, прочтя за завтраком отчёт о речи Герцля на первом сионистском конгрессе, он сказал жене: «Вот дело, которому я мог бы посвятить всю мою жизнь». Так в мгновение ока полностью ассимилированный американский еврей превратился в сиониста и со всем рвением новообращённого стал поносить «ассимиляцию»: «Ассимиляцию нельзя предотвратить иначе, как вновь восстановив *на нашей родине* центр, из которого будет распространяться наш еврейский дух».

Русские сионисты никогда не доверяли этому типичному продукту ассимиляции, который теперь всячески пытался «раз-ассимилироваться». Они презирали его вечную болтовню об «американизме», и высказывания вроде: «я пришёл к сионизму через американизм», что для талмудистов было равнозначно утверждению, что к сионизму можно прийти через «русскость», которую они собирались уничтожить. И действительно, совершенно нелогичным было проповедовать худшую форму расовой сегрегации, в то же время восхищаясь американским ассимиляционизмом, и похоже, что хитрый юрист Брандейс так никогда и не разобрался в истинном характере сионизма. Для американских сионистов он стал их Герцлем (раввин Стефен Уайз был их Вейцманом) и был столь же безжалостно выброшен за борт, когда он сыграл решающую роль.

Таково было окружение, диктовавшее свою волю президенту в годы, когда Соединённые Штаты готовились ввязаться в Первую мировую войну, и такова была цель, которая должна была быть достигнута через него и с помощью участия его страны в этой войне. После выборов Хауз стал заведовать всей корреспонденцией президента; он решал, кого президент должен был принять или, наоборот, не принять; он же указывал министрам его кабинета, что они должны были или не должны были говорить. К тому времени он уже написал и опубликовал свой удивительный роман. Он желал *власти* и достиг её, но он никогда не был в состоянии решить, что же ему ещё нужно. Его амбиции, таким образом, были довольно бесцельны, и задним числом он похож на героя романа другого политика, Уинстона Черчилля, о котором его автор писал: «Мотивом его действий была громадная амбиция, и Саврола (герой романа Черчилля) был бессилен ей противиться». К концу своей жизни, одинокий и всеми забытый, Хауз остро возненавидел своего «Филиппа Дрю».

Однако между 1911 и 1919 гг. жизнь представлялась Хаузу великолепной. Он обожал власть ради неё самой, и к тому же не хотел ничем огорчать своего «Рокланда» в Белом Доме: «Моим неизменным стремлением было, чтобы президент, как и все другие, на которых я хотел оказать влияние, воображали, что идеи, внушённые мною, были их собственными. По сути дела, я мог обдумать многие вещи гораздо детальнее, чем президент, и у меня было больше возможностей обсудить их, чем у него. Но никто не может быть довольным, зная что кто-то другой направляет его решения. В этом отношении все мы слишком тщеславны. У большинства людей их личное тщеславие руководит их поступками. У меня

этого нет. Мне совершенно безразлично, кого будут хвалить за осуществление моей идеи. Главное — чтобы моя идея была проведена в жизнь. Обычно, если говорить правду, *первичная идея исходила даже не от меня самого …*»

Другими словами, кто-то «направлял» Хауза, который, в свою очередь, «направлял» Вильсона, в результате чего тайная клика в талмудистских местечках России должна была получить в свою собственность Палестину, что опять-таки не могло иметь другой цели, как создание там постоянно источника мировых конфликтов; кроме того, евреи всего мира снова должны были быть обособлены от остального человечества. Как легко было предвидеть, разрушение России и распространение мировой революции также входило в этот план.

В этот период (1913) произошло ещё кое-что, чему никто тогда не придал значения, но что заслуживает быть отмеченным в связи с позднейшими важными последствиями. В США существовала организация по названию «Бнай Брит» («B`nai B`rith», по-древнееврейски «Дети Завета»), основанная как масонская ложа исключительно для евреев и претендовавшая на то, чтобы быть «чисто американской организацией», однако она открыла свои отделения во многих странах, а в наши дни она претендует на то, чтобы «представлять всех евреев во всём мире», являясь частью того, что Кастейн называет «еврейским интернационалом». В упомянутом 1913 году одна из ветвей «Бнай Брита» получила специальные задания и стала называться «Лига против оклеветания» (Anti-Defamation League). Впоследствии она достигла необычайных размеров и власти, став чем-то вроде тайной полиции в руках еврейского «государства в государстве». Мы ещё встретимся с ней в нашем дальнейшем повествовании.

С приходом к власти Вильсона и его закулисного окружения была завершена подготовка сцены, на которой должен был разыграться первый в истории мировой вооружённый конфликт. В гигантском сверхнациональном плане, который должен был быть осуществлён с помощью мировой войны, Америке отводилась лишь вспомогательная роль. Главную роль в первом акте постановки должна была сыграть Англия, но к началу войны цель захвата контроля над британским правительством ещё не была полностью достигнута. Так наша повесть переходит теперь на другую сторону Атлантического океана, в Англию, где Бальфур снова был на пути к власти. Руководящие политики Англии всё ещё сопротивлялись скрытым целям и закулисным планам, стремясь после 1914 г. вести войну и выиграть её как можно скорее там, где она началась — в Европе. Их нужно было призвать порядку, чтобы успешно мог закончиться процесс, предсказанный Максом Нордау в 1903 году. Упрямых следовало либо заставить слушаться, либо устранить. С 1914 по 1916 годы в Англии шла борьба за вытеснение этих людей и замену их другими, которые подобно Вильсону стали бы послушными исполнителями чужой воли.

Глава 30
Решающее сражение Первой войны

Война 1914…1918 гг. была первой войной наций, а не одних только армий; её влияние и последствия проникали почти в каждый дом в большинстве европейских стран и во многих неевропейских. Это было совершенно новое явление в мире, и оно было давно предсказано заговорщиками коммунизма и сионизма. В «Протоколах» 1905 г. (1902 г. — *прим. перев.*) стояло, что сопротивление их планам будет встречено «всеобщей мировой войной»; Макс Нордау знал уже в 1903 г., что палестинские амбиции сионистов будут осуществлены при помощи «грядущей мировой войны».

Чтобы эти предсказания исполнились, показав таинственное знание событий задолго до их совершения, заговорщикам нужно было захватить контроль над правительствами, чтобы направлять государственную политику, а следовательно и военные операции, на службу целям заговора, а не национальных интересов. Как было показано выше, американский президент уже начиная с 1912 года был пленником своих тайных «советников»; если его описание Хаузом, как в анонимном романе, так и в открыто опубликованных «Частных заметках» верно, то оно полностью соответствует тому, о чём уже много раньше писали «Протоколы»: «…мы заменим правителя карикатурой президента, взятого из толпы, из числа наших марионеток, наших рабов».

В начальной стадии мировой войны от Вильсона не требовалось особо активного участия в осуществлении задуманного грандиозного «плана»: свою роль он должен был сыграть позднее. Вначале главной задачей было взять под контроль британское правительство. Борьба за осуществление этой цели продолжалась два года, закончившись победой заговорщиков, чья деятельность оставалась

совершенно неизвестной широким массам общественности. Это сражение, разыгранное в лабиринте международной политики, было поистине решающей битвой первой мировой войны. Именно она привела к величайшим и наиболее продолжительным последствиям, определившим весь дальнейший ход 20-го столетия; эти последствия продолжали определять события между первой и второй мировой войнами, как и во время второй войны, а в наше время они же являются самой вероятной причиной любой будущей третьей «всеобщей войны». Ни одно сражение 1914…1918 гг. не имело такого значения для будущего всего мира, как захват британского правительства заговорщиками в 1916 г. Весь этот процесс остался совершенно скрытым от втянутых в военные события народов. От начала войны и до самого её конца англичане верили, что они воюют против прусского милитаризма, а американцы видели причину всех бед в неисправимой склонности европейских народов к взаимным ссорам.

В 1914 году в Англии ещё не было того положения, какое создалось в Америке после того, как президент Вильсон оказался послушным орудием в чужих руках. Руководящие политические и военные должности были заняты людьми, которые оценивали любое предложение относительно политического и военного ведения войны только с одной точки зрения: поможет ли оно выиграть войну и будет ли оно в согласии с интересами государства. С такой точки зрения предложения сионистов были, разумеется, неприемлемы. История первых двух лет четырёхлетней войны состояла в закулисной борьбе за то, чтобы убрать этих упрямцев и заменить их послушными пешками. До 1914 года заговор смог проникнуть не далее преддверий министерств, если не считать судьбоносного шага Бальфура в 1903 году. После 1914 года всё более широкие круги ведущих политиков начали «отвлекаться» в сторону сионистского предприятия. Сегодня хорошо известно, что политические деятели руководятся практическими соображениями (общественной популярности, вербовки голосов избирателей, финансовой поддержки и пр.); всё это давно раскрыто множеством авторитетных свидетельств, и уже давно известно, *где* для всего этого имеются наибольшие средства. Но в то время нужно было быть особенно дальновидным, чтобы видеть в сионизме ключ к политической карьере. Поэтому *не исключено* , что побудительным мотивом многих из них было нечто вроде бальфурского романтизма; исторические источники этого периода довольно туманны, и неспособны объяснить необъяснимое. Мало того, англичане всегда имели слабость маскировать свои действия высокими моральными соображениями, и даже уверять в этом самих себя; именно это продиктовало английскому историку Маколею (Macauley, 1800—1859) его знаменитые слова: «Нет более смешного зрелища, чем английская общественность во время одного из её очередных припадков моральности». Возможно, поэтому, что *некоторые* из участников интриги (а это безусловно была интрига) *думали* , что они поступают правильно. Этот процесс самообмана виден в одном из заявлений, которое автору удалось обнаружить, и которое ясно указывает на про-сионистскую группу в высоких британских сферах того времени, а также на её мотивы того характера, который был высмеян Маколеем.

Источник этих сведении — Оливер Локер-Лампсон, консервативный член парламента в начале нашего столетия. Сам он никогда не играл особой роли и позже стал известен лишь своей фанатичной поддержкой сионизма в парламенте и вне его, но он был близким другом многих ведущих политиков, отдавших британский народ под надзор сионистов. В 1952 г. он писал в одном из лондонских еженедельников: «Уинстон, Ллойд Джордж, Бальфур и я — мы все были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям». Это — ничто иное, как мессианская идея кромвелевских тысячелетников, пересаженная на почву 20-го столетия. Справедливость этого заявления могли бы подтвердить только названные им люди, но все они, кроме одного, сейчас уже умерли. Насколько же всё это могло быть действительной основой протестантизма, «ярого» или не ярого, мы предоставляем судить нашим английским читателям. Никто однако не рискнёт, утверждать, что на подобной идее можно строить государственную политику или вести операции во время войны. Кроме того, она выражает ту же нечестивую мысль, которая направляла и «пророка» Монка, и всех людей этого сорта: что Господь Бог забыл свои обязанности и что, раз Он их не исполняет, то их нужно выполнить за Него. Так или иначе, была организована группа людей, которых мы можем называть тем именем, которое они сами себе избрали: «ярые протестанты».

Когда началась первая мировая война, эти «ярые протестанты» поставили себе целью добиться власти и переключить военные операции в Европе на передачу Палестины сионистам. Хаим Вейцман также не сидел, сложа руки, с тех пор, как мы в последний раз видели его в 1906 году запершимся в Манчестере с Бальфуром, и немедленно начал действовать: «Сейчас настало время… политическая ситуация будет благоприятной», — писал он в октябре 1914 года. Он связался с неким С. П. Скоттом, издателем левой газеты «Манчестер Гардиан», которая никогда не уставала (как тогда, так и теперь) заниматься делами, не касавшимися собственной страны. Скотт был в восторге, узнав, что его

собеседник «еврей, ненавидящий Россию», — ту самую Россию, союзницу Англии, которая, наступая с Востока, спасала в этот момент от гибели английскую и французскую армии; он тут же повёл Вейцмана с собой завтракать у Ллойд Джорджа, занимавшего в то время пост министра финансов. Вейцман нашёл, что Ллойд Джордж оценивал войну в Европе «чрезвычайно легкомысленно», однако к сионизму он относился с «тёплым сочувствием» и предложил встретиться с Бальфуром, что и состоялось 14-го декабря 1914 года. Вспоминая прежний разговор в 1906 году, Бальфур «весьма небрежно» спросил, чем он практически может помочь Вейцману, получив ответ: «не сейчас, когда грохочут пушки; я приду снова, когда военное положение прояснится». Дагдейл, с чьим описанием событий Вейцман вполне согласен, пишет от его имени: «Я не продолжал начатого разговора, так как время и место не были благоприятны». Это был тот самый разговор, во время которого Бальфур непринуждённо пообещал, что «когда пушки перестанут стрелять, Вы получите Ваш Иерусалим».

Хаим Вейцман не ухватился за «небрежное» предложение Бальфура по очень веским причинам. Главная квартира сионистов находилась в то время в *Берлине* , и коллеги Вейцмана ожидали победы Германии. Они хотели получить полную уверенность в исходе войны, прежде чем выложить карты на стол. Когда впоследствии было окончательно решено поставить на карту союзников, «пушки все» ещё «грохотали», но бойня в Европе отнюдь не помешала д-ру Вейцману «продолжить начатый разговор». Он не притворялся больше перед Бальфуром (наверняка не сообразившим, что было на уме у его посетителя), что «время… неблагоприятно», и что он подождёт «когда прояснится военное положение». Весьма знаменательно, что некоторые из лиц, бывших участниками этих собеседований, оставшихся неизвестными широкой публике, всячески старались скрыть их вообще или спутать даты; в то время предполагалось, что единственной заботой политиков должна была быть судьба Англии. Мы уже приводили один из явных примеров этого: путаница с датой второй встречи Бальфура с Вейцманом, о которой только что было рассказано. Точно так же и Ллойд Джордж писал впоследствии, что он впервые встретил Вейцмана в *1917 году* , будучи уже премьер-министром, и что якобы эта встреча была «случайной». В своих записках Вейцман его исправляет: «Фактически, активность Ллойд Джорджа в пользу создания еврейского государства *началась задолго до того как он стал премьер-министром и в течение этого времени мы несколько раз встречались с ним* ».

Последовала третья встреча с Бальфуром, «замечательный разговор, продолжавшийся несколько часов» и прошедший «исключительно удачно». Вейцман ещё раз подчеркнул свою ненависть к России, верному союзнику Англии, нёсшему тяжёлые потери в общей борьбе. Бальфур мягко удивился: «как можете Вы, будучи другом Англии, быть против России, когда она так много делает, чтобы помочь Англии выиграть войну». Однако, как и при прежних встречах; когда речь шла об антисионистских убеждениях британских евреев, он не собирался всерьёз противоречить, закончив разговор словами: «Вы служите великому делу; мы должны ещё много раз встретиться с Вами».

Ллойд Джордж предупредил Вейцмана, что «несомненно будет серьёзная оппозиция в известных еврейских кругах», на что у Вейцмана было заготовлено стандартное возражение, что одни только «богатые и влиятельные евреи в большинстве своём против нас». Как ни странно, этот скользкий ответ представился «ярым протестантам» вполне убедительным, хотя почти все они были людьми богатыми и влиятельными, и вскоре они стали относиться к своим соотечественниками — британским евреям, с той же враждебностью, как и требовательный пришелец из России, Хаим Вейцман. Сионизм встретился с оппозицией ещё с одной стороны. У вершин власти всё ещё стояли люди, думавшие в первую очередь о своём служебном долге и о победе над врагом. Они не допускали вражды к союзнику и не позволили бы ненужной траты сил в палестинской авантюре. Это были: премьер-министр Герберт Асквит, военный министр лорд Китченер, сэр Дуглас Хэйг, ставший вскоре главнокомандующим во Франции, и сэр Вильям Робертсон, начальник штаба британских войск во Франции, впоследствии начальник имперского генерального штаба.

Асквит был последним лидером либеральной партии, пытавшимся совместить идею либерализм с национальными интересами и религиозными верованиями, в отличие от того как этот термин понимается в течение последних сорока лет (написано в 1955 г. — *прим. перев.*), согласно с его толкованием в «Протоколах»: «Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая структура изменилась; государства оказались поражёнными смертельной болезнью — заражением крови…» С устранением Асквита либерализм в его первоначальном значении в Англии умер, а либеральная партия сошла на нет, потеряв всякое значение, оставив после себя одно имя, которое стало затем, главным образом, служить ширмой для коммунизма с его легионами «утопических мечтателей». Асквит впервые узнал о назревавшей интриге, получив предложение о создании в Палестине еврейского государства от своего еврейского министра Герберта Самуэля, который в своё

время присутствовал на завтраке с Вейцманом и Ллойд Джорджем в декабре 1914 г. и теперь уведомил обоих, разумеется, о своём предложении заранее. Асквит записал об этом следующее: «Самуэль советует использовать британские войска для захвата Палестины, страны пустынных гор, по размеру равной Уэльсу, в значительной своей части совершенно безводной. Он полагает, что на этой мало заманчивой территории можно будет поселить *от трёх до четырёх миллионов европейских евреe* »… меня мало увлекает это предложение, которое только наложит на нас новые обязательства… единственный другой сторонник этого предложения — Ллойд Джордж, и незачем добавлять, что ему совершенно наплевать как на евреев, так и на их роль в будущем».

Асквит, вполне правильно оценивший взгляды Ллойд Джорджа, остался при своём мнении до конца. Десять лет спустя, давно уже в отставке, он посетил Палестину, записав затем: «Болтовня о превращении Палестины в еврейское национальное государство представляется мне сейчас такой же фантазией, какой она была и раньше». Отрицательным ответом в 1915 году он подставил себя и свой пост главы правительства под удар. Пока он мог, он не позволял вовлечь свою страну в палестинскую авантюру, разделяя мнение военного руководства, что война может быть выиграна — если это вообще возможно — только на главных полях сражений, в Европе.

Военный министр лорд Китченер, также разделявший эти взгляды, пользовался в Англии громадным авторитетом и популярностью. Он считал, что главной военной задачей в настоящий момент было обеспечить дальнейшее участие России в войне (в то время, как сионисты стремились к её разгрому, поставив об этом в известность «ярых протестантов»). Китченер был послан: в июне 1916 года в Россию. Крейсер «Хемпшайр», на котором он ехал, погиб (не узнали ли сионисты в Берлине «случайно» о его поездке и маршруте?). Знатоки утверждают, что он был единственным, кто мог в этот момент поддержать Россию. С его смертью исчезло главное препятствие, сдерживавшее как революцию в России, так и планы сионистов. Вполне возможно, что навязать Западу сионизм не удалось бы, если бы Китченер остался жив. Автор этих строк помнит, что солдаты западного фронта, узнав о его гибели, восприняли это, как серьёзное военное поражение. Их интуиция была ближе к истине, чем они сами могли догадаться.

После этого на пути сионистов к их целям остались только Асквит, Робертсон, Хэйг и английские евреи. Сеть интриги расширялась. Газеты «Таймс» и «Сандей Таймс» присоединились к «Манчестер Гардиан» и его увлечению сионизмом, а внутри и вокруг правительственного кабинета к Бальфуру и Ллойд Джорджу примкнули новые его сторонники. Лорд Мильнер (Milner, влиятельный масон, в своё время зачинщик англо-бурской войны — *прим. перев.*) открыто заявил: «Если арабы думают, что Палестина будет арабской — они глубоко ошибаются»; в этот момент полковник Лоуренс подымал арабов на восстание против Турции, обещая им независимость. Филип Керр (будущий лорд Лотиан, в то время личный секретарь Ллойд Джорджа) выразил уверенность, что после «обуздания бешеной собаки в Берлине», как английская пропаганда представляла германского кайзера (внука королевы Виктории и двоюродного брата короля Георга V — *прим. перев.*), должна возникнуть «еврейская Палестина». Сэр Марк Сайкс, главный секретарь военного кабинета в Лондоне и «одна из наших самых ценных находок» (Хаим Вейцман), усердно развивал идею «освобождения евреев, арабов и армян».

Подобной подтасовкой исторических фактов всем известное «большинство» любого народа всегда можно «убедить» в чём угодно. Арабы и армяне были там, где они жили всё время, и не собирались переселяться куда бы то ни было. Европейские евреи были столь же свободны или несвободны, как и все остальные европейцы: *палестинские* евреи ясно продемонстрировали желание переселиться в Уганду, евреи Европы и Америки хотели оставаться там, где они были, и только ожидовленные русские хазары, понукаемые талмудистами, рвались в Палестину. Формула, придуманная Сайксом, была ещё одним несчастьем для будущих поколений, поскольку она изображала палестинскую авантюру, как одну из нескольких, связанных между собой проблем. В отличие однако от прочих «ярых протестантов», он был экспертом в делах Ближнего Востока, и должен был знать лучше других; чем всё это пахло.

Другой рекрут сионизма, лорд Роберт Сесиль, также пользовался лживой формулой «Аравия — арабам. Иудея — евреям, Армения — армянам» (об освобождении армян впоследствии все совершенно забыли), и это тем более странно, что в роде Сесилей был большой опыт государственной деятельности; похоже, что сионизм обладает какими-то средствами оглуплять вполне нормальных и образованных людей. Например, то г же Бальфур (наполовину происходивший из рода Сесилей) в других вещах обладал вполне сесильской мудростью, составив записку о реорганизации *Европы* после войны, до сего времени слывущую образцом государственного ума; в вопросе сионизма он действовал, однако, как одурманенный наркотиками.

Не менее странным представляется и пример лорда Сесиля. Автор этих строк присутствовал на его докладе о Лиге Наций в 1930 г. в Берлине. Высокий, сутуловатый, с лицом коршуна и блестящими врождёнными данными, он предупреждал об опасностях будущего, как бы прорицая с горной вершины знания, с гробовой мрачностью цитируя «иудейских пророков». На молодого тогда журналиста, плохо понимавшего, что именно Сесиль имеет в виду, его выступление произвело большое впечатление. Сегодня, хотя он уже научился кое-чему, автору это всё ещё представляется загадочным; пророк Иеремия, например, наверняка был ярым анти-сионистом. Хаим Вейцман пишет о том же лорде Роберте следующее: «Для него восстановление еврейской родины в Палестине *и организация мира в виде большой федерации были дополняющими друг друга чертами последовательных шагов в деле управления человечеством … будучи одним из основателей Лиги Наций* , *он придавал еврейской родине столь же большое значение* , *как и самой Лиге* ».

Здесь выбалтывается большой секрет; но понимал ли это сам лорд Роберт? Завоевание Палестины для поселения в ней русских сионистов было «последовательным шагом», в «*деле управления человечеством* ». (Как не вспомнить здесь слова лорда Актона о «плане» и его «директорах»?) «Мировая федерация» — составная часть одного и того же плана. Основная концепция подобного объединения, в любых его формах, требовала, чтобы *нации* отказались от своей *суверенности* , чтобы исчезли все национальные независимые государства (то же самое, разумеется, является и лейтмотивом «Протоколов»). Но если нации должны исчезнуть, то почему вдруг процесс их ликвидации начинается с создания *ещё одной* нации, если только именно ей не отводится роль верховной власти в «деле управления человечеством»? Не забудем, что эта доктрина *высшей* нации проходит красной нитью в равной степени через (фальсифицированный) Ветхий Завет, Талмуд, «Протоколы» и весь традиционный сионизм. Поддержка сионизма лордом Робертом представляется непостижимой, поскольку унаследованная мудрость не оставляла у него сомнений в угрозе мирового деспотизма, о чём он в то же самое время писал «полковнику» Хаузу в Америке: «Не может быть сомнений в том, что по окончании этой войны нам нужно серьёзно постараться создать инструментарий для обеспечения постоянного мира… Опасным в этом было бы только зайти слишком далеко… Более всего повредил делу мира провал попыток в этом направление после Ватерлоо. Теперь уже забыли, что Священный Союз был вначале задуман, как *Лига принуждения народов к миру* . К сожалению, она позволила отвлечь свои силы в сторону и фактически стала *лигой поддержания тирании* , в результате чего она потеряла всякое *доверие* , *принеся к тому же громадный вред в других отношениях* … Этот пример показывает, как легко самые лучшие намерения могут привести к печальным последствиям». Приведённая цитата показывает, что лорд Сесиль должен был бы ясно видеть угрозу «отвлечения сил в сторону», а заодно и то, что он, если верить тому, что пишет о нём Хаим Вейцман — заблуждался в истинном характере сионизма. Когда он писал эти слова, в Америке уже организовывалась д-ром Мезесом, шурином г. Хауза, новая «Лига принуждения к миру»; она была предшественницей многих последовавших затем поползновений в направлении мирового правительства, в которых нетрудно было увидеть намерение влиятельных группировок создать новую «лигу поддержания тирании».

Таким образом к концу второго года первой мировой войны, собратье «ярых протестантов», заинтересованных не в Европе, а в Палестине, стало уже значительной группой, прятавшей внутри себя местечково-сионистское ядро. Господа Леопольд Эмери, Ормсби-Гор и Рональд Грэхем присоединились к поименованным выше «друзьям». Сионизм с их помощью проник во все правительственные департаменты, кроме военного, министерства. Каковы бы ни были первоначальные причины их увлечения сионизмом, теперь уже речь несомненно шла о вполне конкретном материальном вознаграждении: интрига имела целью убрать из правительства неугодных лиц и сесть самим на их места. Упорствующий премьер-министр Асквит был смещён в конце 1916 года. Опубликованные с тех пор источники показывают, как это было сделано, а по прошествии времени можно оценить и результаты. Общественности начали постепенно внушать, что Асквит неумело руководит страной в военное время. Насколько это обвинение было искренне, можно судить из того, что первым актом преемников Асквита была отправка английских войск из Европы в Палестину, в результате чего Ллойд Джордж без малого проиграл всю войну. 25 ноября 1916 года Ллойд Джордж внёс предложение, чтобы его шеф (Асквит) отказался от председательства в военном совете, передав этот пост ему, Ллойд Джорджу.

В нормальных условиях подобное требование было бы равносильно политическому самоубийству, но в то время правительство было коалиционным и либерала Ллойд Джорджа поддержали лидеры консерваторов Бонар Лоу и Эдвард Карсон, что имело действие ультиматума. Есть основания полагать, что оба упомянутых джентльмена искренне верили в блестящие способности Ллойд Джорджа; их

трудно заподозрить в консервативном коварстве, предвидевшем что Ллойд Джордж в конечном итоге погубит всю либеральную партию.

Ллойд Джордж потребовал также, чтобы — по его мнению — некомпетентный консерватор Бальфур был снят с поста Первого Лорда Адмиралтейства (морского министра в Англии). Либеральный премьер-министр Асквит с негодованием отказался как сдать свой пост в Военном Совете, так и уволить Бальфура (*4 декабря 1916 г.*). Тогда он получил *заявление Бальфура об отставке* , на что он послал последнему копию своего письма с отказом уволить его. Бальфур, хотя он и был прикован к постели тяжёлой простудой, нашёл достаточно сил, чтобы послать второе письмо, *настаивая* на своей отставке, как этого требовал Ллойд Джордж, после чего последний также подал в отставку. Асквит остался в одиночестве, *6 декабря* Бальфур (вышедший из правительства по требованию Ллойд Джорджа) уже настолько поправился, что смог принять Ллойд Джорджа. Пополудни собравшиеся партийные лидеры объявили, что они готовы служить стране *под руководством Бальфура* . Бальфур отказался, но заявил, что будет рад служить под руководством Ллойд Джорджа. Ллойд Джордж стал премьер-министром и назначил «некомпетентного» Бальфура министром иностранных дел. Так эти двое, втайне обязавшиеся поддержать сионизм, заняли высшие правительственные посты и с этого момента главные усилия британского правительства направлялись, в ущерб всему остальному, на захват Палестины, чтобы отдать её сионистам. В 1952 г. автор этих строк прочёл в нью-йоркском еврейском журнале «Коментари» письмо читателя, указывавшего, что евреи Северного Уэльса своими голосами сыграли в своё время решающую роль при избрании Ллойд Джорджа депутатом Палаты общин. Из заслуживающих доверия источников автору стало также известно, что адвокатская практика Ллойд Джорджа процветала благодаря многочисленной еврейской клиентуре; однако, поручиться за это сам автор не в состоянии. Денежную заинтересованность в данном случае исключить, по нашему мнению, нельзя; а неточность заявлений Ллойд Джорджа относительно его связей с сионистами, дважды опровергнутых Вейцманом, также говорит о многом…

Так произошла перегруппировка центральных фигур на британской политической сцене. Ллойд Джордж, маленький ловкий адвокат в визитке, выглядел среди своих рослых коллег в старомодных фраках, как воробей среди ворон. Рядом с ним Бальфур, высокий, вялый, всегда готовый со скучающим видом парировать честный вопрос циничным ответом, и любитель развлечься теннисом, автор помнит его, медленно идущим в парламент Через Сент-Джемский парк. Вокруг этой пары — греческий хор министров, помощников министров и высоких чиновников, открывших в себе «ярый протестантизм». Возможно, что некоторые из этих попутчиков сионизма честно заблуждались, не разобрав, в чью телегу они сели. Ллойд Джордж был первым крупным политиком в ряду многих, хорошо знавших, откуда дует ветер; благодаря им казалось бы невинные слова «политик двадцатого века» приобрели зловещий смысл, и этот век обязан этим людям очень многими из своих бедствий.

Что же касается отвлечения британских военных сил в сторону совершенно чуждой им цели, то после гибели лорда Китченера и отставки Асквита остался только один мужественный противник на этом пути; суровая фигура сэра Вильяма Робертсона, начальника британского штаба во Франции, противостояла одна клике вокруг Ллойд Джорджа. Присоединись он к ней, он получил бы титулы, блестящие приёмы, золотые табакерки, звёзды и ленты до самого пояса; он заработал бы состояние на одних авторских правах на всё, когда-либо написанное им или за него; его именем были бы названы парижские бульвары. и он совершал бы триумфальные поездки по ликующим городам Европы и Америки; члены американского Конгресса и британской Палаты общин вставали бы при его появлении, к он въехал бы в Иерусалим верхом на белом коне. По окончании войны он даже не получил звания лорда, что не часто случается с британскими фельдмаршалами. Робертсон был единственным военным, выслужившимся до этого высшего чина из простых солдат, что в Англии, с её маленькой профессиональной армией, было невероятным достижением. Он был прост, честен, крепко сложён, с резким выражением морщинистого лица. и выглядел, как бравый фельдфебель. Его единственной поддержкой в этой борьбе был главнокомандующий британских войск во Франции, сэр Дуглас Хэйг, из касты кавалерийских офицеров красавец-служака, идеал командира в глазах солдат. Грубоватый старый солдат Робертсон весьма неохотно посещал благотворительные спектакли, которыми заполняли своё время дамы общества во время войны и на одном из них ему случилось увидеть леди Констанцию Стюарт-Ричардсон, танцевавшую в костюме и на манер Айседоры Дункан. Один из присутствующих генералов, увидя нетерпение Робертсона, заметил: «Вы должны всё-таки признать, что у неё очень красивые ноги». «Ноги, как ноги — недовольно проворчал Робертсон.

Этому последнему из могикан выпала задача помешать переброске британских войск в Палестину. Все предложения он всегда рассматривал исключительно с точки зрения их значимости для войны и

победы; если они помогали выиграть войну, их мотивы были ему безразличны; если нет — он отвергал их, независимо от любых иных соображений. Следуя этому правилу, он увидел в сионистском проекте опасное распыление сил, способное лишь отсрочить победу и даже поставить её под угрозу. Он не собирался обсуждать возможные политические соображения и, вероятно, даже о них не подозревал; для него они не имели никакого значения. В августе 1915 года он заявил Асквиту, что «самым эффективным методом (для победы над центральными державами) является, разумеется, *нанести решительное поражение их главным силам , всё ещё находящихся на западном фронте* ». Поэтому он энергично высказался против «*вспомогательных кампаний на второстепенных фронтах и распыления сил во Франции … единственным критерием всех планов и проектов должно быть их влияние на ход* войны». Для народов, ведущих войну, полезно иметь руководителей подобного образа мыслей, и очень вредно, если последние от него отходят. С помощью этой неопровержимой логики, палестинское предприятие (чисто политическое) оказалось по началу похороненным. Как только Ллойд Джордж стал премьер-министром, он немедленно приложил все усилия, чтобы перебросить силы для крупной кампании в Палестине: «Сформировав моё правительство, я немедленно поставил перед военным министерством вопрос о *кампании* в *Палестине* . Сэр Вильям Робертсон, который всячески старался отвратить опасность переброски войск из Франции… *энергично этому воспротивился и в тот момент ему удалось настоять на своём* ».

Робертсон подтверждает сказанное:

> «До *декабря 1916 года* (когда Ллойд Джордж стал премьер-министром) операции за Суэцким каналом носили в основном оборонительный характер, и *как правительство* , *так и генеральный штаб … признавали первостепенное значение войны в Европе и необходимость оказать максимальную помощь армиям этого фронта . Это единодушие между министрами и военными не сохранилось после смены правительства … коренное расхождение во взглядах стало особенно заметным в вопросе Палестины … Всего через несколько дней после своего образования , новый военный кабинет приказал генеральному штабу обсудить возможность распространения военных операций на Палестину … Генеральный штаб оценил потребность в войсках в три добавочных дивизии , которые могли быть получены только за счёт армии западного фронта … Генеральный штаб указал , что этот проект поведёт к большим осложнениям и ослабит наши шансы на успех во Франции …* Эти выводы весьма разочаровали министров, *желавших немедленного занятия Палестины , однако они , не смогли быть опровергнуты …* В феврале (1917 г.) военное министерство *снова* обратилось к начальнику генерального штаба, запросив, как шла подготовка осенней кампании в Палестине».

Из этих выдержек становится ясным, как закулисное политическое давление может «отклонять» в сторону государственную политику и операции во время войны. В данном особом вопросе исход борьбы между политиками и военными в первую войну продолжает оказывать непосредственное влияние на жизнь народов вплоть до настоящего времени. Ллойд Джордж укрепил свою позицию шагом, ещё раз показывающим, как давно уже была задумана подготовка палестинского предприятия, включавшая предварительный тщательный подбор «администраторов» для его поддержки. Он внёс предложение, чтобы военный кабинет «привлёк британские доминионы в гораздо большей степени, чем до сих пор, к обсуждению вопросов ведения войны». Сделанное в такой форме, это предложение встретило полное сочувствие английской общественности. Солдаты из Канады. Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки дрались на фронтах бок-о-бок с собственными сыновьями. Дружный отклик заокеанских территорий на опасность, грозившую метрополии, тронул британское сердце, и англичане приветствовали более близкое сотрудничество «в вопросах ведения войны между лидерами Англии и её доминионов.

Однако, как уже говорилось, выше, «слова дипломата» и его «намерения» сильно разнятся от его действий. Предложение Ллойд Джорджа было лишь ловким манёвром, чтобы заполучить в Лондон генерала Сматса (Smuts) из Южной Африки, которого сионисты считали своим самым ценным «другом» за пределами Европы и Америки, и он был вызван, чтобы потребовать завоевания Палестины. Население с правом голоса в Южной Африке разделено между бурами голландского происхождения и выходцам и из Англии столь поровну, что уже упомянутые ранее «текучие двадцать процентов» играют здесь ещё более решающую роль, чем в Америке. Сионисты считали — а генерал Сматс им видно поверил, — что они смогут «обеспечить» ему нужные голоса на выборах. Один из его коллег, Б. К. Лонг (член парламента от партии Сматса, в прошлом сотрудник лондонского «Таймса») писал, что «важные (для выборов) еврейские голоса, крепко стоявшие за Сматсом и его партией», сильно помогли ему одерживать победы на выборах. В его биографии упоминается крупное наследство, полученное от,

«богатого и влиятельного еврея» (пример ложности обвинений Вейцмана против богатых и влиятельных евреев; кстати тот же самый сэр Генри Стракош завещал соответственный подарок и Уинстону Черчиллю), а также и подаренные ему некими не названными по имени лицами дом и автомобиль. Другими словами, партийно-политические соображения Сматса не сильно отличались от таких же соображений Ллойд Джорджа, Хауза, а впоследствии и многих других, влияние же материальных факторов достаточно очевидно.

Однако, в его биографиях часто упоминаются и религиозные (или псевдорелигиозные) мотивы, часто встречающиеся и у Ллойд Джорджа. Например, Сматс «*предпочитал* » Ветхий Завет Новому, и приводятся его слова: «Чем больше я старею, тем больше я интересуюсь иудаизмом». Автор встретился со Сматсом много лет спустя, уже зная, какую роль он сыграл в тогдашней истории. Теперь, в 1948 году, он был сильно озабочен ухудшением международного положения и взрывчатой роли в нём, которую играла Палестина. Ему было почти 80 лет, но он прекрасно выглядел, был бодр и держался прямо, с живыми, острыми глазами и маленькой бородкой. У него был жёсткий характер, и при желании газеты могли бы нарисовать его весьма неприглядный портрет, будь они против, а не неизменно за него, своей же политической ловкостью он не уступал Ллойд Джорджу. Газетная пропаганда изображала его, как великого мастера англо-бурского примирения, однако когда он умер на своей одинокой трансваальской ферме, оба народа были более на ножах, чем когда либо, а действительное примирение стало делом следующих поколений. В Южной Африке он был не примирявшей, а разделявшей фигурой, и всем было известно, что настоящей силой позади его партии была не Англия, а концерн золотых и бриллиантовых приисков в Иоганнесбурге (еврейское предприятие, владелец — Гарри Ф. Оппенгеймер. — *прим. перев.*) В 1948 г., когда пришлось открыть карты, Сматс первым выступил с поддержкой сионизма против стоявшего под сильным нажимом британского правительства.

17 марта 1917 года генерал Сматс прибыл в Лондон, встреченный там беспрецедентными овациями, и отставка Робертсона казалась близкой. Эта триумфальная встреча — ранний образец привычной в наше время техники рекламирования нужных лиц печатью, послушно реагирующей на простое нажатие нужной кнопки. Тот же метод в несколько упрощённой форме известен и примитивным племенам Африки, где М`Бонго, великий глашатай, гордо выступает впереди черномазого царька с рёвом «Великий Слон, Потрясатель Земли, Пронзатель Неба» и всё такое прочее.

Ллойд Джордж, как он сам пишет, представил Сматса имперскому военному кабинету как «одного из самых блестящих генералов». Военный опыт генерала ограничивался незначительной колониальной кампанией в Юго-Западной Африке, а в момент вызова в Лондон он всё ещё воевал с маленькой, но хорошо обученной армией из 20 тысяч туземных солдат-аскари под командой германского генерала фон Леттов-Форбек и двух тысяч немецких офицеров и унтер-офицеров (на голову разбивших англичан, но вынужденных затем капитулировать после общего поражения Германии в 1918 г. — *прим. перев.*). Похвала представлялась тем более великодушной, что вообще о профессиональных военных Ллойд Джордж был невысокого мнения: «Ни в какой другой профессии опыт и обучение не играют меньшей роли, наряду с чутьём и суждением».

К этому времени, чтобы лучше изолироваться от «генералов» (кроме, разумеется Сматса), Ллойд Джордж поселился со своим маленьким воинственным комитетом в небольшом домике, «где они заседают дважды в день, всё время обсуждая военные планы, хотя это вовсе не их, а моё дело; маленькая группа политиков, совершенно несведущих в войне и её нуждах, пробует вести войну самостоятельно» (Робертсон). В *апреле 1917 года* генералу Сматсу было предложено представить этой группе отшельников свои соображения о том, как выиграть войну. Эти соображения сводились к следующему: «*Палестинская кампания богата весьма интересными военными и даже политическими возможностями … остаётся* обсудить более важный и сложный вопрос западного фронта. *Я всегда считал обузой … что британские военные силы были целиком связаны этим фронтом* » (когда давался этот совет, Россия гибла, переброска германских армий на западный фронт предстояла в ближайшем будущем, и угроза этому фронту неожиданно выросла до размеров смертельной опасности). Этот совет обеспечил Ллойд Джорджа не достававшей ему высокой военной поддержкой (из Южной Африки), и он немедленно послал от имени военного кабинета приказ командующему английскими войсками в Египте начать наступление на иерусалимском направлении. Генерал Муррей возразил, что его силы для этого недостаточны, после чего он *был смещён* . Командование было предложено генералу Сматсу, которого Ллойд Джордж считал «способным с большой решительностью провести кампанию на *этом участке* ».

Сэр Вильям Робертсон одержал затем самую крупную победу в ходе всей войны. Он лично

побеседовал с генералом Сматсом, о военных способностях которого судить было довольно трудно, поскольку он никогда не имел возможности испытать их в тех мелких кампаниях, в которых он до тех пор принимал участите. Зато его политические способности не подлежали сомнению; он был осторожнейшим из людей, и не испытывал ни малейшего желания обменять лондонские триумфы на риск поражения на поле брани, что разрушило бы его *политическую* будущность в Южной Африке. Поэтому после разговора с Робертсоном он ответил на предложение Ллойд Джорджа отказом. Дальнейший ход событий показал, что фиаско на Ближнем Востоке ему удалось бы избежать, но предвидеть это заранее было невозможно, и таким образом ещё один завоеватель прозевал возможность въехать в Иерусалим на белом коне. Как известно, политики обычно очень ценят подобные возможности, сколь бы комичными они иной раз ни представлялись, и впоследствии генерал Сматс весьма сожалел о потерянных шансах: «Вступить в Иерусалим! Какие это были бы воспоминания!» В то время, однако, он заявил Ллойд Джорджу: «Я совершенно убеждён, что *в настоящее время наше военное положение никак не допускает наступательных операций для захвата Иерусалима и занятия Палестины* ».

Ни этот неожиданный поворот генерала Сматса, ни развал в России и возникшая угроза западному фронту не в состоянии были повлиять на Ллойд Джорджа. *В сентябре 1917 года* он принял решение, что «войска, необходимые для крупной кампании в Палестине, *могут быть сняты с западного фронта зимой 1917…18 гг* . и выполнить свою задачу в Палестине *вовремя* , *чтобы вернуться во Францию для начала активных действий весной* ».

Одному только Господу Богу удалось спасти соотечественников Ллойд Джорджа от наказания за подобное решение. Выиграть мировую войну в Палестине было невозможно, однако вполне возможно было проиграть её во Франции, и эта опасность в то время была весьма велика. Однако Ллойд Джордж, оставленный даже Сматсом, всё же сумел наконец получить военную поддержку со стороны новой фигуры, спустившейся, как на крыльях, на сцену, провозгласив лозунг о «зимней распутице», о чём будет речь ниже.

Это был некий генерал сэр Генри Вильсон, наилучшим образом охарактеризовавший себя сам во время поездки в Россию в составе военной миссии в январе 1917 года: «Роскошный обед в министерстве иностранных дел… на мне офицерский крест Почётного Легиона, звезда и цепь ордена Бани, русские эполеты и серая каракулевая шапка, и в общем я был красавец-мужчина. На обеде и на последующем приёме я произвёл фурор. Я был много выше ростом, чем великий князь Сергей, и, как мне сказали, я произвёл во всех отношениях отличное впечатление. Великолепно!» Этому субъекту, самодовольно позировавшему на фоне русской трагедии, Ллойд Джордж и сионисты были обязаны долгожданными возможностями, Англия же без малого громадной катастрофой. Сэр Генри был очень высокого роста, худощав, гладок и улыбчив; один из тех нарядных, лощёных, красно-лампасных и окантованных золотом генштабистов, увешанных орденами и приводивших в бешенство усталых и покрытых окопной грязью солдат во Франции. Французская гувернантка обучила его в детстве говорить без акцента по-французски, за что нашего «Анри» обожали французские генералы, находившие его приятно свободным от английской чопорности; он был ирландского происхождения, но по ирландскому вопросу резко расходился с другими ирландцами, пока двое из них не застрелили его на пороге его лондонского дома в 1922 году, за что были повешены.

Прежде сэр Генри был вполне согласен с мнением остальных военных о первостепенном значении главного фронта и безумии распылять силы на «побочных театрах», превзойдя всех в решительности, с которой он выразил основной принцип: «Чтобы закончить войну, надо бить немцев, *а не турок* … место, где можно убить больше всего немцев, находится *здесь* (во Франции), *а поэтому каждый фунт наших боеприпасов должен со всех концов мира прибыть сюда* . *Вся история учит нас* , *что операции на второстепенных и маловажных театрах войны не оказывают влияния на главном фронте* , *лишь ослабляя занятые на нём силы* » (1915).

Никто, от фронтового солдата до выпускников военных академий, не станет с этим спорить. Ясно, что и в 1917 году сэр Генри не мог обнаружить никаких *военных* доводов, чтобы отказаться от этого основного принципа войны в пользу совершенно противоположного. Для объяснения *его* сальто-мортале, в этом вопросе не приходится, поэтому, ломать голову. От него не ускользнули ни успехи сионизма, ни подоплёка спора между Ллойд Джорджем и его прямым начальником, сэром Вильямом Робертсоном. Сэр Генри учуял возможность выжить сэра Вильяма и сесть самому на его место. Неудивительно, поэтому, что, рассказывая о «поисках новых друзей» в этот период, Хаим Вейцман упоминает о «симпатии» со стороны генерала Вильсона, «большого друга Ллойд Джорджа», *23 августа 1917 г* . сэр Генри доложил Ллойд Джорджу, что он «твёрдо верит, что если будет

основательно разработан хороший план, то мы сможем очистить Палестину от турок и с большой вероятностью полностью разгромить Турцию *за время зимней распутицы* , *не нарушая операции генерала Хэйга весной и зимой* (во Франции)».

Это и был тот рапорт, который дал Ллойд Джорджу необходимую поддержку для отдачи упомянутого выше приказа в сентябре 1917 г. Он ухватился за соблазнительную формулировку о «зимней распутице», снабдившей его *военным* доводом! Генерал Вильсон разъяснил ему, что «зимняя распутица» во Франции, во время которой армии якобы тонут в грязи и большое германское наступление невозможно, включает в себе «пять месяцев грязи и снега от середины ноября *до середины апреля* (1918 г.)». На этом доводе Ллойд Джордж основал своё решение перебросить из Франции «необходимые войска для большого наступления в Палестине», чтобы вернуть их к тому времени, когда они снова понадобятся во Франции Что же касается этой последней надобности, то генерал Вильсон, единственный из всех военных руководителей, авторитетно заявил Ллойд Джорджу, что никакого крупного германского наступления на западном фронте вероятно вообще не будет (как известно, оно началось в *середине марта* 1918 г.).

Сэр Вильям Робертсон тщетно указывал на то, что весь этот календарный план совершенно иллюзорен; переброска войск встречалась с громадными трудностями морского транспорта, и к тому времени, когда последние дивизии Станут высаживаться в Палестине, первым уже надо будет переправляться обратно во Францию. В *октябре* 1917 г. он ещё раз предупредил, что войска, взятые из Франции, не успеют вернуться туда к началу летних *боёв* : «*Правильным военным решением является продолжать оборонительные операции в Палестине* … и искать решения на западе… *все резервы должны быть брошены на западный фронт* ». В этот решающий момент, главный заговорщик во всей этой истории — случай — также пришёл на помощь сионистам. Правительство в Лондоне, по-видимому почти забывшее о западном фронте, пристало Робертсону с требованиями дать им Иерусалим, «в виде рождественского подарка» (одна эта фраза заставляет вспомнить замечание Вейцмана в 1914 г. о «легкомыслии», с которым Ллойд Джордж смотрел на войну). Такой же нажим заставил генерала Алленби в Палестине предпринять пробное наступление; к его удивлению, турки оказали лишь слабое сопротивление, и он без особых трудностей занял Иерусалим.

В общем балансе военных действий этот успех не имел ни малейшего значения, но после него удержать Ллойд Джорджа уже было невозможно. Войска перебрасывались из Франции без всякого учёта того, что там ожидалось. *6 января 1918 г* . генерал сэр Дуглас Хэйг жаловался, что накануне решающих боёв его армии во Франции были существенно ослаблены; в пехоте ему недоставало 114 тысяч солдат. *10 января 1918 г* . военное министерство вынуждено было издать приказ о снижении числа батальонов в каждой дивизии с 12 до девяти. Свободная печать могла бы в такое время дать Робертсону необходимую ему поддержку общественного мнения. Он её не получил, поскольку к тому времени уже было создано положение, предсказанное «Протоколами» в самом начале века: «Мы должны заставить правительства… действовать в направлении, нужном для нашего широко задуманного плана… с помощью того, что мы представим, как общественное мнение, и что будет тайно подстроено нами при помощи новой т. н. великой державы — печати, которая, за немногими исключениями, которые можно игнорировать, уже полностью в наших руках». Видные авторы и журналисты готовы были предупредить общественность о надвигавшейся опасности, но им не дали возможности высказаться.

Наиболее известным военным обозревателем «Таймса» был в то время полковник Репингтон, пользовавшийся наивысшим во всём союзном мире авторитетом в этой области. В своём дневнике того времени он записал: «Всё это ужасно, и это будет означать снижение на одну четверть нашей пехоты во Франции и к неизбежному смятению во всех наших войсках в момент приближающегося кризиса. Ещё никогда я не чувствовал себя столь несчастным с самого начала войны… Мне удаётся сказать лишь немногое, поскольку издатель „Таймса“ часто переделывает мою критику, либо же её вообще не опубликовывает… если „Таймс“ не вернётся к своей независимой линии и не станет на страже интересов общественности, мне придётся умыть руки и уйти».

Когда предупреждения Робертсона о близкой опасности начали сбываться, он был уволен. Желая получить одобрение палестинской авантюры, Ллойд Джордж представит свой план Высшему Военному Совету союзников в Версале. В январе 1918 года союзные специалисты утвердили план, «*при условии* , *что Западный фронт будет полностью обеспечен* ». По требованию Клемансо, сэр Вильям Робертсон повторил своё предупреждение о том, что этот план представляет для Западного фронта *смертельную опасность* . По окончании совещания Ллойд Джордж сделал ему сердитый выговор и тут же назначил на его место сэра Генри Вильсона. Прежде чем уйти со своего поста, сэр Вильям сделал последнюю

попытку предотвратить близящуюся катастрофу. Он поехал (в том же январе) в Париж просить командующего американскими войсками, генерала Першинга, пополнить ослабленный фронт (к тому времени ещё только четыре с половиной дивизии американских войск высадились во Франции). Верный солдатскому долгу, генерал Першинг дал ответ, какого ожидал сэр Вильям и как он и сам ответил бы на его месте: «Он иронически заметил, что мою просьбу о помощи на западном фронте трудно примирить с *желанием мистера Джорджа действовать наступательно в Палестине* . К сожалению ответить на это было нечем, разве что тем, что если бы дело зависло от меня лично, то ни один солдат и ни одно орудие в Палестину посланы бы не были».

После этого от сэра Вильяма Робертсона не «зависело» уже больше ничего. Его воспоминания отличаются от мемуаров Ллойд Джорджа и других политиков тем, что в них нет никакой горечи; он думал только о *долге* . Об обращении с ним самим он пишет только, что «в течение 1917 года моей неприятной обязанностью часто было возражать против военных предприятий, которые премьер-министр хотел поручить армии; несомненно, что моя оппозиция повела к его решению испробовать другого начальника Имперского Генерального Штаба… По поводу моего увольнения, следовательно, говорить было не о чём и я ни о чём и не говорил». Так этот замечательный человек уходит из нашей повести, уступая место многим, гораздо менее достойным. Однако его труды не пропали, поскольку до самого своего увольнения ему удалось сохранить разреженному английскому фронту ровно столько солдат и орудий, что в дни величайшего напряжения, в марте 1918 г., он смог удержаться, как рвущийся канат иной раз держится на последней нити.

После того, как «его ушли», два человека, стоявшие вне правительства и вне армии, продолжали борьбу, и их усилия заслуживают быть отмеченными, как последние попытки сохранить принципы свободного, независимого и бдительного газетного репортажа. Полковник Репингтон был в прошлом кавалерийский офицер, почитатель красивых женщин, остроумный собеседник и бравый рубака. Его дневники рисуют незабываемую картину пустой салонной жизни в то время, когда во Франции армии сражались одна против другой, а в Лондоне плелись сети политических интриг. Он не пренебрегал этой жизнью и, хотя видел её неуместность, считал, что одним унынием делу тоже не помочь. Он был столь же честен и такой же патриот, как и Робертсон, и абсолютно неподкупен; многочисленные заманчивые предложения (явно делавшиеся с намерением заставить его молчать) не оказывали на него действия. Он писал: «Мы перебрасываем миллионы людей на второстепенные театры войны, ослабляя наши армии во Франции в *момент* , *когда немчура готова бросить на нас все свои силы* , *освободившиеся в России … мне не удаётся получить поддержку издателя* «*Таймса* », *нужную чтобы пробудить страну* , *и я думаю* , *что мне скоро придётся с ним расстаться* (автор обнаружил дневник полковника Репингтона, работая над этой книгой, и увидел, что его собственный опыт работы с тем же издателем «Таймса» 20 лет спустя был совершенно аналогичен). Месяцем позже он записал: «Во время бурного разговора я прямо сказал Джеффри Доусону, что его раболепство перед военным кабинетом в текущем году было в *значительной степени причиной опасного положения нашей армии* … я не желаю больше иметь ничего общего с «Таймсом».

После этого в Англии остался только один человек который хотел и мог писать правду. Редактор «Морнинг Пост» Г. А. Гвинн, не показывая цензору, опубликовал статью полковника Репингтона, разоблачавшую ослабление нашего фронта во Франции накануне немецкого наступления. И он, и полковник Репингтон подверглись судебному преследованию и были оштрафованы (судя по всему, общественное мнение было слишком на их стороне, чтобы можно было подвергнуть их более суровому наказанию). Робертсон писал полковнику Репингтону: «Как и Вы, я делал всё, что было в интересах страны, и результат был точно таким, какого я ожидал… Однако самое главное — это держаться прямого пути и тогда можно быть уверенным, что то, что сейчас представляется злом, в конце концов послужит делу добра». В результате всего этого сэр Эдвард Карсон, в своё время по неведению помогший Ллойд Джорджу стать премьер-министром вышел из состава правительства, заявив издателю «Таймса», что его газета только рупор Ллойд Джорджа, а единственной независимой газетой остаётся «Морнинг Пост». Гвинн сообщил полковнику Репингтону, что правительство хочет уничтожить «Морнинг Пост», т. к. «это одна из немногих оставшихся независимыми газет». Перед началом Второй мировой войны газета действительно была «уничтожена», как об этом уже упоминалось выше. После этого в Англии остался всего один еженедельник «Truth», который в течение долгих лет старался держаться принципа беспристрастного и независимого репортажа, но в 1953 г. он перешёл в другие руки и также был приструнён.

Два года войны, в течение которых в Англии главенствовал Ллойд Джордж, были чреваты последствиями, продолжающими оказывать влияние и на наше время; думается, что нам удалось

показать, как он пришёл к власти и какой высшей цели он служил. За полтора года он преодолел всю оппозицию и, переправив, громадную массу войск из Франции в Палестину, подготовил наконец завершение своего рискованного предприятия. *7 марта 1918 г* . он приказал начать «решительное наступление» для завоевания всей Палестины, и отправил генерала Сматса к генералу Алленби с соответствующими инструкциями. *21 марта 1918 г* . началось давно ожидавшееся немецкое наступление во Франции с участием всей пехоты, артиллерии и авиации, освободившихся на русском фронте. «Решительное наступление в Палестине пришлось остановить и каждого солдата, которого только можно было выжать из Палестины, спешным порядком повезли обратно во Францию. Вплоть до октября 1918 г. общее число войск в Палестине, по данным генерала Робертсона, составляло 1 192 511 солдат и офицеров. 27 *марта 1918 г* . полковник Репингтон писал: «Это самое страшное поражение в истории нашей армии». Немцы сообщили, что к 6 июня они захватили 175 000 пленных и свыше 2000 орудий. Подтвердилась правота последних слов в письме сэра Вильяма Робертсона полковнику Репингтону, которые продолжают быть обнадёживающим предсказанием для людей доброй воли и в наши дни. Именно, держась прямого пути, Робертсон *сумел* сохранить достаточно сил, чтобы ценой невероятных усилий удержать фронт до прибытия американских подкреплений, после чего война фактически была выиграна. Само собой разумеется, что если бы Россия была во время поддержана, а вместо палестинской экскурсии все силы были сконцентрированы во Франции, то война закончилась бы раньше и, вероятно, без вмешательства Америки. Однако всё это вовсе не послужило бы целям грандиозного плана «управления человечеством».

Здесь автор пишет как непосредственный участник событий, и вполне возможно, что это придаёт известную окраску тому, что говорится о происшедшем, результаты которого, испытанные его поколением, трудно назвать положительными. Я хорошо помню грозную атаку немцев 21 марта 1918 года; я видел её на земле и с воздуха, участвуя весь первый месяц в боях, пока меня не эвакуировали в тыл на носилках. Я помню приказ генерала Хэйга, что каждый солдат должен сражаться до последнего там, где он стоит; этот приказ висел в столовой моего авиаотряда. Я не сожалею о пережитом, и не хотел бы вычеркнуть его из моей жизни, даже если бы я мог это сделать. Но теперь, когда я вижу скрытые мотивы и средства, которыми всё это было вызвано, мне хотелось бы, чтобы будущие поколения упорнее придерживались «прямых путей» сэра Вильяма Робертсона, зная немного больше о том, что происходило тогда и продолжается сейчас, и способствуя тому, чтобы в конечном итоге обратилось к добру то, что сейчас представляется злом. Именное этой целью автор и пишет эту книгу.

Благодаря победе в Европе, желаема территория в Палестине была в конце концов получена. Однако одно дело захватить территорию, а другое — создать на ней что-либо. На этой земле сначала должна была быть воздвигнута «родина» сионизма, а затем его «государство» (а, в конечном итоге, вероятно ещё и «империя»). Одна Англия не была, разумеется , в состоянии достигнуть всего этого. Не было прецедента в истории чтобы *арабская* территория, завоёванная *европейцами* , была подарена *азиатскому* народу. В такую сделку нужно было втянуть несколько наций, много наций, надо было основать «фирму», чтобы придать всему этому вид приличного гешефта. Необходима была «лига наций» и, прежде всего, требовалось американское «вмешательство». Эта вторая часть общего плана действий также уже подготовлялась заранее; пока английские войска захватывали нужную полосу земли, ловкие адвокаты искали путей, чтобы подделать законные акты на землевладение, основать «торговую компанию» и пустить в ход нужное предприятие.

Ллойд Джордж сделал своё дело, и его роль заканчивалась. Читатель должен теперь бросить взгляд на другой берег Атлантики и посмотреть что там затевали господа Хауз, Брандейс и раввин Стефен Уайз. Некий г-н Вудро Вильсон играл во всём этом лишь призрачную роль.

Глава 31
Паутина интриги

Слова «заговор» и «интрига», часто употребляющиеся в этой повести, принадлежат не автору этих строк, а исходят из осведомлённых источников. Артур Д. Хоуден (Howden), писавший биографию «полковника» Хауза в тесном контакте с этим последним, сам дал заглавие настоящей главе. Описывая события, в центре которых в Америке во время войны 1914…1918 гг. стоял Хауз, он писал: «Паутина интриги плелась вокруг обоих берегов Атлантического океана». Правительство Ллойд Джорджа в Англии и президент Вильсон в Америке вначале завязли в этой паутине независимо друг от друга. В годы 1914…1917 обе «сети», в Лондоне и Вашингтоне, были объединены связями через океан и Хоуден описывает, как это происходило. После этого оба правительства оказались опутанными одной сетью, и

никогда более с тех пор не могли из неё вырваться.

В годы президентства Вильсона настоящим президентом Соединённых Штатов был Хауз, которого раввин Уайз характеризует в своих записках, как «связного между правительством Вильсона и сионистским движением». Член Верховного суда США Брандейс, решивший, как упоминалось выше, «посвятить свою жизнь» сионизму, был «советником президента по еврейским вопросам» (Вейцман); здесь впервые в ближайшем окружении американских президентов появляется влиятельная фигура «советника» неизвестная до тех пор, не предусмотренная никакими конституциями и становящаяся теперь постоянным атрибутом правительственного аппарата. Главным сионистским активистом был раввин Уайз, находившийся в постоянной связи с Хаузом и Брандейсом. Хауз (вместе с выплывшими в ту же эпоху на поверхность Бернардом Барухом) фактически назначал министров, т. ч. один из выбранных ими представился Вудро Вильсону со словами: «Моё имя Лэйн, господин президент, и мне кажется, что я — министр внутренних дел». Президент проживал в Белом Доме в Вашингтоне, но его часто видели посещавшим маленькую квартиру на Восточной 35-ой улице Нью-Йорка, где жил Хауз. Со временем это повело к недоуменным вопросам, и президент объявил как-то одному из своих партийных коллег: «Хауз — моё второе я, моё независимое я. Наши мысли совершенно одинаковы». Хауз постоянно бывал в Вашингтоне, где он руководил президентскими интервью и ведал корреспонденцией президента; поджидая министров вне зала совещаний кабинета, он давал им указания, что они должны были говорить внутри. Из своей нью-йоркской квартиры он управлял Америкой, пользуясь частными телефонными линиями, соединявшими его с Вашингтоном: «мне достаточно было снять трубку, чтобы немедленно говорить с государственным секретарём». Для государственных решений не нужно было спрашивать согласия президента. Хауз «не нуждался в подтверждении своих распоряжений… достаточно было, чтобы президент не возражал, и я знал, что дело идёт дальше». Другими словами Вильсону нужно было *возражать* , чтобы задержать или изменить любое принятое без его участия решение, но, как мы помним, непосредственно после выборов ему пришлось обещать, что «в будущем он не будет действовать самостоятельно». Если в 1900 году Хауз принял решение перейти от вопросов техасской политики к *государственной* , то в 1914 г. он уже готовился заняться *международными* делами: «Ему хотелось применить свою энергию в более широких масштабах,.. с начала 1914 г. он стал всё более и более посвящать себя тому, что в его глазах было вершиной политической деятельности и в чём он проявлял свои наибольшие способности — международной политике». Надо сказать, что техасский опыт менее всего мог подготовить Хауза к такого рода карьере. В Техасе одно лишь слово «международная политика» было в глазах общественности синонимом нечистоплотных занятий и именно здесь, более чем где либо в другом штате, «общественное мнение жило традициями 19-го века, требовавшими в качестве первостепенного принципа американской политики *абсолютного невмешательства в политические дела Европы* » (Сеймур). Хауз, сумевший где-то в Техасе впитать в себя «идеи революционеров 1848 года» (см. выше), намерен был порвать с этими традициями, однако это ещё далеко не наделяло его «наибольшими способностями» для вмешательства в международную политику.

Хауз был человеком совершенно иного склада, нежели инертный и скучающий Бальфур, уроженец шотландских холмов и туманов, или ловкий уэльский прислужник сионизма Ллойд Джордж, однако он действовал как если бы все трое закончили курс некой тайной академии политических махинаций. В 1914 г. он стал, по его собственному признанию. назначать американских послов и заводить первые связи с европейскими правительствами в качестве «личного друга президента». Его издатель Сеймур писал впоследствии: «Трудно найти в истории другой пример дипломатии, которая была бы столь чуждой её общепринятым путям и одновременно такой успешной. Полковник Хауз, частное лицо, кладёт карты на стол и *согласовывает с послом иностранной державы* , *какие инструкции следует послать американскому послу и министру иностранных дел этой страны* ». Хоуден, его доверенный, выражается ещё яснее: «Во всём, что происходило, инициатива принадлежала Хаузу… Государственный департамент США сошёл на положение *промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива для хранения официальной корреспонденции* . Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на Восточной 35-ой улице. Послы воюющих стран обращались к нему, *когда хотели повлиять на решения правительства* или найти поддержку в *паутине трансатлантической интриги* ».

Сам Хауз скромно писал: «Жизнь которую я веду, интереснее и ярче любого романа… информация со всех концов земного шара поступает в мой маленький, незаметный кабинет». Сеймур дополняет: «Члены правительства в поисках нужных лиц, нужные лица в поисках подходящих мест превратили этот кабинет в некое подобие контрольного бюро. Издатели и журналисты спрашивали его

совета, а сообщения для иностранной печати писались почти что под его диктовку. Чины министерства финансов США, британские дипломаты… и *столичные финансисты* приходили в его кабинет для обсуждения своих планов».

Человек, шедший к власти на другом берегу океана, тоже был заинтересован в «финансистах». Известная английская социалистка Беатриса Вебб пишет, что Уинстон Черчилль как-то признался ей в своих симпатиях к «*влиятельным денежным кругам*, стоящим на страже мира, он был *против независимой от других* (*британской*) *империи*, так как по его мнению, она разрушила бы этот международный капитализм, в то время как финансист-космополит, которого он считал высшим достижением европейской культуры, в силу своей профессии представляет собой миротворца в современной жизни». В свете последующих событий трудно утверждать, что ведущие финансисты, будь они «столичными» или «космополитами», были профессиональными миротворцами.

Так обстояло дело за кулисами американской политики в 1915…1916 гг. Настоящие цели правящей клики, охватившей теперь своей «паутиной» оба берега Атлантики, стали ясны из того, что затем последовало. Асквита убрали под предлогом его некомпетентности, якобы стоявшей на пути к победе; Ллойд Джордж пошёл после этого на риск катастрофического поражения, перебросив английские войска из Европы в Палестину. Вудро Вильсон был переизбран президентом, дав обещание, что согласно старым традициям он «не позволит Америке ввязаться в войну»: после выборов он ввязался в неё без промедления. «Слова дипломатов», как видно, по-прежнему сильно расходились с их делами. Как сообщает его биограф, Хауз частным порядком «пришёл к заключению, что война с Германией неизбежна» (*30 мая 1915 г*.) однако в *июне 1916 г*. выдвинутым им лозунгом для второй президентской кампании Вильсона было: «он уберёг нас от войны», что принесло ожидаемый успех. Стефен Уайз *перед выборами* также всячески помогал Хаузу, выражая в письмах к президенту «сожаление, что он стоит за программу готовности к войне», и выступая на митингах против войны. Всё шло по плану: «стратегия Хауза действовала превосходно» (Хоуден) и Вильсон одержал на выборах блестящую победу.

Похоже, что Вильсон в этот момент сам поверил тому, что говорил по чужой шпаргалке, и начал сразу же после выборов действовать в роли миротворца, составив для воюющих государств ноту, в которой говорилось, что «*причины и цели войны неясны*». Это было недопустимым проявлением независимости со стороны президента, приведшим Хауза в бешенство. Перепуганный президент переделал фразу: «цели, преследуемые военными политиками *на обеих сторонах*, фактически одни и те же», что привело Хауза в ещё большее бешенство. На этом поползновения Вильсона разоблачить характер опутавшей его «паутины» закончились, и некоторое время он видимо не знал, в чём будет заключаться его роль дальше, сообщив Хаузу *4 января 1917 г*., что «войны не будет. Наш народ не хочет участвовать в войне… Вступление в войну было бы преступлением против культуры».

Правящая клика постаралась рассеять эти иллюзии, не успел Вильсон во второй раз благополучно вступить в должность президента, *20 января 1917 г*. раввин Стефен Уайз известил президента, что ситуация изменилась: он был теперь «убеждён, что настало время, когда американскому народу придётся понять, что судьба велит нам принять участие в этой борьбе». Хауз, который во время избирательной кампании под лозунгом «долой войну» записал в свой дневник, что «мы теперь на пороге войны», доверил тому же дневнику *12 февраля 1917 г*.: «мы втягиваемся теперь в войну с быстротой, которой я ожидал», придав слову «втягиваться» несколько необычный для него смысл. *27 марта 1917 года* президент Вильсон спросил у г-на Хауза, нужно ли, по его мнению, «*просить Конгресс объявить войну* или же лучше *сказать*, *что состояние войны уже существует*?» Хауз «посоветовал последнее», и *2 апреля 1917 года* американскому народу сообщили, что состояние войны, в которую он никак не собирался ввязываться, уже имеет место.

Здесь уместно несколько отвлечься в сторону. Когда лорд Сайденхэм писал впоследствии об «убийственной точности» «Протоколов», датируемых самым началом 20-го века, он несомненно имел также в виду следующий их отрывок: «мы предоставим президенту право объявления военного положения. Это будет мотивировано тем, что президент, как главнокомандующий вооружёнными силами, должен иметь их в случае необходимости в своём распоряжении». Это стало твёрдо установившейся практикой в нашем столетии. В 1950 году президент Труман отправил американские войска в Корею «для отпора коммунистической агрессии», не спрашивая согласия у Конгресса. Позже было объявлено, что война ведётся «Объединёнными Нациями», и к ним присоединились войска 17 других стран под общим командованием американского генерала МакАртура. Это было первой репетицией ведения войны «мировым правительством», но велась она так, что сенатор Тафт поставил в 1952 г. вопрос: «Принимаем ли мы нашу анти-коммунистическую политику всерьёз»? Генерал

МакАртур был отстранён от командования после его протеста против запрещения преследовать коммунистическую авиацию в её китайском убежище, а в 1953 году, уже при президенте Эйзенхауэре, война была объявлена законченной, оставив половину Кореи в руках «агрессора». Генерал МакАртур и другие американские командующие выдвинули впоследствии обвинение, что приказ, запрещавший преследование, был сообщён врагу «шпионской организацией, выкрадывавшей секретные документы в Вашингтоне» (журнал «Life» от 7 февраля 1956 г.), а китайский главнокомандующий подтвердил это в New York Daily News» от *13 февраля 1956 г* . В июне 1951 года из Лондона исчезли два ответственных сотрудника британского министерства иностранных дел (Бургесс и МакЛин); английское правительство 4 года подряд отказывалось давать о них какие-либо сведения, но в сентябре 1955 года подтвердило давно высказывавшиеся догадки, что они оба в Москве и что они «в течение долгого времени шпионили в пользу Советского Союза». В цитированном выше журнале «Life» генерал МакАртур заявил, что именно эти два шпиона выдали «агрессору» приказ о непреследовании.

4 апреля 1956 года один из корреспондентов спросил президента Эйзенхауэра на пресс-конференции даст ли он, «не спрашивая Конгресса», боевой приказ недавно посланному в Средиземное море батальону морской пехоты (в то время возможность войны на Среднем Востоке была весьма реальной)? Президент рассерженно ответил: «Я говорил уже много раз и повторяю. Что я никогда не предприму ничего, что могло бы быть понято, как война, без согласия Конгресса, имеющего на то конституционные права». С января 1957 года, однако первым его действием по вторичном избрании было послать Конгрессу законопроект о присвоении президенту постоянного и неограниченного права открыть военные действия на Ближнем Востоке «для *предотвращения* коммунистической агрессии».

Возвращаясь к нашему повествованию, остаётся отметить, что между ноябрём 1916 и апрелем 1917 г. «паутина интриги», опутавшая океан, достигла своих главных целей: устранения Асквита и замены его Ллойд-Джорджем, посылки британских армий для диверсии в Палестине, переизбрания президента, обязавшегося поддерживать это предприятие, и вмешательства в войну Америки. Сообщение Конгрессу об *имеющей место войне* говорило, что целям её, которые ещё за несколько недель до того были столь «неясными» президенту Вильсону, было «*установление нового международного порядка* ». Другими словами, открыто, хотя и туманно, была объявлена *новая* цель мировой войны. Для широких масс эти слова могли означать всё, что угодно, или вообще ничего. Для посвящённых в них скрывалось обязательство поддерживать план, орудиями которого были одновременно сионизм и коммунизм: создание принудительной «всемирной федерации» при обезличении всех наций, кроме одной, которую ещё нужно было воссоздать. С этого момента правящие клики в Америке и Англии действуют при полной синхронизации своих мероприятий, т. ч. две цепи событий сливаются в одну и ту же «паутину». Внешне облечённые властью политики координировали в Лондоне и Вашингтоне свои действия под диктовку работавших сообща сионистов по обе стороны океана. Хаим Вейцман в своё время также обнаружил предвидение будущих событий, написав уже *в марте 1915 г* . своему союзнику Скотту из «Манчестер Гардиан», что на будущей мирной конференции британское правительство, *насколько ему известно* , поддержит сионистские требования (упоминавшийся выше Макс Нордау знал это уже в 1903 году). Именно этого Асквит делать не собирался, другими словами Вейцман уже марте 1915 года видел во главе «британского правительства» людей, сменивших Асквита только в декабре 1916 года. Это «британское правительство», по словам Вейцмана, должно было передать организацию еврейского «содружества наций» в Палестине целиком в руки евреев. Однако сионистам вряд ли удалось бы установить подобное «содружество» даже в завоёванной для них другими Палестине против желания коренного населения. Это могло быть осуществлено только за спиной великой державы и при поддержке её вооружённых сил. Вейцман считал, точно предвидя в 1915 году, что произойдёт в 1919-ом и в течение последующих двадцати лет, что в Палестине должен быть установлен британский «протекторат» (для защиты сионистских захватчиков). Это означало, как он писал, что «заняв Палестину, евреи возьмут на *себя бремя* организации страны, но будут в течение следующих 10—15 лет действовать под *временным* протекторатом Англии». Вейцман добавляет, что это было «предвосхищением мандатной системы», т. ч. сегодняшнему историку ясно, где и как родилась идея «мандатов». Система управления завоёванными территориями по праву «мандата», полученного от самозванной «лиги наций», была выдумана, исключительно имея в виду Палестину. Последующие события не оставляют в этом сомнений: все остальные «мандаты», распределённые после войны 1914…18 гг., чтобы придать этой процедуре видимость общего характера, очень скоро сошли на нет, либо передав управляемые территории коренному населению, либо предоставив их во владение завоевателя. «Мандаты»

существовали только пока это нужно было сионистам, чтобы собрать достаточно сил и оружия для полного захвата Палестины в своё владение.

Таким образом, после продвижения Ллойд Джорджа на пост премьера и переизбрания Вильсона в президенты очертания будущего на долгое время после окончания войны были совершенно ясны Вейцману, сидевшему в центре «паутины», и он начал энергично действовать. В меморандуме британскому правительству он потребовал, чтобы «*еврейское население Палестины* было официально признано, как *еврейская нация* ». После этого собралось то, что Вейцман характеризует, как «первая полноценная конференция, приведшая к Декларации Бальфура». Компания, собравшаяся для составления официального документа британского правительства, заседала в частном еврейском доме и состояла из девяти ведущих сионистов и одного представителя затронутого этим делом правительства, сэра Марка Сайкса, и то всего лишь на правах «частного лица». Результатом была поездка Бальфура в Америку для окончательного согласования вопроса.

Вейцману и его сотрудникам нужно было в этот момент умело лавировать между двумя препятствиями, и их легко могла постигнуть неудача, если бы вышеописанная «паутина» не дала им возможности продиктовать то, что Бальфур должен был услышать в Америке от тех, с которыми он собирался там встретиться. Британское правительство, при всём своём про-еврейском усердии, было весьма встревожено перспективой оказаться в положении единственного покровителя сионистов и желало, чтобы и Америка участвовала в оккупации Палестины. Сионистам было прекрасно известно, что такое предложение вызовет в Америке резко отрицательную реакцию (будь оно осуществлено, Америку, наученную горьким опытом в Палестине, было бы труднее заставить принять участие в позорном деле 1948 года) и они вовсе не желали, чтобы вопрос об участии Америки в оккупации был вообще поставлен. Опасения Вейцмана ещё более усилились, когда он в «долгом разговоре» с Бальфуром перед отъездом последнего услышал, что он непременно стоит за «англо-*американский* протекторат».

Вейцман срочно отправил письмо судье Брандейсу, предупреждая его о необходимости противодействовать всем подобным планам и заверить Бальфура в американской поддержке чисто английского протектората (письмо от 8 апреля 1917 г.); это письмо Брандейс «получил ко времени прибытия Бальфура». Будучи назначен в Верховный Суд США, Брандейс *официально* должен был отстраниться от руководства сионизмом в Америке, поскольку, согласно конституции и традиции, как член Верховного Суда он должен был стоять выше политики; тем не менее, однако, в качестве «советника по еврейским вопросам», он поставил президента в известность, что он «*за британский протекторат и категорически против всякого кондоминиума* » (т. е. совместного англо-американского контроля).

Приехав в Америку, где состояние «имеющей место войны» не продолжалось ещё и трёх недель, Бальфур, по всем данным, вообще ни разу не обсуждал вопроса о Палестине с президентом. На этой стадии роль Вильсона ограничилась послушным обещанием, данным им раввину Уайзу: «*В любое время , когда Вы и судья Брандейс решите , что мне пора говорить и действовать , я буду готов* ». Раввин в свою очередь, сообщил Хаузу: «Он полностью завербован для нашей цели, в этом нет больше никаких сомнений. Полагаю, что в Вашингтоне дело пройдёт без замедлений» (датировано 8 апреля 1917 г. через 6 дней после объявления «имеющей место войны»). Бальфур встретился с Брандейсом, хотя он с тем же успехом мог остаться дома с Хаимом Вейцманом, поскольку Брандейс лишь повторил, что писал последний; Бальфур всего лишь переполз с одного конца «паутины интриги» на другой. Как пишет г-жа Дагдейл, Брандейс «с *растущей настойчивостьш* подчёркивал желание сионистов видеть *в Палестине чисто британскую администрацию* ». Бальфур же, по выражению его биографа, «обязался оказывать сионизму свою личную поддержку: он уже раньше обещал то же д-ру Вейцману, но *теперь он был британским министром иностранных дел* ».

Здесь заслуживает нашего внимания более поздний американский комментарий о роли Брандейса в этой истории. Профессор Джон О. Бити (Beaty) из Южного Методистского Университета в Америке пишет, что день утверждения назначения Брандейса в Верховный Суд США был «одним из самых примечательных в американской истории, т. к. *впервые со времени первого десятилетия 19-го века у нас , на одном из высших постов , оказалось лицо , главные заботы которого не имели отношения к Соединённы .и Штатам* ». Брандейс, как пишет Вейцман, «сделал больше, чем просто продвинуть идею еврейской Палестины под британским протекторатом». Он и Хауз сочинили скреплённую подписью президента знаменитую декларацию об отказе от тайной дипломатии. Широким массам эта декларация очень понравилась и они услышали в ней голос смелого нового мира, бросившего упрёк старому и порочному. Пропаганда рисовала публике картину закутанных в плащи дипломатов,

крадущихся потайными ходами в секретные кабинеты; теперь, когда Америка вступила в войну, этим феодальным махинациям придёт конец и всё будет делаться открыто, на глазах «народа». Всё это было лишь иллюзией, а высокопарные словеса должны были прикрыть новое подчинение требованиям сионистов. Турцию (владевшую Палестиной) ещё предстояло победить, для чего французскому и английскому правительствам, чьи солдаты были этим заняты (*прим . перев* .: главные поражения Турция понесла на Кавказском фронте, где русские войска в 1916 г. заняли всю территорию бывшей «Великой Армении»; после февральского переворота Кавказский фронт развалился), надо было привлечь на свою сторону арабов; с ними было заключено «соглашение Сайкса-Пико», которое предусматривало независимую конфедерацию арабских государств и, среди них, Палестину «под международным управлением». Вовремя информированному об этом Вейцману было совершенно ясно, что о сионистском *государстве* в Палестине при *международном* контроле не сможет быть и речи; для этого нужен был чисто британский протекторат. В результате немедленно оказанного закулисного давления вильсоновы громкие обличения «тайной дипломатии» и «секретных договоров» оказались ударом по одним только палестинским арабам и их надеждам на свободное будущее. Америка *требовала* поручить дело Англии, нарушив обещания арабам, как результат «тайной дипломатии». Этот скрытый успех позволил биографу Бальфура с торжеством констатировать, что «*национальна я еврейская дипломатия стала теперь действительностью* »; эту цитату можно было бы при желании поставить заглавием настоящей главы. Лондонское министерство иностранных дел с некоторым смущением, но слишком поздно, поняло, что британское правительство фактически связало себе руки, Америка, хотя и вступив в войну, против Турции не воевала, но, тем не менее, стараниями Брандейса секретно обязалась способствовать передаче турецкой территории в третьи руки. Участие Соединённых Штатов в этой интриге следовало, разумеется, в тот момент держать втайне от публики, что не помешало дать Бальфуру распоряжения в весьма повелительном тоне.

Лето 1917 года было занято подготовкой знаменитой «декларации Бальфура», которой Америка была тайно вовлечена в сионистскую авантюру. Единственная оппозиция, кроме как со стороны генералов и немногих высоких чинов Форин Оффиса, исходила со стороны коренных евреев Англии и Америки. Она не могла оказать влияния на события, поскольку руководящие политики обеих стран были настроены по отношению к своим еврейским согражданам ещё более враждебно, чем сами сионисты. Как мы видим, т. н. «христиане» играли во всей этой истории столь крупную роль, хотя и исключительно в качестве марионеток, что поневоле приходится быть осторожным, приписывая авторство «Протоколов» одним только евреям. Объединённый Комитет т. н. Англо-Еврейской Ассоциации в Лондоне официально заявил в 1915 году, что «в глазах сионистов гражданская и политическая эмансипация евреев недостаточна для ликвидации их преследования и угнетения, и они считают, что окончательная победа может быть достигнута только путём создания гарантированного законами убежища для еврейского народа. Объединённый Комитет считает национальные лозунги сионистов, как и особые привилегии для евреев в Палестине опасными и провоцирующими антисемитизм. Комитет не намерен обсуждать вопросы британского протектората с *международной организацией* , *которая состояла бы из самых различных злементов, включая даже наших военных противников* ». В любое нормальное время британское и американское правительства могли бы подписаться под этим, обеспечив себе поддержку своих еврейских сограждан. Однако ещё в 1914 году Хаим Вейцман писал, что этих евреев «надо заставить понять, что *хозяевами положения являемся мы* , *а не они* ». Объединённый Комитет представлял евреев, давно уже обосновавшихся в Англии, однако британское правительство сочло нужным признать претензии заговорщиков из России на господство над всем еврейством.

В 1917 году, с приближением непоправимого решения, Объединённый Комитет снова заявил, что евреи — всего лишь религиозная община и ничто более, что они не могут претендовать ни на какую «национальную территорию» и что палестинские евреи нуждаются только «в обеспечении религиозной и гражданской свободы, приемлемых возможностей для иммиграции и т. д.» К этому времени подобные заявления приводили в совершенную ярость многочисленных гоев, готовых идти в бой за Хаима Вейцмана. Небезизвестный Викхэм Стид из «Таймса» выразил своё «глубокое возмущение» такой позицией британского еврейства после того, как «в течение доброго часа» обсуждал (с Вейцманом), «кто бы из ведущих политиков смог наилучшим образом подействовать на английскую публику», блестяще изложив (по словам Вейцмана) «суть и задачи сионизма». В Америке на страже против своих евреев столь же бдительно стояли Брандейс и раввин Уайз. Рабби, выходец из Венгрии, задал президенту Вильсону вопрос: «Что Вы сделаете, если к Вам поступят их протесты?» Помолчав немного, президент указал на корзину возле его стола: «Вы думаете, её не хватит для всех их протестов?»

В Англии Хаим Вейцман был в бешенстве от «*постороннего* вмешательства *исключительно со стороны евреев* ». В этот момент он явно чувствовал себя членом правительства, может быть даже его *важнейшим* членом, и, в смысле фактической власти, он таковым несомненно являлся. Он не только отбрасывал возражения британских евреев, как «постороннее вмешательство», но и диктовал кабинету, что именно нужно обсудить. требуя места на заседаниях кабинета, когда ожидались возражения со стороны министра-еврея! Далее он потребовал, чтобы Ллойд Джордж поставил вопрос чисто англиского протектората над Палестиной на повестку *дня* заседания Военного кабинета, назначенного на 4 октября 1917 года, но уже 3-го октября заранее послал в министерство иностранных дел протест против возражений, которые по его мнению должен был сделать на этом заседании «влиятельный англичанин еврейской веры»: имелся в виду министр Эдвин Монтегю. Вейцман потребовал, ни много, ни мало, чтобы коллеги Монтегю не спрашивали мнения последнего, а если он всё-таки его выразит, то чтобы позвали Вейцмана для ответа ему! В день заседания Вейцман явился в кабинет секретаря премьер-министра, Филиппа Керра (также одного из его «друзей»), изъявив желание присутствовать при совещания на случай, если министры «захотят, прежде чем принять решение, задать мне вопрос». Керр ответил ему, что «с тех пор, как существует британское правительство, ни одно частное лицо никогда ещё не допускалось на его совещания», и Вейцману пришлось убраться восвояси. Тем не менее, британский премьер-министр счёл нужным создать прецедент, и не успел Вейцман уйти, как, после выступления Монтегю, Ллойд Джордж и Бальфур немедленно за ним послали. Монтегю удалось, будучи зажатым в тиски со стороны «христианских» коллег, добиться некоторых поправок к законопроекту, за что Вейцман впоследствии упрекал Керра: «И Вы, и Ваш кабинет придаёте совершенно преувеличенное значение мнению *так называемого британского еврейства* ». Двумя днями позже (9 октября 1917 г.) Вейцман с торжеством телеграфировал судье Брандейсу, что британское правительство официально обязалось создать в Палестине «национальное убежище для еврейской расы».

Между 9 октября и 2 ноября, когда законопроект был опубликован, с ним произошли любопытные приключения. Его послали в Америку, где он подвергся редактированию со стороны Брандейса, некоего Якова де Хазе и раввина Уайза, прежде чем был показанным президенту Вильсону для «окончательного утверждения». Вильсон, без долгих проволочек, просто отослал проект обратно Брандейсу (получившему его от Вейцмана), а тот послал его раввину Уайзу, «чтобы он передал его полковнику Хаузу, для пересылки британскому кабинету». Так было подготовлено одно из важнейших и чреватых громадными последствиями решений британского правительства… Проект, включённый в письмо, адресованное Бальфуром лорду Ротшильду, вошёл в историю как декларация Бальфура». В семье Ротшильда, как и во многих других влиятельных еврейских семьях, были резкие расхождения в мнениях относительно сионизма. Письмо было послано на имя одного из Ротшильдов, симпатизировавшего сионизму, очевидно, чтобы произвести впечатление на западное еврейство и отвлечь внимание от восточно-еврейских корней авантюры. Настоящим адресатом был, разумеется, Хаим Вейцман. Поскольку он безвыходно торчал в приёмной военного кабинета, документ был передан ему лично, и сэр Марк Сайкс, вручая ему письмо, сказал: «Д-р Вейцман, это — мальчик», как говорят в больнице отцу, поздравляя его с рождением наследника. Мальчик тем временем подрос, и характер получившегося из него взрослого субъекта не представляет в наши дни сомнений.

Для объяснения того, почему ведущие западные политики решили поддержать эту совершенно чуждую им затею, никогда не было приведено ни одного разумного довода, а поскольку, вплоть до опубликования «декларации Бальфура», всё это предприятие было тайным и строго законспирированным, исчерпывающего объяснения и *не может быть* дано; добрые дела не нуждаются в конспирации, и одно её наличие указывает на мотивы, не подлежащие раскрытию. Когда кто-либо из замешанных в этом деле лиц давал какие-либо официальные объяснения, они обычно сводились к туманным ссылкам на Ветхий Завет, и этот ханжеский довод считался достаточным, чтобы запугать сомневающихся. Как с иронией сообщает раввин Уайз, Ллойд Джордж любил заявлять своим сионистским посетителям: «Вы получите Палестину от Дана до Биршебы», мня себя, видимо, исполнителем Божьей воли. Как-то он созвал на завтрак озабоченных развитием событий еврейских членов парламента, «чтобы убедить их в правильности моего понимания сионизма». В столовой британского премьер-министра собрался соответствующий «миньян» (еврейский религиозный кворум из десяти верующих) и Ллойд Джордж прочитал гостям несколько отрывков из Ветхого Завета, которые *по его* мнению предписывали переселение в 1917 году евреев в Палестину. По окончании он сказал: «Теперь вы знаете, господа, что говорит ваша Библия; на этом вопрос можно считать исчерпанным». В других случаях он давал иные объяснения, к тому же противоречившие одно другому. Королевской

палестинской комиссии он заявил в 1937 году, что за 20 лет до того он стремился получить «поддержку американского еврейства», заручившись «определённым обещанием» со стороны лидеров сионизма, «что если союзники обеспечат условия для создания в Палестине национального убежища для евреев, то они со своей стороны сделают всё для поддержки дела союзников евреями всего мира».

Перед лицом истории это было наглой ложью. Когда Бальфур поехал в Америку согласовывать свою «декларацию», Америка уже была «в состоянии войны», а биограф Бальфура категорически отрицает наличие какой бы то ни было сделки. Еврейский комментатор, раввин Эльмер Бергер, пишет, что якобы данное сионистскими лидерами обещание помощи «…вызывает непреодолимое возмущение во мне, моей семье и в моих еврейских друзьях — обыкновенных евреях… это самая бесстыдная клевета в истории. Лишь бесчувственные циники могут сомневаться в том, что евреи в союзных странах делали всё, что могли, дабы помочь ведению войны». Лучше всего известно *третье* утверждение Ллойд Джорджа: «ацетон сделал из меня сиониста». По этой версии Ллойд Джордж спросил Вейцмана, чем можно вознаградить его за полезное химическое открытие, сделанное им во время войны (в свободное от сионистских занятий время Вейцман работал в лаборатории), на что тот ответил: «Мне ничего не надо для себя, но мне нужно всё для моего народа», после чего Ллойд Джордж решил отдать ему Палестину! Вейцман сам высмеивает эту сказку: «История не делается чудесами Аладиновых ламп. Ллойд Джордж поддерживал идею еврейского государства задолго до того, как стал премьером». Заметим, кстати, что британское правительство довольно щедро вознаграждает подобного рода заслуги, и химик по профессии, д-р Вейцман, хотя он якобы и пожелал ничего для себя, получил громадную по тому времени сумму в 10 000 фунтов стерлингов. Он же получил колоссальное вознаграждение за патент, проданный в своё время германскому химическому концерну, и также не брезговал пользоваться этими доходами в течение многих лет; патент представлял собой ценность не в одно только мирное время, но также и в военное.

Трудно и придти к выводу, что если бы действиям Ллойд Джорджа можно было найти пристойное объяснение, то он нашёл бы его сам. Начиная с этого периода 1916…1917 гг. можно ясно проследить полный упадок парламентарных и представительных правительств, как в Англии, так и в Америке. Если неизвестные общественности лица могли диктовать важнейшие мероприятия американской государственной политике и крупнейшие операции британским армиям, то понятия «выборов» и «ответственного министерства» естественно теряли всякое значение. Партийные различия сглаживались в обеих странах по мере того, как скрытая от взоров высшая власть стала руководить западными политиками, а американские и британские избиратели потеряли всякую возможность сделать настоящий выбор. Сегодня это положение стало всеобщим и общеизвестным. Лидеры *всех* партий раскланиваются перед сионизмом ещё до выборов, а избрание того или иного президента или премьер-министра, победа на выборах той или иной партии не имеют реального значения.

В ноябре 1917 года американская республика, как и Великобритания, были втянуты в сионизм, показавший свою разрушительную силу. Он был лишь одним из орудий общего «принципа разрушения». Читатель вспомнит, что в дни молодости Хаима Вейцмана руководимые талмудистами евреи в России были объединены революционными целями, разделяясь лишь на революционеров-сионистов и революционеров-коммунистов. В ту самую неделю в ноябре 1917 г., когда появилась декларация Бальфура, другая группа русских евреев также достигла своей цели — разрушения русского национального государства. Так западные политики вырастили двухголовое чудовище, одна голова которого была власть сионизма в западных столицах, а другая — власть коммунизма, наступавшая из захваченной им России. Покорность сионизму подрывала способность Запада сопротивляться мировой революции, поскольку сионизм держал западные правительства в подчинении и отвлекал их политику от национальных интересов; именно в этот момент впервые поднялся крик, что оппозиция мировой революции — ничто иное, как тот же «антисемитизм». Правительства, подорванные тайными капитуляциями в одном направлении, уже неспособны твёрдо действовать в любом другом; слабость Лондона и Вашингтона по отношению к мировой революции в последующие четыре десятилетия (написано в 1955 г. — *прим. перев.*) явно проистекает из их начального опутывания «паутиной интриги», охватившей Атлантику, т. е. Америку с Европой, в период между 1914 и 1917 гг.

Другими словами, после 1917 года перед всем 20-м веком встал вопрос: сможет ли ещё Запад собственными силами вырваться на свободу и освободить своих политических вождей от этого двойного рабства? Для оценки конца периода нашего повествования читатель должен познакомиться с действиями, к которым принуждены были политики Англии и Америки в ходе первой мировой войны.

Глава 32
Мировая революция шагает дальше…

Одновременные победы большевизма в России и сионизма в Англии в холе одной и той же недели осенью 1917 года были лишь внешне независимыми одно от другого событиями. Их единый первоначальный источник был показан в предыдущих главах, и те, кто продвигал сионизм в западных правительствах, поддерживали и силы мировой революции. Обе силы действовали, следуя догмату древнего .закона: «Разрушай и уничтожай… господствуй над всеми народами земли», одна из них разрушала на Востоке, другая тайно правила на Западе. 1917 год подтвердил правильность оценки мировой революции в её фазе 1848 года со стороны Дизраэли, указавшего, что евреи стояли во главе «всех без исключения» тайных обществ и стремились к уничтожению христианства. В правящей группе, появившейся на сцене в России в 1917 году, преобладание евреев было настолько велико, что её можно безоговорочно назвать еврейским правительством. Характер движущих сил превратился в этот момент из спорной темы политической полемики в ясный исторический факт. Своё дальнейшее подтверждение он нашёл в их действиях: в характере их первейших мероприятий, в издевательстве над христианской верой и в специфической печати авторства руководителей и исполнителей цареубийства. Все эти действия носили неоспоримый характер талмудистской мести.

В течение последовавших десятилетий заинтересованная сторона систематически старалась скрыть от общественности этот несомненно установленный факт, подвергая яростной, но ничем не подтверждённой критике все попытки анализировать исторический ход событий. Ещё в-1950 г. вполне заслуженный в Америке еврейский писатель Джордж Сокольский, критикуя одну из цитированных нами выше книг, писал: «читая её, трудно не придти к выводу, что профессор Бити (John Beaty, „The Iron Curtain Over America“) стремится доказать, что коммунизм это еврейское движение». Что касается руководства коммунизмом, то *что так и было* уже задолго до 1917 года (как обстояло дело впоследствии, вплоть до нашего времени, будет показано в дальнейших главах этой книги). Мы не хотим этим скатать, что это был заговор *всех* евреев, но в такой же степени и французская революция, и фашизм, и национал-социализм не были заговорами всех французов, итальянцев или немцев. Организующая сила и руководство пришли из стоявших под талмудистским правлением местечковой еврейской России, и в этом смысле коммунизм был бесспорно восточно-еврейским порождением.

Цели революции 1917 года ясно показали, что она была не случайным эпизодом, а третьим «извержением» тех подземных сил, организация которых была обнаружена в своё время ещё в деле Вейсхаупта и его «иллюминатов». Вновь обнаружили себя обе главные характерные черты этих периодических «извержений». Уничтожение всех законных правительств, какими бы они ни были, и религии, как таковой. После 1917 года трудно стало поддерживать сказку, будто бы все революции направлены только против «королей» и политической власти духовенства, «против царей и попов». Это было достаточно ясно одному из влиятельных государственных людей нашего времени, Уинстону Черчиллю, который, ещё следуя в то время традициям Эдмунда Бёрка и Джона Робисона, Джорджа Вашингтона, Александра Гамильтона и Дизраэли, писал в 1920 г.: «Похоже, что Евангелию Христа и *проповеди антихриста* предначертано было родиться в недрах одного и того же народа, и что эта мистическая и таинственная раса была избрана для высших проявлений как божественного, *так и дьявольского* … Начиная от «Спартака» — Вейсхаупта до Карла Маркса, вплоть до Троцкого в России, Бела Куна в Венгрии, Розы Люксембург в Германии и Эммы Гольдман в Соединённых Штатах, *этот всемирный заговор для ниспровержения культуры и переделки общества на началах остановки прогресса* , *завистливой злобы и немыслимого равенства продолжал непрерывно расти* . Как столь убедительно показала известная писательница — историк нашего времени, Неста Уэбстер, он играл ясно видимую роль в трагедии французской революции. Он *был главной пружиной всех подрывных движений 19-го столетия: и наконец сейчас та шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки схватила за волосы и держит в своих руках русский народ* , *фактически став безраздельным хозяином громадной империи* . *Нет нужды преувеличивать роль этих интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции* . *Их роль несомненно очень велика, вероятно, она значительно перевешивает роль всех остальных* .

Это заявление (в статье в «Illustrated Sunday Herald» от 8 февраля 1920 г.) ведущего политика наших дней было последним его открытым заявлением по данному вопросу, которое смог обнаружить автор этой книги. После этого на всякое публичное обсуждение этой темы был явно наложен запрет, и наступило великое молчание, продолжающееся до наших дней. В 1953 году Черчилль не дал своего

разрешения (требуемого по английским законам) автору сделать фотокопию этой статьи, не объяснив причин отказа.

Факт еврейского руководства русской революцией имел первостепенное значение, и его последующее замалчивание сыграло громадную роль в ослаблении Запада, в то время, как открытое обсуждение могло бы способствовать оздоровлению политической атмосферы. Никакая разумная государственная политика невозможна, если столь важные факторы политической жизни заведомо исключаются из публичной дискуссии: это то же, что играть в биллиард кривыми киями и овальными шарами. Сила и влияние заговора видны из его успеха в этом замалчивании (как в своё время на примере подавления Робисона, Баррюэля, Морса и других) больше, чем в чём либо ином. Факты, в те годы, были всем доступны. «Белая Книга» британского правительства, издания 1919 года (раздел «Россия», № 1, сборник донесений о большевизме) цитирует донесение голландского посла в Петербурге, Удендайка, направленное Бальфуру в Лондон в 1918 г.: «Большевизм организован и осуществляется евреями, не имеющими национальности, единственной целью которых является разрушение существующего порядка для собственной выгоды». Тоже писал и посол Соединённых Штатов в России Дэвид Р. Фрэнсис: «Большевистских вождей — большинство которых евреи, а 90% из них возвратившиеся ссыльные — совершенно не интересует ни Россия, ни любая другая страна, они интернационалисты, организующие *всемирную социальную революцию* ». Доклад Уденлайка был изъят из последующих официальных британских публикаций, и подлинные документы этого рода с тех пор очень трудно найти. К счастью для историков, одному свидетелю событий удалось сохранить и *официальный* документ…

Этот свидетель — Роберт Вильтон (Wilton), корреспондент «Таймса», лично переживший большевистскую революцию, *во французском* издании его книги воспроизведён *официальный* список руководителей большевистских учреждений (в английском издании книги этот список *опущен*). Из этих документов видно, что ЦК большевистской партии, т. е. высшая власть в стране, состоял из трёх русских (включая Ленина) и девяти евреев[17]. Следующий по значению правительственный орган — Центральный Исполнительный Комитет состоял из 42 евреев и 19 русских, латышей, грузин и прочих. Совет Народных Комиссаров насчитывал 17 евреев и 5 лиц других национальностей. Московская Чрезвычайная Комиссия руководилась 23 евреями и 13 «прочими»[18]. Среди 556 высших большевистских руководителей, имена которых были официально опубликованы в 1918…19 гг. было 448 евреев. ЦК маленьких «оппозиционных» партий, социалистических и прочих (в самый первый период своего господства большевики допускали видимость «оппозиции» с целью обмана народа, привыкшего видеть при царе оппозиционные партии), насчитывали 55 евреев и 6 прочих. Имена названных лиц приводятся в подлинных документах, опубликованных в упомянутой книге Вильтона (заметим, что аналогичным был состав и двух кратковременных большевистских правительств вне России — в Венгрии и Баварии).

Вильтон приложил много усилий, к сожалению не оценённых по достоинству, чтобы информировать читателей английских газет о происходящем в России; сломленный поднявшейся против него травлей, он умер немногим позже в возрасте около 50-ти лет (одна из многих «преждевременных» смертей). Он вовсе не гнался за известностью, описывая события величайшей важности, когда-либо встретившиеся на профессиональном пути журналиста; эти события буквально

---

[17] Согласно западным еврейским источникам и неопубликованным советским, Ленин — также еврей, который был бы сегодня полноправным гражданином Израиля, т. к. его мать, Мария (рожд. Мириам) Александровна Бланк, была дочерью одесского еврея Александра Давидовича (впоследствии Дмитриевича) Бланка, перешедшего с семьёй в православие. Бланк сделал карьеру полицейским врачом, дослужившись до чина надворного советника (соотв. подполковнику на военной службе), дававшего права потомственного дворянства.

Отец Ленина был чисто русского происхождения (вероятно с примесью татарской или калмыцкой крови, что ясно заметно в чертах «вождя мирового пролетариата»), глубоко верующий православный, верный слуга России и своего государя, выдающийся деятель на поприще народного просвещения. Происходя из народных низов (его отец был крепостным крестьянином), он дослужился до чина действительного статского советника (соотв. генерал-майору) и был награждён высокими орденами, получив также («по чину») потомственное дворянство.

[18] Киевская ЧК, неописуемые зверства которой стали известны всему городу в 1919 г. после всего лишь полугодового господства большевиков, руководилась 25 главными чекистами, из которых 23 были евреи. Общее число сотрудников Киевской ЧК доходило в разное время до 300. По освобождении города белыми войсками в 1919 г. список жертв, убитых и замученных самыми варварскими способами, и включавший женщин и гимназистов, был опубликован газетой В. В. Шульгина «Киевлянин», (см. В. В. Шульгин, «Что нам в них не нравится?», Париж 1930 г., недавно переиздано заново).

обрушились на него. Воспитанный и получивший образование в России, он превосходно знал страну и владел её языком, пользуясь заслуженным уважением как в русских кругах, так и в британском посольстве[19]. Он наблюдал за петроградскими беспорядками из окна бюро Таймса, по соседству с департаментом полиции, где нашли убежище министры рушившегося режима. Между появлением Временного правительства весной 1917 года и захватом власти большевиками в октябре, ему пришлось сообщать о совершенно новом явлении в мировой политике: захвате еврейской властью деспотического господства в России и открытого руководства силами мировой революции. Здесь ему быстро пришлось убедиться, что сообщать правду о происходящем ему не будет позволено.

Эта до тех пор неизвестная история описана с неожиданной откровенностью в «Официальной Истории Газеты Таймс», вышедшей в 1952 году. В ней обнаруживается скрытый механизм, действовавший уже в 1917 году с целью предотвращения проникновения на Запад правды о русской революции. В книге высоко оцениваются репортажи Вильтона и его положение, как корреспондента в России, *до* 1917 года. После этого тон сообщений о нём вдруг резко меняется. Резкие предостережения Вильтона о том, что ожидает Россию в 1917 году, как пишется в истории Таймса, «не повлияли на политическую линию газеты, отчасти потому, что их автор не пользовался полным доверием».

Почему это вдруг он перестал «пользоваться полным доверием», если его прежние труды и репутация были столь отличными? Причины этого вскоре выясняются. Как пишется далее, Вильтон стал жаловаться, что его сообщения заминают и не печатают. После этого в «Таймсе» начали печататься статьи о России, написанные авторами, имевшими об этой стране весьма слабое представление. В результате и передовицы «Таймса» стали писаться в тоне, возмущавшим Вильтона и ставшем хорошо знакомым в течение последующих десятилетий, например: «кто верит в будущее России, как *свободной и действенной демократии* , *должен следить за укреплением нового режима с терпеливым доверием и искренним оправданием* ». (Заметим, что всё, происходившее с Вильтоном, как и всё, что пришлось испытать в Лондоне полковнику Репингтону, упоминавшемуся выше, повторилось на опыте автора этих строк и других журналистов в Берлине в 1933…38 гг.).

В России началось восьмимесячное междуцарствие, подготовившее переход власти от масона Керенского к чисто еврейскому режиму Ленина и Ко. Именно в это время Вильтон вдруг потерял «доверие» своей газеты, и о причинах этого в «Официальной истории Таймса» говорится: «*Вильтону весьма повредило* , что одно из его сообщений… произвело в *сионистских кругах* и даже в министерстве иностранных дел впечатление, *что он антисемит* ». В «сионистских кругах», как заметит читатель, даже не в коммунистических, сотрудничество тех и других становится здесь очевидным. С чего бы это вдруг «сионистам» (желавшим получить от британского правительства еврейский «очаг» в Палестине) надо было обижаться на то, что английский корреспондент в России сообщал о подготовке русских евреев к захвату там власти? Вильтон сообщал о характере этого процесса, и это было его обязанностью, как корреспондента. Однако, по мнению «сионистов», одно это уже было «антисемитизмом», а одного этого предположения было достаточно, чтобы издатели газеты потеряли к нему «доверие». Спрашивается, что он должен был делать, чтобы сохранить это «доверие»? Очевидно сообщать о событиях в России в ложном свете. От него ожидалось, ни много, ни мало, чтобы о самом главном из того, что происходило в России, он не писал ни слова!

Читая эту весьма вразумительную «Историю Таймса», автор задавал себе вопрос, какими путями «сионистские круги» смогли распространить в министерстве иностранных дел, а это министерство, в свою очередь, в редакции газеты мнение, что Вильтон — антисемит? Историки привыкли к тому, что, подобно одинокому золотоискателю, они затратят много труда, получив взамен очень мало, однако, в данном случае, автор был поражён, натолкнувшись на крупный самородок правды в «Официальной истории Таймса» через 35 лет после описываемых событий. В нём значилось, что *начальник отдела пропаганды* Форин Оффиса послал издателю Таймса сообщение одного из своих сотрудников, приводившее упомянутое выше обвинение (первоначально напечатанное, по всей видимости, в одном из сионистских листков). «Официальная История» даже называет фамилию этого усердного «одного из сотрудников». Им оказался некий молодой человек Реджинальд Липер, который 30 лет спустя (уже как сэр Реджинальд) стал британским послом в Аргентине. Автор этих строк поинтересовался с помощью «Who is Who» карьерой Липера, и нашёл, что его *первая* служба началась (в возрасте 29 лет) как раз *в*

---

[19] В годы войны Роберт Вильтон был корреспондентом при русской армии и, по собственному желанию, принимал участие в военных действиях. В одном из сражений под Барановичами в 1916 году он выказал такое мужества и хладнокровие, что, будучи штатским и в нарушение статутов ордена (по приказанию государя), был награждён солдатским георгиевским крестом.

1917 году : «поступил на службу в международный отдел Департамента информации (мин-ва иностр. дел) в 1917 году». Меморандум Липера о Вильтоне был послан в «Таймс» в начале *мая 1917 года* . Другими словами, если он начал служить в министерстве первого января, то когда он послал в «Таймс» донос на одного из его лучших сотрудников, проработавшего в газете 17 лет, его стаж государственной службы составлял ровно четыре месяца, чего оказалось, однако, достаточным для немедленного эффекта: «Официальная История» пишет, что с этого момента все сообщения Вильтона о решающем периоде в истории России либо не доходили по адресу, либо же *игнорировались* . Заметим снова, что издателем «Таймса» было то же лицо, на которое жаловался полк. Репингтон в 1917…18 гг. и кому автор этой книги послал в 1938 г. заявление об уходе по той же причине невозможности работать далее в согласии с правилами честного журнализма.

Некоторое время Вильтон продолжал бороться, протестуя против замалчивания и извращения его статей, а затем, в качестве последней услуги честному журнализму, он написал обо всём, что он к тому времени узнал, в своей книге. Он распознал и описал действия режима, показывавшие его особую сущность: закон против «антисемитизма», преследования христиан и христианства, канонизацию Иуды Искариота и талмудистский отпечаток пальцев на стене полвала, где были убиты Романовы.

Таким «отпечатком пальца» был уже один только «закон» против антисемитизма, не поддающегося, как известно, юридическому определению. Этим «законом» незаконное само по себе и открыто еврейское правительство предупреждало русский народ, чтобы под угрозой смерти он не смел бы интересоваться авторами и источниками революции, как и теми, кто им управлял. Фактически это означало, что Талмуд стал законом для России, а за последовавшие 40 лет он стал во всё более широких масштабах превращаться в закон для жизни всего Запада (написано в 1955 г. — *прим. перев.*).

Краткосрочная антихристианская фаза французской революции возродилась теперь в открытой форме. Взрывание соборов динамитом и устройство антирелигиозного музея в храме Василия Блаженного были только наиболее демонстративными проявлениями характера режима, о котором Вильтон писал: «В общей численности населения евреи представляют *одну десятую* [20], в числе комиссаров, правящих Россией, их *девять* из десяти, а скорее всего ещё больше». Это был репортаж, простое изложение факта, и никому не пришло бы в голову возражать, если бы то же самое было сказано, предположим, об «украинцах», вместо «евреев»; сообщение о факте стало поводом для тайного доноса только потому, что факт этот имел отношение к еврейству. Возвеличение Иуды Искариота, о чём писал Вильтон, было ещё одним умышленным предостережением христианству. Если бы целью еврейских правителей было всего лишь построить в 1917 году общество на началах всеобщего равенства, то незачем было бы создавать ореол героизма вокруг факта, имевшего место в 29 г. по Р. Х.; русской революции не понять вообще, не уяснив себе символического значения этого акта.

На массовых убийствах этого периода лежит неизгладимая печать талмудической мести «язычникам». В августе 1918 года еврей-студент Канегиссер застрелил чекиста, еврея Урицкого, после чего еврей Якоб Петерс — председатель петроградской Чека — приказал начать «массовый террор» против *русских* , а другой еврей — Зиновьев — потребовал, чтобы были уничтожены десять миллионов русских людей; Белая Книга британского правительства о большевизме (1919) свидетельствует о последовавших за этим массовых убийствах русских крестьян. Наиболее знаменательном представляется форма, приданная убийству семьи Романовых. Без Вильтона правда об этом никогда бы не стала известной внешнему миру, который вероятно до сегодняшнего дня ещё верил бы, что царская семья закончила свои дни естественным путём, где-либо под «домашним арестом»[21].

---

[20] Доля еврейского населения в России была гораздо меньшей: перед первой мировой войной в стране, включая польские губернии, проживали около 4,5 млн. евреев, что составляло менее 3% от почти 180-миллионного населения Империи. Антирелигиозные музеи существуют до сего дня в Исаакиевском и Казанском соборах в Ленинграде, они же организованы и в бесчисленных бывших православных храмах в провинции.

[21] Книга Роберта Вильтона была, разумеется, не единственным свидетельством о конце императорской семьи. В середине 20-х годов появилась книга следователя по особо важным делам Н. А. Соколова «Убийство царской семьи», представляющая собой документальный отчёт о следствии по делу о цареубийстве, произведённом после занятия Екатеринбурга белыми войсками в 1918 г. Этот труд до сего времени считается главным историческим источником по данному вопросу. Не успев даже закончить работы по изданию своей книги, Соколов, в возрасте всего лишь 42 лет, «внезапно скончался от разрыва сердца» в маленьком местечке во Франции; два месяца спустя, также во Франции и столь же неожиданно, умер и Роберт Вильтон. Известный русский историк С. П. Мельгунов использовал материалы Соколова в своём чрезвычайно обстоятельном труде «Судьба императора Николая II после отречения». Однако, Дуглас Рид прав с той точки зрения, что оба эти труда остались почтя неизвестными западному читателю.

В 1976 г. в Лондоне Вышла книга двух английских журналистов, Антоки Саммерса и Тома Мангольда, «Дело о царе»

Все действия царя были *конституционными* , включая его отречение по совету его министров 5 марта 1917 г. (н. ст.)[22]. После этого, в период правительства Керенского и некоторое время после него, с царской семьёй обращались сравнительно прилично в Тобольске, под охраной *русского* коменданта и *русских* солдат. В апреле 1918 г., по окончательном укреплении еврейского режима, императора и его семью по приказу из Москвы перевезли в Екатеринбург. Русские солдаты были внутри дома заключения царя заменены другими, личности которых никогда не были точно установлены. Местные русские считали их латышами, не зная других красных солдат, говоривших не по-русски, но похоже, что (по крайней мере часть из них) были бывшие австро-венгерские военнопленные, перешедшие на службу к большевикам. Русского коменданта в доме Ипатьева сменил еврей *Янкелъ* Юровский (7 июля 1918 г.), последнее звено в цепи еврейских тюремщиков, начиная от Москвы, через областной Уральский совет и до Екатеринбургской тюрьмы. Правителем России был правая рука Ленина, еврей-террорист Янкель Свердлов. Екатеринбургской ЧК управляли семь евреев, одним из которых был Янкель Юровский. 20 июля Уральский совет объявил, что по его постановлению царь расстрелян, а его жена и дети переведены «в безопасное место». ВЦИК в Москве выпустил аналогичное извещение за подписью Свердлова, «одобрявшее действия областного Уральского совета». К этому времени вся семья давно уже была убита.

Правда стала известна после освобождения Екатеринбурга белыми армиями 25 июля 1918 г. Генерал Дитерихс (нач. штаба белых армий), известный криминалист-следователь Н. Соколов и Вильтон раскопали зарытые улики. По отступлении белых Вильтон вывез из России эти доказательства совершённого преступления, которые воспроизведены в его книге снабжённой многочисленными фотографиями. Убийство было совершенно по приказу из Москвы при постоянной связи со Свердловым: были обнаружены записи его телефонных переговоров с чекистами в Екатеринбурге. Среди них было донесение ему из Екатеринбурга, гласившее: «Вчера выехал к Вам курьер с интересующими Вас документами». Курьером был главный убийца Юровский, а «документами», по мнению следствия, были головы убитых Романовых, т. к. ни черепов, ни черепных костей найдено не было.

Убийство было описано очевидцами, не успевшими скрыться, из которых по крайней мере один

(Anthony Summers & Tom Mangold, «The Fileon the Tsar»). Она представляет собой попытку пересмотра материалов Соколова, хранящихся в архиве Гарвардского университета в США; результаты этого пересмотра, следовательно, могут быть проверены, что должно бы стать задачей А. И. Солженицына, работающего над изданием исторических Материалов о русской революции.

Книга Саммерса и Мангольда, несомненно являющаяся результатом работы большой группы квалифицированных лиц, приходит к выводу, что Соколов использовал только те части противоречивого следственного материала, которые свидетельствовали об убийстве всей императорской семьи в подвале Ипатьевского дома, отбросив веские указания на то, что дело обстояло совершенно по-иному: 16 июля 1918 г. из Ипатьевского дома были увезены государь и наследник; русский царь был расстрелян чекистами за городом, в то время как о судьбе наследника нет ни малейших следов. Императрица и великие княжны были увезены в Пермь, где их видели несколько свидетелей, и вероятно были убиты, неизвестно где и как, лишь после революции в Германии (ноябрь 1918 г.), когда отпал вопрос о возможной их выдаче по требованию немцев. По увозе всех членов царской семьи, в подвале Ипатьевского дома были, по-видимому, убиты сопровождавшие их в заключении лица.

Из книги «Дело о царе» явствует также, что вытащенная 17 февраля 1920 г. из Ландверного канала в Берлине молодая женщина, пытавшаяся покончить самоубийством, действительно — вёл. княжна Анастасия Николаевна, которой удалось бежать из под стражи, вероятно ещё в Перми в 1918 г. Судебные процессы в Германии с целью установления её личности, по данным книги Саммерса и Мангольда, производят впечатление, что их задачей было не допустить её идентификации, что наводит на мысль о «непреодолимом давлении» и в этом вопросе с заинтересованной стороны. Как известно, загадочная «Анна Андерсон» скончалась в марте 1984 г. в Шарлоттвилле, штат Вирджиния, США, будучи последние годы женой американского историка, профессора Манагана, давшего ей своё имя и возможность дожить последние годы в покое. Трудно сомневаться в том, что на основании показаний своей жены, проф. Манаган мог бы обогатить историческую литературу заключительной главой о судьбе царской семьи. Если этого сделано не будет, то останется предположить, что «непреодолимое давление» сделало и здесь своё дело.

[22] Это утверждение весьма неточно. Отречение императора Основными законами Российской империи не предусматривалось, отречение же за сына прямо воспрещалось. Император Николай II отрёкся не «по совету его министров», а по настоянию высших военных (прав на то не имевших и никем не уполномоченных) в результате шантажа со стороны Думы, председатель которой (Родзянко) представил беспорядки в Петрограде, как «революцию». Отказ вёл. кн. Михаила Александровича, в пользу которого состоялось отречение, от престола (3/16 марта 1917 года в доме князя Путятина на Милионной улице № 12 в Петрограде) «до решения Учредительного Собрания», русскими законами вообще не предусмотренного, явился результатом нажима со стороны, главным образом, Керенского и Родзянко; первый был одним из влиятельных масонов, давно подготовлявших заговор против монархии, второй же, по меньшей мере, участвовал в заговоре (совместно с начальником штаба Государя, генералом Алексеевым), дезинформируя Ставку о положении в столице.

был его участником. В полночь 16 июля Юровский разбудил царя и его семью, отведя их в подвал на расстрел. Непосредственными убийцами были сам Юровский, семь помогавших ему неизвестных иностранцев, некий Никулин из местной Чека и двое русских, по-видимому палачей, служивших в ней. Жертвами были царь, его жена, больной сын (отец держал сына на руках, т. к. он не мог ходить), четыре дочери царя, русский врач, камердинер царя, повар и горничная императрицы. Когда Соколов и Вильтон прибыли на место преступления, подвальная комната всё ещё представляла собой кровавую бойню со следами выстрелов и штыковых ударов, и в книге Вильтона приведены её фотографии. Выяснив обстоятельства преступления, следственная комиссия безуспешно пыталась разыскать тела или хотя бы останки убитых; стало известно, что перед бегством красных из города Юровский хвастал, что «мир никогда не узнает, что мы сделали с трупами». Однако, в конце концов земля выдала свои тайны. Тела были отвезены на грузовиках к заброшенному руднику в лесу, разрублены на куски и сожжены, на что потребовалось около 600 литров бензина. Некий Войков из Уральской ЧК, в своё время ехавший в одном поезде с Лениным из Германии, доставил в качестве комиссара по снабжению 400 фунтов серной кислоты для растворения костей. Пепел и останки были сброшены в шахту, после того, как лёд на её дне был пробит с тем, чтобы всё ушло под воду: затем в шахту спустили деревянный настил, укрепив его над останками. Когда настил был поднят, поиски пришли к концу. Сверху лежал труп собачки, принадлежавшей одной из великих княжон; под ней были найдены остатки костей и кожи, отрубленный палец и много личных вещей убитых, избежавших уничтожения. Одной из находок была странная коллекция гвоздей, монет, кусочков фольги и пр. Она выглядела, как содержимое карманов школьника, и она им и была. Английский учитель наследника, Сидней Гиббс, смог опознать эту находку. Меры предосторожности с целью уничтожения трупов и сокрытия следов преступления указывали на многолетний опыт профессиональных преступников: они весьма напоминали методы войны между отдельными бандитскими шайками в США в эпоху «сухого закона». (Это — версия Соколова-Вильтона; см. примечание 5 к настоящей главе).

Эти находки показали всему миру лживость официального сообщения советского «президента» Свердлова, что якобы один только царь был «казнён», а его семья переведена в «безопасное место». Позже убийцы инсценировали показной процесс «по обвинению 28 лиц в убийстве царя и его семьи». Сообщены были только 8 имён, ни об одном из которых ничего в связи с убийством известно не было: пятеро из них якобы были расстреляны, но если они действительно вообще существовали, то принимать участия в цареубийстве они не могли. Главный убийца, Свердлов, был позже сам убит во время каких-то партийных беспорядков, и тысячи невинных стали жертвами последовавших за этим массовых репрессий. Дабы увековечить его участие в символическом акте цареубийства, Екатеринбург был переименован в Свердловск.

Главной причиной нашего столь подробного описания погрома над семьёй Романовых было показать «отпечаток пальцев», оставленный в застенке, где он произошёл. Один из убийц, вероятно их главарь, задержался в подвале, наслаждаясь видом сделанного, и оставил многозначительную надпись на стене, покрытой похабными и издевательскими надписями на еврейском, венгерском и немецком языках. Это было двустишие, намеренно связывавшее сделанное с «законом» Торы-Талмуда, и представлявшее его потомству как выполнение этого закона и образец еврейской мести, как она требовалась со времён левитов. Оно было написано по-немецки и пародировало строки еврейско-немецкого поэта Генриха Гейне о смерти Валтасара, не существовавшего в действительности владыки, убийство которого изображается в Книге *Даниила* , как Божье наказание за оскорбление Иуды:

«Belzasar ward aber in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht».

Писавший, глумливо оглядывая картину бойни, приспособил эти строки к тому, что он только что сделал:

«Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht».

Никогда ещё ключ к мотиву преступления и к личностям преступников не был оставлен на месте с такой откровенностью.

Революция не была «русской», она была взрывом мировой революции, произведённым в России, но её агенты занимали руководящие посты повсюду. В период 1917—18 гг. впервые обнаруживается,

что ведущие политики, до тех пор поддерживавшие сионизм, теперь начинают помогать и его кровному брату — коммунизму. Это происходило по *обе* стороны фронтов первой войны: как только начали проявляться тайные, но явно доминирующие цели войны, все различия между «друзьями» и «врагами» стёрлись. Сионисты, продолжая оказывать «непреодолимое давление» на политиков Лондона и Вашингтона, в то же время сохраняли свою штабс-квартиру в Берлине; коммунисты получали решающую поддержку как из Германии, так и от её врагов.

Так например, когда началась война 1914—18 гг., Германия стала «посылать обратно в Россию русских революционеров, бывших пленных, снабжая их паспортами и деньгами, чтобы они вызывали беспорядки у себя на родине» (донесения американского посла в Берлине Герарда «полковнику» Хаузу). Роберт Вильтон пишет, что «*решение вызвать революцию* в России было официально принято на заседании германо-австрийского Генерального штаба в Вене в конце 1915 года. Впоследствии начальник германского генерального штаба генерал Людендорф сожалел о принятом решении: послав Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя… большую ответственность. *С военной* точки зрения его отправка была оправдана, так как нужно было ослабить Россию: нашему правительству нужно было принять меры, чтобы мы сами не оказались втянутыми в её крушение». Как отдельный случай, это могло бы быть простой человеческой ошибкой: что казалось разумным с *военной* точки зрения, повело к катастрофическим *политическим* последствиям, которые не могли быть предвидены. Но какое объяснение может быть найдено действиям американских и британских политиков, чьим главным *военным и политически* м правилом должна была быть поддержка России, вместо чего они однако поддерживали чуждых ей революционеров, разрушивших страну?

Мы уже упоминали, как в передовицах «Таймса» изображалась русская революция («…свободная и действенная демократия… оправдание нового режима… и т. д.), в то время, как сообщения его опытного корреспондента игнорировались, а к нему самому вдруг было „потеряно доверие“ после того, как газета получила намёк, что он был „антисемитом“. На другой стороне Атлантического океана истинный правитель Америки, Хауз, доверял своему дневнику совершенно аналогичные чувства. Иностранные революционеры, контрабандой заброшенные в Россию *с Запада* во время войны («…шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки» — Черчилль) были в его глазах честными аграрными реформаторами: «Большевики были в глазах русских, желавших мира и земли, первыми политическими руководителями, которые искренне старались удовлетворить их „нужды“.

Сегодня все знают, что случилось под властью большевиков с русскими, «желавшими земли». Царь и его министры в течение полувека до 1917 года трудились над тем, чтобы удовлетворить эти желания, несмотря на все попытки революционеров помешать этому путём покушений и убийств. Г-ну Хаузу всё это было неизвестно. Когда совершилась революция, он указал своему послушному президенту, что «больше абсолютно ничего не нужно делать, кроме как заверить Россию в нашей симпатии к её попыткам установить *прочную демократию* , и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку». (Для настроений, господствовавших в окружении американских президентов на протяжении последующих двух поколений, характерно, что в 1955 г. президент Эйзенхауэр, лёжа в больнице в Денвере, послал советскому премьеру Булганину личное поздравление с годовщиной *большевистской* революции 7-го ноября, хотя «демократическая» и «парламентарная» революция, узаконенная отречением царя от престола, произошла в марте 1917 года; 7-ое ноября было днём свержения большевиками демократического режима. К 1955 г., однако, американские президенты давно уже предупреждали свой народ об угрозе советской или коммунистической, т. е. большевистской агрессии).

Сходство между началом фразы Хауза и упомянутыми выше формулировками в передовицах «Таймса» бросается в глаза; влиятельные закулисные группы в обеих столицах сговорились рисовать широким массам картину зарождавшейся «прочной» и действенной» *демократии* . Вторая часть той же фразы отменяла первую её часть, рекомендовавшую «не делать абсолютно ничего» кроме выражения «симпатии», предлагая теперь фактически делать буквально *всё возможное* для поддержки нового режима: спрашивается, что можно было сделать больше, чем «оказать всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку»? Такова была американская политика в отношении революционной России с момента, когда Хауз дал свои указания президенту, и она точно соответствует политике Рузвельта во время *второй* мировой войны, как это будет показано в дальнейшем.

Так Запад, вернее его власть имущие, стали союзниками мировой революции — против русского народа, другими словами против всех, для кого революция была неприемлемой. Не все, стоявшие тогда

или ставшие впоследствии у власти, принимали участие в этом тайном сговоре. В то время Уинстон Черчилль ещё характеризовал революцию следующими словами: «Разумеется я не признаю права большевиков представлять собой Россию… Они презирают столь банальные вещи, как национальность. Их идеал мировая пролетарская революция. Большевики одним ударом украли у России её два наиболее ценных сокровища: мир и победу, ту победу, что уже была в её руках, и тот мир, которого она более всего желала. Немцы послали Ленина в Россию с обдуманным намерением работать на поражение России… Не успел он прибыть в Россию, как он стал *приманивать к себе то оттуда* , *то отсюда подозрительных субъектов из их потайных убежищ в Нью-Йорке* , *Глазго, Берне и в других странах* » (читатель заметит, откуда были привезены в Россию «русские» революционеры), «и он *собрал воедино руководящие умы могущественной секты* , *самой могущественной секты во всём мире … Окружённый* этими силами, он начал действовать с демоническим умением, разрывая на «куски всё, чем держались русское государство и русский народ. Россия была повержена. Россию нужно было повергнуть… Её страдания несравненно ужаснее, чем о них пишется, и у неё украли место, принадлежавшее ей среди великих народов мира» (речь в Палате общин 5 ноября 1919 г.). Слова Черчилля сохраняют своё значение по настоящее время, в особенности его фраза о «самой могущественной секте в мире», напоминающая то, что за 50 лет до него сказал Бакунин, обвиняя евреев в узурпации революции. Мы уже цитировали в этой главе статью Черчилля, также показывавшую, что ему было ясно, из кого состояла эта секта.

Так в то самое время, когда Хаим Вейцман праздновал свой триумф в Лондоне и Вашингтоне, его товарищи-конспираторы из талмудистских местечек России одержали победу в этой стране. Из слов самого Вейцмана ясно, что с самого начала между ним и ими была одна только разница: он был «революционер-сионист», а они — «революционеры-коммунисты». В свои студенческие годы в Берлине, Фрейбурге и Женеве он участвовал в многочисленных жарких спорах на тему об этом различии, которое для тех, кто отвергает революцию, как таковую, не имеет вообще значения. Биограф Бальфура, г-жа Дагдейл, описывает споры этих двух кровных братьев революции в те годы, когда подготовлялся их одновременный триумф: «Ленин и Троцкий, пришли к власти в ту же неделю в ноябре 1917 года, когда добился своего признания и еврейский национализм. За много лет до того Троцкий и Вейцман провозглашали свои противоположные политические взгляды в соперничающих кафе университетского квартала Женевы. Оба рождённые в России …они тащили *толпы еврейских студентов* с одной стороны улицы на другую: Лев Троцкий — апостол красной революции, Хаим Вейцман — апостол нерушимой двухтысячелетней традиции. По одному из самых странных совпадений, в течение одной и той же недели и тот, и другой завершили осуществление своей мечты». В действительности же, речь шла о клешах, в которые должна была быть захвачена Европа, и ручки этих клешей держались каждая одной из двух групп «русских» революционеров, менее всего бывших русскими.

В одном только отношении события в России причинили временные затруднения Вейцману и его сообщникам в Лондоне и Вашингтоне. Они требовали Палестину, «как убежище» Для евреев, которых якобы «преследовали в России» (явная выдумка, но достаточно удобная для обмана «черни»), а теперь вдруг оказывалось, что никакого «преследования в России» больше нет. Наоборот, в Москве правил еврейский режим, а «антисемитизм» был объявлен тяжким преступлением. Где же тогда были евреи, нуждавшиеся в убежище? (Это явно и было причиной того, почему надо было помешать Вильтону уведомить мир о характере нового режима в России). По свидетельству раввина Эльмера Бергера, советское правительство *поставило евреев как таковых в привилегированное положение* …. одним ударом революция эмансипировала тех самых евреев, которым раньше *по утверждениям их сионистских представителей* , не могло помочь ничто, креме сионизма. *Советские евреи не нуждались больше ни в Палестине* , *ни в каком либо ином убежище* . *Рычаг* страдающего русского еврейства, которым так часто пользовался Герцль для поддержки требования Палестины у тех или иных держав, *вдруг перестал существовать* .» Но и это не стеснило Вейцмана. Немедленно же он уведомил своих евреев, что никакой передышки не будет: «Некоторые из наших друзей… торопятся с выводами по вопросу, что будет с сионистским движением после русской революции. Сейчас, дескать, исчез главный стимул сионистского движения, российское еврейство свободно… Нет ничего более поверхностного и ошибочного. Мы *никогда не строили наше сионистское движение на страданиях нашего народа в России или в других местах* . *Эти страдания никогда не были причиной сионизма* . Основная причина сионизма была и есть неискоренимое стремление еврейства иметь свой собственный дом». Это было ложью, но в ней содержалась и правда. Совершенно верно, что организаторы сионизма в глубине души никогда не основывали своего движения на «страданиях нашего народа в России или в других местах»;

всякие страдания, вызываемые самим сионизмом — еврейские или не-еврейские — были им также безразличны. Но не подлежит никакому сомнению, что осаждая западных политиков, они *использовали* аргумент «страданий нашего народа в России», поскольку эти политики, начиная с Вудро Вильсона в 1912 г., неоднократно этот аргумент выдвигали.

В ходе этой критической недели мировой истории фальшивость сионистских требований хотя и стала очевидной, но не могла больше иметь никакого значения, т. к. по свидетельству г-жи Дагдейл, британское правительство давно уже добровольно связало себя *обязательствами* в этом вопросе. Даже как предлог, невозможно было больше утверждать, будто бы какие-то евреи нуждались ещё в «убежище», однако Ллойд Джордж предпринял завоевание Палестины для евреев». Основная гнилость всего сионистского предприятия обнаружилась в тот самый момент, когда оно было, как жёрнов, повешено на шею Запада. Хотя этот неизлечимый порок в его фундаменте должен неизбежно привести в конце концов к провалу, подобно мессианству Саббатая Цеви в 1666 г., сионистскую трагикомедию пришлось с тех пор разыгрывать до самого её разрушительного конца.

Тем не менее, это гнилое предприятие вероятно умерло бы естественной смертью через несколько лет, оставшись в анналах истории лишь как «Бальфурова глупость», если бы ему на помощь не пришло совершенно новое явление. Этим явлением был приход Гитлера к власти, заполнивший на некоторое время брешь в сионистской крепости после провала легенды о «еврейских страданиях в России» и породивший у некоторых евреев желание ехать даже в Палестину. Не будь Гитлера, сионистам пришлось бы его выдумать; с его помощью дышавшая на ладан затея на время оживилась. Гитлеровский эпизод будет описан в одной из позднейших глав этой книги.

Глава 33
«Лига принуждения к миру»

В то самое время в 1917 г., когда две родственные силы из России — революционный коммунизм и революционный сионизм — вышли на открытую арену, выявилась и третья тайная цель войны, орудиями которой были обе эти силы. Это был план создания «всемирной федерации» с целью «управления делами человечества», и притом управления *путём насилия* . Широким массам внушалось тогда (как и во Время второй мировой войны, 25 лет спустя), что нужно уничтожить «берлинского сумасшедшего» по той самой причине, что он будто бы намеревался управлять миром посредством насилия. Некий Иден Фильпотс в Англии, один из множества подобных оракулов тогда и в голь; второй войны, произносил громовые речи по адресу кайзера: «Вы собирались *завладеть миром* , но вы получите только его проклятия, которые падут на вашу голову…» и то же слышалось во всех концах мира. Но задуманный на Западе тайный план точно так же собирался «завладеть миром», только посадив ему на шею совершенно иных властителей.

Всё это облекалось лишь в иную словесную форму. Что в Германии было реакционным прусским милитаризмом, то в Вашингтоне называлось «передовыми идеями» полковника Хауза; что у кайзера было манией величия, то в Лондоне превращалось в просвещённую концепцию «нового мирового порядка». Политики Запада стали профессиональными лицемерами. Даже Дизраэли, который в 1832 г. писал, что «политическую практику на Востоке можно определить одним словом — лицемерие», не мог предвидеть, что то же самое в 20-м веке станет характеристикой политической практики и на *Западе* , однако, именно это произошло, когда политические деятели Запада, поддерживая сионизм и мировую революцию, уступили нажиму еврейских азиатов; их действия потеряли присущую Европе прямоту, заменив её азиатским двуличием.

Даже самый податливый из них, Вудро Вильсон, по началу раздражённо протестовал против этого тайного принуждения. Он попробовал было, как уже упоминалось, заявить, что «причины и цели войны неясны», а когда Хауз ему это запретил, он всё ещё пробовал настаивать, что обе воюющие стороны, дескать, преследуют «одни и те же» цели. В самом начале своей президентской карьеры он даже пошёл ещё дальше, заявив: «Совершенно нетерпимо, что *правительство республики вышло так далеко* из подчинения своему народу, что оно вынуждено *служить частным интересам* , *а не общим* . Нам известно, что кто-то втискивается между народом Соединённых Штатов и *управлением его делами* в Вашингтоне». Похоже, что характер этих «частных интересов» и этого «управления делами» народа не остался от него скрытым, и это горькое знание в конце концов ускорило его смерть (как и смерть президента Рузвельта в последующем поколении). Как бы то ни было, его использовали для привидения в жизнь планов «всемирной федерации», основанной на насилии. Эту идею ему «влили в голову», как выражается его биограф, характеризуя методы внушения, которыми пользовался Хауз для руководства

действиями других людей, и которые руководили и его собственными. В ноябре 1915 года, когда американский народ всё ещё стоял за президента, обещавшего не ввязываться в войну, Хауз поучал его: «Нам нужно употребить всё влияние нашего народа в мире для поддержки плана, обеспечивающего выполнение международных обязательств, и также плана, который мог бы обеспечить мир во всём мире».

Так опытные продавцы навязывают покупателям свой товар: «план», который «обеспечит мир во всём мире». Хауз давно уже обсуждал этот план с сэром Эдвардом Грэем (министр иностранных дел в правительстве Асквита; в 1914 году он ослеп, но в один из моментов духовного ясновидения в том году он произнёс слова, справедливость которых становится чем дальше, тем яснее: «В Европе погасли огни»). План Хауза воодушевил Грэя и он написал ему: «Международное право до сих пор *не знало санкций* , уроком этой войны будет, что великие державы обяжутся снабдить его *санкциями* ». Пользуясь невинным словом «санкции», политические лицемеры избегали тревожить общественность угрозой слов «война» или «насилие». В словарях «санкции» определяются, как «принудительные меры», а единственным средством принуждения между государствами, в конечном итоге, является война: никакая «санкция» не может быть эффективной, если её не поддерживает угроза применить военную силу. Другими словами сэр Эдвард Грэй считал, что покончить с войной можно лишь путём войны. Он сам несомненно был человеком неподкупным, но его явно ввели в заблуждение: авторы этой грандиозной «идеи» хорошо знали, чего они хотят (в наши дни это выявилось с полной ясностью).

К 1916 году Вильсону стало с помощью Хауза ясно, в чём заключались его обязанности, и в мае президент публично заявил о своей поддержке нового «плана» на митинге вновь созданной организации с откровенным названием «Лига *принуждения к* миру». О том, что это за организация, он по словам того же Хауза, явно не имел ни малейшего понятия: «Не похоже, чтобы Вудро Вильсон всерьёз ознакомился с программой Лиги принуждения к миру» («Частные записки» Хауза). Новая лига была перевоплощением прежней «Лиги» под тем же названием, которая, как в своё время говорил Хаузу лорд Роберт Сесиль, «фактически стала *лигой утверждения тирании* ». В 1916 году название «лиги» выдало её истинные намерения и американское общественное мнение разгадало столь очевидную ловушку. Сенатор Джордж Пеппер писал впоследствии: «Эта *щедро финансируемая организация* под весьма подходившим названием «Лиги принуждения к миру» облегчала нашу задачу, поскольку само название выдавало намерение обеспечить выполнение устава (Лиги Наций) с *помощью силы* … мы же постоянно повторяли, что *призыв к силе* в лучшем случае бесполезен, а в худшем — опасен… Я противопоставлял явную бесполезность *призывов к международной силе* возможным успехам международных переговоров, сказав, что буду поддерживать любые объединения последнего характера, но буду неизменно против всякой лиги, основанной на первом принципе». Политическим лицемерам вскоре пришлось отказаться от «Лиги принуждения к миру», но «план», приведший к созданию «Лиги Наций», явно остался без изменений, он предусматривал передачу национальных вооружённых сил под команду некоего сверх-национального комитета, который мог бы использовать их для «управления делами человечества» в своих собственных целях и интересах, что и остаётся мотивом этого плана до наших дней. Как и в своё время в вопросе сионизма, Вильсон связал себя обязательством (своей публичной декларацией в мае 1916 г.) задолго до решающего момента; как только Америка вступила в войну (апрель 1917 г.), он объявил, что его страна примет участие в создании «*нового международного порядка* ». Это было заявлено в тот момент, когда в России совершалась первая революция, а в Англии подготовлялась «декларация Бальфура».

Так три «плана» вторглись совместно в жизнь Запада, и последний должен был увенчать труды обоих других. Его основным принципом было разрушение национальных государств и национальностей вообще, чем в современных формах выражался извечный конфликт между Ветхим и Новым Заветами, между «законом» левитов и христианством. Кроме Торы-Талмуда невозможно обнаружить иного, первоначального источника *идеи* «уничтожения наций»; хотя по мнению «полковника» Хауза проследить источники той или иной «идеи» якобы не представляется возможным, но в данном случае эти следы *могут* быть обнаружены, идя назад столетиями до 500 г. до Р.Х., и они нигде не прерываются на протяжении 25 веков. Если до того кто-либо в известном нам мире сделал этот «принцип разрушения» своим кодексом и верой, то и авторы и их творение с тех пор бесследно исчезли. *Идея* , содержащаяся в Торе-Талмуде, однако, прошла неизменной через все поколения. Новый Завет отвергает её, говоря об обмане и «обольщении народов», но он не предсказывает их уничтожения. Христианское *Откровение* предсказывает день, когда этот процесс обольщения народов придёт к концу. Желающие толковать пророчества вольны видеть в «Лиге принуждения к миру» под её последовательными псевдонимами орудие этого «обольщения», в конце концов осуждённого на провал.

После того, как Хауз решил, а Вильсон объявил, что должен быть установлен «новый международный порядок», Хауз (согласно его биографу Хоудену) назначил «следственную комиссию» для выработки проекта этого «порядка». Председателем стал еврей — шурин Хауза, д-р Сидней Мезес (в то время директор Нью-йоркского колледжа), а секретарём небезызвестный впоследствии Уолтер Липман, сотрудник «либерального журнала „The New Republic“. Третьим в этой еврейской компании (хотя на этот раз и не „русских“ евреев) был директор Американского Географического Общества д-р Исайя Боумен, дававший „личные советы и помощь“. Здесь мы снова видим в действии тот „еврейский интернационал“, о котором пишет Кастейн, что даёт понятие о характере созданного руководящего учреждения и выдаёт еврейское вдохновение в выработанном им „плане“. Как пишет Хоуден, это был проект „конвенции Лиги Наций“, под которым *Хауз* поставил свою подпись в июне 1918 г., «Президент Вильсон *не был автором конвенции* , и никогда не претендовал им быть». Таково было происхождение Лиги Наций. Мирная конференция была не за горами, когда Хауз стал подготовлять спуск на воду своего «нового мирового порядка», первые же проявления которого показали, кто стоял за спиной западных правительств. Сионизм и Палестина, о которых общественность не имела даже понятия, когда началась мировая война, неожиданно для неё стали важными, если не главными вопросами на повестке дня конференции, окончательно оформившей новый «порядок».

Президенту Вильсону, как обычно находившемуся в состоянии постоянного уныния, всё это подарило на время некоторый подъём духа. Равви Стефен Уайз не отходил от него и рисовал палестинское предприятие такими красками, что восхищённый президент говорил сам с собой: «Подумать только что я, сын простого пастора, смогу помочь возвратить Святую Землю её народу». Пока он любовался собой в зеркале будущего, неразлучный раввин сравнивал его с «персидским царём Киром, который позволил изгнанным евреям вернуться в Иерусалим». Вспомним, что царь Кир разрешил прирождённым иудаитам, если они хотят, вернуться в Иудею после пятидесятилетнего изгнания; от президента Вильсона требовалось ни много, ни мало, как переселение ожидовленных хазар из России в землю, которую настоящие евреи покинули 18 веков тому назад.

На другом берегу Атлантического океана Хаим Вейцман готовился тем временем к Версальской мирной конференции. Он уже явно был одним из могущественнейших людей в мире, суверенный владыка (или полномочный эмиссар таковых), перед которым делали реверансы «премьеры-диктаторы» Запада. Однажды в 1918 году, когда судьба Англии решалась на пошатнувшемся западном фронте, его аудиенцию у английского короля решили было отложить. Однако д-р Вейцман столь настоятельно пожаловался Бальфуру, что она немедленно состоялась; за исключением того, что встреча происходила в Бэкингемском дворце, всё указывало на то, что аудиенцию давал не король Вейцману, а Вейцман королю. Как известно, во время Второй мировой войны советский диктатор Сталин, в ответ на просьбы политиков учесть влияние Папы Римского, задал бесцеремонный вопрос: «Сколько дивизий у Папы?» Так, по крайней мере, гласил анекдот, часто пересказывавшийся в клубах и пивных, и, по мнению простого народа, в этих немногих словах заключалась истинная правда. Пример Вейцмана показывает, насколько это было *неправдой* . У него не было ни одного солдата, однако он и представляемый им интернационал в состоянии были одерживать победы, которые до тех пор давались одним лишь армиям завоевателей.

Он в равной степени презирал как тех, кто перед ним капитулировал, так и сцену собственных побед, и писал как-то леди Крю: «Мы равно ненавидим и антисемитов, и *филосемитов* ». Бальфур, Ллойд Джордж и прочие «друзья» были в понимании доктора Вейцмана филосемитами высшей марки, стремясь перещеголять друг друга в услужливости тому, кто их презирал. Что же касается самой Англии, то 20 лет спустя, любуясь дикими зверями в Крюгеровском Национальном Парке, Вейцман философствовал: «Как хорошо быть *зверем* в южно-африканском заповеднике; куда лучше, чем евреем в Варшаве *или даже в Лондоне* ».

В 1918 году Хаим Вейцман решил осмотреть свои будущие впадения. К тому времени, когда он прибыл в Палестину, началось весеннее германское наступление во Франции, ослабленные британские армии отступали, «большая часть европейских войск в Палестине перебрасывалась для полкрепления армий во Франции». В такой момент Вейцман потребовал, чтобы закладка Еврейского университета состоялась со всей пышностью публичной церемонии. Лорд Алленби протестовал, указывая, что «немцы почти у ворот Парижа». Но д-р Вейцман ответил, что это «всего лишь незначительный эпизод». Лорд Алленби упорствовал; доктор Вейцман настаивал; Алленби пришлось обратиться к Бальфуру, который *немедленно послал телеграфное указание подчиниться* . С большой помпой Хаим Вейцман отпраздновал свою церемонию на горе Скопус перед свитой из штабных офицеров и при солдатах, взявших на караул, чему мешал разве лишь отдалённый гром сражения между английскими и

турецкими армиями. Автор хорошо помнит эти дни во Франции. Даже полмиллиона лишних британских солдат изменили бы ход сражения; множество жизней было бы сохранено, и война вероятно окончилась бы раньше. Тяжёлые потери французов и англичан во Франции оплатили сионистский праздник в Палестине.

Когда война кончилась, 11 ноября 1918 г., *единственным* гостем, приглашённым по этому торжественному случаю на завтрак к Ллойд Джорджу, был никто иной, как тот же д-р Вейцман, заставший своего хозяина «читающим Псалмы почти со слезами в глазах». После этого сионистский главарь наблюдал из окна исторического дома № 10 по Даунинг Стрит, как беснующаяся толпа несла премьера на плечах на благодарственный молебен в Вестминстерском аббатстве. Тут перед нами народные массы и их «менеджеры». Заметил ли кто-либо из толпы большую, круглую голову с бородатым лицом и тяжёлыми веками вокруг глаз, наблюдавшую за ними из окна дома номер десять, по Даунинг Стрит?

После этого Вейцман возглавил сионистскую делегацию на Версальской-мирной конференции 1919 года, где должен был быть установлен «новый мировой порядок». Он уведомил всемогущий «Совет Десяти», что «евреи *пострадали от войны больше* , *чем какая-либо иная группа* », ни одному из политиков 1919 года не пришло в голову возразить против этого оскорбления миллионов погибших из числа их соотечественников. В последний момент, однако, со стороны оппозиционного еврея, некоего Сильвера Леви из Франции, была сделана попытка их образумить. Он указал, что во-первых, Палестина — маленькая и бедная страна, где живут 600 000 арабов, и что евреи, с их более высоким жизненным уровнем, *будут стараться их обобрать* , что во-вторых, переселяться туда будут *преимущественно русские евреи* , *известные своими революционными традициями* , и что в-третьих, создание еврейского национального очага в Палестине создаст *опасный прецедент двойной еврейской лояльности* .

Все три предостережения оказались буквально пророческими, но на мирной конференции 1919 года не-еврейские политики встретили их в штыки. Американский государственный секретарь Лансинг тут же поставил месье Леви на место, спросив д-ра Вейцмана: «Что Вы подразумеваете под еврейским национальным очагом?» Доктор Вейцман подразумевал, что *полностью обеспечивая интересы неевреев* , Палестина в конечном итоге станет *столь же еврейской* , *кок Англия — английская* ». Дансингу этот на редкость двусмысленный ответ представился «абсолютно ясным»; Совет Десяти одобрительно закивал головами, и месье Леви, как и все протестовавшие евреи в течение 25 веков до него, потерпели поражение. Само собой разумеется, что ему разрешили выступить только для сохранения декорума беспристрастного обсуждения. Раввин Уайз, обеспокоенный «трудностями, которые мы встретили в Париже», заранее обеспечил сговорчивость президента Вильсона, сказав ему сугубо частным порядком: «Госполин президент, *мировое еврейство* в этот час нужды и надежды рассчитывает на Вас», чем месье Леви и все евреи, разделявшие его мнение, оказались на положении отлучённых от церкви. Положив руку на плечо равви, Вильсон «спокойно и твёрдо сказал: „Не бойтесь, Палестина будет вашей“.

Был ещё один человек, старавшийся предупредить то, что так легкомысленно подготовляли эти люди. Полковник Лоуренс любил семитов, он долго жил с арабами и поднимал их теперь на борьбу с их турецкими властителями. Он был также и другом евреев (Вейцман писал, что «его *ошибочно* считали антисемитом») и полагал, что «еврейский очаг», в первоначальном его смысле, как культурными центр, легко мог бы быть включён в состав объединённого Арабского государства, за которое он боролся.

В Париже Лоуренс увидел, что там подготовлялось насаждение сионистского национализма, как бомбы замедленного действия среди сумятицы мелких арабских государств; это сломило его. Дэвид Гарнетт, издатель его известных «*Писем* » говорит: «Лоуренс одержал свои победы, подвергая опасности лишь малую горсточку англичан, и он одерживал их не для того, что бы прибавить новые провинции к нашей империи, но чтобы арабы, с которыми он жил и которых он любил, смогли стать свободными людьми, и для возрождения арабской культуры». Лоуренс жил этими надеждами во время своего «восстания в пустыне» и то же говорили ему те, кто послали его в Аравию. В начале Версальской конференции он «полностью владел своими нервами и был столь же нормален, как и любой из нас» (Дж. М. Кейнс). Он прибыл туда, поверив обещаниям президента Вильсона (в его «14-ти пунктах» от 8 января 1918 г.): «Народам под турецким владычеством должны быть обеспечены безусловная безопасность их существования и абсолютно независимые возможности автономного развития». Он не мог знать, что в этом заявлении не было ни одного слова правды, и что под влиянием своего окружения Вильсон давно уже втайне продался сионизму.

После приведённого выше ответа Вейцмана Лансингу, одобренного Советом Десяти, предательство стало для Лоуренса очевидным и им овладели «горькое разочарование и чувство поражения в результате мирной конференции; направляясь туда, он вполне доверял намерениям

Вильсона обеспечить арабским народам самоопределение; но он вернулся с конференции в полном отчаянии» (Гарнетт). Позже сам Лоуренс писал: «В этих бурных кампаниях (в пустыне) каждый из нас прожил много жизней, и мы не жалели себя, встречая хорошее и плохое; но, когда мы подошли к цели и занималась заря нового мира, *старики снова вышли на сцену* , *отобрав у нос победу и переделав её на знакомый им старый манер* … Я хотел создать новую нацию, вернув миру потерянную культуру и дать двадцати миллионам семитов основы, на которых они могли бы строить сказочный дворец своих национальных мечтаний». Лоуренс был совершенно сломлен всем пережитым, но стал впоследствии одним из известнейших людей в мире. Присоединись он к лицемерам, — не было бы почестей, в вторых ему было бы отказано. Однако он отказался от своего военного чина, выбросил свои ордена и от стыда пытался даже отказаться от себя самого, записавшись под чужим именем, как простой солдат, в британскую авиацию. где его потом обнаружил один из усердных газетных корреспондентов. Этот последний период его жизни и закончивший его несчастный случай с мотоциклом выглядят, как самоубийство, напоминая нам похожий период в жизни и смерти министра обороны США Джеймса Форрестола после Второй мировой войны[23]; Лоуренса также нужно отнести к числу мучеников истории.

Ведущие политики тех дней дружно поддерживали сионистскую авантюру с помощью «нового международного порядка», который они намерены были установить любыми средствами, не взирая на человеческие страдания и унижение. Они расходились во взглядах почти по всем *другим* вопросам, т. ч. не успела окончиться война, как в Париже репутации известнейших людей стали лопаться как мыльные пузыри, а узы дружбы рвались, как гнилые верёвки. Разрыв произошёл и между президентом Вильсоном и его «второй личностью, моим независимым я» (столь же таинственное отчуждение разлучило и президента Рузвельта с *его* «вторым я», Гарри Гопкинсом, в конце следующей мировой войны).

«Полковник» Хауз был на вершине славы. Премьер-министры, министры, послы и делегаты осаждали его в парижском отеле Крильон; в течение одного дня он дал 49 аудиенций этой высокопоставленной публике. Как-то французский премьер Клемансо зашёл, когда Хауз сидел с Вильсоном; президента попросили на время удалиться, чтобы не мешать совещанию двух великих людей. Не исключено, что именно эти унижения в конце концов сломили Вудро Вильсона, поражённого в Париже смертельной болезнью (как и Франклин Рузвельт в Ялте, хотя Вильсон прожил после этого несколько дольше). С тех пор оба никогда больше не встречались и не имели никакой связи друг с другом. Хауз кратко записал в своём дневнике: «Разрыв с Вудро Вильсоном был и остаётся для меня трагической загадкой, тайной, которую теперь никто больше объяснить не может, т. к. он унёс её с собой в могилу».

Иллюзии власти постепенно растворялись. В действительности эти люди никогда не обладали настоящей властью, будучи только орудием в чужих руках. В анналах истории остались их тени и, хотя парки и бульвары, названные в их честь, всё ещё носят их имена, лишь немногие помнят кем они были. Вильсон вернулся в Америку и скоро умер. Хауз был скоро также забыт, живя в одиночестве в своей Квартире на 35-ой улице в Нью-Йорке. Ллойд Джордж оказался в политической пустыне и смог лишь довести до окончательного упадка свою некогда славную либеральную партию: на протяжении одного десятилетия он стоял во главе четырёх сменивших её партий. Столь же забытый всеми Бальфур ещё несколько лет одиноко бродил по аллеям Сент-Джемского парка. Они явно не смогли удовлетворить все пожелания своих наставников. Энергичные протесты в Америке вынудили Вильсона «категорически отвергнуть французские требования создания международных вооружённых сил под командованием Лиги Наций». Президенту пришлось вспомнить, что американская конституция не разрешает передачи суверенных прав страны в чужие руки. Самого худшего на этот раз удалось избежать, по крайней мере в том поколении. Тайным властителям, *сохранившим* свою власть в то время, как все эти «премьеры-диктаторы» и гибкие «администраторы» лишились даже её *подобия* , пришлось ждать второй мировой войны, чтобы забрать в свои руки вооружённые силы народов. Лишь тогда им почти (но всё же не совсем) удалось создать свою «лигу принуждения к миру» во всей полноте деспотической власти, к которой они стремились. В 1919 году им пришлось довольствоваться скромным успеем

---

[23] Со времени написания этой книги выяснилось, что Форрестол стал жертвой заговора: убийцы проникли в палату морского госпиталя в Бетесда, где он лечился (при несомненном пособничестве «врачей»), оглушили его ударом по голове и выбросили из окна 16-го этажа на улицу. Печать немедленно подхватила версию о самоубийстве, вместе с легендой о «душевной депрессии», якобы его вызвавшей. См. Cornell Simpson, «The Death of James Forrestal, First Secretary of Defense», Belmont Mass., 1966.

первого опыта — Лигой Наций.

Соединённые Штаты не желали даже стать её членом; американская общественность, обеспокоенная результатом войны и инстинктивно стремившаяся остаться в надёжной гавани отказа от вмешательства в чужие дела, не хотела о ней даже слышать. Англия вошла в Лигу, но другие премьеры после Ллойд Джорджа отказались передать ей контроль над британскими вооружёнными силами. Путь к «новому мировому порядку» того сорта, которого добивались Хауз и его суфлёры, оказался на время закрытым. Тем не менее, им всё же удалось, используя Лигу Наций, пробить брешь в британском суверенитете, что повело к роковым последствиям, которые, возможно, ещё окажутся непоправимыми. Под прикрытием Лиги Наций, сколь сомнителен ни был её авторитет, британские войска были использованы, как телохранители сионистов, нацелившихся на Палестину. Для придания этой авантюре подобия законности, была изобретена система «мандатов», и выше было уже упомянуто, откуда она появилась. С её помощью Лига Наций смогла поселить русских сионистов в Аравии, где они очень скоро проявили «революционные тенденции», предсказанные Сильвером Леви в 1919 году и ясно видимые всем в наше время. В 1919 году это было единственным достижением «нового мирового порядка», и по древнему правилу криминалистики «cui bono», т. е. кому это преступление пошло на пользу, нетрудно угадать авторов этой «идеи».

Последующая глава нашей книги займётся историей этих «мандатов», а также и того человека, который пытался им помешать.

Глава 34
Конец лорда Нортклиффа

В течение трёх лет после мировой конференции 1919 года приходилось находить поводы, чтобы продолжать держать британскую армию в Палестине, якобы для выполнения почётной миссии, фактически же для прикрытия дела, носившего характер геноцида. Эта весьма нелёгкая проблема была успешно разрешена. Официальные документы раскрывают внушительную картину тайных манипуляций правительств великих держав с весьма гнусными целями: метод оказания «непреодолимого давления на международную политику» непрестанно совершенствовался на практике. После того, как Версальская конференция утвердила сионистские претензии на Палестину (списав тем самым со счёта эмансипированных западных евреев, от имени которых пытался возражать Сильвен Леви), следующим шагом было расчленение Турецкой империи странами-победительницами на конференции в Сан Ремо в 1920 году. Эта конференция использовала хитроумный трюк, придуманный Вейцманом ещё в 1915 году, предоставив Великобритании «мандат» на управление Палестиной. Протесты против этого предприятия заявлялись с самого начала и становились всё громче, поскольку его истинный характер становился всё более явным, но Бальфур заверил Вейцмана, что эти протесты «считаются не имеющими значения и *разумеется не повлияют на уже окончательно принятые политические решения* ».

Здесь перед нами снова одно из тех загадочных заявлений, столь часто повторявшихся впоследствии, что в одном только данном вопросе политика не должна быть, не может быть и никогда не будет изменена, причём национальные интересы, честь страны и все прочие соображения объявлялись не имеющими значения. Нам неизвестен ни один другой случай в истории, когда бы возможно было установить незыблемый принцип высшей государственной политики без учёта собственных национальных интересов и консультации общественного мнения в какой-либо стадии данного вопроса. Ллойд Джордж был в Сан Ремо главным образом обеспокоен, как бы «мороз» мирного времени не хватил раньше срока, поставив под угрозу достижение поставленных тайных целей, сказав Вейцману: «Вам нельзя терять времени. Сегодня весь мир — как Балтийское море *накануне замерзания* . Пока ещё оно в движении, но как только оно замёрзнет, Вам придётся биться головой об лёд в ожидании второй оттепели». Правильнее было бы сказать «второй войны», и вероятно именно это Ллойд Джордж и имел в виду, говоря об «оттепели». Неудивительно, что конференция в Сан Ремо «подтвердила декларацию Бальфура и *решение предоставить мандат Великобритании* ». После этого сионистам оставался только один шаг к достижению своей цели: Лиге Наций нужно было изобрести систему упомянутых «мандатов», наделить себя правом давать их другим, и затем «ратифицировать» британский мандат.

Это и произошло, как будет показано, в 1922 г., но в течение трёх лет протесты против этой сделки заявлялись всеми без исключения ответственными инстанциями или национальными группами, непосредственно ей затронутыми. Три силы всячески её поддерживали: руководящие русские

сионисты, «филосемиты» на высших постах, которых так «ненавидели», используя их, Хаим Вейцман, и те самые сентиментальные либералы, которые были столь язвительно охарактеризованы в «Протоколах». Против сделки ополчились авторитет и опыт в столь превосходящей силе, что будь этот вопрос иного характера, чем тот, которому тайно обязались служить наши «администраторы», он потерпел бы неизбежное поражение. Протесты были столь многочисленными, что мы перечислим их, прежде чем последовательно изложить их содержание. Протестовали: 1) палестинские арабы; 2) палестинские евреи; 3) главный *сионистский* лидер Америки, а также евреи-антисионисты Америки и Англии; 4) британские граждане и военные власти в Палестине; 5) британские и американские комиссии обследования; 6) значительная часть прессы, тогда ещё свободная от закулисного контроля.

1) Арабам было с самого начала ясно, *что* их ожидает, поскольку содержание Торы не было для них секретом. Хаим Вейцман заявил на мирной конференции: «Наш мандат — Библия», арабы же хорошо помнили «еврейского Бога» и его обещания погрома и вознаграждения: «Когда введёт тебя Господь, Бог твой в землю, в которую ты идёшь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы…, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя; и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их: *тогда предай их заклятию и не вступай с ними в союз и не щади их* » (Второзаконие VII, 1—2). Другими словами, сионизм и его поддержка Западом означали для арабов их уничтожение согласно предписанию «закона» двухтысячепятисотлетней давности, а последующие события 1948 года доказали реальность этой угрозы. В 1945 году король Ибн Сауд сказал президенту Рузвельту, что «вам пришлось с помощью двух мировых войн научиться тому, что мы знаем уже две тысячи лет», а в 1948 г. намерение *дословно* исполнить цитированное выше «предписание» было доказано действиями. Любопытно, что до этих событий даже евреи-антисионисты не могли представить себе, что действительно имелось в виду его дословное исполнение. В 1933 году известный еврейский деятель, Бернард Дж. Браун, справедливо указав на цитированный выше отрывок из Второзакония, как на причину арабских опасений, добавил однако, что «конечно, некультурные арабы не понимают, что *современный еврей не принимает Библию буквально и не может быть столь жестоким по отношению к другим людям* , но они подозревают, что если евреи основывают свои претензии на Палестину на исторических правах на эту землю, то они *могут делать это только на основании Библии* , *арабы же толкуют её буквально* ». Мистеру Брауну в Чикаго явно не было ничего известно о хазарах.

В 1920 году арабов не обмануло *публичное* обязательство Бальфура (в его декларации), что их «гражданские и религиозные права» будут обеспечены. Не поверили они и *публичному* обязательству президента Вильсона (в его знаменитых 14 пунктах), что им будет обеспечена «несомненная безопасность» и «абсолютно независимая возможность автономного развития». Если они и не знали точно, то они во всяком случае подозревали, что Бальфур, Ллойд Джордж и Вильсон *втайне* обещали сионистам всю Палестину. Зная Тору, они столь же мало поверили *публичному* выступлению Уинстона Черчилля в 1922 году, который, будучи тогда министром колоний, заявил: «Были сделаны безответственные заявления о намерении создать чисто еврейскую Палестину. Было даже сказано, что Палестина станет столь же еврейской, как Англия — английская (прямой упрёк Вейцману). Правительство Его Величества считает все такие намерения немыслимыми и не ставит себе подобных целей. Оно никогда не имело в виду, чтобы арабские население, язык и культура в Палестине исчезли или перешли под чужое господство» (во время Второй мировой войны, сначала как премьер-министр, а затем как лидер оппозиции, Черчилль, тем не менее, поддерживал то, против чего он выступал раньше).

2) Местные еврейские общины в Палестине (чьим мнением никто не интересовался в продолжение всех этих событий) всегда были ярыми противниками сионизма. Вейцман был почти единственным среди сионистов и связанных с ними западных политиков, кто имел некоторое представление об этих настоящих палестинских евреях, раз или два коротко посетив Палестину: по его словам, большинство его сионистских коллег из России *не имели* о *них ни малейшего представления* ». В эти годы (1916—1922) сионистские лидеры с удивлением впервые узнали, что палестинские евреи считают их «язычниками, нечестивыми, бессердечными и злонамеренными невеждами». Разумеется, Вейцман заботился исключительно об их благе (не спрашивая, однако, их мнения): «мы всего лишь хотели сделать их жизнь немного более современной и удобной»; однако, он «пришёл в ужас обнаружив, *сколь чуждыми мы для них остались* ». Он дисквалифицирует их, как отсталых чудаков, засыпавших еврейские организации в Америке назойливыми жалобами на сионистов, причём «добрых 90 процентов» их писем были резко враждебными. Любопытно также, что о содержании этих писем Вейцман узнал от британского цензора, который, нарушив свой долг, показал их ему. Политиками в Париже и Сан Ремо эти протесты населения Палестины, как еврейского, так и арабского, попросту игнорировались.

3) В 1919 году уже упоминавшийся нами Луис Брандейс посетил ту территорию, которая в течение 20 лет была объектом его «возродившегося» интереса к иудаизму. Непосредственное знакомство с дотоле неизвестной страной жестоко его разочаровало, и он пришёл к заключению, что «*поощрять иммиграцию было бы ошибкой* ». По его мнению, Всемирную сионистскую организацию нужно было, если не распустить вообще, то сильно сократить, а её будущую деятельность ограничить более скромной целью создания «еврейского очага» с помощью сионистских организаций в разных странах. Фактически это привело бы к созданию еврейского культурного центра в Палестине, состоящего разве что из университета, академий и несколько более многочисленных сельскохозяйственных поселений с возможностями для иммиграции небольшого количества евреев, которые действительно пожелали бы переселиться в «страну предков».

Это означало отказ от концепции отдельной еврейской национальности, символизируемой еврейским *государством* , и было, следовательно, изменой сионизму. По словам Вейцмана, это было возрождением старой пропасти между «востоком» и «западом», между «Ostjuden» и эмансипированными западными евреями, между «Вашингтоном» и «Пинском» (намёк на Пинскера, автора Неоднократно цитированной нами фразы о «непреодолимом давлении на международную политику», здесь далеко не случаен). Местечковые сионисты справились с Брандейсом так же легко, как и с Герцлем в 1903—4 гг. Брандейс выступил с вышеупомянутым предложением на Кливлендском съезде американских сионистов в 1921 г. Вейцман, выступил против этого предложения, настаивая на создании «*национального* фонда» (другими словами, самозванное правительство еврейской *нации* собиралось облагать обязательным десятинным налогом всех членов сионистской организации), а также *национального* бюджета». Слабость позиции Брандейса заключалась в том же, в чём состояла и слабость Герцля в 1903 г.: правительства западных держав были уже *связаны* обязательствами по отношению к сионистам из России. Съезд, если он вообще был кем-то избран, представлял не более, чем одну десятую американских евреев; как и следовало ожидать, он поддержал доктора Вейцмана, а доктор Брандейс потерпел поражение.

4) В Палестине британские военные и гражданские власти стояли перед навязанной им непосильной и заведомо безнадёжной задачей. Их опыт в управлении колониальными территориями был несравним с опытом администраторов других стран, и как этот опыт, так и их собственный инстинкт предупреждали их об опасности палестинского предприятия. Они знали, как нужно управлять страной на благо её населения, и обладали в этой области практическим опытом. Для них было ясно, что ни одной территорией невозможно хорошо управлять, ни даже просто поддерживать в ней порядок и спокойствие, если её наводнят чуждые ей иммигранты, а местное население будет принуждено это терпеть. Их протесты также посыпались в Лондон, но они игнорировались до самого конца, тридцать лет спустя. Что касается арабов, то им горькая истина была ясна с самого начала, и они уже с 1920 г. стали оказывать ожесточённое сопротивление в форме бунтов, восстаний и т. п.; это сопротивление никогда не прекращалось и явно не прекратится, пока причинённая им несправедливость не будет исправлена, или пока все они не окажутся в положении постоянных пленников за колючей проволокой и под вооружённой охраной.

5) Поскольку «ведущие политики» (каких любил характеризовать Вейцман) в Лондоне и Вашингтоне любой ценой решили водворить сионистов в Палестине, несмотря ни на какие протесты, мнения и советы, историку до сих пор остаётся непонятным, с какой целью президент Вильсон и премьер Ллойд Джордж посылали комиссии для обследования проданной ими по дешёвке страны. Если они ожидали от них ободряющих сообщений (вроде совета сэра Генри Вильсона о «распутице» в 1918 году на западном фронте), то им пришлось разочароваться, поскольку все обследователи лишь подтверждали то, что говорили о положении на местах арабы, местные евреи и служившие там англичане. Посланная президентом Вильсоном в 1919 году «комиссия Кинг-Крейна» констатировала, что *практически сионисты намерены лишить собственности и права владения ею всех нееврейских жителей Палестины* », добавив разъяснение: «путём всех форм *скупки* »; более опытные в деле британские офицеры указали этой комиссии, что «проведение сионистской программы может быть осуществлено только *силой оружия* ». Посланная Ллойд Джорджем в 1921 г. «комиссия Хэйкрафта» доложила, что настоящая причина начавшихся тогда в Палестине беспорядков кроется в *обоснованном* опасении арабов, что сионисты *намерены господствовать в стране* .

6) Однако больше всего сионистским амбициям мешали сообщения печати о том, что происходило в Палестине, и критические по отношению к сионизму редакционные комментарии. До войны 1914—1918 гг. американскому и британскому правительствам, прежде чем пойти на рискованные предприятия, всегда приходилось считаться с общественным мнением, черпавшим

информацию из объективных сообщений печати. Разложение печати (предсказанное, как мы помним, «Протоколами») началось с введения цензуры во время Первой мировой войны; усиление закулисных влияний было нами показано на примерах полковника Репингтона, Гвинна и Роберта Вильтона в 1917—1918 гг.; опытным корреспондентам приходилось уходить в отставку или начинать писать книги, потому что их репортажи игнорировались, пропадали или просто не печатались; редактор, печатавший правдивое сообщение без предварительного разрешения цензуры, рисковал судебным преследованием.

В 1919—1922 гг. военная цензура, естественно, кончилась, и газеты в своём большинстве стали возвращаться к прежней практике правдивого репортажа и объективного комментирования сообщаемых фактов. Этим был восстановлен прежний контроль за правительственной политикой, который, если бы он мог продержаться, несомненно расстроил бы сионистские планы, осуществление которых в условиях общественного контроля было невозможно. В этот решающий момент, когда т. н. «мандат» ещё не был «ратифицирован», всё будущее сионизма зависело от подавления им критической информации газет и их комментариев. Именно в этот период произошло событие, обеспечившее нужный результат. В силу его громадного влияния на будущее и его совершенно исключительного характера, это событие (на которое указывает название данной главы) заслуживает подробного описания.

На этой стадии развития событий, положение дел в Англии имело для заговорщиков (напомним, что как Вейцман, так и Хауз сами употребляли это слово) первостепенное значение, и именно в Англии на их пути стоял энергичный Нортклифф, пользовавшийся исключительным влиянием. До получения титула он был известен, как Альфред Хармсворт, солидный мужчина, с наполеоновской чёлкой на лбу, владелец двух весьма популярных ежедневных газет, многих журналов и других периодических изданий, а кроме того главный совладелец самой влиятельной газеты в мире, лондонского «Таймса». Благодаря этому он обладал возможностью ежедневно непосредственно обращаться к миллионам людей и, хотя он был также и незаурядным коммерсантом, но прежде всего он был по своему характеру идеалом *редактора* , отважным и настойчивым патриотом. В том, что он начинал или защищал, он мог быть прав или неправ, но он *был независим* и *неподкупен* . До некоторой степени он напоминал американцев Рандольфа Херста и полковника Роберта Мак Кормика, другими словами он готов был сделать многое для роста тиража своих газет, но только в пределах приличия и национальных интересов, никогда не опускаясь до богохульства, порнографии, клеветы или подстрекательства. Его нельзя было запугать, и он был большой силой в стране.

Лорд Нортклифф дважды показал себя противником сионистского заговора. В 1920 г. по его почину «Таймс» напечатал уже упоминавшуюся нами статью о «Протоколах». Она была озаглавлена «Тревожная брошюра о еврейской опасности, требующая детального расследования», и кончалась словами: «Весьма желательно беспристрастное расследование этих т. н. документов и истории их появления… Мы не можем пройти мимо этого дела *без расследования* и оставить влияние такого документа без контроля». В 1922 году лорд Нортклифф посетил Палестину в сопровождении журналиста Джеффриса (позже написавшего книгу «Палестина и её действительность», до сих пор являющуюся классическим источником информации о том времени). Это было совместным предприятием совершенно иного рода, чем прежние труды редакторов «Таймса» и «Манчестер Гардиан», писавших статьи о Палестине, не выезжая из Лондона советуясь с сионистским главарём Вейцманом. Лорд Нортклифф пришёл на месте к тем же выводам, что и все другие беспристрастные наблюдатели: «Мне кажется, что мы недостаточно продумали вопрос, обещав Палестину как очаг для евреев, несмотря на то, что 700 000 мусульманских арабов живут там и владеют этой страной… Среди здешних евреев, по-видимому, господствовало мнение, что вся Англия предана делу сионизма и полна энтузиазма в желании помочь им; я сказал им, что это вовсе не так, и что им надо остерегаться истощать терпение нашего народа *тайным ввозом оружия для борьбы с 700 .000 арабов … Палестине грозят серьёзные беспорядки … евреям здесь не говорят правду* , *но они услышали её от меня* ».

Сказав правду, лорд Нортклифф совершил второй смертный грех: уже ранее он заглянул в запретную комнату, потребовав расследовать происхождение «Протоколов». Более того, он смог опубликовать эту разоблачительную документацию в своих массовых органах с громадным тиражом, став опасным для заговорщиков человеком. Немедленно перед ним встало препятствие в лице Викхэма Стида, главного редактора «Таймса», преданность которого делу сионизма была особо отмечена Вейцманом. Ахиллесовой пятой лорда Нортклиффа в этой борьбе было то, что ему хотелось напечатать правду о Палестине в «Таймсе», хотя он не был единственным владельцем газеты, будучи лишь главным её совладельцем. В результате, принадлежавшие ему газеты опубликовали его серию статей о Палестине, но «Таймс» напечатать их отказался. Викхэм Стид, хотя он неоднократно распространялся в

прошлом о судьбах Палестины, отказался туда поехать, как и предоставить страницы газеты антисионистской аргументации. Эти факты и всё последующее описано (опять таки с неожиданной откровенностью) в «Официальной истории Таймса», изданной в 1952 году. В ней сообщается, что Викхэм Стид «уклонился от поездки в Палестину, когда лорд Нортклифф предложил ему туда поехать; в ней также отмечено „бездействие“ Викхэма Стида в ответ на телеграфную просьбу лорда Нортклиффа поместить „передовую статью с критикой позиции Бальфура по отношению к сионизму“. В последующем изложении читателю следует обратить особое внимание на *даты* .

Статья о «Протоколах» была напечатана в «Таймсе» в мае 1920 года. В начале 1922 года лорд Нортклифф посетил Палестину, написав ряд упомянутых статей. После того, как его требование опубликовать их было игнорировано редактором «Таймса», он выехал 26 февраля 1922 года обратно в Европу. Возмущённый самовольным поведением редактора, Нортклифф выступил с резкой критикой его действий на редакционной конференции 2 марта 1922 года. Нортклифф потребовал, чтобы Стид ушёл в отставку, и был немало удивлён, что несмотря на такую критику, Стид остался на своём посту. Мало того, вместо того, чтобы уйти в отставку, Стид решил «заручиться советом юристов по вопросу, какая провокация достаточна с его стороны, чтобы быть незаконно уволенным». Для этого он обратился к *личному юрисконсульту самого лорда Нортклиффа* (7 марта 1922 г.), который информировал его, что Нортклифф «помешан», «неспособен к ведению дел» и, судя по его виду, «проживёт недолго», посоветовав редактору *не покидать своего поста* . Стид поехал в По, во Францию, где он встретился с Нортклиффом, и со своей стороны уведомил директора «Таймса» (31 марта 1922 г.), что лорд Нортклифф «сходит с ума».

Диагноз «помешательства» исходил от редактора, которого Нортклифф хотел уволить, и поэтому важно знать мнение незаинтересованных лиц. 3 мая 1922 года Нортклифф присутствовал в Лондоне на прощальном обеде в честь уходившего на пенсию редактора одной из больших газет и «*был в превосходном состоянии* ». 11 мая 1922 г. он произнёс, «*превосходную и убедительную речь* » на собрании Имперского союза печати, и *большинство тех* , *кто считал его ненормальным* (!) *убедились в своей ошибке* . Несколько дней спустя Нортклифф телеграфно потребовал от управляющего «Таймсом» оформить увольнение редактора. Управляющий не увидел в этом требовании ничего «ненормального» и «*не обнаружил никаких сомнений относительно здоровья Нортклиффа* ». Другой директор, в то же время имевший с ним дело, также «считал, что он проживёт по меньшей мере столь же долго, как и он сам» и «*не заметил ничего необычного ни в поведении Нортклиффа* , *ни в его виде* » (24 мая 1922 г.). 8 июня 1922 г. лорд Нортклифф попросил из Булони Викхэма Стида встретиться с ним в Париже; встреча состоялась 11 июня и Нортклифф сообщил Стиду, что он намерен взять руководство газеты в свои руки. 12 июня они выехали в Эвиан-ле-Вен, причём Стид скрытно посадил в поезд оставшегося неизвестным «врача», сопровождавшего их до швейцарской границы. По прибытии в Швейцарию был приглашён также не названный по имени «блестящий французский невропатолог», который в тот же вечер «засвидетельствовал помешательство» лорда Нортклиффа. На этом основании Викхэм Стид послал телеграфное распоряжение в «Таймс» не печатать ничего посылаемого Нортклиффом и не придавать значения ничему, что бы от него ни поступало; 13 июня 1922 года Стид уехал и никогда больше с тех пор с Нортклиффом не встречался.

18 июня 1922 г. Нортклифф вернулся в Лондон и был немедленно отстранён от всякого контроля над своими предприятиями и даже от связи с ними (в особенности с «Таймсом», причём его телефон был отключён). Управляющий установил полицейский пост у входа в редакцию, чтобы не дать Нортклиффу войти в помещение. Согласно «Официальной Истории», всё это делалось на основании освидетельствования в чужой стране (Швейцарии) неизвестным по имени (французским) врачем. 14 августа 1922 г. лорд Нортклифф скончался в возрасте 57 лет, причём причиной смерти был установлен язвенный эндокардит. После панихиды в Вестминстерском аббатстве он был похоронен в присутствии большой траурной толпы журналистов и издателей. Такова история, почерпнутая нами из официальной публикации. В то время она была известна только очень узкому кругу лиц; в «Официальной истории Таймса» всё это было напечатано лишь 30 лет спустя, но будь оно опубликовано в 1922 году, наверняка появилось бы много недоуменных вопросов. Вряд ли можно привести другой пример, когда влиятельный и богатый человек был бы устранён подобным образом, в особенности при столь загадочных обстоятельствах.

Автор этих строк теперь впервые приступает к повествованию в качестве непосредственного свидетеля происходивших событий. В 1914—18 гг. он был одним из миллионов ни о чём не подозревавших участников войны, начав понимать её истинный смысл лишь иного позже. В 1922 году он на время оказался внутри узкого круга описанных здесь событий, хотя и не принадлежал к нему;

автор видит себя с глазу на глаз с (якобы умиравшим) лордом Нортклиффом, не имея понятия ни о сионизме, ни о Палестине, ни о «Протоколах», ни о любом другом из того, против чего предостерегал Нортклифф. Свидетельство автора может представить некоторый интерес, хотя ему трудно судить самому о его ценности. В том самом 1922 г. автор был молодым человеком, вернувшимся с фронта, искавшим себе места под солнцем и поступившим для этого на службу в редакцию «Таймса». Ему поручили сопровождать лорда Нортклиффа в Булонь в качестве секретаря в ту первую неделю июня 1922 г., когда Нортклифф собирался взять на себя редакторство газеты, уволив Викхэма Стида. Было сказано, что это весьма необычный человек, чьи указания должны немедленно выполняться. Вероятно поэтому всё, что делал Нортклифф, казалось автору выражением этой необычной натуры, но у него не возникло ни малейших иных подозрений, хотя он имел с ним дело за неделю до того, как он был «освидетельствован» и фактически посажен под замок.

О всякого рода психических «ненормальностях» автор не имел тогда ни малейшего представления, а поэтому специалисты вероятно не придадут его свидетельству большого значения. Как бы то ни было, поведение Нортклиффа было именно таким, как его характеризовали люди, работавшие с ним в течение многих лет, за одним только исключением: лорд Нортклифф был убеждён, что его жизнь в опасности и несколько раз говорил об этом автору, а именно о том, что его отравляют. Если это само по себе — сумасшествие, то тогда он был сумасшедшим; но в таком случае многие жертвы отравления также умерли от сумасшествия, а не от того, чем их напоили или накормили. Если же это было правдой, то тогда о ненормальности *не могло быть речи* . Было ясно, что у такого человека могли быть опасные враги, но о враждебности с какой-либо определённой стороны автор в то время не догадывался. Опасения за свою жизнь несомненно вселяли Нортклиффу подозрения в отношении окружающих, но и в этом случае, если у него для этого имелись основания, никаким *сумасшествием* это быть не могло. Всё это легко могло бы быть проверено и установлено с полной достоверностью, если бы только такая проверка могла быть произведена при свете дня.

Автор — не судья происшедшему, и он может только засвидетельствовать, *что* он видел и думал в то время, будучи молодым человеком, знавшим об окружавшем его немногим больше, чем младенец знает о форме земного шара. По возвращении в Лондон его допрашивал о состоянии здоровья лорда Нортклиффа брат последнего, лорд Ротермир, и один из ближайших сотрудников Нортклиффа, сэр Джордж Саттон. Мысль о возможной ненормальности видимо уже была к тому времени им внушена («освидетельствование» последовало вскоре за этим) и сказывалась в их вопросах, но и тогда у автора не возникло ни малейших подозрений в этом смысле, хотя он был одним из последних, видевших Нортклиффа до «обследования» и последовавшего за ним устранения его от дел. Это также осталось автору совершенно неизвестным, он не знал об этом ни в то время, ни ещё много лет спустя, столь тайно всё это было сделано. Хотя он прослужил в «Таймсе» 16 лет, он узнал о «сумасшествии» Нортклиффа и его «освидетельствовании» *только 30 лет спустя* , прочитав «*Официальную Историю* ». К этому времени, однако, автор уже сам увидел к каким последствиям повела история, непосвящённым зрителем которой он был в свои тогдашние 27 лет.[24]

Так Нортклифф оказался за бортом, устранённый от руководства своими газетами в решающий

---

24 Эти подробности о смерти одного из наиболее выдающихся общественных деятелей своего времени, которого они единодушно характеризуют как «самого успешного газетного издателя в истории британской печати» и «основателя современного журнализма», англо-американские справочники и энциклопедии обходят молчанием или сообщают по этому вопросу весьма невразумительные данные. «Новая Британская Энциклопедия» заканчивает статью о Нортклиффе (изд. 1983 г., Т. VII, стр. 401): «В последние годы его жизни он стал жертвой мании величия, повредившей его способностям суждения и приведшей в конечном итоге к коллапсу незадолго до смерти (ultimately led to the breakdown that preseded his death). В „Британской Энциклопедии“ (изд. 1962 г., т. 16. стр. 527…528) стоит: „Он был уничтожен природой собственного успеха (?)… став жертвой мании величия, нарушившей уравновешенность его суждений… Умер в Лондоне от язвенного эндокардита“.

Как известно, «мания величия» не принадлежит к числу органических заболеваний, могущих вызвать скорую смерть; иначе, напр. Сталину пришлось бы избавить Россию и человечество от своего существования самое позднее в конце 30-х годов. Установить подобное заболевание на основании одного единственного освидетельствования совершенно невозможно, если дело не идёт о долговременном пациенте сумасшедшего дома. Язвенный эндокардит — тяжёлое сердечное заболевание, не поддававшееся лечению до появления антибиотиков — ни в какой связи с «манией величия» стоять не может. Кроме того, без вскрытия трупа, которого произведено не было (если верить Д. Риду, по весьма понятным причинам), установить это заболевание, как причину смерти, ещё и в наши дни невозможно. «Американская Энциклопедия» (изд., 1968 г., т. 20. стр. 454) заканчивает столбец, посвящённый Нортклиффу, следующими словами: «Несмотря на ухудшение здоровья (growing ill health) после войны, лорд Нортклифф продолжал активно интересоваться мировой политикой почти до самой смерти (up to a short time before his death)», обходя подробности молчанием.

период времени, предшествовавший ратификации в Лиге Наций «мандата», который закрепил палестинскую сделку, предоставив нашему поколению расхлёбывать её последствия. Критическое обсуждение этой проблемы на страницах массовой печати с большим тиражом могло бы изменить весь ход событий. После смерти лорда Нортклиффа появление в «Таймсе» передовицы с критикой «позиции Бальфура по отношению к сионизму» стало уже невозможным. Начиная с этого времени, подчинение печати методами, описанными в «Протоколах», становится всё более явным, достигнув в настоящее время положения, при котором правдивый репортаж и беспристрастное комментирование всего связанного с еврейским вопросом давно уже канули в прошлое.

Лорд Нортклифф был отстранён от дел и фактически посажен под домашний арест 18 июня 1922 года. 24 июня в Лондоне собрался Совет Лиги Наций; не опасаясь более общественной критики на страницах газет, он снабдил Англию «мандатом», разрешавшим ей оставаться в Палестине и водворять там сионистов с помощью оружия (мы описываем события, какими они оказались в конечном итоге; публике всё это преподносилось в то время, разумеется, в совершенно ином виде). В этих условиях «ратификация мандата» была простой формальностью. Вся предварительная работа по составлению документа и обеспечению его утверждения, была проделана заранее министерскими чиновниками по указаниям Хаима Вейамана и им самим в министерских прихожих многих столиц мира. Члены «комиссии» полковника Хауза составили в своё время устав Лиги Наций; Вейцман, Брандейс, раввин Стефен Уайз и их сотрудники составили декларацию Бальфура; теперь предстояло составить третий документ первостепенной важности, к тому же такой, какого до тех пор не знала история. Вейцман не забывает почтить комплиментом тогдашнего британского министра иностранных дел, лорда Керзона, но особо отмечает, что «на нашей стороне нам была обеспечена ценная помощь г-на Вена Когана… одного из способнейших составителей законопроектов в *Америке* ». Другими словами, американский еврей (Коган сыграл важную роль в значительно более поздних стадиях этого процесса) составил документ, на основании которого «новый мировой порядок» стал диктовать британскую политику и решать использование британских войск и судьбы Палестины.

Роль лорда Керзона ограничивалась его стараниями смягчить условия «мандата», и ему удалось добиться незначительных изменений, хотя в конечном счёте они не сыграли существенной роли. Талантливый государственный деятель (но *не политик*) с внешностью, напоминавшей римских императоров, Керзон был «полностью лоялен к политике, принятой на основе декларации Бальфура» (Вейцман), хотя и было известно, что лично он вовсе не одобрял проекта, который ему по долгу службы приходилось проводить в жизнь (возможно, что это и было причиной того, что он не стал премьер-министром, для чего у него были все данные). Ему удалось вычеркнуть из проекта только одно слово. Господа Вейцман и Коган хотели начать проект словами: «Признавая *исторические права* евреев на Палестину…», на что Керзон возразил: «С такой формулировкой я вижу Вейцмана приходящим ко мне каждый день с заявлением, что он имеет *право* делать в Палестине то одно, то другое, то третье! Я этого не могу допустить». Так «исторические права» превратились в «исторические связи» — тоже обман, но меньшего калибра; лорд Керзон был человеком образованным и разумеется не верил, что хазары из России имели какие-либо исторические связи с Аравийским полуостровом.

Пока вырабатывался проект резолюции, доктор Вейцман отравился в очередное международное турне для обеспечения «нового международного порядка», для чего ему нужно было, чтобы все члены Совета Лиги Наций проголосовали за «мандат». Его первый визит был к итальянскому министру иностранных дел, некоему синьору Шанцеру, который сказал ему, что Ватикан очень обеспокоен судьбой зала Тайной Вечери в Иерусалиме под властью сионистов. В тоне, обычном для его единоверцев, когда они говорят о чужих святынях, Вейцман небрежно ответил: «Мои познания в церковной истории видимо недостаточны; я не ожидал, чтобы итальянцам была так важна зала Тайной Вечери». В 1950 году сионисты открыли в нижнем этаже того же здания «Подвал Катастрофы» для еврейских паломников. Надпись у входа гласила: «Лицам со слабыми нервами вход воспрещён». Главный раввин Южной Африки писал после осмотра подвала: «Здесь делается всё, чтобы поощрять и развивать этот новый культ Сионской горы, создать суррогат Стены Плача и дать новый эмоциональный выход народным религиозным чувствам. Во всём этом есть что-то не-еврейское, относящееся скорее к суеверию, чем религиозному верованию… Я содрогаюсь при мысли о том, какое впечатление произведут эти совершенно недостоверные легенды (о чудесных исцелениях) на простых, благочестивых и суеверных евреев Йемена. Уж не собираются ли создать здесь еврейский Лурд? Надеюсь, что нет, но всё это внушает опасения».

Доктор Вейцман сумел успокоить синьора Шанцера и уехал с уверенностью в итальянской поддержке. Впоследствии это превратилось в рутину, и все «голосования» в Лиге Наций (а затем и в

ООН) по важным вопросам подготовлялись заранее тем же методом предварительной обработки, закулисных встреч и уже знакомого нам «непреодолимого давления». Продолжая своё турне, Вейцман прибыл в Берлине, где он встретился с известным министром Веймарской республики, евреем д-ром Вальтером Ратенау, настроенным непримиримо враждебно по адресу сионизма. Он «критиковал все попытки превратить германских евреев в инородное тело на песках Бранденбурга: это было всё, что он мог увидеть в сионизме» (Вейцман). Впрочем, вскоре после этого Ратенау был убит, т. ч. дело эмансипированных евреев Запада лишилось ещё одного влиятельного защитника.

Своими поездками и визитами, Вейцман сумел заранее обеспечить себе для голосования на заседании Совета все голоса, кроме двух: Испании и Бразилии. Он явился в Лондоне к представлявшему Испанию знатному сановнику и заявил ему, что «теперь Испания имеет возможность *частично* выплатить евреям свой старый долг. Зло, в котором Ваши предки повинны по отношению к нам, может быть теперь *частично* искуплено».[25]

Вейцман весьма дипломатично дважды употребил слово «частично». Его собеседник обязан был, разумеется, служить современной Испании, а не искупать грехи прошлого, но впал в тот же соблазн, что в своё время Бальфур, поверив в некий неопределимый «долг» Испании по отношению к евреям (причём его гость без всяких к тому полномочий изображал себя представителем всего еврейства), а также в то, что пренебрегая интересами и надеждами арабов в Палестине, он сможет (частично) этот «долг» покрыть. В свете нормальной человеческой логики, этот разговор походил на беседы тронувшихся персонажей из «Алисы в Стране Чудес». Как бы то ни было, испанский представитель обещал Вейцману испанский голос за его проект, а заодно, для полноты уплаты «долга», *ещё и голос Бразилии* , т. ч. ряды поддакивавших сионистам были успешно заполнены. Даже Вейцману (в его воспоминаниях) не было вполне ясно, был ли он обязан таким успехом своего визита собственному красноречию, или же скорее соответственному давлению на испанского представителя из Мадрида.

В Англии была в этот решающий момент сделана ещё одна, последняя, попытка помешать британскому участию в сионистском предприятии. Лорды Сайденхэм, Ислингтон и Раглан выступили в верхней Палате против «мандата», *проведя значительным большинством голосов резолюцию за аннулирование декларации Бальфура* . Однако, Палата лордов давно уже была лишена прежней власти и имела право только заявлять протест; Бальфур, вскоре также ставший лордом, тут же успокоил Вейцмана: «Какое значение может иметь резолюция нескольких глуповатых лордов?»

После описанной закулисной подготовки смогла быть разыграна сцена заседания в Лондоне, 24 июля 1922 года. Совета Лиги Наций, и «всё прошло совершенно гладко, когда Бальфур поставил на повестку дня вопрос о ратификации палестинского мандата». Без единого голоса против, Англии было выдано разрешение оставаться в Палестине и обеспечить вооружённую охрану прибывающим туда сионистам. Выданные одновременно «мандаты» Англии на Ирак и Трансиорданию, и Франции на Сирию вскоре прекратили своё действие после того, как эти территории стали независимыми государствами. Некоторые другие страны получили «мандаты» на территорию колоний и океанских островов, которые со временем фактически стали их собственностью. Эти прочие «мандаты» с самого начала были фикцией, имевшей целью обеспечить приличную компанию для иных, менее почтенных

---

[25] Вейцман имел в виду изгнание евреев из Испании в 1492 г. Причиной тщания было, прежде всего, что в период 800-летнего господства мавров (арабов) в Испании управление страной было ими передано евреям, в своё время способствовавшим вторжению путём шпионажа и прямой измены. Арабское господство над христианским населением было, таким образом, в глазах последнего, фактически еврейским (см. главу 17); после окончательной победы над маврами в 1492 году неудивительно, что изгнанию подверглись не только иноверческие завоеватели, но и их верные пособники.

Второй причиной было то, что даже в той части Испании, из которой мавров удалось вытеснить ранее или куда они не дошли, евреи столь жестоко эксплуатировали население (пользуясь своим привилегированным положением, главным образом как сборщики податей, и одновременно задабривая королевский двор и дворянство займами и подарками), что король Фердинанд и королева Изабелла Католические стояли перед угрозой народного восстания и жестокого еврейского погрома во всей стране. Третьей причиной изгнания была подрывная деятельность т. н. марранов, т. е. евреев, для вида принявших христианство (что не только разрешается, но поощряется Талмудом, если это идёт на пользу еврейству) и заполнивших руководящие должности в стране, включая церковную иерархию. Еврейские историки в наше время (Сесиль Рот, см. библиографию) открыто признают, что «крещения» были лишь показными и что марраны в своём громадном большинстве продолжали исповедывать иудаизм с его поношением христианства. Главной задачей инквизиции была борьба с этими злоупотреблениями, которые в Испании и Португалии приобрели размеры и характер национального бедствия. Всё это было давно известно и в 1922 г., но особо убедительно показано в на редкость обстоятельном и объективном, трёхтомном труде современного испанского историка Julio Caro Baroja, «Los Judios en la Espana Modema y Contemporanea», 2-ое изд. Мадрид, 1978 г., до сего времени не переведённого ни на один из иностранных языков по причинам, становящимся ясными при чтении книги Дугласа Рида.

«мандатов». Во всём этом спектакле один только палестинский «мандат» продолжал действовать, пока достаточное число сионистов не было в изобилии снабжено оружием, после чего мандат был отменён, а страна передана вторгнувшимся в неё захватчикам, имевшим возможность держать её силой оружия. Впоследствии ООН, по понятным причинам, не воскресила понятия «мандата», заменив его для тех же целей словом «опека», служащим ширмой для передачи территорий из одних рук в другие при сохранении подобия законности в рамках «международного права».

Так в 1922 году Англии было навязано предприятие, никогда не ставшее предметом общественной дискуссии и взвалившее на неё в продолжении последовавших трёх десятилетий растущие государственные расходы. Вскоре и Америка оказалась вовлечённой в ту же историю, хотя и её общественность также не замечала этого в течение 30 лет, как не имела о том понятия и раньше.

После смерти президента Вильсона демократическая партия больше не была у власти. В Белом Ломе сидел новый президент, Гардинг, и страной правили республиканцы, пришедшие к власти в результате глубокого разочарования общественности результатами войны и всеобщего желания отделаться от каких бы то ни было обязательств и «вмешательств» за океаном. Страна не желала иметь ничего общего ни с Лигой Наций, ни с её загадочной активностью во всём мире. Республиканцы впутали однако свою республику в ту же историю, которыми она была в своё время обязана демократам. Судя по всему, партийные заправилы, эти архитекторы народных бедствий, сочли нужным соревноваться с демократами за благоволение тех самых влиятельных закулисных групп и управляемых ими «колеблющихся избирателей», которые описал «полковник» Хауз в своих дневниках и романе. В июне 1922 года накануне того, как в Лондоне Совет Лиги Наций наградил Великобританию палестинским «мандатом», объединённое заседание обеих палат американского Конгресса приняло резолюцию, *почти дословно повторявшую декларацию Бальфура 1917 года* . После этого сионистская петля снова оказалась туго затянутой на шее американской государственной политики, и хотя избиратели этого ещё долго не замечали, стало фактически безразличным, какая из обеих партий выходила победительницей на выборах.

Глава 35
Национальный очаг

В течение десяти лет после того, как английскому народу был навязан палестинский «мандат», международной пропагандой поддерживался тезис, будто бы т. н. «еврейский национальный очаг» в Палестине будет, под зашитой Англии, всего лишь «культурным центром» иудаизма, не представляющим для арабов никакой угрозы: своего рода иудейской Меккой, с университетом, библиотекой и земледельческими поселениями. (*Прим. перев.:* Для обозначения Палестины, как территории будущего сосредоточения евреев, в декларации Бальфура был не без умысла употреблён не поддающийся точному определению термин «national home», под которым можно понимать «национальный центр», «очаг поселения», «родимую землю» и всё, что угодно, вплоть до «национального государства», о котором, однако, по понятным причинам конкретно не говорилось. В переводах на другие языки этот термин имеет столь же расплывчатое и поддающееся любому толкованию значение: «foyer national» (франц.), «Heimstatte» (нем.) и т. д. В нашем переводе мы приняли французский термин «национального очага», т. к. английское название настоящей главы, «National Home», трудно поддаётся переводу на русский). Это не обмануло арабов, прекрасно понимавших, что они стали объектом попытки силой восстановить в 20 веке по Р. Х. «закон» грабежа и обезземеливания, установленный левитами в 5 веке до Р. Х. Они ответили на это непрекращающимися бунтами и восстаниями, в результате чего война, которая должна была «покончить со всеми войнами», положила начало новым войнам, конца которым до сих пор не видно.

Немедленно же стало ясно, что навязанный народам сионизм действовал в их среде как заряд динамита, и что «в маленькой стране размеров Уэльса или Вермонта» (только что «освобождённой» от турок) оказалась заложенной бомба замедленного действия, которая в будущем неизбежно должна была привести к конфликтам мирового масштаба. Тем не менее, новый британский министр колоний, Леопольд Эмери, приехав в Палестину в 1925 году, «прямо заявил арабам, что *нет никакой возможности изменить* британскую политику» (Еврейское Телеграфное Агентство со слов самого Эмери). Это заявление (как и прежние высказывания Бальфура, что британская политика в этом вопросе *решена окончательно* ») скрывает главный секрет всего происходящего и содержит несомненный вызов человечеству. Когда ещё в истории изменение какой бы то ни было политики заранее объявлялось *невозможным* ни при каких обстоятельствах? Политика оказалась в данном случае *невыполнимой* и

явно катастрофической. Какая сила в состоянии была продиктовать, что эта политика должна проводиться во что бы то ни стало и при всех обстоятельствах? Ни один из британских или американских политиков никогда ещё не объяснил своим избирателям, парламенту или Конгрессу причины этой тайной капитуляции (мы увидим далее, что в 1950-х годах в Америке неоднократно публиковались заявления, повторявшие слова Бальфура и Эмери).

В течение упомянутого десятилетия, когда проект «национального очага» терпел полный провал, западные политики не уставали поздравлять друг друга с успехом своей идеи. Ллойд Джордж заявил в Лондоне перед собранием аплодировавших ему сионистов: «Я воспитывался в школе, где больше говорилось об истории евреев, чем об истории моей собственной страны. Дни его политической карьеры были сочтены, но кандидаты на его пост также торопились расписаться в верности сионистам. Его преемник на посту премьера, Рамзай Макдолальд, на этом собрании присутствовать не смог, но послал приветствие с обещанием полной поддержки сионизму; Стэнли Болдуин, также один из будущих премьер-министров, поспешил присоединиться к кругу „друзей" (Вейцман). В Южной Африке генерал Сматс видел в „трудах для евреев оправдание всей моей жизни".

Лорд Бальфур считал свою декларацию величайшим достижением всей своей жизни, и в 1925 году впервые поехал посмотреть на страну, которой он тайно торговал в течение двадцати лет. Будучи плохим моряком, он выглядел бледным, сходя на берег в Александрии, в Тель-Авиве же. желая, польстить, он заметил, что ученики колледжа Герцля «могли бы быть школьниками в Харроу» (*прим. перев.:* Итон и Харроу — привилегированные аристократические школы в Англии, хотя они и носят спокон века название «public schools», но для детей широкой «публики» они недоступны и в наши дни), а мэр Тель-Авива «легко мог бы быть мэром в Ливерпуле или Манчестере», после чего он «открыл» всё ещё не построенный Еврейский университет. В Палестине он ездил под сильной охраной, рассказав потом, что сердечная встреча напоминала ему выборы, где «все избиратели были за него». Несмотря на отговоры Вейцмана, он поехал после этого в Сирию, где толпа арабов осаждала гостиницу «Виктория», требуя его смерти. Под конвоем французской кавалерии его срочно отвезли на берег и, всё ещё страдавшего от морской болезни, благополучно сплавили в Англию.

В книге, упоминавшегося нами Джеффриса (сопровождавшего в 1922 г. лорда Нортклиффа в Палестину) мы можем прочесть, что там происходило в течение этого десятилетия. Сионисты начали усиленно скупать арабские земли (которые по закону Талмуда уже никогда не могли быть вновь перепроданы арабам). Арабы ничего не имели против отдельных сделок, но, зная Тору, не собирались отдавать евреям столько, чтобы потерять Палестину в ходе простых коммерческих операций (как это в своё время наивно полагала вильсоновская «комиссия Кинга-Крейна»). Кроме того, рождаемость среди арабов настолько превышала еврейскую, что в нормальных условиях никакая сионистская иммиграция не могла бы даже отдалённо сравняться с местным населением. С самого начала было ясно, как это подтверждали все опытные наблюдатели, что обезземелить арабов можно было только с помощью новой войны. Намерение обобрать арабов в те годы ещё открыто не признавалось. «Белая Книга» Черчилля предлагала даже, ещё а 1922 г., чтобы арабам было разрешено провести выборы в собственной стране! Доктор Вейцман, разумеется, это категорически запретил, оказавшись, таким обратом, «в странном положении человека *якобы* запрещавшего арабам пользоваться их демократическими правами»; из этого запрета выборов арабы сделали. разумеется, соответственные выводы, хотя Вейцман н жаловался, что они стали жертвами «сознательного извращения сионистских намерений».

Беспорядки в Палестине вынудили британское правительство послать туда новых «обследователей» (спрашивается, для каких целей, если заведомо было ясно, что изменить британскую политику «не было никакой возможности»?). За комиссиями Кинга-Крэйна и Хэйкрафта последовали комиссии Шоу и Симпсона, которые ознакомившись с положением на месте, сообщали в основном одно и то же. По этому поводу д-р Вейцман уныло недоумевал, почему это «каждый раз, когда какая-либо комиссия отправлялась обследовать положение в Палестине, почти как правило её члены, вначале настроенные благожелательно, через несколько месяцев уже выступали против нас». Провал «национального очага» в Палестине был настолько очевиден, что даже политикам пришлось быть более осторожными. В 1925 году Ллойд Джордж публично предупредил сионистов, что «политика экспроприации или всё, что будет её напоминать, лишь создаст трудности на пути сионизма»: на что Вейцман тут же дал ответ: «Мистер Ллойд Джордж может поверить мне, если я скажу, что евреи меньше, чем кто-либо способны *строить свой дом на чужой спине* . Евреи так настрадались от несправедливости, что *они достаточно на этом научились* , и я могу заверить Вас, *что арабы не пострадают от наших рук* ». Читателю предлагается провести и здесь сравнение между «словами» и

последующими «делами», как об этом было сказано уже в «Протоколах».

Однако, всё происходившее в Палестине в течение этого десятилетия, имело лишь второстепенное значение по сравнению с более важной целью удержать контроль над политиками в Лондоне и Вашингтоне, дабы «политику» здесь и далее было бы «невозможно изменить». Именно это, а вовсе не «национальный очаг» в Палестине, было решающим, и в конечном итоге Вейцман опять добился своего. В этот период времени он встретился с гораздо большим препятствием, чем любая оппозиция со стороны каких бы то ни было западных политиков: с тревогой и враждебностью того самого «мирового еврейства», от имени которого выступали Хаим Вейцман и его соратники из России. Эмансипированные евреи Запада могли бы успешно сопротивляться сионистам, создав антисионистскую организацию. Боязнь сделать это погубила их. Они были против сионистского шовинизма и еврейского государства, но они *хотели* создать иудейскую Мекку, свой культурный и религиозный центр, и они боялись, что «антисионизм» будет понят как враждебное отношение и к такому центру. Вейцман умело использовал эту щель в их броне.

Всё его палестинское предприятие стояло в то время накануне полного провала. «Мандат» предусматривал, что британское правительство признает сионистскую организацию как «необходимое еврейское агентство для консультации и сотрудничества с властями в Палестине» по вопросам «устройства еврейского национального очага». Однако, в мандате была и оговорка: это агентство должно было «предпринять необходимые шаги в согласии с правительством Его Британского Величества, *для обеспечения сотрудничества всех евреев* , желающих помочь в организации еврейского национального очага». Поскольку еврейские массы в западном мире были открыто враждебны вейцманскому сионизму, даже он сам не мог претендовать, что говорит от их имени. Ему пришлось поэтому перенести свои махинации из прихожих нееврейских политиков на евреев, и в течение *восьми лет* он колесил по всему миру в поисках решения этой проблемы. Широкие массы эмансипированных евреев Запада были решительно против всяких проектов, целью которых могло стать восстановление «еврейской нации».

Вейцману удалось найти решение этой задачи: он изобрёл понятие «евреев-несионистов». Британских евреев обмануть не удалось, но американские попались на эту удочку. Быть «несионистом» показалось им очень удобным, давая возможность пользоваться тем и другим: отвергать сионистский шовинизм, одновременно поддерживая идею иудейской Мекки. В 1928 году группа евреев объявила, что она представляет «несионистов» и готова сотрудничать с д-ром Вейцманом для «отстройки Палестины». На этой базе Вейцман организовал в 1929 году своё *расширенное* Еврейское агентство», после чего он смог объявить, что, включив «несионистов», это агентство выполнило требования «мандата», а он снова представляет «всех евреев». По его собственным словам, ему удалось тем самым выйти из затруднительной дилеммы, поскольку он сам считал положение сионизма *безнадёжным и беспомощным* , если на выручку не придут несионисты».

Арабам тотчас же стало ясно, что это «расширенное еврейское агентство будет фактически правительством в Палестине, и они усилили сопротивление. В результате британскому правительству пришлось наконец признать окончательный провал предприятия и в 1930 г. оно опубликовало т. н. „Белую Книгу“ Пассфильда, в которой требовалось *прекращение сионистской иммиграции в Палестине и ограничение власти Еврейского агентства* . Таким образом «не подлежавшая изменению политика» *была* наконец «изменена»! Но Вейцман был теперь усилен поддержкой завербованных им «несионистов» и немедленно нанёс ответный удар. Он дал аудиенцию тогдашнему британскому премьер-министру Рамзаю Макдональду, который поднял руки вверх и согласился на все предъявленные ему требования. Он не только отменил требования «Белой Книги», но ещё и почтительно запросил д-ра Вейцмана, кого ему следует назначить на должность очередного Комиссара в Палестине.

Сионисты могли теперь с успехом продолжать наступление. Никто достоверно не знает, перед *чем* именно так дрожали все западные политики того времени: их воспоминания дружно замалчивают этот главный секрет нашей эпохи, а их капитуляции не имеют примеров в истории. Сдача Макдональда восстановила принцип, согласно которому «политика» в этом вопросе была раз и навсегда «решена» и неизменна, и в течение последующих двадцати лет он стал определяющим моментом всей британской и американской государственной деятельности. Политики обеих стран явно видели в Хаиме Вейцмане эмиссара такой власти, ослушаться которой они не смели; их поведение ничем не отличалось от африканских дикарей, в ужасе таращащих глаза на колдуна.

Капитуляция Макдональда перед Вейцманом восстановила прежнее положение в Лондоне, однако в Палестине «национальный очаг» — искусственное растение на неподходящей почве — продолжал

чахнуть. За десять лет в Палестину переселилось менее 100 000 еврейских иммигрантов. В 1927 году оттуда уехало на 3000 человек больше, чем приехало. Цифры 1928 года были несколько благоприятнее, однако до 1932 года в среднем число выезжавших из Палестины составляло почти одну треть от числа новоприбывших. Как это с самого начала предсказывали все, кто был знаком с вопросом, сионистская авантюра терпела провал. При нормальном положении вещей и без давления на них, евреи во всём мире никогда недодумали бы переселяться в Палестину в сколько-нибудь существенном количестве, а численный перевес арабского населения со временем продолжал бы увеличиваться.

Но нормальному положению не суждено было удержаться. Как раз в этот момент некий Адольф Гитлер пришёл к власти в Германии (одновременное с неким Рузвельтом в Америке), и на горизонте вырос призрак Второй мировой войны.

Глава 36
Странная роль мировой печати[26]

Годы 1933…1939 были периодом назревания Второй мировой войны. «Прусский милитаризм», который считался поверженным в 1918 году, возродился ещё более грозным, чем когда-либо; эта сцена так захватила внимание всего человечества, что оно потеряло интерес к Палестине, с виду не имевшей никакого отношения к событиям в Европе. В действительности она продолжала занимать важное место в «причинах и целях» Второй мировой войны, которые президент Вильсон считал «неясными» в первой. После 1917 года повторять выдумки о «преследовании евреев в России» стало невозможным, но образовавшееся пустое место было успешно заполнено «преследованием евреев в Германии», и как раз в тот момент, когда сионизм представлялся Вейцману «беспомощным и безнадёжным», сионисты смогли новым гвалтом запугать евреев и начать новую осаду западных политиков. Последствия стали ясно видны в результате новой войны, от которой выиграли одни только революционный сионизм и революционный коммунизм. Будучи свидетелем событий, приведших к написанию этой книги, автор

---

[26] В этой главе Дуглас Рид впадает в ошибку многих англичан, всерьёз считавших национал-социалистов зачинщиками Второй мировой войны. Историография последних 30 лет показала, что Гитлер, как и все остальные политики послевоенной Германии, о возможности новой мировой войны и не помышлял. Германскому руководству чужда была даже мысль о возможной европейской войне, что достаточно явствует из того, что при начале военных действий против Польши Германия располагала всего лишь 62 дивизиями; ближайшие противники в европейской войне, к тому же на двух фронтах — Польша и Франция — располагали совместно 130 дивизиями (30 польских и 100 французских), что заведомо исключает возможность провоцирования европейской войны с немецкой стороны.

Однако, «мировой кагал», существование которого Дуглас Рид считает доказанным, учёл, что Гитлер и его окружение пойдут очень далеко, чтобы восстановить положение Германии, как великой державы, и вернуть по крайней мере часть отторгнутых у неё территорий; при умелой закулисной режиссуре в условиях господства над мировой печатью и прочими средствами пропаганды создавшееся положение, корни которого скрывались в Версальском «мирном» договоре, навязанного Европе теми же закулисными силами, нетрудно было использовать для провоцирования мировой войны. Потеряв надежду договориться мирным путём с поляками по вопросу о Данциге и «польском коридоре», чего безуспешно добивались все правительства послевоенной Германии, Гитлер пошёл на вооружённый конфликт и, по словам свидетелей, «стоял как окаменевший», когда через 3 дня после начала военных действий послы Англии и Франции от имени своих правительств объявили ему войну.

Все последующие события, включая вступление в войну Соединённых Штатов, представляются, как показывает Д. Рид, логическим развитием плана, умело задуманного мировым центром, которому ужасы войны и её разрушения, жертвы и страдания «гоев» были глубоко безразличны (если не прямо желательны, см. Талмуд) и который преследовал свои собственные цели:

) создание еврейского государства,

) окончательное уничтожение Германии (см. план Моргентау и пр.) и

) выдачу пол-Европы на разгром большевизму, как продолжение плана последовательного уничтожения христианской культуры и общественного порядка Европы, включая физическое уничтожение её ведущих классов в невиданных до тех пор масштабах.

Другими словами, Дуглас Рид, не допуская сомнений относительно роли «кагала» в провоцировании и ведении Второй мировой войны, переоценивает роль Гитлера и германского руководства, ставших (не без собственной близорукости) его орудием и жертвой.

По вопросу об истинных причинах и зачинщиках Второй мировой войны за истёкшие 30 лет после написания книги Дугласа Рида появилась обширная литература, приведённая в значительно дополненной нами библиографии в разделе 6) Междувоенный период. Вторая мировая война, подготовка и последствия. Обращаем внимание русских читателей в особенности на труды следующих авторов (приведённых в упомянутом разделе 6): Bavendamm, Dall, Diwald, Fish, Grenfell, Hanel? Hesse, Hoggan, Irving, Kluge, de Launay, Maser, Rassinier, J. v. Ribbentrop, A. v. Ribbentrop, Tansill? Untermayer, «Zwei Deutsche Friedensvorschlage 1936/1939».

переходит к повествованию от первого лица.

В начале этого периода, в 1933 году, я смог взойти по ступеням служебной карьеры, превратившись из простого служащего в редакции в корреспондента «Таймса» в Берлине. что доставило мне немалое удовлетворение. К концу периода, в 1939 г., я был полностью в этой работе разочарован и вынужден отказаться от заработка, подав в отставку. События промежуточных лет покажут причины этого решения.

Начиная с 1927 года я постоянно сообщал о растущих успехах Гитлера, а в 1933 году, по чистой случайности, я проходил мимо горевшего Рейхстага. Это событие, использованное для создания Гестапо и концлагерей по испытанному большевистскому образцу, необычайно упрочило власть Гитлера, но какое-то предчувствие сказало мне в тот вечер, что пожар Рейхстага предвещает гораздо более важные события. Непрекращающиеся с тех пор бедствия Европы фактически начались именно в этот день, а отнюдь не лишь с первым днём войны. В конечном счёте он означал распространение сферы мировой революции вплоть до центральной Европы, причём передача её в коммунистическую собственность в 1945 г. лишь подтвердила совершившийся факт (до тех пор скрытый от мировой общественности умелой пропагандой о мнимом антагонизме между национал-социализмом и коммунизмом). Единственный вопрос, на который ещё должна ответить история, заключается в том, будет ли мировая революция отброшена назад или же пойдёт ещё дальше на Запад с той позиции, которую она заняла в тот памятный вечер 27 февраля 1933 года.

Начиная с фактического установления этим вечером гитлеровского режима, все профессиональные наблюдатели в Берлине, как дипломаты, так и журналисты, поняли что он означает новую войну, если только не удастся этому помешать. Помешать войне в то время было сравнительно легко; Уинстон Черчилль справедливо назвал вторую мировую войну «ненужной войной». Её можно было предупредить, оказав Гитлеру решительное сопротивление в его первых воинственных авантюрах в Рейнской области, Австрии и Чехословакии в любое время вплоть до 1938 года, когда (как это подтверждает и Черчилль) готовившиеся свергнуть Гитлера немецкие генералы оказались парализованными капитуляцией Запада а Мюнхене. В Берлине опытные английские наблюдатели событий единодушно считали, что если Гитлера не остановят, он начнёт войну, и сообщали об этом своему правительству и издателям в Лондоне. Главный корреспондент Таймса в Берлине Норман Эббатт (я был вторым корреспондентом) сообщал в начале 1933 года, что войну следует ожидать *примерно через пять лет* , если не примут мер к её предупреждению, и это его сообщение было опубликовано. И он, и я, и многие другие журналисты с удивлением и тревогой наблюдали в последующие годы систематическое игнорирование и искажение наших сообщений, причём в газетах и в парламенте Гитлер изображался, как по своей природе вполне приличный человек, который не нарушит мир, если его справедливые претензии будут удовлетворены, — разумеется за чужой счёт.

Эти годы обычно называют периодом «политики умиротворения», но правильнее было бы сказать *поощрения* , поскольку эта политика превратила возможную войну в неизбежную. Разочарования и напряжение этих лет фактически сломили Эббатта, т. ч., начиная с 1935 года, я стал главным корреспондентом в Вене, которая тогда была вторым удобным пунктом наблюдения за событиями на германской сцене. В конце 1937 года я сообщил из Вены в «Таймс», что по словам Гитлера и Геринга война начнётся «к осени 1939 года»; эту информацию я получил от австрийского канцлера. Я был в Вене и во время вторжения Гитлера в Австрию, а затем, после кратковременного ареста штурмовиками СА при моём выезде оттуда, был переведён в Будапешт, где в сентябре 1938 года меня застала грандиозная капитуляция в Мюнхене. Мне стало ясно, что добросовестный корреспондент бессилен против «политики умиротворения», и что его задача потеряла всякий смысл; я написал моему издателю увещевательное письмо с заявлением об отставке, на что получил находящийся у меня по сей день уклончивый ответ с подтверждением.

14 лет спустя, в своей на редкость откровенной *Официальной Истории* , изданной в 1952 году, Таймс публично признал свою ошибку в отношении «политики умиротворения». Неохотно эта «История» пишет и обо мне: «несколько младших сотрудников подали тогда в отставку» (в 1938 году мне было 43 года, я был главным корреспондентом в центральной Европе и на Балканах, работал для «Таймса» уже 17 лет и, насколько мне известно, был единственным сотрудником, подавшим в отставку). В том же сборнике «Таймс» опрометчиво обязался не делать таких ошибок в дальнейшем: «не будет неосторожным заверить, что редакция на площади Принтинг-Хауз никогда больше не будет реагировать на любую агрессию на манер Мюнхена». Передовые статьи и репортажи «Таймса» о позднейших событиях, как например о разделе Европы в 1945 году, о выдаче Китая коммунистам, а Палестины сионистам, или же о ходе Корейской войны явно показали, что никакого изменения в

политике газеты не произошло. Моя отставка в «Таймсе» в 1938 году была, таким образом, вызвана теми же мотивами, что и отставка полковника Репингтона (в то время *я* о нём ещё ничего не знал) в 1918 году. Над Англией нависла грозная военная опасность, но журналистам не разрешалось извещать об этом публику; вторая мировая война была, по моему мнению. результатом именно этого. Журналисту не следует переоценивать собственного влияния, однако если в такое решающее время на его сообщения не обращают внимания, то его работа становится сплошной фальшью и, ему лучше всего прекратить её, чего бы то ни стоило. Именно это я и сделал, а много лет спустя меня утешили прочтённые мной впервые слова сэра Вильяма Робертсона полковнику Репингтону: «Главное — держаться прямого курса, тогда можно быть уверенным, что в конце концов из того, что сейчас кажется злом, получится добро».

При подаче в отставку в 1938 г. у меня была ещё одна причина удивляться тому, как действует печать, и чего я ещё не знал в 1933 г. Мне поначалу казалось, что извращение правдивой картины событий происходит в силу слепого увлечения, простых симпатии или антипатий. Однако, исход последовавшей войны показал, что именно за этим искажением правды стояли гораздо более существенные мотивы. Речь идёт о «преследовании евреев» в Германии, и на этом примере я увидел, что описание фактов постепенно уступало место столь пристрастному их изображению, что от правды не оставалось и следа. Это было проведено в трёх последовательных стадиях. Вначале сообщалось о преследовании «политических противников и евреев»; затем это незаметно превратилось в «евреев и политических противников»; в конце же концов печать стала писать только о «преследовании евреев». Таким методом общественности преподносилась совершенно ложная картина, страдания подавляющего большинства жертв режима стушёвывались при резком освещении происходившего только с одной, ограниченной группой лиц. Последствия ясно сказались в 1945 году, когда, с одной стороны, преследования евреев стали единственной причиной приговоров в Нюрнбергском процессе, в то время как народы пол-Европы были преданы, став жертвой тех же преследований, пришедшихся на долю евреев в гораздо меньшем масштабе, в соответствии с их незначительным меньшинством в народонаселении всех стран в мире.

Я был типичным англичанином моего поколения, и в то время не видел различий между самим собой и евреями, считая, что и евреи не видят в себе ничего отличного от меня. Если впоследствии эти различия стали бросаться мне а глаза, как и то, что влиятельные группы стараются их создавать, то это произошло в результате не политики Гитлера, а того, что я стал замечать новые препятствия в деле правдивого освещения событий. Когда в Германии началось общее преследование противников режима, я писал о том, что видел. Если я узнавал о концентрационном лагере с тысячью заключённых, то я так об этом и писал: если мне становилось известно, что среди этой тысячи находились 30 или 50 евреев, я сообщал и об этом. Я видел первые волны террора, говорил со многими из его жертв, осматривал их повреждения и был предупреждён, что всё это привлекло ко мне внимание Гестапо. Подавляющее большинство жертв, наверняка гораздо более 90% были немцы, и лишь немногие были евреями. Это отражало их процентуальное отношение ко всему населению в Германии, как впоследствии и в других странах, оккупированных Гитлером. Мировая печать однако, в своих сообщениях того времени писала только о евреях, как будто бы главной массы пострадавших не существовало вообще.

Приведу примеры из сообщений прессы и моих собственных наблюдений. Раввин Стефен Уайз писал в *1949 году* о событиях, о которых я сам сообщал в 1933 г., и не может быть сомнений в том, что ту же версию событий он распространял и в ближайшем окружении президента Рузвельта, где он в те годы был постоянным гостем:

> «Мероприятия против евреев продолжали *превышать в их систематической жестокости и планомерном уничтожении террор против других групп* . 29 января 1933 года Гитлер был назначен канцлером… *и тотчас же* режим террора начался с *избиений и арестов евреев* … мы собирались организовать демонстрацию протеста в Нью-Йорке 10 мая, в день, когда *было проведено сожжение еврейских книг в Германии* … Главный удар приняли на себя *евреи* … концентрационные лагеря были *переполнены евреями* ».

От начала и до конца это — сплошная ложь. Мероприятия против евреев *не* превышали террора против других противников режима, евреи разделяли судьбу гораздо большего числа других пострадавших. Режим террора начался *не* 29 января 1933 года, а в ночь пожара Рейхстага, 27-го февраля. Не было никакого приказа «сжигать еврейские книги»; я присутствовал при таком сожжении и написал о нём, а теперь ещё раз просмотрел собственные репортажи, чтобы проверить мои воспоминания. Сжигалась масса «марксистских» книг, в том числе труды многих немецких, английских

и других нееврейских писателей (были бы мои книги тогда уже опубликованы, они несомненно также подверглись бы сожжению); в костёр были брошены разумеется и *некоторые* еврейские книги, но «главный удар» террора вовсе *не был* направлен против евреев, а концлагеря не были ими «переполнены». Число еврейских жертв соответствовало их процентной доле в населении.

Бесконечное повторение этого вранья несомненно довлело над сознанием широких масс населения в странах союзников в продолжение Второй мировой войны. В дни моей отставки, вызванной исключительно «политикой умиротворения» и близкой неизбежностью «ненужной войны», это второе препятствие на пути правдивого репортажа было лишь второстепенной неприятностью. Позже я понял, что стоявшие за ним мотивы играли громадную роль в руководстве ходом войны и её исходом. Познакомившись с эпопеей Роберта Вильтона после первой войны, я увидел, что мы оба столкнулись с очень похожими друг на друга явлениями. Он пытался найти объяснение происходившему в России и неизбежно натолкнулся на «еврейский вопрос». Двадцать лет спустя мне пришлось убедиться, что обратить внимание публики на лживость газетного изображения преследований в Германии было фактически невозможно, как и невозможно было объяснить, что евреи были только малой частью в общем количестве жертв.

Эта история сама по себе не стояла ни в какой связи с моим уходом из «Таймса», но примерно в то же время она стала становиться мне ясной, и постепенное уяснение мной происходившего тогда отразилось в двух книгах, написанных после того, как я перестал заниматься журнализмом. Первая из них, «Ярмарка безумия», была целиком посвящена угрозе войны. Я наивно полагал, что одинокий голос в состоянии её предотвратить, и читатель может и сегодня ещё проверить наличие этого мотива. Для оправдания моего рвения терпеливый читатель сможет также, если он достаточно для этого стар, вспомнить ужас при одной только мысли о второй войне среди тех, кто пережил *первую* . Это трудно понять более молодым, привыкшим к целой серии войн, но в те годы это чувство довлело над всеми остальными.

Вторая книга. «*Великий позор* », вышла накануне войны и продолжала предупреждения первой, но в ней я впервые уделил некоторое внимание «еврейскому вопросу». Мой опыт расширялся, и я начал распознавать решающую роль, которую этому вопросу суждено было сыграть в характере и исходе второй войны, тогда уже явно стоявшей у порога. Этот же вопрос в значительной степени занимал автора и впоследствии, став со временем поводом для написания данной книги, и в этом свете написаны и последующие главы о подготовке, ходе и последствиях Второй войны.

Глава 37
Заправилы, пророки и народные массы

Посреди ликующих толл в Вашингтоне и Берлине одновременно (4 и 5 марта 1933 г.) начались два 12-тилетних периода правления, закончившиеся также почти одновременно в 1945 году. Сегодня беспристрастному историку трудно решить, которое из этих двух правлений принесло человечеству больше несчастий. Вначале, обоих главных актёров, вышедших на мировую арену, приветствовали как пророков. В Америке раввин Розенблюм славословил президента Рузвельта как «богоподобного посланца, любимца Провидения, мессию завтрашней Америки», целью поэтического льстеца было «убедить большинство». В 1937 году в Праге, уже стоявшей поя угрозой гитлеризма, один из еврейских знакомых автора этих строк рассказывал ему, что раввин в его синагоге всерьёз охарактеризовал Гитлера как «еврейского Мессию», явно пытаясь истолковать происходившие события в духе левитских пророчеств. Народные массы, как в Америке, так и в Германии, не иначе, чем в России, все эти годы жили под эгидой своих «премьеров-диктаторов»: орвелловских «Больших Братьев» или советских «любимых вождей», царивших в Москве. По виду противники, мистер Рузвельт и герр Гитлер, каждый по-своему содействовали «разрушительному принципу» в его трёх распознаваемых формах: революционного коммунизма, революционного сионизма и грядущего «мирового правительства для принуждения к миру».

Правление Рузвельта началось с бесстыдного обмана: он был парализован и пользовался креслом на колёсах, но его никогда не показывали публике ни в натуре, ни на фото, до тех пор, пока ему не помогали подняться на ноги. Его инвалидность не была секретом, но некие заправилы приняли решение, что ложная картина здорового и крепкого мужчины должна была преподноситься публике до его последнего вздоха (и даже после его смерти, так как на памятнике, воздвигнутом в его честь в Лондоне, скульптор представил его в гордой и уверенной позе).

Рузвельт создал необычный до тех пор прецедент, заставив свой кабинет принести присягу

некрещёному еврею, верховному судье Кардозо, убеждённому сионисту, который ещё в 1918 г. выразил полную покорность Брандейсу и раввину Стефену Уайзу словами: «Вы можете пользоваться моим именем как вам угодно»; после этого он получил назначение на пост верховного судьи, причём раввин Уайз потребовал этого сначала от губернатора штата Нью-Йорка, Смита, а затем от президента Герберта Гувера. Другими словами, тень ставшей впоследствии столь хорошо известной «двойной лояльности», с самого начала пала на правительство Рузвельта, как в своё время и на правительство Вильсона, благодаря фигуре Брандейса.

После республиканского междуцарствия в 1921…33 гг. Рузвельт вернулся к политике Вильсона, разрешив в его духе главный вопрос, определявший в те годы будущее Америки: должны или не должны *управлять* Америкой силы, представленные массовой еврейской иммиграцией из восточной Европы, наводнившей США в течение 60 лет со времени окончания гражданской войны в Америке. Все компетентные лица с тревогой наблюдали за быстрым ростом этой новой проблемы в жизни страны, правильно оценивая предвидимые результаты пересадки на американскую почву крупной людской массы, религиозное руководство которой наотрез отвергало как ересь всякую мысль о слиянии другими народами и ассимиляции. Джеймс Т. Адамс (1878—1949) писал об этом в своём «Американском эпосе» (1931), а Редиард Киплинг (1865—1936) живший в Новой Англии в 1890 году, охарактеризовал положение следующими словами:

«Земля опустошалась, теряя своих коренных жителей, место которых ещё не было занято беглецами из Восточной Европы… Иммигранты прибывали в Соединённые Штаты по миллиону в год… Где-то на задворках, сами ещё этого не сознавая, истинные американцы, чьи предки в течение трёх или четырёх поколении строили Америку, но от которых ничего не зависело и которые могли сделать ещё меньше, пробовали протестовать, не веря, что… чужеродные элементы вскоре будут ассимилированы и превратятся в хороших американцев. Никто их, разумеется, не слышал… Больше всего поражало меня, что все труды и достижения прежних поколений оказывались излишними и ненужными перед лицом этого наплыва иностранцев. Я начал тогда думать, не истребил ли Авраам Линкольн слишком много коренных американцев во время гражданской войны, и не пошло ли это на пользу одним только спешно импортированным массам их европейских сторонников. Вероятно, это звучит ересью, но я встречал многих, кто думал именно так. Самый никчёмный из старых иммигрантов был просеян и просолён за время длительных морских переходов того времени. В 60-ые годы появились пароходы, и теперь стало возможным доставлять человеческий груз со всеми его недостатками за две недели. А около миллиона уже более или менее обжившихся американцев было к тому времени убито».

Эта проблема была новой только *для Америки* ; в истории человечества она уже. давно была его старейшей проблемой, а в нашей книге мы показали, как она вставала на протяжении многих веков в одной стране за другой, как только еврейская иммиграция принимала массовые размеры. То же подтверждает и Хаим Вейцман в своём описании того, как он осаждал высокопоставленного британского чиновника, сэра Вильяма Гордона, столкнувшегося с этой проблемой в Англии за 20 лет до того, как она стала тревожить Конгресс Соединённых Штатов. Сэр Вильям пытался разрешить её в 1906 г. при помощи законопроекта о чужеземцах (подобно тому, как 67-ой и 68-ой конгрессы США пытались разрешить её законами о квотах). Вейцман пишет, что выполняя свой служебный долг, сэр Вильям (как впоследствии сенатор МакКарран и депутат Уолтер в Америке в 50-ых гг.) «стал считаться виновником всех трудностей на пути еврейской иммиграции в Англию». Вейцман пишет однако далее: «Когда в любой стране количество евреев достигает *степени насыщения* , в стране возникает *реакция против них* … Англия достигла состояния, при котором она могла переварить лишь определённое число евреев, но не больше… Реакцию против них *нельзя расценивать как антисемитизм* в обычном, вульгарном смысле этого слова; это общий социальный и экономический феномен, сопровождающий всякую еврейскую иммиграцию, и мы не можем его игнорировать. У сэра Вильяма не было никакого особого предубеждения против евреев. Он действовал… совершенно гуманно, в *интересах своей страны … Он считал, что Англия физически не была в состоянии возместить то зло, которое Россия причинила своему населению … Я* уверен, что он был бы точно так же настроен против массового наплыва любого чужеземного элемента: однако других иностранцев, требовавших допуска в страну в таком же количестве, не существовало». Сорок лет спустя Вейцман говорил то же самое евреям в Америке: «Определённые страны могут переварить только определённое количество евреев; как только это количество превышается, *наступает радикальная реакция* : *евреям нужно убираться* ».

Вейцман позволил себе высказать вполне трезвые доводы против неограниченной еврейской иммиграции только потому, что он обращался главным образом к евреям, вколачивая в их умы талмудистский догмат, что евреи *не могут* быть ассимилированы; этот догмат сионизму необходим,

хотя он и не обязательно верен. Приведённые цитаты показывают, что в 1906 г. высокий правительственный чиновник ещё мог констатировать, что его страна не обязана возмещать «зло», якобы причинённое евреям в другой стране, и имел право действовать согласно «интересам своей страны». В последующие десятилетья западные «премьеры-диктаторы» возвели в степень государственной политики возмещение всех, якобы причинённых евреям третьей страной «зол» за счёт ни в чём неповинного населения четвёртой страны. Абсурдность этой политики достаточно явствует из вышеприведённых слов Хаима Вейцмана, что когда определённое, переваримое число евреев в любой стране превышается, «возникает радикальная реакция: евреям нужно убираться». Пол-столетия он сам и его коллеги делали всё, что было в их власти, заставляя Америку открыть евреям неограниченный доступ, т. е., говоря его собственными словами, намеренно вели американских евреев к катастрофе; если он прав, то скоро правительствам других стран придётся принимать у себя большое число евреев из Америки из-за того «зла», которое им там якобы причинено.

Такова была жгучая проблема американской жизни, когда Рузвельт пришёл к власти. Между 1881 и 1920 гг. свыше трёх миллионов легально зарегистрированных иммигрантов переселилось в Соединённые Штаты из России, почти все из них — евреи. По данным Статистического бюро США, в 1877 г. в стране было 230 000 евреев, в 1926 г. их было четыре с половиной миллиона. О полном количестве еврейского населения в стране имеются лишь приблизительные данные, так как еврейское руководство не допускает поголовного подсчёта еврейского населения «чужими»; приведённые цифры считаются сильно сниженными. В последовавшее за этим десятилетие проверка этих цифр стала невозможной, главным образом благодаря изменениям в классификации иммигрантов, внесённым по распоряжению Рузвельта с целью сокрытия еврейского проникновения в страну, а учесть незарегистрированную и нелегальную иммиграцию не пытаются даже и правительственные органы: осведомлённые источники оценивают общее число евреев в Соединённых Шпион в десять миллионов. Как бы то ни было, в Соединённых Штатах проживает в настоящее время самая многочисленная еврейская колония в мире, пересаженная туда в течение двух последних поколений.

В отношении к общему населению Америки даже самая высокая оценка не подошла бы и к одной десятой. Сама по себе эта группа населения была бы сравнительно малой; однако её спаянная политическая организация даёт ей возможность нарушить равновесие власти, и это придаёт ей решающее значение. Эта проблема была распознана в 1921 году, когда Иммиграционный комитет конгресса постановил: «Ассимиляция и слияние групп населения — процессы медленные и трудные. В нашу страну течёт всё возрастающий поток населения из разрушенных областей Европы. Мы предлагаем радикально ограничить этот поток временной мерой, начав одновременно новый и единственный в своём роде эксперимент внесения законов об иммиграции в нашу конституцию».

Это привело к принятию закона о квотах, ограничившего иммиграцию всех национальностей до трёх процентов каждой из них, проживавшей в Соединённых Штатах в 1910 году. Конгресс следующего созыва пошёл много дальше вышеприведённой общей рекомендации: специально подчёркивая опасность проблемы, тот же комитет указал: «Для обеспечения постоянной действенности принципа личной свободы, охраняемого конституционным правительством и установленного на этом континенте почти полтора столетия тому назад, необходимо сохранить основной характер и экономический строи нашею населения… Американский народ не даст никаким *иноземны* м *группам права … диктовать характер нашего законодательство* ». Последовавшие годы показали, что в результате правления Рузвельта указанный выше принцип был нарушен, «основной характер» американского населения подвергся существенным изменениям, а одна «иноземная группа» получила возможность диктовать политику государства.

Не подлежит никакому сомнению, что прежде чем быть избранным, Рузвельт (как до него Вильсон, Ллойд Джордж и генерал Сматс) был кем-то *выбран* , как подходящее на данном посту лицо. Биограф Хауден пишет, что в своё время Хауз уже «наметил Рузвельта как кандидата в президенты задолго до того, как кто-то его назначил» в 1913 году помощником морского министра, и затем в течение многих лет тренировал его для поста президента, чтобы в будущем управлять от его имени, как в своё время от имени Вильсона. Но неожиданно дело вдруг сорвалось. Хауз был уверен, что Рузвельт по своём избрании в 1932 г. немедленно пошлёт за ним, но оказалось, что «кое-кто не желал, чтобы президент обращался ко мне за советами». Эти «кое-кто» были явно сильнее его, поскольку Хауза отставили даже без соблюдения обычных правил вежливости, и с этого момента (1933) он исчезает из нашей повести.

О причинах можно строить только более или менее правдоподобные догадки. Семидесятипятилетний Хауз порицал своего Филиппа Дрю 1912 года, который, посчитав американскую

конституцию «устаревшей и нелепой», силой захватил власть и затем правил с помощью чрезвычайных законов. Для Рузвельта у него были заготовлены более трезвые и ответственные рецепты и из своей опалы он «с опаской наблюдал» концентрацию безответственной власти в руках президента. В своё время Хауз заставил Вильсона, не успел тот придти к власти, внести в американскую конституцию, в качестве 16-ой «поправки» (16lh arnendment), самое разрушительное с социальной точки зрения мероприятие, предложенное ещё Карлом Марксом в его Коммунистическом Манифесте в 1848 году, а именно прогрессивный подоходный налог, но в 1930-е годы Хауз был немало встревожен тем совершенно необузданным контролем над общественным кошельком, который получил его очередной «Рокланд», поставленный президентом. По-видимому Хауз и был отстранён от дел только потому, что он изменил своим первоначальным идеям, поскольку именно эти идеи направляли политику Рузвельта в течение его шестнадцатилетнего правления. Он поддерживал всемирную революцию, и его первым крупным государственным актом было признание коммунистического правительства в России, в наступившей же войне он продолжал политику неограниченной поддержки последнего, начатую ещё Хаузом и Вильсоном; Рузвельт далее целиком поддерживал революционный сионизм, и наконец он же вернулся к старой идее «Лиги Принуждения к Миру» навязав её Западу под новым именем «Объединённых Наций». Так Рузвельт продолжил осуществлять идеи «Филиппа Дрю» на практике. В прошедшем поколении министр внутренних дел в кабинете Вильсона, Франклин К. Лэйн, как-то обмолвился, что «всё замышленное Филиппом Дрю осуществляется на деле, а президент скоро станет им и сам». 20 лет спустя биограф Хауза (Хоуден) не без оснований писал, что «сравнивая вымышленное законотворчество Дрю с тем, что делает Рузвельт, невозможно не видеть поразительного сходства». Здесь перед нами наглядный пример того, как одни и те же идеи передаются внутри правящей клики от одного поколения к другому. Идеи Хауза были им заимствованы у революционеров 1848 года, в свою очередь перенявших их от Вейсхаупта и революционеров 1789 года, этим же последним они были внушены ещё более древним источником. Когда Хауз от них отошёл, они без малейшей задержки были навязаны правящей группе вокруг нового президента, а тот, кто рискнул им изменить, оказался за бортом.

Хауз был единственным пострадавшим во «внутреннем круге». Ко времени его отставки Бернард Барух давно уже был советником Рузвельта, даже ещё до занятия им поста президента. Жена президента, Элеанора Рузвельт, писала в своих мемуарах, что «Барух был доверенным советником моего мужа как в *Олбани* , так и в Вашингтоне», другими словами ещё в годы губернаторства Рузвельта в штате Нью-Йорк. Морис Розенблюм, один из биографов Баруха, в свою очередь сообщает, что ещё до того как стать президентом, Рузвельт составил план создания новой организации под на названием «Объединённых Наций», несмотря на то, что Америка наотрез отказалась в своё время иметь что-либо общее с Лигой Наций после первой мировой войны. Как раввин Стефен Уайз, так и судья Брандейс, ранее окружавшие Вильсона, теперь перегруппировались в советники Рузвельта, и, судя по всему, антиеврейские мероприятия Гитлера в Германии подкрепили теперь желание м-ра Брандейса изгнать арабов из Палестины.

Похоже, что в самом начале двенадцатилетней эры Рузвельта у «советников» возникли было кое-какие сомнения в послушании президента, и были приняты соответственные меры (читатель вспомнит неудачные попытки «Рокланда» обрести независимость в 1912 г. и «ликование заговорщиков» после его капитуляции). Этим объясняется тот на первый взгляд странный факт, что раввин Стефен Уайз, активно помогавший Рузвельту при избрании в сенаторы в 1914 г. и в губернаторы штата Нью-Йорк в 1928 г., вдруг *не* поддержал его на президентских выборах 1932 года. Однако, что-то произошло, развеявшее сомнения раввина, ибо сразу же после избрания Рузвельта он провозгласил, что новый президент «смог снова заслужить моё неограниченное восхищение», а к 1935 году он был, как и прежде, своим человеком в Белом Доме. В свете прежнего опыта, характер лиц, окружавших Рузвельта, не оставлял сомнений в политике, которую он должен был преследовать. Рузвельт сделал это ещё более очевидным, значительно расширив круг своих еврейских советников, что в 1933 году приобрело особое, совершенно новое значение. В 1913 году общественность видела в еврейских советниках Вильсона таких же американцев, как и все прочие, отличавшихся только по вере. К 1933 г. сионистская авантюра и Палестине поставила вопрос об их истинной лояльности. К тому же, вставшие после 1913 года вопросы мировой революции и мирового правительства также столкнулись с *национальными* интересами Америки, а поэтому отношение к этим проблемам ближайшего окружения президента приобрело первостепенное значение.

В этом свете решения Конгресса от 1924 г. о недопустимости того, чтобы «группы иноземцев… диктовали характер нашего законодательства» также приобретают особую важность. Среди

«советников» президента многие были чужеземцами по рождению или стали несомненно чуждым для Америки элементом в силу их приверженности к сионизму или их отношению к мировой революции и созданию мирового правительства. В этом смысле «иноземная группа», воплощавшая в себе массовую иммиграцию предшествовавшего столетия, окружила американского президента и фактически направляла ход событий. Последовавшие 12 лёг показали, что все «советы» которым следовал президент, шли исключительно на пользу разрушающему принципу в его трёх взаимосвязанных формах: коммунизма, сионизма и мирового правительства.

Виднейшее место среди советников Рузвельта (кроме трёх вышеупомянутых лиц) занимал уроженец Вены Феликс Франкфуртер. Биограф Хауза, Хоуден, выражая мнение самого Хауза, считал Франкфуртера самым могущественным из всего президентского окружения: «Профессор Франкфуртер был двойником Рузвельта в большей степени, чем кто-либо другой… он играл роль Хауза при президенте Вильсоне». Истинную роль таких неофициальных советников обычно трудно определить, и не исключено, что эта оценка ставит Франкфуртера слишком высоко в иерархии Белого Лома; однако, вне всякого сомнения, его влияние было очень велико (как и многие другие, он впервые вошёл в круг «советников» ещё при президенте Вильсоне). Подобно Брандейсу и Кардозо он стал членом Верховного Суда США и никогда не выступал на политической сцене *открыто* , однако, результаты его влияния легче проследить, чем у других, где их можно обнаружить лишь с большим трудом. В 30-ых годах он руководил юридическим факультетом в Гарварде, что позволило ему вырастить целое поколение молодых людей, которые впоследствии придали определённую форму событиям 40-х и 50-х годов, пользуясь явными преимуществами при назначениях на ответственные посты. В их числе был некий Альджер Хисс, впоследствии разоблачённый и осуждённый как коммунистический агент, действовавший на посту одного из влиятельнейших «советников» Рузвельта: не лишено интереса, что верховный судья Франкфуртер по собственной инициативе выступил на процессе Хисса с положительной характеристикой разоблачённого советского агента. Второй воспитанник Гарварда, Дин Эчисон, в должности министра иностранных дел США, также нашёл нужным публично заявить, что он «не повернётся спиной» к Хиссу, а также и к другим обвиняемым на том же процессе. Хисс играл решающую роль на американской стороне в Ялте, где пол-Европы было отдано Западом на поток и разграбление мировой коммунистической революции; Китай был отдан во власть той же революции в период деятельности Эчисона на посту государственного секретаря США.

Помимо этой группы молодых людей, явно натаскивавшихся в первые годы эры Рузвельта для овладения впоследствии американским госдепартаментом, президент был окружён группой еврейских советников и на самом верху правительственной иерархии. Генри Моргентау (ведущий сионист, чей «план Моргентау» 1944 года послужил основой для раздела Европы в 1945 г.) был у Рузвельта министром финансов в течение одиннадцати из двенадцати лет его правления. Другими ближайшими сотрудниками президента были сенатор Герберт Лейман (Herbert Lehman, также видный сионист, игравший руководящую роль в осуществлении «второго исхода» евреев из Европы в 1945…46 гг., поведшего к войне в Палестине), судья Самуил Розенман (постоянно проживавший в Белом Доме и «помогавший» Рузвельту писать его речи), Давид Найлс (сын русских евреев, в течение долгих лет «советник по еврейским вопросам» как Рузвельта, так и его преемника Трумана). Веньямин Коган (также видный сионист и составитель «декларации Бальфура» в 1917 г.) и ещё три других русских еврея: Сидней Хилман, Исидор Любин и Лев Пазвольский.

Эти ведущие имена из личного окружения президента представляли лишь верхушку сооружения, возведённого вокруг политической жизни Америки. Совершенно очевидно, что этот неожиданный рост еврейского влияния за кулисами власти не мог быть результатом естественного процесса. Имел место тщательный отбор; евреи антисионисты, противники революции и мирового правительства в это окружение не допускались. Создание подобного рода «дворцовой гвардии» не могло пройти незамеченным и было мало популярно в правительственных кругах; однако, атаковать негласных советников, ни за что конкретно не отвечавших, хотя фактически всем руководивших, было очень трудно, а Рузвельт игнорировал все протесты и начал в таком окружении свою, трижды возобновлявшуюся президентскую деятельность. К тому же времени вышел на сцену и Гитлер, как символ периодически повторявшегося с математической точностью преследования евреев, заняв в планах советников Рузвельта то место, которое за 20 лет до того занимал в расчётах советников Вильсона русский царь.

Рузвельт смог оставаться президентом в течение столь длительного времени главным образом благодаря разработанному Хаузом безошибочному плану избирательных кампаний. По этому методу, рассчитанному на привлечение «текучих» голосов, главный упор был сделан на «неравноправие», с

целью обработки негров, выдвинутых на первый план в качестве ширмы, но в действительности лишь отвлекавших внимание от влияния «иноземных групп» в составе «дворцовой гвардии» и парализовавших протесты против него. Заметим для европейских читателей, что агитация о горестных судьбах американских негров, столь хорошо известная за пределами Америки, продолжает и в наше время исходить из Нью-Йорка, распространяясь почти исключительно двумя еврейскими организациями, Американским Еврейским комитетом и т. н. Лигой против диффамации, располагающими громадными средствами, а также Национальной Ассоциацией для Прогресса Цветных Народов, организованной и руководимой с самого начала евреями, причём негры до сего времени играют в ней лишь пассивную роль. Весьма характерно, что сами негры не желают ничего иного, как улучшения своих условий жизни *наряду* с белым населением, но вовсе не *смешения* с ним, что они полностью отвергают. Вся же энергия еврейского руководства организациями, выступающими якобы от имени негров, направлена исключительно на принудительное смещение рас, чего не желают ни белые, ни чёрные, но что явно входит в расчёты «сионских мудрецов». Под давлением этих псевдонегритянских организаций дело дошло до разбора вопроса в Верховном Суде США, который в 1955 году объявил нелегальной систему раздельного обучения детей в школах, и потребовал ввести принудительное совместное обучение белых и чёрных. В южных штатах выполнение этого решения вряд ли возможно без гражданской войны, и оно уже привело к многочисленным столкновениям с участием Национальной гвардии и танковых частей; целью является *заставить* белых родителей отправлять детей в смешанные школы, что опять-таки не имеет иной цели. как способствовать смешению белой и чёрной рас.

Автору этих строк удалось познакомиться с бюджетом Американскою Еврейского комитета за 1953 год, составлявшим тогда 1 753 000 долларов. О негритянском вопросе в этом документе говорилось следующее: «Положение евреев в отношении гражданских и политических прав лучше обеспечено, нежели у некоторых иных групп, в особенности у негров. Однако, до тех пор, пока возможно нарушение этих прав у негров, права евреев также не могут считаться достаточно обеспеченными. Поэтому значительная часть наших усилий направлена на уравнение возможностей для этих других групп, а не для нас самих… Примером служат наши отношения с Национальной Ассоциацией для Прогресса Цветных Народов, которая обращается к нашей помощи в определённых областях, в которых мы особо компетентны… Полезным оружием являются судебные процессы… Мы непосредственно участвуем в судебных исках… направляем в суды жалобы прошв сегрегации… и подготовляем процессы против дискриминации негров». Необходимо в связи с этим заметить, что Верховный Суд США состоит не из профессиональных юристов, а из лиц, назначенных президентом по политическим соображениям; нетрудно видеть, что это способно привести страну к совершенно непредвиденным, опасным последствиям.

Параллельно с эксплуатацией негритянского вопроса, партия Рузвельта расширила беспрецедентную до тех пор кампанию с целью привлечения «бедноты» обещаниями выжать дополнительными налогами все соки из «богатых». Эта демагогия оказалась столь успешной, что республиканцы в цинике стали соперничать с демократами в поисках благосклонности «иноземцев», видя в них ключ к победе на выборах. В результате закулисная власть оказалась обеспеченной с обеих сторон и американский избиратель фактически лишён всякой возможности сделать настоящий выбор между партиями, поскольку победа любой из них идёт на пользу одной и той же силы. Рузвельт укрепил свою позицию при помощи «дефицитных бюджетов», другими словами неограниченного расходования государственных средств согласно теории, что размеры государственной задолженности не играют роли, поскольку государство якобы влезает в долги только у самого себя. С тех пор американский народ потерял всякую возможность контроля над государственными финансами, а хозяин Белого Дома получил возможность простым росчерком пера декретировать такие расходы, которые в прежние времена покрыли бы годовые бюджеты у полдюжины экономных государств. Рузвельт добился этих прав под предлогом необходимости бороться с экономическим кризисом тех лет, однако созданное им перманентное «чрезвычайное положение» продолжается по сей день.

Президентская деятельность Рузвельта явно развивались по заранее разработанному плану, и ход событий во всём мире был бы совершенно иным, если бы его правление не было столь долгим. Скрытый механизм работал так успешно, и хватка его наставников была так крепка, что Рузвельт трижды переизбирался на пост президента. Только один раз за этот период его правление было поставлено под непредвиденную угрозу, которая могла серьёзно нарушить их планы. В одном из южных штатов, Луизиане, появился политикан того же рода, что и президент Рузвельт. Хью Лонг, молодой демагог с мясистым лицом и курчавыми волосами, родом из бедной крестьянской семьи,

приобрёл популярность тем, что, подобно Вильсону и Рузвельту, он ополчился на «денежные интересы» (в его штате на нефтяные «интересы» вообще и на Standard Oil в частности). Став кумиром белой бедноты, он был в 1928 году избран губернатором штата и для постройки школ сразу же обложил налогами нефтяные компании, за что при открытии законодательного собрания Луизианы некий раввин Уолтер Пейзер отказался дать ему своё благословение, назвав ею «недостойным губернатором». Популярность Лонга возросла после этого ещё больше, и в марте 1935 г. он был избран в Сенат, где он посвятил большую часть одной из своих речей нападкам на небезызвестного Бернарда Баруха, которого он видимо считал главным представителем упомянутых «интересов». Заметим, что Лонга, у которого были многочисленные еврейские сотрудники, его противники обвиняли во всех смертных грехах, кроме антисемитизма. Лонг становился крупной силой в стране и написал книгу «*Моя первая неделя в Белом Доме* » с многочисленными иллюстрациями, изображавшими Рузвельта примерно таким, каким он позже был в Ялте, покорно слушавшим мудрые речи крепкого и энергичного Хью Лонга.

Лонг собирался побить Рузвельта его собственным оружием, превзойдя его расточительными государственными расходами и щедрыми обещаниями. Он делал это умелой оригинально, превосходя в ловкости даже самого «Ф. Д. Р». С помощью своей программы «раздела богатств» и «каждый сам себе король» он сумел забрать в руки весь политический аппарат Луизианы. Когда государственные субсидии начали поступать в штаты (для финансирования всякого рода «кризисных проектов», а заодно и для покупки голосов) Лонг спокойно переключил их на собственные цели. Он провёл в законодательном собрании штата закон, запрещавший местным органам принимать какие-либо субсидии из Вашингтона без согласия местного правительства. Поскольку Лонг стоял во главе этого правительства в штате, он перехватил обильный денежный поток и использовал его для укрепления своих собственных избирательных шансов, а вовсе не шансов Рузвельта. Короче говоря, он пользовался общественными средствами совершенно так же, как и сам Рузвельт, только для своих целей.

В 1935 году предстояла вторая избирательная кампания Рузвельта, советники которого вдруг сообразили, что популярность Лонга вышла далеко за пределы Луизианы, и что *я* превратился в политическую фигуру общеамериканского масштаба. Как впоследствии писал Джон Флинн в своём «Мифе Рузвельта» (см. библиографию), национальный комитет демократической партии «был поражён, когда тайный подсчёт голосов показал, что Лонг, выступая кандидатом от третьей партии, смог собрать от трёх до четырёх миллионов голосов и что его план „раздела богатств“ сильно подорвал позиции демократической партии как в промышленных, так и в сельскохозяйственных штатах». Другими словами, хотя Лонг в то время и не прошёл бы в президенты, но он наверняка мог бы помещать переизбранию Рузвельта, и правящая клика неожиданно встретилась с серьёзной угрозой своему правлению. Но, как далее писал Флинн, «судьба стала демократкой и осталась ею»: 8 сентября 1935 года молодой еврей, некий д-р Карл Вейс, застрелил Лонга в здании луизианского парламента. Мотивы преступления, по газетным сообщениям, «остались неизвестными», поскольку доктор Вейс, который мог бы пролить на них свет, был в свою очередь на месте застрелен неосторожным телохранителем Лонга. Небезынтересно, что сам Лонг предсказал свою смерть ещё в июле того же года, открыто заявив в Сенате, что враги готовят его убийство с помощью «одного человека, одного револьвера и одной пули». Он сообщил, что разговор на эту тему был записан диктографом, скрытым в номере отеля в Нью-Орлеане, где собирались его враги. Писатель-современник, Холдинг Картер (Carter, см. библиографию), якобы присутствовавший при этом «разговоре», утверждает однако, что «весь заговор состоял лишь в невинных пожеланиях типа „Я надеюсь, что кто-нибудь его угробит“… и т. д.»

Как бы то ни было, политический результат убийства не оставлял сомнений: переизбрание Рузвельта было обеспечено. Общественность была успокоена обычными в таких случая, ссылками на помешательство убийцы, а также на различные иные мотивы, помимо сумасшествия. Никакого судебного расследования произведено не было, как и во многих других случаях политических убийств последних ста лет, когда расследование также либо не производилось вообще, либо же было умышленно неполным. В тех случаях, когда такое расследование производилось добросовестно, как например после убийств президента Линкольна, эрцгерцога Франца-Фердинанда или короля Югославии Александра, оно ни в одном случае не подтвердило теории «одинокого помешанного» (которая, разумеется, также немедленно преподносилась общественности), а неизменно обнаруживало стоявшую за убийством организацию с мощной поддержкой «заинтересованной стороны». Устранение Лонга с политической сцены существенно повлияло на ход событий последующего десятилетия, и с этой точки зрения оно представляется столь же важным событием, как и убийства более высокопоставленных лиц.

Рузвельт был переизбран в 1936 году. Ему явно было предписано осуществить, планы Хауза и Вильсона, заставив Америку ввязаться в «международные осложнения», и, подобно Вильсону, он от

выборов к выборам обещал страну от них избавить. Тем временем во всём мире рос гвалт по поводу Гитлера и, как уже было показано ранее, преследование им политических противников было незаметно превращено в «преследование евреев». За два года до начала второй войны Рузвельт *открыто* обязался заявлением, смысл которого был хорошо понятен посвящённым, вовлечь Америку в войну для достижения прежде всего того, чего требовала его «дворцовая гвардия». Вильсон выступал публично с угрозами по адресу России в декабре 1911 года, т. е. примерно за три года до первой войны; заявление Рузвельта с открытой угрозой Германии было сделано в октябре 1937 г., т. е. за два года до второй. Оба заявления идентичны в своём определении политических целей Америки, как целей еврейства в том ложном понимании, которое придавали им сионисты. 5 октября 1937 г. Рузвельт заявил: «Пусть никто не воображает, что Америка избежит угрозы… что западное полушарие не *подвергнется нападению* … *Когда начинает распространяться эпидемия физического заболевания* , общество по одобряет и общими усилиями организует карантин для больных, чтобы защитить здоровье общества от распространения несчастья». Сочинители президентских речей оказались на этот раз недостаточно осторожными. Намёк на совместную организацию «карантина для больных» был правильно понят общественностью, как угроза начать войну. Это вызвало такое волнение в публике, что до того момента, когда Америка 4 года спустя фактически вступила в войну, Рузвельту пришлось безостановочно обещать избирателям, что «ваших сыновей никогда не пошлют в чужую войну». (В октябре 1937 года Рузвельт однако уже должен был знать, что война начнётся осенью 1939 г.; автор этих строк. именно в это время послал в «Таймс» из Вены сообщение о соответствующем высказывании на этот счёт со стороны Гитлера и Геринга, а президент, надо думать, также получил об этом не менее точную информацию).

Как было упомянуто в предыдущей главе, фальсификация сообщений из Германии производилась к тому времени уже на протяжении четырёх лет. Мы приводили несколько примеров этого, и сейчас даём ещё один. Раввин Стефен Уайз упоминает в своей книге (см. Библиографию, Wise), что Американский Еврейский Конгресс организовал сразу же после прихода Гитлера к власти *всеобщий бойкот гер манской торговли* на основании «телеграфных сообщений» из Германии о том, что там «подготовляется всегерманский погром». Тот же автор сообщает далее, как бы мимоходом, что «сообщённого погрома», собственно, вовсе и не было, однако это не помешало продолжению бойкота до самой войны. Национал-социалистические источники всегда утверждали, что *однодневный* бойкот еврейских торговцев в Германии 1 апреля 1933 г. был ответом на исходившую из Нью-Йорка провокацию, и вышедшая в 1949 г. книга Уайза подтверждает это.

Слово «погром» взято во всех языках с русского (оно означает «избиение») и играет особую роль в еврейской пропаганде. Его употребляют при любых беспорядках, в которых замешаны евреи и ему нарочито придаётся этот специфический, хотя и ложный смысл, т. ч. нерусский читатель вероятно примет за опечатку, если он прочтёт о «погроме русских» (или, скажем, арабов). Хаим Вейцман пишет, что в его родных местах, в России «никогда не было погромов», но неизменно употребляет это слово, поясняя, что «вовсе необязательно самому жить в условиях погромов, чтобы знать, что весь нееврейский мир отравлен антисемитизмом». Подстрекая британского верховного комиссара в Палестине принять суровые меры против арабов, Вейцман оперировал доводом: «я по собственному опыту знаю атмосферу, предшествующую погромам», — хотя по собственному признанию у него такого опыта никогда не было. Он называет «погромом» беспорядки в Палестине. при которых пострадали пять или шесть евреев, и характеризует как «арабский терроризм» события-1938 года там же, во время которых было убито 69 англичан, 92 еврея и 1500 арабов. Совершенно аналогично этому, известный английский военный, сэр Адриан Картон де Вайарт, кавалер креста Виктории, живший в Польше в период между обеими войнами, писал, что разрешить там еврейский вопрос, «по-видимому, нет возможности… *распространяются слухи* о якобы происшедших погромах (в Польше), но я считаю эти слухи грубо преувеличенными, поскольку никаких свидетельств очевидцев о якобы имевшем место избиении многих тысяч евреев не существует».[27]

---

[27] То, что, по мнению Дугласа Рида, русское слово «погром» означает «избиение» (англ. massacre, т. е. избиение или резня) — лишнее доказательство того, как еврейской пропаганде удалось исказить в представлении Запада русскую дореволюционную действительность. Если бы погромы евреев в Польше и России действительно характеризовались избиением или резнёй, то заграницей употреблялись бы именно эти, достаточно ясные и резкие обозначения, и не было бы нужды вводить в западные языки незнакомый им термин «погромов»; напомним, что бесчисленные «погромы» евреев во всей западной Европе на протяжении средних веков выливались в большинстве случаев именно в резню и избиение; под этими обозначениями они и вошли в историю. и для них незачем было выдумывать слово «погром». Характерной чертой погромив в России было, однако, то, что обозлённые на евреев низшие слои русского и польскою населения. больше всех

Начиная с упомянутого воображаемого погрома в Берлине, антигерманская пропаганда в США подготовила ту атмосферу, в которой Рузвельт смог произнести свою речь о «карантине». Сионистов в его окружении действительные или воображаемые испытания евреев вообще не беспокоили, они были им необходимы, как для их политики внутри Америки, так и для их прочих обширных планов, и единственное, чего они действительно боялись, было облегчение жизни евреев. Они продолжали политику талмудистских революционеров в царской России, где они дошли до убийства Царя-Освободителя, лишь бы не допустить эмансипации евреев. Сам раввин Уайз сообщает, что протесты и мольбы евреев из Германии прекратить бойкот ни его, ни его друзей — сионистов не остановили. Всякая возможность какого-либо примирения между Гитлером и германскими евреями приводила сионистов в ужас, и раввин Уайз известил своих сторонников, что он боится только двух вещей: «что наших еврейских братьев в Германии могут уговорить или заставить заключить какое-нибудь соглашение, *которое сможет принести с собой некоторое улучшение или смягчение их судьбы* … что нацисты, дабы избежать опасных последствий слишком сурового режима, *могут принять паллиативные меры и тем разоружить еврейский протест* » (Он характеризует эту вторую возможность, как главную опасность).

Другими словами, сионисты *боялись* , что «преследование» может прекращаться; это ясно видно из высказываний их руководства. Раввин Уайз в Нью-Йорке предпочитал этому любые страдания евреев: «Умереть от рук нацистов — жестоко, но *выжить по их милости в тысячу раз хуже* . Мы переживём нацизм, если только *мы* не впадём в непростительный грех, торгуясь и договариваясь с ним, *чтобы спасти несколько еврейских жертв* » (из выступления Уайза на всемирной еврейской конференции в 1934 г.). «Мы безоговорочно отбрасываем с гневом и презрением любое предложение, *обеспечивающее . безопасность немногим евреям* за счёт позора всего еврейства» (1936). В Вашингтоне верховный судья Брандейс столь же решительно приветствовал «еврейское мученичество» в Германии: «Любые меры, способствующие расширению заграничного рынка для германских товаров, усилят Гитлера… Облегчить экономические трудности Гитлера только чтобы спасти путём эмиграции несколько германских евреев, было бы… весьма плачевной политикой».

В действительности же сионисты были готовы «договариваться с нацистами» и заключать с ними финансовые сделки всегда, когда это служило их целям. Семь лет спустя, в разгаре второй мировой войны «группа высоких нацистских чиновников» сообщила раввину Стефену Уайзу. что за известную сумму евреям может быть разрешено выехать из Польши в Венгрию. Трудно понять, что именно выигрывали на этом евреи, поскольку обе страны были под властью Германии; у раввина должны были быть какие-то скрытые мотивы (возможно связанные с будущим «исходом» в Палестину) добиваться переезда евреев из оккупированной Польши в Венгрию в *военное* время, после того. как он столь упорно сопротивлялся спасению их из Германии в *мирное* время. Он обратился к Рузвельту с просьбой о переводе нужных для этой взятки долларов на немецкий банковский счёт в Швейцарии, на что последовал «немедленный» ответ: «Почему Вы медлите с этим сами, Стефен?» Тут же были даны соответственные распоряжении другому видному сионисту, министру финансов США Генри Моргентау, и, несмотря на все протесты Государственного департамента США и британского министерства иностранных дел, не считавших возможным финансировать военного противника, деньги были переведены на счёт Всемирного Еврейского Конгресса в Женеве для передачи национал-социалистическому руководству.

Для американских сионистов призрак примирения между Гитлером и евреями представился особенно грозным в 1938 году, когда глава правительства Южной Африки, генерал Сматс, послал своего министра обороны, Освальда Пироу в Германию, чтобы он постарался, если это окажется возможным, смягчить остроту еврейского вопроса. Премьер-министр Англии, Невиль Чемберлен, приветствовал эту попытку, сказав Пироу, что давление со стороны международного еврейства было главной помехой на пути к англо-германскому взаимопониманию, и объяснив, что ему было бы гораздо легче противостоять этому давлению (вспомним «непреодолимое давление» Льва Пинскера!), если бы удалось уговорить Гитлера умерить своё упрямство. Пироу поехал в Германию, сообщил затем, что он сделал конкретные предложения, что Гитлер ответил положительно, и что таким образом соглашение уже намечалось.

страдавшие от еврейского засилья в торговле, ремёслах и пр., принимались «громить» еврейские лома, лавки и шинки, причём человеческие жертвы имели при этом место лишь в виде исключения, что не мешает еврейской пропаганде, в особенности после революции, когда уже нет больше опасности быть уличёнными в клевете, преувеличивать число жертв до фантастических размеров.

В этот самый момент снова вмешалась некая странная «судьба», как это было и с Хью Лонгом, Столыпиным, императором Александром Вторым и многими другими, выходившая на сцену каждый раз когда появлялась надежда на умиротворение в еврейском вопросе. Молодой еврей застрелил в Париже германского дипломата фон Рата. В Германии вспыхнули погромы, было сожжено несколько синагог и миссия Пироу была сорвана. Расследование причин преступления в Париже не состоялось, как не было и попыток установить действие каких-либо организаций, стоявших за убийцей, а если таковые и были, то никаких результатов расследования сообщено не было; раввин Уайз снова преподносит в своих записках давно знакомую версию (которую можно найти и в романе Хауза) о «полусумасшедшем юноше», якобы доведённом его «испытаниями» до безумия.[28]

Рузвельт реагировал немедленно: «Последние новости из Германии глубоко взволновали общественное мнение Соединённых Штатов… *Я сам едва мог представить себе, что подобные вещи могут происходить в культурной стране в двадцатом столетии … я* немедленно отозвал нашего посла в Берлине для доклада и консультации». Возмущение Рузвельта относилось разумеется только к сожжению синагог; об убийстве он даже не упоминал. Подчёркнутая же фраза в приведённой цитате была заведомой ложью, поскольку и Рузвельт и все его современники уже давно были свидетелями варварского уничтожения религиозных святынь в несравненно большем масштабе. Единственная разница заключалась в том, что это не были синагоги, но Рузвельт, знавший о том, как взрывали христианские церкви в советской России, став президентом, поспешил признать большевистское правительство. К тому же, Рузвельт сделал своё заявление после того, как послал телеграмму, приветствовавшую Мюнхенское соглашение, т. е. капитуляцию Чехословакии перед Гитлером, по-видимому также не находя в ней ничего несовместимого с культурными понятиями двадцатого столетия. Именно в это время автор этих строк оставил свой пост, считая для себя невозможным продолжать работать журналистом в условиях, когда ложь и дезинформация стали хозяевами положения в печати.

Фактически Соединённые Штаты оказались втянутыми во вторую мировую войну уже когда президент Рузвельт сделал эти заявления в 1937 и 1938 гг., а отнюдь не в день Перл Харбора. Прямая дорога ведёт от этих его выступлений к заявлению 17 июля 1942 года, когда он возвестил готовящуюся месть Германии исключительно за преследование евреев; те же, кто вложил в его уста эту угрозу, с самого начала делали всё от них зависящее, чтобы не допустить смягчения участи евреев в Германии.

История показала, что убийство фон Рата в Париже было тем новым выстрелом в Сараеве, который развязал вторую войну. В отличие от Вильсона, Рузвельт однако никогда не собирался сохранять американский нейтралитет; уже в 1938 году его ментор Бернард Барух заявили: «Мы проучим этого Гитлера; это ему даром не пройдёт» (свидетельство генерала Джорджа Маршалла). Если существующее в наше время положение не изменится (признаков чего пока что не видно), то в третьей войне американский президент окажется скованным теми же цепями, что и его предшественники в 1914…1918 и 1939…1945 г. г.

В продолжение шести лет, когда назревало то, что современные историки называют «ненужной войной», автор этих строк наблюдал как приближалась гроза и темнел горизонт в Берлине, Вене и других столицах, на которые вскоре должна была опуститься долгая ночь: Прага и Будапешт, Белград и Бухарест, София и Варшава. Как и многие другие, он видел как подбрасывали горючее в костёр готовящейся войны; может быть даже он видел больше других, не принадлежа к какой-либо одной стране или одной партии, а наблюдая за всеми ими. Автор слышал песни и крики штурмовиков в их Stammkneipen, горькие жалобы их противников в частных домах и нервный шёпот опасливо оглядывавшихся через плечо беглецов. Автор видел лицо толпы, этого динозавра, лишённого мозга, в её

---

[28] «Испытания» 17-летнего Гершеля Грыншпана, никогда не жившего в Германии, состояли в том, что его родителям, бежавшим от польского антисемитизма через польско-германскую границу, немецкими властями не было разрешено остаться в Германии и они были отравлены обратно в Польшу. Не представляется удивительным, что германские власти, стремившиеся отделаться от собственных евреев и всячески поощрявшие их легальную эмиграцию из Германии (вплоть до конца 1941 г., т. е. более, чем 2 года после начала войны), не были заинтересованы в нелегальном наплыве в их страну евреев, бежавших от погромов в Польше. Из создавшегося в те годы положения трудно не сделать вывода, что положение евреев в Германии в 1938 г. было (до убийства фон Рата и вызванного им действительного погрома в Германии) во всяком случае лучше, чем в Польше, и «безумие» Грыншпана, если бы речь могла идти о таковом, должно было бы быть направлено не столько против немецких дипломатов, сколько против польских. Наличие иных мотивов убийства — не у Грыншпана, но у тех, кто им руководил — не вызывает, таким образом, сомнений. Раввин Уайз не стесняется преподносить в своих послевоенных мемуарах явную бессмыслицу, рассчитывая на то, что никто из его американских читателей не поинтересуется биографией Грыншпана.

обоих состояниях возбуждённое надеждами и иллюзиями (в Берлине), и угнетённое, с впалыми щеками и пустым взглядом безнадёжного отчаяния (в Москве). Он встречался со страхом на всех уровнях жизни, от подметальщиков улиц до глав правительств, и видел царство террора в обеих столицах, где он безраздельно господствовал.

Автор этой книги лично знал или встречал многих людей, *выглядевших* влиятельными и принадлежавших к противоположным лагерям; все они, общими усилиями делали «ненужную войну» всё более и более неизбежной. Он разговаривал с Гитлером, Герингом и Геббельсом; на берегу Женевского озера он обедал с круглолицым Литвиновым, выглядевшим как типичный завсегдатай эмигрантских кафе, удивляясь *что* мог знать о России этот человек, который так мало её знал, хотя и был министром иностранных дел завладевшей ей шайки. Автор встречался с Муссолини и с Рамзаем Макдональдом, одним из британских премьер-министров, промелькнувших как тени на экране тех лет. Он беседовал часами с Эдуардом Бенешем в пражском Граджине, с австрийскими канцлерами и венгерскими премьер-министрами, с балканскими королями и политиками. Полный надежд и будучи ещё неоперившимся птенцом, автор ездил знакомиться с Лигой Наций, с отвращением наблюдая её заседания, лишённые всякого подобия достоинства, с их непрерывными закулисными сговорами, толпами прихлебателей и интриганов, вызывавшими омерзение; вряд ли многие из тех, кто в своё время знал Лигу Наций, стали бы поддерживать нынешнюю ООН. Автор выехал в Москву в составе журналистской гвардии вокруг новой восходящей звезды, молодого министра Антони Идена, и увидел там режим, отличавшийся от нацистского разве что тем, что преследуемые в Германии евреи занимали в советском государстве господствующее положение на всех ключевых постах.

Повсюду царила сплошная сумятица, из которой выступал один предвидимый факт: Гитлер начнёт войну, если ему не помешают, и эта война придёт, так как ему не помешают. Был даже один британский премьер-министр, Спили Болдуин (источник постоянных огорчений для газетных корреспондентов в Германии), который скрыл от своей страны правду о воинственных планах Гитлера потому что, как он признался впоследствии, он «боялся проиграть на выборах». Если его преемник, Невиль Чемберлен, надеялся, потворствуя Гитлеру, натравить его на Советский Союз (автор не располагает доказательствами, но это могло входить в расчёты Чемберлена), то это по крайней мере можно было бы назвать политической линией, в то время как до него таковой не существовало вообще. Однако, она была ошибочной, поскольку все внимательные наблюдатели в Германии предвидели, что, когда Гитлер решится нанести удар, он объединится со Сталиным, но не начнёт войны против него (автор писал это в своих книгах, опубликованных до войны).

Став свидетелем двух первых захватов Гитлера — Австрии и Чехословакии — автор понял, что последняя надежда предотвратить ненужную войну была потеряна. Он чувствовал, что живёт в мире, потерявшем рассудок, и озаглавил написанную им в это время книгу «*Ярмарка безумия* ». Он тогда объяснял происходящее лишь безрассудным отсутствием ясной политической линии. 18 лет спустя, в свете того, что произошло или стало известным, для него не подлежит сомнению, что в *некоторых* кругах эта «ненужная война» вовсе не представлялась такой уж ненужной.

Глава 38
Далёкие маленькие страны…

В предвоенном десятилетии 1930…40 гг., когда в Вашингтоне и Берлине правили «шеф» Рузвельт и «фюрер» Гитлер, в забытой Палестине дела шли всё хуже и хуже. Английское правительство поняло безнадёжность авантюры, навязанной ему Бальфуром (скончавшимся в 1930 г., распрощавшись на смертном одре с д-ром Вейцманом) и уже всерьёз собиралось от неё отделаться, когда накануне новой войны Уинстон Черчилль сумел снова взвалить на свою страну груз палестинских обязательств. В результате этого британский народ, полагавший, что он имеет дело с одним лишь Гитлером, был вовлечён в войну ради неизвестных ему целей, тех же, что в своё время едва не привели к поражению Англии в 1918 году. Сменявшие друг друга английские правительства этой эпохи напоминали циркового клоуна, которому не удаётся отделаться от липучки для мух: не успевал он стряхнуть её в одном месте, как доктор Вейцман клеил её на новое. В самой Палестине английские администраторы и военные выполнить навязанный им «мандат» не были в состоянии. Арабы беспрерывно бунтовали; сионисты в Лондоне давили на правительство, чтобы оно усмиряло их силой; когда власти на местах пытались действовать беспристрастно, в интересах обеих сторон, приказы сверху мешали им в этом.

Можно было бы сказать, что британская колониальная политика преуспела во всём мире, кроме Палестины. Ей удалось создать на пустовавших ранее землях свободные заокеанские народы, а на

покорённых ей территориях она выполнила данное ей обещание (никем вначале не принимавшееся всерьёз) уйти, как только возмужавшее с её помощью местное население окажется способным обрести независимость. Индия — лишь один пример этого. В Палестине же все принципы британской колониальной политики были поставлены наголову, а накопленный опыт объявлен несостоятельным под хорошо известным «непреодолимым давлением» из Лондона или же из других столиц, если Лондон вдруг оказывался несговорчивым.

На долю британских администраторов и военных в Палестине выпала самая злосчастная роль во всей британской истории: вероятно не случайно что единственный из них, удостоившийся официального признания своих заслуг после эвакуации британских властей, оказался изменником. Англичане прекрасно знали, как надо управлять «протекторатами», и это слово не всегда имело то сомнительное значение, которое было ему придано Гитлером в Чехословакии. Оккупация страны с согласия и даже по приглашению местного населения может быть весьма благотворной. Автор этих строк лично познакомился с одним из таких настоящих протекторатов — Басутоленд. Англичане пришли туда по приглашению народа басуто, который в результате этого выжил, став свободной нацией, в то время как иначе он был бы порабощён более сильными соседями. Его положение сейчас много лучше, а его будущее светлее, чем при любых других обстоятельствах, и весь народ это хорошо сознаёт, так что буквально несколько десятков белых управляют 660 000 басуто на началах полного взаимного уважения (прим перев. — С 1966 г. Басутоленд — самостоятельное государство Лесото).

Слово «протекторат» происходит от английского «протект», что означает защищать. В Палестине, впервые в их истории, англичанам пришлось подавлять тех, кого они пришли «защищать», и, в свою очередь, защищать совсем других — захватчиков, прибывших из России. Сказались результаты полного извращения, со времён Бальфура, принципов гражданского управления в Англии. Согласно западным конституционным традициям, гражданские власти должны стоять над военными, дабы предотвратить возможное образование милитаристских режимов. Однако, когда гражданские власти становятся орудием в руках тайной третьей силы, преследующей захватные цели, они фактически уступают место военному руководству, хотя и вовсе не в лице собственных генералов. Высший принцип управления страной становится, таким образом, наголову, а вооружённые силы страны могут быть поставлены на службу чуждым ей разрушительным интересам. Именно это и произошло в Палестине.

Подавление местного арабского населения, как «бунтовщиков», в Палестине пользы сионистам не принесло. Их лобби в Лондоне и Вашингтоне усилило свои позиции в начале 30-х годов в связи с приходом к власти Гитлера, но и эти успехи были парализованы дальнейшим ухудшением дел в Палестине в ходе этого десятилетия. К этому времени Хаим Вейцман, который раньше, с 1904 по 1919 годы, сосредоточивал все свои усилия на английском правительстве, распространил свою активность ещё на два центра: в его орбиту входили теперь, по его собственному признанию, «Иерусалим, Лондон и Вашингтон», а с британскими премьерами он обходился уже без особых церемоний.

Его очередной жертвой стал снова Рамзай Макдональд, который, после отставки всех его социалистических коллег, остался премьером коалиционного правительства из других партий. Джимми Макдональд из Лоссимауса, когда-то бедный шотландский мальчик, сделал к тому времени блестящую карьеру, став всеми уважаемым мистером Рамзаем Макдональдом, носителем пышной седой шевелюры. Своего сына Малькольма Макдональда он сделал помощником министра колоний, после чего оба Макдональда сменили восторги социалистической риторики на холодный и трезвый мир «непреодолимого давления». Макдональд попытался было прекратить бесконечные беспорядки и восстания в Палестине, в которых англичане несли всё большие человеческие потери, объявив, что его правительство прекратит сионистскую иммиграцию, «урегулирует скупку земель сионистами и будет сурово карать подстрекателей к мятежам, «*из каких бы кругов они ни исходили* ». В результате Макдональд немедленно же стал мишенью яростных нападок, быстро обретя то смущённое и усталое выражение лица, которое было так хорошо знакомо современникам (таким автор видел его в 1935 году). Посетившие его Хаим Вейцман и его трое сионистских коллег обвинили Макдональда в «легкомысленном обращении», как пишет Вейцман, «с моральными обязательствами, вытекавшими из обещаний, данных им евреям». Ведущие политики его собственной страны, Америки и Южной Африки открыли против него злостную кампанию. Запуганный премьер назначил специальный министерский комитет для нового пересмотра столь часто уже пересматривавшейся «палестинской политики». Председателем комиссии был назначен министр-социалист Артур Гендерсон, а секретарём Малькольм Макдональд: членами комитета были Хаим Вейцман и ещё шесть ведущих сионистов; арабы, как обычно, в нём представлены не были.

Вейцмана особо возмутило намерение правительства карать подстрекателей к мятежам, из *каких*

бы кругов они не исходили ; по его мнению, организаторами беспорядков, насилия и убийств могли быть только местные арабы. Макдональд снова сдался, послав Вейцману письмо с согласием на его условия, после чего сионистская иммиграция в Палестину в 1934…35 гг. превысила все предыдущие размеры. Покончив с Макдональдом, доктор Вейцман отправился в большое путешествие: накануне мировой войны он побывал в Южной Африке, Турции, Франции, Италии, Бельгии и ряде других стран. Во Франции он повстречался «со всеми премьерами межвоенного периода», из которых наиболее симпатичным ему показался его единоверец Леон Блюм. Французский министр иностранных дел Аристид Бриан также был настроен весьма благосклонно, «хотя и не совсем ясно понимал, о чём шла речь» (Вейцман неоднократно поминает столь добрым словом в своих записках тех политиков, которые послушно выполняли его требования). С Муссолини он встречался трижды. Перед собранием весьма влиятельных людей Вейцман распространялся о беззакониях Гитлера, поучая, что «на ответственности культурного мира» в связи с этим лежит изгнать арабов из Палестины (разумеется, это было высказано в несколько более мягкой форме).

Несмотря на все эти усилия, к концу 30-х годов сионизм в Палестине стоял перед окончательным провалом, и только весьма своевременно развязанная Вторая мировая война спасла эту безответственно начатую авантюру от бесславного конца и полного забвения. В 1936 году арабские волнения достигли своей высшей точки. В течение 14-ти лет сменявшие друг друга английские правительства, по указке сионистов, отказывали арабам в разрешении провести в их стране выборы. Доктор Вейцман аргументировал, что такой отказ был вполне в духе «демократии», но с течением времени этот довод начал терять убедительность, и британское правительство оказалось лицом к лицу со всё более трудной задачей. Преемник Макдональда на посту премьера, Стенли Болдуин, прибегнул к испытанному средству «долгого ящика», послав в Палестину ещё одну (пятую?) расследовательную комиссию, после чего всё это превратилось в сущий фарс.

Вейцман и его окружение добились от запуганного ими Макдональда отказа от уже официально объявленной новой «палестинской политики», выработанной в согласии с ответственными правительственными советниками по данному вопросу. Посланная Болдуином в Палестину для поисков альтернативных решений ещё одна комиссия была встречена там никем иным, как тем же доктором Вейцманом, который теперь проворно летал из Лондона в Иерусалим и обратно, указывая правительству в Лондоне, что ему нужно делать, а членам комиссии в Палестине, о чём им нужно сообщать правительству, после чего правительству в Лондоне указывалось, как нужно реагировать на полученные им сообщения. Тот же Вейцман находил ещё время для визитов в Нью-Йорке, чтобы организовать и оттуда нужное давление.

Упомянутая комиссия (под председательством некоего Пиля) откуда-то получила совет, что извечная палестинская дилемма может быть успешно разрешена путём раздела страны. И, разумеется, немедленно обратилась за консультацией к Вейцману. До этого времени претензии сионистов на создание особого еврейского государства тщательно скрывались от общественности, которой говорилось только о «национальном очаге», в котором непременно нуждаются евреи. Для Вейцмана было ясно, что как только британское правительство согласится на раздел Палестины, оно тем самым обяжет себя создать и самостоятельное еврейское государство. Чисто азиатское мастерство в искусстве переговоров, проявленное Вейцманом, достойно немалого уважения. Ссылаясь на Ветхий Завет, он вколачивал в умы *идею* раздела Палестины, не связывая себя никакими будущими границами. Относительно территории, которую надо было отдать сионистам, он готов был сделать уступку, поскольку даже сам Иегова не указывал в своих откровениях левитам точных границ. Тем самым принималось предложение территории, но оставлялся совершенно открытым вопрос о её границах, в результате чего даже «раздел» не мог считаться окончательным решением. Доводы Вейцмана в пользу раздела представляют немалый интерес в свете последующих событий: “Арабы бояться, что мы завладеем всей Палестиной. Что бы мы ни говорили об *обеспечении их прав,* они нам всё равно не поверят, поскольку они находятся во власти страха и не способны слушать доводов рассудка. Еврейское государство с чёткими, международно гарантированными границами явилось бы чем-то окончательным. Нарушение этих границ *означало бы войну, на что евреи никогда не пойдут, не только по моральным соображениям, но ещё и потому, что это восстановило бы против них весь мир* ».

Комиссия Пиля пришла к решению, что «мандат» неосуществим и рекомендовала раздел Палестины. Если бы британское правительство приняло решение этой комиссии и оставило страну, человечество смогло бы избежать многих неприятностей; однако, два года спустя началась Вторая мировая война, сделавшая палестинскую проблему неразрешимой.

В годы, когда эта война приближалась, Вейцман продолжал осаждать западных политиков,

убеждая их, что «еврейский национальный очаг будет играть весьма важную роль в этой части света в качестве единственного надёжного союзника демократий». Это означало, что сионистские требования оружия для насильственного захвата Палестины должны были под этим лозунгом пропагандироваться политиками и печатью среди народов Запада. В 1938 г. Вейцман предложил английскому министру колоний Ормсби-Гору разрешить сионистам создать в Палестине сорокатысячную армию. Предполагалось, что «ненужная война» вскоре начнётся (в чём все ведущие закулисные политики Запада были явно между собой согласны), и Вейцман в свою очередь делал всё от него зависящее, чтобы эту войну приблизить, выдвигая на первый план интересы евреев. После убийства фон Рата и последовавшего за ним еврейского погрома в Германии он заявил в разговоре с Антони Иденом: "*Если какому-то правительству разрешают уничтожить целую национальную общину* , *не совершившую никакого преступления* .., *то это означает начало анархии и разрушение основ культуры* . *Те державы* , *которые видят это* , *не делая ничего* , *чтобы предотвратить преступление* , *в один прекрасный день сами подвергнутся суровому наказанию* ".

В этих частных, но судьбоносных разговорах в министерских приёмных преследование Гитлером его многочисленных политических противников даже не упоминалось; судьба одной национальной *группы* выдвигалась, как достаточное требование для развязывания войны. Дальнейшие события показали, что сионисты сами намеревались «уничтожить целую национальную общину, не совершившую никакого преступления» (палестинских арабов, которые о Гитлере даже ещё и не слышали), и оружие, которого они требовали, было впоследствии использовано именно для этой цели. Любопытно, что Вейцман аргументировал в духе *христианской веры* , согласно которой уничтожение неповинного в преступлениях народа само по себе является преступлением и должно быть «сурово наказано». Однако, согласно левитскому закону, на котором Вейцман основывал свои претензии на Палестину, то же самое являлось главным требованием всех «законов и предписаний» и должно было быть не наказано, а вознаграждено властью и богатством.

В течение всего последнего года перед началом войны тайные носители власти удвоили свои усилия, чтобы завладеть полным контролем над людьми и событиями. Рузвельт был подчинён им полностью, однако его можно было использовать только на более поздней стадии. В Англии уездный помещик и предприниматель Болдуин был заменён на посту премьера бирмингамским дельцом, Невилем Чемберленом, однако в лице этого последнего «непреодолимое давление» за кулисами власти неожиданно встретилось с серьёзным препятствием. С именем Чемберлена связана последняя уступка Гитлеру: выдача Чехословакии и её вынужденная капитуляция. В продолжении нескольких недель в 1938 г. общественность ликовала, веря, что Чемберлен смог с помощью мюнхенского соглашения спасти дело мира: автор этих строк, в те дни в Будапеште и Праге, впервые понял, что в своё время хотел сказать Томас Джефферсон своими словами: «Мне жалко смотреть на толпу моих сограждан, которые, читая газеты, живут и умирают с верой, будто им стало что-то известно о том, что происходит на их глазах».

Как бы то ни было, Чемберлен мог считать себя вынужденным пойти на эту сделку, поскольку, по вине его предшественника Болдуина, Англия была совершенно неподготовлена к войне. Автор считает, что его расчёт был ошибочным и что даже в этот поздний час твёрдость отвратила бы опасность, поскольку германские генералы уже готовы были свергнуть Гитлера; однако, вполне возможно, что Чемберлен был искренне убеждён в том, что другого пути не было. Его непростительной ошибкой было изображать Мюнхен, как нечто *морально* оправданное и подкреплять свои доводы соображениями о «далёкой маленькой стране, до которой нам нет никакого дела», и другой, подобной же фразеологией.[29]

В этом последнем вопросе Чемберлен был, по крайней мере, последователен, желая освободить Англию от обязательств, данных Бальфуром и запутывавших её в дела другой "далёкой маленькой страны", где она столкнулась с одними лишь неприятностями. Его политика встретила ожесточённое сопротивление закулисных сил, и, по мнению автора этих строк, настоящие причины его падения были те же, что и при отстранении от власти Асквита в 1916 г.

---

[29] Этот довольно распространённый в англосаксонском мире взгляд на «Мюнхен» представляется в свете исследований последнего времени спорным. В Мюнхене (в сентябре 1938 г.) была лишь исправлена одна из вопиющих несправедливостей навязанного Европе Версальского «мира»: было освобождено от чешского господства трёхмиллионное население судетских немцев, третировавшихся как граждане второго сорта в неимевшей исторических прецедентов «Чехословакии». В свете Вильсоновых принципов «самоопределения народов» мюнхенское соглашение трудно не признать вполне разумным и законным.

1938 год, когда был провозглашён «раздел», был в Палестине самым кровавым годом: в беспорядках было убито 1500 арабов. Комиссия Пиля рекомендовала раздел, не найдя однако способа его осуществить. Была послана ещё одна комиссия, на этот раз для изучения вопроса, как можно разрезать младенца пополам, не убивая его. Эта комиссия Вулхеда в свою очередь доложила в октябре 1938 г., что и она практических путей к разрешению вопроса предложить не может. Вовремя начавшийся еврейский погром в Германии, после убийства советника фон Рата в Париже, был в ноябре 1938 г. использован сионистами для активизации анти-арабской агитации и арабских погромов в Палестине. Тут Чемберлен сделал нечто противоречившее всем установленным за кулисами политическим нормам. Он созвал в Лондоне Палестинскую конференцию, на которой, впервые после мирной конференции 1919 г., были представлены также и *арабы* . Результатом конференции явилась «Белая Книга» от марта 1939 г., в которой британское правительство обязалось *«создать в течение десятилетнего срока независимое палестинское государство и закончить управление Палестиной по мандату»* . В этом государстве власть должна была быть *поделена* между местными арабами и сионистскими иммигрантами так, чтобы были обеспечены насущные нужды *обеих* национальных групп. Еврейская иммиграция на ближайшие пять лет должна была быть ограничена 75 000 в год, скупка земель сионистами также должна была быть ограничена.

Будучи осуществлён, этот план дал бы Палестине мир, по он не создавал самостоятельною еврейского государства. В нужный момент теперь на первое место в британской политике вышел Уинстон Черчилль. Десять лет подряд он стоял в политической тени, и будущим историкам не мешает знать то, о чём современники Черчилля уже успели забыть, а именно, что в течение всего этого периода Черчилль был в Англии крайне непопулярен. Причиной тому были не столько его личные качества или действия, сколько «плохая пресса» — сильнейшее оружие в руках тех, кто контролирует политические карьеры. Эта умело организованная враждебность выявилась особенно ясно во время кризиса монархии (отречение короля Эдуарда VIII в 1937 г.), когда предложение Черчилля отсрочить принятие решений встретило резкий отпор, а он сам был освистан в Палате общин и вынужден покинуть трибуну. Его биографы рисуют его поражённым в эти годы жестокой депрессией, а сам он считал себя политически «конченным», что отразилось в одном из его частных писем Бернарду Баруху, написанном в начале 1939 года: «Война начнётся очень скоро. Она захватит нас, она захватит и вас. Вы будете у себя *командовать парадом* , *я же останусь здесь в стороне* .

Вскоре после этого письма в политической судьбе Уинстона Черчилля произошёл неожиданный поворот к лучшему, и на основании опубликованных материалов можно считать, что (совершенно так же, как это было и с Ллойд-Джорджем в 1916 г.) немалую роль в этом сыграло его отношение к сионизму. Всё, что нам с тех пор известно о Черчилле, даёт повод считать, что в первую очередь к нему самому, этой любопытной помеси Бленхейма с Бруклином[30], относится данная им в 1939 г. характеристика коммунистическою государства, как «загадки внутри секрета, окутанного тайной». Мы уже упоминали, что в 1916 году он был в числе самых первых политиков, активно поддержавших сионизм в своих предвыборных выступлениях, так что, по словам одного из сионистских ораторов, любой еврей, голосующий против Черчилля, должен был считаться изменником еврейскому делу. Однако, во время первой войны, будучи у власти, Черчилль себя в этой области ничем не проявил, так что Вейцман упоминает его в своих записках того времени только один раз, и притом вовсе не в качестве «друга». Став министром колоний в 1922 году, он даже немало раздражил сионистов своей Белой Книгой, которая, по словам Вейцмана, «сводила на нет декларацию Бальфура». Черчилль предлагал в ней, ни много, ни мало, как то, чтобы Законодательный Совет а Палестине *в большинстве своём состоял из демократически избранных членов* ». Для этого не только нужно было бы провести — выборы, чего до самого конца ни при каких обстоятельствах не допускал Вейцман, но надо было ещё и

---

30 Уинстон Черчилль происходил из семьи герцогов Марльборо, владельцев замка-дворца Бленхейм, названного в честь победы под Бленхеймом (Бавария) английских войск под командованием Джона Черчилля, первого герцога Марльборо, над французско-баварским войском в 1704 г., в войне за испанское наследство. Отец Уинстона Черчилля, лорд Рандольф Черчилль, был третьим сыном седьмого герцога Марльборо, что давало ему право называться лордом только «из вежливости» (lords by courtesy) без права на место в палате лордов, принадлежавших лишь главе семьи. Он умер в 1894 г. от прогрессивного паралича, как последствия сифилиса.

Мать Уинстона Черчилля, урожд. Дженни Джером, была дочерью американского миллионера, родившаяся в Бруклине (Нью-Йорк), в лондонском свете она была известна, до и после свадьбы с лордом Рандольфом, своими бесчисленными связями со всеми, кто в этой области не ленился, начиная с принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII. В высшем свете и при дворе «передовой» и «демократической» Англии господствовали перед первой мировой войной нравы, немыслимые в «отсталой» России.

позволить арабам управлять собственной страной!

Десять лет, которые Черчилль провёл в политической пустыне (1929-39), были, следовательно, годами, когда он был в опале у сионистов, и в записках д-ра Вейцмана он не упоминается ни разу, вплоть до самого кануна Второй мировой войны, когда его неожиданно «открыли» (как это случается с артистами в кино) в качестве одного из самых ревностных приверженцев сионизма. Это было тем более странным, что ещё не далее, как 20 октября 1938 г. Черчилль повторил в одном из своих выступлений то, что говорилось в Белой Книге 1922 года: «Мы должны.., дать арабам торжественное обязательство…, что годичная квота еврейской иммиграции не будет превышать определённой цифры по крайней мере в течение десяти лет». Лишь немного времени спустя тот же Черчилль упоминается в записках Вейцмана как политик, который *в частном* разговоре недвусмысленно дал ему понять, что он будет поддерживать переселение в Палестину многих миллионов сионистских иммигрантов. Столь же неожиданно Вейцман сообщает, что когда в 1939 г. он «встретился с м-ром Уинстоном Черчиллем (которого он игнорировал в течение 17 лет), он сказал мне, что примет участие в дебатах в Палате общин, выступая разумеется *против предложений Белой Книги* ». Читателю предоставляется самому догадываться, почему это Черчилль стал вдруг «разумеется» выступать против документа, который, требуя справедливого отношения к арабам, был в полном согласии с его собственной Белой Книгой 1922 г. и со всеми его выступлениями на протяжении 17-ти лет.

В день упомянутых парламентских дебатов Хаим Вейцман был приглашён Черчиллем на завтрак, во время которого этот последний «прочёл нам свою речь», спросив, не находит ли Вейцман нужным внести в неё какие-либо изменения? Читатель вспомнит, что и издатели «Таймса» и «Манчестер Гардиан» писали свои передовицы о сионизме лишь после консультации с главарями заинтересованной стороны; теперь и Черчилль таким же образом готовился к выступлению в парламентских прениях цо важному вопросу государственной политики. Черчилль пользовался известностью, как блестящий оратор, в Америке же его известность основывалась на том странном (по мнению американцев) факте, что он писал свои речи сам. Однако, при обстоятельствах, описанных выше Вейцманом, вопрос писательского мастерства представляется весьма второстепенным. Черчилль выступил в роли «чемпиона» сионистов (как пишет Вейцман), однако на этот раз безуспешно; длительные прения закончились победой Невиля Чемберлена, Белая Книга которого была одобрена большинством 268 голосов против 179. Несмотря на столь значительный перевес, многие политики уже тогда почувствовали, откуда начинает дуть новый ветер, и стали соответственным образом переставлять свои паруса, на что указывало большое число воздержавшихся от голосования — 110. Это было первым предупреждением Чемберлену, каким путём он в недалёком будущем окажется свергнутым перебежчиками из его собственной партии. В парламентских прениях обнаружился ещё одни любопытный факт: для оппозиции сионизм стал к тому времени основным догматом её политики, фактическим мерилом качеств настоящего «социалиста»! Шедшая к власти социалистическая партия давно уже забыла о нуждах рабочего класса, о жалобах угнетённых и о печальной судьбе «малых сих»; она впуталась в международные интриги и заботилась лишь о том, чтобы вовремя оказаться на стороне сильных. Так лидер социалистов Герберг Моррисон в обвинительной речи против Малькольма Макдональда (чьё министерство отождествлялось с Белой Книгой) сожалел о ереси человека, «который когда-то был социалистом». К этому времени изгнание арабов из Палестины стало социализмом, а профсоюзная знать, щеголяя подаренными ей золотыми часами, не интересовалась судьбами бедных и угнетённых людей далёкой страны.

Вторая мировая война началась очень скоро после этих прений в британской Палате общин и принятия «Белой Книги». На время войны все планы «создания независимой Палестины» и «ликвидации мандата» были, разумеется, отложены, а к концу войны взорам наблюдателей открылась совершенно иная картина. Рузвельт в Америке, как пишет своих воспоминаниях Гарри Гопкинс, дал «как частные, так и официальные заверения» своей активной поддержки сионизма. В Англии Чемберлен считался помехой сионизму, но его дни уже были сочтены, а Черчилль готовился стать его преемником. Он пользовался популярностью, как «человек, доказавший свою правоту» относительно Гитлера и войны: о его беседах с Хаимом Вейцманом и о том, к чему они впоследствии должны были привести, народ не знал, разумеется, ровно ничего.

Глава 39
Сион вооружается

В продолжении шести лет Второй мировой войны многомиллионные массы сражались на полях

трёх континентов, но в конце войны те, кто считали себя победителями, оказались дальше от своих целей, чем в её начале. Над конференциями политиков-победителей петух прокричал во второй раз. За 30 лет до того президент Вильсон пытался доказать миру, что «причины и цели войны неясны.., политики обеих воюющих сторон преследуют одни и те же цели»; будущее доказало его правоту. Во время первой войны германское руководство решило финансировать революцию в России с помощью своих еврейских агентов (Парвус-Гельфанд), а «полковник» Хауз и Ко, всеми силами её поддерживали. Штаб-квартира сионистов оставалась в Берлине, пока они рассчитывали, что победившая Германия создаст в Палестине их «еврейский очаг», переезд совершился, как только в победе союзников не осталось сомнений.

Результаты Второй мировой войны ещё раз доказали правоту Вильсоновых прорицаний. Война вообще не могла бы начаться без сообщничества агентов мировой революции в нападении на нового «умалишённого в Берлине», что же касается втянутых в неё народов, то им предлагалось лишь выбирать между нацистами и коммунистами. Когда те и другие пошли войной друг на друга, то «советник» Гопкинс, занявший место Хауза, начал в свою очередь поддерживать мировую революцию, после чего ни о каком «освобождении» уже не могло быть речи. Гитлер хотел отделаться от евреев в своей стране; с ним был вполне согласен и судья Брандейс в Америке, объявивший, что «ни один еврей не должен остаться в Германии». Черчилль хотел переселить в Палестину три-четыре миллиона евреев, а коммунистическая держава, исповедовавшая в своей официальной программе антисионизм, обеспечила первый контингент переселенцев.

Когда рассеялся дым сражений, стало видно, что достигнутыми оказались три цели, из которых ни одна не упоминалась в начале войны. Мировая революция при помощи Запада распространилась на всю восточную и среднюю Европу; сионизм был вооружён, чтобы силой утвердиться в Палестине; «мировое правительство» — детище обеих согласованно действовавших сил, было воссоздано в новой форме, на этот раз в Нью-Йорке. Настоящей была только та война, которая шла за кулисами Второй мировой; она заставила оружие, людей и богатство Запада служить перечисленным выше целям. Сквозь редеющий туман войны стало возможным различить грандиозный «план», впервые обнаруженный в документах Вейсхаупта и нашедший затем своё подтверждение и «Протоколах».

В начале войны официальная британская политика предусматривала отказ от невыполнимого «мандата» и эвакуацию Палестины по обеспечении в ней равноправного представительства всех заинтересованных сторон. Сионистам было ясно, что ни одно британское правительство не пойдёт на преднамеренное убийство, другими словами на изгнание арабов из их собственной страны силой оружия; они решили, под покровом войны, раздобыть это оружие для себя.

Едва началась война, как Хаим Вейцман явился к Черчиллю. Неизвестная общественности, эта незаурядная личность сумела в течение 33-х лет (со времени его первой беседы с Бальфуром в 1906 г.) управлять политиками Англии и Америки. Трудно представить себе, чтобы одни его личные качества смогли внушить такое почтение: очевидно они видели в нём представителя какой-то силы, которой они имели основания опасаться. Историк Кастейн называл эту силу «еврейским интернационалом», а политик Невиль Чемберлен — «интернациональным еврейством». Черчилль вернулся к власти, после десятилетнего перерыва, в качестве первого лорда адмиралтейства (морской министр) и, казалось бы, должен был заниматься вопросами войны на море, но доктора Вейцмана интересовало совершенно иное: «После войны мы хотим иметь в Палестине государство с тремя или четырьмя миллионами евреев» заявил он, а Черчилль, по его словам, ответил: «Да, конечно, я вполне с этим согласен». Всего лишь годом раньше Черчилль требовал дать арабам «торжественное обязательство», что сионистская иммиграция будет ограничена. Даже сейчас, в 1956 году, хотя евреев в Палестине всего один миллион шестьсот тысяч, их присутствие служит причиной непрестанной воины; трудно сомневаться в том, что станет со страной, если это число удвоится или утроится, и Черчиллю это должно было быть ясно и в 1939 г. Вообще говоря, в то время Палестина вовсе не входила в круг его обязанностей, но д-ру Вейцману, видимо, откуда-то было известно, что в недалёком будущем Черчилль станет премьер-министром. Следующим шагом Вейцмана была поездка в Америку, где он изложил свой план президенту Рузвельту, который «проявил интерес», хотя и с осторожностью (дело было накануне его третьей избирательной кампании), а когда Вейцман вернулся в Англию, то Черчилль уже сменил Чемберлена на посту главы правительства. Так была воссоздана ситуация 1916 года, с небольшой лишь разницей. От Ллойд-Джорджа требовалось тогда направить в Палестину британские войска для завоевания требуемой страны, что он и сделал. От Черчилля теперь требовалось передать оружие наводнившим её сионистам, чтобы они смогли окончательно в ней утвердиться, что он также послушно исполнил. Как он сам подтверждает в примечаниях к своим военным мемуарам, соответственные

распоряжении отдавались им в течение всех пяти месяцев между его первой и второй встречей с Вейцманом. Черчилль стал премьер-министром 10 мая 1940 года, когда Франция была накануне разгрома, а британский остров остался без союзников, под зашитой одного лишь флота и остатков своей авиации: английская армия была уничтожена во Франции. 23 мая Черчилль дал распоряжение министру колоний лорду Ллойду, чтобы английские войска были отозваны из Палестины, а «евреи *как можно скорее вооружены* и организованы для зашиты самих себя». Это распоряжение было повторено им 29 мая (в дни эвакуации английских войск из Дюнкерка) и 2-го июня. Шестого июня он жаловался на оппозицию со стороны военных, а в конце июня на «трудности» с двумя министрами, в особенности с лордом Ллойдом, который был убеждённым антисионистом и стоял за арабов; я же хотел *вооружить* еврейских колонистов»). Таким образом уже тогда обсуждение этих вопросов не имело ничего общего с национальными интересами Англии, а велось в митинговом стиле «за» или «против». Черчилль продолжал в том же духе, убеждая лорда Ллойда, что сильная английская армия в Палестине «была платой за нашу *анти-еврейскую политику* , которой мы придерживались в течение нескольких лет» (напомним, что это была политика его собственной Белой Книги 1922 года). Если хорошо вооружить евреев, аргументировал Черчилль, британские войска могли бы быть освобождены для службы на других фронтах, «а опасаться нападений евреев на арабов не приходится». Он не нашёл нужным информировать парламент о точке зрения *ответственного за палестинские дела министра* , *гласившей* : *«я никоим образом не могу согласиться с тем* , *что Вы написали мне в ответ* ».

В это время любое оружие ценилось в Англии на вес золота. Войска, спасённые из Франции, были дезорганизованы и обезоружены; сам Черчилль пишет, что в то время на всём британском острове были едва 500 полевых орудий и две сотни танков самых разнообразных возрастов и образцов. Ещё много месяцев спустя он взывал к президенту Рузвельту прислать ему 250 000 винтовок для «обученных и обмундированных, но невооружённых людей». В те дни автор этих строк рыскал по всей стране, пока нашёл револьвер сорокалетней давности, делавший только одиночные выстрелы. Подбадривавшие население лозунги Черчилля о борьбе до последнего на побережье и на улицах английских городов не производили большого впечатления на автора, знавшего, что если врагу только удастся высадиться, то ни на берегах, ни на улицах никого не останется: нельзя бороться с танками голыми руками. Над безоружной страной нависла грозная опасность. Автор был бы немало удивлён, если бы он знал в то время, что главной заботой Черчилля было вооружение сионистов в Палестине.

Когда Вейцман снова встретился с Черчиллем в августе 1940 г., опасность германского вторжения уже прошла. Он предложил создать в Палестине сионистскую армию в 50 000 бойцов, а в сентябре он представил Черчиллю «программу из пяти пунктов», главным из которых был «призыв на военную службу в Палестине возможно большего числа евреев». Как пишет Вейцман, Черчилль «согласился с этой программой». Лорд Ллойд (как в своё время сэр Вильям Робертсон, Эдвин Монтегю и многие другие в годы первой войны) всеми силами противился этим планам. Как и всех, кто, сталкиваясь с этой проблемой, оставался верным своему долгу, его постигла враждебная судьба: он умер в 1941 году, в возрасте 62-х лет. Однако ответственные администраторы и военные продолжали сопротивляться «ведущим политикам», стараясь не допустить нового отвлечения английских сил для чуждых им задач. Вейцман жалуется, что, несмотря на поддержку Черчилля, «прошло ровно четыре года, прежде чем в сентябре 1944 г. была официально сформирована еврейская бригада», приписывая эту задержку упорному сопротивлению *«экспертов* » (по его собственному выражению). Жаловался и Черчилль: «Я хотел *вооружить евреев* в Тель-Авиве, но здесь я встретил сопротивление со всех сторон» (дело было в июле 1940 г., как раз перед началом германских воздушных налётов на Англию).

По всем данным Вейцман считал, что пришло время преодолеть это неожиданное сопротивление путём «давления» извне, так как весной 1941 года он снова поехал в Америку. Как и во время первой войны, он официально был занят научной работой на пользу английских вооружений, на этот раз в области производства изопрена. По его словам, он был «полностью занят этой работой»; тем не менее он сумел от неё освободиться, и он не был бы доктором Вейцманом, если бы его прогулка через Атлантический океан в военное время вдруг встретилась бы с какими-то затруднениями. В Америке почва для его приёма была подготовлена раввином Стефеном Уайзом, давшим указания президенту Рузвельту (как в своё время он давал их президенту Вильсону) по поводу его обязанностей в отношении сионизма: «13 мая 1941 года я (Уайз) счёл необходимым послать президенту отчёты свидетелей событий в Палестине (вспомним его „отчёты“ о якобы состоявшемся в Германии погроме в 1933 году, приведшие к антигерманскому бойкоту в Нью-Йорке), указав, в какой опасности находятся там невооружённые евреи *« … Нужно заставить британское правительство понять* , *как пострадает дело демократии и как будет возмущено общественное мнение* , если произойдёт массовое избиение

евреев, потому что они не были своевременно *вооружены* , а оборона Палестины не была усилена *артиллерией* , *танками и авиацией* ».

Президент ответил: «Я могу только обратить внимание англичан на нашу глубокую заинтересованность в обороне Палестины и нашу заботу о *защите её еврейского населения* , а также сделать всё возможное для снабжения британских сил средствами для наилучшей зашиты Палестины». Вооружённый этим письмом (как в своё время Вейцман вооружился отчётом об интервью, написанном им же на официальных бланках британского министерства иностранных дел), Стефен Уайз «на следующий же день отправился в Вашингтон, где высокие правительственные чиновники заверили меня, что британцам *дадут понять* , что *наш народ в Палестине* должен быть *хорошо вооружён* (*артиллерией, танками и авиацией*)… и, вероятно благодаря вмешательству Рузвельта разговоры о *паритете* в значительной степени прекратились» (это был намёк на требование ответственных британских администраторов, чтобы отправленное в Палестину вооружение было *поровну* распределено между арабами и сионистами: даже Черчилль не мог оспаривать законность такого требования). Сионистские заправилы во всех странах умело согласовывали между собой «непреодолимое давление на международную политику». Если Лондон медлил с выполнением распоряжений, ему «давали понять» из Вашингтона: если медлил Вашингтон, давление шло из Лондона. К моменту приезда Вейцмана в Вашингтон политическая машина была должным образом смазана, и он быстро уверился в том, что «ведущие политики» проявляют глубокую симпатию к нашим сионистских стремлениям».

Плохо обстояло дело только с непосредственно ответственными за политику данной страны лицами, как в Вашингтоне, так и в Лондоне: «как только сталкиваешься с *экспертами* Госдепартамента, начинаются затруднения» (Вейцман). Ниже уровня «ведущих политиков» в Вашингтоне рядовые министры и ответственные администраторы, а в Палестине американские профессора, миссионеры и коммерсанты, всеми силами пытались избавить американскую политику от этого кошмара. Главного ответственного чиновника в Вашингтоне Вейцман характеризовал не иначе, как в своё время Черчилль лорда Ллойда: «Глава восточного отдела Госдепартамента был откровенный *антисионист и сторонник арабов* » , мы видим теперь, откуда исходил политический жаргон, проникший в англо-американские высшие сферы.

В этот его приезд в США Вейцману стало ясно, что оказывать давление на Лондон *лучше* всего из Вашингтона, и 8 начале 1942 года он переехал в Америку. От научной работы, «поглощавшей» всё его время в Англии, он освободился очень легко: президент Рузвельт обнаружил, что доктор Вейцман срочно необходим Америке для работы над проблемами синтетического каучука. Американский посол в Лондоне Джон Д. Уайнант учуял грозящие неприятности и «серьёзно посоветовал» Вейцману по прибытии в Америку «полностью посвятить себя химии». Сионистские махинации и их неизбежные последствия немало тревожили посла и, по-видимому, его сломили, ибо и он вскоре после этого разговора с Вейцманом трагически погиб. Вспоминая полученный от Уайнанта совет, Вейцман писал: «Фактически я разделял моё время поровну между наукой и сионизмом»; если это было правдой, то химия получила от нашего доктора много больше, чем этого могли ожидать все, кто был с ним знаком.

Перед отъездом Вейцман зашёл в знаменитый дом № 10 на Даунинг Стрит, как он пишет, чтобы попрощаться с секретарём Черчилля. Нас не удивляет, что он встретился при этом с самим премьером, который, по его словам, сказал ему следующее: «По окончании войны мне хотелось бы видеть Ибн-Сауда хозяином на Ближнем Востоке, владыкой над владыками, *при условии* , *что он договорится с Вами* … Конечно мы Вам в этом поможем. Держите это в секрете, но Вы можете поговорить об этом с Рузвельтом, когда будете в Америке. Если только он и я твёрдо решим сделать что-либо, ничто нам не сможет помешает». Запись своего доверительного разговора с Черчиллем Вейцман передал сионистскому политическому секретарю с указанием известить сионистский исполнительный комитет в случае если бы с ним, Вейнманом, что-либо случилось; впоследствии он опубликовал это в своей книге, из которой мы его и цитируем.

Если Черчилль всерьёз ожидал, что Хаим Вейцман поможет ему посадить на трон арабского «владыку Ближнего Востока», то он жестоко ошибался, поскольку такое владычество предназначалось сионизму. Встретившись с Рузвельтом, Вейцман не нашёл нужным уведомить его о мнении Черчилля и якобы говорил с президентом только о своей научной работе. Однако от других ведущих лиц он требовал, чтобы *Америка послала* максимальное число *самолётов и танков на этот фронт* » (то есть в Африку, где они впоследствии стали бы доступны палестинским сионистам). В то же время он наладил тесное сотрудничество с Генри Моргентау из ближайшего окружения президента, который позднее, в решающий момент, как он пишет, оказал ему «исключительно ценную помощь».

И здесь Вейцману пришлось встретиться с досадными помехами: *Ведущие политики никогда не доставляли нам никаких трудностей* . Подавляющее большинство из них всегда понимали наши стремления, и их заявления о поддержке создания еврейского *национального очага* могут заполнить целые тома. Однако *за кулисами* , на более низких уровнях власти, *мы встречали упрямую* , *увёртливую и скрытную оппозицию* , *вся информация* , *шедшая с Ближнего Востока в Вашингтон* , *действовала против нас* ». К этому времени сам доктор Вейцман уже почти 40 лет также работал «за кулисами», и столь же увёртливо и скрыто: история не знает другого примера такой деятельности. При очередной закулисной встрече с президентом Рузвельтом, он хотя и передал ему послание Черчилля, но — как он сам пишет — в несколько изменённой форме: Черчилль заверил его, якобы, что «по окончании войны статус еврейского национального очага будет изменён, а Белая Книга 1939 года будет аннулирована». Он представляет это, как «план Черчилля», но это совершенно не то, о чём Черчилль говорил выше, хотя вполне возможно, что это и было у него на уме. Наиболее любопытно, что Вейцман опустил главную мысль Черчилля — сделать короля Ибн-Саула «владыкой Ближнего Востока.., при условии, что он договорится с вами».

Вейцман пишет, что ответ Рузвельта на «план Черчилля» (представленный ему в совершенно извращённом виде) был «вполне положительным», что на языке сионистов означало, что Рузвельт соглашался на создание еврейского *государства* («статус еврейского национального очага будет изменён»). Далее Вейцман пишет, что президент сам упомянул Ибн-Сауда, отметив, что он «сознаёт важность арабского вопроса». Коли Вейцман точен в передаче этого разговора, то он во всяком случае *не* сказал, что Черчилль рекомендовал ему *соглашение* с Ибн-Саудом. Наоборот, согласно своим же мемуарам, он придерживался в разговоре с Рузвельтом взгляда, что *мы не можем ставить наше дело в зависимость от согласия арабов* ». Это было полной противоположностью тому, что Черчилль понимал под соглашением с арабами, и недвусмысленно означало войну против арабов при американской поддержке. После этого Рузвельт, пишет Вейцман, «ещё раз уверил меня в своей симпатии и послании урегулировать этот вопрос».

Есть какая-то тайна в сдержанности Рузвельта по отношению к «арабскому вопросу», и она могла бы возыметь серьёзные последствия, не умри он через два года, *вскоре после своей встречи с Ибн-Саудом* . Однако ни сдержанность Рузвельта, ни его личные мысли и намерения не имели в 1943 г. особого значения, поскольку решение давно уже было принято. Под прикрытием войны в Европе вооружение было на пути к сионистам, и эти закулисные действия определили события будущего. Начиная с этого момента, ни ведущие политики, если бы они только вздумали протестовать, ни стоявшие под постоянным нажимом ответственные администраторы не могли больше помешать сионистам заложить в Палестине заряд замедленного действия, который в наше время в состоянии взорвать всю вторую половину двадцатого столетия.

В июне 1943 года доктор Вейцман вернулся в Лондон, не сомневаясь в том, что «давление» из Вашингтона теперь полностью обеспечено.

Глава 40
Захват Америки

На протяжении шести лет Второй мировой войны, пока целые страны переходили из рук в руки, а все силы воюющих народов были заняты войной, за их спиной разыгрывалось другое, незаметное вторжение, последствия которого оказались более серьёзными, чем все перемены, вызванные военными действиями. Речь идёт о политическом вторжении в США новых сил, победа которых стала ясной в конце войны, когда вся американская политика оказалась направленной на обеспечение окончательной победы только двух факторов — революции в Европе и сионизма на Ближнем Востоке. В историческом аспекте Рузвельт добился успехов только в трёх областях, причём все они стали гибельными для его собственной страны: он помог вооружить сионизм, вооружил мировую революцию в её московской крепости, и широко открыл ворота американской для вторжения в неё московских агентов.

Рузвельт вступил на этот путь дипломатическим признанием Советов сразу же по своём избрании президентом. Посол революции, Максим Литвинов, обещал ему ни словах, что революционное государство не будет вмешиваться во внутренние дела Америки, и никто из его менторов и «советиков» не нашёл нужным напомнить ему, что лисице достаточно всунуть свой нос, чтобы вскоре оказаться и в самом курятнике. О поддержке революционного государства деньгами и оружием будет нами рассказано в последующих главах; в этой главе мы опишем его вторжение в Америку в течение долгих лет правления Рузвельта.

Рузвельт начал с разрушения барьеров против бесконтрольной иммиграции, возведённых до него американскими конгрессами, сознававшими опасность захвата правительственного аппарата «чужеземными группами». Рядом президентских указов контроль над иммиграцией был существенно ослаблен. Чиновникам департамента иммиграции было запрещено задавать иммигрантам вопросы об их коммунистических связях, равно как была отменена и регистрация еврейского происхождения. Американская пресса раздувала кампанию против всякой проверки политической благонадёжности иммигрантов, клеймя «дискриминацию рождённых заграницей». Число иммигрантов, обосновавшихся за этот период в Соединённых Штатах, никому точно неизвестно. Сенатор Пат МакКарран, председатель юридического комитета сената США, подсчитал, что до 1952 г., помимо легальной иммиграции в США, в страну *нелегально* переселились пять МИЛЛИОНОВ иностранцев, включая большое число «активных коммунистов», сицилианских бандитов и других преступных лиц». Начальник контрольного отдела департамента иммиграции не в состоянии был назвать даже приблизительную цифру нелегальных переселенцев, отмечая, что когда удалось наладить хотя бы приблизительный контроль, «ежегодно задерживалось и отправлялось обратно более полмиллиона» перешедших одну только мексиканскую границу. Службе социального обеспечения, выдававшей карточки для получения работы, было запрещено давать департаменту иммиграции или полиции какие бы то ни было сведения об иммигрантах. За счёт новой иммиграционной волны разбухала масса «колеблюшихся избирателей», на которой концентрировала свои усилия демократическая партия Рузвельта, следуя старому рецепту Хауза и не забывая демагогического лозунга об «отмене дискриминации». Ограничение проверки политической благонадёжности открыло доступ в гражданское управление и в вооружённые силы активным коммунистам, не только рождённым в Америке, но и иностранцам, недавно получившим право жительства. Результаты этой политики стали известны благодаря множеству разоблачений послевоенного периода, описание которых заполнило бы многотомную энциклопедию. Этим процессом оказался захвачен весь англо-американский Запад, как показали соответственные разоблачения в Англии, Канаде и Австралии: не менее знаменательным представляется, что за исключением Канады, все эти частичные разоблачения были обязаны инициативе отдельных лиц, а не государственных инстанций; никаких серьёзных попыток исправить создавшееся положение сделано не было, так что оно остаётся фактически неизменным с 30-х и 40-х годов, предопределяя тем самым роковую слабость Запада в любой будущей войне.

Возобновление массовой иммиграции легло в основу вторжения чуждого элемента в политическую жизнь Америки. Процесс шёл в трёх направлениях и имел целью захват трёх важнейших позиций в государственной деятельности: государственную политику на её высшем уровне, гражданское управление на среднем уровне и «общественное мнение», т. е. обработку масс, как основу всего предприятия. Мы уже показали в предыдущих главах, как, с помощью системы т. н. «советников», прочно установившейся в американской политической жизни начиная с 1913 года, был захвачен контроль над правительственной политикой США; эта фаза в процессе захвата власти предшествовала всем остальным. Методы проникновения тех же элементов в аппарат гражданского управления будут рассмотрены в конце этой главы; сейчас мы опишем как, с помощью контроля над печатной информацией, эти элементы подчинили себе общественное мнение Америки, без чего успех обеих других фаз захвата власти был бы невозможен.

Хаим Вейцман, усердно готовившийся в своё время в России к своей будущей миссии на Западе, называл эту форму борьбы за власть «техникой пропаганды и подхода к массам». Теперь мы покажем оперативную механику, скрытую под этим названием. В одной из прежних глав этой книги мы отметили, что еврейская масонская организация «B'nai B'rith» своевременно пустила ростки в определённом направлении. До того её можно было сравнивать с такими группами других религиозных обществ, как Христианская Ассоциация Молодых Людей (YMCA) или т. н. Рыцари Колумба; её официальными целями были помощь бедным, больным и сиротам, и благотворительная деятельность вообще. Маленькое её ответвление 1913 года под названием «Анти-Диффамационная Лига» (ADL) к 1947 году превратилась а мощную тайную полицию, став большой силой в жизни Америки, если не по форме, то фактически. В тех странах, где тайная полиция существует, как государственное учреждение (НКВД в СССР или Гестапо в Германии перед Второй мировой войной), все силы и ресурсы страны находятся в её распоряжении, и такое государство характеризуется, как полицейское. Сионисты сумели создать в США ядро собственного полицейского аппарата, почти столь же эффективного, как и упомянутые прототипы тайной полиции. Единственное чего ему ещё недостаёт, это — право ареста и заключения в тюрьму неугодных ему элементов, и, по мнению автора, именно это является *конечной целью* этой сионистской институции.

На жаргоне мировой революции понятие «анти-диффамации» (т. е. противодействие клевете) фактически означает пользование клеветой, как оружием против политических противников: ADL живёт тем, что оклеветывает противников сионизма, *как* антисемитов, фашистов, жидоедов, охотников за «красными», параноиков, лунатиков, сумасшедших, реакционеров, твердолобых, фанатиков, крайне правых экстремистов и т. п. (прим. перев.: совершенно подобно тому, как в России до революции национально-патриотические элементы огульно клеймились «черносотенцами»; в русской эмиграции этот же термин применяется и до сих пор). Этот клеветнический словарь установлен раз и навсегда, и его употребление можно проследить назад во времени вплоть до нападок на Баррюэля, Робисона и Морса сразу же после французской революции. Политическую линию любого писателя, журналиста, или любой газеты легко установить, подсчитав как часто в их текстах употребляются перечисленные выше словесные штампы для характеристики противников. Несомненным достижением «анти-диффамационной лиги» (ADL) можно считать, что постоянное повторение этих порочных эпитетов превратило их в клеймо, которого всеми силами стараются избегать партийные политики всех мастей. Употребление этих диффамирующих ярлыков фактически сделало невозможной серьёзную и спокойную дискуссию по любому вопросу, и можно лишь поражаться тому, как легко два поколения западной общественности смогли подчиниться шаманским заклинаниям сравнительно немногочисленной группы азиатских заговорщиков.

В году своей организации (1913) АДЛ помещалась в маленькой комнаге в конторе еврейской ложи «Бнай Брит» и располагала минимальными средствами. Но уже в 1933 г. Бернард Браун (Bernard J. Brown, «From Pharao to Hitler», 1933) мог написать: «с помощью АДЛ мы смогли *заткнуть рот не-еврейской печати* вплоть до того, что ни одна газета в Америке не рискнёт упомянуть еврейского происхождения любой неблаговидной личности». Еврейский орган «Menotah Journal» в Нью-Йорке писал в 1948 г.: «Если в переиздании любого *литературного классика* встретится хотя бы одна фраза, неблагоприятная для евреев, то АДЛ будет обрабатывать ни в чём неповинного издателя до тех пор, пока он не устранит нежелательного текста. Пусть какой-либо ничего не подозревающий режиссёр покажет в своём фильме типичного еврея, — АДЛ немедленно подымет такой шум, что он постарается забыть о существовании евреев вообще.[31] Однако, когда умелая пропаганда начинает прививать евреям коммунистические идеи, … *АДЛ не говорит ни слова* . *Не будет ни предостережений* , *ни призывов быть осторожными* , *ни* , *тем более* , *разоблачений или порицаний* , и это несмотря на то, *что где-то высоко* , *в центре организации* , *сидят люди* , *которые на собственном опыте знают* , *как умело*

---

[31] За примерами ходить недалеко, не в одной только Америке: классическая драма Шекспира «Венецианский купец» с её главным действующим лицом Шейлоком исчезла с театральных сцен сразу же после первой мировой войны; роман Диккенса «Оливер Твист» вычеркнут из списков детской литературы, ибо в нём жулик Фейган, посылающий мальчиков воровать, оказывается евреем. Когда в Англии после второй войны по этому роману был поставлен фильм, толпа еврейских хулиганов разгромила кинотеатр в Западном Берлине, где его собирались показывать, и с тех пор об этом фильме ни кто больше не слышал. Роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», на котором выросли многие поколения детей во всей Европе и Америке, изъят из американских библиотек: АДЛ находи его «расистским».

«Анти-Диффамационная Лига» уделяет своё внимание далеко не одной лишь, литературе, театру и кино: она содержит вооружённый аппарат террористов, выполняющий задания более серьёзного характера, особенно активизировавшийся после Второй войны. Известный германский киноактёр Фердинанд Мариан, игравший главное действующее лицо в фильме «Еврей Зюсс» по роману Лиона Фейхтвангера, стал жертвой «автомобильной катастрофы» в 1945 г., когда ни одному немцу в Германии пользование автомобилем не разрешалось. Другой жертвой «автомобильной катастрофы» в том же году стал граф Антон Арко-Валлей, застреливший в Мюнхене в феврале 1919 г. (!) самозванного главу кратковременного советского правительства в Баварии, еврея Курта Эйспера: тело графа было выдано его семье для погребения лишь через месяц после убийства.

В антисионистских кругах США не существует сомнений, что делом АДЛ была также смерть генерала Паттона, командующего американскими оккупационными войсками в Баварии в 1945 г.: его автомобиль был раздавлен вылетевшим из-за угла на полном ходу пятитонным грузовиком, однако, согласно официальной версии, подробности катастрофы до сих пор «не выяснены». Генерал Паттон был против антинацистского террора в Германии после капитуляции, считая, что месть побеждённым не может входить задачи цивилизованного государства и его военного командования.

Не далее, как а июле 1984 г. в г. Торрансе (Калифорния) ночью были взорваны зажигательными бомбами помещения «Института исторического обозрения» (Institute for Historical Review); полицейское расследование до сих пор не смогло обнаружить даже следов виновных. Институт опубликовал ряд материалов, из которых явствует, что 6 миллионов убитых в Германии во время войны евреев являются мифом, поскольку, согласно его изысканиям, ни в одном концлагере газовых камер не было: в лагере Дахау они были построены пленными солдатами СС по американскому приказу после капитуляции, в Саксеихаузене и Освенциме они строились по советскому приказу. Институт объявил уже несколько лет тому назад премию в 50 000 долларов любому, кто сможет доказать перед судом газовые убийства хотя бы в одном германском концлагере; странным образом, желающих до сих пор не нашлось. В национальных кругах Америки АДЛ именуется не иначе, как «еврейским Гестапо».

коммунисты проникают в другие организации ». («Menotah Journal» в данном случае выражал мнение многих евреев, возмущённых тем, что АДЛ нападает на антикоммунизм, приравнивая его к антисемитизму). Эти цитаты показывают, как сильно выросло влияние АДЛ за 35 лет. Общественная дискуссия подпала под действие средневековых законов о ереси. Малейшая критика сионизма или планов создания мирового правительства немедленно встречает яростный разнос в прессе. Критика коммунизма допускается только в том случае, если одновременно подчёркивается, что результатом войны будет лишь создание всемирного коммунистического государства, другими словами, что «коммунизм лучше не трогать»; что же касается Иерусалима, то «это не только столица Израиля, но и столица всего мира» (сионистский бургомистр Иерусалима в 1952 г.). Во всей Америке сегодня лишь немногие писатели защищают свободу и независимость дискуссии. Они готовы спорить по любому вопросу, представляющему общественный интерес, в свете традиционных национальных интересов Америки, но не по вопросу о сионизме, о котором вряд ли хоть один из них даже заикнётся. Автор беседовал об этом с четырьмя писателями из числа ведущих, получив от всех один и тот же ответ: этого делать нельзя. Если писатель находится на службе, то, затронув сионизм, он будет быстро уволен. Независимые писатели не найдут издателей для своих книг, поскольку они не найдут рецензентов, разве лишь в стиле упомянутого выше диффамирующего словаря.

Бюджет АДЛ, начавшей столь скромное существование в 1913 г., достиг в 1948 г. трёх миллионов долларов, причём она — лишь одна из многих еврейских организаций, обслуживающих цели сионистов в Америке и располагающих такими же средствами. Обсуждая «антидиффамационную истерию», упомянутый нами еврейский «Menotah Journal» писал: «Борьба с антисемитизмом разрослась в большое коммерческое предприятие с многомиллионным годовым бюджетом». По словам журнала, целью является «непрерывно бить в антисемитский барабан», чтобы припугнуть пожертвователей. Обычным методом является «открытый шантаж еврейских предпринимателей: если Вы не в состоянии дать на наше дело 10 000 долларов, то лучше переведите свою фирму в другое место». Журнал пишет, что «самозванные защитники американских евреев загнали их в состояние массовой истерии». Эта весьма критическая цитата отнюдь не противоречит тому, что было сказано выше о подавлении всякой критики: в данном случае речь идёт о еврейском органе, а в еврейской печати дискуссия и обсуждение сравнительно свободны, поскольку она распространяется только «среди своих». Если бы не-евреи выписывали и читали еврейские газеты и журналы, они знали бы много больше о том, что происходит в мире. Цензура распространяется лишь на не-еврейскую печать.

«Menotah Journal» демонстрирует также, как газетные новости фальсифицируются еврейскими агентствами печати: пустяшная драка между подростками в Манхеттене «подаётся под устрашающими заголовками на первой странице в таком виде, что неопытный читатель подумает о возобновлении царистских погромов» (как в своё время «царистские погромы» преподносились Мировой печати или как раввин Стефен Уайз цитировал ложные «донесения о погроме в Берлине» в 1933 году). С помощью той же тактики «запугивания на первой странице» организуются и массовые митинги в Мэдисонском парке в Нью-Йорке, на одном из которых тогдашний претендент на президентскую должность (Вендель Уильки) не постеснялся заявить: «я потрясён растущей волной антисемитизма в нашей стране… ».

Описанные методы вызывают массовую истерию не только среди еврейства и подлизывающихся к нему политиков; другой вид массовой истерии культивируется в среде честных, но мало осведомлённых «либералов», страсть которых пылать благородным негодованием легко доводит их до самообвинения: примером тому — покойный Джордж Оруелл. Он был честным человеком, потому что не только призывал других идти на помощь угнетённым и мстить за несправедливость, но сам пошёл воевать, когда началась гражданская война в Испании (разумеется, на стороне «красных»). Там он своими глазами увидел, что коммунизм много хуже того, с чем он боролся. Оруелл умер прежде, чем он смог поехать в Палестину, где он увидел бы истинную суть вещей, а поэтому всё, что он писал об «антисемитизме», было просто отголоском всеобщей «анти-диффамационной истерии». Его пример, настолько характерен, что заслуживает подробного комментария: здесь честный человек повторяет чужие слова, искренне веря, что он выдумал их сам. Оруелл занялся расследованием «антисемитизма в Англии (в 1945 г.) и нашёл „заметные антисемитские черты у Чосера“[32]. Современные нам писатели

32 Джеффри Чосер (Geoffrey Chaucer, 1343—1400) — величайший поэт средневековой Англии — писал в своих «Кантерберийских рассказах» о еврейских ритуальных убийствах христианских детей, как об общеизвестном в ту эпоху, неоднократно установленном факте, в частности об убийстве евреями с ритуальной целью восьмилетнего мальчика Гуго (Hugh) в г. Линкольне в 1255 г., причисленного впоследствии церковью, после тщательного расследования всех подробностей дела, к лику святых.

Беллок и Дж. К. Честертон были, оказывается, «литературными жидоедами». Он обнаружил также места у Шекспира, Смолетта, Теккерея, Бернарда Шоу, Т. С. Эллиота, Олдоса Хаксли и других, «которые, *будучи написаны теперь* , были бы заклеймены как антисемитизм» (сам того не подозревая, он высказал сущую правду: будь они написаны теперь, их бы наверняка «заклеймили»). Но затем ему не повезло со следующим ляпсусом: «вообще я могу назвать только двух английских писателей, которые до прихода Гитлера защищали евреев — это Диккенс и Чарльз Рид». Так Оруелл возвёл в защитники евреейства одного из тех, кого АДЛ ославила как жидоеда: из-за малопочтенною образа еврейскою жулика Фейгина фильм «Оливер Твист» был в США запрещён, что было делом рук АДЛ, представитель которой, Арнольд Форстер, писал: «Американские кино-прокатные фирмы отказались передать фильм кинотеатрам после того, как АДЛ выразил опасение, что он может принести вред: фирма Rank Organization *изъяла* фильм из обращения и Соединённых Штатах». Впоследствии, после «семидесяти двух вырезок» со стороны цензуры АДЛ, фильм был допущен к демонстрации со специальным введением для зрителей, что речь идёт о «постановке по Диккенсу без его антисемитских тенденций» (в оккупированном Берлине запрет фильма был окончательным: *английские* власти распорядились не показывать Диккенса немцам).

Автор был в это время в Америке и мог наблюдать, как осуществилось его предсказание, сделанное в 1943 году, когда он писал в одной из своих книг, что в результате тайной цензуры Чосер, Шекспир и Диккенс будут в один прекрасный день заклеймены как «антисемиты». Автор в своё время нарочито преувеличивал, желая подчеркнуть наличие неофициальной цензуры; однако факты оправдали его предсказания во всех трёх случаях: постановщику Шекспира в Нью-Йорке было предложено не ставить «Венецианского купца», Диккенс подвергся запрету, а Чосер был занесён в чёрный список.

Частная организация, способная достигать таких результатов, явно всесильна: ничего подобного этому в мире никогда ещё не существовало. Писатель Винсент Шиан (Vincent Sheean, см. библиографию) писал в 1949 году: «В Америке не слышно голосов, которые посмели бы сказать что-либо в защиту прав арабов, любых их прав: малейшая критика сионистского руководства немедленно клеймится, как антисемитизм». Известная журналистка Дороти Томпсон, чьи статьи и портреты в те годы ежедневно печатались в сотнях газет, также вздумала было заявить аналогичный протест в пользу арабов. В результате, популярность Шиана среди рецензентов резко упала, а портреты и статьи Дороти Томпсон редко кто увидит сейчас в газетах.

Как мы дошли до жизни такой? Какими средствами довели Америку (и весь Запад) до такого состояния, когда ни один политик не займёт важного места и ни один издатель не будет чувствовать себя спокойным за своим столом, пока они не постелят коврика и распластаются на полу, выразив покорность Сиону? Как довели президентов и премьер-министров до соперничанья друг перед другом за благосклонность незначительной группы лиц, как шаферы соперничают между собой за букет невесты? Почему руководящие политики терпят, чтобы ими козыряли, как свадебными генералами, на банкетах по сто долларов за прибор в пользу Сиона, или собирали их на сцене для вручения медалей за услуги сионистам?

Власть денег несомненно велика, а погоня за голосами избирателей явно играет немалую роль, однако сильнейшим оружием в руках сионистов является, по мнению автора, их контроль над всеми средствами информации. Они могут выпятить и распропагандировать всё, что им выгодно, и исключить, замолчав, всё, чего они не желают, создав таким путём для любою, избранного ими лица «хорошую» или «плохую» прессу. Фактически, это является полным контролем общества, а на жаргоне сегодняшнего дня это называется «техникой пропаганды и подхода к массам». Это выражение принадлежит доктору Вейцману, но за ним скрыто древнее азиатское уменье, о котором, по известному нам поводу, писали евангелисты св. Марк и св. Матфей: «Первосвященники и старейшины *убедили* толпу… Первосвященники *побудили* народ… ».

За 40 лет своего существования (написано в 1955 г. — *прим. перев.*) АДЛ довела технику «убеждения» масс до абсолютного совершенства. Это — метод промывания мозгов, которого масса не сознаёт, и он даёт громадные возможности задушить всякий голос оппозиции. Одним из первых пострадавших был председатель комитета Конгресса США по надзору за подрывной деятельностью против государства (т. н. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности). Уже в «Протоколах» говорилось (в 1902 г.), что национальным государствам не позволено будет преследовать антигосударственную подрывную деятельность как уголовное преступление, и это «предсказание» неизвестных нам «мудрецов» также оказалось сбывшимся. Первый председатель этого Комитета, Мартин Дайс, уведомил своих сотрудников, что тайная инквизиция требовала от него ограничить

определение подрывной деятельности одним только «фашизмом», приравняв этот последний к «антисемитизму». Другими словами, по замыслу «мудрецов», любое противодействие разрушительному принципу было бы объявлено подрывной деятельностью, в то время как сам подрыв государственных основ оставался бы вне подозрений и не подлежал преследованию. Дайс отказался подчиниться приказу, и вскоре организованная кампания клеветы прикончила его политическую карьеру.

К концу войны АДЛ совместно с Американским Еврейским Комитетом «решили осведомить американскую публику об опасности антисемитизма». Они сообщили американским евреям, что из каждых ста американцев 25 заражены антисемитизмом, и что 50 других могут также захватить эту «болезнь». К 1945 году была организована «энергичная воспитательная кампания, охватившая всех мужчин, женщин и детей» в Америке при «помощи прессы, радио, рекламы, детских книг — комиксов, школьных учебников, лекций, фильмов, с поддержкой „церквей“ и профсоюзов. Её программа включала „219 ежедневных радио-передач“, рекламные объявления на целую страницу в 397 газетах, пропаганду плакатами в 130 городах и „внушения“, незаметно вкраплённые в печатные тексты на промокательной бумаге, спичечных коробках и конвертах. Вся американская пресса („1900 ежедневных газет с тиражом в 43 000 000“), а также провинциальные, негритянские и рабочие газеты, включая газеты на иностранных языках, систематически снабжались материалом в форме „новостей, статей, карикатур и комиксов“. Сверх того АДЛ разослала в 1945 г. „по библиотекам и другим учреждениям более 330 000 книг, пропагандировавших наши взгляды“, снабдила множество авторов „материалом и полным сюжетом для их книг“, и разослала девять миллионов брошюр „тщательно подготовленных с учётом нужд и уровня понимания адресатов“. Самозванные воспитатели Америки нашли, что „странички юмора“ особенно эффективны для промывания мозгов у молодёжи, солдат, матросов и лётчиков, разослав „миллионы экземпляров“ пропаганды в этой форме. Организация, проводившая эту работу, состояла из главной квартиры на всю Америку, общественных комитетов в 150 городах, одиннадцати областных отделов, и насчитывала „2000 руководящих сотрудников в тысяче городов“. Общественности осталось фактически неизвестным даже название организации, распространявшей такое обилие пропагандного материала. Начиная с 1940-х г., система т. н. „объединённых корреспондентов“ (syndicated columnists), сидевших в Нью-Йорке и Вашингтоне, охватила всю американскую печать. Статья, написанная одним автором, ежедневно печаталась на столбцах тысяч газет; эта система привлекала издателей своей дешевизной, ибо им не нужно „было оплачивать собственных авторов“. С помощью нескольких десятков тщательно подобранных журналистов (зарабатывавших, в свою очередь, при этой системе громадные деньги) можно было окрасить из одного центра весь поток информации в желаемый цвет (метод, также давно предсказанный в „Протоколах“). Так в Америке (как и в Англии) было выращено целое поколение, лишённое правдивой информации и независимой оценки о характере сионизма, его изначальной связи с коммунизмом, о проникновении чуждого элемента во всё гражданское управление, с полным подчинением ему руководящих „администраторов“, и о прямой связи всего этого с тайным планом создания мирового сверх-правительства.

Сперва этот скрытый контроль встретил сильную оппозицию, однако в течение двух десятилетий она была постепенно уничтожена. Автор уже приводил примеры того, как это делалось в Англии. Применялись разные методы, включая скупку газет, но главную роль играло непрерывное организованное давление, при котором убеждение подкреплялось угрозами. В Америке любая газета, напечатавшая статью или комментарий, неугодные АДЛ, неизбежно должна ожидать посещения представителей Лиги. Самой обычной угрозой является отказ помещать в данной газете объявления, что равносильно её разорению; объявления же даются не самими заказчиками, а через специальные агентства, находящиеся почти без исключения в еврейских руках. Армия «объединённых корреспондентов» по указанию центра немедленно набрасывается на любого автора, журналиста или радио-комментатора, ставшего неугодным. Многие из них поплатились карьерой, потеряв издателей или своё место в радио-компании; за примерами ходить не далёко. В 1950 году газета «Chicago Tribune» опубликовала статью видного сотрудника государственного департамента (м-во иностранных дел США), по мнению которою Соединёнными Штатами управляло «тайное правительство», состоявшее из трёх членов узкого круга покойного президента Рузвельта, названных по имени: Генри Моргентау (б. министр финансов), верховный судья Феликс Франкфуртер и сенатор Герберт Лейман. Слово «еврей» сказано не было; статья выражала мнение высокого государственного чиновника по вопросу, который он считал имеющим первостепенное государственное значение. Она вызвала большое беспокойство в сионистской и еврейской печати во всём мире (по понятным причинам, лишь немногие из нееврейских

газет обратили на неё должное внимание). Автор этих строк был тогда в Южной Африке, но предвидел, что должно было произойти, и смог, по своём очередном приезде в Америку, убедиться в правильности своих предположений; газета «Chicago Tribune» , осаждалась со стороны АДЛ настойчивыми требованиями опровержения статьи и принесения официальных извинений. Ни того, ни другого в данном случае не последовало: газета была последним из могикан тех времён, когда печать ещё была относительно свободной. В качестве любопытной детали можно отметить, что автор «антисемитской» статьи, незадолго до её появления, пытался освободить из заключения, взяв на поруки, еврея, присуждённого к пожизненному наказанию за убийство, считая, что его вина была уже достаточно искуплена. Ярлык «антисемита» оказался, тем не менее, прочно приклеенным.

Даже приведённые выше данные о бюджете, штатах и деятельности Лиги неспособны показать, насколько велика власть этой вездесущей организации. Автор сам не поверил бы, пока не убедился воочию, что столь мощная группа способна почти невидимо действовать в государстве, номинально управляемом президентом и Конгрессом. Её многочисленные отделы и подотделы — лишь центры обширной сети сотрудников и агентов, её аппарат столь же эффективен и всевидящ, как НКВД в порабощённой России или Гестапо в нацистской Германии, в чём автору пришлось убедиться на собственном опыте.

Будучи довольно малозаметной личностью, автор был в 1949 г., когда он приехал в Америку, почти незнаком американской общественности, поскольку публикация большей части его книг была предотвращена в США методами, описанными выше. С момента его приезда, АДЛ однако следила за ним, подобно коршуну, и на этом ему впервые пришлось убедиться в её активности и бдительности, хотя до того он не в состоянии был себе представить, что она действительно способна следить за каждым воробьём на каждой крыше. Знакомый американец, читавший некоторые из книг автора, познакомил его со своим коллегой, а этот последний, в свою очередь, пригласил его к обеду, на котором присутствовало третье лицо, представленное хозяином, как «мой кузен». Кузен оказался весьма занятной личностью; только годом спустя автор узнал, что это был руководитель ньюйоркского отдела АДЛ, и что встреча и обед были устроены по его инициативе. Таким путём часто добываются материалы для «личного дела» и будущей клеветы. В 1956 г. АДЛ опубликовала целый сборник под заглавием «Против течения», представив его как «книгу об использовании антисемитизма в качестве политического оружия». Книга была полна нападок на «антисемитов» и содержала многочисленные выдержки из частных писем и разговоров поименованных лиц. Рецензент этого произведения в «Нью-Йорк Таймс», хотя и явно ему симпатизируя (какой сотрудник этой газеты мог бы быть против?), всё же вынужден был отметить, что «авторы не раскрывают секрета, как они получили все эти любопытные сведения.., *умолчание об источниках информации — главная слабость сборника, и она особо существенна там, где цитируются, частные разговоры* ». Кто были эти расспрашивавшие, задавал вопрос рецензент, и как они подходили к своему делу? Автор этих строк мог бы без труда дать ему ответ, и читателю, посланной книги он также известен. Разговор автора с «кузеном», выдававшим себя за ярого антисемита (чем не чекистский приём? — *прим. перев.*), материала для сборника не доставил, и причина этого небезынтересна. Пол конец оживлённого вечера «кузен» вдруг спросил автора, насколько сильно, по его мнению, распространён антисемитизм в Соединённых Штатах? Автор ответил, что объехав в свои предыдущие приезды более тридцати из 48 штатов Америки и встретив тысячи людей, он ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь произнёс слово «еврей». Если бы он знал, кем «кузен» был в действительности, он дал бы тот же самый ответ, потому что это было правдой.

Встреча с «кузеном» состоялась через несколько дней по приезде автора в США и с того момента АДЛ знала о каждом его шаге. Она знала о книге, которую он писал в то время, а когда она была готова к печати, «кузен» встретился с издателем одной из прежних книг автора и в упор спросил его, не собирается ли он издавать и эту. Издатель был человеком осторожным и ответил отрицательно. Три года спустя, когда в 1952 году упомянутая книга вышла в Англии, голливудский журнал Американского Легиона (известная патриотическая организация в США. — *прим. перев.*) опубликовал отрывки из неё, общим числом в 500 слов (две страницы). АДЛ немедленно потребовала, чтобы командор Легиона в Голливуде публично отмежевался от напечатанного. Командор направил АДЛ к редактору журнала. Ничего неточного или неправильного в цитировавшейся книге приведено не было, «представители» просто объявили, её «антисемитской». Редактор отказался опровергать что-либо, пока не будут доказаны фактические неправильности в тексте или приведены серьёзные доводы, и подал в отставку после того как командор, игнорируя его мнение, опубликовал знакомые в подобных случаях «извинения» перед лицом угрозы, что «все евреи» будут бойкотировать голливудский стадион, содержавшийся и построенный Легионом. Уходя, редактор заявил, что всё это только подтверждает

правду написанного в книге. Извинение командору не помогло, ибо Американская Широковещательная Компания (American Broadcasting Company, AUC), охватывающая всю страну и передававшая по телевидению соревнования и митинги на стадионе, немедленно заявила о расторжении контракта с Легионом и о том, что она отныне будет передавать программы его конкурентов. Потрясённый командор смог лишь заявить, что «всё это было для меня ужасным ударом».

Когда в 1951 году автор снова посетил Америку, другой его знакомый, охотно читавший его книги, посоветовал писать для американских газет, не поверив тому, что он услышал в ответ. Он возразил, что один хорошо знакомый ему орган рад будет напечатать статью на одну из злободневных в то время тем (не о сионизме), и написал письмо издателю. Он был немало удивлён, получив ответ, что печатать что бы то ни было из-под пера автора этих строк было «verbolen» (в английском оригинале стоит это хорошо знакомое в англо-саксонском мире немецкое слово — *прим. перев.*), а когда он предложил печатать без упоминания имени автора, то ему сказали, что и это не поможет: «В нашей редакции наверняка сидит сотрудник АДЛ» (письмо хранится у автора этих строк). Другой знакомый, владелец большого книготоргового концерна, дал распоряжение своей конторе выписать из Канады одну из книг автора, и вскоре получил ответ, что оптовый книготорговец в Торонто в настоящее время этой книги не может достать. Автор навёл справки сам, причём выяснилось, что никакого заказа на книгу в Торонто вообще не было получено. Знакомый автора взялся лично за расследование этой истории, но так и не мог докопаться, кто в его собственной фирме перехватывает заказы, сказав под конец, что теперь ему ясно, что «мои книги и на индексе».

Читателю достаточно умножить эти несколько примеров из личного опыта одного лица, чтобы распознать действие подобной системы на общий поток информации, достигающий широких масс. Народы западных стран полностью лишены правдивой информации о жизненно важных вопросах их настоящего и будущего, и делает это (как их в этом ежедневно заверяют) «самая свободная пресса в мире». Другим методом АДЛ, чтобы держать евреев в состоянии массовой истерии, а не-евреев в неведении, является работа агентов-провокаторов, ложных «антисемитов» (подобно упомянутому выше «кузену»). Частью этого метода служит распространение заведомо ложных «документов», разоблачающих «мировой заговор» и обычно приписываемых какому-либо мифическому собранию раввинов. Любой серьёзный исследователь талмудистскою предприятия, легко доказуемого на основании подлинных текстов Талмуда, легко может распознать эти фальшивки, — однако, много ли таких знатоков среди широкой публики? Один из «почитателей» недавно прислал автору «документ», обнаруженный, по его словам, в потайном ящике старого семейного комода, не открывавшегося в течение ста лет. Автор отдал бумагу на исследование, запросив после этого своего корреспондента, каким образом его давно покойному дедушке удалось получить бумагу производства 1940 года. Переписка на этом закончилась.

Известен случай, когда сама «Анти-Диффамационная Лига» вынуждена была признать использование ей фиктивного «антисемита». В США после войны подвизался плодовитый писатель книг против антисемитизма, армянин по рождению, некий Аветис Богос Деруньян, хорошо известный под одним из своих псевдонимов, как Джон Рой Карлсон. По поводу одной из его книг, опубликованной во время войны, в которой он нападал на более, чем 700 лиц, он несколько раз привлекался к суду за клевету, и судья, присуждая денежную компенсацию, заявил следующее: «Эта книга написана совершенно безответственной личностью, готовой ради денег утверждать всё, что угодно: я не поверил бы ни одному его слову ни под присягой, ни без неё; эта книга напечатана издателем, который также за деньги готов печатать всё, что угодно». В ноябре 1952 года хорошо известный американский заграничный корреспондент Рэй Брок уличил Карлсона в радиоинтервью с ним в том, что он в прошлом издавал «злобный антисемитский листок под заголовком „Защитник христианства“. Отрицать было невозможно, поскольку этот факт был общеизвестен, и Карлсону не оставалось иного, как заявить, что он делал это из одобрения „Анти-Диффамационной Лиги“. Модератор интервью в свою очередь сообщил, что в ответ на его запрос Лига подтвердила этот факт (отрицать его Лига также не могла, ибо она ещё в 1947 году признала в газете „Chicago Tribune“, что Карлсон был у неё на службе с 1939 по 1941 годи что она „была вполне довольна его работой“).

То, что подобный субъект смог в 1951 г. опубликовать ещё одну книгу с нападками на «антисемитов», и что она была расхвалена ведущими нью-йоркскими газетами (несмотря на приведённый выше комментарий суда), говорит о громадной перемене в жизни Америки, которой сумела добиться АДЛ со времени первой мировой войны. Паутина, в центре которой сидит АДЛ, распространилась на другие англо-саксонские страны, так что в настоящее время ни один писатель не может отделаться от этих пут. Приведём ещё несколько примеров из личного опыта:

В марте 1952 года газета «Truth» (в то время бывшая ещё независимой) сообщила, что Канадский Еврейский Конгресс (Canadian Jewish Congress) потребовал от одного канадского книготорговца убрать книгу автора этих строк со своих полок. Посетив Канаду позже в том же году, автор убедился, что такому же давлению подверглись все канадские книготорговцы, многим из которых пришлось подчиниться. В то же время в одном сионистском журнале в Южной Африке стояло чёрным по белому: «До тех пор, пока расовые группы не будут защищены законом, ни один книжный магазин не имеет права объявлять, что он продаёт книги… вроде некоторых книг Дугласа Рида»; проведя впоследствии некоторое время в Южной Африке, автор нашёл, что и там ситуация ничем не отличалась от канадской. «Расовая зашита», о которой идёт речь в приведённой цитате, заключается в продиктованной сионистами т. н. «Конвенции о геноциде» Объединённых Наций, одна из статей которой предписывает уголовное преследование за любое высказывание, могущее нанести «душевный вред» кому бы то ни было: если эта статья будет навязана миру в ходе следующей войны, то политическая цензура АДЛ станет постоянным и всемирным становлением.[33] Автору ещё не случалось бывать в Австралии, но он не сомневается, что и там в книжных магазинах действует та же тайная цензура, что и в Канаде и Южной Африке. Во всяком случае, в то же самое время один австралийский сенатор, которого автор не знал даже по имени, нападая на «антисемитскую» организацию, о которой он тоже никогда ещё не слыхал, утверждал, что эта организация была в тесной связи с автором; австралийские газеты опубликовали это клеветническое сообщение, но печатать опровержение отказались. В эти же годы автор получил многочисленные сообщения от своих читателей, что главный библиотекарь большой Торонтской читальни наклеил на обложку его книг соответственное «предупреждение» читателям; никакие протесты не помогли.

Так всеми этими методами между читающей публикой и важной для неё информацией был спущен непроницаемый занавес. Рядовые граждане оказались в том же идейном плену, что и ведущие политики. Незавоеванной оставалась лишь одна позиция, расположенная между закабалёнными политиками и слепой и обманутой толпой. Это был тот класс, на который больше всего жаловался в своё время доктор Вейцман: штатные государственные служащие, профессионалы и специалисты своего дела. С самого начала именно отсюда шло наиболее упорное сопротивление наступавшему сионизму (помимо «внешних влияний, исключительно с еврейской стороны», на что особенно жаловался Вейцман). Почти невозможно подкупить независящих ни от каких выборов государственных служащих, профессиональных чиновников или военных, специалистов по иностранным делам. Эти несменяемые служащие чувствуют себя независимой и нераздельной частью народа, которому они служат. Профессиональный военный инстинктивно чувствует, что нация и его долг — одно и то же, и отшатывается при мысли, что военные операции могли бы служить каким-то иным, скрытым целям. Специалист в какой-либо области не в состоянии приноравливать свой опыт и знания ко вкусам партийных политиков, — столь же мало, как хорошего мастера не уговорить изготовить часы, идущие в обратном направлении. Фактически, лишь полный и окончательный захват всей государственной власти, включающий право увольнения со службы, профессиональной дисквалификации и, наконец, ареста и уголовного преследования в состоянии полностью преодолеть сопротивление чиновников, профессионалов и специалистов тому, что они находят противоречащим их служебному долгу. По

---

[33] «Конвенция о геноциде» была принята Генеральной Ассамблеей ООН 1948 г. Её инициатор и автор — американский адвокат, польский еврей Рафаил Лемкин. Конвенция не распространяется на массовые убийства по политическим мотивам (!), однако предусматривает уголовное преследование за действия или высказывания, «могущие причинить физический или душевный вред» членам национальных или иных групп. В течение 37 лет Конгресс США отказывался ратифицировать эту конвенцию. Её противники аргументировали тем, что конвенция, не преследуя ни коммунистического уничтожения целых социальных, религиозных или национальных групп, ни фактического арабского геноцида в Израиле, легализует политическую цензуру со стороны любого организованного меньшинства, заинтересованного в подавлении неугодных ему взглядов. В Швеции, где конвенция уже принята, историк Д. Фельдерер был приговорён к тюремному заключению и помещён в психиатрическую лечебницу (!) за развенчание «мифа о шести миллионах» евреев, якобы уничтоженных в газовых камерах во время войны, и «дневника Анны Франк», большая часть которого написана шариковым пером, впервые появившимся в продаже в 1952 г., т. е. через 10 лет после того, как он якобы был написан еврейской девочкой в Амстердаме. Суд не выразил сомнений в содержании книг Фельдерера, но установил, что оно способно причинить «душевный вред» евреям.

АДЛ отнюдь не намерена дожидаться «третьей войны», чтобы добиться ратификации конвенции в США: её принятие в сенате США в октябре 1984 г. смогло быть предотвращено только угрозой группы сенаторов начать обструкцию её обсуждения с помощью т. н. «флибустеринг», т. е. нескончаемых выступлений одного лица или группы лиц (американский рекорд: 22 часа подряд одним оратором, в 1953 г.). Ратификация была ещё раз отложена, но в американских политических кругах не сомневаются, что еврейским лобби обеспечено достаточное количество голосов для её принятия.

мнению автора этих строк, АДЛ систематически подготавливает такое положение, и уже сделала однажды решительные шаги к его достижению, а именно в 1943 году.

Руководство этой организации, судя по всему, сознаёт, что наиболее подходящим моментом для достижения её целей является последняя стадия большой войны и самое первое время по её окончании. В начале войны втянутые в неё массы борются за внушённые им её светлые идеалы; после периода некоторого смущения вслед за окончанием войны, положение несколько проясняется, и они начинают задавать вопросы, за что они, собственно, воевали и что в действительности оказалось достигнутым под прикрытием военных действий. Если скрытые цели закулисных махинаций к этому времени ещё не будут достигнуты, момент окажется упущенным. В первую войну её скрытые цели были достигнуты в период 1916…1922 гг. (отнюдь не в 1914…18 гг.), а во второй войне — между 1942 и 1948 гг. (опять таки, не в период 1939…45 гг.). Если нам суждено будет дождаться начала третьей мировой войны, скажем в 1965 г., и она будет продолжаться до 1970 г., причём целью её будет, разумеется, «борьба с коммунизмом» и его уничтожение, то последний рывок к достижению окончательных целей мирового сионизма и созданию коммунизированного всемирного сверх-государства будет сделан в период наибольшего политического смущения всех мозгов, скажем в 1968…74 гг.[34]

Попытка окончательно подчинить себе всё гражданское управление США была сделана в 1943 г., на четвёртом году войны, и частично разоблачена лишь благодаря случайности в 1947 г., когда военный и послевоенный туман начал рассеиваться. Целью было поставить между американским народом и его правительственным аппаратом преграду в виде клеветнического чёрного списка, который закрыл бы доступ в этот аппарат людям патриотического долга, широко открыв его проверенным агентам антиамериканского заговора. Составленные в тот период чёрные списки росли столь быстро, что вскоре охватили бы буквально всех граждан Соединённых Штатов, чья служба в аппарате управления страной была нежелательна её тайным правителям. Клеветнические списки АДЛ с собранными в них диффамирующими данными находились в процессе включения их в официальные данные личных столов и отделов кадров всей гражданской службы США. Эти списки легко могли в будущем стать основой для массовых арестов при удобном случае, как подобные же списки тайной полиции Геринга стали основой для устранения политических противников режима в Германии после поджога Рейхстага. Никто в Америке, ни тогда, ни до сего времени, не знал и всё ещё не знает, как далеко зашла подготовка фактическою государственного переворота в стране.

Уже упоминавшийся нами Мартин Дайс охарактеризовал и своё время лигу у АДЛ, составившую эти списки, как «террористическую организацию, использующую все свои средства не для защиты

---

[34] Внимание русских читателей книги Дугласа Рида следует обратить на прозрение автором вероятных целей возможной третьей войны. Вспомним его указание (в 27-ой главе настоящей книги о «Протоколах»), что в нашем веке крик об «антисемитизме» по адресу того или иного государства указывает будущего противника в очередной войне, целью которой должно быть его уничтожение. Всемирная антигерманская кампания, начиная с 1933 г., т. е. задолго до Нюрнбергских законов и «кристальной ночи», ещё свежа в памяти современников: не иначе, разумеется, следует рассматривать и крик о «погромах» в России задолго до начала первой мировой войны.

Роли в первой мировой войне были распределены заранее: лидер польских социалистов Пилсудский, принадлежавший к небольшому кругу посвящённых, в январе 1914 г. предсказал, делая доклад перед группой международных революционеров в зале Географического общества в Париже, «скорую австро-русскую войну из-за Балкан»: за Австрией встанет Германия, а за Россией — Франция и Англия; Россия будет разбита немцами, а центральные державы будут затем побеждены коалицией Франции, Англии и Америки. Радостное восклицание Ллойд Джорджа при известии о февральском перевороте в Петрограде — «главная цель войны достигнута!» — получает в связи с вышеизложенным любопытное освещение.

Дуглас Рид предвидел в 1950-х годах вещи, о которых тогда ещё трудно было догадываться. В наши дни в США время от времени раздаются голоса специалистов о том, что «угроза со стороны советского атомного потенциала нарочито преувеличивается, и что Америка обладает в этой области неизмеримым превосходством. Усовершенствование оружия, действующего в мировом пространстве, в ближайшем будущем должно сделать США неуязвимыми как против (маловероятного) „первого удара“, так и против любого „ответного удара“, в силу чего американские ядерные ракеты смогут безнаказанно физически уничтожить всё 280-миллионное население России. На вопрос рядового современника, зачем это могло бы быть нужным Америке, Дуглас Рид, если бы он дожил до наших дней, вероятно ответил бы, что американцам это, разумеется, ни к чему, но в свете учений Талмуда и плана „Протоколов“ такое „окончательное решение вопроса“ представляется не только желательным, но даже и богоугодным: всё же научное исследование и производство атомного оружия находится в США, со времён Баруха, в еврейских руках (см, примечание к главе 46). Комментарии мировой печати на тему о „советском антисемитизме“ приобретают в связи с этим также новое освещение, хотя этот антисемитизм выражается, главным образом, в том, что одним только евреям разрешается беспрепятственный выезд из СССР.

Размышления покойного Дугласа Рида о возможной третьей мировой войне уже в 1965…70 гг. читатель может разумеется, приложить к любой иной дате нашего времени, точно неизвестной никому, кроме тех, кто уже в январе 1914 г. знал о «скорой австро-русской войне из-за Балкан», или кто, как Макс Нордау, предсказал эту войну уже в 1903 г. (см. главу 26 о «Ереси доктора Герцля»).

доброго имени евреев, а для насильственного принуждения и подчинения (неевреев) своим целям с помощью террористических методов; это — лига диффамации и клеветы». (В 1956 г. однако, президент Эйзенхауэр направил ежегодному съезду АДЛ хвалебное послание, отмечая заслуги этой организации в деле «напоминания нашему народу, что высокие религиозные принципы должны прилагаться во всех отраслях общественной жизни»). Характеристика Дайса полностью подтвердилась разоблачениями т. н. «Подкомитета по расследованию гражданского управления», специально назначенного Бюджетным комитетом палаты представителей США и заседавшего три дня, 3-го, 6-го и 7-го октября 1947 г. под председательством депутата Конгресса от штата Мичиган Клера Э. Гофмана. И на этот раз расследование было обязано инициативе и усилиям отдельных лиц; правительственные инстанции всеми силами старались его сорвать. Неизвестный нам государственный служащий как-то заметил тайные махинации, поставив нескольких депутатов Конгресса в известность о том, что чёрные списки «нежелательных» лиц постепенно вводятся в дела и картотеки гражданской службы. Вероятно даже и это не возымело бы никаких последствий, не узнай депутаты, что их собственные имена стоят в списках! Все возможности контроля и проверки были за долгие годы правления Рузвельта настолько урезаны, что даже и в этом случае расследование могло быть проведено исключительно на основании «употребления не по назначению отпущенных Конгрессом средств» (отсюда и формальное вмешательство Бюджетного комитета Конгресса США).

В результате расследования, предшествовавшего трёхдневному заседанию Подкомитета, около сотни американских депутатов Конгресса и сенаторов узнали, что они (а во многих случаях даже и их жёны) значатся как «нацисты» в списках департамента Гражданского управления (соответствует русскому, дореволюционному Министерству внутренних дел, ведавшему назначениями чиновников, вплоть до губернаторов, в государственном аппарате. — *прим. перев.*) Им удалось получить фото-копии карточек с записями о них из картотек Гражданского управления с пометкой, что порочившие их сведения были «взяты из списков подрывных личностей», составленных названной по имени еврейской адвокатской (частной) фирмой. В примечаниях значилось далее, что эти списки составлены в сотрудничестве с Американским еврейским комитетом и с Анти-Диффамационной Лигой: источники сообщаемых данных не подлежат рассмотрению ни при каких обстоятельствах, однако дальнейшие данные могут быть получены…» (следовало название еврейской адвокатской фирмы).

Судебной повесткой в Подкомитет был вызван старший чиновник департамента Гражданской службы США, в обязанности которого входила проверка кандидатов на замещение должностей в гражданских ведомствах. Он показал, что списки, о которых шла речь, были так засекречены, что он сам ранее не имел понятия об их существовании (очевидно, до получения повестки с вызовом). До тех пор ему были известны лишь обычные списки департамента, в которых были занесены лица, по том или иным официально установленным причинам не подлежавшие приёму на службу в случае подачи ими об этом заявления. Проведённой им проверкой было затем установлено, что в засекреченных списках содержались «750 000 карточек», заготовленных в нью-йоркском отделении департамента (в то время, как Главное управление департамента находилось в Вашингтоне) и что копии этих карточек были разосланы и включены в дела всех местных отделений департамента Гражданской службы на всей территории США. Он заявил Подкомитету, что он не имеет права представить самих засекреченных списков; это могут сделать лишь трое главных уполномоченных Гражданской службы (фактические руководители всей Гражданской службы, подчинённые непосредственно президенту Соединённых Штатов).

Тогда Подкомитет вызвал, также судебной повесткой, всех трёх главных уполномоченных — это были г-да Митчелл и Флеминг, и некая мисс Пекине. Они отказались представить списки, заявив, что на это существует запрещение президента (засекреченные списки были составлены при Рузвельте, но запрет их показывать был сделан президентом Труманом). На что председатель Подкомитета Гофман ответил: Я впервые слышу признание того, что в чашей стране существует Гестапо». Главные уполномоченные не нашли нужным протестовать против такого заявления, после чего Гофман задал им вопрос, были ли занесены в чёрный список также и лица, не собравшиеся ещё подавать заявление о приёме на гражданскую службу». Митчелл подтвердил, что и это также имело место, признав тем самым, что поле действия чёрных списков было неограниченным. Гофман уточнил: другими словами, это не имеет отношения к конкретным делам лиц, подающих заявления о приёме их на государственную службу?» Митчелл подтвердил и это. «Таким образом» — продолжал Гофман — «вы претендуете на право заносить в ваши списки всех и каждого в нашей стране?» с чем все трое главных уполномоченных молчаливо согласились.

Расследованием было установлено, что в одном лишь июне-июле 1943 г. (т. е. в период

наибольшего смущения и политической неразберихи во время большой войны) к засекреченным спискам было добавлено 487 033 карточки, над чем работали десятки служащих. Один из присутствовавших депутатов Конгресса напомнил главным уполномоченным, что именно в 1943 г., когда заполнялись эти карточки, департамент Гражданской службы категорически запретил служащим отделов кадров задавать подателям заявлений вопросы об их принадлежности к коммунистическим организациям (таково было общее правило, введённое Рузвельтом). Главные уполномоченные всеми силами старались избежать обсуждения в Подкомитете роли АДЛ в этом деле, повторно уклоняясь от ответа на вопросы по этому поводу.

Официальный отчёт о расследованиях и заседаниях Подкомитета по расследованию гражданского управления, столь сенсационный с точки зрения существовавших до тех пор официальных моральных правил, ясно показал, что АДЛ имела полную возможность скрытно заполнить картотеки государственных учреждений порочащими данными о сотнях тысяч лиц, которые в подходящий момент легко могли быть превращены и полицейские досье, охватывающие всё население страны. Не могло подлежать сомнению, что налицо была попытка захватить полный контроль над государственным аппаратом Гражданского управления и превратить добросовестное исполнение долга и лояльность по отношению к государству в дисквалифицирующий признак, влекущий за собой увольнение или недопускающий приёма на службу. Никаких обязательств и гарантий устранить обнаруженные злоупотребления от ответственных лиц получено не было, в силу чего всё это публичное расследование можно сравнить с хирургическим вскрытием, при котором врачи, обнаружив злокачественную опухоль в непосредственной близости от жизненно важного органа, объявили бы, что им запрещено её удалять, и снова зашили бы тело больного. В результате установленное скандальное положение продолжает существовать до сего дня.

Какое употребление могло быть сделано из наличия подобных засекреченных чёрных списков, охватывающих всю страну, иллюстрируется несколькими странными происшествиями в 1951 и 1952 гг., когда воинские части неожиданно занимали небольшие города в штатах Калифорния, Нью-Йорк и Техас, «оккупируя» их от имени то «Организации Объединённых Наций», то «военного командования». Солдаты занимали городские управы, полицейские участки и телефонные станции: бургомистры, городские служащие и просто частные лица арестовывались; группы «врагов», переодетых кем-то в «фашистские» военные формы, водились под конвоем по улицам: военно-полевые суды выносили приговоры и «осуждённых» немедленно сажали в устроенные с неожиданной быстротой концлагеря; плакаты на стенах домов угрожали «сопротивляющимся» и «заговорщикам» суровыми наказаниями, и т. д. Весь этот спектакль был очень похож на репетицию того, чему мир может стать свидетелем в период политической сумятицы в будущей третьей войне, если «Лига принуждения к миру» в третий раз протянет руку к мировому владычеству. И в описанном случае возмущённые граждане не в состоянии были установить, кем всё это было приказано. Официальный представитель военного министерства, полковник из Пентагона, будучи прижатым к стенке одним из напористых частных расследователей, не получил разрешения сказать больше, чем это дело «имело местное и политическое значение, не подчинённое контролю военных». Это указывало на президента, правительство и Госдепартамент, как инициаторов происшедшего, однако все эти инстанции хранили такое же молчание, как и скупые на разъяснения главные уполномоченные департамента Гражданской службы в 1947 г.

Под конец Второй мировой войны это тайное вторжение во всех ею формах в государственный аппарат США, настолько нарушило его внутреннюю структуру, что в случае третьей мировой войны внешний облик американской республики, знакомый миру в течение последних двухсот лет, неизбежно должен будет претерпеть существенные изменения. Инстинктивная борьба коренного населения страны за сохранение самих себя и своих традиций от узурпации власти чуждым элементом, истинный характер которого ему не позволено распознать, терпела одно поражение за другим. Его сопротивление усилилось по окончании истерии военного времени, и некоторые бреши в стенах американской демократии удалось заделать, однако остались опасные слабые места, которые неизбежно скажутся в трудный период новой войны, приближение которой ежедневно вдалбливается в умы народной массы политиками и контролируемой чуждыми силами печатью.

Начиная с 1943 года, главная опасность для Американской республики заключается не столько во вражеских авиации и флотах, сколько в расшатанных основах её национальной жизни.

Глава 41
Революция распространяется

Вторая мировая война следовала гораздо ближе, чем первая, плану, намеченному «Протоколами» уже в 1902 г. Вовлечённые в войну массы людей несли разрушение, гибель и месть друг другу не ради собственного спасения, а для дальнейших успехов тайного плана порабощения человечества под властью деспотического «мирового правительства». Цели войны, провозглашённые при её начале («свобода», уничтожение «милитаризма», «нацизма», «фашизма», «тоталитарных диктатур» и т. д.) достигнуты не были; наоборот, территории, где господствовало тоталитарное рабство, значительно расширились.

Ленин писал в своё время: «Мировая война (1914…1918 гг.) приведёт к установлению коммунизма в России; вторая война распространит его контроль на всю Европу, третья мировая война будет нужна для победы коммунизма во всём мире». Центральная фраза этого предсказания была подтверждена результатом Второй войны: революция продвинула свои границы до середины Европы, к этим получила возможность взять под свой военный контроль всю Европу, по кранней мере к началу любой третьей воины. Во время последней войны «премьеры-диктаторы», никому об этом официально не объявляя, создали постоянную должность «Верховного союзного главнокомандующего»; в 1956 году американский генерал Грюнтер, занимавший этот пост, заявил в интервью западно-германской газете: «Если дело вообще дойдёт до сухопутной войны, то мы конечно недостаточно сильны, чтобы удержать настоящую линию фронта в Европе».

К 1956 году западные народы были приучены почти ежедневными напоминаниями своих руководителей к мысли, что война с «Россией» неизбежна. К этому вела непрерывная цепь предыдущих событий: третья война становилась неизбежной из-за тех результатов, к которым привела вторая. Последние, в свою очередь, были достигнуты тем, что государственная политика и военные операции западных держав были переключены на разрушение национальных государств и всеобщее порабощение, а осуществление этих тайных целей стало возможным благодаря тому, что в прошлой главе было описано, как «захват Америки», сила и богатство США решили исход Второй мировой войны, но они были использованы так, что угроза третьей войны стала постоянной. Так история американского участия во Второй войне показала силу «чужеземной группы», захватившей власть в Вашингтоне, и придала современную реальность прощальной речи Джорджа Вашингтона, который, в своё время, сказал следующее: «Против коварных чужеземных влияний заклинаю вас верить мне, мои сограждане, что свободные люди должны ревниво сохранять свою бдительность, ибо история и опыт показывают, что чужеземное влияние — смертельный враг республиканского правления». Это было сказано в 1796 г., когда режим террора во Франции показал истинный характер революции, и когда впервые агенты этого заговора были обнаружены в Америке.

Опубликованные исторические материалы о Второй войне показывают, что мировой заговор захватил власть над американской государственной политикой, направлял ход военных операций, мог использовать вооружение, экономику и финансы по своему усмотрению. Сознательные агенты заговора были многочисленны и занимали руководящие посты в государственном аппарате; однако, можно допустить, что среди ведущих политиков, подчинявшихся заговорщикам или поддерживавших их, многие могли и не знать, к чему неизбежно должны были в конечном результате привести их действия. Эта глава в истории американской республики охватывает три с половиной года, от Перл-Харбора до Ялты. Есть многозначительное сходство между вступлением Америки в войну в 1898 и 1941 годах. В обоих случаях была применена провокация с целью вызвать негодование толпы, облегчив тем самым «переубеждение» Конгресса к «общественного мнения». В 1898 году американский линейный корабль «Мэйн» был «затоплен испанской миной» в порту Гаванны, после чего Испании была объявлена война. Много лет спустя, когда «Мэйн» был поднят со дна моря, было установлено, что броня линкора была вывернута наружу силой взрыва, происшедшего внутри корабля. В 1941 году японский налёт на Перл-Харбор, в т. н. «день вечного позора», позволил президенту Рузвельту объявить всей стране, что неожиданное нападение поставило её «в состояние войны». Позднейшие разоблачения показали, что правительство в Вашингтоне было задолго предупреждено о нападении, но не сообщило об этом защитникам Перл-Харбора. В обоих случаях позднейшие разоблачения были приняты «общественным мнением» с полной апатией, что не потеряло значения и в 1956 году, когда другой американский президент публично поклялся, что он никогда не начнёт войну «без санкции Конгресса», добавив однако, что американским войскам возможно придётся вести «местные действия военного характера в порядке самозащиты» без парламентской санкции.

Во время первой войны президент Вильсон был переизбран после данного им предвыборного обещания ни в коем случае не ввязываться в европейскую войну, объявив немедленно же после

вторичного вступления в должность, что «состояние войны фактически существует». Во время второй войны Рузвельт был переизбран в 1940 г. также после неоднократных официальных заверений, что «ваши сыновья не будут воевать ни в какой чужой войне». В его предвыборной программе была однако сделана оговорка: «Мы не пошлём наши армии, флот или воздушные силы воевать в чужие страны за пределами Америки, кроме как „если на нас нападут“. Эти шесть последних слов были добавлены (по свидетельству одного из биографов Бернарда Баруха, некоего Розенблюма) „сенатором Джеймсом Ф. Бёрнсом, столь тесно связанным с Барухом, что часто было невозможно сказать, кому из них лично принадлежала какая-либо, поддерживаемая ими обоими идея“.

Значение этой оговорки стало ясным 7 декабря 1941 года, в день японского нападения на Перл-Харбор. За 12 дней до того, военный министр Генри Л. Стимсон, после правительственного совещания 25 ноября 1941 года, записал в своём дневнике: «Речь шла о том, как нам маневрировать, чтобы заставить японцев сделать первый выстрел, в то же время не подвергая себя слишком большой опасности; это будет трудной задачей». К предыстории этой записи относится, что уже 27 января 1941 года посол Соединённых Штатов в Токио известил своё правительство, что «в случае возникновения конфликта между Соединёнными Штатами и Японией, японцы намерены неожиданно напасть на Перл-Харбор». Далее советский шпион в Токио, Рихард Зорге сообщил советскому правительству в октябре 1941 г., что «японцы намерены атаковать Перл-Харбор в течение ближайших 60-ти дней», получив ответ, что его информация передана президенту Рузвельту (признание Зорге, напечатано в газете «New York Daily News» от 17 мая 1951 г.); 26 ноября 1941 г. правительство Рузвельта послало Японии фактический ультиматум; начиная с сентября 1941 года и до момента атаки, все японские сообщения, перехваченные и расшифрованные американской разведкой, неизменно указывали на предстоящее нападение на Перл-Харбор, но не были сообщены местному командованию; 1-го декабря 1941 г. начальник дальневосточного отдела военно-морской разведки США составил донесение командующему Тихоокеанским флотом, что «начало войны между Японией и Соединёнными Штатами предстоит в самое ближайшее время», однако оно было задержано высшим командованием; 5 декабря 1941 г. полк. Садтлер из военной службы связи США на основе полученной им информации, составил телеграммы командующим: «Война с Японией предстоит немедленно; исключите все возможности второго Порт-Артура» (ссылка на неожиданное нападение японцев, начавшее русско-японскую войну), однако и эти телеграммы были задержаны. Японский ответ на ультиматум Рузвельта, равнозначный объявлению войны, был получен в Вашингтоне 6 декабря 1941 г., о чём командованию в Перл-Харбор не было сообщено ни слова; 7 декабря 1941 г. полдень в Перл-Харбор было наконец послано сообщение, гласившее: «Японцы послали нам сегодня, ноту, равнозначную ультиматуму… объявите состояние боевой тревоги», которое местные командующие в Перл-Харбор получили через 6-8 часов после японского нападения. Опубликованная после войны документация показывает, что одна только американская база на Гавайских островах была оставлена без всяких сведений о неизбежном нападении, в результате которого погибли два линейных корабля, два эскадренных миноносца (не считая многих судов, выведенных из строя), 177 самолётов и 4575 убитых, раненых или пропавших без вести. Прямыми немедленным результатом Перл-Харбора была катастрофа, постигшая британский флот у малайских берегов, где были потоплены линкоры «Prince of Wales» и «Renown» с большими потерями в личном составе.

Руководство, готовое вовлечь свою страну в войну путём облегчения вражеского нападения на неё, не может считаться ведущим эту войну в национальных интересах своего народа. Большинство американцев до сих пор ещё не знают правды о Перл-Харборе — роковом начале, от которого непрерывная линия ведёт к роковому концу. По вопросу о Перл-Харборе было восемь расследований; семь военных во время войны и одно в Конгрессе после её окончания. Все они происходили в обстановке необходимости соблюдения военной тайны, а поэтому ни одно из них не было ни гласным, ни полным; более того, все они проводились под контролем той же политической партии, к которой принадлежал президент США в дни Перл-Харбора. Все важнейшие факты (то, что президент знал из перехваченных японских донесений по крайней мере за 2 месяца до того, что готовилось неожиданное нападение, и что это не было доведено до сведения командующих в Перл-Харборе) были замолчаны. Дневник военного министра (с упомянутой многозначительной записью) не был допущен, как доказательство, а сам Стимсон не получил вызова «по случаю нездоровья». Благодаря контролю над прессой, шестимесячное разбирательство было представлено общественности в нарочито запутанном виде.

Однако трое военноморских командующих, имевших непосредственное отношение к происшедшему, опубликовали книги с полным отчётом о событиях. Контр-адмирал Киммель,

командующий Тихоокеанским флотом США в дни катастрофы, ссылается на слова одного из своих коллег-адмиралов, что «в план президента Рузвельта входило, чтобы никакого предупреждения на Гавайские о-ва послано не было» и что «руководящие деятели в Вашингтоне, преднамеренно не уведомившие наши силы в Перл-Харбор об угрозе нападения, ни в коем случае не могут быть оправданы. Командующим в Перл-Харборе вообще не было сообщено об… американской ноте, вручённой японскому послу 26 ноября 1941 г., которая фактически исключала возможность дальнейших переговоров и сделала войну в Тихом океане неизбежной… Командующим флота и армии в районе Гавайских о-вов не было сделано даже намёка о важнейших японских телеграммах, перехваченных, расшифрованных и сообщённых ответственным лицам в Вашингтоне 6 и 7 декабря 1941 года».

Адмирал флота Халси (Halsey), бывший в описываемое время одним из трёх старших начальников под командой адмирала Киммеля, пишет: «Данные нашей разведки говорили о вероятном нападении Японии на Филиппины, южные районы или Голландскую Ост-Индию. Хотя Перл-Харбор не исключался из обсуждения, однако всё, о чём нам сообщали, указывало на другие возможные объекты атаки. Если бы мы знали, что японцы непрерывно собирают детальные сведения о точном расположении и передвижениях наших военных судов в Перл-Харбор (что явствовало из перехваченных донесений) мы, разумеется, сосредоточили бы наши усилия на подготовке отражения готовившегося нападения на Перл-Харбор».

Контр-адмирал Теобальд, командир эскадры миноносцев в Перл-Харборе, писал в 1945 году: «Ссылки на секретность, которая якобы необходима при обсуждении государственной политики, если речь идёт о том, чтобы происшедшее не повторилоть в будущем, к данному случаю относиться не могут, поскольку в наш атомный век облегчение неожиданного вражеского нападения с целью спровоцировать начало войны немыслимо (адмирал, видимо, надеется на „немыслимость“ подобного повторения). „Непреложным фактом в истинной истории Перл-Харбора“ — добавляет он — „является неоднократное сокрытие от адмирала Киммеля и генерала Шорта“ (морской и армейский командующие в Перл-Харборе, которых затем сделали козлами отпущения за катастрофу) важнейшей военной информации… В истории ещё не было случая, чтобы командующему не сообщали, что через несколько часов его страна вступит в войну, и что по всем данным его силы станут первым объектом неожиданного нападения вскоре после восхода солнца». Адмирал Теобальд цитирует показание адмирала Старка (начальник военно-морского генштаба в Вашингтоне, скрывший от адм. Киммеля японское фактическое объявление войны), что все его действия совершались по приказу высшего руководства, «что могло указывать только на президента Рузвельта. Самое невероятное из всего сделанного им в это время было утаивание военной информации от адмирала Киммеля».

Адмирал флота Халси, в своей книге воспоминаний, вышедшей в 1953 г., назвал адмирала Киммеля и генерала Шорта «нашими военными мучениками». Обоих заставили подать в отставку, чтобы скрыть от общественности, посреди военной суматохи и секретности, настоящих виновников катастрофы в Перл-Харборе: однако в том смысле, как это писал адм. Халси, они были лишь первыми военными мучениками, открыв собою длинный ряд американских морских и армейских начальников, на которых обрушилось нечто совершенно новое, как в их собственной службе, так и в истории их страны. Им пришлось испытать опалу или увольнение, когда они стремились достигнуть победы наилучшими военными средствами или же возражали против стратегических планов сверху, явно уменьшавших шансы на скорую победу. Им приходилось подчинять военные операции какому-то высшему плану, характер которого был им неизвестен, но который явно имел мало общего с победой в интересах страны, служить которой они считали с юных лет долгом своей военной карьеры.

В чём заключался этот высший план, которому должны были служить военные усилия Америки от Перл-Харбора до Ялты и после неё? Ни в чём ином, как в осуществлении ленинского тезиса о «распространении» революции. Только в свете этого плана становятся объяснимыми события после вступления США в войну. Вступление Америки в первую мировую войну совпало с революцией в России, и «советник» Хауз немедленно предложил президенту Вильсону «всеми средствами оказать финансовую, промышленную и моральную поддержку» новой русской «демократии». Во время второй войны Гитлер напал на своего московского сотоварища по разделу Польши вскоре после переизбрания Рузвельта, и ещё до Перл-Харбора Америка оказалась полностью в состоянии войны, поскольку «финансовая, промышленная и моральная» поддержка «новой демократии» в Москве, путём ленд-лиза, была оказана в невиданных до того масштабах, поставив ресурсы Запада на службу революционному коммунистическому государству.

В число трёх форм поддержки революции в России, перечисленных Хаузом в 1917 г., входила

«финансовая поддержка». Труднее всего ответить на вопрос, как велика была тогда эта финансовая поддержка. Множество книг упоминают о крупной помощи, оказанной русской революции «банкирскими домами Уолл-Стрита» и т. п., однако мы не находим возможным их цитировать из-за невозможности проверки; подобные трансакции и не поддаются проверке, т. к. они совершаются в обстановке полной секретности[35]. Многозначительное указание содержится, однако, в письме самого Ленина Ангелике Балабановой (его представительнице в Стоктольме в то время, когда коммунизм ещё только устанавливался в Москве): «Тратьте миллионы, десятки миллионов если нужно. В нашем распоряжении денег достаточно». Нет сомнений, во всяком случае, в оказании большевицким заговорщикам германской финансовой поддержки. В числе документов германского министерства иностранных дел, захваченных союзниками в 1945 году, было донесение статс-секретаря фон Кюльмана императору Вильгельму, в котором говорилось: «Только после того, как большевики начали регулярно получать от нас денежные средства, по разным каналам и под разными этикетками, они смогли поставить на широкую ногу их главный орган „Правду", развить энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкую базу их партии». Разделяя иллюзии многих западных политиков последующего поколения, статс-секретарь добавлял: «Несомненно в наших интересах использовать то время, пока они (большевики) находятся у власти, которое вероятно будет недолгим». На полях этого донесения неизвестной рукой была сделана пометка: «Не может быть речи о поддержке большевиков в будущем»; писавший явно не учёл возможности привода в будущем к власти Гитлера. В тех же германских документах имеется сообщение германского посла в Копенгагене, графа Брокдорф-Ранцау, от августа 1915 г. по поводу деятельности «эксперта по русским делам», некоего д-ра Израиля (он же Александр) Лазаревича Гельфанда, помогавшего организовывать большевицкий заговор. В сообщении говорится: «Доктор Парвус (псевдоним Гельфанда) снабдил (большевицкую) организацию деньгами для покрытия расходов… даже люди, работающие в организации, не имеют понятия, что за этим стоит наше правительство». По оценке Гельфанда-Парвуса для «полной» организации революции требовалось около 20 миллионов рублей. Брокдорф-Ранцау получил указание из Берлина на выплату аванса, и к документам приложена расписка Гельфанда: «Получено от германского посольства в Копенгагене 29 декабря 1915 г. один миллион рублей в русских банкнотах для поддержки революционного движения в России. Подпись: А. Гельфанд» (Журнал Королевского Общества Международных Дел, Лондон, апрель 1956 г.).

Во время Второй мировой войны в подобной секретности в деле поддержки революции уже нужды не было. В июне 1942 г. ближайшее доверенное лицо президента Рузвельта, очередной «советник» Гарри Гопкинс, выступал на большом собрании в Мэдисон Сквере в Нью-Йорке и, обращая

---

[35] Финансирование русской революции «мировым капиталом» можно считать вполне доказанным. Во время первой мировой войны оно проводилось одновременно по трём основным линиям:

В Америке ведущую роль в подрывней работе против России уже задолго до войны глава еврейского банкирского дома Кун, Леб и Ко, Яков Шифф, вместе со своим компаньоном и зятем Феликсом Варбургом. Этот банк финансировал Японию во время русско-японской войны (1904…06), оплачивал подрывную пропаганду среди русских военнопленных в Японии и одновременно финансировал революцию 1905 г., главным образом через Троцкего и Израиля Гельфанда (он же Александр Парвус). Под давлением Шиффа в 1912 г. был расторгнут действовавший с 1832 г. русско-американский торговый договор на том основании, что русское правительство «дискриминировало» евреев, эмигрировавших в США и затем возвращавшихся для подрывной работы в Россию под защитой американских паспортов. Шифф истратил на подготовку русской революции, по собственному признанию, 20 млн. долларов, из них 12 млн. до первой войны.

В Германии упомянутый выше Гельфанд-Парвус связался в 1915 г. через германского посла в Дании, влиятельного массона графа Брокдорф-Ранцау, с Берлином, получив миллионные субсидии «для поддержки революции в России», финансирование проводил банкирский дом Макса Варбурга (брат нью-йоркского Варбурга) в Гамбурге. Всего большевикам было передано 40 млн. золотых марок, т. е. 10 млн. Долларов.

В Англии подготовкой революции в России руководил член военного кабинета Ллойд Джорджа во время первой войны, крупный банкир и влиятельный масон лорд Мильнер (Milner) через английского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена. После того, как в сентябре 1916 г. Англия вынуждена была признать права России (после окончания войны и победы над Германией и Турцией) на Босфор и проливы, в Лондоне было решено форсировать революцию, которая избавила бы Англию от выполнения союзных обязательств. В феврале 1917 г. английские агенты раздавали деньги солдатам петроградского гарнизона, подстрекая их к мятежу, они же, вместе с еврейскими агентами Парвуса-Гельфанда, использовали временные затруднения с подвозом муки в столицу и сеяли панику, распространяя слухи об отсутствии хлеба. Общая сумма, истраченная Мильнером на русскую революцию, оценивается в более чем 21 млн. золотых рублей, т. е. более 10 млн. Долларов.

Русская революция, таким образом, организовывалась и финансировалась во время первой мировой войны одновременно врагами (Германия), (союзниками» (Англия) и нейтральной страной (США). Координация действий столь разнородных факторов трудно представить себе без участия сил, стоявших над правительствами и достаточно ясно обрисованных Дугласом Рядом.

свои слова к советскому правительству, официально заявил: «Мы твёрдо решили, что ничто не остановит нас разделить с вами всё, что мы имеем». Это полностью соотвечетвовало распоряжению президента всем военным учреждениям США от 7 марта 1942 г. (ставшему известным лишь много времени спустя) о том, что всё военное снабжение должно в первую очередь передаваться Советскому Союзу, прежде всех других союзников и вооружённых сил Соединённых Штатов. Глава американской военной миссии и Москве, генерал-майор Джон Р. Дин, описывает в опубликованной им в 1947 г. книге свои тщетные попытки задержать этот поток снабжения, отмечая, что этот приказ Рузвельта «был началом политики уступок России, принёсшей нам много вреда, от которого мы не оправились до сих пор». Употреблённое генералом Дином слово «уступки представляется несоответствующим истинному положению вещей, поскольку речь шла о гораздо большем, а именно о целеустремлённом способствований увеличению военной и промышленной мощи революционного коммунистического государства после войны. Все данные свидетельствуют о том, что Рузвельт собирался оказывать революционному государству большую поддержку, чем всем остальным союзникам, свободным или находившимся тогда ещё пол властью врага: ясно также намерение Рузвельта поддерживать советского захватчика польской территории и его полное безразличие к „освобождению“ Польши и других побеждённых Германией стран. Высокие идеалы, которыми приманивались западные народы, пока они не оказались полностью втянутыми в войну, были фактически оставлены и их место заняли сверх-национальные планы распространения революции, уничтожения национальных государств и создания мирового правительства (автор этих строк начал писать об этом в 1942 г., после чего немедленно последовало его вытеснение из области журнализма, хотя до того он был одним из наиболее известных и высоко оплачиваемых корреспондентов мировой печати).

Политика поддержки революционного коммунистического государства в 1941 году должна была повлечь за собой гораздо более серьёзные последствия, чем в 1917 г., когда американская помощь могла способствовать установлению коммунизма в одной только России. В 1941 г. положение было совершенно иным, коммунизм давно уже был прочно установлен. Поддержка в безграничном объёме, обещанная Гопкинсом, неизбежно должна была повести к его дальнейшему «распространению», в соответствии с тезисами Ленина. Так и случилось: поддержка была столь щедрой, что она позволила коммунизму распространиться на громадную территорию и в то же время подготовиться к следующей войне; перспектива же этой третьей войны, возникшая сразу после окончания второй, была затем изображена западной общественности, как результат «вероломства» Советов.

Ценности, переданные Америкой революционному коммунистическому государству, превышают человеческое воображение. Избранный в 1932 году под лозунгом «борьбы с дефицитом», президент Рузвельт растратил в течение 12 лет больше государственных средств, чем все американские президенты вместе взятые до него, с безответственностью неограниченного диктатора. Сегодня, через 11 лет после его смерти (написано в 1956 г. — *прим. перев.*) государственные расходы Америки всё ещё стоят выше понимания любой экономической академии, представляя собой пирамиды нулей с затерявшимися среди них единицами. На этом усеянном нулями, как звёздами, небосклоне даже цифры Рузвельтова ленд-лиза, «одолженного» революционному государству, могут показаться незначительными: 9 миллиардов 500 миллионов долларов. Однако, целые армады судов перевозили в СССР не бумажные деньги, а вооружения и товары на эгу потрясающую сумму, теоретически в счёт позднейшей уплаты; фактически имел место перевоз народного богатства в гигантских масштабах; немногими десятилетиями раньше несколько вновь созданных государств могли бы построить на этом свой бюджет, без малейших опасений за будущее. Этот поток народных средств направлялся одним единственным лицом, о котором его официальный биограф (Роберт Шервуд) пишет, что «он был вторым по значению человеком в Соединённых Штатах». Другими словами, до тех пор почти никому неизвестный Гарри Гопкинс сыграл роль неограниченного монарха в распределении военных материалов, ту самую роль, которая в 1917 году принадлежцла Бернарду Баруху. Этому же последнему принадлежала во время первой войны и сама идея назначения «одного лица» — разумеется, его самого — в качестве полновласгиого «админисгритора» всемогущею Ведомства военной промышленности (War Industries Board), чего Барух настойчиво требоал уже в 1916 г., т. е. задолго до вступления США в войну. Это ведомство было создано после вступления Америки в войну на базе прежней «Совещательной комиссии» при «Оборонном совете» в правительстве.

История назначения Гопкинса на аналогичный пост во второй войне весьма интересна в том смысле, что она показывает могущество и методы непосредственного окружения американских президентов во время обеих мировых войн. Назначенный в 1919 г. т. н. Следственный комитет Конгресса США пол председательством Вильяма Дж. Граама пришёл к заключению, что

«совещательная комиссия», породившая в 1918 г. Ведомство военной промышленности, «действова, как скрытое правительство Соединённых Штатов… Комиссия из семи лиц, назначенных президентом, выработала целую систему военных закупок, организовала цензуру печати, установила контроль за снабжением населения пищевыми продуктами… одним словом, вырабатывала практически все без исключения военные мероприятия, которые впоследствии проводились Конгрессом, как законы, и всё это делалось за закрытыми дверьми за недели и даже за месяцы до того, как Конгресс Соединённых Штатов объявил войну Германии… Не было ни одного проведённого впоследствии закона военного времени, который не был бы ещё до фактического объявления войны обсуждён и утверждён этой Совещательной Комиссией».

Сам Барух, отвечая на вопросы следственного комитета Конгресса на тему о «единоличном администрировании» военного времени, установленном им же самим, показал: «Мне прниаллсжало окончательное решение, кому что давать… пойдетл ли снабжение армии или флоту… железным дорогам, или союзникам, получит ли паровозы генерал Алленби, или же они будут отправлены в Россию или Францию… Я имел больше власти, чем кто-либо другой…» По-видимому под впечатлением первой войны были написаны слова Черчилля, обращённые к Баруху в 1939 г.: «Приближается война… Вы будете там командовать парадом… ». Полноту власти Баруха во время первой войны показывают события 1919 года (по окончании войны), когда президета Вильсона привезли из Европы обратно в Америку в состоянии полной неработоспособности. Барух «стал одним из членов группы, которая выносила решения во время болезни президента» (Розенблюм, см. библиографию). Эту группу называли не иначе, как «регентский совет», и когда главный член кабинета заболевшего президента, госуд. секретарь (министр иностранных дел) Роберт Лансин по собственной инициативе созвал заседание совета министров, больной президент уволил его. В дальнейшем президент порвал отношения и со многими другими своими сотрудниками, включая полк. Хауза, однако «за Баруха Вильсон держался до последнего».

Во время Второй мировой войны, президент Рузвельт, идя по стопам Вильсона, создал «Совет Обороны» с такой же «Совещательной Комиссией» (1940), а в 1942 году реорганизовал её в Ведомство военного производства, соответствовавшего аналогичной организации 1918 года. Тот же Бернард Барух снова посоветонал поставить эту всемогущую организацию под власть одного лица, но случилось так, что ним лицом оказался не он сам. Его биограф Розенблюм пишет, что Барух был этим весьма разочарован, но этому необязательно верить. Редкие ссылки на Баруха в этой книге не показывают всей полноты его влияния. Все наиболее осведомлённые люди, известные автору этих строк, всегда считали, что он обладал большей властью, чем любое другое лицо в окружении американских президентов на протяжении более, чем 40 лет и что он пользуется ей и до настоящего времени (родившись в 1870 г., Бернард Барух умер в 1965 г. — *прим. перев.*). Его биограф сообщает, что он был непрерывным советником всех американских президентов (включая трёх от республиканской партии, избранных в 1920, 1924 и 1928 гг.) начиная от президента Вильсона; в биографии издания 1952 г. Розенблюм предсказал, что Барух будет «советником» и у президента Эйзенхауэра и даже указал, каковы будут его «советы». Истинное место Баруха в этой истории будет показано позднее при описании его весьма знаменательного, первого открытого выступления.

Хотя Барух и правильно охарактеризовал самого себя, как наиболее влиятельного человека в мире в 1917-18 гг., однако его возможности руководить событиями и перекраивать карты мира были тогда значительно меньше, чем у людей, занимавших аналогичное положение во время второй войны, по той причине, что в «решения, кому что давать» теперь было включено и революционное коммунистическое государство, ставшее мощной военной силой с явными и обширными территориальными целями. Даже Ведомство военного производства отошло на второй план, как только было создано «Управление ленд-лизом», а Гарри Гопкинс назначен его «администратором», а заодно и председателем «советского протокольного комитета» с правом определять квоты снабжения для отправки в Россию. С этого момента судьба и будущее Запада оказались в руках человека, которого в политических кругах называли «попрыгунчиком Гарри» («Harry the Hop» — английская игра слов от фамилии Hopkins: «Hop» означает «прыгать» — *прим. перев.*). Гопкинс мог занимать столь высокое положение только в нашем столетии; в нормальные времена правильно информированное общественное мнение никогда бы этого не допустило, поскольку никаких способностей к ведению сколько-нибудь важных дел у него не было, и меньше всего в области международных отношений. Даже его биограф, весьма симпатизирующий своему соседу по Белому Дому (в аристократических покоях которого Гопкинс, по собственному признанию, как-то с успехом сыграл роль сводника для прибывшего с официальным визитом Молотова, поставив ему соответственное «знакомство»), удивляется, как этот субъект, «столь

тёмного происхождения и так мало подготовленный к большой ответственности», мог стать «особым советником президента».

Что касается именно этого вопроса, то сегодняшнему историку уже невозможно выяснить, кто именно «избрал» мистера Гопкинса для этой роли. Известно, однако, что в дни своей молодости Гопкинс был увлечён теми же идеями («Луи Блана и революционеров 1848 года») как и мистер Хауз в свои юные дни в Техасе. Его профессорами были социалист-фабианец в Лондоне (учивший, что национальные государства должны раствориться в «Соединённых Штатах Мира») и еврей русско-австрийского происхождения, ученик и поклонник Толстого. Перед нами снова любопытный пример передачи «идей» из поколения в поколение закулисных «советников». Судя по всему, это были единственные качества, позволяющие его биографу Шервуду назвать его «неизбежным фаворитом Рузвельта». Раньше он был известен как политический попрошайка и холуй у богатых, умевший «устраивать» нужных лиц. Оксфордский университет присудил ему докторскую степень, вероятно наименее заслуженную во всей истории этого почтенного заведения, а неприличные отзывы о нём в военных мемуарах Черчилля мало приятны для чтения.

Заняв место председателя «советского протокольного комитета» при Рузвельте, Гопкинс столкнулся там с некоторыми его членами, весьма скептически оценивавшими политику безоговорочного откармливания коммунистического государства. Скептикам им было в 1942 г. дано следующее повелительное распоряжение: «Соединённые Штаты делают (в данном случае) то, чего они не стали бы делать для других союзных наций, не получив от них необходимых данных. Решение действовать, не имея полных данных, было принято… после должного обсуждения… В настоящее время эта политика проводится безоговорочно, хотя многие постоянно требуют её пересмотра. Предлагается в будущем оставлять эти требовании без внимания».

Так мы видим, что, с помощью м-ра Гопкинса, революционное коммунистическое государство также стало «неизбежным фаворитом Рузвельта». В его цитированном выше распоряжений видна тайна, на которую мы уже обращали внимание в вопросе британских министров и сионизма: «политика» была «решена» заранее и не подлежала изменению. Кто именно «решал» её, и кто постановил, что она не может быть пересмотрена ни при каких обстоятельствах, остаётся секретом г-на Гопкинса, и всё это снова делалось «за закрытыми дверьми», в тайне от проливавшего свою кровь народа. Напрасно лидер республиканцев сенатор Роберт Тафт пытался протестовать против того, что он ясно видел: «Как может кто-либо поверить в то, что Россия борется за демократические принципы… чтобы распространить наши свободы на весь мир, мы собираемся посылать самолёты и танки коммунистической России, но ведь ни одна страна не несёт большей ответственности за настоящую войну и германскую агрессию». Против сенатора Тафта немедленно была поднята яростная кампания в печати, продолжавшаяся до самой его смерти. Сегодняшняя карта мира и международное положение полностью подтверждают правоту его предостережений. Из вышеприведённого распоряжения Гопкинса ясно видно, что исход войны был решён этими закулисным действиями в 1942 г. и даже ещё ранее.

Из числа упомянутых Тафтом самолётов и танков, Советам были подарены 15 000 одних и 7.000 других. Далее, им был поставлен целый военный флот из 581 корабля; через много лет 127 судов были возвращены, а в 1956 году советское правительство предложило уплатить ещё за 31 судно; остальные суда, общим числом свыше 300, были объявлены потерянными, потопленными или несудоходными. Советам был также поставлен целый торговый флот. Всё это составляло только малую часть переданного Советам американского народного достояния. Правительство США никогда не сообщало подробностей этих поставок. Тем что они вообще стали известны, как и то, что большая часть поставок заведомо предназначалась для усиления военно-промышленного потенциала революционного коммунистического государства по окончании войны, мы обязаны одной из тех случайностей, которые помогают историку, хотя зависимое положение печати не допускает того, чтобы они стали известны широким массам, а потому они и не в состоянии способствовать исправлению создавшегося положения.

В мае 1942 г. некий капитан Джордж Р. Джордан начал свою службу в большом Нью-Аркском аэропорту в штате Нью-Джерси. Он был призванным из запаса Офицером первой мировой войны и не забыл доброго совета, данного ему сержантом в Техасе в 1917 году при начале службы: «Держи глаза и уши открытыми, пасть закрытой, и записывай всё, что видишь». Последние слова, по мнению автора этих строк подарили потомству самую удивительную книгу из всех написанных о Второй мировой войне.

Капитан Джордан должен был явиться на службу в «Депо Объединённых Наций № 8», как в приказе ему был назван Нью-Аркский аэропорт. Организация, известная под названием «Объединённых Наций» была создана только 3 года спустя, другими словами, уже имело место предвосхищение

событий, разоблачавшее намерения людей, стоявших у власти. Начиная службу в роли офицера связи, капитан Джордан не имел ни малейшего представления о той власти, которую Советы уже приобрели в Америке, но три события скоро открыли ему глаза. В мае 1942 г. пассажирский самолёт американской воздушной линии зацепил при взлёте крышку мотора среднего бомбардировщика, предназначенного по ленд-лизу для советского правительства; принимавшим поставки советский офицер раздражённо потребовал, чтобы американские воздушные линии не допускались на аэропорт вообще. Услышав отказ, советский офицер сказал, что он «позвонит мистеру Гопкинсу», и через несколько дней из Ведомства гражданской авиации США пришёл приказ, запрещавший всем американским гражданским авиалиниям пользование этим аэропортом. После этого капитан Джордан начал вести обстоятельный дневник, благодаря чему он смог позже (когда он и весь мир узнали о существовании «атомных бомб») доказать, что в 1942 г. с Нью-Аркского аэропорта были посланы в СССР графит, алюминиевые трубы, металл кадмий и торий (материалы, необходимые для атомного реактора) на общую сумму в 15 миллионов долларов. В то время «Проект Манхеттен» (производство первой атомной бомбы) считался настолько засекреченным, что его начальник, генерал-майор Лесли Гровс, позже засвидетельствовал, что без его личного разрешення его учреждение не выдало бы ни одного документа даже самому президенту Рузвельту. Когда капитан Джордан делал записи в своём дневнике в 1942 г., он, разумеется, не имел понятия, для чего могут понадобиться все эти материалы, поскольку ни о «проекте Манхеттен», ни об «атомной бомбе» он ещё не слыхал.

В следующий раз роль советских офицеров бросилась ему в глаза, когда один из них возмутился, увидя красную звезду на самолёте Техасской нефтяной компании и пригрозил «позвонить в Вашингтон», чтобы и это не оскорбляло его взора. С большим трудом Джордану удалось объяснить советчику, что Техасская компания пользовалась этой эмблемой своего штата («Штат Одинокой Звезды») за много лет до революции 1917 года. К этому времени капитану Джордану стало ясно, что отправка материалов в Советский Союз выходила далеко за пределы того, что покрывалось официальными условиями ленд-лиза («Правительство Соединённых Штатов будет продолжать снабжать СССР таким оборонным материалом, оборонным оборудованием и оборонной информацией, которые будут допущены… президентом для снабжения и передачи»), и что поставлялись колоссальные количества материалов, не имевших никакого отношения к «обороне», но предназначенных усилить мощь Советского Союза после войны. Он отметил отправку «тракторов и сельскохозяйственных машин, целого алюминиевого завода, вагоноремонтных мастерских, сталелитейного оборудования» и множества другого. Эти поставки (о которых один из советских переводчиков с восторгом сказал ему, что «они помогут нам модернизировать нашу страну») были оценены только в круглых цифрах, я это была единственная информация по данному вопросу, сообщённая американским правительством. «Двадцать первый отчёт Конгрессу об операциях ленд-лиза», представленный президентом Труманом, приводил под рубрикой «невоенных поставок» гигантскую сумму в 1 миллиард 674 миллиона 586 тысяч долларов сельскохозяйственных продуктов и 3 миллиарда 40 миллионов 423 тысячи долларов промышленных материалов и товаров.

В 1943 году, когда океанские конвои стали нести большие потери в результате подводной войны, значительная часть отправок ленд-лиза стала пересылаться воздушным путём, для чего у «Больших Водопадов» в штате Монтана был оборудован особый аэропорт, и капитан Джордан был назначен туда в качестве «отправщика ленд-лиза». Приказы из Управления американской авиации США снова именовали его «представителем Объединённых Наций», хотя такой организации всё ещё не существовало. Прибыв на место службы, он получил президентскую инструкцию о «пересылке русских самолётов», в которой значилось: «…в первую очередь обеспечивать обслуживание, оборудование и переброску русских самолётов, давая им предпочтение даже перед самолётами для воздушных сил США . Здесь он в третий раз познакомился с тем, как велика была на месте „власть Советов“: советский офицер, сотрудничавший с ним, нашёл, что его чин капитана слишком мал, и ходатайствовал о производстве в майоры; производство немедленно состоялось, и полковник Котиков самолично нацепил новые звёздочки на погоны майора Джордана, — эпизод, вероятно единственный в американской военной истории.

Вскоре майор Джордан заметил, что через его «трубопровод в Москву» постоянно проходит большое количество крепко перевязанных и запечатанных советскими печатями чемоданов с неизвестным ему содержанием. К этому времени его подозрения достигли крайней степени, и он использовал подходящий случай (и единственную возможность в его власти: отправлять или задерживать пилотирцемые американцами самолёты ленд-лиза на последнем перегоне в Фербенкс на Аляске), чтобы пробиться через кордон вооружённых советских чекистов а один из самолётов и

проверить содержание примерно 18-ти из общего числа 50-ти чемоданов, о чём им была сделана соответствующая запись. Среди множества бумаг, планов, писем и чертежей он сделал две интересные находки, которые несколько лет спустя оказались полностью соответствующими разоблачённой в 1948-56 гг. картине советского шпионажа и заговора в Америке. Одной была связка папок Государственного Департамента США с наклейкой на каждой папке. На одной из них стояло «от Хисса», на другой «от Сэйра». Майор Джордан никогда ещё этих имён не встречал, но впоследствии они стали известны всему миру: один был ведущим сотрудником Госдепартамента США, осуждённым за шпионаж в пользу СССР (Альджер Хисс), а другой был видным чиновником того же Госдепартамента, и оказался замешанным в том же деле. В папках были копии секретных донесений американских дипломатов в Москве, отправленных дипломатической почтой в Вашингтон; теперь они пересылались обратной почтой тем, от кого они в первую голову должны были держаться в секрете.

Вторая находка была ещё более важной, и она продолжает затрагивать судьбу всех живущих на Западе, как если бы она была сделана только сейчас. Это было письмо, адресованное советскому наркому внешней торговли Микояну, и майор Джордан сделал из него выписку: «…было чертовски трудно получить всё это от Гровса» (глава проекта атомной бомбы). Письмо было подписано «Г.Г.», и к нему были приложены планы атомной установки в Ок-Ридже в штате Теннесси и машинописная копия донесения с резиновым штампом «Гарри Гопкинс». Донесение изобиловало словами столь непонятными майору Джордану, что он также выписал их с целью выяснить позже их значение; среди этих слов были «циклотрон», «протон», «дейтрон», и фразы вроде «энергии, освобождённой при расщеплении», или же «стены в пять футов толщины из свинца и воды для задержки летящих электронов». Как мы уже отмечали, мистер Гопкинс был «неизбежным фаворитом Рузвельта», «особым советником президента» и вторым по значению лицом в Соединённых Штатах».

На протяжении ряда лет после второй войны общественности Америки и Англии внушалось руководством, что лучшей защитой против новой войны является атомная бомба в руках Запада. 23 сентября 1949 г. Советский Союз взорвал свою собственную атомную бомбу, что не удивило никого из тех, кто внимательно следил за ходом событий. Майор Джордан не счёл возможным хранить далее молчание и обратился к одному из сенаторов, который в свою очередь был настолько озабочен слышанным, что побудил известного радиокомментатара, Фультона Льюиса, сделать эту историю достоянием гласности. Таким путём, а позже и благодаря книге майора Джордана, всё это стало известным и послужило темой двух обсуждений в Конгрессе, в декабре 1949 и марте 1950 гг. Пресса дружно извращала важность и содержание разоблачений, т. к., как во всех других подобных случаях, никаких серьёзных мер не последовало; не было сделано ничего, чтобы предупредить повторение того же самого в будущей воине.

В 1944 г. майор Джордан, ещё более обеспокоенный тем, что ему пришлось видеть, попытался встретиться с главным офицером связи по ленд-лизу при Государственном Департаменте, но был перехвачен одним из младших чиновников, который сказал ему: «Слишком старательные офицеры легко могут оказаться где-нибудь на острове в Тихом океане». Вскоре после этого майора Джордана убрали с аэродрома у Больших Водопадов. В своей книге Джордан привёл полные списки поставок по ленд-лизу, с которых он мог сделать копии за время своей службы в качестве офицера связи. В них перечислены все химикалии, металлы и минералы, необходимые для атомного реактора, а некоторые из них пригодные также и для производства водородной бомбы. Списки материалов, отправленных в Советский Союз, включали бериллий, кадмий, кобальтовую руду и её концентрат (33 600 фунтов), кобальт-металл и кобальтовый лом (806 941 фунт), уран-металл (2.2 ф.), алюминиевые трубы (12 776 472 ф.), графит (384 482 ф.), торий, нитрат урана, окись урана, урановый оксид, алюминий и сплавы (366 738 204 ф.) алюминий в брусках (13 744 709 ф.), то же в листах (124 052 618 ф.), бронзовые и латунные слитки и бруски (76 545 000 ф.), бронзовая и латунная проволока (16 139 702 ф.), бронза и латунь в листах (536 632 390 ф.), изолированная медная проволока (399 556 720 ф.) и т. д.

Списки включают также и «чисто послевоенное снабжение для России» (по характеристике генерала Гровса), как то: нефтеочистигельный завод, кузнечное оборудование и запасные части (на сумму в 53 856 071 долларов), токарные станки, точно-механические сверлильные станки, оборудование для консервных заводов, оборудование молочных фабрик, лесопильное, текстильное и силовое оборудование (60 813 833 долл.), литейный завод, полная электростанция, телефонные инструменты и оборудование (32 000 000 долл.), электрогенераторы (222 020 760 долл.), кинооборудование, радиоаппараты и оборудование (52 072 805 долл.), 9594 товарных железнодорожных вагона, 1168 паровозов (101 075 116 долл.), торговые суда (123 803 879 долл.), грузовые автомобили (508 367 622 долл.) и так далее, без конца.

Среди наиболее крупных подарков, предназначенных для послевоенного развития советской промышленности, списки майора Джордана включали: ремонтный завод для точного оборудования (550 000 долл.), две фабрики для пищевой промышленности (6 924 000 долл.), три газогенераторных установки (21 390 000 долл.), нефтеочистительный завод с машинами и оборудованием (290 000 долл.), 17 стационарных паровых и 3 гидро-электрические установки (273 279 000 долл.). Воспроизведённые Джорданом списки наводят на мысль, что г-ном Гопкинсом и его помощниками овладела настоящая истерия в желании услужить Советам, поскольку логически оправдать посылаемое часто было довольно трудно, как например: очки на 169 806 долларов, зубные протезы на 956 долларов, 9126 ручных часов на камнях (143 922 доллара), 6222 фунта туалетного мыла, губная помада на 400 долларов, 373 галлона спиртного, рыболовная леска на 57 444 доллара, проекционные фонари (161 046 долларов), ярмарочные игрушки (4.352 доллара), копировальная бумага (1.256 фунтов), 2 «новых рояля», разные музыкальные инструменты на 60 000 долларов и нечто, видимо предназначавшееся непосредственно для «любимого вождя народов», доброго и милого «дядюшки Джо», столь обожаемого Рузвельтом и Черчиллем, а именно трубка стоимостью в 10 долларов.

Прошлые незаурядные способности Гопкинса в области выклянчивания фондов для всякого рода благотворительных дел проявились и теперь в виде пожертвованных Советскому Союзу в течение 4-х лет 88 701 103 долларов для «помощи нуждающимся; кому случалось бывать в Советской России, ни минуты не усомнятся в том, что комиссары немедленно раздали эти деньги бедным! Передача Советам наличных денег по ленд-лизу на этом не закончилась. В 1944 г. министр финансов Рузвельта, небезызвестный г-н Моргентау, и его заместитель Гарри Декстер Уайт (из семьи русских евреев, эмигрировавших в США; впоследствии разоблачён, как советский агент) распорядились передать советскому правительству дупликаты печатных досок (эстампов) министерства финансов США для печатания оккупационных банкнот в Германии после войны. Другими словами, банкноты советского производства для оплаты своих войск должны были оплачиваться американским правительством, т. к. Советам была поставлена даже специальная бумага для печатания этих денег. Протесты из осведомлённых кругов американской общественности заставили правительство США в конце 1946 г. прекратить опла-чивать свои войска этими банкнотами, после чего советское правительство также уже не могло больше ими пользоваться. Военная администрация американской зоны оккупации в Германии установила затем, что ими было оплачено на 230 000 000 долларов больше той суммы, на которую эти банкноты были выпущены в США, скромное предложение с американской стороны уплатить хотя бы 18 000 долл, за печатные доски, краски и бумагу (на чём Советы „заработали“ 250 милл. долларов!) было советским правительством, разумеется, игнорировано.

Так в течение 4-5 лет подряд происходило перекачивание из Америки в революционное коммунистическое государство всего нужного для ведения войны, материалов и товаров для обеспечения его же послевоенного ускоренного развития, и американского народного богатства в самых различных его формах, причём какая бы то ни было «дискуссия» по этому вопросу была высшим руководством США категорически запрещена. Мало того, обслуживанию коммунистов тем же руководством был обеспечен приоритет перед всеми нуждами как самой Америки, так и всех других её союзников в войне.

Было ещё два пути, по которым могла идти поддержка коммунистическому государству и обеспечение его дальнейшего «распространения»: 1) характер ведения военных операций и 2) направление государственной политики на международных конференциях на высшем уровне по мере развития этих операций» После того, как передача вооружений и народного богатства революционному государству проводились такими темпами и с таким фанатизмом, можно было ожидать, что также политическая линия найдёт своё выражение и в ведении военных операций, и в принятии вытекающих из них решений. Именно это и имело место; сведущие наблюдатели предсказывали это уже в то время, сейчас же рассеивающийся военный туман делает картину ясной для всех. Она является неизбежным результатом закулисного захвата власти в Америке, описанного в предыдущей главе.

Стремление повернуть все военные операции на пользу революционному советскому государству, спровоцировавшему в союзе с Гитлером начало войны путём совместного нападения на Польшу, началось вскоре после Перл-Харбора. Оно не удалось тогда, однако увенчалось полным успехом в последних стадиях войны, как это показал её исход. Ведущую роль в этом сыграла наиболее загадочная личность во всей Второй мировой войне, генерал Джордж К. Маршалл, начальник главного штаба вооружённых сил США. Именно ему сенатор Джозеф МакКарти, в своём выступлении в Сенате 14 июня 1951 г. (это тщательно документированное обвинение представляет собой важнейший исторический источник по данному вопросу) приписал заранее запланированный систематический

саботаж победы, начавшийся задолго до окончания Второй мировой войны», как и то, что Америка, с её полным возможностями повлиять на все военно-политические решения, лавировала между планами Черчилля и Сталина «почти неизменно в пользу советской линии».

В связи с далеко идущими последствиями действий генерала Маршалла, небезытересно бросить взгляд на начало его карьеры. Президент Рузвельт назначил его начальником Главного штаба в 1939 г. вне очереди и через голову 20-ти генерал-майоров и 14-ти старших по производству бригадных генералов, несмотря на то, что шестью годами ранее его производство в генералы, после отрицательной характеристики со стороны генерального инспектора вооружённых сил США, не было санкционировано тогдашним начальником Главного штаба, генералом МакАртуром. Одним из первых мероприятий Маршалла на новом посту было его обращение в 1940 г. к сенатору Джеймсу Ф. Бёрнсу, доверенному лицу Баруха, с просьбой внести в Конгресс проект поправки к армейским законам о производстве, которая позволила бы начальнику Главного Штаба игнорировать права служебного старшинства в пользу более молодых офицеров, если он считал их обладающими «необычными способностями». Принятая Конгрессом поправка Бёрнса предусматривала, что «в период войны или острой государственной необходимости… любой офицер регулярной армии может быть временно произведён в более высокие чины», и с помощью этого закона Маршалл провёл в 1940 г. 4088 внеочередных производств, в их числе 50-летнего подполковника Эйзенхауэра, до тех пор не имевшего ни полевого, ни командного опыта, но ставшего три года спустя Верховным Главнокомандующим Союзных вооружённых сил. Сотрудничество генералов Маршалла и Эйзенхауэра сыграло решающую роль в исходе войны в 1945 году[36].

Сразу же после Перл-Харбора и вступления США в войну в декабре 1941 г. советские пропагандисты в Москве и на Западе стали громко требовать немедленной высадки англо-американских войск в Европе. Встретившись с Рузвельтом вскоре после Перл-Харбора, Черчилль добился совместного решения, считавшего вторжение на европейский континент ранее 1943 г. с военной точки зрения невозможным. Однако, в апреле 1942 г. Эйзенхауэр (за полгода до того произведённый в бригадные генералы — *прим. перев.*), по распоряжению ген. Маршалла, разработал план вторжения уже в 1942 г., и Рузвельта уговорили протелеграфировать в этом смысле Черчиллю. Генерал Маршалл, вместе с г-ном Гопкинсом, полетели в Лондон, где они услышали от Черчилля, что катастрофа на французском побережьи в результате поспешной и необдуманной высадки была бы, по всем данным, «единственным путём для нас наверняка проиграть войну» (Шервуд, см. библиографию).

Учитывая назначение Маршалла на высший военный пост ещё до начала войны, его следовало бы считать лучшим военным специалистом Соединённых Штатов. Что он, однако, предлагал в 1942 г., было равносильно приглашению единственному серьёзному союзнику Америки на Западе совершить самоубийство, после чего война наверняка была бы проиграна, по крайней мере для Англии. Черчилль заявил, что осуществление предлагаемой высадки превратит Ламанш в «реку союзной крови», хотя в действительности кровь была бы на три четверти английской: когда командующего американскими силами на Британских островах запросили, какие силы он мог бы выделить для этой операции, «он ответил, что у него нет ничего, кроме 34-ой пехотной дивизии, стоявшей в Ирландии». Генерал Кларк добавил, что даже и эта одна дивизия не располагала ни танками, ни противовоздушной защитой, и что она не могла считаться обученной (первые американские части, высадившиеся в конце 1942 г. в Северной Африке, оказались совершенно небоеспособными). Ведущий американский военный комментатор, Хансон Болдвин, писал впоследствии: «Задним числом теперь совершенно ясно, что наши

---

[36] Карьеры обоих высших военных США, вплоть до их неожиданного продвижения на вершины военной иерархии во время Второй мировой войны, отличаются редкой бесцветностью, стоящей в противоречии к стараниям «Американской Энциклопедии» создать им ореол «полководцев».

Маршалл (род. 1880, производство в офицеры в 1901 г.) закончил первую войну 38-летним капитаном, что после 17 лет службы, в том числе одного года на европейском театре, геворит о весьма ограниченных способностях. Дослужившись в 1936 г. в возрасте 56 лет до бригадного генерала (после отказа в производстве в 1933 г.), он был произведён Рузвельтом в генерал-майоры в год его назначения нач-ком Главного штаба вооружённых сил США — беспрецедентный случай в военной истории цивилизованных стран.

Эйзенхауэр (род. 1890) был произведён в офицеры в 1915 г. в возрасте 25 лет, закончив офицерское училище 61-м по счёту: в числе его способностей «Ам. Энц.» отмечает лишь таковые в футбольной команде училиша. Закончив первую войну подполковником в должности нач-ка учебного лагеря в американской провинции, он не получал дальнейших производств в течение 23-х лет. В 1940 г. он служил в штабе пехотного полка в безвестном калифорнийском форту, пока не был произведён Маршаллом по новому закону о внеочередных производствах в полковники в марте 1941 г. и в бригадные генералы в сентябре того же года.

планы высадки в западной Европе в 1942 г. были чистой фантазией».

Несмотря на всё это, генерал Маршалл, вернувшись в Вашингтон, предложил Рузвельту, чтобы США прекратили своё участие в войне в Европе, если Англия не согласится с его планом (об этом свидетельствует б. военный министр США Стимсон, см. библиографию). Маршалла снова послали в Англию уговаривать Черчилля (генерал демонстративно отказался поселиться в имении британских премьер-министров Чекерсе). Его план провалился окончательно после того, как от ген. Кларка было получено из Ирландии донесение, что он может предоставить для предполагаемой операции лишь одну необученную и недостаточно вооружённую дивизию. Тем не менее, и план высадки — явно с единственной целью «спасать» СССР — был выработан, и угроза англичанам была сделана и в свете этих действий высшего военного начальника США следует рассматривать всё происшедшее впоследствии в ходе войны.

Весной 1942 г. во Франции и Голландии всё ещё стояли 1 300 000 солдат германской армии в то время, как у западных союзников не было ничего отдалённо равноценного для нападения на эту силу, даже если бы они располагали к тому времени превосходством в воздухе, судами для высадки, амфибийными средствами транспорта и войсками, обученными для вторжения — о чём тогда не могло быть и речи. Рузвельту пришлось отказаться от опасной авантюры Маршалла, и Англия в третий раз во время войны оказалась спасённой от смертельной опасности[37]. В 1942 и 1943 гг. английские, а затем и американские армии смогли одержать победы над немцами в северной Африке, после чего наступил переломный пункт в ходе всей войны (главным образом, разумеется, после немецкой катастрофы под Сталинградом — *прим. перев.*). Западные союзники были теперь подготовлены к решительному удару в Европе. Вопрос был, как и где он должен был быть нанесене Вторичное вмешательство генерала Маршалла определило в этот момент характер всей войны.

Личные воспоминания Черчилля, как и свидетельства всех остальных источников, показывают, что английский премьер был последователен в отстаивании своей точки зрения в данном вопросе от начала до самого конца. Он был единственным среди лидеров западной коалиции, кто обладал большим военным и политическим опытом, и он ясно видел, что война не принесёт ни настоящей победы, ни мира, если революционному коммунистическому государству, агрессору развязавшему войну, будет разрешено проникнуть глубоко в Европу. По его планам, военные операции должны были проводиться так, чтобы советские войска не могли продвинуться много дальше естественных границ СССР.

В споре по этому вопросу главным противником Черчилля оказался генерал Маршалл, больше даже, чем Рузвельт, который в последнем году войны, в результате своей болезни, явно потерял способность ясно мыслить, если только не стал просто беспомощным пленником своего окружения. Черчилль настаивал, чтобы союзники ударили как на севере, так и на юге с тем, чтобы занять западными войсками Балканы и центральную Европу прежде, чем они, избавившись от гитлеровского, попадут в советский плен. Этот план обеспечил бы настоящую победу, дав всему миру шанс пользоваться миром до конца 20-го века, и в значительной степени осуществил бы первоначальные «цели войны», среди которых на первом месте, как известно, стояло «освобождение». Генерал Маршалл, наоборог, требовал сосредоточения всех сил на вторжении во Францию, что отдавало восточную и центральную Европу, как и Балканы, советским армиям; Рузвельт же, то ли сознательно, то ли потеряв способность мыслить, поддерживал ту же линию до горького финала в Ялте, где «поражение было вырвано из зубов победы».

Война продолжалась ещё полтора года, однако жребий был брошен, как показали последующие события, на первой конференции в Квебеке в августе 1943 г., когда англо-американские войска, завершив завоевание Северной Африки, повернули в Европу и уже вытесняли германские армии из Италии. По настоянию Маршалла, в Квебеке было принято решение оттянуть войска из Италии для

---

[37] Автор имеет в виду:

) Эвакуацию 340 000 англо-французских солдат из Дюнкирхена в Англию после разгрома Франции, в конце мая 1940 г.; Гитлер питал иллюзии относительно возможности заключения мира и не желал окончательно «добивать» Англию, для чего имелась полная возможность. Спасённый британский экспедиционный корпус стал ядром развёртывания армий, выигравших затем кампании в северной Африке в 1942…43 гг. и в Нормандии в 1944 г.

) Спасение в воздушной «битве за Англию» и от германского вторжения в том же 1940 г. Ни для того, ни для другого у германского командования не было достаточных военно-воздушных сил, прежде всего бомбардировочной авиации дальнего действия; в числе прочего, в этом доказательство того, что Гиглер не подготавливал не только «мировой», но даже и общеевропейской войны. Утверждения противного на Нюрнбергском процессе были основаны на фальшивке, т. н. «протоколе Хосбаха» от ноября 1937 г., от которого не существовало ни оригинала, ни копии, и чей никем не подписанный «микрофильм с копии», предъявленный обвинением в Нюрнберге, с тех пор также исчез.

второстепенной высадки на юге Франции, что должно было помочь намеченному главному вторжению в Нормандии. Это означало раздробление союзных войск под командованием фельдмаршала Александера в Италии (превратившихся, по словам генерала Кларка, после занятия Рима, в «колоссальную военную машину… с неограниченными возможностями»), остановку их наступления и, прежде всего, отказ от удара из Италии через Адриатическое море с выходом союзных армий на Вену, Будапешт и Прагу. Это изменило бы всю послевоенную ситуацию в пользу Запада и в пользу мира; простой взгляд на карту Европы сделает это ясным каждому читателю. В этот момент победа была уже в руках, но ей пренебрегли ради высадки в южной Франции, что было ещё худшим распылением военных сил с ещё худшими последствиями, чем посылка английских войск в Палестину в первую войну.

Второстепенная высадка на юге Франции не приносила военных преимуществ, могущих оправдать принятие этого решения, явно носившего политический характер; это полностью подтверждается документом, на котором генерал Маршалл основывал свои доводы в пользу указанного решения в Квебеке. Документ этот был озаглавлен «Положение России» и приписывался (согласно Шервуду) «военной оценке США на очень высоком уровне», что указывает на того же генерала Маршалла. В нём говорилось: «После войны Россия будет занимать в Европе господствующее положение… Поскольку Россия является решающим фактором в настоящей войне, ей должна быть оказана любая помощь, а также должно быть сделано всё, чтобы заручиться её дружбой. Точно также, поскольку она несомненно будет господствовать над Европой после поражения держав оси (имеется в виду ходячее обозначение „оси Рим-Берлин“ — *прим. перев.*), то тем более необходимо развивать и поддерживать с Россией самые дружественные отношения».

Здесь перед нами не терпящая возражений и «дискуссий» политика в области поставок ленд-лиза повторяется и в сфере военных операции, это безоговорочная капитуляция перед приоритетом советских целей и интересов. Сталин был против союзного удара на Балканы, утверждая, что «единственная прямая дорога для удара в сердце Германии ведёт через сердце Франции»; американская «военная оценка на очень высоком уровне» фактически предлагала следовать планам Сталина. Как видит читатель, этот документ дважды преподносит политическое предположение, как совершившийся факт, а именно, что после войны «Россия будет занимать в Европе господствующее положение» и что она «несомненно будет господствовать над Европой». Именно это было в 1943 году ещё вопросом, решить который призваны были два года дальнейших военных операций, а политика Черчилля была направлена на предотвращение как-раз того, что здесь преподносилось в качестве решённого вопроса. Черчилль хотел видеть Совегы победителями в войне, но отнюдь не «господами» Европы. Он оказался в проигрыше, и в этот день в 1943 году, с помощью закулисных политических махинаций, Вторая мировая война была в политическом смысле проиграна Западом.

Это было наиболее важное по своим последствиям вмешательство генерала Маршалла в ведение операций. Черчилль не позволяет себе критиковать Маршалла открыто, но оценивает его роль в своих военных воспоминаниях довольно загадочно, сожалея в их разделе «Триумф и трагедия» об упущенных возможностях. Генерал Марк Кларк, однако, командовавший в 1943 г. американскими войсками в Италии, писал в 1950 г.:

«Мы перебросили наши силы из Италии во Францию явно в угоду Сталину… чтобы не допустить нас в центральную Европу. Операция „Наковальня“ (высадка в южной Франции) кончилась в тупике. Совершенно ясно было, почему Сталин был за „Наковальню“… После падения Рима армия Кессельринга могла бы быть уничтожена, если бы мы могли предпринять окончательное наступление. За Адриатическим морем лежала Югославия… а за Югославией были Вена, Будапешт и Прага… после падения Рима мы погнались за ложными целями, как с Политической, так и со стратегической точки зрения… Если бы не промах на высшем уровне, помешавший нам занять Балканы и отдавший их Красной Армий, средиземноморская кампания могла бы стать наиболее решающей для всей послевоенной истории… Было отменено наступление, которое изменило бы всю историю отношений между западным миром и советской Россией… Ослабление похода в Италии… было одной из грубейших политических ошибок этой войны».

Генерал Марк Кларк — блестящий офицер, переведённый впоследствии на второстепенные должности и подавший в отставку — говорит об «ошибках» или «промахах» (blunders), однако цитированный нами документ, как и многие другие источники, ставшие теперь доступными, показывают, что принятое тогда решение не было ошибкой в обычном значении этого слова, т. е. промахом в результате неправильного учёта возможных последствий. Последствия не только ясно предвиделись, но входили в расчёты принимавших решение; в этом в настоящее время не может быть

ни малейших сомнений. Это решение было не военным, но политическим, и оно было сделано группой лиц, окружавших президента. В области военных операций оно было точной паралелью решениям в сфере ленд-лиза: подчинение всех остальных соображений интересам революционного коммунистического государства.

В результате всего этого война, которая могла закончиться (вероятно уже в 1944 г.) освобождением стран, покорённых Гитлером, и оставила бы советское государство в пределах естественных русских границ, или недалеко за ними, а Европу в состоянии равновесия, тянулась далее в течение 1944 и 1945 г. г» в то время как германским войскам в Италии была дана передышка, а дорогостоящая высадка на юге Франции ничем не помогла главному фронту вторжения в Нормандии. Характер, который война приобрела в её последние 10 месяцев, был навязан ей советским правительством с помощью его прямого агента в правительстве США, известного под именем Гарри Декстера Уайта, которого все известные авторитеты считают с тех пор автором плана полного разрушения Германии и отдачи всей Европы под советское «господство», ставшего известным, как «план Моргентау». Тень этого плана нависла (как будет показано далее) над западными армиями, постепенно пробивавшими себе путь к границам Германии. До последнего момента Черчилль (несмотря на поражение его плана ударить «под мягкий живот противника» на Балканах) пытался спасти всё, что ещё было возможно, начав энергичное наступление левым флангом союзных армий на Берлин и дальнейший обход его на восток. История этого описана в мемуарах как самого Черчилля, так и Эйзенхауэра. Эйзенхауэр описывает, как он отклонил предложение фельдмаршала Монтгомери в конце 1944 г. бросить все наличные силы в энергичное наступление на Берлин. По его мнению, план был слишком смелым и рискованным, хотя ранее в своих воспоминаниях он мягко упрекает Монтгомери в чрезмерной осторожности. В течение последующий месяцев он продолжал неторопливое наступление на всём западном фронте, дав возможность Красной Армии пробиться глубоко в Европу, а в марте 1945 г. (после конференции в Ялте, когда стало ясным намерение Советов не освободить, но захватить Румынию и Польшу, и Рузвельт начал посылать официальные протесты Сталину) генерал Эйзенхауэр уведомил советского диктатора о своих военных планах прямой телеграммой «лично маршалу Сталину». Сообщение этих планов Сталину ещё до согласования их с Союзным Генеральным Штабом вызвало раздражённый протест Черчилля, до последнего момента старавшегося предупредить готовившееся фиаско требованием, чтобы по крайней мере Вена, Прага и Берлин были заняты войсками западных союзников.

Всё это было напрасным. Генерал Маршалл уведомил Лондон из Вашингтона, что он полностью одобряет как «стратегическую концепцию» генерала Эйзенхауэра, так и «процедуру ея сообщения русским». После этого союзное продвижение на Западе фастически совершалось по получении согласия Советов, советы же Англии во внимание не принимались. Генерал Эйзенхауэр 28 марта 1945 г. сообщил непосредственно Сталину, что он «остановит свои войска не доходя до Вены. 14 апреля он же уведомил Союзный Генеральный Штаб, что он остановится в 70 милях (112 км), не доходя до Берлина, на линии Эльбы, присовокупив: „с вашего согласия, я предлагаю известить об этом маршала Сталина“; поскольку британские возражения уже были отклонены, первые три слова этой фразы были простой формальностью. Оставалась ещё Прага, столица оккупированной Чехословакии. Эйзенхауэр сообщил Сталину, что, „если положение этого потребует“, он будет наступать на Прагу, поскольку у него крупные силы бездействовали на чешской границе. Сталин ответил (9 мая 1945 г.), предлагая ген. Эйзенхауэру „воздержаться от продвижения союзными войсками в Чехословакию… за линию Карлсбада, Пильзена и Будвейса“. Эйзенхауэр немедленно отдал приказ генералу Паттону остановиться на этой линии.

Так произошло то, что Черчилль в своих воспоминаниях называет «отвратительным разделом Европы», добавляя пустые слова о том, что «он не может долго продолжаться». Пять лет спустя генерал Эйзенхауэр заявил, что ответственность за все три роковых решения нёс он один. «Я должен внести здесь полную ясность. Вашим вопросом Вы подразумеваете, что решение не наступать на Берлин было политическим решением. Наоборот, ответственность за это решение лежит только на одном лице во всём мире. Это был я. Никто не вмешивался в это ни в малейшей степени». Это было ответом на вопрос, заданный па обеде Общества юристовторода Нью-Йорка, 3 марта 1949 г., который гласил: «Общее мнение таково, что если бы наши армии заняли Берлин… и Прагу, картина послевоенного периода могла бы-быть иной… Если бы наши политические лидеры… не вмешивались в Ваши военные действия, направленные на занятие возможно большей территории, …не думаете ли Вы, что тогда послевоенная картина была бы совершенно иной?»

Слова Эйзенхауэра не могут быть правдой, даже если он сам думал, что это так и было. Приказ

задержать союзное наступление, пока Красная армия не захватит Германию и центральную Европу с их тремя столицами, явно следовал политике, которая, как уже было показано, направляла «ленд-лиз»: предпочтение требованиям советского государства перед всеми остальными союзниками, и даже перед нуждами самой Америки. Биограф Эйзенхауэра, его бывший морской адъютант, капитан первого ранга Гарри Батчер, особо отмечает, что к тому времени, когда генерал Эйзенхауэр (вопреки протестам Черчилля) вступила прямые переговоры с Москвой по вопросу о границах союзного наступления, вопрос «границ и зон оккупации уже выходил за пределы компетенции ставки верховного командования». Действия генерала Эйзенхауэра ясно следовали политическим планам, предрешённым на самом высшем уровне; к тому времени, когда он стал президентом США, последствия этой политики были для всех ясны, и вполне возможно, что Эйзенхауэра «преследовал» пример Рузвельта (как этого последнего всегда «преследовал» пример Вильсона). Черчилль дал (11 мая 1953 г.) точную оценку военных операций, задержавших Вторую мировую войну, ставшую вторым разочарованием для войск, считавших себя победителями: «Если бы Соединённые Штаты послушались нашего совета после установления перемирия в Германии, западные союзники не отвели бы своих войск от достигнутых ими рубежей на условленные границы оккупационных зон, до тех пор пока не бым бы достигнуто соглашение с Советской Россией по многим спорным вопросам относительно оккупации вражеской территории, в которой германская зона была, разумеется, одной только частью. Однако, наша точки зрения не была принята, и большая область Германии была передана для оккупации Советам без того, чтобы бым достигнуто общее соглашение между всеми тремя странами-победительницами» Вся политика передачи вооружения, товаров и народного богатства, а также ведения операции во время Второй мировой войны служила, таким образом, дальнейшему распространению революции. Другим путём, способствовавшим этому же распространению, была систематическая капитуляция западной государственной политики на самом высшем уровне во всех переговорах и на всех конференциях, состоявшихся по мере развития военных действий. Описывать все эти встречи (в Атлантическом Океане, в Каире, Казабланке, Тегеране и Ялте) означало бы излишне утруждать читателя. Чтобы продемонстрировать контраст между первоначальными декларациями высоких целей войны и «конечной капитуляцией перед тем, что в её начале столь усердно обличалось, достаточно кратко описать первую (в Атлантике) и последнюю (в Ялте).

«Атлантической хартии» предшествовало третье послевыборное выступление Рузвельта 6 января 1941 г., в котором он уведомил ещё не вступившую в войну Америку, что он «ожидает увидеть в будущем мир, покоящийся на принципе четырёх основных свобод… свободе слова, свободе религии, свободе от нужды и свободе от страха». Вскоре после этого, 14 августа того же 1941 г., Атлантическая хартия — совместное произведение Рузвельта и Черчилля — воспроизвела фразеологию, с которой давно уже были знакомы все, кто дал себе труд прочесть «Протоколы» 1902 г. (интересно, ознакомились ли с ними наши «премьеры-диктаторы»?). В ней перечислялись «определённые основные принципы», которые должны были управлять политикой Америки и Англии и на которых оба подписавшие хартию «основывали свои надежды на лучшее будущее для всего мира». Первым был «откзз от всякого территориального или иного расширения», а вторым «отказ от территориальных изменений, не соответствующих свободно выраженным пожеланиям самих заинтересованных народов». Третьим принципом было «право всех народов избирать для себя желаемую форму правления; и далее, желание видеть восстановленными суверенные права и самоуправление всех тех, кто был их насильно лишён».

Отсгупление с этих высокопарных высот началось в Казабланке и Тегеране в 1943 г. (на конференции в Тегеране присутствовал и Сталин, включённый в «декларацию», как «стремящийся… к уничтожению тирании и рабства, угнетения и нетерпимости»), и закончилось в Ялте, в феврале 1945 г., ровно через три с половиной года после «Атлантической хартии».

К моменту ялтинской конференции наступление англо-американских армий в Европе было задержано с тем, чтобы Красная армия могла прочно окопаться в сердце континента. На этой конференции стало очевидным глубокое падение западной дипломатии (если только это выражение не слишком мягко) с её прежних высот, и чтение её протоколов заставляет европейцев с тоской вспоминать о прежних эпохах, когда послы и государственные деятели в парадных формах и сознании своей ответственности с достоинством упорядочивали отношения между народами после очередной войны: по сравнению с Венским и Берлинским конгрессами ялтинская конференция выглядит, как дешёвый концерт в кабаке.

После отказа советского диктатора выехать ча пределы своих владений, западные лидеры поехали на поклон к нему в Крым, в переговорах с азиатами это с самого начала было равносильно капитуляции.

Как американский президент, так и его правая рука, Гопкинс, были оба на пороге смерти, у Рузвельта это было ясно веем, кто видел его тогда в кино-журналах: автор этих строк не забудет возгласов удивления и ужаса среди публики, в которой он тогда сидел. Некоторых из руководящих сановников сопровождали их родственники, т. ч. конференция носила характер семейного пикника, приятного отдыха от докучных обязанностей военного времени. Хуже всего было то, что гости стали объектами (а многие из них и жертвой), одного из старейших трюков, применяемого азиатами при переговорах, а именно обработки алкоголем. Генерал-майор Лоурснс Кьютер, представлявший американские военно-воздушные силы, вспоминает:

«В качестве первого блюда за утренним завтраком подавался средних размеров бокал крымского коньяка. За коньяком и вступительными тостами следовали повторные угощения икрой с водкой… После них подавались холодные закуски с белым вином… под конец сервировались крымские яблоки с многочисленными бокалами довольно сладкого крымского шампанского… последним блюдом был стакан горячего чая, к которому подавался коньяк. И это был лишь, завтрак! Как мог кто-либо, с желудком полным всего этого, принимать разумные или логические решения в вопросах жизненных интересов Соединённых Штатов?… Эллиот Рузвельт, приехавший на конференцию вместе с отцом, говорил, что практически все без исключения были в стельку пьяны». Об одном из ужинов Чарльз Боулен, помощник государственного секретаря (министра иностранных дел США) и переводчик при Рузвельте, вспоминает, что «хозяином за столом был сам маршал Сталин. Атмосферу за столом была весьма сердечной и, в обшей сложности, было выпито сорок пять тостов».

В довершение всего, смертельно больной Рузвельт прибыл в Ялту с подписанным им т. н. «планом Моргентау», составленным советским агентом, работавшим в его собственном министерстве финансов (Гарри Декстер Уайт), и в сопровождении другого советского агента, впоследствии разоблачённого и осуждённого Альджера Хисса, который в этот решающий момент был особым советником президента по политическим делам и ведущим сотрудником Госдепартамента. В результате, из трёх сторон стола конференции советское правительство было представлено на двух, и исход совещаний был логическим результатом такой расстановки сил. Вплоть до самого начала конференции Черчилль не прекращал своих попыток спасти хотя бы часть центральной Европы и Балканы от судьбы, уготованной им в Ялте. Встретившись с Рузвельтом на Мальте, по дороге в Ялту, он вновь предложил открыть операции в бассейне Средиземного моря; но генерал Маршалл тут же заявил, в прежнем тоне своих угроз в 1942 г., что если английский план будет принят… он укажет Эйзенхауэру, что тому не остаётся ничего, как сложить с себя командование» (Шервуд). За месяц до встречи в Ялте Черчилль телеграфировал президенту Рузвельту: «В настоящее время мне кажется, что исход этой войны будет ещё более неудачным, чем исход прошлой». Это было довольно далеко от сознания того «лучшего часа» его жизни в 1940 г., когда, заняв пост премьер-министра, он мог написать: «Благословением Божьим является власть в дни национального испытания, если знаешь, где и какие приказы должны быть отданы». Теперь он знал, как ничтожна была истинная власть «премьеров-диктаторов», и мог лишь в лучшем случае надеяться спасти хоть немногое из обломков победы, выброшенной в окно в тот момент, когда она была близка.

Всё, что знал теперь Черчилль и что он говорил Рузвельту, было совершенно неизвестно воюющим народам. Полный контроль над печатью, которым так нагло хвалились уже «Протоколы», не давал правде достигнуть широких масс, которых день ото дня захлёстывали волной энтузиазма по поводу великой победы; якобы уже бывшей в их руках. Вся «власть» г-на Черчилля была бессильна что-либо в этом изменить. За несколько месяцев до того (23 августа 1944 г.) он с удивлением запрашивал своего министра информации: «Разве есть какое-либо запрещение опубликовывать факты об агонии Варшавы, которые, судя по газетам, практически замалчиваются» («Триумф и трагедия»). Вопрос звучит вполне искренне, и в таком случае Черчиллю было неизвестно то, о чём ему мог рассказать любой честный журналист, а именно то, что такие факты были «практически замолчаны». Он не сообщает, каков был ответ, если он его вообще получил. «Агония», о которой говорит Черчилль, относится к героическому восстанию подпольной польской армии генерала Бора-Коморовского против немцев в тот момент, когда Красная армия подходила к Варшаве. Советское наступление было, по приказу из Москвы, немедленно приостановлено, и Сталин не разрешил английской и американской авиации пользоваться советскими аэродромами, чтобы помочь полякам. Черчилль пишет: «Я едва мог поверить моим глазам, прочтя его жестокий ответ», и сообщает, что он настаивил на приказе Рузвельта американским самолётам пользоваться этими аэродромами, поскольку «Сталин не посмеет стрелять по ним». Рузвельт отказался, и поляков выдали на поток и разграбление войскам СС, сравнявшим Варшаву с лицом земли. 1 октября 1944 г. после, двухмесячного сопротивления польское подпольное радио

Варшава передало своё последнее сообщение: «Такова горькая правда: с нами поступили хуже, чем с гитлеровскими сателлитами, хуже, чем с Италией, хуже, чем с Румынией, хуже, чем с Финляндией… Бог справедлив, и в своём всемогуществе Он накажет всех, кто отвечает эа это страшное оскорбление польской нации» — слова, вызывавшие в памяти передачу чешского радио в 1939 г., после выдачи Чехословакии Гитлеру: «Мы завещаем нашу скорбь Западу».

Власть, захваченная мировой революцией на заражённом Западе, была достаточна для того, чтобы предотвратить опубликование фактов, подобных этим во время Второй войны, и запрос Черчилля министру информации повис в воздухе. «Агония Варшавы имела место ровно через 3 года после того, как Рузвельт подписал свою „декларацию принципов“, в которой он желал „видеть восстановленными права и самоуправление тех, кто был силой их лишён“.

Таков был закулисный фон ялтинской конференции, на которой при первой же встрече со Сталиным президент Рузвельт, уже одной ногой в гробу, обрадовал советского диктатора признанием, что он теперь «более кровожаден в отношении немцев, чем год назад, и что он надеется на повторение Сталиным его тоста за расстрел 50 000 офицеров германской армии». Слово «повторение» намекало на тегеранскую конференцию в декабре 1943 г., на которой Сталин предложил такой тост, а Черчилль запротестовал и сердито вышел из комнаты. После чего Рузвельт предложил, чтобы расстреляны были только 49 500, а его сын Эллиот, в весёлом застольном настроении, выразил надежду, что «сотни тысяч» из них будут убиты в боях; сияющий «дядюшка Джо» встал со своего места и обнял президентского сынка.

Вторя Сталину, Рузвельт явно хотел позлить Черчилля, которого он в 1945 г., по-видимому, считал своим соперником; своему сыну Эллиоту он говорил уже в Тегеране, что «к сожалению, премьер-министр слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении будет Англия; он боится, что русским позволят стать слишком сильными». Он не скрывал этого и от Сталина, сказав, что «теперь он скажет ему кое-что по секрету, чего он не хотел бы говорить в присутствии премьер-министра Черчилля». В числе того, чего не должен был слышать Черчилль, было следующее: «Президент сказал, что наши армии теперь так близки друг к другу, что они могут установить непосредственный контакт, и он надеется, что генерал Эйзенхауэр сможет теперь прямо сноситься с советским штабом, минуя Союзный Генеральный Штаб в Лондоне и Вашингтон (4 февраля 1945 г.). Это объясняет судьбу, постигшую Вену, Берлин и Прагу; в марте, апреле и мае 1945 г. генерал Эйзенхауэр, связавшись непосредственно с Москвой, сообщил Советам свои планы наступления и согласился остановить свои армии, не доходя до этих столиц.

Сталин не предлагал снова расстрелять 50 000 германских офицеров. Ялтинские протоколы показывают, что он довольно сдержанно относился к сделанным ему частным предложениям Рузвельта (например, чтобы англичане оставили Гонконг), рисуя его человеком, державшим себя с большим достоинством, и гораздо более сдержанным в выражениях, чем президент США. Причиной этому, с одной стороны, могло быть то, что болтовня Рузвельта производит, по своему бездушию и цинизму, отталкивающее впечатление на читателя; с другой же, даже Сталин вероятно сомневался в том, что президент зайдёт так далеко, поддерживая усиление Советов, и, опасаясь ловушки, был более сдержан, чем обычно. Как бы то ни было, на страницах ялтинских протоколов этот массовый убийца и палач миллионов выглядит менее отвратительным, чем его гость.

Главным испытанием для чести Запада был в Ялте вопрос, что будет с Польшей. Вторжение в Польшу Советов и немцев, как партнёров по её разделу, развязало Вторую мировую войну; не подлежало сомнению, что декларация Рузвельта и Черчилля в атлантической хартии 1941 г. о «восстановлении суверенных прав и самоуправления» для тех, «кто был насильно их лишён», в первую очередь относилась именно к Польше. Ко времени ялтинской конференции, за два с половиной месяца до окончания войны в Европе, Польша фактически была отдана как добыча мировой революции: об этом наглядно свидетельствовал отказ помогать варшавским повстанцам, и это же не могло быть убедительнее доказано, чем приказом Рузвельта генералу Эйзенхауэру подчинить его планы наступления советским пожеланиям. Это означало, что Польша, а с ней и все европейские государства к востоку и юго-востоку от Берлина буду фактически либо присоединены к СССР, либо, же войдут в зону господства революции.

Хотя Черчилль всё ещё не оставлял надежды на предоврашение этого, непосредственно предстоящий захват этих территорий был в Ялте ясен для каждого, и окончательное моральное падение Запада заключалось в принятии этого факта, в конечном итоге и самим Черчиллем. Это было полной капитуляцией: отговорка, что только половина Польши отойдёт к Советам, что Польша получит «компенсацию» в виде территории, отрезанной от Германии, и что в этом перекроенном государстве

будут проведены «свободные выборы», звучала насмешкой для каждого, кто знал, что вся Польша и половина Германии, которой Польша должна была быть «компенсирована», перейдут из под нацистского господства в советское рабство, и что армии западных союзников должны были быть остановлены, чтобы не помешать этому.

Поэтому, когда в Ялте президент Рузвельт попросил разрешения «поставить вопрос о Польше», от благородных «принципов» Атлантической хартии уже не оставалось и следа. Он начал со ссылки на то, что «в Соединённых Штатах проживают 6 или 7 миллионов поляков», показывая этим, что для него вопрос заключался не в Польше, а лишь в голосах на выборах, после чего он предложил ампутацию восточной Польши по линии Керзона, добавив странное замечание, что «большинство поляков, как и китайцы, хотят лишь сохранить лицо»; многие наблюдатели того времени отмечали частую бессвязность в его речи, и в этом случае он также не объяснил, как потеря польской территории могла помочь полякам «сохранить лицо». Рузвельт был подготовлен, для такого предложения хорошо знавшим своё дело советником. Эдвард Стеттиниус, который хотя и был в то время номинально государственным секретарём США, но по-видимому не принимал большого участия в направлении иностранной политики, сделал тогда запись, что «президент попросил меня прислать ему юриста для консультации о формулировке заявления о польских границах; я послал к нему Альджера Хисса». Черчилль остался в одиночестве, заявив свой последний протест на тему о первоначальных «принципах» и о тех целях, с которыми якобы была начата Вторая мировая война: «Мы пошли войной на Германию за свободу и суверенность Польши. Каждый здесь знает, чего нам это стоило при нашей неподготовленности, мы рисковали нашей жизнью, как нации. У Великобритании нет территориальных интересов в Польше. На карте стояла только наша честь, и мы обнажили меч за Польшу в ответ на зверское нападение Гитлера. Я никогда не соглашусь ни с каким решением, которое не даст Польше свободы и независимости… Позже, когда ему пришлось уступить давлению Рузвельта и Сталина, он заявил с горечью: „Нас обвинят в том, что британское правительство уступило во всём в вопросе о (польских) границах, и не только согласилось с советской точкой зрения, но и активно её поддержало… Великобританию обвинят в том, что она бросила Польшу на произвол судьбы…“ В конечном итоге видно и ему не оставалось ничего иного, как подписать соглашение, а когда впоследствии в Лондоне состоялся „парад победы“, польские соддаты в английских мундирах, первыми поднявшие оружие против Гитлера, сидели в трауре в своих казармах[38].

Чёрное дело было сделано и, вместо свободы слова и религии свободы от страха и нужды, народы восточной Европы были отданы во власть режима тайной полиции и концентрационных лагерей. Казалось, что ничего худшего сделано быть не могло, однако было сделано нечто ещё хулшее: согласно «протоколу о германских репарациях», было разрешено и распространено на побеждённых наихудшее изобретение советского терроризма, рабский труд, поскольку этот документ узаконивал получение «тремя правительствами» репараций от Германии в форме «использования германской рабочей силы».

Было ещё и дополнительное соглашение, согласно которому западные союзники рассматривали всех русских военнопленных в Германии как «дезертиров», подлежащих возвращению в Советский Союз. На бумаге всё это выглядит менее страшно. Но каковы были результаты этой политики для

---

38 Немаловажная деталь в предвоенных событиях бросает свет на подоплёку подготовки Второй мировой войны в соответствии с выводами Дугласа Рида, но рисует роль Англии в менее «рыцарском» виде.

В ноябре 1938 г. польское правительство лишило гражданства несколько десятков тысяч польских евреев, проживавших в Германии, что вызвало осложнения в отношениях с последней, уже отправившей обратно в Польшу 10 000 лиц того же сорта: лишение их польского гражданства затрудняло их высылку из Германии, как «нежелательных иностранцев». Другими словамя, положение евреев в Польше мало чем отличалось от их положения в Германии, причём обе страны всеми средствами стремились отделаться от нежелательного для них элемента.

Напрашивается вывод, что «обнажить меч за Польшу» Англии (а под её давлением и Франции, причём за обеими странами стояло «непреодолимое давление» из США) пришлось для того, чтобы превратить локальный германо-польский конфликт, не затрагивавший ничьих иных интересов, в мировую войну, цели которой имели мало общего с (восстановлением суверенитета и свободы Польши»:

. Английская «гарантия» от 31 марта 1939 г. имела целью настроить Польшу непримиримо в вопросе Данцига и «польского коридора», сделав соглашение с Германией невозможным;

. Войну спровоцировали Советы, заключившие с Гитлером тайное соглашение о разделе Польши: об этом знали в Вашингтоне и Лондоне, но не сообщили полякам, посулив им военную помощь, заведомо считавшуюся невозможной. После начала военных действий война была немедленно объявлена Германии, но не Советам, напавшим на Польшу на 3 недели позже.

. Польша была разгромлена немецкими руками. Германия — «западом» в союзе с Советами, обе страны за антиеврейские законы и «антисемитизм».

живых людей, видно из свидетельства преп. Джеймса Чутера, английского военного священника и одного из четырёх тысяч пленных из распущенного германского лагеря для военнопленных, пробравшихся навстречу наступавшим западным союзникам в 1945 г.: «Вдоль восточного берега реки Мульде скопилось множество людей… десятков тысяч беженцев, прибывших раньше нас. Река Мульде была демаркационной линией, на которой остановились американцы и до которой должны были продвигаться русские. Американцы не пускали никого через реку, кроме германских солдат и союзных военнопленных. Время от времени, отдельные беглецы в отчаянии бросались в воду, чтобы избежать ожидаемого зверства Советов. Чтобы избежать подобных инцидентов и отпугнуть беглецов, с западною берега время ом времени, слышались очереди американских пулемётов… грозное предупреждение всем, кто хотел бы спастись, переплыв реку». Таков был финал Второй мировой войны, и соглашение, освящавшее все эти ужасы (в котором сталинская подпись присоединилась к обоим подписавшим Атлантическую хартию в 1941 г.), торжественно объявляло: «Настоящей декларацией мы подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии»[39].

Под конец ялтинской конференции произошёл ещё один любопытный эпизод. Во время последнего разговора «с глазу на глаз» между Рузвельтом и Сталиным накануне отъезда президента, собиравшегося встретиться с королём Ибн-Саудом, Сталин заметил, что «еврейский вопрос был очень трудным; они (русские) также хотели создать „еврейский национальный очаг“ в Биробиджане, но из этого ничего не вышло: евреи оставались там два-три года, а затем разбегались по большим городам». Тогда президент Рузвельт, в манере члена аристократического клуба, уверенного, что его хозяин также состоит в нём, «сказал, что он — сионист, спросив, является ли им маршал Сталин?» На читателя этих записей это производит впечатление, что тут два деловых человека подошли, наконец, к сути дела. Сталин ответил, «в принципе — да», но тут же добавил, что «от него не укрывается трудность вопроса». И здесь грузинский налётчик, грабивший банки, производит лучшее впечатление, как государственный деятель, и говорит в более деловом тоне, чем любой из западных лидеров за последние 40 лет, ни один из которых не видел в этом вопросе никаких «трудностей» (Черчилль заранее клеймил все разговоры о «трудностях», как антисемитизм). Нет сомнения, что этим кратким обменом мнений разговор на эту тему не закончился, но в официальном отчёте дальнейших подробностей не содержится. В тот же последний день официальных совещаний конференции Сталин спросил Рузвельта, какие уступки он собирается сделать королю Ибн-Сауду, на что президент ответил, что «он мог бы предложить ему только одну уступку, а именно отправить к нему (Ибн-Сауду) шесть миллионов американских евреев» (эта цитата засвидетельствована источниками, но вычеркнута из официального текста). Приведённые цитаты, за исключением последней, взяты нами из официального издания «Конференции на Мальте и в Ялте в 1945 г.», опубликованного Госдепартаментом США 16 марта 1955 г. Газеты вышли на следующее утро, 17 марта, с заголовками на всю первую страницу, типичным для которых был заголовок в канадской «Монтреаль Стар»: «Столицы мира в ужасе после раскрытия секретов Ялты». Всё это, разумеется, ерунда: в 1955 году общественность воспринимала подобные сообщения с полным

---

[39] Со времени написания книги Дугласа Рида стали известны гораздо большие «ужасы», главным образом о выдаче русских военнопленных, «остарбейтеров», власовцев, казаков и др. на расправу Советам. Внук повешенного в Москве ген. П. Н. Краснова, Н. Краснов, освобождённый при Хрущёве, смог выехать из СССР и написать свои воспоминания («Незабываемое», Сан-Франциско, 1957), вышедшие в США на русском и английском языках. Н. Краснов лишь ненадолго пережил издание своей книги: его отравили в Аргентине.

Западной общественности история «великого предательства» (ген. Науменко) стала известной, главным образом, из книг лорда Николая Бетедля («Последняя тайна», 1974) и Николая Толстого («Жертвы Ялты», 1977) — см. библиографию. В обоих трудах детально описывается выдача гл. обр. 50 000 казаков с жёнами и детьми в Австрии, с точным перечислением участвовавших в этой «операции» шотландских и ирландских частей и имён их офицеров. Авторов трудно заподозреть в намеренном умолчании того, о чём сообщает Н. Краснов: окружившие казаков «англичане» были черноволосые, курчавые типы, говорившие по-польски и немедленно занявшиеся «обменом» на папиросы часов, колец и др. вещей их пленников, с пояснением на русско-польском жаргоне, что жить им осталось недолго и что папиросы пригодятся им больше всего другого. Очевидно участие еврейской Палестинской бригады (на английской службе) в этой «операции» было столь тщательно замаскировано, что упомянутым английским авторам (лорд Бетелль и Н. Толстой) не удалось найти следов «талмудистской мести» также и в этой трагедии Второй мировой войны.

В разгар «холодной войны» смерть Н. Краснова была в кругах русской эмиграции в Аргентине приписана советским агентам. Однако, в эпоху Хрущёва у Советов не было особого интереса в сокрытии тайн сталинского режима; если бы существовало опасение разоблачений, то Н. Краснова не выпустили бы из СССР. Есть, поэтому, основания сомневаться в советском авторстве этого убийства; с другой стороны, убийство последнего члена семьи «черносотенца» и «антисемита» генерала Краснова, к тому же раскрывшего последний секрет в «последней тайне» (Бетелль), могло кое-где считаться весьма «богоугодным» делом. Для израильского Моссада (служба разведки и диверсии), оперировавшего в Аргентине в те годы, как у себя дома (похищение Эйхмана в 1960 г.), отравление беззащитного русского эмигранта не представляло большого труда.

безразличием, будучи доведённой с помощью контроля печати до состояния бессильного одурения, предсказанного в «Протоколах» 1902 г.

Как исторический документ, разоблачения ялтинских протоколов достаточно красноречивы, однако они далеко не полны. Очень многое из них было вычеркнуто (мы привели только один пример), в том числе наверняка самое худшее. В мае 1953 г., под давлением со стороны американского Сената, Госдепартамент приступил к печатанию неподчищенных текстов, причём до июня 1956 г. должны были выйти из печати протоколы всех двенадцати совещаний на высшем уровне военного времени. Однако, до мая 1956 г. были опубликованы только ялтинские протоколы, и те подчищенные цензурой. Два сотрудника Госдепартамента, которым была поручена подготовка документов к печати и которые настаивали на её полноте и спешности, д-р Дональд Дозер и г. Брайтон Баррон, были уволены в отставку в начале 1956 г., хотя ещё в апреле 1955 г. со стороны президента Эйзенхауэра последовало заявление: «Я думаю, что глупо было бы… скрывать какие-либо документы военного времени, включая мои собственные ошибки. Надо опубликовать всё, на чём общественность США могла бы научиться из прежних ошибок для принятия правильных решений в настоящее время».

Перед увольнением на пенсию Баррона «подвергли усиленному промыванию мозгов, чтобы добиться от него согласия на изъятие ряда важных документов». Он был вынужден заявить своему начальству, что готовящаяся ими к изданию компиляция (извращена, неполна и плохо подчищена с целью обелить прежние правительства и ввести американский народ в заблуждение». История с ялтинскими документами показывает, что через 10 лет после войн государственная власть всё ещё была в руках «чужеземной группы», сумевшей во время войны подчинить экономику, военные операции и государственную политику целям «распространения» революции. И теперь ещё та группа была в состоянии игнорировать заявления президентов и действовать вопреки воле Конгресса США; возжи были полностью в их руках. Это означает, что проникновениев американское правительство и его аппарат агентов мировой революции, начавшееся со дней первого президентства Рузвельта в 1933 г., не было устранено и к 1955 году, несмотря на многочисленные разоблачения: а поскольку это так, то и в любой третьей мировой войне все силы Америки смогут снова быть направлены на скрытый, но по-прежнему первоочередной план создания мирового коммунизированного общества (третья фаза ленинского плана). Втянутые в такую войну народные массы снова будут воевать за цели, прямо противоположные тем, которые будут предподнесены им в ходе какого-либо нового «Перл-Харбора».

Подрыв жизненных основ Запада не ограничивался одними Соединёнными Штатами, но распространился на весь западный мир; если мы в этой главе описываем, главным образом, Америку, то это делается лишь потому, что после войны мошь и богатство Америки так выросли, что злоупотребление ими сможет решить судьбу всего мира. Как уже было нами показано, такое же положение наблюдалось и в Англии — стране, из которой произошли заокеанские нации, в том числе самые многочисленные из них, Канала и Австралия.

Первое разоблачение планов подрыва Запада и распространения мировой революции имело место в Канаде сразу же по окончании войны, и оно было единственным из четырёх, в котором последовало полное правительственное расследование и полное опубликование всех его результатов; оно же было толчком к другим аналогичным разоблачениям в США, Австралии и Англии. Разоблачения были сделаны, с риском для собственной жизни, русским, сообщившим канадскому правительству о наличии сети шпионажа и агентурного проникновения в государственный аппарат, центром которого было советское посольство в Оттаве (несмотря на то, что разоблачение и предупреждения Запада о грозящей ему опасности были сделаны русскими, политики и печать продолжали натравливать свою общественность против «русских», а отнюдь не против революционного коммунистического заговора, первой жертвой которого в своё время стала именно Россия). То, что в данном случае последовало полное и открытое расследование — весьма необычное в подобных случаях — обязано, по-видимому, тому обстоятельству, что тогдашний канадский премьер-министр, Макензи Кинг, был, хотя и дошлым политиком, но простаком, интересовавшимся, главным образом, спиритизмом. Документально убедившись в справедливости разоблачений Игоря Гузенко, он понял, что они свидетельствуют о «такой серьёзности положения, в котором Канада ещё никогда не находилась до сего времени», и немедленно полетел известить президента США (преемника Рузвельта) и тогдашнего премьер-министра Англии (Клемента Эттли), что «положение было даже ещё более серьёзным в Соединённых Штатах и в Англии».

К этому времени документальные доказательства, представленные бывшим советским агентом Унтгакером Чамберсом, о том, что Альджер Хисс был центральной фигурой советского шпионажа в Госдепартаменте США, были уже известны, но игнорировались двумя американскими президентами в

течение шести лет, а тремя годами позже и м-р Труман нашёл нужным публично высмеять их, как «красную селёдку» (английское выражение, означающее обман — *прим. перев.*). Разоблачение Хисса и его соучастников было исключительно результатом личных усилий отдельных патриотов (в том числе будущего вице-президента и президента Никсона), сумевших выжать правду из скрывавшего её правительства и настоять на расследовании. Дело Хисса повлекло за собой множество других разоблачений, показавших, что американский правительственный аппарат на всех уровнях кишел советскими агентами. Литература того времени по данному вопросу настолько обширна, что её невозможно привести здесь даже суммарно, но приводимые данные неопровержимы, а многие из них были сообщены официально, хотя и с большой неохотой.

В Англии, в Продолжение шести лет после предупреждений со стороны премьер-министра Канады и расследования высшими инстанциями, не было сделано ничего для исправления установленного этим расследованием положения. В 1951 г. два сотрудника Форин Оффиса (мин-во иностр. дел), один из которых занимал высокую должность и делал быструю карьеру, в то время как оба в личном отношении слыли довольно сомнительными типами, но явно протежировались чьей-то невидимой рукой, неожиданно исчезли из Лондона. Вскоре выяснилось, что они бежали в Москву, опасаясь разоблачений в духе Альджера Хисса. В течение добрых четырёх лет после этого английские правительства (как социалистическое, так и консервативное) отказывались назначить открытое расследование или представить какую либо информацию, кроме ничего не говорящих заверений, что «делается всё необходимое для выяснения». В 1955 г. английский Форин Оффис неожиданно сообщил, что оба подозревались в передаче секретной информации советским органам, уже начиная с 1949 года (они исчезли в 1951 г.). Западное признание было далеко не добровольным, а вынужденным в силу того, что ещё один русский, Владимир Петров, из советского посольства в Канберре (Австралия) также бежал на Запад, сообщив, что оба скрывшихся агента, Бургесс и Маклин, были завербованы как советские шпионы ещё в их студенческие годы в Кембриджском университете за 12 лет до того, т. е. ещё в 1930…35 гг. — это обычный метод ловли агентов в дни их неосторожной юности, в равной степени отмечающийся как в документах Вейсхаупта, так и в «Протоколах»; карьера Альджера Хисса представляет собой полную параллель тому же в Америке. Немедленно после запоздалого признания Форин Оффиса, Бургесс и Маклин были торжественно представлены Советами представителям международной печати в Москве в качестве сотрудников министерства иностранных дел СССР; британское правительство не нашло ничего лучшего, как тут же пригласить тогдашних советских вожаков, Хрущёва и Булганина, прибыть с официальным визитом в Лондон[40].

Разоблачения Петрова привели в Австралии, четвёртой стране, заражённой чумой советского шпионажа, к официальному расследованию Королевской комиссией, состоявшей из трёх высокопоставленных судебных чиновников. Из всей серии расследований на Западе, только австралийское может быть поставлено в один ряд с канадским, за 9 лет до того. Оно было довольно обстоятельным и в его официальном отчёте (от 14 сентября 1955 г.) было установлено, что, начиная с 1943 г., советское посольство в Канберре «руководило организацией шпионажа в Австралии», наряду с предостережением, что советские шпионы продолжали действовать в Австралии с помощью агентов, прибывавших в страну, как иммигранты. Министр иностранных дел Австралии Кейзи одновременно констатировал, что среди государственных служащих Австралии действовало «гнездо изменников». Это подтверждало то, что говорил Макензи Кинг за 10 лет до того, а также и то, что в течение целого десятилетия ни в одном из четырёх затронутых или заражённых этим недугом государств не было сделано ничего для отвращения смертельной опасности, в которой они находились.

Главной причиной этого было то, что все правительственные, парламентские и судебные расследования этого десятилетия (за исключением одного) служили не столько информации, сколько дезинформации общественного мнения, сосредотачивая всё внимание на «шпионаже», хотя фактически этот вопрос являлся второстепенным. То, что большие государства стремятся разузнать с помощью шпионов и агентов секреты других стран, давно уже было всем известным фактом, так что даже небывалый до тех пор масштаб советского шпионажа не слишком волновал общественность; считалось,

---

40 Хрущёв и Булганин были приняты королевой Елизаветой в Бэкингемском дворце, как в 1953 г. ей пришлось, под тем же «непреодолимым давлением» принимать бывшего слесаря, австрийского унтера первой войны, советского агента и массового убийцу, «маршала» Тито: на лондонской набережной против Вестминстера к приёму Тито выстроились Черчилль в визитке и цилиндре, и его королевское высочество герцог Эдинбургский при всех орденах и в парадном мундире адмирала флота, в чин которого он только что был произведён. Пожав руку принцу Филиппу, Тито соблагоизволил заметить, что «он рад его встретить».

что на то и существует контрразведка, чтобы следить за такими вещами. Расследования, таким образом, отвлекли внимание общественности от самого главного, что было ими обнаружено. Дело было не в простой краже документов, а в контроле и направлении чужой рукой государственной политики на самом высшем уровне, к которым привело заражение государственного аппарата западных стран. Именно это позволило направлять во время войны весь поток вооружений, товаров, финансовых средств, а также и военные операции и доведение западных политиков на конференциях глав правительств в сторону обеспечения максимальных успехов революционного коммунистического государства, как в смысле территориального расширения, так и в смысле усиления его военной мощи. Эта сторона вопроса была освещена только в ходе судебного процесса над Альджером Хиссом и сопутствовавших ему предварительных и дополнительных расследований и разоблачений. Они показали, что мировая революция располагала активными агентами на вершинах политической власти Запада, где они направляли в её пользу государственную политику и всю энергию народного существования. Оба разоблачённых агента поставляли своим хозяевам также секретные материалы, но это была лишь небольшая часть их деятельности, в ходе которой им удалось перекроить карту Европы и создать положение, перед которым весь мир стоит в настоящее время.

Имена Альджера Хисса и Гарри Декстера Уайта неотделимы от этого исхода событий. Начиная со своих студенческих лет в 30-х годах, Хисс продвигался с чьей-то невидимой помощью столь же быстро по ступеням государственной службы, как и Маклин в Англии. Уже в 1939 г. на него указал, как на советского агента, его сотоварищ-коммунист, осознавший свой долг перед страной в тот момент, когда революционное коммунистическое государство сговорилось с Гитлером о нападении на Польшу, однако на это указание никто не обращал внимания в течение многих лет, когда два американских президента, один за другим, продолжали протежировать Хисса. Он неразлучно находился при президенте Рузвельте в Ялте (часто при беседах с глазу на глаз Рузвельта со Сталиным), и выдача восточной Европы на поток и разграбление коммунистам неразрывно связана с его именем; невозможно придти к иному выводу перед лицом разоблачений, сделанных на его судебном процессе. После Ялты, явно как знак особого доверия, которым он пользовался у международной мафии, направлявшей события в этот период всеобщего смятения, его сделали первым генеральным секретарём рождённой в Сан-Франциско в апреле 1945 г. Организации объединённых наций, которая, таким образом, увидела свет, направляясь агентом мировой революции.

Руководящая роль, которую Хисс играл в Ялте, видна на немногих примерах. Номинальный государственный секретарь США, Эдвард Стеттиниус, накануне ялтинской) конференции отдал распоряжение сотрудникам Госдепартамента, чтобы «все материалы для президента по вопросам, которые должны будут обсуждаться на совещаниях Больших Трёх, должны быть в руках м-ра Хисса не позднее, чем в понедельник 15-го января (1945 г.)». Этим самым в распоряжение Хисса были отданы все материалы Госдепартамента на предмет осведомления президента о вопросах, обсуждение которых ожидалось в Ялте. Джеймс Бёрнс, бывший ранее государственным секретарём США, и принимавший участие в ялтинской конференции в качестве директора Военного ведомства по мобилизации и демобилизации, писал впоследствии: «Насколько я мог судить, президент почти не был подготовлен к ялтинской конференции… Лишь накануне нашей остановки на Мальте я узнал, что у нас на борту было целое собрание весьма обстоятельных анализов и рекомендаций, подготовленным Госдепартаментом… Когда я впоследствии познакомился с некоторыми из этих великолепных материалов, я очень сожалел, то мы не изучили их за время поездки. Я уверен, что этого не было сделано ввиду болезни президента».

Материалы, подготовленные специалистами-профессионалами Госдепартамента касались будущих отношений с Советами, однако заявления Рузвельта в Ялте ни в какой степени не отражали их содержание, поскольку он не дал себе труда с ними ознакомиться. Амер037анскую политику в Ялте фактически делал Хисс. Стеттиниус отмечает неизменное присутствие Хисса «за спиной президента» на всех формальных совещаниях, упоминая, что и он сам всегда «совещался» с Хиссом перед этими заседаниями и после них. Офнипальный, сильно подчищенный американский отчёт о ялтинской конференции явно подвергся редактированию со специальной целью затушевать роль Хисса; он содержит лишь сделанные им замечания и реплики, не говорящие ничего, будучи вырванными из контекста главного содержания: его роли в заговоре. Упомянутый нами ранее Брайтон Баррон — одни из двух официальных историков Госдепартамента, уволенных за отказ «извращать историю» и «замалчивать официальные данные» — заявил в феврале 1956 г. на публичном собрании в Чикаго, что, если бы ему было разрешено, ей мог бы «на примерах показать, какой властью пользовался Альджер Хисс», и как он действовал на самом высшем уровне государственной власти», добавив, что официальный отчёт «обходит молчанием его важнейшие действия на этой роковой конференции». Имя

Альджера Хисса стало хорошо известно, благодаря его судебному процессу и осуждению. Однако, наиболее осведомлённое лицо в этой истории, Уиттакер Чамберс, считает, что субъект, известный под именем «Гарри Декстер Уайт», которого он называет (одной из самых влиятельных личностей во всём мире», сыграл ещё большую роль в подчинении американской политики советским интересам.

Как писали американские газеты, все их попытки обнаружить свидетельство о рождении гражданина по имени «Гарри Декстер Уайт» были напрасными: кем он был в действительности, никому не было известно! Небезизвестный Генри Моргентау младший (в отличие от его отца, бывшего послом США в Константинополе во время первой войны — *прим. перев.*), единственный несменявшийся министр в кабинетах Рузвельта за все 12 лет правления последнего, вскоре же после своего назначения министром финансов принял «Гарри Декстера Уайта» на службу, в своём министерстве (в 1934 г.). Его быстрое продвижение по службе (как и Хисса в Госдепартаменте) указывает на влиятельную и постоянную поддержку. Сразу после Перл-Харбора его назначили руководителем «всех действий министерства финансов, связанных с международными отношениями», после чего он стал заместителем самого министра.

В течение всех этих лет этот правительственный чиновник, чья истинная личность, по-видимому, навсегда останется тайной, действовал в качестве советского агента, и доказательства этого были представлены президенту Рузвельту, не нашедшему нужным обратить на них внимание. Уиттакер Чамберс показал, что он впервые получил от Уайта секретные документы (для передачи их советским органам) в 1933 г.; в 1939 г. он предложил представить доказательства деятельности Уайта и Хисса; документальные доказательства хранились им в течение дальнейших лет, пока он не представил их для опровержения клеветнических заявлений Хисса по его собственному адресу. С самого начала и до конца ни одна правительственная инстанция не выразила желания ознакомиться с ними. Федеральное Ведомство по расследованиям (ФБР) допросила Чамберса в 1941 г., причём он назвал имя Уайта, однако ничего предпринято не было; ФБР не нашло также нужным включить в расследование этого дела какую-либо государственную инстанцию, т. ч. окончательное разоблачение было сделано частным агентством и то только 1948 году.

Первое решающее вмешательство м-ра Уайта в американскую государственную политику состоялись в 1941 г. Согласно двум не вызывающим ни малейших сомнений источникам (проф. Вилчьям Лангер и проф. С. Эверетт Глизон из Гарвардского университета, в их книге «Необъявленная война»), именно Уайт составил текст американского ультиматума от 26 ноября 1941 г., с помощью которого Японию «заманили сделать первый выстрел» в Перл-Харборе (по выражению военного министра США Стимсона). Рука Уайта, следовательно, ясно видна в первом акте вхождения Америки в войну, как и рука заинтересованного в нём советского руководства. Обеспечив начало войны, он смог обеспечить и её окончание исключительно в интересах той же стороны, его хозяев. Ему же приписывается и авторство знаменитого «плана Моргентау», направленного на разорение и фактическое уничтожение Германии. В обоих случаях, следовательно, американская политика диктовалась министерством финансов, а не Госдепартаментом или военным министерством, которые, согласно конституции, ответственны — под общим руководством президента — за ведение международной политики в военное время; в министерстве же финансов, как уже было указано, м-р Уайт нёс «полную ответственность» за всё имевшее отношение к международным делам, очевидно не в рамках одного только этого министерства. По окончании Второй войны в Америке наблюдалась тенденция приписывать инициативу обоих роковых решений одному Уайту. Здесь явно налицо попытка снять ответственность с самого министра, Генри Моргентау. Однако, Моргентау назначил Уайта на его ответственный пост, и он же подписал как проект ультиматума Японии в ноябре 1941 г., так и проект расчленения Германии в сентябре 1944 г., а президент Рузвельт в обоих случаях действовал согласно представленному ему плану. Невозможно поэтому разграничить ответственность Моргентау и Уайта, в крайнем случае можно было бы сказать, что загадочный «Гарри Декстер Уайт» был душой этой достойной пары.

О том, как зародился «план Моргентау» по расчленению Германии на мелкие провинции, полному разрушению её промышленности с затоплением угольных шахт и рудников, и сведением её на уровень «козьего пастбища», было описано в 1947 г. другим заместителем министра финансов США, Фредом Смитом. Он сообщает, что вопрос впервые обсуждался на совещании (в его присутствии) между Эйзенхауэром, министром Моргентау и Уайтом в обеденной палатке генерала на юге Англии, 7-го августа 1944 г. По словам Смита, вопрос о будущем Германии был поднят Уайтом. Эйзенхауэр сказал, что ему хотелось бы «на некоторое время крепко приструнить немцев… всё население Германии — синтетические параноики» (эта комбинация двух слов не имеет даже подобия конкретного или

переносного значения, свидетельствуя разве что о склонности генерала к употреблению «умных» слов, смысла которых он сам не понимал — *прим. перев.*), на что м-р Уайт заметил: «Мы можем тогда сослаться на Вас в вопросе обращения с немцами», а генерал Эйзенхауэр дал ему на это своё разрешение. На основе этого разговора Моргентау составил свой план, согласовав его в Лондоне с Черчиллем и Иденом, после чего он вылетел обратно в США, где он представил этот план Рузвельту. Вплоть до этого момента, пишет Смит, Госдепартамент не был извещён об активности Моргентау в этом вопросе. У Рузвельта вероятно были какие то сомнения по поводу плана, и он назначил комиссию для разработки плана послевоенной организации Германии, в которой государственный секретарь и военный министр сошлись наконец с м-ром Моргентау из министерства финансов. Оглашение в комиссии плана Моргентау «привело к такому бурному взрыву, какой ещё никогда не нарушал торжественной тишины покоев Белого Дома»; министры Хэлл (госуд. секретарь) и Стимсон (военный) оба заявили свой категорический протест. Тем не менее, когда затем Рузвельт полетел в Квебек для встречи с Черчиллем, то (случилось так», что сопровождал его м-р Моргентау, а г-да Хэлл и Стимсон остались дома. Черчилль пишет, что он был этим удивлён, но затем и он, и Рузвельт оба подписали план, который правильно было бы назвать «планом Уайта-Моргентау».

Так президент Рузвельт (вопреки энергичным протестам членов его кабинета, государственного секретаря Хэлла и военного министра Стимсона) и премьер-министр Черчилль (вопреки его собственным многочисленным заявлениям) санкционировали «мир» возмездия и наказания для побеждённых, причём впоследствии оба делали вид, что не ведали, что творят. По словам Черчилля, он весьма «сожалел», что поставил под ним документом свою подпись, из чего, однако, не совсем ясно, почему он это сделал (уклончивый комментарий Джеймса Ф. Бёрнса также гласил, что «это трудно понять»). Рузвельт изображал дело так, будто речь шла о его инициалах, по ошибке поставленных им на маловажном междуведомственном меморандуме, который он не дал себе труда прочесть. По его словам, он уступил приставаниям «верного, старого друга», что опять-таки указывает на м-ра Моргентау: далее, он, оказывается, был «совершенно потрясён» тем, что получилось, и, не мог понять, как он вообще мог поставить под этим свои инициалы; видимо он сделал это, не подумав» (Стимсон).

Общественному мнению дело потом изобразили так, будто ошибка была вовремя замечена и «план Моргентау» не был осуществлён: фабрики не были взорваны и шахты те были затоплены. Это было неправдой, а лишь мазнёй мёдом по губам, дух возмездия, пропитавший план Уайта-Моргентау, господствовал в послевоенной действительности. Моргентау не удалось добиться, чтобы (как Рузвельт это «в шутку» предлагал Сталину в Ялте) немецких «архи-преступников» расстреливали без всякого следствия, о те судебные процессы, которые были затем разыграны в Германии, навеки остаются позорным пятном на западном правосудии. Раздел Германии (который фактически разрезал надвое всю Европу, друзей и врагов без разбора) был чреват большими опасностями для будущего, чем любое расчленение Германии на отдельные провинции. И наконец, санкционирование Западом рабского труда повернуло вспять культурное развитие Европы на протяжении девятнадцати столетий: характерно, что через 11 лет по окончании войны правительство США отказалось поддержать проект международной конвенции, внесённый Международной Организацией Труда и запрещающий принудительный труд: подпись под Ялтинскими соглашениями явно исключала возможность присоединиться к подобной конвенции.

Так призрак «Гарри Декстера Уайта» продолжает висеть над сценой современности, поскольку направление, приданное им и его сообщниками американской правительственной политике, сделало будущее всего Запада ещё более сомнительным и внушающим опасения, чем когда-либо. С окончанием войны его авторитет у американских президентов продолжал расти, и он был назначен председателем второй из двух международных конференций, на которых ковались планы подчинения национальных государств международному директорату. Первой была организационная конференция Организации объединённых наций, председательское место которой было занято Альджером Хиссом. Второй была финансовая конференция в Брестон Вудс, в результате которой были созданы Международный банк и Международный валютный фонд. Уайт был организатором этой последней конференции и был затем назначен американским директором Международного валютного фонда. Другими словами, главными представителями правительства Соединённых Штатов на каждом из этих подготовительных совещаний по созданию нового сверхнационального директората были советские агенты.

Накануне того, как Уайт получил это своё последнее назначение (официально объявленное президентом Труманом 23-го января 1946 г.), ФБР неоднократно предупреждало Белый Дом о тайной деятельности м-ра Уайта, в последний раз в особом докладе на имя личного военного адъютанта президента от 8 ноября 1945 г., в котором Уайт был открыто назван советским агентом и шпионом. По

объявлении президентом нового назначения Уайта, руководигель ФБР Эдгар Гувер 1 февраля 1946 г. снова направил правительству энергичное предостережение, указывая, что если назначение Уайта будет утверждено, то «он будет в состоянии в значительной степени влиять на решение всех международных финансовых вопросов». Несмотря на всё это, назначение Уайта было утверждено 1 мая 1946 г.: это отметил в своём показании 17 ноября 1953 г. государственный прокурор Герберт Браунелль. В своём ответе на сообщения ФБР президент Труман признал, что подтверждение назначения Уайта было им сделано после получения предупреждения от февраля 1946 г., о предупреждении от ноября 1945 г. он не нашёл нужным упомянуть. В апреле 1947 г., когда расследование о деятельности Хисса уже приближалось к концу, м-р Уайт ушёл в отставку «по состоянию здоровья». В августе 1948 г., когда его вина была доказана и должна была быть сообщена общественности, он был вызван на допрос Комитетом по расследованию антиамериканской дсятельности, показав там, что ни в каких заговорах он никогда не участвовал. В частном порядке ему были тогда предъявлены наиболесе уличавшие его доказательства (все они сохранены в официальных архивах), и через три дня его нашли мёртвым. Он был похоронен по еврейскому обряду, но вскрытия тела произведено не было, и обстоятельства его смерти остаются столь же загадочными, как и его личность.

Семь лет спустя (в сообщении от 3 января 1955 г.) Внутренний комитет по вопросам безопасности Конгресса США установил, что:

1) Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт и их сообщники из коммунистического подполья в правительстве обладали властью оказывать решающее влияние на американскую государственную политику и политику международных организаций во время Второй мировой войны и в годы непосредственно по её окончании; «это как раз тот решающий и особо опасный „период всеобщего смятения“, о котором мы уже говорили ранее: последние годы большой войны и первые годы по её окончании»;

2) Они обладали властью оказывать решающее влияние на создание и деятельность Организации объединённых наций и её подчинённых учреждений;

3) Их власть не была ограничена их официальными должностями. Она заключалась прежде всего в доступе к руководящим правительственным деятелям и влиянии не этих последних, а также в их возможностях предоставлять или скрывать информационные материалы, на которых должны были основываться политические решения их начальников;

4) Хисс, Уайт и значительное число их коллег, помогавшие в решающий период времени делать международную политику Америки и политику международных организаций, были разоблачены, как тайные коммунистические агенты».

Это заключение комитета Конгресса могло бы выглядеть, как хороший конец довольно печальной истории, поскольку в прежние времена подобные разоблачения и их опубликование парламентскими инстанциями имели бы последствием, прежде всего, отстранение виновных в создавшемся положении, а затем ряд мероприятий, направленных на устранение обнаруженных недостатков. В данном случае, однако, автор этих строк может засвидетельствовать (поскольку он сам находился в течение многих лет этого периода в Америке), что если и были какие то попытки исправить положенне, то лишь совершенно недостаточные. Главной причиной этого было то, что весь процесс расследований и разоблачений сопровождался яростной кампанией в печати, но отнюдь не против заговора и его виновников, а, наоборот, против тех, кто всё это расследовал и разоблачал.

Здесь мы наблюдаем повторение того периода после французской революции, когда грязная клевета изливалась на Морса, Баррюэля и Робисона. Если будущий историк станет перелистывать пожелтевшие страницы газет этого периода, то он увидит, что на каждое слово, направленное против разоблачённого или осуждённого заговорщика, приходятся десятки тысяч оскорблений против тех, кто требовал расследования и исправления создавшегося положения; он увидит целые столбцы похвал по адресу г-на Хисса рядом со статьями, полными клеветы по адресу раскаявшегося заговорщика, Уиттакера Чамберса, самозащита которого против возведённой на него со стороны участников заговора клеветы привела к осуждению Хисса. Со временем вся эта буря обрушилась на голову возглавлявшего расследованне сенатора Джозефа МакКарти (как в своё время она бушевала вокруг Мартина Дайса, пока его не удалось вытеснить из политической жизни), а для обмана широких масс было изобретено новое слово: «маккартизм» (т. е. требование расследования и исправления злоупотреблений) путём бесконечного повторения стал в глазах широкой публики чем-то гораздо более худшим, чем государственная имена.

Поэтому важнейшим событием истории США после Второе войны следует считать осуждение американским сенатом деятельности сенатора МакКарти в 1954 г. За два года перед тем, в 1952 г.,

впервые после 20 лет, президентом был избран кандидат от республиканской партии, генерал Эйзенхауэр. Возвращение к власти, посли перерыва в два десятилетия, воодушевило республиканцев, а победа генерала Эйзенхауэра в значительной степени обусловливалась его обещанием покончить с проникновением коммунистической агентуры в правительство, имевшим место, как показали проведённые расследования за долгий период правительства Рузвельта и унаследованным его преемником Труманом. В 1954 году, однако, новый президент нашёл нужным высказаться, что он «не одобряет методов» сенатора МакКарти, дав тем самым понять, что он «одобрит» его осуждение (того же настойчиво требовал и т. н. Американский Еврейский Комитет, влиятельное еврейское лобби в Соединённых Штатах по сей день, удивляться чему особенно не приходится, поскольку громадное большинство разоблачённых советских агентов были евреи).

Это осуждение состоялось, после чего сенатор МакКарти, как и многие до него, сошёл с политической сцены, а правило, согласно которому всякое «расследование» не иначе, как злонамеренно, вновь было возведено в степень политического принципа. Американским избирателям пришлось, таким образом, убедиться, что кажущийся «выбор» между двумя кандидатами во время президентских выборов фактически таковым не является, по крайней мере в вопросе борьбы с подрывной деятельностью и изменой. После одобренного тогдашним президентом осуждения, всякие расследования и разоблачения прекратились. Отныне агенты мирового заговора снова могли беспрепятственно продолжать свою подземную подрывную работу, как во время Второй войны её вели, главным образом, г-да Альджер Хисс и Гарри Декстер Уайт. Это делает американскую политику в любой следующей войне совершенно непредвидимой и чреватой катастрофически опасными последствиями.

В вопросе подрывной деятельности современные «премьеры-диктаторы» выполняют функции, предназначенные им ещё в «Протоколах» 1902 года, представляющих собой убедительнейший документ мирового заговора, агентами которого были субъекты типа Гарри Декстера Уайта. В протоколе 19 говорится, что когда их цели будут достигнуты, а мировое сверх-правительство окончательно установлено, всякая попытка подорвать его будет поставлена в один ряд с «воровством, убийством и любым иным видом грязного и отвратительного преступления», и добавляется, что «мы сделали всё возможное, чтобы не дать в руки национальных государств такого средства борьбы с изменой. Именно с этой целью мы рекламировали в печати, в официальных выступлениях и косвенными методами… мученичество, якобы принимаемое на себя подстрекателями и изменниками во имя идеи общего блага([41].

Хисс долгие годы преподносился мировой печатью, независимо от её партийной принадлежности, как мученик; сенатор МакКарти, употребивший упомянутые «средства борьбы с изменой», изображался, как грубое животное. Эта власть над печатью, установившаяся за последние 20 лет (писалось в начале 50-х годов — *прим. перев.*), парализует все попытки национальных государств бороться с предательством: печать стоит между ними и предателями. «Протоколы» 1902 г. предсказывали: «Нам будет обеспечена верная победа над нашими противниками, ибо в их распоряжении не будет органов печати, в которых они могли бы полностью и окончательно выразить свою точку зрения».

В Америке, являющейся в настоящее время ключом к будущему всего Запада, дело ещё более осложняется наличием органа, обладающего правом решительного вмешательства в этой области. Верховный Суд США, решающий споры по конституционным вопросам между центральным правительством и сорока восемью правительствами отдельных штатов, часто решает вопросы, которые в прочих парламентарных государствах подлежали бы компетенции законодательных учреждений (т. е. парламента). Далее, члены Верховного Суда являются политическими, т. е. партийными назначенцами, а вовсе не обязательно профессиональными юристами или хотя бы лицами, обладающими юридическим образованием. Опасность, заключающаяся в политическом контроле со стороны

[41] «Протоколы», составление которых датируется 1897 г. (Первый сионистский конгресс в Базеле: 1902 г. был годом первого их опубликования в России), имели в виду нашумевшее в те голы «дело Дрейфуса» во Франции: еврей-офицер французского генерального штаба был признан двумя военно-судебными разбирагельствами виновным в государственной измене и присуждён к пожизненной каторге. В результате беспрецедентной еврейской пропагандной кампании он был помилован президентом (не получив судебного оправдания), реабилитирован, повышен в чине, награждён крестом Почётного легиона и превращён в «национального героя». Дело Дрейфуса разожгло во Франции атмосферу гражданской войны, привело к смене нескольких правительств и всего военного командования, подорвало авторитет армии и чрезвычайно ослабило военную организацию страны — результат, полностью отвечающий намерениям «Протоколов», и своего рода генеральная репетиция всех последующих аналогичных событий, включая афёры Хисса, Уайта и пр.

подобного органа, очевидна, и она стала особенно ясной в решении Верховного Суда от 2 апреля 1956 г., когда он большинством голосов отменил осуждение коммуниста по законам штата Пенсильвания против измены. В своём решении Верховный Суд указал, что «вопросы измены» подлежат компетенции одного только Конгресса США и что в этой области «не остаётся места» для законодательства отдельных штатов или же их мероприятий против измены. К этому времени 42 из общего числа сорока восьми штатов имели собственные законы против измены, и если это решение Верховного Суда не будет отменено особым актом Конгресса, то в 42-х штатах одним ударом окажутся сметёнными все препятствия на пути к предательству, и единственной защитой страны от него останется центральное правительство, которое, как убедительно показали события 40-х и 50-х годов, сверху донизу пронизано изменниками. Решение Верховного Суда полезно, поэтому, сравнить с цитированным выше местом из «Протоколов».

И, наконец, Вторая мировая война привела к возрождению Лиги Наций, которая в своё время возникла из т. н. «Лиги принуждения к миру». Эта организация никогда не была настоящим союзом народов, будучи лишь инструментом для контроля над ними в руках тех, кто держал власть в руках. Цитированные выше заключения Сенатского Комитета США показали роль, которую играли г-да Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт и их сообщники в создании и организации ООН. Не подлежит сомнению, что в их намерения входило «распространение революции» на весь мир, согласно ленинскому плану, и превращение этой организации в «сверх-правительство», предвиденное «Протоколами». Тень международного режима концлагерей уже витает над её проектом «конвенции о геноциде», квалифицирующей причинение «душевного вреда» не указанным точно «группам», как уголовное преступление.

Как будет выглядеть наше будущее, зависит от того, смогут ли национальные государства одержать победу в «борьбе с изменой». Во время Второй мировой войны, как и во время первой, все ведущие политики и «премьеры-диктаторы» стран западных союзников с самого начала втайне согласились создать мировую организацию и подчинить ей их собственные национальные государства. Это был их план, а не воля их народов, чьё мнение никто никогда не спрашивал. Ни один народ никогда не выражал желания раствориться в некоем «мировом государстве», управляемом неизвестно кем. Наоборот, национальное чувство, не ослабевающее несмотря ни на какие испытания и поражения, было сильнейшим проявлением человеческого духа в 20-м столетии, оно несомненно будет расти, пока не прекратится обман народов и не потерпят окончательное фиаско все попытки обезличить их. Тем не менее, лидеры военного времени, свободные от всякого общественного контроля над их совещаниями, обменом телеграммами и телефонными переговорами, в течение всей войны продвигали осуществление проекта нового мирового порядка, руководство которым по окончании войны оказалось в руках господ Хисса и Уайта. В биографии Бернарда Баруха можно прочесть, что Рузвельт вынашивал эту идею задолго до того, как стать президентом, и даже уже нашёл для неё название «Объединённых Наций». У самого же Баруха, бессменного советника президентов, амбиции были пристине космические; его биограф цитирует его неоднократное высказывание: «Конечно, мы можем переделать весь мир». Полное отсутствие чувства человеческого смирения — наиболее характерное качество этих переоценивающих свои способности смертных. Черчилль в этом отношении производит столь же отрицательное впечатление, насколько исследователям этой эпохи импонируют его попытки отвратить печальный конец войны. В деле перестройки мирового порядка он был столь же неисправим, как и все другие, а его временами самоуверенная фразеология («Я не для того стал премьер-министром Его Величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи») плохо согласуются с его энергичной поддержкой плана именно такой «ликвидации» всех национальных государств.

Так в те годы, когда готовился катастрофический конец бушевавшей войны, все эти лидеры военного времени были заняты проектами переделки мира и мирового правительства. Они не в состоянии были довести войну до истинно победного конца, но были готовы перестроить весь мир: По словам Черчилля (октябрь 1944 г.), (вопросы всемирной организации навязывались теперь нам всем». Из далёкой от событий Южной Африки снова раздался призыв генерала Сматса не забыть включить в эту мировую организацию и советскую Россию; а в Вашингтоне президент Рузвельт не оставлял сомнений в том, что революционное коммунистическое государство, помогавшее Гитлеру развязать войну, должно стать «полноправным и признанным членом любого объединения великих держав в целью предотвращения международных войн». Рузвельт предвидел период «разногласий» и «компромисов», пока «ребёнок» не научится ходить. Для Черчилля же этот «ребёнок» представлялся «всемирным инструментом», и с тех пор это лишённое всякого смысла выражение стало ходячим среди лидеров военного времени. Так с помощью ещё одной мировой войны вновь возродилась «Лига

принуждения к миру», а многочисленные агенты мирового эвговора прочие окозались на руководящих постах её центрального органа и вспомегатеаьных учреждений, чего и следовало ожидать в свете того, что стало теперь известным: г-да Хисс и Уайт были главарями этого могущественного клана.

Ленинский завет о «распространении» революции путём Второй мировой войны осуществился. Это произошло вовсе не в результате успешной пропаганды и «убеждения» народов (там, где национальным государствам было позволено решать свою судьбу самим — как в Венгрии в 1919 г. и в Испании в 1936-39 гг. — коммунизм оказался выброшенным за борт), а потому что заговорщикам удалось пролезть в руководство Западом, фактически упразднить все законы по борьбе с предательством и изменой, и завладеть направлением политики, экономики и военных действий.

Глава 42
Месть талмудистов

Вопреки возражения гос. секретаря США Хэлла и военного министра Стимсона, как и со стороны министерства иностранных дел Англии, политика англо-американского руководства привела к тому, что Вторая мировая война закончилась «миром возмездия» или вернее, поскольку месть противоположна миру и никогда не может к нему привести, местью победителей, посеявшей, как в своё время и Версальский «мир», семена новой войны. Ответственность за это ложится на обоих «премьеров-диктаторов» Запада, Рузвельта и Черчилля, подписавших ялтинскую «хартию мести», сколько бы они ни критиковали этот документ впоследствии. В нём «христианский» Запад совместно с варварским «Востоком» порешили варварскую месть над Европой. Целью настоящей главы будет выяснить, на ком лежит главная и первоначальная ответственность, поскольку оба эти политика впоследствии утверждали, что они действовали по настоянию иных или же под давлением не названных лиц, либо же вообще не отдавали себе отчёта в том, что подписывали: трудно найти лучшее доказательство фактического бессилия этих якобы всесильных руководителей военного времени.

В январе 1943 г. на совещании в Казабланке Рузвельт впервые задал тон «слепого возмездия» (Хэлл), «неожиданно потребовав безоговорочной капитуляции» противника. В их ветхозаветном звучании эти слова означали, что никакого «мира» с врагом не будет заключено вообще, что ставило на голову все «принципы», провозглашённые ранее западными лидерами. Государственный секретарь Хэлл отмечает, что ни он, ни его департамент не были поставлены в известность об этом неожиданном сальто-мортале в американской политике, и что равным образом был «ошеломлён» и сам Черчилль: британский же Форин Оффис настоятельно просил от употребления этого термина воздержаться. Тем не менее, тот же Черчилль (согласно его собственному заявлению в Палате общин после войны) был за его употребление, «но лишь после того, как его употребил президент, не посоветовавшись со мной». Черчилль добавил, что «если бы британский кабинет был об этом спрошен, он высказался бы против»; тем не менее; в течение долгих лет он настаивал на необходимости совещаний в том же духе «на высшем уровне» между московским диктатором и обоими западными лидерами, не взирая на этот печальный опыт.

Так в 1943 г. в Казабланке впервые было решено отпраздновать возмездие. На основе этого в сентябре 1944 г. был выдвинут «план Моргентау», явно задуманный в Москве, представленный Гарри Декстером Уайтом его министру, и затем подсунутый м-ром Моргентау Рузвельту, который, вместе с Черчиллем, скрепил его своими инициалами: дух этого «плана» пронизывал решения Ялтинской конференции и протоколы её совещаний. Сколько бы ни поражался ему впослеаствии Рузвельт («он не мог понять, как он вообще мог поставить под этим свои инициалы») и ни сожалел о нём Черчилль («у меня не было времени детально познакомиться с планом Моргентау… я сожалею, что поставил свои инициалы под ним»), им трудно верить, поскольку оба подписали ялтинское соглашение, законное детище плана Моргентау, хартию мести побеждённым. Подписывая её, оба западных политика причинили Западу больший вред чем всё, что могла наделать война; разрушенное бомбами можно отстроить вновь, но разрушенные духовные ценности, плод усилий христианских народов за 19 веков их развития, восстановить труднее, «Восток» не потерял на этом ничего, ибо месть всегда была его варварской традицией, нарушенной правлением царей, но восстановленной в 1917 году. На христианском Западе дело обстояло иначе. В течение долгих столетий Европа постепенно смогла облагородить ведение войны, дикие обычаи древности сменились рыцарским кодексом к концу царствования Людовика XIV, запрещавшим бессмысленные убийства или жестокое обращение с невоюющим населением, как и грабёж его собственности, и предписывавшим неприкосновенность белого флага сдачи и обращение с убитыми, ранеными и пленными противника, как со своими

собственными солдатами. Из всего этого со временем выросла международная организация, взявшая на себя, под знаком креста, миссию заботы о каждом солдате, независимо от его национальности или чина. Этот кодекс гуманного ведения войны был вероятно наилучшим первым шагом к окончательному прекращению всех войн, на что обращало свои надежды человечество. Описание войн, которые велись согласно этому кодексу, облагораживает: описание тех, которые им пренебрегали, наполняет отвращением.

Войны 19-го столетия в Европе велись во всё большей мере под знаком этого кодекса чести, и их аннаналы свидетельствуют о стремлении человечества к возвышенным идеалам, даже в кровавом деле войны. Так было во время Крымской войны, такими же были и три войны Пруссии против Дании, Австрии и Франции. Их честно вели, и их честно закончили. Тёмным пятном в военной истории Запада остаётся гражданская война в Америке, где победители также праздновали возмездие над побеждёнными. Возможно, что и здесь этого не произошло бы, если бы не убийство президента Линкольна, миротворца и объединителя, на другой день после победы: в тени этого до сих пор нераскрытого преступления вероятно скрываются те же самые революционные заговорщики, которые давно уже управляют событиями в этой стране. За одним этим исключением, войны велись в гуманном духе в Европе и повсюду, куда ступала нога европейца. На пороге нашего столетия разыгралась англо-бурская войта в Южной Африке, и немногие выдержки из дневника бурского полковника Дениса Рейтца, непосредственно после военных действий, показывают, как согласно этому кодексу обращались друг с другом воюющие стороны, всего лишь полвека назад.

Сцена в лагере для английских военнопленных: «Один из пленных попросил поговорить с моим отцом, его звали Уинстон Черчилль … он сказал, что он не солдат, а военный корреспондент, и попросил, чтобы его на этем основании освободили. Мой отец возразил, что, когда его взяли плен, при нём был пистолет Маузера, и что поэтому он должен оставаться здесь. Уинстои Черчилль ответил, что в Судане все военные корреспонденты носили оружие для самозащиты, и это сравнение рассердило моего отца, сказавшего ему, что буры не имеют привычки убивать невоюющих…»

После бурской победы под Спион-Копом: «Мы провели следующий час или два, помогая английским врачам Красного Креста и партиям носильщиков хоронить их убитых и подбирать их раненых…» После занятия бурами Данди: «Я видел смертельно раненого командующего английскими войсками, генерала Пен на Саймсона, и мне сёстры сказали, „что он не доживёт до утра. На утро … я увидел носильщиков с его телом, эавернутым в одеяло, и я сопровождал их до маленькой английской часовни, за которой его похоронили“. Во время осады бурами Дедисмита: „Одному из наших прострелило обе ноги, а другой храбро тащил его на плечах к укрытию, под английским огнём, пока англичане не увидели, что он несёт раненого товарища; после этого они оставили еге в покое и дали ему возможность вернуться к нашим линиям, не сделав ни единого выстрела“; … „Громадный солдат вдруг вырос передо мной в темноте… нацелившись на меня штыком, но споткнулся и упал. Он был теперь в моей власти, а мой карабин нацелен ему в бок, но тут мне стало противно убивать его, как собаку, и я велел ему поднять руки вверх… „Я увидел убитого мной солдата и пришёл в ужас, т. к. моя пуля снесла ему полголовы; причиной было то, что как-то в дозоре я нашёл в заброшенной лавке несколько разрывных патронов Маузера и взял их для охоты. Я хранил их в отдельном кармане, но в спешке видимо зарядил им винтовку, не заметив этого. Эта ошибка меня очень огорчила… я никогда не стал бы пользоваться подобным оружием. Я выбросил все оставшиеся патроны в ручей… После боя: „Наших тяжело раненых мы оставили, чтобы их забрали английские санитарные повозки… Англичане, как офицеры, так и солдаты, отличались неизменной гуманностью. Мы это так хорошо знали, что никогда не боялись оставлять им наших раненых, будучи совершенно уверенными в том, что их подберут и о них внимательно позаботятся“… Мы увидели издали огни поезда, но генерал Сматс не разрешил ни завалить рельсы, ни открыть огонь по приближавшемуся паровозу, из боязни убить гражданских лиц, так что мы стояли и смотрели, как перед нашими глазами проезжали офицеры и прочие лица в вагон-ресторане… не подозревая, что на них смотрят из темноты“… По дороге к подписанию бурами капитуляции: „Мы провели целую неделю со всеми удобствами на борту английского линейного корабля «Монарх“, и английские офицеры и солдаты соревновались друг с другом в гостеприимстве. При всех их недостатках, англичане всё-таки великодушная нация… В продолжение всей поездки мы не слышали ни одного слова, которое могло бы задеть нас или оскорбить нашу честь, хотя они и знали, что мы едем подписывать поражение“.

Так ведут себя на войне культурные люди. Сегодня все твердят, как попугаи, что «следующая война уничтожит культуру», но это лишено всякого смысла, поскольку культура есть состояние духа, которое не может быть уничтожено бомбами, однако она может быть уничтожена такими действиями,

как акты мести побеждённым в 1945 году. Война, как её описывал полковник Рейтц, происходила, когда автор этих строк был ещё мальчиком, а Кодекс, которому подчинялись он и ему подобные на всех сторонах, как на войне, так и в мирное время, был тем, в котором воспитывалирь англичане того поколения[42]. Этот кодекс соблюдался ещё и в Первую мировую войну. Автор помнит, как англичане обращались с немецкими пленными, и он же помнит освобождение английских пленных из немецких лагерей во время последнего наступления: обращение было одинаковым на обеих сторонах. Раненые не имели национальности: если они попадали в плен, о них заботились так же тщательно, как если бы они были на своей стороне. Невоенные и гражданское население щадились обеими сторонами, грабёж и насилия стояли вне закона.

Что тогда привело к неожиданному отказу от этого гуманного кодекса по окончании военных действий в последней войне? Народы не изменились за 27 лет, истёкших со времени перемирия в 1918 году, они не стали ни более жестокими, ни менее сострадательными, чем раньше. Их ослепили пропагандой, скрывавшей от них истинный характер действий их руководства: а это самое руководство, по его же собственному признанию, действовало по настоянию других лиц или же не знало, что оно подписывает. Так начался разгул мести победителей 1945 года, а культурным людям не оставалось иного, как повторить слова Эдмунда Бёрка: (Всё исчезло: и чувство принципиальности, и целомудрие чести, для которой малейшее пятно было глубокой раной».

Прелюдией к этому была, задолго до окончания военных действий, бомбёжка без разбора гражданского населения уже фактически побеждённой страны, которой не было дано возможности честно капитулировать. Английские и американские политики больше всех кричали об убийствах невоенных Германией в обеих войнах, 10-го февраля 1944 г. закончилась Ялтинская конференция, на которой Рузвельт, болтая с глазу на глаз то Сталиным, сказал, что он (становится всё более кровожадным» в отношении немцев. 13 и 14 февраля англо-американские бомбардировщики часами сбрасывали бомбы на незащищённый Дрезден, переполненный беженцами, главным образом женщинами и детьми, спасавшимися от наступавшей Красной армии. Точное число убитых, сгоревших и засыпанных в развалинах в течение этого дня и ночи никогда не сможет быть установлено: оценки колеблются между 50 000 и 250 000, возможно даже ещё много больше, и, следовательно, больше, чем в Хиросиме и Нагасаки, где были сброшены первые в истории атомные бомбы также на совершенно беззащитное гражданское население; это было сделано вопреки возражениям как американского, так и британского главнокомандующих, генерала Мак Артура и лорда Луиса Маунтбаттена, указывавших, что Япония и без того на пороге окончательного поражения. Изданные до сих пор документы военного времени так и не указывают, кто отдал приказ об уничтожении Дрездена, и всё было сделано для того, чтобы не допустить общественного обсуждения этой позорной истории.

Затем последовал приказ генерала Эйзенхауэра остановить англо-американское наступление на линии Эльбы и отдать тем самым Берлин, Вену, Прагу и всю восточную Европу советской солдатне. Это было местью в равной степени врагам и друзьям, означая отдачу половины континента азиатскому порабощению, ещё более усиленной варварским приказом (результаты которого были ясны из приведейных ранее показаний свидетелей) союзным армиям силой воспрепятствовать бегству из обречённых территорий на Запад. В этот момент англо-американские пушки были повёрнуты против многих жертв Гитлера, как и против немецких женщин и детей. Наивысшего пункта это варварство достигло, когда, из лагерей, где были собраны сотни тысяч бежавших разными путями на Запад, множество было выдано обратно их преследователям. Рабство было отменено в британских колониях за более, чем сто лет до того; в Америке оно было отменено президентом Линкольном в гражданской войне 1861-65 гг.; англо-американские вожди военного времени восстановили рабство в Европе в 1945 году!

Вершиной мести побеждённым были т. н. «процессы военных преступников», самым позорным был Нюрнбергский процесс над главными руководителями национал-социалистической Германии. «Злой дух», на уничтожение которого народные массы Запада натравливались в течение шести лет

---

42 Англо-бурская война известна и своими тёмными пятнами, на английской стороне. Чтобы взять врага измором, англичане выжигали поля и массами убивали скот в бурских селениях, а чтобы принудить буров к сдаче, сажали их жён и детей в лагеря, где они умирали с голоду. Таким образом, концлагеря для заключения людей, за которыми не было никакой вины, — изобретение не только не немецкое, но даже и не советское, а английское. Английские солдаты и, в особенности, их офицеры, вероятно, вели себя в соответствии со спортивным духом, присущим английской нации, но приказы сажать женщин и детей в концлагеря приходили из Лондона, а об их источнике наверное и у Дугласа Рида было бы своё, особое мнение.

войны, не был упомянут ни в обвинении, ни в приговоре, даже в отсутствии, несмотря на то, что его заместитель Мартин Борман (смерть которого была доказана не более, чем смерть Гитлера) был в числе обвиняемых. Это любопытное белое пятно в самом конце карьеры Гитлера столь же загадочно, как и многие другие в его известной до сих пор биографии. В наши дни, когда проникновение агентов мировой революции во все партии, классы и правительства стало общеизвестным фактом, небезинтересно отметить, что в громадной литературе о нём не упоминаются его ранние политические связи, в том числе коммунистические. Венское полицейское дело о нём, по-видимому, исчезло. Будущий командующий его коричневой армии, капитан Рем, рассказывал одному офицеру СА (от которого автор этой книги слышал это впоследствии лично), что когда баварские воинские части выгнали в 1919 г. большевицкое правительство из Мюнхена, то некий Адольф Гитлер был взят в плен в составе личной охраны московского эмиссара Левине и спас свою шкуру тем, что стал осведомителем (что, возможно, и объясняет то, что Рем, хранивший этот компроментирующий секрет, был убит по приказу Гитлера вскоре по приходе последнего к власти[43]). Название, которое сам Гитлер вначале предлагал для своей партии, было «партия социалистов-революционеров»; самого себя он считал «исполнителем марксизма», но вовсе не его могильщиком, и он сам говорил Герману Раушнингу, что построил свою организацию по образцу коммунистической. Автор лично встречался с Гитлером раз или два, и изучал эту личность с близкого расстояния в течение многих лет, до и после его прихода к власти; по его мнению, труда, который полностью освещал бы эту личность и её роль, до сих пор ещё не написано.

Послевоенный период характеризовался целым рядом действий, специально разыгранных с целью особого унижения «христианского» Запада, как если бы заключённых заставляли паясничать на потеху своим тюремщикам. Так было в Нюрнберге, где советскому члену трибунала было поручено зачитать ту часть обвинительного акта, в которой говорилось об арестах мужчин и женщин в их домах и их увозе в лагеря принудительного труда. Английские, американские и французские члены суда присутствовали, таким образом, при открытом издевательстве над воспитавшим их европейским судопроизводством: за спиной советского «судьи» вставали тени чекистских подвалов, где людей расстреливали без суда и следствия, и гигантских просторов сибирской тюремной империи, где к тому времени уже в течение 30 лет эксплуатировались миллионы заключённых рабов, отправленных туда без всякой вины и даже подобия какого-либо суда.

Таковы были вершины мести побеждённым: в низинах совершались бесчисленные действия более мелочного возмездия, составляющие самые тёмные страницы недавней истории Запада. Налицо был явный возврат к варварским эпохам: кто вдохновлял его? Чья рука заставляла лидеров Запада поддерживать революционную азиатчину в разгуле её дикой мести в стиле примитивных, первобытных племене Это отмшение не было «Божьим» в христианском понятии слова; чьим оно было тогда?

Некоторые действия носили явно символический характер, свидетельствуя об авторстве или

---

43 Это сообщение, которое Дуглас Рид, разумеется, не имел возможности проверить, представляется совершенно неправдоподобным. В наиболее обстоятельном м исторически безупречном труде о Гитлере, книге Вернера Мазера «Адольф Гитлер. Легенда, миф, действительность» (532 стр., см. библиографию, раздел 6), в которой воспроизведён каждый шаг в биографии этой довольно необычной личности, не только не говорится об этом ни слова, но нет даже намёка на возможность подобной ситуации. Кратковременный период анархии и «советской власти» в Баварии (7 ноября 1918 г. — 4 мая 1919 г.) Гитлер провёл в казарме запасной части в Мюнхене, куда он был отправлен в конце ноября 1918 г. после тяжёлого отравления газом на фронте в октябре того же года. «Революция» в Баварии произошла в условиях, весьма схожих с русскими в феврале и октябре 1917 г.: деморализованное отречением императора Вильгельма и баварского короля Людвига III население Мюнхена, включая многочисленный гарнизон из запасных, не пошевелилось, когда 7 ноября 1918 г. берлинский еврей-журналист Курт Эйснер (наст. фамилия Космановский) во главе, по собственному признанию, одиннадцати (!) гл. обр. еврейских анархистов поднял уличный сброд на демонстрацию, провозгласив в Баварии республику, а себя главой ея «правительства». После того как Эйснер был в феврале 1919 г. застрелен на улице лейтенантом графом Арко, в Мюнхене была объявлена «советская власть». Три русских еврея-коммуниста (Евг. Левине, Макс Левин и Тувия Аксельрод) в компанин трёх немецких евреев (Эрнст Толлер, Эрих Мюсам и Густав Ландауэр) руководили местными подонками вроде выпущенного из сумасшедшего дома (и впоследствии в нём же умершего) «комиссара по иностранным делам», еврея д-ра Франца Липпа или 21-летнего матроса Эльхофера, назначенного «командующим Красной армии» и специализировавшегося на убийстве заложников. Как и его товарищи по запасному полку, Гитлер не мог похвастаться активной деятельностью против баварских подражателей Ленина и Троцкого, и его политическая деятельность начались, по рекомендации его офицеров, лишь по освобождении Мюнхена баварскими, прусскими и вюртембергскими «белыми» добровольцами 1-4 мая 1919 г., что не даёт, однако, ни малейших оснований подозревать его в каком либо сотрудничестве с «красными». К тому же, о наличии у русско-еврейских комиссаров «личной охраны» историкам ничего не известно: при приближении «белых» Левину и Аксельроду удалось бежать в Австрию, Евг. Левине спрятался в квартире знакомого еврея, но был выдан своими и расстрелян по приговору военного суда в июне 1919 г.

природе этой мести. Они повторяли, 30 лет спустя, такие же действия, совершённые в период революции в России: талмудистскую похвальбу, запечатленную на стене подвала в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, и причисление к «лику святых» Иуды Искариота. После Второй мировой войны члены германского руководства были повешены в еврейский День Искупления, 16 октября 1946 г., т. ч. их казнь была представлена еврейству как мардохеева месть Аману и его сыновьям. В баварской деревне Обераммергау, где на протяжении трёх столетий разыгрывались мистерии страстей Господних, актёры-крестьяне из местных жителей должны были отвечать перед коммунистическим судом за «нацистскую деятельность». Игравшие Иисуса Христа и апостолов были осуждены; оправдан был один лишь игравший Иуду.

Такие вещи не происходят случайно, и на мести Германии, как и раньше на мести России, лежит явная печать талмудистского возмездия, другими словами мести христианству, поскольку Талмуд является специально антихристианским продолжением дохристианской Торы. Разгул антихристианской мести происходил по обе стороны того, что с тех пор носило название «железною занавеса», якобы оделявшего «свободный мир» от порабощённого азиатского: в деле отместки побеждённым железного занавеса не было, ибо и Нюрнберг, и Обераммергау находились в американской зоне оккупации. Выбором еврейского Судного Дня для повешения нацистских руководителей и германских генералов политическое руководство Запада придало окончанию войны специфический аспект «еврейской мести». Форма, приданная нюрнбергскому суду, показала назначение проводившейся во время войны гигантской кампании пропагандных фальсификаций, о которой уже было упомянуто ранее. «Преступления против евреев» были выделены в особый пункт обвинения, как если бы евреи чем-то отличались от других, а в дни, когда это обвинение зачитывалось, сто миллионов человеческих существ в восточной Европе были выданы преследованиям, часть которых испытали евреи, в соответственной пропорции к их общему числу, в Германии. Из этого особого обвинения был сделан главный его пункт против обвиняемых, основанный на голословном утверждении, будто были убиты «шесть миллионов евреев», причём со временем слово «убиты» было заменено выражением «погибли». Любой независимый и беспристрастный суд с самого начала отверг бы иск, предъявленный на основании этого ничем не доказуемого утверждения. В Нюрнберге, однако, учёные юристы, которые в любом частном иске потребовали бы оправдания на основании неточности в десятой доле процента в обвинении, оперировали этой совершенно фантастической цифрой для обоснования осуждения.

Ранее уже было описано, с примерами из еврейских источников, какими методами на протяжении ряда лет евреи были «выделены» из общей массы жертв Гитлера и число их произвольно раздувалось изо дня в день: сожжения нежелательной литературы в Германии превратились в «сожжение еврейской литературы»; концлагеря, в которых 90% заключённых были немцы, превратились в «концлагеря для евреев»; в сообщении военного времени об убийстве «150 000 белоруссов, украинцев и евреев» в оккупированных немцами областях, эта фраза была изменена на «150 000 евреев» и т. д., без конца. «Шесть миллионов евреев», без тени сомнения принятые судом в Нюрнберге, были заключительным продуктом этого процесса. За шесть лет войны немцы, японцы и итальянцы, с применением самых смертоносных средств современной техники, отправили на тот свет в общей спожности 824 928 британских, англо-имперских и американских солдат и офицеров, торговых моряков и гражданских лиц. Если мы примем, что половина этого числа была убита немцами в Европе, то — если верить приведённому выше утверждению — они убили здесь же в пятнадцать раз большее число евреев. Для этого им было бы необходимо пустить в дело такое количество людей, оружия, транспортных средств, охраны и материалов, с которым они легко могли бы выиграть войну не один раз, а многократно. Эта фантастическая цифра не заслуживала бы даже упоминания, если бы с её помощью на всю Вторую мировую войну не была наложена печать «иудейской войны», и если бы это, в свою очередь, не предвещало будущих форм любой третьей войны. Только поэтому она заслуживает рассмотрения.

На протяжении всей истории, с древних времён по наши дни, истинное число живших в то или иное время «иудаистов», иудеев или евреев не поддавалось сколько-нибудь точному определению: поэтому не может быть точно определено и число их жертв при любых катастрофах, а количество еврейских жертв за Вторую мировую войну не может быть определено ещё по многим иным причинам. «Процесс всеобщей мистификации начинается уже в Книге Бытия, продолжаясь на протяжении всей Торы: например, 70 человек, взятых Иаковом с собой в Египет, расплодились за 150 лет до двух или трёх миллионов. Во все эпохи соответствующие „оценки“ обнаруживают большие, иной раз громадные колебания, и только об „оценках“ может вообще идти речь, поскольку само современное понятие „еврей“ не поддаётся ни юридическому определению, ни статистическому учёту. Выдающийся еврейский авторитет в данном вопросе, д-р Ганс Кон, пишет в своей статье в „Ежегоднике“ Британской

Энциклопедии за 1942 год:

> «В связи с тем, что во многих государствах, где в 1941 году проживало наибольшее число евреев, в переписях населения не отмечался вопрос о вероисповевании,… точное число евреев во всём мире в 1941 г. не могло быть установлено. По вопросу о том, какие лица подпадают под определение „еврейской расы" вообще не существует единого мнения… В тех странах, где переписи включали вопросы о религиозном происхождении, даже этот религиозный критерий еврейской веры с трудом поддаётся точному определению. Поэтому предположение, обычно вращавшееся вокруг цифры в 16 миллионов (во всём мире), не может считаться основанным на точных данных. К этой неопределённости относительно общего числа евреев в мире в последние годы прибавилась ещё растущая неопределённость их количественного распределения в различных странах и на отдельных континентах. Вероятно более 6 миллионов евреев проживали в Польше и в СССР».

Трудно представить себе более сомнительные основания, чем это авторитетное мнение, для каких бы то ни было «оценок» (не говоря уже о «статистике»), однако и последующий период времени, когда на этот шаткий фундамент нагромоздились дополнительные неясности в связи с войной и оккупацией, тысячи усердных пропагандистов изобретали всё новые «точные» цифры еврейских жертв, под конец сговорившись на шести миллионах! По словам д-ра Кона, «вероятно» более, 6 млн. евреев проживали в 1941 г. в Польше и СССР. В отношении последнего, эти данные не противоречат другому еврейскому специалисту вопроса, проф. Леве (H. M. T. Loewe), писавшему в Британской Энциклопедии за 1937 г., что в СССР проживало 2 700 000 евреев. Четырьмя годами ранее (1933) еврейский журнал «Opinion» определял еврейское население СССР цифрой около 3-х миллионов, официальная же «Большая советская энциклопедия» писала (1953 г.), что «еврейское население Советского Союза составляло в 1930 г. 3 020 000 чел.»

Сравнительное согласие в данных четырёх источников относительно периода 1933-1941 гг. могло бы навести читателя на мысль, что по крайней мере для одной страны (СССР) число евреев в ней на определённом отрезке времени поддавалось достаточно точному определению. Можно, однако, только констатировать, что в этих статистических джунглях буквально ничего точно определить невозможно. В 1943 г. Советский представитель, еврей Михоэльс, заявил в Лондоне (согласно последнему сообщению еврейской газеты «Jewish Times» в Иоганесбурге, Южная Африка, в 1952 г.), что «сегодня в СССР проживают 5 миллионов евреев». Эта цифра на два миллиона выше той, что указывалась за 2 года до того, и если она верна, то это очевидно означало, что большинство польских евреев после начала советско-германской войны оказались на советской территории. Однако, в том же номере «Jewish Times» ведущий еврейский журналист, Джозеф Лефтвич, определил еврейское население СССР в 1952 г. в два с половиной миллиона, что означало «потерю в 2 500 000 с 1943 г.», задав вопрос: «Куда они делись, и как?» По мнению автора этой книги, ответ гласит, что они растворились в одной лишь статистике. Это ещё далеко не конец полного конфуза в одной только этой части данного вопроса. Британская Энциклопедия издания 1937 г., сообщая вышеназванную цифру евреев в СССР в 2,7 млн. со слов еврейского знатока вопроса, указывает, что они составляли 6% от всего населения. Народонаселение СССР определялось, однако, в другом томе той же энциклопедии цифрой в 145 млн. а 6% от этого числа было бы 8 700 000 чел.!

Бросается в глаза, что энциклопедии, статистические ежегодники и альманахи только в одном этом вопросе противоречат один другому и не заслуживают доверия. Число примеров могло бы быть автором умножено (например, Всемирный еврейский конгресс определил в 1953 г. еврейское население СССР в полтора миллиона), однако путаться дальше в этом безвыходном лабиринте бесполезно. Все опубликованные цифры представляют собой лишь совершенно произвольные «оценки» и, как таковые, не имеют практической ценности. Профессиональный статистик мог бы написать целую книгу об усердных попытках наших «энциклопедистов» согласовать послевоенные цифры еврейского населения во всём мире с предвоенными, за вычетом «газированных» шести миллионов. Цифры — хитрая штука; вот несколько примеров:

Ведущий американский статистический ежегодник, «World Almanac», определял в 1947 г. еврейское население во всём мире в 1939 г. в 15 688 259. В позднейших изданиях вплоть до 1952 г. он повысил (не дав объяснения) довоенную цифру на один миллион, доведя её до 16 643 120 чел. Население 1950 г. он обозначил в 11 940 000 чел., что, если вычесть её из первой цифры, указывает сокращение почти на 4 млн. (но не на 6 млн.). Однако, даже и эту оценку ежегодник основывает на другой, а именно на том, что в 1950 г. еврейское население СССР составляло 2 миллиона. Это всё ещё

оставляет без ответа вопрос г-на Лефтвича в связи с заявлением Михоэльса, что в 1943 г. в СССР проживали 5 млн. евреев.

Столь же авторитетный британский «Whittaker's Almanac» долгие годы воевал с той же проблемой. Издания 1949 и 1950 гг. давали «оценку» мирового еврейского населения в 1939 г. в 16 838 000 чел., в 1949 г. — 11 385 200 чел., т. е. сокращение почти на 5,5 млн. Однако, сложение цифр еврейского населения по отдельным странам приводило к сумме в 13 120 000 (а не 11 385 200). Еврейское же население СССР Whittaker's за 1950 г. определял в 5 300 000 чел., против цифры в 2 000 000 за тот же год в американском World Almanac.

Оба этих справочника пользуются наилучшей репутацией в смысле проверки и аккуратности сообщаемых ими данных. Ошибки, поэтому, — не их вина: в этой области, и только в ней одной, можно получить одни лишь еврейские «оценки», а им, по понятным причинам, верить трудно. Мы упомянули о разногласиях в издании 1951 г., указав, что, начиная с 1952 г., Whittaker's не печатал дальнейших «оценок еврейского населения», по-видимому отчаявшись получить сколько-нибудь надёжные данные. Другие энциклопедии похерили этот вопрос уже в 1950 году, и, наконец, газета «Нью-Йорк Таймс», ведущая еврейская газета в мире (поскольку она принадлежит издающей её еврейской семье, а Нью-Йорк в наше время, главным образом, еврейская столица); опубликовала в 1948 году статью, явно претендовавшую на статистическую авторитетность, в которой еврейское население всего мира (через 3 года по окончании войны) исчислялось цифрами между 15,7 и 18,6 миллионами; если любая из этих двух цифр более или менее близка к истине, то это означает, что еврейское население за годы войны осталось на одном уровне или даже увеличилось.

Газетные статьи скоро забываются (если дотошный исследователь не сохраняет их в своём архиве), в то время как пропагандные фабрикации перелаются всё время дальше. Так и современные историки, весьма точные во всех остальных вопросах, передают будущим поколениям легенду о «массовом уничтожении» евреев. После войны проф. Арнольд Тойнби закончил своё монументальное «Изучение истории» (Study of History), в восьмом томе которого (1954) стояло: «Нацисты… сократили еврейское население континентальной Европы, к западу от Советского Союза, с примерно шести с половиной до всего лишь полутора миллионов, в результате массового его уничтожения». Назвав эту фразу «чисто статистическим утверждением», он тут же в сноске добавил, что она не была таковым: «нет возможности сообщить точные цифры, оснаванные на заслуживающей доверия статистике, и в 1952 г. представлялось маловероятным, чтобы нужная информация когда-либо могла быть получена». Тойнби объясняет, что его цифры основывались на еврейских подсчётах, содержавших несколько источников возможных ошибок». В заключение он пишет, что «можно оценивать» число убитых нацистами евреев в пять миллионов.

И эта оценка также лишена всякой исторической ценности. Отправным пунктом для рассмотрения этого вопроса является непреложный факт, что ни 6 млн. евреев, ни любое их количество, близкое к этой цифре, не могло быть «убито» и не могло «погибнуть», по причинам, приведённым в начале нашего обсуждения; утверждение, сделанное в этом смысле перед Нюрнбергским трибуналом, равносильно оскорблению памяти 825 000 солдат, моряков и гражданских лиц, павших на всех театрах войны; никто, кроме западных политнканов нашего века к подобному утверждению не был бы способен. Число убитых или погибщих евреев никогда не сможет быть установлено, по причинам уже упомянутым или частично отмеченным проф. Тойнби в его цитированном выше примечании. Само понятие «еврей» не поддаётся точному определению; в статистике евреи большей частью не выделяются вообще; ни в какой период времени число живущих в мире евреев не может быть установлено хотя бы с относительной точностью. Более того, всякие попытки статистического уточнения с помощью данных переписи или иммиграции немедленно объявляются «дискриминацией» или «антисемитизмом». Даём примеры:

«Иммигранты, прибывающие в Австралию, должны теперь отвечать в анкетах на вопрос, являются ли они евреями; об этом сообщает в Сиднее исполнительный комитет австралийского еврейства, заявивший перед иммиграционными инстанциями протест против этой практики» («Джуиш Таймс», Иоганнесбург). В Англии, «за отсутствием официальной статистики невозможно сделать более, чем приблизительную оценку… точное количество евреев в Англии остаётся тайной» («Зионист Рекорд», Иоганнесбург). В Соединённых Штатах президент Рузвельт, под непрестанным давлением, вынужден был отменить требование проставлять в иммиграционных анкетах обозначение «еврей», а в 1952 г. «Антидиффамационная Лига» совместно с Американским Еврейским Комитетом развернули яростную кампанию против т. н. Акта Мак Каррана-Уолтера в Конгрессе, восстановившего это требование. В конечном итоге, этот «Акт» был принят, несмотря на вето со стороны президента

Трумана, но даже и после этого строгое соблюдение восстановленного требования не могло прояснить положения, поскольку никому из иммигрантов не возбранялось обозначать своё происхождение «британским» или любым иным, вместо «еврейского».

Это положение в области статистики наблюдается в настоящее время почти без исключений во всём мире, т. ч. весь вопрос продолжает оставаться секретом, и это явно делается умышленно. Никто не в состоянии даже ориентировочно определить, какое количество евреев умерло во время войны не по естественным причинам, в результате военных действий или бомбёжки, а насильственной смертью от руки нацистов, или от любой другой. Автор этих строк склоняется к мнению, что каково бы ни было число евреев в занятых Гитлером странах, количество жертв на их стороне должно было быть более или менее пропорциональным их доле в общем населении, польском. Чешском или любом ином. Автор мог убедиться в том, что такого же мнения придерживались и лично известные ему лица, пережившие немецкие концлагеря и оккупацию. Испытав достаточно сами, они сожалели о еврейских жертвах, как и обо всех других, но отказывались понять, почему вдруг евреи должны быть выделенными из всех остальных, а число их жертв столь чудовищно преувеличено. Непонятная им причина этого стала ясной с повешением нюрнбергских жертв в еврейский Судный День: этот символический акт определил весь характер оккупации в первые её годы по обе стороны разделившей Европу границы, и даже всю будущую внешнюю политику Запада далеко за пределами Европы. Талмудистское возмездие знаменовало собой начало новой эры западной истории, в ходе которой все национальные интересы должны будут подчиняться интересам одного только еврейства, представляемого местечковыми талмудистами из России. Автор этих строк сохраняет описание, данное ему свидетелем, того как нюрнбергский приговор был объявлен 30 сентября и 1 октября 1946 г. (между еврейским Новым годом 26 сентября и еврейским Судным днём 5 октября), и был приведён в исполнение после полуночи, утром 16 октября, в день Хошана Рабба, когда еврейский бог, по истечении того срока, в который он проверяет свой приговор на каждом живом существе и может ещё простить грешников, произносит своё окончательное суждение. В описании говорится: «…все думали, что приговор будет объявлен раньше, чем это произошло в действительности, но ряд незначительных обстоятельств задержал его, пока не было установлена дата его объявления около 15-го сентября… Тогда X, один из членов суда, высказал возражения по поводу литературной формулировки одной из частей приговора… было приблизительно подсчитано, сколько времени займёт переделка и её размножение, после чего была установлена окончательная дата». Мы не сообщаем имени «члена суда» (по английским законам на это нужно его разрешение). В результате этой задержки для литературных поправок, объявление приговора пришлось на священные дни еврейского года, а исполнение его состоялось в день возмездия Иеговы. Нечто вроде этого уже было предсказано автором в книге, написанной во время войны после того, как Антони Иден сделал 17 декабря 1942 г. заявление по вопросу о евреях в Палате общин, ограничив ими одними свою угрозу, что «ответственные за эти преступления не избегнут возмездия». В Америке Рузвельт также сделал заявление в аналогичном духе.

Нюрнбергский процесс послужил образцом для многочисленных других процессов «военных преступников» более мелкого масштаба; их описание, с юридической и моральной точек зрения, может быть найдено в книгах гг. Монтгомери Бельджиона, Ф. Дж. П. Виля и покойного капитана Расселя Гренфелля. Часть правды о них просочилась наружу в ходе последних лет. Американское ведомство по пересмотру судопроизводства, созданное в результате многочисленных требований и протестов, опубликовало в 1949 г. отчёты о некоторых из американских военно-полевых судов в Дахау, где было вынесено 297 смертных приговоров. В этих материалах описываются инсценированные «процессы», куда обвиняемых приводили с мешком на голове и с петлёй на шее и где их «судили» перед бутафорскими «алтарями» с Распятиями и свечами; их подвергали пыткам, чтобы вынудить «сознания», которые затем предъявлялись на действительных процессах, в то время как обвиняемые продолжали считать инсценированные судилища настоящими.

Самым большим был «процесс Мальмеди» в 1945…46 гг., на котором были приговорены к смерти 43 обвиняемых. Здесь речь шла об убийстве солдатами частей СС американских пленных под Мальмеди в 1944 г., и со стороны американского обвинения можно было ожидать злых чувств против всех, кто оказался бы действительно виновным. Кто помнит, однако, безукоризненное поведение американских войск в Германии после первой мировой войны, не удивится тому, что мучителями взятых в плен германских солдат в Мальмеди были вовсе не американцы. Это были австрийские евреи, приехавшие в США перед началом Второй войны, которых в эру Рузвельта быстро приняли в американскую армию и нарядили в американские мундиры. Присутствовавший на этих процессах настоящий американец (опытный судебный репортёр) демонстративно покинул службу в Ведомстве военных преступлений,

став свидетелем садистского зверства одного из таких инквизиторов во время инсценированных судилищ. Главный американский обвинитель на процессе в Мальмеди, полковник по чину, признался в Сенатском подкомитете что об инсценировке «процессов» ему было известно; он считал это допустимым, если настоящий суд был поставлен в известность о методах, с помощью которых были добыты признания обвиняемых, которые, по его мнению, должны были также знать, что эти псевдоюрилнческие «чёрные мессы» были комедией, «поскольку им не было дано защитников». Назначенная для расследования американская комиссия юристов установила в 1949 г., что признания были добыты «при помощи инсценировок, во время которых одно или несколько лиц, одетых в американскую форму, изображали из себя судей, в то время как другие, также одетые в американскую форму, играли роли обвинителя и защитника обвиняемых». В результате, некоторые из смертных приговоров были смягчены. Председатель комиссии юристов, судья Гордон Симпсон из штата Техас, доложил Сенатскому подкомитету, что методы судопроизводства «не были американскими» (они наверняка не были также и британскими), будучи выработанными «на лондонской конференции четырёх держав, предписавшей как вести процессы военных преступников»: ответственность, таким образом, снова ложилась на лондонских и вашингтонских политиков, вернее на те группы, которые оказывали на них соответствующее давление. Судья Симпсон подтвердил также, что в американской армии «не нашлось достаточно квалифицированных американцев» для ведения этих процессов, запятнавши доброе имя западного правосудия, «и что поэтому пришлось привлечь к ним эмигрантов из Германии»[44].

Эта сторона вопроса получила дополнительное освещение в январе 1953 г., когда двое личностей были арестованы американскими властями в оккупированной Вене по обвинению в передаче секретных американских военных материалов советским органам, в сговоре с секретарём советского посольства в Вашингтоне. Оба были венскими евреями, прибывшими в Америку в 1938 и 1940 гг. будучи соответственно в возрасте 16 и 26 лет. В любой иной войне они находились бы под наблюдением, как «иностранцы из враждебной страны», однако в эру Рузвельта они получили назначения в американской

---

44 «Процесс Мальмеди» — позорнейшая страница в истории американскою послевоенного «правосудия» в побеждённой Германии. Ни о каком убийстве пленных полком 1-ой танковой дивизии СС (ком-р полка — штандартенфюрер, т. е. полковник войск Пейпер) не могло быть речи. На второй день последнего германского наступления на западном фронте («Арденнская операция»), 17 декабря 1944 г., передовой отряд из 5 танков полка Пейпера столкнулся южнее бельгийского города Мальмеди с американской броне-артеллерийской батареей с 200 солдат и офицеров, уничтожив её с большими потерями для американцев. В районе боя, продолжавшегося 10-15 мин., остались 71 убитых американцев, и когда после неудачи германского прорыва в Арденнах этот район вновь был занят союзниками, британская радиостанция ВВС распространила ложное сообщение, что это были американцы, убитые немцами после сдачи в плен.

По окончании войны в оккупированной Германии началась охота за военнослужащими 1-ой танковой дивизии СС. Более 1100 чел. были заключены в тюрьму в гор. Швебиш-Халль, где от них добывали «признания» с помощью средневековых пыток (забивание спичек под ногти с последующим зажиганием) и не поддающихся описанию издевательства и унижений. Команда «следователей» состояла из немецких евреев-эмигрантов в американских формах во главе с полковником Розенфельдом и ст. лейт. Перль. «Признания» удалось выпытать лишь у немногих 18-летних солдат, но пытки привели к нескольким случаям самоубийства и помешательства. Достаточно отметить, что назначенная впоследствии для пересмотра всех дел американская сенатская комиссия установила 139 случаев одних только неизлечимых повреждений половых органов.

«Процесс Мальмеди» начался в мае 1946 г. в лагере Лахау под руководством «юридического советника армии США», того же полк. Розенфельда, хотя в составе суда было несколько американских генералов. Суд отклонил показания взятого в плен в описанном выше бою под Мальмеди американского подполковника МакГауна, бывшего непосредственным свидетелем боевых действий полк. Пейпера и его подчинённых, но принял на веру заявление (под присягой, как свидетеля!) главного садиста Перля, что он пальцем не тронул ни одното из заключённых. 16 июля 1946 г. были вынесены приговоры 73 обвиняемым, в том числе 43 смертных.

В результате энергичного вмешательства американского защитника обвиняемых на процессе, юриста подполковника Эверетта, который с помощью сенатора МакКарти дошёл до федерального суда США, ни один смертный приговор в исполнение приведён не был и в конечном итоге все приговорённые были по прошествии нескольких лет освобождены.

Главный обвиняемый, полковник войск СС Пейпер — один из храбрейших германских офицеров второй войны, кавалер Рыцарского Креста, командир полка в 30 лет, благороднейшая личность, которую не могли сломить ни пытки, ни унижения: на процессе он предложил взять на себя одного кесуществующую вину при условии сохранения жизни его бывшим подчинённым; суду, однако, одного повешенного было мало. Главный обвинитель на процессе, американский подполковник Эллис (нееврей), требовавший в 1946 г. смертной казни для Пейпера, написал ему 20 лет спустя (1966) письмо, равнозначное извинению, в котором он засвидетельствовал, что всегда считал полковника «достойным джентельменом» (a fine gentleman).

«Заинтересованная сторона», однако, не упускала Пейпера из виду, ожидая удобного случая для отправления собственного «правосудия»: в 1976 году (через 30 лет после «процесса Мальмеди»!) Пейпер был зверски убит и сожжён в доме на юге Франции, где он проживал последние годы. Убийцы и мотивы преступления остались, разумеется, «невыясненными».

армии, как «дружественные иностранцы». В 1945 г. их назначили «сотрудниками американских обвинительных органов на процессах военных преступников». После их ареста, как советских агентов и шпионов, один из руководителей Американской военной администрации в Вене отметил, что «это сходится с имеющимися данными о том, что слишком многие из американцев, действовавших в Нюрнберге, было либо коммунистами, либо использовались последними». По его словам, «когда процессы закончились, то сотни сотрудников американского обвинения в Нюрнберге разъехались в разных направлениях, многие из них поступили на службу в Госдепартамент США или же в учреждения Объединённых Наций». К тому же времени стало известно, что в 1949 г. в кратких докладах американскому верховному комиссару в Германии Мак Клою о происходившем судопроизводстве «были обнаружены серьёзные ошибки в переводах с немецкого и других языков на английский в документах судопротводства, во многих случаях эти ошибки были нарочито сделаны лицами, уличёнными с тех пор в коммунистических связях». Этот факт никогда не был опубликован, его разоблачение беспристрастным расследованием доставило бы западному политическому руководству много неприятностей. Как будет показано в конце настоящей главы, по окончании войны нацистские концлагеря продолжали действовать под контролем коммунистов; описанными выше методами они превратились в обвинителей и судей по делам преступлений, в массовом порядке совершавшихся ими самими.

Месть побеждённым практиковалась в одном духе и теми же методами по обе стороны демаркационной линии. Советские солдаты-азиаты, наводнившие Германию, особо подстрекались Ильёй Эренбургом из Москвы расправляться с беременными женщинами: что иное мог означать призыв этого животного «не щадить даже ещё нерожденных фашистов»? Жившая затем в Берлине американка, г-жа Френсис Февьелл, описывает свой ужас, когда она прочла дневник её экономки Лотты с описанием «изнасилования Лотты и тысяч других женщин, даже 65-летних старух, вшивыми монгольскими солдатами, не раз, но множество раз, женщин с детьми, цеплявшимися за их платья… В дневнике были записаны „все даты и подробности, записанные при свете фонарика, убийства тех, кто пытался защитить старых женщин, извинения русского офицера, увидевшего трупы… его объяснения Лотте, что солдатам были даны двое суток свободы грабежа… Мне в жизни не приходилось читать чего-либо более ужасного, я вся похолодела, закончив это чтение“. Свобода грабежа! — таковы были человеческие результаты политических соглашений, сопровождавшихся сорока пятью восторженными тостами в Ялте.

На западной стороне практиковалась та же месть побеждённым. В августе 1947 г. член английского парламента Найгель Берч обнаружил в одном из концлагерей около 4000 немцев, всё ещё содержавшихся там бессрочно, без суда и какого бы то ни было обвинения. Первым вопросом, когда кого-либо из них вызывали к допросу, было: (знали ли Вы о преследованиях евреев?» В том же духе продолжался весь допрос, иные преследования интереса не представляли; в то же время легионы человеческих существ гнали обратно под советский террор, от которого они пытались спастись. Английское и американское правительства не оставляли у немцев сомнений о характере практиковавшегося ими возмездия… Одним из первых мероприятий союзных верховных комиссаров был «закон против антисемитизма». Так было распространено на Запад то, что лучше всего определяло природу большевицкой власти в России — «закон против антисемитизма», введённый 27 июля 1918 г. По этому англо-американскому указу немцев сажали в тюрьму и конфисковали их собственность ещё 10 лет спустя; в 1956 году австрийский еврей, к тому времени давно проживавший в Англии и получивший британское гражданство, подал в суд на немца по западно-германскому закону, унаследованному от оккупационных властей и каравшему «антисемитские высказывания или предубеждение против евреев».

Подобные законы способны подавить любое открытое обсуждение, но не могут запретить думать. Их назначением явно было исключить всякое общественное расследование о характере режима, установленного как к востоку, так и к западу от «железного занавеса». Результатом явилась «свобода грабежа» также и в англо-американской зоне оккупации, причём согласно упомянутому англо-американскому «закону против антисемитизма» уголовным преступлением было бы также и всякое открытое обсуждение нижеследующей истории, которую автор цитирует из еврейской газеты «Jewish Herald» в Иоганнесбурге:

> «Филипп Ауэрбах был человеком необычайно сильного характера и крайней смелости, сгоравший еврейской гордостью и чувством ненависти к германскому нацизму…Он был жесток и безжалостен в те дни, когда американцы ещё ненавидели Германию и готовы были выполнять его требования, помогая ему освобождать немцев от награбленного ими,

предоставив ему право подписи любых документов, неограниченное право обыскивать, арестовывать и наводить ужас… В те дни, когда Филипп Ауэрбах возглавлял мощные еврейские демонстрации в Германии после войны, его всегда сопровождали высокопоставленные американские офицеры, подчёркивая этим его авторитет. С еврейским флагам во главе этих демонстраций Ауэрбах принимал парады под звуки исполнявшегося оркестром еврейского гимна Хатиква, с десятками тысяч ди-пи в непрестанном политическом наступлении за открытие для евреев ворот Палестины, перед восстановлением еврейского государства… Никто никогда не сможет даже приблизительно оценить в денежном выражении все ценности, которые Ауэрбах вывез из Германии — оборудование, одежду, мебель, автомобили и все иные виды товаров… Он пользовался в Германии властью, уступавшей разве лишь военной администрации».

Описанный здесь субъект (которого хорошо помнят и все русские, проживавшие по окончании войны в Баварии — *прим. перев.*) был частным лицом, которое, тем не менее, могло использовать для своего грабежа американские вооружённые силы. Его преступления были настолько явными, что со временем даже еврейским организациям пришлось от него отмежеваться (говорят, кстати, что он грабил евреев не хуже, чем христиан), хотя скорее по необходимости, а отнюдь не из моральных соображений. На восьмом году по окончании воины (1952), когда «свободному миру» потребовалась поддержка западной Германии, Ауэрбах был арестован по обвинению «включавшему вывоз из Германии бесконечного количества товаров по поддельным документам, в чём по-видимому были замешаны также еврейские офицеры американской армии и еврейские благотворительные организации».

В 1952 г. западную Германию заставили платить «репарации» новому сионистскому государству, т. ч. открытое разоблачение грабительской деятельности Ауэрбаха, при поддержке американской армии было невыгодным. Цитированное выше обвинение было поэтому опущено, как пишет «Джуиш Геральд», «несомненно ввиду возможных осложнении политического характера». Без этого, любые фальсификации вряд ли смогли бы оправдать платёж немцами дани русским местечковым сионистам в Палестине. Ауэрбаха судили (вместе с попавшимся на том же деле раввином) по сравнительно маловажным обвинениям в растрате общественных фондов на сумму в 700 000 долл., шантаже, взяточничестве и подделке расписок. Он получил два с половиной года тюрьмы и впоследствии покончил с собой. Американская и английская печать поместили об этой истории краткие и маловразумительные сообщения. Не упустив отметить, что она указывает на возрождение «антисемитизма» в Германии. Разумеется это было эхом на сообщения еврейской печати, которая, после самоубийства Ауэрбаха, в тоне обвинения вопрошала: «На ком его кровь?» и т. п. Другими словами, общим правилом к тому времени стало, что осуждение любого еврея по любому обвинению, будь он виновен или невиновен, само по себе являлось «антисемитизмом». «Джуиш Геральд», например, считал обвинения Ауэрбаха морально позорными и неоправданными, поскольку они относились к периоду времени, когда «обычные правила поведения никем не соблюдались, меньше всего евреями, которые совершенно справедливо игнорировали немецкие представления о том, что хорошо и что плохо». Игнорировавшиеся евреями принципы были однако не только немецкими, но общепринятыми во всём христианском мире, или, по крайней мере они были таковыми до тех пор. Единственным протестом против этих фальсификаций, который удалось найти автору, был со стороны еврейского корреспондента газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс», случайно оказавшегося жертвой ауэрбаховских махинаций; поступи он со стороны одной из его немецких жертв, или же американских, или английских свидетелей, ни одна западная газета его не напечатала бы.

Народы Запада не знали в то время, разумеется, ничего об этих событиях в оккупированной англичанами и американцами Германии; если бы они даже и знали о них, они вряд ли особенно протестовали бы, ибо в этот период они были ещё полностью под влиянием пропаганды военного времени, в особенности в вопросе нацистских концентрационных лагерей. Видимо, они совершенно забыли, что концлагеря были коммунистическкм изобретением (см. прим. № 1 к настоящей главе), скопированным Гитлером, и что, чем дальше красным армиям разрешали проникать вглубь Европы, тем более было обеспечено дальнейшее процветание этой системы. Их чувства были воспламенены ужасающими картинами кинохроник, показывавшихся им на миллионах экранов по мере того, как союзные армии продвигались в Германию, со штабелями истощённых трупов, сложенных как дрова, в этих лагерях. Автор был в числе этих зрителей, и с большими сомнениями слушал комментарии вокруг себя. Пропаганда военного времени — один из самых коварных ядов, и автор полагает, что эти кинозрители 1945 г., которыми течение долгих лет не показывалось правдивой информации, потеряли всякую способность, а возможно даже и желание объективно оценивать то, что они видели.

Большинство из них принимало показанные им трупы за трупы евреев, ибо это вдалбливалось им печатью день изо дня. Они постоянно читали о «нацистских газовых камерах для евреев»… о «нацистских крематориях для евреев», и лишь немногие из них дали себе труд прочесть впоследствии воспоминания заключённых, чтобы разобраться в том, кем эти жертвы были в действительности. Дадим лишь один пример: немецкая коммунистка-еврейка, проведшая 5 лет в концлагере Равенсбрук (г-жа Маргарита Бубер-Нейман, жена убитого в московском НКВД немецкого коммуниста Гейнца Неймана) свидетельствует, что первыми жертвами были больные, инвалиды и неработоспособные, называя в числе следующих жертв на первом месте поляков, затем чехов, балтийцев, венгров и прочих. Другими словами, горы трупов были жертвами того же бессердечия, как и живые, которых западные союзники гнали обратно в район советских концлагерей; что же касается «нацистских» концлагерей, то историческая правда, которую стремится установить настоящая книга, требует констатировать, что к тому времени, когда союзные армии вступили на территорию Германии, они фактически находились под внутренним коммунистическим контролем, евреи были в числе мучителей, и антикоммунизм мог привести заключённого скорее в камеру смерти, чем антигитлеризм. Ещё десять лет тому назад (т. е. в начале 40-х годов — *прим. перев.*) подобное высказывание потонуло бы в гомерическом смехе, если бы оно смогло вообще быть опубликовано. В наши дни, однако, уже достаточно стало известным об иллюминатско-коммунистических методах проникновения во все классы, партии, церкви, организации и учреждения, чтобы у многих появилось желание — так, по крайней мере, кажется автору — подождать, без предвзятого мнения, конкретных доказательств; автор постарается ниже их представить.

Ленинским лозунгом было превращение всех войн в гражданскую войну, что означало, что заговорщики должны были воевать не за победу их страны, но исключительно за успех революции. Захват концентрационных лагерей изнутри обеспечивал наилучшую помощь этой стратегии, ибо концлагеря были полны людей, которые, пережив их, стали бы насмерть бороться с коммунизмом, как они ранее боролись против гитлеризма. Наш мир никогда не был в состоянии правильно понять этого аспекта сопротивления Гитлеру, как он никогда не мог правильно понять и самого Гитлера. Кто внимательно прочтёт настоящую книгу, сможет понять глубокое значение слов, сказанных им Герману Раушнингу: «Я обязан масонству собственным просвещением и идеями, которых я никогда не смог бы получить из других источников» (почти точные слова Адама Вейсхаупта)… (Я очень многому научился у марксизма… весь национал-социализм основан на нём»[45].

---

[45] В годы написания настоящей книги среди историков уже высказывались многочисленные сомнения в достоверности книги Германа Раушнинга «Беседы с Гитлером (заглавие немецкого издания после войны), которые однако в то время подавлялись „заинтересованной стороной“), поскольку его (разоблачения» приводились на Нюрнбергском процессе как доказательства виновности нац.-соц. руководства в подготовке мировой войны. За истёкшие 30 лет неопровержимо доказано, что книга Раушнинга от начала и до конца — фальсификация. Её окончательное разоблачение было сделано в 1983 г. швейцарским историком Вольфгангом Хэнель (H(nel, см. библиографию, раздел 6). Утверждение Раушнинга, что он «более ста раз» лично беседовал с Гитлером, было легко опровергнуто многочисленными воспоминаниями и документацией германских архивов, из которых явствовало, что Раушнинг — видный национал-социалист в Данциге перед войной — виделся с Гитлером всего 4 (четыре!) раза исключительно по данцигским вопросам, постоянно в присутствии третьих лиц и ни разу с ним лично не беседовал.

Раушнинг был после первой мировой войны одним из лидеров национальных кругов в Данциге, ставшем по Версальскому договору «свободным городом» вне новых границ Германии. Став впоследствии активным нац.-социалистом, он претендовал на возглавление этой партии в городе, пока не вошёл в конфликт с её местным главой Форстером. Не получив поддержки у нац.-соц. руководства в Германии, он был исключён Форстером из партии и ушёл в 1938 г. в эмиграцию, где связался с кругами коммунистов-эмигрантов и немецкой литературной (гл. обр. еврейской) эмиграции. Постоянно нуждаясь в деньгах (большая семья и лечение по причине слабого здоровья), он стал летом 1939 г. добычей известного антинацистского активиста в Париже еврея Имре Ревеса (Imre Revesz, в эмиграции Emery Reves), эмигрировавшего из Германии после того как его бюро службы печати в Берлине было разгромлено 1 апреля 1933 г. штурмовиками СА в ответ на объявленный еврейством всемирный бойкот Германии. В Париже Ревес располагал неограниченными средствами, возглавляя антигерманскую кампанию в мировой печати, в тесном контакте с Черчиллем и «военной партией» в Лондоне. Ревес предоставил Раушнингу «помощь» со стороны своих сотрудников в написании в рекордный срок книги, которая вышла в свет в Париже в конце 1939 г. под заглавием «Гитлер сказал мне…» («Hitler ma dit…() и с подзаголовком „Доверительные сообщения Фюрера о его планах завоевания всего мира“ („Confidences du Fuehrer sur son plan de conqu(te du monde“). За это совместное творчество Раушнинг, по свидетельству Ревеса, получил наличными 125 000 франков, „больше чем какой-либо автор когда-либо во Франции“; книга была немедленно переведена на все языки и издана в 20 странах Европы и Америки, сопровождаясь необычно громкой рекламой, организованной Ревесом.

Сама книга представляет собой смесь собственных идей автора в нац.-соц. духе, искажённых цитат из «Мейн Кампф», приписанных Гитлеру чужих слов и выдумок противников «фюрера», а также самого Раушнинга, не имея ни малейшей исторической ценности. Приписываемые Гитлеру масонские и коммунистические влияния и связи — плод фантазии автора и его «помощников», не стеснявшихся в переводах искажать в «нужную» сторону даже немецкий текст рукописи самого Раушнинга.

В своём захвате изнутри концентрационных лагерей, коммунисты обрели помощь в политике безоговорочной поддержки революции, проводившейся лидерами западного мира; она давала им власть и авторитет среди заключённых, которые они использовали в своих целях. Автор с удивлением услышал однажды рассказ одного молодого британского офицера, сброшенного с парашютом в Югославию, о том, как для Тито сбрасывались целые контейнеры с золотыми соверенами (иметь которые английским гражданам не разрешалось). Нет сомнений, что попытки Черчилля ограничить проникновение Советов в Европу путём вторжения союзников с юга парализовались его упорным насаждением коммунизма в Югославии. Своему эмиссару к Тито Черчилль дал следующую инструкцию: «Чем меньше Вы и я заботитесь о том, какой режим они у себя установят, тем лучше». Результатом политики Черчилля было установление там коммунистического режима; англичане предали в Югославии своего антикоммунистического союзника, генерала Михайловича, который был впоследствии расстрелян Тито. Совершенно то же имело место и в Греции. Майор Стенли Мосс, сброшенный в греческой Македонии как офицер связи и начальник саботажных отрядов, был свидетелем того, как коммунисты захватывали контроль над партизанами с помощью настоящего золотого дождя, поливавшего их; он пишет, что «когда пришёл день победы в Европе, весь мир поразился тому количеству золота, которое было в распоряжении (греческих) коммунистов. Ни копейки они не получили из России, всё было дано им западными союзниками. Много лет подряд сюда направлялся золотой поток для содержания партизанских войск и общих нужд ведения войны, однако коммунисты использовали лишь малую часть его для борьбы с немцами. Нам было известно задолго до того, как будет выглядеть будущее… и тем не менее мы не в состоянии были его предотвратить» (майор Мосс ошибается только в одном: «весь мир» и не думал «поражаться количеству золота», которое коммунисты получили от союзников, п. ч. ему никогда об этом не было сообщено ни слова). Такая же картина наблюдалась во всех занятых немцами странах Европы. Подполковник британской авиации Ио-Томас, посланный во Францию с секретным заданием изучить методы и организацию французского движения сопротивления, безрезультатно предупреждал Лондон: «Целью коммунистической партии является массовое восстание французов в день вторжения союзников на континент… чтобы захватить господство после освобождения. Тем временем в передачах радио Би-Би-Си высмеивались французы, боявшиеся коммунистического призрака» . Последствия были описаны в книге Сислея Хэддлстона в 1952 г.: в период «освобождения» Франции коммунистами были убиты более ста тысяч антикоммунистов.

Неудивительно, что в подобных условиях внутренняя власть в «нацистских» концлагерях также была захвачена коммунистами, т. ч. когда западные кинозрители смотрели картины «освобождения» этих лагерей, они в действительности имели перед глазами то, что их армии помогли превратить в постоянную институцию в Европе к востоку от Эльбы. Правда вышла наружу в 1948 году, однако трудно предположить, чти хотя бы один из миллиона упомянутых кинозрителей что-либо об этом узнал. В этом году революционный главарь Югославии, известный под псевдонимом «маршала Тито», разругался с главарями в Москве. Для коммуниста это было опасным делом, и он решил защититься средством лучшим, чем армия телохранителей, а именно опубликовав кое-что из известного ему в расчёте на то, что Москва оставит его в покое, не желая дальнейших разоблачений. Он инсценировал судебный процесс, о котором широко сообщалось в Югославии, но не говорилось ни слова на Западе. Были расстреляны 13 его ближайших сотрудников-коммунистов из правительственного и партийного руководства за участие в массовых убийствах заключённых в знаменитом нацистском лагере в Дахау.

Правда просачивается наружу самыми странными путями, хотя в нашу эпоху тотального контроля печати она не просачивается очень далеко. В этом случае её орудием оказался пожилой австрийский генерал Вильгельм Шпильфрид, переживший заключение в Дахау. Он хотел сообщить всему миру о том, что там происходило, и сумел прихватить в общей суматохе при роспуске лагеря (по прибытии союзных войск) картотеку Гестапо из конторы начальника лагеря со списком убитых и того, как они были убиты, с подписями работников Гестапо, ответственных за каждый такой случай. Среди обнаруженных таким образом агентов лагерного Гестапо были несколько руководящих сотрудников

При всём внешнем сходстве многих сторон обоих тоталитарных режимов (тайная полиция, концлагеря, преследование церкви и религии и т. д.), тезис Д. Рида о скрытом сотрудничестве коммунистов и нацистов в мировом плане совместной работы на торжество всемирной революции (не высказанный автором прямо, но напрашивающийся из приводимых им примеров с комментариями) представляется мало убедительным. Разумеечея, это нисколько не умаляет справедливости приводимых Д. Ридом ниже описаний засилья коммунистов в нацистских лагерях (подтверждаемого также Маргаритой Бубер-Нейман, см. библиографию, раздел 6), как и многочисленных фактов сотрудничества заключённых евреев с лагерной администрацией с целью спасти собственную шкуру ценой предательства своих сотоварищей.

«маршала Тито». Со временем генералу Шпильфриду удалось опубликовать небольшую часть этого материала; остаршаяся часть всё ещё ждёт издателя, который отважился бы её напечатать.

«Тито» (некий Иосиф Броз) был сам кремлёвским агентом, начиная с 1933 г. Отдав своих ближайших сотрудников под суд, открывшийся в Любляне 20 апреля 1948 г., он занёс меч возможных дальнейших разоблачений над кремлёвскими владыками. В числе обвиняемых были:

Оскар Юранич — генеральный секретарь титовского мин-ва иностр. дел; Бранко Диль — генеральный секретарь министерства народного хозяйства; Стане Освальд — руководящий сотрудник министерства промышленности; Янко Пуфлер — управляющий государственным химическим трестом; Милан Степишник — начальник госуд. металлургического института; Карл Барле — руководящий работник в звании министра; Борис Крейни и Миро Кошир — профессора Люблянского университета, и несколько других коммунистических заправил. Все они были в прошлом членами итернациональных бригад в Испании и агентами НКВД. Все, как полагается, признали свою вину, но то, как они пытались защищать свои поступки, заслуживает интереса. Они оправдывались, утверждая, что они не убили и не причинили вреда ни одному коммунисту. «Я никогда не ставил под угрозу ни одного из наших, я никогда не сделал ничего худого партийному товарищу». Они подтвердили, что они неизменно выбирали кандидатов на смерть из числа людей консервативных или либералов, католиков, протестантов или православных, евреев или цыган при условии, что жертва не принадлежала к коммунистам. Это деловое сотрудничество в концлагерях между гитлеровскими Гестапо и его прототипом, советским НКВД выразилось прежде всего в следующем: в лагерях были созданы «антифашистские комитеты», и если бы Гитлер и его Гестапо были искренни в своих заявлениях, то первыми кандидатами в газовые камеры были бы, разумеется, члены именно этих комитетов; вместо этого их признали представителями лагерных заключённых и создали им привилегированное положение, после чего они охотно принимали участие в убийствах товарищей по лагерю. Это было наилучшим путём для сокращения числа антикоммунистов в послевоенной Германии.

Следует заметить, что и в этом вопросе западная общественность была безнадёжно заведена в тупик многолетней пропагандой, представлявшей «нацистов» как злейших врагов «наших советских союзников», в то время как между теми и другими наблюдалось разительное сходство. Некий Карл Штерн, немецкий еврей, эмигрировавший в Америку и перешедший в католичество, пишет (см. библиографию) о своих собственных заблуждениях в этом отношении в те годы, когда он служил в психиатрическом институте в Германии до войны: «Два врача-нациста открыто исповедывали т. н. теорию перманенгной революции Троцкого. Эта теория была мне неизвестна… но то, что её проповедывали именно эти люди, было совершенно новым и весьма удивительным… Я сказал им как-то: господа, насколько я понимаю, в Вашей теории политической стратегии Вы в значительной степени следуете Троцкому. Не кажется ли Вам странным, что Вы, национал-социалисты, цитируете большевика и еврея Троцкого, как если бы он был Вашим апостолом? — Они расхохотались, глядя на меня как на политического простака, каковым я несомненно и был… Оба принадлежали к весьма сильному в то время крылу в нацистской партии, стоявшему за союз коммунистической России с нацистской Германией против того, что они называли западным капитализмом… Подчас трудно было различить, говорили ли они на нацистском или на большевицком жаргоне, и в конечном итоге разница была невелика». В результате нацистско-коммунистического сотрудничества росли горы трупов в лагерях, которые впоследствии показывались на экранах внешнему миру. Этот кино-журналигм дословно выполнял сказанное много раньше Дж. К. Честертоном: «Журнализм — это ложная картина действительности, проектируемая на освещённом экране в затемнённой комнате, из которой настоящего мира не видно».

Главный обвиняемый в Любляне, коммунист Юранич, признал: «Да, я убил сотни и даже тысячи людей, и принимал участие в медицинских экспериментах, что было моей работой в Дахау». Диль показал, что его задачей было принимать участие в опытах с кровеостанавливающими средствами, для чего он стрелял отобранным для опытов заключённым в упор в грудь. Пуфлер описал впрыскивание жертвам малярийных бацилл с целью наблюдения за реакцией, отметив, что «они мёрли, как мухи, и мы докладывали врачу или офицеру СС о результатах». Эти признания не были ложными. Они подтверждались фактами и не могли быть оспорены, поскольку те же «доклады» начальству отмечались и в захваченных генералом Шпильфридом документах из канцелярии начальника лагеря. Пуфлер объяснил, как коммунистическим подручным Гестапо удавалось скрыть свою работу от других заключённых: когда они сами возвращались из лабораторий или крематориев в лагерь, они выдумывали сказки, как им удалось чудом или с помощью хитрости спастись; поскольку ни одна из настоящих жертв никогда обратно не возвращалась, уличить их было невозможно. Всех этих субъектов поставили

к стенке, однако вовсе не за их преступления. Их хозяин сбросил их, как пешки, в своей игре с Кремлём. Они точно исполняли главный закон революции («все войны должны быть революционными войнами»), пользуясь представлявшимися им возможностями уничтожать политических противников, а вовсе не «врагов». В иной форме, они лишь повторяли то, что делали их хозяева в Москве, убивая пулями в затылок 15 000 польских офицеров в Катынском лесу и других, до сих пор не обнаруженных местах: они подрывали человеческую основу национальных государств, пролагая дорогу всеуничтожающей революции.

Разоблачения люблянского процесса подтверждались во множестве пунктов многочисленными воспоминаниями бывших заключённых, переживших концентрационные лагеря. Одо Нансен, сын знаменитого норвежского полярного исследователя, описывал свои наблюдения в лагере Саксенхаузен за полтора года до окончания войны:

«Просто удивительно, как коммунистам удавалось верховодить здесь: после эсэсовцев, они пользовались полной властью в лагере, привлекая коммунистов всех национальностей и ставя их на руководящие места… Многие из норвежских заключённых стали здесь коммунистами. Помимо непосредственных выгод, связанных с этим, они наверняка считали, что советская Россия будет после воины командовать парадом и что поэтому полезно вовремя окраситься в нужный цвет. Прошлой ночью я разговаривал с нашим старшим из блока, коммунистом. Если он и его товарищи придут к власти, будет не только расплата, но воцарятся ещё гораздо большие жестокости, чем мы их испытали со стороны СС. Со всем моим гуманизмом я не в состоянии был пробиться сквозь эту ледяную глыбу ненависти и жажды мести, это упорное стремление, до времени скрытое, к новой диктатуре».

Подполковника авиации Ио-Томаса, сброшенного с парашютом во Франции, чтобы помочь французскому «резистансу», немцы поймали и посадили в лагерь Бухенвальд. Один английский офицер, уже сидевший там, сказал ему по прибытии: «Никому не говорите, что вы — офицеры, а если кто-либо из вас занимал до войны руководящую должность, то помалкивайте об этом. Всё внутреннее управление в лагере в руках коммунистов… Бухенвальд — наихудший лагерь во всей Германии: шансы выжить здесь практически равны нулю». Подполковник Ио-Томас пишет: «Все трое главных внутренних управляющих лагеря, т. н. лагерные старосты, были коммунисты». Под их наблюдением «заключённым прививали тифозные и другие бациллы, причём наблюдалась их реакция на различные впрыскивания, почти всегда, оканчивавшаяся смертью. Из группы в 37 офицеров выжили только трое, остальных повесили на крюках у стены крематория и медленно задушили. Троим выжившим „приходилось бояться своих солагерников почти так же, как они раньше боялись немцев: если бы коммунисты узнали, что офицерам удалось избежать виселицы, они наверняка донесли бы на них“.

Коммунисты управляли лагерями, пытали и убивали свои жертвы. Если и была какая-либо разница между ними и гестаповскими тюремщиками, то лишь в том, что они были много хуже, ибо они предавали и убивали тех, кто считался их товарищами в борьбе против общего врага. Поскольку восточные евреи повсюду играли решающую роль в коммунизме, естественно, что евреи были в числе замешанных в этих действиях. Само по себе, это вовсе неудивительно, ибо евреи могут быть, как и все остальные, хорошие и плохие, жестокие или гуманные; но это тщательно скрывалось от общественности, которой рисовалась картина лагерей смерти, заполненных почти исключительно евреями, которых терзали потерявшие человеческий облик «нацисты». В действительности, евреи составляли лишь малую часть лагерного населения; главными мучителями и палачами были в последние три года войны коммунисты, мотивы которых были показаны выше; а среди этих мучителей были и евреи.

В архиве автора сохранились сообщения еврейской печати о «процессах» евреев, разоблачённых прежними заключёнными-евреями из лагерей Освенцима, Вланова, Мюльдорфа и других. Есть достаточно причин ставить при этом слово «процессы» в кавычки. За одним только исключением, все эти «Процессы» проводились раввинскими судами в западных странах или же в суде в Тель-Авиве. Они считались чисго еврейским делом, не касающимися прочего человечества, и если вообще выносились какие либо приговоры, то об этом не сообщалось ни в одной газете, хотя действия обвиняемых мало чем отличались от того, что разбиралось на процессе в Любляне. Было ясно, что если такие действия вообще совершались, то судить их можно было только по еврейскому закону — если они вообще подлежали суду — а христианским законам во всех этих историях не было места. С тех пор, как сионистам удалось восстановить «еврейскую нацию», это является господствующим представлением, нашедшим в частности отражение в сообщении газеты «Zionist Record» в 1950 г., в котором говорилось, что функцией «главного бюро общественной информации при Исполнительном комитете австралийского еврейста» было скрывать от нееврейской общественности неблаговидное поведение

отдельных евреев, совершивших малые или большие проступки». Эта «функция» соответственных еврейских учреждений выполняется постоянно и во всех без исключения западных странах.

В Тель-Авиве еврейские свидетели обвинили врача-еврея и двух евреек в смертельных впрыскиваниях заключённым в Освенциме, повреждении половых органов, проведении медицинских экспериментов и отправке жертв в камеры смерти. В другом случае, врач-еврей (служивший в городской больнице) был обвинён в Тель-Авиве в 1951 г. несколькими евреями-свидетелями в жестокостях, совершённых им в лагере Вланов, где он был «помощником немецкого начальника лагеря». Свидетельница-еврейка показала, что он избил её до потери сознания, а когда она пришла в себя, то она нашла застреленными своих трёх сыновей в возрасте 12, 15 и 18 лет. Она показала далее, что за две недели до того обвиняемый приказал украинским лагерным полицейским забрать 30 заключённых, в том числе её мужа, которые все были застрелены. Газеты сообщали в нескольких строчках об этих обоих случаях, однако никаких результатов судебного разбиразельства автору этих строк обнаружить не удалось.

Еврейский суд из трёх членов (состав, предписанный левитским законом) выслушал в Нью-Йорке обвинения об стороны одного еврея против служителя синагоги, убившего заключённого в лагере в Мюльдорфе, где истец был старшиной барака. В газетном сообщении говорилось, что суд пошлёт свои заключения «еврейской общине» в городе, где проживал обвиняемый, «не делая никаких предложений и не предлагая никаких санкций»; «это означало, что если бы он и оказался „военным преступником“, то его общине предлагалось действовать по собственному усмотрению. Во всех этих случаях было само собой разумеющимся, что рассмотрению подлежали только жестокости по отношению к другим евреям» что если обвиняемые совершали то же по отношению к нееврейским заключённым, то это им в преступление не вменялось.

Несколько иным, но в основном того же характера, было и дело, слушавшееся в одном из израильских судов в 1954-55 гг. Одним венгерским евреем была распространена в Израиле брошюра, обвинявшая некоего д-ра Израиля Кастнера, высокопоставленного чиновника и ведущего кандидата (на выборах 1955 года) израильской правительственной партии большинства, в сотрудничестве с нацистами в Венгрии во время войны, в подготовке убийства евреев, спасении нацистского военного преступника от наказания и т. п. Кастнер немедленно подал на своего обвинителя в суд за клевету, и после девятимесячного разбирательства израильский судья вынес решение, что все обвинения подтвердились. В этом решении говорилось, что д-р Кастнер был нацистским коллаборантом «в полном смысле этого слова» и что он «продал душу дьяволу»; комментарий израильского премьера того времени, Моше Шаретта, гласил, что «любое действие оправдано, в том числе и продажа души дьяволу, если это нужно для спасения евреев» (заметим, что Кастнер обвинялся в предательстве евреев нацистам). Израильское правительство объявило, что оно подаст через государственного прокурора апелляцию против этого решеция, и автор этих строк не в состоянии был обнаружить никаких дальнейших последствий этого дела, если таковые вообще имели место.

Итак, в то время, как всему миру трубилось о «военных преступниках» и их процессах, еврейские «военные преступники» представали только перед еврейскими судами и, если их постигало какое-либо наказание, то общественности об этом не становилось известным. А в тору известен лишь один случай (возможно, что другие ускользнули от его внимания), когда такие евреи были в числе обвиняемых на «процессе военных преступников. Еврейское Телеграфное Агентство (Jewish Telegraph Agency) сообщало 8 мая 1946 г. что „вчера были объявлены приговоры по делу 23-х охранников концлагеря Брендаук под Антверпеном, одного из менее известных нацистских узилищ; в числе охранников были 3 еврея: Вальтер Облер, Лео Шмандт и Салли Левин. Облер и Левин приговорены к смертной казни, Шмандт — к 15 годам заключения“. Уже упоминавшийся нами г. Джозеф Лефтвич в дискуссии с А. К. Честертоном об „антисемитизме“, задал по поводу этого процесса вопрос: „Что он доказывает? Что зверя в человеке можно найти повсюду, и что евреи не более застрахованы от этого, чем любая иная группа людей“. Это, разумеется, вполне правильно, но не имеет отношения к установленному нами факту, что во время последней войны мировой общественности была преподнесена совершенно ложная картина преследования одних только евреев неевреями, и что, к нашему общему вреду, мировые события нашего века систематически извраиваются пропагандой.

Глава о еврейских пособниках Гитлера оказывается довольно длинной. Английский посол в Испании во время войны, лорд Темпльвуд, писал: «Месяц за месяцем, генерал Франко» (по слухам, сам из семьи еврейского происхождения) «превращал испанскую печать в самый громкий рупор немецкой пропаганды. Ни одной из наиболее известных газет не разрешалось действовать самостоятельно, каждая должна была вторить голосу своего хозяина. Этим хозяином в данном случае оказался восточный еврей

весьма тёмного происхождения, по имени Лазар… В Вене он в своё время верно служил Гитлеру, как фанатический пропагандист „аншлюса“. С тех пор он стал в нацистском мире большим человеком… В германском посольстве в Мадриде он обладает большим авторитетом, чем сам посол, и ежедневно не только направляет общую линию испанской печати, но и лично редактирует тексты новостей и статей. Его сотрудники сидят в редакциях испанских газет, и ни одно слово не достигает испанских читателей без его разрешения. Умело мешая грубый приказ с открытым подкупом, он сумел сделать испанские газеты ещё более ядовитыми, чем газеты, издающиеся в Германии».

Автор лично хорошо знал этого Лазара — заговорщика весьма обходительного, улыбчивого и светского типа, и через него впервые познакомился с еврейским элементом в числе гитлеровских посвящённых высших степеней. Знакомство с ним состоялось впервые в 1937 г., когда он был «секретарём по делам печати» при австрийской миссии в Бухаресте. Австрия в те голы была штаб-квартирой автора и жила в ежедневной боязни нацистского вторжения, которое и состоялось в 1938 году, а её заграничные представители считались австрийскими патриотами и ярыми анти-нацистами; если речь шла о евреях, то это представлялось вдвойне верным. Прежде всего автора поразило, что обедневшая маленькая Австрия могла позволить себе роскошь держать «пресс-секретаря» в балканской столице, второй неожиданностью был шикарный образ жизни Лазара и его развлечений. Автор полагал, что, как и многие другие, примостившиеся на краю дипломатии («пресс-секретарство» на Балканах всегда слыло сомнительным делом), он хорошо подрабатывал на стороне, что в Бухаресте не считалось необычным.

Лазар сам, однако, был типом весьма необычным, хотя и отнюдь не в области гешефта с мехами или коврами, как это поначалу смутно подозревал автор. Его благосостояние имело, как вскоре показали события, политический источник, а именно нацистский. Когда Гитлер захватил Австрию, журналистов собрали на пресс-конференцию в знаменитом «Бальном Доме» на площади того же имени в Вене, чтобы познакомить их с нацистской версией события. Когда открылась дверь, вошёл официальный представитель нового режима, гитлеровский «порт-пароль» и хозяин печати в захваченной стране, ярый сторонник и пропагандист (аншлюса»; это был никто иной, как месье Лазар, недавний «австриец» (родившийся турецким подданным). Он сразу увидел автора, и на его наглом лице промелькнула смесь улыбки со смущением; помахав рукой, он сказал: «Халло, мистер Рид, как приятно снова с вами встретиться!» Затем он объяснил нам благие мотивы фюрера, продиктовавшие вторжение и его замечательные последствия для Австрии, Германии и всего мира. Читатель может увидеть здесь, насколько действительность отличается от ложной картины, показываемой общественности, особенно во время войны, когда люди, подобные этому субъекту, контролируют поток информации.

На фоне всех этих событий, еврейская месть побеждённой Европе достигла по окончании войны талмудистских вершин в форме двух весьма символических массовых перемещений, одного на восток и другого на запад. Из «свободного мира» союзные армии гнали беженцев от коммунизма опять в большевицкое рабство; из коммунистических стран (в которых, как правило, никто не может выехать из своего города без полицейского разрешения) свободно двинулись орды восточных евреев, перевозимых под союзной зашитой через всю Европу по направлению к Палестине. Этот двухколейный процесс наложил на послевоенное возмездие свою легко опознаваемую печать, что можно проследить в следующих цитатах:

«Saturday Evening Post» от 11 апреля 1953 г. писал: «Предъявляя это позорное (ялтинское) соглашение, как основание, агенты советского МВД ездили после войны по лагерям ди-пи, вылавливая там тысячи людей, бежавших от советской тирании. Эти несчастные жертвы загонялись в товарные вагоны и увозились обратно на смерть, пытки или медленную смерть в сибирских лесах и шахтах. Многие кончали в дороге самоубийством. Согласно тому же ялтинскому соглашению, Советам было позволено эксплуатировать немецких военнопленных на принудительном труде в счёт репараций. Этой бесчеловечности не может быть оправдания». Мисс Катрин Хэльм из Калифорнии была заместителем директора (1945…51) лагеря для беженцев в Вильдфлекене в Баварии, управлявшегося организацией, известной под названием УНРРА (Администрация Объединённых Наций по помощи и размещению). В своей книге воспоминаний она пишет, как одна из её коллег «была временно переведена в управление лагеря на юге Германии, откуда русские беженцы, в большинстве военнопленные, отправлялись по Ялтинскому соглашению обратно в СССР. Она рассказала нам, как русские пленные перезывали себе вены на руках и вешались. Даже после того, как у них были отобраны все опасные предметы, они находили пути к самоубийству. Ей было непонятно, как Сталину удалось втолковать Рузвельту и Черчиллю, что у немцев были вовсе не русские военнопленные, а одни только дезертиры».

А теперь другая сторона картины: каково было обращение с одной единственной группой,

выделенной из общей массы жертв Гитлера и заключённых Сталина? Мисс Хэльм рассказывает:

> «… а потом приехали евреи. В нашем северном районе у нас ещё никогда не было еврейских лагерей… Евреи составляли менее одной пятой всего населения ди-пи в нашей зоне, но это было столь нахальное меньшинство, что если бы мы судили об оккупации только по газетам, у вас создалось бы впечатление, что в них одних заключалась вся проблема перемещённых лиц… С ними приходилось обращаться, как с сырыми яйцами, это в особенности предписывалось при переводах их из одних лагерей в другие. И горе тому из работников УНРРА, который оставил бы на виду хоть один виток колючей проволоки в тех лагерях, куда их переводили. Для них была создана особая категория снабжения, как „преследовавшихся", они были единственными ди-пи, кроме больных, которые получали, не работая, особый паёк… Вдоль дороги, делившей лагерь на две части, было маленькое немецкое поселение. Еврейские представители… подняли крик, что это было самой большой опасностью для них; УНРРА должна дать им оружие для вооружения еврейской полиции с целью защиты от этих немцев, живших посреди них. Мне и в голову не приходило, что через две недели все эти немцы рады будут работать на евреев, и я уступила, пообещав ходатайствовать о вооружении лагерной полиции… Еврейская полиция щеголяла в зелёных шерстянных формах, со звездой Давида на шапках… Всё было заранее предвидено и организовано… На стенах их канцелярии красовались воинственные плакаты, изображавшие молодых евреек в окопах, бросавших гранаты в арабов. Еврейская полиция практиковалась в стрельбе из винтовок, которые мы достали для них для „защиты" от немцев, которые теперь выполняли в лагере тяжёлую физическую работу. Еврейские мастерские работали на полный ход, изготовляя военные шинели из прекрасного шерстяного материала и прочные кожаные ботинки с подошвами на гвоздях, приспособленные для плохих дорог. Мы могли лишь догадываться, что всё это предназначалось для Израиля, и в конечном итоге, какими-то таинственными путями, вся эта продукция туда и отправлялась; ни одного из наших ди-пи в этом обмундировании мы не видели… Над всей этой кипучей деятельностью развевался невиданный нами ранее флаг с голубыми полосами и Давидовой звездой на белом фоне».

Мисс Хэльм описывает, как они показывали этот лагерь делегации раввинов из Америки: «Мы демонстрировали большой лагерь, подготовленный как маклеры готовят к показу свои объекты, и это несомненно был наилучший лагерь для ди-пи во всей Европе… Но раввины только неодобрительно качали головами, им всё это было недостаточно хорошо». Она пишет, что специальный американский закон по вопросу о «перемещённых лицах» был полон оговорками и западнями, делавшими его неприменимым по отношению к обычным ди-пи; «только евреи, утверждавшие, что они подвергались преследованиям в одной из восточно-европейских стран, могли проскочить через эти западни». Мисс Хэльм сообщает, что американские полу-официальные и пользовавшиеся правительственной поддержкой организации поставляли мастерские, оборудование, материалы и «особые дополнительные пайки», предназначавшиеся для одних только евреев.

Некий подполковник Иуда Надич описал в южноафриканской газете «Jewish Times» от 4 февраля 1949 г., какими методами водворялось в завоёванной Европе это нахлынувшее в неё новое привилегированное сословие; раввин Надич был «советником по еврейским делам у генерала Эйзенхауэра при американских вооружённых силах в Европе, и тесно сотрудничал с ним во всех вопросах, касавшихся ди-пи и других еврейских проблем». Он пишет: «К чести Эйзенхауэра нужно отметить, что когда ему было доложено об ужасных условиях в лагерях ди-пи» (в 1945 году), он немедленно принял меры к улучшению этих условий. Были изданы указания об увеличении продовольственных пайков для преследовавшихся, в отличие от всех остальных ди-пи для евреев были организованы специальные лагеря; для еврейских ди-пи, проживавших вне лагерей, были созданы преимущественные условия, был назначен специальный советник по еврейским делам и оказана полная поддержка Совместному Распределительному Комитсту (т. н. «Джойнт»), а затем и Еврейскому Агентству. В британской зоне генерал Мантгомери не допускал всего этого, в результате чего в американскую зону изливался непрестанный поток еврейских ди-пи. Лично Эйзенхауэр часто посещал лагеря с целью инспекции, его приезды подымали дух у ди-пи, напоминал офицерам на низших ступенях о желаниях их главнокомандующего. Недостаточно усердные офицеры подвергались взысканиям, включая одного из высших генералов».

«Желанием» генерала Эйзенхауэра было, согласно этому авторитетному свидетелю, чтобы с евреями обращались, как с привилегированным классом. Если он следовал советам своего еврейского (советника», то этому не приходилось удивляться, поскольку для раввина Надича несколько евреев в числе каждой сотни ди-пи были единственными «преследовавшимися», и притом «в отличие от всех

остальных ди-пи». Это свидетельство раскрывает функции особенно характерной для нашей эпохи должности «еврейского советника».

Так к 1945 году из всего обширного гитлеровского «преследования политических противников», начатого в 1933 году, осталось одно лишь «преследование евреев». Пропагандой было вычеркнуто всё, кроме этой малой части; цитированное нами свидетельство объясняет, почему мисс Хэльм могла из своего лагеря ди-пи писать: «если бы вы судили только по газетам… у вас создалось бы впечатление, что в одних евреях заключалась вся проблема перемещённых лиц». В то время как миллионные массы пострадавших были забыты или отправлены обратно на преследования, которых некоторым из них удалось на время избежать, эта одна группа была под защитой и с помощью Запада снабжена, одета, вооружена и отравлена для вторжения в маленькую страну в Аравии.

Азиатский восток поставлял этих захватчиков: христианский Запад направлял их. В этом предприятии не было никакой разницы между «свободным» миром и порабощённым за «железным занавесом», наоборот, цели были одними и теми же, а их достижение тщательно координировано. Явно действовал единый направляющий центр, которому были совершенно безразличны границы и национальные государства, друзья или «враги» военного времени, а также любые «принципы», столь громко провозглашавшиеся премьерами-диктаторами. Запад практиковал ветхозаветное возмездие также, как и «Восток», но образцом служил восток, тем самым образом, который проявился в России в 1917 г., был предсказан в «Протоколах» в 1902 г., и был виден уже в революции 1848 г. в Европе. Зачинщиков возмездия, разлившегося по Европе в 1945 г., следует поэтому искать в революционном подпольи; мы должны проанализировать эту новую революцию 1945 года, чтобы выяснить, была ли она и её руководство теми же, что и в 1917 г. (когда они были 90% еврейскими) и в 1848 г. (когда Дизраэли утверждал, что революцией руководили одни евреи).

Исторический анализ событий трёх десятилетий с 1917 по 1945 г. приводит к выводу, что к 1945 году европейская революция уже в течение целого столетя стояла под еврейским руководствввм, — столетия, в начале которого Дизраэли впервые точно обозначил характер этого руководства. Автор употребляет выражение «еврейское руководство революцией» для характеристики движения, направляемого восточно-талмудистским раввинатом, а отнюдь не движения, пользующегося общей поддержкой еврейства. Как уже неоднократно отмечалось, самая упорная оппозиция этому движении исходила от западных евреев, наиболее удалённых географически от талмудистского директората. Это то же различие, которое добросовестный исследователь должен делать между (национал-социализмом» и «немцами», между «коммунизмом» и «русскими».

В этом смысле, революция, продолжавшаяся три десятилетия после 1917 г., была, по убеждению автора этой книги, чисто еврейской. Еврейский характер первого большевицкого правительства и его кошмарных дел был показан выше. Теми же особенностями отличались и два его кратковременных отпрыска, насаждённых большевиками в 1919 году в Баварии и Венгрии. В обоих случаях большинство террористов были завезены в эти страны под маской «возвращающихся военнопленных», обученных как коммунистические агитаторы в советской России. Коммунистическое движение в Германии возглавлялось в те годы «Союзом Спартака» (вспомним, что «Спартак» был партийным псевдонимом Адама Вейсхаупта), руководителями которого были почти исключительно евреи: Роза Люксембург, Лео Иогихес (оба из Польши), Пауль Леви и Евгений Левине (из советской России), и Карл Либкнехт. Неудивительно, что и большевицкое правительство в Баварии оказалось под главенством евреев: Курта Эйснера, Эрнста Толлера и того же Евгения Левине.

В Венгрии главными заправилами террористического режима были сплошь обученные в советской России евреи: Бела Кун, Матиас Ракоши (он же Розенкранц), Эрно Гере и Тибор Самуэль. Открытые антихристианские эксцессы этого режима показывали его скрытые пружины. Немецкий историк Коммунистического Интернационала, Ф. Боркенау, пишет: «Большинство большевицких и лево-социалистических вождей, как и значительная часть их сотрудников и исполнителей были евреями… антисемитизм стал поэтому естественной формой реакции против большевизма». В этой весьма типичной выдержке читатель видит, что «реакция против большевизма» приравнивается к (антисемитизму»: очевидно, чтобы не быть причисленным к «антисемитам», не следовало «реагировать против большевизма».

Следующей на очереди была Испания, где революция разразилась в 1931 г. Она также руководилась эмиссарами из Москвы, многие из которых были евреями, что немало способствовало разочарованию многих ярых республиканцев. Многие католики и даже представители духовенства голосовали за республику, слишком поздно убедившись в том, что обещанные «реформы» вылились в наступление на христианскую веру, как таковую. Церкви и монастыри разрушались, за этим следовали

убийств священников и монахинь, революция вновь обнаружила перед всем миром свой специфический характгер, как это было в Баварии, Венгрии, России, и задолго до того во Франции и Англии. Официальный орган Коминтерна открыто свидетельствовал, кто был вдохновителем антихристианских эксцессов в Испании: «Пламя горящих церквей и монастырей в Испании показало истинный характер испанской революции»; отцовство революции можно было, таким образом, проследить на протяжении ещё одного поколения. Церковная собственность подверглась конфискации, однако испанский народ от этого не стал богаче; золотой запас Испанского Банка (около 700 мнллионоа долларов) был последним республиканским премьером Хуаном Негрином переведён в Москву (об этом сообщил перешедший на Запад советский чекистский генерал Вальтер Кривицкий). Убийство в 1936 г. лидера монархистов Кальво Сотело восстановило против революции даже тех испанцев, которые желали конституционного образа правления, они увидели, что в действительности ими правит чужеземная, антихристианская тирания, и в результате революция была «выплюнута из страны», как это случалось везде, куда не смогла добраться для её поддержки Красная армия со своими «политкомиссарами».

В Америке как сионисты, так и евреи-антисионисты, открыто или косвенно, признавали еврейское авторство в испанской революции. В годы, когда делались попытки договориться с Гитлером по еврейскому вопросу, судья Брандейс, бывший их ярым противником, заявил раввину Стефену Уайзу: «Германия разделит судьбу Испании». Бернард Браун (см. библиографию) писал: «…евреи несли полную ответственность как за установление республики в Исцании, так и за уничтожение авторитета церкви в этой стране, как и во всех других странах, где ещё господствует свобода».

На протяжении двух десятилетий, т. е. между первой и второй мировыми войнами, еврейские физиономии непрестанно уменьшались в числе в ряду любимых вождей, выстраивающихся на ленинском мавзолее во время больших торжеств — единственные случаи, когда закабалённый русский народ мог лицезреть своих правителей, причём даже громоподобные овации передавались с пластинок через громкоговорители на Красной площади. Мало того, евреи даже оказывались на скамьях подсудимых во время показательных процессов, или просто исчезали без всяких объяснений с политической сцены. В еврейском руководстве мировой революцией, однако, не произошло, судя по нижеприводимым цифрам и фактам, больших изменений.

В 1920 году, судя по официальным большевицким публикациям, из 545 членов руководяших партийных и правительственных инстанций 447 были евреями. Американский еврейский журнал «Опинион», уже цитированный нами, сообщал в 1933 году, что евреи занимали почти все должности советских послов, и что в Белоруссии 61% всех официальных лиц были евреями; в том же журнале отмечалось, что еврейская доля в населении (тогда 158 400 000) была «менее двух процентов». Если эта цифра верна, то число евреев в советской России составляло тогда менее 3 миллионов. В том же 1933 году, еврейская газета «Jewish Chronicle» сообщала, что одна треть всех евреев в России занимала официальные должности в государственном и партийном аппарате; если и это верно, то тогда действительно не может быть никаких сомнений, что они составили новый правящий класс страны после уничтожения прежнего.

В коммунистическом учении за это время не произошло вообще никаких изменений. Нарком просвещения Луначарский, один из немногих русских в руководстве, выступал в стиле, ничем не отличавшемся от талмудистского: (Мы ненавидим христианство и христиан, даже лучших из них следует считать наихудшими ближними. Они проповедуют любовь к ближним и милосердие, что идёт в разрез с нашими принципами. Долой любовь к ближнему: нам нужна ненависть. Мы должны научиться ненавидеть и только тогда мы сможем завоевать весь мир». Это — лишь один образчики целой литературы того времени, и единственным известный автору первоначальным источником столь человеколюбивой доктрины является Талмуд, сам по себе представляющий лишь продолжение древней, варварской, дохристианской религии и содержащий такие перлы, как: «Вы (евреи) — человеческие существа, но другие народы на земле — не люди, но животные». Столь возвышенным высказываниям Луначарский был, по-видимому, обязан своим назначением послом в Испанию в период революционных потрясений в этой стране.

В 1935 г. автор этиих строк поехал в Москву по поручению лондонского «Таймса», сопровождая лорда-хранителя печати Антони Идена, — первого английского министра, посетившего столицу революции. До того «Таймс» упорно отказывался держать корреспондентов в Москве, поэтому автор был первым представителем английской печати после Роберта Вильтона, история которого была рассказана ранее. Пятнадцатилетний вакуум заполнялся обосновавшимся в Риге корреспондентом Р. О. Дж. Эрчем, против которого за кулисами велась непрестанная клеветническая кампания; автор знал о ней, на будучи новичком, не отдавал себе отчёта в её значении. В Москве автора поразило нечто,

не случавшееся с ним ещё ни в одной другой столице. В его первом сообщении говорилось, что Иден проезжал по улицам, окаймлённым «серой и молчаливой толпой», и еврейский цензор потребовал, чтобы это было вычеркнуто. Вначале автор посчитал это просою вздорной придиркой, спросив цензора, не хочет ли он, чтобы в сообщении говорилось о буржуях в цилиндрах на московских улицах; однако, в последующие дни ему пришлось увидеть больше, и в своей книге, написанной в 1938 году, он писал:

> «Отдел цензуры, другими словами весь механизм контроля и обуздывания иностранною печати, состоял из одних евреев, и это удивило меня более всего другого в Москве. Во всём учреждении не было по-видимому, ни одного нееврейского сотрудника… Мне всегда говорили, что процент евреев в советском правительстве был мал, но в этом одном важном отделе, с которым мне довелось познакомиться близко, у них была полная монополия, и я задавал себе вопрос, где же были русские? Видимо, они были в числе той серой и молчаливой толпы, которую я видел, но о которой нельзя было писать».

Вскоре автор узнал от старожилов, что «процент евреев в советском правительстве» вовсе не был так уж мал, что в их руках был сосредоточен если и не весь контроль, то во всяком случае значительная его часть. Автор не смог познакомиться в Москве ни с одним русским, — это была другая сторона этого единственного в своём роде опыта. Никогда в жизни ему не приходилось видеть правящего класса, столь герметически изолированного от порабощённой им массы. Во время этого приезда в Москву автору вовсе не приходило в голову искать доказательств еврейского господства; то, что он видел, навязывалось ему само. В 1935 году он пожалуй даже ещё не начинал размышлять по поводу «еврейского вопроса». Описанное выше впечатление было первым, которое получил сравнительно опытный наблюдатель, никогда ранее не бывавший ни в Москве, ни вообще в России. Он нашёл его подтверждённым со стороны другого опытного журналиста, который провёл в России 12 лет, с 1922 по 1934 г.; книга Вильяма Генри Чемберлена (см. библиографию) является до сих пор ценным источником по истории этого периода. Он пишет:

> «Значительное число евреев сделали карьеру в советской бюрократии. Из примерно дюжины сотрудников отдела печати при Наркоминделе, которых я знал лично, я помню только одного нееврея. Преобладание евреев в этом комиссариате в годы моего пребывания в России было почти смехотворным; русские были представлены седым швейцаром и пожилыми, опустившегося вида женщинами, разносившими чай.[46] Много евреев было также в ГПУ, Коминтерне и в комиссариатах, связанных с торговлей и финансами».

По вопросу о причинах такого положения Чемберлен приходит, однако, к выводам, отличным от выводов автора этих строк. Он пишет: «После того, как я покинул Россию, мне случалось получать письма с вопросами, как ведут себя евреи при советском строе, причём подразумевалось, что евреи действуют, как сплочённая масса, и что вся русская революция была еврейским заговором. Это предположение не имеет ни малейшего исторического обоснования… Теория, согласно которой евреи единым расовым блоком работали на победу большевизма, не выдерживает серьёзного исторического анализа». В этом дышащем авторитетом утверждении смешиваются две весьма различные вещи: направляющая сила еврейства и вся масса народа, называемого «евреями». Ни немцы, ни русские не работали «единым расовым блоком» на победу национал-социализма или большевизма, но и тем, и другим их навязали. Массы и толпа никогда не «работают» сознательно на победу чего бы то ни было; их толкает в нужном направлении любая хорошо организованная группа, которой удаётся захватить над ними власть. «Сплочённая масса» рабочих и не думает «работать» на всеобщую забастовку, но всеобщие забастовки объявляются от её имени. В настоящей книге было достаточно ясно показано, что, например самая упорная оппозиция сионизму исходила именно от евреев, но сегодня всему «расовому блоку» надели сионизм, как смирительную рубашку. По убеждению автора этих строк, доказуемой

---

[46] Другой автор пишет буквально то же самое: Юджин Лайонс, американский еврей и коммунист, был в 20-ые годы американским корреспонлентом в Москве, где он был вхож в высшие советские «сферы», участвуя даже в кремлёвских попойках. То, что он увидел, превратило его в убеждённого антикоммуниста, и после войны он написал блестяще документированную книгу («Наши тайные союзники: русский народ») с уничтожающей характеристикой советского строя и, что ещё более редко на Западе, с объективной и глубоко положительной оценкой дореволюционной России. О Наркоминделе 30-х годов Лайонс пишет, что «в партийных Кругах его называли синагогой»: от швейцара до Литвинова там не было ни одного нееврея. См. Eugene Lyons, «Our Secret Allies: The Russian Peoples», Duell, Sloan & Pearce, New York 1953.

направляющей силой революции, начиная, по крайней мере, с 1848 г., был восточно-европейский талмудистский раввинат, и в этом смысле «революция» действительно была «еврейским заговором».

В 1935 году в Москве автору случилось лично познакомиться с некоторыми из еврейских олигархов. Одним из них был тучный Максим Литвинов, типичный завсегдатай венских или парижских эмигрантских кафе, превратившийся в революционного вельможу. Другим был начальник отдела печати Уманский — ловкий, улыбчивый, но весьма опасный молодой человек, родом, как говорят, из Румынии, и столь же похожий на русского, как африканский негр. У автора было постоянное чувство, что он путешествует по России в запломбированном вагоне, не хуже того, а котором Ленин в неё приехал. Насколько известно, к 1937 году это положение не изменилось. Русский эмигрант и публицист, А. П. Столыпин (отец которого, один из последних настоящих освободителей русского народа, был убит еврейским террористом в 1911 г.), писал в этом году (см. библиографию), что замена евреев русскими или иными «на высших ступенях советской официальной лестницы» была несомненно тактическим ходом, и что евреи «по-прежнему держат главные рычаги управления, в тот день, когда им придётся выпустить их из рук, всё марксистское сооружение развалится, как карточные домик». Столыпин перечислял высокие посты, по-прежнему занятые евреями, особо отмечая, что ключевые позиции реального контроля, держащегося на терроре, полностью оставались в еврейских руках. Это были концентрационные лагеря рабского труда, которыми управлял еврейский триумвират и в которых содержалось не менее 7 миллионов русских; тюрьмы, управляемые еврейскими комиссарами; весь механизм печати и её распределения, включая цензуру; и, наконец, чисто талмудистская по своему существу система «политкомиссаров», обеспечивающая террористскую дисциплину в армии.

В 1938 г. некий Бутенко, скромный работник советской дипломатической службы, не желая возвращаться в Москву, бежал из Бухареста в Италию. В статье в «Джорнале д'Италия» он писал, что правящий класс в России почти исключительно состоит из евреев; в особенности на Украине всё управление и вся промышленность были в их руках, и это положение было установлено правительством в Москве. Другими словами, кадры революционных руководителей не претерпели между 1917 и 1939 гг. существенного изменения; они исчезли из первых рядов, но сохранили за собой «рычаги управления». После этого картина покрылась туманом войны, и следующим периодом времени, в котором можно проверить положение вещей, являются её последние годы и первый поселевоенный период, начиная с 1945 года.

Даже ещё до того, как началась Вторая мировая война, «военные цели» революции были сформулированы Сталиным на III Конгрессе Коминтерна в Москве, в мае 1938 г.: «Возрождение революционной деятельности в сколько-нибудь широком масштабе не будет возможным, пока нам не удастся использовать существующие противоречия между капиталистическими странами с тем, чтобы вовлечь их в вооружённый конфликт между собой… Любая война должна автоматически закончиться революцией. Основная работа наших партийных товарищей в иностранных государствах заключается, поэтому, в способствовании возникновению такого конфликта». Как заметит читатель, это было единственными провозглашёнными «целями войны», неуклонно преследовавшимися в ходе последовавшего конфликта, «возникшего» с помощью пакта Сталина с Гитлером. Западные руководители, изменив своим собственным, ранее сделанным заявлениям о «целях войны» и отдав пол-Европы революции, обеспечили тем самым достижение в этом районе вышеуказанных «военных целей».

Каких «вождей» подарила революция выданным ей, как добыча, восточно-европейским государствам в 1945 году? Здесь вновь представляется возможность проверить личность стоявшей за революцией направляющей силы. Её выбор был свободным: не было никакой необходимости для революции навязывать дюжине отданных ей стран еврейские правительства, если это не было сознательной политикой. В советизированной Польше американский посол Артур Блисс Лейн отметил преобладание евреев, многих из них даже не из Польши, на ключевых должностях аппарата террора. Посетивший Польшу депутат английского парламента майор Тафтон Бимиш писал: «Многие из наиболее влиятельных, коммунистов в восточной Европе -евреи… Я был удивлён, убедившись, какой большой процент евреев служит в тайной полиции».

В советизированной Венгрии террорист 1919 года Магиас Ракоши (он же по одним данным Розенкранц, по другим — Рот, родом из Югославии) вернулся в 1945 году в качестве премьера, разумеется под зашитой красной армии. Восемь лет спустя (1953) агентство печати Ассошиэйтед Пресс сообщало, что «90 процентов высших руководителей венгерского коммунистического режима — евреи, включая премьера Матиаса Ракоши»; лондонский «Таймс» писал в том же году, что кабинет Ракоши был «преобладающе еврейским»; журнал «Тайм» в Нью-Йорке писал о «главным образом еврейском

(90% на высших ступенях) правительстве коммунистического премьера Матиаса Ракоши, который сам тоже еврей». Как и во всех других коммунистических странах, наступление на христианство началось в Венгрии с заключения в тюрьму высших священнослужителей. Наибольшее внимание внешнего мира привлёк процесс венгерского кардинала Миндсенти, обвинённого в государственной измене. О вдохновителях процесса нетрудно было догадаться, прочтя в 1949 году обращение к мировому еврейству «Центрального бюро евреев в Венгрии, Венгерской сионистской организации и венгерской секции Всемирного Еврейского Конгресса», в котором говорилось: «Венгерские евреи с большим удовлетворением узнали об аресте кардинала Миндсенти. Этим актом венгерское правительство отправило главу банды погромщиков… в заслуженное им место».

О советизированной Чехословакии лондонский журнал «Нью Стейтсмен» (источник, заслуживающий доверия в данном вопросе) писал через 7 лет по окончании войны (1952): «В Чехословакии, как и повсюду в центральной и юго-восточной Европе, как партийные интеллигенты, так и руководящие работники тайной полиции в значительной степени еврейского происхождения». О Румынии, (Нью-Йорк Геральд Трибюн» сообщал в 1953 г., через 8 лет после войны, что «Румыния, как и Венгрия, имеет вероятно наибольшее количество евреев в правительстве». Главной террористкой в Румынии была еврейка Анна Паукер, отец которой (раввин) и брат находились в Израиле. Это был один из интересных случаев описанных Хаимом Вейцманом разногласий в еврейских семьях в годы его детства между «революционным коммунизмом» и «революционным сионизмом» и только в одном этом вопросе. Мадам Паукер использовала своё положение, чтобы дать возможность отцу выехать в Израиль, несмотря на то, что (по словам брата) «партийная линия предписывает удерживать евреев в Румынии». От социологов, интересующихся сравнением методов революции с обычаями африканских дикарей, не ускользнёт роль женщин в революциях; явно дававшаяся им сознательно, начиная с тех представительниц слабого пола, которые сидели за вязанием чулок вокруг гильотины, приветствуя восторженным рёвом каждую катившуюся благородную голову. В советизированной восточной Германии режимом террора управляла некая фрау Хильда Беньямин, которую поставили сначала вице-президентом Верховного Суда, а затем министром юстиции. О «красной Хильде» даже западная печать не скрывает, что она была еврейка, как не было сомнений в варварском характере царившего при ней режима, причём даже лондонский «Таймс» не убоялся зайти далеко, охарактеризовав её, как «наводящую ужас фрау Беньямин». В течение всего лишь двух лет почти 200 000 восточных немцев были осуждены по её указаниям за «политические преступления», а сама она председательствовала на нескольких «показательных процессах» по советскому образцу против людей, обвинявшихся в таких преступлениях, как принадлежность к секте «свидетелей Иеговы». Население советизированной Германии насчитывало, согласно переписи 1946 года, 17 313 700 граждан, из них, если верить еврейским «оценкам», от 2-х до 4-х тысяч евреев. Этому ничтожному меньшинству, как писала иоганнесбургская газета «Зионист Рекорд» в 1950 г., «жизнь в восточной зоне принесла значительные улучшения. Немало из них занимают сегодня в правительстве и государственном аппарате высокие посты, которых ни один еврей не мог занимать когда-либо раньше в Германии, и которых они, несмотря на все разглагольствования о демократии, не могут даже сегодня достигнуть в Западной Германии. Несколько евреев занимают руководяшие должности в министерствах информации, промышленности и юстиции. Верховный судья в советском секторе Берлина — еврей, они же главные судьи в нескольких провинциях вне Берлина. В печати, как и в театре, значительное число евреев получили ответственные должности. Даже четырём тысячам евреев вероятно не удалось бы занять всех перечисленных руководяших должностей, а поэтому та же газета писала в другом номере, что „когда русские (!) оккупационные власти были организованы после войны, в советской администрация много евреев занимали кючевые посты и имели высокие звания. В их числе были евреи из России… прибывшие в Германию и Австрию в рядах Красной армии, а также евреи из стран, присоединённых к России за последние 10 лет, из балтийских стран Латвии и Литвы“.

Тем самым мы доходим в этом повествовании до наших дней, а что ещё остаётся, будет описано в заключительной главе. Когда революция распространялась в 1945 году на выданные ей Западом страны, в них повторялась история 1917…18 гг. в России. Разразились талмудистская месть, и повсюду были установлены еврейские правительства, цели которых не вызывали сомнений. В последуюшие 8 лет не произошло существенных перемен, ни реальных, ни внешних. Всё сделанное лишний раз подтвердило как природу революции и её направляющей силы, так и талмудистские цели обеих.

Глава 43
Сионистское государство

Революция распространилась на пол-Европы, услужливо открытой для неё западными союзниками; подобно змее, готовящейся к нападению, она высунула ядовитое жало дальше, к южным берегам Европы, через Средиземное море, в маленькую страну, именовавшуюся Палестиной. Деньги, снаряжение, транспорт и конвой были даны Западом; но революция поставила главное, что было необходимо для создания сионистского государства: народ для вторжения в него и оружие, обеспечившее верную победу.

Запад дал своё согласие, но в конечном итоге сионистское государство было детищем революции, осуществившей тем самым левитскую доктрину «возвращения». Её вторжение в Европу и Аравию явились единственными «территориальными приобретениями» победителей во Второй мировой войне, в начале которой западные «премьеры-диктаторы» вторично в наши дни публично отказались от всяких завоеваний. Результатом этих двух вторжений стали два постоянных взрывчатых заряда новой войны — в разделённой Европе и разделённой надвое Палестине — которую в любой момент могут спровоцировать те, кто ожидает от третьей мировой войны своих собственных выгод.

Как помнит читатель, накануне Второй мировой войны сионизм в Палестине находился при последнем издыхании: английский же парламент пришёл в 1933 году, убедившись на основании двадцатилетнего опыта, что реализация «еврейского национального очага» невозможна, к решению отказаться от невыполнимого «мандата» и убраться из Палестины после того, как будет обеспечено парламентарно-демократическое представительство всех партий в стране — арабов, евреев и всех прочих. Мы помним также, что радикальное изменение этой политики наступило, когда Черчилль после своего прихода к власти в 1940 году частным порядком известил Хаима Вейцмана, что он «полностью согласен» с сионистскими амбициями «создать после войны… в Палестине государстоо с тремя или четырьмя миллионами евреев»; об этом сообщает в своих записках сам Вейцман, и это его свидетельство до сих пор ещё никем не было оспорено. Черчилль извесген тем, что он никогда не уставал выражать своё глубокое уважение парламентарной системе правления, однако в данном случае, будучи одним из ведущих политиков военного времени, он скрыто и совершенно произвольно игнорировал решения, принятые британской Палатой общин после детального обсуждения и дебатов. После этого читатель сопровождал д-ра Вейцмана в его поездках по Америке и помнит, как старания Черчилля «вооружить евреев», против чего энергично выступали все британские власти на местах, получили оттуда поддержку, благодаря «давлению» со стороны Вейцмана и его подручных.

Таково было состояние вынашивавшегося западными политиками сионистского государства, до которого мы дошли в нашем описании событий. В течение всего 1944 года, как сам Черчилль свидетельствует в своих мемуарах военного времени, он неизменно продолжал способствовать сионистским амбициям. «Хорошо известно моё твёрдое решение не нарушать обещаний сионистам, данных декларацией Бальфура и уточнённых моим собственным последующим заявлением, как министра колонии в 1921 году. Никакие изменения в этой политике не могут иметь места без полного её обсуждения в кабинете» (запись от 29 июня 1944 г.). Однако, изменение этой политики после полного её обсуждения в британском кабинете и в парламенте имело место в 1933 году. Черчилль попросту игнорировал важнейшие политические решения парламента и правительства, восстановив прежние, отменённые ими, и повторив странные слова другого министра колоний, уже цитированного нами Леопольда Эмери, также заявлявшего, что изменения в политике данного вопроса не могут иметь места.

Далее в записях Черчилля следует: «Нет сомнений в том, что это преступление» — преследования евреев в Венгрии после её оккупации немцами в конце последней войны — (представляет собой наибольшее и страшнейшее из когда-либо совершённых преступлений во всей истории человечества… все замешанные в этом преступлении, включая тех, кто лишь выполнял приказы, участвуя в резне, будут преданы смертной казни, как только они попадут к нам в руки и будет доказано их участие в убийствах… Необходимо опубликовать официальное заявление, что все связанные с этим преступлением будут нами пойманы и казнены» (II июля 1944 г.). Здесь Черчилль, вслед за Рузвельтом и Иденом, прямо связывает казнь виновных только с преступлением против евреев, предавая полному забвению всех остальных пострадавших, как это фактически и произошло впоследствии. В предыдущей главе нами было, однако, показано, что евреи были не только в числе жертв, но и в числе их мучителей.

Далее: «Я намерен как можно скорее удовлетворить просьбу д-ра Вейцмана о создании еврейских вооружённых сил, о чём он писал в своём письме от 4 июля» (12 июля 1944 г.). «Мне нравится, что евреи намерены сами расправиться с убийцами их соотечествгнинков в центральной Европе, и я думаю, что это вызовет также большое удовлетворение и Соединённых Штатах. Желанием евреев как будто

является воевать против немцев повсюду. У них счёты с одними только немцами» (26 июля 1944 г.). Если Черчилль, как свидетельствует Вейцман, согласился создать «государство с тремя или четырьмя миллионами евреев в Палестине», то ему должно было быть ясно, что у сионистов будут гораздо большие счёты с населением Аравии, и что «еврейские вооружённые силы наверняка будут более предназначаться для нападения на этих ни в чём неповинных людей, чем на немцев.

Последнее известное нам замечание Черчилля по этому вопросу было сделано после окончания войны в Европе: «Весь палестинский вопрос должен быть разрешён на мирной конференции… Я не согласен с тем, чтобы мы одни взяли на себя ответственность за разрешение этой весьма сложной истории, в то время как американцы будут сидеть сзади и критиковать. Не кажется ли Вам, что нам следует попросить их заняться этим делом?… Я не вижу ни малейших преимуществ, которые Англия могла бы когда-либо получить в этой болезненной и неблагодарной задаче. Теперь очередь других заняться этим делом (6 июля 1945 г.).

Эти замечания (в сочетании с шутливым предложением Рузвельта в разговоре со Сталиным отправить «шесть миллионов американских евреев» королю Ибн-Сауду) показывают скрытые мысли наших премьеров-диктаторов, столь послушно выполнявших сионистские требования. Черчиллю хотелось свалить эту неразрешимую проблему на американцев: Рузвельт был бы рад свалить её ещё на кого-нибудь другого. Как показывают оба их высказывания, великие вожди оказались в этом деле в роли клоуна, тщетно пытающегося отделаться от липучки для мух. В своём служебном меморандуме Черчилль писал, что он не видит «ни малейших преимуществ» для Англии «в этой болезненной и неблагодарной задаче». Однако в своих публичных выступлениях перед внимательными ушами сионистов он продолжал (и продолжает до настоящего момента, когда пишется эта книга) столь безудержно восхищаться сионистской авантюрой, что это — как будет показано ниже — вызывало удивление даже еврейских критиков.

В тот день, когда Черчилль диктовал вышеприведённый меморандум, его пожелания насчёт «разрешения палестинского вопроса на мирной конфереции» были настолько лишены всякого значения, что можно предполагать с его стороны одну лишь иронию. Вопрос давно уже был разрешён, поскольку у сионистов было оружие, а людей, чтобы им пользоваться, им поставлял Запад контрабандой из восточно-европейских районов революции (об этом говорилось в предыдущей главе) под аплодисменты обеих главных политических партий, как в Англии, так и в Америке, готовых приветствовать любой акт агрессии, вторжения или преследования, совершённый этими переселенцами с помощью полученного ими оружия. Особенно наглядно это было видно на примере социалистической партии в Англии — стране, которая к тому времени несла главную ответственность за судьбу Палестины. Рабочая партия — как она называла себя — делала в Англии вид защитницы бедных, беззащитных и угнетённых; она родилась под лозунгом пенсий по старости, пособий по безработице, бесплатной медицинской помощи и общей заботы о всех нищих, несчастных и обездоленных. Под конец войны эта партия видела перед собой шанс возглавить правительство с помощью солидного большинства в парламенте. Подобно консервативной партии (как и обеим партиям в США) она по-видимому считала даже в этот момент свою победу недостаточно верной и сочла полезным заручиться поддержкой Сиона. Так она сделала главной целью своей внешней политики изгнание из далёкой, маленькой страны народа, который всегда был беднее, несчастнее и угнетеннее, чем даже английские рабочие в худшие годы промышленной революции. Глава рабочей партии Клемент Эттли провозгласил в 1944 году новый ведущий лозунг британского социализма: «Давайте способствовать выезду арабов из Палестины и въезду в неё евреев. Мы хорошо вознаградим их за потерянную землю и позаботимся, чтобы их поселение где-нибудь в ином месте было тщательно организовано и щедро финансируемо». 12 лет спустя почти миллион этих изгнаннков, чьему «выезду» из Палестины (способствовали» бомбы и снаряды, всё ещё томились в лагерях соседних с Палестиной арабских стран (положение не изменилось и сейчас, через 40 лет после заявления Эттли — *прим. перев.*), а британские социалисты, с каждой новой переменой событий всё громче требовали продолжения их несчастий.

Делая упомянутое заявление, британские социалисты прекрасно знали, что под предлогом войны против Германии сионисты накапливали вооружение для захвата Палестины силой. Британский командующий на Ближнем Востоке, генерал Уэвелл (Wavell) задолго до того уведомил Черчилля, что «предоставленные самим себе, евреи разобьют арабов», лишённых всяких источников вооружения. Точку зрения генерала Уэвелла относительно сионистских планов разделяли все ответственные британские администраторы на местах, почему его особо не взлюбил доктор Вейцман. Как было показано ранее, уже в первую мировую войну неблагосклонность Хаима Вейцмана могла стать опасной даже для весьма высокопоставленных лиц, и не исключено, что она же сыграла роль в последующем

отозвании Уэвелла с Ближнего Востока и его назначении в Индию. Официальная британская «История войны на Ближнем Востоке» характеризует генерала Уэвелла как «одного из величайших полководцев в военной истории», отмечая однако его усталость от взваленного на него бремени тяжёлой ответственности, усугублённой отсутствием доверия со стороны Черчилля, бомбардировавшего ближевосточного командующего «придирчивыми и излишними» телеграммами по поводу «мельчайших деталей». Отозвание Уэвелла было очередной жертвой сионизму, что не могло не отозваться на успехах Англии во время войны; это трудно доказать, но представляется весьма логическим предположением.

В 1944 году политическое убийство вновь выходит на сцену. Британский министр колоний, лорд Мойн, нёс в правительстве ответственность за развитие событий в Палестине; до него эту должность занимал лорд Ллойд, испытавший грубые нападки со стороны Черчилля за медлительность в «вооружении евреев» и скончавшийся в 1941 году. Лорд Мойн был известен своим человеколюбием и, хотя он симпатизировал иудаизму, он считал подобно всем своим предшественникам, что сионистская авантюра в Палестине закончится катастрофой. Желая помочь всем нуждающимся, он был склонен поэтому возродить идею наделения землёй в Уганде всех евреев, действительно нуждающихся в новом пристанище. Это человеколюбивое намерение вызвало смертельную ненависть против него сионистов, не желавших и слышать о каком либо отклонении от их заветных амбиций и цели этих амбиций — Палестины. По свидетельству Черчилля, лорд Мойн в 1943 году якобы изменил свои взгляды в этом вопросе, после чего Черчилль предложил Вейцману поехать в Каир, чтобы встретиться там с Мойном и убедиться в улучшении положения. Свидание не состоялось, т. к. в ноябре 1944 года лорд Мойн был убит двумя сионистами из Палестины; так ещё один миротворец был убран с тернистого пути, усеянного костями многих других, пытавшихся установить мир в этой части света. На некоторое время это событие нарушило поток черчиллевских меморандумов к его правительственным коллегам по вопросу о «вооружении евреев», и британские администраторы, ответственные за Палестину, вновь энергично выступили за ограничение еврейской иммиграции в страну. Ответом Черчилля (от 17 ноября 1944 г.) было, что это «будет лишь на руку экстремистам», после чего дальнейшим планам экстремистов перестало оказываться сопротивление, а численность их соплеменников в стране соответственно увеличилась.

По мере приближения войны в Европе к концу, надежды Черчилля на успех какой-либо спектакулярной акции по благополучному размещению восточно-европейских хазар в Аравии стали развеиваться. Он выступил было с предложением сделать короля Ибн-Сауда «властителем всего Ближнего Востока, при условии, что он сможет найти с Вами (т. е. с Хаимом Вейцманом) общий язык»: не исключено, что сообщение Вейцмана об этом президенту Рузвельту стало причиной ещё одного любопытного эпизода в 1944 году. Некий американский полковник Хоскинс (по словам Вейцмана, «личный представитель президента Рузвельта на Ближнем Востоке») прибыл с визитом к арабскому монарху. Как и все, кто разбирался в ближневосточных делах, полковник Хоскннс не питал никакого доверия к планам создания сионистского государства, но был за то, чтобы помочь устройству евреев (тем из них, кто этого желал) в Палестине при условии соглашения с арабами. Прибыв к Ибн-Сауду, он узнал, что король считал себя грубо оскорблённым Вейцманом, о котором он говорил лишь «в самом разгневанном и презрительном тоне, утверждая, что я» (Вейцман) «пытался подкупить его взяткой в 20 миллионов фунтов, чтобы он продал Палестину евреям», от каковой сделки король, разумеется, с возмущением отказался».[47] Ни о каком (общем языке» после этого конечно не могло быть речи, и

[47] Это было не первой попыткой еврейства получить Палестину путём «взятки». В начале нашего столетия к турецкому султану Абдул Гамиду явилась делегация ведущих европейских евреев, предложившая ему астрономическую по тому времени сумму за отдачу Палестины евреям. Абдул Гамид, прозванный «красным султаном» за кровавую резню армян в конце прошлого века, считал однако своей задачей заботиться в первую очередь о судьбе своих мусульманских подданных, и указал еврейской делегации на дверь. Это не пошло ему на пользу: еврейские деньги были даны масонской организации «младотурок» и в 1908-09 г. в Турции произошла революция, отстранившая султана от власти. Центр «младотурок» находился в Салониках, где проживала большая колония евреев, принявших для вида мусульманство (как в средние века их «христианские» единоверцы — «марраны» в Испании), но продолжавших исповедовать Талмуд-Тору. Эти псевдо-мусульмане держали в своих руках значительную часть турецкой торговли (их единственными конкурентами были армяне) и располагали многочисленной агентурой во всех руководящих кругах турецкого государства, благодаря чему революция произошла в кратчайший срок и без малейшего сопротивления, хотя до тех пор масонская организация «младотурок» не пользовалась в стране ни малейшим влиянием.

В захватившем в 1908…09 г. власть в Турции «Комитете единения и прогресса» руководящую роль играли еврейские псевдо-мусульмане (Джавид-бей, Талаат-Паша и др.). С началом первой мировой войны Комитет разработал план физического уничтожения двухмиллионного христианского меньшинства в Турции — армян, и провёл это уничтожение в массовом масштабе в 1915 г. Резня продолжалась (впоследствии также и греков) до 1922…23 г., уже при Кемале-»Ататюрке» («отец турок»), результатом были полтора миллионов вырезанных армян-мужчин, женщин и детей всех

полковник Хоскинс также исчезает с нашей сцены — ещё один из многих благонамеренных людей, тщетно пытавшихся справиться с неразрешимой проблемой, порождённой м-ром Бальфуром.

В последние месяцы войны оставались, таким образом, лишь два возможных решения ближневосточного вопроса. Либо британское правительство, отказавшись от решений 1939 года, должно было продолжать бесплодную борьбу, стараясь сохранить беспристрастное равновесие между коренным населением Палестгины и осаждавшими его местечковыми захватчиками: либо же оно должно было плюнуть на «мандат» и убраться из страны, после чего сионисты изгнали бы её коренное население силой оружия, полученного ими на европейском и африканском театрах войны. Не было сомнений в том, что приближался именно этот второй потрясающий момент палестинской драмы. Вейцман заявил Рузвельту, что сионисты «не могут ставить решение вопроса в зависимость от согласия арабов», но президент отказался вынести окончательное решение. Черчилль, согласно Вейцману, уже принял решение, хотя и сообщил об этом лишь в частном порядке, и в 1944 году Вейцман нетерпеливо требовал от него официального решения в форме «именной декларации Бальфура, в которой (вместо ничего не говорившей фразы о „еврейском национальном очаге“) сионистам гарантировалась бы определённая территория; ещё в 1949 году Вейцман писал с возмущением, что „под предлогом“ того, что сначала должна быть закончена война, Черчилль отказался от объявления этой официальной и окончательной капитуляции.

Подобно Макбету, великие мира сего старались стушеваться по мере приближения рокового момента этого преступного действия. Ни Черчилль, ни Рузвельт не в состоянии были послать своих солдат на это преступление, и сионисты исступлённо вопили об их неспособности к принятию твёрдых решений. Рузвельт поплыл в Ялту с выражением обречённого отчаяния на лице, запечатлённого в кинохрониках, договорился там о разделе Европы и, под конец, кратко информировал Черчилля (который, как пишет Гарри Гопкинс, был «поражён» и «весьма озабочен» этой новостью), что он намерен встретиться с королём Ибн-Саудом на борту американского крейсера «Квинси». Всё последующее представляется сплошной загадкой. Ни Рузвельт, ни Черчилль не обладали ни малейшим правом наделять арабской землёй ловчил, осаждавших их в Вашингтоне и Лондоне; однако, то что от них теперь требовалось, представлялось, по сравнению с тем, что они только что натворили в Ялте, столь маловажным, что никто не удивился бы, если бы Рузвельт наконец сдался и предъявил королю Ибн-Сауду жёсткий ультиматум в палестинском вопросе. Вместо этого, он неожиданно вышел из роли, которую играл в течение многих лет, и заговорил, как настоящий государственный деятель; после этого он быстро скончался.

Рузвельт покинул Ялту 11 февраля 1945 г., проведя следующие три дня, 12, 13 и 14 февраля на борту (Квинси» в обществе короля Ибн-Сауда. Он обратился к королю с просьбой «допустить ещё некоторое количество евреев в Палестину», услышав в ответ категорическое «нет». Ибн-Сауд сказал ему, что «там уже имеется вооружённая до зубов палестинская армия из евреев… не собирающаяся воевать с немцами, но явно нацеленная на арабов». 28 февраля Рузвельт прибыл в Вашингтон. 28 марта король подтвердил письмом свои устные предостережения (с тех пор полностью подтверждённые фактами) о последствиях, которые возымеет американская поддержка сионистов. 5 апреля Рузвельт ответил, также письмом, подтвердив данное устно Ибн-Сауду обещание, что «в качестве главы американского правительства, я не предприму никаких действий, которые могли бы оказаться враждебными по отношению к арабскому народу», 12-го апреля он приказал долго жить[48].

возрастов — и полмиллиона армянских беженцев во всём мире. См. Peter Lanne, «Der erste Volkermord des 20. Jahrhunderts», Мюнхен, 1977: автор освещает масонский характер «младотурецкой» революции и потворствование преступлениям младотурок после войны со стороны западных держав и Лиги Наций, но по-видимому незнаком с еврейским руководством турецкой революцией, что разумеется всегда держалось под величайшим секретом.

48 Обстоятельства смерти Рузвельта настолько загадочны, что одно только полное подчинение всех средств информации заговорщикам на самом «высшем уровне» могло утаить их от американской общественности. Несмотря на долголетнюю болезнь президента, смерть настигшая Рузвельта в его имении в Уорм Спрингс, в штате Джорджия, куда его сопровождал Генри Моргентау, была совершенно неожиданной. В свидетельстве о смерти, подписанном неким д-ром мёд. Брюнном из военно-морского госпиталя Бетесда (из окна которого на 16-ом этаже четыре года спустя «выбросился» министр обороны Форрестол; см. примечание к главе 33), причиной смерти было указано «кровоизлияние в мозг», как следствие «артериосклероза». Американские законы, как федеральные, так и отдельных штатов, предписывают вскрытие трупов в случаях неожиданной смерти, в особенности, если дело идёт о должностных лицах, не говоря уже о президентах. Кроме того, по американской традиции (обычай и для других стран) тела скончавшихся президентов выставляются в открытом гробу для прощания с ними. По смерти Рузвельта не последовало ни вскрытия, ни выставления тела. Труп президента был перевезён в запечатанном гробу в другое имение Рузвельта, Гайд Парк в штате Нью-Йорк, где он был похоронен. Гроб сопровождался вооружёнными солдатами, получившими приказ стрелять во всякого, кто попытается открыть гроб. После

Это его обязательство никогда не стало бы достоянием гласности, если бы другой американский государственный деятель, государственный секретарь (министр иностранных дел) Джеймс Бёрнс не опубликовал его полгода спустя (18 октября 1945 г.), тщетно пытаясь удержать преемника Рузвельта, нового президента Трумана, от «враждебных арабскому народу действий», которых президент Рузвельт поклялся не совершать. Это обязательство было дано Рузвельтом фактически на смертном одре, и ещё одной из больших загадок истории является вопрос, дал ли он его всерьёз? Если да, то остаётся предположить, что смерть снова вмешалась в пользу сионизма. Близкий к нему Гарри Гопкинс (присутствовавший при беседах с Ибн-Саудом и изложивший их содержание в служебной записке) презрительно отрицает серьёзность этого обязательства, указывая, что президент Рузвельт «полностью обязался — официально, частным порядком и по собственному убеждению — содействовать сионизму»; однако в его меморандуме зафиксировано заявление Рузвельта, что от Ибн-Сауда он узнал о Палестине за пять минут больше, чем раньше за всю свою жизнь; по-видимому из этого заявления впоследствии родился анекдот, будто бы Ибн-Сауд сказал: «Уже две тысячи лет, как нам давно известно всё то, чему Вам пришлось научиться с помощью двух мировых войн». Вряд ли, однако, Гарри Гопкинса именно в этом вопросе можно считать заслуживающим доверия: немедленно после бесед с Ибн-Саудом он, бывший до тех пор тенью Рузвельта, но непонятым причинам порвал с президентом, не встретившись с ним больше до самой его смерти. Гопкинс заперся в своей каюте на крейсере и сошёл через три дня в Алжире на берег, «послав сообщение» президенту через третье лицо, что вернётся в Америку другим путём. Этот разрыв представляется столь же неожиданным, как в своё время разрыв между г-дами Вильсоном и Хаузом[49].

Единственное, чтс не подлежит сомнению, это то, что над последними неделями и днями жизни Рузвельта нависла тень спора о Сионе, а отнюдь не американских или европейских вопросов. Останься он жить и стань его обязательство Ибн-Сауду известным, сионизм, столь мощно помогший его избранию президентом и нахождению на этом посту в течение 12 лет, превратился бы в его злейшего врага; вместо этого он умер. В категоричности его обязательства Ибн-Сауду не может быть сомнений, он писал: «в отношении основного положения в Палестине не будет принято ни одного решения без полнейшей консультации как с арабами, так и с евреями»; это было прямым отпором Вейцману, заявившему ему, что «мы не можем ставить решение вопроса в зависимость от согласия арабов».

Так сходит с нашей сцены и м-р Рузвельт, в последний момент окутанный непроницаемой тайной. Прощальный взгляд на хевру, окружавшую его в продолжение двенадцатилетнего правления, бросает главный корреспондент при Белом Доме, Мерриман Смит; его описание отвратной тризны показывает, что описанные выше ялтинские попойки сопровождали президента до самой могилы: «Большинство

похорон, могила в Гайд Парке охранялась день и ночь в течение нескольких месяцев вооружённой стражей, явно с целью воспрепятствовать возможной эксгумации.

Уже в 1948 г. в книге Эммануила Джозефсона «Странная смерть Франклина Д. Рузвельта» были сообщены подробности смерти президента, наряду с поистине сенсационными, но детально подтверждёнными, сведениями об окружении президента, в руках которого он находился. Диагноз об артериосклерозе и якобы вызванном им ударе опровергается показанием личного врача президента, прикомандированного к нему морским министерством, вице-адмирала д-ра Росса МакИнтайра (Ross McIntire), не сопровождавшего Рузвельта в Уорм Спрингс; регулярные осмотры президента никаких признаков склероза мозговых артерий не показали, главной заботой врача было состояние сердца, что в возрасте пациента (73 года в день смерти) являлось вполне нормальным.

Причины недопущения президентским окружением (т. е. главным образом м-ром Генри Моргентау) вскрытия и выставления тела, согласно Джозефсону, не подлежат сомнениям: по свидетельству находившегося в Уорм Спрингс священника, президент был убит пулей в затылок, по-видимому разрывной, обезобразившей по выходе из черепа всё лицо. Жена президента, Элеонора Рузвельт, объясняла невыставление тела тем, что это якобы «не было обычаем в семье Рузвельтов». Не говоря о том, что президент страны не подлежит «семейным обычаям», это не соответствует действительности: тело матери президента, Сары Делано Рузвельт, было, например, по распоряжению сына выставлено для прощания. Забыв об этом заявлении, м-р Рузвельт опровергла сама себя в журнале «Сатердей Ивнинг Пост» от 8 февраля 1958 г., написав (статья «On My Own»), что на следующий день после погребения в Гайд Парке её сын Джимми обнаружил в сейфе личные указания президента на случай его смерти, в которых было особо оговорено, чтобы его тело было выставлено в Капитолии (здание конгресса США в Вашингтоне. Как она пишет, «странным образом» все остальные посмертные распоряжения президента, кроме одного этого, были выполнены дословно. По свидетельству, как Джозефсона, так и зятя президента, полковника Кертиса Далл (женатого на Анне Рузвельт), Элеонора Рузвельт была одной из главных пособниц окружения президента, управлявшего страной за его спиной и от его имени. См. Emanuel M. Josephson, «The Strange Death of Franklin D. Roosevelt», Chedney Press, New York, 1948; urtis B. Dall, «F.D.R. My Explited Father-In-Law», Christian rusade Publcations, Tulsa, Oklahoma, 1968.

49 Это представляется менее неожиданным в свете того, что Гарри Гопкинс характеризуется в книге полковника Далла, как «доверенное лицо» или агент Бернарда Баруха.

пассажиров (похоронного) поезда были ближайшими сотрудниками Рузвельта. Не успел скрыться из глаз увешанный траурными флагами вокзал Гайд-Парка, как началось нечто вроде похоронной тризны. Алкоголь лился рекой в каждом купе и каждом салоне. Занавески на окнах были спущены, и снаружи поезд выглядел как любой другой, везущий траурных гостей домой. Но за этими занавесками Рузвельтовские подручные развлекались полным ходом, полагая, по-видимому, что их бывший хозяин не имел бы ничего против… Один из главных застрельщиков нового курса (New Deal — лозунг эры Рузвельта, начиная с 1932 г. — *прим. перев.*) на моих глазах с грохотом спустил в уборную целый поднос пустых стаканов с насмешливым рёвом: вниз в трубу, обойдёмся без вас! Официанты носились по корридорам с подносами расплескивающихся бокалов. Не будучи знакомым с публикой в салонах, можно было бы принять её за возвращающихся домой болельщиков с футбольного поля. Некоторые явно принимали виски в качестве лекарства от забот по поводу их будущей службы… Слышен был пьяный хор шотландского гимна о добром старом времени, Auld Lang Syne…»

Так выглядела праздничная запряжка столпов государственного служения в те последние дни, когда «наши мальчики» воевали за очередную «победу», когда коммунистические орды захватывали половину Европы, а местечковые отправлялись Западом для вторжения в Палестину. Рузвельта от палестинской дилеммы освободила смерть, лицом к лицу с ней остался Черчилль. Сионистскую милость он выслуживал уже начиная с выборов 1906 года. Он же был министром в том британском правительстве, другой член которого (Леопольд Эмери, согласно цитате в одной из сионистских газет в 1952 году) заявил: «Опубликовывая Декларацию Бальфура, мы имели в виду, что если евреи смогут стать большинством населения в Палестине, то они смогут образовать еврейское государство… Мы не имели в виду разделения одной только палестинской территории к западу от реки Иордан». Черчилль также никогда публично не заявлял о подобном намерении (наоборот, он даже отрицал его), и это означает, что даже созданное после Второй мировой войны сионистское государство отнюдь не удовлетворяло авторов декларации Бальфура, и что следует ожидать дальнейших захватов арабских земель военными методами (комментарии излишни — *прим. перев.*). Слово «если» определяет смысл процитированного выше заявления Эмери: «… Если евреи смогут стать большинством…» К 1945 году три десятилетия арабских восстаний показали, что сионисты никогда не смогут стать большинством, пока арабы не будут изгнаны с родной земли силой оружия. Оставался вопрос, кто должен был их изгнать? Рузвельт поклялся не делать этого. Доктор Вейцман, всегда готовый, как Шейлок, требовать свой фунт мяса, настаивал на том, что Черчилль обязался помогать ему до последнего. Но даже Черчилль не смог завершить этого грязного дела. От этой дилеммы его избавила не смерть, но поражение на выборах. Уязвлённое самолюбие говорит из его мемуаров: «Не успели все наши враги безоговорочно сдаться или собраться это сделать, как британские избиратели уволили меня от руководства их делами».

Дело обстояло разумеется далеко не так просто. Будущим историкам приходится пользоваться мемуарами, но современникам событий картина была яснее, и автор этих строк находился в Англии и мог наблюдать выборы, «уволившие» Черчилля. Трудно было ожидать от британских избирателей особой благодарности за исход войны (подвергнутый самой жестокой критике со стороны того же Черчилля), но были и другие причины для его поражения, кроме разочарования в его способностях. Как и на американских выборах, выборы в Англии в 1945 году показали власть тех, кто имел возможность их манипулировать в свою пользу. Черчилль зашёл очень далеко, «вооружая евреев» и обязавшись частным порядком поддерживать сионизм, но Вейцману и этого было недостаточно. К середине нашего века контроль над британской печатью в этом вопросе был полным, и сионистская пропаганда отвернулась от Черчилля, повернувшись единым фронтом в сторону социалистов, давших требуемое обязательство «враждебных действий» против арабов (мы помним, как Эттли собирался «способствовать выезду арабов из Палестины и въезду евреев в неё… Фракция еврейских членов Палаты общин как один человек переметнулась на поддержку социалистической партии (став решающей силой её левого крыла, где скрывались неподдельные коммунисты). Поражение и разочарование их бывшего „чемпиона“ на выборах 1906, 1917 и 1938 гг. было восторженно принято сионистами. Как пишет Вейцман, победа социалистов (и „увольнение“ Черчилля) „привела в восторг все либеральные круги“. Такова была награда за сорокалетнюю поддержку Черчиллем сионистов: не отдав британским войскам приказа очистить Палестину от арабов, он превратился в их врага.

Так Черчилль оказался по крайней мере избавленным от задачи решать вопрос, что делать дальше с Палестиной, и одно это должно было бы умерить разочарование его отставкой вслед за «победой». Социалисты, получившие наконец солидное большинство в парламенте, немедленно увидели, что от них требуются насильственные меры для «способствования выезду арабов» из Палестины. Когда и они

со страхом отшатнулись от этого злодейского предприятия, крики об «измене» обрушились на них, как град камней. Доктор Вейцман кипит в своих записках от возмущения на этом этапе: «через три месяца по приходе к власти социалистическое правительство отказалось от обязательств, столь часто и ясно, даже горячо повторявшихся по адресу еврейского народа». На протяжении 40 лет лорд Керзон представляется единственным руководящим политиком, замешанным в этих вопросах, который распознал, что даже самое поверхностное выражение симпатии по адресу доктора Вейцмана превращается впоследствии в «обязательство», торжественно ему данное и затем, очевидно, нарушенное самым подлым образом.

В преемники лорда Ллойда, лорда Мойна и других, покойных или опороченных, на пост министра колоний победившими социалистами был назначен заслуженный партиец; некий м-р Холл; не успел он вступить в должность, как к нему явилась делегация Всемирного сионистского конгресса, каковой визит описывается им следующим образом: «Я должен сказать, что поведение членов этой депутации сильно отличалось от всего, когда-либо мной виденного. Это отнюдь не было просьбой к правительству Его Величества рассмотреть решения сионистского конгресса, но требование, чтобы правительство Его Величества выполняло то, что сионистская организация ему предписывает». Десятилетием позже бывший президент США Труман вспоминал аналогичные визиты к нему в период его президентства, описывая их в тех же тонах наивного удивления; к 1945 году всё это продолжалось уже начиная с 1906 года без того, чтобы г. Холл смог пробудиться от своей Политической спячки. Вскоре после этого его убрали из министерства колоний, неожиданно найдя его достойным звания пэра и поместив на отдых в Палату лордов.

Социалистическое правительство 1945 года оказалось в области внутренней политики пожалуй самым худшим, что могло достаться истощённой войной стране, остро нуждавшейся в приливе свежих сил; однако, в области внешней политики оно смогло сослужить своей стране по крайней мере одну службу: спасти из её чести то, что ещё можно было спасти. Несмотря на «непреодолимое давление» со всех концов света, оно отказалось играть роль убийцы в Палестине; если оно и не защитило арабов, чего оно к тому времени уже и не в состоянии было бы сделать, то по крайней мере оно отказалось их прикончить в угоду сионистским хозяевам. Эта заслуга принадлежит исключительно Эрнесту Бевину, британскому министру иностранных дел в социалистическом кабинете и, по мнению автора настоящей книги, наиболее выдающемуся политику, которого Англия смогла выдвинуть на протяжении 20-го столетия. Говорят, что король Георг VI, самый нетребовательный из всех британских монархов, настоятельно посоветовал новому социалистическому премьер-министру, Клементу Эттли, назначить министром иностранных дел самого лучшего и наиболее энергичного из его сотрудников, поскольку состояние мировой политики этого явно требовало. После этого Эттли пересмотрел уже составленный им список кандидатов, вычеркнув из него кое-кого из достойных «либералов», которые незамедлительно вовлекли бы страну в предстоящий погром арабов, и остановившись на Бевине. К 1945 году палестинский вопрос явно стал слишком важным, чтобы им могли заниматься министры колоний; он превратился — и он ещё надолго останется таковым — в главное занятие премьер-министров и министров иностранных дел, президентов и государственных секретарей Англии и Соединённых Штатов, став наиболее легко воспламеняющимся источником новых войн. Сразу же по достижении «победы» в 1945 году, он стал доминировать над политикой всех национальных государств, извращая её и направляя на ложные пути. Отбросив благоговейный страх перед Сионом, Эрнест Бевин, когда-то деревенский парнишка из Сомерсета и кумир английских докеров, взял эту бомбу в руки, пытаясь вырвать её взрыватель. Если бы хоть один из руководящих политиков в каком-либо западном государстве поддержал его, он мог бы спасти положение. Вместо этого все они набросились на него, как стая волков; в их самозабвенном подчинении сионизму было нечто от истерического фанатизма сектантских сборищ.

Бевин был крепкой натурой, в его жилах текла кровь обитателей британского запада с их бесстрашной традицией, но даже его сломили физически немногие годы непрекращавшейся кампании злостной клеветы. Они не смогли сломить или запугать его духовно. Но он ясно понял, что имеет дело с предприятием по сути дела заговорщическим, с заговором, в котором революция и сионизм неразрывно связаны между собой, и он был вероятно единственным из политиков нашего века, который употребил именно это слово «заговор», исчерпывающе характеризующее, согласно любому словарю, создавшееся положение вещей. Вейцману он заявил в лицо, что никому не удастся ни заставить его, ни уговорить на действия, противные британским интересам. Вейцману никто ещё не отваживался давать такого урока и притом на столь высоком уровне, начиная с 1904 года, и его бешенство вылилось при посредстве сионистских организаций всего мира в последовавшую затем кампанию непрерывной клеветы против

Бевина.

Останься Черчилль английским премьером, он наверняка бросил бы английские войска на раздел Палестины. Трудно сделать иной вывод из его меморандума союзному Комитету начальников штабов от 25 января 1944 г., в котором он писал: «Предоставленные самим себе, евреи разобьют арабов; нет поэтому никакой опасности в том, чтобы нам объединиться с евреями для насильственного проведения предлагаемого раздела…» Читатель заметит, что одно и тоже далеко не всегда является одним и тем же: раздел Европы был в глазах Черчилля «позорным разделом, который не может долго продержаться»; раздел Палестины насильственным путём заслуживал в глазах Черчилля того, чтобы «объединиться с евреями». Бевин не желал иметь ничего общего с подобными планами. По его инициативе социалистическое правительство объявило, что оно «не намерено согласиться с тем, что евреев нужно убрать из Европы или что им не должно быть разрешено снова проживать в этих (европейских) странах без всякой дискриминации, приобщая свои способности к восстановлению европейского процветания». Эти слова показывают, что Бевин вполне понимал природу сионистского шовинизма, вызванные им проблемы и единственное возможное их разрешение. Они рисуют нам то, что неизбежно должно в один прекрасный день осуществиться, но теперь этот день отодвинут от нас до поздних времён, после нового разрушительного периода в Палестине, в осложнения которого возможно окажется впутанным весь мир. Он был либо первым британским политиком, полностью понявшим положение, или же первым, имевшим смелость действовать согласно этому пониманию.

Социалистическое правительство 1945 года вынуждено было, в силу своей ответственности, сделать то, что до него также были вынуждены делать все ответственные правительства: послать ещё одну комиссию (которая могла лишь повторить то, что уже докладывалось всеми прежними) для расследования положения, регулируя тем временем сионистскую иммиграцию и обеспечивая интересы коренного арабского населения, в согласии с обязательством первоначальной декларации Бальфура. Для Вейцмана это было «возвращением к старой, изворотливой и двойственной политике обязательств по отношению к палестинским арабам», и сионистская машина была пущена в ход на уничтожение Бевина, на чью голову в последующие два года обрушилась развёрнутая во всём мире кампания, действовавшая целеустремлённо, синхронизировано и с невероятной силой. Вначале была двинута в поход консервативная партия, которую социалисты победили в своё время с помощью капитуляции перед сионизмом, что поставило на их сторону всю контролируемую печать. Вытесненные из правления консерваторы разыграли теперь этот козырь против социалистов, капитулировав в свою очередь перед сионистами. Цель была ясной: объявив в своё время, что она будет бороться против внутренней политики социалистов и поддерживать их внешнюю политику, консервативная партия немедленно сделала одно только исключение в этой второй части, сразу же после социалистической декларации о Палестине; она повела атаку против палестинской политики социалистического правительства, что означало атаку против Бевина. С безопасных высот в оппозиции, Черчилль унизил себя, обвинив Бевина в «антиеврейских настроениях», выпустив снаряд из арсенала Анти-Диффамационной Лиги и добавив к её каталогу клеветнических ярлыков ещё один: «бевинизм». Выдающийся коллега Черчилля в течение долгих военных лет, Бевин никогда не унижал себя подобного рода клеветой на своего политического соперника. На своём полном опасностей посту Бевин, таким образом, мог рассчитывать на поддержку своей внешней политики со стороны оппозиции во всём, кроме палестинского вопроса. Возможно, что ему и тут ещё удалось бы спасти положение, если бы не вмешательство нового американского президента, Гарри Трумана, чьё автоматическое выдвижение на эту должность, после смерти Рузвельта, придало истории 20-го столетия характер античной трагедии, если не просто комедии ошибок. Труман утопил свою страну по уши в палестинской трясине в тот самый момент, когда в Англии нашёлся наконец достаточно твёрдый политик, способный ликвидировать эту катастрофическую авантюру. Как маленький городишка на американском среднем Западе, так и Канзас Сити трудно считать подходящим местом для изучения вопросов мировой политики, если только речь не идёт о гении, не нуждающемся в образовании, дополняющем его врождённые качества. К тому времени, когда на него неожиданно свалилось президентское бремя, у Трумана было два главных недостатка, делавших его мало подходящим для этой должности. Одним было воспитание в медвежьем углу вдали от всякой мировой политики; другим — слишком близкое знакомство с политиканством на провинциальных задворках. В Канзас Сити он видел эту машину в действии и был хорошо знаком с кумовством и политическим «блатом», как и с манипуляцией избирательных голосов. В его представлении политика была гешефтом с весьма простыми правилами, не оставлявшими места для высокопарных идей. Поставить свою подпись под актами ещё невиданного в западной истории разрушения выпало на долю вечно-улыбающегося здоровяка среднего роста, бодро выскочившего на арену великих событий. В

Потсдаме он нашёл, что «дядя Джо» был «хорошим парнем», и закончил начатое Рузвельтом перекраивание политической карты Европы и Азии. Он же распорядился обрушить атомное разрушение на беззащитные Хиросиму и Нагасаки. Никогда ещё участие в серии подобного рода дел не выпадало на долю разорившегося торговца галантереей, волею судеб оказавшегося на посту «премьера-диктатора». После этого он устремил взгляд на внутреннюю политику и занялся предстоящими выборами в Конгресс и президентскими выборами. Он хорошо знал (и открыто заявил), что для того и другого важно было заручиться выборной поддержкой американского еврейства.

В то время, как Бевин силился распутать палестинский клубок, Труман сводил все его усилия на-нет. Прежде всего он потребовал немедленного допущения новых ста тысяч евреев в Палестину, а затем организовал посылку в Палестину первой односторонней комиссии расследования, что было разумеется единственно возможным путём добиться результатов, благоприятствовавших целям сионистов. Из четырёх американских членов этой комиссии двое были заядлыми сионистами; единственными её английским членом был известный сионистский пропагандист, ярый враг Бевина из левого крыла партии. Эта «англо-американская» комиссия выехала в Палестину, где источником её информации стал главным образом доктор Вейцман, околачивавшийся в этой стране уже, по крайней мере, в десятый раз на протяжении 30 последних лет. Комиссия рекомендовала (хотя и с добавлением «с осторожностью») допустить в Палестину 100 000 «перемещённых лиц», так называемых «ди-пи», что разумеется служило лишь целям дезинформации общественности, в то время весьма озабоченной судьбами миллионов «ди-пи», ни один из которых, однако, не желал ехать в Палестину.

Так были заготовлены дрова для костра следующей войны, а президент Соединённых Штатов открыто выступил в поддержку «враждебных действий» против арабов, поскольку ничем иным принятые решения быть не могли. Очередной сионистский конгресс в Женеве в 1946 г. с удовлетворением отметил новые «обязательства» Запада, к которым были причислены «предложение» Трумана и «осторожные рекомендации» пристрастной и односторонней Палестинской комиссии. Сам сионистский конгресс также представлял собой весьма любопытное сборище главным образом палестинских евреев (уже там проживавших) и евреев американских (туда вовсе не собиравшихся); согнанные со всей Европы для перевоза в Палестину еврейские массы представлены на конгрессе не были. Большое значение имели принятые этим конгрессом решения, которые описывает Вейцман. По его словам, этот конгресс был «особого характера», показав «тенденцию использования методов… обозначавшихся различными терминами, как-то сопротивление, оборона или активизм». Несмотря однако на эти «оттенки», пишет Вейцман, «одно было общим для всех: убеждение в необходимости активной борьбы с британскими властями, как в Палестине, так и в любом другом месте в данном вопросе». Завуалированную терминологию Хаима Вейцмана следует рассматривать в общем контексте настоящей книги и всей истории сионизма. Его слова означают, что Всемирным сионистским конгрессом в Женеве в 1945 году было решено возродить методы террора и политических убийств, применявшихся в России в эпоху расцветания двухголового заговора революции и сионизма. Конгрессу было хорошо известно, какие методы имелись в виду, «обозначаясь различными терминами» в его дебатах, ибо они уже были возрождены убийством лорда Мойна и многими другими актами террора в Палестине. Побудительным мотивом к фактическому принятию подобного решения явилась инициатива американского президента силой водворить сто тысяч иммигрантов в Палестине. Сионисты приняли это как очередное «обязательство» Америки санкционировать всё, что бы они ни творили дальше в Палестине, и в этом они были совершенно правы.

Похоже, что д-ру Вейцману стало ясно, что стояло на карте и что на склоне своих лет он отшатнулся от раскрывшихся перед ним перспектив: от возврата к культу кровожадного божества Молоха. В своей жизни он видел достаточно крови, пролитой во имя революционного коммунизма и революционного сионизма, обеих сил, довлевших над жизнью в отцовском доме и его родном местечке в черте оседлости. В дни юности он принимал активное участие в беспорядках и революциях, считая политическое убийство их естественным атрибутом; в зрелые годы он с ликованием принял разрушение России, несмотря на вызванные им десятилетия кровавого террора. В течение 55 лет подряд он звал к разрушению и спускал с цепи псов войны. Почти неизвестный ввергнутой с его помощью в две мировых войны общественности, он превратился в одну из влиятельнейших личностей в мире. Начиная с 1906 года, когда он впервые одурачил Бальфура, он неизменно подымался вверх по лестнице успеха, пока его слово не стало законом в приёмных, вынуждая аудиенции у монархов и подчинение президентов и премьер-министров. Теперь, когда столь давно задуманное им предприятие было накануне завершения, он отшатнулся от перспектив дальнейшего кровопролития безгранично раскрывшегося перед его глазами. Кровь, снова кровь, а в конце… что же в конце? Д-р Вейцман

вспомнил судьбу Саббатая Цеви.

Он выступил против «подчинения деморализующим силам в нашем движении»; этой туманной фразой он прикрывал то, что Черчилль называл «экстремизмом», а британские администраторы на местах просто «терроризмом». Видно он сильно изменился под конец своих дней, ибо ему должно было быть ясно, что без террора сионизму никогда не удалось бы стать на ноги, и что в 1946 году, если сионистское государство должно было быть создано, то это могло быть достигнуто только с помощью насилия. По всем данным, доктору Вейцману стала наконец ясна вся тщетность полувекового «давления за кулисами» и он увидел неизбежное в будущем фиаско, грозившее рождённому террором сионистскому государству. Психологически это был один из самых интересных моментов нашей истории. Возможно, что со старостью приходит также и мудрость; люди устают от жестоких слов и дел, которые, как им казалось в дни их заговорщической юности, способны разрешить все проблемы, и отвращение к ним вероятно овладело Хаимом Вейцманом. Если это действительно произошло, то было уже слишком поздно, чтобы что-либо изменить. Построенная им машина должна была продолжать работать по инерции до своего собственного разрушения, как и уничтожения всего, что стояло на её пути. Остаток сионистского будущего был теперь в руках «деморализующих сил движения», и он сам им его передал.

Вейцман не получил вотума доверия и не был переизбран президентом Всемирной сионистской организации. Через 40 лет после Герцля его отставили в стороне, как в своё время он сам отставил в сторону Герцля, и по той же самой причине. Со своими» хазарами из России он свергнул Герцля, согласного принять Уганду, что означало отказ от Палестины. Его свергли за то, что он испугался возобновления террора, что также фактически означало отказ от Палестины. Нота отчаяния прозвучала в его записках уже раньше в связи с убийством лорда Мойна: «Палестинские евреи… должны вырвать с корнем это зло из их среды… это совершенно не-еврейское явление». Эти слова предназначались для западных ушей и были обманными; политическое убийство вовсе не было «совершенно не-еврейским явлением» в талмудистских районах России, в которых Хаим Вейцман провёл свою революционную и заговорщическую юность; это было ему хорошо известно и ряд подобных же актов запятнал сионизм уже в прошлом. Выступая перед чисто сионистской аудиторией он и не характеризовал политический терроризм как «нееврейское явление», а наоборот открыто заявил: «Чем является террор в Палестине, как не древним злом под новой, отвратительной личиной?» Это «древнее зло», выпущенное как джинн из талмудистской бутыли и вставшее перед Вейцманом в Женеве в 1946 году, навело его на предчувствия, которыми полны последние страницы его книги, изданной в 1949 году, когда сионистское государство уже было создано при помощи открытого террора. Как он пишет, убийство Мойна осветило пропасть, в которую приводит терроризм». Так под конец своих дней Вейцман увидел единственную цель своей неутомимой поездки: пропасть. Он дожил до того, когда она приняла первый миллион своих жертв. С момента его отставки фактический контроль над сионизмом перешёл в руки террористов (как он их называл) и его запоздалые крики «стой!» не достигали ничьих ушей. «Активисты» (как они сами себя называли) оказались наделёнными властью разжечь третий мировой конфликт в любой момент, когда они сочтут это нужным. Вейцман ещё дожил до того, чтобы сыграть решающую роль в следующей стадии этой авантюры, но никогда с тех пор не пользовался в сионизме действительной властью.

Завладев в 1946 г. властью, террористы принялись прежде всего выживать из Палестины англичан, зная что при созданном во время Второй мировой войны положении им обеспечен успех. Если бы англичане стали защищаться сами или защищать семитских арабов, — крик об «антисемитизме» не умолк бы до тех пор, пока политики в Вашингтоне не выступили против англичан; когда убрались бы англичане, пришёл бы черёд изгнанию арабов. Террор фактически продолжался уже долгие годы, и убийство Мойна было лишь одним из многочисленных эпизодов. Один из допекаемых сионистами британских министров колоний, Оливер Стенли заявил уже в 1944 г. в Палате общин, что этот террор существенно нарушил «ведение английских военных операций», другими словами способствовал отдалению конца войны; Стенли заслуживает, как источник, доверия, ибо после его смерти сионисты восхваляли его, как нашего верного друга». В 1946 и 1947 гг., после женевского конгресса сионистов, террор резко усилился и сотни британских солдат были перебиты в засадах или во сне, взорваны бомбами и т. д. «Древнее зло» этого террора было намеренно продемонстрировано, когда двух английских сержантов медленно замучили до смерти и оставили повешенными в роще. Выбор этой левитской формы убийства указывал, что здесь действовал иудейский закон: «повесить на дереве» было смертью, уготованной «проклятым Богом». Дрожа под яростными нападками американской и английской печати, британское правительство боялось обеспечить защиту своим чиновникам и

военным, и один британский военный писал в «Таймс»: «Какая армии польза от симпатий правительства? Оно не наказывает за убитых и не предотвращает дальнейших убийств. Неужели у нас нет больше достаточной смелости для обеспечения закона и порядка там, где они лежат на нашей ответственности?»

Именно в этом и была зарыта собака. В результате «непреодолимого давления» правительства западных великих держав превратились в безвольных рабов, а Великобритания и Америка перестали быть суверенными нациями. Доведённое до отчаяния английское правительство передало в конце концов палестинский вопрос новой организации в Нью-Йорке, называвшей себя «Объединёнными Нациями» и имевшей так же мало прав распоряжаться Палестиной, как и Лига Наций до неё. Делегаты с острова Гаити, из Либерии, Гондураса и других медвежьих углов «свободного мира» толпами пёрли к «Лейк Саксес» (Озеро Успеха), забытому пруду в предместье Нью-Йорка. Из лона ООН с шипением выползали всё новые отпрыски с именами вроде КОБСРА (Совет британских благотворительных обществ помощи заграницей), УНРРА (Администрация объединённых наций по вопросам помощи и размещения), ЮНЕСКО (Организация ОН по вопросам просвещения, науки и культуры) и пр. В один прекрасный день нечто под названием ЮНСКОП (Специальный комитет ООН по вопросам Палестины) представило ООН доклад, рекомендуя «раздел Палестины».

Наш доктор Вейцман, хотя давно уже уволенный за свои предостережения против терроризма, был опять главным источником информации для прибывших в Иерусалим деятелей ЮНСКОПа; теперь он срочно вернулся в Нью-Йорк, где он в октябре-ноябре 1947 г. руководил закулисными махинациями еврейского лобби, «Непреодолимое давление» действовало с неослабевающей силой. Делегаты, показывавшиеся публике в киножурналах, были пустыми куклами; вся большая игра велась за кулисами, и в этом, по словам Честертона, «реальном мире», о существовании которого общественность даже и не подозревала, организовывались две операции, с помощью которых судьба Палестины должна была решиться вдали от болтовни в залах ООН. Прежде всего, сотни тысяч евреев из России и восточной Европы перебрасывались контрабандой через всю западную Европу для вторжения в Палестину; далее, приближающиеся президентские выборы в США были использованы сионистами, чтобы заставить обе соперничающие партии драться за поддержку сионистов, обеспечив тем самым подачу решающего американского голоса в ООН в пользу этого вторжения.

В том и другом случае, как и неоднократно в ходе предыдущих трёх десятилетий нашлись люди, пытавшиеся избавить свои народы от опасных последствий такого вторжения. Контрабанда восточных евреев через западную Европу была разоблачена английским генералом, сэром Фредериком Морганом (чья роль в планировании союзной высадки в Нормандии с признательностью отмечается в воспоминаниях Эйзенхауэра). По окончании военных действий британское военное министерство «одолжило» генерала Моргана организации УНРРА, отпрыску ООН, роль которого предположительно должна была заключаться в «помощи и размещении» пострадавших от войны. Генералу Моргану доверили попечение о самых несчастных из них (т. н. «перемещённых лицах», ди-пи), и он скоро смог убедиться в том, что УНРРА, стоившая американским и британским налогоплательщикам кучу денег, использовалась в качестве ширмы для контрабандной переброски целых орд евреев с Востока в Палестину. Эта публика не имена ни малейшего отношения к «перемещённым лицам», их родные места были «освобождены» от немцев Красной армией и они имели полную возможность продолжать там жить, будучи защищёнными особыми законами против «антисемитизма», навязанными всем этим советизированным странам их новыми московскими хозяевами. Их никто не «изгонял из Германии», которой они никогда в жизни не видели. Это снова были те же восточные евреи, «ост-юден», хазары, которых их талмудистские властители гнали в новые страны с заговорщическими целями.

Тем самым на потухающих углях прошедшей войны готовилось варево новой, и генерал Морган дважды (в январе и августе 1946 г.) публично заявил о наличии «тайной организации с целью массовой переброски евреев из Европы, второго исхода». Американский сенатор Герберт Лейман, ведущий сионист и генеральный директор УНРРА, квалифицировал это заявление, как «антисемитское», потребовав отставки генерала. Он смилостивился после уверения генерала Моргана о полном отсутствии у него «антисемитских» намерений, но когда восемь месяцев спустя генерал повторил своё предостережение, он был немедленно уволен новым генеральным директором, известным сионистским прислужником и бывшим мэром Нью-Йорка, г. Фиорелло Ла Гуардия, прозванным ньюйоркцами (за его итальянское имя) «маленьким цветочком». На место генерала Моргана Ла Гуардия назначил некоего Мейера Когана, а британское правительство поторопилось наказать генерала, уволив организатора нормандской высадки в отставку, якобы по его собственной просьбе, что было неправдой. Разоблачения генерала Моргана были подтверждены, независимо один от другого, двумя высокопоставленными

премиями, однако, в силу зависимого положения западной печати, едва дошли до сведения общественности. Особый бюджетный комитет британской Палаты общин доложил парламенту в ноябре 1946 г., что «очень большое число евреев, почти равняющееся второму исходу, мигрировало из восточной Европы в американские зоны оккупации в Германии и Австрии с намерением в большинстве случаев в конечном итоге прибыть в Палестину. Совершенно ясно, что речь идёт о вполне организованном движении с необходимыми денежными средствами и влиятельными силами позади, однако комитету не удалось получить конкретных доказательств того, кто были действительные организаторы». Американский сенат, в свою очередь, послал в Европу т. н. Военно-расследовательную комиссию, которая доложила, что «массовая миграция евреев из восточной Европы в американскую зону Германии является частью тщательно организованного плана, финансируемого особыми группами в Соединённых Штатах.

Перед нами, таким образом, снова картина заговора, поддерживаемого западными правительствами, в данном особом случае правительством США. «Организаторы» в Америке щедро разбазаривали общественные средства, осуществляя массовую переброску целого населения под ширмой помощи жертвам войны. Руководители этой организации обладали властью немедленно увольнять находившихся на правительственной службе и государственном жалованье высоких должностных лиц, позволивших себе разоблачить их махинации, а британское правительство оказывало подобным действиям полную поддержку. Несмотря на то, кто к этому времени (1946…47 гг.) опасность политики революционного коммунистического государства якобы уже стала ясной западным политикам (и была начата «холодная война» против этой опасности), все три правительства в Вашингтоне, Лондоне и Москве действовали в одной только данной области в полном согласии. «Исход» пришёл из России и той части Европы, которую запад выдал как военную добычу революции. Всем было известно, что ни один человек не мог покинуть советского государства, как и всех прочих советизированных стран восточной Европы, без специального разрешения, дававшегося лишь в самых редких случаях; однако, в одном лишь этом случае «железный занавес» вдруг поднялся, выпустив громадное количество людей, вполне достаточное для обеспечения немедленной войны и постоянного очага беспорядков на Ближнем Востоке. За 30 лет до того столь же бесшумно раскрылись порты и границы враждебной Германии, союзной Англии и нейтральной Америки, чтобы спустить революционную орду на Россию. В обоих данных случаях, на этом высшем уровне международной политики, другими словами на сверх-национальном, не существовало ни союзников, ни врагов, ни нейтралов: все правительства подчинялись велениям высшей силы.

В своё время один из британских министров колоний, ранее других замешанный в дела сионизма и декларацию Бальфура 1917 года, Леопольд Эмери, констатировал, что «опубликовывая декларацию Бальфура, мы полагали, что евреи образуют еврейское государство, если они смогут стать большинством в Палестине». В годы 1946…48 эта идея начала наконец реализовываться единственным возможным путём: массовой пересадкой восточных евреев в Палестину. Оставалось только одно: получить от «объединённых наций» нечто вроде липовой легализации готовившегося вторжения. Для этого нужно было обеспечить полную покорность американского президента, а её можно было добиться, пригрозив его партийным советникам проигрышем на президентских выборах, предстоявших через год. В рассеивающемся тумане прошедшей войны эта подпольная переброска целого населения фактически раздувала пламя нового конфликта, и в Америке (после увольнения генерала Моргана в Европе) нашлись два человека, пытавшихся по долгу службы подавить эту опасность в зародыше. Одним из них был генерал Маршалл, чьё вмешательство в вопросе высадки в Европе, а впоследствии и в китайском вопросе, оказалось чреватым самыми роковыми последствиями. В палестинском вопросе, однако, он оказался на высоте. В 1947 г. он был государственным секретарём США и нёс, таким образом, главную ответственность перед президентом за внешнюю политику. Он стремился уберечь страну от вовлечения её в палестинскую афёру и, как это всегда бывало во всех подобных случаях, результатом была лишь его скорая отставка.

Другим лицом был министр обороны Джеймс Форрестол. Успешный банкир, он был привлечён в правительство во время войны за свои административные способности; он был состоятельным человеком, и одно лишь желание послужить своей стране побудило его принять официальную должность. Он также предвидел катастрофические последствия вовлечения Америки в палестинскую историю и умер увидев, что потерпел поражение, стараясь отвести опасность. Из всех, кто на протяжении двух поколений оказывался причастным к упомянутому вопросу, он был единственным, оставившим дневник, полностью разоблачающий методы, с помощью которых Сион контролирует правительства и правителей, и манипулирует ими. Труман зашёл даже дальше Рузвельта в деле изъятия

внешней политики и государственной безопасности из ведения ответственных за них по конституции министров и в принятии решений вопреки их совету под давлением со стороны советников по делам выборов. Картина происходившего получила полное освещение в «Дневнике» Форрестола, в мемуарах самого Трумана, и в книге Хаима Вейцмана. Закулисная борьба за влияние над американским президентом, а следовательно и над всей республикой, продолжалась с осени 1947 г. до весны 1948 г., другими словами начиная с дебатов в ООН по вопросу о разделе Палестины и до провозглашения сионистского государства Израиль после насильственного захвата страны. Немаловажное значение имеют точные даты событий. В ноябре 1947 г. сионисты потребовали голосования о «разделе», а в мае 1948 г. они желали признания их вторжения в Палестину. Президентские выборы в США должны были состояться в ноябре 1948 г., а существенно важный предварительный выбор кандидатов в президенты был назначен на июнь-июль 1948 г. Партийные организаторы внушили Труману, что его переизбрание находится в руках сионистов; оппозиционный кандидат получил такой же совет от своих партийных организаторов. Предвыборная кампания превратилась в своего рода аукцион, на котором организаторы выборов непрестанно понуждали обоих президентских кандидатов набивать цену, соревнуясь друг с другом в поддержке сионистского вторжения в Палестину. Одержавший победу неизбежно должен был проникнуться уверенностью, что его выбор был наградой за «поддержку раздела» в ноябре 1947 г. и за «признание Израиля» в мае 1948 г.; ничто не могло нагляднее продемонстрировать громадные изменения в политической жизни американской республики, происшедшие в результате массовой иммиграции восточных евреев в США после окончания гражданской войны в прошлом столетии. Форрестол оставил нам исчерпывающее описание главных ходов в этой скрытой, роковой борьбе. Бомба замедленного действия, заложенная Бальфуром за 30 лет до того, созрела к взрыву в этот момент, когда британское правительство объявило в 1947 г., что оно отзовёт свои власти и войска из Палестины, если прочие страны будут продолжать саботировать беспристрастное управление страной. Это было ответом на проект Трумана немедленно допустить дальнейшие 100 000 «перемещённых лиц» в Палестину. Ответственные сотрудники госдепартамента не замедлили указать американскому правительству на неизбежные последствия британской эвакуации Палестины. Генерал Маршалл информировал кабинет, что за этой эвакуацией последует кровавая война между арабами и евреями» (8 августа 1947 г.), а заместитель государственного секретаря США Роберт Ловетт указал (15 августа 1947 г.) на опасность «усиления неприязни всего арабского и магометанского мира» против США. На это предостережение последовали возражения со стороны партийных политиков. На одном из правительственных обедов министр почт и телеграфа Роберт Ханнеган, бывший председатель демократической партии (партия президента Трумана), наседал на президента с требованием, чтобы тот «сделал официальное заявление по вопросу палестинской политики», в котором разрешалось бы «допущение 150 000 сионистов» в страну. Другими словами, ответом на английское предостережение должно было стать повышение цены на сионистском предвыборном аукционе со ста до ста пятидесяти тысяч евреев, направляемых в Палестину. Ханнеган подчеркнул, что удовлетворение этого нового требования «окажет очень большое влияние и вызовет громадный эффект при сборе денежных средств для Демократического Национального Комитета», добавив в качестве доказательства, что удовлетворение прежнего требования (100 000 еврейских иммигрантов в Палестину) имело результатом «получение очень больших сумм от еврейских жертвователей, которые будут в дальнейшем давать или не давать деньги в зависимости от того, что президент сделает для Палестины». Так в одном из важнейших внешнеполитических вопросов президент без обиняков был поставлен перед необходимостью сделать выбор между национальными интересами с одной стороны, и чисто партийными интересами получения денежных средств, голосов избирателей и выборного успеха с другой. Споры по этому вопросу продолжались в течение многих месяцев и были разрешены исключительно в этом плане без всяких прикрас. Создавшееся положение всё более тревожило министра обороны Форрестола. Он считал, что если национальная политика и государственная безопасность, за которую он нёс ответственность, будут подчинены вопросам купли голосов, то страна попадёт под окончательный контроль сионистов; уже в 1946 г. он просил президента изъять Палестину из политики». В то время Труман был «в принципе согласен», но выразил мнение, что из этого вряд ли что-либо выйдет, поскольку без маневрирования в политике не обойтись, а изменить политику и наш образ правления невозможно». Подстёгиваемый опасениями, Форрестол неутомимо старался в сентябре 1947 г. «изъять Палестину из политики». Он считал, что в обеих конкурирующих партиях большинство обязано было понимать необходимость исключения, в высших интересах государства, важнейших вопросов внешней политики из партийной полемики, так чтобы палестинский вопрос не становился предметом торговли на выборах. У сторонников «практической политики» его мысли не вызвали

ничего, кроме презрения. Встревоженный приведёнными выше соображениями Ханнегана от 4-го сентября 1947 г., Форрестол задал президенту Труману на правительственном обеде 29-го сентября прямой вопрос, «нельзя ли изъять еврейско-палестинский вопрос из политики? „Труман ответил, что „попробовать стоит, но он смотрит на это дело скептически“. На следующем обеде 16-го октября) партийный босс Ханнеган соответственным образом отчитал министра: „Г-н Ханнеган поставил вопрос о Палестине. Он заявил, что многочисленные жертвователи на избирательную кампанию демократов энергично настаивают на заверениях в полной поддержке правительством еврейской позиции в Палестине“. Предвидя капитуляцию Трумана, Форрестол встревожился ещё более. 6-го ноября 1947 г. он явился к менеджеру Демократической партии Ховарду Мак Грату, но не смог ничего добиться и на этот раз, услышав от него: «В двух или трёх ведущих штатах мы не получим большинства без поддержки лиц, глубоко заинтересованных в палестинском вопросе. Форрестол возразил: «Я согласен лучше потерять эти штаты на выборах, чем рисковать последствиями нашей позиции в палестинском вопросе“; как и следовало ожидать, это возражение не произвело большого впечатления.

На следующий день Форрестол снова был поддержан генералом Маршаллом, заявившим на заседании кабинета министров, что Ближний Восток представляет собой «очередную бочку с порохом», после чего министр обороны «повторив предложение… всерьёз попытаться изъять палестинский вопрос из американской партийной политики… Внутренняя политика кончается на берегу Атлантического Океана, и ни один вопрос не таит в себе большой угрозы для нашей безопасности, чем именно этот» (7 ноября 1947 г.).

Приближался срок голосования о «разделе Палестины» в ООН, и Форрестол вновь обратился к менеджеру Демократической партии Мак Грату, показав ему секретный доклад американской разведки о положении в Палестине. Мак Грат отмахнулся и от этого, указав, что значительная часть денежных средств Демократического Национального Комитета поступает из еврейских источников и что эти пожертвования делаются «явно с целью, чтобы жертвователи получили возможность выразить свои взгляды и чтобы их взглядам было уделено серьёзное внимание в таких вопросах, как в настоящее время вопрос Палестины. Среди евреев растёт недовольство тем, что Соединёнными Штатами не делается то, что нужно для обеспечения голосов в Генеральной Ассамблее ООН в пользу раздела Палестины, и „что сверх того евреи ожидают, что США сделают всё от них зависящее для проведения этого раздела в жизнь, после того как ООН проголосует за него, в случае необходимости даже силой оружия“. Из этой цитаты видно, как росла цена за сионистские голоса и избирательные фонды в результате закулисных махинаций. Вначале от Соединённых Штатов ожидалась только поддержка в ООН предложения о разделе Палестины. На протяжении немногих недель это „ожидание“ превратилось в требование обеспечить голоса других стран в поддержку раздела и послать американские войска для его насильственного проведения; партийный организатор явно не видел в этом ничего необычного, а поэтому, если американским солдатам когда-либо придётся сражаться на Ближнем Востоке, то, по прочтении „Дневников“ Форрестола, им по крайней мере станет ясно, как они там очутились. Из чувства долга Форрестол продолжал уговаривать Мак Грата „серьёзно призадуматься над этим вопросом, поскольку он касается не одних только арабов на Ближнем Востоке, но всего мусульманского мира с его четырьмястами миллионов населения в Египте, северной Африке, Индии и Афганистане“.

Пока за занавешенными окнами Белого Дома и партийных бюро разыгрывалось это заведомо проигранное Форрестолом сражение, Хаим Вейцман неутомимо организовывал в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лейк Саксесе «голосование» за раздел Палестины. Ему вначале пришлось встретиться с некоторыми трудностями, но в этот кульминационный момент он был избавлен от них, благодаря «поразительной и желанной перемене» в настроениях некоторых из тех «еврейских богачей», которые были раньше против сионизма. В этих последних главах своей книги он впервые называет Бернарда Баруха, отмечая, что раньше Барух был «оппозиционным евреем», одним из «богатых и могущественных евреев, которые были против идеи еврейского национального очага, не будучи о ней достаточно осведомлёнными». Можно лишь догадываться о точном составе и характере того «еврейского интернационала», который, согласно еврейскому историку Кастейну, образовался на рубеже нашего столетия. Вполне допустимо, в свете всего, что произошло в мире с тех пор, предполагать его в форме постоянного верховного директората, размещённого вне зависимости от каких бы то ни было национальных границ, изменения в составе которого происходят исключительно в связи со смертью отдельных его членов и замещением вакантных мест другими лицами. Если это так, то следующим законным выводом было бы, что д-р Хаим Вейцман был его весьма высокопоставленным, возможно даже самым высоким сотрудником, подчинённым однако этой инстанции, стоявшей над ним. В этом случае автор настоящей книги полагает, что четырьмя наиболее влиятельными членами

еврейского директората в Соединённых Штатах были прежде всего Бернард Барух и, далее, сенатор Герберт Лейман, Генри Моргентау младший, и член Верховного Суда США Феликс Франкфуртер. Если возможны были сомнения, то они относились бы ранее к Баруху, который до того никогда открыто не солидаризовался ни с «левыми» начинаниями, ни с сионизмом. Его старый приятель Уинстон Черчилль уведомил Вейцмана об «отрицательном отношении» Баруха к сионизму, и Вейцман, по собственным словам, «остерегался затрагивать еврейский вопрос», встречаясь с Барухом в Америке.

Как бы то ни было, в этот критический момент Барух неожиданно «сильно изменился» (как пишет тот же Вейцман), и его поддержка, присоединившаяся к «давлению» сионистов на американскую политику, оказалась решающей. Как быстро выяснил бегавший по кулуарам ООН в Лейк Саксес доктор Вейцман, американская делегация в ООН была против раздела Палестины. Тогда он заручился «чрезвычайно полезной» поддержкой м-ра Баруха (которого до тех пор, на протяжении более чем 40 лет, даже столь близкие друзья, как Черчилль, неизменно считали противником сионизма!), а также и младшего Генри Моргентау (сына «старшего» Генри Моргентау, американского посла в Турции во время первой войны), чьё имя навсегда осталось связанным с планом талмудистского отмщения Германии, принятым Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Оттаве в 1944 году. Бернард Барух наверняка не был проникнут тем чувством почтения к Вейцману, которое овладевало западными политиками как только сионистский вожак появлялся на горизонте. Его неожиданную помощь сионизму следует поэтому приписать либо его внезапному обращению в сионистскую веру, либо же запоздалому проявлению скрывающихся ранее чувств (возможно также указание, или же новое решение, «на высшем уровне» — *прим. перев.*). Как бы то ни было, далее будет показано, что его помощь оказалась решающим фактором.

Вейцман пользовался прочной поддержкой других влиятельных евреев в Демократической партии. Сенатор Лейман возглавлял УНРРА, переправлявшую восточных евреев в Палестину, потребовав отставки генерала Моргана за публичное разоблачение этой массовой человеческой контрабанды; его роль в разыгрывавшемся сценарии вполне ясна. Не отставал от него и верховный судья Франкфуртер: заведующий ближневосточным отделом госдепартамента Лой Гендерсон сообщил Форрестолу, что «на него и на Ловетта оказывается сильнейшее давление в смысле активного обеспечения Америкой голосов в ООН за раздел Палестины; по его словам, Феликс Франкфуртер и судья Мэрфи написали филиппинскому делегату письмо, настоятельно добиваясь его голоса». Это был тот самый м-р Франкфуртер, который пришёл на мирной конференции в Париже в 1919 г. к полковнику Хаузу «для разговора о евреях в Палестине»; он же был впоследствии заботливым наставником советского шпиона Альджера Хисса на юридическом факультете Гарвардского университета.

С такой поддержкой Вейцман был в положении осаждающего крепость генерала с превосходящими силами, когда он прибыл к коменданту крепости, президенту Труману (19 ноября 1947), с требованием, чтобы США поддержали раздел Палестины, а также чтобы район Негева (чему Вейцман придавал «большое значение») был включён в сионистскую территорию. Послушание Трумана не оставляло желать лучшего; «он обещал мне, что он немедленно свяжется с американской делегацией» (Вейцман). В ООН, на Лейк Саксес, глава американской делегации Гершель Джонсон только что собрался уведомить сионистского представителя, что Америка решила голосовать против включения Негева, как его вызвали к телефону и он получил переданный Труманом приказ д-ра Вейцмана. Этим дело было завершено, и 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала (сионистская пропаганда неизменно пишет «решила»), чтобы, по истечении срока британского «мандата» над Палестиной 1-го августа 1948 г., были созданы «независимые арабское и еврейское государства с особым международным режимом для города Иерусалима».

Результаты голосования были 31 голос «за» против 13-ти, при десяти задержавшихся. Как был обеспечен американский голос, было показано выше. Что касается некоторых прочих голосов, то заместитель государственного секретаря США Роберт Ловетт сообщил на следующем правительственном обеде 11-го декабря 1947 г., что «ему никогда в жизни не приходилось наблюдать такого давления, как в последние три дня». По его словам, резиновая компания «Файрстон», имевшая концессию в Либерии, получила по телефону распоряжение указать своему представителю в Либерии «чтобы он оказал давление на либерийское правительство в смысле голосования за раздел» (мы уже цитировали сообщение Лоя Гендерсона о «сильном давлении» с американской стороны для «обеспечения» голосов малых стран). Так было обеспечено «решение» ООН по одному из самых опасных вопросов мировой политики текущего столетия.

На министерском обеде сразу же после «решения» ООН Форрестол возобновил наступление: «Я указал, что многие рассудительные люди еврейской веры полны сомнений относительно мудрости

сионистского давления за создание еврейского государства в Палестине… Это решение чревато опасными последствиями для безопасности нашей страны в будущем». После этого он обсудил этот вопрос (3 декабря 1947 г.) с Джеймсом Бёрнсом, смещённым с поста государственного секретаря в том же 1947 г. (его отставку легко было предвидеть: он сделал достоянием гласности обязательство, данное Рузвельтом королю Ибн-Сауду). Бёрнс сообщил Форрестолу, что действия президента Трумана поставили британское правительство «в самое затруднительное положение», добавив, что «главную ответственность» за них несут Давид Найлс и судья Самуил Розенман — два члена той «дворцовой гвардии», которой в своё время окружил себя президент Рузвельт; русский еврей Найлс (разумеется псевдоним!) был президентским «советником по еврейским делам», а судья Розенман был редактором (т. е. автором) президентских речей. Оба они, по словам Бёрнса, напугали Трумана сообщением, что «Дьюи (оппозиционный кандидат в президенты) собирался выступить с заявлением в пользу сионистской позиции по вопросу о Палестине, утверждая, что если Труман его не опередит, то штат Нью-Йорк будет демократами потерян.

Бёрнс позволяет нам здесь бросить ещё один взгляд на закулисный аукцион. Два кандидата на высшую должность в Соединённых Штатах (Томас Дьюи кандидировал от Республиканской партии) выглядят, как дети, натравленные один на другого обещанием кулька с конфетами. Разыгрывая сионистскую карту в вопросе раздела Палестины, Труман далеко ещё не обеспечивал демократам победы, ибо до выборов оставался целый год, в течение которого сионисты подвешивали кулёк со сластями всё выше, требуя всё больше и больше, а республиканцы, в свою очередь, набивали цену. В отчаянии, Форрестол попытался убедить республиканского кандидата Дьюи: «Я сказал ему, что палестинский вопрос глубочайшим образом беспокоит меня с точки зрения безопасности страны, и снова попросил, не могли ли бы обе партии с обоюдного согласия изъять этот вопрос из предвыборной кампании». Ответ губернатора (штата Нью-Йорк) Дьюи не отличался от ответа Трумана: «Добиться результатов будет очень трудно из-за возбуждённого поведения еврейства, для которого Палестина стала эмоциональным символом, а также потому, что Демократическая партия не захочет отказаться от еврейских голосов». Дьюи и дальше, после этого разговора, старался переплюнуть демократов в погоне за «еврейскими голосами», будучи вероятно немало удивлён тем, что, несмотря ни на что, оказался побеждённым.

После этого Форрестол попытался поддержать оппозицию со стороны госдепартамента своим меморандумом от 21 января 1948 г., в котором он проанализировал угрозу национальной безопасности, проистекающую из вовлечения Америки в палестинскую авантюру: «Весьма сомнительно, чтобы существовал какой-либо иной сектор наших внешних сношений, обладающий большим значением или таящий в себе большие опасности… для безопасности Соединённых Штатов, чем наши отношения с Ближним Востоком». Он предостерегал, что «мы можем навсегда испортить наши отношения с мусульманским миром» и, сделав ложный шаг, «ввязаться в войну». Он отметил, что среди отдельных республиканцев он смог найти «некоторое одобрение» его предложений изъять палестинский вопрос из партийной политики», но что среди демократов господствует мнение, «что значительная часть партийных фондов финансируется из сионистских источников, которые требуют взамен права распоряжаться этой частью нашей государственной политики». Последние семь слов дословно отражают положение и не оставляют в нём сомнений. Сионисты требовали подчинения им американской государственной политики, обещая взамен четырёхлетнее президентство тому, кто даст больше. Были ли они действительно в состоянии дать обещанное, никогда не смогло быть проверено; партийные организаторы верили им на слово, а кандидаты обеих партий напяливали на себя власяницу покорного смирения даже ещё до своего выдвижения, зная (или опасаясь), что без неё их даже не выдвинут.

Форрестол настаивал, чтобы государственный секретарь (генерал Маршалл) заявил президенту официальный протест, указав, что большое число евреев «считают нынешнее рвение сионистов чреватым самыми опасными последствиями не только в смысле раскола, вносимого ими в жизнь Америки, но в конечном итоге и для положения евреев во всём мире». Заместитель государственного секретаря Ловетт, прочтя меморандум Форрестола, показал ему другой, уже заготовленный плановым отделом Госдепартамента. Президенту сообщалось в нём, что план раздела Палестины «практически неосуществим» (совершенно так, как британскому правительству его колониальные чиновники указывали на «практическую неосуществимость» английского «мандата» в Палестине); далее, что против интересов Америки поставлять оружие сионистам, не давая его арабам; и что Соединённые Штаты не должны браться за насильственное проведение «рекомендации» о разделе, но должны наоборот стараться, чтобы она была взята обратно. Ловетт добавлял, что «использование другими

Организации объединённых наций в качестве пропагандной платформы усложняет ведение нашей внешней политики», отметив, что Госдепартамент считает «серьёзной помехой и препятствием для своей работы деятельность в Белом Доме м-ра Найлса обращающегося непосредственно к президенту по всем вопросам, касающимся Палестины». Заместитель государственного секретаря сообщил Форрестолу, что как-раз в тот самый день он снова оказался под «давлением» с той же стороны: Найлс позвонил по телефону из Белого Дома, «выразив надежду, что эмбарго на продажу вооружения сионистам будет снято».

Джеймс Форрестол явно уже стал к этому времени досадной помехой для сил позади Белого Дома, и было решено его убрать. Для начала к нему явился с визитом Франклин Д. Рузвельт младший. Сколь бы ни обещал его батюшка на смертном одре не предпринимать «враждебных действий против арабов», сынок (нью-йоркский политикан с надеждами на президентство) был рьяным приверженцем сионистов. Форрестол заявил ему в лицо, «что методы, применявшиеся людьми, не принадлежавшими к правительству, для оказания давления и принуждения на делегатов других наций в Генеральной Ассамблее граничили со скандалом». С некоторым удивлением он отмечает в своих записях, что в ответ на это его посетитель «воздержался от угроз», и тогда он объяснил ему свой план «изъятия палестинского вопроса из партийной политики» путём соглашения между обеими партиями. Достойный отпрыск своего родителя, м-р Рузвельт мл., ответил, что «это невозможно, что страна уже слишком втянута в это дело, и что кроме того подобного рода соглашение неизбежно послужит к поражению демократов и победе республиканцев». На что Форрестол ответил, что «отказ следовать за сионистами возможно приведёт к потере штатов Нью-Йорк, Пенсильвания и Калифорния» (те самые «ключевые штаты», о которых говорил парторганизатор Мак Грат), «однако мне кажется, что настало время кому-нибудь подумать и о том, не потеряем ли мы Соединённых Штатов».

Комментарий к этому со стороны м-ра Рузвельта мл. остался неизвестным, но во всяком случае он оказался предвестником многих бед для Форрестола, поскольку в тот же день (3 февраля 1948 г.) в дело вмешался сам Бернард Барух. Ранее оппонент сионизма, Барух стал теперь таким ревностным его защитником, что его совет Форрестолу гласил «перестать заниматься этим вопросом… поскольку во мне уже видят, притом в такой степени, что это угрожает моим собственным интересам, противника палестинской политики Объединённых Наций». Этими зловещими для Форрестола словами впервые в анналах нашей истории отмечается непосредственное вмешательство Баруха в высокую политику, и в характере этого вмешательства не остаётся сомнений. Его «советом» было, ни много ни мало, чтобы Форрестол, член кабинета и ответственный министр, больше заботился бы о собственных интересах, которые теперь были под угрозой; до тех пор министр Форрестол считал своим долгом заботиться исключительно об интересах своей страны. Форрестол не пишет, увидел ли он в этом совете угрозу; однако, его записи о визите молодого Рузвельта в тот же день показывают, что мысль об «угрозе» не была ему чужда.

Похоже, что полученный «совет» навёл на Форрестола страх, до и после него сковывавший в конечном итоге почти всех, кто пытался отделаться от крепостной зависимости Сиону. Четырьмя днями позже (7-го февраля 1948 г.) он набросал последний свой документ по данному вопросу, никогда не представленный им президенту, но содержащий кое-что имеющее историческое значение. В нём значится, что 6-го февраля «Эйзенхауэр уведомил меня, что для эффективного участия США в палестинской полицейской акции потребуются примерно одна дивизия с соответствующими вспомогательными подразделениями». Другими словами, к этому времени генерал Эйзенхауэр (в то время начальник штаба американских вооружённых сил) разрабатывал планы отправки американских войск в Палестину. Форрестол отложил свой меморандум в сторону, и сделал 12 и 18 февраля две последние попытки повлиять на генерала Маршалла дать отпор планам президента и партийных менеджеров; на этом его вмешательство в данном вопросе пришло к концу.

Отказ от дальнейшего сопротивления ему не помог, и в течение последующих двенадцати месяцев он был буквально затравлен до смерти. Его конец должен быть здесь описан до того, как мы перейдём к вооружённому захвату Палестины; он был классическим примером преследования при помощи клеветы, приводящего жертву к смерти. Автор этих строк прибыл впервые в Америку в начале 1949 года и был поражён ядовитой подлостью нападок печати и радио на некоего Джеймса Форрестола, министра обороны по должности. Кроме имени ему об этом человеке не было известно ровно ничего, а его роль в описанной выше истории была совершенно неизвестна широкой публике. Тем не менее, она ежедневно читала в слышала, что он был ненормальным, был трусом, не вступившимся за свою жену при нападении грабителей, что он подавал ложные сведения при уплате налогов и т. п. Случайно, автор познакомился с одним из друзей Форрестола, который сообщил ему, что министр доведён этим

преследованием до такого состояния, что его близкие были в сильнейшей тревоге за него. Несколько недель спустя он выбросился из окна небоскрёба, оставив на столе списанные из греческой трагедии стихи, заканчивавшиеся словами: «Горе, горе! таков будет плач…» (О смерти Форрестола см. примечание к главе 33).

Американские законы о клевете весьма либеральны и различны в разных штатах, а судебные процессы тянутся очень долго. Даже выигрыш такого процесса, как правило, не приносит никакой реабилитации или возмещения. Практически, почти нет границ тому, что можно говорить о том, кого решили оклеветать; поношения печатаются в стиле, разжигающем страсти толпы, а когда они передаются по радио, то это делается в бешеных тонах, напоминавших автору вой африканских дикарей в моменты исступления. В наследии Форрестола была найдена тетрадь, полная записей и вырезок этих поношений, и под конец жизни он не в состоянии был слушать радио. На его голову были вылиты целые ушаты помоев и грязи, а под конец два радио-диктора объединились для нанесения последнего удара. Один из них объявил (9 января 1949 г.), что «на этой неделе президент Труман примет отставку Форрестола», присовокупив к этому враньё насчёт каких-то акций германского химического концерна «И.Г.Фарбен». 11 января другой диктор сообщил миллионам слушателей, что отставка Форрестола давно бы уже состоялась, если бы первый диктор не сообщил о ней преждевременно; к этому была добавлена история с грабежом каких-то драгоценностей. За несколько недель до этого президент Труман сообщил представителям печати, что он просил Форрестола не подавать в отставку; 1-го марта он вызвал Форрестола к себе, потребовав его немедленной отставки сроком к 1-му мая, без указания причин. Форрестол покончил самоубийством 21 мая, на похоронной церемонии Труман назвал его «жертвой войны».

Кстати, примерно в то же время ещё одного из современников подобным же образом загнали на порог смерти; если он выжил, то только из-за того, что его попытка самоубийства оказалась неудачной. Его преследование исходило из тех же клеветнических источников, хотя он провинился в другой области: Уиттакер Чамберс осмелился раскрыть проникновение коммунистической агентуры в аппарат американского правительства. Автор этой книги был в то время в Америке, став свидетелем преследования Чамберса, описанного впоследствии им самим; в его книге приводится любопытный пример того, о чём шла речь раньше (см. главу 16), а именно о талмудистской практике «проклятия с помощью пристального злого взгляда» (согласно «Еврейской Энциклопедии»). Правоверные талмудисты не преминут усмотреть в попытке самоубийства Чамберса и в последовавшем ухудшении его здоровья подтверждение дословной правильности и эффективности «закона» в этом вопросе.

После того, как предупреждение со стороны Баруха заставило Форрестола отступить, ответственные сотрудники госдепартамента, во главе с генералом Маршаллом, продолжали борьбу; в течение всего этого времени, в Англии, Бевин также сражался в одиночку с консервативной оппозицией, как и с собственной партией. Был один момент, когда в обеих странах, впервые после 1917 года, министры и их сотрудники, казалось бы, могли одержать победу. Это случилось в марте 1948 года, когда, в результате «рекомендации», кровавые беспорядки в Палестине усилились настолько, что Совет Безопасности ООН вынужден был забить отбой. Даже Труман был в панике, и его представитель в Совете Безопасности объявил о перемене американской политики, предложив (19 марта 1948 г.) отложить раздел Палестины, установить перемирие между враждующими сторонами и, по окончании срока английского «мандата», установить «опеку» над страной. Фактически таково было предложение меморандума Госдепартамента, сделанное уже в январе того же года. Всё указывало на то, что в самый последний момент безумная идея «еврейского государства» наконец терпит крах. После военного угара начался постепенный возврат к разумному мышлению — процесс, который Ллойд Джордж 30 лет тому назад предостерегающе называл «оттепелью»; если сионистская авантюра теперь провалилась бы, то возродить её стало бы возможным только в результате третьей мировой войны. «Опека» стала бы, разумеется, тем же «мандатом», только в иной форме и с Соединёнными Штатами в качестве её главного исполнителя; легко было предвидеть, что через десять или двадцать лет, в результате продолжающегося сионистского давления, американцы убедились в невозможности «мандата». Другими словами, вопрос стоял: теперь или никогда, и сионисты не теряли времени для нанесения решительного удара. Они поставили «Объединённые нации» перед свершившимся фактом, разделив страну сами. Террористический акт, с помощью которого это было достигнуто, был прямым следствием политики, принятой Всемирным сионистским конгрессом в 1946 г., на котором «деморализующие силы в нашем движении» (слова Вейцмана) договорились о методах «сопротивления… обороны… активизма» (см. выше), отставив в сторону протестовавшего против них Вейцмана, хорошо знавшего, во что всё это выльется.

Вейцман тогда назвал режим террора в Палестине «древним злом под новой отвратительной личиной»; 9-ое апреля 1948 г. показало что именно он имел в виду и почему он назвал это зло древним». В этот знаменательный день «активисты» из террористической организации сионистских убийц «полностью уничтожили» арабскую деревню, точно и дословно выполняя «закон», установленный Второзаконием; читатель не забыл, что оно является основным иудаистским законом, представляя собой расширенное толкование первоначального Моисеева закона израилитов. Эта дата стала особо знаменательной во всей истории сионизма. Для арабов, хорошо знавших Тору («нам уже две тысячи лет известно то, чему вам пришлось научиться с помощью двух мировых войн»), она означала, что сфабрикованный левитами между 700 и 400 гг. до Р.Х. варварский иудейский закон восстанавливается в XX веке по Р.Х. с помощью как «христианского» Запада, так и коммунистического «Востока». Они знали, что резня должна была показать им, чего они должны были ожидать, оставаясь в Палестине. После этого почти всё арабское население Палестины бежало в соседние арабские страны. Резня в Дейр-Ясине удостоилась в западной печати лишь краткого сообщения; в нью-йоркском журнале «Тайм» стояло: «Еврейские террористы из организации „Банда Звезды“ и „Иргун Цвай Леуми“ ворвались в деревню Дейр-Ясин, перебив всё население. 250 арабских трупов, главным образом женщин и малых детей, были затем обнаружены брошенными в колодцы».

В своё время, ещё на Версальской конференции в 1919 г., доктор Хаим Вейцман заявил: «Наш мандат — Библия», и эти слова звучали неплохо для западных ушей. Дейр-Ясин показал, что эти слова означали в действительности, будучи повторенными сионистскими вожаками в Палестине 30 лет спустя. Резня в Дейр-Ясине была актом исполнения древних «законов и предписаний», включая соответственный текст во Второзаконии (VII, 2): «Когда введёт тебя Господь Бог твой в землю, в которую ты идёшь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего… семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя… и поразишь их; тогда передай их заклятию, не вступай в союз и не щади их»; и далее: «Не оставляй в живых ничего что дышит, но предай их заклятию». Семь арабских государств в наши дни награждены каждое своей долей палестинских беженцев 1948 года, являющихся живым напоминанием того, какой общей судьбой грозит им сионизм, осуществляя свой древний «закон».

Пассивная реакция всего еврейства, как такового, на этот варварский акт яснее всего другого показала, как за немного лет сионизму удалось изменить его психологию. Когда в 1933 г. (всего лишь за 15 лет до Дейр-Ясина) еврейский публицист Бернард Браун цитировал вышеприведённый отрывок из Второзакония, как основание для недоверия на стороне арабов, он добавил свой комментарий: «Некультурные арабы не понимают, разумеется, что современные евреи не принимают Библию дословно, что они добры и милосердны, не будучи в состоянии быть столь жестокими по отношению к другим людям, но арабы подозревают, что если евреи претендуют на Палестину на основе исторических прав, то они выводят эти права исключительно из Библии, арабы же понимают все её части буквально». Правы были арабы, а не Браун; этот просвещённый западный еврей не в состоянии был понять в 1933 г., что сионизм означал возврат к древнему суеверию в его самой варварской форме.

Дейр-Ясин остался единичным фактом только потому, что арабам стало ясно его значение, и они бежали из своей страны. Другой еврейский писатель Артур Кестлер не сомневается в отношении причины и следствий. Он был в те дни в Палестине и пишет, что после Дейр-Ясина арабское гражданское население поголовно бежало из Хайфы, Тиберии, Яффы, всех остальных городов, а затем и из всей страны, так что «к 14 мая бежали все, осталось лишь несколько тысяч». Все беспристрастные источники согласны между собой относительно целей и последствий Дейр-Ясина, и после 9 апреля 1948 г. не оставалось сомнения в том, что все будущие действия и амбиции Сиона будут стоять под знаком исполнения древнего иудейского Закона. Дейр-Ясин объясняет нынешние опасения оставшихся арабских государств столь же исчерпывающе, как и бегство палестинских арабов.

На некоторое время Дейр-Ясин разрешил сионистскую проблему. Раздел Палестины оказался осуществлённым, путём голого насилия. Это событие раскрыло также (по крайней мере арабам, если ещё и не Западу) характер той «пропасти, в которую приводит терроризм», по словам Вейцмана. Начиная с 9 апреля 1948 г., весь западный мир сам стоит на краю этой пропасти, вырытой усилиями двух поколений его политических деятелей. После того, как 9 апреля 1948 г. терроризм осуществил раздел страны, положение, существовавшее 19 марта 1948 г., когда правительство США признало раздел неосуществимым» и решило изменить свою политику в этом вопросе, коренным образом изменилось. Д-ра Вейцмана по-видимому продолжали преследовать его страхи, но теперь после очищения территории для еврейского государства он не хотел, а может быть и не мог отступить от «пропасти». Задачей теперь было достигнуть нового изменения американской политики, добиться

признания того, что было добыто террором, и на эту цель Вейцман направил все свои усилия. В дни грозившего изменения политики США Вейцмана срочно вызвали из Лондона в Лейк Саксес письмами, телеграммами и телефонными звонками, а за день до объявления упомянутой перемены он заперся с глазу на глаз с Труманом. Когда по прошествии немногих дней в редакции газет стали поступать скудные сообщения о Дейр-Ясине, он продолжал неутомимо трудиться над своей главной задачей, которой теперь стало получение «признания» для созданного дейр-ясинскими террористами еврейского государства.

Энергия Хаима Вейцмана была поистине неистощимой. Он единолично осаждал все «объединённые нации», будучи, разумеется, везде принимаем, как репрезентант мировой державы нового типа. «Тесный контакт» он установил, например, с делегатами Уругвая и Гватемалы, которых он характеризует в своей книге, как «неизменных отважных защитников» сионизма, а также и с тогдашним генеральным секретарём ООН, неким г-ном Тригве Ли из Норвегии. В середине апреля, когда новости из Дейр-Ясина стали бить в нос даже делегатам в Лейк Саксес, было решено созвать Генеральную Ассамблею. Было ясно, что американский голос окажется решающим, и тут д-р Вейцман начал, как он пишет, «заниматься вопросом американского признания еврейского государства». Другими словами, государственная политика США, выработанная конституционным путём консультаций между главой государства и его ответственными министрами, должна была снова подвергнуться изменениям по требованию Хаима Вейцмана.

Здесь снова приобретают значение точные даты событий. 13 мая 1948 г. д-р Вейцман встретился с президентом Труманом; дело было накануне выдвижения президентских кандидатов, а ещё несколько месяцев спустя предстояли выборы президента, так что время для оказания «непреодолимого давления» было самым подходящим. Вейцман сообщил президенту, что британский мандат на Палестину истекает 15 мая, после чего управление «еврейским государством» возьмёт на себя временное правительство. Он настаивал на «немедленном» признании его Соединёнными Штатами, и президент реагировал с самым услужливым рвением. 14 мая сионисты в Тель-Авиве провозгласили своё новое государство. Буквально через несколько минут в Лейк Саксес стало «неофициально» известно, что президент Труман уже его официально признал. Американским делегатам в ООН никто об этом ничего не сказал, и они приняли новость «с недоверием», но связавшись «после большой неразберихи» с Белым Домом, они получили оттуда указания Вейцмана из уст президента. Сам Вейцман немедленно помчался в Вашингтон уже в качестве президента Израиля, а принявший его там президент Труман заявил впоследствии, что момент признания нового государства «был самым счастливым в моей жизни». В своих воспоминаниях, опубликованных восемь лет спустя, Труман упоминает обстоятельства, сопровождавшие этот счастливый момент, и некоторые из них заслуживают быть сообщёнными читателю. Описывая шестимесячный период от «голосования по вопросу раздела» в ноябре 1947 г. до «признания» Израиля в апреле 1948 г., он пишет: «Доктор Хаим Вейцман… зашёл ко мне 19 ноября, а через несколько дней я получил от него письмо». Труман затем цитирует это письмо, датированное 27 ноября; в нём Вейцман ссылается на «слухи» согласно которым «наши люди оказывали неподобающее, весьма сильное давление на некоторые делегации (Объединённых наций)», добавляя от себя, что «это обвинение не на чём не основано». Комментарий Трумана гласит, однако: «Неоспоримым фактом было не только, что это давление в ООН превосходило всё, что и Белый Дом также был под непрерывной осадой. Мне ещё никогда не приходилось испытывать такого давления и столько пропаганды, нацеленных на Белый Дом, как в этот момент. Настойчивость нескольких сионистских экстремистов, руководимых политическими мотивами и не останавливающихся перед политическими угрозами, раздражали меня и возмущали. Некоторые из них требовали даже, чтобы мы заставили суверенные нации голосовать в благоприятном для них смысле на Генеральной Ассамблее». Упомянутые Труманом «политические угрозы» явно относились к предстоящей кампании переизбрания президента Трумана; невозможно дать его словам иное разумное объяснение. Согласно Вейцману, однако, Труман обещал ему в упомянутом выше разговоре 19 ноября 1947 г. «немедленно связаться с американской делегацией», и её голос был 29 ноября подан за «рекомендацию» ООН в пользу раздела Палестины. Возмущение президента Трумана сионистскими методами (выраженное в его воспоминаниях 1956 года) никак не отражает его капитуляции перед ними в 1947 году; это не мешает отметить, поскольку иначе у читателей его «мемуаров» создалось бы иное впечатление об американском президенте. Тот же Труман, в том же 1956 году так описывает результаты «решения вопроса», т. е. раздела Палестины, поддержанного им в ноябре 1947 г.: «каждый день поступали сообщения о новых актах насилия на Святой Земле». Ему пришлось также убедиться в том, что его ноябрьская капитуляция, как и отрицание д-ром Вейцманом «неподобающего давления» ничего не изменили в последующие месяцы: «Еврейское давление на

Белый Дом не уменьшилось после голосования ООН за раздел. Отдельные личности и целые группы и организации требовали от меня, обычно в весьма задиристом и возбуждённом тоне, обуздать арабов, запретить англичанам поддерживать их, послать американских солдат, сделать то, и другое, и третье» (Здесь перед нами опять восстаёт описанная Дизраэли картина того, как «миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами»). Осаждённому президенту пришлось искать спасения в отступлении: «Давление росло, и мне пришлось отдать распоряжение, что я не желаю больше принимать никого из сионистских экстремистов. Я был даже настолько расстроен, что отложил свидание с д-ром Вейцманом, который уже вернулся в США и желал со мной встретиться». В 1956 г. м-р Труман видимо всё ещё считал небольшую отсрочку свиданий с Вейцманом драконовской мерой, заслуживающей быть запечатлённой для потомства. За этим последовал визит к нему его старого еврейского компаньона по торговым делам (в дни молодости Труман был довольно неудачливым галантерейным торговцем), который в тот день 13 марта 1948 г., «был глубоко обеспокоен страданиями еврейского народа заграницей» — дело было за три недели до Дейр-Ясина — и умолял его принять доктора Вейцмана, что президент Труман тотчас и сделал (18-го числа того же марта). Это было за день до того, как правительство США приняло решение (19 марта) отказаться от рекомендации раздела Палестины, и Труман пишет, что по уходе Вейцмана (18 марта) «у меня создалось впечатление, что он вполне понимает нашу политику, а я в свою очередь знал, чего он хочет». Последовавшие за этим кровавые недели в Палестине Труман обходит молчанием, даже не упоминая названия Дейр-Ясин и лишь мимоходом замечая, что «ближневосточные специалисты Госдепартамента почти все без исключения враждебно относились к идее еврейского государства… и я должен с огорчением отметить, что некоторые из них склонялись к антисемитизму». Он продолжает описание событий двумя месяцами позже (с 14 мая, т. е. после Дейр Ясина и сопутствовавшего ему кровавого погрома) в следующем тоне: «Раздел состоялся не совсем так мирно, как я надеялся, но неоспоримым фактом теперь было, что евреи полностью контролировать территорию своего народа… Раз евреи были готовы теперь провозгласить государство Израиль, я решил действовать немедленно, дав новой нации американское признание. Полчаса спустя, точно через 11 минут после провозглашения государства Израиль, мой секретарь по делам печати Чарли Росс передал в прессу сообщение о де-факто признания Соединёнными Штатами временного правительства Израиля. Как мне передавали, для некоторых профессиональных специалистов в Госдепартаменте это было неожиданностью».

Труман не находил нужным в своих «Мемуарах» ни упомянуть своего заявления в мае 1948 года о «самом счастливом моменте» его жизни, ни объяснить, в чём могло заключаться это счастье после долгих месяцев такого «давления» и «политических угроз» в осаждённом Белом Доме, что в один прекрасный день ему пришлось спрятаться, хотя и ненадолго, даже от д-ра Вейцмана. Для целей нашего повествования он сыграл свою роль и больше не нужен. Через полгода после самого счастливого момента его переизбрали президентом, а в момент, когда пишется эта книга, у него есть все данные прожить ещё двадцать лет (Труман умер в 1972 г. в возрасте 88 лет — прим. перев) симпатичным бодрячком, на которого печальные последствия дел, связанных с его именем, явно производят столь же малое впечатление, как тихоокеанский циклон на прыгающую по волнам пробку. В 1956 году он удостоился чести войти в компанию тех, кому старинный Оксфордский университет присудил полезную степень, и лишь одна женщина-профессор возвысила одинокий и не встретивший поддержки голос против её присуждения главе правительства, чьё имя ассоциируется главным образом с атомным убийством Хиросимы и Нагасаки. После счастливого признания Труманом того, что произошло в Палестине между ноябрём 1947 и маем 1948 гг., дебаты в кругу «объединённых наций» потеряли значение, и доктор Вейцман (в письме к президенту Труману начисто отрицавший применение «неподобающего давления») стал энергично добиваться последующих признаний, чтобы поставить своё дело вне всяких сомнений. До него дошло, что в Лондоне Бевин «оказывал давление на британские доминионы… чтобы они отказали в признании», и он быстро показал, кто был большим специалистом по части оказания такого «давления». С исторической точки зрения, этот момент имел громадное значение, поскольку впервые выяснилось, что сионизм, внёсший такой глубокий раскол в еврейство, сумел расколоть также и британскую империю, или содружество наций; чего ни одна угроза или опасность войны ещё никогда не могли сделать, было достигнуто с помощью «непреодолимого давления на международную политику». Неожиданно оказалось, что Сион был господином положения в столь далеко отстоявших от центральной сцены столицах, как Оттава, Канберра, Кейп Таун и Веллингтон. Это доказывало наличие блестящей организации и синхронизации действий; в течение немногих десятилетий должны были быть осуществлены чудеса подпольной организации, чтобы можно было в решающий момент обеспечить полное подчинение ведущих политиков в Канаде, Австралии,

Южной Африке и Новой Зеландии. Эти страны находились далеко от Палестины, у них не могло быть ни малейшего интереса в заложении мин новой мировой войны на Ближнем Востоке, а еврейское население в них было минимально. Тем не менее, покорность была проявлена без промедления; здесь действовала мировая сила.

Не-английскому читателю нужно дать понять глубокое значение того, что произошло. Тесная связь межу британским островом и происшедшими из него заокеанскими странами, сколь бы она ни была неосязаемой и не основанной на принуждении, в часы опасности всегда являла собой силу непонятную и таинственную для внешнего наблюдателя. Приведём в качестве иллюстрации маленький пример: новозеландский бригадный генерал Джордж Клифтон рассказывает, что когда он попал в плен к немцам в Африке в 1941 году, его привели к фельдмаршалу Роммелю, который задал ему вопрос: За что вы, новозеландцы воюете? Это не ваша, а европейская война. Почему вы здесь, ради спорта? — Бригадир Клифтон был поражён необходимостью объяснять нечто столь же естественное для него, как сама жизнь: «Я понял, что фельдмаршал задал этот вопрос вполне серьёзно; мне никогда раньше не приходилось выражать словами тот совершенно очевидный факт, что если Британия воюет, то мы воюем вместе с ней; я поднял руку с крепко сжатыми пальцами и сказал: Мы все держимся друг за друга. Если вы нападаете на Англию, вы нападаете также и на Новую Зеландию, и на Австралию, и на Канаду. Британское Содружество наций воюет совместно».[50]

Это было совершенной правдой в том, что касалось народов, однако это уже перестало быть правдой в отношении ведущих политиков. Заговор, пришедший из местечковой России, нашёл с их помощью слабые места в наших доспехах, а «давление» в Веллингтоне и прочих столицах было столь же сильным и эффективным, как и вокруг Белого Дома. В данном конкретном случае (Новой Зеландии) типичной для того времени фигурой среди группы еврейских илотов был премьер-министр Новой Зеландии, некий г-н Питер Фрезер. Редко у кого могло быть меньше оснований ненавидеть арабов, или хотя бы интересоваться ими, но он был их непримиримым врагом, став каким-то образом ещё одним верным слугой сионизма. Происходя из нищей шотландской семьи, он отправился на другой конец света, найдя там славу и богатство, заразу сионизма он по-видимому подцепил в свои восприимчивые молодые годы в Лондоне, где она распространялась среди тщеславных молодых политиканов, и привёз её с собой в новое государство, так что ещё десятилетиями спустя он прилагал всю свою энергию и власть на достигнутом им посту для уничтожения маленького безобидного народа в далёкой Палестине. По его смерти в 1950 г. одна из сионистских газет писала: «Он был убеждённым сионистом… Несмотря на свою большую занятость в качестве главы делегации своей страны на парижской ассамблее ООН, он уделял много времени и внимания палестинскому вопросу… сидя день за днём в Политическом комитете, когда обсуждался этот вопрос. Он ни на минуту не покидал комнаты заседаний; ни одна деталь не ускользнула от его внимания. … Он был единственным премьер-министром в составе комитета и покинул его, как только палестинский вопрос получил своё разрешение. … Неоднократно Питеру Фрезеру приходилось голосовать против Объединённого Королевства (Англии), но это его не смущало… Он был нашим верным другом до последнего дня своей жизни».

Человек с подобного рода чуждыми амбициями в сердце наверняка не разделял взглядов бригадира Клифтона и его товарищей, а если бы генералу был известен образ мыслей его премьер-министра, то ему вероятно было бы трудно найти подходящий ответ на вопросы фельдмаршала Роммеля. Обнаружив столько интереса к сионизму, м-р Фрезер вряд ли был особо озабочен интересами собственной страны, и Новая Зеландия ввязалась в войну настолько мало подготовленной, что когда бригадир смог увидеть в 1941 году в Порт Саиде новозеландцев, уцелевших после боёв в Греции и на Крите, то они были «исхудавшими, небритыми, измученными сражениями, многие из них были подавлены, и все были подавлены физически и морально, тяжело переживая потерю столь многих „добрых парней“: мистер Фрезер нёс немалую часть вины за это» (Клифтон). С таким главой

[50] В вопросе Руммеля скрывалась «маленькая» деталь, ускользнувшая от внимания не только новозеландского бригадира, но и автора книги: Германия не «напала» на Англию, объявление войны исходило от Англии, а под её «непреодолимым давлением» и от Франции (см. примечание к главе 36). Гитлер добился сотрудничества с Англией, считая главной опасностью для Европы большевизм, с которым он был готов бороться и военными методами. Англо-германское морское соглашение 1935 г., заключённое по инициативе Германии, добровольно ограничивало тоннаж германского военного флота одной третью британского, что одно уже исключало возможность «нападения» с германской стороны. Польско-германский конфликт столь же мало касался прочих держав и требовал их вмешательства, как и австро-прусская (1866), франко-германская (1870), русско-японская (1904) и ряд других европейских войн, имевших локальное значение, не говоря уже о вне-европейских войнах. Одно дело — рассчитывать на помощь близкого соседа и родственника при нападении с третьей стороны; другое — требовать той же помощи, нападая на третью сторону сам.

правительства быстрое признание Новой Зеландией того, что было сделано в Палестине, было обеспечено, как бы мало всё это ни касалось новозеландцев.

Вернёмся теперь к нашему доктору Вейцману. В Южной Африке, чтобы насолить Бевину, он обратился к давно известному читателям генералу Сматсу. По чистой случайности, автор настоящей книги в то время сам был в Южной Африке и, прочтя в газетах о прилёте туда хорошо известного сионистского эмиссара, не сомневался в том, что должно было последовать. Выступая перед еврейской аудиторией, этот господин заявил, что «евреи не считают себя связанными какими-либо границами, которые установит для них ООН»; автор не помнит возражений против этого заявления, кроме как со стороны одного еврея, указавшего, что эти слова не сулят ничего хорошего для мира. Приняв этого воздушного посланца, генерал Сматс немедленно объявил о «признании»; быстрота, с которой он это сделал уступала темпам одних лишь Трумана и советского диктатора Сталина, действовавших в этом вопросе в полном согласии. Насколько помнится, это было последним политическим актом генерала, ибо через два дня он провалился на выборах. Известно, что его сын старался отговорить его от признания Израиля, указывая, что он потеряет на этом голоса избирателей, но Сматс этим советом пренебрёг. С точки зрения избирательной тактики это, возможно, было правильным решением, поскольку его конкуренты несомненно были тоже готовы услужить сионистам, а арабских избирателей в Южной Африке не было.

Авторитет генерала Сматса в британском Содружестве наций (как и его непопулярность среди большинства его бурских соотечественников) основывался исключительно на распространённом мнении, что он был создателем «англо-бурского примирения» после войны и патриотом «большой семьи» Британского Содружества. В одном только палестинском вопросе он предал остро нуждавшееся в поддержке и осаждаемое со всех сторон правительство в Лондоне, исполнив долг воинской дисциплины по отношению к другим хозяевам. Автор давно уже хотел встретиться с ним, что ему на этот раз удалось. Дни генерала подходили к концу, и вскоре он также исчезнет из нашего повествования, однако перед смертью он, как и д-р Вейцман, вдруг увидел пропасть, вырыть которую усердно помогал он сам: «В палестинской проблеме» — сказал он своему сыну в том же 1948 году — «у нашего порога стоит трагедия. …Неудивительно, что Англии всё это надоело до отказа. Провал в Палестине будет не одним только британским провалом. Другие страны тоже приложили к этому руку, в том числе Америка, и тоже испытали неудачу. Палестина… одна из величайших проблем в мире, которая может сыграть громадную роль в будущем нашего мира… Мы хотели, чтобы арабы и евреи сами справились с ней, но это нам не удастся. Большая сила идёт в наступление, и Палестина лежит на её пути». Это говорилось частным порядком, но отнюдь не публично: судя по всему, политики находят нужным носить маску, как клоуны в цирке. Подобно Труману, он без промедления сделал то, что от него требовал д-р Вейцман и даже ещё в 1949 г., выступая также перед сионистской аудиторией, заявил что «счастлив соединить моё имя, по крайней мере с одним успешным делом в моей жизни». Одна за другой, страны британского Содружества повёртывались к Лондону спиной. Д-р Вейцман записывает, что новозеландский представитель, сэр Карл Берендсен, «добился поддержки Австралии», а вслед за тем не преминули последовать и ведущие политики в Канаде. Когда британские доминионы выстроились вслед за Труманом и генералиссимусом Сталиным, то не посмели отстать и маленькие страны со своими «признаниями»; трудно было ожидать от них, что они станут нерешительно топтаться перед дверью, в которую устремились великие мира, и так «еврейское государство» оформилось «де-факто», причём единственным фактом была резня в Дейр-Ясине. Вейцман стал президентом нового государства, но для нас теперь настало время распрощаться с ним. Со сцены уходит и он, после бурной пятидесятилетней деятельности, в основном заговорщической, в которой он принудил к капитуляции всех политических лидеров Запада, оставив упомянутую Сматсом «трагедию», как подкидыша на пороге чужого дома. Трудно отыскать более захватывающую биографию и возможно, что другому автору удастся описать её в героических тонах. Автору этих строк она представляется исполненной разрушительных целей, а сам доктор Вейцман, достигший триумфа лишь на закате своих дней, убедился в том, что и триумф может быть весьма горькой, часто смертельной чашей.

Этот вывод напрашивается из его книги, последняя часть которой читается с захватывающим интересом. Она вышла в 1949 году, а следовательно могла бы довести своё повествование, по крайней мере, до того момента, который вписывается в настоящем труде. Он этого не сделал, закончив 1947 годом, — спрашивается, почему? Ответ довольно ясен: в 1946 г. он предостерегал Всемирную сионистскую организацию против «террора», указав на «пропасть», в которую должно было завести «древнее зло», после чего он был смещён. Затем он стал президентом нового государства, порождённого именно этим террором. По-видимому он хотел оставить еврейству письменное

доказательство своих предостережений, но не мог заставить себя осудить акты террора и убийств, в которых родилось новое государство, а поэтому сделал вид, будто он закончил рукопись ранее этих событий. Датой окончания своего труда Вейцман поставил 30 ноября 1947 г. — день, последовавший за его триумфом в Лейк Саксес, когда президент Труман по его требованию позвонил американской делегации, чтобы она голосовала за раздел Палестины. Видимо, ему хотелось, чтобы книга на этой ноте и закончилась. Вскоре последовала попытка изменения американской политики и те события, против которых он предостерегал, а поскольку его книга вышла лишь в 1949 году, у него было ещё достаточно времени, чтобы выразить своё мнение о них. Однако, он ограничился одним только эпилогом, в котором не нашёл нужным даже упомянуть решающее дело в Дейр-Ясине — презрительный ответ сионистских «активистов» на его предостережения. Он далее отметил, будто бы этот эпилог был закончен в августе 1948 года, что также избавило его от необходимости упомянуть следующий решающий акт сионистского терроризма, а именно убийство графа Бернадотта в сентябре 1948 г. Видно, у доктора Вейцмана душа ушла в пятки, когда он увидел, что отождествил себя с резнёй и с убийством, приняв и сохранив президентство в новом государстве.

Тем большее значение приобретают сделанные им раньше предупреждения, которые он мог бы вычеркнуть перед выходом книги в свет. Например, он бросает сионистским террористам (в чьи руки он отдал будущее Палестины и даже много больше) обвинение, что они «принуждают самого Господа Бога» к выполнению их решений. Именно это и было ересью сионизма и всех, кто ему способствовал, будь то евреи или не-евреи с самого начала, и самого д-ра Вейцмана более, чем кого-либо иного. Он писал далее: «террористические группы в Палестине представляли собой серьёзную опасность для всего будущего еврейского государства; фактически их повеление граничило с анархией». Оно было анархией, а не только граничило с ней, и деятельность всей жизни доктора Вейцмана была анархической. Даже и в этих обвинениях он вовсе не руководствовался нравственным отвращением; он осуждал не разрушительную природу анархии, как таковую, а лишь её нецелесообразность, «потому что у евреев живут заложники во всём мире».

На следующий день после своего триумфа в Лейк Саксес он вернулся к своей новой теме: «Нельзя иметь один закон для евреев и другой для арабов… Надо дать арабам уверенность в том, что решение ООН окончательно, и что евреи не посягнут на территории за теми границами, которые им отведены. Эти опасения живут в сердцах многих арабов, и этим страхам должен быть положен конец во всех отношениях… Они должны убедиться в том, что их братья внутри еврейского государства пользуются теми же правами, что и еврейские граждане… Мы не должны поклоняться иным богам. Пророки всегда наказывали еврейский народ самым строгим образом за такие поползновения, и когда бы он ни отвращался в язычество, строгий бог Израиля его наказывал… Я не сомневаюсь в том, что весь мир будет судить еврейское государство по его отношению к арабам». — Хорошо сказано! Доктор Вейцман надевает тут облачение израильского пророка, а может быть и корону датского короля Кнута, приказавшего отступить волнам моря. В дни опубликования этих возвышенных словес арабов уже изгнали с их родной земли, евреи «посягнули» на территории далеко за пределами «рекомендованных» им границ, арабы не только не пользовались «правами еврейских граждан», но превратились в нищих и бездомных беженцев. Д-р Вейцман делает вид, будто ему всё это неизвестно; он не хочет видеть того, что произошло, и говорит, что лучше было бы этого не делать. Даже в политике трудно перещеголять подобный образец публичного лицемерия! Остаётся предположить, что он не в состоянии был набраться мужества для критики совершенного, но на пороге смерти хотел всё же указать на последствия; те самые последствия, к которым с самого начала должен был привести труд всей его жизни, если он хотел иметь успех. Под конец он рявкнул было «задний ход!», но никто его даже и не слышал.

Человек, калибром побольше Вейцмана, испустил крик ужаса при виде содеянного, связав последствия с делами, которые он не побоялся назвать по имени. Д-р Иуда Магнес был прямым продолжателем древних израильских обличителей. Родившись в Америке в 1877 г., он, как и д-р Вейцман, посвятил свою жизнь сионизму, но в совершенно ином духе. Он был религиозным сионистом, не политическим, и не намерен был «принуждать Господа Бога». С самого начала он трудился над созданием двухнационального арабско-еврейского государства, обличая сионистский шовинизм с его самых первых шагов. Он стал ректором Еврейского университета в Иерусалиме в 1925 г., после того, как в 1918 г. он резко выступил против помпезной церемонии его заложения Вейцманом. В 1935 году он стал президентом университета, и в 1948 году находился в Иерусалиме. Он был потрясён, увидев возрождение «древнего зла под новой, отвратительной личиной», и оставил предсмертное послание с резким осуждением как сионистов, так и западных политиков: «Нельзя пользоваться беженцами, как

козырем в руках политиков. Плачевно, даже просто невероятно, что после всего перенесённого в Европе евреями, на Святой Земле рождается проблема арабских перемещённых лиц». Смерть постигла его немедленно же после этих слов, и автору не удалось выяснить её обстоятельств; сообщения об этом в еврейской литературе весьма туманны и напоминают то, что писалось о коллапсе и неожиданной смерти Теодора Герцля. В предисловии к книге раввина Эльмера Бергера, например, говорится, что он «умер от разбитого сердца» — диагноз довольно сомнительный, как с медицинской, так и с криминалистической точки зрения.

В лице д-ра Магнеса ещё один еврейский миротворец присоединился к той группе чувствовавших ответственность людей, которые в течение 50 лет старались освободить Запад (и самих евреев) из тисков талмудистского заговора из России. Он вызвал к жизни существующую и в настоящее время т. н. Ассоциацию Игуд, всё ещё говорящую его словами, и даже из Иерусалима. В её органе «Нер» писалось в декабре 1955 г.: «В конце концов, нам придётся признать правду: мы не имеем вообще никакого принципиального права мешать возвращению арабских беженцев на их родную землю… К чему должна стремиться Игуд? К тому, чтобы превратить эту вечную бочку с порохом (т. е. государство Израиль, по словам премьер-министра Пинки Лавона) в место мирного сожительства. Каким оружием намерен пользоваться Игуд? Оружием правды… Мы не имели права занимать арабский дом, не заплатив за него; то же относится и к полям и рощам, к складам и фабрикам. Мы не имели ни малейшего права на колонизацию и на осуществление сионизма за чужой счёт. Это — грабёж, это — бандитизм. … Мы снова один из очень богатых народов, но мы не стыдимся грабить собственность нищих феллахов».

В настоящий момент всё это — лишь едва слышный голос в еврействе, и кстати то же было сказано и Альбертом Эйнштейном: «Моё понимание существа и природы иудаизма отвергает идею еврейского государства с границами, армией и светской властью, сколь бы малой она ни была; боюсь, что от этого пострадает внутренняя сущность иудаизма» (1950). Но этот слабый голос — единственная надежда на спасение еврейства от хазарского сионизма. В наши дни, однако, более вероятно, хотя и не неизбежно, что это спасение придёт лишь после окончательных потрясений, в которые бессмысленная палестинская авантюра заводит западное человечество, а вместе с ним и евреев.

Остаётся отметить ещё одну подробность создания «де-факто» сионистского государства, а именно то, что оно явилось детищем революции. Революция позволила евреям «стать большинством в Палестине», как этого желали британские авторы декларации Бальфура 1917 года; иного пути к изменению положения в Палестине не существовало, поскольку нигде на Западе невозможно было найти достаточно евреев для переселения в неё. Это массовое переселение можно было осуществить исключительно с помощью тех восточных евреев, которые столетиями привыкли подчиняться талмудистскому режиму, и выше было показано, какими методами это переселение было достигнуто. Израильская статистика 1951 г. показала, что созданное к тому времени «большинство» (около 1,4 млн. евреев) состояло из более чем миллиона (1 061 000) родившихся в других краях иммигрантов, а из них 577 000 прибыли из коммунистических стран за «железным занавесом», где ни один не-еврей не мог даже переехать из одного города в другой без полицейского и иных разрешений. Из прочих 484 000 чел. большинство были северо-африканские или азиатские евреи, приехавшие после создания государства Израиль и не принимавшие участия в насильственной экспроприации чужой земли.

Её захватчиками были, следовательно, восточные евреи татарско-монгольского происхождения, но численный перевес сам по себе ещё не мог обеспечить успеха, нужно было ещё иметь оружие. Как мы помним, во время войны генерал Уэвелл сообщил Черчиллю, что евреи «разобьют арабов», если им это только будет разрешено, и очевидно он основывал свою оценку положения на имевшейся в его распоряжении информации о том вооружении, которое было накоплено сионистами. К тому времени это могло быть только английским или американским вооружением, нелегально добытым со складов союзных армий, оперировавших в северной Африке и на Ближнем Востоке (на что политики в Лондоне и Вашингтоне явно смотрели сквозь пальцы, если не давали на то открытого разрешения). Хотя генерал Уэвелл в конечном итоге и оказался прав, но к тому времени он переоценивал силы сионистов, недооценивая силу арабского сопротивления, ибо свою последующую победу сионисты приписывали вовсе не приобретённому ими западному вооружению. Наоборот, они считали, что своей победой в шестимесячной борьбе (между голосованием в ООН за «раздел» и Дейр-Ясином) они были обязаны коммунистическому вооружению. Железный занавес, приподнявшийся для пропуска захватчиков в Палестину, поднялся ещё раз, чтобы доставить им оружие в достаточном количестве.

Это было первым следствием отданного генералом Эйзенхауэром по указанию Рузвельта приказал остановить союзное наступление на линии к Западу от Берлина-Вены, отдав Чехословакию в руки

советчиков; вооружение для сионистов было поставлено из этой захваченной Советами страны, где военный концерн Шкода в результате политики союзников перешёл из нацистских в коммунистические руки. Немногим позже признания Труманом сионистского государства в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» было опубликовано следующее сообщение из Израиля: «Престиж советской России стоит во всех политических фракциях (Израиля) необычайно высоко. Благодаря своей неизменной поддержке Израиля в ООН, Советский Союз создал себе верных сторонников среди левых, умеренных и правых элементов. Ещё большее значение для нового государства, борющегося за своё существование, имел тот малоизвестный факт, что Россия дала практическую помощь в тот момент, когда в ней была наибольшая нужда… Россия открыла свои склады вооружения Израилю. Самые существенные и вероятно самые большие массовые закупки вооружения евреи смогли сделать у советского сателлита — Чехословакии. Поставки чехословацкого вооружения, прибывшие в Израиль в критический период войны, сыграли решающую роль… На параде еврейских частей по улице Алленби в Тель-Авиве на прошлой неделе на плечах израильской пехоты красовались новенькие чехословацкие винтовки» (5. 8. 1948).

К этому времени вся сионистская и управляемая сионистами печать на Западе как по команде перешла к приравниванию «антикомунизма» к «антисемитизму»; все знают, что любое указание на еврейское происхождение коммунизма и его руководства давно уже обличалось, как характерная черта антисемитов. Чикагская еврейская газета «Сентинель» (Часовой), например, писала уже в июне 1944 года: «Нам хорошо известно, чем в действительности является анти-советизм… Приходилось ли вам когда-либо встречать во всём мире антисемитов, которые не были бы одновременно и антикоммунистами?… Мы знаем наших врагов. Давайте наконец признаем и наших настоящих друзей, „советский народ“. В день первого мая в школах нового государства развевались красные флаги революции и распевался „Интернационал“: открытое признание родственной близости с революцией, если не её прямого отцовства. В январе 1950 г. корреспондент лондонского „Таймса“ в Тель-Авиве сообщал, что Чехословакия продолжала быть источником снабжения вооружения для сионистского государства.

Таково было рождение «Израиля» и беды, причинённые им другим. На свете ещё не было другого незаконнорождённого политического отпрыска, у которого было бы столько крёстных отцов. «Признания» сыпались с неба, миротворцы повсюду отвергались. Бевин оставался ещё недолгие годы на своём посту, подав затем в отставку; смерть не заставила долго ждать и его. От генерала Маршалла и Форрестола отделались при первой возможности, показав остальным, что выполнять свой долг и принимать свои обязанности всерьёз — дело опасное. Не прошло и нескольких недель, как новое государство сделало ещё один шаг в сторону «пропасти», раскрывшейся в результате активности «древнего зла». «Объединённые нации», примирившиеся с завершённым разделом Европы и рекомендовавшие такой же раздел Палестины, проявили запоздалую заботу о мире, послав шведского графа Фольке Бернадотта в качестве посредника между враждующими лагерями в Палестине. Граф Бернадотт с давних пор посвятил себя делу смягчения человеческих страданий в мире, сделав особенно много для спасения и помощи еврейским жертвам во время Второй мировой войны. Трудясь под знаком креста (Красного), он был убит на том самом месте, где крест впервые стал символом веры и надежды. Трудно представить себе что-либо более варварское, чем убийство посредника и миротворца одной из враждующих партий; в первые же четыре месяца своего существования сионистское государство вписало и этот символический акт в список своих преступлений.

Граф Бенадотт вёл при жизни дневник (как и Форрестол), опубликованный после его смерти. В нём содержится запись, что приняв на себя миссию примирения, он встретился в Лондоне с Наумом Гольдманом, в то время вице-президентом Еврейского агентства и представителем сионистского государства, который сказал ему, что «государство Израиль в состоянии теперь принять на себя полную ответственность за Банду Звезды (стерн ганг) и членов (террористической организации) Иргун». Это были как-раз те банды убийц, чьё преступление в Дейр-Ясине очистило сионистам территорию Палестины, получив затем молчаливое «признание» Западом; те самые «активисты», против которых Вейцман предостерегал сионистский конгресс уже в 1946 году. Дейр-Ясин показал, что они могли с помощью обдуманных актов террора изменять ход мировых событий безотносительно к тому, что говорилось на эту тему сионистскими политиками, западными политическими деятелями, или «объединёнными нациями».

Этими возможностями они продолжают обладать и в 1956 г. (год написания настоящей книги — *прим. перев.*) и будут обладать и в дальнейшем. Они в любую минуту в состоянии ввергнуть весь мир в новую войну, ибо их водворили в наиболее легко воспламеняющемся месте в мире, справедливо

охарактеризованном государственным секретарём США, министром иностранных дел Англии и самим сионистским премьером, как «пороховая бочка». До того дня, когда д-р Наум Гольдман сделал графу Бернадотту цитированное выше сообщение, поддерживалась иллюзия, будто они стояли за пределами контроля со стороны «ответственных» сионистских лидеров, якобы осуждавших их методы. Заверение Гольдмана по-видимому имело целью убедить графа Бернадотта в том, что его посредничество не будет нарушено актами вроде Дейр-Ясина. После этого террористы убили самого Бернадотта, а впоследствии (как мы покажем позже) израильское правительство приняло на себя ответственность и за террористов, и за их преступление.

После успокоительных заверений Гольдмана, граф Бернадотт отправился восстанавливать мир. В Египте он встретился с премьер-министром Нокраши-пашой, сказавшим ему, что «в еврейской экономической мощи не может быть сомнений, поскольку они контролируют народное хозяйство многих стран, включая Соединённые Штаты, Англию, Францию, сам Египет и вероятно также и Швецию» (этого последнего граф Бернадотт также не нашёл нужным оспорить). Нокраши-паша добавил, что и арабы не рассчитывают избежать этого господства. Однако, еврейское экономическое господство в Палестине — это одно дело; с чем арабы не намерены примириться и против чего они будут бороться, это — попытка основать с помощью насилия и терроризма, и с помощью международного сионизма, сионистское государство, основанное на принуждении. Король Фарук заявил Бернадотту в свою очередь, что если война будет продолжаться, то она превратится в третью мировую войну. Граф Бернадотт согласился и с этим, сказав, что именно поэтому он и принял на себя роль посредника в Палестине. Он указал также, что во время войны ему «удалось спасти около 20 000 человек, среди них многих евреев; я лично руководил этой задачей». Очевидно он полагал, что заслужит этим уважение с сионистской стороны, однако он жестоко ошибся. В течение немногих дней (9 июня 1948 г.) ему удалось уговорить арабов согласиться на перемирие без предварительных условий, однако немедленно же последовали яростные нападки на него сионистов за то, что он «вынудил евреев к перемирию». «Мне стало ясным, в какое опасное положение я попал… хорошее отношение ко мне не преминет превратиться в подозрительность и враждебность, если в качестве посредника я не буду прежде всего принимать во внимание интересов еврейской стороны, а буду стараться найти беспристрастное и справедливое решение вопроса».

Вскоре еврейская военно-террористическая организация «Иргун» (за которую сионистское правительство словами Гольдмана в Лондоне приняло на себя «полную ответственность») нарушило заключённое перемирие, высадив в период 18-30 июня 1948 г. войска и оружие на арабской территории. Граф Бернадотт и сопровождающие его наблюдатели «не были в состоянии установить количество высаженных солдат Иргуна или выгруженного военного снаряжения», потому что сионистское правительство не разрешило им прибыть на место действий. В первые недели июля «еврейская печать начала яростные нападки против меня». В ход была пущена клевета (как и против Форрестола), и заслуги Бернадотта по спасению евреев во время войны были вывернуты наизнанку; печатались инсинуации, будто его переговоры под конец войны с начальником Гестапо Гиммлером об освобождении евреев из лагерей носили сомнительный характер. «Поношения по моему адресу» (намекалось, что граф Бернадотт был «нацистом») «были большой несправедливостью, поскольку благодаря моим стараниям были спасены около 10 000 евреев». Всё это имело для сионистов так же мало значения, как в своё время попытки Александра II и его министров «улучшить условия жизни евреев»; беспристрастность была тем смертным грехом, который совершил Бернадотт. В период между 19 июня и 12 августа 1948 г. ему пришлось неоднократно оказывать сионистскому военному губернатору Иерусалима, д-ру Джозефу, что согласно сообщениям его наблюдателей, «наиболее агрессивной стороной в Иерусалиме были евреи». 16 сентября, на своём историческом пути миротворца «в Иерусалим» (заглавие его книги), граф Бернадотт подписал свой смертный приговор; в этот день он послал свой отчёт, как посредника, с острова Родос по адресу ООН, и не прошло и суток, как он был убит.

Причины убийства заключались в его предложениях. Он принял установление «де-факто» сионистского государства, но исходя из этого, пытался примирить и умиротворить обе стороны беспристрастными предложениями, столь справедливыми по отношению к любой стороне, насколько это позволяли обстоятельства. Его главной заботой было арабское население, изгнанное после погрома в Дейр-Ясине из родных мест и скученное в беженских лагерях за пределами границ Израиля. Никто на Западе до тех пор ещё не пытался им помочь, а у Бернадотта ещё свежи были воспоминания об удачном спасении многих тысяч евреев из-под Гитлера. Его предложения сводились к следующему: 1) границы Израиля должны быть установлены согласно рекомендациям» ООН от 29 ноября 1947 г., район Негева

должен оставаться арабской территорией, а Объединённые Нации должны обеспечить неприкосновенность этих границ; 2) Иерусалим должен быть интернационализирован (что также предусматривалось «рекомендациями») под контролем ООН; 3) Объединённые Нации должны «подтвердить и обеспечить» право арабских беженцев вернуться в родные места.

Отправив свой отчёт 16-го сентября 1948 г. по назначению, граф Бернадотт прилетел на следующий день, т. е. задолго до того, как его предложения могли быть получены в Нью-Йорке, в Иерусалим. Он ехал со своей группой, невооружённые и без всякой охраны к дому губернатора, когда их автомобиль был остановлен ставшим поперёк дороги сионистским джипом. Время и пути их передвижений были явно известны столь же хорошо, как и содержание отчёта графа Бернадотта; из джипа выскочили трое, подбежали к его автомобилю, и очередями из автоматов убили его и начальника группы наблюдателей, французского полковника Серо. Пережившие это покушение члены сообщили в послесловии к дневнику графа Бернадотта о подробностях убийства. Не остаётся никаких сомнений в его тщательной подготовке и точном исполнении, как и в том, кто был его организатором. Убийцы скрылись без малейших помех, двое с тем же джипом, третий пешком. Ни один из них не был ни найден, ни обвинён; согласно одному из заслуживающих доверия описаний убийства, трое убийц сели в ожидавший их самолёт, доставивший их в Чехословакию. В последующем расследовании, которое вынуждена была провести израильская сторона, было отмечено:

«Проведённое убийство и сопровождавшая его подготовка указывают на следующее: 1) ясное решение убить графа Бернадотта и выработку детального плана проведения убийства; 2) сложную организацию шпионажа, способную проследить передвижения графа во время его пребывания в Иерусалиме, что позволило руководителям операции назначить ему точное время и место; 3) опытных в подобного рода действиях людей, или же получивших для этого подготовку заблаговременно; 4) наличие нужного вида оружия и средств связи, как и безопасного места, чтобы спрятать убийц; 5) опытного начальника, ответственного за выполнение операции».

За подобного рода публику новое государство, как мы видели, приняли «полную ответственность». Три дня спустя французское агентство печати получило письмо с выражением сожаления за убийство полковника Серо, по ошибке принятого за начальника штаба посредника, шведского генерала Лундстрема, названного «антисемитом» (генерал Лундстрем сидел на другом месте того же автомобиля). Письмо было подписано «Хазит Моледет»: в отчёте израильской полиции, проводившей расследование, значится, что это было названием тайной террористической группы внутри организации «Банда Звезды».

Генерал Лундстрем опубликовал на следующий день (18 сентября) заявление, что «эти преднамеренные убийства двух высокопоставленных международных должностных лиц представляют собой тягчайшее нарушение перемирия, являясь чёрной страницей палестинской истории, за что Объединённые Нации потребуют полного отчёта». Никаких подобного рода требований от ООН ожидать не приходилось, поскольку они (как это было нами показано) реагируют на одно только закулисное давление. Никаких собственных норм нравственности они не имеют (или, по крайней мере, не имели в то время; никто не может гарантировать от чудесных изменений в будущем); они представляют собой говорящую куклу со скрытым механизмом, для которой убийство её посредника на Ближнем Востоке было столь же безразлично, как правительствам в Вашингтоне и Лондоне были безразличны клеветническая облава на Форрестола или убийство лорда Мойна. Они игнорировали предложения посредника; сионисты забрали себе ту территорию, какую желали, включая Негев, не допустили возвращения арабов, и объявили, что интернационализации Иерусалима они не допустят — они продолжают оставаться в этих вопросах столь же непреклонными сегодня, восемь лет спустя, как и тогда (теперь Иерусалим уже скоро 20 лет как захвачен Израилем и объявлен его столицей — *прим. перев.*) газеты во всём мире напечатали редакционные статьи по поводу убийства Бернадотта в их обычном стиле, по-видимому заранее заготовленном для подобных случаев («неисчислимый вред, причинённый делу сионизма…»), а затем возобновили ежедневные поношения всех, кто выступал за арабов, как «антисемитов». Лондонский «Таймс» нашёл даже, что в его смерти Бернадотт был повинен сам: предложение интернационализировать Иерусалим «несомненно подстрекнуло евреев убить графа Бернадотта», а в обычном понимании слово «подстрекать» включает в себя собственную вину.

Четыре месяца спустя два агента «Банды Звезды», по имени Елин и Шмулевич, были приговорены в Израиле к 8 и 5 годам заключения в связи с убийством, причём председатель особого суда, зачитывая приговор, отметил, что «нет доказательства того, что приказ об убийстве был отдан руководством организации». Согласно сообщению Еврейского Телеграфного Агентства оба обвиняемых едва обращали внимание на судопроизводство, зная, что государственный совет должен был объявить декрет

о всеобщей амнистии». Через несколько часов после осуждения их выпустили на свободу, после чего их в триумфальном порядке привезли на большой митинг. «Главнокомандующий» иргунской банды, некий г-н Менахем Бегин, несколько лет спустя в столь же «триумфальном порядке» совершил турне по западным странам, причём например в Монтреале его приветствовал «почётный караул монтреальской полиции во главе с раввинами, нёсшими свитки Торы» (согласно сообщению южноафриканской еврейской газеты «Джуиш Геральд»). Выступая в Тель-Авиве во время предвыборной кампании в 1950 г., Бегин приписал себе немалое участие в основании сионистского государства с помощью дела в Дейр-Ясине; он сообщил также, что «Иргун» в своё время «захватил Яффу», которую правительственная партия якобы «была готова отдать арабам». Дословно он заявил:

«Другим вкладом Иргуна в общее дело был Дейр-Ясин, заставивший арабов покинуть страну, освободив место для новых пришельцев. Без Дейр-Ясина и последовавшего изгнания арабов нынешнее правительство не смогло бы принять в стране и десятой части иммигрантов». В последующие годы, вплоть до настоящего времени, Бегин продолжал свои кровожадные выпады против соседних арабских государств. Еврейская газета «Зионист рекорд» в Иоганнесбурге (Южная Африка) писала 20 августа 1954 г.:

> «БЕГИН ПРИЗЫВАЕТ К ВОЙНЕ ЗА ИЕРУСАЛИМ».
> «Будем нападать на арабов, разбивать одно слабое место за другим, сокрушать один фронт за другим, пока не будет обеспечена полная победа…»

Таково было содержание выступления лидера партии Херут, Менахема Бегина, на прошлой неделе в Иерусалиме он говорил с балкона гостиницы, выходившего на площадь Сиона, где собралось несколько тысяч человек. «Наши потери в этих действиях будут немалыми, но во всяком случае они будут меньшими, чем в сражении против объединённых арабских армий» — заявил Бегин — «сегодня наша армия обороны уже сильнее, чем все армии арабов вместе… Моисею понадобилось десять ударов, чтобы вывести израилитов из Египта; мы можем одним ударом выгнать египтян из Израиля» — сказал Бегин, имея в виду полосу Газа»[51]. Для арабских стран наличие у них палестинских беженцев служило постоянным напоминанием о Дейр-Ясине и зловещем значении слов Бегина. В течение пяти лет официально делалось вид, будто в Дейр-Ясине действовали «террористы», не имеющие задания от правительственных властей. Однако, в апреле 1953 г. четыре члена Иргуна, получившие в Дейр-Ясине ранения, потребовали компенсации. Израильское министерство безопасности отказало было в удовлетворении этого требования на том основании, что для нападения в своё время «не было дано задания», в ответ на что командующий Иргуном предъявил письменный приказ официальной главной квартирой сионистов в Иерусалиме, в котором содержалось предписание о нападении. Подписавший в своё время этот приказ был в момент его опубликования израильским посланником в Бразилии.

В Нью-Йорке, где находилась главная квартира ООН, имелись веские причины для замалчивания требований о расследовании убийства Бернадотта. В момент убийства Америка стояла перед президентскими выборами, предвыборная кампания была на полном ходу, и оба кандидата (Труман и Дьюи) считали сионистские голоса решающими для своего успеха. Оба они соперничали за поддержку сионистов, а Палестина была от Нью-Йорка далеко. Труман представлялся более желательным кандидатом, поскольку он осуществил американское признание нового государства, объявив его «самым счастливым днём» своей жизни; в другой раз он даже объявил, что это признание руководствовалось «высочайшими гуманитарными целями». Через несколько недель, после иерусалимского убийства Труман был избран, а на Новый Год он подарил служащим Белого Дома закладки для книг с надписью «я предпочитаю мир посту президента».

---

[51] Основатель государства Израиль, Давид Бен-Гурион, открыто называл Бегина «фашистом», запретив ему поставить свою подпись (как члена «народного совета») под декларацией о создании Израиля. По данным британской администрации в Палестине, под руководством Бегина было убито более 20 000 арабов. Когда в 1977 г. Бегин стал премьер-министром, лишь немногие органы печати в Европе и Америке (давно, разумеется, заклеймённые как «крайне правые» и «антисемитские») опубликовали плакаты английского командования в Палестине от июля 1947 г. с фотографией замученных до смерти, обезображенных до неузнаваемости и повешенных на деревьях двух английских солдат. Плакат приводил также фотографии 9 руководителей террористической банды «Иргун» с обещанием награды в 50 000 фунтов за поимку любого из них; первым в числе разыскиваемых преступников стоял Менахем Бегин. В год своего вступления в должность премьер-министра Бегин приехал с официальным визитом в Лондон, где правительство Маргарет Тэтчер принимало массового убийцу и военного преступника с почётным караулом и «красным ковром». Судя по отсутствию соответственных сообщений в печати, английская королева была всё же избавлена от необходимости принимать убийцу английских солдат в Бэкингемском дворце.

К 1948 году выборная стратегия, выработанная «полковником» Хаузом в 1910 году, была усовершенствована в точный инструмент в руках сионистского интернационала с главным рычагом в штате Нью-Йорк. Век механизации и делячества обогатили английский язык новым глаголом «подстраивать» (to rig). Специалисты «подстраивают» механизмы, например игральные автоматы; Ванька бросает в щёлку монету, полагая, что машина работает по закону вероятности и что если ему повезёт, то всё её содержание окажется у него в кармане. В действительности же машина подстроена так, что точная часть всех поступлений автоматически откладывается в пользу игорного синдиката (от 80 до 90 %), а Ваньке достаётся остаток, и то в маленьких порциях. «Подстраивание» американской избирательной системы — определяющий фактор в политических событиях 20-го века. Механизм, вначале созданный, чтобы дать американскому Ваньке возможность высказать своё мнение о политике и партиях, «подстроен до такой степени совершенства, почти исключающей ошибки, что никакого решающего голоса в делах страны он вообще не имеет; безразлично какую монету и в какую щёлку он бросит — выигрывает всегда правящий „синдикат".

Похоже, что с самого начала избирательная система была разработана так, чтобы облегчить работу всякого рода «чуждым влияниям», т. е. организованному подпольно меньшинству, ставящему себе целью диктовать правительственную политику Соединённых Штатов[52]. Выборы висят в воздухе

---

52 Американская «революция» в 18-ом веке была делом рук такого «чуждого влияния», а именно масонства, о котором в книге Д. Рида говорится сравнительно мало. От аристократов Вашингтона, Гамильтона и Джефферсона до печатника Франклина и демагога Томаса Пейна, выгнанного из Англии и ставшего главным пропагандистом разрушительных идей в Америке, пока его не выгнали и оттуда, всё руководство революцией состояло из масонов. Дело было задумано и организовано в масонских ложах Бостона и Филадельфии («братская любовь» в переводе с греческого), для её оправдания перед одураченным «народом» не нашлось других причин, как гербовый сбор в пользу Англии и смехотворно низкий налог на привозной чай. Глава бостонских масонов Самуил Адамс (не смешивать с его троюродным братом Джоном А., вторым президентом США, и сыном последнего Джоном Квинси А., шестым президентом страны), начиная с 1760-х годов организовывал беспорядки и вёл сепаратистскую пропаганду. В 1770 г. он натравил толпу бостонской шпаны на английских солдат в таможне, а когда трое хулиганов были убиты, это было представлено стране как «бостонская резня» (Boston Massacre). В 1775 г. бостонская ложа распорядилась не платить таможенного сбора за привезённый английскими кораблями чай и послала сотню переодетых «под индейцев» погромщиков захватить корабли и выбросить груз чая в море, что развязало войну за независимость и вошло в историю, как «бостонское чаепитие» (Boston Tea Party). Новое государство, вошедшее в союз с революционной Францией после 1789 г., управлялось с самого начала масонской кликой, не останавливавшейся перед убийством противников. Убийство в 1826 г. масона Вильяма Моргана, намеревавшегося опубликовать отчёт о секретах «братства», привело к созданию Антимасонской партии в 1828 г., ставшей третьей политической партией в стране и выставившей кандидата на президентских выборах. Однако, подчинение масонству печати и публицистики, школ, бесчисленных протестантских «церквей» и всей политической деятельности привело к тому, что через 10 лет Антимасонская партия сошла на нет и исчезла.

Участие евреев в американском масонстве тех времён мало заметно; однако, взаимная связь масонов во всём мире и их подчинение единому центру никогда не представляли сомнений, на что всегда указывали папские энциклики, начиная с 1738 г., определявшие масонство не иначе, как служение Сатане и сохранившие свою действительность до наших дней. Содержащееся в большинстве энциклопедий сообщение, что первая масонская ложа в мире была организована в Лондоне в 1717 г. — сказка с целью дезинформации, что явствует хотя бы из того, что царь Пётр I был «завербован» в масоны (и создал первые масонские ложи в России) главой лондонской ложи и строителем собора св. Павла в британской столице, сэром Христофором Реном (Sir Christopher Wren) уже в 1696 г., чем объясняется примитивная антицерковность великого реформатора и позорящие его память художества, вроде «всешутейшего и всепьянейшего собора», и издевавшегося над православной верой.

Историки сходятся на том, что масонство является наследником впавшего в ересь средневекового ордена рыцарей-храмовников (тамплиеры), разгромлённого французским королём Филиппом IV Красивым и папой Климентом V за сатанизм, поношение христианства, педерастию и стяжательство. Орден, действовавший на Ближнем Востоке и имевший отделы во всей Европе, собрал несметные богатства и участвовал в денежных операциях, которые в ту эпоху осуществлялись одними евреями. В 1314 г. в Париже были сожжены на костре гроссмейстер храмовников Жак де Моле (Molay) и его главные подручные. Французский историк наших дней, Морис Дрюон (Maurice Druon), еврей и масон, указывает в своём семитомном романе «Проклятые короли» («Les Rois maudits», Paris, первое изд. 1957 г.), что племянник казнённого гроссмейстера, Жан де Лонгви (Longwy) возглавил ушедший в подполье орден, дав клятву мести королю и папе (оба умерли в следующем же 1315 г.). Согласно Дрюону, орден реорганизовался, немедленно по его запрещении, в международную тайную организацию, причём известны имена его гроссмейстеров вплоть до 18-го века, когда он, по всем данным, реорганизовался в современное масонство. Клятвы мести христианской церкви и монархиям, сопровождающиеся пронзанием кинжалом чучела с короной на голове принадлежат к ритуалу масонских посвящений в высшие степени.

Французская революция руководилась от начала и до конца масонами. Бастилия, в которой содержались в 14-м веке арестованные тамплиеры, была разрушена, как символ «тирании» — в 1789 г. в ней содержались трое заключённых: один фальшивомонетчик, один убийца и половой психопат маркиз де Сад; охрана замка состояла из солдат-инвалидов под командой офицера, чью голову парижская чернь носила по улицам на пике. В замке Тампль в Париже, в своё время конфискованном у тамплиеров, содержалась французская королевская семья и отсюда Людовика XVI и Марию-Антуанетту повезли на казнь. Иллюминаты, розенкрейцеры, карбонарии и многочисленные прочие объединения 18 и 19-го веков — отпрыски одной и той же всемирной организации, ею же созданы и руководятся и бесчисленные «безобидные» общества, от

беспрерывно; выборы в Конгресс через каждые два года, президентские — каждые четыре. Не успеют Конгресс или президент быть избранными, как «группы влияния» начинают обрабатывать кандидата на следующие выборы. Партийные организаторы начинают подготовлять следующие сражения, а будущие сенаторы, конгрессмены и президенты начинают чувствовать соответствующее «давление» и на него реагировать. Не даётся ни минуты передышки, в которую могла бы утвердиться мало-мальски здравомыслящая политика, освободившись от мёртвой хватки интересов, далеко не тождественных с истинными интересами страны или её населения. Позже будет показано, как в 1953 году даже простые выборы мэра города Нью-Йорка имели своим следствием внезапную и радикальную перемену в государственной политике Америки по вопросу о «поддержке Израиля». Усиление «давления» в эти периодически повторяющиеся моменты и непрекращающиеся «напоминания» носителям власти в Конгрессе или в Белом Доме со стороны партийных боссов приводят к акробатическим трюкам, ставящим наголову всю политику, вырабатываемую ответственными за неё министерствах.

В этих условиях новое государство, созданное в Палестине в 1948 году, никогда не может стать нормальным «государством» в любом смысле этого слова, известном человеческой истории. Оно представляет собой форпост всемирной организации, простирающей своё влияние на все правительства, парламенты и министерства иностранных дел в западном мире (в первую очередь в Соединённых Штатах, самом мощном государстве в мире в 1950-е годы), чья главная функция — осуществлять контроль над американской республикой, а вовсе не играть роль «родины» для евреев всего мира. Последствием этого положения является всё большее втягивание Америки во взрывчатую ситуацию на Ближнем Востоке, созданную искусственно и чреватую опасностью новой мировой войны.

В 1948 году, через 31 год после первой победы двойного заговора (декларация Бальфура и большевистская революция), было основано сионистское государство. Застрельщику его «признания», Труману, все его ответственные сотрудники указывали, что террористический раздел Палестины методами Дейр-Ясина приведёт к третьей мировой войне; все ведущие западные политики получили подобный же совет и информацию со стороны их ответственных советников. Ни у кого из ведущих политиков мира не могло быть сомнений в том, какие формы примет будущее в результате их поддержки сионизма, и их официальные выступления перед общественностью не могли отражать их личных взглядов или убеждений. Американские политики сороковых и пятидесятых годов явно были, как в своё время г-да Леопольд Эмери и Уинстон Черчилль, в плену навязчивой идеи, что по каким-то никогда не объяснённым ими причинам политика в одном только этом вопросе не подлежит изменениям. Ни этот плен лондонского и вашингтонского правительства, ни то, у кого они сидят пленниками, не осознаётся в наше время (1956 год) ни американским, ни английским народом, хотя в массах растёт беспокойство по поводу явной опасности новой мировой войны, могущей начаться на Ближнем Востоке и распространиться оттуда на весь мир. Во многих частях прочего мира создавшееся положение уже давно было замечено. В 20-х годах, например, кашмирский магараджа задал сэру Артуру Лотиану (как этот дипломат пишет в своих воспоминаниях) вопрос, «зачем британское правительство устанавливает в Индии то, что он назвал „иегуди на радж“ (господство евреев). Я возразил против такой формулировки, но магараджа настаивал, указав, что вице-король Индии, лорд Рединг — еврей, британский статс-секретарь в Индии, Эдвин Монтегю — еврей, что евреем был и верховный комиссар, сэр Вильям Мейер, и спросив, какие доказательства мне ещё нужны?» Так индийский магараджа на другом конце света ясно видел уже 30 лет тому назад истинное положение вещей, создавшееся в западном мире. Ранее мы уже цитировали заявление египетского премьер-министра графу Бернадотту о том, что «еврейская экономическая мощь контролирует хозяйственные системы… Соединённых Штатов, Англии, Франции, самого Египта…» За прошедшие с тех пор годы руководители арабских государств открыто и неоднократно указывали, что американское правительство стало простым орудием сионистских устремлений, подтверждая это в качестве доказательства собственным опытом.

Далеко на другом конце света чувствовались другие последствия «подстройки» избирательной машины в Нью-Йорке: поддержка мировой революции. Китайский лидер Чан Кай-ши был подобными же зигзагами в американской государственной политике изгнан с азиатского континента (на котором с

эсперантистов (изобретатель этого «языка», уничтожающего в случае своего введения всю европейскую культуру, — варшавский врач-еврей Заменгоф), клубов «Ротари» и «Лайонс» до законспирированно действующей финансово-промышленной мафии «бильдербергеров» и «трилатералов», ставящей себе цель создания мирового правительства и руководства мировой экономикой из одного центра, в национальной принадлежности которого не существует сомнений и чья деятельность возвращает читателя к главной теме настоящей книги.

американской помощью водворился коммунизм) на остров Формозу (Тайвань). Известный американский радио-комментатор Текс Мак Крери посетил его там, сообщив затем миллионам радиослушателей в Америке: «Я корчился от стыда, когда мне было сказано, что Америке можно доверять только в течение 18 месяцев между выборами».

Контроль над американской государственной политикой путём контроля над избирательной машиной привёл в 1952 году к апогею талмудистской мести, на этот раз над той частью побеждённой Германии, которая была после раздела Европы оставлена «свободной»: эту половину Германии заставили платить дань сионистскому государству, существование которого началось лишь через три года после поражения Германии во второй мировой войне! Западные союзные победители пытались выжать такую же дань («репарации») после первой мировой войны, но не сумели: то, что было выжато, стояло лишь на бумаге, будучи покрыто американскими и английскими займами. После второй войны мировая революция выжала дань из восточной Германии, попросту ограбив её. Западные державы не требовали «репараций» для себя, но потребовали их для Сиона. К тому времени тревожные донесения ответственных лиц на Ближнем Востоке стали чувствоваться и в Госдепартаменте, которому неустанно напоминалось, что семь арабских государств не признали чёрное дело 1948 года, что они считали себя по-прежнему в состоянии войны с захватническим государством, и что оружие, применявшееся против них, они считали оплаченным Соединёнными Штатами. Тогда родилась идея заставить «свободную» часть Германии платить через несколько лет по окончании войны «репарации» государству, которого во время войны даже ещё и не существовало; так можно было продолжать откармливать новое государство, затемнив в то же время источники снабжения. Эта идея долго вынашивалась за кулисами, получив затем (совершенно как приговор и казни в Нюрнберге) неожиданное символическое осуществление накануне священных дней еврейского Нового Года в 1952 г. (или, как писал нью-йоркский еженедельник «Тайм», в последнюю неделю еврейского года 5711). Это событие, разумеется, стало центральной темой последующих еврейских празднеств, и одна из еврейских газет писала: «Это был наилучший новогодний подарок, какой мы могли себе представить».

Канцлер оккупированной западной Германии, Конрад Аденауэр, «бледный как мел», по описанию газет, сообщил Бундестагу в Бонне о «необходимости морального и материального возмещения». Его министр юстиции, д-р Делер, выступая в Кобурге, выразил то же иначе: «Соглашение с Израилем было заключено по желанию американцев, потому что Соединённые Штаты, учитывая настроения в арабских странах, не могут продолжать поддерживать государство Израиль в той же форме, как до сих пор». Предстояли очередные президентские выборы в Америке, и правительство США принудило правительство западной Германии к уплате Израилю 822 миллионов долларов в течение 12-14 лет, главным образом в товарах германской промышленности. Результаты этой трансакции разительно напоминают описание в книге Штегелина о «Каббале» окончательного еврейского торжества по пришествии Мессии: «Давайте посмотрим, как евреи будут жить в их древней стране под управлением Мессии. Прежде всего, чужие народы, которым они ещё разрешат существовать, будут строить им дома и города, пахать землю и сажать виноград, и всё это без всякой оплаты их трудов». Картина лишь немногим отличается от того, что навязано английским, американским и немецким налогоплательщикам под различными формами принуждения (скрытыми в первых двух случаях и открытыми в последнем) в виде уплаты дани сионизму.[53] Западной общественности, разумеется, ничего не сказали о том, какими методами была вынуждена уплата этой дани немцами: им изобразили

---

[53] Дугласу Риду видимо осталось неизвестным, как это 822 млн. долларов немедленно обнаружили тенденцию к возрастанию в астрономической прогрессии. В марте 1953 г. боннский Бундестаг утвердил уплату Израилю «возмещения» в сумме трёх с половиной миллиардов марок, из них 3 млрд. неоплаченными товарами западногерманской промышленности (что соответствовало по тогдашнему курсу доллара 822 млн. долларов) и дополнительно полмиллиарда марок наличными еврейским международным организациям (ещё 137 млн. долларов!). Президент Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман пишет в своей книге «Еврейский парадокс» (Le Paradoxe juif, Paris, стр. 149), что до того «некоторые еврейские организации», не названные им были готовы удовольствоваться «смехотворными» 20 миллионами марок — по-видимому суммой, более или менее соответствовавшей действительным убыткам европейских евреев в результате войны; однако, когда он, Гольдман, «взялся за дело», то сумма германских платежей выросла до 80 миллиардов марок, что в 20 раз превышало то, что готов был уплатить Бундестаг. В немецкой печати неоднократно указывалось, что к 1985 году уже выплаченные Израилю суммы достигли 100 миллиардов марок и что окончательный (?) общий размер платежей достигнет, по крайней мере, 140 миллиардов. Немногие органы печати, поместившие эти сведения, неизменно характеризуются прочей прессой, как «крайне-правые», однако опровержения указанных данных ниоткуда не последовало.

В той же книге Гольдмана указывается, что с маленькой Австрии сионисты содрали 30 миллионов долларов, хотя Австрия всюду (в том числе и в книге Дугласа Рида) изображается, как «первая жертва Гитлера», и, казалось бы, к уплате «репараций» несуществовавшему до 1948 г. государству не может быть обязана.

это, как независимый акт западногерманского правительства, побуждаемого высокими моральными соображениями. Еврейской аудитории всё это было столь же хорошо известно, как и слушателям д-ра Делера в Кобурге. Достаточно двух примеров: Еврейское Телеграфное Агентство «сообщило, что правительство Соединённых Штатов сыграло важную роль в том, чтобы заставить западную Германию сделать евреям приличное предложение о сепарациях; британское правительство также сыграло в этом роль, хотя и в меньшей степени»; а еврейская газета «Зионист Геральд» в Иоганнесбурге писала: «Соглашение (Израиля) с Германией не было бы возможным без активной и очень эффективной помощи правительства Соединённых Штатов в Вашингтоне и Верховного комиссара США в Германии». Не иначе оценивала происшедшее и вся арабская печать, а когда один из американских корреспондентов попытался посетить один из лагерей арабских беженцев, его выпроводили оттуда с комментарием: «Какой смысл разговаривать с Вами? Мы арабы прекрасно знаем, что ни одна газета в Америке не может писать правды о палестинском вопросе». В Англии официальная версия событий была дана парламенту лордом Редингом, заместителем министра иностранных дел и сыном того вице-короля Индии, о котором кашмирский магараджа спрашивал за 30 лет до того сэра Артура Лотиана. Заявление лорда Рединга было, как полагается в таких случаях, вызвано соответственным «запросом», на этот раз со стороны социалистического пэра, лорда Гендерсона, начавшего с того, что «шесть миллионов евреев были отправлены на тот свет». Ответ лорда Рединга представляет несомненный интерес; он сказал, что платежи западной Германии новому государству будут «до некоторой степени носить характер морального возмещения, больше даже чем материального», и что они будут «основываться на подсчётах стоимости поселения в Израиле евреев, изгнанных нацистами из Европы». Это заявление вновь устанавливает принцип, согласно которому единственным нацистским преступлением, подлежащим возмещению, было преследование евреев; никому даже в голову не приходило просить возмещения в пользу поляков, чехов и любых прочих пострадавших от войны. Наиболее любопытным является указание на «моральное возмещение»: когда оно было высказано, около миллиона арабов были изгнаны сионистами из Палестины, и все просьбы о возвращении неоднократно и с презрением отвергались. Но самым характерным в заявлении Рединга являются слова о «поселении в Израиле евреев, изгнанных нацистами из Европы». Израиль является единственным местом в мире, где доступны точные сведения о еврейском населении. Согласно израильской правительственной статистике, оно составляло в 1953 году 14 000 000 чел., из них всего лишь 63 000 евреев из Германии и Австрии (менее 5 %). При известном напряжении фантазии эти 63 000 можно было бы считать единственными жителями Израиля, действительно изгнанными из Европы и расселёнными в Израиле. Главная масса евреев прибыла из Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии через некоторое время после окончания войны (причём вряд ли их могли оттуда «изгнать», поскольку в этих странах они были после войны под защитой особых законов и пользовались преимущественным зачислением на государственную службу) или же из северной Африки. Из западной Германии в пользу сионистского государства не существовало ни малейших моральных оснований, а если бы таковые когда-либо существовали, хотя бы в отношении упомянутых 63 000 евреев, то они давно уже были бы перевешены сионистским изгнанием почти миллиона арабов. Всё это не имеет прецедентов в западной истории и лишь доказывает степень подчинения американского и английского правительства сионизму. Западную Германию заставили покрывать значительную часть стоимости вооружения и хозяйственного развития нового государства; этим была ещё более приближена возможность новой большой войны, а перспективы для арабского мира ещё более ухудшились. Сионистское государство было прочно поставлено на ноги, и последствия этого не замедлили сказаться. Оказание «давления» в этом вопросе на правительство западной Германии было одним из последних важных политических актов правительства Трумана, чей срок президентства на этом закончился. Как примечание к западногерманскому делу можно отметить, что в то же время западные оккупационные власти в Вене, действуя в данном случае в полном согласии с Советами, унизили маленькую Австрию (первую жертву Гитлера), наложив своё вето на австрийский закон об амнистии и возмещениях, который мог бы пойти на пользу некоторым не-евреям. Австрийское правительство (к тому времени снова считавшееся «суверенным») заявило протест американскому Верховному комиссару, обвинив его в подчинении приказам «эмигрантов из Австрии», работавших при его штабе в качестве «еврейских советников». Ни в английской, ни в американской печати ни одного вразумительного сообщения об этом эпизоде не появилось.

Глава 44
Орудие мирового владычества

Помимо продвижения революции в сердце Европы и насильственного создания сионистского государства, Вторая мировая война имела своим третьим последствием вторичную попытку построить здание «мирового правительства», на алтаре которого должна была быть принесена в жертву западная государственность. Это явно должно было стать конечной целью, к которой вели параллельные процессы коммунизма и сионизма. Сама идея впервые была сформулирована в документах Вейсхаупта, стала принимать определённые формы в течение 19-го столетия и была во всех деталях преподнесена в «Протоколах» в самом начале нашего 20-го века. В ходе Первой мировой войны она была главной среди тех идей, которые «полковник» Хауз и его подручные сумели «влить в мозги» президента Вильсона, стараясь внушить ему, что эти идеи были его собственными. Практическую форму она обрела вначале как «Лига принуждения к миру», а затем, в конце войны, как «Лига Наций».

Свою первую частичную реализацию она получила таким образом, как и все связанные с ней вспомогательные начинания, в тот период наибольшего идейного разброда, о котором уже была речь, т. е. в последней фазе военных действий и в первое время по их окончании. Ни о чём подобном никогда не было и речи до войны, в которую оказались втянутыми народы Европы и Америки, и им не было дано разумных объяснений характера и цели этого предприятия. В период военного положения наши премьеры-диктаторы считали само собой разумеющимся, что их народы согласны со всем, что они затевали; когда рассеялся туман войны, то единственным выражением общественного мнения по этому вопросу был немедленный отказ Конгресса Соединённых Штатов иметь с этим делом что-либо общее.

За двадцатилетний период между войнами стало ясно, что т. н. Лига Наций не была в состоянии ни «принудить» народы и государства к миру, ни сохранить его, и что по своей воле народы не собирались отказаться от своего суверенитета. Тем не менее, накануне Второй мировой войны готовившиеся к ней политики вновь стали носиться с планом создания чего-то, именуемого ими «всемирным правительством», причём все они сходились на том, что народы должны отказаться от своих суверенных прав. Как пишет биограф Баруха, Моррис Розенблюм, Рузвельт носился с этим планом уже в 1923 году после того, как его разбил паралич, и, всё ещё прикованный к постели, сочинял проекты «плана для сохранения мира», а впоследствии, уже президентом, дал этому проекту название «Объединённых Наций».

В Англии Уинстон Черчилль, казалось бы воплощение и поборник британской государственности, возглавил в 1936 г. английскую секцию международного объединения под названием «Общество нового содружества народов», выступавшего за создание «международных полицейских сил для поддержания мира» (во всех подобных проектах и декларациях, понятия «силы» и «мира» уживаются друг с другом), и официально заявил (26 ноября 1936 г.), что оно отличается от «всех прочих объектов мира» тем, что «стоит за применение силы для защиты закона против агрессора». М-р Черчилль не пояснил, какой или чей закон он имел в виду, но он предложил силу, как путь к миру. Неудивительно, поэтому, что при встрече с президентом Рузвельтом в августе 1941 г., когда родилась лишённая всякого практического смысла «Атлантическая Хартия», Черчилль (согласно его собственным запискам) счёл нужным заверить президента, что общественное мнение в Англии будет весьма разочаровано отсутствием всякого намерения создать после войны международную организацию с целью сохранения мира». Автор настоящей книги находился в то время в Англии и был «разочарован» главным образом именно той мыслью, которую так упорно преследует Черчилль; что же касается «общественного мнения в Англии», то такового вообще по этому вопросу не существовало, поскольку никакой информации для его создания предоставлено не было. Черчилль действовал исключительно по собственной инициативе, как впрочем и Рузвельт: «Рузвельт говорил и действовал с полнейшей свободой и авторитетом во всех вопросах… Я представлял Англию почти с такой же свободой. Так было достигнуто полное согласие, причём неоценимым преимуществом были экономия времени и сокращение числа посвящённых в эти планы лиц; Черчилль описывает далее, как „все главные вопросы между нашими странами решались практически во время личных встреч“ между ним и Рузвельтом, при „полном взаимопонимании“.

В результате, в заключительной стадии войны и без малейшего участия в этих вопросах воюющих народов, «вопросы мировой организации», как её именовал Черчилль, стали главной темой в сугубо частных дискуссиях его с Рузвельтом, генерала Сматса из Южной Африки и премьер-министров британских доминионов. К этому времени, однако, (1944 г.) Черчилль стал употреблять для обозначения того же самого термин «мировое орудие», и тут, как и выше, при упоминании им «закона», уместен вопрос, чьё это должно было быть орудие? Во всех этих дискуссиях стандартным оборотом было «предотвращение будущей агрессии»; однако, трудность определения того, кто является агрессором, была уже показана на примерах провокации в Гаване в 1898 г. и Перл Харбора в 1941 г.,

что же касается одного из обоих главных агрессоров в начале Второй мировой войны, советского государства, то именно оно выиграло несравненно больше всех остальных по её окончании, т. ч. все разговоры о предотвращении «агрессии» явно не велись всерьёз. Несомненно было задумано создание «мирового орудия» для пользования им теми, кто сможет получить над ним контроль. Против кого оно должно было применяться? Ответ дают все пропагандисты этой идеи: все они ополчаются совместно против «суверенитета наций». Следовательно, оно должно было служить орудием для уничтожения самостоятельной государственности (фактически, при создавшемся положении вещей, одной только западной). Кем оно будет применяться, орудием чьих рук оно будет? Исход двух мировых войн нашего века даёт на это ответ.

На этом фоне в 1945 г. была создана «Организация объединённых наций». На протяжении двух лет, пока ещё продолжался послевоенный период идейного разброда, на какое-то время раскрылся истинный характер «мирового орудия» как и «мирового правительства». Впервые народам было показано, что их ожидает, если этот план будет полностью осуществлён. Широкие массы не поняли того, что им было показано, и быстро обо всём этом забыли, однако разоблачения оказались записанными чёрным по белому и не потеряют ценности для исследователей в течение всего того времени, пока закулисные дирижёры международной политики будут продолжать преследовать идею сверхнационального «правительства», столь ясно изложенную и предсказанную в «Протоколах» 1902 года. Именно в этот момент нашего повествования фигура Бернарда Баруха впервые выходит из тени «советников» на ярко освещённую сцену, и становится возможным сделать заключение о долголетней роли, которую он играл в событиях нашего столетия. Как было упомянуто выше, он решительным образом вмешался в пользу сионистского государства в 1947 году, обнаружив «большие перемены» в своей прежней враждебности к сионизму (как пишет Вейцман), а также «посоветовав» прекратить оппозицию против сионизма ответственному за оборону страны министру, Джеймсу Форрестолу. В этот момент мы впервые могли проследить влияние, которое Барух оказывал на государственную политику, и оно оказалось весьма знаменательным, показав сколь напрасными были надежды многих на «слияние евреев со всем человечеством»; до тех пор м-р Барух выглядел (вероятно, нарочито желая таким казаться) полностью ассимилированным американцем, образцом еврейской эмансипации, интересным и почтенным господином, высокого роста, представительным и весьма успешным в своих делах.

Если «перемена» в м-ре Барухе действительно была столь неожиданной, как это пишет Вейцман, то другое свидетельство того же периода представляет её весьма радикальной. В те дни одним из самых оголтелых сионистских шовинистов в Америке был некий г-н Бен Хехт, опубликовавший однажды следующее, заслуживающее нашего внимания заявление: «Одним из самых замечательных дел, когда-либо совершённых толпой, было распятие Иисуса Христа. С интеллектуальной точки зрения, это было великолепно. Однако, на то и толпа, чтобы делать глупости. Если бы казнь Христа была поручена мне, я действовал бы иначе. Поверьте, я привёз бы его в Рим и скормил львам на арене. Из рубленого мяса им никогда бы не удалось сделать Спасителя». В период арабских погромов в Палестине, завершившихся резнёй в Дейр-Ясине, этот симпатичный господин опубликовал в ряде ведущих газет по всей Америке объявление на всю страницу, адресованное «К террористам в Палестине» и гласившее:

«Американские евреи за вас. Вы борцы за наше дело… Каждый раз, когда вы взрываете английский склад оружия, или когда взлетает на воздух английский поезд, когда вы грабите английский банк или когда ваши патроны и бомбы рвут на части британских предателей и захватчиков вашей родины, евреи Америки празднуют это в своих сердцах». Автор этого любопытного объявления сообщает в своей автобиографии, что Барух счёл нужным оказать ему честь личным визитом и заверить его в своей полной симпатии и поддержке: «В один прекрасный день дверь моей комнаты открылась, впустив высокого, седовласого джентльмена. Это был Бернард Барух, мой первый гость из еврейского общества. Он уселся, разглядывая меня в течение некоторого времени и затем заговорил. „Я на Вашей стороне“, — сказал Барух — „евреи могут добиться чего бы то ни было не иначе, как вооружённой борьбой. Вы можете отныне считать меня одним из Ваших еврейских бойцов, в высоких зарослях и с длинным ружьём. Скрыто от глаз, я всегда достигал самых лучших успехов“».

Этот показательный пассаж, в сочетании с вмешательством у Форрестола, позволяет историку заглянуть глубоко в характер и личность Бернарда Баруха. Если он именно в этом смысле («еврейским бойцом в высоких зарослях и с длинным ружьём… скрыто от глаз») достигал своих наилучших успехов в течение 35-летней карьеры советником у шести президентов», то как американская политика, так и мировые события 20-го века получают исчерпывающее объяснение. Читатель имеет полное право принимать цитированные выше слова всерьёз и рассматривать влияние Баруха на американскую и

мировую политику именно в их свете. Они столь же важны для оценки единственного значительного общественного вмешательства Баруха в мировую политику, имевшего место примерно в то же время. Речь идёт о «плане Баруха» создать деспотическое мировое правительство, поддержанное сокрушающей силой, а цитированные выше его собственные слова внушают абсолютное недоверие к целям, которым должно было служить подобное «мировое орудие власти». «План Баруха» имеет для нашего повествования столь важное значение, что не мешает бросить взгляд и на личность и карьеру Баруха.

Его всегда считали принадлежащим к еврейской аристократии сефардского происхождения, восходившей к испанским и португальским евреям, с отдалённой возможностью палестинских предков. В действительности, согласно его собственному заявлению (от 7 февраля 1947 г.), его отец был «польским евреем, прибывшим сюда (в Америку) сто лет тому назад». Это означает, что Барух происходил из восточно-европейских ашкенази несемитского корня, из которых в настоящее время, по утверждению иудаистских статистиков, состоит почти всё мировое еврейство. Барух родился в 1870 г. в Кемдене, в штате Южная Каролина. Похоже было, что его семья готова была делить горести и радости своей новой родины; Барух-отец служил врачом у южных «конфедератов», а сам Бернард Барух родился в мрачные годы «восстановления» и видел ещё мальчиком, как толпы негров, возбуждённых демагогией политических мошенников и самогоном, рыскали по улицам сонного, окружённого плантациями городка, в то время как его старшие братья стояли с дробовиками наготове на веранде их дома; отец носил в то время плащ и клобук Ку-Клукс-Клана. Другими словами, уже в детстве он был свидетелем разрушительных действий революции, захватившей инициативу в свои руки в последних стадиях гражданской войны и руководившей всем периодом «восстановления», и смог впоследствии убедиться в ценности и преимуществах свободного общественного порядка. Однако, не имея кровных связей с американским Югом, его семья вскоре поддалась притяжению Нью-Йорка, переселившись на север. Ещё не достигнув 30 лет, Барух стал здесь богатым человеком, делавшим быструю карьеру, а к сорока годам он уже представлял собой силу, хотя и невидимую, действовавшую за кулисами. Вполне возможно, что именно он явился прототипом финансиста Тора в романе Эдварда Манделя Хауза, и тот же «полковник» Хауз, вопреки возражениям многих, ввёл его в круг ближайших сотрудников Вильсона. Его деловая карьера уже тогда состояла из финансовых махинаций большого масштаба, наживы на «срочной распродаже», на искусственном занижении цен, на скупке по дешёвке разорившихся предприятий и их выгодной перепродаже и т. п. В его руках золото, каучук, медь и сера превращались в доллары. Когда в 1917 г. было назначено расследование биржевых махинаций, вызванных в 1916 г. распространением слухов о «близком заключении мира в Европе», он дал показание комитету Конгресса, что «в один день заработал полмиллиона долларов на срочной перепродаже»[54]. Его поддержка президента Вильсона (на избирательную кампанию которого он сделал щедрые пожертвования) имела, по его словам, причиной выступления профессора Вильсона в своё время против привилегированных студенческих корпораций в Принстонском университете (том самом, в котором в 1956 г. советский шпион Альджер Хисс удостоился чести выступать с приветственной речью по адресу студенческого клуба). Это должно было квалифицировать Баруха, как убеждённого борца против «расовой, классовой и религиозной дискриминации», хотя трудно было бы найти в Америке человека, пострадавшего от какой бы то ни было дискриминации меньше, чем Барух.

Его появление на Уолл-стрит было встречено с неодобрением тогдашними заправилами делового мира, считавшими его чем-то вроде карточного жулика (как его характеризовал никто иной, как Джон

---

54 Евреи слывут особо успешными биржевиками, и почти все еврейские состояния были нажиты на биржевых спекуляциях, не пользующихся в деловых кругах положительной репутацией, как и сам термин «биржевика» считается противоположностью серьёзного предпринимателя, зарабатывающего деньги собственным трудом и инициативой. Успехи евреев на бирже объясняются, разумеется, не особыми способностями, которые вряд ли превосходят таковые прочих смертных, а прежде всего тем, что в их распоряжении находится обширный аппарат слежки, доставляющий вовремя нужную информацию «своим» и исключающий из неё «не-наших», оттесняющий «чужих» от выгодных сделок и подыгрывающий им невыгодные. Вспомним как ещё во времена Наполеона французский деловой мир был категорически против допущения в его среду евреев, указывая, что в то время, как французские коммерсанты действуют в одиночку, каждый на свой страх и риск, евреи при первой возможности «сливаются в одно целое, как капельки ртути», действуя во вред всем не-евреям. Нелишне напомнить, что заведомый обман «чужих» Талмудом не только разрешается, но прямо предписывается (кроме как в случаях, когда это может повредить репутации всего еврейства) как «богоугодное» дело. Другими словами, что для верующего христианина является грехом, в представлении еврея является заслугой. Трудно не увидеть в подобного рода психологии и практике, прикрывающей мошенничество и уголовщину псевдорелигиозной мантией, одну из главных причин «антисемитизма», чем и объясняется то, что во всей Европе нет страны или провинции, в которой евреи за последние тысячу лет не подвергались бы изгнанию или погромам.

Пирпонт Морган). Барух не слишком страдал от подобного рода критики, характеризуя себя сам, как «спекулянта». Во время первой мировой войны президент Вильсон назначил Баруха главой Ведомства военной промышленности, очевидно вняв повторным настояниям Баруха, что этот облечённый диктаторскими полномочиями орган должен непременно находиться в руках одного лица (и что наилучшим кандидатом для этого является именно он, Барух). Впоследствии Барух, без излишней скромности, характеризовал самого себя на этом посту, как самое могущественное лицо в мире. Когда президент Вильсон вернулся с Версальской мирной конференции совершенно неработоспособным в результате своей болезни, Барух «стал одним из той группы лиц, которые принимали правительственные решения в период болезни президента, …став известными, как „совет регентов“. Президенту Вильсону удалось подняться с постели на достаточно долгое время, чтобы уволить государственного секретаря Роберта Лансинга, позволившего себе созывать совет министров в качестве оппозиции этому „совету регентов“.

Биограф Баруха сообщает, что он продолжал свою деятельность «советником» у трёх президентов США от республиканской партии в 20-х годах, а г-жа Элеонора Рузвельт свидетельствует, что он же был советником Рузвельта как до, так и во время 12-летнего господства демократов, сменивших в 1933 году республиканцев. Мы помним, как Черчилль нашёл нужным в марте 1939 г. доложить Баруху, тогда отдыхавшему в своём феодальном поместье в Южной Каролине, что «война начнётся очень скоро… и Вы будете там (т. е. в США) командовать парадом». Барух к тому времени давал «советы» американским президентам уже в течении почти 30 лет, но, несмотря на это, самый прилежный исследователь не в состоянии обнаружить или точно определить ни какого рода «советы» он давал, ни какие последствия они имели для американской и мировой политики, ни мотивы, которыми руководствовался м-р Барух, давая свои советы. Это вполне естественно, ибо, как мы уже видели, он всегда действовал «в высоких зарослях … скрыто от глаз». Он никогда не был ни избран на какую-либо государственную должность, ни назначен на ответственный пост, т. ч. эта его деятельность не поддавалась проверке. Он был первым в ряду «советников», этого совершенно нового сорта власть имущих, предвиденных в самом начале нашего столетия одними только «Протоколами», дисквалифицированными, как известно, как «фальшивка царской тайной полиции».

Во всей этой картине мы можем делать лишь выводы и заключения из отдельных, фрагментарных свидетельств, собирая их, как мозаику, для восстановления её частей. Прежде всего бросается в глаза, что все официально зарегистрированные «советы» Баруха были направлены на установление того или иного контроля. Как во время первой, так и во время второй войны его универсальным средством от всех болезней были «контроль», «дисциплина» и т. п. Оно постоянно сводилось к требованию установления жёсткой власти над людьми и к централизации этой власти в руках одного лица; много лет по окончании второй войны он выдвигал те же требования, на этот раз якобы для предотвращения третьей: «прежде, чем начали свистеть пули… Америка должна согласиться на введение у себя мер дисциплины, как например карточной системы на товары потребления, и контроля цен» (выступление Баруха в сенатской комиссии, 28 мая 1952 г.). Каждый раз, когда бы они ни делались, эти «рекомендации» должны были служить делу борьбы против того или иного «диктатора»: по-очереди это были то «кайзер», то «Гитлер», то «Сталин». Как должен был выглядеть зажатый в тиски контроля и дисциплины мир, предвидимый Барухом, было показано им самим в его выступлении в комиссии Конгресса в 1935 г.: «Если бы война 1914…18 гг. продолжалась ещё лишний год, то всё население Америки было бы одето в дешёвую, но практичную форму… число типов обуви было бы сокращено до двух или трёх». В своё время это заявление вызвало резкий протест: американцы не для того помогали победить «регламентированных» немцев, чтобы, продолжалась война «ещё лишний год», оказаться самим регламентированными на нищенском уровне. В то время Барух, разумеется, энергично отрицал, что он собирался заставить Америку «ходить в ногу» парадным шагом, но его биограф сообщает нам, что «во время Второй мировой войны он возобновил своё предложение о введении казённой одежды для всего населения». Вглядываясь в эту мало привлекательную картину, поневоле вспоминаешь похожее изображение нищенского существования порабощённых масс бывших национальных государств, данное в «Протоколах».

Другие отдельные камешки той же мозаики показывают нам, что мечты м-ра Баруха вращались вокруг картины столь же контролируемого и зажатого в тиски дисциплины всего мира. Похоже, что та folie de grandeur, мания величия, которую вильсоны и ллойд джорджы, рузвельты и черчилли так усердно приписывали кайзеру и Гитлеру, прежде всего поразила самого их «советника» Баруха. Биограф нашего «советника» пишет: «Барух много раз говорил, что он берётся приструнить весь мир». А во время второй мировой войны «Барух договорился с Рузвельтом и другими союзными лидерами,

что всемирная организация должна быть создана в период максимального единства всех союзников во время войны». Эти слова являются ключом ко всей картине: они относятся именно к тому периоду общего идейного разброда во время большой войны, когда «советники» подсовывают свои планы, «премьеры-диктаторы» парафируют их, не глядя (а потом не могут понять, как они могли это сделать — см. выше), в результате чего мир переживает небывалые потрясения.

Всё это — фрагменты, мозаичные камешки, весьма существенные, но не дающие полной картины. Сразу же по окончании второй войны Барух впервые вышел на авансцену мировой политики, как автор плана всемирной диктатуры, основанной (по крайней мере, по мнению автора этих строк) на терроре, т. е. на страхе и принуждении. Тем самым его намерения и деятельность впервые стали доступными анализу и проверке, и именно в связи с этим его планом его слова, обращённые к упомянутому Бен Хехту, приобретают (опять-таки, по мнению автора этих строк) особое значение. Согласно его биографу, Баруху было 74 года, «когда он стал готовиться к осуществлению главной задачи своей жизни… к созданию практически осуществимого плана международного контроля атомной энергии и, в качестве американского представителя в Комиссии атомной энергии ООН, к настоянию на принятии этого плана Комиссией». Справка биографа о возрасте Баруха означает, что дело было в 1944 году, за год до того, как была сброшена первая атомная бомба и ещё до основания самих «Объединённых наций». Если это так, то значит Барух знал о том, что произойдёт в мире, за 2 года до самих событий: его «назначение», к которому он стал готовиться в 1944 году, было впервые предложено государственным секретарём Бёрнсом (после соответствующего разговора с Барухом) президенту Труману в марте 1946 года, через 7 месяцев после взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой. Президент Труман не замедлил провести это назначение, в результате чего Барух появился наконец на глазах общественности, получив официальную должность. Он принялся за разработку «плана Баруха».

Согласно закону, регулирующему вхождение США в Объединённые Нации, американские представители в ООН обязаны следовать политике, сформулированной президентом и переданной им через государственного секретаря. Согласно же тому, что пишет его биограф, запрос Баруха об этой политике был явно сделан про-форма, поскольку ему было предложено выработать эту политику самому. Опять-таки, если всё это так (а биография была опубликована с его разрешения и по его утверждении), то «план Баруха» действительно был планом Баруха в буквальном значении слов. По тем же данным, он был составлен на скамье в Центральном Парке в Нью-Йорке, совместно с неким г-ном Фердинандом Эберштадтом, «помощником» г-на Баруха в Версале в 1919 г. и его «усердным учеником» во время второй мировой войны. Это можно было бы охарактеризовать, как методику осуществления государственной политики в XX веке, и по-видимому именно этим методам Барух обязан своим популярным прозвищем «политика садовой скамейки». Барух представил свой план Комиссии по атомной энергии ООН на её первой сессии 14 июня 1946 г. В тоне левитского Иеговы он предлагал сделать выбор между «благословением и проклятием» атомной бомбы, называя её «абсолютным оружием» (два года спустя с ним уже стало конкурировать ещё более смертельное, ядерное), и выдвигая давно знакомый аргумент всех ложных пророков, что если его послушаются, то «мир» будет полностью обеспечен, а если нет, то всё кончится «разрушением». Сделанные им предложения сводились, по мнению автора этой книги, к установлению всемирной диктатуры, поддерживаемой господством террора в мировом масштабе; читателю предлагается вынести своё суждение самому:

> «Мы должны выбирать между миром во всём мире или разрушением всего мира… Мы должны создать систему, обеспечивающую использование атомной энергии для мирных и исключающую её применение для военных целей. Для этого мы должны обеспечить немедленное, быстрое и надёжное наказание всех нарушителей соглашений между народами. Наказание — существенно необходимо, если мы хотим, чтобы мир не был только лихорадочным промежутком между войнами. Объединённые Нации должны также предписать индивидуальную ответственность и наказуемость на основах, применённых в Нюрнберге Союзом Советских Социалистических Республик, Великобританией, Францией и Соединёнными Штатами — что несомненно пойдёт на пользу будущему всего мира. В настоящем политическом кризисе мы представляем не только наши правительства, но больше того, мы представляем народы всего мира… Народы собравшихся здесь демократических стран не боятся интернационализма, который их защищает; они не желают быть одураченными болтовнёй об узком суверенитете, сегодняшнем обозначении вчерашнего изоляционизма».

Так Барух выступал не как представитель Соединённых Штатов, но говоря от имени «народов

всего мира» и предлагая осчастливить весь мир созданием постоянного Нюрнбергского трибунала (который вероятно выносил бы свои приговоры в еврейский Судный День). На такой основе он предложил «контроль или владение на правах собственности международного директората» в отношении всей деятельности в области атомной энергии, могущей угрожать международной безопасности, а также его право контролировать, подвергать инспекции и осуществлять лицензирование всей прочей атомной промышленности. В отношении «нарушителей этого порядка» он предложил «установление немедленных и надёжно действующих наказаний за нелегальное владение или применение атомной бомбы или атомного материала, а также за сознательное нарушение деятельности директората». Он повторил своё требование «наказаний», подчеркнув, что «…вопрос наказания составляет основу всей современной системы безопасности… Хартия ООН допускает наказание только с согласия всех пяти великих держав… Не должно быть никакого права „вето" для защиты тех, кто нарушает принятые ими торжественные обязательства… Бомба не допускает проволочек, которые могут оказаться смертельными. Время между нарушением и превентивными действиями или наказанием должно быть предельно кратким и не допускает дискуссий в относительно принимаемых мер. Такое решение потребует жертв в отношении самолюбия и положения государств, однако лучше заплатить за мир ущербом для гордости, чем смертью за состояние войны».

Из всего этого читатель видит, что для избежания «разрушения» Барух требовал «недопущения использования атомной энергии для войны», предлагая создать всесильный директорат с монополией на атомную энергию, не подлежащий никакому контролю или ограничению в деле использования им той же атомной энергии, как наказания любой стороны, которую он сочтёт заслуживающей этого наказания. Это предложение позволило народам заглянуть в тот будущий мир, который готовило для него «всемирное правительство». Как пишет биограф Баруха, президент Труман «одобрил этот план», после чего Барух принялся за вербовку голосов в Комиссии ООН за его принятие. Полгода спустя (15 декабря 1946 г.), потеряв терпение, он вновь указал Комиссии, что «промедление смерти подобно». Период военного смятения чувств и мозгов подходил к концу, и даже комиссию ООН трудно было заставить согласиться на что-либо подобное. 31 декабря 1946 г. г-н Барух подал в отставку, и его план был отложен в долгий ящик комиссии ООН по разоружению.

В январе 1947 г. Барух объявил, что он намерен отойти от общественной деятельности», хотя его видимое в ней участие ограничивалось одним только описанным выше атомным планом. По словам его биографа, «заинтересованные наблюдатели не были особенно обеспокоены… заключая пари, что не пройдёт и месяца, как Барух вернётся в Белый Дом и в Капитолий, что и произошло в действительности». Позже в том же 1947 г. он вмешался «решающим образом», хотя и не публично, в политику Форрестола, а затем состоялась также его весьма примечательная встреча с г-ном Бен Хехтом, о чём была уже речь выше. Шесть лет спустя, в 1953 г. его биограф (очевидно имея в виду избрание Эйзенхауэра президентом) подытожил «рекомендации», которые новый президент получит от несменяемого в Белом Доме «советника». Они сводились к подготовке мобилизации на случай войны, «контролю», «глобальной стратегии» и пр. К этому времени Барух уже уточнил, против какой новой «агрессии» должны были быть направлены его предложения, потребовав в Сенатской комиссии 1952 года, чтобы «для предупреждения советской агрессии» президенту «были даны все необходимые полномочия для проведения программы вооружения и мобилизации, включая производственные приоритеты и контроль ценообразования». Это было всё той же программой сосредоточения власти «в руках одного лица», чего он требовал на протяжении обеих мировых войн. Однако, частным порядком он по-видимому был совершенно иного мнения о том агрессоре, о котором говорил с такой тревогой и отвращением перед Сенатской комиссией, поскольку в 1956 году он поведал одному из интервьюировавших его журналистов, как «несколько лет тому назад я встретил на одном из вечеров Вышинского и сказал ему: „Мы с вами оба — дураки. У вас есть бомба и у нас есть бомба. …Давайте возьмём это дело под наш контроль, пока ещё есть время, потому что пока мы заняты болтовнёй, все другие тоже рано или поздно раздобудут себе эту бомбу" („Дейли Телеграф" от 9 января 1956 г.). Советы также явно не считали г-на Баруха своим врагом, поскольку уже в 1948 г. (как он сам подтвердил это в 1951 г.) его пригласили в Москву для совещаний с советскими диктаторами; он уже собрался было в путь, и только неожиданная болезнь в Париже» заставила его прервать это путешествие (по крайней мере, согласно его объяснениям). Раскрытие Барухом его планов, как «приструнить весь мир», показало этому миру уже в 1946 г., что его ожидает в последних стадиях и в первое время после любой третьей мировой войны; здесь перед нами раскрылась полная картина «глобального плана». В 1947 году Барух как-то упомянул, что его отец «приехал в Америку ровно сто лет тому назад». На этом примере мы видим наглядным образом, какое влияние оказала на Америку, а

через Америку и на весь мир, волна «новой иммиграции» 19-го столетия. На исходе всего лишь ста лет сын упомянутого папаши был уже почти 40 лет одним из самых могущественных людей в мире, хотя он и действовал «в высоких зарослях …скрыто от глаз», и эта его деятельность продолжалась далее (Барух умер в 1965 г. в возрасте 95 лет — *прим. перев.*)

Глава 45
Еврейская душа

Первые 50 лет нашего «еврейского века» (написано в 1955 г. — *прим. перев.*) естественно возымели своё действие на еврейскую душу, снова приведённую в состояние бурного беспокойства. Они превратили в шовинистов множество евреев, которые 150 лет тому назад, казалось бы, готовы были слиться с остальным человечеством. Теперь они снова в плену, — и многочисленные «пленения» евреев всегда были таковыми у их же старейшин с их догмами об избранности, а вовсе не у чужеземных поработителей. В сионистском плену и под кнутом старейшин их превратили в самую разрушительную силу во всей известной нам истории. История нашего века, его войн и революций, как и будущей развязки, определяется талмудистским шовинизмом с его корнями во Второзаконии. Само слово «шовинизм» означает преувеличенно разгоревшиеся национальные страсти; Николай Шовен (Chauvin) был наполеоновским офицером, обожавшим своего императора со столь напыщенной и необузданной преданностью, что это компрометировало патриотизм даже в эпоху его наибольшего подъёма и популярности. Тем не менее, даже этот термин недостаточен для описания воздействия талмудического сионизма на еврейскую душу; нет иного слова, как «талмудизм», чтобы охарактеризовать это единственное в своём роде и совершенно безграничное неистовство.

В 1933 г. уже неоднократно цитировавшийся нами Бернард Дж. Браун писал: «Сознательно быть евреем — самый низменный вид шовинизма, ибо это — единственный шовинизм, основанный на совершенно ложных предпосылках». Эти предпосылки исходят из Талмуда-Торы; а именно, что Бог обещал определённому племени неограниченное господство над всеми остальными порабощёнными им же народами мира, а также исключительное наследие загробной жизни в обмен за точное соблюдение «закона», основанного на кровавых жертвоприношениях и уничтожении или порабощении «меньших» народов, поставленных вне этого закона. Независимо от того, является ли талмудистский или сионистский шовинизм (автор полагает, что любой из этих терминов более правилен, нежели «еврейский шовинизм» г. Брауна) действительно «самым низменным видом шовинизма», последние 50 лет (и ещё более последние, почти 90 лет — *прим. перев.*) показали, что он представляет собой наиболее неистовую и насильственную его форму, которой до того не знало человечество. Его воздействие на еврейскую психику видно в совершенно новом тоне еврейской литературы в наши дни. Прежде чем привести примеры, мы покажем его различное воздействие на два поколения в одной и той же еврейской семье: на отца и на сына.

Генри Моргентау старший был весьма уважаемым американским евреем и послом этой страны в Турции. Его можно считать продуктом еврейской эмансипации в прошлом столетии; он был тем, чем могли бы стать евреи сегодня, если бы не было талмудистского шовинизма. Ему принадлежат слова:

> «Сионизм — громаднейшее заблуждение в еврейской истории. Я утверждаю, что он в принципе ложен и духовно выхолощен. Сионизм — это предательство… восточно-европейская идея, которую переняли здесь американские евреи… Если они будут иметь успех, то евреи Америки потеряют всё, что они получили от свободы, равенства и братства. Я не позволяю называть меня сионистом, я — американец».

В следующем поколении имя его сына, Генри Моргентау младшего, оказалось неразрывно связанным с основанием сионистского государства («громаднейшее заблуждение» в глазах его отца) и с талмудистской местью в Европе. В конечном итоге сын может оказаться одним из тех, кто несёт наибольшую ответственность за последствия, которых так боялся отец. Хаим Вейцман свидетельствует о решающей роли, сыгранной младшим Моргентау в закулисной драме в Нью-Йорке, завершившейся насильственным созданием сионистского государства и «признанием» его со стороны американского президента. В Европе он был инициатором раздела континента (с помощью «плана Моргентау») и способствовал распространению революции вплоть до центральной Европы. Некоторые части этого «плана» (парафированного гг. Рузвельтом и Черчиллем, которые оба отказались от него, когда дело уже совершилось) имеют особое значение, а именно те из них, которые требуют, чтобы «все промышленные

предприятия и оборудование, не уничтоженные во время военных действий (в Германии), были… полностью уничтожены… а все шахты и рудники разрушены». Трудно найти иной источник этой варварской идеи «полнейшего разрушения», кроме как Талмуд и Тору, где оно подаётся как «Божий закон». Мы уже показали, что и само сионистское государство было основано на преступлении «полнейшего разрушения», другими словами на буквальном «исполнении» этого закона, Дейр-Ясине.

Не будь сионистского шовинизма и западных политиканов, служивших его «администраторами», сын мог бы стать тем, кем был его отец, и этот наглядный пример иллюстрирует то, что произошло с громадным количеством евреев, и изменения, происшедшие в еврейской душе. Если столь именитые евреи пошли на такое дело и смогли обеспечить ему поддержку американских президентов и британских премьер-министров, то рядовым евреям не оставалось ничего иного, как бежать за ними. Эта общая тенденция находит своё отражение в литературе талмудистского шовинизма, распространяющейся во всё большем количестве. Вплоть до середины прошлого века специально еврейская литература была малочисленна: её писали для отделившихся от прочего мира закрытых общин, и читали там же. В обычной книготорговле еврейским авторам принадлежало место, примерно соответствовавшее их доле в общем населении, что было вполне нормальным, а в своих произведениях они как правило вовсе не выступали как «евреи» и не придерживались исключительно еврейских тем. Они писали для широкой массы читателей, избегая шовинистических призывов к еврейству, как и всего, что не-евреи могли бы посчитать богохульством, подстрекательством, непристойностью или клеветой.

Изменения, происшедшие в нашем столетии, в равной степени отражают как распространение талмудистского шовинизма, так и вынужденное подчинение ему всей не-еврейской массы населения. Если сосчитать в наше время все книги на еврейские темы, написанные как евреями, так и не-евреями, то, если исключить романы, они составят самый многочисленный раздел в западной литературе, а изменения в тоне и уровне необычайно велики. Это совершалось постепенно, а поскольку всякая критика в наше время запрещена как «антисемитизм», широкие массы не осознали происшедших перемен. Они видны из простого сравнения: значительная часть того, что содержится сегодня в литературе талмудистского шовинизма (ниже даются несколько примеров), в начале века не могло бы быть вообще напечатано, будучи нарушением общепринятых норм приличия. Боязнь разноса со стороны критики и читателей не позволила бы ни одному издателю опубликовать многие из этих произведений, или же, во всяком случае, заставила бы их исключить из текста наиболее скандальные пассажи.

Отправным пунктом этого процесса, который можно было бы охарактеризовать как вырождение еврейства, было появление в 1895 г. книги Макса Нордау именно под этим заглавием «Вырождение», задавшим тон для всего последующего хора. Фактически, эта книга была призвана засвидетельствовать не-евреям, что все они — дегенераты и от неё были в восторге все «либералы» конца века, в кругах которых поток последовавшей за этим литературы того же сорта неизменно продолжал пользоваться успехом. Само собой разумеется, что о еврейском вырождении в этой книге не могло быть и речи, и для автора таким вырождением могла бы быть одна лишь оппозиция сионизму; как известно, он был правой рукой Герцля и это он предсказал на сионистском конгрессе после смерти Герцля будущую мировую войну и роль, которую сыграет Англия в создании «еврейского очага». Книга «Вырождение» представляла интерес как по теме, так и по времени её появления; она появилась в том же году, что и «Еврейское государство» Герцля, и этот же год был годом первого революционного взрыва в России (автор вероятно имеет в виду 1905 г., ошибаясь на 10 лет — *прим. перев.*). Не забудем, что как революция, так и сионизм являются существенной частью талмудистской концепции Второзакония, и, как это стремился доказать автор этих строк, оба движения развивались под талмудистским руководством.

«Вырождение» положило начало наводнению Запада литературой талмудистского шовинизма. Примером нашего времени является книга некоего Теодора Кауфмана, «Германия должна погибнуть», вышедшая в Нью-Йорке в 1941 году, когда Гитлер и Сталин перестали быть друзьями, и Америка вступила в войну. Кауфман требовал уничтожения немецкого народа в буквальном смысле Талмуда и Торы. Это уничтожение должно было быть достигнуто путём стерилизации всех немцев — мужчин до 60 лет, женщин до 45 лет) в течение трёх лет по окончании войны, причём границы Германии на этот срок должны были быть наглухо закрыты, а её территория затем поделена между другими народами, т. ч. она исчезла бы с географической карты вместе со всем своим населением. Г-н Кауфман подсчитал, что, по прекращении рождении в результате стерилизации, нормальная смертность уничтожила бы германскую расу в течение 50-60 лет. Трудно сомневаться в том, что общественное отвращение к

подобного рода бредовым идеям отпугнуло бы любого издателя от публикации такой книги во время первой мировой войны или в любое время с тех пор, как было изобретено книгопечатание. В 1941 году эта книга вышла с похвальными отзывами о ней в двух ведущих американских газетах (обе, разумеется, находятся в еврейских руках): «Нью-Йорк Таймс» охарактеризовал предложения Кауфмана, как «план к достижению постоянного мира межу культурными нациями»; «Вашингтон Пост» назвала их «интересно поданной, весьма стимулирующей теорией».

Планы Кауфмана были наиболее талмудистскими из всего, что автору удалось обнаружить в этой области, но их духом напитаны многие другие книги. Ненависть была направлена отнюдь не против одних только немцев; в других случаях это были арабы, а одно время и англичане, как раньше та же ненависть направлялась против испанцев, русских, поляков и прочих. В этом не было ничего личного; будучи конечным продуктом талмудистского учения, эта ненависть равномерно распределялась против всего нееврейского, направляясь то на одного символического врага, то на другого в этом мире, в котором, согласно левитскому «закону», все были врагами. Стремительное нарастание и открытое высказывание этого неистового бреда, не сдерживаемого более соображениями общепринятых норм, объясняют критику, неоднократно выражавшуюся еврейскими писателями, как-то Брауном в 1933 году, раввином Эльмером Бергером в 40-х и Альфредом Лилиенталем в 50-х годах. Их опасения и критика были вполне оправданы отражением этой ненависти в еврейском печатном слове. В одной книге за другой копающиеся в психологии еврейские писатели анализировали «еврейскую душу», неизменно кончая выражением презрения или ненависти по отношению то одной, то другой группы не-евреев в самых шовинистических формулировках. Известный еврейский писатель Артур Кестлер, описывая этот свой анализ иудаизма, писал: «Самым поразительным открытием было, что легенда об „избранном народе“ понимается правоверными евреями совершенно буквально. Протестуя против расовой дискриминации, они тут же подчёркивают своё собственное расовое превосходство, основанное на договоре Иакова с Богом». Однако, воздействие этого «поразительного открытия» именно на эту конкретную еврейскую душу оказалось довольно неожиданным: «Чем больше я знакомлюсь с иудаизмом, тем большую горечь я испытываю, и тем более ярым сионистом я становлюсь». Вероятный повод (трудно употребить термин «причины» в отношении столь нелогичной реакции) странного воздействия на г-на Кестлера им же самим признанного еврейского расисзма, нетерпимости и высокомерия следует искать на двухстах страницах его жалоб на преследование евреев в Европе и их изгнание оттуда. Его искание справедливости не распространяется, однако, на арабов, которые, по его мнению, заслужили своё, ибо он описывает арабскую семью (подвергшуюся преследованиям и изгнанию со стороны сионистов в Палестине) следующими словами, явно полным презрения: «Старуха идёт впереди, ведя на поводу осла, на котором сидит её старик… погружённый в печальные мысли об упущенной возможности переспать со своим младшим внуком». Другими словами, если страдающей стороной не являются евреи, то преследование и изгнание представляются вполне допустимыми, тем более если речь идёт о существах с подобного рода низменной психологией.

Перемены в тоне и принятых нормах приличия в еврейской литературе нашего времени могут быть далее прослежены в писаниях уже цитированного нами г. Бен Хехта, сожалевшего о том, что Иисус не был превращён в мясной фарш, вместо того, чтобы быть удостоенным распятия, поскольку в этом случае христианство вряд ли смогло бы появиться на свете. Трудно представить себе, чтобы какой-либо издатель или какая-либо газета прежних времён позволили себе напечатать подобного рода мерзости, единственной целью которых является грязнейшее оскорбление религиозных чувств большей части цивилизованного человечества. Тот же самый Хехт писал также, что «в течение сорока лет я жил в этой стране (т. е. в Америке), не встречая антисемитизма и даже отдалённо не размышляя о его существовании». Логическим выводом из этого было бы, что г. Хехт не испытывал желания проживать где бы то ни было в другом месте. Тем не менее, когда готовилось создание сионистского государства, он писал, что каждый раз, когда в Палестине убивают британского солдата, «американские евреи празднуют это в своём сердце». Глубокое, хотя и мало вразумительное понимание изменений в еврейской душе в нашем столетии дают также книги некоего г-на Мейера Левина, в которых, по мнению автора, тоже содержатся вещи, в другие времена считавшиеся непечатными. Его произведение «В поисках» (In Search) показывает, что имел в виду упоминавшийся нами Сильвен Леви на Версальской конференции в 1919 г., говоря о «взрывных тенденциях» восточного еврейства. Г-н Левин родился в Америке, его родители были иммигрантами из восточной Европы, и его с детства воспитали в ненависти к русским и полякам. Похоже, что и в «новой стране», где он родился и вырос, он нашёл мало хорошего для себя, занимаясь уже в ранней молодости подрывной агитацией среди рабочих в Чикаго. Он описывает, как он провёл полжизни в мучительных попытках поочерёдно то отделаться от

своего еврейства, то вновь к нему приобщиться. Если евреи в самом деле считают себя совершенно отличными от всего прочего человечества, то г-н Левин показывает читателю его книг, что это убеждение — продукт навязчивого, почти мистического извращения. По его собственным словам, он беспрестанно задавал себе вопросы, «кто я такой?» и «что я здесь делаю?», и он утверждает, что «евреи повсюду задают себе те же самые вопросы». Далее он рассказывает о некоторых открытиях, к которым его привели эти попытки самоанализа. Описывая дело убийц Леопольда и Леба в Чикаго (двое молодых евреев из богатых семей изуродовали и убили маленького мальчика, тоже еврея, по крайне патологическим мотивам), он пишет: «Я полагаю, что помимо ужаса, внушаемого этим делом, ужаса сознавать, что в человеческих существах могут быть мотивы убивать, помимо простых мотивов похоти, жадности или ненависти, помимо всего этого я испытывал некое подавленное чувство гордости за блестящие способности этих двух юношей, симпатию к ним за то, что они стали рабами своего чисто интеллектуального любопытства, гордость за то, что и этот совершенно новый уровень преступления, даже и он смог быть достигнут евреями. Помимо испытавшегося также и мной модного увлечения „страстью к новому опыту“, и в состоянии некоего странного благоговения, я чувствовал, что вполне их понимаю, и что именно я, будучи также молодым, интеллигентным евреем, был с ними в духовном родстве». В другой раз он описывает свою роль (он называет себя при этом «добровольным помощником», но правильнее было бы охарактеризовать его как агитатора) в забастовке рабочих-литейщиков в Чикаго в 1937 г., вызвавшей столкновения с полицией, причём несколько рабочих были убиты. «Добровольный помощник», г-н Левин, «оказался в рядах» демонстрации забастовщиков и «удирал вместе с другими», когда началась стрельба. Он не был ни литейщиком, ни забастовщиком, а затем он и другие лица очевидно также «добровольные помощники», организовали массовый митинг, во время которого он показывал толпе диапозитивы газетных фотографий, подписи которых были им вырезаны, поскольку они не имели ни малейшего отношения к происходившим событиям. Показывая фотографии, он сопровождал их комментариями, рассчитанными на то, чтобы возбудить толпу, не имевшую представления о том, о чём в действительности шла речь на показанных снимках. Он пишет:

> «Поднялся такой рёв, что мне казалось будто вся огромная аудитория превратилась в котёл кипящей ярости, готовый опрокинуться на меня… Я чувствовал, что никогда не смогу обуздать разъярённую толпу, что она прорвётся сквозь двери, вырвется наружу и разнесёт и сожжёт здание городского совета — так она была разъярена показанными мной картинками. В этот момент я испытал чувство опасности власти, сознавая, что лишь немногие дальнейшие слова могли бы развязать такое насилие, которое превзошло бы всё до тех пор виденное… Если я порой и чувствовал себя непричастным ко всему этому, в качестве постороннего, художника и еврея, то тем не менее я ясно ощущал, что существует также всеобщий, мировой порыв возмущения. Я осознал, что вероятно одной из причин склонности евреев к социальному реформизму было чувство необходимости слиться с этими движениями, которые включали в себя также и еврейские проблемы».

Непредвзятому читателю не остаётся, читая эти небезынтересные излияния, иного, как вспомнить написанное г. Морисом Самюэлем в 1924 г. то ли в качестве жалобы, то ли как угроза: «Мы евреи — разрушители, и навсегда останемся разрушителями». Похоже, что только в качестве подстрекателя других г. Левин — по его словам «посторонний» — чувствовал себя причастным ко всему этому, включавшему в себя также и его «проблемы». Подстрекательство нерассуждающей, глупой «черни» является темой, которая красной нитью проходит через все «Протоколы» 1902 года. В цитированном нами отрывке Левин признаёт сам, что только как подстрекатель толпы он мог чувствовать себя частью всего человечества. Его психология не изменилась и в последующие годы, а что касается сионизма, то в годы его юности он был в Америке почти неизвестен, в 1925 же году, когда ему исполнилось 20 лет, он всё ещё был «вопросом, едва доходившим до сознания евреев, родившихся в Америке… им занимались одни только бородачи со старой родины, а если американского еврея и случалось затащить на собрание сионистов, то он находил, что выступавшие говорили с русским акцентом или же просто переходили на „идиш“. Моя собственная семья к этому движению никакого интереса не испытывала».

Другими словами, как и на примере обоих Моргентау, отца и сына, перемена произошла на протяжении одного поколения. Родители г-на Левина, прибывшие из страны, где их якобы «преследовали», были вполне довольны той страной, в которой они процветали. Сын, однако, доволен не был. Вскоре его понесло в Палестину, где он воспылал ненавистью к арабам, о которых он в дни своей юности даже и не слышал. Как об остроумной шутке он пишет о маленьком инциденте в

сионистском поселении, где работавший в поле араб почтительно обратился с просьбой дать ему глоток воды; г-н Левин и его приятели указали ему на бочку, из которой араб с благодарностью стал пить под их смех: в бочке была вода для лошадей. Десять лет спустя он был в Германии, принимая участие в разгулявшейся там талмудистской мести. Он был всего лишь американским газетным корреспондентом, и он описывает, как он с другим евреем-корреспондентом разъезжали по Германии в качестве «победителей», вооружённые (нелегально, разумеется), в джипе, грабя и громя в своё удовольствие. Он пишет затем, что одни только робость и боязнь сопротивления «победителям» со стороны немецких женщин умеряли яростное желание насиловать их, но что «время от времени ненависть была столь велика, что потребность в насилии становилась непреодолимой». В таком настроении взаимно подогревая друг друга, у него и его приятеля было только одно желание: «бросить её на землю и разорвать на части», и они обсуждали «идеальные условия для сцены такого насилия; это должна была быть лесная дорога с редким движением и одинокая девушка пешком или на велосипеде». Оба храбреца сделали затем «пробную вылазку» в поисках «идеальных условий» и нашли наконец и одинокую девушку и полностью подходящие условия». Девушку они — по крайней мере, по его словам — оставили в живых полумёртвую от ужаса, и наш автор задаёт себе вопрос, было ли это присутствие другого свидетеля, удержавшее каждого из обоих от совершения убийства. Г-н Левин начал писать свою книгу в 1950 г., «книгу о том, что означает быть евреем». И она, и многие ей подобные делают понятными опасения редких еврейских критиков по поводу хода развития последних полвека, ибо они не свидетельствуют ни о чём ином, как об устрашающем вырождении «еврейской души» под давлением талмудистского шовинизма. Единственное, что эта книга доказывает, это то, что к концу её Левин знал столь же мало, как и в её начале, «что означает быть евреем»; разве что ответом на вопрос были бы цитированные выше отрывки из неё, что он, вероятно, стал бы с жаром отрицать. Сотни других тоже писали на эту неуловимую и мало продуктивную тему, но с таким же успехом и электрический угорь мог бы глотать собственный хвост, пытаясь постигнуть источник его странных ощущений, и тоже наверное не нашёл бы вразумительного объяснения. Книга еврея о том, как можно быть нормальным человеческим существом среди других людей, стала к середине нашего века редкостью.[55]

Растущее количество литературы, наполненной ненавистью и подстрекательством к насилию, из которой мы подали лишь немногие примеры, и фактическое подавление всякой её критики как «антисемитизма», стали одной из самых характерных черт нашего 20-го столетия; это — эпоха талмудистского шовинизма и талмудистского империализма. Почти 100 лет тому назад (писалось в 1955 г. — *прим. перев.*) наше сегодняшнее положение вещей было предсказано немецким писателем Вильгельмом Марром (см. библиографию в конце книги), в своё время революционером и заговорщиком, помогавшим «тайным обществам» (руководимым, согласно Дизраэли, евреями) подготовить неудавшиеся восстания 1848 года. Его писания тех времён носят на себе явную талмудистскую печать, хотя он и не был евреем: они — продукт яростного антихристианства, атеизма и анархизма. Впоследствии, подобно Бакунину, с которым у него много общего, он распознал истинный характер революционного руководства, и в 1879 году писал: «Я глубоко убеждён, что приход еврейского империализма — всего лишь вопрос времени… Мировая империя принадлежит евреям… Горе побеждённым!… Для меня не представляет сомнений, что не успеют пройти четыре поколения, как не останется ни одной должности в государстве, включая самые высшие, которые не были бы в руках евреев… В настоящий момент, среди европейских государств одна только Россия выдерживает

[55] «Победители» типа Левина и К° подвизались в Германии в гораздо более широких масштабах, чем это стало известно Дугласу Риду, а «еврейская душа», достаточно проявившая себя в русской революции и гражданской войне (см. описание зверств еврейской ЧК в Киеве в 1919 г. в книге В. В. Шульгина «Что нам в них не нравится») смогла разгуляться в Германии после капитуляции. В 60-х годах в Париже вышла книга некоего Михаила Бен-Зогара «Мстители», в которой участник событий описывает подвиги «палестинской бригады», прибывшей в обозе англичан через Италию в Австрию, а затем и в Германию. Еврейские герои, не рискнувшие сделать во время войны ни одного выстрела против немцев, въехали триумфаторами в побеждённую страну на американских грузовиках под сионистским флагом с надписями на бортах: «Deutschland kaputt. Kein Volk, kein Reich, kein Fuhrer. Die Juden kommenn!» Их похождения занимают более 300 страниц, любимым развлечением по дороге за очередными жертвами было обгонять вплотную велосипедистов обоего пола, распахивая дверь с правой стороны, причём велосипедист сталкивался под задние колёса грузовика. Еврейская бригада творила самосуд, добывая имена жертв от органов союзной разведки, в которых служили главным образом эмигранты из Германии и Австрии. Одной из последних операций, пока союзное командование не нашло нужным отозвать «мстителей», была попытка массового отравления 36 тысяч солдат войсковых СС (Waffen-SS), содержавшихся в Нюрнберге, мышьяком подмешанным в хлеб для раздачи пленным. Преступление не удалось полностью, т. к. отравителей, принятых за воров, спугнули, но около 800 пленных солдат умерли от отравления. См. Michel Ben-Zohar, «Les Vengeurs», Librairie Fayard, Paris, 1968.

еврейский напор и отказывает в признании равноправия за вторгающимися чужеземцами. Россия — последний бастион Европы, и именно против неё евреи готовят свой окончательный удар. Судя по ходу дел, русская капитуляция — также лишь вопрос времени (писалось в годы разгула революционного терроризма в России и лишь за 2 года до седьмого по счёту — на этот раз удачного — покушения на Царя-Освободителя, Александра Второго — *прим. перев.*)… В этой громадной империи… иудаизм найдёт свою Архимедову точку опоры, с которой он сможет раз и навсегда сбить всю западную Европу с её устоев. Еврейские заговорщики вызовут в России революцию, какой мир ещё не видел… В настоящее время еврейство в России всё ещё опасается изгнания из страны. Однако, после того, как Россия будет повержена, им уже нечего будет бояться. Когда евреи захватят власть в русском государстве… они примутся за разрушение общественной организации в западной Европе. Этот последний час Европы настанет самое позднее через сто или сто пятьдесят лет».

Настоящее состояние Европы, в каком её оставила Вторая мировая война, показывает, что это предсказание в значительной степени исполнилось. Не хватает лишь полного, окончательного, формального завершения. Но, что касается этого последнего, то вполне возможно, что Марр считал положение слишком безнадёжным. Мировая история не знала до сих пор ни необратимых решений, ни окончательных побед, ни постоянных завоеваний, ни абсолютно непобедимого оружия. Последним словом до сих пор всё ещё всегда оказывались слова Нового Завета: «Это ещё не конец». Однако, не подлежит сомнению, что последний этап предсказания Марра, третье действие в драме 20-го столетия, уже разыгрывается на наших глазах, чем бы оно ни кончилось и каковы бы ни были его последствия, и что, готовясь к его постановке, талмудизм снова смог захватить в свой плен еврейскую душу. Уже упоминавшийся нами известный нью-йоркский еврейский писатель-хронист Джордж Сокольский заметил в январе 1956 г., что «раньше против сионизма наблюдалась значительная оппозиция среди мирового еврейства, но с годами оппозиция замерла, а там, где она ещё существует, она настолько непопулярна, что должна прятаться; среди евреев в Соединённых Штатах оппозиция против Израиля совершенно незначительна». Небольшое число предостерегающих голосов, всё ещё подымающихся подобно древнему пророку Иеремии, почти все принадлежат евреям. Дело не в том, что не-еврейские писатели и публицисты хуже осведомлены, более близоруки или менее мужественны; давно уже стало неписанным правилом, что еврейские возражения могут, до известных пределов, выслушиваться, поскольку они исходят от «наших», в то время, как возражения и критика с не-еврейской стороны абсолютно недопустимы.

Наглядным примером этого может служить 1956 год, год президентских выборов в Америке, когда никакая критика сионизма или «Израиля» была невозможна, в особенности в последние месяцы перед голосованием. Нападения Израиля на соседние арабские страны неизменно изображались в ведущих газетах США как происходящие «в отместку» или «в наказание». Одно израильское нападение следовало за другим, но ни президент, ни его министры, ни работники Госдепартамента не смели сказать ни слова, хотя все эти нападения кончались актами безжалостного уничтожения и разрушения по примеру Дейр-Ясина в 1948 году. Мало того, ведущие кандидаты соперничающих партий, как это уже было и в 1952 г. соревновались друг с другом, требуя вооружений для Израиля и стараясь этим привлечь к себе еврейские голоса, считавшиеся решающими. Однако, в то же самое время (11 сентября 1956 г.) более 2000 ортодоксальных евреев собрались на Юнион-Сквере в Нью-Йорке, протестуя против «преследования религии в государстве Израиль». Имя израильского премьера Бен Гуриона было встречено свистками, и несколько раввинов выступили с яростными нападками на него и его правительство. Разумеется, эти протесты не имели ничего общего с положением арабов, о которых вообще не было сказано ни слова; все нападки были исключительно с точки зрения религиозной ортодоксии, а правительству Бен Гуриона бросались обвинения в несоблюдении религиозных предписаний в вопросе празднования субботы и пр. Как бы то ни было, это выступление было открытым, в то время как любая критика с нееврейской стороны была в это время под полным запретом. В те же дни (1 сентября 1956 г.) повторные бунты правоверных евреев в самом Израиле вылились в настоящее восстание, подавленное полицией, причём один еврей был убит. Убитый принадлежал к религиозной группе, отказывавшейся признать законным израильское правительство на том основании, что по её мнению «восстановление еврейского государства должно произойти исключительно по воле Божией»; заметим, что то же самое является главным тезисом настоящей книги, написанной, как известно, не-еврейским автором. На основании этих убеждений убитого, нью-йоркские газеты охарактеризовали его как «религиозного экстремиста».

Другими словами, полнейшее подавление всякой критики с не-еврейской стороны в западной печати стало во второй половине 20-го века незыблемым правилом, почти не знающим исключений.

Поэтому немногие цитируемые нами критические голоса неизменно принадлежат евреям. Некий Франк Ходоров довёл до сведения правительства США (в журнале «Human Events» от 10 марта 1956 г.), что на Ближнем Востоке «оно в действительности имеет дело вовсе не с правительством Израиля, а с американскими евреями… Не подлежит сомнению, что очень многие хорошие и лояльные американцы еврейской веры приветствовали бы откровенный обмен мнений по этому вопросу, не только с целью засвидетельствовать свою лояльность по отношению к нашей стране (Америке) и высказаться против мирового сионизма, но и для того, чтобы освободиться от надетого на них сионистского ярма». В том же листке «Human Events» от 10 сентября 1955 г. г-н Альфред Лилиенталь повторил отчаянную мольбу давно погибшего министра обороны Джеймса Форрестола, за 8 лет до того; в тени нависших над Америкой в 1956 году президентских выборов он также призвал обе большие политические партии «изъять арабско-израильский вопрос из американской внутренней политики». Оба этих предупреждения с еврейской стороны появились в вашингтонском листке, имеющем хорошую репутацию, но малый тираж; большие газеты оказались для них закрытыми. Другие еврейские критики наших дней повторяют давнишние предостережения о грядущей катастрофе. Хорошо известный нам Бернард Дж.Браун видел её приближение ещё в 1933 году: «Никогда ещё в истории человечества не было группы людей, до такой степени запутавшейся в собственных ошибках и упорствующей в своём нежелании видеть правду, как наш народ за последние 300 лет»; эти 300 лет охватывают собой именно период появления в Европе талмудистских «восточных евреев» и успешной войны талмудистов против еврейской ассимиляции. Браун ещё только намекал на возможность катастрофы, но 15 лет спустя еврейские критики уже произносили это слово открыто, и раввин Эльмер Бергер писал в 1951 г.: «Если американцы еврейской веры и множество американцев иных исповеданий, введённых в заблуждение и поддерживающих сионизм, не вернутся к основам как американского духа, так и иудаизма, мы окажемся вовлечёнными в катастрофу». Предисловие к книге раввина Эльмера Бергера было написано известным не-еврейским публицистом, издателем журнала «The Christian Century», д-ром Полем Хатчинсоном, высказавшимся ещё более определённо: «Упорствование американских евреев в отказе от ассимиляции ведёт к кризису, могущему возыметь самые плачевные последствия. Уже сейчас видно, что каждый раз, когда Израиль попадает впросак (а его политика, в особенности в области экономики и иммиграции, буквально и заведомо обречена на провалы), от американских евреев ожидается оказание небывалого давления на правительство США, чтобы оно поспешило исправить положение. Сионистские лидеры не останавливаются при этом перед крайними методами политического шантажа» (это было написано задолго до того, как президент Труман подтвердил этот факт в своих воспоминаниях). «Это может ещё некоторое время так продолжаться, благодаря нашей странной избирательной системе… однако Нью-Йорк — ещё далеко не Соединённые Штаты, и если подобное политическое рукоприкладство в пользу иностранного государства будет продолжаться далее, — берегитесь взрыва».

Эти предостережения, столь ясные, казалось бы, для евреев, могут произвести на не-еврейские умы ложное впечатление, что одни только «евреи» катятся к «катастрофе» их собственного производства; что в этом случае талмудистский шовинизм падёт на их собственные головы; и что, schliesslich, «так им и надо», ибо ничего иного они, мол, не заслужили. Этому заблуждению могут особенно легко поддаться люди недалёкие и злобные.

И всё-таки это — глубокое заблуждение. Этот вечный феномен еврейской катастрофы», как он неизменно появляется в писаной истории, в действительности всегда составляет ничтожную часть всеобщих бедствий, в пропорции не более, скажем, одного процента от них. Чудовищная фальшивка Второй мировой войны о «шести миллионах погибших евреев» в этом твёрдо установленном факте ничего не изменяет. Катастрофа, назревающая за последние полвека, будет опять всеобщей катастрофой, в которой еврейская доля в бедствиях, как всегда, будет ничтожной. Она будет, однако, изображена, как «еврейская катастрофа», подобно тому, как это было сделано со второй войной, но это будет той же фальсификацией, продемонстрированной на освещённом экране сидящей в тёмном помещении «черни». Евреи очень часто, и по-видимому даже вполне искренне неспособны оценить любое бедствие, захватывающее евреев и не-евреев, как бы велико ни было число последних, иначе как «еврейскую катастрофу». Трудно не видеть в подобной психологии результатов учения Талмуда-Торы, согласно которому за одним только «избранным народом» признаётся человеческое существование, в то время как все другие — ничто иное, как тени или просто скот. Иллюстрацию этого образа мыслей даёт нам, например, книга некоего Карла Штерна «Столп огня» (см. библиографию) — еврея, выросшего в Германии между двумя войнами, эмигрировавшего затем в Канаду и перешедшего там в католичество. Он пишет, что в 20-е годы в Германии, в молодёжном еврейском движении наблюдалось

общее настроение, указывавшее на происшедшие впоследствии события. Оно характеризовалось боязнью, вопросами и сомнениями в ожидании громадной еврейской катастрофы — или вернее большой европейской катастрофы, с которой неким таинственным образом окажется связанной и судьба евреев». В этой цитате истинное положение вещей высказывается лишь во второй её части, как мысленная поправка, которая никогда не была бы выражена большинством еврейских авторов. Штерн является в этом отношении исключением: написав слова о «громадной еврейской катастрофе», он осознал их неправду и внёс исправление; однако, даже и он всё же оставил первую часть фразы на её прежнем месте. Наследственность и воспитание всё ещё были достаточно сильны в нём, чтобы выразить главную мысль: катастрофа, постигшая 350 миллионов человеческих существ в Европе и превратившая половину из них в безвольных и эксплуатируемых рабов, была для него «громадной еврейской катастрофой».

В любом другом случае Штерн первым стал бы протестовать против такого подхода к делу. Он сам, например, пишет, что его оскорбило прочитанное им в католической газете сообщение, что столько-то членов экипажа потопленной английской подводной лодки были католиками. Он был неприятно поражён тем, что из общего числа жертв была выделена какая-то одна группа: «Я не понимаю, кого может интересовать подобная статистика». И тем не менее: «громадная еврейская катастрофа…»

Эта катастрофа, подготовляющаяся в нашем столетии для нас всех, ни в коем случае не сможет стать сугубо еврейской в смысле перевеса в ней еврейских жертв, но она будет таковой в смысле довления над ней «еврейского вопроса» (как и в последней «катастрофе»), в смысле подчинения всех развязанных ей энергий целям, которые будут представлены, как еврейские, и в смысле использования еврейских масс для способствования её первому взрыву. Еврейские массы, «толпа» или «чернь», в одном отличны от всех остальных: они легче поддаются шовинистическому подстрекательству и гораздо более неистовы в этом состоянии. «Еврейская Энциклопедия», в маленькой статье, посвящённой феномену истерии среди евреев, признаёт, что склонность к ней евреев сильнее, чем в среднем у других народов. Не будучи специалистом в этой области, автор всё же позволяет себе высказать предположение, что это — результат многовекового заточения в тесной изоляции гетто, в условиях деспотического господства в нём талмудистского абсолютизма; это тем более так, поскольку в наши дни мы имеем дело почти исключительно с восточными евреями, до самого недавнего времени жившими в этих условиях. В настоящей главе мы привели некоторые примеры растущей волны шовинистической истерии на страницах литературы, доступной рядовому читателю. Они демонстрируют, однако, лишь результаты, но не причины. Чтобы определить последние, читателю необходимо проделать более сложную работу: внимательно следить за печатью на еврейском языке или на «идиш», в подлинниках или в переводах. Он увидит тогда картину истинно демонического истязания еврейской души с целью не дать ей ни минуты покоя, и сможет сделать вывод, что нигде вне еврейской среды невозможно найти что-либо более антиеврейское, чем эти печатные излияния, свидетельствующие о неподражаемом мастерстве в применении методов внушения и усиления страха. Прежде, чем ознакомиться ещё и с этими примерами, читатель должен учесть, что главная масса взрывчатого материала в лице восточных евреев проживает в настоящее время в Америке. Это обстоятельство, чреватое возможными последствиями более любого другого, судя по всему, едва дошло до сознания западного мира или хотя бы только Америки. Приводимые ниже цитаты показывают, что говорится по-еврейски или на «идиш», другими словами вдали от ушей или глаз не-евреев, среди еврейских масс, и какое это оказало на них воздействие за короткий период всего лишь пяти лет. Один из наиболее известных еврейских хронистов Америки и нашей эпохи, Вильям Цукерман, опубликовал в мае 1950 г. в еврейской газете «South African Jewish Times» (19 мая 1950) статью под заглавием «Волосы дыбом у еврейского народа» (эта статья появилась также в многочисленных еврейских органах печати в различных странах). Она начиналась словами:

> «В сионистском мире разгорается жаркий спор. Он пока ещё не достиг не-еврейских ушей или даже еврейской печати в Англии, но он бушует в еврейских газетах в Израиле и в печати на „идиш“ в Америке и в Европе… лучше, чем всё другое за последние несколько лет, он даёт нам профиль еврейской мысли и чувств в период, последовавший за появлением Израиля».

Спор разгорается, как он поясняет, «по вопросу т. н. „халуциот“, т. е. организации и подготовки эмиграции евреев в Израиль из всех остальных стран — но в особенности из США». В 1950 году Цукерман писал ещё только с небольшим оттенком некоего предчувствия, цитируя Шолема Нигера, «выдающегося еврейского литературного критика и эссеиста», осуждавшего не «кампанию за

эмиграцию американских евреев в Израиль», но «манеру, с которой она преподносится американским евреям». Эта манера, по мнению Нигера, носит чисто отрицательный характер, агитируя не столько за Израиль, сколько против всего остального:

> «Националисты ведут кампанию отрицания, очернения и разрушения всего еврейского за пределами Израиля. Еврейская жизнь в Соединённых Штатах и во всём остальном мире описывается, как достойная одних лишь презрения и ненависти… Всё еврейское за пределами Израиля объявляется рабским, недостойным, подавленным и бесчестным. Основным тезисом националистов в этом споре является, что ни один уважающий себя еврей, ни в Соединённых Штатах, ни где бы то ни было, кроме Израиля».

Излюбленным методом навязывания «халуциота» американским евреям является, как пишется далее в статье, «подрыв еврейской морали, веры и надежды на их американской родине; постоянное запугивание евреев антисемитизмом; вечные напоминания о гитлеровских ужасах, и распространение сомнений, страха и недоверия к будущему евреев в Америке. Малейшее проявление антисемитизма подхватывается и раздувается с целью создать впечатление, что американские евреи, подобно немецким под властью Гитлера, стоят на краю катастрофы, и что, рано или поздно, им также придётся бежать, спасая свою жизнь». В качестве примера Нигер привёл выдержку из статьи «ведущего израильского сиониста, Ионы Косого, в известном еврейском литературном органе в Иерусалиме, „Изроэль“:

> «На нас сионистов возложен сейчас древний долг непрестанно держать волосы дыбом у всего еврейского народа, не давать ему ни отдыха, ни срока, всё время держать его на краю пропасти, показывая грозящие им опасности. Мы не можем позволить себе ждать времени „после катастрофы“, ибо откуда мы возьмём тогда сотни тысяч евреев, нужные для строительства нашего государства? Евреям нужно спасать самих себя не когда-то в будущем, но сейчас, именно в настоящий момент».

Как видит читатель, «катастрофа» является политической необходимостью или неизбежностью, а прочтя эти цитаты, ему станет ясно, почему «Еврейская Энциклопедия» отмечает у евреев склонность к массовой истерии. Цукерман пишет, что эта «крайняя форма пропаганды „халуциота“ доминирует в настоящее время в Израиле». Он цитирует также «более умеренную форму этой теории», которую представляет издатель сионистского органа «Киюм» в Париже, некий Ефройкин. Как пишет Цукерман, этот г. Ефройкин, «хотя он считает непреложной истиной каждое слово националистической пропаганды о том, что ни один еврей не может жить полноценной и достойной жизнью нигде, кроме Израиля, и хотя он также утверждает, что „американские евреи живут в мире утопий“, но тем не менее он признаёт, что при их теперешнем состоянии умов американские евреи никогда не согласятся поставить США в один ряд с Германией и Польшей и не будут рассматривать их нынешнюю родину, как пересыльный пункт по дороге в Израиль. Он считает, поэтому, что американских евреев нужно распропагандировать, чтобы они стали „поклонниками Израиля“, а не обязательно израильтянами душой и телом».

О результатах этой «пропаганды» сионистских эмиссаров из Израиля можно далее судить на основании замечаний, опубликованных полтора года спустя (в декабре 1951 г.) в еврейской газете «Интермаунтен Джуиш Ньюс» в г. Денвере, штат Колорадо. Её издатель, некий Роберт Гамзей смотрел весьма неодобрительно на кампанию Еврейского Агентства (Jewish Agency) в Америке и Всемирного сионистского конгресса в пользу «халуциота» в Соединённых Штатах, на которую обе организации ассигновали 2 800 000 долларов. Он писал, что «по собственному опыту, ему известно о широко распространённом ошибочном мнении в Израиле, будто в Америке у евреев нет никакого будущего и что антисемитизм грозит им судьбой их немецких собратьев». По его мнению далее, «совершенно невозможным является положение, при котором израильским эмиссарам в Америке не приходит в голову других аргументов в пользу переселения американской (еврейской) молодёжи в Израиль, кроме охаивания и высмеивания перспектив американского иудаизма».

Все эти предчувствия 1950 и 1951 гг. полностью оправдались за последующие пять лет, в течение которых «эмиссарам» из Израиля удалось с помощью успешной «кампании» привить еврейским массам в Америке «националистическую теорию», образчики которой были приведены выше. И если в 1950 году г. Вильям Цукерман был лишь встревожен создавшимся положением, то в 1955 г. он уже был в полной панике. В газете «Джуиш Ньюслеттер» от ноября 1955 г. он писал следующее, что было перепечатано журналом «Тайм» (Нью-Йорк) от 28 ноября:

«Не может быть ни малейших сомнений в том, что среди американских евреев в настоящее время преобладают те же настроения, что и в Израиле. Повсюду царит фанатическая уверенность в том, что на свете существует только одна истина и что Израиль является её единственным хранителем. Не делается никаких различий межу евреями всего мира и Израилем, ни даже между Израилем и его правительством. Израильские правители и их политика считаются непогрешимыми и стоящими выше всякой критики. Налицо потрясающая нетерпимость к любому мнению, отличающемуся от взглядов большинства, полное пренебрежение доводами разума и подчинение страстям охваченного паникой стада животных. Между израильскими и американскими евреями есть только одна существенная разница. В Израиле, насколько об этом можно судить из заграницы, взрыв эмоциональности имеет под собой реальное основание. Его питают скрытые источники разочарования у народа, которому обещали безопасность и мир и который вдруг оказался в военной ловушке. Американско-еврейский сорт истерии абсолютно лишён всяких корней в реальной жизни американских евреев. Это совершенно искусственный товар, сфабрикованный сионистским руководством и навязанный народу, не имеющему никаких поводов к истерии, с помощью целой армии платных пропагандистов, как средство открытого политического давления и выжимания денежных средств. Никогда ещё пропагандная кампания в пользу иностранного государства не готовилась и не проводилась более нагло и цинично, в полном свете и под рёв рекламы, чем нынешняя волна истерии, раздуваемой среди американских евреев».

Эти две выдержки показывают, как прогрессировало за пять лет вырождение еврейской души под опекой талмудистского сионизма. Они подводят также наше повествование о трёх войнах к кануну третьей, если только «канун» можно счесть подходящим словом. Фактически, третья война началась сразу же после того, как закончились сражения второй, непрестанно с тех пор распространяясь вширь, то тут, то там во всём мире. Надо лишь немного поддуть с какой-либо стороны, чтобы она разгорелась в новую всеобщую войну. Этот процесс мог бы ещё возможно быть остановлен двумя ответственными государственными людьми по обе стороны Атлантического океана, если бы они смогли взаимно договориться между собой, поскольку по сути дела речь идёт лишь о чудовищном историческом блефе. Похоже однако, что простым смертным спасти нас не удастся и автор этих строк не преувеличит, считая, что один только Господь Бог, которому удавались ещё много большие дела, сможет отвратить третью мировую войну. Если этого не произойдёт, то заключительные десятилетия этого века станут свидетелями либо полного фиаско, либо преходящего триумфа талмудистского шовинизма. В обоих случаях, как при его провале, так и при его успехе, сопровождающая их «катастрофа» будет прежде всего таковой для нееврейского человечества, а возможные еврейские бедствия будут, как всегда лишь ничтожной её частью. А когда пройдёт наконец и это, то, поскольку человечество явно никогда не согласится принять Талмуда, евреям придётся, наконец, принять человечество таким, как оно есть.

Глава 46
Апогей и кризис

Настоящая книга писалась между 1949 и 1952 гг. была заново пересмотрена в годы 1953…56, а её заключительная глава написана в октябре и ноябре 1956 г. Это было весьма подходящее время, чтобы подытожить влияние талмудистского сионизма на ход истории человечества, ибо к тому времени прошли как-раз полвека, половина нашего «еврейского столетия» с того момента, как он выплыл на поверхность политической жизни после 1800 лет более или менее подводного существования. В те же годы, а именно в 1952 году произошло аналогичное событие в биологии, когда на поверхность Индийского океана неожиданно выплыла кишечно-полостная рыба породы, которую считали вымершей много миллионов лет тому назад. Появление этого экземпляра сильно подорвало эволюционную теорию Дарвина, ещё более пострадавшую, когда некоторое время спустя выяснилось также, что и знаменитый Пильтдаунский череп был подделкой. Когда в начале нашего века левитский сионизм столь же неожиданно всплыл на поверхность политической жизни 20-го столетия, это было чем-то вроде аналогичного сюрприза из глубины времён. Английское предложение Уганды в 1903 году было первым, ставшим известным общественности указанием на то, что западные политики сугубо частным порядком давно уже торговались с «еврейской силой», как единым целым. Приём Бальфуром в 1906 году в номере гостиницы, Хаима Вейцмана, после отклонения евреями Уганды, можно рассматривать как второй шаг в этой цепи событий, и как первый шаг на роковом пути полного ввязывания Запада в дело палестинского сионизма. В том же 1956 г. мировая революция, талмудистское

происхождение которой автор этих строк считает неопровержимо доказанным, также праздновала своё 50-летие (если считать её от русской «генеральной репетиции» 1905 года, разыгранной в нужный момент русского поражения в войне с Японией, натравленной на Россию теми же подводными» силами и поддержанной американскими деньгами и английским вооружением — *прим. перев.*) как постоянного фактора нашей политической жизни. Само собой разумеется, что «под водой корни этой революции простирались назад во времени через революционные потрясения в Европе в 1848 г. до французской революции и Вейсхаупта, и ещё дальше до революции в Англии и её Кромвеля. И наконец, тот же 1956 год был снова годом очередного балагана американских президентских выборов, которые на этот раз, ещё явственнее, чем когда-либо прежде, разыгрывались в обстановке парализующего давления со стороны сионизма. Другими словами, если бы автор мог планировать появление этой книги заранее, когда он начал писать её в 1949 г. — о чём, разумеется, не могло быть и речи — ему трудно было бы выбрать более подходящий момент, чем осень 1956 г. для подытоживания описанных процессов, как и их последствий вплоть до этой даты, а также и для указания на близящуюся развязку: апогей и кульминационный пункт описанного развития событий и конечный кризис, к которому они неизбежно стремились.

В период написания этой книги у автора не было особенных иллюзий относительно возможностей опубликовать её, по причинам ясным для каждого, кто её прочтёт: на данной стадии «еврейского столетия» надеяться на это было бы смешным. Однако, даже если она и не появится сейчас, то она не потеряет актуальности и через пять, десять или ещё большее число лет; автор ожидает, что она сможет увидеть свет в тот момент, когда рухнет наконец система подпольной цензуры, которая на протяжении последних трёх десятилетий преследовала, как ересь, всякое открытое обсуждение «еврейского вопроса». Когда-то и на эту тему снова станет возможно открыто спорить, и кое-что из написанного в настоящей книге, возможно, окажется небезинтересным (первое английское издание «Спора о Сионе» было опубликовано, после смерти автора, его друзьями в 1978 году, т. е. через 22 года по её написании; настоящий русский перевод является первым переводом этого единственного в своём роде труда на иностранный язык. Излишне подчёркивать, что он не только не потерял своей актуальности в наши дни, но, наоборот, всё написанное в книге Дугласа Рида находит своё блестящее подтверждение в современной политической действительности, полное понимание которой становится впервые возможным по прочтении «Спора о Сионе» — *прим. перев.*). Что бы ни ожидало нас в будущем, во всяком случае автор заканчивает эту книгу теперь, в октябре-ноябре 1956 года, и, оглядываясь вокруг, он видит, что всё разыгрывается, как по нотам, совершенно так, как можно было предвидеть на основании изложенных в ней фактов. 1956 год снова был полон слухов о близкой войне, и они на этот раз были громче и настойчивее, чем когда-либо со времени окончания Второй мировой войны в 1945 г., исходя именно из тех двух направлений, из которых они неизбежно должны были появиться в результате того, что было натворено ведущими политиканами Запада в 1945 году. Крик о войне исходит из Палестины, где Запад насильно водворил местечковых сионистов из России, и из восточной Европы, где тот же Запад, при помощи если не силы, то своих денег, насадил талмудистскую революцию. Автор снова считает нелишним напомнить, что оба этих движения — революционный коммунизм и революционный сионизм — развивались, как об этом свидетельствует д-р Хаим Вейцман в одной и той же местечковой России в конце 19-го столетия, часто мирно уживаясь друг с другом в одной и той же еврейской семье.

Дважды в течение последних лет крик о войне из уст западных политиков был громче обычного. В каждом из этих случаев непосредственные причины возникшей паники скоро забывались, уступая место новому крику о «бедных евреях», т. ч. задолго до начала самой войны, (которой на этот раз удалось избежать) массам было внушено что, если она начнётся, то её в первую очередь нужно будет вести в интересах или в защиту «евреев» (или «Израиля»). Автор уже неоднократно подчёркивал, что любая третья мировая война будет носить именно такой характер, поскольку развитие событий в период 1917…1945 гг. неизбежно проводило к такому заключению, а события 1953 и 1956 гг. ещё яснее его подтвердили. Войны, на пороге которых мы стояли в 1953 и 1956 гг., явно должны были бы вестись Западом в таком плане, и в обоих данных случаях это признавалось гораздо более открыто и недвусмысленно, чем в обеих предыдущих мировых войнах. Когда бы этой книге ни было суждено увидеть свет, забывчивая «общественность» — если она к тому времени не окажется вовлечённой в новую мировую войну — давно уже забудет военные кризисы или «почти военные» кризисы 1953 и 1956 гг., а поэтому не мешает о них напомнить. В 1953 г. в списке обвиняемых предстоявшего (но на этот раз не состоявшегося) показательного процесса в Москве появились полдюжины евреев, которые (это особо важно в отличие от аналогичных процессов там же в 30-х годах) были специально отмечены

как таковые в качестве коллективных виновников особо тяжёлых действительных или мнимых преступлений, наказание за которые явно должно было обрушиться далеко не на них одних. В западном политическом мире немедленно поднялся истерический вопль о «евреях», намеченных в качестве козлов отпущения к предстоящему «уничтожению». Вопль достиг размеров непосредственной угрозы войной, но тут Сталин довольно неожиданно помер, процесс был отменён, после чего шумиха на Западе сразу утихла. По мнению автора, этот эпизод не оставлял сомнений в том, что если бы началась война «против коммунизма» (о чём западные политики и газеты в те годы говорили и писали, как о вполне вероятном событии), то она и на этот раз велась бы за «евреев», о чём — в отличие от прежних войн — было бы даже открыто объявлено. То, что от коммунизма нужно было спасать половину закабалённого им человечества, об этом и на сей раз говорилось бы столь же мало, как и в своё время в 1945 году.

В июле 1956 г. снова раздались угрозы войной, когда Египет национализировал, т. е. попросту присвоил себе Суэцкий канал, отобрав его у владевшего им до тех пор международного консорциума. В продолжение нескольких первых кризисных дней британский премьер-министр оправдывал эту угрозу перед английской общественностью тем, что действия Египта ставили под удар «жизненно важный британский транспортный путь». Вскоре, однако, он переключился на (более эффективный по его мнению) аргумент, что «если Египту на этот раз уступят, то следующим его действием будет направлением на Израиль». Мировая печать единодушно завопила, что от египетского контроля над Суэцким каналом в первую очередь и хуже всех пострадает сионистское государство. Другими словами, война на Ближнем Востоке, если бы она разразилась, тоже должна была быть войной «за евреев».

И, наконец, в-третьих, в том же 1956 г. состоялся очередной спектакль американских президентских выборов, в седьмой раз подряд под прямой, и в третий раз под открытой режиссурой сионистов в Нью-Йорке. Выборная кампания превратилась в гонку за «еврейскими голосами», причём обе конкурирующие партии старались перещеголять одна другую обещаниями оружия, денег и политических гарантий сионистскому государству. На пороге войны в этой части света обе ведущие американские политические партии публично дали обязательства поддерживать «Израиль» при каких бы то ни было обстоятельствах.

Эти результаты процесса, который в нашей книге был описан с самого его начала, легко было ожидать. Вывод в отношении нашего будущего представляется неизбежным: миллионы жителей современного Запада прикованы, по вине их политиков и в силу собственного безразличия, к пороховой бочке с горящим фитилём, который на наших глазах становится всё короче. Запад приближается к кульминационному пункту своих отношений с Сионом, начавшихся открыто на рубеже столетия и развязка будет точно такой, как её можно было предвидеть в начале этой новой крепостной зависимости. Обеим большим войнам нашего века следовали многочисленные публикации, в которых анализировались причины войны, оказывавшиеся весьма отличными от того, что говорилось толпе или «черни» в её начале, а ответственность за войну также часто оказывалась переадресованной. Эта литература неизменно пользовалась успехом, ибо потребность расследования и анализа всегда сменяет фатальную доверчивость военных дней. Однако и эта литература неспособна оказать воздействие на долгое время, и в начале любой следующей войны массы окажутся столь же восприимчивыми к давлению подстрекателей, как и раньше, поскольку их способность противостоять массовой пропаганде минимальна, а яд пропаганды способен оказывать опьяняющее действие. Публика склонна закрывать глаза при приближении опасности, и трудно сказать, смогла ли бы полная и публичная информация, будучи предоставлена до начала войны, побороть этот природный инстинкт; до сих пор, кажется, такого ещё никто не пробовал сделать. Одной из скромных целей, которые ставит себе настоящая книга, является показать, что происхождение и характер войны, а также и ответственность за неё могут быть установлены ещё до её начала, а не только когда она уже пройдёт свой гибельный путь. Нам кажется, что содержание этой книги достаточно ясно это показывает, и что её аргументация находит подтверждение в ходе событий. Автору кажется также, что в особенности события на Западе в годы 1953-56 эту аргументацию подкрепляют сильнейшим образом, как и все её выводы, а поэтому он намерен посвятить остаток этой заключительной главы резюмированию важнейших событий в эти годы 1)в странах, порабощённых революцией, 2) внутри и вокруг сионистского государства, и 3) в так называемом «свободном западном мире». Автору кажется, что они смогут добавить заключительное слово к его повествованию: развязка не за горами.

ОТ АВТОРА: Вышеприведённая часть заключительной главы, вплоть до слов «развязка не за горами», была написана в пятницу, 26 октября 1956 г. Автор затем уехал на субботу и воскресенье отдохнуть, собираясь закончить эту главу, черновик которой уже был написан, ко вторнику, 30 октября

1956 г. В понедельник, 29 октября, однако израильские войска вторглись в Египет, и конец главы писался в свете разыгрывавшихся событий; он получился поэтому значительно более длинным, чем автор этого ожидал.[56] Революция На территории триумфирующей мировой революции, разросшейся до половины порабощённой ей Европы, за смертью Сталина в 1953 г. последовал ряд народных восстаний в 1953 и 1956 гг. Наблюдавший за ними остальной мир вновь преисполнился уже почти было забытых надежд на то, что всеразрушающая революция в один прекрасный день разрушит и самое себя, и что люди и страны снова получат свободу. Ясный смысл событий был опять затуманен насильственным вмешательством в каждое из них пресловутого «еврейского вопроса». В нашем «еврейском столетии» широким массам не разрешается ни получать, ни обсуждать информаций о каком-либо значительном событии кроме, как в аспекте его значимости «для евреев».

Смерть Сталина поразила весь мир, поскольку жизнь и деятельность этого существа, убившего и поработившего вероятно больше людей, чем любая другая личность в истории, приобрела ореол бесконечности, как извивы змей. Его место было на краткий промежуток времени занято неким Георгием Маленковым, который скоро сдал его дуумвирату из Никиты Хрущёва (руководитель партии) и Николая Булганина (глава правительства). Трудно сказать, насколько они действительно унаследовали личную власть Сталина или же были орудием в других руках. Переживший все чистки и перемены Лазарь Каганович продолжал оставаться заместителем главы правительства и в ноябре 1955 г., в годовщину революции, ему было поручено сообщить всему миру, что «революционные идеи не знают границ». Когда оба дуумвира в том же месяце поехали в Индию, газета «Нью-Йорк Таймс», задав вопрос, кто же управляет Советским Союзом в их отсутствие, сама ответила: «Лазарь Моисеевич Каганович, заслуженный коммунистический вождь». Каганович принадлежал к числу старейших и ближайших сотрудников Сталина, но ни это, ни любое другое существенное соображение не могло удержать западную печать от нападок на Сталина в последние месяцы его жизни, как на нового антисемитского Гитлера. Подробности его смерти продолжают оставаться неясными (они всё ещё неясны и до сих пор — *прим. перев.*), но календарные даты происходившего в то время представляют некоторый интерес:

15 января 1953 г. московские газеты сообщили об аресте 9 человек по обвинению в заговоре с целью убийства 7 высокопоставленных коммунистов. Не то 6, не то семеро из них были евреи (сведения об этом расходятся); о двух или трёх прочих в мировой печати сообщалось так же мало, как если бы их вообще не существовало на свете, поскольку вся шумиха, немедленно разгоревшаяся на Западе, вращалась вокруг дела «еврейских врачей». Заметим, что вообще говоря, шумиха поднялась ещё почти на три месяца ранее, накануне президентских выборов в Америке, по случаю судебного процесса в

---

[56] Русский читатель не удивится, увидев среди перечисленных наций также и «украинцев», якобы чем-то отличных от «самих русских». Даже Дугласу Риду о русской истории известно не более того, что в течение последних 70 лет вбивается в головы «Запада» о «русском империализме», одной из первых жертв которого стала несуществовавшая в истории «Украина».

Менее известно, но вполне согласно с историческим анализом Рида, что всякого рода сепаратизмы в России, не существовавшие до революции, с первых же дней революционных потрясений организовывались и поддерживались сионистами. В этом ничего не меняет неоспоримый факт, что свою роль в этом не преминули сыграть внешние противники России в первой мировой войне, привёзшие галицийских «самостийников» в своём обозе в 1918 г. Они сыграли роль орудия в чужих руках, как и при засылке в Россию еврейских революционеров во главе с Лениным. Посаженный австро-германцами «гетман» Скоропадский — русский генерал, женатый на дочери русского министра (Дурново) и не говоривший ни слова на «мове» — не скрывал, что принял этот пост лишь до восстановления в стране законного порядка.

В противовес этому, масон Симон Петлюра, неожиданно выплывший на поверхность из полной неизвестности, был ярым врагом России. Сыграв лишь незаметную роль на краю основной борьбы межу «красными» и «белыми» и опираясь лишь на несколько тысяч галицийских «сичевиков», Петлюра с самого начала был окружён евреями, составлявшими основной элемент его «правительства» и бывшими его единственной поддержкой. Петлюра объявил «полную автономию» евреев на Украине, назначил еврейскими «министрами» Зильберфарба, Красного и Гольденмана, своим «дипломатом» на Западе известного по процессу Бейлиса провокатора Марголина, и уже в эмиграции отправил «делегацию» на сионистский конгресс в Карлсбаде в 1921 г. с предложением организовать специальную еврейскую жандармерию для защиты еврейства, если ему помогут захватить власть на «Украине». Во всём этом, разумеется, ничего не меняет его убийство евреем Шварцбартом в Париже в 1926 г., якобы за «антисемитизм» и «еврейские погромы», поскольку убийца был советским агентом.

В настоящее время чрезвычайно активные американские и канадские галичане, не имеющие ничего общего с Украиной, существуют исключительно благодаря поддержке сионистов, содержа книгоиздательства, газеты, журналы, «университеты» и «академии» и играя важную роль в антирусской пропаганде сионистов, сводящейся к отождествлению «русского империализма» с большевизмом и подготовке раздела России. Целью сионистов, уничтоживших христианскую Россию, является не допустить её восстановления после падения (или революции) большевизма, развязав в этом случае «войну всех против всех» под знаком «самоопределения народов».

Праге, по окончании которого 11 из 14 обвиняемых были повешены после обычных «признаний», как участники сионистского заговора. Трое из жертв не были евреями, но и о них западная печать сообщала так же мало, как если бы они вообще не рождались на свет и не были повешены.

В феврале 1953 г., пока на Западе ещё колыхались волны всеобщего возмущения, дипломаты в Москве, встречавшиеся со Сталиным, отмечали его здоровый вид и бодрое настроение.

6 марта 1953 г. Сталин умер, через месяц «еврейских врачей» выпустили на свободу. Ещё через шесть месяцев сталинский заплечных дел мастер, Лаврентий Берия, был расстрелян за то, что он их в своё время арестовал, а обвинения были объявлены сфабрикованными. По поводу смерти Сталина хорошо осведомлённый корреспондент в Москве, Гаррисон Солсбери, писал, что после неё Россией правит группа или хунта «ещё более опасная, чем Сталин», состоящая из гг. Маленкова, Молотова, Булганина и Кагановича. Вполне возможно, писал он, что для захвата власти эта хунта убила Сталина, очень многое на это указывало: «если 2 марта у Сталина действительно произошло кровоизлияние в мозг, то это следует рассматривать, как одно из самых удивительных совпадений в истории».

Для Запада все эти подробности и возможности в связи со смертью Сталина не представляли никакого интереса. Все 9 месяцев между пражским процессом (и президентскими выборами) и ликвидацией Берии были на Западе заполнены сплошным возмущением по поводу «антисемитизма в России». В продолжении всей этой шумихи (она прекратилась когда «еврейских врачей» выпустили на свободу и реабилитировали) из официальных заявлений явствовало, что какую бы войну Запад ни начал против СССР, она велась бы, как в своё время против Германии, исключительно «за евреев» или, по крайней мере, за тех, кто их якобы представлял. В 1953 г., таким образом, советская Россия представлялась западной печатью в виде нового антисемитского чудовища, каким в 1939 г. представлялась тогдашняя Германия, а в 1914 г. царская Россия. Судя по пропагандной шумихе, в случае вооружённого конфликта тот же «еврейский вопрос» покрыл бы дымовой завесой всё происходящее и снова одурачил бы все втянутые в войну народы. Бросается в глаза выбор времени для этой очередной кампании, и он не может быть объяснён случайностью, чтобы сделать машину «непреодолимого давления» в Америке наиболее эффективной, «еврейский вопрос» становится там наиболее «актуальным» именно в период любых президентских выборов. Эта «актуальность» выражается в наше время в одной из двух её форм: либо в виде «антисемитизма» где бы то ни было, против которого надо непременно мобилизовать все силы (так было в 1912, 1932, 1936, 1940 и 1952 гг.), либо же в виде очередной «угрозы Израилю» (так обстояло дело в 1948 и в 1956 гг.). Без большого риска ошибиться можно сделать прогноз, что в одной из этих форм тот же вопрос будет доминировать и в президентских выборах 1960 г.

В положении евреев в советской России к тому времени не изменилось ровно ничего. Согласно новейшим еврейским же «оценкам» на Западе число евреев в СССР составляло около 2 млн., т. е. 1 % от двухсотмиллионного населения страны (данные советского статистического ежегодника от июня 1956 г.). Несколько евреев оказались, в числе прочих, на скамье подсудимых на показательном процессе в Праге, как и в объявленном было, но не состоявшемся процессе в Москве. 35 лет коммунизма были к тому времени свидетелями бесчисленных показательных и прочих процессов, которые всему миру давно уже надоели и стали безразличны. Поскольку террористическое советское государство держалось на том, что людей можно было сажать в тюрьму без всякого процесса, целью «показательных процессов» явно было произведение нужного впечатления, либо на советизированные массы, либо же на внешний мир. Даже обвинение в «сионистском заговоре» не было ничем новым; оно выдвигалось уже на некоторых процессах в 1920 г., и с самого начала (по свидетельству как Ленина, так и Сталина) сионизм формально был под запретом, что отнюдь не помешало революционному государству снабдить сионистов из всей восточной Европы после 1945 г. оружием для создания ими «Израиля» в 1948 г.

Если Сталин действительно зашёл дальше, чем это было позволено в своих нападках на «сионизм», то его скорая смерть внесла необходимые поправки. Не похоже, чтобы он перед своей смертью в самом деле был бы против евреев. Лазарь Каганович до последнего момента был его правой рукой. За несколько дней до своей смерти Сталин приказал устроить одни из самых пышных похорон, которые когда-либо видела большевистская Москва, Льву Мехлису, одному из наиболее отвратительных и ненавидимых еврейских комиссаров в армии за все 35 лет советского режима. Гроб Мехлиса несли на своих плечах все выжившие до тех пор вельможи большевистской революции, стоявшие также в почётном карауле вокруг его выставленного на показ трупа, в чём трудно было видеть иное, чем напоминание порабощённым массам русского народа, что «закон против антисемитизма» попрежнему в силе. Сразу же после похорон Мехлиса 27 января 1953 г., «сталинская премия мира» была с большой помпой вручена апостолу талмудистской мести в Германии, Илье Эренбургу, чьи

радиопередачи по адресу рвавшихся в Европу большевистских орд призывали их не щадить «ещё не рождённых фашистов». За несколько дней до своей смерти Сталин распорядился напечатать в газете «Красная Звезда» заявление, что борьба против сионизма «не имеет ничего общего с антисемитизмом. Сионизм — враг трудящихся всего мира, евреев не менее, чем не-евреев».

«Бедственное положение» ничтожного еврейского меньшинства в советской России, таким образом, не изменилось ни к лучшему, ни к худшему. Когда в комиссии американского Конгресса в те же годы депутат Кит Кларди задал еврейскому свидетелю вопрос, не приводит ли его в ужас то, что советская Россия «делает с евреями», то этот свидетель дал ему насмешливый ответ, что «в Советском Союзе они всё ещё „более равны“, чем все другие». Они остались привилегированным классом, каким они были и раньше. Бушующие волны благородного негодования на Западе были, таким образом, бурей в стакане воды и не имели под собой никакой фактической основы. Тем не менее, они разбушевались до непосредственной угрозы войной, и легко могли бы перейти и эту границу, не умри Сталин во время и не будь «еврейские врачи» выпущены на свободу (автору никакими способами не удалось узнать, были ли освобождены также и не-еврейские). Всему этому могла быть только одна причина: Сталин ополчился на сионизм, а в 1952-53 гг. для всех ведущих политиков Запада оппозиция сионизму была равносильна «гитлеризму» и военной провокации. Этот эпизод показывает, что пропагандное подстрекательство может быть развязано в любой момент нажатием кнопки и направлено в любую сторону, в зависимости от требований момента (не исключая, в конечном итоге, и самой Америки). С помощью доведения этой пропаганды до белого каления легко вынуждаются все нужные «обязательства», выполнения которых можно требовать в будущем.

Американские президенты становятся объектами этого «непреодолимого давления» в шестимесячный период между выставлением и выбором кандидата в президенты и выборами президента и его вступлением в должность. В 1952…53 г. президент Эйзенхауэр стоял под тем же давлением, что и президент Вильсон в 1912…13 г., Рузвельт в 1938…39 и Труман в 1947…48. В течение всего периода вербовки избирателей, выставления кандидатуры, выборов и вступления в должность Эйзенхауэра над ним как Дамоклов меч висел пресловутый еврейский вопрос» в его обеих формах, «антисемитизма» то тут, то там или повсюду, или палестинской авантюры. Не успел он быть выставлен кандидатом от республиканской партии, как он поторопился заверить м-ра Максвелла Абеля, президента Объединённой Синагоги Америки, в том, что «у еврейского народа не может быть лучшего друга, чем я… Я вырос веря, что евреи — избранный народ, и что они подарили нам высокие этические и нравственные принципы нашей культуры» (стояло во всех еврейских газетах в сентябре 1952 г.). Эйзенхауэр «добавил, что его мать воспитала его и его братьев в учениях Ветхого Завета»; это было скрытым указанием на то, что семья Эйзенхауэра воспитывалась в ереси жидовствующей секты «Свидетелей Иеговы». Таковы были основные обязательства одного из ведущих политиков Запада столь хорошо знакомые в нашем веке и всегда сводившиеся в итоге к предъявлению гораздо более высокого счёта, чем это предполагалось вначале дававшими их. Сразу же после этого состоялся Пражский процесс, и только что избранному президенту пришлось срочно доказывать свою лояльность; в письме к Еврейскому профсоюзному комитету в Манхеттене от 21 декабря 1952 г. Эйзенхауэр писал, что этот процесс «был задуман с целью развязывания кампании бешеного антисемитизма по всей советской Европе и в странах-сателлитах восточной Европы. Мне выпала честь стать в один ряд с американским еврейством… чтобы продемонстрировать возмущение, овладевшее всей Америкой при виде беззаконий, которыми Советы попирают священные принципы нашей культуры». «Беззакония» заключались в этот момент в том, что было повешено 11 человек, из них трое не-евреев, в числе бесчисленных миллионов, физически уничтоженных за 35 лет большевистского господства; их судьба, однако, к упомянутым «беззакониям» причислена не была. Президент не мог также заранее знать, какую «кампанию» этот процесс должен был «развязать», а бесчисленные прочие процессы в советской империи не удостоились президентского упоминания. Порабощённые коммунизмом народы косвенно красились при этом под «антисемитову», поскольку их именовали «странами-сателлитами», а это слово в англосаксонском словаре обозначает «спутника, сопровождающего князя или другую могущественную личность, раболепного иждивенца или последователя» (Словарь английского языка Уэбстера). Для бывшего главнокомандующего, чей приказ, отданный по сговору с советским диктатором, обеспечил порабощение этих народов, выбранные Эйзенхауэром выражения были несколько странными. Они отражали точку зрения тех, кто был в состоянии оказывать «непреодолимое давление» на всех американских президентов и на все правительства. Для них закабаление миллионов европейцев не играло, разумеется, никакой роли; наоборот, они использовали всю свою власть для укрепления этого закабаления. Два первых действия нового президента вновь отразили существовавшее

положение вещей. Перед выборами, ловя голоса, он использовал сильнейшее отвращение американской общественности к позорным делам 1945 г., обещав аннулировать ялтинские соглашения (представлявшие собой ничто иное, как политическое закрепление результатов его собственного приказа об остановке союзного наступления западнее Берлина, другими словами выдачу всей восточной Европы на поток и разграбление коммунизму) в следующих словах. «Под республиканским руководством, правительство Соединённых Штатов, аннулируют все обязательства, содержащиеся в секретных соглашениях вроде ялтинского и способствующие коммунистическому порабощению». Однако, после своего избрания новый президент послал Конгрессу (20 февраля 1953 г.) проект резолюции, всего лишь предлагавший Конгрессу присоединиться к нему в отказе излагать или применять секретные соглашения, подвергшиеся извращению с целью закабаления свободных народов. Эти последние были к тому времени уже названы им в публичном выступлении «сателлитами». Поскольку проектом резолюции не только не «аннулировалось» ялтинское соглашение, но Ялта даже вовсе не упоминалась республиканская партия, разочаровавшись в руководстве президентом, в конечном итоге отказалась от этой резолюции вообще. Вместо неё новый президент поспешил предложить Конгрессу резолюцию, осуждающую безнравственные и бесчеловечные кампании против евреев» в советизированной Европе. Так все «порабощённые» были попросту вычеркнуты и заменены «евреями» — типичный для нашего времени трюк. В поте лица Госдепартаменту удалось всё же дополнить эту резолюцию включением в неё «также иных меньшинств». Согласно современным еврейским «оценкам», в настоящую время «за железным занавесом находятся 2 500 000 евреев», в то время как порабощённые не-еврейские массы насчитывают 300-350 миллионов; эти массы, включающие в себя целые нации, как-то поляков, венгров, болгар и украинцев 1), не говоря уже о более малых народах и тем более о самих русских, удостоились небрежной характеристики в двух словах: «иных меньшинств». Эту резолюцию Сенат принял единогласно (27 февраля 1953 г.), но для демонстрации требуемой дисциплины, и этого оказалось недостаточно, и каждого американского сенатора заставили лично подать свой голос, стоя, а немногие отсутствовавшие поторопились письменно засвидетельствовать своё согласие с этой перекличкой. Если бы народы за «железным занавесом» смогли разобраться в истории этих двух резолюций, или хотя бы смогли о них узнать, они вероятно не рассчитывали бы на помощь Америки своим национальным восстаниям против большевистского террора, как это имело место в 1956 г. Президент сделал своё дело, и шумиха в печати продолжала расти. Одним из влиятельнейших сионистов этого периода был раввин Гилель Сильвер, из группы судьи Брандейса и рабби Стефена Уайза. Во время избирательной кампании он нашёл нужным защитить Эйзенхауэра от обвинений в «антисемитизме» со стороны бывшего президента Трумана (что стало неизбежно сопровождать все избирательные кампании нашего времени), после чего новый президент пригласил его прочесть «молитву о Божьей благодати и наставлении» при его торжественном вступлении в должность. Рабби Сильвера, поэтому, можно причислить к лицам, не лишённым авторитета в США, что придаёт некоторое значение его словам, что если Россия будет уничтожена, то это будет сделано из-за евреев: он ни много, ни мало, как «высказал предупреждение России, что она будет уничтожена, если пойдёт по стопам гитлеризма». Впоследствии на всех, кто намечался к «уничтожению» неизменно наклеивали этикетку «Гитлера», и одним из примеров этого был египетский президент Нассер. Смысл таких угроз всегда был одним и тем же: преследуйте кого угодно, но если вы выступите против евреев, вы будете уничтожены. Перещеголять рабби Сильвера в этом направлении смог лишь двукратный президентский кандидат Томас Дьюи, организовавший выдвижение Эйзенхауэра в 1952 г.:

> «Теперь все видят, что это („антисемитизм“ в России) — новейшая и ужаснейшая программа геноцида… Сионизм, как таковой, стал преступлением, а родиться евреем достаточно, чтобы быть повешенным. Сталин выпил гитлеровский яд до последней капли, став злейшим преследователем еврейства… Похоже, что Сталин готов признать перед всем миром, что он намерен закончить за Гитлера то, чего тот не успел сделать при жизни».

Задним числом, даже опытного наблюдателя поражает безудержность этой кампании. Автор случайно прочёл в «Монтреальской газете» летом 1953 г. передовицу, в которой говорилось, что «в восточной Германии убиваются тысячи евреев»; за 3 года до того еврейская газета «Зионист рекорд» в Иоганнесбурге констатировала (в номере от 7 июля 1950 г.), что всё еврейское население восточной Германии насчитывает 4.200 душ, большинство которых занимают привилегированные посты в государственном аппарате.

«Обязательства» нового президента становились всё более обширными, по крайней мере в глазах

тех, кому они были адресованы. В дни смерти Сталина он послал Еврейскому профсоюзному комитету цитированное выше «публичное обещание» (так по крайней мере стояло в «Нью-Йорк Таймс»; автор не имел полного текста), что Америка будет «во все времена настороже против любого возрождения антисемитизма». Когда еврейские адресаты этого послания собрались в Атлантик Сити, «еврейских врачей» уже выпустили в Москве из тюрьмы и галдёж стал затихать, т. ч. в опубликовании этого послания не было большой нужды и его вернули отправителю; Однако, президенту его опубликование представлялось достаточно важным, и он снова его отправил «с письмом, весьма решительно осуждавшим советский антисемитизм». В мире пропагандных фикций, в котором мы живём, западные народные массы ведутся своими правителями от одной глупости к другой; кто знает, куда бы их увели в данном случае, не умри Сталин, не окажись «еврейские врачи» на свободе, и не будь убран палец с кнопки, приводящей в действие машину массового возбуждения? После смерти Сталина шумиха, искусственно раздутая обеим сторонам Атлантического океана, умерла вместе с ним. Что, если бы он был жив, а «еврейские врачи» оказались бы на скамье подсудимых? К моменту его смерти пропагандный вой на Западе поднялся до уровня предвоенной истерии; «новый Гитлер» начал «программу новейшего и ужаснейшего геноцида», «убивались тысячи евреев», где их проживало лишь несколько сотен; вскоре эти тысячи превратились бы в миллионы, один миллион… два миллиона… шесть миллионов. Весь кровавый «холокауст» ленинско-сталинских 35 лет с их десятками миллионов безвестных могил колдовством этой пропаганды был превращён в ещё одно «преследование евреев», фактически это уже было сделано, когда публичные обещания Эйзенхауэра «аннулировать Ялту и коммунистическое порабощение» оказались втихомолку подменёнными резолюцией, осуждавшей «безнравственные и бесчеловечные преследования евреев», хотя эти последние продолжали в странах коммунизма терроризировать порабощённое население. Начнись тогда война, целое поколение западной молодёжи пошло бы проливать свою кровь за евреев, думая, что оно воюет за «уничтожение коммунизма». Сталин умер. Запад на этот раз избежал войны, но его ждали, по вине его сионистских заправил, новые разочарования. Целое десятилетие по окончании Второй мировой войны ему втолковывали, что в один прекрасный день коммунизм будет уничтожен, а злое дело 1945 года будет исправлено. Годы 1953 и 1956 показали, насколько искренними были и здесь слова западных политиков. В эти годы порабощённые народы начали сами уничтожать коммунизм, встав на борьбу за своё освобождение, которое американский президент, бывший пособник их закабаления, им обещал, в то же время советуя не добиваться его силой (после венгерского восстания, государственный секретарь Даллес, — снова провозглашая лозунг освобождения восточной Европы, снял с Америки всякую ответственность за его провал и подавление; по его словам, уже начиная с 1952 г., и он и президент Эйзенхауэр высказались за «освобождение» мирными, эволюционными методами; это заявление было сделано Даллесом в г. Аугуста, в штате Джорджия, 2 декабря 1956 г.). Смерть Сталина подействовала, как оттепель на окоченение народов от страха, развязав освободительный процесс. Автор настоящей книги должен признать свою ошибку в оценке его возможностей. Собственный опыт и наблюдение убеждали его в том, что никакое народное восстание против танков и автоматов невозможно, и что методы ежедневного террора (арест, заключение, депортация или смерть без обвинения и суда) подверглись за 300 лет — т. е. с помощью революции в Англии, Франции и России — такому усовершенствованию, что, как казалось автору — одна лишь помощь извне могла сделать такое восстание успешным. Автор не учёл неисчерпаемых запасов энергии в человеческом духе. Первое из этих восстаний произошло в советском секторе Берлина 17-го июня 1953 г., где безоружные рабочие и молодёжь выступили против советских танков с голыми руками и камнями. Разумеется, оно было подавлено, после чего «свирепая фрау Хильда Беньямин» (как стояло в «Таймсе» от 17 июля 1953 г.), специально по этому случаю назначенная министром юстиции, начала кровавое дело расправы с повстанцами, причём в числе бесчисленных приговорённых к смертной казни, был мальчик, распространявший антикоммунистические листовки. (Хильда Беньямин была, в числе прочего, известна своей охотой за «Свидетелями Иеговы» — секты, в учении которой воспитывалась семья Эйзенхауэра. По общему мнению и по утверждениям нью-йоркской печати она была еврейкой; насколько это смог установить автор настоящей книги, она была лишь замужем за евреем, не будучи еврейкой по рождению). Косвенным и совершенно беспрецедентным результатом этого примера было восстание в советском концлагере на Воркуте, где заключённые выгнали охранников из лагеря и удерживали его в течение целой недели, пока прибывшие из Москвы чекистские войска не сломили сопротивление пулемётами. Оба эти восстания произошли при продолжавшемся на Западе шуме об «антисемитизме за железным занавесом». Никакого шума не произошло, когда, благодаря этим восстаниям, стали известны страдания легиона человеческих существ, в сотни раз более многочисленных. По адресу Советов не

последовало угроз ни войны, ни их «уничтожения». Наоборот, западные политики и печать в один голос призывали взбунтовавшихся рабов сохранять спокойствие в надежде на будущее «освобождение», которое должно было — неизвестно только, какими путями — прийти к ним из Америки, той самой, которая продала их в 1945 году.

Тем не менее, мучительная жажда освобождения не утихла в душах миллионов людей, и за порывами к свободе в восточном Берлине и на Воркуте разразились восстания в Польше и Венгрии в октябре 1956 г., когда автор начал писать настоящую, заключительную главу своей книги. Венгерское восстание произошло, как цепная реакция, в результате польского, превратившись в нечто, чего история никогда ещё не видела: это была национальная война целого порабощённого народа против невероятно превосходивших его военных сил тюремщиков. Автору кажется, что со временем именно это, венгерское восстание станет исторической вехой, либо возрождения «Запада» и воскресения Европы, либо же безвозвратного конца той Европы, которую история знала на протяжении последней тысячи лет, а с ней и всего того, что когда-либо подразумевалось под словом «Запад». Однако, каковы бы ни были перспективы будущего, эти октябрьские восстания, в особенности венгерское, смогли достигнуть одного: никогда больше с тех пор мировая революция не сможет ссылаться хотя бы даже на пассивное принятие её подчинёнными народами. Они показали, что под ярмом коммунизма Карла Маркса этим народам нечего терять, кроме своих цепей и что они согласны скорее идти на смерть, чем влачить эти цепи далее.

Причины восстаний обоих народов были одними и теми же, не оставляя ни малейших сомнений. В каждом из этих восстаний народ требовал своего освобождения путём вывода из страны Красной армии, отмены тайной полиции и наказания её главных преступников, восстановления церкви и религии и, прежде всего, освобождения своих духовных пастырей (в обеих странах находившихся под арестом), и наконец, упразднения системы однопартийного господства и установления демократических свобод. Другими словами, не могло быть ни малейших сомнений в том, что стояло на карте: благодаря маленькому народу на своей восточной окраине, «Запад» или Европа поднялись против азиатского деспотизма. Здесь Бог восстал против безбожия, свобода против рабства, человеческое достоинство против унижения человека. Исход этого восстания зависел от того же, от чего будет зависеть и окончательная развязка нашей эпохи: от помощи, которую эти аванпосты христианской Европы смогли или смогут получить от того «Запада», который столько раз заверял их в своей дружбе и солидарности, но в час нужды в этой помощи отказывал.

Здесь, на этом самом «Западе», предельно ясный смысл происходившего на «востоке» был, как всегда, затемнён всепоглощающим вопросом нашего века, хотя и совершенно побочным в его истории: «еврейским вопросом». В событиях в Польше и Венгрии, самих по себе ясных, как кристалл, народным массам Америки и Англии не позволено было узнать правду, ибо всё их внимание было обращено на один только еврейский аспект вопроса, правдивая информация о котором систематически утаивается от них, начиная с того момента, когда революция 1917 года свергла законную власть в России. Ещё за 3 месяца до событий в Польше и Венгрии в «Нью-Йорк Таймсе» из под пера г. Зульцбергера, возобновился крик об «антисемитизме за железным занавесом», начатый, как мы помним, в 1953 г. В качестве примера этого «антисемитизма» статья Зульцбергера приводила отстранение от должности некоего Якова Бермана, особо ненавидимого партийного теоретика и еврея, главного пособника московских чекистов в Польше. В этой статье проглянуло то, о чём до тех пор ни в коем случае не должно было сообщаться западной общественности. В своё время Роберт Вильтон вдруг «потерял доверие» издателей «Таймса» (лондонского) за попытку познакомить читателей своей газеты с этим строго хранимым секретом; он был лишь первым в длинном ряду корреспондентов, пытавшихся сделать то же и потерпевших неудачу на протяжении последующих 40 лет. Народные массы, сначала в России, а затем и во всех остальных коммунизированных странах, не могли подняться против коммунистического террора без того, чтобы их немедленно же обвинили в «антисемитизме», поскольку этот террор был во всех случаях чисто еврейским и талмудистским, о чём безошибочно свидетельствовали все виды его проявления, характеризовавшие его именно таковым, а вовсе не «русским», «коммунистическим» или «советским». В этом одном только руководство в Москве, кем бы оно ни было в действительности или же является сейчас, никогда не отступало от первоначального плана, и именно из этого основного факта должно исходить историческое исследование всех событий нашего столетия. Теорию случайности можно ещё было с грехом пополам применять к состоявшим на 90 процентов из евреев революционным правительствам в России, Венгрии и Баварии в 1917…1919 гг. (уже тогда, как отмечалось ранее, народная ненависть к еврейско-большевистскому правительству в Венгрии характеризовалась еврейскими публицистами, как «антисемитизм», причём избежать этого

обвинения можно было, очевидно, лишь путём беспрекословного подчинения этому режиму). Но с тех пор, как московское правительство насадило еврейские правительства во всех странах, выданных ему Западом в 1945 г., не могло больше оставаться сомнений в том, что это было заранее предрешённой политикой, преследовавшей вполне определённую цель.

Приведём снова информацию из источников, не могущих быть заподозренными в пристрастности, относительно состава этих правительств в те годы 1952…53, когда Сталин вдруг стал «новым Гитлером», а «России» Нью-Йорк и Вашингтон пригрозили «уничтожением» в случае, если она допустит «возрождение антисемитизма»: «В Чехословакии, как и во всей остальной центральной и юго-восточной Европе, вся партийная интеллигенция и руководители тайной полиции по своему происхождению в значительной части — евреи; рядовые граждане привыкли, поэтому, отождествлять партийное начальство с евреями и обвинять во всех своих бедах „еврейских коммунистов" („Нью Стейтсмен", 1952 г.); „…сплошь еврейское (90 % на верхах) правительство коммунистической Венгрии под главенством коммунистического премьера Матиаса Ракоши, также еврея…" („Тайм", Нью-Йорк, 1953 г.); „В Румынии, как и в Венгрии, наибольшее число евреев осуществляют управление страной" („Нью-Йорк Геральд Трибюн", 1953 г.). Эти сообщения, как и множество аналогичных им в архиве автора, взяты из статей, обличающих „антисемитизм в странах-сателлитах"; именно в эти годы, когда ни у кого не могло быть сомнений в том, что все эти страны управлялись евреями, президент Эйзенхауэр нашёл нужным заявить о „волне бешеного антисемитизма… в странах-сателлитах восточной Европы". Спрашивается, что могли эти угрозы из Вашингтона означать для порабощённых народов, как не запрет роптать против тех, кто стоял над ними с кнутом в руке? И в то же самое время им на все лады обещали „освобождение", а „Голос Америки" и „Радио Свободная Европа" не уставали ежедневно и еженощно мучить их описанием их собственных бедствий.

На фоне этой неблаговидной международной ситуации разыгрались польское и венгерское народные восстания в октябре 1956 г., первым сигналом к которым послужили беспорядки в Познани в июне 1956 г. Непосредственно вслед за ними появилась упомянутая выше статья г. Зульцбергера об «Антисемитизме за железным занавесом» с жалобами на то, что убрали тов. Якуба Бермана и что главнокомандующий польской армии, советский маршал Рокоссовский, уволил «несколько сот офицеров-евреев». В августе того же 1956 г. один из двоих польских заместителей председателя совета министров, Зенон Новак (второй из них был еврей, Гиларий Минц) заявил, что кампания «демократизации» и «либерализации» в польской печати искажалась особым вниманием, которое уделялось в ней «евреям». Он указал, что по мнению народа имелось непропорционально большое число евреев на ведущих постах в партии и правительстве», в подтверждение чего он привёл длинный список руководящих евреев в различных министерствах. Ему ответил в печати некий профессор Котарбинский, также подтвердивший, что «евреи стали большинством на руководящих должностях, и что в результате этого они имеют возможность продвигать повсюду „своих" („Нью-Йорк Таймс" от 11 октября 1956 г.). К тому времени Польша находилась уже 11 лет под советским господством и еврейским террором. Ничего не изменилось за эти годы с того времени, когда американский посол в Варшаве, Артур Блисс Лейн, описывал положение 1945…47 гг.:

«Американское посольство было свидетелем многочисленных арестов полицией госбезопасности… с применением устрашающих методов, ночных арестов, причём арестованные как правило были лишены всякой связи с внешним миром, на долгие месяцы, быть может навсегда… Даже наши еврейские информаторы подтверждали… громадную непопулярность евреев, занявших ключевые государственные должности. В их числе назывались Минц, Берман, Ольшевский, Радкевич и Спыхальский… милиция была резко настроена против евреев, поскольку полиция госбезопасности под управлением Радкевича командовала как милицией, так и армией. Более того, как полиция госбезопасности, так и внутренние войска госбезопасности насчитывали у себя многочисленных евреев русского происхождения». Лишь 11 лет спустя еврейский террор стал несколько ослабевать. В мае 1956 г. полетел Якуб Берман («считавшийся московским ставленником номер один в польской компартии» — «Нью-Йорк Таймс» от 21 окт. 1956 г.) с поста заместителя председателя совета министров, а за ним последовал в октябре 1956 г. и Гиларий Минц («считавшийся московским ставленником номер два»). Новака, одного из вновь назначенных заместителей премьера, в американской печати, разумеется, сразу же заклеймили «антисемитом».

Такова была подоплёка народного восстания, начавшегося 20 октября. Попав впервые под коммунистическое господство, Польша — как Россия и Венгрия в 1917…19 гг. — быстро убедилась в том, что террор, на котором это господство основывалось, был еврейским, а как только её народ попытался этот террор сбросить, он был заклеймён в Америке и Англии, как «антисемиты» —

совершенно также, как это в своё время произошло и с антикоммунистическими силами в России и Венгрии. Подобно всем остальным странам, Польша также оказалась перед дилеммой «еврейского вопроса». Что же касается евреев в Польше, не занимавших руководящих постов, то и их положение, насколько об этом можно было судить по сообщениям посетивших страну американских раввинов и журналистов, было во всяком случае лучше, чем всего остального населения; заметим, что при общем населении Польши в то время около 25 миллионов, число евреев в ней, согласно западным еврейским «оценкам», колебалось между «тридцатью тысячами» («Нью-Йорк Таймс» от 13 июля 1956 г.) и «около пятидесяти тысяч» (та же газета, 31 августа 1956 г.). Они составляли, таким образом, малую часть одного процента, и никогда ещё до нашего просвещённого века столь ничтожное меньшинство не смогло нигде стать большинством на руководящих должностях» и «продвигать повсюду „своих“».

Ещё более характерным было положение в Венгрии, попавшей в 1945 вторично под коммунистическое господство. Режим террора здесь не только снова был еврейским, но носителями его были те же самые лица. Подчёркнутое восстановление на их постах еврейских террористов, презиравшихся народом и изгнанных из страны за 26 лет до того (подробности см. ниже в этой главе), следует считать наиболее разительным доказательством того, что в Москве сидела управлявшая революцией сила, сознательно ставившая талмудистскую подпись под свои зверства, а не «советскую», «коммунистическую» или «русскую».

На этом фоне, в котором «свободный мир» так никогда и не смог разобраться, силы национального возрождения постепенно старались сбросить террористический режим. В апреле 1956 г. в Польше был освобождён Владислав Гомулка (сидевший в тюрьме с 1951 по 1956 гг. при режиме Бермана и Минца за «уклонизм»), ставший в этот момент символом народных надежд, поскольку хотя он и был коммунистом, он прежде всего был поляком. 19 октября 1956 г. он был восстановлен, как член ЦК польской компартии, а уже на следующий день 20 октября он сделал нечто, что могло бы изменить многое в нашем столетии, не пади на эти события снова тень пресловутого «еврейского вопроса» (на этот раз из другого его центра — Палестины). Гомулка фактически провозгласил новую польскую декларацию независимости, заклеймив «безобразия последних 12 лет», обещав новые выборы и объявив, что «польский народ будет защищаться всеми средствами, чтобы нас не столкнули с пути демократизации». Это было заявлено в лицо самим московским владыкам, срочно прилетевшим в Варшаву. Хрущёв, которого сопровождали советские генералы, пригрозил ввести Красную армию, но был огорошен мужественным отпором Гомулки и, в особенности, Эдварда Охаба (разумеется, также «антисемита», судя по статье Зульцбергера), заявившего, согласно сообщениям тогдашней печати, что «если вы не остановите немедленно ваших войск, мы выйдем отсюда и порвём с вами всякую связь». Польская армия стояла наготове для защиты национального дела, и Хрущёв сдался. Советский маршал Рокоссовский улетел в Москву (в 1944 г. он оставил варшавских повстанцев без помощи, выдав их на расправу войскам СС; однако в 1956 г. нью-йоркские газеты заклеймили и его «антисемитом»), а символом национального возрождения стал кардинал Вышинский, также отстранённый от руководства польской католической церковью в 1953 г., во время режима Бермана и Минца.

Польша ликовала. Коммунистическая революция потерпела своё первое поражение; вера и церковь восстали из пепла, о чём свидетельствовало возвращение кардинала; польская нация, брошенная внешним миром и предоставленная самой себе, сделала первый шаг к освобождению. Как степной пожар, огонь свободы зажёг Венгрию, и даже польские события, при всей их значимости, оказались забытыми перед лицом ещё более грандиозной народной революции в соседней стране. Неожиданно для всего мира, факторы человеческой природы, времени и Провидения, казалось бы, сошлись вместе для торжества доброго дела.

22 октября 1956 г., через два дня после фактического объявления Польшей своей независимости, толпа народа на улицах Будапешта потребовала возвращения Имре Надя на пост главы правительства и вывода советских войск из страны. Ни одному из демонстрантов в тот момент не пришло в голову, что они начинают восстание, которое вскоре должно было превратиться в народно-освободительную войну. Вспышка пришла из Польши, а причины и подоплёка были теми же, что и там, с той только разницей, что Венгрия уже во второй раз в недавней истории влачила свой крёстный путь под игом еврейских комиссаров. Главным объектом народной ненависти и презрения был здесь некий Эрно Гере, глава венгерской компартии и третий из главных террористов 1919 года, засланных в Венгрию из Москвы для руководства большевистским террором. В венгерских событиях, таким образом, разрядилась не одна только горечь, накопленная за годы 1945…56, но ещё и воспоминания о терроре 1918…19 гг. Имре Надь стал в Венгрии, как Гомулка в Польше, символом народных надежд в данный момент, будучи «национальным» коммунистом. Как Гомулка был в первую очередь поляком, так Надь был венгром, а

не «чужим». Если бы ему было дозволено сыграть в историческом процессе свою роль до конца, она вероятно свелась бы к первым шагам на пути к достижению венгерской национальной независимости и личной свободы её граждан, после чего он уступил бы своё место выборному народному представителю. Своей символической популярностью в дни народного восстания он был обязан в первую очередь тому, что он был устранён от руководства в 1953 г. и исключён из партии в 1955 г., в обоих случаях теми же ненавистными Матиасом Ракоши и Эрно Гере.

В Венгрии, как и в Польше, народ желал одного и того же, как это ясно показали слова и дела последующих дней: восстановления церкви и религии (символом чего в Венгрии был кардинал Миндсенти, заключённый еврейскими террористами в тюрьму) освобождения народа от иностранной зависимости (т. е. вывода советских войск), упразднения террористической тайной полиции и заслуженного наказания её руководителей. Весьма важно подчеркнуть, что все эти требования были выдвинуты в ходе мирной демонстрации, а отнюдь не путём бунта или восстания. Наилучшим подтверждением этого служит заявление по радио (15 ноября 1956 г.) коммунистического диктатора Югославии Тито, какими бы соображениями это заявление ни было вызвано: «Во время нашего визита в Москве мы прямо заявили, что как сам Ракоши, так и его режим не обладают нужными качествами, чтобы руководить венгерским государством и обеспечить его внутреннее единство… К сожалению, советские товарищи нам не поверили… Когда даже венгерские коммунисты стали требовать отставки Ракоши, советские руководители поняли, что дальше так продолжаться не может, и согласились на его отстранение. Но они допустили ошибку, не позволив убрать также и Гере и прочих ставленников Ракоши… Они согласились на отставку Ракоши при условии, что Гере останется на своём посту. Гере проводил ту же политику и был столь же виновен, как и Ракоши… Он обозвал сотни тысяч демонстрантов, которые в то время всё ещё были мирными демонстрантами, чернью» (участник событий свидетельствовал впоследствии, что Гере назвал их «грязными фашистскими бандитами и другими словами, не поддающимися воспроизведению в печати») «… Этого оказалось достаточно, чтобы поджечь пороховую бочку и привести её к взрыву. Гере призвал на помощь армию. Звать на помощь советскую армию против демонстраций было роковой ошибкой… Это обозлило народ ещё более и так разразилось самопроизвольное восстание… Надь призвал народ на помощь против советской армии и обратился к западным странам с призывом о вмешательстве».

Из этого ясно, что народ взбунтовался лишь после провокационного и оскорбительного выступления партийного вождя Гере, оставшегося на своём посту после того, как венгерский ЦК назначил Имре Надя главой правительства. Гере призвал в Будапешт советские войска для наведения порядка. 24 октября 1956 г. советские танки и венгерские чекисты открыли огонь по демонстрантам на Парламентской площади, требовавшим отставки Гере, усеяв улицу мёртвыми и умирающими мужчинами и женщинами. Именно это послужило началом настоящего восстания; народ восстал, как один человек, против советских войск и ненавистной чекистской полиции, и в течение немногих дней коммунистическая революция понесла в Венгрии такое поражение, что события в Польше, по сравнению с ним, показались детской игрой. Кардинал Миндсенти был освобождён из тюрьмы, Имре Надь занял пост главы правительства, ненавистный Гере исчез с горизонта (по сообщениям, его отправили на крымский курорт в компании с Ракоши), на чекистских террористов была устроена облава, а их казармы были разгромлены. Статуя Сталина была сброшена и разбита на куски; венгерские воинские части повсюду либо способствовали восстанию, либо оставались в бездействии; советские части (главным образом состоявшие из русских) часто сочувствовали народу, множество советских танков были уничтожены. Это были первые обнадёживающие дни в истории Европы после победы революционного коммунизма в 1917 году; но на другом конце континента быстро зашевелился революционный сионизм, спеша на помощь своему собрату, и в течение немногих дней, даже немногих часов, всё что уже было достигнуто потерпело полное поражение.

Мы должны здесь бросить взгляд назад, прежде чем закончить описание второй, последней стадии венгерской народно-освободительной войны, поскольку именно пример Венгрии представляется нам имеющим наибольшее значение. Мы не знаем, по каким причинам, но именно здесь руководство в Москве поставило знак равенства между еврейской властью и режимом террора, приняв твёрдое решение не допустить разгрома ни того, ни другого; опыт Венгрии доказывает поэтому больше, чем любой иной, продолжение еврейско-талмудистского руководства революцией в её центре в Москве. Коммунистический режим 1919 года, который венграм удалось сбросить собственными силами, после краткого периода его безжалостного террора был чисто еврейским, несмотря на участие в нём одного или двух не-евреев, ничего не меняющих в его основном характере. Это было кровавое господство четырёх главных еврейских террористов, поддержанных многочисленной еврейской мелочью, а именно

Бела Куна, Матиаса Ракоши, Тибора Самуэля и Эрно Гере, из которых ни одного нельзя назвать венгром и которые все были натасканы для своих задач в большевистской Москве.

После Второй мировой войны, по соображениям политического камуфляжа, Советы разрешили провести в Венгрии более или менее свободные выборы (ноябрь 1945 г.), естественным и неизбежным результатом которых была победа партии малых землевладельцев, т. е. крестьянского большинства, получившей громадное большинство парламентских мандатов. Из Москвы срочно был послан обратно в Венгрию Матиас Ракоши (глава венгерской Чека, Тибор Самуэль, покончил самоубийством во время бегства из Венгрии в 1919 г.); Бела Кун получил по заслугам пулю в затылок от своих московских товарищей во время чисток в 1930-х годах, но в феврале 1956 года XX советский партсъезд торжественно «реабилитировал» его память, в чём можно усмотреть предвосхищение того, что ожидало венгров в октябре того же года). С помощью советской армии и восстановленной венгерской Чека Ракоши принялся за уничтожение некоммунистических политических соперников, пятерых из которых (в их числе небезызвестный Ласло Ройк, также еврей, настоящая фамилия — Рейх) были повешены им и Гере в 1949 г. после обычных «признаний» в работе на «империалистические державы», что однако вовсе не потревожило упомянутые «державы», не в пример их неистовству по поводу обвинений в «сионистском заговоре» в 1952 г. К 1948 году Венгрия была под руководством Ракоши полностью советизирована и терроризирована. Главным чекистским террористом этих лет, под начальством Ракоши, был Эрно Гере, также вернувшийся из Москвы после двадцатилетней эмиграции; именно им был инсценирован позорный процесс против главы венгерской церкви, кардинала Миндсенти, обратившегося накануне своего ареста к верующим с просьбой не верить ни одному «признанию», которое будет вымучено из него чекистами. После венгерского восстания в газетах всего мира были опубликованы описания кардиналом того, что ему пришлось вытерпеть, причём вновь был продемонстрирован неизменно и принципиально анти-христианский характер еврейского террора: кардинала мучили в течение 29 дней и ночей, раздев его догола и избивая целыми днями резиновым шлангом, держа больного лёгкими старика в холодном и сыром подвале, заставляя его быть свидетелем непотребных сцен и отдавая его во власть издевавшихся над ним проституток. После этого Венгрия в течение нескольких лет задыхалась в тисках террора тех же двух подонков, которые распинали её в 1919 году, а правительственный аппарат страны был «сплошь еврейским, 90 % на верхах»; в глазах рядового венгерского гражданина, этот террор был еврейским и талмудистским, а не коммунистическим, советским или «русским», и этот характер был придан террористическому режиму не случайно, а смысл возвращения в Венгрию Ракоши и Гере после второй войны вызывал столь же мало сомнений, как и их действия в стране.

После смерти Сталина что-то вдруг зашевелилось и в восточной Европе; в июне 1953 г. Ракоши покинул пост главы правительства, после чего в лондонском «Таймсе» было напечатано, что «г-н Гере остался единственным евреем в венгерском кабинете, который при г-не Ракоши был по преимуществу еврейским». Поскольку Ракоши остался главой партии, а Гере был заместителем председателя совета министров, вряд ли многое изменилось в Венгрии, а когда в июле 1956 г. Ракоши сняли и с поста главы партии, его место занял Гере, последствия чего сказались, как уже было показано, в октябре того же года. Гере закрутил гайки так, что взрыв оказался неизбежным: после победы народного восстания советская армия была выведена из страны (28 октября 1956 г.), а двумя днями позже, 30 октября, советское радио передало правительственное заявление с признанием «ошибок, нарушивших принципы равноправия в отношениях между социалистическими государствами» и предложением обсудить «мероприятия… для устранения любых возможностей нарушения принципа национального суверенитета», а также «рассмотреть вопрос размещения советских войск на территории Венгрии, Румынии и Польши». Была ли это хитрость с целью усыпить народы, пока убийца собирался с силами или же действительное отступление и вынужденное признание ошибок, открывавшее перспективы примирения и надежды?

Если бы только Израиль не напал на Египет… если бы Англия и Франция не присоединились бы к этому нападению… если бы всего этого не случилось, весь мир давно бы уже узнал ответ на этот вопрос. Теперь он его никогда не узнает, ибо сионистское вторжение в Египет и участие в нём Англии и Франции спасло коммунистическую революцию, избавив её от необходимости выбирать межу двумя указанными решениями: как по мановению волшебной палочки (в чьих руках?) глаза всего мира повернулись от Венгрии на Ближний Восток и венгерские события вдруг потеряли всякое значение. Напрасным стало сообщение Имре Надя на следующий день по радио ко всему миру с призывом о помощи и указанием, что 200 000 советских солдат и пять тысяч танков вступают в Венгрию.

Будапешт был превращён в развалины. 7 ноября замолкла последняя свободная венгерская

радиостанция в Дунапентеле, как и в своё время замолкли голоса польских повстанцев в 1944 году и чешских патриотов в 1938-м, также взывавших о помощи к «Западу». «Это — наша последняя передача. Нас подавляют советские танки и авиация». Эти слова, как записал венский корреспондент «Нью-Йорк Таймса», «потонули в последовавшем оглушительном взрыве. После этого наступило молчание». Имре Надь нашёл убежище в посольстве Югославии, а когда он покинул его, получив от Советов заверение в свободном проезде, его схватили и увезли неизвестно куда, где он, по слухам, был повешен. Кардинал Миндсенти спасся в американском посольстве. В конце ноября 1956 г. хорошо осведомлённый о происшедших событиях кубинский делегат в ООН сообщил, что число убитых в Венгрии составило 65 000 человек. Более ста тысяч бежали через австрийскую границу, и маленькая Австрия одна спасала пошатнувшийся престиж «Запада», принимая безоговорочно всех беглецов и не ставя никаких вопросов. Несколько тысяч из них смогли добраться до Соединённых Штатов, где некий м-р Вильбур Брукер, по должности военный министр США, заставил их «аплодировать американскому флагу», а после этого «аплодировать президенту Эйзенхауэру».

Эти десять дней действительно потрясли мир, и вероятно потрясут его ещё более, если только вся правда о происшедшем станет когда-либо известна. Они показали, что те моральные ценности, которые когда-то символизировались в понятии христианской Европы и «Запада», воплощались теперь не в Америке или Англии, а в порабощённых нациях восточной Европы. «Западные демократии» повернулись к Венгрии спиной, их интересовали одни только события на Ближнем Востоке. Пресловутый «еврейский вопрос» во время выдвинулся на первый план, подавив своей тенью проблески надежды в Европе. Снова, как и в 1917 г., революционный коммунизм и революционный сионизм действовали рука об руку, взаимно поддерживая друг друга. У «объединённых наций» не нашлось времени обсудить венгерский призыв о помощи, пока волна террора не уничтожила просивших, посадив на их места агентов коммунистического режима.

В самой Венгрии место исчезнувшего Гере было занято другим комиссаром 1919 года, Ференцем Мюннихом, также игравшим видную роль в эпоху Бела Куна и также вернувшимся в Венгрию в обозе советской армии после Второй мировой войны. С 1946 по 1949 гг., когда Ракоши давил Венгрию второй в её истории волной еврейского террора, Мюнних был начальником полиции в Будапеште. Теперь он стал «заместителем председателя совета министров, министром национальной обороны и общественной безопасности» в правительстве некоего Яноша Кадара, посаженного Москвой. За этим Кадаром ходила слава некоторой независимости, когда-то и где-то проявленной, а поэтому больших прав ему дано не было. Как писал «Нью-Йорк Таймс», Мюнних был «московским тузом в колоде, приставленным к Кадару». Так ночь снова спустилась на Венгрию и разгромлённым венграм оставалось в виде сомнительного утешения одно лишь заверение президента Эйзенхауэра, что он «всем сердцем с ними». Заряд замедленного действия, заложенный на Ближнем Востоке в ту же самую неделю, когда большевистская революция восторжествовала в Москве, был взорван в нужный момент, когда эта революция терпела фиаско и стояла перед поражением. Эта диверсия превратила блестящие возможности, открывшиеся впервые за много лет, в потрясающую катастрофу. Советам освободили руки для кошмарной резни в Венгрии в то время, как великие державы Запада начали между собой спор об Израиле, Египте и Суэцком канале; весь мир, как заворожённый, повернулся в эту сторону, и советские палачи с руками в крови европейских наций смогли присоединиться ко всеобщей анафеме, наложенной на Англию и Францию, когда они ввязались в израильскую агрессию против Египта.

Создание сионистского государства оказалось для судеб человечества ещё более роковым, чем второе детище талмудистского кагала в России, — коммунистическая революция. Во втором разделе нашего повествования о кризисных годах западного мира мы должны поэтому обратиться к событиям в Израиле на протяжении 8 лет между его созданием с помощью террора в 1948 году и его нападением на Египет в 1956 г.

2. Сионистское государство. В эти годы маленькое государство под фальшивым именем «Израиля» представляло собой совершенно невиданное в истории явление. Оно было задумано, установлено, управляемо и в значительной степени населено несемитскими евреями хазарского происхождения из России. Основанное на племенных традициях глубокой древности, с которыми у его народа не было и не могло быть ни малейших кровных или исторических связей, оно вырастило дикарский шовинизм на основе буквального приложения левитских законов древней Иудеи. По своей территориальной и экономической ничтожности оно не обладало возможностями самостоятельного существования и жило с самого начала, пользуясь деньгами и оружием, которые его влиятельные сторонники и основатели способны были выжать из больших западных держав. За эти немногие годы

оно перещеголяло воинственными словами и действиями всех когда-либо известных истории поджигателей и зачинщиков войн. Управляемое людьми того же сорта, что и террористы в Польше и Венгрии, оно ежедневно угрожало семи соседним народам разрушением и порабощением, предписанным и для них в левитском Второзаконии.

Оно не скрывало при всём этом, что его власть в столицах западных государств была достаточной, чтобы не позволить их правительствам в чём-либо ему противоречить и чтобы при любых условиях обеспечить ему их поддержку. Оно вело себя так, как если бы в особенности Америка была его колонией, и политика США полностью соответствовала этому представлению. Внутри своих границ оно ввело законы против смешанных браков и перемены религии, ничем не отличавшиеся от пресловутых нюрнбергских законов Гитлера, за которые побеждённой Германии пришлось дорого расплатиться; за пределами его границ бедствовала обезземеленная орда арабов, изгнанных им в пустыню, численность которой возросла за 8 лет путём деторождения почти до миллиона. Непрекращающимися нападениями через границу и резнёй как беглецам, так и вынужденным приютить их соседям беспрестанно напоминалось, что судьба Дейр-Ясина висит и над ними: «…искореняй до последнего, мужчин, женщин и детей… не оставляй в живых ничего, что дышит». Западные создатели этого чудовищного государственного образования робко шептали слова упрёков, одновременно посылая ему деньги и всё необходимое для войны, которой они якобы так боялись; подобно Франкенштейну, они создали орудие разрушения, над которым они больше не имели власти.

Основанное на легенде и фантазии, это маленькое государство не имело реального существования, обладая только силой и возможностями распространять беспокойство во всём мире, который с первых же дней его создания не находил ни минуты покоя. Оно начало выполнять слова древнего пророчества: «Тогда ужас Мой пошлю пред тобой, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придёшь». Предоставленное самому себе, это государство потерпело бы полный крах, подобно тому как потерпел крах «еврейский национальный очаг» межу обеими мировыми войнами. Стремление покинуть его снова стало преобладать над стремлением в нём поселиться, несмотря на всю силу шовинизма, на время способную торжествовать над всеми остальными побуждениями тех, кто ему поддаётся. Уже в 1951 г., через 3 года после основания «Израиля», число покидающих страну превысило бы число прибывающих в неё, если бы не упомянутая выше «неожиданная брешь» («Нью-Йорк Геральд Трибюн» от апреля 1953 г.), открывшаяся в «железном занавесе», в котором, как известно, брешей не случается, разве что если они допускаются нарочно; революционно-коммунистическое государство явно было заинтересовано в поставке населения революционно-сионистскому. Несмотря на всё это, в 1952 году в Израиль прибыли только 24 470 иммигрантов, в то время как 13 000 из него выехали, а в 1953 г. — последнем, за который автор настоящей книги располагает статистическими данными — эмиграция из Израиля превысила, согласно данным Еврейского Агентства иммиграцию. Некий д-р Веньямин Абель, выступая в Иерусалиме заявил в июне этого года, что за первые пять месяцев прибыли 8.500 чел., в то время как выехали 25 000.

Таков был бы естественный ход событий, если бы «Израиль» предоставили самому себе, поскольку, кроме оголтелого шовинизма это государство не могло никому ничего предложить. Наглядную картину происходившего рисуют еврейские источники; некий Моше Шмилянский, проживший в стране 60 лет, писал в газете «Jewish Review» в феврале 1952 г.:

«Ко времени окончания британского мандата, страна находилась в прекрасном состоянии. Государственные и частные продовольственные склады были полны, налицо был большой запас промышленного сырья. Страна располагала 30-ю миллионами фунтов стерлингов в Английском Банке, помимо английских и американских ценных бумаг на большие суммы. Денежное обращение в стране оценивалось примерно в 30 миллионов фунтов, ходивших наравне с английским фунтом стерлингов. …Мандатное правительство оставило нам ценное наследство в виде глубоководного порта в Хайфе, двух причалов в Яффе и Тель-Авиве, железные дороги, хорошую дорожную сеть, правительственные здания, большие и полностью оборудованные военные и гражданские аэродромы, прекрасные казармы и нефтеочистительные предприятия в Хайфе. Бежавшие из страны арабы оставили нам около 5 миллионов дюнамов (мера площади — *прим. перев.*) возделанной земли с фруктовыми садами, апельсиновыми рощами, маслинными плантациями и виноградниками, около 75 000 жилых домов в городах, многие из них весьма комфортабельные, около 75 000 лавок и фабрик, множество движимого имущества, мебели, ковров, драгоценностей и т. д. Всё это было большим богатством, и если мы теперь в Израиле погрязли в бедности, то виноваты в этом чрезмерная бюрократическая централизация, ограничение частной инициативы и установление социалистического режима».

В апреле 1953 г. член израильской ревизионистской партии Гурвич описал перед сионистской

аудиторией в Иоганнесбурге «вырождение» сионистского государства. По его словам, невозможно больше было закрывать глаза на тревожное положение Израиля: «В экономическом отношении страна стоит на пороге банкротства. Иммиграция сократилась, и за последние несколько месяцев большее количество покинуло страну, чем прибыло в неё. Помимо этого имеются 50 000 безработных и многие тысячи других работают лишь при сокращённом рабочем дне». В распоряжении автора имеется множество аналогичных свидетельств с еврейской стороны, и их полезно сравнить с картиной жизни в Израиле, которая преподносится западной общественности её политиками. Некий м-р Клемент Дэвис, лидер Британской либеральной партии, той самой, которая в 1906 году располагала 401 мандатом в Палате общин и сошла под руководством г-на Дэвиса на 6 мандатов в 1956 г., выступая перед еврейским собранием в Тель-Авиве, «славословил успехи, достигнутые Израилем, представляющимся ему чудом прогресса по пути превращения еврейского государства в страну молочных рек с кисельными берегами» (это было напечатано в той же еврейской газете, что и несколько отличные оценки г-на Гурвича). В то же время, Франклин Д. Рузвельт младший, «предвыборствуя» в штате Нью-Йорк, где еврейские голоса считаются решающими, в свою очередь заявил: «Израиль — это очаг жизни и надежды в бурлящем море арабских народов. Он пропагандирует принципы свободы и демократии от имени свободного мира более успешно, чем вся пропаганда из Соединённых Штатов». Адлай Стивенсон, выступая в президентской избирательной кампании в 1952 г. поучал еврейскую аудиторию, что «Израиль принял в своё лоно с распростёртыми объятиями и горячим сердцем весь свой народ, искавший спасения от постигших его несчастий… Америке не мешало бы перестроить свою собственную иммиграционную политику по великодушному примеру израильской нации, и мы должны к этому стремиться» (если принять эту болтовню всерьёз, то трудно усмотреть в ней что-либо иное, как предложение выгнать американцев из Соединённых Штатов и возвратить всю их страну северо-американским индейцам). Другой охотник на президентское место, некий г. Стюарт Саймингтон, также не отстал в славословиях сионистскому государству: «Израиль — пример того, как твёрдость, мужество и конструктивная политика приносят победу демократическим идеалам, не сдавая позиций советскому империализму» — в те же дни школьникам государственных школ в Израиле было предписано петь о красных знамёнах в день Первого мая, в то время как политики в Вашингтоне и Лондоне с пеной у рта кричали об «антисемитизме за железным занавесом».

Как и во все предыдущие десятилетия, против подобного беззастенчивого искажения правды могли выступить лишь отдельные еврейские голоса (мы уже указывали, что любая критика с не-еврейской стороны давно уже полностью подавлена). Вильям Цукерман писал:

> «Принятая всеми теория, что создание государства Израиль послужит к объединению и спайке еврейского народа, оказалась ложной. Наоборот, этот конгресс (Сионистский конгресс в Иерусалиме в 1951 г.) устрашающим образом еврейского политического образования по прошествии двух тысяч лет приводит к новому сильнейшему расколу, которого евреи, как национальная группа, не знали на протяжении многих столетий, и что в будущем Израиль скорее будет разделять евреев, чем их объединять… Предполагается, что каким-то таинственным образом Израиль должен обладать юридическими полномочиями над десятью или двенадцатью миллионами евреев, живущих во всех странах мира за его пределами… Он якобы должен беспрестанно расти за счёт переселения в него евреев со всего света, как бы хорошо им ни жилось там, где они живут сейчас… Согласно этой теории, евреи, проживавшие там в течение столетий и многих поколений, должны быть „спасены“ из их „изгнания“ и переселены в Израиль в процессе массовой иммиграции… Лидеры всех израильских партий, от крайних правых до крайних левых, включая самого премьера Бен Гуриона, начали уже требовать, чтобы американские евреи, в особенности сионисты среди них, выплатили свой долг по отношению к древней родине, покинули своё американское „изгнание“ и поселились в Израиле, или по крайней мере послали туда своих детей… Иерусалимский (сионистский) конгресс фактически означает конец славной истории американского сионизма и открывает период усиленного ближневосточного национализма… на основе теорий покойного Владимира Жаботинского, мечтавшего о большом еврейском государстве на обоих берегах Иордана (осуществлено в 1967 г. — *прим. перев.*), собравшем в себе всех евреев мира и ставшем сильнейшей военной державой на Ближнем Востоке (что также является в настоящее время свершившимся фактом — *прим. перев.*)».

Не иначе звучал и протест Лессинга Дж. Розенвальда:

> «Мы заявляем наш неизменный протест против всех планов превращения (американских)

> евреев в националистский блок со своими особыми интересами в иностранном государстве — Израиле. Политика, предписываемая американскому сионизму со стороны г. Бен Гуриона, подстрекает сионистов умножить усилия по превращению американских евреев в отдельный блок политического давления в Соединённых Штатах. Целью этого плана является превращение американских евреев в людей, духовно и культурно зависимых от иностранного государства… Мы считаем „еврейский“ национализм извращением нашей веры, снижающим её всечеловеческие масштабы до размеров националистического культа».

Как и следовало ожидать, эти еврейские протесты были вызваны опасениями раздора и раскола, вносимого сионизмом среди евреев. Однако, это было лишь частичным аспектом вопроса. Истинная опасность сионизма заключается в его способности вносить раскол между нациями всего мира, натравляя одну на другую и вызывая между ними конфликты, ведущие к катастрофам, в которых на одного пострадавшего еврея придутся тысячи жертв на стороне нееврейских масс. Указания на эту очевидную роковую возможность считались в 1950-е годы ересью, и нееврейские протесты оставались неопубликованными, в то время как немногие еврейские не оказывали никакого действия. В 1953 г. Нью-йоркский еврейский журнал «Комментари» косвенно подтвердил, что сделан ещё один шаг по направлению к грядущей катастрофе, опубликовав следующие строки: «Укрепление и усиление Израиля стало прочным элементом иностранной политики Соединённых Штатов и никакие результаты выборов не могут больше этого изменить».

Здесь перед нами вновь скрытое указание на высшую власть, стоящую над всеми президентами, премьерами и партиями, на которую мы уже указывали в этой книге ранее. Как в своё время выразился Леопольд Эмери, один из английских министров, ответственных за Палестину в период между обеими мировыми войнами, эта политика установлена раз и навсегда, и не может подвергнуться изменению. В этих угрожающих заявлениях, в которых ясно слышится авторитет и высшее знание подоплёки событий, заключается внутренний секрет создавшегося положения. Они скрытны, но вполне определённы и категоричны, и они выражают уверенность в том, что «Запад» ни при каких условиях не может отказать и не откажет сионистам в полной поддержке их опасных амбиций. Эта уверенность не может основываться на одних только угрозах или даже на полной возможности переключить поддержку «еврейских голосов», печати и т. д., она должна иметь под собой более прочные основания. Тон этих заявлений, это — тон надсмотрщиков и погонщиков, знающих, что галерные рабы должны выполнять их распоряжения, поскольку они прикованы и не могут освободиться. Автор считает газету «Нью-Йорк Таймс» рупором «еврейской власти» в мире, и она неоднократно конкретно указывала на этот пакт, капитуляцию или чем бы всё это ни было, например: «По сути, политическая поддержка, которой государство Израиль располагает в Соединённых Штатах, делает немыслимым для американского правительства принятие каких бы то ни было решений, противоречащих интересам Израиля» (1956 г.). Даже если это всего лишь намёк на контроль над избирательным механизмом, это означает ни много, ни мало, как то, что процесс парламентарного управления страной с помощью «свободных выборов» подвергся полнейшей фальсификации. По мнению автора, это именно и произошло на Западе в ходе нашего столетия. Одно только это положение вещей дало возможность новому еврейскому государству выжить, с помощью нескончаемых финансовых впрыскиваний из Америки. Цитированный выше еврейский ежемесячник «Комментари» указывает, что до июня 1953 года общая финансовая поддержка Израилю со стороны США выражалась в сумме в 293 миллиона долларов; дальнейшие 200 млн. долларов были предоставлены в форме экспортно-импортных банковских займов. Представитель программы «технической помощи» в Иерусалиме, организованной президентом Труманом, сообщал в октябре 1952 г., что Израиль получил по этой программе наибольшие субсидии в пропорции к своему населению, и больше, чем все остальные ближневосточные государства вместе взятые. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» писала (12 марта 1953 г.), что Соединённые Штаты «обеспечили» Израилю, включая частные займы и пожертвования, «более одного миллиарда долларов за первые 5 лет его существования. Сверх того, западная Германия выплачивала под давлением американского правительства свою дань Израилю, в сумме 520 млн. израильских фунтов ежегодно. Автору не удалось найти официальных данных об общей сумме субсидий Израилю со всех сторон до 1956 года; однако, делегат Сирии в ООН сообщил, после одного из очередных нападений Израиля на его соседей в 1956 году, что „начиная с 1948 г., денежный поток в сумме 1 500 000 (полутора миллиардов) долларов направлялся из США в Израиль в форме контрибуций, репараций, финансовой помощи, займов и облигаций“ (даже в эту цифру не входили репарации западной Германии и другие формы выплачиваемой Западом дани).

Подобного этому история ещё не видела. Государство, финансируемое в таких масштабах из

заграницы, может легко позволить себе (в смысле финансовых возможностей) вести агрессивную, воинственную политику, и угрожающее миру поведение нового государства было возможно исключительно благодаря этому гигантскому потоку западной финансовой помощи. Уверенное в неиссякаемой денежной поддержке, а также и политической поддержке Вашингтона, которая «не могла подвергнуться изменению», новое государство принялось за осуществление своих грандиозных амбиций: восстановить в его полной силе, в 20-м веке нашей эры, «новый закон», провозглашённый левитами во Второзаконии в 621 г. до Р.Х. Всё, что совершилось вслед за этим и что ещё должно произойти, было и будет «исполнением» этого «закона»; монгольские хазары должны были позаботиться, чтобы Иегова выполнил свой договор в той форме, как его выдумали в своё время левиты. И всё, что происходило, было фактически взносами в счёт этого «исполнения»; фантастическое видение «язычников», несущих сокровища всей земли в Иерусалим, приобрело реальные формы в виде американских денег, германской дани и прочего. С туго набитым кошельком маленькое государство всерьёз приступило к осуществлению своей фантазии полного и буквального «исполнения», чудесным концом которого должно стать унижение всех великих мира сего, всемогущего Сиона и «собирание всех евреев в одном месте. Оно сочинило новую хартию этого „собирания“: „закон о национальности“ сделал всех еврейских обитателей сионистского государства „израильтянами“, а „закон о возвращении“ объявлял такими же „израильтянами“ всех евреев в любой стране мира, в обоих случаях независимо от того, хотели этого затронутые этими „законами“ евреи или нет. В „законе о возвращении“ от 1953 г. говорилось: „собрание изгнанников требует непрестанных усилий со стороны еврейской нации в рассеянии, а поэтому государство Израиль ожидает участия всех евреев, будь то частным образом или в организациях, в построении государства и в способствовании массовой иммиграции видя необходимость объединения всех еврейских общин (во всём мире) для достижения этой цели“. Не представляется удивительным, что предпосылкой для реализации подобного закона должно служить постоянное наличие „антисемитизма“ во всём мире, без чего загнать всех евреев в Израиль представило бы некоторые трудности; поскольку же наиболее крупное скопление евреев проживает в настоящее время в Америке, то следует ожидать, что и там рано или поздно будет объявлена „антисемитская“ ситуация.

Таковы были законы, которые, подобно привидениям из исчезнувших гетто, так встревожили гг. Цукермана и Розенвальда. Они провозглашают цели, подобных которым ещё не ставило себе ни одно государство в человеческой истории, и русский еврей Бен Гурион многократно подтверждал эти цели, в частности, например, в своём послании американским сионистам от 16 июня 1951 г.: «Вашей организации дана редкая возможность проложить дорогу единому и всеобъединяющему сионистскому движению, возглавляющему американское еврейство в великую эру, открывающуюся перед еврейским народом созданием нашего государства и началом собирания всех изгнанников». Близкий сотрудник президента Эйзенхауэра, раввин Гилель Сильвер, выразил по этому поводу своё особое удовлетворение тем, что «г-н Бен Гурион признаёт главными задачами сионистского движения, как и до сих пор, осуществление полной и неограниченной программы сионизма». В июне 1952 г. Бен Гурион выразился в Нью-Йорке ещё более ясным образом: «Еврейское государство ещё не является осуществлением сионизма… Сионизм охватывает всех евреев во всём мире». Второй по счёту президент Израиля, Бен Цви, заявил при своём вступлении в должность в декабре 1952 года: «Собирание изгнанников всё ещё остаётся нашей главной задачей и мы от неё не отступим… Наша историческая задача не может быть осуществлена без помощи всей еврейской нации на Западе и на Востоке». Нетрудно представить себе, какой гвалт и шабаш поднялся бы во всём мире, заяви только кайзер или Гитлер нечто хотя бы отдалённо подобное. Амбиции, сформулированные как «полная и неограниченная программа сионизма», в действительности безграничны, представляя собой политическую программу, замаскированную в Торе под видом договора с Иеговой: всемирное господство над «язычниками», исходящее из центральной империи, простирающейся от Нила до Евфрата. Поддержка со стороны западных правительств помогла стать реальностью тому, что при всех других обстоятельствах могло бы рассматриваться, как самая смехотворная и абсурдная претензия, когда-либо выдуманная в истории человечества.

Вначале трудно было поверить, что западные политики полностью отдавали себе отчёт в том, что они совершали, однако в 1953 г. последовало заявление, исключавшее всякие сомнения по этому поводу; в мае 1953 г., споря с египетским премьером по вопросу о Суэцком канале, британский премьер-министр Уинстон Черчилль пригрозил ему не британским, но еврейским возмездием. Говоря в Палате общин об израильской армии, как о лучшей на Ближнем Востоке», он заверил, что «наши поставки авиации в эту часть света ни в коем случае не пойдут во вред Израилю», а затем добавил

совершенно в духе заявлений Бен Гуриона и равви Сильвера, что он «ожидает полного осуществления сионистских стремлений». Здесь, как бы невзначай, от имени ничего не подозревавшего английского народа главой его правительства было взято на себя вероятно крупнейшее из всех возможных политических обязательств. Израильский парламент, разумеется, поспешил засвидетельствовать свою благодарность «дружескому отношению м-ра Черчилля к израильскому правительству и сионистскому движению за всё время их существования». Английская общественность прочла чреватые последствиями слова своего премьера, плохо или вообще не разобравшись, о чём идёт речь. В их смысле разобрались, однако, многие евреи, среди них даже г. Абрагамс, известный «ревизионист», которому они, вообще говоря, могли бы доставить удовлетворение («ревизионисты» открыто исповедуют амбиции покойного Жаботинского о создании «большого еврейского государства на обоих берегах Иордана», которое должно стать сильнейшей военной державой на Ближнем Востоке; см. Вильям Цукерман). Абрагамс с удивлением, и даже с ноткой тревоги, задал вопрос, были ли слова Черчилля сказаны всерьёз, и добавил: «Премьер-министр прекрасно знает Библию; ему должно быть хорошо известно, что сионистские стремления не будут исполнены, пока Израиль не будет полностью восстановлен в его исторических границах, т. е. во всей земле десяти колен».

Подобные «стремления» не могут, разумеется быть «исполнены» без новой мировой войны, и именно это по-видимому смутило г-на Абрагамса, или, возможно, его ужаснуло. Если Черчилль произнёс свои слова с обдуманным намерением, то они означали готовность поддержать грандиознейшее предприятие во всём его буквальном значении, окончательной ценой чего может быть только уничтожение того, что до сих пор понималось под Европой и Западом. Как мы смогли установить, даже ещё на месяц раньше, уже в апреле 1953 г., Черчилль засвидетельствовал свою полную готовность пойти на пути безоговорочной поддержки сионизма гораздо дальше, чем этому могли поверить все, кто знал его по прошлым выступлениям или по созданной вокруг него легенде. Он демонстративно солидаризовался с сионистской «канонизацией» открытого изменника, английского офицера по имени Орд Уингейт, дав этим пощёчину всему английскому народу и, в особенности, тем английским офицерам, солдатам и администраторам, которые в течение 30 лет честно выполняли свой долг в Палестине. Уингейт, офицер британской контрразведки в Палестине в междувоенный период, так далеко отошёл от беспристрастности по отношению к арабам и евреям, что было долгом и гордостью его товарищей по службе, что не только превратился в заядлого врага арабов, но и в изменника и ренегата по отношению к своей стране и офицерскому долгу. Его измена впервые стала известна, когда Бен Гурион, посвящая детский посёлок на горе Кармель памяти Уингейта, который был убит во Второй мировой войне, заявил: «Он боролся на стороне евреев против своего собственного правительства»; Бен Гурион прибавил далее, что в год опубликования британской Белой книги 1939 г. «он пришёл ко мне (Бен Гуриону) с планами саботажа британской политики». Одним из предложений Уингейта было взорвать английский нефтепровод в Палестине. Черчилль послал в Израиль телеграмму с приветствием, которая была зачитана во время церемонии посвящения детской колонии памяти Уингейта; в этой телеграмме британский премьер назвал эту колонию, увековечившую память изменника, «памятником дружбы, которая никогда не перестанет соединять Великобританию и Израиль», а английскому посланнику было предписано присутствовать при церемонии в знак официального одобрения со стороны британского правительства.

Таким образом, единственный англичанин, удостоившийся почтения своей памяти в сионистском государстве, был изменником своему долгу и присяге, а британский премьер-министр нашёл нужным присоединиться к празднованию этого события. Описание службы и деятельности Уингейта дано Хаимом Вейцманом в его воспоминаниях. Вейцман одобрительно пишет о стараниях Уингейта подмазаться к сионистским поселенцам, для чего он даже пробовал выучиться говорить по-еврейски. По словам Вейцмана, Уингейт был «фанатичным сионистом». Видимо, он весьма напоминал «пророка» Монка прошлого века, однако в условиях нынешнего такой тип мог натворить гораздо больше вреда. Он даже явно копировал Монка, отрастив себе библейскую бороду и, судя по всему, нашёл своё истинное призвание в стране иудеев. По всем данным, он был либо не вполне нормальным, либо же явно неуравновешенным субъектом, о чём свидетельствует его служебная характеристика в британской армии: «слишком неуравновешен, чтобы командовать людьми на ответственной должности». Он обратился за помощью к Вейцману, который попросил известного лондонского врача, лорда Гордера (ярого приверженца сионистов), выправить Уингейту аттестат для британского военно-медицинского совета, засвидетельствовав его «благонадёжность и чувство ответственности». В результате столь мощной поддержки, Уингейт получил назначение в капитанском чине на работу в палестинской контрразведке, результаты чего нетрудно было предвидеть. Во время Второй мировой войны этот

субъект, of all people, как говорят англичане, был особо выделен Черчиллем, который вызвал его в Лондон во время Квебекской конференции для внеочередного производства в генерал-майоры. Вейцман пишет далее, что «самым горячим желанием» Уингейта было войти во главе английских частей в побеждённый Берлин и, судя по тексту Вейцмана, первой должна была войти еврейская бригада под командой Уингейта, знаменуя тем самым не британскую, но талмудистскую победу во второй войне. Как с досадой пишет Хаим Вейцман, «генералы» помешали этому унижению побеждённых, и их решение «было окончательным и бесповоротным».

Этот любопытный эпизод рисует ещё отчётливее переменчивую и загадочную фигуру Черчилля, больше чем кто-либо иной взывавшего к чести, долгу и верности, и призвавшего свой народ в минуту тяжёлых испытаний отдать свои «кровь и пот, труды и слёзы» во имя этих вечных принципов. На его глазах один из его министров был убит в Палестине, а английские солдаты, замученные и обезображенные еврейскими террористами, повешены как символ иудейской мести на дереве; несмотря на это, он покровительствовал именно такому субъекту, как Уингейт, при его жизни, и выделил его память для особого почтения после его смерти. Заметим, что тот же Черчилль, ещё до этих событий, работая над биографией своего знаменитого предка, прекратил свой труд после того, как были опубликованы документы, изобличавшие Джона Черчилля, первого герцога Марльборо в измене: он якобы выдал французам планы нападения на них британского флота. «Выдача планов нашей высадки в Бресте» — писал Черчилль — «оказалась препятствием, которое я не мог преодолеть», и от стыда за измену своего предка он прекратил работу над самым выдающимся из своих литературных произведений, возобновив её лишь после того, как выяснилось, что опубликованные документы были подделкой. Но даже и в этой книге, его понятие верности и долга вызывает сомнения, поскольку в предисловии к ней он одобряет и оправдывает настоящую и вполне доказанную измену герцога Марльборо: выйдя из Лондона во главе армии короля Якова Стюарта навстречу вторгнувшимся немецким и голландским войскам Вильгельма Оранского, он перешёл на сторону врага, в результате чего вторжение в Англию не было встречено ни одним выстрелом с английской стороны. Другими словами, трудно не сделать вывода, что почтение памяти изменника 30 октября 1956 г. (хотя оно и было приказано уже преемником Черчилля, его верным приспешником Иденом) показывает, что ожидание Черчиллем буквального «исполнения сионистских стремлений» высказанное в мае 1953 г., было действительно вполне серьёзным, что бы его слова ни сулили в будущем его народу и государству. Если Западу, как это очевидно известно Черчиллю и его сообщникам, тайно отведена роль способствовать «исполнению» сионистских амбиций, то это может только означать новую мировую войну ещё более страшную, чем всё до сих пор испытанное Европой и Западом, в которой их армии будут играть роль пешек в чужой разрушительной игре с целью натравливания христианских наций одну на другую, уничтожения мусульманских народов, установления всемирной сионистской империи и служения ей в качестве новых янычар. В этой грандиозной игре, евреи во всём мире, на какой бы стороне так называемой линии фронта они ни стояли, всегда должны будут служить интересам Сиона, как этого требует от них «закон о возвращении». Как это делается, мы могли увидеть из статьи, опубликованной в еврейской газете в Иоганнесбурге (Южная Африка), «Jewish Herald» от 10 ноября 1950 г., по поводу одного любопытного, оставшегося в полной тайне, эпизода во время Второй мировой войны. В статье говорилось, что когда в США началось производство атомного оружия, «доктору Вейцману было предложено собрать несколько наиболее известных еврейских учёных и организовать из них группу, которая могла ставить союзникам условия в интересах еврейства… Я (автор статьи) лично видел этот документ, составленный и переданный доктору Вейцману учёным, приобретшим некоторую известность в области военных изобретений». Не приходится сомневаться, что такая «группа» была организована и продолжает действовать до сих пор, направляя производство смертоносного оружия в интересах «еврейства» и обеспечивая им «Израиль»: в смысле этой угрозы всему человечеству не приходится сомневаться[57].

---

[57] Ко времени написания настоящей книги Дугласу Риду ещё не могли быть известны многие засекреченные данные об американской программе производства атомного оружия, однако его прогноз о соблюдении в ней «интересов еврейства» и обеспечении этим оружием в первую очередь Израиля представляется в свете данных, ставших известными с тех пор, безошибочным.

Созданный во время второй мировой войны т. н. «проект Манхеттен», работавший над созданием атомной бомбы, находился целиком в еврейских руках. Руководящую роль в теоретических изысканиях сыграл эмигрировавший из Германии Альберт Эйнштейн. Директором атомной лаборатории в Лос Аламосе, в штате Нью Мексико, где начиная с 1942 г. велась практическая разработка проекта, был с 1943 по 1945 г. нью-йоркский еврей Роберт Оппенхеймер (род. 1904). Первая атомная бомба была взорвана под его руководством в том же районе Аламогордо в июле 1945 г., следующие были сброшены в августе 1945 г. над Хиросимой и Нагасаки (они предназначались для Берлина, но капитуляция Германии «помешала»

О том, как проводится конкретная работа по «исполнению сионистских стремлений», повествует нам не менее авторитетное лицо, другой «доктор», Наум Гольдман — долголетний «президент» Всемирной сионистской организации и Всемирного еврейского конгресса; выступая перед еврейской аудиторией в Иоганнесбурге в августе 1950 г., он описал свою беседу с Эрнестом Бевином, в то время министром иностранных дел Англии:

«Это маленькое государство (Израиль) является единственным в своём роде, занимая совершенно исключительную географическую позицию. В те годы, когда мы ставили на ноги, с помощью английского правительства, наше еврейское государство, и во время одной из моих бесед с м-ром Бевином, он мне сказал: „Знаете ли Вы, что Вы от меня требуете? Вы хотите, чтобы я отдал Вам ключ к одному из наиболее жизненно важных стратегических районов в мире“; на что я (Гольдман) ему ответил: „Ни в Новом, ни в Ветхом Завете не сказано, что этим ключом должна обладать Великобритания“. Похоже, что Черчилль, если за его словами стояли истинные намерения, готов был этот ключ выдать, а после смерти Бевина все остальные политики в Вашингтоне и Лондоне ни о чём другом уже и не думали. Результаты всего этого вполне видимы и предвидимы, и в них невозможно усмотреть простую случайность. Грандиозный план безостановочно движется здесь к своему

этому). За эти заслуги Оппенхеймер получил в 1963 г. из рук президента Джонсона специально учреждённый атомный «приз Ферми» с золотой медалью и дотацией в 25 000 долларов.

«Проект Манхеттен» был по декрету президента Тумана реорганизован в 1946 г. в Комиссию Атомной Энергии (АЕС), руководителем которой стал Бернард Барух, одновременно представлявший США в такой же комиссии ООН.

Заместителем директора атомной лаборатории в Лос Аламосе был с 1949 по 1952 г. родившийся в Будапеште (1908) венгерский еврей Эдвард Теллер, учившийся в 1926-30 гг. в университетах в Карлсруэ, Мюнхене и Лейпциге. Выехав из Германии в 1934 г., он учился на американскую стипендию в университете в Копенгагене у знаменитого датского атомного физика Нильса Бора, иммигрировав в США в 1935 г. В «проекте Манхеттен» Теллер принимал руководящее участие с 1942 г., с 1950 г. он был директором программы водородной бомбы, «отцом» которого он считался с тех пор. Одним из руководителей АЕС под Барухом был с 1946 по 1950 г. родившийся в 1899 г. Давид Лилиенталь, не имевший никакого отношения к физике и работавший в области коммунального хозяйства в Чикаго и штате Висконсин (1926-31); в 1933 г. на него «обратил внимание» президент Рузвельт, назначивший 34-летнего юриста директором национализированной долины Тенесси (Tenessee Valley Authority, TVA). По протекции Баруха Лилиенталь, став членом АЕС, одновременно состоял в Ведомстве консультантов по международному контролю атомной энергии при Госдепартаменте США. После отставки Баруха он был назначен его преемником в качестве председателя АЕС, которая к тому времени превратилась в гигантский научно-промышленный комплекс с государственными вложениями порядка десятков миллиардов долларов.

Другим руководящим членом АЕС был «адмирал» Льюис Штраус (род. 1896), ставший её председателем в 1953 г. Штраус — внук еврейских иммигрантов из Баварии и сын мелкого сапожного фабриканта. Не получив не малейшего образования, он торговал до 20-летнего возраста отцовским товаром, пока не был «открыт» тем же Барухом, который в 1917 г. навязал его руководителю Продовольственного ведомства и будущему президенту США Герберту Гуверу в качестве личного секретаря. Гувер, по-видимому не найдя более подходящих сотрудников, поручил 22-летнему невежде в 1918 г. разработку плана послевоенной помощи Бельгии. В марте 1919 г. Барух взял Штрауса с собой в Париж, сделав его одним из 4-х членов союзной репарационной комиссии (сам Барух был «советником» при Версальской мирной конференции). Яков Шифф, глава еврейского банка Кун, Леб и Ко. в Нью-Йорке, игравший закулисную роль среди еврейских «советников» в Версале, взял протеже Баруха сотрудником в свою фирму, где Штраус, в качестве её партнёра (1929-47), через 10 лет «заработал свой первый миллион долларов». Штраус был «финансовым советником» семьи Рокфеллеров, будучи одновременно директором радиовещательных компаний RCA и NBC (президент обеих — Давид Сарнов, род. 1891 в Узлянах под Минском, женат на Фелиции Шифф-Варбург). Во время второй мировой войны Штраус нажился на поставках американскому военному флоту и был произведён Рузвельтом в 1945 г. в адмиралы (Сарнов им же был произведён в генералы). Президент Труман ввёл его по рекомендации Баруха в руководство АЕС, при Эйзенхауэре он был «специальным советником» президента по вопросам атомной энергии, в 1953 г. его назначили председателем АЕС. В американской общественности стало известно, что вопреки протестам других директоров Комиссии Штраус настоял на развитии и производстве водородной бомбы, создателем которой был упомянутый выше Эдвард Теллер.

Таким образом, «отцами» атомной бомбы были Альберт Эйнштейн и Роберт Оппенхеймер, а «отцом» водородной бомбы — Эдвард Теллер, в то время как общее руководство развитием и производством атомного оружия было в руках последовательно Бернарда Баруха, Давида Лилиенталя и «адмирала» Люиса Штрауса. Дальнейшее развитие программы производства смертоносного оружия мирового масштаба в последние десятилетия держится в секрете, однако не существует сомнений в том, что оно продолжает оставаться в тех же руках. В частности, «отцом» последнего достижения в этой области — нейтронной бомбы, действующей только против живой силы и не разрушающей строений и оборудования, а также не заражающей местность — является американский физик из следующего еврейского поколения Самуил Т. Коган (Samuel T. Gohen), который в интервью с голландским телевидением в 1981 г. высказал убеждение, что атомная война «само собой разумеется» разыграется на территории Европы.

Руководителем программы атомных исследований в США в настоящее время (1985) является некий генерал-лейтенант Яков Абрамсон (James Abrahamson), ведающий также подготовкой лазерно-сателлитной защиты в мировом пространстве; дальнейших подробностей о нём пока неизвестно. В европейской и американской печати неоднократно сообщалось, что Израиль обладает в настоящее время по меньшей мере 200 атомных и водородных ракетных бомб. Опровержений этих сообщений сделано не было.

завершению или же провалу; великие нации Запада играют при этом роль его вооружённого эскорта, и, в случае его удачи, сами осуждены на величайшее унижение; они похожи на того, кто соглашается на предлагаемую ему работу при условии, что по мере преуспевания фирмы, его зарплата будет снижаться. На всех стадиях этой злополучной авантюры, посвящённые в неё всегда говорили об определённом плане, сознательно и целеустремлённо проводившемся в жизнь. Мы уже раньше цитировали слова правой руки Герцля на 6-ом сионистском конгрессе в 1903 году, Макса Нордау: „Я покажу вам теперь ступени лестницы, ведущей всё выше и выше… будущая мировая война и мирная конференция, на которой с помощью Англии будет создана свободная еврейская Палестина“. 25 лет спустя ведущий английский сионист, еврейский лорд Мельчетт, говорил в тех же тонах тайного высшего знания перед сионистами в Нью-Йорке: „Если бы я сказал вам в 1913 г.: „Приезжайте на конференцию для обсуждения создания в Палестине еврейского национального очага“ — вы сочли бы меня пустым мечтателем, тем более, если бы я сказал вам уже в том же 1913 году, что австрийский эрцгерцог будет убит и что из всего того, что за этим последует, вырастет конкретная возможность создать для евреев национальный очаг в Палестине. Не кажется ли вам странным, что из всего этого мирового кровавого хаоса выросла именно одна эта возможность? Неужели вы в самом деле думаете, что обратно в Израиль нас привела простая случайность?“ („Jewish Chronicle“ от 9 ноября 1928 г.)

Если в наши дни грянет третья мировая война, то и это не будет «простой случайностью»; весь ход событий ясно указывает на последовательность причин и следствий, как и на силу, стоящую за ними. Через 30 лет после цитированных выше многозначительных слов лорда Мельчетта, в феврале 1956 г., автору этих строк случилось быть в Южной Каролине, и только благодаря этой случайности и с помощью местного газетного листка ему удалось услышать комментарий к будущей третьей мировой войне, высказанный в том же тоне и явно внушённый с таких же олимпийских высот высшего знания. Сын Черчилля, Рандольф Черчилль, гостил там у закадычного друга своего отца, г-на Бернарда Баруха, в феодальном поместье последнего «Литл Хобкау», в Южной Каролине. Распрощавшись с «великим мира сего», Рандольф Черчилль поведал газетным корреспондентам (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс от 8 февраля 1956 г.), что «напряжённое положение на Ближнем Востоке может в любой момент перейти в вооружённый конфликт. Однако, я не думаю, чтобы человечество могло неожиданно, как бы споткнувшись, ввязаться в следующую мировую войну. …Третья мировая война, если она начнётся, будет не случайной, а трезво рассчитанной и заранее запланированной».

На фоне исполнения сионистских амбиций (платёж дани великими народами западного мира и «собирание» всех евреев мира в Израиле), новое государство не оставило сомнений в своём намерении восстановить «исторические границы», засвидетельствовав это словами и делами. Ни один из известных истории западных «поджигателей войны» никогда ещё не позволял себе подобных откровенностей. Бен Гурион заявил (согласно еврейской газете «Джуиш Геральд» в Иоганнесбурге, от 24 декабря 1952 г.), что Израиль «ни при каких условиях не позволит возвращения арабских эмигрантов» (т. е. коренных жителей страны, изгнанных из неё). Что же касается Иерусалима (который тогда ещё был поделён между евреями и Иорданией, в ожидании «интернационализации» под управлением ООН), то «для нас судьба этого города решена так же окончательно, как судьба Лондона, несмотря на его смехотворные границы; этот вопрос не может быть темой для переговоров». «Изгнанники» заграницей (разумеется не арабские, а еврейские) должны быть «собраны» в Израиле в количестве «четырёх миллионов иммигрантов в ближайшие 10 лет» (по словам министра иностранных дел Моше Шаретта, июнь 1952 г.), или, согласно тому же источнику, высказавшемуся в другое время, «в ближайшие десять-пятнадцать лет». На наших глазах потребовались две мировых войны, чтобы устроить «очаг» и затем «государство», и поселить в нём полтора миллиона евреев. Приведённые выше высказывания очевидно предвидят новую войну в ближайшие десятилетия, поскольку никакими иными путями не удастся «собрать» такое количество евреев из тех стран, в которых они сейчас проживают. Что же касается стоимости их переселения, то тот же Бен Гурион определил её суммой от 7 до 8 миллиардов долларов (по существующему курсу, что равняется всему государственному долгу Италии и впятеро превышает всю британскую государственную задолженность в 1914 году), добавив, что он «ожидает, что американское еврейство даст эти деньги». Поскольку и американское еврейство явно такой суммы собрать не сможет, то платить придётся налогоплательщикам западных стран.

Таким образом, всё что до сих пор заявлялось с еврейской стороны, было прямой угрозой войны всем арабским соседям, в особенности если это заявлялось такими лицами, как Менахем Бегин (что имело место неоднократно), лидер «активистской», группы сионистских убийц и террористов (недавний премьер-министр Израиля *прим. перев.*), осуществивших резню в Дейр-Ясине. В то время от них формально «отмежевались», однако в новом государстве их с почётом восстановили и они образовали

одну из крупнейших политических партий в израильском парламенте, партию Херут. У арабов, поэтому не могло быть сомнений в смысле угроз по их адресу, если они исходили от Бегина. Дадим типичный пример: в мае 1953 г. он пригрозил 18-летнему королю Иордании, в день коронации последнего, смертью в духе Второзакония (управлявшего и резнёй в Дейр-Ясине). Выступая на массовом митинге в еврейской части Иерусалима, в непосредственной близости от иорданской границы, Бегин заявил: «В этот час происходит коронация молодого араба королём Гилеада, Васана, Наблуса, Иерихона и Иерусалима. Пора сказать ему и его хозяевам: мы скоро вернёмся, и город Давида будет освобождён». Западным читателям кое-что в этом заявлении останется непонятным, однако каждый еврей и каждый араб знают о чём идёт речь, а именно о стихе в 3-ей главе Второзакония: «… И выступил против нас царь Васанский… и сказал мне Господь: не бойся его; ибо Я отдам в руку твою его, и весь народ его, и всю землю его… и предал Господь, Бог наш в руки наши и Ога, царя Васанского и весь народ его; и мы поразили его, так что никого не осталось у него в живых… и мы предали их заклятию (т. е. полностью истребили — *прим. перев.*) …предав заклятию всякий город с мужчинами, женщинами и детьми». Эти слова грозили смертью ордам арабских беженцев, скопившимся за пределами границ Израиля. Согласно отчёту Генри Р. Лабуисса, директора Агентства ООН по труду и помощи в Палестине, к апрелю 1956 г. число беженцев превысило 900 000 чел.: 499 000 в Иордании, 88 000 в Сирии, 103 000 в Ливане и 215 000 в Египте (район Газы). Угрозы Бегина держали их в постоянном страхе перед новым бегством, возможно лишь только попытке к бегству, в ещё более отдалённую и негостеприимную пустыню. После этого слово было подкреплено делом: местные рейды через границу и резня повторялись систематически, чтобы показать арабам, что судьба Дейр-Ясина постигнет и их. 14 октября 1953 г. большой отряд неожиданно перешёл иорданскую границу и разрушил до основания арабскую деревню Кибия, вырезав население до последнего человека: было найдено 66 трупов, в большинстве женщин и детей, выводы из чего полумиллионному населению арабских беженцев в Иордании предлагалось делать самому. Архиепископ Иоркский (Англия) заявил, что культурный мир «в ужасе» от того, что «еврейские голоса в Нью-Йорке оказывают парализующее действие на ООН в палестинском вопросе», и что, если не будут приняты решительные меры, то «на Ближнем Востоке вспыхнет пожар». Комитет еврейских депутатов в лондонской Палате общин, разумеется, тотчас же заклеймил заявление архиепископа, как «провокационное и одностороннее»; мэр Нью-Йорка, некий Роберт Вагнер, поторопился заявить, что он «шокирован» и что «архиепископ по-видимому незнаком с американской политической обстановкой». Организация «объединённых наций» ограничилась мягким упрёком по адресу Израиля.

28 февраля 1955 г. сильный израильский отряд вторгся в район Газы («присуждённый» арабам Объединёнными Нациями в 1949 г. и находившийся под египетским военным управлением), где прозябали 215 000 арабских беженцев, «в крайней нищете, на узкой полосе голого побережья, две трети которого составляли песчаные дюны» (сэр Томас Рапп, в журнале «Листенер», 6 марта 1955 г.). Было убито 39 египетских солдат и неизвестное число арабских беженцев; в знак отчаянного протеста эти последние затем сожгли 5 пунктов помощи ООН, лишив таким образом самих себя своего тощего пайка. Смешанная комиссия по перемирию выразила Израилю порицание за «грубую агрессию» и «преднамеренное и запланированное нападение». Эта смешанная комиссия состояла во всех случаях из представителей Израиля и арабской соседней страны, и также представителя ООН, чей голос оказывался решающим при установлении виновной стороны. Во всех без исключения случаях решения выносились против Израиля, пока, как в своё время в отношении британских администраторов в Палестине между 1917 и 1948 гг., не начало оказываться «давление» на правительства соответственных представителей в комиссии с требованиями замены тех из них, кто обнаруживал беспристрастность. Были отозваны два американских представителя, вынесших в подобных случаях решения не в пользу Израиля. Вполне понятно, что все эти представители, независимо от их национальности, не забыли о судьбе, постигшей графа Бернадотта и многих других, что не могло не отзываться на их деятельности. Следует отметить, что, как и прежних британских администраторов, их не удалось ни запугать, ни подчинить, чем вновь обнаружился разительный контраст между поведением стоявших под угрозой работников на местах и их правительств в далёких от места событий западных столицах. Дело об израильской агрессии было в данном случае передано на рассмотрение Совета безопасности ООН, который единодушными голосами делегатов 11 стран выразил порицание Израилю. Делегат США отметил, что речь шла уже о четвёртом аналогичном случае, «наиболее серьёзном из всех ввиду его явной преднамеренности». Французский делегат заявил, что принятое решение должно послужить «последним предостережением» Израилю (что не помешало французскому правительству присоединиться к нападению Израиля на Египет полтора года спустя).

8 июня 1955 г. смешанная комиссия вновь вынесла порицание Израилю за новое «вопиющее нарушение перемирия» после того, как израильские силы опять вторглись в Газу, убив несколько египтян. Единственным видимым результатом этого порицания было то, что еврейские агрессоры, прежде чем снова напасть на Газу («Тайм», сентябрь 1955 г.), причём было убито 35 египтян, арестовали 6 военных наблюдателей ООН и троих других служащих главного наблюдателя ООН за перемирием, канадского генерал-майора Э.Л. М. Бёрнса. В том же сентябре 1955 г. Бен Гурион заявил в газетном интервью, что если не прекратится блокада израильского порта Эйлат в заливе Акаба, то он начнёт выступление на Египет, «не позже года от этого дня (наступление было начато в октябре 1956 г.). Что-то по-видимому мешало „совету безопасности" занять твёрдую позицию по воплощению к новому нападению на невооружённых арабских беженцев в Газе (начиналась очередная американская президентская кампания), и он лишь предложил, чтобы израильские и египетские силы отошли на полкилометра друг от друга, создав между собой демилитаризированную зону, — предложение, уже ранее сделанное Египтом, но безрезультатно. 23 октября 1955 г. генерал Бёрнс опубликовал „осуждение Израиля" за „тщательно подготовленное нападение" на Сирию, при котором было похищено несколько сирийских граждан, а наблюдатели генерала Бёрнса были лишены возможности следить за событиями, будучи вновь арестованными. 27 октября израильский министр иностранных дел Моше Шаретт заявил корреспондентам печати в Женеве, что в случае необходимости Израиль начнёт против арабов „превентивную войну". 28 ноября Американская сионистская организация выступила во всех крупных газетах с оплаченным заявлением на целую страницу, что „Англия также присоединилась к лагерю врагов Израиля"; недовольство евреев было вызвано тем, что сэру Антони Идену, который всего год спустя присоединился к израильскому нападению на Египет, в этот момент пришла в голову мысль о незначительных „исправлениях" израильской границы.

11 декабря 1955 г. Израиль напал на Сирию крупными силами; было убито 56 сирийцев. Результатом явилось самое энергичное до тех пор «осуждение» Израиля со стороны ООН, что представляет некоторый интерес, поскольку как раз начался год президентских выборов в США, и всякие «осуждения» евреев по какому-то ни было поводу скоро стали весьма непопулярными. Сирийский делегат в ООН указал, что неоднократные осуждения «не помешали Израилю совершить преступное нападение, которое мы сейчас обсуждаем». 13 января 1956 г., Совет безопасности припомнил четыре прежних акта агрессии, осудив израильское нападение, как «вопиющее нарушение… условий соглашения о всеобщем перемирии между Израилем и Сирией, как и обязательств Израиля, принятых им на себя согласно хартии ООН», собравшись «рассмотреть дальнейшие мероприятия», если Израиль не изменит своего поведения. Ответом было повелительное требование Израиля о дальнейших поставках ему вооружения. Бен Гурион заявил 18 марта 1956 г. в Тель-Авиве, что только быстрая доставка оружия сможет предотвратить «арабское нападение», причём, как он добавил, «агрессорами будут египетский диктатор Нассер» — напомним, что за семь месяцев до того тот же Бен Гурион пригрозил Египту нападением «не позднее года» — «с его союзниками, Сирией и Саудовской Аравией». 5 апреля 1956 г., как раз когда Совет безопасности ООН собирался послать своего генерального секретаря, Дага Хаммаршельда, с «миссией мира» на Ближний Восток, израильская артиллерия открыла огонь по району Газы, убив 42 и ранив 103 гражданских арабов, половину из них женщин и детей. 19 июня 1956. Бен Гурион заменил Моше Шаретта на посту министра иностранных дел Гольдой Меир (бывшей Мейерсон, также, разумеется, из России), после чего «Нью-Йорк Таймс» многозначительно сообщил, что это могло означать поворот от «умеренности» к «активизму», из чего можно было заключить, что Шаретта, как в своё время и Вейцмана и самого Герцля, упрекнули в «умеренности». Похоже, что имело место повторение положения на сионистском конгрессе 1946 года, на котором Хаим Вейцман потерпел поражение, и вынужден был уступить место оголтелому «активизму», охарактеризованному им самим, как «древнее зло под новой, ещё более отвратительной личиной». Начиная с лет революционного террора в России, «активизм» служил обозначением для голого насилия, как метода революции, в форме террора и убийства. Как только это слово появилось на страницах печати, для внимательного исследователя сионизма не могло оставаться сомнений, что ожидало весь мир ещё до окончания текущего года. 24 июня 1956 г. Израиль открыл артиллерийский обстрел Иордании через границу, после чего смешанная комиссия вынесла ему порицание. После этого Израиль потребовал убрать представителя ООН из комиссии, голос которого оказался решающим; генерал Бёрнс подчинился, заменив американского морского офицера, капитана 2 ранга Террилля, канадским офицером. Наблюдатели ООН оказались в положении, аналогичном положению британских администраторов в Палестине в межвоенный период: они не могли рассчитывать на поддержку со стороны своего же правительства, действовавшего по указке внешних сил. Перед их глазами стояло

постоянное напоминание (посёлок имени Уингейта в Израиле), что чины и награды даются в Палестине не за выполнение долга, а за предательство. Совершенно также и другой американский наблюдатель, капитан 2 ранга Э. Г. Хатчисон, проголосовавший в комиссии против осуждения Иордании, был убран после того, как Израиль объявил бойкот комиссии. По возвращении в США он опубликовал книгу о положении дел на Ближнем Востоке, сохранившую свою ценность как исторический источник до настоящего времени. Подобно всем честным людям до него, он писал, что единственным выходом из создавшегося тупика могло быть только право арабов вернуться на родную землю, признание что демаркационная линия перемирия 1949 года была не окончательной границей, но лишь временной, и интернационализация Иерусалима, чтобы не допустить превращения его в объект мировой войны. 24 июля 1956 г. два военных наблюдателя ООН и иорданский офицер из смешанной комиссии подорвались иа минах на горе Скопус, по вежливому объяснению с сионистской стороны, якобы на «прежнем израильском минном поле». В Египте два полковника, по утверждениям сионистов якобы работавших в египетской разведывательной службе, были убиты взрывом зарядов в письмах, доставленных им по почте (за десятилетие до того тот же метод был применён против английского офицера, капитана Роя Фаррана в Англии, служившего ранее в британской контрразведке в Палестине и заслужившего нерасположение сионистов; его брат, имя которого также начиналось с буквы «Р», открыл пакет и был убит на месте). 29 июля 1956 г. датский офицер-наблюдатель ООН за перемирием погиб в результате взрыва мины или бомбы недалеко от полосы Газа, а двое других наблюдателей были ранены оружейным огнём. «Активизм» брал свою дань прежними методами террора и убийств.

28 августа 1956 г. Израиль был вновь обвинён смешанной комиссией в «серьёзном нарушении перемирия». За этим обвинением последовало новое израильское нападение 12 сентября, когда крупные силы вторглись в Иорданию, убили около двадцати иорданских солдат и взорвали полицейский пост в Рахоу. Генерал Бёрнс заявил очередной протест, указав, что подобные акты «были неоднократно осуждены Советом безопасности ООН», в ответ на что новые еврейские части произвели нападение на Иорданию, убив от 20 до 30 иорданцев в Гарандае. Британский Форин Оффис (у Англии был союзный договор с Иорданией) выразил своё «сильнейшее неодобрение», после чего комитет еврейских депутатов в Палате общин ополчился на министерство за его «пристрастное заявление». 19 сентября смешанная комиссия вновь «осудила» Израиль за «враждебные и воинственные действия» (оба нападения явно должны были иметь символическое значение, ибо были совершены в период еврейского Нового года), а 26 сентября комиссия выразила «порицание» Израилю за нападение 12 числа. Немедленным ответом на это очередное «порицание» было официальное объявление в Иерусалиме в тот же день (26 сентября) о произведённом крупными силами регулярной израильской армии самом большом нападении до того времени на иорданский пост в Гусане, где были убиты 25 иорданцев, в их числе 12-летний ребёнок. Смешанная комиссия реагировала 4 октября своим сильнейшим «порицанием» за «подготовленную неспровоцированную агрессию».

Ответом было новое, ещё более сильное нападение 10 октября, поддержанное артиллерийским огнём, с применением реактивных снарядов, летающих торпед и гранатомётов. Наблюдатели ООН обнаружили после нападения трупы 48 арабов, в их числе женщины и ребёнка. В нападении приняли участие танковый батальон и 10 реактивных самолётов; английское правительство вынуждено было заявить, что если его союзник, Иордания, подвергнется нападению, то Англия выполнит свои союзные обязательства. Израильское правительство сообщило о получении этого предупреждения «с тревогой и удивлением». Следует отметить, что с самого начала года президентской кампании все ведущие американские газеты и большинство английских характеризовали все израильские нападения, как «ответные» или как «возмездие», т. ч. с помощью пропагандной машины жертвы каждый раз превращались сами в агрессоров. В своём отчёте о последнем нападении, генерал Бёрнс сообщил в ООН, что Израиль «парализовал весь аппарат расследований» своим бойкотом смешанной комиссии во всех случаях, когда она голосовала против него, добавив: «В настоящее время создалось положение, при котором одна из сторон заключённого перемирия проводит свои собственные расследования, не допуская ни проверки, ни подтверждения со стороны незаинтересованных наблюдателей, опубликовывает результаты своих расследований, делает свои собственные выводы и предпринимает на основании последних военные действия». Американская и английская печать переняв израильский термин «возмездия» и «ответного нападения», в течение всего этого времени сообщала общественности обоих государств ложную картину происходившего, в полном согласии с сионистами.

Израильское нападение 26 сентября было последним в серии агрессивных действий, заполнивших период 1953-56 гг.; следующим было открытие военных действий в полном смысле слова. Автор составил список упомянутых рейдов, нападений и резни, чтобы дать читателю истинную картину

Ближнего Востока осенью 1956 г., когда Бен Гурион заявил, что Израиль «беззащитен», а политики в Вашингтоне и Лондоне соревновались друг с другом, требуя снабжения Израиля оружием для предотвращения «арабской агрессии». Если бы вся груда резолюций, накопившихся к тому времени в ООН и «осуждавших» Израиль за «неспровоцированную агрессию», «вопиющее нарушение» и т. п., имела хоть какое-нибудь значение, то это последнее нападение, официально объявленное в момент его совершения и брошенное в лицо последнему «осуждению», должно было наконец вызвать какие-то действия ООН против Израиля или же открытое признание того, что Израиль является хозяином ООН. Выхода из этой дилеммы искать не пришлось, поскольку прежде чем жалоба Иордании смогла быть рассмотрена Советом безопасности, началась война Израиля против Египта. Автор так и не смог, несмотря на все свои старания, выяснить, что сталось с этой жалобой, исчезнувшей с глаз в ходе немедленно последовавших событий; насколько мы могли установить, возможно что состоялось «осуждение» нападения на Иорданию в тот самый момент, когда развивалось израильское наступление на Египет. Кто имел уши, мог услышать объявление этого наступления ещё за месяц до того, когда Менахем Бегин, выступая в Тель-Авиве «потребовал немедленного израильского наступления на Египет» («Дейли Телеграф», 26 сентября 1956 г.). Бегин был рупором «активизма», и с того момента, как он это сказал, внимательные наблюдатели за развитием событий на Ближнем Востоке знали, что будет следующим шагом: сионистское наступление и вторжение большого масштаба в Египет.

Рассказанная выше история показывает, что к моменту израильского наступления ни одному внимательному наблюдателю не могло прийти в голову, что Объединённые Нации смогут сделать что-либо помимо словесного осуждения. Сионисты выбрали момент для начала ближневосточной войны, когда по их расчётам непосредственно предстоявшее голосование за кандидатуру президента в США парализует любое решительное действие против них. Для автора было ясным, что Запад и на этот раз подчинится сионизму, в той или иной форме. Чего даже автор не мог предполагать, это то, что его собственное государство, Великобритания, примет участие в израильском наступлении. Эта последняя и величайшая из целой серии роковых ошибок, в которые английский народ был заведён своими руководителями, как последствие их первоначального соглашения с сионизмом в 1903 году, легла чёрной тенью над Англией и над всем Западом на весь остаток нашего столетия, именно в момент появления некоего просветления на горизонте; как если бы неожиданное затмение солнца опрокинуло все расчёты у астрономов. В этих последних событиях «непреодолимое давление» на «международную политику в западных столицах привело к результатам, полное значение которых станет ясным лишь по прошествии многих лет. Последняя часть настоящей главы должна, поэтому, снова быть посвящена анализу действий этого „непреодолимого давления“ за кулисами западной политики, на этот раз в период нарастания кризиса и приближения к его кульминационному пункту в годы 1953-56. К концу этого периода оба чудовищных сиамских близнеца из грязных местечек за чертой оседлости в России, выпущенные талмудистами на христианскую Европу в конце прошлого столетия, исчерпали свои силы. Осенью 1956 года действия „Запада“ дали обоим передышку для подготовки новых катастроф и разрушений.

3. *Кульминационные годы.* В годы 1952-56 народы Запада шли всё дальше по пути к расплате за поддержку революции и сионизма, которую их политические руководители оказывали этим двум силам на протяжении двух поколений и в ходе двух мировых войн. Их систематически втягивали в две новых войны, которые, как это видно уже сейчас, сольются в одну, служащую одной, довлеющей над всем остальным цели. С одной стороны, их политики и партии впрягли их в телегу сионистского государства, официально объявившего своей целью увеличение своего населения на «три или четыре миллиона» в течение «десяти-пятнадцати лет»; это означало войну против мусульманского мира. С другой стороны, их неустанно приучали к мысли, что их долгом и судьбой является уничтожение коммунизма, залившего пол Европы после того, как Запад открыл ему шлюзы; это также означало войну.

Эти обе войны неизбежно должны слиться в одну, и рассчитать это не представляет труда. Территория для экспансии сионистского государства может быть получена только путём захвата её у соседних арабских стран; население для расширения сионистского государства может прибыть только из районов, захваченных коммунистической революцией, поскольку «три или четыре миллиона» евреев получить неоткуда, кроме как разве из Соединённых Штатов, откуда они в настоящее время переселяться не собираются. Хотя «исход» евреев из США и представляется необходимым для «собирания изгнанников», но, судя по всему, ему будет предоставлена роль заключительного процесса, в зависимости от успеха его следующей стадии — «собирания» евреев из СССР и африканских арабских государств. После этого, как бы это ни показалось в настоящий момент странным для

американцев и англичан, будет инсценировано «преследование евреев» в Америке, с применением тех же методов, как это всегда имело место в одном государстве за другим: в России, Польше, Германии, Франции, Испании и Англии. Глава Всемирной сионистской организации, Наум Гольдман, заявил перед еврейской аудиторией в октябре 1952 года, что для полного успеха сионизма необходимо разрешить один трудный вопрос: «Как заполучить евреев из тех стран, в которых их не преследуют, для иммиграции в Израиль?» Гольдман добавил, что эта проблема особенно сложна в Америке, поскольку в Соединённых Штатах евреев меньше преследуют и возникновение их преследования там менее возможно, чем в любой иной стране» (см. газету «Зионист Рекорд», Иоганнесбург, 24 окт. 1952 г.). Читатель заметит, что не существует стран без «преследования евреев», есть только разные степени этого «преследования» в различных странах.

Для разрешения этого «трудного вопроса» в той фазе его решения, которая началась в 1952 году, западную общественность начнут убеждать, что «антисемитизм» уже созрел и свирепствует во всей советизированной восточной Европе, — как в последующие 4 года её уговорили, что сионистские нападения на арабские страны были в действительности нападениями арабов на Израиль. 8 декабря 1951 года Бен Гурион официально уведомил советское правительство, что «возвращение евреев на их историческую родину является центральной задачей государства Израиль… израильское правительство призывает поэтому Советский Союз разрешить выезд тем евреям, которые желают эмигрировать». Два года спустя газета «Нью-Йорк Таймс», комментируя сокращающуюся иммиграцию в Израиль, отмечала, что достижение целей Бен Гуриона «представляется весьма отдалённым», добавляя, что «настоящий характер иммиграции» смог бы радикально измениться только в случае «нового взрыва антисемитизма» где бы то ни было; заметим, что как-раз в этот период (июнь 1953 г.) началась газетная кампания против «антисемитизма за железным занавесом». Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» писала уже 12 апреля. 1953 г., что «антисемитизм» в СССР возродился и что «решающей задачей» для Израиля на шестом году его существования является спасение двух с половиной миллионов евреев, запертых в России и в странах-сателлитах». В свете двух мировых войн и результатов каждой из них представляется ясным, что любая война «Запада» против «коммунизма» фактически будет вестись с главной целью снабжения сионистского государства новыми переселенцами из России; и что любая ближневосточная война, в которую окажется втянутым «Запад», будет вестись с главной целью расширения территории сионистского государства для размещения этого выросшего населения; и что эти обе войны фактически сольются в одну, на протяжении которой обе упомянутые главные цели каждой из них будут скрыты от воюющих народных масс до тех пор, пока они не будут полностью достигнуты и не будут, по окончании военных действий, подтверждены и закреплены каким-либо новым инструментом «мирового правительства».

Таково было положение «Запада» через полвека после того, как г-да Бальфур и Вильсон впервые попались в ловушку сионизма. Есть полное основание ставить слово «Запад» в кавычки, поскольку оно давно уже потеряло своё первоначальное значение. Когда-то под ним понималась христианская Европа от её восточной границы на Урале, через Атлантический океан, до восточного побережья Америки, включая страны английского языка в северной Америке, Африке и Австралии. (Прим. перев.: Автор забывает о приобщённых к христианской культуре странах испанского и португальского языков центральной и южной Америки). После второй мировой войны, когда половину Европы отдали во власть талмудистской революции, этот термин получил более ограниченное значение. В представлении общественности, под «Западом» понимались Англия и Америка, противостоявшие новому большевистскому варварству, которое они призваны были в один прекрасный день оттеснить из Европы на его варварскую, азиатскую родину. Америка и Англия, в первую очередь и главным образом, символизировали «свободный мир», который должен был быть когда-то восстановлен в его прежних границах, а с ним, как и в прежние времена, надежды тех людей за его пределами, которые хотели свободы; так, по крайней мере, думали миллионы простых людей.

С военной точки зрения, такие ожидания были вполне оправданы; материальная мощь «Запада», поддержанная чаяниями порабощённых народов на востоке Европы была более, чем достаточной для их исполнения. Фактически, однако, те самые великие державы, к которым обращали свои взоры порабощённые нации, давно уже сами были пленниками той же силы, которая принесла это порабощение; и дважды в истории ваших поколений они показали, что их вооружённая мощь, будь она приведена в действие, способствует не освобождению и восстановлению правовых принципов, но лишь продолжению бедствий 20-го столетия. В силу всего этого Америка вовсе не заслужила того, чтобы принять от Англии, во второй половине нашего века, её ведущую роль в мировой политике и выполнить задачу освобождения, чего от неё ожидали обманутые пропагандой народные массы. В материальном

отношении эта заокеанская республика, основанная 200 лет тому назад, процветала. Богатства всего мира текли в неё во время двух мировых войн; её население быстро росло, превысив 200 миллионов; её военный потенциал, авиация были сильнейшими в мире и, как и её армия, подчинялись порядку и дисциплине, которые её народ когда-то считал проклятием Европы. В промышленности и технологии её достижения были столь велики, что сплошь и рядом превращались в кошмар; её товарная продукция была столь необозрима, что страна не в состоянии была её потребить, а страшные воспоминания о кризисе 1929 года толкали её политических вождей на изобретение всё новых методов распределения товаров во всём мире путём подарков и займов, оплачивая всё это из государственной казны, т. ч. долгое время предприниматели и рабочие получали плату за продукцию, для которой в мирное время не существовало естественных рынков сбыта. Её военные базы, расположенные на территории когда-то суверенных народов, были разбросаны по всему миру, т. ч. она в любую минуту могла нанести сокрушительный удар… кому и ради каких целей?

«Коммунизму» — говорилось простым людям, и ради освобождения порабощённых народов, ради освобождения всего мира от угрозы, ради исправления злых дел 1945 года. Если бы это было правдой, то можно было бы по крайней мере надеяться на окончание в один прекрасный день бедствий нашего столетия, поскольку мысли и сердца всех людей во всём мире всегда только этого и ждали и на это надеялись. Однако все значительные политические шаги правительства в Вашингтоне в годы 1952-56 шли вразрез с этими заверениями. Похоже было, что оно находилось в ещё большем рабстве «еврейской силы», чем даже английские правительства на протяжении предыдущих 50 лет. Похоже, что оно не в состоянии было подойти ни к одному важному вопросу американской внешней политики, кроме как с точки зрения «а как это для евреев?», причём то, как это было «для евреев» диктовало ему повелительное сионистское руководство. Ни одно когда-либо существовавшее в истории марионеточное правительство не было в своих действиях более вассальным и зависимым, чем это правительство, которое множеством людей считалось самым мощным правительством в мире: а именно, правительство Соединённых Штатов Америки под руководством президента Эйзенхауэра в годы 1953-56.

Подобно тени всемогущего канцлера при рождении наследника престола, тень сионизма лежала на выборе кандидатуры, назначении кандидатом и избрании президентом генерала Эйзенхауэра. Одна лишь его стремительная военная карьера, подобно комете на небосклоне, в годы 1939-45 — из никому неизвестных подполковников без малейшего опыта в боевом командовании в верховные главнокомандующие всех союзных армий, вторгающихся на европейский континент, — заставляет предполагать, что его наметили к выдвижению задолго до того, и это вполне подтверждается нашими историческими изысканиями. В 20-е годы молодой лейтенант Эйзенхауэр проходил курс наук в Национальном Военном колледже в Вашингтоне, где в числе прочих, преподавал и некий г. Бернард Барух, сыгравший, как известно, важную роль при выборе кандидатуры, назначении кандидатом и избрании президента Вудро Вильсона в 1911-12 гг. Уже в этот ранний период г. Барух явно решил, что способности лейтенанта Эйзенхауэра заслуживают поощрения, и 30 лет спустя, по своём избрании в президенты, генерал Эйзенхауэр («пятизвездный» генерал в США соответствует европейскому чину генерал-фельдмаршала — *прим. перев.*) заявил перед собранием ветеранов войны, что в течение четверти века он «имел счастье сидеть у ног Бернарда и внимать его словам». В первые же месяцы своего президентства благодарный Эйзенхауэр разрешил в пользу Баруха небольшой спор в Национальном Военном колледже, где кое-кто протестовал против установления в помещении колледжа бюста Баруха, преподнесённого его поклонниками, на том основании, что никогда ещё в стенах этого офицерского училища не стояло бюстов гражданских лиц, тем более при их жизни.

Вполне вероятно, поэтому, что поддержка «советника шести президентов» немало способствовала быстрому продвижению лейтенанта Эйзенхауэра вплоть до должности главнокомандующего величайшей армии в человеческой истории. Официально известна также поддержка г. Баруха генералу Эйзенхауэру, когда тот (до тех пор не состоявший и не бывший в связи ни с какой из американских политических партий) предложил свою кандидатуру для выборов в 1952 году от республиканской партии. Вплоть до этого момента г. Барух был, по словам его собственного биографа «преданным членом демократической партии, не просто обычным демократом, но ярым приверженцем партийного знамени и почти фанатичным ненавистником республиканского». В 1952 году Барух неожиданно превратился в ярого приверженца республиканского знамени при условии, что нести его будет Эйзенхауэр. Для столь внезапной перемены партийной принадлежности явно должны были быть серьёзные причины, и стоит заняться их поисками.

В 1952 году республиканская партия уже 20 лет подряд не находилась у власти. Согласно одной

лишь теории маятника, подошло время этой партии вернуться к власти, вытеснив демократов, «ярым приверженцем» которых г. Барух был в течение добрых 50 лет. Помимо обычного поворота от прилива к отливу у партии, слишком долгое время стоявшей у власти, у американских избирателей были в 1952 г. ещё особые причины голосовать против демократов; главной из них было разоблачение коммунистического шпионажа и проникновения коммунистов в правительство в эру Рузвельта и Трумана, и общественность настоятельно требовала очистки Авгиевых конюшен правительственного аппарата. В этих условиях было довольно ясно, что в 1952 г. на выборах победят республиканцы и их кандидат. Естественным кандидатом был лидер республиканской партии, сенатор Роберт Тафт, отдавший ей всю свою жизнь. Однако, как-раз в это время г. Барух, также отдавший полвека своей жизни партийной политике, только в пользу демократов, и «фанатично ненавидевший» республиканцев (его денежные пожертвования в пользу демократов также были весьма существенны, а в дневнике министра обороны Форрестола отмечалось, какую роль играли эти пожертвования при определении курса американских выборов и государственной политики), неожиданно выставил другого кандидата для республиканцев. На сцене вдруг появился генерал, которого Барух так долго протежировал, и горячая рекомендация «советника шести президентов» показывала, какие силы сгруппировались вокруг нового претендента на высший пост в стране. Для знатоков политической сцены Америки было ясно, что если республиканская партия выдвинет кандидатом Эйзенхауэра вместо Тафта, то республиканцы пойдут за ним по дорожке демократической политики «интернационализма», начатой ещё президентом Вильсоном, Рузвельтом и Труманом. А это в свою очередь означало, что если лидера республиканской партии, т. е. сенатора Тафта, удастся выжить, то американские избиратели фактически будут лишены настоящего политического выбора; единственным кандидатом, который мог предложить им политическую альтернативу к «интернационализму» демократов, был именно сенатор Тафт. Для посвящённых всё это было достаточно ясным уже за год до выборов, когда второй за Тафтом лидер республиканцев, губернатор штата Нью-Йорк, Томас Дьюи — довольно неожиданно проигравший президентскую кампанию против Трумана в 1948 году, благодаря своей глупой политике «и я тоже», в смысле поддержки сионизма — заявил в интервью с журналом «Look» (11 сентября 1951 г.): «Я — интернационалист, поэтому я за Эйзенхауэра. Эйзенхауэр сердцем — республиканец, но что ещё важнее, он — интернационалист». В кругах посвящённых слово «интернационалист» (подобно «активизму» среди сионистов) является ключевым термином, обозначающим многое, о чём открыто не говорят; так например, в нашем столетии ни один «интернационалист» на ведущем посту никогда не выступал всерьёз против наступления коммунизма, наступления сионизма или против проектов мирового правительства, которые также преследуются этими обеими разрушительными силами. На сенатора Тафта, наоборот, в эти годы велись ожесточённые нападки, как на изоляциониста»: это — также ключевое слово и оно означает всего лишь, что объект нападок исповедует принципы национального суверенитета и национальных интересов, однако пропаганда придала этому эпитету в ушах широких масс порочащий смысл.

Так Эйзенхауэр сам предложил себя республиканской партии в качестве кандидата в президенты в оппозиции к лидеру партии; это произошло на республиканском партийном конвенте в Чикаго в 1952 году, что автор этих строк наблюдал по телевидению и, хотя не новичок в этих делах, он был удивлён, с какой лёгкостью было аранжировано поражение сенатора Тафта. (Прим. перев.: Европейские газеты писали в эти дни, что покупка голосов в пользу Эйзенхауэра на Республиканском конвенте производилась «оптом и в розницу», причём не в переносном, а в буквальном, денежном смысле.) Задолго до президентских выборов, это событие показало, что механика выдвижения кандидатов к тому времени была уже настолько отработана, что ни та, ни другая партия не могли даже выставить ни одной кандидатуры, кроме получивших одобрение могущественной закулисной клики. Исход президентских выборов в этих условиях теряет в современной Америке всякое значение, и трудно представить себе, как эта заокеанская республика могла бы отделаться от этого тайного контроля, превращающего само понятие «демократии» в глупый фарс. Ни одна партия не может выдвинуть в кандидаты даже своего признанного лидера или любое иное лицо, если они заранее не будут утверждены «интернационалистами» — единственными, кто делает настоящий выбор за сценой, хотя он и имеет мало общего с интересами страны и ещё менее с «демократией».

Отстранение заслуженного лидера республиканской партии накануне её возвращения к власти было достигнуто путём контроля над голосами «ключевых штатов». На партийных конвентах, где выдвигается кандидат в президенты, делегации отдельных штатов располагают числом голосов в зависимости от населения данного штата, и по крайней мере в два из таких важнейших штатов, а именно в Нью-Йорк и в Калифорнию, за последние 70 лет (написано в 1955 г. — *прим. перев.*)

преимущественно направлялся поток еврейской иммиграции. Это имеет существенное значение в избирательной стратегии, в своё время предложенной «полковником» Хаузом, но вероятно не им самим выдуманной. Каким путём здесь бросаются палки в колёса с еврейской стороны, было нами уже многократно показано на основании многочисленных заявлений осведомлённых источников (министр обороны Джеймс Форрестол: «Наш отказ поддержать сионистов может потерять для нас штаты Нью-Йорк, Пенсильвания и Калифорния; однако, мне кажется, что пришло время подумать о том, не потеряем ли мы Соединённые Штаты»; государственный секретарь Джеймс Бёрнс: «Найлс сообщил президенту (Труману), что Дьюи собирается выступить с заявлением в пользу сионистских позиций, и что если президент (Труман) не упредит его в этом, то штат Нью-Йорк окажется для демократов потерянным»; губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи: «Демократическая партия не откажется от преимуществ, которые дают ей еврейские голоса»). В 1952 году, когда автор следил за всеми этими событиями, голоса на республиканском конвенте поначалу разделялись более или менее поровну между обоими кандидатами, пока вдруг Дьюи с приятной улыбкой не подал все голоса своего штата Нью-Йорк против лидера своей партии и в пользу г-на Эйзенхауэра. Прочие «ключевые штаты» последовали тому же примеру, и он оказался выдвинутым в кандидаты, что в тех условиях было равносильно избранию в президенты.

Как уже отмечалось нами, всё это фактически означает бесславный конец настоящей двухпартийной системы в Америке наших дней; система выборных представителей народа, известная под именем «демократии», опускается до уровня однопартийной системы тоталитарных государств, если две партии существуют только по названию, но не дают возможности действительного выбора между двумя отличными друг от друга политическими курсами. На пороге американских выборов в 1952 году израильская газета «Jerusalem Post» поучала своих еврейских читателей в Америке (в номере от 5 ноября 1952 г.), что «особенно выбирать между обоими (речь шла о „республиканце“ Эйзенхауэре и „демократе“ Стивенсоне) с точки зрения еврейского избирателя не приходится и что внимание этих последних должно быть сконцентрировано на „дальнейшей судьбе“ тех конгрессменов и сенаторов, которые считались „враждебными еврейскому делу“.

Немедленно после вступления в должность нового президента в январе 1953 года, британский премьер сэр Уинстон Черчилль поспешил в Америку для совещания с ним, однако отнюдь не в Вашингтон, где полагается пребывать президентам США: Эйзенхауэр предложил «встретиться на квартире у Берни», т. е. в особняке г-на Бернарда Баруха на Пятой Авеню в Нью-Йорке (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс от 7 февраля 1953 г.). Барух в то время настоятельно продвигал свой «план атомной бомбы в качестве единственной надёжной защиты от „советской агрессии“ (в главе 44 мы цитировали его тогдашние предложения в Сенатской комиссии об установлении фактически единоличной власти президента в вопросах вооружений, мобилизации, контроля цен и продукции). Как также уже упоминалось, он не питал, однако, ни особой вражды к Советам, ни особых подозрении против них, поскольку лишь немного лет спустя он подтвердил, что и план совместной советско-американской атомной диктатуры над всем остальным миром казался ему вполне приемлемым: „Несколько лет тому назад я встретил на одном из вечеров Вышинского и сказал ему: Мы с Вами оба — дураки. У вас есть бомба, и у нас есть бомба. Давайте возьмём это дело под наш контроль, пока ещё есть время, потому что, пока мы заняты болтовнёй, все другие тоже рано или поздно раздобудут себе эту бомбу“ („Дейли Телеграф“, 9 июня 1956 г.).

Избрание президентом генерала Эйзенхауэра, как кандидата республиканской партии, лишило Америку последней возможности избавиться путём демократических выборов от политики «интернационализма» Вильсона — Рузвельта — Трумана. Сенатор Тафт был единственным ведущим политиком в стране, который в представлении избирателей твёрдо стоял за отказ от этой политики, и очевидно именно по этой причине силы, фактически правившие Америкой за последние 40 лет, придавали столь важное значение отстранению его от выдвижения в президентские кандидаты. Выдержки из его книги, написанной в 1952 году, сохраняют своё историческое значение, показывая что могло бы иметь место, будь республиканским избирателям дана возможность проголосовать за лидера своей партии:

«Результатом политики правительства (Рузвельта — Трумана) было усиление мощи советской России до таких пределов, когда она фактически стала угрозой безопасности Соединённых Штатов… Советская Россия — гораздо большая угроза безопасности Соединённых Штатов, чем ей когда-либо мог быть Гитлер в Германии… Не может быть сомнений в том, что наш военный флот — сильнейший в мире, и что в союзе с Англией мы господствуем на морях всего мира… Мы должны быть готовы оказать помощь нашими собственными флотом и авиацией всем островным народам, желающим этой

помощи, среди них Японии, Формозе, Филиппинам, Индонезии, Австралии и Новой Зеландии; на атлантической стороне, разумеется, Великобритании… Я считаю, что союз с Англией и оборона британских островов гораздо более важны, чем союз с любой континентальной нацией… Вместе с англичанами мы несомненно можем господствовать на морях и в воздухе во всём мире… Если мы принимаем нашу антикоммунистическую политику всерьёз… мы должны окончательно устранить из правительственного аппарата всех, кто прямо или косвенно связан с коммунистическими организациями. В основном, я считаю, что конечной целью нашей внешней политики должна быть защита свободы американского народа. Я нахожу, что наши последние два президента поставили всевозможные партийные и политические соображения выше своей заинтересованности в мире и свободе… Мне кажется, что посылка наших войск без санкции Конгресса в страну, подвергшуюся нападению, как это имело место в Корее, определённо запрещается» (американской конституцией)… «Проект европейской армии однако, заходит ещё дальше… он включает в себя отправку (наших) войск в международную армию, подобно тому, что было задумано в хартии ООН. Меня никогда не удовлетворяла эта хартия… она не имеет под собой законного основания и не основана на правосудии согласно закону… Я не вижу иного выхода, кроме выработки нашей собственной военной политики и нашей собственной политики военных союзов, не обращая большого внимания на несуществующие возможности ООН по предотвращению агрессии… Другая форма международной организации, которая теперь усиленно навязывается народу Соединённых Штатов, а именно мировое государство с международным парламентом для принятия законов и с международным правительством для командования вооружёнными силами такой организации… представляется мне, по крайней мере в текущем столетии, фантастическим, опасным и неосуществимым. Такое (мировое) государство, по моему мнению, развалится в течение 10 лет… Трудность объединить подобное вавилонское столпотворение, под одним, непосредственным руководством явится непреодолимой… Но прежде всего, все, кто предлагает подобные планы, задумывает конец тем свободам, которые принесли величайшее счастье нашей стране… когда-либо существовавшее в истории. Они (эти планы) подчинят американский народ правительству большинства, не знающего жизненных основ Америки и не питающего к ним симпатии. Любая международная организация, стоящая бумаги, на которой составлен её проект, должна основываться на сохранении суверенности всех входящих в неё государств. Мир должен быть обеспечен не путём уничтожения и смешения наций, но путём создания законных норм в отношениях межу ними…»

Эти выдержки довольно ясно показывают, что нынешний обман народов не был для него секретом; из них же становится ясным, почему он был предан анафеме силами, управлявшими «голосами ключевых штатов», и почему ему даже не позволено было стать кандидатом в президенты. Историческая правда требует однако отметить, что позволительно сомневаться в отношении того, смог ли бы Тафт, будь он избран президентом, проводить ту ясную, противоположную доминировавшим до тех пор тенденциям политику, которая явствует из его записей. В частности, в вопросе сионизма, стоявшего за всеми планами мирового правительства, которые обличал Тафт, он был ему столь же послушен, как и все остальные ведущие американские политики, и по-видимому не различал неразрывной связи между обеими вопросами. Должность секретаря и помощника при Тафте была предложена в 1945 г. никому иному, как ведущему сионисту из Филадельфии, некоему Джеку Мартину (разумеется псевдоним) и, по его словам, первым вопросом, поставленным им Тафту, было: «Сенатор, что я могу рассказать Вам о целях сионизма?» — на что Тафт ответил, совершенно в духе Бальфура или Вильсона, «что здесь объяснять? Евреев преследуют, им нужна территория и собственное правительство. Мы должны помочь им получить Палестину. Это также будет существенно способствовать делу мира». Трудно не заметить разительного контраста между этой типичной болтовнёй охотящегося за голосами политика и разумными концепциями, цитированными выше. Мы взяли эти сведения из статьи в еврейском журнале «Jewish Sentinel» от 10 июня 1954 г., в которой упомянутый г. Мартин характеризуется как «второе я» сенатора Тафта и даже, как его «наследник». После смерти Тафта тот же Мартин был приглашён президентом Эйзенхауэром на должность его «помощника, советника и связного с Конгрессом». Комментарий г-на Мартина гласил: «Президент Эйзенхауэр всегда готов выслушать ваше мнение и ему легко давать советы». Весь период выдвижения кандидатуры Эйзенхауэра, его избрания в президенты и первое время его президентства настолько стояли под знаком пресловутого «еврейского вопроса», что создавалось впечатление избрания его президентом сионистов, настолько его слова и дела были направлены на способствование их амбициям.

Мы уже упоминали, что, не успел Эйзенхауэр стать президентом, как он поспешил заверить «президента» Американской Объединённой Синагоги, некоего г-на Максвелла Абеля, что «у еврейского

народа не может быть лучшего друга, чем я», добавив что его и его братьев их мать воспитывала на «учениях Ветхого Завета» (мадам Эйзенхауэр состояла в жидовствующей секте т. н. «Свидетелей Иеговы») и что «я вырос, веря, что евреи — избранный народ, и что они подарили нам высокие нравственные и этические принципы нашей культуры» — всё это стояло в сентябре 1952 года во всей еврейской печати всего мира. За этим последовали усердные заверения в симпатиях к «евреям» и к «Израилю» со стороны обоих кандидатов в президенты (Эйзенхауэра и Стивенсона) по случаю еврейского Нового Года (сентябрь 1952 г.) и в эти праздничные дни американское давление на «свободную» западную Германию преуспело в извлечении из немцев «репараций» в израильский карман. В октябре состоялся пражский процесс с обвинениями в «сионистском заговоре» против чешского социализма, и со стороны Эйзенхауэра последовали угрожающие обвинения в «антисемитизме в Советском Союзе и в странах-сателлитах». Крик об «антисемитизме» явно считался выгодным в деле уловления голосов избирателей, а поэтому и заканчивавший свой срок президент Труман не преминул обвинить в нём Эйзенхауэра (чтобы помочь кандидату своей Демократической партии); у генерала буквально отнялся язык перед лицом такой несправедливости и он заявил на одном из предвыборных собраний, что даже не собирается на это отвечать, представляя собранию вынести решение самому. Кливлендский раввин Гилель Сильвер, к тому времени уже успевший пригрозить СССР войной за «антисемитизм», был срочно вызван на заседание конклава с Эйзенхауэром и по выходе очистил своего кандидата от всех подозрений в антисемитском грехе; равви Сильвер в своё время произнёс молитву на выдвинувшем Эйзенхауэра республиканском конвенте, а впоследствии, при его вступлении в должность ещё раз обратился к Иегове, испрашивая «благословения и наставления». Среди соперничающих охотников за голосами всех перещеголял заканчивавший свой срок вице-президент США, некий г. Альбен Баркли, заявивший в числе прочего: «Я предсказываю славное будущее Израилю, как образцу, по которому должны равняться остальные страны Ближнего Востока». Даже «Тайм» не удержался от язвительного комментария, написав: «Всех затмил вице-президент Баркли, в течение многих лет получавший по тысяче долларов за каждое выступление в пользу израильских займов, будучи платным агентом этого предприятия. Многие арабы полагают… что это обстоятельство оказывало некоторое влияние на политику США на Ближнем Востоке; однако, лишь немногие арабы участвуют в американских президентских выборах».

Вскоре по вступлении Эйзенхауэра в должность было ратифицировано соглашение об уплате западной Германией дани Израилю, причём (об этом уже упоминалось раньше) один из западногерманских министров (министр финансов д-р Делер) сообщил открыто, что боннское правительство подчинилось давлению Америки, не желавшей открыто выступать в роли банкира сионистского государства. В том же апреле месяце 1953 года еврейская печать сообщала под заголовками «Израиль показывает свою мощь» о следующем: «Весь дипломатический корпус и иностранные военные атташе, присутствовавшие на величайшем до сих пор параде израильской армии в Хайфе, с военным флотом на рейде и пролетавшей над их головами военной авиацией, получили должное впечатление, и парад полностью достиг цели показать готовность Израиля решать свою судьбу на поле сражения».

Так начался новый президентский период в Америке в 1953 году под знаком новых «обязательств» на будущее, с мёртвым Сталиным в московском мавзолее, с Израилем, готовым «решать свою судьбу на полях сражений», и со «свободной» половиной Германии, день и ночь работавшей для уплаты дани Израилю. Большой парад в Вашингтоне по случаю вступления президента в должность был отмечен любопытным инцидентом: в конце процессии ехал верхом неизвестный в костюме ковбоя, который, поравнявшись с президентской трибуной, попросил разрешения испробовать своё лассо; Эйзенхауэр послушно встал, склонив голову, и взвившаяся петля была плотно затянута на его шее. Кинохроники затем показывали лысую голову «Айка» с петлёй на шее.

Возможно, что в мыслях нового президента были лишь банальности, когда он заявил: «Государство Израиль — форпост демократии на Ближнем Востоке, и каждый американец, любящий свободу, должен включиться в усилия навеки обеспечить будущность этого новейшего члена семьи народов». По мнению тех, по адресу которых расточались эти комплименты, это было обязательством, подобным тому же, что в своё время раздавали в аналогичных формулировках Рузвельт и Вудро Вильсон. Через восемь лет после смерти Гитлера новое государство, где господствовали гитлеровские расовые законы и где коренное население было изгнано резнёй и террором, стало «форпостом демократии», и все «любящие свободу» должны были (отметим категорический императив!) всеми силами его защищать.

Если новый президент воображал, что, отдав дань подобным любезностям, он сможет затем по

собственной воле определять политику своей страны, то через 9 месяцев после вступления в должность ему был преподан соответствующий урок, а по данному векселю в октябре 1953 года была потребована уплата в повелительном и не допускающем сомнений тоне. Попытка действовать независимо в соответствии с американскими национальными интересами в вопросе касавшемся «новейшего члена семьи народов», была беспощадно сокрушена, а американскому президенту пришлось публично каяться, подобно «Рокданду» (т. е. Вудро Вильсону) в романе Хауза 1912 года. Это унижение главы правительства, которое неумудренным человечеством считалось самым могущественным в мире, представляется наиболее значительным инцидентом в настоящем повествовании, богатом эпизодами, аналогичными по характеру, но менее явственными для широкой публики. Серия сионистских нападений на соседние арабские государства, перечисленная в предыдущей части настоящей главы, началась 14 октября 1953 г ., когда была вырезана до последнего человека целая арабская деревня Кибия в Иордании. Это было повторением резни в Дейр-Ясине в 1948 году с той разницей, что оно произошло за пределами Палестины, дав достаточно ясно понять всем арабским народам, что и их в нужное время постигнет «полное уничтожение», и разумеется снова с благословения «Запада». Кошмарные факты еврейской резни были доложены Организации ОН датским генералом Вагном Бенике, главой Комиссии ООН по наблюдению за перемирием (немедленно получившим угрозы убийства также и его) и его непосредственным подчинённым, капитаном 2 ранга военного флота США Хатчисоном, охарактеризовавшим еврейский налёт, как «хладнокровное убийство» (что быстро привело к его отозванию). Во время последовавшего обсуждения вопроса в Совете безопасности ООН французский представитель заявил, что «резня» вызвала во Франции «ужас и возмущение», обвинив Израиль, государство основанное на утверждениях о «преследовании», в «мщении ни в чём неповинным людям». Греческий представитель назвал совершившееся «жуткой резнёй», а английский и американский представители присоединились к единодушному «осуждению» (9 ноября 1953 г.). Архиепископ Йоркский в Англии заклеймил «жуткий акт терроризма», а консервативный депутат Палаты общин, майор Легг-Бурк назвал его «кульминационным зверством в длинной цепи налётов на не-израильскую территорию, составляющим часть продуманного плана мести».

В дни, когда произносились эти официальные обличения, Израиль получил от американского правительства 60 млн. долларов, очевидно как награду за содеянное, президент же публично покаялся, уступив очередному сионистскому «давлению» в Нью-Йорке. Сообщаем хронику событий: через 4 дня после еврейской резни в Иордании (18 октября) правительство США «приняло решение выразить суровое порицание своему протеже» («Таймс», 19 октября); оно сообщило, что «полученные Госдепартаментом потрясающие отчёты об уничтожении человеческих жизней и имущества убеждают нас в необходимости привлечь к ответственности виновников и принять решительные меры для предупреждения подобных инцидентов в будущем» (читателю предлагается сравнить эти слова с тем, что произошло несколькими днями позже). Лондонский «Таймс» добавил, что «за этим заявлением стоит растущее возмущение высокомерной манерой, с которой Израиль склонен обращаться с Соединёнными Штатами — по-видимому, будучи уверенным в том, что он всегда может рассчитывать на соответствующее давление в стране». Сообщалось даже (как присовокупил «Таймс» как бы с затаённым дыханием), что «подарок в несколько миллионов долларов израильскому правительству может оказаться задержанным, пока не будут получены гарантии неповторения пограничных инцидентов». И действительно, два дня спустя (20 октября) Госдепартамент сообщил, что субсидия Израилю задержана. Однако, если президент Эйзенхауэр легкомысленно полагал, что через год по его избрании у его правительства будут развязаны руки на остававшиеся три года правления, чтобы самостоятельно вести американскую политику, то он жестоко ошибался. Роковая слабость Америки и сила её истинных хозяев, располагающих как бы ключом от всего дома, состоят в том, что новые выборы вечно висят в воздухе: если не президентские, то в Конгресс, в муниципальные управления, в правительства штатов, и куда угодно ещё. Как раз в этот момент на место мэра Нью-Йорка целились три кандидата (два еврея и один не-еврей), и к тому же начиналась кампания выборов депутатов в Конгрессе 1954 года, в которой должны были быть переизбраны все 435 депутатов Палаты представителей и одна треть сенаторов. На фоне этой ситуации стало снова возможным прикрутить гайки в Белом Доме потуже.

Три соперника в Нью-Йорке принялись переплёвывать один другого в погоне за «еврейскими голосами». 500 сионистов собрались 25 октября на митинг, приняв резолюцию, что они «потрясены» отменой «помощи Израилю» и требуют, чтобы правительство «пересмотрело своё поспешное и неблагородное решение». Республиканский кандидат в мэры Нью-Йорка запросил по телеграфу немедленное интервью с государственным секретарём; вернувшись, он обещал встревоженным

избирателям, что «Израилю будет дана полная экономическая помощь США» («Нью-Йорк Таймс», 26 окт.) в сумме 63 млн. долларов (избран он, тем не менее, не был). Тем временем республиканские партийные заправилы начали осаждать президента, предсказывая катастрофу на выборах в Конгресс 1954 года, если он не отменит своего решения. Осада длилась недолго, и 28 октября он капитулировал: официальное сообщение подтвердило, что Израиль получит полностью обещанную сумму (около 60 млн. долларов), из них первые 26 миллионов в первые 6 месяцев финансового года. Республиканский кандидат в нью-йоркские мэры приветствовал это, как «признание того факта, что Израиль представляет собой твёрдый бастион безопасности свободного мира на Ближнем Востоке», и как акт «государственной мудрости мирового масштаба», столь типичный для президента Эйзенхауэра. Картина того, что именно привело к этому «акту», была обрисована Джоном О'Доннелем в «Нью-Йорк Дейли Ньюс» от 28 октября: «Профессиональные политиканы нажимали на него со всех сторон, угрожая страшной местью. Айку всё это страшно не нравилось… но давление было столь сильным, что для сохранения мира в компании ему пришлось дать задний ход. С политической и с личной стороны это его сальто-мортале было самым изящным и быстрым за многие месяцы в этой политической столице всего мира… Целую неделю давление со стороны кандидатов, гнавшихся за многочисленными еврейскими голосами в Нью-Йорке было ужасающим. За последние 10 дней политическое образование президента Эйзенхауэра продвинулось вперёд с головокружительной быстротой». Как бы то ни было, республиканцы потеряли большинство в Конгрессе 1954 года, что было давно известным и неизбежным результатом подобных капитуляций, а после новых и ещё более катастрофических уступок они понесли ещё большее поражение в 1956 году. После этого американское правительство уже никогда более не осмеливалось выражать «порицание своему протеже» на протяжении целой серии совершённых им подобных же «жутких актов» терроризма, а в очередную годовщину основания Израиля (7 мая 1954 г.) еврейская армия смогла продемонстрировать новейшее вооружение, полученное ею от Соединённых Штатов и Великобритании. В параде участвовало громадное количество американских и английских танков, реактивных самолётов, бомбардировщиков и истребителей: Соединённые Штаты объявили Израиль «имеющим право на помощь поставками вооружения» уже 12 августа 1952 года, а Англия разрешила вывоз оружия в Израиль частными фирмами ещё раньше, 17 января 1952 г.

За этими событиями последовали два года относительного спокойствия, затишье необходимое для подготовки новых сюрпризов, приуроченных к следующим президентским выборам в Америке в 1956 году. В мае 1955 г. (как-раз когда сэр Антони Иден сменил сэра Уинстона Черчилля на посту английского премьера) государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, как за 30 лет до него лорд Бальфур, наконец собрался посетить страну, калечившую теперь внешнюю политику Америки, как она раньше калечила политику Англии. После печального опыта с неосторожными «порицаниями» и их результатами, ему должно было теперь быть ясным, что он имеет дело с самой могущественной силой в мире, с верховной властью в его собственной стране, с силой, в руках которой «Израиль» был лишь орудием, призванным вносить раздор между теми, которыми надо было управлять. Как и Бальфур, он был встречен арабскими бунтами, как только он появлялся за пределами еврейской Палестины. В самом Израиле он виделся лишь с немногими еврейскими политиками после того, как его провезли в закрытом автомобиле за сплошным кордоном полиции с аэродрома в Тель-Авив. Полицейская операция по его приёму и охране носила название «операция Китаво», что на иврите означает «откуда ты пришёл» — намёк на стих из 26-й главы Второзакония: «Когда ты придёшь в землю, которую Господь Бог твой даёт тебе в удел… и Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным его народом, как Он говорил тебе, если ты будешь хранить все заповеди Его, и что он поставит тебя выше всех народов, которых Он сотворил… и что ты будешь святым народом у Господа Бога твоего». Американский государственный секретарь считался в сионистском Израиле всего лишь мелкой фигурой в грандиозной драме «исполнения» левитского «закона».

По возвращении Даллес поведал, что арабы боятся сионизма больше, чем коммунизма — открытие, для которого незачем было ездить в Палестину, а достаточно было взглянуть на географическую карту: арабы были знакомы с содержанием Торы и видели его буквальное приложение в Дейр-Ясине и Кибии. В передаче по телевидению он заявил (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, 1 июня 1953 г.), что «Соединённые Штаты твёрдо стоят за декларацией 1950 года, совместно с Англией и Францией; она обязывает эти три государства активно действовать в случае, если нынешние границы Израиля будут нарушены военными средствами». Это была знаменитая «трёхсторонняя декларация», но автор этих строк не смог установить действительно ли Даллес выразился именно так или же его неправильно цитировали: декларация была составлена в объективной форме и гарантировала «границы на Ближнем Востоке и демаркационные линии перемирия», но вовсе

не «нынешние границы Израиля»; однако, именно в таком виде сообщения мировой печати достигали арабского мира, и словесный ляпсус Даллеса передавал фактическое положение вещей.

Поколения сменялись одно за другим, и удлиняющаяся тень сионизма всё тяжелее ложилась на каждое последующее. Сэр Уинстон Черчилль, наконец у предела своих физических сил, передал должность тому, кого он уже давно назначил своим наследником, как если бы дело шло о правах неограниченного монарха: «Я не делаю ни одного шага в политической жизни без консультации с мистером Иденом; он будет нести дальше факел консерватизма, когда он выпадет из других, постаревших рук». В этом случае, всё указывает на то, что сэр Антони перенял по наследству от сэра Уинстона его безоговорочную поддержку «исполнения стремлений сионизма», и вероятно рад был бы видеть этот факел в других руках, поскольку он не столько освещал, сколько губил и «консерватизм» и самую Англию. С того момента, как он занял должность, к которой он готовился всю свою жизнь, его правление стояло под клеймом пресловутой «ближневосточной проблемы» и его политический конец был заранее обречён на повторение печальной судьбы правлений Рузвельта и Вудро Вильсона. Летописец мог бы добавить: и Эйзенхауэра. В сентябре 1955 года его поразил удар и, хотя он и понравился, но его фотографии в печати обнаруживали те же черты, что в своё время характеризовали как Рузвельта, так и Вильсона под конец их правлений. «Давление», которому неизбежно подвергаются эти, по внешнему виду, столь могущественные лица в нашем «еврейском столетии», явно сказывается на их измученных заботами физиономиях. Их окружает толпа льстецов, но как только они пытаются следовать велениям совести и долга, их беспощадно призывают к ответу. После его первого опыта в этой области, общее мнение было, что Эйзенхауэр не выставит своей кандидатуры вторично.

Как известно, Эйзенхауэр вовсе не принадлежал к республиканской партии, и явно чувствовал себя не в своей тарелке в качестве «республиканского» президента. Вскоре после вступления в должность, его «разногласия с могущественным правым крылом партии» (другими словами, с традиционными республиканцами, стоявшими за сенатором Тафтом) «настолько обострились, что одно время он подумывал о создании новой политической партии в Америке, в которой смогли бы объединиться люди его взглядов, независимо от их прежней партийной принадлежности… Он стал советоваться со своими самыми близкими сотрудниками, не пришло ли время подумать о новой партии, которая, по его замыслу, должна бы быть существенно его партией. Она олицетворяла бы собой те политические доктрины во внешней и внутренней политике, которые, он считал бы наилучшими как для Соединённых Штатов, так и для всего мира». Эти любопытные подробности мы почерпнули из книги корреспондента при Белом Доме, Роберта Дж. Донована «Eisenhower, The Inside Story», написанной и опубликованной в 1956 г., явно по желанию самого Эйзенхауэра, поскольку в ней используются протоколы правительственных совещаний и другие документы сугубо конфиденциального характера, относящиеся к событиям на самом высшем уровне. Ничего подобного до тех пор в Америке никогда не опубликовывалось, и автор не поясняет причин этого новшества. В ней сообщаются высказывания ближайших сотрудников Эйзенхауэра, которых они вероятно не сделали бы, учитывая возможность их опубликования: например шутливое предложение взорвать атомной бомбой сенатора Брикера и его сторонников, требовавших внесения в американскую конституцию особого дополнения, ограничивающего права президента заключать, международные договоры и, таким образом, подчиняющего его более строгому контролю со стороны Конгресса. Мысль о создании новой политической партии Эйзенхауэр оставил лишь когда смерть сенатора Тафта лишила республиканскую партию её естественного вождя, и после того, как Сенат, по инициативе самого президента, вынес порицание сенатору Джозефу Мак-Карти из Висконсина за его разоблачения коммунистического проникновения в правительственный аппарат. Напомним, что общественное негодование, вызванное разоблачением проникновения коммунистической агентуры в правительство при Рузвельте и Трумане были одной из главных причин поворота избирателей в сторону республиканской партии и её кандидата Эйзенхауэра в 1952 году.

В конце 1955 года Америка снова была накануне очередного года президентских выборов в условиях, которые закулисными правителями страны считались самыми идеальными для их политических махинаций: болеющий президент, партийные политиканы в погоне за «еврейскими голосами», предвоенная ситуация на Ближнем Востоке и не меньшая в Европе. В этих условиях «внутреннее политическое давление» в столице богатейшего и наилучше вооружённого государства в мире могло практически добиться любых результатов. Заправилы республиканской партии, всеми силами старавшиеся сохранить в Белом Доме республиканца хотя бы по названию, если уж им не удалось сохранить большинство в Конгрессе, столпились вокруг больного генерала, уговаривая его выставить свою кандидатуру в президенты во второй раз.

Подытожим вкратце события первого срока президентства Эйзенхауэра. В свете того несомненного факта, что избрание главным образом было следствием разоблачений коммунистического заражения всего правительственного аппарата и настоятельного желания общественности очистить правительство от этой заразы, важнейшим и роковым по своему значению событием при Эйзенхауэре было устранение наиболее энергичного противника коммунистов, сенатора МакКарти, что произошло по личному настоянию президента и с его согласия. Вторым, не менее значительным событием в той же области внутренней политики было решение Верховного Суда США в 1955 году, запрещающее сорока восьми штатам американской республики принимать меры против подрывной деятельности с какой бы то ни было стороны, предоставляя это право одному лишь федеральному правительству в Вашингтоне. Это решение в значительной степени парализует все возможности государства «бороться с подрывом и разложением» (как это и было предусмотрено уже в «Протоколах» 1902 г.). Третьим важнейшим событием во внутриполитической жизни страны было решение того же Верховного Суда против раздельного обучения белых и негритянских детей в школах, что было фактически направлено против южных штатов и неизбежно должно было привести к катастрофическим последствиям. Эти решения Верховного Суда привлекли внимание к этому учреждению, члены которого назначаются не из опытных и заслуженных юристов, а исключительно по политическим соображениям. В этих условиях Верховный Суд США в период правления президента Эйзенхауэра превратился в высшую политическую инстанцию в стране, способную отменять решения Конгресса; не было бы преувеличением назвать её чем то вроде американского Политбюро. Генеральный прокурор США, некий Симон Собелов заявил в 1956 г.: «В нашей политической системе Верховный Суд отнюдь не является лишь арбитром в возникающих разногласиях, в процессе этого арбитража он во многих случаях получает возможность окончательно формулировать государственную политику» (цитируем по «Нью-Йорк Таймс» от 19 июля 1956 г.).

Избирательная кампания началась, как всегда, за целый год до фактических выборов. В сентябре 1955 года египетское правительство президента Гамаль Абдель Нассера заключило договор с СССР о покупке советского оружия. «Трёхсторонняя декларация» по ближневосточному вопросу от 1950 года предусматривала продажу западными державами оружия как Израилю, так и арабским странам. Президент Нассер заявил (16 ноября 1955 г.), объясняя причины заключения договора с СССР, что ему не удалось «получить ни одного предмета вооружений от Соединённых Штатов, несмотря на трёхлетние попытки», и обвинил американское правительство в «сознательной попытке поставить арабские страны в полную зависимость от Израиля и его угроз». Египетские закупки вооружения в СССР вызвали немедленный взрыв негодования в Вашингтоне и Лондоне, подобно крику в 1952-53 гг. по поводу «процесса еврейских врачей» в Москве. Президент Эйзенхауэр обратился с призывом к советскому правительству задержать поставку оружия Египту (главная масса вооружений поставлялась заводам Шкода в Чехословакии, оказавшимися в советских руках в результате ялтинского соглашения в 1945 г. и поставлявшими вооружение «Израилю» в 1947-48 гг., когда евреи славословили СССР как своего «освободителя»). В тот же самый день (9 ноября 1955 г.) сэр Антони Иден обвинил советское правительство в разжигании войны на Ближнем Востоке, а английский министр иностранных дел Гарольд Макмиллан пожаловался на введение «нового тревожного фактора в эту деликатную ситуацию». Арабам было ясно, что на «Западе» ничего не изменилось: Израилю оружие дадут, а арабы его не получат.

После этого пропагандная кампания нарастала со дня на день, совершенно как и в 1952-53 гг., пока за несколько недель из сознания мировой общественности не было окончательно вытравлено всякое воспоминание об израильских налётах на арабских соседей и «порицаний» их со стороны ООН. Вместо этого рядовому читателю газет становилось ясно, что по вине Запада безоружный Израиль был отдан на милость Египта, вооружённого до зубов «красным» оружием. В этот ранний период об истинном положении вещей было упомянуто только один раз, когда ведущий военный обозреватель США Хансон Болдвин написал о поставках американского оружия Израилю: «Мы якобы стараемся сохранить весьма непрочное „равновесие“ между Израилем и арабами. Ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем не может быть речи о настоящем равновесии в том смысле, что обе стороны обладают равной военной мощью. Сегодня Израиль несомненно гораздо сильнее Египта, фактически даже гораздо сильнее Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Ливана, Сирии и Ирака вместе взятых» (Нью-Йорк Таймс, 11 ноября 1955 г.). В течение последовавшего года подобные объективные оценки положения ни разу больше не были допущены на страницы газет, по крайней мере насколько автор настоящей книги смог это проследить. 14 месяцев спустя, уже после израильского нападения на Египет, тот же Хансон Болдвин сообщал с Ближнего Востока (4 января 1957 г.): «Начиная с 1949 г., Израиль

был крупнейшей военной силой во всём этом районе. Он и сегодня, по сравнению с арабскими странами, сильнее чем когда-либо». До того, однако, читателей газет ежедневно развлекали растущим криком о «красном оружии для арабов», и под эту музыку начались обе очередные избирательные кампании в США: выборы в Конгресс и выборы президента. Передавая общее настроение, иоганнесбургская еврейская газета «Джуиш Таймс» писала ещё 24 декабря 1952 г.: «Поставки (Египту) оружия советизированной Чехословакией ясно указывают евреям в Израиле и во всём мире на Советы, как поставщиков». Все президентские претенденты со стороны демократической партии (Эстус Кефовер, губернатор штата Нью-Йорк Гарриман, Стюарт Саймингтон и Адлай Стивенсон) соперничали в зажигательных заявлениях на эту тему: «Если нужно будет, то государство Израиль получит извне помощь подавляющими силами» (губернатор Гарриман, «Нью-Йорк Таймс», 23 марта 1955 г.). Одно время Американский сионистский комитет собирался даже организовать «марш в Денвер», где президент Эйзенхауэр лежал в больнице, поражённый ударом, однако было решено всё же от этого воздержаться; вместо этого от кандидатов всех партий потребовали подписать «политическую декларацию» против предоставления оружия какому бы то ни было арабскому государству. 120 претендентов на места Конгресса подписали её немедленно, впоследствии число подписей выросло до 102 с демократической и 51 с республиканской стороны (согласно «Нью-Йорк Таймс» от 5 апреля 1956 г.). Явный перевес демократов под этой декларацией позволил бывшему израильскому министру Ишаку Грюнбауму заявить на Всемирном сионистском конгрессе в Иерусалиме 26 апреля того же года, что «пока Америкой правят республиканцы Израиль от США помощи не получит». Это было равносильно официальному требованию из Израиля, чтобы американские евреи голосовали за демократов; партийные заправилы в Америке смогли при виде победы демократов на выборах в Конгресс вновь убедиться в том, насколько важны «еврейские голоса» при любых выборах.

Год президентских выборов начался на фоне «непреодолимого давления» на больного президента со стороны партийных менеджеров и новой кампании против «преследования евреев», на этот раз символизируемых Израилем. Опытным наблюдателям с самого начала было ясно, что, как и все предыдущие избирательные годы, этот год должен был стать годом нарастающего кризиса, вполне способным закончиться настоящей войной. В основе расчётов лежало внутриполитическое давление на американское правительство и его политику. В мире реальной политики тот же год начался новым единодушным «осуждением» Израиля (19 января 1956 г.) за «умышленное» и «явное» нападение на Сирию 11 декабря 1955 г. Это было уже четвёртым по счёту серьёзным «осуждением» за два года, и на этот раз в тот самый момент, когда пропагандная кампания в пользу «беззащитного» Израиля под угрозой арабской «агрессии» полным ходом развивалась на всём Западе. В Израиле одновременно было объявлено фактическое военное положение. После этого сионистское наступление было направлено на ядро ответственных работников Госдепартамента США, пытавшихся — совершенно так же, как и их британские коллеги в министерствах колоний и иностранных дел за поколение до того — отвратить чреватые последствиями односторонние «обязательства» в пользу Израиля. В ноябре 1955 г. крупнейшая в мире религиозная организация «Мизрахи» в Америке объявила на своём собрании в Атлантик Сити, что «клика анти-израильских элементов в Госдепартаменте блокирует эффективную американскую помощь Израилю»; слово в слово, в тех же самых выражениях, доктор Хаим Вейцман жаловался на ответственных сотрудников британского правительства в течение добрых 30 лет, с 1914 по 1947 гг.

В год президентских выборов в 1956 г. груз просионистских обязательств оказался взваленным на плечи государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса. После «осуждения» Израиля в январе Советом безопасности ООН Даллес сообщил о своих попытках уговорить ведущих политиков (противной) демократической партии «изъять из президентской избирательной кампании» вопрос Израиля и арабов. Комментарий «Нью-Йорк Таймс» от 24 января 1956 г. гласил: «Как известно г. Даллес обвинил израильское посольство в том, что оно убеждает кандидатов в Конгресс занять позиции в пользу Израиля… Государственный секретарь добивается, чтобы ни одна партия не усложняла весьма деликатные переговоры о соглашении на Ближнем Востоке дискуссиями об Израиле с целью получения личных или партийных преимуществ в избирательной кампании… Он в особенности опасается, как бы не было сказано чего-либо во время президентской кампании, что могло бы поощрить в Израиле убеждение в том, что США будут способствовать израильскому вторжению на арабские территории или же сотрудничать с ним в этом вопросе».

Другими словами, Даллесу пришлось отбояриваться от того же «политического давления», на которое в своё время жаловался и президент Труман в своих воспоминаниях. В то же время вышла в свет книга Чесли Мэнли «The U.N.Record», в которой описывалась любопытная реакция президента

Трумана в год выборов в Конгресс в 1946 г. на доклады четырёх ведущих сотрудников Госдепартамента, вызванных с Ближнего Востока в Вашингтон дня консультаций по палестинскому вопросу; все четверо американских дипломатов высказались в пользу арабов, на что они услышали от Трумана следующее: «Мне очень жаль, господа, но мне приходится считаться с сотнями тысяч избирателей, заинтересованных в успехе сионизма; я не вижу среди моих избирателей, однако, сотен тысяч арабов». Теперь, 10 лет спустя, Даллес пытался добиться того, за что министр обороны США Форрестол поплатился в 1947 г. своей отставкой, болезнью и самоубийством (прим. перев.: см. примечание к главе 33 о «самоубийстве» Форрестола). На Даллеса немедленно же ополчилась вся американская и английская печать, как в своё время тем же нападкам подверглись английский министр иностранных дел Эрнест Бевин, а в Америке Форрестол. Он тут же получил полное упрёков письмо от «группы республиканских депутатов Конгресса США», на которое ему пришлось в увещевательном тоне ответить (7 февраля 1956 г.), что «в задачи внешней политики США входит сохранение государства Израиль» и что «мы вовсе не исключаем возможности продажи вооружения Израилю». Но это ему мало помогло, поскольку к тому времени он успел согрешить ещё в одной области: еврейская газета «Джерузалем Пост» в Израиле, ставшая к тому времени чем-то вроде придворного вестника для западных столиц, сообщила, что Даллес совершил «небольшой недружелюбный поступок… приняв в течение 45 минут делегацию Американского Совета за Иудаизм». Это было повторением того самого, весьма нежелательного для сионистов, «вмешательства извне, исключительно с еврейской стороны», на которое горько жаловался, за поколение до того, Хаим Вейцман: Американский Совет за Иудаизм отвергал сионистский шовинизм и выступал против его поддержки Западом. Его возглавляли Лессинг Розенвальд, бывший глава крупной коммерческой фирмы, и неоднократно цитировавшийся нами раввин Эльмер Бергер. На собрании Совета в Чикаго в эти дни указывалось, что воспоминания президента Трумана «подтверждают выходящее за пределы допустимого сионистское давление, якобы от имени всех американских евреев… создающее непривлекательную картину поддержки со стороны американских граждан иностранного национализма».

Со стороны Американского Сионистского Совета немедленно последовал энергичный протест против попытки Даллеса «изъять палестинский вопрос из президентской избирательной кампании»; председатель этого Совета, раввин Ирвинг Миллер, назвал «совершенно ложным представлением, будто какая-то область внешней политики может быть убрана с арены свободного и беспрепятственного публичного обсуждения». Относительно этой «свободы» и соответственных «препятствий» в те же дни в американской печати можно было найти, хотя и весьма редко, несколько иное мнение: цитированная нами известная журналистка Дороти Томпсон писала, что «споры Израиля со своими соседями ставятся на повестку дня любого собрания в Америке, но малейшее упоминание арабской точки зрения равносильно политической смерти любого кандидата». Джордж Сокольский писал: «Про-египетская политика не принесёт республиканцам голосов в Нью-Джерси, Коннектикуте или Массачусетсе, и это вы можете услышать от всех профессиональных политиков». Джон О'Доннель: «Ведущие политики прекрасно знают, что для получения еврейских голосов в таких ключевых штатах, как Нью-Йорк, Массачусетс, Иллинойс, Нью-Джерси и Пенсильвания, нужно чтобы Америка заняла резко антиарабскую позицию».

Следующим было сообщение в «Нью-Йорк Таймс» (21 февраля 1956 г.), что Даллесу придётся давать объяснения по вопросам внешней политики» перед Сенатским комитетом по иностранным делам «для расследования неразберихи в вопросах правительственной политики поставок оружия на Ближнем Востоке». Даллес явился на заседание Комитета (24 февраля), и здесь произошёл инцидент, заслуживающий внимания. Обычно широкая общественность, как в Америке, так и в Англии, не имеет никакой возможности высказать мнение, противное официальному, в столь дорого ей обходящейся палестинской авантюре; кандидаты на любых выборах не могут даже ожидать своего выдвижения, если они не подпишутся под сионистской программой, а печать, как правило, также ничего, что противоречит этой программе, не печатает. В данном случае во время выступления ответственного члена правительства присутствовало столько рядовых американцев, сколько могло включить помещение Сената на своих местах для зрителей, и они встретили Даллеса овациями, которые продолжались пока он говорил и когда он покинул зал. Причины оваций не оставляли ни у кого сомнений в том, как реагировали бы западные массы, если бы только их политические вожди когда-либо набрались мужества открыто выступить по данному вопросу. В числе многого другого Даллес сказал, что «одной из самых больших трудностей, которые Соединённые Штаты встречают при своих попытках посредничать между арабами и евреями, является убеждение арабов в том, что политика Вашингтона диктуется внутриполитическим давлением». По словам Даллеса, налицо была

опасность того, что Израиль «начнёт то, что называется превентивной войной». В этом случае Соединённые Штаты не выступят на стороне Израиля», поскольку они связаны обязательствами со своими союзниками противодействовать любому государству, которое начнёт «агрессию» на Ближнем Востоке. Даллес «несколько раз упомянул, что применялось внутриполитическое давление с целью заставить правительство идти весьма неумным и неподобающим про-израильским политическим курсом на Ближнем Востоке».

Не может быть сомнений при чтении этих цитат в том, чему именно так бурно аплодировали слушатели Даллеса в зале Сенатского комитета; это было первым официальным и публичным указанием на то, в чьих когтях находился Запад. Публичные овации, как и следовало ожидать, нисколько не уменьшили того «внутриполитического давления», которое упоминал государственный секретарь. Немногим позже (12 апреля 1956 г.) он был вызван для доклада лидерам Конгресса о положении на Ближнем Востоке, которым он сказал: «Боюсь, что срок для мирного решения вопроса уже прошёл». Даллес указал, что в ближневосточной политике США «два ключевых фактора» противоречат друг другу, а именно «сохранение громадных нефтяных запасов этого района для военного и хозяйственного пользования ими западной Европы» (эти запасы и в настоящее время в арабских руках) и «сохранение Израиля как государства». Немедленно лидер демократов в Конгрессе Джон МакКормак задал грозный вопрос: «Что у Вас на первом месте: спасти Израиль или держаться за нефть?» Даллес ответил, что «мы пытаемся сделать и то, и другое», показав как глубоко завяз весь Запад в неразрешимой дилемме, куда его в своё время увела ставка Англии на карту сионизма.

Своими тщетными попытками «сделать и то, и другое» Даллес вскоре ещё более ухудшил положение. Он явно никогда не надеялся на то, что его предложение изъять арабско-израильский вопрос из предвыборной политики будет принято, и ответил на соответствующий вопрос, заданный ему в то же время на пресс-конференции, «взрывом сардонического смеха». В тот самый момент, когда он выступал перед Сенатским комитетом (встретили бы его овациями, если бы слушатели знали об этом?), уже разрабатывался метод, с помощью которого Америка могла бы официально заявить, что она не поставляет «вооружение на Ближний Восток», обеспечив в то же самое время, что Израиль получит это вооружение, что даст ему возможность начать «превентивную войну», которой государственный секретарь якобы так «боялся». Этот метод был тем же самым, что и в вопросе западногерманских «репараций», выжатых под американским давлением и обеспечившим финансовый поток в Израиль без того, чтобы это нашло отражение в государственном бюджете США.

Немедленно вслед за докладом Даллеса Сенатскому комитету, как бы в ответ на него, израильские войска совершили новое «преднамеренное и подготовленное» нападение на египтян в полосе Газа, причём были убиты 38 человек (27 февраля 1956 г.), а Израиль получил очередное «осуждение» за «грубую агрессию» от Комиссии ООН по перемирию. В последующие недели колумнисты англосаксонской печати начали вентилировать в общественности вопрос о новом методе поставок оружия Израилю: «Если Соединённые Штаты продадут оружие Израилю, это откроет коммунистический трубопровод вооружений арабским странам… судя по всему предполагается, что этого не будет, если израильские заказы на вооружение будут размещены в Англии, Франции и Канаде… Здесь (в Вашингтоне) считают, что если вооружение Израилю будет продаваться (нашими) союзниками, то Соединённые Штаты смогут сохранить свою позицию нейтралитета».

На практике это как-раз означало «делать и то, и другое». Раввин Гилель Сильвер (тот самый, который молился еврейскому богу о милости и наставлении» президенту Эйзенхауэру при его вступлении в должность) выразил мнение при своём посещении Израиля, что «правительство Эйзенхауэра ещё не сказало последнего слова в вопросе вооружений для Израиля» (Нью-Йорк Таймс», 4 апреля 1956 г.). По возвращении в Вашингтон у него состоялось «весьма открытое и дружеское собеседование» с президентом. Тогда же выяснилось, что США «скрытно побуждают французское и канадское правительства продавать вооружение Израилю» («Нью-Йорк Таймс», апрель 1956 г.), и что фактически это было американскими поставками, поскольку французское правительство официально объявило (12 мая) о согласии американского правительства задержать указы НАТО, чтобы дать Франции возможность быстрейшим образом поставить последние 12 самолётов «Мистэр IV» Израилю. Эти самолёты приняли участие 5 месяцев спустя в нападении на Египет, но в мае разумеется не было сказано, что в нём примет участие и французская авиация. Полгода спустя накануне президентских выборов и непосредственно перед израильским нападением на Египет газета «Нью-Йорк Дейли Ньюс» взывала к «еврейским избирателям», напоминая им об услугах оказанных еврейскому делу республиканским правительством: «Правительство Эйзенхауэра не видело ясных путей в снабжении Израиля тяжёлым вооружением в связи с возможными международными осложнениями. Однако, в

апреле и мае правительство помогло Израилю получить 24 реактивных самолёта „Мистэр" от Франции, а месяц тому назад Канада сообщила о продаже Израилю 24 реактивных самолётов типа „Сабр". Руководящие лица в Израиле подтвердили, что Даллес активно использовал влияние правительства Соединённых Штатов, способствуя поставкам как французских, так и канадских самолётов».

Здесь нужно объяснить механику этих военно-торговых комбинаций: американское правительство финансировало закупки вооружений для своих союзников по НАТО, размещая заказы иностранным производителям. Эти оплаченные американскими деньгами поставки были теперь при американском «поощрении» повёрнуты в Израиль. Так и НАТО, которое должно было представлять собой союз западных стран против «советской агрессии» и «коммунизма», также оказалось поставленным на службу сионизму. Подписанный в 1949 договор НАТО предусматривал исключительно, что все его члены (Америка и Канада, Англия, Франция, десять прочих европейских государств и Турция) будут считать любое нападение на одного из них, как нападение на всех, и поспешат на помощь жертве нападения. Другими словами, американское правительство нападая на СССР за поставки вооружения Египту и заявляя, что оно само не намерено поощрять «гонку вооружений» на Ближнем Востоке продажей их Израилю, в действительности способствовало вооружению последнего и сохранению его военного превосходства над всеми семью арабскими странами. Даллес действовал чисто макиавеллистическими методами, фактически подливая масло в огонь. Факт вооружения Израиля даже не находили нужным скрывать; как показывают приведённые цитаты из тогдашней печати, его открыто рекламировали в погоне за голосами в той самой избирательной кампании, из которой Даллес якобы стремился изъять весь израильско-арабский вопрос.

Побочным результатом этих махинаций на Западе было то, что даже заявление по данному вопросу со стороны московского руководства, не очень разборчивого в средствах своей политики, приобрели вид почтенной респектабельности. В ответ на западную шумиху по поводу «вооружений Египту», советское правительство разослало ноты правительствам Америки, Англии, Египта и Чехословакии, констатируя, что оно «считает законным правом каждого государства заботиться о своей обороне и покупать оружие для оборонных нужд у других государств на обычных коммерческих условиях, вмешиваться во что не имеет права ни одно иностранное государство». Это было абсолютно безукоризненным заявлением как с правовой, так и даже с моральной точки зрения; на эту же точку зрения встал и сам Израиль: пока на Западе разгорался печатный шум и гам, израильский министр иностранных дел Моше Шаретт заявил в Нью-Йорке (10 ноября 1955 г.): «Если нас припрут к стене и речь пойдёт о нашем существовании, то мы будем искать и примем вооружение из любого источника в мире» — этим он ответил на вопрос, не получил ли Израиль предложения вооружений также и из Советского Союза. Короче говоря, суть западных протестов сводилась к тому, чтобы советское вооружение не попадало в одни только арабские страны, и для этого, разумеется, трудно было найти правовые или моральные основания. На фоне всей этой шумихи «беззащитный Израиль» (по словам Бен-Гуриона) устроил 16 апреля 1956 г. военный парад по случаю своей годовщины, показав всему миру громадное количество американских, английских и французских танков и самолётов («Нью-Йорк Таймс», 17 апреля). Советское вооружение на параде показано не было, чтобы не нарушать общей пропагандной картины. 24 апреля Бен Гурион вновь провозгласил в Иерусалиме националистические и экспансионистские цели своего государства: «Продолжение собирания еврейских изгнанников остаётся высшей целью Израиля и существенной предпосылкой для реализации его мессианской удачи, сделавшей нас вечным народом».

Несмотря на всё это, трюк, с помощью которого США смогли обеспечить Израиль вооружением, в то же время официально отказываясь его ему продавать, не дал американскому президенту передышки («Никто не приветствует наше решение не продавать оружия Израилю, поощряя делать это наших союзников и освобождая для этого уже заказанное вооружение» — «Нью-Йорк Таймс», 19 мая). Сион требовал открытого подчинения, и сионистский гнев начал обращаться против Эйзенхауэра. Накануне его вторичного коллапса (летом ему пришлось лечь на операцию печени) полетели насмешливые обвинения в том, что он «работает неполное время». Кампанию открыла крикливая сионистка Агнеса Мейер, заявив на еврейском собрании в Нью-Йорке, что в то время как «бастион демократии» (Израиль) находится в опасности, «президента не найти на его посту в Вашингтоне: он играет в гольф в Августе», и предложила ему подумать о том, «может ли наша страна позволить себе роскошь иметь президента, работающего неполное время». Непосредственно за этим Эйзенхауэра поразило его вторичное серьёзное заболевание, и для приличия нападки на время прекратились; однако, как и всем его предшественникам, президенту не позволили забыть, в чём заключаются его настоящие обязанности и что если он отойдёт от политической линии Рузвельта и Трумана, то все средства сионистской

пропаганды немедленно обратятся против него. На другом берегу Атлантики в то же время на сионистской дыбе ломали кости другому главе правительства. В любом другом столетии сэр Антони Иден стал бы выдающимся государственным деятелем; в нашем ему пришлось вступить на пост премьер-министра с наследием «обязательств» Сиону, повисшим как жёрнов на его шее. Трудно было найти во всём мире политика равного ему по опыту и способностям в 1955 году, когда он принял свой пост. Он принадлежал к поколению Первой войны и воспоминания о битвах на полях Фландрии не покидали его во всей последующей жизни, посвящённой исключительно политике. Он происходил из старинной дворянской семьи с наследственными традициями государственной службы, и был кроме того одарённой и представительной личностью. В молодом возрасте он стал министром, занимая затем с краткими перерывами один высокий пост за другим в течение 20 лет, познакомившись за это время лично со всеми ведущими политиками в Европе и Северной Америке, будь они диктаторами или парламентариями. Этим он приобрёл совершенно исключительный опыт, необходимый для предстоящих критических лет; один только сэр Уинстон Черчилль во всём мире обладал сходным запасом личных связей и умения вести переговоры в той области, которая когда-то причислялась к искусству государственной деятельности.

Для занятия поста главы правительства Британской империи в 1955 г. Иден был ещё сравнительно молодым политиком (род. в 1897 г.), когда сэр Уинстон Черчилль отдал дань закону старости (ему шёл 82-й год), передав «факел» тому, кого он ещё в 1938 г. охарактеризовал, как воплощение «жизненной надежды британской нации». В том самом 1938 г. Антони Иден завоевал симпатии многих людей своего поколения тем, что подал в отставку с поста министра иностранных дел в знак протеста против политики «умиротворения» по отношению к Гитлеру, которого он считал идущим прямой дорогой к войне. Тем печальнее было современникам событий 1956 года связывать их с именем Антони Идена. Автор настоящей книги был лично знаком с Иденом, насколько это было возможным для иностранного корреспондента в годы, предшествовавшие второй мировой войне; помня общность взглядов, связавших его с Иденом в эти годы сумерек, спускавшихся над Европой, он написал ему письмо в дни, когда, судя по всему, Иден стал терять связь с послевоенным поколением, и получил от него дружественный ответ с воспоминаниями о прежнем знакомстве, а также с подтверждением знакомства с книгами автора. Этот последний помнит Идена выходящим с озабоченным лицом после встречи с Гитлером в 1935 году, когда тот в угрожающих тонах заявил, что германская авиация (официально ещё вообще не существовавшая) превосходит английскую. Автор сопровождал Идена во время его поездки в Москву в 1935 г. и смог услышать от него подтверждение того, что потом стало известно об этой первой встрече Идена со Сталиным: грузинский бандит ткнул пальцем в маленькое пятнышко на карте мира, обозначавшее Англию, выразив своё удивление тем, что такая маленькая страна может держать в своих руках ключ к миру во всём мире (что в те годы вполне соответствовало действительности). Именно эти личные воспоминания сделали автору столь трудным понимание того, в какую авантюру Иден был втянут в октябре 1956 года.

С самого начала в мае 1955 г. профессиональному политическому наблюдателю было ясно, что Антони Иден в действительности был не столько премьер-министром, сколько министром по еврейскому вопросу, к этому времени уже воплотившемуся в сионистском государстве и его безграничных амбициях. Было также ясно, что вся его деятельность на посту главы правительства стояла под тенью этого вопроса и что его политическая судьба будет определяться вовсе не успехами или неудачами в вопросах национального интереса, а одними лишь его действиями по отношению к сионизму. В этом можно было убедиться ещё до принятия им поста главы правительства в последние недели, когда он был министром иностранных дел. Британское правительство заключило соглашение с Ираном и Турцией, обеспечивавшее защиту британских интересов на Ближнем Востоке, нефтяные запасы которого были жизненно необходимы для Англии и её доминионов в южном полушарии. В парламентских прениях по этому вопросу этот его аспект совершенно игнорировался, и страсти разгорелись исключительно вокруг того, «как это будет для евреев», т. е. какое влияние это соглашение окажет на положение «Израиля». Из 625 депутатов Палаты общин только два имели мужество заявить протест: «В наших прениях речь идёт не о Палестине, и министр иностранных дел обязан принимать во внимание мировые интересы и интересы Англии, даже если это вызовет недовольство других стран» (депутат Томас Рид); «судя по всем выступлениям достопочтенных депутатов на обеих сторонах Палаты, могло создаться впечатление, что речь шла исключительно о влиянии этого соглашения на положение Израиля, а не на улучшение нашей системы обороны во всём мире против угрозы советского империализма» (депутат Ф. Беннет). На что еврей-депутат от социалистов ответил: «А почему бы и нет?» И в самом деле, к этому времени стало уже почти невозможным обсуждать какой-либо важный

вопрос, кроме как в плане его отношения к Израилю, и это предопределило заранее весь политический курс правительства сэра Антони. В остававшиеся месяцы 1955 года, уже в качестве премьер-министра, ему пришлось неустанно возиться с «ближневосточным вопросом»: один раз он предложил разделить Израиль и арабские страны кордоном международных войск (США не согласились), в другой он хотел, чтобы Израиль, захвативший в 1948 г. гораздо большую территорию, чем та, что была «отведена» ему Объединёнными Нациями, согласился на незначительные «поправки» своих границ (на что со стороны сионистской печати в Америке посыпались обвинения, что теперь и Англия встала в ряды врагов Израиля»).

Следующий год был годом очередных президентских выборов в США и стал кризисным годом для Идена. Сионистская машина снова заработала на полный ход, разыгрывая Вашингтон против Лондона, а Лондон против Вашингтона, с сорокалетним опытом своих закулисных махинаций. В марте 1956 г. произошло нечто, оставшееся в значительной степени неизвестным мировой общественности, но указывавшее внимательным наблюдателям событий, что нападение на Египет предстоит в самом ближайшем будущем. Накануне еврейской пасхи загадочный «Голос Америки» передал праздничное сообщение, полное провокационных намёков на «освобождение евреев из египетского плена». В сочетании с пропагандной бомбардировкой Египта, всё более усиливавшейся в Вашингтоне и Лондоне, это ясно указывало на то, что ещё до следующей еврейской пасхи следовало ожидать грозных событий. Как правило, американская общественность не имеет понятия о том, что передаёт т. н. «Голос Америки» и к кому он обращается. Даже автору настоящей книги, несмотря на все старания, так и не удалось выяснить, какие официальные инстанции руководят этим «голосом» или хотя бы контролируют его, хотя для многочисленной аудитории во всех концах света он представляется рупором американского правительства. Единственное, что смог установить автор, было что средства этой институции, финансовые и прочие, поистине безграничны, и что её персонал состоит главным образом из восточно-европейских евреев[58]; деятельность этого учреждения происходит в условиях полной безответственности и секретности. В период венгерского восстания в октябре-ноябре 1956 г. как венгерские беженцы, так и американские корреспонденты, вернувшиеся из разгромленной страны, возлагали значительную часть ответственности за венгерскую трагедию именно на «Голос Америки». В самой Венгрии американцы убедились в полной уверенности венгерского населения в американской поддержке в случае советских репрессий; венгры подтверждали, что хотя передачи «Голоса» и избегали произносить слово «восстание», но фактически они к нему призывали и его провоцировали, гарантируя американское вмешательство и защиту. Президент Эйзенхауэр заявил, однако, после восстания, что «мы никогда не советовали ни одному из порабощённых народов поднять восстание против советских вооружённых сил». Такая же критика со стороны венгров была обращена и по адресу т. н. «Радио Свободная Европа», оперировавшего из западной Германии по лицензии боннского правительства. Газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила 23 ноября 1956 г., что по заявлению одного из первых венгерских беженцев, прибывших в Америку, «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа» годами «подстрекали нас» к восстанию, но когда оно разразилось Америка не пошевелила и пальцем. Западногерманское правительство назначило расследование передач «Свободной Европы» в период венгерского восстания после того, как в немецкой печати были опубликованы многочисленные обвинения в провокации со стороны этой радиостанции; в одной из её передач, а именно 5 ноября 1956 г., в разгар восстания, венгерскому народу сообщалось, что «военная помощь Запада не может быть оказана ранее 2-х часов утра» следующего дня, другими словами, что её следовало ожидать с минуты на минуту («Нью-Йорк Таймс», 8 декабря 1956 г.). Наиболее серьёзное обвинение в провокации последовало со стороны главы венгерской социал-демократической партии, г-жи Анны Кетли, которой удалось спастись от чекистских палачей во время кратковременного освобождения страны от коммунистической власти в ходе восстания. Она показала, что ещё в 1952 г., когда она сидела в тюрьме, «Радио Свободная Европа» в одной из своих венгерских передач сообщила, что я руководила из тюрьмы подпольным

---

[58] В годы написания настоящей книги «Голос Америки» содержал в Мюнхене «русскую редакцию», поставлявшую материалы для его русских передач. Из многих сотен тысяч русских эмигрантов и послевоенных русских беженцев в США, в их числе многочисленных представителей культурнейшего слоя России, для возглавления и руководства этой редакцией в Америке не нашлось никого, кроме двух русских евреев: «Чарльза Львовича» Маламуда и «Нельсона Карловича» Чипчина, не обладавших ни малейшей квалификацией для занятия этих должностей, помимо посредственного знания русского языка.

В те годы, если в комнатушках русских беженцев и висели какие-нибудь портреты, то либо государя-императора и вождей Белого движения, либо же генерала А. А. Власова; в кабинете Маламуда висел «портрет» (старинная русская гравюра) Пугачёва, — также одна из тех символических «мелочей», старательно соблюдающихся сионистами, о чём пишет Дуглас Рид

освободительным движением, причём были названы имена нескольких других лиц, якобы руководивших этим движением. Меня забрали из тюрьмы, где я сидела в одиночной камере с 1950 года и сделали мне очную ставку с сотнями бывших активистов венгерской социал-демократии и профсоюзов. Всех их пытками заставили признаться в участии в несуществовавшем антикоммунистическом заговоре. В передаче «Свободной Европы» не было ни слова правды: с момента моего ареста я сидела в одиночке и не видела и не встречала буквально никого. Радио Свободная Европа совершило тяжёлый грех, заверяя венгерский народ в военной поддержке Запада, в то время как о такой поддержке не могло быть и речи» («Нью-Йорк Таймс», 30. 11.56). Так Америка говорила двумя «голосами»: одним своего президента, обращавшегося официально к мировой общественности, и другим «Голос Америки», подстрекавшего народы, поверх голов американцев, к опасным шагам. Официальную линию американской политики газета «Нью-Йорк Таймс» выразила в тот период в следующих словах: «Ответственные члены правительства частным образом заверяют, что правительство США стремится избежать впечатления, будто бы оно стоит исключительно на стороне Израиля, что было бы равнозначно выдаче арабских стран под влияние Советского Союза». Трудно предположить, чтобы арабские народы поверили этим «частным» заявлениям, если они вообще о них когда-либо слышали, после того, что они узнали от «Голоса Америки» о готовящемся освобождении евреев из «египетского плена».

С этого момента ураганный огонь западной пропаганды повернулся против Египта. Последовавшие события легко понять в свете уже цитированной нами записи в дневнике военного министра США Генри Стимсона накануне Перл-Харбора, согласно которой задачей правительства Рузвельта в конце 1941 г. было спровоцировать японцев на «первый выстрел». Всё указывало на то, что теперь, в 1956 г., к этому «первому выстрелу» должен был быть спровоцирован Египет. Этот последний себя спровоцировать не дал, но тогда весь мир убедился в том, что вовсе не обязательно было делать «первый выстрел», дабы попасть в агрессоры: средства массовой пропаганды в мировом масштабе были уже до того усовершенствованы, что нужное государство можно было объявить агрессором в тот самый момент, когда чужие войска переходили его границы, и даже ещё раньше этого. Все предшествовавшие этим событиям «осуждения» Израиля в намеренной и неспровоцированной агрессии не играли ни малейшей роли.

Кризисный период начался 7 марта 1956 г. (как-раз накануне передачи «Голоса Америки» об освобождении из египетского плена), когда Антони Идену вновь пришлось в Палате общин встретиться с пресловутым еврейским вопросом. К тому времени его противники из социалистической оппозиции, несмотря на все «осуждения» Израиля в ООН, с пеной у рта требовали оружия для еврейского государства и «нового международного договора с гарантиями для Израиля»; как и нью-йоркские политиканы, они не видели иной возможности вновь прийти к власти, кроме как ценой новых поблажек Сиону. На премьер-министра «обрушилась буря злобных нападок и оскорблений, каких Палата общин не видела со времён последних дней премьерства Невиля Чемберлена» («Нью-Йорк Таймс»); «Разыгрались такие сцены, что даже те, кто их вызвал, почувствовали себя неловко; пришлось вмешаться спикеру с просьбой дать премьер-министру всё же возможность высказаться» («Дейли Телеграф»). Тщетно Иден пытался напомнить, что до тех пор парламент его вежливо выслушивал в течение «более чем 30 лет». Возможно, что он рассчитывал на поддержку из Америки, где в тот же самый день президент Эйзенхауэр высказал мнение, что «бесполезно стараться сохранить мир на Ближнем Востоке, вооружая один миллион семьсот тысяч евреев против сорока миллионов арабов» (к тому времени американские поставки оружия были уже на пути в Израиль). В Англии, однако, все ополчились против Идена. «Дейли Телеграф», считавшийся органом его партии, мог в текущей информации возмущаться тем, как с премьером обращались в парламенте, но в своих передовицах писал, что необходимость вооружения Израиля «неоспорима» — словечко, избавляющее от нужды каких-либо доказательств. Социалистическая оппозиция в своём стремлении угробить премьера на «еврейском вопросе» распоясалась до последнего. В двух последовательных номерах левого журнала «Нью Стейтсмен» говорилось, что с одной стороны Англия не имеет ни права, ни средства ввязываться в новую мировую войну при каких бы то ни было условиях и должна просто сложить оружие («Эффективная оборона превышает в настоящее время наши возможности, и единственной альтернативой к полному уничтожению является полное разоружение», 10 марта 1956 г.), с другой же требовалось, чтобы Англия вооружила Израиль и обязалась воевать за него («Война станет менее вероятной, если Израиль получит самое современное вооружение, и рабочая партия вполне права, требуя, чтобы он его получил»… «вопрос не столько в нежелательности гарантировать ещё даже официально не установленные границы (Израиля)… сколько в военной проблеме как собрать и

отправить необходимую военную силу (для его защиты)… Имеем ли мы достаточные военно-морские силы в восточном Средиземноморье? Не уверен ли г-н Гейтскелл (лидер социалистов) в том, что британская общественность поддержит войну в защиту Израиля, даже без санкции Объединённых Наций?, — 17 марта). Из этих цитат видно, к каким необозримым последствиям привели данные Сиону обязательства, по началу казавшиеся лишь маловажными. Казалось, что сэр Антони Иден, вместе с правительством США, в этот момент старался удержать волну массового психоза, тем не менее, он нашёл нужным послать „предупреждение Египту“, которое не было ничем оправдано и привело, как показало будущее, к роковым последствиям. Официально и для видимости английское и американское правительства в этот момент ухаживали за Египтом, надеясь на его помощь в „умиротворении“ Ближнего Востока; с этой целью Англия даже собиралась „под американским давлением“ убрать свои войска из зоны Суэцкого канала. В наличии этого „давления“ не может быть сомнений, поскольку вся американская печать отмечала успех политики США в этом направлении; „Нью-Йорк Таймс“, например, писал 21 октября 1956 г.: „Государственный секретарь Даллес не сомневается, что ему будет обеспечена дружба арабов при сохранении дружбы Израиля, если он окажет давление на Англию, чтобы она вывела свои войска из Египта“.

Политикам никогда не удастся найти ответ на вопрос, почему это вдруг Антони Иден, не получив ничего взамен, поддался этому «давлению», выпустив из рук то, что непосредственно вслед за этим было объявлено «жизненной линией» (Суэцкий канал) Британской империи. Всякое «давление» из Вашингтона в вопросах Ближнего Востока за последние 40 лет (написано в 1956 г. — *прим. перев.*) всегда было сионистским давлением; и в то же самое время египетский журналист, некий г. Ибрагим Иззат, был обрадован сердечным приёмом у израильских премьер-министра, министра иностранных дел и министра труда, заверивших его в том, что у «Израиля и Египта общая цель противодействовать британскому влиянию на Ближнем Востоке» («Рос эль Юсеф», май 1956 г.; «Нью-Йорк Таймс», 20 мая). Как бы то ни было, результаты этой уступки «давлению» сказались очень скоро в виде войны, в которой Англия потерпела невиданное унижение и фиаско. Выход англичан из Египта по всей видимости был британской половиной англо-американской сделки с целью «завоевания дружбы арабов»; её американской половиной должно было стать предоставление, вместе с Англией и Международным Банком 900 миллионов долларов на постройку Ассуанской плотины на реке Нил (это предложение Египту было сделано в декабре 1955 года). Для анализа событий этого времени снова необходима их точная хронология. Британские войска эвакуировались из зоны Суэцкого канала, согласно договорённости, в июне 1956 г. 6 июля того же года представитель американского Госдепартамента сообщил печати, что предложение финансировать строительство Ассуанской плотины «сохраняет свою силу». Несколькими днями позже и египетский посол в Вашингтоне подтвердил, что Египет «окончательно решил обращаться за западной помощью в строительстве плотины». 19 июля тот же посол явился к Даллесу для официального принятия этой помощи, но ему было сказано, что американское правительство «передумало». За день до того представитель Форин Оффиса в Лондоне сообщал печати, что английская часть предложения «сохраняет силу». 19 июля тот же представитель Форин Оффиса сообщил печати (но не египетскому послу) что Англия также берёт своё предложение помощи обратно. Указать причины этого он отказался, но подтвердил, что имела место «непрестанная консультация между Уайтхоллом (резиденция британского правительства) и Вашингтоном».

Другими словами, «давление» с явной целью нанести оскорбление Египту этим презрительным афронтом исходило с той же стороны, что и «давление» задобрить его выводом англичан из зоны Суэца. Британское правительство было намеренно поставлено в затруднительное и опасное положение: если первая «уступка» (вывод войск из Суэца), заявление Эйзенхауэра о его желании «приостановить ухудшение отношений между арабскими народами и Соединёнными Штатами» и восстановить доверие арабов» к Америке, то неожиданный поворот в вопросе финансирования жизненно важной для Египта Ассуанской плотины должен был насторожить Лондон, который имел возможность выиграть многое, не подчинившись «давлению» в этом втором вопросе.

В истории не найти примера другой, столь же расчётливой и наглой провокации по отношению к стране, с которой «Запад» якобы собирался укреплять свою дружбу. Подобное поведение Вашингтона и Лондона стало возможным только после того, как оба они стали послушными слугами сионизма. Американский отказ от уже сделанного предложения в столь важном для Египта вопросе, и главное то, в какой манере этот отказ последовал (о послушной имитации в Лондоне не приходится и говорить), явились истинным началом военного кризиса в 1956 г., однако настоящий источник его, пресловутое «давление», не были американскими. Комментируя отказ от данных Египту обещаний, «Нью-Йорк Таймс» скромно замечал, что «некоторые конгрессмены опасались недовольства в сионистских кругах»

этими обещаниями. Остаётся лишь добавить, что провокация была проведена в самый подходящий момент: в год президентских выборов, когда политиканы обеих американских партий думают лишь о том, как перещеголять друг друга в «уступках» еврейству.

Реакцию взбешённого Египта нетрудно было предвидеть: в ту же неделю президент Нассер объявил о национализации Суэцкого канала, управлявшегося частной международной компанией, большая часть акций которой была скуплена Англией ещё в эпоху Дизраэли; международная политическая атмосфера вновь заполнилась разговорами о войне, как в своё время в 1952-53 гг. в период «процесса еврейских врачей» в Москве. В мировой печати немедленно появился новый «злодей» — президент Нассер, что было верным признаком готовящейся войны. Автору пришлось за свою жизнь видеть многих таких «злодеев» на страницах газет, и каждый раз он мог наблюдать, что эту пропаганду можно открывать и закрывать, как водопроводный кран, наполняя отравой сознание масс:

«Проклятый сок хранится в этой склянке, И в ухо мне влита смертельная отрава…» (Гамлет) В детские годы автора пугали «сумасшедшим муллой» (давно забытый всеми мусульманский вождь) и превращённым в «злодея» почтенным старым буром по имени Пауль Крюгер. Задним числом становится ясно, что все эти «злодеи» из политического кабинета страхов были не хуже, чем те, кто обливал их помоями. Даже ещё до того, как пропагандная подготовка войны достигла стадии «злодея», и задолго до беспрецедентной провокации 19 июля, всё ещё не вызвавшей со стороны Египта ничего, что можно было бы приравнять к «воинственным действиям», президент Нассер был уже объявлен агрессором в войне, которая ещё должна была начаться. В марте 1956 г. Бен Гурион заявил в Тель-Авиве, что одна только быстрейшая поставка оружия Израилю может предотвратить «нападение со стороны арабских государств в ближайшие несколько месяцев», добавив что агрессором будет египетский диктатор Нассер». 13 апреля Черчилль вновь появился на сцене после годичного пребывания на пенсии, заявив на весьма аристократическом собрании т. н. «Лиги Первоцвета», основанной его отцом, лордом Рандольфом Черчиллем, в память Веньямина Дизраэли, что «мудрость и честь» требуют английской защиты Израиля «если на него нападёт Египет». Сэр Уинстон достаточно ясно заранее высказал одобрение израильскому нападению на Египет, которого в то время требовали израильские «активисты»: «Если Израиль уговорят не использовать всех сил своей расы для отражения Египта сейчас, пока египтяне не научились пользоваться поставленным им русским (!) вооружением, после чего Египет начнёт нападение, то не только велением мудрости, но и делом нашей чести будет обеспечить, чтобы Израиль не был наказан за своё терпение»[59]. За этим завуалированным

---

59 Позиция Черчилля в еврейском вопрос со времени его возвращения в правительство в 1940 г. и до последних дней его жизни (умер в 1965 г. в возрасте 91 года) резко расходится с его взглядами в том же вопросе во время русской революции и в последующие годы, когда он видел в сионистах воплощение дьявольского начала и писал о «шайке… подонков больших городов Европы и Америки… держащей в своих руках русский народ» (см. главу 32 «Мировая революция шагает дальше»).

Известный английский историк наших дней, Давид Ирвинг, получивший всемирную известность своими трудами о второй мировой войне («Разрушение Дрездена», «Смерть генерала Сикорского», «Война Гитлера», «Путь к войне» и др., см. библиографию) собирал в течение 9 лет материалы для биографии Черчилля, пользуясь британскими, американскими, германскими, чешскими, польскими и советскими архивами. Рукопись была приобретена ведущими английскими, американскими и западногерманскими книгоиздательствами ещё до её окончания. По получении её все издательства от печатания книги отказались, а американское изд-во Doubleday потребовало возврата 100 000 долл., выплаченных в качестве аванса. Главный редактор ведущего английского изд-ва Macmillan & Co. был до последнего момента самого высокого мнения о полученной рукописи, но, вынужден был сообщить автору, что на заседании правления было принято решение книгу не печатать; председатель правления лорд Стоктон (б. английский премьер-министр Гарольд Макмиллан) заявил, что «книга будет напечатана только через мой труп».

Предложения автора дать рукопись на отзыв профессорам-историкам Оксфорда и Кембриджа были оставлены без внимания.

На вопрос корреспондента одной ирландской газеты о закулисных причинах отказа Давид Ирвинг ответил, что в частности еврейская «Анти-Диффамационная Лига» (АДЛ) в США разослала издательствам и газетам «циркуляр» на 30 страницах с личными нападками и клеветой против него (см. главу 40 «Захват Америки»). Ирвингу удалось получить один экземпляр и он уведомил главу АДЛ, что в случае появления этого документа в Англии (где законы о клевете гораздо строже, чем в США) он подаст на эту организацию в суд.

Если книга Давида Ирвинга всё же появится в печати (на что можно надеяться), читатель познакомится с портретом знаменитого политика, сильно отличающимся от обычных славословий по адресу этой личности, о которой Дуглас Рид пишет, что в первую очередь к ней самой относится характеристика Черчиллем советской системы, как «загадки внутри секрета, окутанного тайной»: обнаруженные историком материалы свидетельствуют о том, что Черчилль был прежде всего «спившимся трусом и лицемером», по крайней мере в последние 30 лет своей жизни. В области политики главная заслуга Черчилля перед сионизмом заключалась, как это явствует из труда Ирвинга, в том что он продал интересы Англии клике финансовых воротил, до сего дня руководивших политикой США, а с ней и всего мира. Речь, однако, идёт далеко не об одной только Англии с её бывшей колониальной империей, поскольку «деколонизация» во всём мире менее всего пошла на пользу «освобождённых», отданных во власть анархии и варварства, то главной её целью следует считать ликвидацию

приглашением к агрессии последовало явно провокационное нападение Израиля на египетские войска в полосе Газа, во во время которого были убиты и ранены 150 человек, включая женщин и детей. Пропагандный гвалт о «злодее» и «египетской агрессии» на всём Западе продолжал тем временем нарастать. Два весьма символических события показали в те дни, как далеко зашло закрепощение Англии Сионом. В июне 1956 г. в Лондоне, в роскошном средневековом зале Гильдхолла т. н. «Англо-Еврейская Община» праздновала «трёхсотлетие поселения евреев на британских островах»[60];

колонизаторской миссии Европы, приобщившей к христианской культуре целые континенты. Это «достижение» представляется, в свою очередь, частью плана разрушения христианского порядка и общества, над чем работают, как это показывает Дуглас Рид, уже многие поколения «сионских мудрецов», а Уинстон Черчилль выступает, в свете настоящей книги и новейших изысканий, как их орудие.

[60] Евреи были изгнаны из Англии в 1290 г. королём Эдуардом I после многочисленных разоблачений убийств христианских детей евреями с ритуальной целью, зарегистрированных в 1144 г. в Норвиче, в 1160 г. в Глостере, в 1181 г. в Бэри Сент-Эдмунде, в 1192 и 1232 гг. в Винчестере, в 1235 г. снова в Норвиче, в 1244 г. в Лондоне, в 1255 г. в Линкольне, в 1257 и 1276 гг. снова в Лондоне, в 1279 г. в Нортхемптоне и в 1290 г. в Оксфорде. В добросовестности произведённых в каждом случае расследований нет оснований сомневаться, в 1144 г. следствием руководил епископ Норвичский, в 1255 г. — сам король Генрих III; в этих обоих случаях жертвы — 12-летний и 8-летний мальчики — были причислены церковью к лику святых, что, как известно, также делается после тщательнейшего расследования.

По официальным данным, из Англии были изгнаны все 16 000 проживавших в ней в то время евреев; Дуглас Рид считает, однако, что изгнание состоялось лишь «на бумаге» и что евреи фактически страны не покинули. Вполне вероятно, что значительной их части, при отсутствии полицейского надзора и регистрации, а также с помощью взяток местным властям, действительно удалось изгнания избежать.

Изгнания евреев в большинстве стран континентальной Европы также имели причиной ритуальные убийства, существование которых евреи начисто отрицают. Трудно, однако, считать «случайностью», что сотни зарегистрированных убийств производились аналогичным образом, всегда над одинаковыми жертвами (за немногими исключениями, дети мужского пола от младенцев до 12-13 летнего возраста) и повсюду обнаруживали одни и те же признаки мучений ребёнка в подражание мукам Иисуса Христа (распятие) и полного обескровливания жертв, причём собранная в сосуды кровь детей, согласно бесчисленным признаниям обвиняемых во всех концах Европы, рассылалась еврейским общинам для употребления при изготовлении «мацы».

Изгнание евреев из Франции впервые состоялось в 1080 т. после ритуального убийства сына парижского торговца, и повторялось в 1396 и 1591 гг. Убитый в 1179 г. в Понтуазе мальчик Ришар был причислен церковью к лику святых.

Изгнание евреев из Испании в 1492 г. было декретировано через 2 года после неопровержимо установленного ритуального убийства мальчика Христофора в Толедо, также причисленного к лику святых, как и убитый в Сарагоссе в 1250 г. св. Доминик.

Из более 200 зарегистрированных самыми серьёзными источниками ритуальных убийств в истории всей Европы, к лику святых были причислены св. Рудольф в Берне (Швейцария, убит в 1287 г.), св. Андрей в Ринне под Инсбруком (Австрия, 1462), св. Вернер в Обервезеле на Рейне (1268) и св. Симон (Триент, 1475) и Лоренцино (Падуя, 1485) в Италии.

Обычные доводы еврейских авторов, что признания добывались под пыткой не выдерживают критики: ни светские, ни церковные суды (инквизиция) христианской Европы «вымучиванием» признаний из невиновных не занимались. Еврейский историк Сесиль Рот (Оксфорд) признаёт в своей «Истории марранов», что инквизиция применяла пытку лишь с целью добиться сознания уже изобличённого преступника, поскольку по закону той эпохи без этого осуждение не могло состояться (см. Cecil Roth, «A History of the Marranos», Philadelphia, The Jewish Publication Society, 1932, p.116). Попытки еврейских источников изобразить осуждения за ритуальные убийства, как практику «варварского средневековья» также не выдерживают критики: в 19-ом столетии, когда о пытках не могло быть речи, зарегистрировано наибольшее число преступлений этого рода в одном столетии: 34 случая по одним источникам, 39 — по другим. Это стало возможным, благодаря установлению полицейского контроля и регистрации населения, а также усовершенствованию криминалистики, в то время как в средние века обнаруженные случаи этого преступления, несомненно, составляли лишь малую часть их действительного числа. Вспомним, что половой психопат и садист, барон Жиль де Рэ (кстати, один из самых блестящих сподвижников Жанны д'Арк, маршал Франции в 25 лет), мог безнаказанно творить свои преступления в течение 8 лет (1432-40), пока не был повешен и затем сожжён на костре 26 октября 1440 г. в Нанте; в подвалах только одного из его замков были обнаружены около 140 трупов детей и молодых людей обоего пола в возрасте от 7 до 20 лет, но историки считают число его жертв близким к 400. Этот случай не имел, разумеется, никакого отношения к еврейству и был расценён церковным судом, как сатанизм. Никаких пыток по отношению к Жилю де Рэ применено не было и его полное сознание состоялось под давлением улик, как это имело место также и во многих случаях ритуального убийства.

Аргументация еврейских источников, в том числе еврейских энциклопедий на всех языках, против «клеветы о ритуальных убийствах» поражает своей примитивностью и беззастенчивым искажением фактов в конкретных случаях: трудно видеть в этом иное, чем обычное отрицание совершённого любым преступником, ни одним судом не считающееся достаточным доказательством невиновности.

В России выяснение вопроса о ритуальных убийствах впервые было поручено министром вн. дел графом Л. А. Перовским в 1844 г. чиновнику особых поручений, знаменитому лингвисту и составителю «Толкового словаря великорусского языка» Влад. Ив. Далю, составившему после многолетних изысканий «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», напечатанное в немногих экземплярах для служебного пользования, явно чтобы не возбуждать народа против евреев. Даль приводит более 30 авторов на нескольких языках, занимавшихся расследованием этого вопроса в разные эпохи европейской истории, цитирует трактат Талмуда «Санхедрин», в котором значится, что «дети христиан суть незаконнорождённые, а писание повелевает (!) мучить и убивать незаконнорождённых», и другие тексты Талмуда,

супругу молодой королевы, герцогу Эдинбургскому, было предложено для участия в банкете надеть на голову еврейскую ермолку. В сентябре того же года «Общество Кромвеля отслужило молебен(!) у статуи цареубийцы и палача ирландских священников в Дрогхеде, чтобы отпраздновать ту же сказку о „возвращении“ евреев в Англию при Кромвеле; президент почтенного общества, некий г. Исаак Фут, „рекомендовал“, чтобы молодой принц Чарльз, если ему случится взойти на престол, принял имя „Оливера Второго“, потому что „мы не хотим иметь Карла Третьего“. От внимательных наблюдателей не ускользнёт упорство, с которым закулисные режиссёры наших дней инсценируют одну за другой „мелочи, явно имеющие символическое значение; во время коронации Елизаветы II в 1953 г. важной частью торжеств был смотр в военно-морской гавани в Спитхеде, куда прислали свои суда все страны, располагавшие флотом. Среди нескончаемого ряда кораблей, мимо которых проходило судно королевы, был один, на котором не было выстроено команды для приветствия (газеты объяснили это простой „случайностью“): это был советский крейсер «Свердлов“, названный в честь еврейского убийцы семьи русского императора, двоюродного брата короля Георга V, деда королевы Елизаветы.

После захвата Суэца президентом Нассером крики на Западе о войне поднялись до угрожающей ноты. Сама по себе, «национализация» не могла в 1956 г. никого удивить. Америка примирилась с захватом иностранной собственности — нефтяных месторождений — в Мексике, правительство которой согласилось возместить их стоимость владельцам (что сделал и Нассер); у себя дома американцы давно уже вступили на проторённую дорожку к обнищанию страны путём «национализации», отдав под управление правительственной бюрократии 100 тыс. кв. километров в долине реки Тенесси в семи штатах (одно из первых мероприятий «нового курса» Рузвельта в 1933 г., т. н. Tennessee Valley Authority, TVA), в Англии социалистическое правительство национализировало железные дороги и угольные месторождения. Трудно было поэтому найти сколько-нибудь обоснованные, законные или моральные, причины для разбушевавшейся кампании обличения и осуждения, хотя и следует признать некоторую разницу в оттенках между имевшими место прецедентами и актом президента Нассера, представлявшим собой не столько акт разумной политики, сколько протест против явной провокации и реакцию на неё.

Во всяком случае, если уж мероприятие Нассера представлялось столь нетерпимым, то единственным эффективным ответом могла бы быть лишь новая оккупация зоны Суэцкого канала, но как раз этого сделано и не было. Вместо этого, все политические и газетные оракулы, словно читая по давно заготовленной шпаргалке, принялись приклеивать Нассеру этикетку «Гитлера». Израильский премьер Бен-Гурион начал с «диктатора», скоро превратившегося в «фашистского диктатора», а французский премьер (к тому времени социалист Ги Молле) сразу же переделал это в «Гитлера». После этого кампания пошла знакомым путём, испробованным ещё против Сталина в 1952-53 гг.: диктатор, фашистский диктатор, и наконец «Гитлер». Значение всего этого не представляло сомнений: Нассера

говорящие о христианах как о скотах, достойных смерти. После описания 79 случаев ритуальных убийств в Польше, Даль разбирает ритуальные убийства в г. Велиже, Витебской губ., и в районе этого города в 1805, 1817 (2 случая), 1819 и 1821 гг., в Виленской губ. (1827) и в Варшаве (также в 1827 г.), в Минской губ. (1833), в Волынской губ. в том же 1833 г. и в особенности хорошо известное Велижское дело 1823 г.

Расследование В. И. Даля (на 127 стр.) впоследствии исчезло из тех немногих библиотек, где имелся его экземпляр, но было переиздано в 1913 г. в связи с нашумевшим делом Бейлиса в Киеве. На этом последнем процессе неоднократно цитировалось Саратовское дело о ритуальном убийстве 2-х мальчиков 10 и 11 лет в 1852 и 1853 гг., закончившееся осуждением 4-х изобличённых евреев к высшей мере наказания за уголовные преступления в дореволюционной России, 20 годам каторжных работ. В деле Бейлиса факт ритуального убийства был установлен с полной достоверностью, но суду видимо было предложено воздерживаться от употребления этого термина, чтобы не возбуждать народ против евреев; обвиняемый Мендель Бейлис был оправдан судом присяжных по недостатку улик после того, как в ходе двухгодичного следствия (1911-13) были подкуплены несколько следователей и отравлены трое детей, видевших как Бейлис тащил 12-летнего Андрея Ющинского на кирпичный завод еврея Зайцева, где произошло убийство.

Православной церковью признано канонизирование двух жертв ритуальных убийств, св. св. младенца Гавриила (Белосток, 1690), произведённое католической (униатской) церковью в Польше до её раздела, и преп. Евстратия (Киев, 1096).

Таким образом, первое изгнание евреев из Англии (полное или частичное) состоялось в 1290 г. по обвинению в коллективно совершаемом преступлении, хорошо известном во всей христианской Европе, начиная от первого упоминания о распятии евреями христианского мальчика в Антиохии в 418 г. и кончая делом Бейлиса в Киеве в 1911 г. Даль упоминает, что вторичное изгнание евреев из Англии имело место в 1510 г., что сходится с версией Д. Рида, что либо часть евреев избежала изгнания в 1290 г., либо же они смогли, несмотря на запрет, прибыть в Англию в последующие столетия. Празднование Англо-Еврейской Общиной «300-летия поселения евреев на британских островах» относится, разумеется, к официальному разрешению возвращения их в Англию, данному Кромвелем. Описывая связи Кромвеля с голландскими евреями (раввин Манассе в Амстердаме), автор не отметил, однако, общеизвестный факт финансирования ими английской «революции» 17-го века. Вплоть до прошлого века большинство английских евреев были испанского происхождения, прибывшие в страну через Голландию.

нужно было изобразить, а если надо и наказать, как врага евреев. Когда сэр Антони Иден поднялся со своего места в Палате Общин (9 августа 1956 г.), чтобы снова сцепиться с кошмаром его ночей, «ближневосточным вопросом», лидер социалистов Хью Гейтскелл возвестил: «Всё это давно уже знакомо… это совершенно то же, с чем мы встретились у Муссолини и Гитлера перед войной». Другой социалистический оратор, — некий Педжет, также утёр нос премьеру: «Эта техника (Нассера) совершенно та же, что и у Гитлера; понятны ли Вам последствия отказа отвечать на силу силой, пока ещё не стало слишком поздно?» Социалисты намеренно кололи Идена намёками на политическое прошлое, провоцируя его на применение силы (когда он её применил, на него посыпались крики «убийца»). Однако, в прошлом, он был как раз тем министром, который ушёл в отставку в знак протеста против уступок Гитлеру, и его правота была немедленно подтверждена вторжением Гитлера в Австрию. Это и было той «силой», применение которой Иден давно уже видел и в 1938 г. он был совершенно прав. В 1956 г. всё выглядело совершенно по иному и никакие сравнения не были возможны. Египет не был большой военной силой, но лишь весьма малой; никто не «умиротворял» Египет после вывода английских войск из Суэца, но, наоборот, он стал жертвой провокации и намеренного унижения; Египет вовсе не был агрессором, подвергаясь провокационным нападениям в течение многих лет, а Израиль открыто заявил, что будет воевать с Египтом. Всякие сравнения с «Гитлером» были поэтому полнейшим абсурдом, если только единственной целью этой демагогии не было подтверждение того, что сионисты считают Египет своим врагом. Тем не менее, и Антони Иден опустился до этой сказки (возможно под давлением ещё свежих воспоминаний о 1938 годе), назвав Нассера «фашистским грабителем, аппетит которого растёт при его откармливании»: словарь применявшийся им и Черчиллем за 18 лет до того против Гитлера. Автор должен добавить, что точно этих выражений ему не удалось найти в текстах выступлений Идена, но во всяком случае в этой форме они были доведены «Нью-Йорк Таймсом» до сведения «черни» (см. «Протоколы»), а только это и представляет значение, что должно быть хорошо известно премьер-министрам. В остальном нападки сэра Антони на президента Нассера основывались на доводах, что Суэцкий канал «жизненно нужен другим странам во всех частях света… вопрос жизни и смерти для всех нас… канал должен умело эксплуатироваться и оставаться открытым, как это всегда было в прошлом в качестве свободного и надёжного международного морского пути для судов всех наций». Однако, Нассер вовсе не закрыл канал, а только его национализировал, т. е. изменил права собственности, получение с него доходов и управление им. Он продолжал оставаться открытым для «судов всех наций» с одним только исключением, в котором явно и заключался секрет пропагандного шабаша: единственной страной, которой не было предоставлено полной свободы прохода через канал, был Израиль с которым — по крайней мере технически — Египет всё ещё был в состоянии войны, поскольку в своё время в 1948 г. было заключено лишь перемирие. Египет задерживал, поэтому, суда, направлявшиеся в Израиль и проверял не везут ли они оружие. Это было единственным ограничением в эксплуатации Суэцкого канала: следовательно, сэр Антони выступал только по поводу одного этого вопроса, а вовсе не британских интересов; заключительными словами сэра Антони, однако, было: «Дорогие друзья, мы не собираемся решать этот вопрос силой». В последующие недели, пока на многочисленных конференциях в Лондоне и Вашингтоне шли поиски «решения», международная печать печатала сообщения, что «египтяне» не в состоянии эксплуатировать канал и что движение в нём скоро закроется. В действительности, канал управлялся вполне нормально и судоходство продолжалось без помех, кроме одного лишь, упомянутого выше исключения. Совершенно ясно, поэтому, что нараставшие в своей резкости протесты правительства сэра Антони могли представлять интересы одного только Израиля. Это было подтверждено и с еврейской стороны. 22 авуста 1956 г. мадам Роза Гальперина, исполнявшая дела председателя Еврейского Агентства в Палестине констатировала в газете «Нью-Йорк Таймс», что единственной юридической претензией западных держав против Египта в смысле нарушения конвенции 1888 г. (о правах пользования Суэцким каналом) является запрет Египта для судов Израиля и ограничения для судов, направляющихся в Израиль». Заявление г-жи Гальпериной, с юридической точки зрения, было вполне правильно. Если бы спор о Суэце шёл в юридической плоскости, то единственными претензиями могли бы быть таковые со стороны Израиля, а рассмотрение этих претензий в правовой плоскости неизбежно привело бы к оценке законности создания государства Израиль (на чужой земле и при изгнании коренного населения в условиях неприкрытого геноцида) и продолжения состояния войны между ним и Египтом. Другими словами, любое государство, которое включилось в пропагандную кампанию против Египта, фактически действовало по поручению Израиля в одних лишь его интересах, заранее решая все правовые вопросы в пользу Израиля. В сентябре сэр Антони пошёл ещё далее по пути предвосхищения египетской агрессии. Автору остался недоступным текст его выступления, однако агентство печати

Ассошиэйтед Пресс передало для печати в тысячах газет во всём мире следующую его версию: «Премьер-министр Иден предсказал сегодня, что если ему простят захват Суэцкого канала, то следующим шагом президента Нассера будет нападение на Израиль. Сэр Антони дал понять, что в случае необходимости Англия окажет Израилю вооружённую помощь» (13 сентября). Так британский премьер оказался на скользком пути. За какие-нибудь полтора месяца тема «жизненной линии» и «вопроса жизни и смерти» отошла на второй план, и весь мир оказался перед неожиданной угрозой войны, которую должен был начать президент Нассер, при условии если в мире произойдёт ещё что-то другое. С этого момента «чернь» стали усиленно пичкать сообщениями о непосредственно предстоящем нападении Египта на Израиль; от темы о «нарушении международного судоходства» пришлось отказаться за её очевидной несостоятельностью. Со временем эта демагогия достигала такой силы, что многие рядовые читатели газет должны были полагать, что Египет уже напал на Израиль. Дадим только один из множества примеров: как писало лондонское «Weekly Review» в сентябре 1956 г. за несколько недель до нападения Израиля на Египет: «Можно быть абсолютно уверенными в том, что подстрекаемые Россией арабы нападут на Израиль. В настоящее время это не представляет ни малейших сомнений и должно лечь в основу всех наших расчётов».

Приступая к написанию этой книги, автор хотел лишь дать понять читателям позднейших, как он надеется более разумных времён, некоторое представление о том, в каком удивительном состоянии находилось печатное слово в течение 1950-х годов. Им не удалось бы понять того, что происходило в эти годы, не отдавая себе отчёта в царившем тогда режиме систематической дезинформации, не знавшей никаких пределов. Цитированное выше «сообщение» было напечатано после долголетних, непрекращавшихся нападений Израиля на своих арабских соседей и его повторных осуждений со стороны ООН именно за эти акты неприкрытой агрессии. Так за первые 9 месяцев года президентских выборов в Америке была подготовлена почва для решающих событий в октябре 1956 г. Вооружение поступало непрерывным потоком с Запада в Израиль. После национализации Нассером Суэцкого канала Иден объявил, что «все поставки вооружения Египту остановлены»; в том же июле месяце Израилю были поставлены из Англии два эсминца. В течение весны и лета Франция поставляла под американским «давлением» реактивные самолёты-истребители и другое вооружение Израилю. В сентябре, по тем же настояниям, Канада также обязалась поставить Израилю реактивную авиацию; правительство в Оттаве сообщило («Нью-Йорк Таймс», 22 сентября), что «перед принятием этого решения оно консультировалось с США». В течение всего этого времени предвыборная кампания шла в Америке полным ходом, и демократы, стремясь снова овладеть Белым Домом, побивали все прежние рекорды в своих посулах по адресу «еврейских избирателей»: мэр Нью-Йорка потребовал, например, чтобы Израиль получал своё вооружение «в качестве подарка», т. е. даром; республиканские кандидаты были несколько более сдержанными, однако, когда открылись предвыборные конвенты (республиканский в Сан-Франциско, демократический в Чикаго, оба в августе), между про-еврейскими обязательствами обеих партий трудно было найти разницу, т. ч. израильская «Jerusalem Post» спокойно могла бы повторить (а возможно и действительно повторила) своё заявление 1952 года, что «для еврейского избирателя» между обоими кандидатами в президенты «нет большой разницы». В «программах внешней политики» обеих партий единственными существенными пассажами были относившиеся к Израилю; все остальные внешне-политические заявления были набором общих слов, не заслуживавших внимания. Напротив, обязательства по отношению к Израилю были предельно ясными и конкретными.

В программе республиканской партии, кандидатом которой был единогласно избран президент Эйзенхауэр, было сказано: «Мы считаем сохранение существования Израиля важным догматом американской внешней политики. Мы полны решимости поддержать целостность независимого еврейского государства. Независимость Израиля мы поддержим против всякой вооружённой агрессии». В демократической программе говорилось: «Демократическая партия будет активно действовать с целью исправления опасного неравновесия в вооружениях, созданного коммунистическими поставками вооружения Египту, путём снабжения Израиля оборонительным оружием, и предпримет все необходимые шаги, включая гарантию безопасности Израиля, для предотвращения агрессии и войны на Ближнем Востоке» («опасное неравновесие в вооружениях» отражало, разумеется, пропагандную сказку о «беззащитном» Израиле, противостоящем вооружённым до зубов арабским странам; мы уже цитировали ранее высказанное американским военным зкспертом, Хансоном Болдвином, убеждение, что военная мощь Израиля превосходила все семь арабских стран, взятых вместе). Обе политических программы отражали картину пол-мира в ярме у сионистов, полностью согласуясь с соответственными заявлениями правительства Англии. К собственно американским интересам обе программы не имели

никакого отношения, отражая лишь сионистский контроль над выборной механикой Америки или же, по крайней мере, слепую веру партийных, менеджеров в наличие такого контроля. События, по всем данным, подтверждают эту веру: посулившая евреям больше Демократическая партия завоевала большинство в Конгрессе, хотя президентом и был переизбран номинальный «республиканец» Эйзенхауэр.

Единственное другое важное событие обоих конвентов имеет, казалось бы, мало отношения к теме настоящей книги, но в будущем может возыметь немалое значение: это было вторичное утверждение Ричарда Никсона «напарником» Эйзенхауэра предвыборной кампании, т. е. фактически вице-президентом. Состояние здоровья Эйзенхауэра придавало должности вице-президента значительно большую важность, чем обычно, и возможность наследования Никсоном президентского поста между 1956 и 1960 гг. явно считалась в тех кругах, что управляют нынешней Америкой, большой опасностью; были поэтому приложены все усилия, чтобы противодействовать утверждению кандидатуры Никсона. Это в нашем веке вовсе не было удивительным; чему действительно можно удивляться, это тому, что эти попытки провалились. Можно надеяться, что когда-то на западном горизонте появятся сильные люди, которым удастся сбросить ярмо, довлеющее над американской и английской политической жизнью и этот провал закулисных генгефтмахеров был возможно проблеском зари грядущего освобождения; личность Ричарда Никсона приобретает поэтому в наши дни символическое значение, даже если он сам, случись ему стать президентом, вряд ли сможет разорвать свои цепи. (Прим. перев.: Дуглас Рид вновь предвосхищает события, наступившие через много лет по написании его книги. Никсон стал президентом, одержав блестящие выборные победы в 1968 и, в особенности, в 1972 гг., но уже в 1973 г. стал жертвой беспрецедентной клеветнической газетной кампании, вошедшей в историю под именем Уотергейта. В августе 1974 г. Никсон был вынужден подать в отставку, что было неслыханным событием во всей истории США. Как и предвидел Д. Рид, сломить диктатуру лево-либерального и сионистского «эстеблишмента» не удалось и Никсону).

Причиной столь непримиримой враждебности было прежде всего то, что Никсон не был «интернационалистом». Мало того, он сыграл ведущую роль в разоблачении и осуждении Альджера Хисса, советского шпиона в правительстве Рузвельта. Именно с этого момента ему неизменно была обеспечена «плохая пресса» не только в Америке, но и во всём «западном» мире. С таким «чёрным пятном» на его репутации, Никсон внушал опасения, что достигнув высшего поста он сможет взбунтоваться против кабалы, которой почти без исключения подчинялись все американские президенты и английские премьер-министры с начала нашего столетия. Само собой разумеется, что дело не обошлось и без обычного обвинения в «антисемитизме»; знакомому раввину пришлось выступить в защиту Никсона от ни на чём не основанной клеветы. Короче говоря, в кампании с целью помешать его выдвижению в президентские «напарники» были применены все средства политической интриги с необычной до тех пор энергией. Влиятельный политик из ближайшего окружения президента был специально освобождён на несколько недель от всех прочих дел, чтобы организовать во всеамериканском масштабе кампанию «Остановите Никсона!» с комитетами, массовыми собраниями и плакатами. На широкую публику, однако, это не произвело большого впечатления и Никсон явно продолжал оставаться одним из популярнейших кандидатов. С целью свалить его, демократическая партия (столь же заинтересованная в поражении Ннксона, как и известные круги в его собственной, республиканской партии) изобрела новую тактику утверждения кандидатов в вице-президенты. Вместо того, чтобы предоставить право своему президентскому кандидату (Адлай Стивенсон) самому назначить своего «напарника», как это всегда практиковалось до тех пор, на демократическом конвенте было решено сделать вице-президентский пост также объектом выборов; из числа нескольких претендентов избранным от демократов оказался сенатор Эстес Кефовер, один из самых усердных сионистов в своей партии. Целью этого манёвра было заставить республиканскую партию также следовать этой «демократической процедуре», заменив, таким образом, простое назначение кандидата в вице-президенты его выборами из числа нескольких лиц. Республиканцы не замедлили последовать этому примеру, и Никсон, как и Эйзенхауэр, был избран единогласно. Это событие, как и умелое поведение Никсона во время болезни Эйзенхауэра, которого он успешно замещал, ещё более повысили его шансы быть в один прекрасный день лично избранным в президенты, и его популярность возросла в такой степени, какой до того не могли себе представить его противники. Его политическая карьера до сего времени (написано в 1956 г. — *прим. перев.*) делает его фигурой, подающей такие же надежды, как и Иден в 1938 г., и можно ожидать, что на высшем посту в своей стране он примет меры для оздоровления американской внешней и внутренней политики (см. примечание выше).

После утверждения кандидатов в президенты и вице-президенты Америка на время вздохнула с

облегчением. Переизбрание Эйзенхауэра считалось обеспеченным, и печатная реклама стала изображать его как «того, кто избавил нас от войны». Это весьма походило на то, что писалось в своё время и о Вудро Вильсоне в 1916 г. и о Рузвельте в 1940 г., но к 1956 г. передышка хотя бы на три года считалась благом, и Эйзенхауэр пожинал преждевременные лавры «миротворца», сколь бы сомнительными они ни представлялись внимательным политическим наблюдателям. Автор был свидетелем выборов в 1956 г., как и предыдущих в 1952 г., и полностью отдавал себе отчёт в том, что фактически война — локализованная или всеобщая — была на носу. По его мнению, передышка могла бы быть выиграна, если бы день выборов президента (6 ноября) прошёл без взрыва на Ближнем Востоке, который вне всякого сомнения подготовлялся с сионистской стороны в течение долгого времени: из практики известно, что по окончании выборов сионистское давление на время ослабевает. Автор помнит, как он 20 октября сказал одному из своих американских друзей, что если ближайшие 17 дней пройдут без войны, то можно надеяться, что мир будет от неё избавлен на ближайшие три или четыре года. Он имел в виду то, что в американских политических кругах именуется «законом Фарлея», названного так по имени необычайно ловкого партийного воротилы, Джеймса А. Фарлея, которому приписывались ранние выборные успехи Франклина Д. Рузвельта. Суть этого «закона» сводится к тому, что к середине октября избирательного года американцы уже решают внутри себя, за кого они подадут голос, и что изменить их решение может лишь неожиданная смерть их кандидата, война или какой-либо особенно крупный скандал между серединой октября и 6 ноября. На следующий день после израильского нападения на Египет известный комментатор Джон О. Доннель писал: «Представители Госдепартамента, Пентагона (военное министерство) и главных квартир обеих политических партий не сомневаются в том, что Израиль открыл военные действия против Египта в полной уверенности, что Соединённые Штаты не рискнут в случае еврейской войны предпринимать что-либо накануне выборов своего президента… До политического руководства страны дошли сведения, что американские сионисты уведомили Тель-Авив, что для Израиля правительство демократов в Америке под Стивенсоном и Кефовером будет более выгодным, чем республиканское под Эйзенхауэром и Никсоном» («Нью-Йорк Дейли Ньюс»).

Война разразилась 29 октября, ровно за неделю до выборов; был явно выбран заранее самый подходящий момент, с расчётом на замешательство в Вашингтоне и Лондоне. С этого момента события развивались подобно стихийной волне, свободной от всех преград, и человечеству станет лишь позднее ясно, что при этом было уничтожено и что уцелело. Для Англии и происшедшей из неё семьи заокеанских народов эта война явилась почти полным разгромом, предвидимым концом её ввязывания в дело Сиона.

29 октября 1956 г. израильское правительство сообщило о начале вторжения в Египет всеми своими силами на всём фронте египетской границы с Израилем, и что его войска «продвинулись на 75 миль (120 км) внутрь египетского Синайского полуострова». В момент вторжения была проведена новая резня среди арабов внутри Израиля, далеко от египетской границы, а именно на другом конце Израиля, на границе с Иорданией. В арабской деревне Кафр-Кассем были хладнокровно вырезаны 48 мужчин, женщин и детей. Для арабов внутри и вне Израиля этот новый Дейр-Ясин явился символическим предупреждением о готовящейся им судьбе «полного уничтожения… мужчин, женщин и детей… не оставляя в живых ничего, что дышит», судьбе всех арабов, поскольку убитые принадлежали к сравнительно небольшому числу арабов, оставшихся в стране после Дейр-Ясина и образования государства Израиль. Это преступление было официально признано израильским правительством после того, как оно стало широко известным и предметом очередной жалобы арабских стран в адрес Организации объединённых наций (где на неё не было обращено никакого внимания, по крайней мере до дня написания этих слов, 20 декабря 1956 г.). 12-го декабря, через полтора месяца после преступления, Бен Гурион сообщил в израильском парламенте, что «убийц ожидает судебный процесс». Для арабов это было слабым утешением, ибо они хорошо помнили, что убийц из Дейр-Ясина также «ожидал судебный процесс» и что после «осуждения» их немедленно освободили и затем чествовали во всей стране. Опять -таки, до дня написания настоящих строк (20 декабря 1956 г.) среди миллионов слов, посвящённых разразившимся событиями, автор не мог найти ни одного о судьбе 215 000 арабских беженцев (согласно отчёту ООН от апреля 1956 г.) в полосе Газа после того, как Израиль вторгся и в Египет и в эту полосу. Израильское правительство с тех пор заявило, что оно не уйдёт с этой территории; ещё ранее было заявлено, столь же официально, что оно ни при каких условиях не допустит возвращения арабских беженцев в Израиль. Другими словами, судьба четверти миллиона человеческих существ, которая в любое иное время прежде вызвала бы возмущение и сочувствие во всём мире, была теперь совершенно игнорирована. Вероятно к ним относилось

упоминание в коллективной жалобе 11 арабских стран на имя ООН (14 декабря), что «сотни мужчин, женщин и детей были зверски и хладнокровно вырезаны»; однако нет шансов на полное освещение и беспристрастное расследование этих событий, поскольку в самой арабской жалобе говорилось: «Все подробности этого события и все размеры этой трагедии никогда не смогут быть выяснены». Во всяком случае, в деле резни в Кафр-Кассеме все факты были официально зарегистрированы.

Сообщения об израильском вторжении в Египет, после целой серии прежних нападений и их неоднократного «осуждения» Объединёнными Нациями, вызвали волну возмущения и негодования во всём мире. В это самое время венгерский народ стоял накануне победы во всенародном восстании против коммунистической революции. Обе разрушительные силы, спущенные из России в октябре 1917 года, осудили сами себя своими равно зверскими преступлениями. Не было нужды их уничтожать, они уничтожали себя сами. Великая сила возмездия поднялась против них, с которой даже они не в состоянии были справиться. Никакое «сионистское давление» в Нью-Йорке не в состоянии было изобразить израильское вторжение как «египетскую агрессию» и заставить общественность поверить этой сказке. Это было подарком неба, освобождавшим «Запад» от его дотоле неразрешимой дилеммы. Достаточно было стоять в стороне, предоставив «мировому общественному мнению» делать своё дело; на этот раз такое общественное мнение действительно существовало, будучи вызвано действиями, которые никакая «печать» не в состоянии была ни скрыть, ни замаскировать, ни представить в ложном свете.

В течение двадцати четырёх часов эта драгоценная возможность была упущена. Английское и французское правительства объявили, что они займут зону Суэцкого канала «если израильские и египетские войска не прекратят военных действий и не оттянут свои части на 10 миль по обе стороны канала в течение двенадцати часов». Поскольку это оставило бы израильские войска на добрых ста милях внутри египетской территории, было заведомо ясно, что это требование было для Египта неприемлемым. После этого британские и французские воздушные силы начали бомбардировку египетских аэродромов и других военных целей; уничтожение египетской авиации позволило захватчикам одержать лёгкую победу.

Будущему читателю этой книги трудно будет представить себе чувства, овладевшие англичанином его образа мыслей, когда автор находясь в США, узнал о случившемся. Слово «стыд» недостаточно для их характеристики, и они овладели им сильнее, чем в своё время в дни «Мюнхена», когда он ушёл из «Таймса», не имея других возможностей выразить свой протест (представляющийся ему в настоящее время довольно глупым). Автор никогда не забудет благородства его друзей-американцев в те дни. Они не верили своим ушам, будучи потрясёнными и смущёнными услышанным, но ни один из них не злорадствовал при виде беды, в которую попала Англия, что у многих американцев является инстинктивной, хотя часто и неосознанной реакцией. Многие из них отдавали себе отчёт в том, что зигзаги стоявшей под «непреодолимым давлением» американской политики были главной причиной этой катастрофической развязки, и разделяли чувство стыда, овладевшее автором. Для них было ясно, что стыдиться за свою услужливость сионизму нужно было всему «Западу», а не одним лишь Англии и Америке. Стыд стыдом, но вина за происшедшее ложилась в этот момент на Англию. Последствия её действий простираются настолько далеко в будущее, что им трудно дать полную оценку в настоящее время, однако одно не подлежит сомнению: Запад пренебрёг блестящими возможностями, представлявшимися ему одновременными событиями на Синайском полуострове и в Венгрии, совершив целую серию потрясающих просчётов, не имеющих по нашему мнению прецедентов в истории. С точки зрения политического игрока (поскольку с государственной деятельностью всё это не имело ничего общего) это было всё равно, что ставить на лошадь, уже отставленную от участия в скачках: невозможно было представить себе какого бы то ни было исхода этих событий, могущего пойти на пользу Англии (или Франции).

Из трёх замешанных в эту историю сторон один только Израиль не мог ничего потерять и мог, наоборот, многое выиграть. Возмущение мировой общественности неспровоцированным нападением на Египет немедленно перебросилось с Израиля на Англию и Францию, как только они поспешили надеть на себя доспехи агрессора и обеспечить ему победу. Его оставили далеко внутри египетской территории праздновать свои «завоевания». О Франции можно только сказать, что ей терять уже было нечего: революция 1789 г. подарила ей целую эпоху непрестанных поражений и политических провалов, отняв у неё способность подняться из состояния постоянной духовной подавленности. За 160 лет она испробовала все формы правления, которые только можно было придумать, не найдя ни в одной из них ни новых сил, ни нового доверия к самой себе. Её премьер-министры менялись так часто, что публика редко знала их по именам; подобно теням, они даже внешне походили один на другого, а понятие

французского политика стало синонимом продажности; американские комики смешили публику сообщением, что они едут в Лондон смотреть смену караула и в Париж — смену правительства. Государство, доведённое рядом продажных правительств до неспособности защищаться от германского вторжения на собственной территории в 1940 г., вторглось в 1956 г. на еги петскую территорию, будучи на службе у Израиля. Однако, после 1789 года это было лишь эпизодом в печальной истории Франции, неспособным сильно повлиять на её будущее.

С Англией дело обстояло по иному; она не только носила гордое имя, но и была примером достойных традиций в тяжёлые времена не хуже, чем в хорошие. В компании подобной публики она не могла ничего выиграть, но могла потерять не только имя, но и душу. Англия доказала, что она способна была научиться из уроков истории, не пытаясь силой штыков отвратить неизбежное и держаться за отжившую империю. Она смогла принять неизбежное и успешно плыть на волнах перемен, превращая колониальную империю сначала в содружество независимых заокеанских народов, а затем, по мере того как бывшие колонии приобретали независимость, в большую семью наций, связанных друг с другом без всякого принуждения невидимыми узами и продемонстрировавших свою неослабевающую силу во время коронации молодой королевы Елизаветы в 1953 г. Отсутствие какой бы то ни было жёсткой организации, основанной на применении силы, и постоянные возможности новых взаимоотношений между дружественными народами сделали проистекшую из «Британской империи» семью народов совершенно исключительным экспериментом в человеческой истории, обещавшим в 1956 г. блестящие возможности в будущем при условии сохранения прежнего курса. Заметим, что это было полной противоположностью тем методам, которыми человечество должно было управляться «мировым правительством», как оно было задумано в Нью-Йорке Бернардом Барухом и его школой «интернационалистов». Их концепция была основана на жёсткой организации с применением силы и наказующих санкций, и её трудно охарактеризовать иначе, как «сверх-национализм». Выступая на открытии памятника Вудро Вильсону в вашингтонском соборе в декабре 1956 г., Барух повторил свои прежние требования в на редкость противоречивой форме: «После двух мировых войн… мы вновь стремимся к тому, к чему стремился Вильсон, к „господству закона, основанному на взаимном согласии управляемых… этот закон может господствовать только если за ним стоит поддерживающая его сила“… именно поэтому мы должны по-прежнему настаивать на том, чтобы всякое соглашение о контроле атомной энергии и разоружении сопровождалось нерушимыми условиями инспекции, контроля и наказания нарушителей».

В противоположность этой явно недостижимой схеме «сверх-правительства», кажущаяся слабость гибкой взаимосвязанности британской семьи народов в действительности обращалась в её силу в момент испытаний; там где жёсткая организация разрушилась бы под влиянием внешних сил, эта система способна была временно уступить давлению, вернувшись к прежней форме по миновании опасности. Другими словами, в 1956 г. любое действие, которое фактически или даже только внешне означало отказ от политики, заслужившей столь высокую репутацию и принёсшей, в конечном итоге, большую материальную пользу, ставило на карту достижения всей британской истории. Именно с этой точки зрения следует рассматривать действия английского правительства 30 октября 1956 г.

Если Суэцкий канал был для Англии «жизненно важен», то почему она вывела свои войска из его зоны? Если жизненно важными были дружественные отношения с Египтом после этого вывода, то что должен был означать нарочитый афронт в июле 1956 г.? Если английским судам был обеспечен свободный проход и пользование каналом, то что означал крик о том, что канал «закрыли» и что под угрозой стояли «свобода и безопасность международного судоходства»? Если на карте стояли какие-либо британские жизненные интересы, то почему Англия ждала, пока Израиль вторгнется в Египет, и только тогда начала и своё наступление? Как ни крутить эти вопросы и с какой стороны их ни рассматривать, ответ всегда остаётся одним и тем же. Всё это не могло делаться ради интересов Англии или Франции, достаточной уликой является момент, выбранный для начала наступлений. Не будь Израиля, никакого наступления не было бы вообще; другими словами, унижение Англии (если угодно, и Франции) было куплено ценой успеха Израиля. Это было логическим последствием авантюры, в которую ввязался Бальфур за 50 лет до того, и своими действиями Англия обеспечила её продолжение, упустив из рук редкую возможность от неё отделаться. Если за британским наступлением — глупейшим в её военной истории — вообще могли стоять какие-либо соображения национального интереса, то надо надеяться, что о них когда-нибудь будет упомянуто в воспоминаниях тех, кто был замешан в этой акции; автор этих строк сомневается, чтобы ей можно было бы найти какое-либо оправдание. В настоящий момент о ней можно судить лишь по полному фиаско, наступившему за последние четыре недели.

Судя по всему, что стало до сих пор известно, вторжение в Египет было давно уже подготовлено, по крайней мере двумя его участниками, а именно Израилем и Францией. Корреспонденты «Таймса», агентства Рейтер и других газет и агентств сообщали, что они видели французские самолёты (с французскими опознавательными знаками и французских офицеров авиации на израильских военных аэродромах во время вторжения, а также и на «празднестве победы», данном в Тель-Авиве командованием израильских военно-воздушных сил, на котором присутствовал израильский командующий, генерал Моше Даян. Сообщения этих корреспондентов сходились все в одном важном пункте: французская авиация должна была обеспечить воздушную защиту Тель-Авива («воздушный зонт») в случае нападения египетской авиации. Агентство Рейтер сообщало, что французские лётчики, по их собственному признанию, атаковали египетские танки во время боёв на Синайском полуострове. Другими словами, официальное утверждение, будто удачей французских вооружённых сил было «разделить» воюющие стороны, являлось ложью: французские лётчики, офицеры авиации и самолёты были обнаружены во время военных действий позади израильского фронта в самом Израиле и на Синае. Корреспондент «Таймса» сообщал, что «Франция обязалась осуществить, в случае войны между Израилем и Египтом, всё необходимое для предотвращения любых враждебных действий против Израиля согласно условиям трёхсторонней декларации 1950 года, предоставив Израилю всё необходимое для войны вооружение». Однако, согласно упомянутой декларации 1950 года, Франция обязывалась беспристрастно «противодействовать применению вооружённой силы или угрозе такового на Ближнем Востоке. Все три правительства обязуются, в случае если какое-либо из этих (ближневосточных) государств собирается нарушать границы или линию перемирия… немедленно принять меры… для предотвращения таких нарушений».

Что касается Англии, то ко времени окончания написания настоящей книги правительство неоднократно отказывалось удовлетворить требования о расследовании по вопросу о наличии тайного соглашения с Израилем; официальных доказательств о существовании такого соглашения поэтому, в отличие от Франции, не имеется. Не исключено, разумеется, что решение начать военные операции британскими вооружёнными силами было принято внезапно, в момент считавшийся благоприятным. В этом случае имел место катастрофический просчёт гигантских размеров, ибо в момент предъявления английского и французского «ультиматума» Египту уже было созвано срочное заседание Совета безопасности ООН, и внесена резолюция, осуждавшая израильское вторжение и требовавшая, чтобы Израиль вывел свои войска с египетской территории (29 октября 1956 г.). Другими словами единственным результатом англо-французских операций было отвлечение всемирного осуждения от Израиля на самих себя, т. ч. к 7 ноября, после второй резолюции ООН, требовавшей вывода израильских войск, подавляющее большинство Генеральной ассамблеи ООН, как и полагается, перенесло всю тяжесть обвинений и осуждении на «Англию и Францию», а Израиль оказался на третьем месте в числе тех сторон, которым было предложено убраться из Египта. Вслед за президентом США, первым применившим этот трюк, «осуждение» было несколькими последовательными стадиями перенесено с «Израиля» на «Израиль, Англию и Францию», затем на «Англию и Францию», и под конец на одну только «Англию»; трудно не заметить любопытной параллели к применению того же трюка перед второй мировой войной в отношении к гитлеровским преследованиям, когда сначала речь шла о «преследовании политических противников», затем о «преследовании политических противников и евреев», потом «евреев и политических противников» и наконец только «евреев». В качестве наиболее характерного комментария этого периода можно привести слова г-жи Элеоноры Рузвельт, которая считалась в США рупором тех же сил, которые представлял и её покойный муж, Франклин Д. Рузвельт; на пресс конференции за три дня до президентских выборов (она принимала деятельное участие в кампании в пользу кандидата демократической партии) она заявила: «Я не считаю Израиль агрессором, он действовал в порядке самозащиты… по моему мнению Англия и Франция технически являются виновными в агрессии» («Нью-Йорк Таймс», 4 ноября 1956 г.)

К этому времени военное фиаско было столь же ясным, как и политическое. В течение пяти дней английские радиослушатели принимали сообщения об английских бомбардировках против египтян, Суэцкий канал был блокирован потопленными судами, популярность президента Нассера в арабском мире выросла до небывалых размеров, а английское правительство постепенно сдавало позиции с «вывода войск не будет» к «войска будут выведены при условии…», и наконец к «безоговорочному выводу войск» из Египта. Президенту Эйзенхауэру и его правительству авантюра принесла немалый политический доход, представив эту компанию в роли желанных миротворцев. Не представляет сомнений, что (подобно истории с Перл-Харбором) Вашингтон прекрасно знал о том, что подготовлялось на Ближнем Востоке. За несколько дней до израильского наступления американцам

было предложено убраться из опасной зоны, а за два дня до него Эйзенхауэр дважды посылал Бен-Гуриону предупреждения, один раз «срочно», а в другой раз «самым серьёзным образом»; единственным ответом было сообщение по радио, полученное Эйзенхауэром в самолёте на пути из Флориды в Вирджинию, о начале израильского наступления. Английское правительство однако никаких сообщений о своих намерениях не посылало, по крайней мере официально, что дало возможность Эйзенхауэру выступить по телевидению с видом оскорблённой невинности: «Мы полагаем, что это (наступление) было ошибкой, поскольку мы не считаем военную силу разумным или подходящим орудием для разрешения международных споров». Против этого трудно было бы что-либо возразить, если бы вина за происшедшее не ложилась в равной степени и на Америку, под чьим давлением Израилю в течение всего лета 1956 г. поставлялось французское, английское и канадское вооружение. Если английское правительство рассчитывало на «сионистское давление» в Вашингтоне, то на этот раз оно просчиталось: в закулисных махинациях всегда возможна ошибка, а избрание Эйзенхауэра уже было обеспечено, что дало ему некоторую свободу действий. Как бы то ни было, возможность обрушиться с обвинениями по адресу Англии пользовались в Америке популярностью ещё со времени «бостонского чаепития» в 1773 г., положившего начало войне за независимость; можно ли допустить, чтобы британское правительство обо всём этом забыло?

Поскольку трудно себе представить, чтобы правительство большой страны действовало на манер лунатика, единственным объяснением английского участия в синайской авантюре может быть нарочитая сионистская провокация. Однако, если уж ввязываться в подобные действия, то надо их проводить быстро и с превосходящими силами; надежда на успех могла осуществиться только в случае быстрой оккупации оставшегося неповреждённым канала, что поставило бы весь мир перед совершившимся фактом. В данном же случае, английские операции были замедленными и обнаруживали явные колебания и неуверенность руководства. После катастрофы «Таймс» сообщал (16 ноября) из британской военно-морской базы на Кипре: «Решение британского правительства начать военные операции в Египте было принято без консультации с его ведущими дипломатическими представителями на Ближнем Востоке. Операции продолжались вопреки предостережениям почти всех из них, указывавших на вероятные последствия в отношениях Англии с арабскими странами. Когда в британских посольствах в арабских странах стали известны подробности ультиматума Каиру и решение начать наступление против Египта, реакцией почти всех дипломатических представительств было либо неверие в возможность этой акции, либо же уверенность в предстоящей катастрофе… Английские дипломаты не верили своим ушам или пришли в ужас при виде того, что это наступление сделало Англию соучастником политики Израиля и Франции», автору этих строк всё это живо напомнило реакцию британских посольств во всей Европе после «Мюнхена». Это — всё, что можно сказать о политической стороне английских действий. Что касается их военной стороны, то в «Таймсе» от 17 ноября сообщалось, что среди британских военных на Кипре «господствовало единодушное мнение, что если уж было решено наступать, то надо было действовать быстро. То, что им не дали по крайней мере завершить операции, вызвало как у военного руководства, так и среди его подчинённых, чувство полнейшего смущения и глубокого разочарования». Ведущий американский военный специалист и комментатор, Хансон Болдвин, разбирая впоследствии «Провалившееся вторжение», которое по его мнению было «призвано стать классическим примером в курсах военной истории в военных академиях», писал, что под неуверенным руководством из Лондона «создалась полная неразбериха в многочисленных политических, психологических военных целях; её результатом было полное отсутствие ясных задач, во всяком случае таких задач, которые могли бы быть выполнены военной силой при тех ограничениях, которые были ей поставлены».

Вскоре после начала военных действии стало ясно, что действительно что-то сдерживало и замедляло проведение английским и французским правительствами задуманных ими операций. Для Франции, по причинам, упомянутым выше, это не играло большой роли, что же касается Англии, то здесь стояли на карте её политическая репутация, честь и надежды на процветание и нерушимость большой семьи народов. В эти трудные дни от канадского премьер-министра поступило предупреждение, что подобные действия могут привести к развалу британского Содружества наций. В ООН Англия являла собой плачевную картину страны, поставленной к позорному столбу рядом с Израилем и Францией. Против громадного большинства голосов, за Англию встали одни лишь Австралия и Новая Зеландия, да и те больше из чувства собачьей преданности, чем из соображений здравого смысла.

Каковы были причины, сдерживавшие это вначале столь тщеславно обнародованное предприятие, пока оно окончательно не выдохлось? В Лондоне первые колебания были вероятно вызваны

«решительным и энергичным протестом» со стороны президента Эйзенхауэра и резолюции ООН. Далее события развивались с потрясающим параллелизмом. Как только англо-французская авиация начала бомбить египетские цели, Советы вернули свои войска в Венгрию и начали там резню. На форуме «объединённых наций» представители «Запада» и «Востока» тыкали пальцами друг в друга: в то время, как англичане и французы сбрасывали бомбы на Порт Саид, их делегаты в ООН обвиняли Советы в бесчеловечном зверстве; когда советские танки давили безоружных венгров, советские делегаты обвиняли Англию и Францию в неприкрытой агрессии. Вся эта перебранка разыгрывалась перед мировой общественностью в стиле профессиональных брехунов на левантинских базарах. Общая картина вскоре приобрела характер кошмара. Сэр Антони Иден, в своё время шедший в гору молодой политик, подавший в отставку в 1938 г., должен был теперь принять отставку другого шедшего в гору молодого политика 1956 года, его статс-секретаря по иностранным делам Антони Наттинга, а также других его коллег, «самым энергичным образом протестовавших против британской интервенции в Египте». Спасая положение, Иден обратился к Черчиллю, не замедлившему провозгласить: «Перед лицом серьёзнейшей провокации Израиль восстал против Египта… Не сомневаюсь в том, что наши действия в ближайшее время приведут к справедливому и победному концу. Мы намерены восстановить мир и порядок на Ближнем Востоке, и я уверен, что мы достигнем нашей цели. Решительные действия нашего правительства в конечном итоге несомненно пойдут на пользу миру во всём мире, Ближнему Востоку и нашим национальным интересам».

Будущее покажет как следует оценить это вероятно одно из самых последних публичных заявлений сэра Уинстона. «Решительные действия» явно носили черты его характера, а его преемник на посту главы правительства был всю свою жизнь связан с ним, что трудно представить его действовавшим без согласия и одобрения Черчилля. Ветеран британской политики к этому времени опубликовал второй том своей «Истории англо-саксонских народов», о котором «Нью-Йорк Таймс» писал: «Автор горд тем, что его маленький остров, „маленькое царство в северном море“, насчитывавшее в эпоху, с которой начинается этот том, всего лишь три миллиона жителей, смогло цивилизовать три континента и приобщить к культуре полмира». Опять-таки, лишь время сможет показать, было ли британское нападение на Египет продолжением этой цивилизаторской и культурной традиции, или же оно останется пятном на репутации Англии. А затем произошло самое потрясающее из всего, к чему привели действия британского правительства. В нотах на имя Идена и премьер-министра Франции советский премьер Булганин пригрозил атомно-ракетной атакой в случае, если они не «прекратят агрессию и пролитие крови»; в эти дни в Будапеште кровь лилась ручьём, а поток беженцев через дружественную австрийскую границу подходил к ста тысячам; бывший подручный Бела Куна в 1919 г., Ференц Мюнних, стал здесь главным агентом Москвы, сменив Ракоши и Гере, и развязал новую волну террора. Более того, в письме на имя президента Эйзенхауэра Булганин предложил начать «в течение ближайших часов» совместное советско-американское нападение на Англию и Францию; в сообщении для печати Белый Дом объявил это предложение «немыслимым».

Существуют ли вообще «немыслимые» вещи в наше время? Стачка Гитлера со Сталиным в 1939 году (предсказанная автором этих строк и другими) представлялась общественному мнению того времени «немыслимой», пока она не стала действительностью, начав вторую мировую войну. «Нью-Йорк Таймс» цитировал в эти дни «ведущего американского дипломата с долголетним опытом службы в арабском мире», который фактически одобрял советское предложение: «Наш отказ от русского предложения, как „немыслимого“, и желание рассмотреть его в руках ООН расценивается здесь» (он находился в этот момент в Иордании) «как подтверждение того, что независимо от того, что бы мы ни заявляли, мы в конечном счёте всегда будем на стороне Израиля». В тот момент, советско-американское атомное нападение на Англию было действительно немыслимым, но фактически обе страны, хотя и различными методами, действовали против Англии, оказывая массивное давление с двух сторон. Сэр Антони Иден пустился на утлой лодченке в плавание через тропические водопады; в Соединённых Штатах всегда существовал скрытый матере-убийственный комплекс по отношению к Европе вообще, и к Англии в частности, который трудно объяснить, но всегда необходимо принимать во внимание; легче всего он возрождается к жизни в результате обвинений в «колониализме». Что проку в том, что сами Соединённые Штаты представляют собой крупнейшую колониальную державу в мире (поскольку автор не видит разницы между заморской и сухопутной экспансией), владея путём завоевания или покупки бывшими колониальными территориями англичан, голландцев, французов и испанцев, и бывшими территориями Мексики и России (последние в Аляске и в Калифорнии). Сегодняшнее состояние этих присоединённых территорий отличается от колоний Англии, Голландии, Франции и Испании с их миллионами «колониальных народов» только тем, что за

время существования Соединённых Штатов коренное население всех этих когда-то чужих областей было фактически уничтожено. Заморские владения США, завоёванные или купленные, невелики; особым случаем является зона Панамского канала, стоявшая под постоянным господством Америки, и если она что-либо и доказывает, то лишь преимущества подходящей вывески и близости собственных вооружённых сил. Каково бы ни было, однако, фактическое положение, этот чисто иррациональный фактор в т. н. «американском общественном мнении» всегда должен приниматься во внимание.

Не забудем, однако, что само «общественное мнение» в наше время превратилось в фабричный товар, изготовляемый в любом желаемом виде. В данном конкретном случае гораздо важнее то, что выбор кандидатуры, её выдвижение и фактически избрание президента Эйзенхауэра той же «интернационалистской» закулисной группой, которая протежировала и руководила в своё время президентами Вильсоном, Рузвельтом и Труманом, неизменно служили целям поддержки мировой революции, и что во все кризисные периоды это скрытое руководство занимало антибританскую позицию. Конечной целью «интернационалистов» является создание мирового сверх-правительства, и эта цель достигается совместным концентрическим воздействием разрушительных сил революционного коммунизма и революционного сионизма, а для успеха этой операции необходимо постоянное разделение обеих великих англо-саксонских наций по обе стороны Атлантического океана; только разыгрывание этих наций одной против другой может обеспечить создание всемирной сионистской империи, и эта политика скрыто довлела над ходом всей второй мировой войны. Эйзенхауэр впервые выдвинулся в составе американского военного триумвирата Рузвельта-Маршалла-Эйзенхауэра. Выше уже было показано, насколько антибританскими были все военные планы генерала Маршалла; фактически он был главным соперником и противником Черчилля, и именно его влиянию следует приписать то, что (как это официально зарегистрировано в изданной в 1956 г. английской истории военных действий) несмотря на всемирную славу и внешне громадный авторитет английского премьера, ему не удалось провести ни одного важного стратегического решения на протяжении всей войны, а её конечный исход представляет собой явный результат политики группы Рузвельта-Маршалла-Эйзенхауэра. Опубликованные после войны ялтинские протоколы, несмотря на многочисленные умышленные пропуски, показывают кроме того, что главным желанием Рузвельта в Ялте было унизить Англию: «Президент сказал, что ему хотелось бы сообщить маршалу (Сталину) кое-что по секрету, чего ему не хотелось бы говорить в присутствии премьер-министра Черчилля… Англичане — странная публика, они хотят, чтобы и волки были сыты, и овцы целы… (Президент) предложил „интернационализировать“ британскую колонию Гонконг и поставить Корею под международную опеку, из которой Англия должна была быть исключена. Сталин дал понять, что он не считал бы это хорошим решением, добавив, что „Черчилль нас за это убьёт“. Когда речь шла о послевоенном политическом устройстве, он (Рузвельт) часто занимал явно антибританскую позицию» («Нью-Йорк Таймс», 17 марта 1955 г.). Что же касается Эйзенхауэра в качестве главнокомандующего союзных вооружённых сил в Европе, то именно его приказ о приостановке наступления западных союзников, как уже было показано выше, привёл к фактической выдаче пол-Европы на поток и разграбление мировой революции.

На фоне этих событий военного времени рассчитывать на поддержку Суэцкой авантюры Эйзенхауэром было со стороны британского правительства безумием: уроки самой недавней истории должны были дать это ясно понять. Эйзенхауэр был орудием выполнения политических планов Рузвельта-Маршалла во время войны, и 7 лет по её окончании был сознательно выдвинут группой закулисных дирижёров в качестве оппонента сенатору Тафту в собственной же партии, как надёжная подставная фигура для дальнейшего продолжения «интернационалистской» политики. Единственным, что было неожиданным и что трудно оправдать, было как далеко он зашёл в стремлении унизить Англию, вынудив её «безоговорочный» вывод войск из Суэцкой зоны на самых унизительных условиях, подвергнув британского посла в Вашингтоне фактическому бойкоту и продемонстрировав по отношению к своим бывшим союзникам злобу, не отличавшуюся от настроений Рузвельта в Ялте.

Никаких моральных оснований это показное отвращение, ясно продемонстрированное укоризненной миной президента в телевидении, разумеется не имело. Ни с какой иной стороны, как из Белого Дома исходило «давление» на Англию сначала вывести свои войска из зоны Суэцкого канала (до его «национализации» Нассером), а затем присоединиться к Америке в провокационном оскорблении Египта (отказ от обещанных кредитов на постройку Ассуанской плотины), что явилось непосредственной причиной военного кризиса 1956 г. Мало того, всё это делалось во время резни в Венгрии после лицемерного заявления, что «сердцем» он на стороне жертв советской интервенции; ничего кроме этого заявления не последовало, и американское правительство осталось в этой, гораздо

более серьёзной, чем весь Суэц истории совершенно пассивным. В этом Эйзенхауэр также был вполне последовательным: после своего избрания президентом в 1952 г. он немедленно же забыл о предвыборных обещаниях «ликвидировать Ялту», что в свою очередь было лишь продолжением его приказа остановить западное наступление в Европе в 1945 г. Конечным итогом всего этого была всё та же поддержка мировой революции, и именно в ней заключался догмат американской государственной политики в обеих мировых войнах.

Кое-какие уроки всё же можно было извлечь из событий октября-ноября 1956 г. Они доказали, что при условии достаточной встряски даже в мировой говорильне, известной под именем «объединённых наций» в Нью-Йорке, может проявить себя нечто вроде «мирового общественного мнения». Возмущение и отвращение были единодушными и подавляющими в обоих случаях: и при нападении на Египет, и при советской резне в Венгрии. Однако, они же показали что поддержать такое моральное осуждение сколько-нибудь эффективными действиями «Объединённые Нации» совершенно неспособны. В наиболее серьёзном случае, в Венгрии, ООН не в состоянии была сделать вообще ничего, поскольку Советы были хозяевами положения в стране, а Америка оставалась совершенно пассивной. В другом случае, в Египте, немедленный результат был достигнут исключительно благодаря совместным действиям этих обеих стран против Англии: одной — методами «почти вплоть до войны» (эмбарго на поставки нефти), и другой — с помощью прямой угрозой войны. Другими словами, вывод англичан из Суэца был осуществлён путём советско-американского сотрудничества, и до тех пор пока «интернационалисты» в состоянии контролировать американскую механику выдвижения и избрания президентов, это будет оставаться большой угрозой всему миру. В нашем столетии «пакт Эйзенхауэра-Булганина» отнюдь не более «немыслим», чем в своё время пакт Гитлера-Сталина. Во всяком случае, претензии одной из сторон «покончить с коммунизмом» в обоих случаях показали, чего они в действительности стоили.

Просчётом английской политики явились также надежды на «сионистское давление» в Вашингтоне и поддержку им англо-израильской акции в Суэце, подобно тому, как в своё время это давление вынудило Англию убраться из Палестины, обеспечив создание Израиля в 1947-48 гг. Явно не были приняты в расчёт эффект израильского нападения и ещё более потрясающий эффект присоединения к этому нападению Англии и Франции: проклятия всего мира посыпались главным образом на голову Англии, позволив президенту Эйзенхауэру занять позицию благородного негодования. Британское правительство оказалось, таким образом, между двух огней: с одной стороны грозило советское нападение, с другой же — враждебность Белого Дома, чего в Лондоне явно не ожидали. «Жизненно важная линия снабжения» — Суэцкий канал — оказался блокированным, а вместе с ним и снабжение Англии нефтью. Ожидая её поставок от Америки, она услышала, что не получит ничего, пока не выйдет из Египта, и все шишки вдруг посыпались на неё. Британских дипломатов встречали в Вашингтоне холодно, и всякий серьёзный разговор, включая просьбы о поставках нефти, был оставлен до «выхода» Англии из Египта. Если президент США зашёл в эти дни в своём публичном унижении Англии гораздо дальше, чем это было необходимо, то и в этом он лишь продолжал антибританскую традицию своего патрона Рузвельта. История американских правительственных махинаций в вопросах Египта и Суэца, осуществлённых за время президентства Эйзенхауэра, лишала его всякого подобия прав на моральное осуждение. Это, однако, не меняет ничего в том, что британское унижение было вполне заслуженным. Нападение на Египет было непростительной катастрофой во всех своих главнейших пунктах: оно явно продемонстрировало сговор с Израилем, оно началось в момент советского поражения перед лицом венгерской революции, и оно же явило позорную картину нерешительности и бесплодности после своего начала. В состоянии политического банкротства и физического потрясения сэру Антони Идену не оставалось иного, как ехать «поправляться» на Ямайку в дни, когда безоговорочное Египта, причём одних только англичан и французов, а отнюдь не главного и агрессора — Израиля. «Объединённые Нации» срочно собрали с бору по сосёнке «международные войска» и послали их околачиваться в зоне Суэца, сами не зная, что им там делать. Репутация президента Нассера в арабском мире возросла до невиданных высот, канал оставался блокированным, Египет заявил, что не намерен отдать ни пяди египетской территории, а Израиль поднял очередной гвалт по поводу «антисемитизма» в Египте. Подвыпивший Хрущёв высмеял британского и французского послов на приёме в польском посольстве в Москве: «Вы говорите, что мы хотим войны, а теперь сами попали в положение, которое я могу только назвать идиотским… Вы дали нам „хороший урок в Египте“. Кто мог ему возразить? Неделей позже „Нью-Йорк Таймс“ подвёл итоги. „Англия и Франция повели рискованную игру и, по-видимому, катастрофически проигрывают… Израиль пока что вырвался из кризиса в улучшенном положении“ (25 ноября 1956 г.). Ещё двумя неделями позже та же

газета охарактеризовала Англию как скатившуюся отныне на положение „второстепенной державы". В том де номере газеты сообщалось о выступлении в израильском парламенте некоего г-на Михаила Хазани: „По мнению г-на Хазани, неудача Англии и Франции достигнуть своих целей в Суэцком канале пошла на пользу Израилю… Израиль в настоящее время менее изолирован, чем перед наступлением на Синай 29-го октября, которое оттолкнуло его друзей и разъярило всех его врагов во всём мире… Израиль пожинает плоды новой дружбы с Францией, поставившей оружие, с помощью которой он смог одолеть египтян… Ещё несколько недель тому назад израэли дрожали при мысли, что они могут спровоцировать термоядерную войну. Однако, страх скоро прошёл, поскольку все эти угрозы явно были лишь средствами психологической войны. …По мнению некоторых членов Кнессета (израильский парламент), Израиль тоже мог бы воспользоваться этими методами… почему бы ему не использовать своего нынешнего положения, как угрозы международных осложнений, для побуждения великих держав оказать давление на Египет и другие арабские страны, чтобы они заключили (окончательный) мирный договор с Израилем?"

Эти цитаты показывают читателям, как мало надежд на передышку может существовать у всего мира, пока не будет окончательно ликвидирована сионистская авантюра. Неизбежной судьбой всех, кто связал себя с ней, будет полное фиаско, ибо такое же фиаско будет и её неизбежным концом, однако в каждой очередной катастрофе все шишки повалятся именно на пособников, а вовсе не на первоначальных инициаторов этого сумасшедшего предприятия. Оно нарушает сегодня все нормальные взаимоотношения между народами, натравляя друг на друга тех, у кого нет ни малейших причин для споров, провоцируя других на действия, которые не могу принести им ничего хорошего, и подстрекая третьих на угрозы мировой войной.

В том, что касается Англии, Суэцкая авантюра вновь завлекла её в трясину, из которой, как было показано выше, Эрнест Бевин попытался было её вытащить в 1947-48 гг., причём расплата в данном случае была столь тяжёлой, что, если сравнить весь процесс ввязывания в сионизм с подъёмом приговорённого по 13 ступенькам к виселице, то Англия уже вступила на двенадцатую; последней было бы окончательное разрушение всего Британского Содружества, и предостережение об этом послышалось со стороны самой влиятельной инстанции за пределами самой Англии (Канада), о чём в прошлом ни разу ещё не могло даже быть и речи. Англия оказалась на скамье подсудимых рядом с Израилем и Францией, и была осуждена как пойманный с поличным злодей. Угрозы посыпались со всех сторон, ни одна из поставленных целей не была достигнута, её войскам не только были поставлены весьма неприятные задачи, но им даже не было позволено их выполнить, и конечным результатом был один сплошной позор. На страну обрушились, в качестве дальнейших последствий, повышение налогов, лишения и трудности, что было очередной данью Сиону.

Одно во всём этом не подлежит сомнению: ничего этого не могло бы случиться, не будь создано в 1948 году еврейское государство. Если бы разразилась мировая война, её инициатором был бы Израиль; если она ещё раз разразится — а к моменту окончания данной книги к этому имеются все возможности — и её виновником и инициатором будет Израиль. Говоря от собственного имени, автор этих строк, как англичанин, смог бы примириться с Суэцкой авантюрой, если бы его убедили в том, что она могла бы служить каким-либо британским интересам; в этом случае он в состоянии был бы поверить, что британскому правительству было известно что-то, неизвестное автору, что могло бы как-то оправдать то, что по всей внешней видимости представлялось непростительным и заведомо обречённым на провал. Автор не в состоянии, однако, убедить себя в этом. Всё это представляется ему лишь очередным ложным шагом в той трагедии ошибок, которая началась в 1903 году, когда Англия впервые связала свои судьбы с сионизмом. Автор попытался проследить развитие этой трагедии с самого начала в этой книге. Ему кажется, что ничего иного не было сказано и с мест членов правительства в Палате общин по окончании катастрофы. Пока сэр Антони Иден восстанавливал своё здоровье на Ямайке, задача оправдания происшедшего выпала на долю его коллег, и один из них, Антони Хэд, по должности министр обороны, обосновал свою апологию совершённого вовсе не какими-либо британскими интересами, а тем, что его правительство отвратило угрозу «искалеченного Израиля, разбомблённого Тель-Авива и объединённого арабского мира»: автор вновь цитирует «Нью-Йорк Таймс», не имея на руках оригинального текста выступления министра; однако, ему кажется, что политики должны отвечать и за то, что о них пишется.

Естественным заключением из сказанного Хэдом должно быть, что поставленными его правительством целями были искалеченный Египет, разбомблённый Порт Саид и разъединённый арабский мир, из которых достигнута была лишь вторая, в то время как достигнуть первой и третьей не удалось. Спрашивается, каким британским интересам могли бы служить искалеченный Египет и

разъединённый арабский мир? Какой англичанин согласился бы поддержать подобные действия, будь они представлены ему в такой форме до их совершения? И когда открытое стремление их правительства всеми средствами поддержать «осуществление сионистских стремлений» было объявлено английским избирателям перед тем, как их просили подать свой голос в порядке осуществления «демократии»? В некоторых болезнях современная медицина способна обнаружить первоначальный источник заразы, очаг болезни. Первоначальным источником всех пертурбаций, завершившихся действиями 29 и 30 октября 1956 г., безусловно был сионизм, без которого они не смогли бы совершиться в такой форме. В качестве логического следствия всех его шагов с тех пор, как он оформился как политическая сила в местечковых гетто в России столетие тому назад, он привёл весь мир на порог всеобщей войны, и на этом пороге никто не знал, какой вчерашний друг станет завтрашним врагом. Обман народов достиг здесь своей полной меры.

Может ли со временем из этого получиться что-либо хорошее? Несомненно может и должно: одних только современников все эти совершенно излишние тревоги и осложнения, в которых мы живём, продолжают непрестанно раздражать. Нам кажется, что появляются первые признаки поворота к лучшему. Народы, скованные цепями революционного коммунизма, начинают их сбрасывать; народы восточной Европы могут сбросить их собственными усилиями, а остаток скованного Запада сможет последовать их примеру. Автору кажется, что и евреи во всём мире начинают убеждаться в заблуждении революционного сионизма, близнеца другого разрушительного движения, и смогут к концу этого столетия наконец пойти одним путём со всем остальным человечеством. Какой иной вывод можно сделать из сообщения (если только оно соответствует истине) «Нью-Йорк Таймса» от 30 декабря 1956 г., что «менее 900 из общего числа евреев, бежавших из Венгрии, …решили поселиться в Израиле», в то время как «громадное большинство» из них предпочло поселиться в США или в Канаде. С другой стороны, однако, трудно не видеть опасности перенаселения этих стран массой восточных евреев, насаждение которых за последнее столетие и привело к существующему положению в мировой политике; в предыдущей главе мы цитировали еврейские источники по вопросу об исконной враждебности восточных евреев по отношению к Америке и её образу жизни. О событиях октября-ноября 1956 г. можно лишь сказать, что они сами явились достойной заключительной главой к настоящей книге, а в качестве сноски к Суэцкой истории можно цитировать обращение Эйзенхауэра к Конгрессу США за постоянным разрешением применять американские войска против «открытой военной агрессии со стороны любого государства, находящегося под контролем интернационального коммунизма». Похоже, что президент собирается повторять то, за что он же клеймил позором правительство Антони Идена, которое также якобы действовало против угрозы со стороны Египта, «контролируемого» Советами и снабжённого их вооружением. Что же касается «открытой» агрессии, то и американская военная история знает её примеры: «открытой агрессией» было, например, потопление американского линкора «Мэйн» в Гаванском порту в 1898 году, приписанное Испании, после чего против последней была начата война, закончившаяся отобранием в пользу Америки последних испанских колоний. Как до, так и после нападения на Египет международная печать на все лады обличала одно арабское государство за другим, как «контролируемых» интернациональным коммунизмом; обращение Эйзенхауэра к конгрессу США показывает перспективы того, как разрекламированное уничтожение коммунизма легко может обернуться нападением отнюдь не на коммунизм, а на арабов. Сам термин «под контролем коммунизма» не поддаётся никакому точному определению и открывает любые возможности для полного извращения положения путём пропаганды. За примерами ходить недалеко: 2 декабря 1956 г. в «Нью-Йорк Таймс» были опубликованы фото «русских танков, захваченных Израилем» во время нападения последнего на Египет; письма осведомлённых читателей заставили газету признать, что сфотографированные танки были не советскими, а американскими. Были ли они действительно захвачены у египтян, не поддаётся проверке; кто угодно может сфотографировать любой танк и снабдить снимок любым заголовком. Израильская армия первоначально была оснащена исключительно советским вооружением, однако мы не слышали о том, что на этом основании Израиль следует считать находящимся «под контролем интернационального коммунизма». Как бы то ни было, сообщения об обращении Эйзенхауэра в Конгресс США привели к немедленному подъёму курсов израильских акций на нью-йоркской бирже и к хвалебным проповедям в нью-йоркских синагогах. Причину ликования легко усмотреть в том, что Эйзенхауэр собрался посылать американские войска на Ближний Восток только по просьбе «одного или нескольких государств», подвергшихся нападению со стороны, «контролируемой коммунизмом». Поскольку Египет во всём мире был представлен как агрессор в Суэцкой авантюре в октябре 1956 г., совершенно очевидно, что и это условие применения американских сил может быть истолковано как угодно по усмотрению

заинтересованной стороны. Если бы слова президента можно было считать честными и принимать всерьёз, то вполне естественно было бы ожидать, что по египетской просьбе американские солдаты оказали бы сопротивление израильскому вторжению в октябре 1956 г., однако — мягко выражаясь — представить себе подобное положение довольно трудно, как и невозможно представить себе американское военное вмешательство на Ближнем Востоке по просьбе какого-либо иного государства кроме Израиля; времена разумеется меняются и в нашу эпоху всё становится возможным. Пока что, однако, ближневосточные события в 1956 году не только сами явились заключительной главой к настоящей книге, но и лишний раз подтверждают всё в ней написанное.

Эпилог

Если содержание этой книги производит несколько мрачное впечатление, то — это отражение тех событий, которые она описывает, а не личной точки зрения автора. Последний охотно признаёт, что он писал не как заинтересованный наблюдатель, а как современник, участник и свидетель описанных событий, как журналист, которому не позволено было следовать своему призванию, заключавшемуся по его мнению в служении правде без страха или пристрастия, а не в служении каким-либо особым интересам. Автору случилось наблюдать большее число событий, а также манипуляций национальными интересами, чем это выпадает на долю большинства современников, и он «мог убедиться на основании собственного опыта, что дело идёт не о случайностях, а об определённом плане. Всё написанное им представляет собой, поэтому, протест, но не против естественного течения жизни, а против подавления правды о ней. Настоящий труд — рассказ современника о том, как делается история. После него придут историки, которые попытаются на основании раскопанных фрагментов составить историю событий во всех её деталях; с таким же успехом можно пытаться определить чувства, владевшие человеком при жизни, на основании его откопанного скелета. Однако, им возможно удастся проникнуть в детали, скрытые в настоящее время от автора и прежде всего они непременно найдут, что всё происшедшее было совершенно необходимо для достижения того положения вещей, в котором находятся они сами — а в случае историков это обычно очень удобное положение. Где то между упомянутыми методами изложения событий расположена полная и истинная правда; роль автора ограничивается живым протестом живого участника.

Несомненно, что всё происшедшее существенно необходимо для достижения скрытой от нас конечной цели, в характере которой у автора не существует сомнений; однако, многое из происшедшего было в момент своего совершения абсолютно ненужным и излишним, и именно в этом и заключается тема авторского протеста. Автор считает, что неизбежный по его мнению хороший конец мог бы быть достигнут гораздо скорее без этих досадных и ненужных событий; однако, ему также ясно, что всё это лежит за пределами понимания простых смертных и что, согласно Божьему произволению, повторяющиеся испытания могут быть нужными для конечного самоосвобождения человеческой души. Согласно тому же произволению, верующий должен восставать против них, как только они случаются.

Как бы то ни было, автор предоставляет анализ событий будущим летописцам, чьи чувства и сердце не будут ими затронуты; они будут пользоваться микроскопом там, где автор играл свою роль на жизненной сцене, он — затронут всем этим. Как писал в своё время лорд Маколей (Macaulay, 1800—1859, английский эссеист, поэт, государственный деятель и блестящий историк): «В истории выживает, по-видимому, лишь та её интерпретация, которая служит требуемой доктрине, всё же неудобные или противоречащие ей факты забываются или игнорируются». Это может послужить оправданием появления настоящего труда живущего историка, современника описываемых им событий: он не упустил ничего из того, что стало ему известным, представив всё известное ему столь правдиво, насколько он к этому был способен. Он написал картину нашего столетия такой, какой она представлялась непосредственному участнику событий, будучи скрытой от широких масс, которым она подавалась лишь в той «интерпретации», какую политики считали необходимой. По мнению автора, мы являемся свидетелями того, как порождённое в глубокой древности варварское суеверие, вскормленное в продолжение долгих веков полусекретной кастой невежественных жрецов, вернулось в наши дни, сев нам на шею в виде политического движения, поддержанного громадными деньгами и большой властью во всех больших столицах мира. Для достижения своей фантастической цели мирового господства оно пользуется двумя методами — революцией снизу и развращением правительств сверху — и оно добилось больших успехов на этом пути, применяя оба орудия для натравливания классов и народов друг на друга.

Автор не берётся решать, что есть зло; он может его лишь чувствовать, и возможно, что он

ошибается. Во всяком случае, его собственные ощущения в согласии с воспринятыми им правилами жизни убеждали его во время работы над данной книгой, что он живёт рядом со злом. Силы, пересаженные в 20-е столетие словно из пещеры доисторического динозавра, не основаны ни на чём, кроме самого невежественного суеверия. У автора не проходило чувство постоянного контакта с людьми типа Иезекииля, жившими в варварские времена и мыслившими по-варварски. Ему случилось непосредственно испытать чувство встречи с подобным же феноменом в наши дни, хотя и на территории, лишь недавно спасённой от варварства, когда он прочёл книгу сэра Артура Гримбля «На островах» (см. библиографию). В ней автор описывает встреченное им в начале 20-го столетия, в качестве британского колониального чиновника, на отдалённой группе тихоокеанских островов Гильберта, где население жило в атмосфере первобытных суеверий до 1892 года, когда там был установлен британский протекторат. Существует любопытное сходство между проклятиями, перечисленными во Второзаконии, являющемся законом сионистского шовинизма наших дней, и словами проклятия над очагом врага, применявшимися на этих островах до прихода туда англичан. Сидя на корточках перед очагом на рассвете, голый заклинатель колол его палкой, бормоча: «Дух безумия, дух испражнений, дух людоедства, дух гниения! Я колю очаг его пищи, очаг этого человека (имя рек). Порази его с запада, порази его с востока, порази его, как я колю его, порази его смертью! Задуши его, обезумь его, опозорь его гниением! Пусть вздуется его печень, она вздувается, она перевёртывается и рвётся на куски. Пусть вздуются его кишки, они вздуваются, они рвутся в клочья и поражаются. Он чернеет от безумия, он мёртв, он — кончен, он мёртв, мёртв, мёртв, он уже гниёт!» Сравнение этого бреда с многочисленными местами во Второзаконии и в книге Иезекииля особо поучительно в наше время, когда Тора и Талмуд прилагаются буквально для совершения дел, подобных Дейр-Ясину; не мешает также вспомнить указание «Еврейской Энциклопедии», что Талмуд учит верить в дословную действенность проклятий. Эти места невольно приходят на ум, когда слышишь политиков, цитирующих «Ветхий Завет», и каждый раз приходится спрашивать, читали ли они его когда-либо и понимают ли они связь между этими древними суевериями и современными событиями, творящимися с их помощью. Здесь мы явно имеем дело с силой, спущенной на наш мир 20-го века людьми, находящимися во власти этих варварских суеверий; о чём же может говорить запоздалое признание Хаима Вейцмана, в ужасе отшатнувшегося при виде натворённого им: «…возрождение древнего зла под новой, ещё более ужасной личиной».

Одно лишь невежественное суеверие может по мнению автора объяснить тот страх, под воздействием которого еврейские массы поддаются сионистскому шовинизму. Столетие эмансипации почти освободило их от него, и ещё через каких-нибудь полвека они слились бы с течением жизни всего человечества; однако, теперь их цепкими когтями оттянули назад, под то же ярмо. Читая описание жизни населения на Гильбертовых островах до британского протектората, автору казалось, что он читает местечковую хронику еврейского гетто в русской черте оседлости:

> «Человек, в крови которого жили верования 60 поколений, воспитанные страхом… становился лёгкой добычей смертельного суеверия. …На этих островах жили поколения за поколениями возвещавших зло жрецов и людей, дрожавших перед их властью. Накопленный страх этих суеверий приобрёл с веками собственные вес и тени, стал реальностью, довлевшей над всем живущим. Мысли, навязанные другими, сильнее привидений преследовали жилища этих людей. Чувствовалось, что в такой атмосфере может практически совершиться всё, что угодно».

«Мысли, навязанные другими, сильнее привидений преследующие жилища этих людей» — эти слова вполне подходят для характеристики жизненных условий еврейских масс, в крови которых жили верования более, чем 60 поколений и которых в конце прошлого века вновь стали из светлого дня во мрак невежества. Чувство освобождения, так близко прошедшего мимо них, казалось бы говорило устами старухи на Гильбертовых островах, узнавшей новую жизнь и помнившей старую: «Послушайте, что говорят люди в наших хижинах. Мы работаем в мире, мы говорим в мире, ибо дни злобы прошли… Как хороша жизнь в наших сёлах теперь, когда нет больше убийств и нет войны»; и эти её слова, как сильно они напоминают плач Иеремии об ушедших счастливых днях Израиля («вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви, когда ты была невестой») в его упрёках «вероломной Иудее» за впадение в ересь.

Прослеживая в веках историю этого древнего суеверия и его возрождения как политической силы нашего столетия, автора не покидало чувство постоянного ощущения живого, враждебного зла. По его мнению, революционное разрушение является составной частью зла, и он мог бы повторить написанное

американским дипломатом, Франком Раундсом, на Рождество 1951 года: «Здесь в Москве вы чувствуете, что зло существует как вещественная реальность; это — мои мысли в этот рождественский день». Этим процессом 20-го столетия, представляющимся как сопутствующее нам постоянное зло, затронуты мы все — евреи и неевреи и большинство из нас дождётся его развязки. Это предчувствовал в 1933 году неоднократно цитировавшийся в этой книге еврей, Бернард Дж.Браун, когда он с упрёком писал: «Конечно нас должны бояться и даже ненавидеть, если мы будем продолжать загребать всё, что нам даёт Америка, одновременно отказываясь стать американцами, как мы всегда отказывались стать русскими или поляками».

Эти слова относятся ко всем странам Запада, а не к одной только Америке, но в одном Бернард Браун был неправ. Его предчувствие относилось как-раз к тому, чего талмудисты достигнуть не в состоянии: ненависть является одной только их монополией и верой, и им никогда не удастся заставить христиан ненавидеть евреев. Страшные дела, совершённые «Западом» в нашем столетии, были совершены по указке Талмуда; месть и ненависть не присущи западному человечеству, а его вера запрещает их. Учение ненависти, как часть религии, всё ещё исходит от буквальных толкователей Торы-Талмуда в странах, захваченных революционным коммунизмом, в ожидовленной Палестине, и повсюду там, где они свили себе гнёзда в западных столицах. Ни один европеец, ни один человек Запада не в состоянии был бы обратиться к еврейскому собранию со словами одного сионистского вожака в мае 1953 года в Иоганнесбурге: «Нельзя доверять зверю, именующемуся Германией. Немцам никогда не должно быть прощения, и ни один еврей не может иметь ни связей, ни дел с немцами».

Человечество не может жить на подобных основах, и именно поэтому подобные планы сионистов в конце концов неизбежно осуждены на провал. Это именно та самая ересь, отвергнуть которую было прежде всего призвано учение Иисуса Христа; и это она же, которой продались вожди «Запада» с того момента, когда в начале века некий Бальфур начал подчинять ей интересы своей страны. Когда близящийся апогей и кризис минуют, минует также и это еретическое учение, привитое Западу из талмудистского центра в местечковой России.

Как писателю, автору кажется, что оно минует тем скорее и с тем меньшими бедами для всех, затронутых им, чем больше широкие массы общественности узнают о том, что в действительности происходило на протяжении всего нашего столетия.

—

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы»

— Евангелие от Луки, 8:17.

Добавление

«После жизни Иисуса Христа Ветхий Завет был вместе с Новым Заветом переведён св. Иеронимом на латинский язык, и оба стали считаться Церковью исходящими из равного божественного авторитета, как части одного Писания»

(согласно одной из современных энциклопедий).

Тора

«И сказал мне Господь, говоря… В сей день я стану вселять ужас пред тобой и страх пред тобой во все народы под небом, что услышат о тебе, и будут дрожать, и будут в страхе пред тобой… И Господь повелел мне в то время учить вас законам и предписаниям, чтобы могли вы исполнять из в стране, куда вы пойдёте, чтобы владеть ею… И потому что любил Он твоих отцов, потому избрал Он их семя после них… чтобы изгнать народы пред тобой, которые больше и сильнее тебя, чтобы вошёл ты, чтобы отдать тебе их земли в наследие… И когда Господь, Бог твой предаст их тебе, ты побьёшь их, и полностью их уничтожишь; и не заключишь с ними договора, ни окажешь им милости; ни заключишь браков с ними… и разрушишь их алтари, и разобьёшь их кумиров… Ибо ты святой народ под Господом, Богом твоим; и Господь, Бог твой избрал тебя быть особым народом под Ним, над всеми народами, что на лице земли… И ты пожрёшь все народы, которых Господь, Бог твой предаст тебе; глаз твой не будет иметь к ним жалости… Но Господь, Бог твой предаст их тебе, и истребит их

мощным разрушением, пока не будут они истреблены… И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной; не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их… Всякое место, куда ступит нога твоя, будет твоим… даже до самых дальних морей будут твои берега… А из городов сих народов, которые Господь, Бог твой даст тебе в наследие, не оставь в живых ничего, что дышит… И будешь давать взаймы многим народам, но сам брать взаймы не будешь… Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим…»

(Второзаконие)

Новый Завет

«Благословенны миротворцы, ибо назовутся детьми Господними… Я пришёл не разрушить (законы пророков) но исполнить их… Вы слышали, что было сказано, чтобы вы любили соседей ваших и ненавидели врагов ваших. Но Я говорю вам, любите ваших врагов… Он учил их как имеющий закон, а не по книжникам… Не собирайте сокровищ на земле… какая польза человеку если овладеет всем миром, но потеряет душу свою? Люби Господа, Бога твоего… это — первая и великая заповедь; а вторая такая же: люби ближнего твоего, как самого себя. На этих двух заповедях стоят все законы и пророки… Один господь ваш, Христос, и все вы — братья… Да продолжится любовь братская… Кто захочет возвыситься, да будет принижен… Горе вам, книжники и фарисеи… ибо вы дети тех, кто убивал пророков… Это учение царства небесного да будет проповедываться во всём мире, как свидетельство для всех народов… Прости им, ибо не ведают, что творят… Бог, создавший весь мир и всё, что в нём… и сделал все народы из одной крови… Знайте, что спасение Господне послано неевреям, и услышат его… Ибо обещание, что он будет владеть всем миром, не было дано Аврааму, ни его семени, по закону, но лишь по праведной вере… Един Бог, отец всех, над всеми… Ибо многие ходят, о ком я вам часто говорил, и иные говорю даже плача, что враги они креста Христова; ибо конец их — разрушение…» (Евангелие, Деяния и Послания)

«Ни один человек не остров, сам по себе; каждый — часть всего континента, часть главного; когда море смывает ком земли, вся Европа становится меньше, как если бы смыло целую гору, или дом твоего друга, или твой собственный; смерть каждого человека уменьшает и меня, ибо я — часть человечества; а поэтому никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он всегда звонит для тебя».

Джон Донн (Donne),
английский поэт,
богослов и проповедник,
1537-1631.

Библиография

1) Еврейский вопрос

Abrahams, Israel «Jewish Life in the Middle Ages»

Aronson, Chaim «A Jewish Life Under the Tsars: The Autobiography of Chaim Aronson, 1825-1888, Totowa N.J. 1983

Bakounine, Michel «Polemique contre les Juifs», 1869

Baroja, Julio Caro «Los Judios en la Espana Moderna y Contemporanea», Madrid 1978

Baron, Salo «Social and Reigiobs History of the ews», 1937

Bentwick, Norman «The Jews», 1934; «Judea Lives Again», 1943

Ben-Zohar, Michel «Les Vengeurs», Paris 1968

Бейлиса дело: «Дело Бейлиса. Стенографический отчёт», 3 тома, Киев 1913 г.

Berger, Rabbi Elmer «The Jewish Dilemma», 1946; «A Partisan History of Judaism», 1951; «Who nows Better Must Say So», 1956

Bernadotte, Count Folke «To Jerusalem» 1951

Bertuel, Joseph «L'Islam, ses veritables origines», Paris 1981, 2 tomes (о еврейском происхождении ислама)

Brafmann, Jakob «Das Buch vom Kahal. Materialien zur Erforschug der judischen Sitten» (перевод с

русского издания), Leipzig 1928
Brandeis, Louis Dembitch «Miscellanous Papers», 1935; «The Brandeis Guide to the Modern World», 1941
Brown, ernard J. «From Pharaoh to Hitler», 1933
Burton, Sir Richard «The Jew, the Gypsy, and El slam», Hutchinson 1898 (переиздано заново)
Butz, A.R. «The Hoax of the 20th Century», 1977
Chamberlain, Houston Stewart «Le Christ n'est pas Juif», Fontenay-sous-bois 1978; «Die Grundlagen des 19.Jahrhunderts», 1899 (10.Auflage 1914)
Chesterton, A.K. & Joseph Leftwich «The Tragedy of Anti-Semitism», 1948
Даль, Влад.Ив. «Записки о ритуальных убийствах», С.Петербург, 1913
Dardenne, Henriette «Lumieres sur l'affaire Dreyfus», Paris 1964
Drach, D.P. «De l'Harmonie entre l'Eglise et la Synagogue», 1844
Drumont, Edouard «La France juive», Paris 1885, 2 tomes
Edersheim, Alfred «The Life and Times of Jesus the Messiah», 1883
Eisenmenger, Johann Andreas Entdecktes Judenthum», Frankfurt/Main 1700, Konigsberg/Ostpr. 1711
Encyclopedia Judaica, Jerusalem 1971
Jewish Encyclopedia, New York 1905, 1909, 1912, 1916
New Jewish Enciclopedia, New York 1962
Uniwersal Jewish Enciclopedia, 10 vol., New York 1948
Fern, Athanasius «Judische Moral und Blutmysterium», Leipzig 1937
Ford, Henry «The Unternational Jew», 4 vol. Dearborn 1920-22; «Der internationale Jude», Leipzig 1922 (немецкий перевод)
Форд, Генри «Международное еврейство», Берлин 1925 (русский перевод)
Forrest, Rev.A.C. «The Unholy Land», 1971
Franke, Arno «Staat im Staate. Das Wesen des judischen Geheimbundes, auf Grund der Brafmanschen Kahal-Akten gemeinverstandlich dargestellt», Leipzig 1930 (см. Брафман)
Freedman, Benjamin H. «The Truth About Khazars», Los Angeles 1954
Freehof, Rabbi Solomon B. «Revorm Jeish Practice», 1944
Funk, S. «Die Entstehung des Talmuds» Cayre of Gayre, R. «The Syro-Mesopotamian Ethnology as Revealed in Genesis X», 1973
Glubb, Brig.-Gen.Sir John «Peace in the Holy Land», 1971
Gold, Norman & Pritsak, Omeljan «Khazarian Hebrew Documents of the 10th Century», Ithaca and London: Cornell University Press, 1982
Goldman, Nahum «Le Paradoxe Juif», Paris 1976; «Das judische Paradox», Koln 1978
Goldman, Rabbi Solomon «God and Israel»
Goldstein, Dr.John «All the Doors Were Opened», 1955
Graetz, Heinrich «Geschichte der Juden», 11 Bande, 1853-1876;
«Volkstumliche Geschichte der Luden», 1888
Грулев, М. «Записки генерала-енврея», Париж 1930
Haertle, Hewinrich «Deutsche und Juden», Leoni 1977; «Was „Holocaust“ verschweigt», 1979
Harris, Maurice H. «Modern Jewish History», 1909
Hecht, Ben «A Jew in Love»
Hertzberg, Arthur «The French Enlightenment and the Jews», New York 1968
Herzl, Theodor «Der Judenstaat», 1896
Hess, Moses «Rom und Jerusalem, die letzte Nationalitatsfrage», 1862
Horstmann, Lali «We Chose To Stay», 1954
Hutchison, Cdr. E.H. «Violent Truce», 1956
Jeffries, J.M.N. «The Palestine Deception», 1933; «alestine, The Reality», 1939
John, Robert & Hadawi, S. «The Palestine Diaries», 1970
Kastein, Josef «History and Destiny of the Jews», 1933
Kaufman, Theodore N. «Germany Must Perish», 1941
Kern, Erich «Die Tragodie der Juden», Pr. Oldendorf 1979
Koestler, Arthur «Promise and Fulfilment, Palestine 1947-1949», 1949; «The Thirteenth Tribe», 1976
Laible, «Jesus Christus im Talmud»
Landrieux, Mgr. «L'Histoire et les histoires dans la Bible»
Laurent, Achille «Relation historique des affaires de Syrie depuis 1840

puisq en 1842; procedure complete dirigee en 1840 contre les Juifs de Damas a la suite de la disparition du Pere Thomas», s.l. (о ритуальном убийстве в Дамаске, в 1840 г. Материалы процесса)

Lasare, Bernard «L'Antisemitisme», 1969 (переиздано заново);

«Antisemitism», 1903 (англ. перевод)

Leese, Arnold S. «Jewish Ritual Murder», The Thuderbolt Inc., Marietta, Georgia 1938; «The Jewish War of Survival», Sons of Liberty, Hollywood, Cal. 1945

Lewin, Meyer «In Search», 1950

Lemann, Abbe «Napoleon Ier et les Israelites», Paris 1894

Lilienthal, Alfred «What Price Israel?», 1953; «There Gors the Middle

East», 1957; «The Other Side of the Coin», 1965

Ljutostanski, J.J. «Leben und Trieben im Judischen Kahal», 1934 (перевод книги Брафмана, см.)

Lombares, Michel de K «Affaire Dreyfus. La clef du mystere», Paris 1972

Margoliouth, Moses «History of the Jews of Great Britain», 1857

Marr, Wilhelm «Der Sieg des Judenthums uber das Germanenthum», 1879

Menuhin, Moshe «The Decadence of Judaism in Our Time»

Meyer, Eduard «Entstehung des Judenthums», 1986

Mocatta, David «The Jews in Spain and Portugal»

Montefiore, C.G. «Religion of the Ancient Hebrews», 1892

Oliver, Revilo P. «Christianity and the Survival of the West», 1973

Pinsker, Leon «Auto-Emancipation», 1881

Poncins, Vicomte Leon de «La Mysterieuse internationale juive», Paris 1936; «Le Probleme juif fase au Concile», 1965

Pranaitis, Pater J.B. «Christianus in Talmude Judaeorum sive Rabbinicae doctrinae de Christianis secreta», St. Petersburg 1892; «The Talmud

Unmasked. The Rabbinical Teachings Concerning Christians», Liberty Bell Publications, Reedy, West Virginia, n.d. (новейший англ. перев.) «Protocols des Sages de Sion» (trad. Roger Lambelin), Paris 1921

«Protocols of the Learned Elders of Sion» (trans. Victor Marsden), n.d. «The Protocols and World Revolution», Boston 1920

«Die zionistischen Protokolle» (Hrsg. Theodor Fritsch), Leipzig 1924

«Die Geheimnisse der Weisen von Zion» (Hrsg. Gottfried zur Beeck), Berlin 1919

«Die echten Protokolle der Weisen von Zion. Sachverstandigen-Gutachten im Auftrage des Richteramtes V in Bern», Erfurt 1935 (к процессу в Берне в 1935 г. против «клеветы о ритуальных убийствах»)

Robertson, Wilmor «The Dispossessed Majority», 1972

Rodkinson, Michael Levi, «History of the Talmud», 1903

Rohling, Prof.Dr.August «Meine Antwort an die Rabbiner. 5 Briefe uber den Talmudismus und das Blut-Ritual der Juden», Prag 1883; «der Talmudjude», Munchen 1871

Rosenblum, Morris «Peace Through Strength. Bernard Baruch and a Blueprint for Security, 1977

Roth, Cecil «A History of the Marranos», Philadelphia 1932

Rubens, William «Der alte und der neue Glaube im Judentum»

Rudolf, Erich «Ritualmord, Judentum und Freimaurerei», Berlin 1927

Samuel, Maurice «You Gentiles», 1924

Sanning, Walter N. «The Dissolution of Eastern European Jewry», Torrance, Cal. 1983

Sigilla Veri Lexikon der Juden, Leipzig 1929

Слиозбергб Г.Б. «Дела минувших дней. Записки русского еврея» 2 тома, Париж 1933

Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново)

Skousen, W. Cleon «The Naked Capitalist», 1970

Smith, W. Robertson «The Prophets of Israel and Their Place in History», 1895

Stauf von der March, Ottokar «Der Ritualmord. Beitrage zur Untersuchung der Frage», Wien 1933

Strack, Hermann L. «Einleitung in den Talmud», 1908; «Introduction to the Talmud and Midrash», New York 1980 (англ. перевод)

Toynbee, Arnold J. «The Modern West and the Jews» (in vol. VII of «A Study of History», 1954)

Utikal, Gerhard «Der judische Ritualmord. Eine nichtjudische Klarstellung», Breslau 1937

Weizman, Chaim «Trial end Error», 1949

Wellhausen, J. «Israelitische und judische Geschichte», 1897;

«Composition des Hexateucht», 1901

Williams, Robert H. «The Anti-Defamation Leaque and Its Use in the World Communist Offensive»,

Santa Ana, Cal. 1947
Zakarias, Hanna (Pere Gabriel Thery) «De Moise a Mohammed», 2 tomes, 1981 (les origines juives de I'Islam)

2) Подрывные организации и движения в Европе и Америке

Bakounine, Michel «Polemique contre les Juifs», 1869
Barruel, S.J., Abbe Augustin «Memoires pour servir a l'histoire du Jakobinisme», 1797; nouvelle edition Chire-en-Montreuil 1973
Bidegain, Jean «Le Grand Orient de France. Ses doctrines et ses actes.
Documents inedits», Paris 1905
Bord, Gustave «Conspiration revolutionnaire de 1789»
Bordiot, Jacques «Le Gouvernement invisible», La Librairie Francaise, Paris 1983; «Une main cachee dirige…», La Librairie Francaise, Paris 1974-76
Buchan, John «Oliver Cromwell», 1934
Burke, Edmund «Reflections on the Revolution in France», (new edition)
Regnery, Chicago 1955
Butler, Eric «The Red Pattern of World Conquest»
Caro y Rodriguez, Cardinal Jose Maria, Archbishop of Santiago, Chile «The Mystery of Freemasonry Unveiled. With a Reprint of Pope Leo XIIIth Encyclical Humanum Genus», Christian Book Club of America, Hawthorne Cal. 1971
Copin-Albancelli, «La Conjuration juive contre le monde chretien», Paris-Lyon 1909
Coston, Henry «La Conjuration des Illumines», La Librairie Francaise, Paris 1979; «Proces de Louis XVI et de Marie-Antoinette», Paris 1981; «La Republique du Grand Orient. Un Etat dans l'Etat, la Frac-Maconnerie», La Librairie Francaise, Paris 1976
Dillon, Monsignor George F. «Grand Orient. Freemasonry Unmasked», (5th edition), Britons Publishing Company, London 1965 (first edition 1950)
Disraeli, Benjamin «Coningsby», 1844; «Live of Lord George Bentinck», 1852
Druon, Maurice «Les Rois maudits», Paris 1957, 7 tomes
Fay, Bernard «la Franc-Maconnerie et la revolution intelectuelle du XVIII siecle», Editions de Cluny, Paris 1942
Gaxotte, Pierre «La Revolution francaise» (124e edition), Paris 1928
Herder, Johann Gottfried von «Untersuchungen des vergangenen Jahrhunderts»
Knupffer, George «The Struggle For World Power», London 1971
Kuehnelt-Leddihn, Erik von «Die flach gestellten Weichen. Der Rote Faden 1789-1984», Wien 1985
Malon, Benoit «Espose des Ecoles socialistes», 1872
Morley, John «Edmund Burke»
Morse, Rev. Jedediah «Sermonts», 1795-1799; «Proofs of the Early Existence, Progress and Deterious Effects of French Intrigue andInfluence in the United States», 1798 (в статье о Морсе в «Амер. Энциклопедии» т.19, Нью-Йорк 1968, стр.482-483, это произведение не упоминается)
Pearson, Hesketh «Disraeli»
Pinay, Maurice «The Plot Against the Church», Los Angeles Cal. 1967
Ploncard d'Assac, Jacques «Le Secret des Francs-Macons», Editions de Chire, Chire-en-Montreuil 1979
Poncins, Vicomte Leon de «Christianisme et Franc-Maconnerie», Chire-en-Montreuil 1972; «La Franc-Maconnerie d'apres ses documents secrets», 1972; «Top Secret. Secrets d'Etats anglo-americains», Chire-en-Montreuil 1972; (et alia) «Infiltrations ennemies dans l'Eglise», Paris 1970; & Comte Emmanuel Malynski «La Guerre occulte», 1940
Queensborough, Lady (Edith Starr Miller) «Occult Theocrasy», 1933 (new editions Los Angeles, Cal. 1968, 1976, 1980)
Robison, John «Proofs of a Conspiracy Against All the Religions and Governments of Europe, Carried On In the Secret Meetings of Free Masons, Illuminati and Reading Societies», Dublin 1798 (new edition Boston 1967)
Webster, Nesta «The French Revolution», 1919; «World Revolution», 1921;
«Secret Societies and Subversive Movements», 1924 (reprinted by Christian Book Club of America)
Weishaupt, Adam «Einige Originalschriften des Illuminaten Ordens», 1787

(hrsg. von der bayerischen Regierung)

3) Европейская политика перед Первой мировой войной

Бок, М.П. «Воспоминания о моём отце П. А. Столыпине», Нью-Йорк, изд-во им. Чехова 1953
Farrer, J.A. «Die europaische Politik unter Eduard VII», (Ubers. aus dem engl.), Munchen 1925
Fischer, Fritz «Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914», Dusseldorf 1969
Franzel, Emil «Kronprinzen-Mythos», Wien-Munchen 1973
Hallmann, Hans (Hrsg.) Zur Geschichte und Problematik des deutsch-russischen Ruckversicherungsvertrages von 1887», Darmstadt 1968
Lichnowsky, Furst «Auf dem Wege zum Abrund», 2 Bande, Dresden 1927
Loyay, Count Carl «Rudolf», 1950
Rohl, John «1914: Delusion or Design? The Testimony of Two German Diplomats», London 1973
Сазонов, С.Д. «Воспоминания», Париж 1927
Stieve, Friedrich (Hrsg.) «der diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911-1914», 5 Bande, Berlin 1924
Trautmann, Oskar P. «Die Sangerbrucke. Gedanken zur russischen Politik von 1870-1914», Stuttgart 1941
Vogel, Barbara «Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bulow 1900-1906», Dusseldorf 1973
Waller, Bruce «Bismarck at the Crossroads. The Reorientation of German Foreigh Policy After the Congress of Berlin 1878-1880», London 1974

4) Первая мировая война

Asquith, Lady Cynthia «Remember and Be Glad», 1952
Asquith, Lord «Memoirs and Reflections», 1928
Castex, Henri «Les Comites secrets, 1917. La paix refusee», Librairie Gedagle, 1972
Churchill, Winston «The World Crisis», 5 vol., 1923-1929
Garnett, David «Letters of T. E. Lawrence», 1938
Головин, ген.Н.Н. «Военные усилия России в мировой войне», 2 тома, Париж 1939
Lanne, Peter «Armenien: Der erste Volkermord des.20 Jahrhunderts», Munchen 1977
Lloyd George, David «War Memoirs», 1936
Macphail, Sir A. «Theree Persons», 1926
Repington, Colonel C. «The First World War», 1921
Robertson, Sir William «Soldiers and Statesmen, 1914-1916», 1926
Suchomlinow, General W.A. «Erinnerungen, Berlin 1924
Wilson, Sir Henry «Life and Diaries», 1927

5) Революция в России и Германии. Гражданская война в России

Аронсон, Григорий «Россия накануне революции», Нью-Йорк 1962 (о роли масонов)
«Архив русской революции», Гессен И.В. (изд.) Берлин 1928
Brasol, Boris L. «The World at the Crossroads», 1921 (reprinted 1970, Christian Book Club of America, Hawthorne Cal.)
Деникин, генерал А.И. «Путь русскаго офицера», Нью-Йорк 1953; «Очерки русской смуты», 5 томов, Париж-Берлин 1921-1926; «Брест-Литовск», Париж 1933; «Старая армия», 2 тома, Париж 1929-1931
Дреер, генерал В.Н. фон «На закате империи», Мадрид 1965
Ehrt, Adolf «La Terreur rouge. Revelations sur l’organisation bolcheviste en Russe, en Allemagne et en France», Paris 1934
Геруа, ген. штаба ген.-майор Борис Владимирович, «Воспоминания о моей жизни», Париж 1970
Gilliard, Pierre «Le Tragique destin de Nicolas II et de sa famille», Paris 1921
Жильяр, Пьер «Трагическая судьба русской императорской фамилии», Франкфурт/М., изд-во

«Посев» 1973 (перев. с франц.); «13 лет при русском дворе», Париж б.д.
Goulevitch, Arsene de «Czarism and Revolution», 1962
Gourko, General Basil «War and Revolution in Russia, 1914-1917, New York, Macmillan 1919
Grey, Marina (fille du general Denikine) & Jean Bourdier, «Les Armees blanches», Paris 1968
Hahlweg, Werner «Lenins Ruckkehr nach Russland 1917», Leiden 1957
Катков, Г.М. «Февральская революция», Париж 1984 (перев. с англ.)
Курлов, генерал П.Г. «Гибель императорской России», Берлин 1923
Levine-Meyer, Rosa «Levine the Spartacist», London-New York 1978
Маклаков, В.А. «Первая Государственная Дума (Воспоминание современника), Париж б.д.; „Вторая государственная Дума“, Париж б.д.
Мельгунов, С.П. «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г.», Париж 1931; «Как большевики захватили власть.
Октябрьский переворот 1917 г.», Париж 1953; «Судьба императора Николая II после отречения», Париж 1951
Mitchell, Allan «Revolution in Bavaria 1918/17. The Eisner Regime and the Soviet Republic», Princeton 1965; (dtsch. Ubers.) «Revolution in Bayern 1918/19. Die Eisner-Regierung und die Raterepublik», Munchen 1967
Nicolas Mikhailovitch, Grand-Duc «La Fin du Tsarisme», Paris 1968
Netchvolodoff, A. «L'Empereur Nicolas II et les Juifs», Paris 1924
«Октябрьская революция. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» (сост. С. А. Алексеев), Госуд. Изд-во, Москва-Ленинград 1926
Павлов, подполк. В.Е. (сост.) «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов», Париж 1962
Raupach, Robert von «Russische Schatten», Leipzig 1939
Robien, Comte Louis de «Journal d'un diplomate en Russie (1917-1918)», Paris 1967
Senn, Alfred Erich, «The Russian Revolution in Switzerland, 1914-1917», 1971
Шавельский, о. Георгий «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», 2 тома, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк 1954
Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново)
Соколов, Н. «Убийство Царской семьи», Буэнос Айрес 1969
Солженицын, Александр «Красное колесо, узел I: Август четырндцатого», 2 тома, Париж 1983; «Ленин в Цюрихе», Париж 1975
Спиридович, ген. А.И. «Партия социалистов-революционеров и ея предшественники», Петроград 1918; «Великая война и февральская революция
1914-17 гг.», Нью-Йорк 1960
Spiridovitch, General Alexandre «Histore du terrorisme russe, 1868-1917», Paris 1930; Les Dernieres annes de la Cour de Tsarskoe
Selo», Paris 1928; «Rasputin» (dtsch.), Bern-Stuttgart 1939
Stolypine, Alexandra «L'Homme du dernier Tsar», 1931
Stolypine, A. «Contre-revolution», 1937
Summers, Anthony & Mangold, Tom «The ile on the Tsar», London 1977
Sutton, Anthony «Wall Street and the Bolshevik Revolution», 1974
Therry, Jean-Jacques «Anastasia. La Grande-Duchesse retrouvee», Paris 1982
Тимошенко, С. «Воспоминания», Париж 1963 (о «самостийной Украине» в 1918 г.)
Валентинов, В. «Малознакомый Ленин», Париж 1972
Вильтон, Роберт «Последние дни Романовых», Берлин 1923
Wilton, Robert ast Days of the Romanoffs», (last edition) Christian Book
Club of America, Hawthorne Cal. 1969
Войцеховский, С.Л. «Эпизоды», Лондон 1978 (о масонах в русской революции)
Врангель, бар. Людмила «Воспоминания и стародавние времена, Вашингтон 1964
Врангель, генерал бар. П.Н. «Воспоминания», (новое издание) изд-во «Посев», Франкфурт 1969
Zeman, Z.A.B. (ed.) «Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918.
Documents from the Archives of the German oreign Ministry», London 1958

6) Междувоенный период, Вторая мировая война, подготовка и последствия

Ahrens, Wilfried «Verbrechen an Deutschen. Dokumente der Vertreibung», Argel 1983
Allen, Gary «None Dare Call it Conspiracy», 1971
Arraras, Joaquin «Francisco Franco. The Times and the Man», (nglish translation), Milwaukee 1938-39
Bavendamm, Dirk «Roosevelts Weg zum Krig. Amerikanische Politik 1914-1939», Munchen-Berlin 1983
Beale, F.J.P. «Advance To Barbarism», New ork 1955
Beamish, Tufton M.R. «Must Night Fall», 1951
Beaty, John «The Iron Curtain Over America», 1951
Belgion, «Mongomery» en-Zohar, Michel «Les Vengeurs», aris 1968
Benson, Ivor «Undeclared War», 1978
Bethell, Lord Nicholas «The Last Secret. orcible Reparatriation to Russia 1944-1947», London 1974
Buber-Neumann, Margarete «Als Gefangene bei Stalin und Hitler», 1949; «Which Was the Worst?» (Engl. transl.)
Butcher, Harry C. «My Three Years With Eisenhower», 1946
Butz, A.R. «The Hoax of the 20th Century», 1977
Chesterton, A.K. «The New Unhappy Lords», 1969
Churchill, Winston «The Second World War», 6 vol., 1948-53
Chutter, Rev. James B. «Captivity Captive», 1954
Clifton, Brigadier George «The Happy Hunter», 1952
Clostermann, Pierre «Flames in the Sky», 1952
«Conferences at Malta and Yalta», U.S.State Dept., 1955
Dall, Colonel Curtis «F.D.R. My Exploited Father-in-Law», 1968
Деникин, генерал А.И. «Мировыя события и русский вопрос», Париж 1939
Dewhurst, Brig. C.H. «Close Contact», 1954
Diwald, Hellmut «Geschichte der Deutschen», Frankfurt/Main-Berli-Wien, 1978. (О депортациях евреев и «газовых камерах» см. стр. 164-165. По требованию еврейских кругов и издательства «Пропилеи» Акселя Шпрингера обе страницы должны были быть автором переписаны заново, с исключением указаний, что «газовых камер» в германских лагерях не существовало)
«Documentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa», 2 Bande, hrsg. vom Bundesministerium fur Vertriebene, Wolfenbuttel, o.D.
Eisenhower, Dwight D. «Crusade in Europe», 1948
Faurisson, Robert «Memoire en defence contre ceux qui m'accusent de falsifier l'Histoire. La question des chambres a gas», Paris 1980; «Reponce a Pierre Vidal-Naquet», Paris 1982
Fish, Hamilton «Tragic Deception. FDR and America's Involvement in World War II», Old Greenwich, Conn. 1983
Forrest, Rev. A.C. «The Unholy Land», 1971
Glubb, Brig.-Gen. Sir John «Reace in the Holy Land», 1971
Goldmann, Nahum «Le Paradoxe juif», Paris 1976; «Das judische Paradox», Koln 1978 (dtsch. Ubers.)
Grenfell, Russell «Unconditional Hatred», 1955
Griffin, Edward «The Fearfull Master»
Haertle, Heinrich as «Holocaust» verschweigt», 1979
Hesse, Fritz «Das Vorspiel zum Krige. Englandberichte und Erlebnisse eines Tatzeugen, 1935-1945», Leoni 1979
«Hitlers Generale und ihre Schlachten», Bayreuth, 1978 (немецкий перевод блестяще документированного совместного труда группы англо-американских военных историков и военных специалистов, последняя фаза которого гласит: «В общем и целом вполне можно сказать, что во всех вместе взятых армиях боровшихся с гитлеровской Германией союзников не было стольких высоко талантливых генералов, как в одном только германском Вермахте»)
Hoggan, David «Der erzwungene Krieg. Die Ursachen und Urheber des 2.Weltkrieges», 11.Auflage, Tubengen 1971; «Frankreich Wiederstand gegen den. 2.Weltkrieg», Tubengen 1963 (Оба труда современного американского историка опубликованы впервые в Германии в немецком переводе, т. к. в США и в Англии для них «не нашлось издателя»)
Horn, General Carl von «Soldiering for Peace», 1966
Hull, Cordell «Memoirs», 1948
Hulme, Kathryn «The Wild Pleace», 1953

Hunt, Frazier «The Untold Story of Douglas MacArthur», New York 1954
Hutchison, Cdr. E.N. «Violent Truce», 1956
Irving, David «The Destruction of Dresden», «Accident. The Death of General Sikorski»; «Hitker's War»; «The War Path», London 1978; «Winston Churchill (in preparation)
Jeffries, J.M.N. «The Palestine Deception», 1933
John, Robert & Hadawi, S. «The Palestine Diaries», 1970
Jordan, George Racey «From Major Jordan's Diaries», 1952
Kaufman, Theodore N. «Germany Must Perish», 1941
Kelley, Francis CVlement «Blood-Drenched Altars. Mexican Study and Comment», Milwaukee 1935 (о кровавых преследованиях христиан и трёхлетней войне 1926-29 гг. масонского правительства в Мексике против собственного народа)
Kern, Erich «Dance of Death», 1952
Kleist, Peter «Die europaische Tragodie», Pr. Oldendorf 1971 (о «восточной политике» Гитлера)
Kluge, Dankwart «Das Hossbach-»Protokoll». Die Zerstorung einer Legende», Leoni (Подложный документ о «подготовке мировой войны», на основании которого были вынесены смертные приговоры в Нюрнберге в 1946 г.)
Koestler, Arthur «Promise and Fulfilment. Palestiene 1947-49», 1949
Komorowski, E.A. «Nigth Never Ending», New York 1974 (Katyn Murders)
Lane, Arthur Bliss «I Saw Poland Betrayed», 1948
Launay, Jaques de «Histore de la diplomatie secrete, 1789-1965», 5 tomes, Nyon (Suisse), 1973-74
Lerma, Duke of «Combat Over Spain. Memoirs of a Nationalist Fighter Pilot, 1936-1939», Nev York 1966
Liddel Hart, Sir Basil H. «History of the Second Word War», New York 1970
Lilienthal, Alfred «There Goes the Middle East», 1957; «The Other Side of the Coin», 1965
Mackiewicz, Joseph, The Katyn Wood Murders», London n.d.
Manly, Chesly «The U.N. Record», 1955
Marshall, Bruce «The White Rabbit», 1952
Maser, Werner «Nurnberg. Tribunal der Sieger», Dusseldorf-Wien 1977;
«Adolf Hitler. Legende, Mythos, Wirklichkeit», Munchen 1971
Massing, Hede «This Deception», 1951
McCullagh, Captain Francis «Red Mexico. A Reign of Terror in America», New York-London 1928
Meyer, Jean «Apocalypse et revolution au Mexique. La Guerre des Christeros (1926-1929)», Paris 1974
Morgenthau Jr., Henry «Germany Is Our Problem», New York-London 1945
«Das Morgenthau-Tagebuch. Dokumente des Anti-Germanismus», Hrsg. Hermann Schild, Leoni 1970
Mosley, Sir Oswald «My Life», London 1968
Moss, W. Standley «a War of Shadows», 1952
Northcliffe, Lord «My Journey Round the World», 1923
Picker, Dr. Henry «Hitlers Tischgesprache im Fuhrerhauptquatier», Wiesbaden 1983
Ploncard d'Assas, Jacques «Salazar», (2e edition) Paris 1983
Quigley, Caroll «Tragedy and Hope», 1966
Rassinier, Paul «Les Responsables de la seconde guerre mondiale», Paris 1967
Reed, Douglas
— «Insanity Fair», 1938;
— «Disgrace Abounding», 1939;
— «Lest We Regret», 1943;
— «Sommewhere South of Suez», 1949;
— «Far and Wide», 1951;
— «The Battle for Rhodesia», 1966;
— «The Siege of Southern Africa», 1974;
— «Behind the Scene», 1975;
— «The Grand Desidn of the 20th Century», 1977
Ribbentrop, Joachim «Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letze
Aufzeichnungen», hrsg. von Annelies von Ribbentrop, Leoni 1961
Ribbentrop, A. von «deutsch-englische Geheimverbindungen. Britische
Dokumente der Jahre 1938 und 1939 im Lichte der Kriegsschuldfrage», Wuppertal 1967
Rzeuski O.P., Comte Alex-Ceslas «A Travers l'ivisible cristal», Paris 1976

Saunders, Hilary St. George «The Red Beret», 1950
Sheean, Vincent «Personal History»
Sherwood, Robert A. «Rooseveld and Hopkins», 1948
Smith, Fred «Morgenthau Plan, Its History», in «U.N.World», March 1947
Smith, Merriman, «Thank You, Mr. President», 1946
Smuts, J.C. «Life of Jan Christian Snuts», 1952
Stimson, Henry L. «On Active Service in Peace and War», 1947
Stormen, John A. «None Dare Call It Treason», 1964
Szembek, Comte Jean «Journal 1933-1939», Paris 1952
Tansill, Charles Callan «Back Door To War. Roosevelt Foreign Policy, 1933-1941», Chicago 1952
Thion, Serge «Verite historique ou verite politique? Le dossier de l'affaire Faurisson. La question des chambres a gaz», Paris 1980
Thorwald, Jurgen «Die grosse Flucht», Locarno 1979
«Times, Official History of», 1952
Tolstoy, Nicholas «Victims of Yalta», 1977
Untermeyer, Samuel «Text of Samuel Untermeyer's „Sacred War" Speech August 7, 1933, Upon His Return From the World-Wide International Jewish Boycott Conference At Amsterdam, Holland» and Father Coughlin's Comments March 16, 1942, n.h. n.d.
Wise, Rabbi Stephen «Challenging Years», 1949
Zawodny, J.K. «Death in the Forest», 1962; «Nothing But Honour», 1978
«Zwei deutsche Friedensvorschlage 1936/1939», Witten 1982

7) Англия и США, история, политика общество

Adams, James Truslow «The Epic of America», 1931
Adams, President John «Works», 1850-1856
Allen, Gary «None Dare Call It Consriracy», 1971
Anonymous (E.M.House) «Philip Dru, Administrator», 1912
Benson, Ivor «The Opinion Makers», 1966; «Undeclared War», 1978
Butler, General Sir William «Autobiography», 1911
Carter, Hodding «The Aspirin Age», 1949
Chambers, Whittaker «Witness», 1952
Connel, Brian «Manifest Destiny. A Study of the Mountbatten Family», 1953
Cowles, Virginia «Winston Churchill»
Dall, Colonel Curtis «F.D.R. My Exploited Father-in-Law», 1968
Davis, Forrest «Huey Long», 1953
Dugdale, Blanche E.. «Life of a A. J. Balfour», 1948
Flynn, John T. «The Roosevelt Myth», 1948
Forrestal, James «The Forrestal Diaries», 1951
Grimble, Sir Arthur «A Pattern of Islands», 1952
Hamilton, Alexander «Works» 1886-1887
Hobson, J.A. «The War in South Africa», 1900
House, E.M. «Orivate Papers of Colonel House», 1926
Howden, Arthur D. «Mr. House of Texas», 1940
Josephson, Emanuel M. «The Strange Death of Franklin D. Roosevelt», New York 1948
Lambert, R.S. «For the Time Is At Hand», (life of Henry Wentworth Monk), 1947
Long, Huey «My First Week in the White House»
Lothian, Sir Arthur «Kingdoms of Yesterday», 1951
MacLean, Fitzroy «Eastern Approaches», 1949
Omlor, Patrick Henry «The Hundred Years» Hoax. The Civil Rights Movement 1866-1966», Menlo Park, Cal. 1966
Pepper, Senator George Wharton «Philadelphia Lawyer», 1944
«Report of the Canadian Covernment Royal Commission», 1946 (дело Игоря Гузенко)
«Report of the Subcommittee of the .S. House of Representatives», 1947 (The ADL «Black List»)
Robertson, Wilmor «The Dispossessed Majority», 1972

Roosevelt, F.D. «Personal Letters» (Samuel Rosenman, ed.), 1947
Sherwood, Robert A. «Roosefelt and Hopkins», 1948
Simpson, Cornell «The Death of James Forrestal, First Secretary of Defense», 1966
kousen, W. Cleon «The Naked Capitalist», 1970
Smith, Merriman «Thank You, Mr. President», 1946
Smuts, J.C. «Life of Jan Christian Smuts», 1952
Stimson, Henry L. «On Active Service in Peace and War», 1947
Stormen, John A. «None Dare Call It Treason», 1964
Strachey, Lytton «Eminent Victorianc», 1918 (Cardian Manning)
Taft, Senator Robert «A Foreigh Policy for Americans», 1952
Taylor, R.C. «Winston Churchill», 1952
«Times, Official History of, 1922-1948», 1952
Washington, President George «Writings», 1837
Williams, Robert H. «The Anti-Defamation League and Its se in the World Communist Offensive», Santa Ana, Cal. 1947
Wise, Rabbi Stephen «Challenging Years», 1949

8) Большевизм, коммунизм, советское государство

Bajanov, Boris «Bajanov revele Staline», Paris 1979 (французский перевод «Воспоминаний бывшего помощника Сталина»)
Боголепов, проф. А.А. «Церковь под властью коммунизма», изд. Ин-та по изучению СССР, Мюнхен 1958
Borkenau, F. «The Communist International», London 1938
Buber-Neuman, Margarete «Als Gefangene bei Stalin und Hitler», 1949
Bunyan, James «The Origin of Forced Labor in the Soviet State
1917-1921», Baltimore 1967
Butler, Eric «The Red Pattern of orld Conquest»
Dallin, David J. & Nikolaevsky, Boris «Forced Labor in Soviet Russia», Yale University Press 1949 (dtsch. Ubers.) «Arbeiter oder Ausgebeutete.
Das System der Arbeitslager in Sowjetrussland», Munchen 1948
Gerson, Lennard D. «The Secret Police in Lenin's Russia», Philadelphia 1976. Этот весьма обстоятельный и неплохо документированный труд обходит полным молчанием роль евреев в советском аппарате террора и даже избегает называть еврейские имена, ограничиваясь русскими, польскими и латышскими; детально описываются зверства Харьковской ЧК в 1919 г. под руководством некоего Саенко, однако ни слова не говорится о значительно худших зверствах Киевской ЧК в том же 1919 г., в которой из 25 руководящих чекистов 23 были евреи (см. В. В. Шульгин «Что нам в них не нравится»). Книга Шульгина, вышедшая в Париже в 1930 г., в библиографии Герсона не упоминается.
Gouzenko, Igor «The Fall of a Titan», 1954
Kravchenko, Viktor «I Chose Freedom», 1946; «Ich wahlte die Freiheit», Hamburg 1946
Krivitsky, General Walter «In Stalin's Secret Service», 1939
Lyons, Eugene «Our Secret Allies: The Russian Peoples», New ork 1953
Melgounov, S.P. «La Terreur rouge en Russie (1918-1924)», Paris 1927
(французский перевод русск. оригинала «Красный террор»); «The Red Terror in Russia», London 1926 (англ. перев.)
Myagkow, Alexis «Inside the K.G.B.», London 1976; «Un officier du KGB parle», Paris 1977 (франц. перев.)
Poncinc, Vicomte Leon de «Histoire du communisme de 1917 a la deuxieme guerre mondiale», Chire-en-Montreuil 1973
Reports, Collection of; Bolshevism in Russia. British Government's Stationary Office, 1919
«Report of the Canadian overnment Royal Commission», 1946
Rounds, Frank «A Window on Red Square», 1953
Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново)
Солженицын, Александр «Архипелаг ГУЛАГ» в 3-х томах, Париж 1973
Solzhenitsyn, Alexander «The GULAG Archipelago», 1974

Tolstoy, Nicholas «Victims of Yalta», 1977
Voslensky, Michael «Nomenklatura. Die herschedene Klasse der Sowjetunion», Wien-Munchen-Zurich 1980
Zawodny, J.K. «Death in the Forest», 1962

Douglas Reed

Douglas Reed (1895—1976) was a journalist, playwright, novelist, and author of a number of books on political analysis. His book Insanity Fair (1938) was one of the most influential in publicising the state of Europe and the megalomania of Adolf Hitler before the war. According to his obituary in The Times, Reed was a «virulent anti-Semite.»

Biography

At the age of 13, Reed began working as an office boy, and at 19 a bank clerk. At the outbreak of the First World War he enlisted in the British Army. Around 1921 he began working as a telephonist and clerk for The Times. At the age of 30, he became a sub-editor. In 1927 he became assistant correspondent in Berlin, he then transferred to Vienna as chief central European correspondent. He went on to report from various European centres including Warsaw, Moscow, Prague, Athens, Sofia, Bucharest, and Budapest.

According to Reed, he resigned from his job by expostulant letter in protest of appeasement of Hitler after the Munich Agreement of 1938. Following the Second World War, Reed retired to Durban, South Africa.

Richard Thurlow noted that Reed was one of the first antisemitic writers to deny Hitler's persecution of the Jews. In a review of Reed's Lest We Regret written in 1943, George Orwell compared Reed's outlook to that of the Nazi Otto Strasser and the fascist Oswald Mosley, stressing Reed's continuing denial of Nazi persecution of the Jews.

Works

- The Burning of the Reichstag (1934)
- Insanity Fair: A European Cavalcade (Jonathan Cape, 1938)
- Disgrace Abounding (do., 1939)
- Fire and Bomb: A comparison between the burning of the Reichstag and the bomb explosion at Munich (do., 1940)
- Nemesis? The Story of Otto Strasser (do.)
- A Prophet at Home (do., 1941)
- All Our Tomorrows (do., 1942)
- Lest We Regret (do., 1943)
- The Next Horizon;: Or, Yeomans' Progress, novel (do., 1945)
- Downfall (play)|Downfall, play (do., 1945)
- From Smoke to Smother (1938-1948): A Sequel to Insanity Fair (do., 1948)
- Somewhere South of Suez (do., 1949)
- Far and Wide: A further survey of the grand design of the twentieth century (do., 1951)
- The Battle for Rhodesia (HAUM, 1966)
- The Siege of Southern Africa (Macmillan, Johannesburg, 1974), ISBN 0-86954-014-9
- Behind the Scene (Part 2 of Far and Wide) (Dolphin Press, 1975; Noontide Press, 1976, ISBN 0-911038-41-8)

- The Grand Design of the 20th Century (Dolphin Press, 1977)
- Galanty Show, novel
- Reasons of Health, novel
- Rule of Three, novel
- Prisoner of Ottawa
- The Controversy of Zion (Noontide Press)